



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



HW RRN9 6



**Jewish
Cultural Reconstruction**

Bapa



ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

№ 13

І ю л ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1897.

Δ
K S F 458 ($\frac{1897}{7-12}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

6012

Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ.

(КЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ УСТНАГО УЧЕНІЯ).

ХІІ. ¹

Когда въ исторіи двухъ, такъ или иначе соприкасавшихся между собою, народностей, мы наталкиваемся на два аналогичныхъ института, религіозныхъ или гражданскихъ, у насъ невольно возникаетъ сейчасъ предположеніе о заимствованіи этого института одной народностью у другой. Заимствованіе становится еще болѣе вѣроятнымъ, если сходство между ними выражается не только въ общихъ чертахъ, но и въ деталяхъ, и въ особенности, если эти детали не представляютъ логически необходимаго вывода изъ общаго характера даннаго института у той или другой народности. Не удивительно поэтому, что въ виду бросающагося въ глаза сходства между законами ритуальной чистоты въ Библии и таковыми въ ученіи Авесты, у изслѣдователей должна была возникнуть дилемма: кто у кого заимствовалъ, — еврей ли у персовъ, или персы у евреевъ. Съ легкой руки Розенмиллера ¹ первое предположеніе нашло себѣ среди христіанскихъ ученыхъ гораздо больше адептовъ, чѣмъ второе. Возможно, конечно, что нѣкоторую роль въ данномъ случаѣ играло также арійское самолюбіе, сознательно или безсознательно стремившееся отстаивать самобытность арійцевъ въ области внѣшнихъ обрядовъ, какъ бы вознаграждая себя этимъ за вынужденное признаніе за семитами первенства въ сферѣ

¹ См. „Восходъ“ кн. III.

² Rosenmüller, Scholien I. S. 12. Сравни также Spiegel, Iran s. 772 и Schor, Na-Chaluz T. VII. Ss. 10 — 12. Israel Sack Die Altjüdische Religion (Berlin, 1889. S. 148—160).

религіозныхъ идей и началъ этики ¹. Но и независимо отъ этого, такое мнѣніе поддерживалось также и слѣдующими соображеніями. За это мнѣніе говорила, во первыхъ, свойственная евреямъ вообще способность къ воспріятію и ассимилированію инородныхъ элементовъ; во вторыхъ, скорѣе можно допустить заимствованіе подчиненной рассой у господствующей, чѣмъ наоборотъ. Разумѣется, что при этомъ никто не думалъ сомнѣваться въ подлинности самой Авесты, т. е. что вся она въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, составляетъ подлинное произведеніе самого Зороастра, представленное имъ царю Вистаспу (около 520 л. до Р. Х.), и слѣдовательно могла служить оригиналомъ для соотвѣтственныхъ главъ изъ Библии. Библейскій институтъ ритуальной чистоты представляетъ-де такимъ образомъ лишь болѣе или менѣе удачную копію съ оригинала, съ которымъ евреи имѣли полную возможность познакомиться въ Вавилоніи, послѣ завоеванія послѣдней персами.

Представители противоположнаго мнѣнія, указывая на несомнѣнный фактъ существованія ритуальной чистоты у евреевъ еще за долго до вавилонскаго плѣненія и много вѣковъ до появленія Зороастра ², видятъ возможность заимствованія этимъ послѣднимъ нѣкоторыхъ законовъ у евреевъ въ слѣдующихъ историческихъ данныхъ, достовѣрность которыхъ вполне установлена. Все, что сохранило намъ персидское преданіе о жизни иранскаго пророка, указываетъ на то, что, хотя съ пропагандой своего ученія онъ выступилъ въ восточномъ Иранѣ, въ Бактріи, но родомъ онъ былъ изъ Мидіи, гдѣ, слѣдовательно, онъ имѣлъ возможность познакомиться съ обычаями израильтянъ, переселенныхъ туда (въ 722 до Р. Х.) ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ ³.

Сходство между Библией и Авестой обнаруживается, впрочемъ, не въ однихъ только законахъ о чистотѣ; еще рельефнѣе выступаетъ это сходство въ повѣствованіяхъ Библии и Авесты о сотвореніи міра, грѣхопаденіи и потопѣ, и особенно

¹ Cp. Graetz, Geschichte der Juden Bd. II—2. Note 14 s. 409 и дальше.

² I. Samuells XX, 26; XXI, 5, 6 II Sam. XI, 4; II Reg. VII, 3; XXIII. 16.

³ Ch. de Harles, цитирующъ по James Darmesteter Le Zend-avesta v. III. Origines de la literature ect. pag. XXIV. Сравни также J. Halevy Revue Semitique, Avril 1896. L'influence du Pentateuque sur l'Avesta.

поразительно сходство въ изложеніи порядка, въ которомъ сотворены были разные элементы видимой природы. По поводу этихъ-то именно совпаденій главнымъ образомъ и возникъ вопросъ о приоритетѣ. До послѣдняго времени среди библейскихъ критиковъ преобладало мнѣніе о приоритетѣ Авесты и по сообщенію проф. J. Halevy этого взгляда одно время придерживался также и лучший знатокъ парсизма, покойный J. Darmesteter¹. Однакожъ изученіе вновь открытыхъ памятниковъ древне-персидской литературы и болѣе тщательный анализъ даннаго матеріала вообще привели послѣдняго къ совершенно противоположному мнѣнію. Оказывается напр., что сами персы никогда не считали дошедшую до насъ Авесту непосредственнымъ произведеніемъ Зороастра; они сами признаютъ, что подлинные экземпляры священныхъ книгъ уничтожены были Александромъ Македонскимъ, и что лишь слишкомъ 4 вѣка спустя царь Valkhash (который по мнѣнію Darmesteter'a—не кто иной какъ Vologes I) первый собралъ всѣ *устные* и письменные памятники священной литературы; окончательную же редакцію Авеста получила во время Ардшира Вобогана (211—241 п. Р. X.), пригласившаго великаго жреца Tansar'a, чтобы привести въ порядокъ и *дополнить* Авесту².

Но если Авеста редактирована была лишь послѣ 4-хъ вѣковаго владычества грековъ въ Иранѣ, если редактированіе ея совпадаетъ съ эпохой наибольшаго тяготѣнія языческаго міра къ иудаизму³, то уже à priori надо ожидать, что въ сборникѣ, составленномъ на основаніи письменныхъ и *устныхъ* преданій, не послѣднее мѣсто займутъ элементы, заимствованные изъ эллинскаго и іудейскаго міра. Дармштетеру дѣйствительно уда-

¹ J. Halevy op. cit. p. 162.

² Darmesteter по Dinkart'у op. cit. p. XXI, XXIV. Въ найденномъ письмѣ жреца Tansar'a къ царю Табаристану равностный реставраторъ Мааданзма пишетъ такъ: Ты знаешь, что Александръ сжегъ всѣ книги нашихъ религіозныхъ законовъ, писанныя на 12000 бычачьихъ шкурахъ; масса легендъ, традицій, законовъ и постановленій были окончательно забыты... Было поэтому крайне необходимо, чтобы человекъ мудрый и добродѣтельный (т. е. Ардширъ) возстановилъ религію (Ibid. p. XXX).

³ Какъ разъ къ этому времени относится принятіе еврейской религіи царствующимъ въ Адиабенѣ Jsates'омъ и его семействомъ, которому упомянутый выше Вологезъ I объявилъ за это войну.

лось воочію доказать сильное вліяніе на Авесту платонизма, какъ онъ выражается въ апокрифической книгѣ «Премудрости Соломона» и въ твореніяхъ Филона Александрійскаго. Что же касается специально вопроса о сходствѣ въ повѣствованіяхъ Библии и Авесты о сотвореніи міра и первыхъ людяхъ, то независимо отъ приведенныхъ выше общихъ соображеній, а на основаніи одного лишь тонкаго анализа самыхъ этихъ повѣствованій, Дармштетеръ пришелъ къ заключенію, что именно Библия служила оригиналомъ для авторовъ или редакторовъ Авесты, а не наоборотъ ¹.

Приведенными до сихъ поръ соображеніями не разрѣшается, однакожъ, вопросъ о взаимномъ отношеніи Библии и Авесты въ области интересующихъ насъ законовъ ритуальной чистоты. Самъ Darmsteter вынужденъ допустить, что законодательная часть Авесты, Vendidad, гдѣ трактуется о законахъ чистоты, принадлежитъ къ самымъ древнимъ памятникамъ Маздаизма. Независимо отъ этого соблюденіе древними парсами законовъ ритуальной чистоты засвидѣтельствовано греческими писателями до македонскаго періода Геродотомъ, Аристотелемъ и др., притомъ свидѣтельства ихъ въ общемъ вполне совпадаютъ съ предписаніями Vendidad'a ². Слѣдовательно поставленный нами въ началѣ этой главы вопросъ: кто у кого заимствовалъ, остается открытымъ.

Прежде всего намъ кажется, что кромѣ двухъ предполагаемыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, возможенъ еще третій, а именно, что ни одинъ изъ этихъ двухъ народовъ не заимствовалъ у другого. Мы видѣли выше, что институтъ ритуальной чистоты вовсе не представляетъ исключительной особенности Моисеевой или Зороастровой религіи; онъ былъ присущъ въ большей или меньшей степени и всѣмъ другимъ религіямъ древности. Но если уже допустить, что какая нибудь изъ этихъ двухъ религій заимствовала у другой, то это еще возможно для Зороастровой религіи, но никакъ не наоборотъ. Въ этомъ убѣждаетъ

¹ Op. cit. pp. LVII—LXII.

² Herodot. I 188. Послѣдній, между прочимъ, рассказываетъ, что Дарій однажды отказался прохъать черезъ одни ворота въ Вавилонъ, потому что надъ этими воротами была воздвигнута гробница царицы Нитокрисъ.

³ Сходнаго впрочемъ мнѣнія придерживается также Schor Oper. et loc. cit.

насть подробный анализъ этого института въ обоихъ этихъ законодательствахъ.

Много говорили о сходствѣ между Моисеевымъ институтомъ ритуальной чистоты и Зороастровымъ; не мѣшаетъ, однако же, обратить вниманіе и на коренныя различія между ними. Эти-то различія, намъ кажется, и выяснять взаимное отношеніе обоихъ законодательствъ другъ къ другу.

а) Источниками нечистоты по Библии служатъ, какъ извѣстно: смерть, болѣзнь, да нѣкоторые физиологическіе процессы половой сферы. Съ рациональной точки зрѣнія живой человѣкъ, одержимый болѣзью, инфицируетъ иногда не меньше, чѣмъ трупъ. Vendidad не знаетъ инфицирующей силы болѣзни; единственными источниками нечистоты служатъ тамъ: трупъ человѣка (и то лишь правовѣрнаго) или собаки, затѣмъ женщина въ менструальномъ періодѣ и наконецъ срѣзанные съ человѣка волосы и ногти ¹. Для XIII-ой и XV-ой главъ Левита, въ которыхъ излагается цѣлый рядъ кожныхъ и иныхъ болѣзней и которыя поражаютъ насъ своей обстоятельной и тонкой симптоматологіей, для этихъ главъ мы напрасно стали бы искать соответственный оригиналъ въ Vendidad'ѣ ². Въ этой области о заимствованіи Библией не можетъ быть и рѣчи по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ открытъ источникъ, который могъ бы служить оригиналомъ для Библии.

б) Огонь, вода и отчасти земля служатъ главными средствами очищенія по Моисееву закону. Эти же элементы служатъ глав-

¹ Vendidad Fargard XV 1—15. Родильный періодъ, иногда осложняющійся гнилочровнымъ заболѣваніемъ, самъ по себѣ не служитъ по Авестѣ источникомъ нечистоты. Правда въ V Фаргардѣ Вендидада (стихи отъ 136 до 164) подробно излагаются законы нечистоты послѣродового періода; но тамъ рѣчь идетъ о выкидышѣ или о рожденіи мертваго ребенка, слѣд. сводится къ трупной нечистотѣ.

² Единственный, впрочемъ, весьма темный намекъ на какія то пятна на кожѣ женщины или на стѣнахъ дома, имѣются въ цитированномъ выше Фаргардѣ, стихъ 166. Но такъ какъ объ этихъ пятнахъ нигдѣ ничего больше не говорится, то я склоненъ видѣть въ этомъ стихѣ позднѣйшую вставку, сдѣланную и. б. подъ влияніемъ знакомства съ Библией. Впрочемъ, по толкованію Schor'a (Ha-Choluz T. VIII p. 56) рѣчь идетъ тамъ о пятнахъ менструальной крови и о запахахъ половой сферы, и слѣдовательно никакого отношенія къ библейской Zagaath не имѣютъ.

ными агентами дезинфекціи и въ современной медицинѣ. Огонь и вода не боятся нечистоты, не воспринимаютъ ея; напротивъ, они ее уничтожаютъ. Не то мы видимъ въ Авестѣ. Тамъ эти элементы не только не обладаютъ очистительной силой, но сами способны воспринимать инфекцію. И это вполне понятно. Такъ какъ нечистота по Авестѣ представляетъ нѣчто символическое, слѣдовательно физически не уничтожаемое, и такъ какъ законы о нечистотѣ развились въ Персіи на почвѣ поклоненія силамъ и элементамъ природы, то земля, огонь и вода, какъ божества, какъ священные элементы, должны быть особенно тщательно оберегаемы отъ всякаго соприкосновенія съ источникомъ нечистоты. Отсюда строгое воспреещеніе хоронить трупы людей и собакъ въ землѣ¹; отсюда также строгое воспреещеніе нечистому человѣку подойти къ огню и къ водѣ ближе чѣмъ на 30 шаговъ². Отсюда, наконецъ, запрещеніе внести огонь въ домъ, гдѣ находился трупъ человѣка или собаки, раньше 9-ти дней³. Не трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ персы, заимствовавъ отъ кого бы то ни было понятіе о нечистотѣ человѣческаго трупа, развили это понятіе сообразно съ ихъ собственными религіозными воззрѣніями; но трудно и даже невозможно было бы понять, какимъ образомъ евреи, заимствовавъ понятіе о нечистотѣ трупа у персовъ, сумѣли однакожь такъ тщательно очистить его отъ всѣхъ специально персидскихъ атрибутовъ.

с) *Рационализмъ*, какъ мы старались это доказать въ предыдущихъ главахъ, составляетъ характерную особенность библейскаго института ритуальной чистоты. Какъ основные законы, такъ и всѣ почти детальныя ихъ развѣтвленія одинаково легко могутъ быть объяснены съ санитарно-полицейской точки зрѣнія. Въ Авестѣ всѣ эти законы потеряли всякій санитарный смыслъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ самой глубокой древности они имѣли такой же смыслъ и въ глазахъ персовъ⁴. Трудно, на-

¹ Vendidad, Fargard III, 126—135. За нарушеніе этого запрета полагается наказаніе въ 1000 ударовъ плетью и 1000 галеровъ штрафа.

² Jbid. 56—57 и Fargard V, 145; Fargard VIII.

³ F. V. 132—135. За нарушеніе этого запрета полагается наказаніе лишь въ 200 ударовъ плетью.

⁴ Намекъ на это древнее воззрѣніе мы видимъ въ слѣдующемъ изреченіи

примѣръ объяснить съ санитарной точки зрѣнія, почему трупъ жреца обладаетъ большей инфицирующей силой, чѣмъ трупъ воина, а этотъ послѣдній—большей, чѣмъ трупъ простого хлѣбопашца ¹. Или какъ объяснить, почему только трупъ собаки считается источникомъ нечистоты ², а трупъ коровы, напримеръ, хотя одержимой сибирской язвой, не инфицируетъ. Или другой примѣръ: если трупъ человѣка или собаки попадетъ въ текущую воду, то вода на известномъ разстояніи вокругъ трупа дѣлается не чистой, и именно такъ, что внизъ по теченію нечистота распространяется лишь на 3 шага, а вверхъ по теченію на 9 шаговъ; съ рациональной точки зрѣнія надо было бы ожидать, казалось, какъ разъ противоположнаго.

Исчезновеніе рациональныхъ мотивовъ какихъ либо религиозныхъ обрядовъ, какъ было уже нами выяснено выше ³, всегда указываетъ на позднѣйшую стадію развитія этихъ обрядовъ; библейскіе законы ритуальной чистоты, сохранившіе еще почти весь свой рационалистическій характеръ, должны поэтому быть отнесены къ сравнительно болѣе ранней стадіи развитія. Во всякомъ случаѣ это коренное различіе между законами чистоты у евреевъ и таковыми у персовъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ предположеніе о заимствованіи первыми у послѣднихъ. Если бы это было такъ, то трудно было бы понять, какимъ образомъ и въ силу какихъ культурно-историческихъ процессовъ персидскіе религиозные обряды видоизмѣнились у евреевъ такъ, что сбросили съ себя все фантастическое, все необъяснимое и приняли характеръ уже не религиозныхъ, а чисто медицинскихъ предписаній. Для такой переработки чужихъ законовъ требуется гораздо больше самобытности, чѣмъ для того, чтобы вновь создать подобные законы.

Авесты: „На дахмахъ, которыя возвышаются надъ землею и на которыхъ выставляютъ трупы покойниковъ (на съѣденіе псамъ и хищнымъ птицамъ),— на этихъ дахмахъ обитаютъ *девы*... Ибо девы находятъ удовольствіе во всемъ, что издаетъ зловоніе... Ибо изъ этихъ дахмъ исходитъ разрушеніе, болѣзни, воспаленіе, лихорадка, судороги и послѣдніе волосы“. (Vendidad. Fargard VII, 138, 139, 143, 144, 145).

¹ Jbid. Farg. V, 83 и дальше, Farg. VII, 8—15.

² Собака повсюду стоитъ рядомъ съ человѣкомъ.

³ Глава X, по Тейлору и Мэну. Въ одной изъ будущихъ главъ мы вернемся еще къ этому культурно-историческому явленію.

Въ сущности различіе между обоими институтами гораздо больше и гораздо рѣзче, чѣмъ сходство между ними. Однакожъ при сравненіи обоихъ законодательствъ мы наталкиваемся иногда на такія сходственныя черты, относительно которыхъ трудно отдѣлаться отъ мысли о заимствованіи однимъ у другого. Напримѣръ, по Моисееву закону съѣстные припасы способны воспринимать инфекцію только въ влажномъ состояніи, въ сухомъ же видѣ они инфекціи не воспринимаютъ ¹. Въ свое время мы объяснили санитарный смыслъ этого условія, не потерявшаго значенія и въ наше время. Сходное съ этимъ положеніе встрѣчаемъ также въ Вендидадѣ ². Случайное-ли это совпаденіе? Мы думаемъ, что нѣтъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою прямо заимствованіе персами у евреевъ. Въ Библии это условіе, т. е. влажность инфицируемыхъ предметовъ, истекаетъ изъ общаго санитарнаго характера этихъ законовъ; въ Авестѣ же условіе это является случайнымъ, эпизодичнымъ, нисколько не истекающимъ изъ общаго характера законовъ о чистотѣ, хотя общій характеръ ихъ таковъ, что всякія случайности, всякія неожиданности въ нихъ вполне естественны. Вѣдь рѣчь идетъ о нечистыхъ духахъ, своевольныхъ и капризныхъ девахъ, образъ дѣйствія которыхъ не подчиняется никакимъ законамъ человѣческой логики.

XIII.

Намъ, при современномъ нашемъ взглядѣ на функцію религіи, по которому послѣдняя должна заботиться лишь о духовномъ и этическомъ преуспѣяніи народа, предоставивъ свѣтской власти заботу объ его общественномъ и санитарномъ благополучіи,—намъ теперь можетъ показаться нѣсколько стран-

¹ Lev. XI, 34, 8.

² Fargard VII, 75 и далѣе. Если къ сухимъ хлѣбнымъ зернамъ прикоснется трупъ человѣка или собаки, то нечистыми считаются лишь тѣ зерна, которыя пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ трупомъ; если же зерна были влажны, то нечистота распространяется на всю массу ихъ. Въ другомъ мѣстѣ (Fargard VIII, 109). Положеніе о неспособности сухихъ предметовъ къ воспріятію нечистоты приводится Авестой совсѣмъ некстати для объясненія, почему недарастія не служатъ источникомъ нечистоты для участвовавшихъ въ этомъ актѣ.

нымъ, что Моисеева религія удѣляетъ столько вниманія санитарно-полицейскимъ потребностямъ. Она какъ будто занимается не своимъ дѣломъ.

Но Моисеево законодательство вовсе не представляетъ религіи въ современномъ смыслѣ этого слова. Это впервые объяснилъ Мендельсонъ по поводу другого, не менѣ важнаго вопроса. Мендельсонъ, какъ извѣстно, доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что единственное орудіе пропаганды, свойственное религіи вообще, это—убѣжденіе или воздѣйствіе на умственную и нравственную природу человѣка; всякое же матеріальное насиліе несомнѣнито съ сущностью религіи. Но тутъ поставленъ былъ ему роковой вопросъ: какъ это онъ, Мендельсонъ, можетъ утверждать это, оставаясь въ то же время послѣдователемъ Моисеевой религіи, которая, какъ извѣстно, караетъ нарушеніе своихъ заповѣдей тѣлеснымъ наказаніемъ и даже смертной казнью? Въ отвѣтъ на поставленный ему вопросъ и написалъ онъ свой «Іерусалимъ». Тора, говоритъ онъ, не есть религіозный кодексъ въ современномъ смыслѣ, это скорѣе конституція своеобразнаго, единственнаго въ своемъ родѣ, теократическаго государства, во главѣ котораго стоитъ Самъ Богъ, совмѣщая въ себѣ и власть духовную и власть свѣтскую. При такомъ порядкѣ вещей, всякое злоумышленное нарушеніе религіознаго предписанія есть какъ бы нарушеніе царскаго повелѣнія, нѣчто въ родѣ оскорбленія величества, и должно быть наказуемо, какъ покушеніе противъ государственнаго строя¹. Съ потерей же евреями политической самостоятельности, этотъ порядокъ вещей долженъ былъ, разумѣется, прекратиться. Тора потеряла значеніе государственной конституціи и приняла характеръ чисто религіозный, а въ качествѣ религіи ей остается только поучать и утѣшать, но отнюдь не карать.

Тора, прибавимъ мы отъ себя, какъ государственная конституція, какъ регуляторъ всѣхъ интересовъ народной жизни, должна была вѣдать и санитарное благосостояніе народа, что при современномъ порядкѣ вещей входитъ въ кругъ дѣйствій

¹ Numeri XV, 30. Cp. Mendelsohn's Sämmtliche Werke, Wien, „Jerusalem“, s. 284.

полицейской власти. Кому же другому было заботиться объ этомъ, когда другой власти, кромѣ власти Торы, не полагалось.

И такъ, библейскій институтъ ритуальной чистоты по своей основной идеѣ былъ институтомъ санитарно-полицейскимъ. Исключаетъ-ли, однакожь, это положеніе существованіе у этого института другихъ мотивовъ, мотивовъ, такъ сказать, высшаго порядка, символическихъ, религіозныхъ? Нисколько. Примѣръ символизаціи утилитарныхъ законовъ мы видимъ въ самой Библии. Заповѣдь о субботнемъ покоѣ мотивируется въ одномъ мѣстѣ социальнo-гигиеническимъ мотивомъ «Дабы отдыхали рабъ твой и рабыня твоя подобно тебѣ» (Deuter. V, 14). Въ другомъ же мѣстѣ эта самая заповѣдь символизируется и приводится въ связь съ великимъ актомъ міросозданія (Exod. XX, 11). То же самое и относительно обряда обрѣзанія. Выше мы указали на рациональную основу этого обряда; между тѣмъ уже въ Библии ему придается значеніе символическаго акта, долженствующаго ознаменовать союзъ израильтянина съ Богомъ.

Совмѣстимость двухъ и даже болѣе мотивовъ для одного и того же закона мы позволимъ себѣ иллюстрировать слѣдующей притчей. Другъ и благодѣтель вашего семейства подарилъ когда то вашему прадѣду золотой бокалъ. Если спросятъ васъ: «какое назначеніе этого бокала?» вашъ отвѣтъ будетъ: чтобы пить изъ него вино. Но этотъ утилитарный мотивъ не исчерпываетъ, конечно, всего значенія этого бокала, по крайней мѣрѣ лично для васъ. Вѣдь вотъ я вамъ предлагаю взамѣнъ вашего стариннаго, нѣсколько неуклюжаго бокала другой, новѣйшаго и болѣе удобнаго фасона. Вы, конечно, съ негодованіемъ отвергнете мое предложеніе. Потому что, кромѣ примитивнаго назначенія этого бокала — пить изъ него вино, онъ является въ вашихъ глазахъ символомъ цѣлаго ряда идей высшаго порядка. На этомъ бокалѣ выгравированы разные рисунки и арабески. Рисунки эти символически напоминаютъ вамъ разные событія изъ исторіи отношеній вашихъ предковъ къ ихъ другу и покровителю. Смыслъ арабесковъ для васъ теменъ; вы иногда напрасно ломаете себѣ по цѣлымъ часамъ голову, чтобы разгадать ихъ значеніе; но вы неохотно согласитесь стереть ихъ и замѣнить новыми.

Законодатель самъ мотивируетъ предписанія о ритуальной

чистотѣ и воздержаніе отъ нечистой пищи идеей «святости». «Будьте святы, ибо святъ Я»¹, или «Ибо ты народъ святой предъ Господомъ Богомъ твоимъ»². Библейское слово שָׁרִיף имѣло приблизительно то же значеніе, что слово «святость» у насъ теперь. Это нѣчто идейное, духовное, нѣчто такое, что стоитъ выше обыденныхъ, матеріальныхъ интересовъ человѣка. Какъ высоко мы бы ни цѣнили человѣческое здоровье, какъ глубоко мы бы ни были проникнуты сентенціей: «Mens sana in corpore sano»—это все-таки не дало бы намъ еще права назвать заботу о своемъ индивидуальномъ здоровьи «святостью». Какъ часто бываетъ, что люди, щепетильно заботящіеся о своемъ личномъ здоровьи, лишены всякихъ идейныхъ стремленій, всякихъ духовныхъ порывовъ. Столь же часто бываетъ и обратное: люди, посвятившіе всю свою жизнь служенію какой-нибудь идеѣ, вовсе не заботятся объ интересахъ своего брэннаго тѣла.

Почему однако же отказъ отъ той или другой пищи связывается библейскимъ законодателемъ съ понятіемъ о святости?

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить объясненіе, данное Маймондомъ къ библейскимъ законамъ о пищѣ вообще³. Приучая человѣка быть разборчивымъ въ выборѣ своей пищи, заставляя его отказываться отъ нѣкоторыхъ родовъ ея, вопреки даже чувству голода, Тора имѣла въ виду воспитать въ немъ самообладаніе, воздержанность и умѣренность; другими словами—содѣйствовать торжеству въ немъ человѣческой природы надъ животной и сдѣлать его такимъ образомъ болѣе воспріимчивымъ къ этическимъ началамъ въ жизни⁴. Можно допустить, наконецъ, что въ представленіяхъ древняго человѣка существовали еще нѣкоторые другіе психологическіе мотивы, связывавшіе въ его умѣ отказъ отъ той или иной пищи съ понятіемъ о духовной святости, мотивы, смыслъ которыхъ теперь намъ непонятенъ. Во всякомъ случаѣ, законы о чистой пищѣ, обязанные своимъ происхожденіемъ чисто санитарнымъ моти-

¹ Lev. XI, 44, 45.

² Deuteron. XIV, 21.

³ More Nebuchim, cap. XXXIII.

⁴ Въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, и слѣдуетъ понимать изреченіе R. Pinchos ben Jair „Ритуальная чистота ведетъ къ воздержанію, а воздержаніе ведетъ къ святости“ .קדושׁ מלכות מביא לידי טהרה, וטהרה מביא לידי קדושׁ. Mischna Sota X. 15.

вамъ, символизирясь, стали знаменоватъ собою идею святости, что, конечно, не только не умаляло значенія религіознаго предписанія, а напротивъ, все болѣе и болѣе возвышало его и дѣлало его болѣе обязательнымъ.

XIV.

Предьдущія главы были посвящены нами обзору элементовъ библейскаго института ритуальной чистоты и выясненію его основного характера. Мы видѣли, что санитарно-полицейскій принципъ, легшій въ основу института, выдержанъ почти во всѣхъ его деталяхъ, и что сказанный принципъ нисколько не затемняется идеей о святости, которую законъ придаетъ институту. Теперь переходимъ къ главной нашей задачѣ, а именно—прослѣдить исторію дальнѣйшаго развитія этого института въ побиблейской эпохѣ и рассмотреть тѣ бытовые и историческіе моменты, которые вызвали окончательное его упраздненіе. Относительно этого послѣдняго до сихъ поръ господствовало мнѣніе, будто-бы единственной его причиной было разрушеніе Иерусалимскаго храма, подобно тому какъ разрушеніе же храма было причиной упраздненія института жертвоприношеній, съ которымъ институтъ ритуальной чистоты былъ будто-бы неразрывно связанъ. Но это невѣрно. Паденіе храма было одной изъ главныхъ причинъ упраздненія ритуальной чистоты, но не единственной. Институтъ пережилъ храмъ почти на два столѣтія, а подготовка его упраздненія началась еще задолго до разрушенія храма. Подготавливалось оно, главнымъ образомъ, тенденціей побиблейскихъ законоучителей къ символизации института и къ отнятію у него всякаго утилитарнаго смысла. Эта символизация, какъ увидимъ, была сначала причиной его усиленія, а потомъ медленной его атрофіи и исчезновенія.

Процессъ символизации утилитарныхъ законовъ и обычаевъ есть общее культурно-историческое явленіе и имѣетъ свое основаніе въ психологіи человѣка. Хотя совмѣстимость обоехъ элементовъ, утилитарнаго и символическаго, въ одномъ и томъ же религіозномъ законѣ представляется въ сущности вполне возможной, чему не мало примѣровъ даетъ намъ само Мои-

сеево законодательство, тѣмъ не менѣе въ исторіи человѣческой культуры подобная совмѣстимость встрѣчается крайне рѣдко. Обыкновенно религиозный обычай, первоначально имѣвшій какую-нибудь санитарную цѣль, получаетъ съ теченіемъ времени въ народной практикѣ разныя побочныя наслоенія, случайныя или сознательныя, которыя въ свою очередь также освящаются временемъ, какъ древнее наслѣдіе. Эти наслоенія мало по малу измѣняютъ форму религиознаго обычая такъ, что онъ уже не соотвѣтствуетъ больше его первоначальной утилитарной цѣли, которая, вслѣдствіе этого, совершенно ступшевается. Съ другой стороны, вслѣдствіе прогрессивнаго развитія общества, сама утилитарная цѣль становится не то что нежелательной, а просто излишней: она удовлетворяется гораздо болѣе цѣлесообразно другими факторами народной жизни; на примѣръ, если цѣль была гигиеническая, то она гораздо болѣе совершенно достигается санитарнымъ надзоромъ, учрежденнымъ свѣтской властью. Что-же теперь дѣлать съ религиознымъ закономъ? Упразднить его? Но то, что ведетъ свое происхожденіе отъ Бога, не можетъ быть упразднено руками человѣческими. Приходится, стало быть, вливать новое вино въ старыя мѣхи, или выражаясь проще, приходится подыскивать новые мотивы старому закону, который, такимъ образомъ, превращается изъ санитарнаго въ чисто религиозный, часто вырождаясь при этомъ въ необузданный спиритуализмъ, какъ мы это видѣли, на примѣръ, въ религіи древнихъ персовъ.

Однако не всегда религиозный обычай въ состояніи выдержать эту метаморфозу. Противорѣчіе между древнимъ закономъ и новыми формами жизни бываетъ иногда столь рѣзкое, что коллизія неминуема, и властныя требованія жизни берутъ часто перевѣсъ надъ чувствомъ пѣтвизма къ наслѣдію отцовъ.

Все сказанное относится къ метаморфозѣ религиозныхъ обычаевъ въ исторіи народовъ вообще. Посмотримъ теперь, какъ сложилось это явленіе въ исторіи дальнѣйшаго развитія Моисеевыхъ законовъ. Въ своеобразной древне-еврейской теократіи, какъ указано было выше, могли существовать законы, гдѣ оба мотива, санитарный и символическій, уживались рядомъ; и хотя при дальнѣйшемъ развитіи древне-еврейской культуры символическіе мотивы должны были выдвинуться на

первый планъ, но отъ вырожденія въ фантастическій спиритуализмъ они были гарантированы твердо установившимся монотеизмомъ. Но эта идеальная теократія, въ сущности, существовала сравнительно весьма недолго. По мнѣнію Мендельсона, первая брешь въ это великолѣпное зданіе произведена была въ день воцаренія Саула, чѣмъ и объясняется неудовольствіе пророка Самуила водвореніемъ свѣтской власти¹. Въ сущности библейская теократія не существовала и раньше Саула. По свидѣтельству самой Библии, уже спустя недолго послѣ смерти Иисуса Навина народъ погружается въ язычество² и серьезно говорить о библейскомъ порядкѣ вещей при Геденѣ, Самсонѣ и другихъ судьяхъ, конечно, не приходится. Что же касается времени царей, то, хотя въ Св. Пис. сохранились нѣкоторыя указанія на то, что ритуальная чистота соблюдалась даже среди погруженного въ язычество Израильскаго Царства³, но это уже были обычай, не имѣвшіе, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго отношенія къ идеѣ святости въ смыслѣ Моисеева ученія.

Но была, какъ намъ думается, въ исторіи еврейскаго народа эпоха, когда власть Торы имѣла возможность развиваться въ полномъ своемъ объемѣ. Это эпоха, такъ называемой, Великой Синагоги (גמרא) или соферимовъ (סופרים), обнимающая періодъ времени отъ возвращенія части еврейскаго народа изъ Вавилоніи вмѣстѣ съ Эадрой и Нееміей до покоренія персидскаго царства Александромъ Македонскимъ. Изъ этого времени, правда, осталось у насъ лишь весьма мало письменныхъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что это была самая плодотворная, самая богатая по своимъ послѣдствіямъ эпоха, во время которой народный духъ, воспитанный въ началахъ Моисеева Ученія, окрѣпъ настолько, что могъ выдержать въ послѣдствіи многолѣтнюю борьбу за свое существованіе. Персы, вообще, мало вмѣшивались во внутреннія дѣла покоренныхъ ими народовъ, а въ расположенной на окраинахъ монархіи Іудеѣ зависимость отъ персовъ подавно ничѣмъ не давала себя чувствовать; власть Торы, стало быть, ничѣмъ не

¹ Jerusalem, Edit. cit. s. 286.

² Judic. II 7—10.

³ Reg. VII, 3.

была ограничена. Простота и несложность жизни въ тогдашней Иудеѣ вполне еще соответствовала простотѣ и возвышенности древнихъ законовъ. Законодательная дѣятельность Великой Синагоги заключалась, такимъ образомъ, только въ толкованіи ихъ, *въ коррективалъ жекъ нимъ почти не было еще надобности.*

Не слѣдуетъ, однако-жъ, представлять себѣ, что въ продолженіе двухвѣковой дѣятельности Великой Синагоги Моисеевъ законъ оставался какъ-бы окаменѣлымъ, не подвергаясь никакому развитію. Если сравнимъ религиозный обликъ еврейскаго народа, какимъ онъ отражается въ литературныхъ памятникахъ Маккавеевскаго періода, съ тѣмъ его обликомъ, который стремилось придать ему библейское законодательство, то должны будемъ признать, что дѣйствительность далеко превзошла ожиданія Законодателя. Законы Моисея даны были народу, чтобы «жить въ нихъ» *על מן*. Но мужи Великой Синагоги счумѣли воспитать народъ такъ, чтобы онъ могъ, въ случаѣ надобности, и умереть ради нихъ. Народъ доказалъ это во время антиохскихъ гоненій. Кто были эти люди? Что внесъ каждый изъ нихъ въ эту общую работу? Каково было отношеніе ихъ къ официальнымъ представителямъ народа, къ первосвященникамъ, — обо всемъ этомъ никакихъ свѣдѣній у насъ не сохранилось. Исторія сохранила намъ только итоги двухвѣковой дѣятельности этихъ великихъ анонимовъ, и то не въ письменныхъ документахъ, а въ образѣ живого народа съ извѣстными убѣжденіями и обычаями.

Отсутствіе прямыхъ данныхъ о дѣятельности такъ называемой Великой Синагоги, отсутствіе всякихъ свѣдѣній о ней у Иосифа Флавія породило, какъ извѣстно, у нѣкоторыхъ историковъ сомнѣніе въ самомъ ея существованіи какъ официальной корпораціи съ сознательными цѣлями и сознательной дѣятельностью. Все, что по традиціи ведетъ свое начало отъ эпохи Великой Синагоги, приписывается историками этой школы или безсознательной, стихійной, такъ сказать, дѣятельности всего народа, или же инициативѣ лицъ и учрежденій позднѣйшихъ эпохъ, эпохъ фарисеевъ и танайтовъ ¹. Считаая

¹ Считаемо лишнимъ указать здѣсь на обширную литературу этого вопроса. Его, конечно, не могъ игнорировать ни одинъ историкъ этой эпохи.

неумѣстнымъ входить здѣсь въ разборъ этого крайне интереснаго вопроса, мы въ слѣдующей главѣ имѣемъ въ виду указать на нѣкоторые пункты въ дальнѣйшемъ развитіи института рит. чист., которые должны быть отнесены именно къ персидской эпохѣ еврейской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ носить на себѣ явную печать сознательной инициативы. Для нашихъ цѣлей совершенно безразлично, были ли Мужы Великой Синагоги официально признаны персидскимъ правительствомъ и еврейскимъ первосвященникомъ, или нѣтъ; вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, но они несомнѣнно были признаны народомъ. И пророки не представляли, по крайней мѣрѣ во время царей, официально признанной корпораціи, тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе на современниковъ и на потомство было велико и плодотворно. Традиція справедливо усматриваетъ въ Мужахъ В. С. продолжателей дѣла пророковъ. И тѣ и другіе одинаково олицетворяютъ собою протестъ противъ злоупотреблявшей своей властью касты жрецовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Мужы Великой Синагоги далеко уступали своимъ предшественникамъ какъ въ широтѣ кругозора, такъ и въ смѣлости самаго протеста.

Отрѣшившись отъ долгой и безуспѣшной борьбы пророковъ ъ противъ культа жертвоприношенія, признавъ обрядности вообще, какъ необходимые для народа внѣшніе символы извѣстныхъ религіозныхъ идей, они удовольствовались тѣмъ, что рядомъ съ храмомъ воздвигнули синагогу и создали молитвенный культъ, какъ противовѣсъ культу жертвоприношенія. Но главная ихъ заслуга состояла въ эмансипаціи народа изъ подъ духовной опеки жреческаго сословія, эмансипаціи, достигнутой ревностнымъ распространеніемъ знанія закона въ массѣ. Единственный афоризмъ, приписываемый традиціей Мужамъ Великой Синагоги, гласитъ такъ: «не будьте поспѣшны въ судѣ, воспитайте побольше учениковъ и воздвигайте ограду вокругъ Торы». ¹ Смыслъ этого трилога совершенно ясенъ; онъ вполне соответствовалъ тогдашнему положенію вещей. Въ виду воз-

Обращаемъ только вниманіе читателей на прекрасное, хотя и краткое изложеніе этого вопроса у Іосифа Дербурга въ его „Палестина“. (Еврейскій переводъ, изданіе газеты „Гамелицъ“ стр. 8—14).

¹ Mischna Aboth I.

становленія власти Торы, съ ея строгой системой наказаній, умѣстно было рекомендовать судьямъ долготерпѣніе и тщательное взвѣшиваніе виновности подсудимыхъ. Этимъ изреченіемъ мужи Великой Синагоги положили основаніе позднѣйшему фарисеизму, **שׂוֹמֵר**, окончательно почти отмѣнившему смертную казнь. Второе изреченіе: «воспитайте побольше учениковъ» не нуждается въ комментаріяхъ: родовая аристократія жрецовъ, всегда склонная къ злоупотребленію своимъ вліяніемъ, могла быть уравновѣшена только многочисленнымъ классомъ умственной аристократіи. Третье изреченіе: «воздвигайте ограду вокругъ Торы» истолковывается обыкновенно такъ: запрещайте нѣкоторыя вещи, сами по себѣ дозволенныя закономъ, дабы предупредить нарушеніе самаго закона. Напримѣръ, запрещайте прикасаться къ лампѣ въ день субботній для того, чтобы предупредить зажиганіе ея, что уже прямо запрещается закономъ. Такое толкованіе дѣйствительно присвоено было упомянутому изреченію позднѣйшими законоучителями¹; возможно, однако-жъ, что первоначальный его смыслъ былъ нѣсколько иной, а именно: воздвигайте ограду вокругъ Торы, т. е. предохраните Тору отъ вѣдренія въ нее чуждыхъ ей языческихъ элементовъ; запрещайте иногда то, что само по себѣ не вредно и не предосудительно, если только оно составляетъ предметъ языческаго культа. Это вполне въ духъ Моисеева закона. Мы видѣли выше, что, по объясненію Маймонида, значительная часть Моисеевыхъ запретовъ обязана своимъ происхожденіемъ стремленію законодателя исключить изъ еврейской жизни все, что относится къ языческому культу, такъ какъ внѣшнія проявленія и символы извѣстныхъ идейныхъ представленій часто служатъ лучшими проводниками этихъ же представленій. Въ періодъ персидскаго владычества опасность распространенія среди еврейской массы религіозныхъ обычаевъ и представленій парсизма стала особенно сильна, именно потому, что персидскій дуализмъ, по основнымъ его чертамъ, гораздо ближе подходит къ еврейскому монотеизму, чѣмъ семитическій культъ Ваала и Астарты. Вліяніе парсизма на мировоззрѣніе евреевъ по-библейскаго періода давно уже принято всѣми

¹ Abaoth d'rabi Nathan I.

историками какъ нѣчто вполне доказанное, но мы не намѣрены вдаваться здѣсь въ разборъ этого вопроса, такъ какъ прямого отношенія къ предмету нашего изслѣдованія онъ не имѣетъ. Но если карантинныя безсильны противъ занесенія идей и убѣжденій, то этого нельзя сказать относительно внѣшнихъ обычаевъ и обрядовъ; противъ этихъ послѣднихъ можно воздвигнуть ограду, и объ этомъ, какъ увидимъ, позаботились Мужья Великой Синагоги.

Д-ръ Л. Каценельсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

VI ¹.

Поездъ пришелъ въ 7 часовъ утра, и Александръ Бланкъ измѣнилъ свое рѣшеніе прямо съ вокзала отправиться на свиданіе съ матерью. Получивъ свой багажъ, онъ взялъ извозчика и отправился въ гостиницу. Хотя за долгій періодъ его отсутствія фисіономія города успѣла значительно измѣниться, однако Александру все кругомъ было хорошо знакомо, и онъ узнавалъ все, встрѣчавшееся ему на пути, точно онъ только вчера тутъ былъ. Тряскій извозничій экипажъ, запряженный парой тощихъ клячъ, медленно катился по пыльной мостовой.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда Бланкъ оставилъ К**, вокзалъ еще стоялъ за чертой города и только нѣсколько мелкихъ лавочекъ и шинковъ, гдѣ останавливались крестьяне по возвращеніи съ базара, оживляли эту пустынную мѣстность. Теперь же вся она съ обѣихъ сторонъ вплоть до горы, на которой среди высокихъ тополей утопало монастырское зданіе съ церковью, была застроена новыми домами. Тутъ же проходила и конно-железная дорога, съ открытыми вагонами-платформами, въ которыхъ, впрочемъ, не было ни одного пассажира. У шлагбаума извозчикъ остановился, чтобы уплатить налогъ за проездъ. Это была первая новинка, о существованіи которой Бланкъ не подозрѣвалъ и цѣли которой онъ не зналъ. Но спросить у извозчика ему не хотѣлось. Онъ былъ не изъ раз-

¹ См. „Восходъ“, кн. VI.

говорчивыхъ и не любилъ первый вступать въ разговоръ. Къ тому же утро было такое чудное, солнце такъ ярко свѣтило, а впереди въ густой пронизанной утренними лучами дымкѣ такъ красиво вырисовывался силуэтъ громаднаго города, что Бланкъ весь отдался созерцанію разстилавшейся передъ нимъ картины, которая помимо его воли будила въ немъ давно пережитыя ощущенія. Воспоминанія о прошломъ переплетались у него съ туманными, но пріятными перспективами будущаго, и онъ не могъ разобрать, что больше доставляетъ ему удовольствія. Десять лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ этотъ городъ юношею, почти мальчикомъ, съ тощимъ кошелькомъ и самыми неясными и сбивчивыми представленіями о томъ, что его ждетъ впереди, но съ твердой вѣрой въ себя и въ свои силы. А теперь, десять лѣтъ спустя, онъ возвращается обратно какъ солдатъ послѣ войны, испытанный въ житейскихъ битвахъ, съ богатымъ опытомъ и знаніемъ людей, съ побѣдами, даже трофеями. Передъ нимъ почти опредѣленный жизненный путь, который онъ самъ отыскалъ, самъ расчистилъ отъ терній и преградъ, путь, который его ведетъ къ опредѣленной цѣли. И что же? Съ такой ли твердой вѣрой въ себя, въ свои силы, онъ шествуетъ по этому пути, какъ десять лѣтъ тому назадъ, когда впереди былъ только одинъ туманъ, однѣ неясныя грезы и мечты... У Бланка только мелькнуло это сопоставленіе, какъ и цѣлый рядъ другихъ картинъ и воспоминаній; но онъ и не думалъ на немъ останавливаться, а тѣмъ болѣе разрѣшить его въ томъ или другомъ смыслѣ. Ему просто пріятенъ былъ этотъ процессъ воспоминаній, процессъ возстановленія прошлаго и сопоставленія его съ настоящимъ и будущимъ, пріятно было какъ выздоравливающему пріятно удостовѣриться, что онъ у себя въ кабинетѣ, въ своей обстановкѣ, среди своихъ близкихъ. А вѣдь всѣ эти улицы, всѣ эти зданія, люди, воздухъ и небо такъ близки ему... По мѣрѣ приближенія къ центру города оживленіе на улицахъ усиливалось; лавочники открывали двери своихъ лавокъ, уличные торговцы выкладывали свои товары въ ожиданія покупателей, повсюду встрѣчались длинные обозы; обыватели спѣшили по дѣламъ, вагоны конно-желѣзной дороги стали наполняться пассажирами. Вмѣстѣ съ этой струей пробуждающейся жизни въ душу Бланка врывались все новыя и

новыя ощущенія, заставлявшія его переживать и безпокойныя минуты. Онъ давно уже, очень давно не получалъ никакихъ извѣстій отъ своей матери и самъ ей ничего о себѣ не писалъ. Онъ ѣхалъ сюда не по своей волѣ. Если бы обстоятельства сложились иначе, онъ бы навѣрное сюда не пріѣхалъ. Но значить ли это, что онъ былъ равнодушенъ къ своей старухѣ матери, что ему не хотѣлось вновь посѣтить тѣ мѣста, гдѣ протекали его дѣтство и юность?.. И вновь передъ Бланкомъ возстали воспоминанія и картины далекаго прошлаго, большей частью грустнаго, даже непріятнаго свойства. Его мать—прислуга въ домѣ какихъ то спѣсивыхъ богачей; онъ—уличный мальчишка безъ призора.. Потомъ хозяйкамъ его матери пришла блажь ему благодѣтельствовать. Его отдають въ школу, потомъ онъ какими то судьбами попадаетъ въ гимназію, онъ, сынъ нищенки.. Это все было дѣло рукъ добрыхъ людей. Но тѣмъ ненавистнѣе были ему эти добрые люди, которые ждали отъ него благодарности. И онъ бѣжалъ отъ нихъ, предпочитая быть неблагодарнымъ, чѣмъ кривить душой, преклоняться передъ людьми, которыхъ онъ презиралъ. Но это было такъ давно!... А теперь что? Какъ теперь на него посмотреть, какъ теперь примуть его эти люди. А мать его? Она теперь уже не прислуга. Она живетъ въ домѣ этихъ богачей въ качествѣ домоправительницы, или вѣрнѣе пользуется почетнымъ покоемъ за долготѣнную полезную службу—такъ кажется она ему писала. И горькая улыбка искривила красивое лицо Бланка. Можетъ быть онъ виноватъ въ томъ, что его мать до сихъ поръ живетъ въ домѣ этихъ людей. Но развѣ онъ имѣлъ возможность измѣнить обстоятельства, пересодвать условія. Всѣ эти десять лѣтъ онъ самъ провелъ точно на войнѣ, борясь съ препятствіями, которыя тѣмъ болѣе нарастали, чѣмъ ближе онъ двигался къ цѣли. Къ тому же она ему писала, что ей живетъ хорошо, что она ни въ чемъ не нуждается, не желаетъ ничего лучшаго. Она желаетъ только его видѣть. И вотъ онъ здѣсь.

Извозничій экипажъ остановился у подъѣзда громаднаго дома, въ которомъ помѣщалась лучшая гостинница въ городѣ. Бланкъ помнилъ этотъ домъ, эту гостинницу, въ которой останавливались богатые помѣщики. Это была лучшая гостинница

и ему было неприятно, что онъ будетъ на виду. Но онъ такъ усталъ съ дороги и такъ радъ былъ, наконецъ, покончить съ путешествіемъ, что взялъ первый попавшійся номеръ, который ему предложилъ швейцаръ. Очутившись въ номерѣ, онъ сначала думалъ отдохнуть, но для этого нервы его были слишкомъ возбуждены. Тогда, чтобы убить время, онъ принялся приводить въ порядокъ свои вещи. Онъ самъ точно не зналъ, сколько времени ему придется прожить въ этомъ городѣ. Важныя научныя изслѣдованія, ради которыхъ онъ пріѣхалъ сюда, были очень сложны и требовали много времени и труда. Но онъ надѣялся на себя, на свое умѣнье работать и пользоваться научнымъ матеріаломъ. Кромѣ того, тутъ никто не помѣшаетъ ему заниматься. Его старуха мать его стѣснять не будетъ, а знакомствъ въ городѣ, кромѣ обязательныхъ официальныхъ визитовъ, онъ заранѣе рѣшилъ не заводить вовсе. Во первыхъ, это мѣшало бы ему работать, а во вторыхъ, между нимъ и тѣми людьми, съ которыми бы ему пришлось сталкиваться, лежитъ теперь такая глубокая пропасть, что какъ бы они ни танулись другъ къ другу, все равно они другъ друга не достанутъ. И ему вдругъ живо представилось, какъ это все случилось. Еще на гимназической скамьѣ, благодаря своему происхожденію и исключительному соціальному положенію, ему пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ такими явленіями, которыя заронили искру скептицизма въ его юную душу. Тѣ идеальныя стремленія, та слѣпая вѣра въ нѣчто лучшее, которыя составляютъ несомнѣнную принадлежность юношескаго возраста, его поэзію, уже рано въ немъ заглохли благодаря тяжелой жизненной обстановкѣ, соціальной неправдѣ, которую онъ чувствовалъ на каждомъ шагу, и его личному темпераменту, который слишкомъ живо реагировалъ на все. Въ университетъ онъ отправился руководимый исключительно эгоистическими, честолюбивыми стремленіями добиться извѣстнаго положенія, выбратся изъ той среды, въ которую онъ попалъ благодаря своему рожденію. Въ такомъ направленіи шли первые годы его студенчества. Тяжелая борьба за существованіе съ одной стороны и формальное отношеніе къ официальной наукѣ, которую онъ избралъ своей спеціальностью съ другой, наполняли всю жизнь молодого студента. Но затѣмъ случилось нѣчто, что для него самого до

Сихъ поръ оставалось непонятнымъ и что онъ въ послѣдствіи самъ сравнивалъ съ первой любовью, которая съ быстротой молніи овладѣваетъ сердцемъ юноши. Онъ, озабоченный, эгоистичный, честолюбивый, безъ идеаловъ, зло посмѣивающійся надъ сантиментальными увлеченіями своихъ товарищей, толкующихъ о долгѣ, служеніи истинѣ, человѣчеству и проч., онъ, смотрящій на свое пребываніе въ университетѣ какъ на первую ступень къ независимому положенію и богатству, онъ вдругъ полюбилъ университетъ, полюбилъ науку съ такой страстностью, съ какой онъ раньше отвергалъ все и топталъ все ногами. Это, дѣйствительно, была первая его любовь, которая вспыхнула въ немъ съ стихійной силой, любовь, ради которой онъ готовъ былъ пожертвовать жизнью. И съ этого момента въ жизни молодого студента началась новая полоса. Наука сдѣлалась цѣлью его существованія, его кумиромъ, его идеаломъ. Слава, богатство, роскошь, сердечныя привязанности, все, о чемъ онъ раньше мечталъ, все замѣнила ему жажда знанія, то стремленіе къ истинѣ, въ которомъ онъ нашелъ источникъ высшаго духовнаго наслажденія. И вотъ, въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ былъ уже близокъ къ обладанію предметомъ своей страсти, когда передъ нимъ открывались новые и широкіе горизонты, между нимъ и его возлюбленной выросла высокая, крѣпкая стѣна. Случилось то, о чемъ онъ менѣе всего думалъ. Ему нужно было или отказаться отъ излюбленной и взлелѣянной мечты, или разрушить стѣну, которая преградила ему путь къ этой мечтѣ. И онъ разрушилъ стѣну, разрушилъ съ такой смѣлостью и безповоротной рѣшимостью, что онъ самъ себя удивился. И вотъ теперь, прежде чѣмъ отправиться на свиданье съ матерью, онъ вдругъ вспомнилъ о томъ знаменательномъ моментѣ въ его жизни, который навсегда разорвалъ невидимыя цѣпи, связывавшія его съ прежней средой, прежними идеалами, прежними вѣрованіями. Знаетъ ли его старушка объ этомъ?.. Онъ ей объ этомъ никогда не писалъ, да и зачѣмъ... Изъ постороннихъ же никто не могъ ей объ этомъ сообщить. А если она знаетъ?.. При этой мысли невольная робость охватила его. Онъ представилъ себѣ подернутое печалью старческое лицо и красные отъ слезъ глаза, въ которыхъ свѣтился нѣмой, глубокой укоръ. Но что же онъ такое

сдѣлалъ? Онъ послушался влеченія своего сердца, велѣнія своего ума... Онъ отправился искать истину и наткнулся на препятствіе, которое мѣшало ему идти впередъ. Онъ разрушилъ препятствіе, очистилъ себѣ дорогу. О, неужели она не пойметъ его? И вдругъ Бланкъ самъ расхохотался. Какъ у него нервы разошлись, и какіе страхи рисуетъ ему утомленное воображеніе! Какіе пустяки... Его старушка будетъ рада его видѣть. Онъ поживетъ здѣсь, сколько потребуютъ обстоятельства, потомъ уѣдетъ. Вотъ и все. И онъ, воодушевленный желаніемъ поскорѣе увидѣться съ матерью, сталъ приводить въ порядокъ свой растрепанный отъ дороги туалетъ. Приближался часъ, когда можно было уже отправиться на свиданіе.

VII.

Бланкъ отправился изъ гостинницы пѣшкомъ. Ему хотѣлось пройтись по знакомымъ улицамъ, встрѣтить людей, которыхъ онъ навѣрное узнаетъ, но которые его ни за что не узнаютъ. Дорогу къ дому Майгольда онъ помнилъ хорошо. Ему нужно было пройти по широкой аллеѣ бульвара, раньше довольно тѣнистаго, но теперь совершенно обнаженнаго благодаря тому, что старыя деревья были почему-то вырублены, а молодыя еще не успѣли вырасти. Въ это время дня здѣсь рѣдко кто гулялъ, и въ угловой лавочкѣ, въ которой продавались папирсы и сельтерская вода, было совсѣмъ пусто. Выйдя изъ бульвара и перейдя улицу, Бланкъ вошелъ въ такъ называемый общественный садъ. Тутъ его тоже удивило отсутствіе старыхъ вѣковыхъ деревьевъ и темныхъ густыхъ аллей, въ которыхъ онъ такъ часто сидѣлъ во время гимназическихъ перемѣнъ, мечтая о будущемъ. За то было много новыхъ аллей и дорожекъ, совершенно ему незнакомыхъ. Однако онъ помнилъ общій планъ сада и это помогло ему выбраться на противоположную сторону, не прибѣгая къ разпросамъ случайно попадавшихъ ему на встрѣчу людей. Еще одна улица, еще одинъ поворотъ—и онъ увидѣлъ хорошо знакомый ему домъ съ большими свѣтлыми окнами и двумя красивыми колоннами, поддерживавшими фронтонъ параднаго подъѣзда. Этотъ домъ, въ которомъ онъ провелъ большую часть своего дѣтства, оставилъ въ немъ много воспоминаній и пріятныхъ и непріятныхъ. Но онъ всегда лю-

билъ его высокія комнаты съ расписными потолоками и паркетными полами, обширный полукруглый вестибюль съ узорчатыми стеклами и куполообразнымъ потолокомъ, напоминавшимъ храмъ, съ его широкой верандой, заросшей дикимъ виноградомъ, и въ особенности его садъ съ тѣнистыми аллеями, въ которыхъ такъ пріятно было укрываться отъ преслѣдованій ворчливой прислуги или слишкомъ навойливыхъ попеченій гордыхъ хозяевъ.

У подъѣзда стояла изящная двухмѣстная коляска, запряженная парой породистыхъ вороныхъ лошадей, которыхъ бородатый кучеръ едва сдерживалъ туго натянутыми вожжами. Бланкъ хорошо помнилъ, что у Майгольдовъ раньше не было ни такой коляски, ни такихъ лошадей, и онъ подумалъ, что это вѣроятно кто нибудь изъ мѣстныхъ помѣщиковъ пріѣхалъ по дѣлу къ хозяину дома. Это его даже обрадовало, такъ какъ онъ болѣе всего желалъ, чтобы при его свиданіи съ матерью никого не было. Онъ даже хотѣлъ пройти съ чернаго хода, но его отъ этого удержало его самолюбіе и нежеланіе умалить свое достоинство передъ горделивыми богачами. Онъ остановился у параднаго входа, отыскивая пуговку электрическаго звонка. Въ это время массивная парадная дверь открылась и оттуда вышли двѣ изящно одѣтыя дамы, изъ которыхъ старшая показала Бланку какъ будто знакомой. Та тоже пристально всмотрѣлась въ лицо молодого человѣка, но такъ какъ онъ ей не поклонился, она направилась къ экипажу. Потомъ, какъ бы сообразивъ что то, она обернулась и сказала:

— Вы, вѣроятно, по дѣлу къ моему мужу. Къ сожалѣнію, его дома нѣтъ...

Видя однако, что молодой человѣкъ не трогается съ мѣста и съ особеннымъ удивленіемъ смотритъ на нее, она прибавила:

— Если у васъ какое нибудь слѣшное дѣло, потрудитесь мнѣ сообщить. Я ему передамъ.—Бланкъ нѣсколько мгновеній боролся, не зная какъ ему поступить. Онъ страстно желалъ остаться неизвѣстнымъ для этой дамы, въ которой онъ, конечно, узналъ г-жу Майгольдъ. Онъ бы тогда могъ свободно и безъ свидѣтелей увидѣться съ матерью. Но въ то же время онъ не могъ не отвѣтить на прямо поставленной ему вопросъ, рискуя попасть иначе въ ложное положеніе. Онъ долженъ былъ открыться, и, вѣжливо поклонившись, онъ сказалъ:

— Я, конечно, не сомнѣваюсь, что имѣю честь говорить съ г-жей Майгольдъ. А я... я собственно не къ вашему мужу, а къ моей матери, которая живетъ въ вашемъ домѣ.—Сказавъ это, Бланкъ сразу почувствовалъ большое облегченіе и могъ уже спокойно ждать дальнѣйшей развязки. Напротивъ, г-жа Майгольдъ, до того величаво спокойная, почему то сильно заволновалась и растерянно взглянула на стоявшую тутъ же Розу. Молодая дѣвушка, все время молча наблюдавшая за незнакомцемъ, поняла, конечно, изъ его словъ, кто предъ ними стоитъ, и обратившись къ нему сказала:

— Мама не узнала васъ и это весьма понятно. Вы такъ измѣнились, г. Бланкъ.

— Бланкъ! Александръ!.. Неужели это вы!—воскликнула г-жа Майгольдъ.—Но что же мы тутъ стоимъ?.. Какъ обрадуется Ципа, ваша мать... Повѣрите, она считаетъ минуты...

— Но я не смѣю васъ удерживать. Вы куда то собирались. Я самъ пройду. Я помню расположепіе комнатъ.

— О нѣтъ... Я должна васъ проводить къ матери. Это мнѣ доставить такое удовольствіе. Ваша мать въ нашемъ домѣ своя, родная, и ея радость—наша радость.

Бланкъ отвѣсилъ благодарственный поклонъ и послѣдовалъ за дамами, которыя вернулись въ комнаты. Его заинтересовала молодая дѣвушка, такъ просто и безъ всякихъ вычурныхъ предисловіи обратившаяся къ нему, назвавъ его имя. Онъ помнилъ маленькую дѣвочку, которой онъ когда то преподавалъ первые уроки грамоты; но она-ли это? И онъ, теряясь въ догадкахъ, не спускалъ глазъ со стройной гибкой фигуры Розы, въ богатомъ визитномъ платьѣ. Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ вышла Ципа въ своемъ обычномъ домашнемъ платьѣ и головномъ уборѣ, состоявшемъ изъ поношеннаго шелкового платочка, завязаннаго на подбородкѣ. Она видимо чѣмъ то была занята и даже не обратила вниманіе на шедшихъ ей на встрѣчу. Но г-жа Майгольдъ ее окликнула.

— Къ тебѣ пріѣхалъ сынъ твой, узнаешь ты его, Ципа?

Ципа разрыдалась и бросилась обнимать сына. У нея не было словъ для выраженія того, что она въ это мгновеніе чувствовала, и только обильныя слезы служили выраженіемъ ея душевнаго настроенія. Бланкъ былъ тоже взволнованъ и тоже

не зналъ, что сказать матери. Только когда по предложенію Розы Ципа увела сына въ свою комнату, у обоихъ открылись сердца и посыпались разспросы, въ особенности со стороны Ципы. Она вѣдь столько лѣтъ ждала сына, столько лѣтъ она сдерживала свои ласки, законныя материнскія ласки... Въ разговорахъ, разспросахъ, чередуемыхъ ласками, шло незамѣтно время. Ципа съ восторгомъ смотрѣла на этого красиваго и статнаго молодого человѣка, съ гордой осанкой настоящаго барина и не вѣрила себѣ, чтобы это былъ ея сынъ. Въ ея представленіи все еще рисовался мальчикъ подростокъ въ изношенномъ и потертомъ мундирчикѣ съ угрюмымъ выраженіемъ лица и густыми вихрами, никогда не покорявшимися гребешку. Она помнила, какъ онъ разъ убѣжалъ изъ этого дома, не желая жить въ комнатѣ рядомъ съ кухней. Сколько слезъ она тогда пролила, считая своего мальчика погибшимъ на всегда. А потомъ... потомъ она уже ничего не помнитъ. Цѣлый рядъ лѣтъ промелькнулъ какъ одно мгновеніе, и всѣ событія этихъ лѣтъ, всѣ радости, надежды и печали, все это, точно могучая волна, залилъ настоящій моментъ, торжественный и упоительный. И Ципа снова украдкой засмотрѣлась на этого важнаго барина, все еще не вѣря, чтобы это былъ ея сынъ. Что онъ важный баринъ, въ этомъ она не сомнѣвалась, хотя Бланкъ еще ни однимъ словомъ не обмолвился о своемъ общественномъ положеніи, о томъ, что онъ дѣлалъ все время, чего онъ достигъ за эти долгіе годы упornaго труда. Онъ теперь всецѣло отдался воспоминаніямъ давно прошедшихъ лѣтъ, воспоминаніямъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего отраднаго, но въ данную минуту пріятнымъ какъ эхо утихающихъ раскатовъ грома. Такъ просидѣли они очень долго, пока мимо окна, у котораго они сидѣли, выходящаго на боковой дворъ, не проѣхалъ экипажъ.

— Ахъ, Боже мой, уже возвратились... А я еще не успѣла даже распорядиться насчетъ стола, — озабоченно воскликнула Ципа.

— Кто возвратился? — спросилъ Бланкъ.

— Наши, конечно. Мать и дочка. Онѣ ѣздили съ визитами. Тутъ что-то затѣвается, вотъ увидишь... И она, совершенно забывъ о томъ, что сынъ только сегодня пріѣхалъ и совершенно

незнакомъ съ жизнью и интересами Майгольдъ, стала его посвящать въ интимныя злобы дня, такъ сильно ее волновавшія, но ничего не говорившія пока сердцу ея сына. «Этотъ выскочка Бейнъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы породниться съ Майгольдами. Она первая прѣѣхала съ визитомъ къ Розѣ, хотя это не принято. Но это, кажется, ей не поможетъ. И самъ Харнасъ, несмотря на все его искусство, ничего тутъ не подѣлаетъ, разъ Роза не захочетъ. А что Розѣ не нравится этотъ завитой франтикъ, который думаетъ, что онъ первый женихъ въ городѣ, она въ этомъ не сомнѣвается. Ей жаль, конечно. Харнаса. Онъ лишится крупнаго заработка, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ приданое большое, а Харнасъ такъ нуждается въ заработкѣ. Но съ другой стороны Роза отлично сдѣлаетъ, если станетъ упорствовать. Она достойна лучшаго жениха». И Ципа, при этомъ украдкой посмотрѣла на своего сына, красивое выразительное лицо котораго еще больше выигрывало отъ снисходительной улыбки, съ которой онъ выслушивалъ эти непонятныя для него сообщенія изъ чуждаго ему міра, съ которымъ онъ давно порвалъ всякія сношенія. Однако, похвалы, расточаемыя его матерью семьѣ Майгольдъ, та страстность и задушевность, какія звучали въ ея голосѣ каждый разъ, когда она говорила о Розѣ, невольно заинтересовали Бланка, и онъ спросилъ:

— Эта дѣвушка, которую я видѣлъ, дочь Майгольда?

— Конечно.

— Та самая, которой я когда-то давалъ уроки?

— Та самая. Она старшая. Потомъ есть еще младшая; ту, ты едва-ли помнишь. Она совсѣмъ была малюткой, когда ты уѣхалъ. Потомъ еще два мальчика,.. А Роза самая старшая. Она недавно только вернулась къ намъ.

— Гдѣ же она была?

— Какъ, гдѣ? Развѣ ты не знаешь, что она жила за границей?

— Понятія не имѣю.

Ципа укоризненно покачала головой. Ей казалось страннымъ, даже обиднымъ, что ея сынъ не знаетъ такихъ крупныхъ событій изъ жизни тѣхъ людей, которые ей такъ близки.

— Но какъ же ты не знаешь?—повторила она.

— Очень просто. Миѣ объ этомъ никто не писалъ.

Въ это время кто-то тихонько откылъ дверь и чей то нѣжный голосокъ, точно серебрястый колокольчикъ, протяжно пропѣлъ: «Ципа». И вслѣдъ за тѣмъ дверь снова закрылась.

— Тебя зовутъ,—сказала Бланкъ и стала собираться. Но въ эту минуту дверь снова открылась и снова кто то пропѣлъ: «Ципа».

— А, это наша шалуныя!—весело сказала Ципа.—Что тебѣ? Войди...

Но вмѣсто отвѣта раздался топотъ маленькихъ ножекъ, и когда Ципа и Бланкъ вышли изъ комнаты, Клара была уже въ другомъ концѣ корридора и лукаво улыбалась, довольная тѣмъ, что ея хитрость, наконецъ, удалась. Она давно уже караулила у дверей, поджидая выхода Бланка, котораго ей очень хотѣлось видѣть. Но ни Бланкъ, ни Ципа не появились, и когда у нея весь запасъ терпѣнія, котораго у нея вообще было немного, истощился, она рѣшилась дѣйствовать смѣлѣе.

— Ты зачѣмъ же убѣжала? — крикнула ей въ догонку Ципа.—Поди сюда... вотъ, Александръ...

Бланкъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту дѣвочку-под-ростка, красота которой невольно приковала его вниманіе, и въ его памяти вдругъ воскресъ другой образъ, давно забытый и потускнѣвшій. Вотъ онъ стоитъ въ этомъ же корридорѣ у дверей, ведущихъ въ класную комнату и поджидаетъ свою маленькую ученицу... Какъ давно это было. А между тѣмъ ему кажется, что это было только вчера, что онъ гимназистъ учитель, а эта дѣвочка...

Онъ подошелъ къ Кларѣ и взялъ ее за руку.

— Какъ вы похожи на свою сестру, на ту дѣвочку, которой я когда то давалъ уроки. Вы тогда были совсѣмъ крошкой.

— Но я васъ знаю,—бойко сказала Клара.

— Но не помните.

Клара задумалась.

— Нѣтъ, не помню. Но я васъ знаю, потому что Ципа и мама въ послѣдніе дни много о васъ говорили...

— Кто тебя спрашиваетъ, болтушка ты этакая? — строго сказала Ципа.

— Развѣ неправда?.

— Правда, то правда... да тебѣ не слѣдуетъ рассказывать. Мало ли между взрослыми что говорится. Ужъ я расскажу m-lle Гро...

Бланкъ заступился за Клару и дѣвочка съ благодарностью взглянула на него своими большими, сверкающими глазами. Видно было, что Бланкъ ей понравился, и она не прочь подружиться съ нимъ.

— Хотите, я васъ познакомлю съ m-lle Гро? — обратилась она къ Бланку.—Она въ классной комнатѣ. Пойдемте къ ней. Она тоже желаетъ съ вами познакомиться.

— Часъ отъ часу не легче, — ворчливо замѣтила Ципа.— Ужъ чего она не выболтаетъ!..

— Но я правду говорю,—стояла на своемъ Клара.

Бланкъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны ему не хотѣлось отказать дѣвочкѣ, чтобы не огорчить ее; съ другой стороны онъ, конечно, не могъ принять ея предложенія — пойти съ ней къ m-lle Гро, и онъ придумывалъ удобное отступленіе. Къ счастью, его выручила г-жа Майгольдъ, которая въ это время вышла изъ внутреннихъ комнатъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, она улыбнулась и сказала:

— Твое желаніе будетъ исполнено, такъ какъ г. Бланкъ все равно остается у насъ обѣдать и тогда произойдетъ неизбежная встрѣча съ твоей m-lle.—И обратившись къ Бланку, она вѣжливо проговорила:

— Надѣюсь, вы намъ не откажете въ этомъ удовольствіи, тѣмъ болѣе что вамъ, конечно, не безынтересно будетъ посмотреть на мужа, котораго вы вѣроятно не узнаете,—такъ онъ состарился.

Бланкъ молча согласился, а Ципа была наверху блаженства отъ чести, которая, по ея мнѣнію, выпала на долю сына.

Вскорѣ пріѣхалъ Майгольдъ, и Бланкъ вовсе не напелъ, чтобы онъ такъ уже состарился, чтобы его узнать нельзя было. Напротивъ, по его мнѣнію, Майгольдъ выглядѣлъ совсѣмъ бодрымъ и молодымъ, а его веселый радостный видъ доказывалъ, что и дѣла его идутъ недурно.

Къ обѣду вышла и Роза, и съ ея появленіемъ разговоръ сразу оживился и сталъ интереснымъ. Роза съумѣла обойти

нѣкоторые щекотливые вопросы и воспоминанія и дала разговору общее направленіе. Бланкъ это чувствовалъ и внутренно былъ очень благодаренъ молодой дѣвушкѣ за ея тактъ, котораго, къ сожалѣнію, не доставало ея родителямъ, жаждавшимъ поскорѣе узнать все, касающееся ихъ гостя.

Ципа сидѣла рядомъ съ сыномъ, гордая сознаниемъ того счастья, которое, наконецъ, выпало на ея долю. Она смотрѣла на всѣхъ такъ, какъ будто весь міръ ей принадлежалъ и въ ея старомъ и зачерствѣвшемъ отъ невзгодъ сердцѣ проснулись давно уже застывшія чувства.

Г-жа Майгольдъ выказывала явное вниманіе гостю и это было лучшимъ доказательствомъ для всѣхъ, что молодой человѣкъ произвелъ на нее выгодное впечатлѣніе. М-лле Гро и Клара перешептывались между собой и до слуха Бланка долетали отрывочныя фразы, касавшіяся его личности. Даже оба мальчика заинтересовались гостемъ и, несмотря на строгія замѣчанія м-лле Гро, шумно выражали свои симпатіи къ великому удовольствію хозяина дома. Послѣ обѣда вся семья вышла на веранду и тутъ за кофе начались новые разговоры и воспоминанія о прошломъ. Ципа ушла по хозяйству и въ ея отсутствіи можно было говорить свободнѣе, тѣмъ болѣе, что самъ Бланкъ сталъ понемногу привыкать къ чуждой ему обстановкѣ и охотнѣе отвѣчалъ на вопросы. Роза держала себя нѣсколько въ сторонѣ и старалась только о томъ, чтобы устранить изъ бесѣды непріятныя для Бланка воспоминанія. Она одна хорошо понимала щекотливое положеніе молодого человѣка, и какъ ни старались всѣ оказывать ему вниманіе, но это самое стараніе, какъ замѣтила Роза, стѣсняло Бланка и какъ бы неволью давало ему чувствовать, что онъ находится въ домѣ, въ которомъ его мать еще теперь состоитъ въ качествѣ домоправительницы. Впрочемъ, Бланкъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и даже съ нѣкоторымъ юморомъ вспоминалъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ своей прошлой жизни, что у Розы отлегло отъ сердца, и она стала меньше тревожиться при какомъ нибудь неумѣстномъ замѣчаніи отца или матери. Г-жа Майгольдъ, отличавшаяся крайнимъ любопытствомъ, старалась всѣми способами навести Бланка на болѣе откровенный разговоръ объ его лич-

ности, общественномъ положеніи и пр. Но несмотря на всё ея ухищренія, ей удалось только узнать, что Бланкъ прѣхалъ въ этотъ край съ научной цѣлью, что онъ пробудеть тутъ недолго.

— Я всегда почему то была увѣрена, что вы будете ученымъ,—сказала г-жа Майгольдъ. Бланкъ улыбнулся.

— До этой клички мнѣ еще далеко; во всякомъ случаѣ для меня самого появившееся у меня стремленіе посвятить себя научной дѣятельности было неожиданностью. Я все время мечталъ о практической карьерѣ.

— Что касается меня,—замѣтилъ Майгольдъ,—я своихъ мальчиковъ никогда не пущу по ученой части. Невыгодно во всёхъ отношеніяхъ.

— Станутъ мальчики тебя спрашивать,—меланхолически взглянувъ на мужа, проговорила г-жа Майгольдъ.—Вотъ же Роза тебя не послушалась.

— Но я вѣдь не ученая,—смѣясь сказала Роза.

— Все же ты училась за границей.

Бланкъ былъ радъ, что разговоръ принялъ такой оборотъ и обратился къ Розѣ съ нѣкоторыми вопросами относительно ея пребыванія за границей. Оказалось, что онъ самъ нѣкоторое время занимался въ томъ университетѣ, въ которомъ училась и Роза, и былъ знакомъ со всѣми выдающимися профессорами. Онъ сообщилъ Розѣ такіе факты, которыхъ она не знала и которые ее чрезвычайно заинтересовали. Изъ его разсказовъ мало по малу стали выясняться для Розы и родъ его научной дѣятельности, а изъ нѣкоторыхъ, случайно брошенныхъ замѣчаній, она поняла, что ученая карьера Бланка прочно установлена и только его излишняя скромность не позволяетъ ему объ этомъ говорить. Она уже готова была обратиться къ нему за нѣкоторыми разъясненіями, какъ вдругъ она о чемъ то вспомнила и рѣчь ея оборвалась на полусловѣ. Она покраснѣла и смутилась. И Бланкъ почему то смутился. Къ счастью, никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ этого. Общій разговоръ, поддерживаемый г-жею Майгольдъ, продолжался съ прежнимъ оживленіемъ. Но ни Роза, ни Бланкъ не могли уже такъ свободно обмѣниваться мыслями. Между ними

какъ будто выросла преграда, которую необходимо было устранить, но никто изъ нихъ не зналъ какъ это сдѣлать.

Бланкъ чувствовалъ, что ему сразу нужно было поставить себя такъ, чтобы не было никакихъ недомолвокъ и недоразумѣній, но онъ почему то этого не сдѣлалъ, и теперь оставалось пока мириться съ ложнымъ положеніемъ, имъ самимъ созданнымъ. Но уходя отъ Майгольдовъ, онъ рѣшилъ въ слѣдующій же разъ быть смѣлѣе и не давать никакой пищи недоразумѣніямъ. Онъ по характеру своему не любилъ ложныхъ и двусмысленныхъ положеній и предпочиталъ лучше идти прямымъ путемъ. Въ особенности ему не хотѣлось вводить въ заблужденіе Розу, которая своей неподдѣльной искренностью и задушевностью произвела на него самое благопріятное впечатлѣніе. Эта красивая дѣвушка со строгимъ классическимъ профилемъ и глазами, въ которыхъ восточная нѣга сливалась съ пытливой вдумчивостью, не выходила у него изъ головы. Онъ едва помнилъ ту дѣвочку, которой онъ когда то давалъ уроки. Тогда онъ смотрѣлъ на нее съ высоты своихъ семнадцати лѣтъ и кромѣ того онъ невольно переносилъ на нее то тайное озлобленіе, которое онъ питалъ къ ея родителямъ. Роза же напротивъ всегда относилась къ нему хорошо и это еще больше его раздражало. Теперь это все припоминалось ему, и онъ чувствовалъ поздня угрызения совѣсти и ничего онъ въ эту минуту такъ страстно не желалъ, какъ оправдаться передъ этой, совершенно чужой ему дѣвушкой, сказать ей, что онъ тогда былъ глубоко неправъ, что онъ напрасно презиралъ ее. Эти мысли неотступно преслѣдовали Бланка весь остатокъ дня; съ этими мыслями онъ уснулъ, твердо рѣшивъ искупить свою вину полной откровенностью, которую Роза безъ сомнѣнія оцѣнитъ по достоинству.

VIII.

И Роза думала о Бланкѣ, объ этомъ блудномъ сынѣ, вернувшемся, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ въ свой родной городъ. Ее главнымъ образомъ занималъ одинъ вопросъ, крайне сложный, крайне щекотливый, но въ то же время очень важный для оцѣнки нравственной личности молодого ученаго. Зачѣмъ, съ какой цѣлью онъ такъ поступилъ... Что онъ такъ

поступилъ, что онъ совершилъ то, въ чемъ его давно уже обвиняли, въ этомъ Роза теперь нисколько не сомнѣвалась. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Бланкомъ по поводу его ученой миссиі, выяснили Розѣ истинное положеніе дѣлъ. Ея отецъ, мать, Ципа, наконецъ, могутъ еще сомнѣваться и толковать факты по своему; но она слишкомъ хорошо освѣдомлена въ извѣстныхъ вопросахъ, чтобы сомнѣваться. Но зачѣмъ, для чего?.. Въ сущности, Бланкъ былъ для нея совершенно посторонній человѣкъ, и она имъ интересовалась только потому, что онъ былъ сынъ Цины, и еще потому, что она помнила его юнымъ гимназистомъ, суровость котораго всегда приводила ее въ отчаяніе. Но Бланкъ—ученый, которому предстоитъ занять одну изъ самыхъ выдающихся каеедръ, былъ для нея совсѣмъ чужой. Но чѣмъ больше она о немъ думала, тѣмъ неотступнѣе ее преслѣдовало желаніе во что бы то ни стало выяснить и освѣтить то, что ей представлялось въ видѣ темнаго пятна на свѣтломъ горизонтѣ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе казалось ей важнымъ, что Ципа находилась въ полномъ заблужденіи, и строила разные планы относительно будущаго ея любимца-сына.

Когда всѣ въ домѣ Майгольда улеглись спать, Ципа тихонько пробралась въ комнату Розы, чтобы поговорить съ нею по душѣ о сынѣ. Сердце ея было переполнено счастьемъ, и она чувствовала потребность подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими мыслями. Только одна Роза во всемъ домѣ могла ее понять и сочувствовать ей, и предъ ней она раскрыла свое сердце, высказала свои завѣтныя мечты. Сегодняшній день—самый счастливый въ ея жизни. Приѣмъ, оказанный ея сыну въ домѣ ея благодѣтелей, превзошелъ всѣ ея самыя смѣлыя ожиданія. Она теперь не сомнѣвается, что ея Александръ—важный человѣкъ.

— Но все таки, Розочка, я въ толкъ не возьму... Всѣ говорить, говорить, но я рѣшительно ничего не понимаю. Что же онъ, докторъ, или инженеръ, или банкиръ?

— Нѣтъ, онъ ученый,—сказала Роза.

Ципа иронически усмѣхнулась.

— Ты смѣешься надо мной, дѣточка... Я ужь не такая простофиля. И я кое что понимаю, не даромъ я столько лѣтъ живу въ вашемъ домѣ. Такого званія даже нѣтъ. Къ тому же

ученые только бываютъ среди раввиновъ. А ужъ чего грѣха таить, мой Александръ менѣе всего похожъ на раввина.

Роза разсмѣялась.

— Это правда,—сказала она.

— Вотъ видишь и ты признала, что я права.

— Можетъ быть и права... Однако, Ципа, я хочу спать.

— Такъ ты мнѣ не скажешь, дѣточка?

— Я же тебѣ сказала... А впрочемъ, я тоже не знаю,—спроси его сама, когда онъ придетъ.—Ципа постояла еще нѣкоторое время, потомъ неслышными шагами вышла изъ комнаты, не желая больше беспокоить свою любимицу.

На другое утро, ровно въ часъ, къ Розѣ явились съ визитомъ обѣ сестры Беймъ.

На нихъ были роскошные визитные костюмы и большія шляпы, которыя очень шли къ ихъ оригинальной, нѣсколько задорной красотѣ.

Аврора держала себя нѣсколько сдержанно, говорила столько, сколько полагается для благовоспитанной дѣвицы, знающей законы свѣтскаго этикета. Зося же, болѣе экспансивная, къ тому же очень довольная, что она, наконецъ, попала въ домъ Майгольдовъ, не выдержала тона и даже снова усѣлась, когда г-жа Майгольдъ предложила ей и сестрѣ еще посидѣть. Да и какъ было уйти, когда въ эту минуту въ гостиную явился очень красивый и изящный молодой человѣкъ. Аврора бросила убійственный взглядъ на сестру, но тѣмъ не менѣе и у нея сердце тревожно забилось, въ особенности, когда Роза представила имъ гостя. Обѣ дѣвицы давно уже знали о пріѣздѣ Бланка, и ихъ ранній и поспѣшный визитъ былъ именно и вызванъ жгучимъ желаніемъ поскорѣе увидѣть этого молодого человѣка, о которомъ ходятъ такіе разнообразныя слухи.

Г-жа Майгольдъ освѣдомилась у Бланка, какъ онъ устроился въ гостинницѣ. «Онъ самъ будетъ виноватъ, если ему тамъ будетъ неудобно жить. Онъ съ такой настойчивостью отклонилъ предложеніе поселиться у нихъ въ домѣ, хотя онъ, конечно, никого бы не стѣснилъ»...

— Еще разъ благодарю васъ за ваше гостепрѣимство,—съ живостью проговорилъ Бланкъ,—но я отлично устроился. Къ тому же планъ моихъ занятій, благодаря полученнымъ инструк-

цѣмъ, уже выяснился и мнѣ придется часто отлучаться изъ города.

— Этимъ вы косвенно подтверждаете, что вы не совсѣмъ хорошо устроились въ гостинницѣ,—смѣясь замѣтила Роза.

Вланкъ тоже засмѣялся.

— Да, въ моемъ объясненіи есть формальное противорѣчіе,—сказалъ онъ.—Но увѣряю васъ, что я доволенъ своимъ временнымъ помѣщеніемъ.

— Ученые, впрочемъ, всѣ мало требовательны,—сказала Роза.

— Я этого не знаю. Но, что касается меня, то я, дѣйствительно, мало требователенъ и это объясняется вовсе не принадлежностью къ той или другой профессіи, а просто сложившимися условіями и всей жизненной обстановкой.

— Однако,—сказала г-жа Майгольдъ—я знаю такихъ, которые выросли въ нищетѣ, но разбогатѣвъ, стали крайне требовательны и даже до нельзя избалованы.

— Это должно быть очень смѣшно, когда какой нибудь выскочка начинаетъ корчить изъ себя избалованнаго сибарита,—съ легкой гримаской и охорашиваясь какъ птичка, замѣтила Зося.

— А такъ именно и бываетъ, дорогая Зося,—наставительно проговорила г-жа Майгольдъ.

— А по моему,—серьезно сказала Аврора,—все зависитъ отъ характера человѣка. Я увѣрена, что мой братецъ, если бы онъ даже былъ нищимъ, ни за что бы не отказался отъ своихъ барскихъ привычекъ и наклонностей. Кстати,—обратилась она къ Розѣ,—Адольфъ вчера телеграфировалъ въ Петербургъ, чтобы ему выслали книгу, о которой ты вчера, помнишь, говорила.

— Но зачѣмъ же?—покраснѣвъ, проговорила Роза.

— Какъ, зачѣмъ.. Ты вѣдь сказала, что тутъ ея нельзя достать, а между тѣмъ, тебѣ она нужна.

— Но она вовсе мнѣ не нужна.

— Тѣмъ лучше,—весело подхватила Зося,—буду очень рада, если Адольфъ останется съ носомъ.

— Почему же?—сказала г-жа Майгольдъ, строго посмотрѣвъ на Розу.—Вашъ братъ поступилъ, какъ настоящій кавалеръ, и книга, которую онъ выписалъ, будетъ, надѣюсь, прочтена Розой съ удовольствіемъ.

Бланкъ полюбопытствовалъ узнать, о какой книгѣ идетъ рѣчь, и когда Роза сказала ему, онъ нерѣшительно проговорилъ:

— Эта книга имѣется въ моей дорожной библиотекѣ, и если позволите, я вамъ ее принесу.

Роза почувствовала облегченіе и бросила благодарный взглядъ на Бланка. Ей не хотѣлось быть обязанной ничѣмъ, даже такимъ пустякомъ, молодому Бейму и заявленіе Бланка было для нея настоящимъ избавленіемъ отъ непріятной навязчивости.

Но за то Аврора осталась недовольной Бланкомъ и чтобы его какъ нибудь уязвить, она съ ироніей обратилась къ нему:

— Развѣ вы возите съ собой библиотеку?

— Конечно, нѣтъ,—просто отвѣтилъ Бланкъ.—Я называю своей дорожной библиотекой тѣ необходимыя книги, которыя мнѣ нужны для справокъ.

— Научныхъ?

— Да, конечно.

На хорошенькомъ личикѣ Авроры скользнула полупрезрительная гримаска.

Зося сочла нужнымъ скопировать сестру, съ которой она была въ данномъ случаѣ солидарна, и уже затѣмъ отъ себя прибавила:

— Вотъ по моему скучная матерія.

— Что именно?—спросилъ Бланкъ, такъ какъ въ эту минуту Зося устремила на него свои красивые голубые глаза.

— Вѣчно возиться съ книгами, да еще; учеными.—Бланкъ улыбнулся. Ему понравилось красивое личико Зоси съ задорнымъ выраженіемъ и наивнымъ лукавствомъ въ большихъ глазахъ, которые такъ смѣло смотрѣли на него. Онъ не сомнѣвался, что этой избалованной и своенравной барышнѣ никакого дѣла нѣтъ ни до его научныхъ занятій, ни до его книгъ, ни до него самого, и что она вставила свое замѣчаніе съ единственной цѣлью обратить на себя вниманіе, такъ какъ ей, очевидно, стало обидно, что никто не любитъ ни ея, ни ея роскошнымъ туалетомъ.

— Вы совершенно правы, сказалъ онъ, выдержавъ ея упорный вызывающій взглядъ.—Ученныя книги бываютъ невыно-

симо скучны и подчасъ гораздо пріятнѣе проводить время въ бесѣдѣ съ живыми людьми, въ особенности, если они обладаютъ живымъ темпераментомъ и голубыми глазами.

— Почему именно голубыми?

— Это ужъ дѣло вкуса.

Никто не слыхалъ этого коротенькаго діалога между Зосей и Бланкомъ, такъ какъ Аврора въ это время показывала г-жѣ Майгольдъ и Розѣ свою новую шляпу, которую она получила изъ Парижа. Зося, хотя и привычная къ комплиентамъ, однако была польщена вниманіемъ Бланка и отблагодарила его выразительнымъ взглядомъ, давъ молодому ученому еще разъ возможность убѣдиться, что у нея, дѣйствительно, обворожительные голубые глаза. Когда обѣ сестры ушли, Роза осталась одна съ Бланкомъ. Сначала разговоръ еще какъ бы по инерціи вращался на затронутыхъ раньше темахъ, но потомъ уступилъ мало по малу болѣе серьезному настроенію обонхъ собесѣдниковъ. Розу неотступно преслѣдовала та же мысль, что и вчера, но она не знала какъ приступить къ интересующему ее вопросу. Бланкъ въ свою очередь тоже хотѣлъ выяснить свое положеніе и разъ на всегда устранить разныя недоразумѣнія, могущія возникнуть оттого, что его, можетъ быть, принимаютъ, не за того, кто онъ на самомъ дѣлѣ. Раза два въ гостиную, гдѣ сидѣли Роза и Бланкъ, заходила Ципа, усаживалась противъ сына и благоговѣйно прислушивалась къ разговору. На ея старомъ морщинистомъ лицѣ еще лежалъ отпечатокъ блаженства и при взглядѣ на нее Розѣ казалось преступнымъ хотя бы косвенно разрушить это блаженство. По нѣскольکو напряженному состоянію, въ которомъ находилась Ципа, Бланкъ догадался, что она собирается ему что то сообщить. Но на его вопросъ Ципа отвѣчала уклончиво, сказавъ только: послѣ, послѣ, это успеется. И съ этими словами она вышла. Такъ какъ въ комнатахъ становилось душно, Роза предложила Бланку пройти въ садъ.

— Разумѣется, если вы свободны,—прибавила она.

— Сегодня я совѣмъ свободенъ. Моя работа начнется только завтра. Я составилъ подробное и точное распредѣленіе и намѣренъ слѣдовать ему съ педантичной строгостью.

— Если вамъ только не помѣшаютъ.

— Кто же мнѣ можетъ помѣшать?

— О, вы совсѣмъ не знаете провинціи. Здѣсь люди очень любопытны и въ особенностн питаютъ пристрастіе къ приѣзжимъ, если они къ тому же еще изъ столицы. Вотъ эти самыя барышни, которыхъ вы только что видѣли у насъ, въ состояніи перевернуть вверхъ дномъ всѣ ваши планы. Кстати, вы конечно, будете у нихъ съ визитомъ?

— Я?—но я не думаю тутъ заводить никакихъ знакомствъ.

— Напрасно. Да этого никто и не позволитъ,—и Роза повернула къ нему свое красивое лицо, на которомъ играла чуть замѣтная улыбка. Она только теперь хорошенько разсмотрѣла Бланка. Онъ былъ не особенно красивъ, съ неправильными чертами лица и широкимъ лбомъ. Но въ этомъ блѣдномъ, нѣсколько суровомъ лицѣ было что то такое, что обращало на себя вниманіе и нравилось. Въ особенности поражали глаза Бланка, вдумчивые, глубокіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пронизательные. Розѣ всегда нравились его глаза, и когда онъ казался ей очень злымъ, ей стоило только взглянуть въ его глаза, чтобъ успокоиться и примириться съ нимъ. Она и теперь это сдѣлала, хотя онъ въ данную минуту ей вовсе не казался злымъ. Она уловила грустный сосредоточенный взглядъ, который почему то проникъ въ самую глубь ея сердца. Она отвернулась и чтобы замаскировать свое настроеніе, громко проговорила:

— А вы думали, что будете здѣсь жить отшельникомъ?

Бланкъ не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на Розу и предъ нимъ одно за другимъ всплывали воспоминанія его дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, невеселыя, непріятныя, но въ то же время окутанныя нѣжной поэтической дымкой, ласкающей глазъ, трогающей сердце. Вотъ здѣсь, въ этомъ саду онъ не разъ проливалъ горькія слезы, не разъ проклиналъ весь міръ и всѣхъ людей, не разъ посылалъ угрозы небу за несправедливость къ нему. Но въ этомъ же саду, въ тѣни его роскошныхъ орѣховыхъ деревьевъ, онъ находилъ успокоеніе, въ особенности когда къ нему выбѣгала его маленькая ученица и съ участіемъ устремляла на него свои большіе дѣтски серьезные глаза. Вотъ какъ теперь.. Онъ очнулся отъ пріятнаго забвенія, миражъ исчезъ. Предъ нимъ была взрослая красавица. Она съ нимъ о чемъ то говорила, ждала отъ него от-

вѣта. Ему стало неловко, и уловивъ обрывокъ послѣднихъ словъ Розы, онъ проговорилъ:

— Ваше замѣчаніе напомнило мнѣ мое дѣтство. Оно протекло здѣсь подъ тѣнью этихъ деревьевъ. Вы, конечно, этого не помните?

— Нѣтъ, помню—живо сказала Роза.

— Значитъ вы не забыли, какъ вы не разъ заставляли меня въ самомъ отдаленномъ заброшенномъ углу, одинокимъ и безпомощнымъ. Вы, конечно, не понимали тогда, что творится со мной, отчего у меня такое суровое лицо, отчего я бѣгу отъ людей. Но этотъ недостатокъ, эта боязнь людей и, пожалуй, недоувѣріе къ нимъ у меня и до сихъ поръ остались. Моя жизнь сложилась очень странно. Съ ранняго дѣтства я познакомился съ несправедливостью судьбы или, вѣрнѣе, съ результатами ненормального экономическаго строя... Вы знаете только частности. Вы знаете мое ложное положеніе въ вашемъ домѣ, въ обществѣ, среди сверстниковъ; вы знаете мое происхожденіе, мою бѣдность. Но вы не знаете, что эти частности были только ничтожными маленькими эпизодами въ той трагической эпопее, которая тогда только начиналась и развязки которой я самъ не зналъ.

С. Ярошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прииритель.

РАЗСКАЗЪ И. ЗАНГВИЛЛЯ.

(Съ англійскаго).

Окончаніе.

IV¹.

Авторъ „Братства народовъ“ на слѣдующій же день собственноручно сдалъ на почту пятьдесятъ экземпляровъ своей книги, адресованныхъ на имена еврейскихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія. Отъ семнадцати адресатовъ присланы были, въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ двухъ недѣль, формальныя увѣдомленія о полученіи книги, съ вѣжливымъ изъясненіемъ благодарности, при чемъ четверо изъ нихъ сочли долгомъ приложить по одному шиллингу, въ видѣ платы за книгу, пронечатанной на оберткѣ ея; а пятый заблагодарасудилъ даже приложить, вмѣсто одного, цѣлыхъ пять шиллинговъ. Этотъ щедрый меценатъ особенно раздосадовалъ незлобиваго Зусманна.

— Чтожъ онъ за *шнорера*, что ли, принимаетъ меня?— вскричалъ онъ, вспыхивая отъ негодованія и торопливо перекладывая деньги въ другой конвертъ, чтобы вернуть ихъ обратно.

Къ счастью, или къ несчастью для себя, нашъ сапожникъ-идеалистъ не былъ надѣленъ даромъ пророческой прозорливости, поэтому не предвидѣлъ, что для него наступятъ такіа тяжкія времена, когда онъ на самое дѣло превратится въ *шнорера*. И, доведенный нуждой до полнаго отчаянія, не прочь будетъ принять пять шиллинговъ отъ всякаго, кто бы ни предложилъ ему:

¹ См. „Восходъ“, кн. VI.

ихъ. Но пока у него имѣлась еще кое-какая работишка, съ помощью которой онъ могъ и самъ держаться, и даже поддерживать своего пріятеля, Рыжого сторожа, на поверхности моря житейскаго. Но увъ! день неизбежнаго крушенія былъ ужъ недалекъ. Мало по малу, верстаки, лопилы и прочія принадлежности сапожнаго мастерства, кромѣ самыхъ простѣйшихъ и необходимѣйшихъ его орудій, — начали предательски дезертировать съ чердака, такъ что нашимъ друзьямъ волей неволей пришлось разставаться и въ одиночку промышлять для себя работу на стонѣ.

Рыжій сторожъ героически обрекъ себя на тяжкое существованіе впроголодь и послѣдшилъ покинуть свое мѣсто за столомъ своего бывшаго хозяина. Зусманнъ съ женой терпѣливо боролись съ нуждой, перебиваясь кое-какъ то на тѣ жалкія крохи, которыя они выручали за распродажу своей субботней одежды, то на еще болѣе скудныя заработки Гульды, которая принялась за шитье дѣтскаго бѣлья. Но съ паступленіемъ зимы, бѣдняжка опять начала хворать, и любимыя книги ученаго сапожника тоже стали быстро покидать деревянныя полки, служившія единственнымъ украшеніемъ голыхъ стѣнъ его убогаго жилища.

Въ первое время Гульда, не хотѣвшая и слышать о приглашеніи доктора на дѣшъ, храбро боролась съ дождями и туманомъ и усердно посѣщала бесплатную лѣчебницу, гдѣ ей приходилось по цѣлымъ часамъ задыхаться отъ духоты въ толпѣ прочихъ еврейскихъ матронъ, чаявшихъ исцѣленія отъ суетливаго и даже нѣсколько грубоватаго эскулапа, безцеремонно покрикивавшего на своихъ паціентовъ, объяснявшихся на неудобопонятномъ для него жаргонѣ. Но, наконецъ, болѣзнь такъ подкосила Гульду, что она уже не въ состояніи была выходить изъ дома. Зусманнъ, все еще не имѣвшій никакой работы, началъ подумывать о необходимости обратиться за помощью къ общественной благотворительности.

Въ гетто, правда, не было недостатка въ филантропическихъ учрежденіяхъ, но для полученія оттуда помощи, необходимы были

такой же навнѣкъ и такая же сноровка, какіе требуются и для выполненія всякой специальной работы. Такимъ образомъ, просто-душному Зусманну оставалось только молча удивляться ловкости нѣкоторыхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которымъ даже самая легкая болѣзнь доставляла удовольствіе полакомиться и крѣпкимъ мяснымъ бульономъ, и вкуснымъ желе, и прочими изысканными кушаньями! А были и такіе счастливицы, которые состояли подъ особымъ покровительствомъ ангеловъ благотворительности и постоянно пригрѣвались подъ ихъ крылышкомъ; но въ число такихъ избранныхъ могли попасть, какъ говорили, только голландцы.

Какъ бы то ни было, но въ искусствѣ выпрашивать всякаго рода пособіе премировали, какъ уже сказано, не робкіе новички, а опытные специалисты по этой части. Поэтому Зусманнъ совершенно бесполезно толкался по корридорамъ филантропическихъ учрежденій въ толпѣ прочихъ просителей и просительницъ. Къ тому же, стоустая молва о его беззаконіяхъ преслѣдовала его понятѣмъ, усердно распространяемая и раздуваемая его конкурентами въ жестокой борьбѣ за существованіе. — „Какъ, — съ негодованіемъ восклицали они: — неужели же наши благотворительные комитеты будутъ содержать изъ общественныхъ суммъ этого наглаго проходимца, который готовъ служить и нашимъ, и вашимъ, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ залѣзаетъ одной рукой въ карманъ къ евреямъ, а другою — къ христіанамъ“.

Какъ разъ въ это время самой гнетущей и безвыходной нужды, горемычный сапожникъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія со стороны остропесныхъ лѣди, которыя слыхали уже кое что о его книгѣ и теперь съ участіемъ слѣдили за нимъ, почуявъ въ немъ злополучную человѣческую душу, которую можно и должно было спасти.

Зусманнъ началъ раздумывать и колебаться. — „Почему же ему не воспользоваться помощью, которую такъ великодушно предлагать ему эти почтенныя лѣди? Вѣдь, ему хорошо извѣстно было,

какую самоотверженную жизнь онъ ведутъ, и какъ искренно онъ радуются, когда ихъ заботы и хлопоты о спасеніи человѣческихъ душъ приводятъ ихъ къ желаннымъ результатамъ. Ихъ щедрая поддержка гораздо скорѣе могла бы поставить его опять на ноги, чѣмъ столь безжалостная къ нему еврейская благотворительность". Тутъ ему вспомнились, встать, легенды, ходившія въ гетто о теплой одеждѣ, одѣялахъ, портвейнѣ и прочихъ житейскихъ благахъ, съ помощью которыхъ эти нефистофели въ юбкахъ улавливали въ свои сѣти удрученныя и слабыя человѣческія души. Вѣдннй Зусманнъ, тоже чувствовавшій себя въ самомъ удрученномъ состояніи, не выдержалъ искушенія и, при первой же встрѣчѣ съ одной изъ этихъ добродѣтельныхъ матронъ, откровенно разсказалъ ей о своемъ безпомощномъ положеніи, причеиъ, въ заключеніе, позволилъ ей навѣстить его больную жену.

По возвращеніи домой, онъ, несмотря на торжественный субботній канунъ, кромѣ ломтеа сухого хлѣба, ничего не могъ дать поужинать своей изнуренной и до нельзя исхудавшей, но все еще прелестной, подругѣ. Послѣ этой скудной трапезы, онъ, какъ бы въ утѣшеніе ей, началъ громко читать молитву и съ особеннымъ униженіемъ произнесъ заключительныя слова ея: „Что можетъ сравниться съ счастьемъ имѣть добродѣтельную жену, ибо это сокровище дороже всякихъ рубиновъ“.

На другой день, послѣ полудня, на порогъ чердака вдругъ появился мальчикъ съ объемистой корзиной въ рукахъ, издававшей аппетитный запахъ чего то съѣдобнаго.

Зусманнъ стремительно бросился къ нему на встрѣчу.

— Да благословить ее Богъ!—безсвязно пробормоталъ онъ и, взглянувъ въ корзину, радостно прибавилъ:—Посмотри, Гульда, какія тутъ прелести—цыплята, вино и даже виноградъ!

— Откуда это?—спросила больная, съ трудомъ приподнявъ голову и вспыхивая отъ волненія.

Зусманнъ замаялся было на минуту, но сейчасъ же оправился

и, объяснивъ женѣ, въ чемъ было дѣло, прибавилъ, что добрыя сестры общали навѣстить ее сегодня.

Легкій румянецъ, оживившій блѣдныя щеки Гульды, моментально смѣнялся зловѣщими багровыми пятнами.

— О, Господи! Что ты надѣлалъ, голубчикъ?—съ упрекомъ вскричала она.—Это нужно сейчасъ же вернуть назадъ,—кликни поскорѣ мальчика, пока онъ не сошелъ съ лѣстницы.

— Но зачѣмъ же?—въ смущеніи пролепеталъ Зусманнъ.

— Да кликни же поскорѣ мальчика!—съ отчаяніемъ повторила Гульда.—Какъ же ты не сообразилъ того, что посвѣщеніе этихъ лѣди навсегда погубитъ твою идею? Вѣдь, тебя и безъ того уже считаютъ тайнымъ орудіемъ миссіонеровъ. Да поторопись же, голубчикъ! Возьми корзину и догони поскорѣ мальчика.

Зусманнъ съ какою то скорбной нѣжностью взглянулъ на жену, покорно взялъ въ руки корзину и бросился въ догонку за мальчикомъ. Гульда откинулась опять на подушку и съ облегченіемъ вздохнула.

„Бѣдняжка—какъ онъ страдаетъ изъ за меня!—подумала она, пользуясь отсутствіемъ мужа, чтобы отвашаться, какъ слѣдуетъ. Да, ради меня, онъ готовъ былъ на такую жертву, на которую онъ ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы для самого себя. Нечего сказать, хорошо было бы съ моей стороны принять отъ него эту жертву и разрушить самую завѣтную мечту его жизни! Пусть же евреи видятъ и знаютъ, что онъ совершенно безкорыстно служить идеѣ общаго блага,—тогда они навѣрно кончатъ тѣмъ, что опѣивать его книгу. Разумѣется, ему легче было бы выдержать эту тяжелую борьбу съ обстоятельствами, если бы у него не было больной жены на рукахъ: онъ могъ бы тогда поискать для себя работы въ окрестныхъ ивѣсточкахъ... Нѣтъ, я должна или умереть, или выздороветь во что бы то ни стало“.

Зусманнъ вернулся назадъ съ пустыми руками и съ тяжелымъ бременемъ на сердцѣ.

— Подойди сюда, голубчикъ мой, и дай мнѣ поцѣловать тебя,—

съ нѣжностью сказала ему Гульда.—Не горой обо мнѣ,—я теперь скоро поправлюсь.

Зусманнъ наклонился къ женѣ и, молча, прильнулъ къ ее горячимъ и пересохшимъ губамъ.

— Теперь я понимаю, почему Богъ не далъ намъ дѣтей,—задумчиво продолжала Гульда.—Мы съ тобой такъ сокрушались объ этомъ; но Богъ, видно, все устраиваетъ къ лучшему, потому что дѣти еще больше связали бы тебѣ руки и помѣшали бы осуществленію твоей идеи.

— Но, вѣдь, англійскіе равнины не обратили ровно никакого вниманія на мою книгу,—уныло отозвался Зусманнъ.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Они обратятъ на нее вниманіе, когда она появится въ печати на англійскомъ языкѣ съ убѣжденіемъ произнесла Гульда.—А что она будетъ переведена на англійскій языкъ въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Да, да, я знаю и всѣмъ сердцемъ чувствую это, а оно никогда не обманываетъ меня!—съ увлеченіемъ прибавила она, прижимая руки къ сердцу, и громко раскашлялась отъ сдѣланнаго ею движенія.

Передъ наступленіемъ вечера Зусманнъ, по совѣту жены, вышелъ было изъ дома побродить по улицамъ, но на крыльцѣ столкнулся съ Когеномъ, чернобородымъ русскимъ евреемъ, жившимъ въ нижнемъ этажѣ и съ какими то комически торжественнымъ видомъ возвращавшимся домой въ своемъ парадномъ, но далеко не щегольскомъ, субботнемъ балахонѣ, сдѣланномъ чуть не изъ солдатскаго сукна.

— А, здравствуйте, почтеннѣйшій! Что-жъ это вы перестали брать у меня молоко?—съ живостью вскричалъ онъ, завидѣвъ Зусманна. Расторопный Когенъ снабжалъ всѣхъ своихъ сосѣдей молокомъ, которымъ онъ торговалъ „и оптомъ и въ розницу“.—Если вамъ стали отпускать плохое молоко, то вамъ слѣдовало прямо высказать мнѣ это, а не лишать меня своей практики безъ всякихъ объясненій. Повѣрьте мнѣ, торговля молокомъ доставляетъ мнѣ не Богъ знаетъ какіе барыши, а хлопотъ и возни съ ней то-

же не мало. Да еще хоть бы труды вознаграждались, какъ слѣдуетъ, а то, вѣдь, конкуренція такъ одолеваетъ нашего брата, что иногда приходится продавать цѣлую пинту молока за какой-нибудь пенни. А въ субботній день и совсѣмъ ничего не выручишь. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ напастей, въ наши молочные погреба во всякое время можетъ ворваться кто нибудь изъ этихъ анализистовъ, которые имѣютъ обыкновеніе всюду совать свой носъ и обнюхивать каждый горшокъ и каждую молочную плешку.

— Видите ли, мн... то есть, моя жена больна, поэтому не можетъ пить молока,—запинаясь пробормоталъ Зусманъ.

— Гмъ, гмъ,—въ раздумьи промывчалъ Когенъ.—Ну, такъ, ужъ хоть бы вы сами кушали его вмѣсто вашей почтеннѣйшей супруги, а то у меня остается его такая пропасть, что это можетъ даже повредить моей репутаціи. Позвольте мнѣ прислать вамъ каждый вечеръ по кружкѣ *изъ остаточковъ* моихъ молочныхъ запасовъ—разумѣется, бесплатно,—въ субботу я ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы себѣ говорить о матеріальныхъ дѣлахъ. Но видите ли, мнѣ такъ неловко бываетъ выливать эти остатки изъ моихъ молочныхъ посуды, да еще иногда у всѣхъ на виду, что я буду отъ души благодаренъ вамъ, если вы избавите меня отъ этой непріятности.

Простодушный Зусманъ мысленно возблагодарилъ благое Провидѣніе, доставлявшее ему такой прекрасный случай оказать дружескую услугу своему ближнему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самому пользоваться отъ него кое-какими крохами. Получивъ первую кружку *остаточковъ*, онъ успѣшилъ вернуться съ нею къ себѣ на чердакъ и передалъ женѣ отъ слова до слова свой разговоръ съ щедрымъ Когеномъ. Гульда, какъ смѣтливая особа, конечно, оцѣнила по достоинству даръ ихъ новаго благодѣтеля, но замѣтила только:

— Видишь, мой другъ, твоя идея начинаетъ ужъ дѣйствовать понемножку. Вѣдь, прежде этотъ же самый Когенъ называлъ тебя не иначе, какъ энкуррейцемъ, — что нисколько не мѣшало

ему самому тайкомъ продавать молоко въ субботніе дни. По-
мишишь, съ какимъ оживленіемъ онъ нападалъ на тебя?

— Да, мнѣ таки порядочно доставалось отъ него, — съ доб-
родушнымъ смѣхомъ отозвался незлобивый сапожникъ.

Этотъ маленькій инцидентъ произвелъ на него самое благопріят-
ное дѣйствіе, пробудивъ въ его сердцѣ прежнія радужныя надежды,
и онъ съ повеселѣвшимъ лицомъ вышелъ опять изъ дома, чтобы
потолкаться по улицамъ въ праздничный вечеръ.

„Да, идея начинаетъ производить свое дѣйствіе, — думалъ
онъ, — и я убѣжденъ, что „Братство народовъ“ будетъ оцѣнено
если не современными, то послѣдующими поколѣніями.“ Тутъ онъ
восторженно поднялъ глаза къверху и мысленно произнесъ по еврейски:
„И въ тотъ день у всѣхъ будетъ одинъ Богъ, и всѣ будутъ на-
зывать Его однимъ именемъ“.

— Эй, ты, разина — ослѣпъ ты, что ли?

Этотъ грубый окрикъ моментально разсѣялъ грезы нашего
восторженного мечтателя, который торопливо свернулъ въ сторону,
чтобы очистить дорогу для окликнувшего его ломовика, съ уста-
лымъ видомъ шагавшаго за неувлѣжей телѣгой, которая была на-
гружена гromаднѣйшей бочкой съ пивомъ. Трое юныхъ оборван-
цевъ, присутствовавшихъ тутъ же и съ наслажденіемъ тузившихъ
другъ друга кулаками, сейчасъ же прекратили эту невинную за-
баву, и для разнообразія, затѣяли было перебранку съ сердитымъ
ломовикомъ, но не встрѣтивъ никакого поощренія со стороны Зус-
манна, мало по малу угомонились и завели съ послѣднимъ раз-
говоръ самаго мирнаго свойства. Вскорѣ къ нимъ присоединился
также какой то хромой и подслѣповатный горбунокъ, который при-
нялся упрасивать Зусманна купить у него какую то дешевую
книжку; но сапожникъ только съ сожалѣніемъ покачалъ головой и,
ускоривъ шаги, пошелъ далѣе.

„Да, настанетъ время, когда Богъ и горбатаго сдѣлаетъ
прямымъ“, — съ безграничной вѣрой прошепталъ онъ.

По улицамъ снова владъ и впередъ группы евреевъ въ вы-

сожких черныхъ шляпахъ и неуклюжихъ кафтанахъ, какъ то мѣшко-вато сидѣвшихъ у нихъ на плечахъ, а у отворенныхъ воротъ ветхихъ домишекъ толпились ихъ жены — однѣ въ парадныхъ субботнихъ нарядахъ, а другія — въ будничныхъ своихъ лохмотьяхъ, вторыя онѣ не позаботились даже прикрасить чѣмъ нибудъ, чтобы придать себѣ болѣе праздничный видъ, какъ то предписываетъ одинъ изъ благочестивыхъ еврейскихъ раввиновъ. И всѣ эти израильскія матери и жены имѣли такой усталый и эпатичный видъ! Впрочемъ, на улицахъ не рѣдко встрѣчались и стройныя фигуры улыбающихся черноокихъ красавицъ, разряженныхъ въ модные цвѣтные корсажи, расшитые мишурой въ видѣ какихъ то затѣливыхъ арабесковъ.

Обогнувъ уголъ, Зусманнъ очутился въ узенькой улицѣ, которая, казалось, вся содрогалась и трепетала отъ звуковъ піано-органа, наигрывавшаго какую то веселую мелодію. Оболо органа шумѣла толпа дѣтей, большую частію дѣвочекъ, которыя такъ быстро кружились и съ такимъ усердіемъ выдѣлывали какія то замысловатія па, что ихъ смуглыя личики разгорѣлись, какъ алны розы, а наивные черныя глазки такъ и искрились отъ удовольствія. Одна хромоногая рѣзвушка, позабывъ о своемъ увѣчьи, отплясывала съ такимъ увлеченіемъ, что въ воздухѣ мелькали только имитаторныя пятки ея кривыхъ ножекъ.

У Зусманна неволью навернулись слезы на глазахъ при видѣ этой беззаботно прыгающей фигурки.

„Танцуй, танцуй, дорогая моя крошка! — съ умиленіемъ прошепталъ онъ. — Всемогущій Богъ совершилъ уже чудо и сдѣлалъ горбатаго прямымъ.“

Подойдя къ органу поближе, онъ увидалъ небольшую корзину, привязанную къ нему съ боку, въ которой лежала, какъ въ калбани, какая то странная фигурка, походившая издали отчасти на обезьянку, отчасти на куклу. Но при ближайшемъ осмотрѣ, эта фигурка оказалась худенькииъ младенцемъ съ шелковистыми белокурыми волосами и большими сѣрыми глазами, кротко смотрѣв-

шими изъ подъ голубенькой шапочки, покрывавшей его головку. Невинный крошка какъ то удивительно спокойно лежалъ въ своей импровизированной колбелѣ и, убаюкиваемый привычными ему звуками музыки, съ глубокомысленнымъ видомъ сосалъ свой рожокъ съ молокомъ, не обращая никакого вниманія на происходившую вокругъ него суматоху.

„Такой же безмятежной жизнью будетъ жить и умиротворенное человѣчество, убаюкиваемое мелодичными звуками музыки,— подумалъ опять Зусманнъ.— Богъ послалъ мнѣ знаменіе“.

Онъ вернулся домой въ самомъ свѣтломъ настроеніи и поспѣшилъ разсказать женѣ о знаменіи, ниспосланномъ ему свыше.

— А какое же это было дитя—итальянское?—съ любопытствомъ спросила Гульда.

— Нѣтъ, англійское — съ бѣлокурой головкой и чудесными сѣрыми глазами.

— Ну, такъ это значить, что твоя идея распространится между людьми съ помощью англійскаго языка. Будь увѣренъ, что твоя книга будетъ переведена на этотъ языкъ, и я чувствую, что доживу до этого времени.

V.

Узнавъ о болѣзни Гульды, Рижій сторожъ сильно встревожился и, тщательно починивъ и вычистивъ свой обтрепанный балахонъ, поспѣшилъ навѣстить своихъ друзей. Его озабоченное лицо было въ этотъ день блѣднѣе обыкновеннаго, губы были крѣпко сжаты, а въ нахмуренныхъ глазахъ сверкала такой мрачный огонь, какъ будто онъ собирался бросить смѣлый вызовъ всему жестокосердому человѣчеству. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, не вѣрно ли было со стороны хотя бы той же природы, которая сама себя создала, съ одной стороны—создать такихъ людей, которые даже и понять то не могли, кѣмъ они созданы, а съ другой—такъ жестоко издѣваться надъ единственнымъ человѣкомъ, воздававшимъ ей должное, и упорно отказывать ему въ возможности

нить сапоги для его безчувственныхъ и неразумныхъ собратьевъ?

Когда же онъ увидалъ, до чего довела эта бездушная природа Зусманна съ Гульдой, то еще плотнѣе сжалъ свои губы, можетъ быть, для того, чтобы воздержаться отъ проклятій по адресу ихъ общей гонительницы, но вѣрнѣе всего — чтобы подавить въ себѣ громкій стонъ, который готовъ былъ вырваться изъ его удрученнаго сердца.

Онъ не долго пробылъ у своихъ друзей, но прощаясь съ Зусманномъ, который вышелъ вѣстѣ съ нимъ по площадкѣ темной и грязной лѣстницы, не могъ удержаться, чтобы не замѣтить ему: — Нѣтъ, дружище, вашъ Богъ совсѣмъ забываетъ о своихъ горемычныхъ созданіяхъ.

— Вѣрнѣе будетъ сказать, что мы сами, слабыя Его созданія, часто совсѣмъ забываемъ о Немъ, — отвѣтилъ Зусманнъ. — Допустимъ, пожалуй, что я дѣйствительно сильно страдаю отъ нужды — такъ развѣ же это не въ порядкѣ вещей? Вѣдь, вы читали Талмудъ и вѣрно помните, что отвѣтилъ Всемогущій раввину Элеазару бенъ Педосу, когда тотъ началъ жаловаться на свою нищету: „неужели ты остался бы доволенъ, если бы Я перевернулъ ради тебя весь порядокъ мірозданія, такъ что тебѣ пришлось бы, можетъ быть, вторично родиться во времена полного изобилія на землѣ?“ Нѣтъ, другъ мой, мы должны безусловно полагаться на премудрый и благой промыселъ Божій.

— Но почему же глухцы то благоденствуютъ и наслаждаются всѣми житейскими благами?

— Они потому только и могутъ наслаждаться этими благами, что они глухцы. Если же праведникъ и страдаетъ иногда, а дланной человекъ благоденствуетъ, то это такъ и должно быть въ силу основъ самой добродѣтели. Неужели же праведникъ долженъ рассчитывать на воздаяніе за свою праведность? При чемъ же была бы тогда высокая идея о добродѣтели ради самой добродѣтели? Вѣдь, въ такомъ случаѣ вся праведность человѣческая

низводилась бы на степень простой коммерческой сдѣлки. Помните, что сказалъ одинъ изъ нашихъ мудрыхъ раввиновъ о человѣкѣ, который заранѣе зналъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ рассчитывать на царствіе небесное: „этому несчастливцу все таки можно позавидовать въ томъ отношеніи, что онъ могъ свободно дѣлать добро, не опасаясь никакой награды за это“.

Безпамятный сторожъ, конечно, „не помнилъ“ этого изреченія еврейскаго мудреца, поэтому отрывисто проворчалъ только, что онъ считаетъ чистѣйшимъ осломъ человѣка, который, зная навѣрно, что ему нечего надѣяться на царствіе небесное, не постарался бы хоть въ этой жизни насладиться, чѣмъ возможно,—и съ мрачнымъ видомъ началъ спускаться съ лѣстницы. Очутившись на улицѣ, онъ быстро зашагалъ въ ту сторону, гдѣ находилась бывшая его синагога, въ которой, какъ ему не безъизвѣстно было, должно было происходить Несред (погребальное богослуженіе) по одному знаменитомъ маггидѣ. Почитатели покойнаго проповѣдника собрались въ синагогу въ такомъ множествѣ, что нашему рыжему „эпикурейцу“ стоило не малаго труда протолкаться впередъ, при чемъ нѣкоторые изъ молящихся сердито уставились своими покраснѣвшими отъ слезъ глазами на дерзкаго богохульника, явившагося на священную церемонію изъ одного празднаго любопытства. Но угрюмый бородачъ вдругъ тоже судорожно зарыдалъ, должно быть потому, что ему какъ то особенно живо представилась въ эту минуту блѣдная и исхудавшая Гульда, безпомощно лежавшая на своемъ чердакѣ и надрывавшаяся отъ мучительнаго кашля. Онъ плакалъ такъ искренно и такъ горько, что тронулъ даже сердце синагогальнаго габбая (казначей), пользовавшагося репутаціей одного изъ самыхъ благочестивыхъ содержателей сапожныхъ мастерскихъ, такъ что, по окончаніи богослуженія, этотъ добродѣтельный мужъ весьма благосклонно кивнулъ ему головой.

— Признаюсь, я никакъ не думалъ, что вы будете такъ горько оплакивать нашего любимаго проповѣдника,—еще милостивѣе замѣтилъ онъ, поровнявшись съ покаившимся вольнодумцемъ.

— Увы, возлюбленный братъ мой,—съ сокрушеніемъ воскликнулъ коварный сторожъ: — оплакивая тяжкую утрату одного изъ нашихъ израильскихъ князей, я оплакивалъ въ то же время и собственныя мои беззаконія, на которыя эта, столь прискорбная для всѣхъ насъ, кончина внезапно открыла мнѣ глаза. Сколько разъ слышалъ я пламенныя и вдохновенныя рѣчи нашего усопшаго пастыря, произносившіяся въ этой самой синагогѣ! — прибавилъ онъ, сопровождая свои слова глубокимъ вздохомъ, которымъ онъ старался подавить тревожное сознание собственнаго лицемѣрія. Благочестивый владѣлецъ сапожной мастерской тоже испустилъ не менѣе глубокий и сочувственный вздохъ.

— Да, падишь (свѣтой) можетъ и по смерти творить добрыя дѣла,—торжественно проговорилъ онъ.—И мнѣ остается только молить Господа Бога, чтобы Онъ удостоилъ и меня такой же блаженной кончины.

— Отнынѣ и я буду молиться о томъ же и возсылать горячую мою благодарность благому Провидѣнію за то, что оно не допустило меня умереть во грѣхѣхъ, въ то время, когда я безумно отрицалъ Творца вселенной.

Бесѣду такимъ образомъ, старыя знакомыя и новыя единомышленники вышли вѣсть изъ синагоги и дружелюбно направились вдоль по улицѣ.

На слѣдующей же день, въ часъ полдника, взволнованный бородачъ съ сіяющими и раскрасѣвшимися лицомъ влетѣлъ, какъ ураганъ, на чердакъ Герцовъ и порывисто постучался у ихъ двери.

— Ну, дружище, я получилъ, наконецъ, работу,—съ торжествомъ объявилъ онъ Зусманну, какъ только тотъ отворилъ ему дверь.

— Mazeltov!—радостно отозвался Зусманнъ, повторяя вполголоса свое любимое еврейское привѣтствіе и быстро прикладывая указательный палецъ къ губамъ, чтобы удержать пріятеля отъ громкаго разговора, который могъ бы потревожить больную, только что забывшуюся легкимъ сномъ.—У кого же это вамъ посчастливилось, наконецъ, пристроиться?

— Представьте себѣ, у самого Гарриса, нашего благочестивѣйшаго габбая.

— Какъ—несмотря на ваше религиозное свободомысліе..

— Какъ видите,—коротко отвѣтилъ нашъ непоколебимый радикаль, туно глядя въ пустое пространство.

— Слава Богу! Идея дѣлаетъ свое дѣло,—послышался вдругъ кроткій голосъ Гульды, заставившій вздрогнуть обоимъ саножниковъ, которые быстро повернулись въ сторону больной и увидали, что она приподнялась на постели и съ счастливой улыбкой смотритъ на нихъ.

— Что вы хотите сказать, фрау Герцъ?—въ смущеніи спросилъ Рижій сторожъ. — Вѣдь, вы же, надѣюсь, не смотрите на меня какъ на гоа, состоящаго подъ особымъ покровительствомъ еврейскаго габбая.

— Конечно, нѣтъ. Я хочу только сказать, что идея о великомъ общечеловѣческомъ братствѣ начинаетъ распространяться.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ общечеловѣческимъ братствомъ, добрѣйшая фрау Герцъ, — угрюмо отозвался сторожъ, окидывая критическимъ взглядомъ убогую обстановку своихъ друзей. — По правдѣ сказать, меня радуетъ въ этомъ случаѣ только то, что теперь вамъ можно будетъ позволить себѣ нѣкоторую роскошь.

— Роскошь?—съ удивленіемъ повторила Гульда. — На какія же это средства?

— Разумѣется, на мои будущіе заработки. Вѣдь, вы же, конечно, не откажетесь считать ихъ общимъ нашимъ капиталомъ.

— Да наградитъ васъ Богъ, дружище,—съ чувствомъ сказалъ Зусманнъ.—Но у васъ и собственныхъ нуждъ за глаза достаточно.

— Конечно, конечно, — дрогнувшимъ голосомъ прибавила Гульда, стараясь подавить слезы, выступавшія у нея на глазахъ. — Мы ни одного фартинга не позволимъ себѣ взять у васъ.

— Вы должны согласиться на мою просьбу хоть ради нашей дружбы.

Растроганная Гульда порывисто пожала руку своему великодушному другу, но твердо стояла на своемъ.

— Ну, такъ позвольте мнѣ откырнуть хоть временный кредитъ Зусманну до получения имъ работъ.

Зусманнъ началъ какъ будто колебаться и съ умоляющимъ видомъ взглянулъ на жену, но Гульда опять отрицательно покачала головою.

— Такъ то вы примѣняете на практикѣ идею о великомъ общечеловѣческомъ братствѣ! — съ упрекомъ вскричалъ нѣсколько раздосадованный сторожъ.

— Онъ совершенно правъ, Гульда,—вставилъ Зусманнъ.— Отчего же намъ и не принять иногда помощь другъ отъ друга? Гордость вредитъ духу братства.

— Нѣтъ, мой другъ,—съ убѣжденіемъ отвѣтила Гульда:— не позволять себѣ обирать бѣдняка никакъ не значитъ обнаруживать неумѣстную гордость. Да и наконецъ—чего же еще намъ съ тобой недостаетъ на этой величественной вершинѣ, орошаемой даже молочной рѣчкой?—шутливо прибавила она.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, почему вы не отказываетесь отъ молока изъ остатковъ канновыхъ запасовъ, а меда отъ моихъ трудовъ праведныхъ не хотите вкусить?—спросилъ опять неутомимый сторожъ, поддѣлываясь подъ ея тонъ.

— За то я всегда буду готова наслаждаться медомъ вашихъ дружескихъ рѣчекъ,—отвѣтила Гульда съ той милой улыбкой, которую такъ любилъ ея собесѣдникъ. Эта плѣнительная улыбка, обнаруживавшая два ряда ровныхъ и ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, которыми надѣлила ее природа, имѣла даръ изглаживать всѣ разрушительные слѣды, произведенные болѣзнию на ея лицѣ, и возвращала ему всю его прежнюю привлекательность.

Проработавъ два дня въ мастерской габбал, рижій дипломатъ осторожно завелъ рѣчь съ своимъ патрономъ объ одномъ бывшемъ великодушцѣ, обратившемся, также какъ и онъ, на путь истины, нѣкогда Зусманнъ Герцъ, который, за неимѣніемъ работъ, нахо-

дится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ему нечѣмъ даже кормить больную жену.

— Я и знать не хочу этого мессумеда! — сердито оборвалъ его габбай.—Онъ вполне заслуживаетъ той тяжелой кары, которая обрушилась на его незаконную голову.

Но упрямый сторожъ не унялся и началъ съ жаромъ доказывать разгнѣванному габбаю, что покаявшійся вольнодумецъ не принадлежитъ къ миссіонерскому лагерю и что, въ противномъ случаѣ, онъ никакъ не терпѣлъ бы нужды, такъ какъ обращенный еврей служить такой драгоценной рекламой, на содержаніе которой армія спасенія не пожалѣла бы никакихъ денегъ. Доказательствомъ же того, что онъ совершенно отрезся отъ своихъ религіозныхъ заблужденій, благодаря благимъ совѣтамъ и убѣжденіямъ его образумившагося собрата, служить тотъ фактъ, что его еретическаго сочиненія, „Братство народовъ“, нѣтъ больше въ продажѣ. Наконецъ, такъ какъ онъ, по случаю болѣзни жены, вынужденъ будетъ работать на дому, то его можно будетъ и поприжать немножко, заставивъ его поработать не по установленной, а по пониженной цѣнѣ.

Выслушавъ краснорѣчиваго ходатая, достопочтенный габбай видимо смягчился и тѣмъ охотнѣе сдался на его просьбу, что въ его мастерской было не мало спѣшныхъ заказовъ. Обрадованный сторожъ, въ первую же свободную минуту, бросился къ своимъ друзьямъ и скорѣе влетѣлъ, чѣмъ вбѣжалъ въ ихъ унылую каморку.

— Ну, дружище, я пришелъ къ вамъ съ хорошей вѣстью,—вскричалъ онъ, крѣпко пожимаая руку Зусманну:—нашему габбаю нуженъ еще подручный, и онъ обѣщалъ ужъ мнѣ дать вамъ работу.

— Мнѣ! — повторилъ Зусманнъ, всныкивая отъ радости и какъ бы не довѣряя своимъ ушамъ.

— Ну, вотъ, теперь вы оба видите, что наша святая идея начинаетъ распространяться между евреями,—проговорила Гульда, привставъ съ постели и съ сіяющей улыбкой взглядывая то на

мужа, то на его пріятеля, но сильный пароксизм вашия заста-вилъ бѣдняжку опять опрокинуться на подушку.

— Да, ты права, Гульда! Ты всегда и во всемъ права, дорогая моя!—въ порывѣ восторженной радости отозвался Зусманнъ.— Господи, благодарю Тебя, что Ты услышалъ меня наконецъ!

— Господи, отпусти мнѣ этотъ неумышленный грѣхъ!—мысленно воскликнулъ съ своей стороны добродушный бородачъ.

— Ступай сейчасъ же къ габбау, мой другъ, — продолжала Гульда, обращаясь къ мужу, — а обо мнѣ ужъ пожалуйста не беспокойся; эта неожиданная радость такъ оживила меня, что я навѣрно поправлюсь денька черезъ два, черезъ три.

— Нѣтъ, нѣтъ, — ему нѣтъ никакой надобности вступать въ личные переговоры съ габбаемъ. Я все ужъ уладилъ, какъ слѣдуетъ, — скороговоркой замѣтилъ сторожъ. — Такъ что вы, дружнице, будете спокойно работать у себя на дому. Дѣло, видите-ли въ томъ, что хотя самъ-то габбай и вполне сочувствуетъ вашей идее, но подручные его, кажется, еще не доросли до нея. Поэтому я думаю, что пожалуй благоразумнѣе будетъ, если я самъ буду приносить вамъ работу изъ мастерской и доставлять ее туда обратно.

Эта искусная комбинація оказалась вполне цѣлесообразной и осуществимой, такъ какъ у Зусманна нѣлись еще всѣ инструменты, необходимые для сапожнаго мастерства.

Такимъ образомъ, друзья опять стали видаться ежедневно, и парадный балахонъ Рнжаго сторожа началъ косниться еще больше прежняго, когда обладатель его, тщательно вычистивъ его и приведя въ надлежащій порядокъ, торжественно облачался въ него наканунѣ субботняго дня и направлялся къ Герцагу, чтобы вручить Зусманну его надѣльный заработокъ, который улачивался имъ, разумеется, не по пониженной цѣнѣ, но полностью.

Но здоровье Гульды, которая, вопреки закону логики, не разъ вкушала сладкаго меда, преклонносившагося ей въ той или въ другой формѣ ее преданнымъ другомъ и почитателемъ, — нисколько

не улучшалось, несмотря на очевидное и столь утѣшительное для нея распространѣніе между ея единовѣрцами великой идеи общечеловѣческаго братства.

VI.

Въ одну изъ ненастныхъ декабрьскихъ пятницъ, когда мокрый снѣгъ, падавшій сверху, и густой сѣрый туманъ, заволакивавшій все окружающее, казалось, сдѣлали все, что было возможно, чтобы превратить Спитальфильдскую улицу въ какое-то зловредное гнилое болото, — Рыжій сторожъ, явившись, по своему обыкновенію, къ Герпамъ, чтобы передать Зусманну его недѣльный заработокъ, съ ужасомъ увидалъ мрачную фигуру доктора, стоявшаго у постели больной, подобно грозному вѣстнику смерти.

Взглянувъ на разстроенное лицо Зусманна, Рыжій сторожъ безъ словъ понялъ, что въ положеніи Гильды произошла крутая перемена къ худшему, причемъ его точно ножомъ рѣзнуло по сердцу тяжелое предчувствіе печальной и быстро приближающейся развязки. Но онъ подавилъ это мучительное ощущеніе и, дружески пожавъ исхудалую и влажную руку больной, проговорилъ съ напускной шутливостью:

— Ну-съ, какъ же мы чувствуемъ себя сегодня?

— Немножко слабость усилилась, но это навѣрно скоро пройдетъ.

Сторожъ вопросительно взглянулъ на Зусманна, который, отвѣдя его въ сторону, шопотомъ объяснилъ ему, что онъ еще утромъ вынужденъ былъ обратиться къ доктору, который нашелъ положеніе больной на столько опаснымъ, что счелъ необходимымъ навѣстить ее вторично вечеромъ.

Сторожъ уныло опустилъ голову и, постоявъ нѣсколько минутъ въ мрачномъ раздумьи, вышелъ изъ каморки своихъ друзей вмѣстѣ съ докторомъ, который прямо сказалъ ему, когда они сходили съ лѣстницы, что больная развѣ только при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ могла бы протянуть еще немножко.

— „Ахъ я вислоухій оселъ!—мысленно выругалъ себя Рыжій сторожъ.—И какъ это я до сихъ поръ не уладилъ этого дѣла!“

Тутъ онъ, не обращая вниманія ни на слабость, ни на туманъ, ни на ночную темноту, стремглавъ бросился въ контору „Иудейскаго Стяга“; но очутившись у двери ея, онъ вдругъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, вспомнивъ, что по случаю субботнаго кануна тамъ навѣрно нѣтъ теперь ни маленькаго Самсона и ни одной человеческой души. Маленькій Самсонъ былъ, однако, на своемъ посту и усердно строчилъ что-то, сидя у письменнаго стола.

— Ва, это вы! — съ удивленіемъ вскричалъ онъ, увидавъ въ дверяхъ рослую фигуру нашего пріятеля.

Рыжій дипломатъ, имѣвшій нѣкоторые корыстные виды на шустрого журналиста, успѣлъ уже свести съ нимъ нѣчто въ родѣ забутыльнаго амикошонства, и такимъ образомъ вполне оправдалъ справедливость мудрой поговорки, сложившейся въ гетто и, очевидно, не безъ основанія гласившей, что „рыжій и красный—человѣкъ опасный“.

— Войдите, войдите, милѣйшій мой! — пріятливо продолжалъ журналистъ. — Только я долженъ предупредить васъ, что болѣе пяти минутъ я никакъ не могу удѣлить вамъ. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что по случаю рождественскихъ праздниковъ наборщики на-дняхъ перестанутъ работать, такъ что я вынужденъ заранѣе придумывать разныя новости для нашихъ почтенныхъ читателей.

Съ этими словами онъ приподнялся съ кресла и, взявъ въ руки богопротивную папиросу, съ самымъ развязнымъ видомъ принялся раскуривать ее священнымъ огнемъ субботней лампы. Затѣмъ, завосгѣбый „эпикуреецъ“ наскоро накиннулъ на плечи свой неизносимый плащъ и отправился съ своимъ гостемъ въ ресторанъ, гдѣ велѣлъ подать какую-то трэфную закуску только для одного себя, а напитки для двоихъ.

Рыжій сторожъ съ такой обстоятельностью повелъ переговоры, что, вмѣсто пяти минутъ, они затянулись на цѣлыхъ два часа. Наконецъ, все было выяснено, рѣшено и подписано, и маленькій

Самсонъ далъ слово перевести на англійскій языкъ „Братство народовъ“ подъ слѣдующими двумя условіями: во-первыхъ, что ему будетъ назначено за его трудъ приличное вознагражденіе въ пять фунтовъ стерлинговъ, которые должны быть аккуратно уплачены въ теченіе пятимѣсячнаго срока, а во-вторыхъ, что Рижій сторожъ поможетъ ему справиться съ его задачей посредствомъ словеснаго перевода еврейскаго оригинала, что нашъ ученый сапожникъ могъ выполнить теперь безъ малѣйшаго затрудненія, благодаря тщательному изученію рукописи Гульдъ. Кроме того, маленький Самсонъ обѣщалъ также свое содѣйствіе по части ознакомленія еврейской читающей публики съ философскимъ сочиненіемъ Зусманна Герца, и съ этою цѣлью предложилъ помѣщать свой переводъ по частямъ на столбцахъ „Иудейскаго Стяга“. Эта комбинація, говорилъ онъ, представляла для издателя еще и ту выгоду, что онъ могъ бы получить наборъ для отпечатанія своей книги совсѣмъ даромъ, и ему пришлось бы деплатить только за дополнительный наборъ тѣхъ иѣсть, которыя, быть можетъ, окажутся черезчуръ проникнутыми духомъ свободомыслія и поэтому найдены будутъ неудобными для помѣщенія въ „Иудейскомъ Стягѣ“. Рижій сторожъ, разумеется, остался въ полномъ восторгѣ какъ отъ блестящей комбинаціи, обѣщавшей „Братству народовъ“ обширный кругъ читателей, такъ и отъ доброжелательности маленькаго Самсона, совершенно выпустивъ изъ вида то обстоятельство, что ловкій журналистъ тоже пріобрѣталъ даромъ готовый матеріалъ для своей газеты. Но онъ думалъ только о той великой радости, которую онъ доставитъ Зусманну и Гульдѣ, когда расскажетъ имъ, какъ удачно разрѣшилъ онъ столь интересный для нихъ вопросъ, причемъ, частію подъ вліяніемъ вышней имъ виски, частію же подъ напыломъ восторженныхъ чувствъ, переполнявшихъ его сердце, онъ вдругъ и самъ проникся вѣрой въ возможность торжества идеи, проводимой въ книгѣ его друга, когда книга эта будетъ переведена на самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ языковъ и нарѣчій.

Въ порывѣ благодарности, онъ началъ уже на собственный счетъ усердно накачивать журналиста живительной влагой. Наконецъ, онъ вытащилъ изъ кармана обтрепанный томикъ въ бумажной оберткѣ и приступилъ къ своему собесѣднику съ неотступной просьбой сейчасъ же перевести изъ него первую страничку, хоть ради того только, чтобы положить „починъ дѣлу“. Было уже около одиннадцати часовъ, когда общими усилиями „починъ дѣлу“ былъ положенъ наконецъ, и Рыжій сторожъ машинально подумалъ, что было, пожалуй, ужъ поздно возвращатьоа опять къ Герцамъ. Въ тому же, дружеская бесѣда съ маленькимъ Самсономъ, къ которому онъ вдругъ проникся чувствомъ какой-то особенной нѣжности, доставляла ему такое удовольствіе, что онъ рѣшительно не въ состояніи былъ встать съ мѣста, и только уже въ полночь, то-есть передъ самымъ закрытіемъ ресторана, распростился съ своимъ новымъ пріателемъ.

Онъ былъ такъ пьянъ, что какъ въ чадѣ вышелъ изъ ресторана, и машинально пошелъ по хорошо знакомой ему дорогѣ, ведущей къ жилищу его друзей, крѣпко зажавъ въ рукѣ драгоценный листокъ съ переводомъ маленькаго Самсона. Еврейскій оригиналъ онъ позабылъ въ ресторанѣ, но его, какъ кошмаръ, неотступно преслѣдовала какая-то смутная и до нельзя тревожная мысль, что онъ долженъ немедленно передать листокъ съ переводомъ Зусманну и Гульдѣ. „Да, онъ долженъ сдѣлать это сейчасъ же и во что бы то ни стало или умереть тутъ же, посреди улицы“.

Туманъ разсѣялся, но снѣжные наносы сильно затрудняли и безъ того далеко не бодрое шествіе нашего пріятеля. Кончилось тѣмъ, что онъ, къ величайшему своему смущенію, вдругъ растанулся во весь ростъ на тротуарѣ, что, въ связи съ холоднымъ ночнымъ воздухомъ, разсѣяло отчасти хмѣль, отуманивавшій его голову; но онъ все-таки упорно продолжалъ идти все въ томъ же направленіи, точно былъ загипнотизированъ мыслью о своей воображаемой миссіи. Былъ уже второй часъ ночи, когда онъ дошелъ до мѣста своего назначенія. Но его, казалось, несколько не уди-

вило то обстоятельство, что главныя ворота дома, несмотря на позднее время, были отворены настежь, причѣмъ хотя онъ и зашѣтилъ какъ телѣжку для развозки молока, такъ и самого Ботена, суетившагося около нея и съ какииъ-то растеряннымъ видомъ посмотрѣвшаго вслѣдъ „беззаконному экирейцу“, — но ему ни на секунду не пришло въ голову, что онъ столкнутъ съ почтеннымъ обладателемъ молочнаго склада въ самый неудобный для него моментъ тайнаго сбыта его товара, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тайнаго нарушенія субботнаго кануна. Онъ началъ ощупью подниматься наверхъ и, добравшись, наконецъ, до чердака, робко постучалъ въ дверь, изъ щелей которой видѣлся свѣтъ. Мысль о Гульдѣ почти отрезвила его; когда же онъ взглянулъ на Зусманна, отворившаго ему дверь, то винныя пары окончательно испарились изъ его головы: бѣдняга въ одинъ вечеръ, казалось, постарѣлъ на цѣлый десятокъ лѣтъ.

— Она... не умерла еще? — поблѣвшими губами прошепталъ сторожъ.

— Нѣтъ еще, но кажется, скоро все будетъ кончено, — съ глухими рыданіями отвѣтилъ Зусманнъ. — Она еле дышетъ и не въ силахъ даже пошевелинуться.

— Нѣтъ, нѣтъ, — она не должна умирать теперь! — порывисто прошепталъ опять сторожъ. — Я нарочно снѣшилъ порадовать васъ обоихъ тѣмъ, что мнѣ удалось наконецъ уладить ваше дѣло; редакція „Иудейскаго Стяга“ дала мнѣ слово не только перевести на англійскій языкъ ваше сочиненіе, но даже напечатать его въ собственной газетѣ, а затѣмъ издать его отдѣльной книгой для васъ. Вотъ, посмотрите, я принесъ вамъ даже начало англійскаго перевода.

Блѣдное лицо Зусманна покрылось богровыми пятнами, а глаза засверкали какими-то неестественнымъ блескомъ.

— Господи, благодарю Тебя! — вскричалъ онъ, судорожно схватывая и развертывая листокъ съ царапаньемъ маленькаго Самсона. — Слышишь, Гульда, моя книга будетъ переведена на англій-

скій языкъ! Да, на англійскій языкъ, благодаря которому наша общая идея сдѣлается достояніемъ всего міра, — какъ въ бреду лепеталъ онъ, наклоняясь къ женѣ и осторожно приподнимая ее съ подушки.

Умирающая медленно открыла свои потухающіе глаза.

— Да, голубка моя, сочиненіе мое будетъ напечатано въ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ, и наша завѣтная идея восторжествуетъ наконецъ. „И въ тотъ день у всѣхъ будетъ одинъ Богъ, и всѣ будутъ называть Его однимъ именемъ“.

Умирающая не въ состояніи была произнести ни слова, но ея кроткое лицо вдругъ точно преобразилось отъ безпредѣльной и почти неземной радости. Съ секунду мужъ и жена, молча, смотрѣли другъ на друга, точно души ихъ внезапно слились въ одно подъ вліяніемъ охватившаго ихъ духовнаго экстаза.

Затѣмъ глаза Гульды померкли и закрылись навѣки, и наши друзья вдругъ показалось, что и для нихъ тоже все кончилось и все погрузилось въ могильный мракъ.

Постоявъ съ минуту, Рыжій сторожъ медленно отошелъ къ окну, приподнял коленкорovou занавѣску и, не замѣчая крупныхъ слезъ, катившихся у него по щекамъ, тупо уставился глазами куда-то вдаль.

Наконецъ, источникъ слезъ, смочившихъ его лицо, мало-помалу иссякъ, и онъ началъ машинально слѣдить за уличной сценой, разыгрывавшейся какъ разъ напротивъ него: сначала на дворѣ мелькнула уже видѣнная имъ телѣжка съ молокомъ, но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, по направленію къ Брикъ-Лену, какъ вдругъ передъ ней, точно изъ подъ земли, выросла грозная фигура полицмена. Женщины, сопровождавшія ее, принялись отчаянно вопить и порывисто размахивать руками. Короче говоря, произошла одна изъ тѣхъ траги-комическихъ сценокъ, которыя не рѣдко разыгрываются въ ночное время на улицахъ безсоннаго города.

— Нѣтъ, природа сама себя создала,—съ какимъ-то безнадежно апатичнымъ видомъ прошепталъ сторожъ.

Тутъ онъ круто повернулся и увидалъ Зусманна, который тоже подошелъ къ окну и съ тоской устремилъ свои кроткіе глаза къ небу, усѣянному безчисленными звѣздами.

Пер. С. Федоровичъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Изъ переписки М. Фейта и М. Закса.

Предисловіе.

Имена обоихъ дѣятелей, отрывки изъ переписки которыхъ предлагаются читателю, чуждо звучать нынѣшнему поволѣнію, но несомнѣнно заслуживаютъ того, чтобы возстановить ихъ въ памяти потомства. Въ наше время въ особенности необходимо напомнить о двухъ германскихъ евреяхъ, которые, при глубокой преданности религіи отцовъ, съ неизмѣнною твердостью сознавали свою принадлежность Германіи, считали священною обязанностью усвоеніе германскаго образованія и культивировали нѣмецкую рѣчь, какъ драгоценное достояніе. Это были двое друзей, которыхъ объединяли общія убѣжденія и одинаковые идеалы, которыхъ связывала взаимная глубокая преданность, подчасъ напоминающая намъ античные союзы дружбы. Въ ихъ отношеніяхъ не было ничего искусственнаго или дѣланнаго: одинъ не поддаживался подъ тонъ другого; напротивъ того, когда, случалось, возникало иной разъ между ними разногласіе, каждый изъ нихъ оставался при своемъ убѣжденіи, умѣя уважать убѣжденія своего друга, съ радостью выслушивалъ его похвалу, но и спокойно принималъ отъ него порицаніе.

Моритцъ Фейтъ былъ берлинцемъ (род. 8 сентября 1808 г., сконч. 5 февраля 1864 г.). Онъ принадлежалъ къ еврейской аристократіи Берлина, будучи потомкомъ одного изъ стариннѣйшихъ семействъ, переселившихся въ послѣдней трети XVII стол. изъ Вѣны въ Берлинъ. Отецъ его былъ богатый человѣкъ; мать — образованная женщина; дѣтство его протекло въ средѣ матеріально-обеспеченной и не чуждой духовныхъ интересовъ. Онъ изучалъ философію и исторію, и ему по душѣ были общественные

круги родного города, въ которыхъ давалъ себя знать интересъ къ вопросамъ эстетики и поэзіи. Разставшись со школою, онъ испробовалъ себя на поэтическомъ поприщѣ; сообщая съ своими пріятелями, Карломъ Вердеромъ и Генрихомъ Штиглицомъ (изъ которыхъ первый всю жизнь оставался преданнымъ другомъ Фейта и былъ близокъ также и къ Заксу), онъ издавалъ „*Berliner Museenalmannach*“; въ альманахи эти внесъ свою лепту Гете, также и кое-кто изъ крупныхъ литературныхъ силъ, и изданіе это сблизило Фейта со многими молодыми поэтами. Къ счастью своему, онъ созналъ, что поэтическое дарованіе его, при всѣхъ его достоинствахъ, по размѣрамъ своимъ все-таки не настолько велико, чтобы онъ могъ всю жизнь оставаться свободнымъ писателемъ,—и протиснулся съ этимъ поприщемъ, испытавъ себя, послѣ нѣсколькихъ выпущенныхъ имъ довольно удачныхъ лирическихъ и эпическихъ произведеній, также и въ области драматургіи,—на этотъ разъ, впрочемъ, безъ успѣха.

Молодой поэтъ отнюдь не порывалъ своей связи съ еврействомъ; но мечтательный юноша былъ болѣе склоненъ воспѣвать любовь и природу, великое германское прошлое, прославлять Гете и др. представителей духовной мощи Германіи, привѣтствовать Польшу и пѣть гимны свободѣ. Также и научные интересы его лежали внѣ области тѣсно еврейскаго знанія. Какъ ученикъ Гегеля, онъ хотя нѣсколько сторонился вопросовъ дня, но поэтическое его чутье, невольный интересъ къ современнымъ событіямъ, который въ немъ возбуждался, благодаря настроенію, царившему въ домѣ его родителей,—все это привело къ тому, что крупная и единственная научная работа его посвящена была философско-соціальной школѣ Сенъ-Симонизма, въ то время волновавшей умъ Франціи. Судьба, постигшая научную его работу, впервые дала ему почувствовать, что онъ—еврей. Въ Пруссіи для него исключена была академическая карьера, такъ какъ онъ твердо рѣшился—не измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ. Въ Іенѣ онъ тоже получилъ отказъ. Поэтому онъ рѣшился сдѣлаться книготорговцемъ, тѣмъ

болѣе, что къ этому времени у него завязались жизненные узны, выдвигавшія предъ нимъ необходимость какой-либо практической дѣятельности, которая обеспечивала бы существованіе его семьи.

Преданною спутницею жизни его отнынѣ стала Юганна Эльканъ, изъ Веймара, которая пережила на нѣсколько десятилѣтій своего супруга и всегда свято хранила память его (сконч. въ 1891 г.).

Домъ ихъ принадлежалъ къ числу оживленныхъ и доступныхъ для интересовъ духовнаго свойства; черпая силу въ окружающей его атмосферѣ семейнаго мира, онъ обнаружилъ широкую и разностороннюю дѣятельность. Его книжная торговля, которой онъ управлялъ до 1861 г., если и не была самою прибыльною, за то принадлежала къ числу наиболѣе уважаемыхъ. На него возлагались коллегами разнообразныя порученія, всякій разъ, когда дѣло касалось охраны чести ихъ корпораціи и регулированія нуждъ книготорговли. Въ продолженіе 8 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ лейпцигской книжной биржи. Онъ посвящалъ свои силы также родному городу и государству. Въ 1848 и слѣд. годахъ онъ состоялъ членомъ парламента, а съ 1858 г. засѣдалъ въ прусской палатѣ депутатовъ. Здѣсь и тамъ онъ былъ прилежнымъ и добросовѣстнымъ работникомъ, хотя и рѣдко выступалъ въ роли оратора. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ показывался на трибунѣ, по вопросамъ общаго характера, по дѣламъ-ли, касавшимся евреевъ или интересовъ его корпораціи,—онъ обнаруживалъ серьезное отношеніе къ дѣлу, выдающіяся познанія и сознаніе своего достоинства. При своемъ политическомъ свободомысліи, это былъ человѣкъ умѣренный, высказывавшійся противъ всякихъ крайностей, и не желавшій, въ пору обострившихся къ концу его политической дѣятельности дебатовъ по вопросамъ военнаго дѣла, доводить борьбу до послѣднихъ предѣловъ. Родному городу онъ послужилъ свыше 20 лѣтъ, вначалѣ какъ гласный, затѣмъ въ качествѣ штатд-рата и внослѣдствіи — заступая должность предсѣдателя собранія городскихъ гласныхъ. Интересы свои онъ преимущественно посвя-

щаль нуждамъ промышленнаго сословія, школьному дѣлу и вопросамъ призрѣнія сиротъ. Особенное же вниманіе Фейтъ удѣлялъ вопросамъ религіознаго характера. Но если политическіе взгляды его легко могутъ быть опредѣлены словомъ „altliberal“, то ходячія клички: „ортодоксъ“ или „свободомыслящій“ недостаточны для характеристики его религіозныхъ воззрѣній. Религію онъ разсматривалъ не какъ вѣрующій, еще менѣе какъ историкъ, но какъ поэтъ, съ одной стороны, и какъ человѣкъ новаго времени—съ другой. Онъ проводилъ грань между мыслью и внѣшней формою. Въ области первой онъ рѣшительно желалъ сохранять за собою свободу философскаго убѣжденія, самостоятельность своего свѣтскаго мышленія; по отношенію же къ послѣдней, какъ къ явленію, освященному временемъ и обычаями, онъ требовалъ уваженія; традиціонныя, даже отжившія, формы онъ охранялъ съ благоговѣніемъ. Поэтому онъ не симпатизировалъ движенію въ пользу реформъ въ области іудаизма; къ берлинскимъ новаторамъ онъ относился враждебно. Онъ желалъ видѣть въ лицѣ раввина еврейской общины Берлина, правда, человѣка высоко стоящаго въ смыслѣ научныхъ знаній, человѣка образованнаго въ духѣ новаго времени, но—консервативно-настроеннаго служителя вѣры. Онъ обрѣлъ его въ своемъ другѣ, Заксѣ, который прибылъ благодаря ему въ 1844 г. въ Берлинъ, послѣ того какъ здѣсь вопросъ о выборѣ раввина въ теченіе десятилѣтій переживалъ острый періодъ.

Въ 1839—1848 гг. Фейтъ состоялъ предсѣдателемъ еврейской общины, позднѣе—предсѣдателемъ коллегіи общинныхъ депутатовъ (Repräsentantencollegium). Въ теченіе двухъ десятилѣтій ему принадлежалъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ общины. Особенное вниманіе удѣлялъ онъ школѣ, учрежденной въ 1840 г. и преобразованной въ 1858 г. въ семинарію (рѣчь его при освященіи послѣдней, въ 1840 г., появилась въ печати); ему принадлежала значительная роль въ выработкѣ организаціи еврейской общины, введенной закономъ 1847 г.; статутъ общины, въ существеннѣйшей части своей, — его произведеніе, которое просмотрѣно было

при его участіи оберъ-президентомъ фонъ-Флоттвелемъ. Много потрудился онъ также и надъ основаніемъ новой синагоги.

Не ограничиваясь внутренними дѣлами общины, онъ проявлялъ живой интересъ къ вопросамъ, касавшимся положенія евреевъ въ государствахъ; правительственныя учрежденія въ иныхъ случаяхъ обращались къ нему за указаціями; его голосъ принять былъ во вниманіе при выработкѣ упомянутой выше организаціи общины. (Ср. напечатанное въ видѣ манускрипта небольшое произведеніе Фейта: „Der Entwurf einer Verordnung über die Verhältnisse der Juden in Preussen und das Edict vom 11 März 1812 г.“ 1847 г.). Всякій разъ, когда надлежало публично, перомъ или рѣчью, отражать обвиненія, бороться противъ ограниченій, опровергать упреки въ значительномъ процентѣ преступниковъ-евреевъ и т. п.,—Фейтъ стоялъ въ первыхъ рядахъ. Онъ произносилъ въ ландтагъ рѣчи, оказывавшія глубокое вліяніе; благодаря этой заслугѣ онъ однажды былъ предметомъ чествованія со стороны признательной общины родного города; онъ составилъ благодарственный адресъ рейнскому ландтагу, и имѣлъ аудіенціи у министровъ, чтобы защищать дѣло представляемой имъ общины. Онъ дѣятельно работалъ на пользу не одного Берлина, но и всѣхъ евреевъ Пруссіи; однажды, при содѣйствіи А. фонъ-Гумбольдта, ему удалось добиться отміны одной, предположенной правительствомъ, нежелательной мѣры; свыше 30 лѣтъ, начиная съ 1831 года, когда онъ познакомился съ Габр. Риссеромъ¹ и сроднился съ его стремленіями,—онъ неустанно трудился надъ дѣломъ эмансипаціи своихъ единовѣрцевъ. Не менѣе, чѣмъ перомъ и словомъ, вліялъ онъ и чистотою своего нравственнаго облика. Высокія качества его характеризуются однимъ изъ сотоварищей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ служилъ свѣтлымъ примѣромъ для своихъ друзей, благодаря чистотѣ своего характера, своей выдержкѣ, терпѣнію и

¹ Впослѣдствіи онъ написалъ о немъ подробныя воспоминанія (въ *Pg. Jahrb. XI, 1863 г. и въ отд. изд.*).

постоянству въ дружбѣ. Его общительная натура умѣла сглаживать разногласія, восстанавливать единодушіе въ тѣ минуты, когда грозила опасность—разойтись изъ-за различія во взглядахъ. Въ этомъ направленіи онъ съ юношескимъ одушевленіемъ дѣйствовалъ на пользу нашего города и на благо родины. Величіе и будущность Германіи глубоко затрагивали его душу. Каждый попятный шагъ вызывалъ въ немъ ощущеніе скорби, и онъ рвался къ тому, чтобы содѣйствовать повышенію нашего народа до той ступени, которой тотъ заслуживаетъ своею моралью и своимъ образованіемъ“.

Фейтъ преисполненъ былъ слишкомъ сильнымъ и бодрого оптимизма, чтобы сомнѣваться въ торжествѣ своихъ убѣжденій. Ему въ удѣлъ выпала жизнь, полная отрады. Домъ его былъ средоточіемъ избраннѣйшаго общества. Жажда дѣятельности никогда не ослабѣвала въ немъ, и онъ всюду встрѣчалъ радужное признаніе его заслугъ. Повсюду онъ управлялъ своимъ торговымъ дѣломъ, онъ проявлялъ дѣятельность, почти превосходящую силы обыкновеннаго человѣка; получивъ, съ закрытіемъ издательскаго дѣла, нѣсколько болѣе досуга, онъ тѣмъ ревностнѣе посвятилъ себя общественной дѣятельности. Искусство служило для него источникомъ наслажденія; онъ, при своемъ тонкомъ пониманіи, окружилъ себя избраннѣйшими книгами. Частныя поѣздки на воды, посѣщенія Турингена, пунктовъ южной Германіи, Швейцаріи, въ 1862 г.—Парижа, укрѣпляя его тѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали въ немъ работу мысли. Онъ обладалъ, такъ сказать, талантомъ къ дружбѣ; кому онъ разъ открылъ доступъ въ свое сердце,—того онъ болѣе не выпускалъ. Онъ не былъ блестящимъ писателемъ, но это былъ тонко образованный, воспитавшійся на лучшихъ образцахъ стилистѣ; его произведенія, въ особенности же письма его, отличаются ясностью, прекрасною отдѣлкою и изяществомъ. Потребности его были невелики и онъ чуждъ былъ честолюбія; любовь свою онъ отдалъ ближнимъ по вѣрѣ, по родному городу, отечеству. Съ юношескою жизнерадостностью и скромностью въ лицѣ его сочетались доброжелательство и безкорыстіе. Благодѣяніе у него не

ограничивалось только удѣленіемъ своей лепты, а заключалось въ любви въ человѣку и поддержкѣ каждаго истиннаго дарованія. Это была чистая, благородная натура; его друзья — христіане усматривали въ немъ „Натана Мудраго“.

Обращаясь ко второму участнику этого славнаго дружескаго союза, именно *Михаилу Заксу*, я, съ благосклоннаго разрѣшенія проф. Д. Кауфмана, привожу въ нѣсколько сокращенномъ видѣ относящійся сюда очеркъ его, первоначально появившійся въ „Allg. deutsche Biogr.“ т. 30 (Лейпцигъ, 1890, стр. 131—133). Меня побуждаетъ къ этому то обстоятельство, что я не владѣю ни спеціальными познаніями, необходимыми для сужденія о научныхъ трудахъ Закса, ни матеріалами, необходимыми для оцѣнки его личности и дѣятельности:

„*Михаиль Заксъ* родился въ Гроссъ-Глюгау, 3 сентября 1808 г.; 2 мая 1827 г. онъ поступилъ въ берлинскій университетъ. Наряду съ философіею, въ область которой вводили его Гегель и Шлейермахеръ, и восточными языками, предметомъ его усердныхъ занятій сдѣлалась классическая филологія. Повидимому, изъ всѣхъ учителей наиболее сильное вліяніе на Закса оказалъ Бокъ, который раскрывалъ предъ нимъ задачи и идеалы филологіи. Завершивъ 30 мая 1835 г., по выдержаніи испытанія на степень старшаго учителя, свои академическія штудіи, Заксъ, хотя и продолжалъ заниматься классическою литературою, однако преимущественное вниманіе неизмѣнно обращалъ на изслѣдованіе и разработку еврейской письменности. Первымъ плодомъ этихъ излюбленныхъ занятій его явились „Die Psalmen, uebersetzt und erlăutert“ (1835 г.). Фактъ посвященія имъ этого труда Фридриху Рюккерту былъ знаменателенъ для дальнѣйшаго направленія и послѣдующихъ научныхъ трудовъ Закса; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ первомъ произведеніи уже обрисовываются существеннѣйшія черты его литературной фizioноміи: независимость сужденій, высокая даровитость и рѣзкая самостоятельность. Обиліе новыхъ

поясненій, поражающихъ оригинальностью своихъ взглядовъ, — сразу обнаруживало въ немъ превосходнаго экзегета; съ другой стороны, однако, нѣкотораго недоумѣнія не могли не вызывать прямолинейная жесткость перевода, крайне точная передача текста, не останавливавшаяся предъ весьма смѣлыми словообразованіями. Получивъ въ августѣ 1836 г. постъ проповѣдника пражской синагогальной общины, Заксъ всецѣло отдался изученію еврейской литературы. Въ огненныхъ проповѣдяхъ съ амвона онъ обнаруживалъ изумительную силу слова; съ беззавѣтною преданностью, подъ руководствомъ лучшихъ учителей, онъ углубился въ изученіе древне-еврейской письменности, преимущественно—Талмуда, готовясь съ примѣрной добросовѣстностью и одушевленіемъ къ поприщу раввина. О его трудолюбіи свидѣтельствуетъ Цунцовская „Bibel für Israeliten“ (1837 г.), для которой Заксомъ доставленъ былъ переводъ 15-ти книгъ Св. Писанія, въ томъ числѣ и совершенно новая переработка Псалмовъ. Благодатный періодъ научнаго изученія и творчества открылся для Закса, когда въ 1840 г. во главѣ пражскаго раввината появился путеводитель еврейской исторической критики, С. Д. Рапопортъ. Два появившихся въ сборникѣ „Kegem shehed“ изслѣдованія его на евр. языкѣ носятъ на себѣ слѣды этого плодотворнаго общенія съ Рапопортомъ. Но Заксу суждено было всего четыре года быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Рапопорту, къ которому онъ питалъ „глубокое уваженіе и искреннѣйшую дружбу“. Въ 1848 г. онъ приглашенъ былъ въ Берлинъ, въ качествѣ помощника раввина и проповѣдника. То, что онъ потерялъ въ Прагѣ, онъ обрѣлъ здѣсь, благодаря общенію съ Цунцомъ, преемникомъ котораго онъ былъ по своему прежнему пражскому посту. Призванный къ духовному руководству могуче возроставшею общиною, поддерживаемый любовью и почетомъ со стороны благоговѣнно внимавшихъ его чарующему слову слушателей, осчастливленный общеніемъ съ славнѣйшими представителями германскаго знанія, какъ Шеллингъ и Александръ ф. Гумбольдтъ, и дружбою съ такими людьми, какъ Варпагенъ

фонъ Энзе, философъ Вердеръ,—Заксъ развился въ личность изумительной духовной силы и гармоніи. Несмотря на расширение круга его обязанностей, онъ по прежнему всецѣло принадлежалъ науцѣ; плоды этихъ его занятій созрѣвали быстро и успѣшно. Уже въ 1845 г. появилась его „Religiöse Poesie der Juden in Spanien“, посвященная въ знакъ признательности и уваженія Варпагену ф. Энзе, — произведеніе, запечатлѣнное глубокою мыслью и широкимъ размахомъ, которое въ отдѣльныхъ историческихъ частностяхъ можетъ устарѣть и быть превзойдено, но въ цѣломъ сохранить навсегда свою первоначальную свѣжесть. Здѣсь впервые итъ, со свойственною ему дивною вдумчивостью и тонкимъ пониманіемъ формы, переложены были на нѣмецкій языкъ благороднѣйшія религиозно-поэтическія произведенія испанско-арабской эпохи; въ особенности же тѣ отрывки, которые запечатлѣны характеромъ гимна, — являются цѣннымъ вкладомъ переводчика въ сокровищницу германской рѣчи. Не менѣе важны и цѣнны, чѣмъ самый переводъ, литературныя характеристики поэтовъ, свидѣтельствующія о глубокомъ пониманіи ихъ и обширной учености Закса. Если здѣсь филологъ заслоняется поэтомъ, за то въ изданныхъ имъ въ 1852 и 1854 гг. двухъ выпускахъ „Beiträge zur Sprach-und Alterthumsforschung“ первый выступаетъ въ полномъ блескѣ. Тѣсная задача названнаго труда, именно вопросъ объ иноязычныхъ словахъ въ Талмудѣ и Мидрашимъ, — разростается предъ умственнымъ взоромъ автора въ исторію взаимоотношенія двухъ культуръ, двухъ цикловъ рѣчи. Вопросъ этотъ нашимъ авторомъ изслѣдованъ въ разныхъ направленіяхъ и освѣщенъ широко; онъ ищетъ слѣдовъ семитическаго вліянія въ греческихъ и латинскихъ словахъ, обнаруживаетъ воздѣйствіе классическихъ языковъ на языки ново-еврейскій и сирійскій. И опять таки не частности, порой заключающія въ себѣ даже много ошибочнаго, а цѣлое, — методъ, руководящія основы, форма — вотъ то, что сообщаетъ значеніе его труду. Онъ учитъ насъ подгѣтывать за словами явленія, за выраженіями — эпоху, полноту исто-

рической жизни; предъ нами глава той филологин, которая, подобно фонографу, заставляетъ говорить отдаленное прошлое. Въ промежутокъ между обоями выпусками „Beiträge“ появились „Die Stimmen von Jordan und Euphrat“,—вольные поэтическіе переводы и художественная обработка разныхъ рассказовъ, афоризмовъ и притчъ изъ Талмуда и Мидрашимъ (1853 г.). Но вѣнецъ его переводческой дѣятельности составляютъ появившіяся въ 1855—1856 гг., въ девяти томахъ, „Die Festgebete der Israeliten“, содержащія наряду съ исправленнымъ текстомъ оригинала, дѣйствительно, мастерской и вѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяющія требованіямъ научной точности переводъ его на нѣмецкій языкъ. Изданіемъ въ 1858 г. „Gebetbuch für Israeliten“ онъ завершилъ дѣло перевода еврейскихъ богослужебныхъ книгъ. Онъ нагѣрвался издать еврейскій лексиконъ и научные комментаріи къ отдѣльнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта, изъ которыхъ сохранились обширные отрывки, относящіяся къ Притчамъ и Псалмамъ; въ планы его входило и продолженіе „Beiträge“ (для третьяго выпуска которыхъ оставленъ имъ рукописный матеріалъ), изданіе перевода „молитвъ покаянія“, а также и многочисленныя другія научныя работы,—но 31 января 1864 г. онъ былъ безвременно похищенъ смертью.

Всѣ тѣ, кто были близки къ этой благородной личности, единогласно признаютъ, что въ произведеніяхъ Закса обнаружилась предъ потомствомъ лишь незначительная часть его духовной силы и его значенія. Личность высоко одаренная, полная кипучей общительности, онъ любилъ дѣлиться со своими друзьями результатами своихъ научныхъ работъ; мысль въ немъ рвалась наружу, но онъ неохотно заносилъ ее на бумагу. Мастеръ германско-еврейской проповѣди не передалъ печати ни одной своей рѣчи; только отъ первыхъ годовъ его проповѣднической дѣятельности въ бумагахъ его нашлось нѣсколько законченныхъ рѣчей,—остальныя сохранились лишь въ наброскахъ. Какъ бы рожденный для кафедры, полный вдохновенія, могуче вліяя и своею осанкою, и

чарующею прелестью своего голоса, властно обвинявшего всѣ отъѣнки пачоса и красоты,—Заксъ, какъ проповѣдникъ, оказывалъ неотразимо глубокое впечатлѣніе на слушателя. Всѣми силами своего богатаго ума и благороднаго сердца преданный традиціямъ еврейства, онъ поднимался выше партій того времени, находя опору въ себѣ самомъ и стоя всецѣло на почвѣ религіозныхъ памятниконъ; эту область онъ, во всеоружіи лучшихъ научныхъ приѣмовъ, землялъ съ тою беззаветностью, которая такъ присуща была его натурѣ. Онъ не останавливался предъ тѣмъ, чтобы критиковать и самую критику; онъ возставалъ противъ модныхъ идоловъ житейскаго базара; ему ненавистны были всякія ходячія мнѣнія и общія мѣста, все поверхностное и отдающее плоскими сужденіями; оттого его независимость часто принимаема была за упорство, и его стремленіе—охватить всякій предметъ въ цѣломъ и существѣ, порой казалось крутостью характера. И если онъ, при всемъ богатствѣ своихъ дарованій, какъ бы чуждался трудовъ и работъ, которые воплотились бы въ жизни,—то необходимо признать, что онъ не былъ натурою, обуреваемой жаждою творческой дѣятельности, стремленіемъ наложить свою печать на современную ему дѣятельность. Это былъ сосредоточенный дѣятель науки, замкнувшійся въ кругъ своихъ излюбленныхъ занятій; въ тѣ минуты, когда его касалось вдохновеніе, онъ могъ превращаться въ планетнаго проповѣдника-пророка, — но вслѣдъ затѣмъ онъ, избѣгая мірскаго суетолюки, вновь углублялся въ научное творчество, въ которомъ душа его обрѣтала блаженство“.

Дѣятельность обонхъ этихъ лицъ связана была преимущественно съ Берлинномъ; совмѣстная работа ихъ въ Берлинѣ занимаетъ большую треть ихъ жизни. Берлинской общинѣ принадлежали ихъ интересы и дѣятельность; тамъ же они оба закончили свою жизнь. Поэтому нелишне дополнить эту краткую характеристику ихъ нѣсколькими замѣчаніями о еврейскихъ дѣлахъ въ Берлинѣ того времени. Для пониманія этихъ послѣднихъ, необходимо

напомнить, что эдиктомъ 1812 года за евреями признаны были права гражданства, но что наступившая вслѣдъ за 1813 г. политическая, церковная и національная реакція сопровождалась тяжелыми послѣдствіями для евреевъ.

Театральныя піесы и разнаго рода брошюры возбуждали въ публикѣ вражду къ еврейскому населенію; отдѣльными правительственными распоряженіями евреи изолируемы были отъ прочихъ согражданъ, и преграждался для первыхъ доступъ къ обѣщаннымъ имъ должностямъ. Изъ этихъ мѣропріятій укажемъ, напр, воспрещеніе христіанскимъ дѣтямъ посѣщать еврейскую Freischule (1813 г.), разрѣшеніе открытія общества, поставившаго своею задачею — обращеніе евреевъ (1823 г.), неназначеніе евреевъ на правительственныя должности, въ особенности же по учебному вѣдомству, которыя до того считались для нихъ доступными. Къ наиболѣе рѣшительнымъ мѣрамъ принадлежало послѣдовавшее въ 1836 г. возобновленіе прежняго предписанія 1816 г., о воспрещеніи евреямъ измѣнять свои имена на христіанскія; вызванное этимъ ходатайство 1837 г. осталось безуспѣшнымъ. Только 3 марта 1841 г. названное распоряженіе было отмѣнено, причѣмъ однако сохранено было прежнее воспрещеніе по отношенію къ именамъ, имѣющимъ религіозное значеніе для христіанъ.

Дѣло, однако, не ограничивалось законами и предписаніями, регулировавшими положеніе евреевъ въ государствѣ; рядомъ съ ними ощутительно давало себя знать также и внимательство во внутреннія дѣла евреевъ. Напомнимъ объ относящихся сюда мѣропріятіяхъ, наиболѣе важныхъ для пониманія предлагаемой читателямъ переписки.

Эдиктомъ 1812 г. дѣло урегулированія религіозныхъ отношеній сохранялось за государствомъ; при этомъ должны были быть приняты во вниманіе голоса наиболѣе выдающихся лицъ изъ еврейской среды. Уже въ 1812 г. появилась небольшая, касающаяся даннаго вопроса, брошюра Давида Фридендера, въ которой указывалась необходимость открытія новыхъ школъ и реформы въ

области богослуженія, въ особенности же необходимость устраненія національно-еврейскаго характера молитвы и введенія нѣмецкаго языка въ богослуженіе. Брошюра эта, съ одной стороны, вызвала въ строго-ортодоксальномъ еврейскомъ лагерѣ протесты противъ какого-либо измѣненія въ старинныхъ формахъ молитвъ и обычаевъ; эта среда рѣшительно осуждала, какъ уклоненіе отъ религій отцовъ, всякія новшества. Съ другой стороны, въ связи съ названной брошюрой, обозначились въ правительственныхъ кругахъ два теченія, между которыми предстояла борьба до тѣхъ поръ, покуда на долю одного изъ нихъ не выпала, наконецъ, побѣда. Фридендеръ представилъ свое произведеніе королю, и послѣдній намѣревался издать кабинетный указъ, которымъ, въ не совсѣмъ благоприятныхъ для автора выраженіяхъ, обѣщано было бы принять во вниманіе содержаніе брошюры, поскольку она не касалась какихъ-либо преобразованій; но государственный канцлеръ воспрепятствовалъ изданію такого указа, представивъ въ своемъ докладѣ обстоятельный обзоръ содержанія брошюры и указавъ на достоинства ея. Благодаря этому различію во взглядахъ, правительство не шло дальше полушѣръ, покуда живъ былъ Гарденбергъ.

Въ руководящихъ же берлинскихъ кругахъ дѣло не долго оставалось въ области теоретическихъ разсужденій. Прошло всего нѣсколько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ брошюры Фридендера, и богачъ Яковъ-Герцъ Беръ (отецъ высокодаровитыхъ Михаила и Меербера) устроилъ въ своемъ домѣ частное богослуженіе, по высказаннымъ въ брошюрѣ Фридендера началамъ; вскорѣ пригѣру его послѣдовалъ неутомимый Израиль Якобсонъ. Въ частныхъ синагогахъ Якобсона и Бера выступало нѣсколько превосходныхъ проповѣдниковъ, въ томъ числѣ одно время также и Леопольдъ Цунцъ. Правительство недолго оставалось безучастнымъ зрителемъ этихъ нововведеній. Уже въ 1817 г. послѣдовало предписаніе (которое въ сущности возобновляло извѣстное постановленіе старинной генеральной привилегіи), въ силу коего всѣ частныя синагоги подлежали закрытію. Мѣра эта распространилась бы и

на храмъ Бера, если бы не прибѣгли къ нѣкоторой уловкѣ. Дѣло въ томъ, что старая синагога не могла вмѣстить всеѣхъ членовъ общины, которые съ 1812 г. стали значительно умножаться, да и вообще сильно нуждалась въ ремонтѣ. Поэтому пришлось на время оставить прежнее помѣщеніе, и храмъ Бера признанъ былъ временной синагогою берлинской общины. Но храмъ этотъ переняли вмѣстѣ съ его проповѣдниками (къ числу которыхъ на время присоединился и И. Н. Маннгеймеръ), съ его рѣчами и молитвами на нѣмецкомъ языкѣ, съ его пѣніемъ, сопровождавшимся звуками органа. Какъ ни было велико сочувствіе, которое встрѣтили эти нововведенія въ довольно значительной части общины, тѣмъ не менѣе ортодоксальные круги горячо противъ нихъ протестовали. Они и слышать не хотѣли о подобномъ, хотя бы временномъ богослуженіи, и возражали противъ введенія его въ общинную синагогу; они усматривали въ этомъ оскорбленіе религіи, ссылаясь на заключенія раввиновъ, предававшія проклятію подобныя новшества, и указывали на только что возникшій тогда гамбургскій храмъ, — какъ на печальный признакъ отпаденія отъ іудейства. Тогдашній раввинатъ, во главѣ котораго стоялъ Менръ Симонъ Вейль, хотя вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія этой партіи, держался однако въ сторонѣ, не выступалъ рѣшительно и обнаруживалъ упорное сопротивленіе въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда предъявляемыя требованія касались непосредственно раввината, напр. по вопросу о присоединеніи къ раввинской коллегіи нѣсколькихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Свободомыслящая же партія, и именно молодежь, настаивала на своихъ правахъ, требовала такого богослуженія, которое бы возвышало душу, говорило сердцу, богослуженія на нѣмецкомъ языкѣ, и желала сохранять въ религіи сущность, а не форму. Возникшія отсюда распри привели къ тому, что кабинетнымъ указомъ 5 декабря 1823 г. (гласившимъ, между прочимъ, что въ прусскомъ еврействѣ отнюдь не могутъ быть терпимы разныя партіи), было предписано: „Еврейское богослуженіе разрѣшается единственно въ мѣстной синагогѣ и допускается не иначе, какъ съ соблюде-

нiемъ традиціоннаго ритуала, установленныхъ молитвъ и пѣнія, безъ всякихъ измѣненій въ языкѣ и въ обрядахъ“. Этииъ преграждалась возможность дальнѣйшихъ преобразованій.

Правовое положеніе евреевъ покуда оставалось безъ измѣненій. Предложеніе, высказанное въ 1824 г. бранденбургскими сословіями, не имѣло какихъ-либо непосредственныхъ послѣдствій. Проектъ этотъ предлагалъ слѣдующее: закрытіе еврейскихъ училищъ, введеніе трехлѣтняго срока военной службы, принудительное обученіе мальчиковъ ремесламъ, дѣвушекъ домашнимъ работамъ (въ виду того, что предлагалось воспрещеніе евреямъ впредь держать христіанскую прислугу), разрѣшеніе занятія торговлею только молодымъ людямъ съ безупречною репутаціею, значительное ограниченіе права на разносную торговлю, воспрещеніе покупки дворянскихъ имѣній и прожизванія въ мелкихъ деревняхъ. Только въ 1832 г. сталъ извѣстенъ выработанный на основаніи этихъ предположеній проектъ новаго закона, имѣвшій своимъ авторомъ Карла Штрекфусса. Проектъ предвѣщалъ слишкомъ мало отраднаго. Имъ предполагалось раздѣленіе евреевъ на двѣ категоріи: 1) Staatsbürger и 2) Schutzjuden. Первымъ проектировалось предоставить права гражданства, но безъ правъ на правительственную или общественную службу, также и безъ права участвовать въ сословномъ представительствѣ. Принадлежность къ этой первой категоріи обуславливалась безупречною репутаціею, соответствующими занятіями (отсюда только исключались мелкіе промыслы), несоблюденіемъ специфически-еврейскихъ обычаевъ, обладаніемъ твердо-установленною фамиліею и хорошимъ воспитаніемъ дѣтей, для которыхъ, впрочемъ, эти указанныя права не считались наследственными. Евреи другой категоріи, именно Schutzjuden, не должны были, по проекту Штрекфусса, обладать политическими правами и подлежали различнымъ ограниченіямъ въ своихъ занятіяхъ. Прекращеніе ими мелкой торговли (развращающее вліяніе коей на простодушнаго рѣзко подчеркивалось этимъ проектомъ) открывало имъ доступъ въ первый разрядъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось вообще

на будущее время не выдавать новыхъ *разрѣшеній* на такого рода занятія. Евреи не принуждались къ образованію корпорацій, существующія же корпораціи предполагалось сохранить въ силѣ. Откладывая на будущее время подробныя постановленія касательно культа и богослуженія, проектъ ограничивается воспрещеніемъ противорѣчащихъ интересамъ государства, нравственности и просвѣщенію учреждений и обычаевъ; новыя синагоги могутъ быть устраиваемы не иначе, какъ съ надлежащаго разрѣшенія, и приобрѣтеніе земли подъ таковыя допускается только въ разнѣрахъ, строго опредѣленныхъ дѣйствительною необходимостью. Доступъ въ христіанскія учебныя заведенія разрѣшается и евреямъ; только обученіе закону еврейской вѣры предоставляется родителямъ учениковъ или особымъ преподавателямъ. Въ видахъ содѣйствія развитію въ еврейской средѣ ремеселъ и полезныхъ искусствъ предполагается учрежденіе спеціальнаго фонда, составляемаго изъ поступающихъ съ евреевъ штрафовъ и разныхъ податей, а въ случаѣ необходимости, усиливаемаго также изъ средствъ государственной казны.

Противъ проекта и самого автора его выступила обширная литература разнаго рода брошюръ. Проектъ, однако, не былъ приведенъ въ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, изъ опасенія, чтобы это новое положеніе, получившее, дѣйствительно, силу закона для познанскаго герцогства, не было распространено и на прочія части Пруссіи, въ Берлинѣ дѣятельно вели борьбу противъ изложеннаго нами законодательнаго проекта. Снова, и въ данномъ случаѣ—въ послѣдній разъ, поднялъ голосъ въ защиту права престарѣлый боецъ, Давидъ Фридендеръ. Отъ предполагаемаго было представленія подробнаго доклада можно было отказаться, такъ какъ одна появившаяся въ „Preuss. Staats-Zeitung“ статья разсѣяла тревогу, будто законъ этотъ уже принятъ; тѣмъ не менѣе найдено было необходимымъ выразить горячее пожеланіе того, чтобы не наступило нарушеніе правъ, уже однажды приобрѣтенныхъ, и изъ руководящихъ сферъ получено было указаніе, что не имѣется основанія къ подобнаго рода опасеніямъ.

Со времени этого, не получившаго силы закона, проекта 1833 г. правительство Фридриха Вильгельма III отказалось от мысли объ изданіи общаго положенія объ евреяхъ. Дѣло приняло иной оборотъ со вступленіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма IV. Вскорѣ стали циркулировать слухи о предполагаемомъ изданіи общаго положенія, — слухи, дававшіе поводъ и къ надеждамъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, также и къ опасеніямъ: съ одной стороны, возвышенный образъ мыслей новаго короля давалъ возможность ожидать либеральныхъ преобразованій; но съ другой, доходили слухи о намѣреніи дать практическое осуществленіе теоріи христіанскаго государства, въ это время находившей сочувствіе въ высшихъ сферахъ. Циркулировали слухи о предположеніи выдѣлить евреевъ изъ среды прочихъ согражданъ и организовать ихъ въ отдѣльныя общества, а также преградить имъ доступъ къ отправленію воинской повинности. Употреблены были всѣ усилія, чтобы устранить грозившую опасность, и среди тѣхъ, кто мужественно выступили въ защиту своихъ правъ, не отсутствовали также и представители берлинской общины. Слова короля доставили, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое успокоеніе.

Берлинская община съ 1800 г., т. е. со смерти Гиршеля Левина, оставалась безъ духовнаго руководителя. Это былъ кроткій, терпимый человѣкъ, предъ личностью котораго смолкала та вражда, которую питали къ раввинамъ вообще, какъ къ воплощенію невѣжества и духа гоненій. По этой причинѣ, а также и по соображеніямъ денежнаго свойства, послѣ смерти Левина мало думали о достойномъ замѣщеніи сдѣлавшагося вакантнымъ поста. Прежній помощникъ раввина, Менръ Симонъ Вейль, человѣкъ умный, съ большою талмудическою эрудиціею, но не обладавшій надлежащимъ нѣмецкимъ образованіемъ, заступалъ въ теченіе 25 лѣтъ его мѣсто, нося званіе Vice-Ober-Landrabbiner'a; культурныя стремленія эпохи не встрѣчали въ немъ сочувствія, но едва-ли ишли въ его лицѣ противника. Со смертію его въ 1825 г., его мѣсто заступили Як. Іосифъ Эттингенъ (—1860 г.) и Илья Розен-

штейнъ (—1866 г.); изъ нихъ первый, заслужившій всеобщее уваженіе своею кротостью,—въ качествѣ исправляющаго обязанности раввина, послѣдній въ должности помощника раввина. Оба они были обломками минувшей эпохи и не могли поэтому служить руководителями въ новомъ направленіи; но въ чести ихъ нужно сказать, что они вполне сознавали это, и чаще всего сохраняли роль зрителей по отношенію къ разнообразнымъ измѣненіямъ во взглядахъ и учрежденіяхъ, которыя властно вызвали потребности времени.

Уже въ 1836 г. явилась мысль о приглашеніи въ раввины одного лица,—правда, мало подходившаго подъ представленія просвѣтителей XVIII в. Тогдашніе переговоры, однако, не привели къ положительному результату; по шесть лѣтъ спустя они опять возобновились. Взоры старѣйшинъ снова были обращены на *Франкеля*; его приглашали къ занятію, сообщая съ коллегією изъ 32 лицъ, поста *Overrabbiner'a*. Онъ принялъ было это предложеніе, былъ уже, несмотря на свое иностранное подданство, утвержденъ въ этомъ званіи правительствомъ, и тѣмъ не менѣе отказался отъ вступленія въ должность. Онъ потребовалъ отъ министра Эйхгорна обѣщанія, что мысль объ образованіи отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ будетъ оставлена, что миссіонерская дѣятельность будетъ прекращена и что онъ, какъ это было въ Саксоніи, будетъ приглашенъ правительствомъ на постъ раввина. Но эти обѣщанія, которыя предполагали государственное признаніе еврейской религіи, не были даны.

Такимъ образомъ, предстояла необходимость новыхъ выборовъ. Но на этотъ разъ, отказавшись отъ мысли о назначеніи *Overrabbiner'a*, ограничились избраніемъ помощника раввина, который, сообщая съ двумя имѣвшимися на лицо ассессорами, образовалъ бы коллегію и спеціальныя обязанности котораго заключались бы въ произнесеніи проповѣдей на нѣмецкомъ языкѣ и въ попеченіи о религіозномъ преподаваніи.

Послѣ того какъ, къ удовольствію большинства, улаженъ былъ

раввинскій вопросъ,—одни только приверженцы крайнихъ реформъ остались недовольны и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ отдѣлились отъ главной общины, — вниманіе вновь привлекли вопросы общаго значенія. Созванному королю соединенному ландтагу (3 февраля 1847 г.) предложенъ былъ проектъ положенія о евреяхъ. Проектъ предоставлялъ имъ права и обязанности гражданства, — съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями, которыя вытекали изъ представленія о „христіанскомъ государствѣ“ и изъ взгляда на евреевъ, какъ на чужаковъ. Этимъ обуславливалось недопущеніе ихъ къ участию въ представительствѣ, прегражденіе доступа ко всѣмъ должностямъ, связаннымъ съ атрибутами власти, а также и университетскимъ кафедрамъ, за исключеніемъ экстраординарной профессуры по медицинскому и математическому факультетамъ; съ другой стороны, однако, допускалось избраніе евреями изъ своей среды городскихъ гласныхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ евреи составляютъ значительную часть населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшалось опредѣленіе еврейскихъ дѣтей въ одну изъ элементарныхъ школъ каждой мѣстности. Въ отличіе отъ постановленій прежняго законодательства, выдвигалось то положеніе, что евреи cadaго города или округа образуютъ собою единое общество. Проектъ подвергся продолжительному обсужденію въ комиссіи ландтага; поэтому, — и преимущественно благодаря усиленію отдѣльныхъ депутатовъ свободомыслящей партіи, которыхъ вдохновляли руководящія лица изъ еврейской среды, — въ законъ включено было нѣсколько новыхъ постановленій. Такъ, предписывалось учрежденіе школъ для подготовленія еврейскихъ учителей, до открытія коихъ евреи могли быть принимаемы въ христіанскія семинаріи. Намѣчено было также открытіе кафедръ еврейскаго богословія при одномъ изъ университетовъ. Далѣе, евреямъ открывался доступъ ко всѣмъ правительственнымъ должностямъ, за исключеніемъ связанныхъ съ завѣдываніемъ религіозными и учебными дѣлами, а равно и съ надзоромъ за таковыми; вмѣстѣ съ тѣмъ, они допускались къ занятію кафедръ по всѣмъ факультетамъ. Съ другой стороны, однако, они не допуска-

лись къ участию въ отправленіи правосудія въ уголовныхъ и полицейскихъ трибуналахъ, не могли быть назначаемы на должности преподавателей въ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и имъ не предоставлялось избирательное право,—какъ активное, такъ и пассивное. 23 іюля законъ этотъ былъ обнародованъ. Но онъ не долго сохранялъ полную силу. Движеніе 1848 года, давшее Пруссіи народное представительство и конституцію, ввело евреевъ въ составъ памятнаго собранія и начертало въ конституціонной хартіи чреватое глубокими послѣдствіями начало, что всѣ пруссаки равны предъ закономъ, что пользованіе гражданскими и политическими правами не обусловлено принадлежностью къ извѣстному вѣроисповѣданію. Вслѣдъ за этимъ преобразованіемъ положенія евреевъ въ государствѣ, подвергались реорганизаціи также и общинныя дѣла. Старѣйшины берлинской общины, срозъ полномочій которыхъ истекалъ въ 1848 г., обратились въ министерство за указаніемъ, въ какой формѣ должны быть произведены новые выборы. Но отъ министерства на это представленіе, также какъ на другія, послѣдовалъ отвѣтъ, что оно не въ состояніи дать на этотъ счетъ никакихъ предписаній и предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію старѣйшинъ. Тогда послѣдніе приступили къ дѣлу и выработали, совмѣстно съ нѣсколькими членами общины, правила для выборовъ общинныхъ депутатовъ, которыя и были приняты въ общемъ собраніи членовъ общины (20 мая 1849 г.). На основаніи этихъ правилъ и были произведены выборы депутатовъ (24 іюня), составившихъ изъ своей среды правленіе, которое, послѣ долгихъ препирательствъ съ выбывавшими старѣйшинами, и открыло свои дѣйствія.

Едва только кончились эти раздоры, началась борьба извнѣ. Хотя правленіе фактически и было признаваемо правительствомъ, что напр. выражалось въ неоднократно оказывавшейся ему съ этой стороны поддержкѣ, но ему недоставало надлежащей легитимациі. И когда правленіе потребовало таковой, ему было въ этомъ отказано, на томъ основаніи, что выборы его не были произведены

согласно предписаніямъ генеральнаго регламента 1750 г. Тщетно правленіе ссылалось на то, что правила названнаго регламента не соблюдались въ точности уже полвѣка, и что закономъ 1847 г. отиѣнены были всѣ прежнія постановленія, — послѣ продолжительной переписки послѣдовало предписаніе: произвести выборы, согласно постановленіямъ генеральнаго регламента (4 марта 1851 г.). По этимъ устарѣлымъ правиламъ, дѣйствительно, состоялись выборы (11 апрѣля), причеиъ вновь были избраны тѣ самые члены правленія, которые уже въ теченіе года отправляли свои обязанности.

Только три года спустя, незадолго до истеченія срока полномочій общинныхъ депутатовъ, когда уже предприняты были нѣкоторые шаги, въ виду приближенія новыхъ выборовъ, — правительство стало вводить въ дѣйствіе законъ 1847 годъ. Берлинская синагогальная община, въ прежнемъ ея объемѣ, и съ присоединеніемъ къ ней близъ лежащихъ 60 незначительныхъ пунктовъ, составила недѣлимый синагогальный округъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ получили примѣненіе и опредѣленія закона 1847 г. о порядкѣ выбора депутатовъ. Выбранные согласно предписанію высшаго полицейскаго начальства отъ 23 февраля 1854 г. депутаты 26 мая введены были правительственнымъ комиссаромъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Внутреннія дѣла общины регламентировались новымъ статутомъ, вступившимъ въ силу 31 августа 1860 г. Уставъ этотъ, какъ уже было указано выше, по существу былъ произведеніемъ *Фейта*. Но такъ какъ названный статутъ, дѣйствовавшій непрерывно въ теченіе почти 30 лѣтъ и лишь въ послѣднее время подвергшійся крупнымъ измѣненіямъ, не затронуть въ нижеслѣдующей перепискѣ, то нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробное изложеніе этого произведенія *Фейта*.

Но важнѣе, чѣмъ всѣ эти нововведенія (нововведенія, при всей ихъ значительности, во всякомъ случаѣ, — только внѣшняго характера), было внутреннее преобразование, совершавшееся въ бер-

линской общинѣ. Это преобразование, которому могуче содѣйствоваль духъ новаго времени, должно быть тоже вѣщено въ заслугу Заксу и Фейту. Имъ, также какъ и ихъ преемникамъ, мы обязаны тѣмъ, что берлинская община, несмотря на случившіяся уклоненія въ ту или иную сторону, стала сознавать себя въ качествѣ культурнаго цѣлага. Проповѣдникъ и раввинъ, прежде презрительно обывавшійся „Koscherwächter'омъ“, становился духовнымъ руководителемъ общины. Интеллигентный слой, не усматривая болѣе въ ритуальныхъ учрежденіяхъ рѣзкаго контраста ихъ просвѣщеннымъ взглядамъ, пересталъ чуждаться жизненныхъ интересовъ общины. Община, для которой всеобщіе выборы представителей стали и правомъ, и обязанностью, сознавала свои великія культурныя задачи. Культивированіе духовной стороны жизни и интересовъ науки разсматривалось, какъ почетная обязанность первой общины Пруссіи и Германіи. Новое время предъявляло свои требованія и его запросы находили удовлетвореніе. И если Заксъ и Фейтъ порокъ, вмѣсто того, чтобы руководить, оказывались въ числѣ руководимыхъ, если Заксъ въ иныхъ случаяхъ и обнаруживалъ рѣзкое противодѣйствіе, съ которыми безуспѣшно боролся его другъ, — тѣмъ не менѣе они оба заслуживаютъ почетнаго мѣста въ ряду родоначальниковъ и творцовъ новой эры въ жизни берлинской еврейской общины.

Не вдаваясь въ детальную характеристику предлагаемой переписки, и не умаляя достоинствъ Закса, письма котораго только частью были въ моемъ распоряженіи, ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями. Повидимому, образованіе Фейта было, сравнительно, болѣе разностороннимъ, также какъ богаче былъ кругъ занимавшихъ его интересовъ; благодаря полученному имъ чисто-германскому воспитанію, его нѣмецкій стиль, — дѣйствительно, образцовый. Его можно было бы назвать болѣе уравновѣшеннымъ, хотя онъ былъ ровесникомъ Закса; въ послѣднемъ же значительно болѣе давалъ себя

знать темпераментъ. Фейтъ обладалъ кротостью, Заксъ же давалъ полное выраженіе своему гнѣву; въ противоположность отличавшему перваго миролюбію, объясненіе которому лежитъ не въ безличіи, а въ глубинѣ его ума, послѣдній обнаруживалъ готовность къ борьбѣ, которая вытекала изъ глубокой преданности дѣлу и не должна быть смѣшиваема съ задоромъ.

При всѣхъ различіяхъ ихъ въ манерѣ выраженій и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ взглядахъ, ихъ всегда связывали узы тѣсной дружбы, нарушить которую не могли ни время, ни внутренній ростъ каждаго изъ нихъ; оба сходились въ преданности отечеству, и въ ревностномъ служеніи его культурѣ и въ преклоненіи предъ іуданизмомъ,—преклоненіи, не чуждомъ нѣкотораго колебанія, но съ лѣтами, впрочемъ, скорѣе возроставшемъ, нежели убывавшемъ. Слово за ними—въ подтвержденіе того, что тремя лучшими благами ихъ жизни служили: дружба, Германія и іуданизмъ!

Проф. Л. Гейгеръ.

(Продолженіе будетъ).

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

Статья члена французскаго института Леруа-Болье.

VI ¹.

Парижская биржа слѣдовательно служить однимъ изъ факторовъ могущества Франціи. Кто-то заявилъ съ ораторской трибуны въ парламентѣ, что она стоитъ цѣлаго корпуса, и намъ кажется, что это не было преувеличеніемъ. Спрашивается теперь, обусловливается ли это вліятельное положеніе биржи исключительно богатствомъ страны и бережливостью ея населенія? Нѣтъ, оно въ значительной степени обусловливается и организаціею самой биржи, придавшею ей въ одно и то же время большую эластичность и большую солидность. Биржа оправдала себя въ самыя бѣдственныя эпохи нашей исторіи. И если изрѣдка она не обходилась безъ поддержки крупныхъ банкировъ и даже государства, то полнаго безсилія она никогда не обнаруживала. Биржа не представляетъ собою, подобно многимъ французскимъ учрежденіямъ, искусственнаго, неподвижнаго механизма, приводимаго въ движеніе государственною властью; это—жизненный организмъ, обязанный своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ потребностямъ самого общества. О ней съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что функція содала органъ.

Всѣмъ извѣстно, что парижская биржа состоитъ собственно изъ двухъ рынковъ: оффиціального и частнаго, которые, конкурируя другъ съ другомъ, въ то же время и оказываютъ другъ другу взаимную поддержку. Этотъ двойственный строй, подвергающійся сильнымъ нападкамъ со стороны приверженцевъ однообразія, возникъ самостоятельно подъ вліяніемъ потребностей дѣловаго люда. Требовать, чтобы въ видахъ регла-

¹ „Восходъ“, кн VI, 1897 г.

ментации законодатель упразднилъ частныя сдѣлки и оставилъ лишь сдѣлки официальныя, значить нанести жестокой ударъ оборотамъ. Это повредило бы имъ не меньше, чѣмъ если бы изъ ненависти ко всякаго рода монополіи, даже когда она призрачна, упразднены были бы официальныя сдѣлки съ сохраненіемъ однѣхъ лишь частныхъ.

Названіе: официальныхъ и частныхъ сдѣлокъ—не произвольно. Первые совершаются биржевыми маклерами, которые, какъ и нотаріусы, заплатили за свое право быть посредниками въ сдѣлкахъ и утверждаются въ своемъ званіи министромъ. Упраздненные вмѣстѣ съ биржею первою революціею, восстановленные затѣмъ Бонапартомъ, парижскіе биржевые маклера (значительные провинціальныя рынки имѣютъ также своихъ маклеровъ) образуютъ корпорацію, имѣющую свою синдикальную палату и общую кассу. Хотя законъ ихъ къ этому не обязываетъ, но маклера сами приняли на себя солидарную отвѣтственность за всѣ возлагаемыя на нихъ порученія. Это составляетъ для публики чрезвычайно серьезную гарантію. Всѣ согласны, что корпорація маклеровъ отличается весьма почтеннымъ характеромъ и безусловною честностью. Даже въ моменты кризисовъ случаи неоправданія довѣрія какимъ-нибудь биржевымъ маклеромъ очень рѣдки и синдикальная палата немедленно ликвидируетъ дѣла такого несостоятельнаго своего члена безъ всякихъ потерь для публики. Поэтому можно сказать, что всѣ сдѣлки, заключаемыя у маклеровъ, представляютъ въ этомъ отношеніи полную безопасность. Упреки, которымъ они иногда подвергаются, имѣютъ второстепенный характеръ и не касаются сущности учрежденія. Такъ, многіе ебтуютъ на недостаточность общаго числа маклеровъ, и это—можетъ быть, самый серьезный упрекъ. Ихъ насчитывается всего 60, какъ во время реставраціи, а между тѣмъ количество сдѣлокъ удесятирилось. Поэтому получить мѣсто маклера очень трудно: надо заплатить громадную сумму и по большей части оно предоставляется только номинально одному лицу, которое на самомъ дѣлѣ является представителемъ цѣлой компаніи. Впрочемъ трудно уяснить себѣ, какую пользу принесло бы публикѣ увеличеніе ихъ числа. Въ этомъ случаѣ можетъ быть уменьшилась бы гарантія, представляемая теперь значитель-

ностью капиталовъ, которыми располагають отдѣльныя фирмы. Что же касается до второстепенныхъ реформъ, требуемыхъ иногда биржевымъ людомъ, напримѣръ упраздненій полумѣсячныхъ ликвидаций или пониженія куртажа, то въ нихъ заинтересована только спекуляція, и онѣ привели бы къ дальнѣйшему развитію спекулятивныхъ сдѣлокъ, которыя въ этомъ случаѣ были бы облегчены. Монополія биржевыхъ агентовъ могла бы быть упразднена путемъ выкупа предоставленнаго имъ права. Но это не принесло бы пользы публикѣ, потому что и новые маклера должны были бы для того, чтобы представлять достаточную гарантію, получить корпоративную организацію по примѣру маклеровъ (broker) лондонской фондовой биржи.

На ряду съ официальной биржею дѣйствуетъ тутъ же подъ колоннами и даже въ самомъ святилищѣ храма частная биржа, обыкновенно обозначаемая несимпатичнымъ именемъ кулисы, какъ будто ея дѣйствія имѣють подпольный характеръ. Она всегда подвергалась обвиненіямъ со стороны людей, выступающихъ защитниками общественной нравственности. Конечно кулиса чаще подаетъ поводъ къ справедливой критикѣ, чѣмъ паркетъ, хотя бы уже вслѣдствіе своего состава. Ею пользуется главнымъ образомъ спекуляція, такъ какъ куртажъ тутъ ниже, чѣмъ на официальной биржѣ. Впрочемъ кулиса въ своей организаціи подражаетъ послѣдней. Она также имѣетъ свою синдикальную палату или, точнѣе говоря, двѣ палаты: одну для фондовъ, другую — для рентъ. Мы имѣемъ слѣдовательно двѣ кулисы, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ подъ колоннами биржи, другая внутри ея, недалеко отъ конторъ биржевыхъ маклеровъ. Такъ какъ одно биржевое собраніе въ сутки не удовлетворяетъ спекуляціи, то кулиса въ горячее время года держитъ еще второе, маленькое собраніе вечеромъ. Нѣкоторыя фирмы кулисы, особенно тѣ, которыя совершаютъ одновременно сдѣлки съ рентами и другими бумажными цѣнностями, располагають значительнымъ капиталомъ, доходящимъ иногда до нѣсколькихъ милліоновъ. Къ сожалѣнію, такихъ фирмъ очень мало. Весь капиталъ кулисы, какъ говорятъ, не превышалъ до послѣдняго кризиса 100 милліоновъ. Маклеромъ тутъ можетъ быть только лицо, принятое синдикальною палатою и располагающее опре-

дѣленнымъ ею капиталомъ, составляющимъ для сдѣлокъ съ рентами по меньшей мѣрѣ 100 тысячъ, а для сдѣлокъ съ другими бумажными цѣнностями — 500 тысячъ. Благодаря этимъ мѣрамъ предосторожности, кулиса представляла бы для публики такія же гарантіи, какъ паркетъ, если бы цифра ея сдѣлокъ не была бы такъ значительна, и онѣ не распространялись бы на несолидныя бумаги, покупаемыя и продаваемыя за счетъ очень смѣлыхъ биржевыхъ игроковъ. Кроме того, кулиса, не довольствуясь маклерскою ролью, злоупотребляетъ своимъ положеніемъ для распространенія въ публикѣ бумагъ. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ упрековъ, которые могутъ быть сдѣланы кулисѣ, состоитъ въ томъ, что она ввела въ обращеніе много очень подозрительныхъ цѣнностей, особенно горно-заводскихъ. Эта преступная неосторожность стоила ей дорого: нѣкоторыя значительныя фирмы обанкротились вслѣдствіе поопренія, которое кулиса оказала спекуляціи. Отъ этого удара она до сихъ поръ не оправилась, и ея ошибки значительно увеличили число и вліяніе ея противниковъ, такъ что дѣло можетъ дойти до правительственнаго вмѣшательства.

Какъ мы видимъ, частная биржа не открыта для всякаго желающаго. Принципіально, правда, никто не исключается, и кто хочетъ, можетъ продавать и покупать цѣнности въ зданіи биржи. Но фактически это право предоставляется только тѣмъ, кто его получилъ отъ синдикальной палаты, а чтобы его получить, надо представить извѣстныя гарантіи солидности и правильности заключаемыхъ сдѣлокъ. Такъ какъ сдѣлки, заключаемыя кулисою, не пользуются признаніемъ закона, такъ какъ споры не могутъ быть перенесены въ судебныя установленія, то всѣ операціи основаны единственно на взаимномъ довѣрїи, отдѣльные маклера слѣдовательно заинтересованы въ солидности фирмъ кулисы. И дѣйствительно, сдѣлки по большей части настолько же обезпечены, какъ и сдѣлки, заключаемыя оффиціальными маклерами. Въ этомъ храмѣ Мамона, признаваемомъ многими вертепомъ мошенниковъ, ежедневно заключаются масса сдѣлокъ, основанныхъ исключительно на довѣрїи къ биржевымъ дѣятелямъ. Достаточно помѣтки въ записной книжкѣ или даже простого словеснаго приказанія, и фирма признаетъ себя обязанной уплатить иногда сотни тысячъ фран-

ковъ. Если бывають случаи неисполненія принятыхъ обязательствъ, то это по большей части обусловливается недобросовѣстностью спекулянтовъ, которые, чтобы не платить разницы, ссылаются на непризнаніе закономъ сдѣлокъ, заключаемыхъ кулисою. И замѣтимъ, что между этими безсовѣстными спекулянтами, какъ выяснилось такъ недавно еще во время кризиса съ горнозаводскими цѣнностями, насчитывалось гораздо менѣ биржевыхъ дѣятелей, чѣмъ стороннихъ лицъ.

По закону кулиса можетъ заключать сдѣлки только съ цѣнностями, не допущенными къ официальной котировкѣ, т. е. собственно только съ банковыми цѣнностями. Дѣйствительно, есть много цѣнностей, французскихъ и особенно иностранныхъ, которыя не допускаются къ официальной котировкѣ, такъ какъ законъ позволяетъ включать въ нее лишь цѣнности, писанныя на опредѣленную сумму (100 фр.), а финансовое вѣдѣство требуетъ отъ обществъ, цѣнности которыхъ не допущены къ котировкѣ, уплаты извѣстнаго налога, отвергаемаго иностранцами. Уже вслѣдствіе этого обстоятельства получается значительный матеріалъ для сдѣлокъ, какъ это и подтверждается горнозаводскими цѣнностями. Но кулиса далеко не довольствуется этимъ матеріаломъ; она врывается въ дѣятельность паркета и давно уже орудуетъ цѣнностями, подлежащими официальной котировкѣ, начиная съ рентъ. Нѣкоторые фонды и международныя бумаги пользуются особеннымъ расположеніемъ кулисы, которая заключаетъ въ нихъ сдѣлки болѣе значительныя, чѣмъ паркетъ. По этому поводу до сихъ поръ происходятъ пререканія между официальными и частными маклерами. Первые даже неоднократно обращались въ судъ и еще во времена второй имперіи послѣдній рѣшалъ дѣла въ ихъ пользу. Но обычное право взяло верхъ надъ закономъ. Дѣятельность биржи такъ расширилась, въ то время, какъ число официальныхъ маклеровъ осталось неизмѣннымъ, что до послѣдняго времени, казалось, обѣ биржи могутъ дѣйствовать рядомъ, не вредя другъ другу. Официальные маклера опасались за свою монополію, если они будутъ слишкомъ ревниво охранять ее. Что же касается до публики, денежныхъ людей и даже правительства, то они извлекали несомнѣнныя выгоды изъ существованія двухъ биржъ. Пререканія между паркетомъ и кулисою,

занимающія въ настоящее время какъ биржу, такъ и, по слухамъ, министра финансовъ, въ сущности затрогиваютъ интересы самихъ биржевыхъ дѣятелей больше, чѣмъ публики. Какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, путемъ-ли административнаго распоряженія или закона, трудно понять, что собственно отъ этого выиграетъ публика, а еще менѣе—общественная нравственность. Даже съ точки зрѣнія чисто дѣловой есть болѣе существенныя реформы. Если кулисъ запрещено будетъ заключать сдѣлки съ бумагами, включенными въ оффиціальную котировку, то отъ этого характеръ дѣятельности спекуляціи не измѣнится. Ограничить операціи кулисы значитъ только сыграть въ руку оффиціальнымъ маклерамъ. Равнымъ образомъ и отмѣна монополіи послѣднихъ принесетъ пользу только кулисъ или вызоветъ къ жизни новое биржевое собраніе, сходное съ теперешнею кулисою. Если же кулиса будетъ просто упразднена, то такъ какъ многія цѣнности, особенно иностранныя, не могутъ вынести высокаго куртажа оффиціальнымъ маклеровъ, мѣра эта вызоветъ лишь перемѣщеніе на иностранныя рынки сдѣлокъ, заключаемыхъ нынѣ въ Парижѣ. Это поведетъ только къ тому, что парижскій денежный рынокъ будетъ принесенъ въ жертву Лондону, Берлину, Франкфурту, Жюневѣ или Брюсселю.

Одно изъ главныхъ обвиненій противъ частной биржи, высказывавшееся нерѣдко даже съ парламентской трибуны, состоитъ въ томъ, что представители многихъ ея фирмъ—иностранцы. Это былъ до послѣдняго времени—фактъ безспорный, который составляетъ отличительную черту кулисы, такъ какъ оффиціальнымъ маклеромъ по закону можетъ быть только французъ. Изъ числа же частныхъ маклеровъ многіе были не только не французами, но евреями и притомъ нѣмецкими евреями, что конечно усугубляетъ вину кулисы... Оффиціальныя же маклера наоборотъ—не только французы, но почти всѣ христіане, такъ какъ корпорація до сихъ поръ устраняла евреевъ, должно быть, изъ опасенія, что они пріобрѣтутъ слишкомъ значительное вліяніе.

Такимъ образомъ доступъ въ должность оффиціального маклера почти закрытъ для евреевъ. Имъ удалось захватить только двѣ конторы въ свои руки. Публика, склонная призна-

вать евреевъ первосвященниками въ храмъ Мамона, представляеть себѣ биржу своего рода свѣтскою синагогою, гдѣ священнодѣйствуютъ сыны Израиля. Это — очевидно ошибочное представленіе, такъ какъ потомки Іакова не могутъ проникнуть въ святую святыхъ биржи. Чтобы маклерствовать бумажными цѣнностями, имъ приходится довольствоваться кулисою, и такъ какъ во Франціи, Англии, Германіи, Австріи, многіе евреи вслѣдствіе атаквизма, своего рода инстинкта, унаслѣдованнаго отъ средневѣковыхъ предковъ, — чувствуютъ прирожденное влеченіе къ этой профессіи, то нельзя удивляться, что среди биржевыхъ маклеровъ встрѣчается не мало потомковъ Іакова, ашкиназовъ или сефардимовъ. Откровенно говоря, было бы очень странно, если бы для того, чтобы выкрикивать курсъ бумагъ, требовалось предъявленіе метрическаго свидѣтельства. Я живо представляю себѣ удивленіе первыхъ христіанъ, если бы имъ заявили, что для того, чтобы продавать на римскомъ форумѣ *partes* денежнымъ людямъ, надо вѣрить въ Христа: они конечно охотно предоставили бы это дѣло евреямъ или язычникамъ. Впрочемъ, мы тщетно старались бы уяснить себѣ равницу въ сдѣлкахъ, занесенныхъ въ записную книжку еврея или христіанина; несмотря на загребистыя руки, приписываемыя еврею, онъ врядъ ли зарабатываетъ на биржѣ больше, чѣмъ христіанинъ.

Бѣда въ томъ, что кулиса, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, насчитывала не только много евреевъ, но и иностранцевъ, по большей части нѣмецкаго происхожденія. И въ настоящее время нѣмецкія фамиліи преобладаютъ. Это значительное участіе, если не преобладаніе иностранцевъ объясняется приливомъ многихъ иностранныхъ цѣнностей, и этотъ фактъ въ свою очередь обусловливается не только усиливающимся космополитизмомъ капиталовъ, но и европейскимъ значеніемъ, все болѣе приобретаемымъ парижскою биржею. Въ немъ усматриваютъ опасность для нашихъ финансовъ, для нашего кредита и даже для самой биржи. Когда наши ренты понижаются или же ренты государствъ, признаваемыхъ враждебными, повышаются на одинъ или на два франка, въ то время какъ консолидированныя бумаги дружественныхъ намъ государствъ теряютъ нѣсколько франковъ, печать тотчасъ же возмущается

биржевыми маневрами и ажіотажемъ иностранцевъ. Даже въ парламентѣ находятся ораторы, которые громятъ дерзкія махинаціи иностранныхъ спекулянтовъ, играющихъ въ руку нашимъ противникамъ нашими же деньгами въ нашемъ собственномъ домѣ. Люксембургскій и бурбонскій дворцы оглашаются военнымъ кличемъ, какъ будто кулиса представляетъ собою тайнаго неприятеля, расположившагося лагеремъ между бульварами и Пале-Роялемъ. Депутаты или сенаторы провозглашаютъ свое шумное: *saveant consules* и требуютъ примѣненія всей строгости закона противъ этихъ разбойниковъ-космополитовъ, обезсиливающихъ парижскій рынокъ въ борьбѣ съ врагами Франціи ¹. Печать идетъ дальше; находятся листки, которые называютъ этихъ космополитовъ биржи берлинскими агентами, назначенными для того, чтобы вредить нашему денежному рынку и разворять частныхъ лицъ ². Эта нервность, эта склонность къ подозрѣніямъ не говорятъ въ пользу проницательности нашей печати. Думать, что курсъ нашихъ ренты и кредитъ страны всецѣло зависятъ отъ еврейско-нѣмецкихъ маклеровъ, значить составить себѣ слишкомъ высокое представленіе о могуществѣ биржевыхъ дѣятелей. Дѣйствительно, факты не подтверждаютъ, чтобы кулиса когда либо выступала въ походъ противъ французскихъ ренты. Напротивъ, она съ полнымъ основаніемъ ставитъ себѣ въ заслугу, что съ своей стороны содѣйствовала распространенію и поддержанію курса нашихъ правительственныхъ бумагъ. Въ этомъ отношеніи совѣсть у нея чиста, но тѣмъ не менѣе ее сильно смутили направленныя противъ нея нападки и конечно не безъ основанія. Распоряженіемъ конца 1895 г. постановлено, что впредь и частными маклерами на биржѣ могутъ быть только французы или лица, пользующіяся правами французскаго гражданства. Итакъ, еще

¹ Такъ напримѣръ въ февралѣ 1894 г. нѣкоторые депутаты обвиняли кулису въ пониженіи русскихъ фондовъ. По этому поводу сдѣланъ былъ запросъ г. Журдомъ въ засѣданіи 24 февраля 1894 г. Ср. кромѣ того засѣданіе 23 февраля 1893 г.

² Посѣщеніе императоромъ Николаемъ II Парижа въ октябрѣ прошлаго года также дало нѣкоторымъ газетамъ поводъ обвинять кулису въ заговорѣ противъ нашего кредита; газеты эти не хотѣли допустить, чтобы французскія и русскія бумаги могли понизиться по другимъ причинамъ.

немного терпѣнія, и биржа будетъ всецѣло находиться въ рукахъ французовъ. Можетъ быть, она отъ этого не много выиграетъ, потому что это значить оказывать слишкомъ большую честь отмѣткамъ биржевыхъ дѣятелей, выставляя ихъ вершителями денежныхъ операцій и кредитныхъ начинаній государства. На самомъ дѣлѣ они—только простые маклера, исполняющіе данное имъ порученіе, и кѣмъ бы они ни были,—евреями или христіанами, иностранцами или французами, они конечно руководствуются не національными или религіозными чувствами при повышеніи и пониженіи курсовъ. Если они и отмѣчаютъ цѣны бумагъ, то дѣлаютъ это подъ диктовку публички.

Надо имѣть мужество признать, что опасность, угрожающая нашему государственному кредиту, равно какъ и парижскому денежному рынку, исходить не отъ нѣсколькихъ лицъ иностраннаго происхожденія, дѣйствующихъ на биржѣ. Она заключается скорѣе въ нападкахъ, которымъ ее подвергаютъ невѣжественные ригористы, ослѣпленные страстью, или въ стѣсненіяхъ, вызываемыхъ неблагоразумными распоряженіями и несвоевременными требованіями финансоваго вѣдомства. Къ несчастью, общественное мнѣніе не отдаетъ себѣ отчета въ существенной сторонѣ дѣятельности биржи и легко подчиняется вредному натравливанію. Чтобы дать въ этомъ отношеніи отпоръ, нельзя рассчитывать на проникательность или патріотизмъ законодателей, озабоченныхъ болѣе тѣмъ, чтобы потворствовать предразсудкамъ толпы, чѣмъ чтобы упрочить источники богатства Франціи. Вотъ гдѣ кроется теперь главная опасность и притомъ не только для биржи вообще, но и для промышленности и для финансовъ. И это—не единственная опасность.

Денежный рынокъ можетъ пострадать отъ мѣръ, съ виду вполне законныхъ, отъ нѣкоторыхъ реформъ въ системѣ налоговъ, хотя законодатель, приступая къ нимъ, даже не думаетъ о биржѣ. Фискъ, какъ неумѣлый стрѣлокъ, иногда ранитъ того, въ кого онъ и не думаетъ цѣлить; налоги иногда поражаютъ рикошетомъ то, что повидимому стоитъ въ сторонѣ отъ нихъ. Это можно напримѣръ сказать о проектѣ налога на иностранныя цѣнности. Что повидимому можетъ быть справедли-

вѣе, какъ наложить одинаковый налогъ на цѣнности отечественныя и иностранныя? Но бѣда въ томъ, что это равенство легче установить въ законѣ, чѣмъ на практикѣ. Предметъ обложенія съ удивительною ловкостью ускользаетъ отъ налоговъ, и въ этомъ отношеніи иностранныя цѣнности будутъ всегда имѣть преимущество передъ отечественными. Налогъ на доходъ съ иностранныхъ цѣнностей, присоединяясь къ штемпельному сбору, приведетъ только къ тому, что сдѣлки съ иностранными бумагами будутъ заключаться за границею и тамъ же будетъ получаться и доходъ съ нихъ. Такимъ образомъ французскій рынокъ и французскіе банкиры потеряютъ только источникъ доходовъ. Многія дѣла будутъ перенесены изъ Парижа въ Лондонъ, Брюссель, Женеву: центръ тяжести сдѣлокъ будетъ перемѣщенъ въ прямой нашъ ущербъ. Брюссельскіе или лондонскіе маклера пріобрѣтутъ то, что потеряютъ парижскіе. То же можно сказать о налогѣ на биржевыя сдѣлки; и здѣсь для обложенія существуетъ предѣлъ, который нельзя переступить, не вызывая уклоненія плательщиковъ отъ уплаты налога. Стоитъ только чрезмѣрно обложить биржевыя сдѣлки, и онѣ будутъ перенесены на конкурирующіе съ нами денежныя рынки. Банкиры, спекулянты, крупные капиталисты уйдутъ изъ Парижа и будутъ вести свои операціи за границею; да и бѣжать имъ нечего, потому что телеграфъ и телефонъ находятся въ ихъ полномъ распоряженіи.

Напрасно насъ стали бы обвинять въ пессимизмѣ. Если звѣснить невѣжество и предубѣжденія публики въ биржевыхъ вопросахъ, если вспомнить о такъ-называемыхъ реформахъ, отстаиваемыхъ прессою и парламентомъ, то нельзя съ довѣріемъ относиться къ будущности парижскаго денежнаго рынка. И этому экономическому фактору современной Франціи угрожаютъ серьезною опасностью чрезмѣрные ревнители прогресса своими заносчивыми предразсудками.

Люди, склонные смотрѣть на биржу, какъ на игорный домъ, дѣйствующій совершенно явно, при скрытомъ доброжелательствѣ власти, доходятъ до того, что требуютъ ея закрытія. По ихъ мнѣнію, официальные и частные маклера являются только банкометами, регистрирующими пари и распредѣляющими между игроками проигрыши и выигрыши. Конечно подъ сводами

биржи совершается не мало гадкихъ дѣлъ, но нельзя возлагать на нее ответственности за все, что происходитъ въ ея стѣнахъ. Подозрительныя сдѣлки, безстыдный грабежь, ловкое мошенничество не всегда внушаются биржевыми дѣятелями; они въ нихъ даже нерѣдко не участвуютъ и являются только ихъ свидѣтелями. Правильнѣе сказать, что биржа даетъ имъ только пріютъ, какъ подозрительныя гостинницы не отказываютъ въ ночлегѣ злоумышленникамъ, грабящимъ проѣзжихъ. Закрытіе биржи не предупредило бы обмана, воровства, грабительства, которыя публика ей приписываетъ. Никогда ажіотажъ не процвѣталъ такъ сильно, какъ во времена конвента и директоріи, т. е. именно въ такое время, когда двери биржи были закрыты. Излишества спекуляціи и финансовые скандалы не могутъ быть приписаны организаціи биржи. Если посредники и въ особенности кулиса не всегда безгрѣшны, то не они являются первыми и главными виновниками. Какъ оффиціальныя, такъ и частныя маклера только исполняютъ данныя имъ приказанія. Нерѣдко случается, что по крайней мѣрѣ оффиціальныя маклера умѣряютъ пылъ своихъ кліентовъ. Чтобы придать болѣе нравственный характеръ сдѣлкамъ и подавить ажіотажъ, далеко недостаточно измѣнить организацію биржи. Юристы или моралисты, вообще люди, разсчитывающіе излѣчить Францію отъ періодически повторяющейся спекулятивной горячки путемъ регламентаціи биржи, видятъ только внѣшнее проявленіе недуга. Они смѣшиваютъ признаки болѣзни и ея причины. И тутъ регламентація по большей части вводитъ только въ обманъ: путемъ административнаго распоряженія нельзя искоренить зла, вызываемаго состояніемъ нравовъ. Излишества спекуляціи обусловливаются глубокими причинами, не всегда доступными дѣйствию закона. Чтобы нанести ударъ виновникамъ или ихъ соучастникамъ, надо его направить далеко не всегда туда, куда указываетъ публика.

Грабители публики и ея сбереженій, отвратительные паразиты, обогащающіеся на счетъ легковѣрной алчности наивныхъ людей, совершаютъ свои печальные подвиги не въ самой биржѣ, а около нея. Второстепенныя конторы, агентства, мѣняльныя лавки, — вотъ самыя опасныя вербовщики спекуляціи, самыя дѣятельныя посредники въ сдѣлкахъ, развращающихъ публику,

и если уже надо назвать главную виновницу, сближающую подозрительнаго банкира и грабителей, очищающих карманы публики, то тутъ, какъ вездѣ, ею является сила, дѣйствующая на каждомъ шагѣ вокругъ насъ, то льстивая, то циничная, и эта сила — печать, особенно мелкіе листки, распространяемые по дешевой цѣнѣ среди невѣжественнаго люда.

Быть можетъ нельзя утверждать, что никогда еще спекуляція не была болѣе преступна и дѣйствовала менѣе безнаказанно, чѣмъ теперь; но несомнѣнно, что никогда еще такъ много людей не страдало отъ нея, потому что никогда еще она не была такъ доступна. Это—также неизбежное слѣдствіе демократіи: распространеніе ажіотажа является одною изъ ея принадлежностей. Какъ и все другое, — и мы настойчиво это повторяемъ — она содѣйствовала распространенію спекуляціи, сдѣлала ее доступной маленькимъ людямъ, въ то время, какъ прежде она составляла привиллегію лишь немногихъ избранныхъ. Многое способствовало ея развитію: и распространеніе богатства на ряду съ распространеніемъ образованія, и демократическое чувство, заставляющее людей жить выше средствъ, и общія конкуренція, заграждающая людямъ доступъ къ разнымъ профессіямъ, и жажда быстро разбогатѣть, наслаждаться, прожигать жизнь, и крушеніе прежнихъ традицій и вѣрованій, и ослабленіе нравственности, и практической матеріализмъ, охватившій человѣческую душу во всѣхъ слояхъ общества. Да, все это содѣйствовало ея развитію. Не забудемъ, кромѣ того, ежедневныхъ филиппикъ радикаловъ и социалистовъ, заставляющихъ капиталистовъ искать убѣжища въ иностранныхъ цѣнностяхъ, конверсій, пониженія размѣра процента, дохода съ движимой и недвижимой собственности, побуждающаго крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ искать себѣ вознагражденія въ рискованныхъ цѣнностяхъ или въ разницѣ курсовъ. Пониженіе доходовъ въ связи съ вадорожаніемъ жизни болѣе всего способствовало увеличенію числа биржевыхъ игроковъ. Къ банкиру обратилась какъ-то дама съ просьбою указать ей на болѣе выгодныя бумаги. «Хотите-ли вы спокойно спать или хорошо кушать?» — спросилъ ее въ свою очередь банкиръ, — давая ей этимъ понять, что вѣрныя бумаги большихъ доходовъ не даютъ. Но большинство людей не доволь-

ствуются тѣмъ, чтобы спокойно спать: они хотятъ хорошо кушать, и вотъ почему они въ такомъ значительномъ числѣ набрасываются на сильно приправленные блюда, ежедневно предлагаемыя въ большомъ разнообразіи подозрительныхъ денежныхъ дѣлъ мастерами. Не видимъ-ли мы толпящихся вокругъ биржи отравителей, которыхъ законъ долженъ былъ бы карать со всею своею строгостью? Развѣ въ торговлѣ бумагами, какъ и въ торговлѣ жизненными припасами не встрѣчается обманъ и фальсификація, которыя государство вправѣ и обязано карать во имя общественнаго здравія? Словомъ, исполняетъ-ли законъ въ данномъ случаѣ свое охранительное призваніе? И если законъ тутъ часто безсиленъ, то гдѣ же средство спасенія? На эти вопросы мы постараемся отвѣтить въ слѣдующей главѣ.

Пер. Р. Сементковскій.

(Продолженіе будетъ).

С О Н Ъ.

Все было словно на яву...
Мнѣ снилось, будто я плыву
Въ эфирѣ неба голубомъ.
Созвѣзды вѣчныя кругомъ
Горѣли трепетнымъ огнемъ
И въ полуночной тишинѣ
Привѣтливо свѣтили мнѣ.
Порою ангелъ пролеталъ
И взмахомъ крыльевъ нарушалъ
На мигъ торжественный покой,
Царившій въ выси голубой.
Такъ долго, долго я леталъ...
Вдругъ взоръ мой на землю упалъ:
Земля, объята тихимъ сномъ,
Плыла въ сіяньи голубомъ,
И различить на ней мой взоръ
Могъ ясно все: вершины горъ,
И мракъ долинъ, и даль полей
И гладь зеркальную морей.
И на хребтѣ горы одной,
Кругомъ обвитой, какъ змѣей,
Большой извилистой рѣкой

Я свѣтъ волшебный увидалъ;
 Къ себѣ онъ взоръ мой призывалъ,
 Его онъ нѣжилъ и ласкалъ,
 Какъ лучъ денницы золотой,
 Какъ солнце раннею весной.
 И я съ безоблачныхъ высотъ
 Направилъ горній свой полетъ
 Туда, гдѣ дивный свѣтъ сиялъ,
 И вотъ что тамъ я увидалъ:
 Передъ гробницей золотой
 Стоялъ съ поднятою рукой
 Посланный неба, а въ другой
 Онъ обнаженный мечъ держалъ
 И взоры грозные металъ,
 Какъ искры жгучія, кругомъ.
 Онъ весь въ сияньѣ золотомъ
 Прекрасенъ былъ, какъ солнца ликъ.
 „Ужели, смертный, ты пронишь
 По волѣ Бога къ той святой
 Обители, гдѣ свой покой
 Избранникъ Господа обрѣлъ,—
 Былъ стража грознаго глаголъ,—
 Отвѣтствуй мнѣ... Но если ты
 Священной этой высоты
 По волѣ духа зла достигъ,—
 О, прояви тотъ страшный мигъ,
 Когда, внемля его словамъ,
 Ты волю далъ своимъ стопамъ.
 — Не грѣшный замыселъ, о, нѣтъ,—

Былъ стражу робкій мой отвѣтъ, —
Привелъ къ обители меня;
Чиста, клянусь, душа моя!..
Въ эфирѣ неба я виталъ
И съ высоты я увидалъ
Сіанье чудное твое;
Оно безгрѣшное мое
Все существо къ себѣ влекло...
О, я не лгу! Взгляни, свѣтло
Въ моей душѣ, какъ въ небесахъ,
Когда имъ утро шлетъ въ лучахъ
Свой первый чистый поцѣлуй.
Внемли мольбѣ моей, даруй
Мнѣ милость первую твою:
Предъ чьей гробницей я стою?
Скажи мнѣ, кто нашелъ покой
За этой дверью гробовой.
И если тайну эту я
Открою смертнымъ, — пусть меня
Земля презрѣніемъ клеймитъ,
А Божій громъ за ложь сразитъ.
Взгляни, въ глазахъ моихъ дрожить,
Сверкая, скорбная слеза;
Она чиста, какъ та роса,
Что на зарѣ кропитъ цвѣты.
О, никогда, повѣрь мнѣ, ты
Слезы правдивѣй не видалъ“.
Въ раздумьѣ долгомъ стражъ стоялъ,
И, наконецъ, въ чертахъ его

Мое прочелъ я торжество;
И онъ отвѣтилъ тихо мнѣ:
„Въ твоей душевной глубинѣ
Я вижу свѣтлый чистый храмъ
И образъ Бога вижу тамъ;
И вотъ тебѣ открою я
Все то, что было для тебя
Завѣтной тайной: эта дверь,
Передъ которой ты теперь
Стоишь съ поникшей головой,
Ведетъ къ гробницѣ, гдѣ покой
Нашло земное божество—
Пророкъ народа твоего.
Вотъ здѣсь зажегъ небесный Царь
Неугасаемый алтарь
Терпѣнія, отрадныхъ слезъ,
Надеждъ и тѣхъ волшебныхъ грезъ,
Что такъ лелѣеть твой народъ.
Посланникъ неба каждый годъ
Въ день искупленія сюда
Приходитъ свѣтлый, какъ мечта,
И, внемля Господа словамъ,
Уноситъ грезы эти къ вамъ
Въ юдоль земную, гдѣ скорбя
Постомъ томите вы себя
И, волю давъ своимъ слезамъ,
Молитвы шлете небесамъ“.
И я спросилъ: „придетъ ли часъ,
Когда Господь избавитъ насъ

Отъ той юдоли скорбныхъ слезъ,
Отъ мукъ, отъ вражескихъ угрозъ?
Отвѣтствуй мнѣ... И отчего
Господь могилу скрылъ его?
Ужель не легче было-бъ намъ,
Когда бы волю дать слезамъ
Могли мы тѣсною семьей
Здѣсь у могилы дорогой,
Гдѣ нашъ пророкъ нашелъ покой?“
„Его вы чтите оттого,
Что умеръ онъ, какъ божество,
Что могъ онъ тлѣнья своего
Отъ вашихъ взоровъ скрыть слѣды,
Онъ вамъ сіялъ, какъ свѣтъ звѣзды,
Ударилъ часъ, урочный часъ,
И скрылся онъ изъ вашихъ глазъ.
О, еслибъ смертные могли
Найти вотъ эту пядь земли,
Гдѣ прахъ избранника сокрытъ,
Гдѣ безмятежнымъ сномъ онъ спитъ,—
Они докучною мольбой
Встревожили бъ его покой,
И еслибъ онъ на стоны ихъ
Не далъ отвѣтовъ никакихъ,—
Они, какъ это было встарь,
Зажгли-бъ себѣ другой алтарь.
.....
Ты хочешь знать, когда Творецъ
Сорветъ страдальческій вѣнецъ

Съ чела народа твоего?
 Всѣ муки тяжкія его
 Явились только оттого,
 Что вѣру твердую въ себя
 Онъ потерялъ. Зачѣмъ скорбя
 Онъ слезы льетъ предъ алтаремъ
 И ждетъ, чтобъ властно божій громъ
 Враговъ безжалостныхъ сразилъ?
 Пусть соберетъ остатки силъ
 Твой вѣчно плачущій народъ
 И, смѣло двинувшись впередъ,
 Пусть цѣпи рабства разобьетъ,
 Тогда поможетъ Богъ ему:
 Разсѣявъ вѣковую тьму,
 Онъ поведетъ его туда,
 Гдѣ ваша первая звѣзда
 Свободы золотомъ зажглась,
 Какъ та заря, что занялась
 Тамъ на востокъ... Посмотри,
 Какъ тамъ сіяетъ блескъ зари...“

.
 И вдругъ растаяли, какъ дымъ,
 Гора, гробница, херувимъ, —
 И только въ радужныхъ лучахъ
 Играло утро въ небесахъ.

Х. Зингеръ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОРЕМЫКИ.

Ребъ Ицхокъ.

I.

Это было въ лѣто 18... года. Солнце въ то воскресенье такъ ярко сіяло на небѣ, что залило собою даже хату бывшего водова Оомки, всегда остававшуюся въ тѣни, хотя въ то же время остальные дома мѣстечка Снонима чуть ли не трескались отъ жары. Оомка, выйдя изъ хаты, въ недоумѣніи остановился на порогѣ: шаловливый лучъ солнца, жгучій, какъ огонь, попалъ ему прямо въ глазъ.

Оомка замахнулся рукою, чтобы примѣрно наказать дерваго, но спохватившись, что врагъ его — солнце, выругался и, размашисто перекрестившись, пошелъ обратно въ хату и легъ на холодную печку. На печкѣ ему приснился хорошій сонъ. Онъ видѣлъ цѣлое ведро водки, той самой водки, чарку которой разъ выпилъ у своего помѣщика послѣ того, какъ его, Оомку, тотъ же помѣщикъ приказалъ высѣчь за пьянство, — и себя — владѣльцемъ этой водки.

Не долго думая, Оомка началъ пить ее прямо изъ ведра. Въ это самое время борозъ Оомки вышелъ изъ хлѣва, гдѣ отдыхалъ послѣ вчерашняго ужина, состоявшаго изъ нарубленной крапивы, смѣшанной съ шелухой ячменя, задобренной колодезной водой, и жизнерадостно осмотрѣлся. Потомъ онъ попробовалъ поднять голову и посмотрѣть на крышу, чтобы узнать, вѣроятно, есть ли и тамъ солнце, но не смогъ и удовольствоваться тѣмъ, что, обойдя раза два хату и порывшись рыломъ у столба, подпиравшаго одну изъ стѣнъ, легъ на землю и началъ думать. Его умственному взору предстали болотца, круглый годъ окружавшія хату.. Онъ видѣлъ себя въ кругу близкихъ

знакомыхъ и подругъ, съ которыми онъ, Өомкинъ боровъ, такъ недавно игралъ и нѣжился... А теперь сушь!..

Должно полагать, что воспоминанія эти удручающе подѣйствовали на борова: онъ всталъ, грустно посмотрѣлъ на чахлую траву, почесался бокомъ о столбъ такъ, что вся хата закачалась и Өомкѣ на печи показалось, что кумъ Иванъ «мазнулъ» его по уху, такъ, ни за что, чему онъ, неповинный, весьма обидѣлся и жадостно проговорилъ спросонья: «не надо-ть, кумъ, бить...» послѣ чего перевернулся на другой бокъ, а боровъ, и не подозрѣвавшій обиды Өомки, похрюкивая полпелся вдоль по улицѣ. Но не уйти Өомкинову борову отъ яркихъ лучей солнца, которымъ онъ, глупый, такъ было обрадовался! Не уйти, не спрятаться! И боровъ это понялъ: онъ вдругъ остановился, съ минуту подумалъ и потомъ рѣшительной рысью направился къ дому раби Ицхока, моего дѣдушки, находившемуся шагахъ въ двухстахъ отъ Өомкиной хаты. Пробѣжавъ это пространство, боровъ утомился, ибо не мало ему было лѣтъ, хотя онъ, по правдѣ сказать, прекрасно сохранился для своего возраста. И вотъ по этой причинѣ боровъ забылъ правила приличія, которымъ его учила съ самаго ранняго дѣтства покойная Өомкиниха, царство ей небесное, и легъ у самыхъ дверей, такъ что дѣдушка, которому понадобилось на улицу, принужденъ былъ крикнуть: «аюсъ, аюсъ, швина!..» Но обида эта не подѣйствовала; тогда дѣдушка поднялъ палку и... два раза провелъ ею по спинѣ борова. Я увѣренъ, что дѣдушка поступилъ такъ грубо потому, что не зналъ одного обстоятельства, могущаго показаться незначительнымъ только господамъ либераламъ. Боровъ этотъ, которому судьба чуть было не назначила играть большую роль съ моей жизни, былъ не простой боровъ. Онъ былъ боровъ завѣтный: жена Өомки, Өоминиха, какъ звали ее еврейки, умирая такъ завѣщала мужу: «пьяница, не пропивай ты кабака! Какъ придетъ Пасха надѣлай себѣ колбасъ...» Съ тѣмъ покойница и душу Богу отдала. Но такъ, или иначе, боровъ, не считавшій себя поросенкомъ, оскорбился неучтивостью дѣдушки и успѣшилъ уйти въ одно завѣтное мѣстечко возлѣ бани.

А между тѣмъ никто въ городѣ не осмѣлился бы и подумать что-либо нехорошее о дѣдушкѣ. Наоборотъ, онъ былъ честь и краса Снонима, самымъ уважаемымъ гражданиномъ его и

вполнѣ заслужилъ такую репутацію. Синагога только и держалась на высотѣ своего положенія благодаря его пожертвованіямъ. Ни одна бѣдная Снонимская невѣста не вышла бы замужъ, не существуй р. Ицхокъ и его жена Эстеръ, старенькая женщина, лѣтъ пятидесяти, небольшого роста съ синенькими глазами и красненькими, хотя и дряблыми щечками. Р. Ицхоку не пришлось раскаиваться, что онъ женился на бабушкѣ, но откровенно говоря, р. Ицхокъ столько же виноватъ, что именно Эстеръ его жена, а не другая, сколько и мы съ вами, читатель. Заслуга эта принадлежит отцу р. Ицхока, который, необходимо замѣтить, въ настоящее время находится на томъ свѣтѣ и вѣроятно въ раю, ибо онъ былъ почтенный еврей, что, какъ всѣмъ извѣстно, только на томъ свѣтѣ и принимается во вниманіе...

Но буду продолжать о дѣдушкѣ. Часто, очень часто приходили Снонимскіе граждане къ дѣдушкѣ совѣтоваться о различныхъ дѣлахъ. И совѣты его всегда шли въ прокъ, что въ свое время даже могла засвидѣтельствовать наша кухарка, которая еще не будучи кухаркой, имѣла счастье выйти замужъ за сапожника, человекъ очень набожнаго. Съ женщинами сапожникъ почти не говорилъ; жену же не влюбилъ за болтовню и черезъ годъ послѣ свадьбы началъ колотить ее и все больше сапогомъ, да такимъ тяжеловѣснымъ, что ближайшіе сосѣди только охали да охали. Наконецъ бѣдная женщина догадалась обратиться къ р. Ицхоку, «и онъ, да пошлетъ ему Богъ долги лѣта,—такъ рассказывала кухарка,—велѣлъ мнѣ жить у нихъ! Ну, что вы скажете на это? И слава Богу!» Тутъ кухарка съ благодарностью качала головой. «Дѣръ мишугенэръ¹ таки остался мишугэ, а я живу себѣ спокойно; что мнѣ недостаетъ?» Этимъ вопросомъ кухарка наша всегда заканчивала свой рассказъ и уступала право слова собесѣдницѣ.

— Что и говорить!—начинала та съ жаромъ.—Такой еврей, какъ р. Ицхокъ, легко сказать, легко сказать. Да такихъ людей совсѣмъ нѣту больше!

У дѣдушки была на базарѣ большая мануфактурная лавка и онъ, вѣрнѣе жена его, много торговала. Нужно ли было не-

¹ Сумасшедшій.

вѣстѣ приданое, или жениха снаряжали къ вѣнцу, — шли въ лавку р. Ицхока; знали его лавку и окрестные мужики, и городское начальство. Но за то не было въ городѣ бѣдняка, который уходилъ бы отъ дѣдушки безъ помощи. И сносимцы чувствовали это. Во первыхъ дѣдушка былъ габой¹ въ синагогѣ; онъ чаще другихъ читалъ по субботамъ «мафтиръ»; потомъ ему довѣрялись на храненіе разнаго рода спорныя деньги; на засѣданіяхъ, гдѣ обсуждались вопросы, касавшіеся кладбища ли, ремонта синагоги, пристроекъ общественныхъ и проч., дѣдушка пользовался очень вліятельнымъ голосомъ. Разъ какъ-то нѣкоторые весьма уважаемые граждане возстали противъ проекта р. Ицхока, предложившаго окрасить женскую галлерей въ синагогѣ. Поучителенъ былъ видъ дѣдушки, когда онъ, полонъ достоинства, поднялся съ мѣста и важно произнесъ: «Я сказалъ!» — послѣ чего хотѣлъ было уходить. Но бѣдняки подняли шумъ, на возставшихъ посыпались упреки въ недостаткѣ уваженія къ р. Ицхоку и его словамъ... Тѣ начали извиняться: «р. Ицхокъ, мы ничего не думали, извините р. Ицхокъ!..» А р. Ицхокъ, какъ бы для полноты картины, неожиданно проговорилъ: «что верхнюю галлерей необходимо окрасить вы сами хорошо знаете. Окраска пусть производится на мой счетъ». Это было сказано спокойно; возставшіе были уничтожены.

Дѣдушка нюхалъ табакъ. Носъ дѣдушки былъ большой носъ; его украшали двѣ синія жилки. Одна изъ нихъ тянулась во всю длину носа и, по мѣрѣ приближенія къ ноздрямъ, дѣлалась шире и толще; вторая же, чуть замѣтная, пересѣкала носъ въ ширину. Когда р. Ицхокъ, нюхая табакъ, вынималъ изъ табакерки носъ, онъ принималъ такой видъ, что всякій честный еврей готовъ былъ бы побожиться, что въ немъ помѣстилось не менѣе четверти фунта. Небольшое также количество табаку, за неизмѣнимъ вѣроятно мѣста въ носу, оставалось всегда на верхней губѣ р. Ицхока и окрашивало въ темный цвѣтъ его широкіе, безъ всякой формы, усы. Пейсы же р. Ицхока въ длинѣ очень немногимъ уступали его бородѣ, прославившейся, какъ въ Сносимѣ, такъ и въ окружныхъ мѣстечкахъ. Да, у дѣдушки была хорошая борода; широкая сѣдая борода.

¹ Староста.

При высокомъ ростѣ и тучности фигуры, дѣдушка имѣлъ солидный, важный видъ. Одѣвался онъ по старинному: онъ носилъ длинный недорогой сюртукъ, перетянутый въ талии поясомъ-платкомъ, бѣлые чулки и туфли; и лѣтомъ и зимой носилъ теплую мѣховую шапку. Шапку эту дѣдушка носилъ такъ плотно, что не видно было волосъ, которые онъ каждыя двѣ недѣли брилъ, согласно обычаю. Въ праздничные дни дѣдушка одѣвалъ дорогой атласный лапсердакъ, очень скромный на видъ, будничную шапку мѣнялъ на остроконечный «страймль», при чемъ все лицо его принимало торжественное выраженіе. Дѣдушку въ Снонимѣ всѣ очень уважали. Нерѣдко случалось, что самъ городской надзиратель, страдавшій хроническимъ запоемъ, ко всеобщему удивленію снонимцевъ, первый говорилъ ему: «мое почтеніе, р. Ицхокъ!» Но р. Ицхокъ такъ сдержанно отвѣчалъ на привѣтствіе, что люди, не знавшіе надзирателя, могли подумать, что это не пьяный надзиратель, а простой пьяница. Дѣдушка имѣлъ обыкновеніе ежедневно уходить часа на три въ лавку; тамъ онъ провѣрялъ кассу, записывалъ проданный товаръ, пилъ чай и подолгу говорилъ съ женой, чувствовавшей себя въ лавкѣ какъ-то развязнѣе. Въ лавкѣ же она нерѣдко упрекала его въ черевчуръ щедрой раздачѣ милостыни, но, не желая возстановлять противъ себя мужа, она добавляла: «что мы, богачи мы, что-ли!» «Наръ, наръ!—спокойно отвѣчалъ дѣдушка.—Не забывай, что мы евреи! Господь поможетъ намъ. Нужно давать!» Слова эти онъ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и послѣ нихъ всегда задумывался. «Ну, а попробуй не дать?—и дѣдъ начиналъ сердиться.—Что скажутъ, скажутъ, что мы... Э, да что съ тобой говорить!» И онъ уходилъ. По приходѣ домой дѣдъ не ложился отдыхать, хотя его часто клонило ко сну. Онъ доставалъ изъ своей пыльной библіотеки объемистый фоліантъ Талмуда и углублялся въ чтеніе. По мѣрѣ чтенія, дѣдъ воодушевлялся и начиналъ читать вслухъ; голосъ его дѣлался громче и тверже; по временамъ онъ отрываетъ глаза отъ фоліанта, поднималъ палецъ и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, въ тактъ мотиву, какъ будто силился уяснить себѣ какое-либо трудное мѣсто... Это удавалось ему каждый разъ и тогда онъ глубокомысленно восклицалъ: «ага!..» Случалось, что у окна останавливались идущія мимо старушки, будучи не въ силахъ

противостоять искушенію: послушать «а idesch wort», и у нѣкоторыхъ хватало терпѣнія часа по два наслаждаться непонятнымъ чтеніемъ р. Иццока. При видѣ ихъ, р. Иццокъ сурово хмурилъ брови, но наврядъ-ли видѣ этихъ старушекъ, съ указательными пальцами на щекахъ, сиротливо покачивающихъ головами, въ знакъ удивленія учености р. Иццока, на самомъ дѣлѣ былъ ему неприятенъ. Вечеромъ дѣдъ уходилъ въ синагогу, откуда довольно таки часто приводилъ домой какого нибудь заѣзжаго магида, съ выпуклыми глазами и здоровымъ аппетитомъ. Тогда они усаживались, говорили о злобахъ дня и подъ конецъ обязательно вступали въ отвлеченные споры, продолжавшіеся иной разъ до глубокой ночи. Дѣдъ мой большей частью оставался побѣдителемъ; не думаю, чтобы противники нарочно поддавались: каковъ бы ни былъ аппетитъ у магида, — ему истина дороже. Разъ какъ-то послѣ такого спора, дѣдушка остался побѣжденнымъ: это такъ повліяло на него, что онъ два дня ходилъ нахмуренный, почти ни съ кѣмъ не говорилъ и даже не вмѣшивался въ общественныя дѣла, которыми, какъ и всякій еврей, интересовался больше своихъ собственныхъ.

Дѣдушка могъ-бы быть вполне довольнымъ своей жизнью, еслибъ лѣтъ 25 тому назадъ, а именно въ 18. . . . году, въ одинъ ненастный осенній день, памятный еще и тѣмъ, что какая-то дѣвочка тогда утонула въ грязи на базарной площади, хотя многіе утверждали, что грязь тутъ не при чемъ, а ужъ вѣрно ей судьба такая, если-бы, повторяю, въ тотъ день не случилось происшествія, которое какъ оказалось впоследствии, имѣло нѣкоторое вліяніе на жизнь р. Иццока, а также и мою. У р. Иццока родился сынъ: ему дали имя Абрамъ и предназначили къ духовной дѣятельности, т. е. пяти или шести лѣтъ онъ былъ отданъ въ хедеръ, гдѣ и пробылъ до девятнадцати. Изъ хедера его отвезли къ вѣнцу и спустя два года послѣ свадьбы я впервые увидѣлъ свѣтъ.

Какъ во снѣ помню я смерть отца. Впрочемъ, я не убѣжденъ, что во мнѣ не говорятъ болѣе позднія впечатлѣнія. Смерть сына сильно повліяла на р. Иццока и свою родительскую любовь онъ, вѣроятно, полностью перенесъ-бы на меня и безъ сомнѣнія, въ настоящее время, я ужъ былъ-бы весьма близокъ къ титулу раввина... Но мать моя, очень слабохарак-

терная женщина, ни за что не хотѣла оставить меня у дѣдушки, и до сихъ поръ не пойму, какимъ чудомъ ей удалось настоять на своемъ. Очутился я съ матерью въ городѣ Н**, гдѣ жили ея родственники.

Тамъ она въ скорости вторично вышла замужъ, и на 12 году я былъ отданъ ея вторымъ мужемъ, полувцилизированнымъ купцомъ мелкой руки, въ школу, гдѣ, кромѣ древне-еврейскаго, преподавались и общеобразовательные предметы. Школа эта была хорошая, но я не окончилъ, такъ какъ отчимъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать ровно въ два часа дня, ни минутой позже, а мать моя, страдавшая порокомъ сердца, разъ какъ то заловдала къ обѣду. Ее позвали и минутъ черезъ десять она вѣрно была-бы въ столовой, но желая избѣгнуть упрековъ мать шла быстро и на послѣдней ступени упала... Отчимъ слышалъ ея шаги, слышалъ какъ у самыхъ дверей они замолкли и въ нетерпѣніи закричалъ: сколько разъ мнѣ говорить, что обѣдъ долженъ быть въ два часа! Въ два часа! Не позже, какъ въ два часа! Ты слышишь—а!

Но мать уже не слышала... въ чемъ онъ скоро убѣдился.

Послѣ «schive»¹ отчимъ призвалъ меня къ себѣ и посовѣтовалъ ѣхать къ дѣдушкѣ. Въ этомъ «совѣтѣ» сказанъ весь его характеръ. И при жизни матери его обращеніе со мной заставляло желать лучшаго, но тогда это не такъ рѣзко выдѣлялось. Не знаю, глупость это была, или гордость, онъ почти не говорилъ со мной; въ его присутствіи я не смѣлъ садиться... Мою «непокорность» онъ вымещалъ на матери. Подобнымъ-же образомъ онъ обращался съ прикащиками, служившими въ его лавкѣ колоніальныхъ товаровъ: онъ умѣлъ находить такихъ служащихъ, что никогда не платилъ имъ дороже 15 рублей въ мѣсяцъ, требуя взаменъ каторжную работу. Разъ, помню, пріѣхалъ къ нему племянникъ и поступилъ въ его-же магазинъ кассиромъ; незаслуженными упреками онъ довелъ бѣднаго до покушенія на самоубійство.

Быть можетъ я, вопреки ему, остался-бы въ Н** (я думалъ остаться и заняться уроками), но и при жизни матери дѣдушка неоднократно просилъ ее пустить меня къ нему. На другой день послѣ «совѣта» я уѣхалъ въ Снонимъ.

¹ Семидневный трауръ.

Мнѣ тогда было 17 лѣтъ.

Великъ былъ ужасъ дѣда, когда я предсталъ предъ нимъ въ синей матросской рубахѣ и безъ всякаго намека на пейсы. Да не только дѣдушка, все мѣстечко съ полчаса не могло опомниться, узнавъ отъ балагулы, что «паничъ» въ матросской рубахѣ и пенснэ на носу—не кто иной, какъ внукъ р. Ицхока Шиндерова.—У васъ въ Н** всѣ такъ одѣваются?—спросилъ меня дѣдъ довольно пронцескимъ тономъ.—Всѣ.. отвѣчалъ я.

Спустя два дня я шеголялъ въ длиннѣйшемъ скюртукѣ и бархатной шапкѣ, замѣнившей мою широкополую шляпу «Гарибальди». Я чуть не плакалъ со злости, но дѣдъ былъ неумолимъ. Затѣмъ занялись моимъ образованіемъ: былъ приглашенъ «ребѣ», особенность котораго заключалась въ страстной любви къ розгамъ.

Съ нимъ я занимался четыре часа въ сутки, столько-же времени посвящалъ синагогѣ, куда ежедневно ходилъ съ дѣдомъ. Особенно любилъ я сидѣть въ синагогѣ послѣ вечернихъ молитвъ. Господи, о чемъ тамъ не говорилось тогда! Не было такой дальней страны, такого государя, о которомъ бы наши Снонимскіе политики не имѣли подробнѣйшихъ свѣдѣній. Последнее время, впрочемъ, больше занимались внутренней политикой: въ воздухѣ носились слухи о новыхъ ограниченіяхъ.

Ежедневно привозились неизвѣстно кѣмъ и откуда различныя новости, самыя свѣжія. Чуть-ли не на третій день въ Снонимѣ знали, что говорилось о евреяхъ въ Петербургѣ, хотя ни одинъ изъ нашихъ политиковъ не получалъ газетъ. Наконецъ дѣдушка рѣшился и выписалъ газету на древне-еврейскомъ языкѣ. Онъ и до того времени пользовался популярностью, но газета сдѣлала его центромъ общаго, постоянного вниманія. У дѣдушки были своя, довольно оригинальные взгляды на положеніе вещей, съ которыми часто не соглашались другіе политики. Споры выходили горячіе и только послѣдствія доказали, что дѣдъ здраво судилъ о вещахъ.

Остававшееся отъ занятій съ маламедомъ и посѣщенія синагоги время я употреблялъ на чтеніе; книги доставались съ большимъ трудомъ: приходилось обращаться къ невнако-

мымъ христіанамъ и выдерживать ихъ снисходительно-удивленный взглядъ...

Я ходилъ также удить рыбу, познакомился съ нѣкоторыми подгородними мѣщанами-рыболовами, и даже, несмотря на мой длинный скуртукъ, приобрѣлъ ихъ довѣріе, въ знакъ чего иной разъ слышалъ отъ нихъ:—и какой ты жидъ! Но врядъ-ли они меня уважали...

Когда мнѣ случалось запаздывать домой, я, не желая стучаться и будить всю улицу, ночевалъ у Өмки. Въ мѣстечкѣ обо мнѣ ходили слухи самые неблагопріятные... Дѣдушка весьма часто увѣщевалъ меня бросить неподобающее для «а идешен бочег» ужение рыбы, причемъ, не стыжусь сознаться, главную роль при подобныхъ увѣщаніяхъ играли мои плечи и его тяжеловѣсная палка... Средства эти и смѣшили и сѣрдили меня, но я не исправлялся.

Должно быть обо мнѣ то дѣдушка и задумался, послѣ того какъ прогналъ Өмкина борова въ описанное мною жаркое утро. Потомъ ему захотѣлось понюхать табаку: дѣдушка мой неспѣша досталъ табакерку, долгое время держалъ ее у носа и чихнулъ, два раза чихнулъ.

— На здоровье, р. Ицхокъ! Гуть-моргенъ! — проговорилъ высокій тощій еврей, передѣвая частоколь, за которымъ тянулся чей-то огородъ.

— Гуть-моргенъ, Годъ, гуть-моргенъ! — покровительственно отвѣтилъ дѣдъ и, понюхавъ табаку, продолжалъ:—я слышалъ у тебя коза пропала? Еще не нашель?

— Нѣтъ, р. Ицхокъ, чтобъ вамъ Богъ здоровье далъ! Не знаю, что и дѣлать, дѣтямъ ѣсть нечего...

— Гм, найди послѣ «minche»... А сколько стоитъ коза?

— Три рубля просятъ!—безнадежно отвѣтилъ Годъ.

— Ну, ужъ увидимъ, приходи вечеромъ, а козу поищи.

— Спасибо, р. Ицхокъ, спасибо! Agutn tog! — и Годъ обратнo полѣвъ черезъ частоколь, откуда вскорѣ раздался его голось: «cholere sol dich charn gsi, gsi, gsi! cholere sol dich charn, gsi, gsi, gsi!»

Дѣдъ усмѣхнулся и вошелъ въ комнату, гдѣ бабушка ужъ пила чай.

— Ты,—обратился онъ къ ней,—чего ты не идешь въ лавку?

— Сейчасъ иду, — отвѣчала бабушка и ушла въ другую комнату поправлять передъ зеркаломъ свой парикъ. У дверей, ведущихъ на улицу, бабушка столкнулась съ дѣдомъ, уходящимъ въ синагогу и быстро посторонилась, а онъ ласково крикнулъ ей:— du, nag!— послѣ чего разошлись въ разныя стороны, ибо р. Ицхокъ считалъ неприличнымъ показываться на улицѣ вмѣстѣ съ женой, но все-жъ таки онъ нѣсколько разъ оборачивался и смотрѣлъ ей вслѣдъ, стараясь, чтобъ никто не замѣтилъ этого. Въ синагогѣ только и ждали р. Ицхока, чтобы приступить къ молитвѣ, и при его входѣ Екль der schames, маленькій человекъ лѣтъ пятидесяти, звучно ударилъ рукой по «bime» и крикнулъ:— ша, ша!— Прихожане одѣли «tales tfiln» и начали молиться; молитва продолжалась съ часъ времени, затѣмъ кое о чемъ потолковали и начали расходиться. У самого выхода къ р. Ицхоку подошелъ тощій еврей среднихъ лѣтъ, съ общипанной рыжей бородкой и идиотскими глазами, вращавшимися во всѣ стороны.

— Клянусь вамъ, р. Ицхокъ, моими пейсами, что вашего внука Шмуэля нужно женить!— набросился онъ на дѣдушку И невѣста, говорю вамъ, золото! И изъ хорошей фамиліи, вѣрите мнѣ, какъ честному еврею, р. Ицхокъ!

Дѣдушка хотѣлъ что-то проговорить въ отвѣтъ, но шадхенъ не далъ ему и, возвысивъ голосъ, продолжалъ расхваливать невѣсту, предназначенную имъ для меня и наконецъ такъ воодушевился, что началъ брызгать слюной...

Дѣдушка разсердился и съ сердцемъ проговорилъ:— чего вы пристали ко мнѣ? Дайте пройти! Раньше 20 лѣтъ я Шмуэля не женю!— и ушелъ. Счастливъ шадхенъ, что меня не было при этомъ разговорѣ.

Выйдя изъ синагоги, дѣдъ задумался; до сихъ поръ ему какъ-то въ голову не приходило, что радикальнѣйшимъ средствомъ для обращенія меня на путь истины! была-бы женитьба.

— Гм. гм... это пожалуй идея... тихо подвигаясь впередъ, шепталъ дѣдъ.— Правда, онъ черезъ чуръ молодъ... ну, посмотримъ...

Когда дѣдушка прошепталъ это послѣднее «посмотримъ», онъ поровнялся съ хатой Өомки, гдѣ въ ту минуту двумя,

весьма талантливыми, любителями исполнялась знаменитая пѣсня «Дубинушка». Дѣдъ остановился и заглянулъ въ окно... Не то, чтобъ онъ очень любилъ пѣніе, а изъ патріотизма... вѣроятно.

И дѣдушка увидѣлъ:

Омка, пьяница Омка, не исполнилъ священнаго обѣта, не дождался Пасхи, какъ обѣщаль покойной женѣ, и зарѣзалъ кабана, причемъ все почти мясо продалъ на базарѣ; себѣ онъ оставилъ ноги, только ноги. На столѣ красовалась бутылка водки и ноги борова, но уже въ жаренномъ видѣ; тутъ-же рядомъ на разбитой тарелкѣ лежало съ десятокъ корюшекъ, которыя я въ ту ночь выудилъ въ рѣчкѣ. За столомъ сидѣлъ Омка, рядомъ я. Омка былъ пьянъ, я—нѣтъ.

Омка пѣлъ, я тоже.

Вотъ все это увидѣлъ дѣдушка.

Я вообще не люблю сравненій, да и не мастеръ на нихъ... Но тутъ я никакъ не могу обойтись безъ сравненія.

Какъ полицейскій набрасывается на неимѣющаго права жительства еврея, какъ околоточный надзиратель на трехрублевый кредитный билетъ, какъ волкъ на ягненка... такъ дѣдушка набросился на меня и ни въ чемъ, кромѣ пьянства, неповиннаго Омку. Съ трескомъ полетѣли тарелки на полъ... Вновь поднимается палка и стонемъ мы съ Омкой, горько стонемъ... Вдругъ моя щека чувствуетъ прикосновеніе чьей-то не очень нѣжной руки... прикосновеніе повторяется... еще разъ... еще разъ... Уфъ, жарко!

— Дѣдушка, — жалостно кричу я, — я не ѣлъ свинины! — и говорю правду.

— Я тебѣ покажу, шейгецъ, я тебѣ покажу! — кричитъ дѣдушка.

Вдругъ... О, Боже, о, несчастный, невинный Ома! Бутылка, бутылка съ водкой, почти еще полная бутылка... Съ шумомъ опрокидывается она, катится по столу, летитъ на земь и, о ужась, разбивается!.. Течетъ драгоцѣнная влага по землянному полу, течетъ и всасывается ненасытной стихіей.. Но тутъ Ома срывается съ мѣста, припадаетъ къ мать-сырой землѣ и... и пьетъ. Я и дѣдушка въ недоумѣніи смотримъ на Омку, потомъ другъ на друга и наконецъ я разражаюсь продолжи-

тельнымъ хохотомъ. Дѣдушка, мой милый дѣдушка силится сурово смотрѣть на меня, но долго не выдерживаетъ и говорить со смѣхомъ: «Вотъ пьяница!..» Затѣмъ, взявъ меня за ухо, тянетъ на улицу и ужъ тамъ отпускаетъ на волю, а я покорно слѣдую за нимъ.

Вечеромъ я узнаю, какое мнѣ готовятъ наказаніе: меня хотятъ женить!

— Ничего бы подобнаго не было, не зарѣжь Оомка борова,— думаю я лежа въ своей мягкой кровати, куда явственно доносится голосъ дѣдушки:—«его необходимо женить, иначе онъ сдѣлается негодяемъ».

— Ну, «as dir is lib, is mir niche!»¹—отвѣчаетъ хитрая бабушка равнодушнымъ голосомъ, но въ глубинѣ души она очень и очень рада рѣшенію дѣдушки. Остановились на слѣдующемъ: въ будущее воскресенье дѣдушка ѣдетъ въ Слитни смотрѣть невѣсту, которую предложили шадхенъ.

II.

— Тпрр! Чтобъ тебя волки съѣли!—увѣщевалъ громадный мужикъ тощую лошаденку, стараясь остановить ее у дома р. Ицхока. Но лошаденка видно имѣла породистыхъ предковъ, ибо ни увѣщанія мужика, ни жиденькій голосъ сидѣвшаго въ телѣгѣ еврея не могли умѣрить ея пыла. Мужикъ нѣкоторое время глядѣлъ на нее съ большимъ недоумѣніемъ, потомъ бросилъ вожжи и кулакомъ хватилъ по мордѣ, чѣмъ и успокоилъ ее.

— Ой, это вы, р. Мейеръ!—всплеснула руками кухарка, вышедшая открывать ставни рано утромъ. Да, это былъ р. Мейеръ, дальній родственникъ дѣдушки, маленький и тоненькій бакалѣйщикъ съ птичьимъ лицомъ и головой, вмѣщавшей, по словамъ многихъ почтенныхъ людей, весь «schat»². По этой то послѣдней причинѣ дѣдушка и пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ Слитни смотрѣть «мою» невѣсту. Компетентность р. Мейера въ эстетикѣ отчасти была мнѣ извѣстна и его присутствіе подѣйствовало на меня успокаивающимъ образомъ... Р. Мей-

¹ Если это тебѣ нравится то и я не прочь.

² Весь Талмудъ.

ерь, уважая дѣдушку и желая оправдать выказанное ему довѣріе, не полѣнился пріѣхать изъ мѣстечка Тараховки, гдѣ онъ жительствовадь. Дня черезъ два послѣ пріѣзда компетентнаго въ эстетикѣ р. Мейера, а именно въ воскресенье, р. Ицхокъ, также р. Мейеръ, а также и р. Пинхось, онъ-же и шадхенъ, которому первому пришла въ голову мысль женить меня, усаживались въ простую, хотя и не мужицкую, телѣгу. Лошадью правилъ Өомка; на козлахъ онъ очутился совершенно случайно: за нѣсколько дней до отъѣзда въ домѣ р. Ицхока только и разговору было о томъ, гдѣ достать честнаго «балаголу», ибо всѣму міру извѣстно, что балаголы мошеники. Думали, думали и наконецъ вспомнили, что Өомка когда-то былъ водовозомъ и, исходя изъ этого положенія, рѣшили, что Өомка, хотя и пьяница, но долженъ умѣть править лошадьми. Въ часъ отъѣзда у нашего крыльца собралась порядочная толпа народу, какъ-то узнавшая, что ѣдутъ смотрѣть невѣсту; на самомъ крыльцѣ стояла бабушка; рядомъ съ нею жена нѣкоего почтеннаго обывателя, а на второмъ планѣ помѣстилась кухарка; изъ глазъ у нея капали слезы: она вспомнила своего «mischugenem man»... Наконецъ изъ дома вышли «muchtouim»¹, какъ толпа успѣла окрестить уѣзжавшихъ, и начали усаживаться. Р. Ицхокъ, какъ почетное и старшее лицо, сѣлъ въ серединѣ телѣги; р. Пинхось и р. Мейеръ по бокамъ. Голова перваго изъ нихъ была занята вычисленіемъ «schadchonesgeld»². Р. Мейеръ-же ничего не думалъ, ибо, имѣя въ умѣ весь «schas», не могъ думать. Передняя часть была занята Өомкой, возвышавшимся на охапкѣ соломы. Обликъ Өомки былъ торжественно-важенъ, даже по его усамъ, устѣаннымъ репейникомъ, можно было понять, что онъ вполне сознаетъ отвѣтственность довѣреннаго ему высокаго поста.

— Ну, будьте здоровы и...

— И дай вамъ Богъ дожидаться правнуковъ! — докончилъ шадхенъ начатую р. Ицхокомъ фразу. Р. Мейеръ, чтобы не отстать отъ другихъ, тоже пробурчалъ какое-то привѣтствіе.

— Ну, Өомка, ѣзжай! — проговорилъ шадхенъ.

¹ Родственники жениха или невѣсты.

² Гонораръ свату или свахѣ.

— Но, но!—замахнулся Ѳомка кнутомъ:—пошла!—Но лошадь дрыгнула задними ногами, помотала головой и, додумавшись вѣроятно, что везти все одно придется, а бѣжать никакой чортъ не заставитъ, медленно поплелась.

— Fort gisund, fort gisund!—послышались голоса.

— Sait gisund!—отвѣтили уѣзжавшіе, а Ѳомка все помахи-валъ кнутикомъ и вскорѣ, т. е. не очень скоро, но все-таки мѣстечко скрылось изъ виду.

Тихо подвигались путешественники впередъ. Много деревень проѣхали они, но всѣ эти деревни были такъ однообразны...

Полуразвалившіяся хаты, колодезь посреди улицы, тощія поля, тощія коровы, тощія лошади, тощій пьяный мужикъ съ лицомъ, уткнутымъ въ крапиву, и всюду тишина... мертвая безотрадная тишина, гнетущая душу. А солнце, словно огнемъ, палитъ бѣдную истощенную землю.

Наконецъ наступилъ вечеръ, вѣтерокъ повѣялъ, стало свѣ-жѣе, путешественники наши пріободрились, но за то лицо Ѳомки приняло унылый видъ: выпитая имъ передъ отъѣздомъ водка окончательно испарилась и онъ чувствовалъ себя въ этомъ непривычномъ положеніи весьма неловко.

— Корчма, бачьте!—вдругъ указалъ онъ кнутомъ виднѣв-шееся въ сторонѣ отъ дороги строеніе.

— Корчма! — обрадовались утомленные путники и вскорѣ передъ ними гостепріимно раскрылись ворота корчмы.

— Scholem-aleichem!—привѣтствовалъ ихъ хозяинъ, высокій еврей съ кроткими глазами и мозолями на рукахъ.

— Aleichem-scholem!

— Откуда еврей?

— Изъ Снонима...

— Что новаго слышно?

— Э! не хорошо...

— Угу!.. глубокомысленно произнесъ корчмарь и пригласилъ гостей зайти въ домъ. Корчма состояла изъ двухъ полови-винъ, «мужицкой» и «панской», въ которой помѣщалась семья корчмаря: его жена и пять или шесть дѣтей, отчаянныхъ шалуновъ, что успѣлъ замѣтить р. Ицхокъ, усѣвшійся со спут-никами у небольшого, топорной работы стола, накрытаго бѣ-лой скатертью. Хозяйка подала графинчикъ съ водкой, селедку

съ лукомъ и хлѣбъ собственнаго печенія. Гости выпили и закусили, причѣмъ вели весьма оживленный разговоръ о морскихъ рыбахъ, хотя ни одинъ изъ нихъ моря и въ глаза не видалъ. Но день въ телѣгѣ давалъ себя чувствовать не на шутку.—Ну, «idn», не пора-ль отдохнуть?—предложилъ р. Ицхокъ.—Да, ужь не рано!—потвердили тѣ. Хозяйка перенесла изъ кровати нѣсколько подушекъ на диванъ, на которомъ и легъ р. Ицхокъ. Р. Мейеръ и р. Пинхось рядышкомъ помѣстились на кровати, имѣвшей видъ Ноева ковчега, а корчмарь съ семьей удалились на «мужелдкую» половину, гдѣ ужь давно страждалъ Оомка.

— Зуська!—простоналъ онъ при входѣ хозяина:—Зуська!

— А что?

— Зусь, поднеси чарку... Фразу эту Оомка проговорилъ хватаящимъ за душу голосомъ.

— А деньги у тебя есть?

— Хозяева заплатятъ...

— Заплатятъ?

— Заплатятъ.

— На, пей!—и Зуська подаль Оомкѣ чарку водки, которую тотъ выпилъ не такъ, какъ пивалъ встарь, залпомъ, а медленно, стараясь продлить наслажденіе. Выпивъ, онъ удивленно посмотрѣлъ на чарку и, убѣдившись, что въ ней ничего не осталось, т. е. ни капли, пренебрежительно махнулъ рукой, какъ-бы говоря: «ну, и чарка-же, прости Господи!»—послѣ чего опустился на лавку. Корчмарь съ семьей улеглись на полу и вскорѣ въ домѣ все заснуло.

На стѣнахъ показались тараканы различнаго возраста и пола: кавалеры съ длинными усами и блестящей, какъ шелуха луковицы, кожей; томныя барыньки, въ интересномъ положеніи; подростки, скользвившіе, словно угорѣлые, по закопченнымъ мужицкими трубками бревенчатымъ стѣнамъ... Рои сонныхъ мухъ на потолокѣ и печкѣ, на лицахъ спящихъ, на посудѣ... Глухой комарь, Богъ вѣсть за чѣмъ оставившій благоухающій воздухъ и влетѣвшій въ избу съ своимъ унылымъ жужжаніемъ. А блѣдный свѣтъ прекрасной луны пробивается черезъ загрязненныя стекла оконъ... Тихо, тихо... Въ панской половинѣ при таинственномъ свѣтѣ луны серебрятся бороды

спящихъ стариковъ. Строги ихъ лица и ясно отражается на нихъ вѣчная, тяжелая печаль.. А мухи жужжать...

Но вотъ луна блѣднѣетъ, пѣтухи утренніе запѣли. Тихо поднялась хозяйка, умылась и, взявъ лопату, пошла на огородъ. Быстро скользятъ ея руки по густо заросшимъ овощами грядкамъ, исчезаютъ сорныя травы. Рано вставала хозяйка, огородъ полола, коровъ доила, да и мало-ли работы у хорошей хозяйки! Заброшенные далеко въ лѣсу отъ единовѣрцевъ, среди не влыхъ, но грубыхъ и невѣжественныхъ людей, много горя видѣли они: продажей водки мужикамъ и рѣдкими наѣздами «гостей» не прожить. Они сѣяли овощи на зиму, лугъ арендовали у помѣщика, коровъ держали.

— Тра-та-та! Тра-та-та!—вдругъ заиграла рожокъ пастуха. Все въ природѣ сразу ожило, какъ будто только и ждало призыва рожка. Коровы высыпали изъ околлицъ, погоняемыя деревенскими дѣвками съ длинными хворостинами въ рукахъ. Звонко поютъ дѣвки, но не долго продолжится это оживленіе. Взойдетъ солнце и раскалитъ песчаную почву, до смерти истомитъ мужиковъ въ поляхъ...

Но пока прохладно. Путники наши встали, помолились Богу и, напившись чаю, тронулись въ путь. Спустя день, они пріѣхали въ Слитни.

III.

Что Шалантаевка, пригородокъ Снонима, не обозначена на географическихъ картахъ, доказываетъ не незначительность ея, а близорукость ученыхъ. Шалантаевка ужъ потому достойна вниманія, что даже правнуки давно умершихъ старожилловъ ничего не знаютъ о днѣ ея основанія. По моему глубокому убѣжденію, предки нынѣшнихъ обывателей Шалантаевки были не кто иные, какъ выходцы изъ Африки и именно изъ пустыни Сахары. Не чѣмъ инымъ не берусь выяснитъ чувства, побудившаго ихъ поселиться на этомъ мѣстѣ, представляющемъ собой сплошной песокъ мутнаго цвѣта, тогда какъ невдалекѣ находится живописная глубокая рѣчка съ высокими берегами, поросшими густымъ кустарникомъ лозы. Въ Шалантаевкѣ поселенцы обрѣли настоящую Сахару съ ея невыносимой жарой,

ѣдкой пылью, вѣчно носящейся въ воздухѣ, которую самый сильный ливень успокаиваетъ не больше, какъ на часъ. Даже постройки въ Шалантаевкѣ, и тѣ наводили на мысль, что живущій въ нихъ народъ не имѣетъ понятія о холодныхъ зимахъ... Но на самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ и шалантаевскіе обыватели зимы проводили на печкахъ и грызли подобно медвѣдямъ—не лапу, впрочемъ, а сухія корки хлѣба. Хаты были расположены въ большомъ безпорядкѣ, но далеко не живописномъ. Нигдѣ ни кустика, ни деревца, ни какого бы то ни было слѣда растительности. Обитало въ Шалантаевкѣ до трехсотъ семействъ, часть которыхъ считалась мѣщанами. По словамъ людей, главнымъ занятіемъ этихъ мѣщанъ было сапожное ремесло, но ихъ рѣдко видали за работой. Зато они были страстные рыболовы... Умилителенъ былъ видъ каждаго изъ нихъ въ минуту ловитвы: напряженный взглядъ, выраженіе боязливаго ожиданія на лицѣ и наконецъ, когда глупая и неблагодарная рыба срывалась съ крючка, энергичное восклицаніе:—не везетъ, проклятая! Ахъ ты... Рыбакъ бросалъ удочку, доставалъ спрятанную въ травѣ бутылку съ водкой и, пылая справедливымъ гнѣвомъ, выпивалъ чуть-ли не половину. Когда жъ ему удавалось поймать хоть съ десятокъ мелкой уклеи, что случалось весьма рѣдко, рыбакъ блаженствовалъ: собирались еще три четыре рыбака, варили уху... Затѣмъ играли въ карты,—не на деньги, и тѣмъ удивительнѣе былъ азартъ, овладѣвавшій игроками. Если ночь выдавалась свѣтлая, играли до зари и тутъ же, на берегу, ложились спать. Домой они ходили въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда совершенно истощался запасъ хлѣба и водки. Зная по опыту, какую встрѣчу готовить ему жена, рыбакъ робко входилъ въ хату, робко садился...

— А-а, разбойникъ! — тихо, но ядовито начинала жена. Чего пришелъ?!—и голосъ ея возвышался.—Опять красть?

Послѣднее восклицаніе произносилось высочайшимъ фальцетомъ. Мужъ всегда въ подобныхъ случаяхъ хранилъ гробовое молчаніе, что еще больше раздражало и безъ того воинственно настроенную жену. И справедливое возмездіе, въ видѣ классической кочерги, обрушалось на мужа.

Дѣти поднимали крикъ, прибѣгали сосѣдки, а утомленная

хозяйка садилась, подпирала рукой щеку и, глядя на мужа,—лицо котораго послѣ вкушенія классицизма всегда почему-то просвѣтлялось,—начинала причитывать:

— Что ты, разбойникъ, думаешь! Все хозяйство сгубишь, чтобъ тебя холера сгубила! Пьеть да пьеть и какъ у тебя кишки не лопнуть, у злодѣя!

Такъ говорила жена.

Но ужъ «рыбакъ», не разъ бывавшій въ подобныхъ передрѣлкахъ, понимаетъ, что у жены отошло сердце, и вступаетъ въ роль хозяина дома.

— Эй, ты, шевелись! — пренебрежительно говоритъ онъ. — Обѣдь мечи, а то я те прочучу!

— Ишь ты!—вновь возвышаетъ жена голосъ.—Обѣдь тебѣ, разбойнику, а, небось, всю недѣлю работалъ? У-у постылый...

Но обѣдь, въ большинствѣ случаевъ, состоящій изъ рыбы, квасу, а иногда и картошки, все-таки подается на столъ.

Во время обѣда она не перестаетъ укорять мужа въ бездѣльи, выражаетъ похвальное желаніе видѣть его «на горкѣ въ могилкѣ», съ горестнымъ чувствомъ вспоминаетъ пропитые имъ платки, шубку, сапоги «заказчика», вспоминаетъ украденный изъ подушки пухъ, пудъ муки, изъ которой она печетъ хлѣбъ для продажи, вѣнчалъное кольцо...

Обѣдь конченъ. Мужъ беретъ какой-то старый башмакъ въ руки, съ полчаса оглядываетъ его, чинить... Жена ворчитъ, хлопочетъ по хозяйству, бьетъ дѣтей, собаку... Наступаютъ сумерки; всѣ ложатся спать, въ хатѣ тишина. Еще темно на дворѣ, а ужъ «рыбакъ» тихонько встаетъ, нащупываетъ въ темнотѣ каравай хлѣба, беретъ и мимоходомъ кладетъ за пазуху дѣтскіе сапожки, не забываетъ и удочки въ сѣнцахъ и... пошелъ! Теперь на долго, дня на три... А утромъ встанетъ жена, хватится сапожковъ, заголоситъ и начнетъ вымещать гнѣвъ на дѣтяхъ... Такъ жили мѣщане.

Крестьянское же населеніе имѣло свои интересы: жизнь ихъ проходила въ работѣ и пьянствѣ. Въ послѣднемъ, надо отдать имъ справедливость, они не уступали мѣщанамъ. Земля этихъ мужиковъ находилась верстахъ въ десяти отъ Шалантаевки и если они не оставались ночевать на полѣ,—имъ приходилось ежедневно дѣлать 20 верстъ. Часа въ три ночи они уходили

въ поле и съ пяти уже работали, отдыхая съ часъ въ обѣдъ; вечеромъ шли рядомъ съ телѣгой домой. И благодарная земля какъ бы чувствовала ихъ трудъ, чувствовала въ себѣ ихъ потъ, потъ этихъ сѣрыхъ людей въ лаптяхъ, и съ избыткомъ возвращала сѣмена, такъ что рѣдкое семейство начинало ѣсть покупной хлѣбъ раньше половины зимы, въ томъ конечно случаѣ, если какой-нибудь невиданный ни гдѣ червякъ не уничтожалъ его лѣтомъ...

Отличительнымъ качествомъ этихъ мужиковъ была флегматичность. Корова падала или лошадь, мужикъ нѣкоторое время съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.—«Эка падла!—думалъ онъ вѣроятно.—Жила, небось, не хуже. чѣмъ у людей: и соломки поѣшь и того... А вѣдь здохла, проклятая!» Потомъ, не спѣша, привычными руками, иногда даже мурлыкая пѣсенку, онъ снималъ съ нея шкуру и шелъ въ кабакъ. Жена умирала, мужикъ запрягалъ коня, ѣдилъ въ лѣсъ верстъ за 15 и тамъ, если не удавалось украсть, покупалъ доски, тесалъ гробъ и, похоронивъ жену, пилъ водку, но ужъ на исполнѣ законномъ основаніи. Работалъ шалантаевскій мужикъ не потому, что работа кормила его, чего на самомъ дѣлѣ не было, такъ какъ работой онъ еле-еле выправлялъ подати, а по привычкѣ, по неумѣнію не работать... Жизнь его значительно облегчалась отсутствіемъ мыслей... И если по воскресеньямъ можно было встрѣтить въ Шалантаевкѣ мужика, лежащаго въ горячемъ пескѣ, съ устремленными въ высь глазами, такъ это обозначало, что онъ или пьянъ, или созерцаетъ. Пропивалъ онъ все: и сломанную дугу, и цѣлую дугу, и женинъ платокъ и собственную свиту, подковы, хлѣбъ, полотно... Находившіеся въ Шалантаевкѣ два кабака, въ которыхъ ничего не продавалось кромѣ водки и соли, чувствовали себя какъ бы въ царствѣ самого Бахуса. Одинъ кабакъ арендовалъ синоимскій еврей, который, собравъ порядочныя деньги, ужъ лѣтъ пять, какъ собирался бросить его, но не могъ рѣшиться. Въ другомъ царствовалъ какой-то московскій мѣщанинъ Ефремычъ но ба-тюшкѣ, неизвѣстно какими судьбами очутившійся въ Шалантаевкѣ.

... Это было въ воскресенье; кабаки были переполнены; въ воздухѣ носились крики, ругательства... Народъ пилъ. Въ шинкѣ

еврея набилось до пятидесяти человѣкъ. За столомъ, окруженный нѣсколькими пьяными сапожниками, сидѣлъ какой-то господинъ съ испитымъ лицомъ, неопредѣленныхъ лѣтъ.

У другого стола помѣстилась компанія мужиковъ. Господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ рассказывалъ сапожникамъ что-то о турецкой войнѣ; тѣ слушали очень невнимательно: по временамъ то одинъ, то другой пьяный голосъ выкрикивалъ: «ш-штыкомъ значить-а? н-ну, то-то-жъ!» Вдругъ онъ пересталъ рассказывать и нахально проговорилъ: «эй, вы, купите водки!»

— Вво-дки? а?—тонкимъ голосомъ повторилъ кто-то:—а въ м-морду хошь?

— Что? Въ морду? Это ты жиду дашь въ морду, а не мнѣ! Сквалыга!

Затѣмъ произошло что-то безобразное.

Сидѣвшій въ углу мужикъ громаднаго роста съ пьяными мутными глазами, мужикъ шалантаевскій, вдругъ поднялся съ мѣста, раскачиваясь подошелъ къ стойкѣ, секундъ десять бессмысленно смотрѣлъ на шинкаря, который глупо ослабилъ и, поднявъ руку, плашмя, съ трескомъ, опустилъ ее ему на голову. Шинкарь упалъ, а мужикъ обернулся лицомъ къ народу, на секунду притихнувшему, и закричалъ дико... страшно...

— Бей жидовъ, антихристовъ!

— Бей жидовъ антихристовъ!—зарычала пьяная толпа. — Го-го!

И всѣ эти люди, можетъ быть никогда и не думавшіе о чемъ-либо подобномъ, вдругъ, неожиданно для самихъ себя, бросились впередъ, къ стойкѣ...

Произошла давка... Послышались стоны очутившихся подъ ногами людей... Загрохотали падающія бутылки, откуда-то взялся топоръ и въ два тѣхъ взмаха были сломаны боченки съ водкой. А по ту сторону стойки, подъ руками двухъ дюжихъ мужиковъ, барахтался шинкарь, оглашая воздухъ болѣзненнымъ крикомъ. Но къ его счастью мужики бросились къ разбитымъ ужъ въ это время боченкамъ. Вбѣжавшая на шумъ шинкаря была встрѣчена криками: «бей жидовку!» Она попятилась къ дверямъ, но выйти не успѣла: кто-то бросилъ въ нее бутылкой изъ подъ водки и окровавленная она упала.

О кабатчикѣ забыли, а онъ, избитый до крови, лежалъ подъ

стойкой, но услышавъ вопль и паденіе жены, бросился къ ней. Глаза его испуганно блуждали; смѣшенъ и трогателенъ былъ видъ его, когда онъ, ставъ возлѣ лежащей на землѣ жены, простеръ впередъ руки, какъ-бы желая защитить ее, и голосомъ, дрожащимъ отъ страха, безсвязно молилъ толпу, ужъ не владѣвшую собой.—Савка! Ванька! Ребята! Не бейте насъ... отдамъ... возьмите... все, все... не бейте... за что бьете... Такъ говорилъ онъ, но никто ужъ не обращалъ на нихъ вниманія; всѣ шли: кто прямо изъ бочки, а кто изъ шапки. Воздухъ пропахъ водкой такъ сильно, что непыющій человекъ не вынесъ бы его. Еврей схватилъ жену за руку и бросился къ выходу; на дворѣ къ нимъ присоединились плачущія дѣти и всѣ побѣжали въ Шалантаевку, отстоявшую шагахъ въ пятистахъ.

День, какъ я ужъ писалъ, былъ воскресный; на крылечкахъ лачугъ сидѣли пріодѣтыя бабы и грызли сѣмечки, тутъ-же невдалекѣ мужчины играли въ карты.

— Гвалтъ!—закричалъ шинкаръ, добѣжавъ до нихъ:—гвалтъ! Убиваютъ!

— Чего, жидъ, взбѣленился?—равнодушно отозвался одинъ изъ игроковъ.

— Ай, разоряютъ!—отвѣтилъ онъ:—всѣ бочки разбили.

— Кто разбилъ?—и игроки, бросивъ карты, повставали.

— Ваши... хлопцы...

— Наши? Вѣжимъ, ребята! — и всѣ бросились бѣжать въ кабакъ; многія бабы—за ними.

— Што тамъ, Хая, што тамъ?—тревожно обступили оставшіяся бабы шинкарку. Та съ плачемъ рассказала о постигшемъ ихъ несчастіи и показала разбитый лобъ.—А Божечко-жъ ты мой! А родные-жъ вы мои! Да кто-жъ это тебя такъ? — соболѣзновали бабы, теперь только замѣтившія, что Хая избита.

— Акулькинъ мужикъ!—съ плачемъ отвѣчала та.

— Акулькинъ? Ахъ, онъ разбойникъ! Акулька, Акулька, иди? Погляди, што твой разбойникъ надѣлалъ: совѣмъ бабу искалѣчилъ!—кричали бабы Акулкѣ, которую ужъ успѣли позвать.

— Ай, сгубить онъ меня, разбойникъ!—заголосила та:—сгубить онъ меня!

Но ужъ въ это время шинкаръ успѣлъ придти въ себя и

торопливо проговорилъ:—знаешь, Хая, я побѣгу къ уряднику, а ты съ дѣтьми побудь здѣсь.

— Хорошо, только скорѣе приходи, —согласилась жена. Шинкаръ побѣжалъ.

— Пойдемъ, болѣзная, въ хату, пойдемъ, кваску выпьешь, — сказала Акулька и взяла одного ребенка на руки. Напуганный мальчикъ довѣрчиво прижался къ ней и Акулька, сопровождаемая Хаяй съ дѣтьми и нѣсколькими женщинами, направилась въ хату.

Тамъ начались жалобы на мужей—разбойниковъ, подробный перечень ихъ домашнихъ кражъ и по временамъ то одна, то другая баба спрашивала Хаю:—«Хая, у тебя мой разбойникъ красный платокъ пропиля? Красненькій такой, съ полосочками?» — А кофту? Не, должно у Ефремыча!—себѣ-жъ отвѣчала баба.

— Не помню... не знаю, —отвѣчала Хая.—Я вамъ отдамъ... все отдамъ...

— Да я не потому, —оправдывалась баба, —я такъ.

Но по разгорѣвшимся глазамъ этихъ женщинъ можно было понять, что имъ страшно, до боли хочется опять владѣть этими платками, кофтами, составляющими единственную отраду ихъ ничтожной, полной мученій и голода, жизни. А въ кабакѣ въ это время происходило что-то невозможное. По всѣмъ направленіямъ текла водка, смѣшанная съ кровью разбитыхъ носовъ. Еще до прихода женщинъ успѣли выпустить изъ подушекъ перья, какъ вообще принято въ подобныхъ случаяхъ... Изрубили также кровати... Прибѣжавшія женщины набросились на мужей, бессмысленно кричавшихъ, съ упорствомъ пьяныхъ:—бей жидовъ, антихристовъ!

Но благодаря полнѣйшему отсутствію жидовъ, мужа, должно быть, жень-то и приняли за антихристовъ и въ припадкѣ религіознаго чувства, начали ихъ бить. Тѣ визжали, царапались... А мужикъ, который первый ударилъ кабатчика, стоя въ самой серединѣ опускалъ свою громадную лапу на головы сотоварищей... Тѣ падали, чѣмъ безпорядокъ еще болѣе усиливался. Вдругъ пронесся крикъ: «у городъ, ребята!»—«У городъ! у городъ!»—радостно подхватила толпа.—Го-го!

— Куда, разбойники! Домой! —вцѣпились женщины въ мужей, силясь удержать ихъ.

Но тѣ ужъ обезумѣли и вскорѣ толпа съ гамомъ, шумомъ и пѣснями двигалась по направленію къ мѣстечку. Когда они проходили мимо кабака Ефремыча, онъ стоялъ на крыльцѣ и улыбался: совершенно неожиданно судьба избавляла его отъ конкурента. Къ сожалѣнію, господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ былъ космополитомъ, да и кромѣ этого Ефремычъ не давалъ ему водки въ долгъ...

— Ребята!—крикнулъ онъ:—встряхнемъ-ка живодера!

— Го-го!—гаркнула толпа и въ одно мгновеніе Ефремычъ былъ окруженъ и сброшенъ съ крыльца, несмотря на возгласы: «православные, нешто я жидъ!»

Расправа продолжалась недолго: были разбиты боченки и всѣ тѣ, которые не успѣли напиться раньше, съ избыткомъ наверстали потерянное.

Появленіе этой оравы въ мѣстечкѣ произвело страшный переполохъ. Наскоро запирали лавки и по улицамъ замелькали топція еврейскія фигурки, съ блѣдными перепуганными лицами.

На базарной площади толпа на секунду притахла, какъ бы удивляясь, зачѣмъ она здѣсь, но раздавшіеся затѣмъ крики господина неопредѣленныхъ лѣтъ: «бей жидовъ, антихристовъ» указали ей что дѣлать.

Лавку дѣдушки не успѣли закрыть и толпа ринулась туда.

Добѣжавъ до лавки, я услышалъ женскіе крики: то толпа напоромъ своимъ помяла бабушку и старшую прикащицу...

Въ пять минутъ лавка была разграблена: вездѣ, въ песку, валялись цѣлыя штуки ситца, полотна... Разорили еще двѣ большія лавки... Наступала очередь мелкихъ лавокъ...

Но буйству не суждено было разыгратъся: по приказанію начальства пожарные начали обливать толпу водой изъ двухъ насосовъ и нѣкоторые, не совсѣмъ пьяные, пустились бѣжать. Подоспѣли солдаты и окружили лавки...

Вдругъ надъ крышей одной уже ограбленной лавки взвился огонь...

— Пожаръ! Пожаръ!—закричала толпа, стоявшая на базарной площади, но не принимавшая участія въ грабежѣ.

Это все были окрестные мужики, пріѣхавшіе на возахъ кто за покупками, а кто продавать. Пьяницы, грабившіе лавки, услышавъ эти страшныя губительныя для маленькаго городка

слова, бросились вонъ... Двери лавокъ были узкія, а тутъ еще солдаты въ припадкѣ усердія встрѣчали ихъ ударами прикладовъ... Не одна Шалантаевская обывательница избавилась навѣки отъ «разбойника» въ этой давкѣ. Ударили въ набать... Зачинщики «погрома» и главные его дѣятели при видѣ огня мгновенно протрезвились и, сообразивъ, что ихъ ждетъ отвѣтственность, побѣжали въ Шалантаевку. Напрасно исправникъ кричалъ: «туши пожаръ, всѣмъ прощу»...

А ужъ огонь обхватилъ ближайшіе дома, перешелъ на зданія почты и городской управы...

Двадцать душъ пожарныхъ ничего не могли подѣлать, даже и при энергичной помощи опытныхъ въ подобныхъ случаяхъ деревенскихъ мужиковъ. Евреи, лавки которыхъ горѣли, лавки, составляющія для нихъ все: хлѣбъ, самую жизнь, жизнь дѣтей, жены, какъ безумные подбѣгали къ огню и съ воплемъ кружились вовлѣ него.

Къ вечеру выгорѣла почти половина мѣстечка, въ томъ числѣ и рундуки бѣдныхъ торговкокъ, которымъ ужъ завтра нечего будетъ ѣсть. Другая половина спаслась благодаря вѣтру, погнавшему огонь въ противоположное направленіе, въ поле. Потомъ наступила ночь, очень темная; мужики разѣхались, стало тихо. Только по временамъ слышался плачъ евреевъ, изъ которыхъ нѣкоторые недавно были выселены въ эту «черту осѣдлости» изъ разныхъ «русскихъ» городовъ.

Шалантаевка, благодаря этому случайному пожару, заставившему высшее начальство подробнѣе вникнуть въ его причины, дорого поплатилась: многихъ заключили на продолжительные сроки въ тюрьму, двухъ, въ ихъ числѣ и господина неопредѣленныхъ лѣтъ, оказавшагося выгнаннымъ откуда-то писаремъ, сослали въ Сибирь; остальныхъ «хозяйственнымъ образомъ» выпороли, причемъ тутъ же присутствовавшія жены приговаривали: «такъ ихъ разбойниковъ, такъ!»

IV.

«Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?» Это р. Ицхокъ и его спутники. Но что сдѣлалось съ конемъ? Быть не можетъ,—это не тотъ конь, на которомъ они выѣхали! Но нѣтъ, мгла совсѣмъ не такъ густа, чтобы можно было ошибиться!

Конь этотъ, составлявшій собственность сына шадхена ужь больше двадцати лѣтъ, даже во дни рѣзвой юности предпочиталъ тихій степенный шагъ глупому бѣгу. Теперь-же онъ, котораго до сихъ поръ ничто на свѣтѣ не могло заставить бѣжать, несется на всѣхъ парахъ. Даже понуканія Өомки и шадхена, то и дѣло выкрикивавшихъ «но, но! но, но!»—были излишни. Я думаю, что можно было обойтись даже безъ хвостины, которой Өомка не переставалъ мять коню бока.

На дѣдушку, какъ говорится, словно «столбнякъ нашелъ». Виною этому было услышанная имъ въ дорогѣ вѣсть о... о пожарѣ. За то р. Мейеръ и р. Пинхось, проѣзжая Шалантаевку, чуть не потеряли зрѣнiе: такъ они всматривались въ лица встрѣчныхъ мужиковъ и мѣщанъ. Къ сожалѣнiю, тѣ послѣ порки, приняли свой обычный флегматичный видъ... Но лишь только показалась хата Өомки, дѣдъ немного оживился: онъ вѣроятно подумалъ, что если хата Өомки не горѣла, то и его домъ цѣлъ. Когда дѣдушка вошелъ въ комнату, я поднялся съ мѣста; въ домѣ было тихо, очень тихо. Я поцѣловалъ его руку.

— Что тутъ у васъ было? — стараясь говорить твердымъ голосомъ, спросилъ онъ, и въ то-же время глаза его забѣгали по комнатѣ.

Я понялъ, что онъ хочетъ о чемъ-то спросить и боится... Я опустилъ голову.

— Шмуэль, гдѣ твоя бабушка, гдѣ она? — вдругъ заговорилъ онъ растерянно, поспѣшно и началъ быстро поворачивать голову.

— Seide!—вырвалось у меня:—seidinke!

— Она умерла? Да?

— Да, дѣдушка, она умерла, ее раздавили, когда она зашрала лавку и вчера она умерла, умерла...

— А-ай...—тихо простоналъ дѣдушка и опустился на полъ. Эхъ, скверная была минута! Скверная, скверная...

Не скоро дѣдъ оправился. Я никого не пускалъ къ нему, а много народу навѣдывалось.

Приходили и облагодѣтельствованные имъ бѣдняки, которыхъ пожаръ снова повергъ въ нищету, приходили различные сѣдые евреи справляться о здоровьи, приходили по дѣламъ, съ

векселями, по которымъ требовалось платить; не было отбою отъ старыхъ бѣдныхъ невѣстъ, имѣвшихъ обыкновеніе держать свои деньги у дѣдушки...

Нашъ домъ въ это время имѣлъ видъ, какой вообще имѣютъ дома, гдѣ кто нибудь умираетъ, или гдѣ живетъ семья убѣжавшаго банкрота. Когда дѣдушка оправился, онъ очень измѣнился; онъ началъ часто задумываться, разлюбилъ споры и какъ-то безучастно ко всему относился, такъ что я сталъ какъ-бы хозяиномъ. И дѣйствительно: я платилъ деньги по векселямъ, отдавалъ деньги невѣстамъ, получалъ долги. Но, къ сожалѣнію, долги поступали весьма туго, благодаря пожару, сдѣлавшему бѣдняковъ нищими. Наконецъ настала минута, когда я очутился безъ денегъ, а невѣсты и другіе довѣрители не переставали ходить. Пронесся даже слухъ, что мы желаемъ утаить деньги.. У крыльца собирались пять-шесть «невѣстъ», всѣ съ такими злыми лицами, что я страшно ихъ боялся.. Онѣ плакали, кричали, ругались... грозили Божьимъ гнѣвомъ... Это было невыносимо и я обратился къ дѣду, который какъ разъ въ тотъ день нечаянно услышалъ, что его, всю жизнь думавшаго о благѣ другихъ, называютъ... мошенникомъ! Р. Ицхокъ — мошенникъ?! Вечеромъ я слышалъ, что онъ плачетъ, но онъ этого не узналъ никогда.

Затѣмъ «мы» продали домъ; изъ полученныхъ денегъ я триста рублей выбралъ новенькими бумажками себѣ, а остальные роздалъ «невѣстамъ» и другимъ кредиторамъ. Честь дѣдушки была спасена, но оставаться въ Сионимѣ онъ не пожелалъ и мы, продавъ кое какія оставшіяся вещи (золото и серебро пошло на уплату долговъ) выѣхали въ губернской городъ Погребовскъ.

М. Эттингеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БИБЛЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Л. Байрона.

Плачь Ирода о Маріамнѣ.

Маріамна! То сердце, по чьей пролилася винѣ
Неповинная кровь,—и само обливается кровью!

Жажда мести и гнѣвъ улеглись во мнѣ,
Презрѣньемъ смѣнясь и любовью.

Маріамна, гдѣ ты? Если-бъ стоны и вопли мои
Донеслись къ тебѣ, для которой раскрылась могила,
Ты простила бы мнѣ въ безконечной любви,
Если-бъ небо само не простило!

Неужели мертва? И убійцы наемнаго мечъ
Совершилъ приговоръ, повинуюся мести ревнивой?
Онъ виситъ надо мной, нити жизни готовясь пресѣчь,
Надъ собой приговоръ я свершу справедливый!

Холодна и мертва! Отъ меня ты навѣки ушла,
Я стenanьемъ моимъ твой загробный покой не нарушу,
Я покинуть тобой, а спасти ты одна бы могла,
Только ты—эту мрачную душу.
Съ кѣмъ дѣлалъ я вѣнецъ—той со мною ужъ болѣе нѣтъ.

И утративъ ее, схоронилъ я всѣ радости съ нею,
Я сорвалъ для меня одного распустившійся цвѣтъ —
 Гуденъ прекрасной лилею!
Мною кровь пролита, и за страшное дѣло мое
Мнѣ геенна грозитъ, заслужилъ я душою преступной
 Гнетъ мученій моихъ, истерзавшихъ ее
 И терзающихъ вновь неотступно!

О. Чюмина.

КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУС- СКИХЪ ЕвРЕЕВЪ.

ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ¹.

ГЛАВА XXI.

Сѣздъ закрылся; делегаты разъѣхались по домамъ, и, естественно, вскорѣ на нѣкоторое время является оживленіе въ дѣлахъ «друзей Сіона», которое прежде всего сказалось въ кое-какомъ увеличеніи доходовъ центрального комитета, столь уменьшившагося незадолго до сѣзда. Нѣсколько по тогдашнимъ понятіямъ крупныхъ пожертвованій удалось получить самому д-ру Пинскеру за-границей. Очень скоро поступило и первое такое крупное пожертвованіе въ 100 р. изъ Россіи. Но что мы замѣчаемъ новаго послѣ сѣзда, это нѣкоторое оживленіе дѣятельности въ пользу колонизаціоннаго дѣла со стороны старой ортодоксіи. Теперь изъ ея среды въ самомъ центральномъ комитетѣ имѣлись три представителя въ лицѣ столь солидныхъ и почтенныхъ по возрасту и положенію людей, какими являлись для всѣхъ ортодоксовъ раввинъ Берлинъ, Эліасбергъ и Могилеверъ. Мы знаемъ, что ранѣе кружки палестинцевъ насчитывали не мало членовъ изъ среды ортодоксовъ; но молодежь какъ-то затерла стариковъ; послѣдніе и не оспаривали у своихъ молодыхъ интеллигентныхъ сочленовъ первенство при рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, предоставляя имъ, такъ сказать, все веденіе дѣла. Теперь старики-ортодоксы тоже какъ бы стали имѣть свое мнѣніе и сужденіе, свое «дѣйе». И въ этомъ главнымъ образомъ сказалось оживленіе ихъ дѣятельности. До сѣзда и на самомъ сѣздѣ для ортодоксовъ выяснилось, что у интеллигентовъ дѣло не клеится, идетъ

¹ См. „Восходъ“ кн. VI.

Восходъ. кн. 7.

плохо, и они какъ бы пришли въ убѣжденію, что теперь ихъ очередь, что теперь они должны выступить впередъ и повести за собой на буксирѣ молодую интеллигенцію. Первое, чѣмъ выступили теперь раввины и подкупили было молодежь, было предложеніе издать воззваніе ко всѣмъ раввинамъ и народу объ увеличеніи числа «кайресъ», т. е. тарелокъ для пожертвованій, выставляемыхъ ежегодно наканунѣ Іомъ-Кипура, еще одной новой тарелкой для пожертвованій въ пользу колонизаціоннаго палестинскаго дѣла. Молодежи казалось, что такіа подаванія въ такой торжественный день имѣютъ не только матеріальное денежное значеніе; имъ казалось, что этотъ новый сборъ въ пользу палестинскаго дѣла въ то же время послужитъ для его пропаганды, что всякъ, отдавая свое пожаяніе въ пользу колонизаціи Св. Земли, лишній разъ съ умиленіемъ въ сердцѣ вспомнить о ней, проникнется національнымъ чувствомъ и идеей. Выражаясь проще, мы можемъ сказать, что молодые палестинцы видѣли въ этихъ «кайресъ», особый видъ рекламы ихъ дѣлу. Прошло, однако, больше года раньше, чѣмъ воззваніе это дѣйствительно было издано почтенными раввинами, а когда оно появилось, оно далеко не имѣло того чарующаго дѣйствія, какое ожидалось молодежью. Гораздо важнѣе и полезнѣе было другое дѣйствіе, проявленное раввинами, именно ихъ внѣшательство по вопросу о «шемиттѣ», т. е. о субботнемъ годѣ, наступившемъ какъ разъ на слѣдующій годъ послѣ сѣзда, именно, въ 1888 году. Вопросъ о соблюденіи «шемитты» возбудилъ въ то время много толковъ и шума, и мнѣніе, высказанное по этому поводу почтенными раввинами, было, само собой разумѣется, цѣнно и важно. Дѣло было вотъ въ чемъ: Священнымъ Писаніемъ установлено, какъ извѣстно, что земля также должна праздновать свою субботу; воздѣлываемая въ теченіе шести лѣтъ, она должна была оставаться въ покоѣ въ теченіе седьмого года, называвшагося субботнимъ годомъ. Земледѣлецъ долженъ былъ отдыхать; онъ не могъ ни засѣвать поля, ни подрѣзывать виноградъ или оливу. Поэтому субботній годъ назывался иначе «шемитта», (т. е. отдохновеніе, прекращеніе). Надо сказать, что уже въ Св. Писаніи видно, что предписаніе «шемитты» довольно долго пренебрегалось нашими предками; только послѣ Вавилонскаго плѣненія оно стало соблюдаться строго. И вотъ теперь, вернувшись снова въ землю своихъ предковъ послѣ новаго «голеса» (плѣна),

танущагося уже два тысячелѣтія, еврей-земледѣльцы считали святой своей обязанностью строго соблюсти предписаніе Священнаго Писанія о «шемитѣ». Но, очевидно, цѣль введенія шемитты заключалась въ стремленіи съ одной стороны приучить народъ къ экономіи и бережливости, съ другой избѣжать истощенія почвы. Однако же, за истекшія тысячелѣтія, конечно, совершенно измѣнились экономическія условія Святой Земли, измѣнились и сельскохозяйственныя приемы, направленные противъ истощенія земли. Допустить соблюденіе шемитты теперь было бы абсурдомъ. Такого мнѣнія, конечно, держалась интеллигентная часть палестинцевъ, равно бароновская администрація и самъ баронъ Ротшильдъ. Не такъ смотрѣла на это дѣло большая часть колонистовъ, преимущественно же колонисты бароновскихъ колоній. Одни изъ нихъ уже подверглись всѣмъ послѣдствіямъ развращающаго дѣйствія режима бароновской администраціи, лишившей колонистовъ всякой тѣни самостоятельности; при системѣ ежемѣсячныхъ пособій, носящихъ въ колоніяхъ Св. Земли названіе «тмихе» въ отличіе отъ ихъ аргентинскаго прозванія «штице», развращеннымъ колонистамъ, конечно, привольно и легко было соблюсти требованіе Св. Писанія о шемитѣ. Но еще больше было между колонистами и такихъ, которые видѣли въ нарушеніи шемитты прямо тяжкій грѣхъ противъ Бога и Святой Его Торы. Смѣшны были бы, конечно, попытка интеллигентной молодежи убѣждать послѣднихъ. Совсѣмъ не то значеніе имѣло тутъ вмѣшательство авторитетныхъ раввиновъ. Какъ ни трудно было говорить противъ прямого предписанія Св. Писанія, раввины нашли однако же основанныя на томъ же Св. Писаніи и Талмудѣ мотивы противъ соблюденія шемитты, которые иначе подѣйствовали на умы колонистовъ, чѣмъ дѣйствовали бы самыя краснорѣчивыя и пламенныя доказательства интеллигенціи. Въ результатъ большинство колонистовъ отказалось отъ соблюденія шемитты, хотя оказалось не мало и такихъ, на которыхъ не подѣйствовало ни авторитетное мнѣніе раввиновъ, ни гнѣвъ барона, запретившаго выдавать такимъ непокорнымъ колонистамъ какую бы то ни было помощь, «тмихе». Интересно, что между послѣдними на первомъ планѣ оказались лучшіе пзъ бароновскихъ колонистовъ, именно колонисты Эрона. Они съ большими лишеніями обошлись безъ всякихъ пособій, зарабатывая себѣ на пропитаніе извозомъ на Яффской дорогѣ и другими по-

бочными работами, но поля своего они въ этотъ годъ обрабаты- вать не стали. Однако же большинство колонистовъ, какъ мы уже сказали, не соблюдали шемитту и почти исключительно благодаря вмѣшательству и разрѣшенію раввиновъ.

Итакъ въ вопросѣ о шемитѣ раввины выступили съ полной компетентностью и безспорно были полезны дѣлу. Далекое не такъ компетентны оказались они въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, воз- никавшихъ въ жизни колоній. По случаю *révolutions*, происходив- шихъ въ бароновскихъ колоніяхъ почти одновременно со «Сѣз- домъ», одинъ изъ раввиновъ возбуждаетъ вопросъ о введеніи въ Палестинскихъ колоніяхъ чего то вродѣ института мировыхъ по- средниковъ, которые имѣли бы право разрѣшать всякіе споры администраторовъ съ колонистами, равно колонистовъ другъ съ другомъ. Эти мировые посредники однако, такъ сказать, въ мир- ное время должны были по проекту раввина выступать и въ ка- чествѣ проповѣдниковъ любви и правды. Вообще это долженъ былъ быть чрезвычайно оригинальный институтъ преимущественно теократическаго оттѣнка. Проектъ раввина однако успѣха не имѣлъ; ему не безъ основанія указывали, что мировому посред- нику не мѣсто быть рядомъ съ фельдфебелемъ въ казармахъ, на которыя походила въ то время бароновскія колоніи съ ихъ адми- нистраторами фельдфебельскаго пошиба.

Прошелъ годъ послѣ Сѣзда, и ортодоксы все болѣе и болѣе стали вникать въ сущность дѣла, по скольку они эту сущность понимали. Очень скоро они все громче и громче стали высказы- ваться противъ преобладающаго значенія интеллигенціи и моло- дежи въ веденіи дѣла. Всѣмъ извѣстно, — твердили они, — что образованные люди среди евреевъ Россіи—бѣдны, богаты—купцы, а купцы необразованы; купцы же любятъ и желаютъ, чтобы во главѣ еврейскаго дѣла стояли настоящіе евреи, а не такіе «ани- корскимъ», какіе дотолѣ стояли во главѣ всѣхъ палестинскихъ обществъ и кружковъ. Этими то и объясняется, что купцы такъ туги на денежные пожертвованія въ пользу святаго дѣла; между тѣмъ, если будетъ «фидель» (скрипка), мы будемъ «фидлень» (играть на ней); будутъ деньги, будемъ колонизировать, а безъ денегъ ничего выйти не можетъ. Словомъ, раввины стали твер- дить, что центръ тяжести дѣла долженъ перейти къ нимъ, такъ какъ очевидно купцы интеллигенціи денегъ не дадутъ и не дадутъ.

Во всѣхъ этихъ вновь назрѣвшихъ стремленіяхъ ортодоксіи къ преобладающему значенію и власти почти вовсе не было мѣста тщеславію. Ортодоксія взаправду стала интересоваться дѣломъ все больше и больше. Интересно, что между раввинами явилась мысль лично посѣтить Св. Землю, чтобъ ближе присмотрѣться къ дѣлу. Въ первой половинѣ 1889 г. въ Іерусалимѣ ожидалась блестящая компанія въ 300 раввиновъ. Распорядители этой коллективной поѣздки раввиновъ вступили было уже по этому поводу, въ переговоры съ нароходными обществами при чемъ предусмотрительность ихъ дошла до такихъ курьезныхъ предѣловъ, что ими было выговорено, чтобъ раввинамъ были возвращены деньги, которыя они внесутъ за обратный проѣздъ, если случится, что какъ разъ во время пребыванія раввиновъ въ Святой Землѣ произойдетъ пришествіе Мессіа! Поѣздка раввиновъ однако, къ сожалѣнію, не состоялась.

Чѣмъ больше разгорался интересъ раввиновъ къ палестинскому дѣлу, тѣмъ сильнѣе росло ихъ недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ его стоятъ все-таки интеллигенты съ д-ромъ Пинскеромъ на первомъ планѣ. Ихъ вначалѣ глухой ропотъ дѣлался все громче и громче; очень скоро они стали высказываться вслухъ и притомъ главнымъ образомъ, противъ личности самого д-ра Пинскера. Казалось бы, подобное недовольство личностью доктора тѣмъ труднѣе было ожидать, что Пинскеръ былъ выбранъ главою дѣла «Друзей Сіона» еще при его зарожденіи на Каттовицкомъ съѣздѣ, большинство членовъ котораго состояло изъ такихъ же раввиновъ или вообще изъ людей, ближе стоявшихъ къ раввинамъ, чѣмъ къ интеллигентамъ вродѣ Пинскера. Палестинцы, съѣхавшіеся въ Каттовицъ и избравшіе д-ра Пинскера въ предсѣдатели своего съѣзда, а потомъ основаннаго ими общества, разсуждали такъ: Пинскеръ былъ докторъ, старый человѣкъ, богатый, «er get heiss о евреяхъ и еврейскихъ дѣлахъ», слѣдовательно, онъ и патріотъ; чего же имъ еще и желать отъ предсѣдателя ихъ общества? Покуда раввины и ортодоксы холодиѣ относились къ дѣлу, д-ръ Пинскеръ оставался для нихъ тѣмъ же старымъ докторомъ, богатымъ человѣкомъ и горячимъ патріотомъ. Но теперь, вникая больше въ дѣло, они скоро подробнѣе разобрались въ личности Пинскера. Оказалось, что этотъ безъ малаго семидесятилѣтній человѣкъ всю свою жизнь былъ не больше, не

меньше какъ «бохаръ» (холостякъ), далѣе онъ былъ прямой «трефнякъ», такъ какъ у него дома въ Одессѣ была «трефная кухня». Нашлись и другіе подобныя пороки въ жизни покойнаго доктора. Для раввиновъ сдѣлалось яснымъ до очевидности, что такой человекъ негоденъ во главѣ еврейскаго дѣла, что никогда за нимъ не пойдетъ масса народная, никогда настоящій еврей не дастъ ему большихъ денегъ для веденія дѣла.

Тѣмъ временемъ въ самой Святой Землѣ дѣла «Друзей Сіона» пошли нѣсколько оживленнѣе, но все же въ общемъ по старому. Конечно, ниваго новаго исполнительнаго комитета или бюро, какъ его назвали въ постановленіяхъ съѣзда въ Друскенникахъ, и не думали основывать. Для этого не было ни достаточно денегъ, ни людей. Пришлось ограничиться тѣмъ, что обратились къ І. М. Пинесу, который скоро сдѣлался чѣмъ то вродѣ администратора въ Гдейро. На этой послѣдней колоніи сосредоточилось теперь все вниманіе и вся дѣятельность комитета. Приступили, наконецъ, и къ постройкѣ домовъ для этой колоніи и настроили около 15 деревянныхъ избъ, которыя, какъ мы увидимъ, позднѣе, однако, нашли нужнымъ замѣнить каменными домами, ближе подошедшими къ типу дворцовъ Ришонъ-Леціона. Уже въ то тяжелое для колоніи время въ ней скоро появились три такихъ каменныхъ палатко, выстроенныхъ, впрочемъ, если не ошибаюсь, богатыми владѣльцами нѣкоторыхъ участковъ въ колоніи, жившими постоянно въ Россіи и командировавшими въ колонію лишь довѣренныхъ лицъ. Вообще Гдейро въ своемъ развитіи шла по пятамъ сосѣдняго Ришона. Вначалѣ, какъ мы знаемъ, Ришонъ занимался посѣвами и ими же занимались колонисты Гдейро. Въ Ришонѣ приступили къ устройству виноградниковъ, и виноградою очень скоро увлеклись «друзья Сіона» въ Гдейро. Еще позднѣе въ Ришонѣ заинтересовались тутовыми и миндальными плантаціями, и очень скоро тѣмъ же заинтересовались колонисты Гдейро. Но намъ уже извѣстно, съ чѣмъ сопряжено было рѣшеніе барона Ротшильда и его администраціи ввести въ свои колоніи виноградарство и садоводство. Мы знаемъ, что это рѣшеніе, во первыхъ, обязало барона кормить колонистовъ втеченіе многихъ лѣтъ до перваго значительнаго сбора винограда и, во вторыхъ, это же рѣшеніе заставило Шаида снабдить колонистовъ рабочей помощью наемныхъ арабовъ. «Друзья Сіона», плохо взвѣсивши всю совокупность по-

ложенія дѣла, и въ этомъ отношеніи потянулись за барономъ, и колонистамъ Гдейро предоставлено было тоже постепенно забросить пашню и ввязаться за виноградарство. Но мы уже знакомы съ контингентомъ колонистовъ этой колоніи и знаемъ, что ядро колоніи состояло изъ 8—9 славныхъ парней, изъ которыхъ кое-кто успѣлъ уже облюбовать себѣ невѣсту и жениться. Ни въ одномъ хозяйствѣ, ни въ одной хозяйственной единицѣ не было больше одного рабочаго члена, такъ какъ нѣсколько появившихся въ колоніи женщинъ рабочей помощи мужьямъ своимъ не оказывали. Центральный комитетъ, санкціонировавшій введеніе виноградарства, тѣмъ самымъ, какъ въ свое время баронъ Ротшильдъ, санкціонировалъ наемъ колонистамъ постороннихъ рабочихъ для устройства виноградниковъ. Ни д-ръ Пинскеръ, ни І. М. Пинесъ, снова заигравшій видную роль въ судьбахъ Гдейро, не ужаснулись этой перспективы многіе годы нанимать для нѣсколькихъ своихъ парней колонистовъ цѣлую гурьбу арабскихъ и другихъ рабочихъ. Теперь уже стали нужны деньги не только на покупку все еще недокупленнаго инвентаря и рабочаго скота, не только на постройку домовъ, конюшенъ и прочаго, не только для жалованья—«тмихе»—колонистамъ, а понадобились еще значительныя суммы для уплаты всей этой массѣ рабочихъ, которая теперь понадобилась.

Между тѣмъ деньги, несмотря на тарелки и кружки въ синагогахъ, несмотря на пламенные рѣчи «магидимъ», поступали все-таки туго. Потребности и расходы выросли, а доходы оставались почти прежніе. Ребъ Шмуэль Могилеверъ и другіе раввины тѣмъ времямъ все чаще и чаще стали винить въ недостаточномъ ростѣ приходовъ того же несчастнаго д-ра Пинскера; имъ все больше и больше стали мерещиться груды рублей и копѣекъ на «тарелкахъ» наканунѣ Іомъ-Кицура, равно цѣлыя массы другихъ пожертвованій, если во главѣ дѣла «ишувъ» станетъ тотъ же «hagoon hagog» ребъ Шмуэль Могилеверъ, или другой не менѣе видный «goon». Вслухъ высказывавшіяся мечтанія раввиновъ и все громче обнаруживавшіяся признаки недовольства «Друзей Сиона» дѣятельностью Пинскера понятно не переставали волновать покойнаго д-ра, и все это кончилось новымъ формальнымъ отказомъ Пинскера отъ предсѣдательства. Раввины съ ребъ Шмуэль Могилеверомъ во главѣ успѣли воспользоваться отставкой д-ра Пинс-

кера и заявили, что созываютъ новый съѣздъ «Друзей Сіона» для выбора новаго предсѣдателя и новаго обсужденія положенія дѣла. Съѣздъ назначенъ былъ въ Вильнѣ.

ГЛАВА XXII.

Лѣтомъ 1889 года палестинцы снова собрались на съѣздъ. Всѣхъ съѣхавшихся делегатовъ было 28 человекъ, командированныхъ 25 кружками разныхъ городовъ Россіи; кромѣ нихъ на съѣздѣ участвовали 9 человекъ изъ постоянныхъ жителей Вильны и еще 8 человекъ, не представлявшихъ собою делегатовъ палестинскихъ кружковъ, но явившихся на съѣздъ изъ разныхъ городовъ въ качествѣ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ всѣхъ участвовавшихъ на съѣздѣ въ Вильнѣ лицъ было 45 человекъ и съѣздъ отличался большимъ многолюдствомъ, чѣмъ оба предшествовавшихъ съѣзда. Составъ членовъ новаго съѣзда, созваннаго по инициативѣ, главнымъ образомъ, р. Могилевера, сильно отличался отъ состава членовъ съѣзда въ Друскеникахъ. На этотъ разъ преобладающее большинство принадлежало къ старой ортодоксіи, интеллигенты же составляли незначительное по своему количеству и значенію меньшинство. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ С. И. Финнъ, но фактически съѣздомъ заправлялъ инициаторъ его раввинъ Ш. Могилеверъ, избранный вице-предсѣдателемъ. Характерно, что Могилеверъ воспротивился правильному веденію протоколовъ засѣданій, находя это совершенно ненужнымъ новшествомъ. Неудивительно поэтому, что засѣданія носили характеръ типичной беспорядочности и только позднѣе въ занятіяхъ съѣзда установился нѣкоторый видъ порядка, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ М. Г. Кагана, избраннаго секретаремъ съѣзда. У послѣдняго, равно и у нѣкоторыхъ другихъ членовъ съѣзда, была выработана заранѣе нѣкоторая программа для занятій съѣзда, но Могилеверъ отвергъ эту программу и внесъ на разсмотрѣніе съѣзда свои вопросы. Первое, чѣмъ, однако, занялся съѣздъ, былъ вопросъ объ отставкѣ Пинскера. Могилеверъ очень прозрачно заявилъ съѣзду, что онъ желалъ бы быть предсѣдателемъ комптета; онъ предложилъ даже въ виду этого перенести резиденцію «Друзей Сіона» изъ Одессы въ Бѣлостокъ. Съѣздъ, три четверти членовъ котораго состояли изъ привержен-

цевъ Могилевера, прежде всего принявъ отставку д-ра Пинскера, постановивши въ первомъ изъ 21 пунктовъ своихъ рѣшеній «написать ему отъ имени общества «Друзей Сіона» благодарственное письмо за его пятилѣтніе труды въ пользу дѣла «ишувъ» и избрать его въ почетные члены общества». Однако, Могилеверъ не былъ избранъ единоличнымъ замѣстителемъ Пинскера. Очевидно, благодаря настоянію меньшинства интеллигентовъ, председательство предоставлено было тріумвирату изъ того же р. Могилевера, далѣе изъ С. И. Фянна и А. Гринберга. Отметимъ, что р. Могилеверъ жилъ постоянно въ Бѣлостокѣ, С. И. Финнъ въ Вильнѣ, а А. Гринбергъ—въ Одессѣ. Могилеверъ, Финнъ и Гринбергъ по второму пункту постановленій съѣзда явились бы членами распорядителями Центрального Комитета, но рядомъ съ ними были избраны еще 5 членовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, а именно: р. Нафтоле-Гиршъ Берлинъ изъ Воложина, р. Мордхе Элизбергъ изъ Баукса, д-ръ Клейнъ изъ Либавы, г. М. Фрейденбергъ изъ Москвы и г. И. Гинцбургъ изъ Варшавы. Установленъ такой порядокъ веденія дѣла: всѣ прошенія, свѣдѣнія, письма изъ колоній, равно всякаго новаго рода предложенія по дѣлу колонизаціи должны были прежде всего поступать къ А. Гринбергу въ Одессу; послѣдній все это вмѣстѣ съ письменно изложеннымъ своимъ мнѣніемъ долженъ былъ направлять двумъ своимъ коллегамъ по комитету Могилеверу и Фянну, которые должны были рѣшать подлежащія-обсужденію вопросы совмѣстно съ Гринбергомъ и приводить свои рѣшенія въ исполненіе. Однако въ вопросахъ сколько нибудь важныхъ, рѣшеніе которыхъ сопряжено было бы съ затратой относительно большихъ суммъ денегъ, тріумвиратъ не имѣлъ права привести въ исполненіе свое рѣшеніе, а долженъ былъ передать вопросъ и свое мнѣніе на обсужденіе членовъ совѣтчиковъ и вопросъ долженъ былъ рѣшаться большинствомъ голосовъ, включая сюда и голоса членовъ распорядителей. Члены совѣтчики обязывались отвѣчать на вопросы членовъ распорядителей втеченіе восьми дней по полученіи письма; въ случаѣ же ихъ отъѣзда на болѣе или менѣе продолжительный срокъ изъ своего города, они обязаны были передать кому-либо изъ членовъ комитета свой голосъ и сообщить объ этомъ Комитету. Перечисленными 8-ью членами составъ Центрального Комитета, однако, не исчерпывался: съѣздъ назначилъ не то въ кандидаты, не то

прямо въ члены комитета еще 7 лицъ, безъ права рѣшающаго или даже совѣщательнаго голоса. Этотъ видъ «ковѣда» (почести) неизвѣстно зачѣмъ оказанъ былъ съѣздомъ 7 наиболѣе виднымъ изъ участниковъ съѣзда.

Особыми пунктами своихъ постановленій съѣздъ обязываетъ членовъ Центрального Комитета сообщить всѣмъ кружкамъ отчеты о приходахъ и расходахъ общества за каждую истекшую четверть года; кромѣ того каждыя три мѣсяца комитетъ обязывался издавать брошюры объ «ишувъ Эрецъ Исроэль» съ цѣлью пропагандировать палестинскую идею во всѣхъ еврейскихъ городахъ и мѣстечкахъ. Далѣе съѣздъ занялся подробной разработкой порядка поступленія и расходванія собираемыхъ суммъ. Было постановлено, что общая касса всѣхъ кружковъ согласно постановленію предшествовавшаго съѣзда, будетъ находиться у Мишеля Эрланжера въ Парижѣ, причѣмъ было рѣшено, чтобы въ теченіе мѣсячнаго срока послѣ полученія циркуляра съ постановленіями съѣзда, всѣ кружки выслали въ общую кассу всѣ имѣющіяся въ кружковыхъ кассахъ суммы; туда же должны направляться впредь всѣ суммы, которыя будутъ собираться въ будущемъ и будутъ превышать 200 рублей. О всѣхъ деньгахъ, отправленныхъ въ Парижъ, кружки приглашались сообщать Гринбергу и его двумъ товарищамъ. Кружки, собирающіе меньше 200 рублей, приглашались отсылать свои деньги либо Могилеверу въ Бѣлостокъ, либо Финну въ Вильно, либо предсѣдателю ближайшаго болѣе богатаго кружка, причѣмъ о такихъ суммахъ кружки опять таки должны были сообщать г-ну Гринбергу въ Одессу. Ордера въ Парижъ къ Эрланжеру о выдачѣ черезъ посредство администраторовъ бароновскихъ колоній тѣхъ или другихъ суммъ подписываютъ Могилеверъ и Финнъ; причѣмъ, подписывая ордеръ, они въ то же время должны дать знать объ этомъ г-ну Гринбергу въ Одессу.

Этимъ исчерпываются пункты постановленія Виленскаго съѣзда касающіеся, такъ сказать, конституціи Центрального Комитета «Друзей Сіона». Какъ видимъ, предусмотрѣны и разработаны всевозможныя частности и подробности, точно дѣло шло объ устройствѣ главнаго управленія дѣлами какого-нибудь, Богъ вѣсть какого грандіознаго предпріятія. Обратимся теперь къ тѣмъ постановленіямъ съѣзда, которыя касались сущности дѣла, касались самихъ колоній, ихъ устройства и жизни.

Любопытно прежде всего констатировать, что и на этотъ разъ нѣмѣ изъ безъ малаго полсотни делегатовъ, засѣдавшихъ на сѣздѣ, не обнаружено было пониманія колонизаціоннаго дѣла, не обнаружены хотя бы малѣйшіе признаки знаній, необходимыхъ для веденія столь труднаго дѣла. Членамъ Виленскаго сѣзда нельзя отказать, какъ мы увидимъ дальше, въ нѣсколько большей дѣловитости, основательности по сравненію съ членами предшествующаго сѣзда, но что касается знанія, пониманія дѣла, то все, что нами сказано о членахъ предъидущихъ двухъ сѣздовъ, должны повторить и о членахъ третьяго сѣзда: истекшіе послѣ сѣзда въ Друскенникахъ два года опять почти ничему никого не научили. За эти годы молчаливо рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о введеніи въ колоніяхъ «друзей Сіона» винодѣлія и садоводства; тѣмъ самымъ, какъ мы знаемъ, рѣшенъ былъ вопросъ о наймѣ рабочихъ для слабосильныхъ колонистовъ. Однако, никто изъ 45 членовъ сѣзда не протестуетъ противъ этого, не заводитъ даже объ этомъ на сѣздѣ рѣчи, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ никакихъ намековъ въ пространныхъ постановленіяхъ сѣзда. Единственное, что касается сущности хозяйства колонистовъ и о чемъ трактовали на сѣздѣ, былъ вопросъ о покупке земли для колоній Гдейро и Песахъ-Тикво. Въ самомъ дѣлѣ, на долю 66 семействъ, которыхъ насчитывала въ то время Песахъ Тикво, изъ 14,000 дунамовъ колоніи приходилось всего 6.175 дунамовъ, т. е. по 90 дунамовъ или около 7 десятинъ въ среднемъ на семейство, остальное принадлежало разнымъ частнымъ лицамъ изъ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи и Палестины. Приблизительно такіе же надѣлы приходились на долю каждаго изъ 15 колонистовъ Гдейро, такъ какъ въ ней 1,200 дунамовъ (изъ 3,000 д.) принадлежали разнымъ лицамъ въ Россіи и не были предоставлены въ распоряженіе или пользованіе колонистовъ. Не больше были надѣлы колонистовъ въ Іесуудъ-Гамаало (1,000 дунамовъ на 9 семействъ). Къ этому времени уже давнымъ давно въ Ришонъ Леціонѣ и другихъ бароновскихъ колоніяхъ уразумѣли значеніе малоземелья. Поняли его и колонисты Гдейро, Песахъ-Тикво и Іесуудъ-Гамаало. Не скажу, чтобъ поняли, но какъ-то почувствовали значеніе величины надѣловъ и палестинцы разныхъ кружковъ; пошли спеціальныя пожертвованія

на прикупку земли для колоній и ко времени сѣзда величина собранныхъ для этой цѣли пожертвованій достигаетъ суммы въ 15,000 франковъ. И вотъ сѣздъ принимаетъ рѣшеніе, чтобы «новый комитетъ стремился приобрести еще сколько возможно земли для колоній Гдейро, Песахъ-Тиево и Иесуудъ-Гамаало». Интересно, что въ томъ же пунктѣ своихъ постановленій сѣздъ обязываетъ новый комитетъ принять за правило, чтобы впредь уравнились права и обязанности всѣхъ колоній, принятыхъ «друзьями Сіона» подъ свое покровительство, безъ различія и преимущества въ пользу какой-нибудь одной изъ нихъ. Это постановленіе было принято въ виду явнаго преимущества, которое д-ръ Пинскеръ оказывалъ колоніи Гдейро по сравненію съ колоніями Песахъ-Тиево и Иесуудъ-Гамаало, находившимися въ то время еще подъ исключительнымъ покровительствомъ «друзей Сіона». Преимущество колоніи Гдейро передъ другими двумя колоніями одобрено, какъ мы знаемъ, сѣздомъ въ Друскеннигахъ. Новый сѣздъ высказывается и противъ другого положенія, которое принято предъидущимъ сѣздомъ, вслѣдствіе настойчивыхъ представленій покойнаго Пинскера, именно чтобы не покупались земли и не заводились новыя колоніи раньше, чѣмъ не будетъ закончено прочное устройство уже основанныхъ колоній. Виленскій сѣздъ наоборотъ принимаетъ рѣшеніе: на нужды старыхъ колоній тратить всего 70% доходовъ «друзей Сіона», а на остальные 30%—приобрѣтать новыя земли. Однако же, одновременно съ этимъ сѣздъ высказывается за изысканіе всевозможныхъ мѣръ и средствъ для скорѣйшаго и окончательнаго устройства старыхъ колоній. Въ виду этого постановлено спеціально командировать въ Св. Землю довѣренное лицо для осмотра и ревизіи всѣхъ колоній и рѣшенія на мѣстѣ вопроса, какія средства потребуются для удовлетворенія всѣхъ нуждъ колоній и для окончательнаго ихъ устройства на прочномъ базисѣ, такъ «чтобы, какъ гласитъ постановленіе сѣзда, въ будущемъ «друзья Сіона» были бы свободны отъ необходимости оказывать этимъ колоніямъ какую бы то ни было новую поддержку или помощь». вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено обратиться въ надежнымъ мѣстнымъ лицамъ съ просьбою подробно сообщить о нынѣшнемъ положеніи покровительствуемыхъ колоній. Далѣе постановлено, чтобы по полученіи подробныхъ

свѣдѣній о положеніи и нуждахъ всѣхъ трехъ колоній и смѣты необходимыхъ затратъ для полнаго и окончательнаго ихъ устройства, комитетъ извѣстилъ объ этомъ всѣ кружки и разложилъ потребную сумму между всѣми ними пропорціально ихъ постояннымъ доходамъ, причемъ кружки приглашались собрать соотвѣтствующую сумму между своими постоянными членами въ видѣ авансовъ въ счетъ постоянныхъ годичныхъ взносовъ каждаго. Съѣздъ высказалъ при этомъ надежду, что такимъ путемъ комитету удастся поставить дѣла колоній на прочную ногу разъ навсегда. Въ этихъ послѣднихъ постановленіяхъ Виленскаго съѣзда нельзя не усмотрѣть извѣстной доли дѣловитости. Обратимъ наше вниманіе, что въ первый разъ мы встрѣчаемся съ рѣшеніемъ добиться смѣты потребныхъ расходовъ, составленіе которой предполагается поручить надежному лицу. Будь дѣло колонизаціи проще и походи оно побольше на торговня предприятия, въ которыхъ, конечно, большинство членовъ Виленскаго съѣзда были большими мастерами, послѣдніе приняли бы, быть можетъ, и другія не менѣе важныя практическія рѣшенія. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе новизны, оригинальности и трудности колонизаціоннаго дѣла, у торговыхъ людей и раввиновъ, составлявшихъ большинство съѣзда, какъ мы уже знаемъ, совершенно отсутствовали необходимыя для того практическія знанія.

Съѣздомъ принятъ еще цѣлый рядъ другихъ рѣшеній, но всѣ они имѣютъ лишь самое второстепенное значеніе; большая ихъ часть касается разныхъ предлагавшихся за истекшіе два года приѣмовъ, направленныхъ къ увеличенію пожертвованій. Всѣ эти приемы и методы одобрены. Рѣшено такимъ образомъ обратиться ко всѣмъ раввинамъ съ просьбой всячески содѣйствовать сбору денегъ, въ особенности же не забывать о спеціальныхъ тарелкахъ наканунѣ Іомъ Кипура; снова одобрена мысль разослать магидимъ для пропозѣдыванія палестинской идеи и сбора денегъ; одобрено предложеніе воспользоваться торговлей эсрогимъ для цѣлей «ишувъ»; одобрено предложеніе полтавскаго кружка объ устройствѣ лотерей въ пользу колонистовъ, равно предложеніе другого кружка снять виды колоній и распродавать ихъ въ пользу тѣхъ же колоній. Одобрены также рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью привлечь новыя сердца къ колонизаціонному дѣлу, для чего рѣшено учре-

дѣть особый праздникъ, именно въ шабесъ-нахму, въ честь начала колонизаціоннаго дѣла и въ этотъ день въ лучшихъ синагогахъ каждаго города служить панихиды по М. Монтефиоре и всѣмъ другимъ умершимъ дѣятелямъ колонизаціоннаго дѣла. Далѣе рѣшено послать списки всѣхъ жертвователей во всѣ синагоги Святой Земли съ просьбой, чтобы ежегодно въ Іомъ-Кипуръ въ честь этихъ жертвователей было произнесено спеціальное «ми-ше-бейрахъ», а по покойнымъ была отслужена панихида. Одно постановленіе сѣзда касалось дѣла колоній барона Ротшильда: было рѣшено написать колонистамъ барона, а именно—колонистамъ Экрона, съѣтъ отъ лица всѣхъ «друзей Сіона», чтобы они во всѣхъ дѣйствіяхъ барона и его администраціи видѣли лишь одну цѣль: «вести колонистовъ къ добру», и чтобы они ввиду этого исполняли всѣ требованія администраціи барона, въ частности же предъявлявшееся въ то время колонистамъ барона требованіе подписать письменное обязательство.

Длинный рядъ постановленій 3-го сѣзда заканчивается характернымъ постановленіемъ, чтобы комитетъ, когда придетъ время созвать новый сѣздъ, позаботился за мѣсяцъ впередъ извѣстить объ этомъ предсѣдателя всѣхъ кружковъ, дабы они могли обсудить предварительно въ засѣданіяхъ своихъ кружковъ всѣ вопросы, какіе къ тому времени созрѣютъ, такъ чтобы уполномоченные кружковъ могли на новомъ сѣздѣ подавать голоса въ извѣстномъ смыслѣ не отъ себя лично, и отъ имени всего ихъ кружка. Делегаты разѣхались, и мы теперь же скажемъ, что всѣмъ принятымъ ими постановленіямъ опять таки не суждено было осуществиться. Покойный редакторъ «Гамелица», одинъ изъ ярыхъ палестинцевъ, собралъ 18 подписей для ходатайства у высшаго русскаго правительства о разрѣшеніи открыть въ Одессѣ Общество для вспомошествованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ Сиріи и Палестины. Подписались лица, совершенно не игравшія равнѣ никакой видной роли въ веденіи дѣла. Шли слухи, что высшій представитель Одесскаго начальства былъ противъ основанія въ Одессѣ такого общества, но случилось, что запросъ къ нему пришелъ какъ разъ во время его отсутствія изъ Одессы; замѣщавшее же его лицо высказалось въ благопріятномъ для общества смыслѣ, и послѣдствіемъ этого было, что министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ утвержденъ былъ уставъ общества, и послѣднее получило таинимъ образомъ наконецъ официальное существованіе. А ребъ Шмуэлю Могилеву, какъ увидимъ, такъ и не суждено было стать во главѣ «друзей Сіона».

(Продолженіе будетъ).

А. Беркенгеймъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ЛИТЕРАТУРА НАШИХЪ СБОРНИКОВЪ.

„פרדס“, אסף ספרותי. הוצאת י. ה. ראבניצקי. ספר שלישי. *Литературный сборникъ. Изд. I. X. Равницкаго, ч. III. Одесса, 1896 г.*

„הומן“, לקיט ספרותי, נערך ע"י ע. נאלדין. *Сборникъ литературныхъ статей. Изд. Э. Гольдина. Варшава, 1896 г.*

I.

Возникновеніе новѣйшихъ еврейскихъ ежегодниковъ и періодическихъ сборниковъ относятся къ срединѣ 80-хъ гг. Появлялись, правда, и до того на еврейскомъ языкѣ въ довольно значительномъ количествѣ сборники разныхъ наименованій, какъ-то: «Kegem chemed», «Ozav neshmod» и т. п.; но эти прежніе сборники, преимущественно посвящавшіеся работѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ еврейскаго званія, отводившіе слишкомъ мало мѣста изящной литературѣ и публицистикѣ, порою даже совершенно исключавшіе ихъ изъ своей программы,—эти сборники прежнихъ временъ по своему основному характеру и тону слишкомъ рѣзко отличались отъ начавшихъ появляться лѣтъ 10—12 назадъ сборниковъ, съ несравненно болѣе широкою и разностороннею программою, чтобы можно было считать послѣдніе прямыми преемниками первыхъ. Возникновеніе такого новаго типа литературнаго изданія объясняется извѣстными событіями жизни русскаго еврейства начала 80-хъ, а также и тѣми условіями, которыя переживала тогдашняя еврейская литература. Памятныя тяжелыя испытанія, выпавшія въ ту пору на долю русскихъ евреевъ, въ числѣ другихъ своихъ послѣдствій имѣли также значительное общественное оживленіе, овладѣвшее тогда еврейскою средою. Печальныя событія того времени выдвигали рядъ мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній, которые не могли не сломить прежней апатіи извѣстной части нашей интеллигенціи и неволью захватывали вниманіе каждаго мыслящаго еврея; въ связи съ

этихъ въ руслѣ нашей общественной мысли стали обозначаться разна теченія, носившія не только отвлеченно-теоретическій характеръ, но и опредѣлявшія также ту или иную практическую программу. Выѣстъ съ тѣмъ, тяжелое настоящее естественно оживало въ нашихъ обществѣ интересъ къ нашему прошлому. Всѣ эти вопросы и задачи требовали освѣщенія и обсуждения, нарождавшіяся общественно-литературныя направленія нуждались въ извѣстной пропагандѣ; словомъ, въ то время было такъ много о чемъ высказаться, а между тѣмъ кругъ существовавшихъ тогда еврейскихъ литературныхъ изданій былъ слишкомъ низеренъ, чтобы могъ служить выраженіемъ всѣхъ оттѣнковъ тогдашняго общественнаго настроенія. «Гашахаръ» прекратилъ свое существованіе, одновременно съ кончиною П. Смоленскаго, «Габокеръ-Оръ» доживалъ свои послѣдніе дни; оставались только нѣсколько еврейскихъ газетъ, рассчитанныхъ по своему существу своему на переходящій интересъ дня. Отсюда—явленіе съ середины восьмидесятыхъ годовъ обильнаго количества литературныхъ ежегодниковъ и сборниковъ различныхъ направленій и оттѣнковъ. Изъ нихъ первый по времени, «Гасифъ» Н. Соколова, чуждъ былъ строго-опредѣленной окраски, до извѣстной степени, впрочемъ, принякая къ просвѣтительному направленію. Не отличался также строго-продуманною программой «Опаръ гасафрутъ» Гребера. Это, впрочемъ, не мѣшало появленію въ томъ и другомъ цѣлаго ряда весьма почтенныхъ произведеній научнаго и литературнаго характера. «Кнесесъ-Исроэль» С. П. Рабиновича явился выразителемъ палестинфильскаго теченія, и притомъ первой по времени формациі послѣдняго, въ которой практическая программа палестинфильства преобладала надъ идейнымъ его содержаніемъ. «Гаверентъ» Атласа отражалъ на себѣ то реакціонное направленіе, возрожденіе котораго съ 80-хъ гг. стало особенно замѣтнымъ въ извѣстной части еврейской литературы. Мы не упоминаемъ о цѣломъ рядѣ другихъ сборниковъ, появившихся за послѣдніе 10—15 лѣтъ и быстро исчезающихъ съ литературной арены; да и изъ названныхъ нами немногіе оказались долговѣчными. «Гасифъ» и «Опаръ Гасафрутъ» въ послѣдніе годы выходили съ такими продолжительными промежутками, что даже какъ-то трудно считать ихъ *периодическими* изданіями. «Гаверентъ» прекратилъ свое существованіе на первомъ-же выпускѣ. Въ виду того внутренняго распадѣнія, которое съ конца 80-хъ гг. стало обнаруживаться въ палестинфильской средѣ, «Кнесесъ Исроэль», олицетворявшій собою первоначальную, именно практическую стадію этого направленія, тоже не могъ рассчитывать на долголѣтіе, и закончилъ существованіе на третьемъ томѣ. Такъ, мало по

малу, сходили со сцены литературныя изданія, появленіе которыхъ вызвано было тѣмъ оживленіемъ, которое внесено было въ нашу общественную жизнь событіями начала 80-хъ гг. Жизнь постепенно брала свое, налагая печать на тѣ разнообразныя направленія, которыя начали обозначаться въ еврейскомъ обществѣ, сглаживая тѣ шероховатости, которыя порождены были временными, преходящими обстоятельствами. Палестинофильское теченіе шагъ за шагомъ стало освобождаться отъ тѣхъ односторонностей и крайностей, которыми оно страдало въ первые годы своего существованія; съ другой стороны, въ противоположныхъ кругахъ еврейскаго общества постепенно ослабвало прежнее, отрицательное отношеніе къ ко всему, что носило малѣйшую печать еврейской самобытности. Эта, мало по малу выработывавшаяся съ конца 80 гг. переиѣна въ настроеніи различныхъ слоевъ еврейскаго общества, нѣкоторымъ образомъ, выравнивала пропасть, еще недавно раздѣлявшую разныя общественно-литературныя направленія, и подготавливала, такимъ образомъ, возможность нѣкотораго сближенія между теченіями,—прежде враждебными и противоположными. И когда, приблизительно въ это время, предпринятъ былъ г. Равницкимъ новый литературный сборникъ, «Пардесъ» (1892 г.), съ программю идейно-палестинофильскаго характера,—въ числѣ сотрудниковъ этого изданія мы находимъ уже такихъ лицъ, которыя по основнымъ своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ не могли-бы дѣтъ 5 — 6 раниѣ того участвовать, скажемъ, въ «Книесетъ Исроэль» С. Рабиновича. Виѣстѣ съ тѣмъ, первый выпускъ «Пардеса» имѣлъ въ публикѣ значительный успѣхъ, не ослабѣвшій и по мѣрѣ выхода слѣдующихъ томовъ сборника, появлявшихся регулярно черезъ каждые два года.

Какъ сказано уже, «Пардесъ», третій выпускъ котораго недавно выпущенъ почтеннымъ издателемъ, — органъ идейнаго палестинофильства, имѣющаго своимъ лучшимъ выразителемъ г-на Акадъ-Гаамъ (О. Гинцберга). Названный даровитый писатель былъ, такъ сказать, душою первыхъ выпусковъ «Пардеса», и его статьи служили лучшимъ украшеніемъ ихъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ участниковъ лежащаго передъ нами третьяго тома сборника мы не находимъ г. Гинцберга; объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній недавно основалъ свой собственный ежемѣсячный журналъ — «Гашилоахъ», (о которомъ намъ приходилось говорить въ «Литературной лѣтописи» за январь с. г.) Тѣмъ не менѣе «Пардесъ» по прежнему остается лучшимъ изъ нашихъ литературныхъ сборниковъ, дѣльнымъ по своему общему направленію, и обладаетъ богатымъ и интереснымъ содержаніемъ. Статьи г.г. *Равницкаго*

(לְלַמַּד בְּיָד יְשׁוּעָה) и *Давидсона* (לְבַאֵר הַדְּבָרִים הַלְלוּ), хотя и заключают по существу мало новаго и только детально развивают положенія автора "לְלַמַּד בְּיָד יְשׁוּעָה", — тѣмъ не менѣе съ пользою прочтутся многими, будучи посвящены очищенію идейнаго содержанія націонализма отъ тѣхъ придатковъ и крайностей, въ силу которыхъ многіе наивно предполагали и предполагаютъ въ колонизаціи Св. Земли возможность практическаго разрѣшенія еврейскаго вопроса... Изъ статей научнаго характера отиѣтимъ очеркъ в. *Дилленблума*: «Къ исторіи развитія идей и обычаевъ въ Израилѣ въ древности» (стр. 46—60), рассматривающій древнѣйшіе еврейскіе религіозные обычаи и постановленія, которые предшествовали дарованію Торы на Синаѣ и отголоски которыхъ находимъ еще въ Библіи; далѣе, авторъ прослѣживаетъ постепенное *видомзмѣненіе* нѣкоторыхъ положеній и институтовъ Моисеева законодательства въ эпоху пророковъ. Какъ бы дополненіемъ къ этому очерку, — весьма полезному въ томъ смыслѣ, что онъ содѣйствуетъ сообщенію еврейской читающей публики трезво-историческихъ взглядовъ на *развитіе* библейскаго законодательства, — служитъ статья в. *С. Розенфельда*: «Развитіе устнаго ученія» (стр. 65—87), представляющая собою изложеніе нѣкоторой части капитальнаго труда А. Г. Вейса «Доръ вдоршовъ». (Авторъ обѣщаетъ въ слѣдующемъ выпускѣ сборника довести свое изложеніе «Исторіи традиціи» Вейса до конца). Въ виду неопытно-высокой цѣны, назначенной издателемъ за «Доръ вдоршовъ», нельзя не быть благодарнымъ г. Розенфельду за его работу, облегчающую историческимъ взглядамъ и положеніямъ Вейса возможность распространенія въ широкихъ кругахъ еврейской публики. Очеркъ *С. М. Дубнова*: «הַגְּלִיטָה הַשְּׂמֵנִית» (стр. 94—101) знакомитъ съ содержаніемъ понинѣ читаемой въ синагогахъ Могилева и Несвижа поминальной молитвы, — дополняющей тѣ скудными извѣстія, которыя сообщаетъ въ своихъ запискахъ игуменъ Орестъ о жестокой рѣзнѣ, учиненной надъ евреями г. Могилева (губ.) осенью 1655 г. войсками царя Алексѣя Михайловича. Много интереснаго еврейскій читатель найдетъ въ «הַגְּלִיטָה הַשְּׂמֵנִית», *Л. Шульмана* (стр. 129—145), содержащихъ 4 небольшихъ очерка изъ области сравнительной культуры и этнографіи. Записка д-ра *С. Ковнера* (нынѣ покойнаго): «Знаемъ ли мы, что такое царствъ?» представляетъ собою критическій разборъ нѣкоторыхъ положеній д-ра Л. С. Кацнельсона, высказанныхъ имъ въ известной работѣ его по классификаціи упоминаемыхъ въ Пятикнижій наказныхъ болѣзней (въ сборникѣ «Гаскевъ»).

Въ сборникѣ находимъ два письма покойнаго *С. Фина*, относящихся къ началу сороковыхъ годовъ; первое обращено къ известному одесскому

педагогу В. Штерну и говорить о задачахъ періодическаго изданія, „*השקפה*“, затѣяннаго въ то время Финомъ; второе письмо (адресать котораго почему-то не указанъ), весьма любопытно въ томъ отношеніи, что знакомить насъ съ общественными взглядами одного изъ нашихъ «маскилинь» 30—40 годовъ и съ настроеніемъ, которое въ этой средѣ давало себя знать въ пору подготовленія Уваревской реформы еврейскаго учебнаго дѣла. Повидимому, письмо Фина писано въ 1840 г., когда по соглашенію гр. Уварова съ министромъ вн. дѣлъ учреждены были при генераль-губернаторахъ мѣстностей, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, комитеты для выработки предположеній по этому вопросу; обращено его письмо, какъ можно судить по нѣкоторымъ содержащимся въ немъ намекамъ, къ члену одного изъ этихъ мѣстныхъ комитетовъ,—быть можетъ къ тому же Штерну, который, какъ извѣстно, участвовалъ въ занятіяхъ комитета при одесскомъ генераль-губернаторѣ. (Отчасти, пожалуй, подтверждаетъ подобное предположеніе и то обстоятельство, что, по свидѣтельству того же Фина въ другомъ мѣстѣ, виленскіе «маскилинь», сочувствовавшіе проектируемой гр. Уваровымъ реформѣ, вели въ ту пору оживленную переписку съ В. Штерномъ¹). Какъ бы то ни было, авторъ письма выражаетъ живѣйшую радость по поводу того, что вопросъ объ образованіи евреевъ поставленъ правительствомъ на очередь, и излагаетъ предъ своимъ корреспондентомъ тѣ измѣненія въ организаціи учебнаго дѣла и религіозно-общественнаго строя евреевъ, которыя на его взглядъ представляются необходимыми. Прежде чѣмъ обратиться къ детальному разсмотрѣнію намѣченныхъ имъ пунктовъ, Финъ указываетъ на серьезную необходимость законодательнаго воспріятія специфически-еврейскаго ко-стюма. Мы не будемъ останавливаться на этой части его письма; въ этомъ вопросѣ Финъ раздѣляетъ увлеченіе многихъ изъ нашихъ людей 40-хъ годовъ идею отиѣны еврейскаго платья, въ которой они усматривали чуть ли не иѣру, кореннымъ образомъ могущую преобразовать весь еврейскій бытъ. Для знакомства съ этими взглядами значительно большій интересъ, чѣмъ бѣглымъ замѣчанія Фина, представляетъ обнародованная нѣсколькo лѣтъ назадъ записка М. А. Гицбурга «*השקפה*»² и разсужденія, содержащіяся въ «*השקפה*» В. Мандельштана. Обрисовать низкій уровень свѣтскаго образованія среди тогдашнихъ русскихъ евреевъ, Финъ настаиваетъ на желательности объединенія всѣхъ дѣлъ и вопросовъ, относящихся къ воспитанію и вѣроученію евреевъ, въ одномъ центральномъ

¹ См. «*השקפה*» пех Фина, стр. 171 (Вильна, 1881).

учрежденіи. Проектируемая нѣтъ «генеральная еврейская консисторія» должна давать общій тонъ и направленіе всѣмъ духовнымъ дѣламъ евреевъ. Мѣстными органами этого центрального учрежденія должны служить губернскія еврейскія консисторіи. Въ лицѣ раввина, помимо обычныхъ функций его, долженъ быть сосредоточенъ надзоръ за учебнымъ дѣломъ и нагидани. Равнины подраздѣляются на губернскихъ и уѣдныхъ. Губернскій равнинъ—*ex officio* предсѣдатель губернской консисторіи. «Онъ долженъ: 1) быть великимъ талмудистомъ и знатокомъ еврейскаго вѣроученія; 2) уметь произносить публичныя проповѣди въ духѣ просвѣщенія и морали, чтобы побуждать слушателей къ образованію и производительному труду; 3) *владѣть въ совершенствѣ по крайней мѣрѣ тремя новыми языками:* русскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ; 4) владѣть также и другими познаніями, въ объемѣ гимназическаго курса, и т. д.» (стр. 154). Для занятія должности уѣднаго раввина образовательный цензъ, по проекту Фява, нѣсколько понижается, но все таки требуется знаніе, *по крайней мѣрѣ, двухъ новыхъ языковъ* (стр. 155). Въ виду отсутствія, въ настоящее время, среди нашихъ талмудистовъ лицъ, могущихъ удовлетворять указаннымъ требованіямъ, авторъ рекомендуетъ приглашеніе на первыхъ порахъ извѣстныхъ раввиновъ изъ Германіи и указываетъ на необходимость учрежденія у насъ раввинскихъ училищъ. Онъ настаиваетъ также на несѣтельности раввиновъ: равнинъ, однажды получившій назначеніе, можетъ быть устраненъ отъ должности только за нарушеніе общихъ законовъ или религіозныхъ предписаній. Какъ уже сказано, губернскій равнинъ по своему званію—предсѣдатель губернской консисторіи. Проектируемыя функціи губернскаго раввина слѣдующія: 1) *«Назначеніе уѣдныхъ раввиновъ и производство испытаній лицамъ, желающимъ пріобрѣсти званіе уѣднаго раввина. Уѣдные равнины подвергаются испытанію: а) въ знаніи еврейскаго языка и его грамматики; б) Библии (קראת תורה ופסוקי ח"ו); в) Талмуда (תלמוד ח"ו) д) литературы Пойскинъ, необходимой для отправленія раввинской должности, למרחוק תורה; е) въ умѣнн произносить упомянутыя выше проповѣди и ф) въ знаніи, по крайней мѣрѣ, двухъ новыхъ языковъ, въ томъ числѣ государственнаго. 2) Производство испытаній маидамъ и проповѣдникамъ, которые безъ разрѣшенія раввина не должны имѣть права выступать публично. Магиды подраздѣляются на а) толкователей Библии; б) Агады и в) морали; подробно излагаемыя авторомъ экзаменаціонныя требованія варьируются нѣтъ сообразно принадлежности испытуемаго въ той или другой группѣ магидовъ. 3) Надзоръ надъ всеми учи-*

лицными дѣломъ въ данномъ районѣ, въ томъ числѣ и надъ мела-медими и частными преподаваніемъ. Раввинъ экзаменуетъ всѣхъ меламедовъ, которые раздѣляются на а) учителей еврейской грамоты; б) Библии и в) Талмуда. Соответственно этой классификаціи опредѣляются раз-нѣры предъявляемыхъ экзаменуемому требованій; въ частности укажемъ только, что отъ меламедовъ послѣднихъ двухъ группъ требуется знаніе немецкаго языка. 4) Наблюденіе надъ синагогами и чистотой богослуженія. 5) *На обсужденіе раввина должны быть представляемы*, до предъявленія въ цензуру, *все вновь выходящія книги*, причемъ раввинъ долженъ убѣдиться, соответствуетъ ли книга духу времени и не принадлежитъ ли она къ *תורה ודבריה* (ibid). На дальнѣйшихъ подробностяхъ развиваемой Финномъ программы обязанностей губернскаго раввина мы останавливаться не будемъ; упомянемъ только о томъ, что авторъ проектируетъ—обставить полученіе отъ раввина разрѣшенія на вступленіе въ бракъ предварительнымъ рассмотрѣніемъ инушественной состоятельности брачующагося и испытаніемъ въ знаніи основъ вѣроученія и обязанностей къ отечеству (стр. 156). Функции уѣзднаго раввина—тѣ же, что и губернскаго, только ограниченныя меньшимъ райономъ.

Мы изложили проектируемую Финномъ организацію раввината и религіозно-учебнаго дѣла. Еѣ, конечно, нельзя отказать въ известной стройности; но весь проектъ этотъ по существу обнаруживаетъ въ авторѣ значительную долю кабинетнаго доктринерства. Финъ рѣшительно игнорируетъ условія и особенности времени, которыя ему, жившему, такъ сказать, въ центрѣ тогдашняго русскаго еврейства, должны были быть хорошо извѣстны; онъ, подобно нѣкоторымъ другимъ изъ нашихъ «маскилимитъ» 40-хъ годовъ, вѣрять во всеспасающую силу регламентаціи, могущую творить прямо чудеса. Онъ жалуется на невѣжество массы и какъ бы забываетъ, что причина такого состоянія ея въ значительной степени коренилась тогда въ безправіи ея въ дореформенное время; правда, онъ упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о многочисленности тогдашнихъ законодательныхъ ограниченій, вредящихъ распространенію образованію въ еврейской средѣ, но упоминаетъ лишь мелькомъ, и вмѣсто того, чтобы подробно развить предъ членами засѣдавшаго тогда комитета ту мысль, что дѣло просвѣщенія русскихъ евреевъ прежде всего должно начинаться съ облегченія правового положенія послѣднихъ,—предпочитаетъ сочинять отвлеченнаго свойства уставы, съ безконечными пунктами и подраздѣленіями. Въ данномъ вопросѣ люди простые,—представители тогдашняго

нинского купечества—въ своихъ переговорахъ съ Либлинтамъ обнаруживали, несомнѣнно, гораздо болѣе пониманія условій настоящаго, чѣмъ виленскій «наскиль» и будущій историкъ. Финъ, зачѣтыте—*сѣ самамъ началомъ сороковыхъ годовъ*, серьезно предполагаетъ, что для еврейской массы, при тогдашней ея умственномъ уровнѣ и при тогдашнихъ условіяхъ нашего религіознаго быта, окажутся пригодными духовными руководителями, исполнителями функций *למנהל* (которыя онъ указываетъ *en toutes lettres*),—заграничные доктора философіи и т. п. лица. Сходясь съ М. А. Гницбургомъ въ преувеличенныхъ надеждахъ, вми обонни возлагавшихся на рекомендуемое ими воспрещеніе еврейскаго костюма, Финъ по вопросу о равенствѣ значительно уступаетъ первому въ трезвости; взгляды по этому предмету М. А. Гницбурга, содержащіеся въ его «*גמ' ת"ח*» (1843 г.), свидѣтельствуеютъ о болѣе серьезномъ и вдумчивомъ отношеніи къ дѣйствительности, чѣмъ вложеное письмо Фина. Витая въ данномъ случаѣ въ области абстрактнаго и отрѣшившись отъ условій дѣйствительности, авторъ наввно убѣждаетъ въ томъ, что стоить только привести въ исполненіе выработанный имъ регламентъ, со всѣми предусмотрѣнными въ немъ порядками назначенія на должности раввиновъ, допущенія къ занятію проповѣдничества или преподаваніемъ, со всѣми проектируемыми имъ испытаніями и экзаменами, что стоить только пустить въ ходъ рекомендуемый имъ административный механизмъ,—и просвѣщеніе разольется въ еврейской массѣ и всѣ недостатки нашего религіозно-общественнаго быта будутъ устранены... Въ этомъ смыслѣ вложеное нами письмо представляетъ собою любопытный образчикъ того кабинетнаго теоретизирванія, къ которому такъ склонны были при трактованіи общественныхъ вопросовъ и задачъ многіе наши наскильи 40-хъ гг. и о которомъ намъ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ ¹.

«*המנהל והמנהל*» *М. Г. Казана* (стр. 22—38)—интересныя воспоминанія его о П. М. Смоленскитъ в русско-еврейскихъ литературныхъ дѣлахъ конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. Авторъ живо рисуетъ ту значительную популярность, какую пользовался въ средѣ нашей провинціальной молодежи семидесятыхъ годовъ покойный еврейскій романистъ и издатель «Гашахара». Грохкая слава, какую среди своихъ читателей пользовался Смоленскій, — увы! далеко не соответствовала матеріальному положенію этого писателя. Вся жизнь его прошла въ мучительной борьбѣ съ тяжелыми матеріальными условіями; «Гашахаръ» ничего, кромѣ убытковъ, ему

См. ст. „Забытая эпоха“, гл. IV. („Восходъ“, 1896 г. кн. 2).

не принесли, такъ какъ изъ всей подписной суммы Смоленскому доставалось отъ его агента—*два рубля съ четвертью* за экземпляръ (стр. 37). Главнымъ источникомъ средствъ къ существованію для него служилъ лишь сбытъ отдѣльныхъ изданій его романовъ, расклинившихся въ значительномъ количествѣ. Последовавшее въ 1879 г. запрещеніе ввоза въ Россію новаго изданія его «Натоeh» было постому чувствительный ударъ для Смоленскаго, тѣмъ болѣе, что кѣра эта оказалась неожиданною,—такъ какъ изданіе это уже было просмотрѣно и одобрено цензурою. Г. Каганъ сообщаетъ любопытныя подробности этой страшейся надъ Смоленскій бѣды, — которая вызвана была доносомъ на нашего писателя со стороны одного его врага.. Новое изданіе «Натоeh», на которое Смоленскій возлагалъ значительныя надежды, вовлекло его въ крупныя долги, и матеріальное положеніе его было подорвано. Впоследствии, впрочемъ, благодаря содѣйствію петербургскаго цензора Марголина, ему удалось снять запретъ съ «Натоeh»; пришлось только сдѣлать нѣсколько незначительныхъ измѣненій въ текстѣ романа. Статья «י"ג על י' ו'ג'ג'ג'» *Баръ-Коцна* (стр. 228—251) представляетъ собою обзоръ содержанія двухтомной переписки Л. О. Гордона, изданной И. Я. Вейсбергомъ; псевдонимный авторъ статьи въ всей груди писемъ покойнаго поэта, безъ всякаго разбора обнародованныхъ г. Вейсбергомъ, съ значительнымъ утѣненіемъ подбираетъ и освѣщаетъ то, что дѣйствительно интересно для характеристики писательской фзіономіи Гордона и литературно-общественныхъ его взглядовъ. Въ небольшомъ очеркѣ г. *Бадера*, посвященномъ памяти скончавшагося въ 1895 г. издателя «ר'ג'ג'ג'», г. Шура (ש"ר), читатель найдетъ живую характеристику этого своеобразнаго литературнаго дѣятеля, въ свое время надѣлавшаго столько шуму своимъ крайне-отрицательнымъ отношеніемъ къ Талмуду и къ раввинамъ, и впоследствии настолько всѣми позабытаго, что самое имя его уже чуждо большинству теперешнихъ еврейскихъ читателей. Цѣльная и содержательная критическая статья *С. Л. Цитрона*: «О новомъ направленіи въ нашей иезачной литературѣ» касается большого мѣста вѣвѣйшей еврейской беллетристики, о которомъ намъ приходилось недавно говорить, по поводу послѣдняго романа г. Гольдина². Критикъ доказываетъ ограниченность кругозора нашихъ молодыхъ беллетристовъ, отсутствіе въ нихъ чуткости къ дѣйствительной жизни, склонность ихъ къ подражанію литературнымъ теченіямъ, не оправдываемымъ условіями еврейскаго быта, и, наконецъ, чрезмѣрное пристрастіе ихъ къ сюжетамъ рома-

² См. „Литературная Лѣтопись“ въ кн. VI. „Восхода“ за текущій годъ.

ническаго свойства. Въ строгомъ приговорѣ г. Цитрова надъ новѣйшимъ «направленіемъ» въ нашей беллетристикѣ, именно, что основная черта, характеризующая произведенія этой группы, это — «отсутствіе жизненной правды и безыѣрная подражательность» (стр. 68), — въ сожалѣнію, весьма много горькой правды. — Въ критическихъ «Письмахъ Метода къ Элдоду» обращаетъ на себя вниманіе остроумный разборъ литературнаго сборника «Талпютъ».

Беллетристическій отдѣлъ лежащаго передъ нами выпуска «Пардеса» не обширенъ; но въ немъ есть нѣсколько вещей, которыя прочтутся съ удовольствіемъ. Таковы сказка г. А. Левинскаго «הגולם של שנת ה'תרמ"ב» («Идолъ конца вѣка») и небольшой рассказъ Менделе Мойхеръ-сфоримъ (С. Я. Абрамовича): «ג'ב'ש'ג'» («Погорѣльцы»). Интересно отмѣтить поворотъ въ дѣятельности этого талантливѣйшаго изъ еврейскихъ беллетристовъ, все явственнѣе дающій себя знать въ послѣдніе годы. Было одно время, когда С. Я. Абрамовичъ всецѣло принадлежалъ еврейской литературѣ; но затѣмъ мало-по-малу онъ сталъ покидать эту арену и на долгіе годы отдался литературѣ жаргонной, обогативъ ее цѣлымъ рядомъ такихъ произведеній, о которыхъ врядъ ли когда либо могли мечтать самые завзятые любители этой литературы. Съ конца 80-хъ гг. С. Я. Абрамовичъ постепенно вновь возвращается къ еврейской литературѣ; съ тѣхъ поръ произведенія его все чаще начинаютъ фигурировать въ различныхъ еврейскихъ изданіяхъ, появившихся за этотъ послѣдній періодъ. Мало того, какъ бы желая вознаградить еврейскую литературу за свое продолжительное отсутствіе, вызванное служеніемъ иному языку, С. Я. Абрамовичъ нынѣ переводитъ на еврейскій языкъ нѣкоторыя изъ прежнихъ жаргонныхъ своихъ произведеній. Такъ, въ журналѣ «Гашилоахъ» теперь печатается переводъ «ל'ג'ג'ג'ג'ג'», а въ третьемъ выпускѣ «Пардеса» находитъ, въ видѣ особаго приложения, еврейскій переводъ его извѣстныхъ «ש'ש'ש' ש'ש'ש' ש'ש'ש'». Этому, нужно надѣяться, окончательному водворенію С. Я. Абрамовича въ области еврейской литературы любители послѣдней, конечно, будутъ рады, и притомъ вдвойнѣ: поворотъ въ дѣятельности г. Абрамовича дастъ въ результатъ обогащеніе еврейской литературы талантомъ первой величины; но вѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что самый этотъ поворотъ есть результатъ оживленія въ нашей публикѣ за послѣднее десятилѣтіе интереса къ еврейской литературѣ, устраняющаго тотъ горькій вопросъ: «ל'ט ז'מ ז'ט», который приходилось задавать себѣ не одному Гордону, но и другимъ нашимъ литературнымъ дѣятелямъ въ недавнюю пору равнодушія къ еврейскому слову...

II.

«Всякій литературный сборникъ долженъ обладать опредѣленнымъ направлениемъ, извѣстною программю». Это справедливое положеніе, которое мы находимъ въ статьѣ одного изъ сотрудниковъ «Газмона» (см. «הַמְּשִׁיבִים אֶת־הַדָּגִים», стр. 1), менѣе всего приѣмлемо — къ «Газмону». Если удовлетворяющій указанному условію сборникъ позволительно уподобить обществу лицъ, связанныхъ извѣстными симпатіями, интересами, — то при чтеніи «Газмона» невольно какъ бы напрашивается представленіе о разношерстной, случайной публикѣ, собравшейся, скажемъ, гдѣ либо на маленькой желѣзнодорожной станціи, въ ожиданіи поѣзда... По содержанію своему «Газмонъ» производитъ впечатлѣніе чего-то именно пестраго, случайнаго, ничѣмъ не объединеннаго; чувствуется отсутствіе въ цѣломъ рядѣ помѣщенныхъ въ немъ статей какой либо общей принципиальной точки зрѣнія; составъ сотрудниковъ — смѣшанный: наряду съ двумя-тремя лицами, пользующимися въ той или другой мѣрѣ извѣстностью въ литературѣ, здѣсь находимъ легіонъ именъ, ничѣмъ себя до сихъ поръ не заявившихъ и набранныхъ, что называется, съ сосенки и съ бору... Съ полною очевидностью въ этомъ сборникѣ даетъ себя знать совершенное отсутствіе редакціонной руки, которая придала бы затѣянному предпріятію нѣкѣтъ какое единство¹. Мы говоримъ — извѣстное, такъ какъ не считаемъ ни возможнымъ, ни необходимымъ, чтобы каждый литературный сборникъ по своему содержанію представлялъ собою что либо абсолютно-единое и однородное; раздѣляя нѣкоторые принципиальные пункты, общіе прочимъ участникамъ такого изданія, я могу расходиться съ ними въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ и частныхъ, по отношенію къ которымъ, разумеется, оставляю за собою извѣстный просторъ и свободу. Но если по одному и тому же пункту, имѣющему принципиальное значеніе, на столбцахъ одного и того же сборника будутъ высказываемы диаметрально-противоположныя мнѣнія, если, скажемъ, на крыловскій вопросъ: «полезно-ль

¹ Отсутствіе лица, которое взяло бы на себя хотя бы окончательное редактированіе «Газмона», доказывается поистинѣ поразительною вышшею небрежностью, съ какою изданъ названный сборникъ. Приводимъ курьезный примѣръ этой небрежности: на стр. 96 находимъ въ скобкахъ вопросительные знаки, поставленные подлѣ двухъ, дѣйствительно неудачныхъ, выраженій автора. Повидимому, лицо, просматривавшее рукопись, отмѣтило данными знаками выраженія, нуждающіяся въ исправленіи. Затѣмъ, мѣста эти все-таки не были измѣнены и вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ вопросительными знаками попали въ печать...

просвѣщенъ?» Иванъ отвѣтитъ: «полезно, спору нѣтъ!», а фигурирующій съ нимъ рядомъ Петръ дастъ отрицательный отвѣтъ, — то невольно получается впечатлѣніе чего-то страннаго и несообразнаго. А нѣчто въ такомъ родѣ находимъ въ разбираемомъ нами сборникѣ. Раскрываемъ стр. 9 «Газзона» и читаемъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ роста человѣческаго ума, — слабѣетъ нравственное чувство. Разумъ настолько овладѣваетъ силами души человѣка, что не остается ницѣ для нравственнаго чувства... Настало уже время проконтролировать счетъ просвѣщенія и подвести итогъ его дебету и кредиту по отношенію къ человѣческому обществу. Думается мнѣ, что этотъ итогъ не дастъ отрады человѣку. Проведенный балансъ покажетъ, что много данныхъ просвѣщеніемъ общаній, которыя человѣчество поспѣшило обѣщать на ходячую монету и преждевременно отнесло на счетъ своихъ доходовъ, — много этихъ обѣщаній не были исполнены; многіе долги, которые человѣческое общество надѣялось этииъ мучить покрыть, — не только не были оплачены, а напротивъ того еще увеличились благодаря наросавшимъ съ теченіемъ времени процентамъ. Въ самомъ дѣлѣ! Просвѣщеніе взяло на себя укрѣпить человѣчскій союзъ, внести начало справедливости въ отношенія людей — и съ каждымъ днемъ все громче звучать стоны угнетенныхъ и попираемыхъ. Просвѣщеніе обѣщало обезпечить матеріальное существованіе всѣмъ и каждому, — и число нищихъ и убогихъ все увеличивается, и т. д.» — Вслѣдъ за тѣмъ обращаемся къ стр. 168 того же сборника и читаемъ: «Какъ смѣшны всѣ эти жалобы на то, будто наука не выполнила своихъ обѣщаній! Скажите на милость, — обѣщала ли она когда либо нѣчто большее, чѣмъ послѣднее изслѣдованіе законовъ природы? Развѣ и эти обѣщанія теперь не исполнены? Тѣ, которые ждутъ, чтобы она нѣкогда открыла предъ ними тайны природы, — не видѣютъ никакого представленія относительно существа и истинныхъ задачъ науки. Она не любитъ скачковъ и не строитъ воздушныхъ замковъ»... Сдѣлавъ, далѣе, нѣкоторую экскурсію въ область философіи исторіи и подкрѣпивъ развиваемые нѣтъ взгляды ссылками на нѣкоторыя положенія Вокля и Шелгунова, авторъ послѣдней статьи приходитъ къ слѣдующему выводу: «Кажется, читатель согласится со мною, что нравственность развивается параллельно со знаніемъ» (стр. 177). Видному читателю только и остается, что развести руками, такъ какъ въ одномъ и томъ же сборникѣ г. I. Розенталя въ статьѣ ״התפתחות המדע״ и г. С. Розенфельда въ статьѣ ״התפתחות המוסר״, — высказываютъ діаметрально противоположныя сужденія по вопросу объ отношеніи между знаніемъ и нравственностью, о роли просвѣщенія въ жизни человѣческаго общества, вопросу,

то или иное рѣшеніе котораго представляет не только отвлеченно-академическій интересъ, но важно и въ практическомъ отношеніи... Г-нъ Розенталя, сообразно высказанному имъ взгляду на отношеніе между просвѣщеніемъ и нравственностью, приходитъ къ необходимости спасти «нравственное чувство отъ порабощенія его разумомъ» (стр. 10) и усматриваетъ надежнѣйшее къ тому средство—въ усиленіи *религіознаго* чувства среди подростающаго еврейскаго поколѣнія. Г-нъ Розенфельдъ же, правда, не дѣлаетъ практическихъ выводовъ изъ того совершенно противоположнаго взгляда, который онъ излагаетъ въ своей статьѣ; но вѣдь ясно, что и его теоретическое положеніе предполагаетъ извѣстную программу дѣйствій,— надо думать значительно отступающую отъ рекомендуемой г. Розенталемъ... Таковъ характерный образчикъ звучащей въ «Газетѣ» разноголосицы, порожденной прежде всего, новизною, отсутствіемъ дирижерской палочки.

Научный отдѣлъ въ этомъ сборникѣ представленъ крайне слабо. Здѣсь находимъ популярную статью по естествознанію: «Обманы чувствъ» Я. Френкеля (стр. 153—166) и небольшую заѣтку, Д. Казановскаго: «Музыка при лѣченіи душевныхъ болѣзней» (стр. 163—166). Статей по еврейскому знанію совершенно не находимъ въ сборникѣ, если не считать заключительной части упомянутой выше статьи г. І. Розенталя, посвященной интересному вопросу талмудическаго права: «ב"ד מן מן ב"ד דברי חברו». Краткій очеркъ г. Л. Бадера о леббергскомъ раввинѣ середины 40-хъ гг., Авраамѣ Каганѣ, рисуетъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы между интеллигентными и ортодоксальными слоями тогдашняго галиційскаго еврейства,—борьбы, жертвою которой палъ названный раввинъ. По смерти извѣстнаго Я. Орштейна, раввинскій постъ въ Леббергѣ долгіе годы оставался незамѣченнымъ, такъ какъ иѣстныя интеллигенты не могли сойтись съ ортодоксами на кандидатѣ, который въ извѣстной степени удовлетворялъ бы требованія обѣихъ партій. Наконецъ, заправила общины, принадлежавшіе къ прогрессивной партіи, пригласили въ 1844 г. на вакантную кеедру Авраама Кагана, совѣщавшаго съ талмудическою ученостью и безупречною религіозностью сочувствіе къ просвѣтительнымъ стремленіямъ леббергской интеллигенціи. Прибывъ въ Леббергъ, А. Каганъ былъ крайне враждебно встрѣченъ иѣстною ортодоксіею. Хотя приверженцамъ его и не удалось добиться для него официального сана раввина, и Кагану пришлось ограничиться званіемъ проповѣдника,—тѣмъ не менѣе вражда противъ ставленника интеллигенціи все возрастала. При содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ, Каганъ учредилъ въ Леббергѣ до нынѣ существующее восьмилетнее еврейское училище, для котораго имъ написано

было нѣсколько руководствъ по библейской исторіи и еврейскому вѣроученію. Въ виду усилившейся розни внутри общины, ему нехота пришлось согласиться на открытіе нѣстныхъ «маскилимъ» отдѣльной синагоги (1846 г.) Вмѣстѣ съ тѣмъ Каганъ, наряду съ другими передовыми дѣятелями, усердно хлопоталъ предъ тогдашнимъ правительствомъ объ отиѣнѣ сненціальныхъ сборовъ съ еврейскаго населенія (свѣчнаго и съ мяса). Эти и др. иѣропріятія Кагана все больше озлобляли руководителей нѣстной ортодоксіи, которые возбуждали слѣбую массу противъ неугоднаго имъ «проповѣдника». Посылался рядъ доносовъ, обвинявшихъ Кагана въ попираніи всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и неправильномъ веденіи порученныхъ ему метрическихъ книгъ. Произведенное, по предписанію намѣстника, слѣдствіе подтвердило, конечно, невинность его. При каждомъ появленіи его на улицѣ поднимался свистъ и ревъ мальчишекъ и взрослыхъ бездѣльниковъ; произведено было нѣсколько покушеній на кулачную расправу надъ Каганомъ, отъ которой тотъ спасся лишь благодаря вмѣшательству полиціи. Отношенія все обострились, и онъ вынужденъ былъ согласиться на настоянія жены, умолившей его оставить это мрачное гнѣздо. Но приверженцы его, узнавъ объ этомъ намѣреніи, убѣдили его отказаться отъ такого плана, указавъ ему, что съ его уходомъ прекратится въ общинѣ начавшаяся было просвѣтительная работа. А Каганъ съ анбона, въ слѣдующей проповѣди, заявилъ о своемъ твердомъ рѣшеніи — остаться на своемъ посту, готовымъ къ борьбѣ за свои убѣжденія до послѣдней капли крови. 14-го іюня 1848 г., когда онъ возвращался съ экзамена въ устроенной имъ школѣ, на него напала кучка изувѣровъ; онъ былъ поваленъ на землю и жестоко избитъ. Подоспѣвшая полиція вырвала его изъ рукъ разъяренной банды. Въ письмѣ къ брату, знакомаго его съ своимъ невыносимымъ положеніемъ, онъ высказываетъ твердое намѣреніе — всетаки не обращаться въ бѣгство. «Не думай, пишеть онъ: будто мой тяжелый постъ приноситъ имъ какую либо матеріальную выгоду; знай, что жалованье мое даетъ имъ возможность только по субботамъ употребить въ пищу мясо. Но всетаки я радъ, что мои труды приносятъ хоть нѣкоторый плодъ» (стр. 107). 6-го августа того же года онъ былъ отравленъ: въ поданный къ обѣду супъ кѣмъ то былъ подсыпанъ ядъ. Извѣщая на слѣдующій день объ этомъ страшномъ преступленіи, нѣстная «Gazeta Narodowa», указываетъ, что изъ десяти жертвъ отравы, — раввина и его малолѣтнюю дочь не удалось спасти. 8-го августа Каганъ былъ погребенъ. Въ дальнѣйшихъ №№ той же газеты г. Вадеръ нашелъ извѣстіе, что преступникъ, оказавшійся нѣкинъ В. Пильнеленъ, задержанъ. Извѣстно также, что

Нильпель выдалъ лицъ, дѣйствовавшихъ съ нимъ за одно, и что по его ^Оговору арестовано было двое главарей лейпбергской ортодоксіи; дальнѣйшихъ свѣдѣній объ исходѣ печальнаго дѣла автору этого интереснаго очерка не удалось раздобыть...

Статья: «Изъ записной книжки одного писателя», авторъ коей скрылся подъ псевдонимомъ Intimus, представляетъ собою обзоръ нѣкоторыхъ замечаній еврейской реакціонной печати за 1888 и 1889 гг. («Гакеремъ», разные газетныя вылазки противъ интеллигенціи и образованія и т. п.). Въ общемъ, критическія сужденія псевдонимнаго автора содержатъ много дѣльнаго, и съ большинствомъ его выводовъ нельзя не согласиться. Недоумѣніе возбуждаютъ въ насъ только замѣчанія критика, по поводу серьезно трактованнаго еврейскою печатью въ 1889 году вопроса о ^{שבת}. Какъ извѣстно, названный годъ былъ такъ наз. *субботнимъ*, когда по еврейскому законодательству полагается отдыхъ почвѣ Палестины и воспрещается производство земледѣльческихъ работъ. Соблюденіе предписаній насчетъ шемиты, конечно, весьма невыгодно отразилось бы на экономическомъ положеніи палестинскихъ колоній, еще только начинавшихъ тогда развиваться, а потому передъ раввинами возбужденъ былъ вопросъ о желательности разрѣшенія ими безостановочнаго продолженія работъ въ колоніяхъ; вопросъ этотъ живо занималъ еврейскихъ писателей и породилъ у насъ цѣлую литературу. Извѣстно, что ерусалимскіе раввины и противники колонизаціи отказали въ своемъ разрѣшеніи, отъ нѣкоторыхъ же авторитетныхъ нашихъ раввиновъ удалось получить рѣшеніе въ благопріятномъ для интересовъ колонистовъ смыслѣ, и такимъ образомъ вопросъ этотъ, нѣтъ ли въ то время животрепещущій для колонизаціоннаго дѣла интересъ, былъ благополучно разрѣшенъ. Какъ было нами указано, еврейскіе писатели палестинфильскаго лагеря въ томъ году удѣлили значительное вниманіе вопросу о ^{שבת} и потратили много силъ и энергіи на то, чтобы убѣдить раввиновъ въ желательности отиѣны постановленій о субботнемъ годѣ. Положеніе, занятое по данному вопросу представителями еврейской печати, даетъ поводъ г-ну Intimus'у къ слѣдующему замѣчанію: «Роль раввиновъ въ настоящемъ случаѣ меня вообще не удивляетъ... Раввины знаютъ только одно: такъ молъ «написано» и такový «день». Чего имъ нужно болѣе? По ихнему—пускай лучше перевернется весь міръ, лишь бы не пострадала одна буква изъ того, что «написано». Съ этой точки зрѣнія, правы были во всей этой контрверсѣ раввины,—какъ тѣ, что высказывались въ положительномъ смыслѣ, такъ и тѣ, которые склонялись къ отрицательному рѣшенію вопроса,—если только, разунѣтса, они

обсуждали его добросовѣстно, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Но наши писатели «насклики»? Вѣдь они въ душѣ не признаютъ всѣхъ этихъ бессмысленныхъ постановленій (!), какъ же могли они вообще признавать за раввинами, или кѣмъ бы то ни было, право—виѣшиваться въ это дѣло и рѣшать его такъ или иначе? Какъ могли они играть комедию, унизаться предъ раввинами, чтобы добиться какого то разрѣшенія? Намъ кажется, что какъ люди просвѣщенные, живущіе въ концѣ XIX стол., какъ люди, съ сердцемъ, умомъ, съ любовью къ правдѣ, они должны были сами рѣшить этотъ вопросъ, и обойтись безъ разрѣшенія со стороны раввиновъ. Они должны были обратиться безъ всякихъ обиняковъ къ раввинамъ со слѣдующимъ и т. д.». Затѣмъ идетъ властная нашими авторомъ въ уста интеллигенціи грозная рѣчь, содержаніе которой можно свести къ восклицанію: «руки прочь!» Въ прежнія времена наши интеллигенты, по нѣжной критикѣ, непрестанно сказали бы нѣчто подобное по адресу раввиновъ,—теперь же, то положеніе, которое заняли въ этомъ вопросѣ еврейскіе писатели,—есть, по его сужденію, одно изъ проявленій реакціи, съ такою силою дающей себѣ знать въ еврейской жизни съ конца 80-хъ гг. Врядъ-ли возможно признать правильными нападки нашего автора на представителей еврейской печати за ихъ поведеніе въ данномъ случаѣ; невозможно также согласиться съ объясненіемъ, даваемымъ имъ этому несимпатичному на его взглядъ поведенію ихъ. Кличь: «руки прочь» по адресу раввиновъ, умістный, можетъ быть, въ области вопросовъ личной жизни, личныхъ интересовъ индивида,—никонимъ образомъ не можетъ быть рекомендованъ въ сферѣ интересовъ и вопросовъ, имѣющихъ общественное значеніе. Въ дѣлахъ, претендующихъ на такого рода характеръ и значеніе,—а такіе именно, конечно, считали колонизаціонное дѣло тѣ еврейскіе писатели, которые ратовали за отиѣну «шемитъ»,—въ такого рода дѣлахъ необходимо считаться съ религиозными убѣжденіями массы, съ тѣми нормами и институтами, которые далеко еще не потеряли значенія въ ея глазахъ... Тутъ натискъ и быстрота могутъ только повредить дѣлу, и врядъ-ли найдется еще одна область, въ которой нравственное чутье и требованія цѣлесообразности настолько оправдывали-бы необходимость компромиссовъ и уступокъ,—какъ та, о которой мы говоримъ. Конечно, тѣмъ, кого нынѣ такъ строго осуждаетъ г. Intimus, проще всего было бы, испустивъ рекомендуемый имъ боевой кличь, своею властью вычеркнуть изъ религіознаго законодательства предписанія о «шемитѣ» и распорядиться черезъ кого слѣдуетъ, о безостановочномъ продолженіи работъ въ колоніяхъ. Но какъ отразился-бы рекомендуемый нашими критикомъ рецептъ на

дальнѣйшемъ ходѣ колонизаціоннаго дѣла, существующаго и развивающагося на средства обширной массы плательщиковъ и жертвователей, изъ той среды, въ глазахъ которой равнины и религиозныя предписанія пользуются авторитетомъ?.. Развѣ такой способъ дѣйствій не привалъ бы къ полному дискредитированію колонизаціоннаго дѣла въ глазахъ массы, на средства которой последнее опирается, развѣ онъ не вызвалъ бы полнаго крушенія того дѣла, за которое заступались критикуемые г. Intimus писатели? Стало бытъ, то объясненіе, которое нашъ авторъ даетъ роли названныхъ писателей въ данномъ инцидентѣ, теряетъ почву. Увлеченіе стремленіемъ искать и находить во всемъ признаки усиливающейся въ еврейской средѣ реакціи,—г. Intimus усматриваетъ проявленіе послѣдней въ такомъ явленіи, которое гораздо проще объясняется указанными нами соображеніями и никакого отношенія къ «шествию въ Каноссу» не имѣетъ.

Если г. Intimus когда-либо продолжитъ свои литературныя наблюденія и доведетъ ихъ до 1896 г., то онъ съ гораздо большимъ правомъ счумѣетъ отнести къ знаменію реакціи въ еврейской литературѣ—помѣщенную въ «Газетонѣ» статью Н. Слоуща: שו"ת לטעמך. Навадки г. Слоуща на нашу литературу и интеллигенцію 60—70-хъ гг. оказываются настолько избитыми, что останавливаться на нихъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что тѣ практическіе выводы, къ которымъ послѣ цѣлаго ряда громовыхъ филиппикъ приходитъ нашъ авторъ,—такъ скромны и незначительны, что невольно вызываютъ мысль о горѣ, родившей мышь...

Беллетристика «Газетона»—это беллетристика того «новаго направленія», о которомъ мы упоминали выше по поводу статьи г. Цитрона, помѣщенной въ «Пардесѣ». Единственный во всемъ сборникѣ рассказъ, окрашенной бытовымъ колоритомъ,—небольшой очеркъ г. Абрамовича-Гинцбурга: «Отъ тьмы къ свѣту», рисующій горести и радости жизни бѣднаго, забитаго меланеда. Весьма недуренъ былъ-бы другой рассказъ того-же автора «לשון רצון» (стр. 81—88), еслибъ онъ не былъ испорченъ придуманною авторомъ неожиданною и претендующею на эффектъ развязкою. «Юристъическій» очеркъ г. Шульмана: «לון הורה וזו שררה» содержитъ слишкомъ мало настоящаго юмора, мѣсто котораго здѣсь заступаетъ остроуміе довольно пошлаго свойства. Кромѣ названныхъ вещей, а также стихотвореній, (среди которыхъ попадаетъ нѣсколько весьма недурныхъ), остальная беллетристика «Газетона» представляетъ собою море любовныхъ чувствъ и связанныхъ съ послѣдними радостей, восторговъ, мукъ и разочарованій. Очеркъ Бенъ-Авигдора «Изъ-за пустяковъ»—варіація на тему

е счастья, которое было близко и возможно,—и такъ безумно разбито самими же любящими. Одинъ разъ въ году, въ концѣ сентября, въ условленную мѣстѣ,—въ скрытомъ углу пригороднаго сада, сходятся Максъ и Клара. Оба они достаточно потерты и изучены жизнью, невзгоды и испытанія наложили на лица ихъ печать усталости и разочарованія, которая такъ гармонируетъ съ тусклою осеннею природою. А было время, когда они были молоды и хороши собою. Счастье тогда улыбалось имъ: Максъ и Клара полюбили другъ друга со всею силою первой любви; близился нетерпѣливо ожидаемый ими день ихъ свадьбы. Но мало по малу, когда первый любовный пылъ понемногу остывалъ, въ отношеніяхъ между женихомъ и невестой начали обнаруживаться разногласія, которыя становились все рѣзче. Принципиальныхъ разногласій между ними не было, но въ Кларѣ и Максѣ абсолютно отсутствовало умѣніе уступать другъ другу, хотя бы и въ пустякахъ. Напр. читаютъ они вмѣстѣ книжку: онъ отвѣтается о ней такъ, она иначе,—ссора, доводящая обонхъ до озлобленія. Продолжая въ сущности любить другъ друга, Максъ и Клара портятъ свои отношенія безконечными препирательствами изъ за всякаго вздора. Наконецъ, взаимное озлобленіе доходитъ до того, что въ одинъ злосчастный сентябрьскій день, спустя полтора года послѣ ихъ объясненія въ любви, наши женихъ и невеста окончательно расходятся; причиною разрыва послужило то, что когда Максъ предложилъ непремѣнно пройти вмѣстѣ прогуляться, Клара во что бы то ни стало потребовала, чтобы они отправились въ театръ. Они расходятся въ разныя стороны, унося каждый въ душѣ печаль и терзанія, такъ какъ по прежнему любятъ другъ друга. Онъ затѣмъ женился на другой, былъ несчастливъ въ бракѣ; несчастливъ былъ и второй бракъ его, кончившійся разводомъ. Онъ позналъ горе и нужду и, вернувшись въ родной городъ, сталъ учителемъ. Клара тоже дважды была замужемъ, перенесла много горя, и теперь она одинока и живетъ въ томъ же городѣ, гдѣ находится Максъ и гдѣ много лѣтъ назадъ разыгрался ихъ печальный романъ. Круглый годъ они не видаются,—только въ годовщину того дня, когда произошелъ между ними разрывъ, они сходятся въ саду, гдѣ вышла у нихъ послѣдняя роковая ссора, и здѣсь оплакиваютъ свою прошлую любовь. Они оба постарѣли; любовь испепелилась въ усталыхъ сердцахъ ихъ и не можетъ уже возродиться вновь; но въ нихъ живетъ воспоминаніе объ этой разбитой любви, и ихъ мучительно гложетъ сознаніе того, — какъ счастливы могли бы они быть, еслибъ не разрушили «изъ за пустяковъ» своей судьбы. Прошлое не можетъ вернуться. Пожелтѣвшія листья деревьевъ, замирающее лѣто дополняютъ сцену поминковъ любви, рисуемую авторомъ.

Потомъ Максъ и Клара расходятся съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ вновь встрѣтиться на этомъ мѣстѣ, гдѣ похоронена ихъ любовь... Мы не будемъ останавливаться надъ тѣмъ, какъ элементарны художественные приемы изложеннаго нами разсказа, какъ мало истинной поэзіи въ повѣствовательной манерѣ разсказчика, наконецъ—насколько шаблоненъ и избитъ самый сюжетъ разсказа; мы бы хотѣли только указать,—какъ мало чертъ бытоваго характера во всей этой трагикомической исторіи, въ которой кромѣ еврейскихъ (и то на половину сомнительныхъ) имѣть героевъ ничего еврейскаго, ничего такого, чего мы вправѣ требовать отъ *еврейскаго беллетриста*, рѣшительно не оказывается. О разбитой любви повѣствуетъ и г. Гольдинъ въ своемъ разсказѣ: «Дочь хасида» (стр. 40—59). Героиня разсказа—красавица Сарра, единственная дочь добродушнаго, богобоязненнаго и почитаемаго всѣми обывателями городка хасида Шмарин; родители, конечно, души не чаютъ въ Саррѣ. Въ домѣ хасида царятъ счастье и миръ; но съ прїѣздомъ одного новаго лица въ городокъ, семью Шмарин постигаетъ несчастье и позоръ. Этотъ новый, выступающій въ разсказѣ герой—сынъ сосѣда Шмарин, сапожника Екеля; много лѣтъ тому назадъ Берель написалъ своему отцу изъ ешибота въ Мирѣ, гдѣ онъ тогда обучался,—что рѣшилъ поступить въ гимназію. Екель, гордившійся своимъ сыномъ, мечтавшій узрѣть въ немъ когда либо великаго раввина, былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, проклялъ сына и считалъ его отнынѣ какъ бы умершимъ. Теперь Берель, спустя много лѣтъ, возвращается въ родной городокъ въ качествѣ врача Бориса Яковлевича; отецъ, скрѣпя сердце, примиряется съ сыномъ. Молодой врачъ бываетъ въ домѣ Шмарин; Сарра, конечно, увлекается имъ; Борисъ объясняется ей въ любви. Родители Сарры, разумѣется, недовольны такимъ женихомъ, въ религіозности котораго они имѣютъ основаніе сомнѣваться, имъ далеко не улыбается мысль — породниться съ сапожникомъ Екелемъ; но благодаря ушвію и находчивости шадхена Гимпеля, эти препятствія устранены, и Сарра помолвлена съ молодымъ докторомъ. Она на вершѣ счастья. Борисъ Яковлевичъ, ставъ женихомъ, «по новомодному» поселяется на короткое время въ домѣ Шмарин; родители Сарры, которымъ не нравятся такіе новые порядки, весьма рады, когда женихъ вскорѣ уѣзжаетъ на время для устройства своихъ дѣлъ: ему необходимо избрать какой либо пунктъ, чтобы поселиться въ немъ для врачебной практики. Проходить нѣсколько недѣль, Сарра ждетъ письма отъ жениха; но никакихъ извѣстій отъ него нѣтъ. Не заболѣлъ ли онъ? Она тревожится; дни идутъ за днями, Сарра таетъ и чахнетъ,—вѣстей отъ Бориса Яковлевича нѣтъ. Наконецъ она узнаетъ, что онъ прельстился бога-

тытъ приданный в нолковился съ другомъ. Сарра заболѣваетъ съ горя,— и къ довершенію всего оказывается, что она—обольщена врачомъ...

Нѣкоторое, хотя и слабое утѣшеніе нашей бѣдной дипломированной интеллигенціи, такъ жестоко постражденной разсказомъ г. Гольдина о подвигѣ одного изъ ея членовъ, — даетъ другой, помѣщенный въ томъ же сборникѣ разсказъ г. Зингера: «Муки любви» (стр. 91—100), который по сюжету отчасти напоминаетъ первый. Ривка, героиня этого разсказа, — дочь небогатыхъ и простыхъ родителей. Въ домѣ ихъ разъ въ недѣлю бываетъ къ обѣду молодой ешиботникъ, р. Аронъ, столующійся, по обыкновенію, «по днямъ». Ребъ Аронъ пользуется въ городѣ славой «илуя», онъ — гордость ешибота, къ тому же и хорошъ собою. Ривка мало по малу влюбляется въ него; она едва въ силахъ дожидаться того «дня», когда онъ посѣщаетъ ихъ; сердце ея мучительно-сильно бьется при входѣ молодого ешиботника. Легко представить себѣ восторгъ Ривки, когда разъ отецъ спрашиваетъ ее: желаетъ ли она выйти замужъ за ребъ Арона? Она сначала не вѣритъ возможности такого счастья. Помолвка состоялась; отецъ невесты обѣщаль за нею р. Арону четыреста рублей приданого. Ривка — наверху блаженства; Аронъ, о бракѣ съ которымъ она не смѣла и мечтать, любитъ ее. Онъ, конечно, перестаетъ столоваться у постороннихъ; по субботамъ и праздничнымъ днямъ, когда женихъ приходитъ въ домъ невесты, послѣдняя — счастливейшая изъ смертныхъ. Родители Ривки любить, какъ сына, р. Арона и гордятся будущимъ мужемъ ихъ дочери. Затѣмъ отецъ Ривки умираетъ; со смертью кормильца, семья его впадаетъ въ нищету, о приданомъ для Ривки и думать ничего, — и ешиботникъ отсылаетъ ей обратно «тшонитъ». Всѣ мольбы ея остаются тщетными, р. Аронъ и знать не хочетъ поверженную въ отчаяніе Ривку... Такимъ образомъ, богобоязненный ешиботникъ р. Аронъ — до известной степени собрать интеллигента Бориса Яковлевича; конечно, дѣяніе врача въ разсказѣ г. Гольдина далеко оставляетъ за собою поступокъ ешиботника въ разсказѣ г. Зингера, но все таки они — какъ бы одного поля ягоды, что хоть нѣсколько въ состояніи приободрить нашихъ интеллигентовъ, которые вѣроятно, почувствуютъ себя крайне смущенными при чтеніи «Дочери хаида»...

Таковъ отдѣлъ разсказовъ въ «Газмонѣ». Бѣдная еврейская беллетристика!...

III.

Отдѣлъ критики въ «Газмонѣ», сверхъ нѣсколькихъ рецензій г. Зусмана, представленъ обширною статьею г. *И. Клаузнера*, подъ назва-

нѣтъ: «הַרְשָׁה הַזֵּה» («Разныя вѣянія»). Критическій этюдъ г. Клаузенера образуетъ особое приложение къ «Газетонъ», снабженное отдѣльною пагинаціею. Но прежде чѣмъ перейти къ этому произведенію, намъ бы хотѣлось отиѣтити другую, помѣщенную въ самокъ «Газетонѣ», статью того же автора, подъ громкимъ названіемъ: «הַרְשָׁה הַזֵּה» (т. е. «Духовная борьба»). Статья эта, какъ указываетъ авторъ, представляетъ собою торжественную рѣчь, читанную нѣ въ праздникъ Маккавеевъ, въ Одессѣ. «Духовная борьба»—это борьба между еврейскимъ духомъ и эллинскимъ, которая, по мнѣнію нашего автора, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію еврейства. По своеобразной философіи исторіи г. Клаузенера, греки—носители культа разума, въ противоположность культу нравственности, олицетворяемому евреями. При столкновеніи этихъ двухъ противоположныхъ началъ, въ эпоху Маккавеевъ, еврейство вышло побѣдителемъ изъ духовной борьбы. Разнесши въ пухъ и прахъ зловредный эллинскій духъ и блеснувъ предъ слушателями обильнымъ рядомъ громкихъ литературныхъ именъ, г. Клаузнеръ перескакиваетъ къ арабско-еврейскому періоду, гдѣ снова усматриваетъ столкновение между еврейскимъ духомъ и эллинскимъ, въ которомъ опять таки еврейство одержало побѣду, повиная мудрому правилу: *natura regendo imperatur*. Въ извѣстныхъ опустошеніяхъ, испытанныхъ нѣмецкими евреями въ концѣ прошлаго вѣка, ораторъ видитъ гибельное воздѣйствіе того же эллинизма, съ которымъ не въ силахъ было бороться тогдашнее германское еврейство. Нынѣ, по мысли г. Клаузенера, еврейству снова грозятъ опасность со стороны все того же злокозненнаго эллинскаго духа: гроза надвигается теперь не изъ Лонна или Берлина, а изъ современной столицы эллинизма—Парижа. «Грубый матеріализмъ, порча нравовъ, упадокъ морали и легкомысліе распространяются изъ Франціи—современной Греціи — повсюду и уже доходятъ до насъ...» (стр. 70). Итакъ, намъ снова предстоитъ наша старинная «духовная борьба» съ эллинизмомъ, воспринявшимъ обольстительную парижскую форму. Готовы-ли мы къ этой борьбѣ? Воспринимаемъ ли мы, подобно нашимъ предкамъ арабско-еврейскаго періода, эллинскій духъ, съ тѣмъ чтобы, переработавъ его на еврейскій ладъ, укрѣпить нашу національную духовную силу?! Увы! нѣтъ. «Гдѣ нашъ еврейскій Гомеръ, вопрошаетъ г. Клаузнеръ: гдѣ еврейскіе Софокль, Эврипидъ, Овидій и Вергилій?.. Гдѣ еврейская книга, нѣсколько напоминающая Фауста, гдѣ еврейское произведение вродѣ Вертера?.. Почему нѣтъ въ нашей литературѣ и «доли» Мопасана и т. д.?» (стр. 71). Но тутъ г. Клаузнеръ, смохватившись, что желаніе его узрѣть въ еврейской литературѣ «хотя бы

делю Мопасана» какъ-то плохо вяжется со всѣмъ тѣмъ, что на предыдущей страницѣ ваговорено итъ было относительно «распущеннаго французскаго духа»,—спѣшить оговориться: «Упаси насъ Богъ уподобить Израиль французскому народу; мы должны постоянно помнить, что нашъ долгъ—хранить мораль и чистоту нравовъ, и что Израиль долженъ служить могучиѣмъ противовѣсомъ нечисти, исходящей изъ Парижа» (ibid.)—«Точна зрѣнія наша на чувственность, разумѣтся, будетъ иная, нежели воззрѣнія Мопасана и т. д.» (стр. 72). Выходить, такимъ образомъ, что г. Клаузнеръ требуетъ отъ еврейской литературы чего то вродѣ, если позволительно сказать,—кошернаго Мопасана. Рѣчь г. Клаузнера заканчивается воинственнымъ призывомъ къ борьбѣ съ французскимъ духомъ, къ усвоенію того же мудраго правила: «*natura pagendo imperatur*», которыми руководили наши писатели и ученые арабскаго періода и къ созданію еврейской литературы, которая дала бы полное выраженіе «всѣмъ душевнымъ движеніямъ, всѣмъ страстямъ, порывамъ, мечтаніямъ» и т. д. Начало такой, прозвѣвающей нашиѣмъ авторомъ, еврейской литературы новаго направленія г. Клаузнеръ уже усматриваетъ, между прочимъ,—въ рассказахъ гг. Гольдина и Бенъ-Авидора и въ стихотвореніяхъ гг. Бялика и Черниховскаго (т. е. въ произведеніяхъ сотрудниковъ «Газмана»).

Мы, конечно, не будемъ касаться философіи исторіи г. Клаузнера, заключающейся въ его рѣчи, ибо извѣстно, что весьма многое, что никогда не было бы прочтено въ книгѣ или статьѣ, обыкновенно прощается въ «торжественной рѣчи», да къ тому еще на праздничную тему, какъ въ данномъ случаѣ (хотя, замѣтить въ скобкахъ, не всякое такого рода произведеніе принято превращать въ журнальную статью). Разглагольствованія же г-на Клаузнера на тему о необходимыхъ еврейской литературѣ Эврипидахъ, Софоклахъ etc. заслуживаютъ того, чтобы нѣсколько на нихъ остановиться, ибо они представляютъ собою типичный приѣмъ тѣхъ неумѣренныхъ претензій и требованій, которыя въ послѣднее время такъ участились въ еврейской литературѣ, исходя преимущественно со стороны новѣйшихъ нашихъ критиковъ. Подумайте серьезно: наша беллетристика такъ бѣдна, наши бытописатели въ большинствѣ случаевъ обнаруживаютъ такое неумѣніе справиться съ относительно крохотными и несложными явленіями жизни нашего родного муравейника, — а тутъ требуютъ отъ нашей литературы, во что-бы то ни стало, Софокловъ, Гомеровъ, Эврипидовъ, Гете и т. п. Еврейская читающая публика тщетно ищетъ въ произведеніяхъ нашихъ новѣйшихъ беллетристовъ настоящей еврейской жизни, бытовой правды,—и повѣрьте, г. Клаузнеръ: явись въ рядахъ современныхъ

нашихъ беллетристовъ писатель, который сьумѣлъ бы разобраться хотя бы въ явленіяхъ нашего быта, начертать хотя бы нѣсколько подходящую къ дѣйствительности картину ихъ,—еврейскій читатель сказалъ бы ему большое спасибо и былъ бы весьма доволенъ, ибо о Гомерахъ и Эврипидахъ намъ мечтать не приходится. Загнѣйте, дайте, какой сунбуръ всѣ эти безпочвенныя претензіи насчетъ талантовъ непремѣнно первоклассной величины производить въ критическихъ сужденіяхъ новоявленныхъ еврейскихъ Аристарховъ, затеняя ту относительную точку зрѣнія, въ которой невозможно здравое обсужденіе явленій нашей литературы. А. не выдерживаетъ критики въ сравненіи съ Гете,—ату его! Б. несоизмѣривъ съ Шиллеромъ—раскажитесь его за такую вину! Таковы печальные критическіе приемы, участвовавшіе въ послѣднее время въ еврейской литературѣ и направляющіеся преимущественно изъ лагеря приверженцевъ какого то «новаго слова», о которомъ такъ много стали толковать нынче въ еврейской печати... Свообразное критическое произведеніе представляетъ собою и приложенный къ «Газетону» этюдъ г. Клаузнера: «תשובה לפרדס», который посвященъ разбору первыхъ двухъ выпусковъ «Пардеса». Мы далеки отъ намѣренія вдаваться въ подробный разборъ обширнаго критическаго этюда г. Клаузнера, занимающаго безъ малаго сто страницъ: критиковать критику—трудъ крайне неблагоприятный, да и мало интересный для читателей. Не вдаваясь въ излишнія частности, укажемъ только на общій характеръ произведенія г. Клаузнера. Прежде всего поражаетъ читателя многословіе нашего автора; по поводу cadaго ничтожнаго пункта, безразличнаго значенія разбираемаго имъ писателя,—нашъ критикъ пускается въ обширныя, чаще всего крайне туманныя размышленія. Далѣе, г. Клаузнеръ обнаруживаетъ особенное пристрастіе къ громкимъ именамъ и иностраннымъ словамъ, причѣмъ послѣднія модифицируются имъ на еврейскій ладъ такъ, что часто не съ перваго разу поймешь, какое собственно слово имѣлъ въ виду нашъ авторъ. Каждая страница его этюда настолько пестритъ барбаризмами и именами великихъ писателей и мыслителей, что обыкновенному читателю, должно быть, жутко становится при чтеніи этого произведенія. Критическіе приемы г. Клаузнера не всегда обнаруживаютъ въ немъ извѣстную разборчивость. Приведемъ нѣкоторый примѣръ: въ первомъ выпускѣ «Пардеса» помѣщена была критическая статья С. Л. Цитрона: «Литература и жизнь», — статья съ ясно выраженою тенденціею, такъ что насчетъ послѣдней особенныхъ недоразумѣній быть не могло. Между прочимъ, г. Цитронъ ставилъ въ вину еврейскимъ литераторамъ 60—70-хъ гг. то, что они проводили въ своихъ произведеніяхъ тенденціи Добролю-

бова, Писарева и т. п. Правъ ли былъ г. Цитронъ, попрекая этии тогдашнюю еврейскую литературу,—это, конечно, вопросъ, сюда не относящійся. И вотъ, г. Клаузеръ, ничто же сумняшеса, обвиняетъ г. Цитрона (разумеется, безъ всякихъ подтвержденій своей мысли) въ повтореніи идей Добролюбова и т. п.!... Курьезнѣе всего, наконецъ, то, что г. Клаузеръ, языкъ котораго представляетъ положительно какую то невозможную тарбарщину, ставитъ каждому разбираемому ниъ писателю отиѣтку за слогъ и знаніе еврейскаго языка, съ непонятною мелочностью придирается къ каждому lapsus linguae, всюду ищетъ неудачныхъ выраженій и погрѣшностей противъ грамматическихъ правилъ.

Критикъ, между прочимъ, подробно останавливается на разсказахъ Менделе-мойхеръ-сфоримъ (С. Я. Абрамовича), помѣщенныхъ въ первыхъ выкусахъ «Пардеса», и пытается на основаніи этихъ, а также и другихъ произведеній названнаго беллетриста, нарисовать литературный портретъ его. При чтеніи этого мѣста статьи г. Клаузнера намъ невольно вспомнилась блестящая характеристика Менделе-мойхеръ-сфоримъ, сдѣланная недавно г-номъ Д. Фришманомъ въ «Литературныхъ письмахъ» его, о которыхъ мы говорили въ апрѣльской книгѣ «Восхода». Вспомнилась, разумеется, къ невыгодѣ г. Клаузнера. Последний обнаруживаетъ слишкомъ мало здраваго критическаго чутья, которое облегчало бы ему пониманіе своеобразнаго и крупнаго дарованія г. Абрамовича. Нашъ критикъ замѣчаетъ только смѣхъ Менделе-мойхеръ-сфоримъ и совершенно не чувствуетъ той глубокой скорби, которая у нашего беллетриста скрывается за этии видимыи смѣхомъ: «Когда ребъ-Менделе насмѣхается,—говоритъ г. Клаузеръ,—онъ забываетъ обо всемъ, забываетъ даже о правдѣ и справедливости, даже о своихъ личныхъ взглядахъ—изъ-за краснаго слова, изъ-за полноты шутки» (стр. 58). Въ подтвержденіе такого своего взгляда на С. Я. Абрамовича, критикъ приводитъ—извѣстный разсказъ послѣдняго: «שׁוּרֵי הַיּוֹם» («Во дни смятенія»). Описываемые г. Абрамовичемъ «дни смятенія»—это памятная эмиграціонная горячка, овладѣвшая года 4 назадъ бѣднѣйшею частью еврейскаго населенія, въ связи съ возникновеніемъ одесскаго комитета и съ разрѣшеніемъ вновь доступа евреямъ въ Палестину. Какъ извѣстно, всѣ эти указанная и инныя обстоятельства создали почву для нелѣпныхъ представленій о какой-то «коловинѣ», уготованной «комитетомъ» для всякаго желающаго переселиться въ Палестину, и результатомъ этого явилось безпорядочное и стадное движеніе въ «арецъ Исрозель» цѣлаго легіона стариковъ, разнаго рода инвалидовъ, нищихъ, — сопровождаемыхъ кучаши малолѣтнихъ

дѣтей. Къ чему привелъ этотъ напоръ элемента, абсолютно непригоднаго для задачъ колонизаціи, сколько горя и заботъ принесть онъ и какъ это шальное движеніе чуть было не подорвало въ корнѣ все палестинское дѣло, — достаточно извѣстно всѣмъ, слѣдившимъ за тогдашними событіями. На канвѣ этихъ, напѣченныхъ нами вскользь, происшествій, С. Я. Абрамовичъ въ названномъ разсказѣ рисуетъ похождения двухъ новоявленныхъ «эмигрантовъ»-батлоннѣ: мелаида р. Лейба и книгоноши р. Менделе, покинувшихъ свои насиженные мѣста въ г. Кабциелѣ въ порогѣ за «колонию», ждущей каждаго изъ нихъ въ Св. Землѣ. Это — пара старикъ, драхлыхъ, неспособныхъ къ тяжелому земледѣльческому труду евреевъ; но и они, подобно многимъ другимъ, двинулись въ приморскій городъ Шихоръ, гдѣ, говорятъ, воссѣдаетъ «комитетъ», немедленно выдающій каждому желающему бумагу на полученіе «мѣнѣя», обрабатывать которое, разумѣется, будутъ наемные арабы-работіе... Излагать описываемыя Абрамовичемъ похождения этихъ двухъ батлоннѣ въ Шихорѣ мы не будемъ; когда р. Лейбъ и ребъ Менделе являются къ «распорядителю колоній», старику Карлинеру, тотъ съ грустью смотритъ на этихъ «эмигрантовъ», и изъ груди его вырывается тяжелый стонъ; онъ разъясняетъ имъ всю негѣлость ихъ предположеній; дѣло, разумѣется, кончается для нихъ полнымъ разочарованіемъ, и они отправляются обратно въ Кабциелъ. — Въ этомъ разсказѣ г. Абрамовича, гдѣ наряду съ центральными фигурами обоихъ «батлоннѣ» мастерски выведено еще и нѣсколько другихъ типовъ, — г. Клаузнеръ почему-то усматриваетъ только рядъ каррикатуръ, упрекая автора за то, что онъ рисуетъ въ лицѣ р. Лейба и Менделе предъ читателями вліяніе колонизаціонной идеи не на молодое поколѣніе, а на представителей стараго, и притомъ на худшихъ представителей послѣдняго. «Избравъ героями разсказа двухъ батлоннѣ, онъ безъ всякой нужды и пользы дѣлаетъ колонизацію Палестины постыжищемъ» (стр. 61). Такой злонамѣренный актъ г. Абрамовича критикъ его объясняетъ опять таки свойственною ему чрезвѣрною любовью къ шуткѣ, во имя которой онъ забываетъ, молъ, даже правду (стр. 62). Мы не станемъ спорить съ г. Клаузнеромъ насчетъ достовѣрности фактовъ, художественно обобщенныхъ въ разсказѣ г. Абрамовича; пускай г. Клаузнеръ внимательно прочтетъ извѣстную «Правду изъ Палестины» («*מדע למד*») Агадъ-Гаама, пускай ознакомится съ грустнымъ содержаніемъ появляющагося въ послѣднемъ выпускѣ альманаха «Ахисафъ» (стр. 205—207) письма г. Г. Айзенштадта (лица, находящагося во главѣ яффскаго исполнительнаго комитета одесскаго палестинскаго общества и стоящаго внѣ подозрѣній въ

шалестинофобскихъ тенденціяхъ), пускай онъ ознакоится со всѣми этими и иными матеріалами, сообщаемыми *комметентными* лицами, — и онъ убѣдится, сколько правды въ повѣствованіи г. Абрамовича и какъ далеко оно отъ «карикатуръ». Онъ убѣдится также въ томъ, какъ мастерски сдѣлалъ Менделе-мойхеръ-сформъ въ этомъ маленькомъ художественномъ произведеніи воплотить наше роковое зло, сводящееся къ «шнорерству» и отсутствію дисциплины,—то зло, которое тормозитъ осуществленіе всякой высокой мысли объ устройствѣ для насъ какого либо «угла», — въ Аргентинѣ-ли, въ Палестинѣ, или гдѣ бы то ни было... Тогда г. Клаузнеръ, можетъ быть, пойметъ то чувство глубокой грусти, какое во всякомъ вдумчивомъ читателѣ оставляетъ названный рассказъ г. Абрамовича, пойметъ, что это впечатлѣніе есть результатъ чувства печали рассказчика, скрывающагося за вѣншииъ его юморомъ, помню котораго критикъ ничего не замѣчаетъ. Въ заключеніе своего очерка о Менделе-мойхеръ сформъ, г. Клаузнеръ, по своему обыкновенію, съ комичною важностью дѣлаетъ названному беллетристу нѣсколько наставленій насчетъ слога его, т. е. насчетъ того, что составляетъ одну изъ прелестей рассказовъ Менделе; послѣдній получаетъ выговоръ за то, что онъ пишетъ на своемъ, неподражаемомъ по колоритности и иѣткости, языкѣ, а не на томъ, какинъ оперируетъ г. Клаузнеръ. Впрочемъ, критикъ выражаетъ надежду, что Менделе постарается «улучшить свои рассказы и еще болѣе усовершенствовать ихъ» (стр. 68).

Чтобы покончить со своеобразнымъ критическимъ этюдомъ г. Клаузнера, отиѣтитъ еще неприличную выходку его по адресу С. М. Дубнова (стр. 83—86), ограничиваясь однимъ констатированіемъ ея и не вдаваясь, разумеется, въ защиту г. Дубнова, которая въ данномъ случаѣ, конечно, была бы только оскорбительной для нашего уважаемаго историка и публициста.

Тяжелое впечатлѣніе производить упрочившіеся въ послѣднее время въ еврейской литературѣ критическіе приемы, отчасти сквозящіе и въ разбираемомъ нами произведеніи. Г-въ Врайнигъ рассказываетъ, что прийдя въ первый разъ къ покойному Л. Гордону, онъ встрѣченъ былъ въ передней неказистой служанкою, отсюда-де напрашивается предположеніе о томъ, что въ Гордонѣ неразвито было чувство изящнаго,—и онъ слышитъ оповѣстять объ этомъ еврейскую публику, какъ бы въ подтвержденіе того, что Гордонъ—не поэтъ¹... Тотъ-же критикъ, положивъ на одну чашку въ-

¹ См. „пѣснѣ“, кн. I, стр. 62 и слѣд.

совъ Брандеса и Тэна, а на другую—П. Смоленскаго, разносить послѣд-
няго въ пухъ и прахъ. (Нынѣ г. Брайнинъ, судя по его заявленію, по-
явившемуся въ еврейскихъ газетахъ, готовить критико-біографическій этюдъ
о покойномъ Малу; по упомянутымъ выше прецедентамъ легко догадаться,
какъ достанется бѣдному еврейскому романисту!). Если г. Клаузнеръ, нѣ-
сколько времени назадъ, напротивъ того, поставилъ Гордона въ одинъ
рядъ съ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гете, то—согласитесь, — при всемъ
различіи пріемовъ, это—обратная сторона одного и того же явленія, пред-
ставленнаго новѣйшею еврейскою критикою. Нынѣ г. Клаузнеръ покрови-
тельственно третируетъ С. Я. Абрамовича и позволяетъ себѣ безцеремон-
ныя вылазки противъ писателей, въ которыхъ иначе, какъ съ уваженіемъ,
относиться нельзя.. Лучшія имена, которыя съ гордостью насчитываетъ
еврейская литература, нынѣ безпардонно поносятся вширь и вкось, во имя
какихъ-то инеическихкихъ «новыхъ словъ», общаемихъ «молодыми» крити-
ками и писателями. «Старое» подвергается беспощадному осужденію, а
«новыя слова» покуда дальше обѣщаній и безпредѣльныхъ претензій не
идутъ. Да и явятся-ли они когда либо на свѣту тому, что такъ легко-
мысленно признается отжившимъ и устарѣлымъ?.. Все это было бы сѣшно,
еслибъ не было такъ грустно.

С. Гинзбургъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

מגלות. ה. כאת מ' עברי' כ' כ' («*Зихронотъ міомимъ овори*»
т. е. *Воспоминанія прошлоаго. X. Маргольеса. Варшава. 71 стр.*).

Наша литература воспоминаній отличается поразительною бѣдностью. Въ то время какъ во всякой другой литературѣ вы найдете обильный запасъ всякаго рода мемуаровъ, дневниковъ и т. п. произведеній, — этому литературному жанру у насъ особенно не повезло. Тѣ немногіе изъ нашихъ писателей, которые брались за составленіе или обнародованіе своихъ записокъ и воспоминаній, — всегда относились къ этому дѣлу съ какою то фатальною небрежностью и никогда не доводили его до конца. И что всего поразительнѣе, — это были лица, со стороны которыхъ всякій вправѣ былъ ожидать пониманія того, какой интересъ и значеніе для будущаго историка русско-еврейской культурно-общественной жизни представляютъ подобныя воспоминанія и свидѣтельства очевидцевъ и дѣятелей тѣхъ или другихъ помосъ нашего прошлаго. Записки М. А. Гинцбурга, Фица и Готлобера, которыми едва ли не исчерпывается у насъ указанный родъ литературы, — всѣ одинаково остались недоконченными, и представляютъ собою лишь крошечную часть тѣхъ интересныхъ воспоминаній, которыми названные лица могли бы подѣлиться съ читателемъ. Въ данномъ случаѣ — предъ нами одно изъ безчисленныхъ доказательствъ того равнодушія къ прошлому, которыми такъ отличается мы, русскіе евреи. Конечно, не всякому суждено обладать такими богатыми запасомъ долготѣтнихъ и важныхъ наблюденій, какой достался покойному Фицу, не всякому также выпадаетъ въ уѣль — быть, подобно ему, въ тѣсномъ общеніи съ дѣльными рядомъ личностей, занимающихъ видное мѣсто въ исторіи нашей литературы и общественной жизни, принимать на пространствѣ полулѣта активное участіе во многихъ знаменательныхъ движеніяхъ нашей общественной мысли. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій, оставленный волею судьбы въ гораздо менѣе выгодное положеніе, если только обладаетъ извѣстною наблюдательностью и не замыкался всецѣло въ кругъ своихъ лич-

ныхъ интересовъ, — что всякое такое лицо могло бы изъ области своихъ воспоминаній сообщить кое что, имѣющее извѣстный историческій интересъ. Не всякій мемуаръ *въ цѣломъ своемъ составѣ* представляетъ собою первостепенной важности документъ; но въ каждомъ мемуарѣ очевидца и современника историкъ найдетъ порою весьма цѣнные указанія на тѣ или другія стороны и частности изучаемаго имъ явленія, дополняющія тотъ матеріалъ, надъ которымъ ему приходится оперировать. Въ этомъ смыслѣ литература воспоминаній и дневниковъ представляетъ весьма важное подспорье для лицъ, интересующихся прошлымъ, и нельзя не пожалѣть о крайней скудости этой отрасли нашей литературы.

Что много занимательнаго могутъ заключать и мемуары лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ въ разрядъ немногихъ выдающихся дѣятелей, съ громкими заслугами, — тому доказательствомъ служитъ содержаніе книжки, заглавіе которой нами приведено выше. Въ безкитростныхъ воспоминаніяхъ прошлаго, излагаемыхъ г. Маргольесомъ, находимъ много интереснаго матеріала бытового характера, а также относящагося къ внутренней жизни жиитомирскаго раввинскаго училища. Полу-беллетристическій очеркъ *ליל שבת*, *ליל שבת* (стр. 14—20) рисуетъ предъ читателемъ одинъ изъ прихворей той эксплуатаціи религіознаго чувства, въ цѣляхъ меркантильнаго свойства, которая такъ обычна была въ доброе старое время: Недовольный тѣмъ обстоятельствомъ, что ремесленники и иные лица изъ массы по субботамъ отправляются для покупки спиртныхъ напитковъ за черту города, откупщикъ въ В—вѣ, нѣкій гвиръ К., озабоченъ мыслью, — какъ положить предѣлъ этимъ субботнимъ прогулкамъ, невыгодно отражающимся на его карманѣ. Отъ возникшаго было у него проекта — упросить начальство, чтобы оно требовало отъ cadaго еврея, отлучающагося въ субботу за городскую черту, предъявленія паспорта, пришлось отказаться; непригодными оказываются и другія предположенія, мелькающія въ умѣ возмущеннаго откупщика. Наконецъ, у него блеснула счастливая мысль — учредить въ городѣ общество «ревнителей субботнаго отдыха», въ программу котораго входила бы, главнымъ образомъ, борьба съ загородными экскурсіями по субботнимъ днямъ. Проектъ находчиваго откупщика, благодаря поддержкѣ задобреннаго имъ даіона рець В., успѣшно приводится въ исполненіе. Возникаетъ *הבריה שבתית*, съ рець В. во главѣ, члены котораго по субботамъ держатъ въ осадѣ еврейское населеніе В—ны: обыскиваютъ карманы у cadaго еврея, появляющагося на улицѣ, строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы всякій еврей, отлучающійся въ субботу за городъ, не носилъ ничего при себѣ, и т. п. Постепенно кругъ дѣятельности *שבתית*

разростается, и къ нимъ задачамъ присоединяется строгая борьба съ много рода проявленіями свободомыслія; они стали надзирать за тѣмъ, чтобы мужчины не гуляли по улицамъ съ дамами, чтобы никто не позволялъ себѣ купаться въ Тишк-беавъ и т. д. Изложеніе порядковъ дѣятельности членовъ этого своеобразнаго общества, а также приѣмовъ борьбы, въ которую съ ними вступили, наконецъ, въ особенности ими преслѣдуемые воспитанники иѣстнаго раввинскаго училища, — читается съ большимъ интересомъ. Курьезнѣе всего то, что энергичную, — хотя конечно далеко не безкорыстную — поддержку «ревнителѣмъ субботнаго отдыха» оказывало полицейское «начальство». Слѣдующій очеркъ: "הלך בדרך" (стр. 20—26) знакомитъ читателя съ характерными для нашего прошлаго итыарстваи одного молодого человѣка, оставившаго, не имѣя въ карманѣ ни гроша, раввинское училище для того, чтобы поступить въ какой либо заграничный университетъ. Страстнаго искателя званія за рубежомъ ждали горькія разочарованія; не встрѣтивъ со стороны заграничныхъ ревнителѣй «просвѣщенія» матеріальной поддержки, онъ выноситъ рядъ испытаній, едва не умираетъ съ голоду и возвращается на родину, не добившись доступа въ храмъ науки. Въ рассказѣ г. Маргольеса о своемъ пребываніи въ юности въ Вильнѣ, (стр. 50—52) находимъ кое какія мимолетныя упоминанія о нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятеляхъ прежняго поколѣнія: А. В. Лебенсонѣ, Г. Каценелебогенѣ, В. Тугендгольдѣ, М. Плуугьянскомѣ, А. М. Дикѣ и др. Весьма жаль, что почтенный авторъ не остановился подробнѣе на этой, весьма интересной, части своихъ воспомнанавій. Значительнѣйшая часть книги удѣлена авторомъ воспомнаніямъ о годахъ ученія въ житомирскомъ раввинскомъ училищѣ. Г-нъ Маргольесъ не приводитъ даты своего поступленія въ это заведеніе, но насколько можно судить по другимъ сообщаемымъ имъ даннымъ, его рассказъ относится къ началу 60-хъ годовъ. Составъ учащихся былъ крайне пестрый; авторъ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ 22-хъ лѣтъ поступить въ 3-ій классъ раввинскаго училища, но это ничуть не умаляло его достоинства, такъ какъ не только въ этомъ классѣ, но даже въ 1-мъ и 2-мъ на одной скамьѣ съ мальчиками сидѣли взрослые люди. Между прочимъ, въ третьемъ классѣ авторъ засталъ въ числѣ своихъ товарищей нѣкоего Циринга, поступившаго въ училище чуть ли не въ годъ его открытія и просидѣвшаго тутъ уже около 15 лѣтъ. Когда начальство наконецъ исключило Циринга изъ 3-го класса, тотъ сталъ учительствовать во многихъ житомирскихъ домахъ. Встрѣтившись однажды послѣ этого съ Цирингомъ на улицѣ, рассказчикъ сталъ его разспрашивать, — какъ ему живется, на что

тотъ отвѣтилъ ему съ важностью: «Образованный человѣкъ всегда найдеть себѣ пропитаніе» (стр. 28). Значительную пестроту представлялъ составъ учащихся и въ отношеніи обладаемыхъ учениками еврейскихъ познаній: въ одномъ и томъ же классѣ, наряду съ учениками, обладавшими еще до поступленія въ раввинское училище основательными знаніемъ Мишны, Гемары и библейскаго языка, находились ученики, которымъ приходилось еще начинать съ азбукъ. Для первыхъ чтенія учителей по еврейскимъ предметамъ оказывались зачастую излишними, для вторыхъ—въ силу ихъ неподготовленности, представляли нѣчто непреодолимое. Отсюда заиѣчалось отсутствіе въ классѣ того средняго большинства, на вниманіе которыхъ могли бы расчитывать преподаватели еврейскихъ предметовъ (стр. 39—40). Но эта разнокалиберность состава учащихся, какъ передаетъ авторъ, ничуть не вредила процвѣтанію въ нихъ средѣ товарищескаго духа; напротивъ того, воспоминанія сообщаютъ рядъ интересныхъ свидѣтельствъ того, какъ силенъ былъ этотъ духъ, какъ онъ крѣпко объединялъ эту разношерстную массу учащихся и какъ сурово, съ другой стороны, послѣдніе карали тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые своими поступками роняли честь учебнаго заведенія (стр. 30—43). Впрочемъ, укрѣпленію въ средѣ раввинистовъ товарищескаго духа косвенно и далеко не мѣтя того въ виду содѣйствовалъ своею строгою политикою директоръ заведенія,—мало виѣшнившійся въ дѣло преподаванія, но почитанный на неукоснительномъ соблюденіи учащимися виѣшняго порядка. Опозданіе къ началу уроковъ, малѣйшая небрежность въ костюмѣ, беспорядочная шевелюра,—такого рода поступки вызывали съ его стороны суровую кару. Особенно же возмущали директора пререканія казенно-коштныхъ воспитанниковъ съ экономомъ изъ за недоброкачества пища или малаго разиѣра отпускавшихся порцій (стр. 28—30). Въ очеркахъ г. Маргольеса находимъ также кое-какія данныя, интересныя для характеристики тогдашнихъ преподавателей раввинскаго училища, преимущественно—еврейскихъ предметовъ (стр. 30—31, 40—41 и др.). Заключительныя главы книги посвящены воспоминаніямъ о первыхъ шагахъ дѣятельности автора, по выходѣ изъ раввинскаго училища. Святая постъ общественнаго раввина слишкомъ зависимый, онъ предпочелъ учительскую карьеру, и послѣдовательно занималъ должность преподавателя и смотрителя казенныхъ евр. училищъ въ разныхъ городахъ. Воспоминанія его объ этомъ періодѣ (стр. 46—55) знакомятъ читателя съ тяжелымъ положеніемъ молодого, недавно выпущеннаго изъ раввинскаго училища, учителя въ маленькомъ городишкѣ, не мирящагося съ пошлыми интересами своихъ «трезвыхъ» кол-

легъ, и обреченнаго на нравственное одиночество: подавляющее большинство еврейскаго населенія относится къ нему неприязненно, считая его отщепенцемъ; тѣ немногочисленныя «интеллигентныя» еврейскія семейства, которыя обрѣтаются въ городишкѣ, тоже чуждаются учителя, гордясь своею близостью къ мѣстной христіанской аристократіи; добившись блаженства—пройтись подъ руку съ захудалымъ армейскимъ офицеромъ или канцеляристомъ, «образованная» барышня свысока (смотритъ на своего единовѣрца-учителя. Последнія страницы удѣлены описанію той пертурбаціи, которая вызвана была въ нашей учительской семьѣ известнымъ закономъ 1873 г. о закрытіи казенныхъ еврейскихъ училищъ второго разряда, а также и воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ событіяхъ личной жизни автора, на которыхъ не будемъ останавливаться.

„תולדות חכונות גמאן ר' ר'קו עמאן, אשר כתב ביומו לזכרו“
 מלל ספר, תולדות חכונות גמאן ר' ר'קו עמאן (Мемлатъ Сеферъ). Автобіографія
 Р. Якова Эмдена. Варшава, 1896. 230 стр. Изд. Аліасафъ»).

Mgilath Sefer—автобіографія Якова Эмдена, известнаго своимъ знаменитымъ споромъ съ раввиномъ соединенныхъ общинъ Альтоны, Гамбурга и Вандсбека, Ионаеаномъ Эйбешюпомъ, по поводу раздававшихся послѣднимъ амулетовъ,—споромъ, всколебавшимъ въ половинѣ XVIII в. все еврейство, отъ Лотарингіи до Польши. Незначительная часть этого произведенія Эмдена нѣкогда была напечатана въ журналѣ «Меасефъ» за 1810 г. Въ полномъ же составѣ «Mgilath Sefer» появляется нынѣ впервые, и издана неутомимымъ Д. Каганомъ по списку, находящемуся въ Оксфордской бібліотекѣ. Почтенный историкъ вложилъ много труда въ предпринятое имъ изданіе: тотъ списокъ, который легъ въ основаніе лежащей предъ нами книги, изобилуетъ многочисленными погрѣшностями и пропусками; издателю пришлось много поработать надъ исправленіемъ текста рукописи и восстановленіемъ пропущенныхъ словъ, а то и цѣлыхъ фразъ,—отсутствіе которыхъ вредило содержанію произведенія.

Сверхъ того, г. Каганъ снабдилъ изданіе многочисленными примѣчаніями, весьма полезными для читателя.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ страстной борьбѣ съ Эйбешюпомъ Якову Эмдену въ весьма значительной степени служило нравственной поддержкою сознаніе того, что въ данномъ случаѣ онъ выступалъ какъ-бы продолжателемъ дѣла своего отца, знаменитаго раввина нѣмецкой общины Амстердама, Хахама-Цви Ашкенази (1656—1718), прославившагося, между прочимъ, своею борьбою противъ сabbатіанца Хіона. Цид

томъ благоговѣннѣ, съ какимъ Эиденъ относился къ памяти своего отца, повѣстно, что очерку жизни и дѣятельности послѣдняго онъ отводитъ много мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ; стр. 3—54 заняты его біографіею Хахама-Цви, изобилующею интересными историческими данными вообще и относящимися къ возбужденной появленіемъ Хіона въ Амстерданѣ религиозной распрѣ въ частности. Затѣмъ уже слѣдуетъ обстоятельная автобіографія Якова Эйдена, доведенная нѣ до 1766 г.; такимъ образомъ, она не обнимаетъ только послѣднихъ 10 лѣтъ жизни Эйдена; къ книгѣ, впрочемъ приложенъ (стр. 213—216) составленный г. Каганомъ обзоръ главнѣйшихъ событій этого послѣдняго періода жизни Эйдена. По существу извѣстнаго спора съ Эйбешюномъ воспоминанія Эйдена содержать весьма мало такого, что прибавило бы какія либо новыя цѣнныя данныя къ матеріалу, заключающемуся въ обширной литературѣ этого вопроса,—современной и новѣйшей. Значительно большій интересъ и значеніе представляютъ въ книгѣ, тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ касается тѣхъ или другихъ сторонъ и чертъ тогдашняго еврейскаго быта, религіознаго, общественнаго и т. д. Писанныя рукою умнаго наблюдателя, съ значительнымъ реализмомъ налагавашаго на бумагѣ свои впечатлѣнія,—такого рода замѣчанія Эйдена, въ обиліи разсыпанныя въ его автобіографіи, содержатъ много цѣнныхъ указаній на еврейскій бытъ XVIII ст. въ разныхъ странахъ, посѣщенныхъ Эиденомъ,—который, вообще говоря, много путешествовалъ на своемъ вѣку. Такъ, онъ мимоходомъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ тогдашней религіозно-общественной жизни евреевъ въ Англіи, Голландіи, Польшѣ, Австріи, Германіи и Венгріи. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать изданіе рукописи Эйдена весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу; лица, интересующія нашею исторіею, несомнѣнно, будутъ очень благодарны уважаемому Д. Кагану за предоставленную имъ нынѣ возможность ознакомиться съ содержаніемъ этого любопытнаго документа XVIII в. Мы не имѣемъ, конечно, возможности въ нашей краткой бібліографической замѣткѣ хотя бы даже приблизительно наметать богатство бытового матеріала, содержащагося въ попутныхъ замѣчаніяхъ автора «Mgilath Sefer». Намъ бы хотѣлось только упомянуть объ одной подробности, сообщаемой Эиденомъ про своего отца и заключающей между прочимъ, интересное указаніе на то, что всѣмъ извѣстные безпорядки, которые характеризуютъ нынѣ состояніе «халуки», и дѣятельность стоящихъ во главѣ этого дѣла «כוללים»,—что безпорядки и злоупотребленія эти давали себя знать еще и въ началѣ XVIII ст.: «Хахамъ-Цви, пишетъ сынъ его, ревниво заботился о томъ, чтобы деньги на пользу

Съ Земли, собираемыхъ въ соединенныхъ общинахъ Альтоны, Гамбурга и Вандебска (гдѣ оное время состоялъ раввионатъ), дѣйствительно попадали въ руки іерусалимскихъ бѣдняковъ и распределялись между ними въ надлежащемъ порядкѣ, а не пропадали-бы, какъ сунны, поступавшія въ прочихъ германскихъ общинахъ, въ рукахъ габасевъ итѣ "סוּלָלִים",—ищениковъ, обогащающихъ себя на счетъ этихъ благотворительныхъ суннъ... Это клка воровъ, поѣдающая тѣ громадныя деньги, которыя ежегодно направляются изъ Германіи, Богеміи, Моравіи, Австріи, Голландіи, Англіи, Франціи, Польши, Россіи, Литвы и т. д.; грабители эти присваиваютъ себѣ эти сунны, отнимая ихъ у бѣдняковъ, въ пользу которыхъ онѣ предназначались...» (стр. 14—16). Далѣе Эиденъ излагаетъ тѣ иѣры, которыя отецъ его относительно денегъ, поступавшихъ изъ управляемыхъ имъ общинъ, предпринялъ для прекращенія описанныхъ злоупотребленій; на подробностяхъ этихъ иѣропріятій Хахама-Цви мы, разумеется, не будемъ останавливаться; нельзя только не замѣтить, что иѣры эти обнаруживали въ немъ большую практичность, оказались весьма плодотворными и что восстановление иѣръ, предпринятыхъ нѣкогда Хаханомъ-Цви относительно «халуки», еще и въ настоящее время могло бы значительно содѣйствовать упорядоченію этой едва-ли не самой злополучной отрасли еврейской благотворительности.—Нельзя также не упомянуть объ интересныхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Эиденомъ относительно своей типографской и издательской дѣятельности и перенесенныхъ благодаря имъ мытарствъ и огорченій (стр. 165—171 и passim).

Съ внешней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго; пользуется случаемъ отнѣтитъ изящный видъ вообще выпускаемыхъ фирмою «Ахисафъ» изданій. Автобіографія снабжена алфавитнымъ указателемъ упоминаемыхъ въ ней лицъ и названій мѣстностей. Къ книгѣ приложенъ также хорошо исполненный портретъ Хахама-Цви.

С. Г—ъ.

ПЛОДЫ НАРОДНАГО ЮМОРА.

Бумажный мосьтъ.

(Сказка).

Окончаніе ¹.

Вслѣдъ за нимъ „казенный раввинъ“
(Въ эловенціи былъ равень
Цицерону онъ) привезъ
„Поученій“ цѣлый возъ.
Хоть до третьяго лишь класса
Онъ дошелъ, но знаній масса
Обрѣталась у него—
Понемножку изъ всего:
Въ преферансѣ игралъ отлично,
Анекдоты прекомично
Онъ рассказывать умѣлъ,
Водку пилъ и раки ѣлъ...
Человѣкомъ либеральнымъ,
Былъ, хотя и въ идеальнымъ
Нравамъ древности сѣдой
Склонность чувствовалъ порой.

* * *

Такъ, онъ въ „Братствѣ Погребальномъ“
Находилъ все идеальнымъ,
Хоть грѣшны и были тамъ,
Злымъ коль вѣрить языкамъ;

¹ См. „Восходъ“ 1897 г. кн. VI.

Такъ, бывалъ тамъ шамесь каждый
 Пьянъ мертвецки на день дважды;
 При продажѣ „мѣсть“ порой
 Шелъ вполне грабежъ дневной,
 А заборъ весь у погоста
 Былъ обрушенъ лѣтъ ужъ со сто
 (Но въ чему заборы тутъ:
 Мертвцы не убѣгутъ...)
 Провѣрять отчетъ построже
 Находилъ онъ лишнимъ тоже
 (И совсѣмъ не потому,
 Что былъ габѣ тесть ему).
 Въ интересахъ безпристрастья
 Принимать любилъ участие
 Онъ въ раздачѣ бѣднякамъ
 „Моэсъ-хитинъ“; лично самъ
 Неимущимъ „на топливо“
 Собиралъ и особливо
 За „нисторимъ“ хлопоталъ,
 О которыхъ онъ лишь зналъ...

* * *

Передъ выборами въ домѣ
 У него ужъ, какъ въ Содомѣ,
 Боромысловъ дымъ стоялъ:
 Цехъ портняжскій пировалъ
 Съ коноводами своими—
 Также мѣстными портными,
 Изъ которыхъ Шлемка Шмигъ
 Былъ поистинѣ великъ.

* * *

Шмигъ, безграмотный и грубый,
 При всей дикости сугубой,

Стать вершителемъ умѣлъ
 Большинства общинныхъ дѣлъ.
 Новый канторъ-ли хоральный,
 Соловей синагогальный,
 Въ немъ являлся на дебютъ,—
 Шлемка Шмигъ ужъ тутъ какъ тутъ:
 „Kdischa“ „kesser“, „halliluja“
 Безпощадно критикуя,
 Онъ одинъ умѣлъ рѣшать—
 Пригласить, или отказать;
 „Говорилъ“ ли магидъ новый,
 Отзывъ строгій и суровый
 Ждалъ его: и тутъ портной
 Компетентнымъ былъ судьей;
 А въ средѣ „оффиціальной“
 Былъ ходатай идеальный:
 На исправничиху шилъ,
 Съ приставами пиво пилъ...
 Что-жъ до выборовъ раввинскихъ,
 Тутъ въ размѣрахъ исполинскихъ
 Мощь свою онъ проявлялъ—
 Цѣлымъ цехомъ управлялъ:
 „—Пейте, братцы!—прямо, громко
 Говорилъ, бывало, Шлемка:—
 Эти выборы для насъ
 Самый выгодный „заказъ“:
 Нѣтъ ни еройки, ни примѣрки,
 По одной все шьется мѣркѣ,
 И у каждаго изъ насъ
 „Jtug“ добрый про запасъ...
 Пейте-жъ, братцы! Праздникъ скоро,—
 Это наша „Симхасъ-Тора“...

Удивительный шутникъ
 Былъ онъ, этотъ Шлемка Шмигъ.
 И съ утра до поздней ночи
 Пили всё, что было мочи,
 И, конечно, счетъ „шарамъ“
 Былъ впередъ извѣстенъ тамъ.

* * *

Ну, само собою, равнинъ
 Былъ за то вполне исправенъ:
 Результаты чтобъ достичьъ,
 Выдавалъ на магарычъ...
 Если-жъ кто другой тамъ съ дуру
 Заявлялъ кандидатуру,—
 При оказіи таковой
 Способъ былъ весьма простой:
 Становиха съ головою
 Повести умѣли лихо
 Дѣло такъ, что сей „нахаль“
 Въ „вольтерьянцы“ попадалъ...

* * *

И сходило все, какъ надо.
 Пасъ по прежнему онъ стадо,
 Снова „метрики“ писалъ,
 Въ око, въ преферансъ игралъ,
 Моэсъ-хитинъ и топливо
 Раздавалъ трудолюбиво
 И вѣнчалъ, и разводилъ,
 И крестилъ, и хоронилъ,
 Въ дружбѣ жилъ съ портняжнымъ цехомъ
 И равнинствовалъ съ успѣхомъ;
 „Поученія“ свои
 Онъ въ торжественные дни,

Призывая къ правамъ строгимъ,
 Говорилъ высокимъ слогомъ,
 Не стѣсняясь между тѣмъ
 Въ русской грамотѣ ничѣмъ...

* * *

Объ Ильѣ-же о желанномъ
 Услыхавъ,—хоть и нежданномъ,—
 Все онъ вмигъ сообразилъ
 И съ „рѣчами“ поспѣшилъ:
 Можеть быть, и въ Палестинѣ
 Вудеть надобность въ раввинѣ,—
 О себѣ тутъ заявить
 Не мѣшаетъ, стало быть...

Жилъ былъ докторъ Шолэмъ Ляпа,
 Жрецъ великій Эскулапа...
 Юность милая моя,
 Предо мной ты встала вся.
 Двадцать лѣтъ тогда мнѣ было...
 Сколько жизни, сколько пыла,
 Сколько дивной красоты
 Легкомысленной мечты,
 Сколько грезъ безумно-страстныхъ,
 Сколько шалостей прекрасныхъ,
 Да нашъ Ляпа—экземпляръ,
 Чрезвычайно тонкій—въ даръ
 Прямо богомъ смѣха данный
 Нашей юности туманной...

* * *

Храбръ и смѣлъ сей докторъ былъ,
 Лишь ужасно не любилъ,
 Если зельтерской бутылку
 Открывали: по затылку

Или по носу хватить
 Может пробка, ушибить
 Спину, либо что другое—
 Глазь, високъ, что хуже вдвое.
 Осторожность, господа,
 Не мѣшаетъ никогда...

* * *

Получивъ дипломъ ученый
 И наукой умудренный,
 Года три онъ дни считаль—
 Первой практики все ждалъ.
 И дождался онъ момента,
 Но такого пациента,
 Что чуть-чуть со страху онъ
 Самъ не умеръ. И резонъ:
 Заболѣлъ отъ „несваренья“
 (Послѣ „чолента“) старикъ
 Лѣтъ подь семьдесятъ. Постигъ
 Ляпа мигомъ все значенье
 Ровового положенья:
 Можетъ быть, лишь онъ придетъ,
 Какъ старикъ сейчасъ умретъ
 (Что-жь, съ людьми въ такія лѣта
 Вѣдь бываетъ часто это),
 А родные сгоряча
 Заподозрятъ вдругъ врача.
 И пускайся въ объясненья,
 Что совсѣмъ тутъ не лѣченье
 Виногато; что больной
 Взялъ и умеръ самъ собой...
 Нѣтъ, Богъ съ нимъ! Пускай другого.
 Позовуть лѣчить больного.

И, больнымъ сказавшись, онъ
Такъ отъ риска былъ спасенъ.

* * *

Лѣтъ семь-восемь миновало.
Вдругъ о нашемъ Ляпѣ стало
Намъ извѣстно, что въ большомъ
Южномъ городѣ одномъ
Ляпа практику имѣеть
И едва-ль не богатѣеть;
Гинекологомъ онъ сталъ
И извѣстность тамъ стяжалъ.
Что за чары? Что за чудо?
Нашъ-то Ляпа! Но—откуда?
Сталъ я справки про него
Наводить кой у кого
Изъ прїѣзжихъ (эта почта
Пренсправная), и вотъ что
Наконецъ о немъ узналъ:
Долго думалъ и гадалъ
Онъ, что дѣлать, и нежданно
Осѣнило Ляпу... Странно,
Какъ объ этомъ онъ давно
Не подумалъ? Вѣдь оно
Просто такъ...

* * *

Вблизи, въ мѣстечкѣ,
Цадикъ жилъ. Къ нему овечки,
„Цонъ-ведошимъ“, на поклонъ
Шли и шли со всѣхъ сторонъ:
Этотъ—взять „подрядъ“ желая,
Тотъ—одышкою страдая;
Ето—чтобъ далъ Господь женѣ
Роды легкіе вполнѣ;

Кто—чтобъ дочку выдать замужь
 За „ученаго“ (а тамъ ужъ
 Пусть пойдуть дѣтей рожать,
 Чтобъ болѣть и голодать);
 Кто—съ чахоткой, кто—съ сухоткой,
 Кто—торгуя тайно водкой,
 „Пидьонъ“ цадикю давалъ:
 Чтобъ акцизный не узналъ...

* * *

И къ нему пришелъ сторонкой
 Ляпа мой и планъ претонкій
 Предложилъ:

„—Какъ ни слѣпа,
 Ни дика еще толпа,
 Но становится все ниже,
 Ниже мнѣнье о престижѣ
 Чудодѣевъ тутъ и тамъ:
 Ходятъ больше все къ врачамъ.
 И бесплодныя еврейки
 Стали новыя идейки
 Выражать и къ вамъ нейдутъ:
 Что, молю, цадикъ значить тутъ!..
 Такъ больныхъ, во имя неба,
 Посылайте лучше, ребе,
 Вы сперва ко мнѣ, а тамъ—
 Посылать ихъ буду къ вамъ.
 Нервныхъ дамъ теперь не мало.
 Имъ лѣчиться и пристало
 Не аптечной ерундой,
 Молитвою святой“...

* * *

Цадикъ понялъ. И у Ляпы,—
 Точно цѣлые этапы
 Назначались на постой,—
 Дамъ толпился пестрый рой;
 Отовсюду приходили
 И Ревбеки, и Рахили...
 Но о Ляпѣ услыхать
 Вновь пришлось мнѣ лѣтъ чрезъ пять.
 И сіе подобно чуду!—
 Онъ о чемъ-то „по Талмуду“
 Сталъ въ печати выступать
 И кому-то возражать
 Что-то о туберкулозахъ
 На коровахъ или козахъ—
 Хорошо не помню я...
 А узнавъ, что Илія
 Собирается въ мѣстечко,
 Ляпа кротко, какъ овечка,
 Поспѣшилъ туда прійти
 И принести „статьи“ свои.
 Хоть особенной причины
 Добиваться Палестины
 Онъ въ себѣ не ощущалъ,
 Но резонно рассуждалъ:
 „Вѣдь и тамъ еврейскимъ дамамъ
 По болѣзнямъ тѣмъ-же самымъ
 Нуженъ будетъ врачъ; такъ вотъ,
 Пусть тамъ знаютъ напередъ,
 Что есть докторъ Шолэмъ Ляпа,
 Жрецъ великій Эскулапа,
 Гинекологъ и къ тому-жъ
 Глубоко-ученый мужъ“...

Тутъ ужъ прямо изъ общины
 Короба, мѣшки, корзины
 Стали люди всѣхъ сортовъ
 Приносить со всѣхъ дворовъ.
 Габѣ главной синагоги,
 Погребальныя взявъ дроги,
 Весь архивъ свой нагрузилъ
 И на Schul'hoff притащилъ:
 Были тутъ счета и смѣты,
 И годичныя бюджеты,
 И бюджеты на пять лѣтъ
 (Денегъ лишь простылъ и слѣдъ),
 И отчетъ былъ тутъ о дѣлѣ,
 Волновавшемъ двѣ недѣли
 Всю общину. Дѣло въ томъ,
 Что, служа въ мѣстечкѣ томъ
 Лѣтъ двѣнадцать, два раввина
 Ни одинаго алтына
 Получить тутъ не могли
 И судомъ „исвать“ пошли.
 Что за мерзость! Ужъ вы сами
 Разсудите,—между нами...
 Ну, положимъ, спора нѣтъ,
 За двѣнадцать этихъ лѣтъ
 Вдоволь горя похлебали
 И ужъ такъ поголодали,
 Что хватило-объ человѣкъ
 На сорокъ на цѣлый вѣкъ.
 Это все, конечно, вѣрно,
 Но вѣдь это-жъ безпримѣрно
 Для раввиновъ, такъ сказать,
 Санъ духовный свой марать.
 А къ тому-же и напрасно:

Вѣдь у нихъ съ общиной—ясно—
 Не формальный договоръ;
 Стало быть, все это вздоръ...

* * *

И отъ прочихъ учрежденій
 Стало разныхъ „сочиненій“
 Тоже вдоволь поступать.
 Ну, хотя-бъ къ примѣру взять:
 Мивва свой отчетъ прислала
 Съ объясненьями—воняла
 Безъ ремонта сколько лѣтъ,
 Заражая цѣлый свѣтъ;
 И уставъ свой—„Талмудъ-Тора“
 Подъ девизомъ „Мого-schchoга“,
 Съ указаньемъ по мѣстамъ,
 Сколько въ крышѣ дырокъ тамъ,
 Сколько учится тамъ дѣтокъ,
 И при этомъ рядъ замѣтокъ,
 Сколько именно притомъ
 Вѣчно ходить босикомъ;
 Отъ „мѣняль“ для братьи нищей—
 Цѣлый возъ бумаги писчей,
 Въ общемъ добрыхъ триста стопъ,
 Съ точнымъ спискомъ, сколько въ гробъ
 До сихъ поръ они вогнали
 Бѣдняковъ, что „Wosher“ брали.
 (Изъ „негласныхъ“ же „мѣняль“
 Ни единый не прислалъ)..
 И коробкосодержатель
 (О, прости ему, Создатель!)
 Свой контрактъ принеси сейчасъ,
 Гдѣ буквально, безъ прикрасъ,
 Говорится прямо, ясно:
 „Смъ кондиціямъ согласно,

Помня выгоды свои,
 Ты семь шкуръ съ народа рви“...
 Отъ меламедовъ общины—
 Обстоятельный и длинный
 Списокъ: сколько есть среди нихъ
 И горбыхъ, и слѣпыхъ;
 У кого жена въ чахоткѣ;
 Сколько тамъ дерущихъ глотки,
 Въ каждой грязной конурѣ,
 При тропической жарѣ,
 Задыхается малютокъ
 Чуть-ли не двѣ трети сутокъ,
 И какой тамъ аромат
 Отъ насѣдокъ и телятъ...
 „Lomdim“ мѣстные прислали
 Комментаріи (едва-ли
 Не вполне на цѣлый мостъ):
 Почему въ „Вайзосо“ хвостъ
 Буква „Вовъ“ имѣеть длинный
 (Невозможно-жъ безъ причины);
 Какъ „Zarichis“ понимать,
 „Schnej schodaich“ толковать;
 Что за тайный смыслъ таится
 Въ „Simone na'ros“ и „M'ziza“
 И—премудрости вънецъ—
 Толкованье „Mukas-ez“...

* * *

Кромѣ этихъ сочиненій,
 Занимавшихъ три сажени,
 Отъ исправника привезъ
 Сотскій—цѣлый съ верхомъ возъ
 Разныхъ маленькихъ доносовъ—
 Все касательно вопросовъ

Мѣстной жизни, ~~защиты~~
 Основательный мотивъ:
 Разъ Мессія всю общину
 Забираетъ въ Палестину,
 То доносы лишни тутъ,—
 Тамъ ужъ пусть ихъ разберутъ "...

* * *

Не шаржируя нисколько,—
 Тутъ бумаги всякой столько
 Накопилось чередой,
 Что мостовъ хоть двадцать строй.
 И, повончивъ съ этимъ, стали
 Ждать Мессію. Долго ждали,—
 Мѣсяць добрый такъ прошелъ,
 Но... Мессія не пришелъ
 И Илью-пророка тоже
 Не прислалъ...
 Однако, что же
 Задержало ихъ приходъ?
 Объясняли эпизодъ
 Вмѣстѣ всѣ и въ одиночку:
 „—Турокъ попросилъ отсрочку,—
 Дескать, какъ ни торопи,
 Не могу сейчасъ уйти"...
 Самъ султанъ—ходили слухи—
 Даже высказался въ духѣ
 Симпатичномъ намъ при томъ,—
 Приблизительно въ такомъ:
 „—Съ Палестиною, признаться,
 Не охота мнѣ разстаться,
 Но, конечно, воля оно
 Свыше такъ ужъ рѣшено,
 То пріятно въ то-же время,

Что израильское племя,
 А не ктонибудь другой,
 Будетъ жить въ землѣ святой“...
 (Такъ—разсказывали—будто,
 Похваливъ султанскій умъ,
 Сообщалъ въ письмѣ кому-то
 Изъ Одессы Ландышблюмъ)...
 Но другіе возражали,—
 Дѣло просто объясняли:
 „Задержало чтонибудь,—
 Вѣдь, поди, не близкій путь.
 Можетъ быть, черезъ границу
 Не пустили.. Можетъ быть,
 Не спѣша, сперва столицу.
 Порѣшилъ онъ посѣтить
 Въ основательной надеждѣ—
 Посовѣтовавшись прежде
 Тамъ съ „бюро“, кой-что узнать,
 Справки нужны собрать“...

. * * *
 И никто лишь изъ общины
 Тутъ искать не сталъ причины
 Въ томъ, что, можетъ быть—какъ знать?
 Та бумага, что собрать
 Поспѣшили всенародно,
 Для Мессіи непригодна;
 Что построить намъ, друзья,
 Изъ нея совсѣмъ нельзя
 Мостъ великій, мостъ желанный,
 По которому дойдетъ
 До земли обѣтованной
 Нашъ свитальческій народъ...

С. Фругъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|---|-----|
| I. ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ДРЕВНИХЪ ЕВРЕЕВЪ. (Къ исторіи развитія устнаго ученія). Д-ра Л. Каценельсона | 3 |
| II. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. С. О. Ярошевскаго. | 21 |
| III. ПРИМИРИТЕЛЬ. Разсказъ. И. Загвилля. Окончаніе. Пер. С. М. Федоровичъ | 43 |
| IV. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. ФЕЙТА и М. ЗАКСА. Проф. Л. Гейгера | 67 |
| V. ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ. Статья члена французскаго института Леруа-Волье. Пер. Р. И. Сементковскаго | 90 |
| VI. СОНЪ. Стихотвореніе. Х. Зингера | 103 |
| VII. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОРЕМЬКИ. Ребъ Ицхокъ. М. Эттингера | 109 |
| VIII. ВИБЛЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ. Стихотвореніе. О. Чюминой | 185 |
| IX. ИУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Іосифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи). | |

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

| | |
|--|----|
| X. КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ. А. Беркенгейма. | 1 |
| XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. ЛИТЕРАТУРА НАШИХЪ СВОРНИКОВЪ. <i>פרקים מן ספרותנו החדשה</i> . ה. ראבינצקי. <i>פר שליש</i> . («Пардесъ». Литературный сборникъ. Изд. I. Х. Рагницкаго, ч. III. Одесса. 1896 г.). <i>הספן</i> . לקום ספרותי, נערך ע"י ע. גאלדין. («Газмонъ». Сборникъ литературныхъ статей. Изд. Э. Гольдмана. Варшава, 1896 г.). С. Гинзбурга. | 16 |
| XII. ВИБЛОГРАФІЯ: | |
| 1) <i>זכרונות מימים עברו</i> "מאת ה. מגליות" (« <i>Зикронотъ миѣмимъ оворитъ</i> т. е. Воспоминанія прошлаго. Х. Марюльеса. Варшава. 71 стр.). | 43 |
| 2) <i>מלח ספר</i> , תולדות וזכרונות הנאון ר' יעקב עמדין, אשר כתב בעצמו על « <i>Меллатъ Сеферъ</i> ». <i>Автобіографія Р. Якова Эмдена</i> . Варшава, 1896. 230 стр. Изд. « <i>Ахисафъ</i> »). С. Г—ъ. | 47 |
| XIII. ПЛОДЫ НАРОДНАГО ЮМОРА. Стихотвореніе. Окончаніе. С. Фруга. | 50 |
| XIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. | |

А. Баранов

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4613

Издаваемый А. Е. Ландау.

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра 2.

1897.

Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ.

(КЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ УСТНАГО УЧЕНІЯ).

XIV¹.

Институтъ ритуальной чистоты въ томъ видѣ, какъ онъ излагается въ Мишнѣ, представляетъ цѣлый рядъ постановленій и опредѣленій, съ перваго взгляда вовсе не истекающихъ изъ соотвѣтственныхъ текстовъ Св. Писанія, а иногда и прямо имъ противорѣчащихъ. Одни изъ этихъ постановленій (לכלל) именныя, т. е. приписываются тому или другому законоучителю, время жизни и дѣятельность котораго намъ хорошо извѣстны; другія же—безъимянные, и эти-то послѣднія въ послѣдствіи получили названіе «синайскихъ галахотъ», т. е. постановленій, полученныхъ Моисеемъ на горѣ Синай (לכלל חטו לשל), хотя въ древнихъ памятникахъ, въ Мишнѣ и Тосифтѣ, этимъ именемъ обозначены лишь весьма немногія изъ безъимянныхъ галахотъ. Сущность этихъ, такъ называемыхъ, синайскихъ галахотъ была обстоятельно разобрана Krochmal'омъ², Weiss'омъ³ и въ особенности нашимъ покойнымъ даровитымъ писателемъ Е. Цвейфелемъ⁴ и въ настоящее время можно считать вполне установившимся въ наукѣ мнѣніе, по которому значительная часть безъимянныхъ галахотъ ведетъ свое происхожденіе отъ времени соферимъ, т. е. отъ до-Маккавеевской еще эпохи. При разборѣ, однакожь, отдѣльныхъ галахотъ и при примѣненіи къ нимъ историческаго метода, представляется, намъ кажется, возможность съ достаточ-

¹ См. „Восходъ“ кн. VII.

² More neboche ha-seman (Leopoli 1863) P. 162—164.

³ Dor-dor we-dorschow. T. I. 35, 68—72.

⁴ Sanegor 122—124.

ной вѣроятностью опредѣлить: ведетъ ли данная галаха свое происхожденіе отъ Великой Синагоги, или она составляетъ продуктъ позднѣйшихъ историческихъ условий. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что тѣ именно галахи, которыя съ перваго взгляда кажутся намъ совершенно безцѣльными, но которыя получаютъ разумный смыслъ и значеніе лишь при сравненіи еврейскихъ законовъ ритуальной чистоты съ таковыми же у древнихъ персовъ,—что эти именно галахи должны быть отнесены къ эпохѣ владычества персовъ надъ евреями, и были вызваны не подъ вліяніемъ Зороастрова ученія, какъ это думаютъ многіе еврейскіе историки ¹, а напротивъ, съ цѣлью по возможности ограничить это вліяніе на еврейскую религію.

Для иллюстраціи этого положенія я приведу здѣсь исторію одного постановленія, начало котораго традиція прямо относитъ къ занимающей насъ эпохѣ. Традиція именно сохранила намъ списокъ нѣкоторыхъ религіозныхъ постановленій, приписываемыхъ самому, такъ сказать, основателю Великой Синагоги, Эздрѣ. Между прочимъ сообщается тамъ, что онъ установилъ погруженіе въ воду *post pollutionem nocturnam* (תקן שנייה ללילה) ². Это послѣднее сообщеніе съ перваго взгляда кажется болѣе чѣмъ страннымъ, и уже Талмудъ, ци-

¹ Schor, Na-chaluz T. VII (1875). Несостоятельность многихъ сопоставленій Шора будетъ нами разобрана въ другомъ мѣстѣ. Считаю умѣстнымъ цитировать слова проф. Graetz'a по этому поводу. Изложивъ вкратцѣ законы ритуальной чистоты по Моисею, Грець прибавляетъ: Alle diese levitischen Reinheitsgesetze hätten indess nicht eine so weittragende und so alle Lebenskreise beherrschende Wichtigkeit erlangt, wenn nicht die Judäer in und ausserhalb ihres Landes Jahrhunderte lang in Berührung mit den Persern gekommen wären, welche noch viel strengere Reinheitsgesetze hatten und sie aufs peinlichste befolgten. Wie die Israeliten in früher Zeit abwechselnd von Aegyptern, Phönicern und Babyloniern, so nahmen die Judaer auch von den Persern, ihren Herren, unbewusst Elemente auf und verschmolzen sie mit ihrem eigenen Wesen..... Дальше Грець говоритъ: In dieser magischen Umgebung lebten die Judaer während der Herrschaft der Perser; die inm eigenen Lande und noch mehr die inm Auslande hörten täglich von deren Lehren und Gesetzen und sahen deren Gebräuche vor Augen. Es konnte Ihnen nicht entgehen, dass manches in derselben auffallende Aehnlichkeit mit ihren eigenen Gesetzen und Bräuchen hatte, nur in anderer Form und sie erlagen diesem Einflusse. (Geschichte der Juden T. II 2 H. S. 194 и 199).

² Baba-Kamma 82a.

тируя упомянутый выше списокъ, задается вопросомъ, для чего нужно было Эвдрѣ установить это омовеніе, когда оно прямо предписывается Моисеевымъ закономъ? Припомнимъ тексты: *Vir, de quo egreditur semen coitus labavit aqua omne corpus suum, et immundus erit usque ad vesperum. Mulier, cum qua coierit, labavitur aqua et immunda erit usque ad vesperum (Levit. XV, 16, 18).* Мало того, даже въ военное время, какъ мы видѣли выше, солдатъ, ставшій по извѣстной причинѣ нечистымъ, удаляется изъ строя и не раньше возвращается въ лагерь, пока не совершитъ очистительнаго омовенія. *Si fuerit inter vos homo, qui nocturno pollutus sit somnio, egreditur extra castra; et non revertetur, priusquam ad vesperam lavatur aqua, et post solis ocasum regredietur in castra. (Deuteron XXIII, 10, 11).* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Талмудъ говоритъ, что Моисеевъ законъ предписываетъ омовеніе только для тѣхъ, которые пожелали-бы употреблять въ пищу священный хлѣбъ (לֶחֶם) и жертвенное мясо, Эвдра же сдѣлалъ это омовеніе обязательнымъ и для тѣхъ, которые желали бы заниматься чтеніемъ Торы. Этотъ отвѣтъ Талмуда совершенно вѣренъ съ точки зрѣнія позднѣйшихъ законоучителей, но онъ нисколько не устраняетъ указаннаго затрудненія. Приведенные выше тексты изъ Левита относятся къ мирянамъ и въ нихъ ни малѣйшаго намека нѣтъ на что либо сакральное. Еще меньше можетъ быть рѣчь о чемъ либо сакральномъ въ текстѣ изъ Второзаконія, гдѣ рѣчь идетъ о военномъ времени при пребываніи въ непріятельской странѣ. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, по поводу этого же омовенія, Иерусалимскій Талмудъ сообщаетъ намъ нѣсколько весьма характерныхъ бытовыхъ рассказовъ, изъ которыхъ между прочимъ видно, до какой степени соблюденіе ритуальной чистоты вкоренилось въ нравы народа. Пребывать въ состояніи нечистоты было для древняго еврея и даже для простолюдина до такой степени тягостно и мучительно, что самые испорченные въ нравственномъ отношеніи люди не задумывались рисковать своею жизнью (напр. спуститься на канатѣ съ борта корабля въ море), лишь бы не откладывать предписаннаго закономъ омовенія, хотя бы имъ вовсе не предстояло ѣсть сакральное, или заниматься чтеніемъ Торы. Одинъ изъ этихъ рассказовъ я позволю себѣ здѣсь привести. Во время

Р. Іошуа-Бенъ-Леви (въ началѣ III в. по Р. Х.) законоучители рѣшили было совѣмъ упразднить омовеніе *post pollutionem*, въ виду частаго заболѣванія галлилейскихъ женщинъ въ холодное время года.—«Какъ, остановилъ ихъ Р. Іошуа-бенъ-Леви: обычай, ограждающій нравственность израильскаго народа, вы хотите упразднить?» Въ поясненіе словъ Р. Іошуа Талмудъ цитируетъ слѣдующій рассказъ: «Сторожъ виноградниковъ, встрѣтивъ однажды женщину въ безлюдномъ мѣстѣ, сталъ приставать къ ней съ неприличными предложеніями. Указаніе на то, что она замужняя, не остановило его. Видя себя совершенно въ его власти, находчивая женщина сказала ему: хорошо, но гдѣ ты возьмешь воды для послѣдующаго омовенія? Перспектива находиться нѣкоторое время въ состояніи ритуальной нечистоты остановила его. Стали они искать ручеекъ, а тѣмъ временемъ появились прохожіе и преступное намѣреніе не осуществилось»¹. Если бы это омовеніе, какъ говоритъ Талмудъ, было установлено лишь для желающихъ заниматься чтеніемъ Св. Писанія, неужели у этого безнравственнаго сторожа не было болѣе спѣшнаго дѣла, какъ сейчасъ же вьяться за священную книгу?

Между тѣмъ въ приведенномъ выше отвѣтѣ Талмуда несомнѣнно заключается одна вѣрная мысль, а именно: что по Моисееву закону человекъ въ состояніи нечистоты не устраняется ни отъ чтенія Торы, ни отъ молитвы, и что требованіе очистительныхъ процедуръ предъ этими занятіями есть продуктъ побиблейскаго періода. Въ Св. Пис. сказано: «и произноси ихъ (т. е. слова Божіи), сидя въ домѣ своемъ и идучи дорогою, ложась и вставая», и нигдѣ не дѣлается исключенія для человека въ состояніи нечистоты. Съ рациональной точки зрѣнія, которой проникнуть институтъ ритуальной чистоты у Моисея, такое исключеніе ничѣмъ нельзя было бы мотивировать. Но врядъ ли указанное нововведеніе можетъ быть приписано Еадрѣ или Великой Синагогѣ вообще; скорѣе надо въ этомъ видѣть народный обычай, заимствованный отъ царсовъ

¹ Jeruschalmi, Berachoth III. Babli, Berachoth 22a. Версія вавилонскаго Талмуда менѣе обстоятельна, и комментаторъ Jzchaki, желая обилить сторожа, замѣчаетъ, что женщина была не замужняя; въ Іерусалимскомъ Талмудѣ, однакожъ, прямо сказано, что она была замужняя.

вопреки желанію законоучителей. Въ Авестѣ на каждомъ шагу повторяется, что молитвы или священные гимны должны быть произнесены въ состояніи тѣлесной чистоты. Впервые встрѣчаемся съ этимъ обычаемъ у секты есеевъ, въ ученіи которыхъ было вообще очень много персидскаго, а отъ есеевъ онъ, вѣроятно, перешелъ въ массу, переживъ надолго и самый институтъ ритуальной чистоты. Этимъ объясняется, почему нѣкоторые изъ выдающихся законоучителей такъ отрицательно относились къ этому обычаю. Объ извѣстномъ Р. Іегуда-бенъ-Ветера, жившемъ и учившемъ въ I вѣкѣ по Р. Х. въ Пареской Низибіи, разсказывается въ Талмудѣ слѣдующее: одинъ изъ учениковъ его сидѣлъ однажды предъ нимъ и что-то невнятно бормоталъ про себя. Будучи въ состояніи ритуальной нечистоты, онъ не осмѣливался громко произносить слова Св. Писанія. «Открой уста твои, говоритъ ему учитель, и да просвѣтлѣетъ рѣчь твоя». При этомъ Р. Іегуда удачно воспользовался изреченіемъ пророка. «Вѣдь слова мои подобны огню, говоритъ Господь, подобны молоту, дробящему камень»¹. Подобно тому, продолжаетъ Р. Іегуда, какъ огонь не воспринимаетъ инфекции, такъ и слова Божіи не воспринимаютъ инфекціи². Этими словами какъ намъ кажется, Бенъ-Ветера хотѣлъ указать на основное различіе между Моисеевымъ закономъ и закономъ Авесты. По первому огонь является однимъ изъ дезинфицирующихъ средствъ, по закону же Авесты приводитъ что нибудь нечистое въ соприкосновеніе съ огнемъ считается, какъ извѣстно, величайшимъ преступленіемъ.

Вернемся, однакожъ, къ приведенному выше изреченію: «Эзра установилъ погруженіе въ воду post pollutionem posturam». По нашему мнѣнію, удареніе въ этомъ изреченіи надо ставить на слово «погруженіе» (לִטְבֵּל), и тогда оно получить значеніе историческаго свидѣтельства большой важности. Самъ ли Эзра установилъ погруженіе, какъ общую норму очистительной процедуры, или ведущая отъ него начало Великая Синагога, во всякомъ случаѣ это была важная мѣра, направленная къ тому, чтобы воспрепятствовать распространенію персидскихъ

¹ Jeremia XXIII.

² Jerusch. Berachoth III, B. Berachoth 22a.

обычаевъ среди еврейскаго народа. Библия рекомендуетъ воду, какъ очистительное средство, причемъ употребляетъ вездѣ глаголь רָחַץ . «Пусть умоется водою и будетъ онъ чистъ» или «и да умоеть онъ тѣло свое водою и будетъ чистъ» $\langle \text{וַיִּשְׁחַטְמוּ מִן הַיָּם וְיִשְׁחַטְמוּ מִן הַיָּם וְיִשְׁחַטְמוּ} \rangle$. Но глаголь רָחַץ одинаково означаетъ и «мыться» и «купаться». Съ рациональной точки зрѣнія въ сущности безразлично, погрузится ли нечистый человѣкъ въ бассейнъ съ водою (וַיִּשְׁחַטְמוּ) или вода будетъ полита на него. Приписываемое же Эадрѣ постановленіе требуетъ непременно «погруженія» וַיִּשְׁחַטְמוּ . Мало того, на основаніи того, что въ Библии сказано разъ: «и помоетъ онъ все тѣло свое водою», было установлено, чтобы въ бассейнѣ было непременно столько воды, сколько нужно для того, чтобы человѣкъ могъ погрузить въ нее разомъ все свое тѣло отъ пятокъ до макушки—т. е. три кубическихъ локтя или 40 Saа ($\text{קָוֵי} \text{ } ^1$). На этомъ, однакожъ, не остановились и пошли еще дальше: нечистый въ ритуальномъ отношеніи, который былъ облитъ 9 кувшинами ($\text{וְשִׁבְעִים} \text{ } ^2$) воды, и совершенно чистый, на голову и тѣло котораго политы были три кувшина ($\text{וְשִׁבְעִים} \text{ } ^2$) воды, не имѣетъ права отправлять общественнаго богослуженія (общественную молитву), пока они не примутъ омовенія, согласно еврейскому ритуалу, въ 40 Saа. Наконецъ установлено было, что, если въ естественный бассейнъ влито было изъ сосуда 9 кабъ воды, по мнѣнію однихъ, а по мнѣнію другихъ даже 3 логъ, то бассейнъ дѣлается ритуально негоднымъ» 3). Замѣтимъ встатѣ, что это послѣднее постановленіе Гиллель и Шамай приводятъ отъ имени своихъ учителей Шамаи и Абталіона, жившихъ во время послѣднихъ Хасмонеевъ, слѣдовательно, всѣ эти постановленія весьма древняго происхожденія. Каковъ былъ смыслъ всѣхъ этихъ, съ виду совершенно без-

¹ L. Herzfeld (Metrologische Voruntersuchungen zu einer Geschichte des altjüdischen Haudals. § 21 и 50), доказываетъ, что, въ противоположность всѣмъ другимъ талмудическимъ нормамъ, въ данномъ случаѣ принять за норму—большой персидскій локоть въ 525 миллиметровъ, вмѣсто общаго еврейскаго локтя въ 443,6. миллиметра. Не служить ли это обстоятельство нѣкоторымъ доказательствомъ въ пользу того, что это постановленіе ведетъ свое происхожденіе отъ персидскаго періода еврейской исторіи?

² Log—мѣра жидкихъ тѣлъ, емкостью въ 6 куриныхъ яицъ, соответствуетъ римскому секстарію; кав.=4 Log.

³ Mischna Edojoth I. 3; сравни также Tosiphtha Edojoth I. 3.

цѣльныхъ, постановленій, какую роль играли при этомъ цифры три и девять, которыя такъ часто повторяются въ Талмудѣ при обсужденіи относящихся сюда законовъ—все это издавна служило комментаторамъ Талмуда благодарной темой для разныхъ хитроумныхъ предположеній, которыя мы считаемъ совершенно лишнимъ здѣсь цитировать и опровергать. Всѣ упомянутыя выше постановленія получаютъ разумный смыслъ и цѣлесообразность при сравненіи ихъ съ очистительными процедурами, которыя предписываются въ Авестѣ.

XV.

Напомнимъ читателю, что вода, подобно землѣ и огню, признается въ Авестѣ священнымъ элементомъ, который долженъ быть тщательно оберегаемъ отъ всякой нечистоты. Отсюда запрещеніе нечистому человѣку не только погружаться въ воду, но и близко подходить къ ней. Въ Талмудѣ сообщается, что въ III вѣкѣ, когда, послѣ паденія Парсской династіи и воцаренія въ Персіи національной династіи сассанидовъ, ревность къ Зороастровой религіи особенно усилилась, евреямъ въ Персіи запрещено было погребеніе мертвыхъ, ритуальное омовеніе и ритуальная рѣзка скота ¹. Первые два запрета не нуждаются въ комментаріяхъ, третье же запрещеніе было, по объясненію Талмуда, изъ-за «даровъ», — т. е. изъ-за того, что персы требовали съ каждаго зарѣзаннаго животнаго извѣстныхъ частей для приношенія въ даръ священному огню ², что строго запрещается еврейскимъ закономъ, какъ явное идолопоклонство.

Однакожь, хотя погруженіе нечистаго человѣка въ воду считалось у персовъ преступленіемъ, тѣмъ не менѣе вода, послѣ коровьей мочи, служила главнымъ очистительнымъ средствомъ, только она должна была примѣняться не въ видѣ погруженія въ нее, а въ видѣ трехкратнаго или 9-ти-кратнаго обливанія. Вообще числа 3—9 и кратныя играютъ весьма важную роль въ символикѣ Авесты, въ особенности же число 3 въ квадратѣ—9: этимъ числомъ такъ и пестритъ весь Вендидадъ, въ особен-

¹ Levathoth 63 b. Запреты эти, впрочемъ, были скоро отменены. Общечеловѣческая слабость къ подкупамъ не пощадила и ревностныхъ маздаясновъ.

² Сравни. Schor, Ha-Chaluz т. VIII стр. 80.

ности же ритуаль очищенія. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь текстъ одного такого ритуала въ возможно сокращенномъ видѣ ¹.

«И спросилъ Зоратустра Аурамазду: о небесный Аурамазда, о святой Творецъ тѣлесныхъ міровъ, о чистый!.. чего должны искать люди въ семь мірѣ тѣлесныхъ существъ, когда желаютъ очистить тѣло человѣка, къ которому пристала нечистота, который прикоснулся къ мертвецу?»

«И отвѣтилъ Аурамазда, сказавъ: они должны искать человѣка чистаго, который говоритъ правду и который читаетъ Мантру (Авесту) наизусть и который обучался закону маздаисновъ у человѣка опытнаго въ обрядѣ очищенія. Тотъ долженъ вырубить топоромъ въ землѣ той деревья на пространствѣ 9-ти вибазу ² въ длину и 9-ти вибазу въ ширину, въ такомъ мѣствѣ, гдѣ нѣтъ ничего живого и ничего растительнаго, гдѣ земля чиста и очень тверда, и куда не заходитъ скотина и всякое вьючное животное, куда не приносится огонь Ауры и баресма, связанная въ чистомъ мѣствѣ» ³.

«И выроешь ты ямочку, глубиною въ два пальца лѣтомъ и глубиною въ 4 пальца зимою; и еще вторую ямочку и 3-ью до шести,—одну отъ другой на разстояніи 3-хъ пядей. И еще такихъ же 3 ямочки выроешь ты на разстояніи 3-хъ шаговъ отъ первыхъ. И проводи острымъ металлическимъ копьемъ борозду на разстояніи трехъ шаговъ отъ ямокъ; 12 бороздъ проведешь ты вокругъ всѣхъ 9-ти ямокъ ⁴. И тогда пусть придетъ къ этимъ ямочкамъ нечистый человѣкъ. А ты, о чистый Зоратустра, станешь у наружной борозды и произнесешь сіи слова (слѣдуетъ краткая заклинательная формула) и пусть нечистый повторить за тобою эти слова и друхси ⁵ станутъ все слабѣе

¹ Vendidad farg. VIII; ритуаль этотъ строго соблюдается и теперь послѣдователями Зороастровой религіи въ Индіи.

² Вибазу—мѣра данна въ три шага.

³ Баресма или Барзомъ—это пучки сухихъ и пахучихъ вѣтокъ, предназначенныхъ для поддержанія священнаго огня.

⁴ Ямочки и борозды имѣли цѣлью символически изолировать ту часть почвы, на которую упадетъ вода съ нечистаго человѣка,—отъ всей остальной земли.

⁵ Друхси-наса это демонъ женскаго пола, олицетворяющій собою трупную нечистоту.

и слабѣ послѣ каждаго слова, къ погибели Агра-Майніюса и къ погибели Аешмы, сильно запятнаннаго, и къ погибели всѣхъ прочихъ девъ».

«Мочу коровью вольешь ты въ сосудъ желѣзный или оловянный и ею ты будешь обливать очищаемаго; палку девяти-узловую прикрѣпишь ты къ оловянному сосуду. Сначала ты обмоешь руки очищаемаго; ибо, если онъ не обмоетъ своихъ рукъ впередъ, то осквернитъ своими руками все тѣло свое. Обмывъ руки три раза, онъ чистыми руками обмоетъ свой лобъ. Тогда друхъ-наса спустится внизъ и помѣстится между глазами этого человѣка. Тогда надо обрызгать межглазное пространство, и друхъ-наса бросится на затылокъ человѣка, а когда обрызгнешь затылокъ, друхъ-наса бросится на щеки очищаемаго, а когда обрызгнешь его щеки, друхъ-наса бросится на правое его ухо».

Послѣдовательнымъ обмываніемъ члена за членомъ друхъ-наса перескакиваетъ съ праваго уха на лѣвое, съ лѣваго уха на правое плечо, съ праваго плеча на лѣвое, съ лѣваго плеча на грудь, съ груди на спину, со спины на правый грудной сосокъ и т. д. и т. д., спускаясь все ниже и ниже, пока, наконецъ, она не будетъ загнана на кончики пальцевъ лѣвой ноги. «И когда обрызгнешь этимъ-же путемъ и пальцы его лѣвой ноги, друхъ-наса вытѣснится по направленію къ сѣверу въ образѣ мухи, которая послѣ сильнаго жужжанія упадетъ мертвой; и тогда произнесешь ты сіи вѣчныя слова: *Yathâ ahû Vairû*».

Обливаніе повторяютъ у каждой изъ девяти ямокъ, затѣмъ его окуриваютъ разными пахучими травами и кореньями, послѣ чего онъ отправляется въ шатеръ свой. Однакожь, этимъ очистительная процедура еще не окончена. Въ своемъ шатрѣ онъ долженъ сидѣть въ самой серединѣ на извѣстномъ разстояніи отъ другихъ маздаясновъ. «Онъ не можетъ приближаться ни къ огню, ни къ водѣ, ни къ скотинѣ, ни къ дереву, ни къ чистому мужчинѣ, ни къ чистой женщинѣ». По простествіи трехъ ночей, онъ обмываетъ тѣло коровьей мочою и водою, то же самое повторяетъ онъ послѣ шести ночей, а затѣмъ въ третій разъ послѣ девяти ночей, и тогда уже онъ можетъ приблизиться къ огню, къ водѣ и т. д.

Интересна такса, назначенная Авестою за труды по очищенію: священника (атраву) очищаютъ за его благословіе, начальника округа за большой верблюдъ, начальника города за большую лошадь, начальника деревни за большого быка; ховяина дома за корову и т. д., словомъ — надо, чтобы «производившій очищеніе ушелъ радостный, веселый и безъ вражды въ сердцѣ. Ибо, поясняетъ Авеста: безъ удовольствія озаряетъ солнце нечистаго человѣка, безъ удовольствія свѣтятъ надъ нимъ луна и звѣзды, а производящій очищеніе, изгоняя съ нечистаго пребывающую на немъ друксъ-насу, радуется огонь, радуется воду, радуется землю, радуется скотину, радуется дерева, радуется чистыхъ людей».

Необходимо замѣтить, что приведенная нами сложная процедура очищенія примѣнялась только въ болѣе важныхъ случаяхъ нечистоты, зависящихъ отъ прикосновенія къ человѣческому трупу; въ болѣе легкихъ случаяхъ довольствовались девятикратнымъ, а то и трехкратнымъ обливаньемъ.

Ознакомившись съ методами очищенія у древнихъ персовъ, мы сразу поймемъ смыслъ всѣхъ приведенныхъ выше древнихъ галахотъ. У парсовъ погруженіе нечистаго въ воду строго запрещалось; Эвдра-же установилъ погруженіе, какъ единственную форму очищенія отъ нечистоты. Авеста требуетъ послѣдовательнаго омовенія одного члена за другимъ, древняя-же галаха требуетъ, чтобы бассейнъ былъ такой емкости, чтобы все тѣло могло погрузиться въ воду разомъ, *и отнюдь не обмывать одного члена за другимъ*¹. Авеста предписываетъ девяти-

¹ Siphra къ Levit. XV, 16; и къ Levit. XXII, 6. Впослѣдствіи, когда первоначальный мотивъ всѣхъ этихъ постановленій былъ уже забытъ, талмудисты стали подъискивать для нихъ разныя объясненія. Вотъ какъ объясняетъ эти законы Р. Bibi бар Abai: въ древности, говорить онъ, ритуальные бассейны были очень грязны, и поэтому вошло въ употребленіе послѣ ритуальнаго омовенія обливать себя нѣсколькими кувшинами чистой воды. И вотъ распространилось въ народѣ ложное мнѣніе, что очистительная сила не въ бассейнѣ, а въ обливаніи; и изъ опасенія, что современемъ народъ вовсе перестанетъ пользоваться ритуальнымъ бассейномъ, законоучители наши нужнымъ запретить обливаніе чистой водой послѣ погруженія въ грязный бассейнъ, а для вѣщей строгости они постановили, что даже совершенно чистый человѣкъ, облитый

кратное или трехкратное омовеніе во всѣхъ случаяхъ нечистоты, древняя-же галаха объявляетъ ритуально нечистымъ даже чистаго человѣка, а тѣмъ болѣе нечистаго, на голову и тѣло котораго полита была вода изъ 3 или 9 сосудовъ (רִצַּף ט). Мало того, галаха нашла нужнымъ признать ритуально негоднымъ бассейнъ, въ который влито было изъ сосуда девять кабовъ воды. Ясно, что галаха боролась тутъ противъ распространившихся въ народѣ персидскихъ обычаевъ, и, къ сожалѣнію, надо признать, что борьба эта не всегда была успѣшна. Обычай замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ погруженіе מִיָּדַם обливаніемъ изъ 9-ти сосудовъ пустилъ, повидимому, глубокіе корни въ народѣ и позднѣйшимъ законоучителямъ пришлось санкціонировать его, несмотря на то, что ясно сознавали, что они идутъ противъ древней галахи.

Въ трактатѣ Berachoth мы читаемъ: «Если на человѣка нечистаго (טָר לִטְמֵא) вылито было 9 кабовъ воды, онъ становится чистымъ. Эту галаху Нахумъ-ишъ-Гамзу передалъ шопотомъ Р. Акивъ, Р. Акива передалъ ее шопотомъ Бенъ-Азаю, а Бенъ-Азай вышелъ и публично преподавалъ ее своимъ ученикамъ»¹. Послѣ всего сказаннаго мы поймемъ таинственность и сдержанность, предшествовавшую обнародованію этой галахи—вѣдь, это была уступка народному обычаю, вопреки древнему закону. Уступка эта могла быть сдѣлана тѣмъ легче, что объ эту пору (I в. п. Р. Х.) нечего было опасаться вліянія маздаизма на еврейскую религію. Маздаизмъ въ самой Персіи былъ тогда въ упадкѣ, а въ Иудеѣ народъ подавно никакого общенія не имѣлъ съ его послѣдователями.

Я не буду долго останавливаться на другихъ рѣзкихъ противоположностяхъ между древней галахой и ученіемъ Авесты, тѣмъ болѣе, что, въ большинствѣ случаевъ, древняя галаха всецѣло стоитъ на почвѣ библейскаго текста, а Библия, какъ мы уже выяснили раньше, какъ въ основныхъ принципахъ такъ и въ деталяхъ, діаметрально противоположна Авестѣ. Однакожъ и въ простыхъ толкованіяхъ, и въ опредѣленіяхъ древ-

9-ю или 3-мя кабами воды, дѣлается ритуально нечистымъ. (Schabb. 14). Объясненіе R. Bibi въ сущности совершенно сходно съ нашимъ объясненіемъ, но происхожденіе чиселъ 3 и 9 осталось непонятнымъ.

¹ Berachoth 22a.

ней галахи видна тенденція ставить удареніе на различіяхъ между еврейскимъ институтомъ ритуальной чистоты и персидскимъ. Вотъ нѣкоторые примѣры. По Авестѣ—живыя растенія, напр. деревья и хлѣбъ на корню, способны воспринимать инфекцію ¹, по опредѣленію же галахи—нѣтъ ². По Авестѣ—куски дерева, хотя бы и не превращенные въ какое либо орудіе, также инфицируются, и пучки баресмы должны были быть тщательно оберегаемы отъ инфекции; по ученію же галахи—простые куски дерева вовсе не воспринимаютъ инфекции ³. По Авестѣ — кусокъ человѣческаго трупа, унесенный собакой или хищной птицей, теряетъ свою инфицирующую силу ⁴. По опредѣленію же галахи—кусокъ трупа, даже проглоченный собакой или птицей, остается источникомъ нечистоты ⁵. По Авестѣ—очистительная процедура можетъ быть произведена только ученымъ жрецомъ (атравой), посторонній же человѣкъ, произведшій эту процедуру, подвергается смертной казни ⁶. Галаха же утверждаетъ: всякій человѣкъ можетъ производить обрызгиваніе очистительной водою, даже малолѣтній и даже полумумный ⁷. Авеста устанавливаетъ таксу за очищеніе, согласно общественному положенію очищаемаго; въ противоположность этому галаха требуетъ, чтобы очистительная процедура производилась непременно безвозмездно ⁸. Въ Авестѣ имѣется законъ: если на одной скамьѣ съ мертвымъ тѣломъ будутъ рядомъ сидѣть мужчины или женщины, то число инфицируемыхъ лицъ будетъ различно, смотря по общественному положенію умершаго. «Если это былъ жрецъ, то друхъ-наса

¹ Vendidad farg. VII.

² Siphra къ Levit XII, 37.

³ Mischna Kelim XV, 1.

⁴ Vend. Farg. V, 1—15.

⁵ Mischna Aholoth XI, 7.

⁶ Vend. farg. IX, 172—180.

⁷ Mischna Para XII, 10.

⁸ Mischna Bechoroth IV. Текстъ гласитъ такъ: кто беретъ мзду за отправленіе правосудія, того рѣшенія не имѣютъ силы; кто беретъ мзду за свидѣтельское показаніе, того свидѣтельство недействительно; кто беретъ мзду за приготовленіе очистительной воды и за обрызгиваніе ею, того вода то же, что вода изъ (могильной) пещеры, а его зола то же, что зола изъ очага (т. е. недействительны).

перейдетъ отъ него на 10 человекъ—гниеніемъ, разрушеніемъ и зловоніемъ; если это былъ воинъ, то она перейдетъ на 9 человекъ, если это былъ хлѣбопашецъ, то нечистота перейдетъ только на 8 человекъ, если это былъ трупъ собаки, охраняющей стадо, то нечистота перейдетъ только на 7 человекъ и т. д.. Что же касается трупа деваясна, т. е. невѣрующаго, то, по ученію Авесты, онъ вовсе не инфицируетъ. Деваясна—нечистъ при жизни, а не послѣ смерти¹. Древняя же галаха не различаетъ трупа еврея отъ трупа язычника и ужъ давно не обращаетъ при этомъ вниманія на общественное положеніе умершаго². Галаха, вообще, внѣ шатра не признаетъ инфекціи на разстояніи.

Если даже допустить, что не всѣ приведенныя нами галахотъ обязаны своимъ происхожденіемъ сознательной тенденціи—противодѣйствовать распространенію персидскихъ обычаевъ въ народѣ, если даже допустить, что противоположность нѣкоторыхъ галахотъ предписаніямъ Авесты—чисто случайное явленіе, то этого во всякомъ случаѣ никакъ нельзя сказать относительно закона о погруженіи (גָּלְיָהוּ) и связаннаго съ нимъ закона объ обливаніи 9-ю кабами. Тутъ сознательный протестъ противъ обрядовъ маздаизма слишкомъ рѣжетъ глаза. Мы видѣли выше, что относящіяся сюда галахотъ существовали уже во время

¹ Vendidad. farg. V. 83 и далѣе; farg. VII, 7 и далѣе.

² Однимъ законоучителемъ II вѣка по Р. Х. Раби Симонъ-бенъ-Иоханъ было высказано мнѣніе (непринятое, впрочемъ, его коллегами), что трупъ язычника не инфицируетъ шатерной инфекціей и что поэтому могилы язычниковъ также не инфицируютъ (Jebámoth 61). Шоръ, которому во всякой талмудической фразѣ чудится вліяніе парсызма, не сомнѣвается, что и приведенное мнѣніе Р. Симона представляетъ также прямое заимствованіе у персовъ. Несмотря на нѣкоторое, въ данномъ случаѣ, сходство, мы тѣмъ не менѣе считаемъ невѣроятнымъ вліяніе парсызма на воззрѣніе Р. Симона-бенъ-Иоханъ. Мы говоримъ „нѣкоторое сходство“, потому что Р. Симонъ исключаетъ трупъ язычника только изъ „шатерной“ инфекціи и признаетъ, что „прикосновеніемъ“ къ трупу язычника человекъ инфицируется одинаково, какъ прикосновеніемъ къ трупу израильтянина. Во всякомъ случаѣ во II в., какъ упомянуто нами выше, и въ самой Персін Зороастрова религія была въ крайнемъ упадкѣ, тѣмъ меньше она могла вліять на воззрѣнія еврейскихъ законоучителей въ отдаленной Іудеѣ. Дѣйствительные мотивы высказаннаго Р. Симономъ мнѣнія будутъ выяснены нами впоследствии, когда дойдемъ въ нашемъ изслѣдованіи до его эпохи.

дѣятельности Шемая и Абталіона (60 — 35 до Р. Х.). Въ это время врядъ ли предстояла особенная надобность бороться противъ вліянія маздаизма, который и на родинѣ своей находился тогда въ упадкѣ. При томъ не въ характерѣ фарисеевъ было бороться противъ укореившихся въ народѣ обрядовъ и обычаевъ, какого бы происхожденія они ни были, если только они не угрожали чистотѣ еврейской религіи. Сознательное противодѣйствіе персидскимъ обрядамъ со стороны ревнителей еврейской національной религіи было естественно только во время персидскаго владычества. Это сознательное противодѣйствіе не могло быть дѣломъ народной массы,—масса, напротивъ, всегда склона къ подражанію и заимствованію. Должна же была слѣдовательно существовать извѣстная группа людей, отъ которыхъ исходило это сознательное противодѣйствіе стихійной склонности народной массы. Эту то группу людей мы и называемъ «Мужами Великой Синагоги».

Въ заключеніе этой главы мы считаемъ, однакожь, нужнымъ указать на одну серію галахотъ, въ основаніи которыхъ лежитъ принципъ, обязанный, *можетъ быть*, своимъ происхожденіемъ прямому вліянію маздаизма.

Дѣло въ слѣдующемъ. По Моисееву закону, какъ извѣстно, человѣческій трупъ, находящійся въ замкнутомъ пространствѣ (въ шатрѣ), сообщаетъ нечистоту лицамъ и предметамъ, находящимся въ этомъ шатрѣ, равно *какъ и самому шатру*. Трупъ же или могила на открытомъ пространствѣ инфицируетъ лишь непосредственнымъ соприкосновеніемъ. Но древняя галаха подводитъ подъ понятіе о шатрѣ также и тѣ случаи, когда инфицируемое лицо находится *надъ* могилою, или же, когда оно находится *подъ* нею, хотя бы это лицо не приходило въ непосредственное съ нею соприкосновеніе. Въ первомъ случаѣ говорятъ, что человѣкъ осѣняетъ (לְלַמֵּד) могилу, т. е. образуетъ своимъ тѣломъ надъ нею шатеръ; во второмъ случаѣ говорятъ, что могила осѣняетъ человѣка, образуетъ шатеръ надъ нимъ. Вообще трупъ, замкнутый въ тѣсномъ пространствѣ (Tumah gezuza) распространяетъ инфекцію вверхъ до небесъ, внизъ до преисподней, до встрѣчи съ другимъ замкнутымъ пространствомъ.

Въ Авестѣ, правда, мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ,

да тамъ вообще не можетъ быть рѣчи о могилахъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ строго запрещалось Зороастровой религіей; тѣмъ не менѣе приведенное выше представленіе о способности могилы распространять инфекцію вверхъ и внизъ—несомнѣнно существовало у древнихъ персовъ. Припомнимъ извѣстный рассказъ Геродота объ отказѣ Дарія проѣхать въ Вавилонѣ подъ аркой, надъ которой находилась гробница одной изъ вавилонскихъ царицъ¹. Согласно приведенному выше правилу, и еврей, даже мирянинъ, не могъ безъ крайней надобности пройти черезъ такіа ворота; а священнику это абсолютно запрещалось.

Нѣкоторую аналогію съ этимъ представляетъ рассказъ Мишны о тѣхъ сооруженіяхъ, которыя были воздвигаемы въ Иерусалимѣ для приготовленія абсолютно чистыхъ людей для участія въ обрядѣ сожиганія красной коровы, зола которой шла на приготовленіе очистительной воды. Церемоніи этой придавали большую торжественность. Ритуальная чистота участвовавшихъ въ ней священниковъ должна была быть внѣ всякаго сомнѣнія. За недѣлю до назначеннаго для этой церемоніи дня, производившій ее первосвященникъ оставлялъ свою квартиру и поселялся въ отведенную ему при храмѣ келью; для вящшей предосторожности его ежедневно окропляли очистительной водой. Чтобы быть увѣреннымъ, что употребляемая для этого ключевая вода абсолютно чиста, т. е. что водочерпій никогда не подвергся невѣдомо для себя какой либо инфекціи, существовали въ Иерусалимѣ особенные дома, построенные на дѣвственной скалѣ, чѣмъ исключалась всякая возможность существованія подъ ними въ нѣдрахъ земли человѣческой могилы. Туда заранѣе отправляли беременныхъ женщинъ, которыя тамъ рожали и тамъ же воспитывали до извѣстнаго возраста будущихъ водочерпій. Для перехода лицъ, участвовавшихъ въ церемоніи, отъ Храмовой горы до Масличной, гдѣ обыкновенно сожигалась корова строился мостъ на сложной системѣ арокъ, для того, чтобы не было непрерывнаго сообщенія между

¹ Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ этого факта можно заключить, что дитированное нами выше изъ Авесты положеніе, по которому трущъ деваясны (т. е. невѣрующаго въ ученіе маздазнама) вовсе не инфицируетъ,—составляетъ продуктъ позднѣйшаго происхожденія: вѣдь царица вавилонская была деваясна.

стопами участвовавшихъ въ церемоніи и скрытой въ нѣдрахъ земли могилой (keber ha-tehom), еслибы таковая находилась въ этомъ мѣстѣ.

Само собою разумѣется, что былъ бы напрасный трудъ объяснить всѣ эти предосторожности гигиеническими соображеніями. Всѣ эти щепетильности относятся къ разряду «оградъ вокругъ закона» во второмъ, позднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Съ другой стороны нельзя не признать, что связанное съ ученіемъ о могилахъ ученіе о шатрахъ (Aholoth) проникнуто весьма рачіональной руководящей идеей. Въ основѣ обстоятельной и весьма тонкой казуистики о смежныхъ и сообщающихся между собою «шатрахъ», подробное изложеніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, лежитъ, повидимому, та вѣрная мысль, что въ замкнутыхъ пространствахъ трупъ при своемъ гніеніи развиваетъ заразительныя газы, имѣющіе свойство распространяться по направленію наименьшаго сопротивленія (по выраженію текста: инфекция свойственно выходитъ черезъ узкое отверстіе, но не входитъ черезъ него), но что изъ очень тѣсныхъ и замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ могилъ (keber sathum) газы просачиваются одинаково во всѣ стороны.

Намъ кажется, что одинъ уже рачіонализмъ основныхъ галахотъ этого рода говоритъ въ пользу ихъ древности, но не меньше этого въ пользу ихъ древности говоритъ также употребляемая при этомъ своеобразная терминологія; но къ вопросу о терминологіи древнѣйшей галахи мы вернемся въ слѣдующей главѣ.

Д-ръ Л. Каценельсонъ.

Израиль въ странѣ негуса.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „*Révue des Révues*“ появилась статья Жюганъ Судана (Jehan Soudan), посвященная описанію нравовъ и обычаевъ абиссинцевъ. Мы заимствуемъ изъ этой статьи данныя объ еврейскомъ характерѣ культуры этого народа и о тѣхъ легендарныхъ и историческихъ событіяхъ, которыми онъ обуславливается, всецѣло, разумѣется, оставляя на авторѣ отвѣтственность за правдивость сообщаемыхъ свѣдѣній.

* * *

Никто въ Европѣ не знаетъ, что евреи являются полновластными владыками Абиссиніи. А между тѣмъ, уже въ продолженіе почти 3000 лѣтъ они управляютъ ею, пополняя собой ряды духовныхъ и свѣтскихъ властей. Епископы-меченосцы, воинственные аббаты, знатные владѣльцы ленновъ, почти безъ исключенія всѣ духовные и свѣтскіе бароны этого теократически-феодалнаго государства, своею пышностью живо напоминающаго средневѣковую Византію, принадлежатъ къ благородному еѳіопскому племени, которое, какъ оффиціально признается, согласно историческимъ даннымъ, происходитъ отъ 12 колѣнъ избраннаго народа. Около четырехъ сотъ тысячъ евреевъ чистой крови образуютъ классъ, управляющій 14-тью милліонами нубійцевъ, галласовъ, грековъ, арабовъ, черныхъ и семитовъ разныхъ племенъ, которые составляютъ смѣшанный народъ, прозванный ругательнымъ словомъ *абешъ* (сбродъ).

„Лѣтописи этой страны“, пишетъ португальскій іезуитъ, вернувшійся оттуда въ 1710 году, „даютъ данный списокъ царей и царяцъ, предшествовавшихъ знаменитой Македа или Никола (Niscula), названной въ Св. Писаніи, царицею Саба. Эта ца-

рица, въ мудрости не уступавшая величайшимъ государямъ, пожелала лично познакомиться съ Соломономъ, о которомъ она слыхала чудесные рассказы. Она отправилась къ нему съ дарами въ XX-й годъ своего царствованія и въ 2779 годъ отъ сотворенія міра. Она имѣла отъ него сына, котораго родила на возвратномъ пути, и дала ему имя *Менеликъ*, т. е. *другой я*“. Арабскіе историки, столь враждебно относящіеся къ эіопамъ, подтверждаютъ это національное преданіе, но они производятъ имя *Менеликъ* отъ ерп-алеа—сынъ мудреца.

Какъ бы тамъ ни было, Менеликъ былъ посланъ матерью въ Іерусалимъ, гдѣ, по повелѣнію Соломона, получилъ тщательное воспитаніе, сперва въ храмѣ, а затѣмъ при дворѣ могущественнаго еврейскаго монарха; послѣ этого Соломонъ отпустилъ его, давъ ему въ спутники 12 тысячъ молодыхъ людей, выбранныхъ изъ числа самыхъ красивыхъ, ловкихъ и мужественныхъ всѣхъ 12 колѣнъ; въ начальники этой свиты онъ назначилъ Садока, сына Азарія; кромѣ того онъ послалъ съ нимъ собраніе мудрыхъ и благочестивыхъ раввиновъ (?) съ тѣмъ, чтобы помочь ему основать правленіе Эіопіи согласно Моисееву законодательству.

Тогда-то эта древняя страна, быть можетъ, получившая первыя начала своихъ вѣрованій отъ индійскихъ браминовъ, страна, въ которую египетскіе жрецы отправлялись въ продолженіе столѣтій за посвященіемъ въ таинства теократической философіи, окончательно отказалась отъ своего символическаго поклоненія солнцу и звѣздамъ, и приняла отречение единаго Бога и вѣру въ Іегову.

Что касается до 12 тысячъ израильтянъ, прибывшихъ съ Менеликомъ, то они сдѣлались родоначальниками 400,000 евреевъ, составляющихъ касту голубой крови въ Эіопіи 1897 года.

Менеликъ же, наследовавшій своей матери, началъ собою династію Amis, потомковъ Соломона, императоровъ или негусовъ Абиссиніи.

Абиссинскія лѣтописи и арабскія хроники даютъ весьма по-

дробный перечень этихъ государей, къ имени которыхъ въ продолженіе всей исторіи прибавлялся славный эпитетъ: „Сынъ сѣмени Соломона“.

Воспоминаніе объ еврейскомъ переселеніи временъ царицы Македы сохранилось до нашихъ дней; оно не ограничивается только горделивой претензіей негусовъ на славное происхожденіе,—это всеобщее преданіе, распространенное далеко вглубь Африки. Одинъ негръ, купленный крупнымъ французскимъ негодіантомъ Хартума, хвасталъ своею принадлежностью къ еврейскому вѣроисповѣданію, и тѣмъ, что онъ-де происходитъ отъ чернаго невольника царицы Саба (?).

Библейская Іудея имѣла многочисленныя сношенія съ Африкой. Во времена Соломона Эіопія простиралась не только вдоль восточнаго берега Африки, но и по западному берегу Аравіи, заключаая такимъ образомъ въ своихъ предѣлахъ Черное море, по которому плавали іудейскія судна по слѣдамъ великихъ мореплавателей Тира и Сидона. Они доставляли двору іудейскаго царя арабійскія пряности, золото, слоновую кость изъ Судана, жемчугъ изъ Офира или Цейлона; быть можетъ, они даже доплывали до Индіи. Вѣроятно, много эмигрантовъ изъ Іудеи были привлечены въ Новую Іудею, основанную въ Африкѣ, и, наоборотъ—велика была привлекательность Іерусалима для знатныхъ Эіопіи. Сіонъ откровеній Іеговы навсегда сохранилъ свое божественное очарованіе для нихъ. Ихъ сыновья отправлялись въ Іерусалимъ доканчивать свое образованіе, подобно тому, какъ молодые римскіе патриціи отправлялись съ этой цѣлью въ Аѳины. Паломничество въ Св. Храмъ Соломона получило для всего эіопскаго народа одновременно и національное и религіозное значеніе.

Помимо этого двойного непрерывнаго теченія между старой и новой Іудеей, эіопскія лѣтописи упоминаютъ двѣ большія эмиграціи Израиля въ Африку; первая послѣ взятія Іерусалима Навуходоносоромъ, во времена перваго Вавилонскаго плѣненія; вторая—почти столь же значительная, во времена царя Салмонасара.

Наконецъ, когда римскіе легіоны Веспасіана и Тита окончательно разрушили градъ Іеговы, совершился третій исходъ евреевъ въ Эіопію. Всѣ (?) оставшіеся на развалинахъ храма непримиримые патріоты вошли въ составъ этой послѣдней колоніи; однако, она не такъ легко, какъ ея предшественницы, растворилась въ массѣ эіопскаго племени. Изгнанныки были радушно приняты своими африканскими братьями и поселились предпочтительно въ горахъ Самена (Samen). Интересно отмѣтить, что они остались чуждыми движенію, которое превратило африканскую Іудею въ христіанское государство. Христіанскіе негусы выказывали къ искавшимъ у нихъ защиты рѣдкую терпимость, и никогда не пытались заставить евреевъ Самена принять христіанскую вѣру, между тѣхъ какъ съ этой цѣлью даже вели войну противъ галласовъ. Евреямъ были предоставлены для жительства цѣлые города, какъ въ древней Іудеѣ. Еще въ настоящее время, 1800 лѣтъ спустя послѣ этихъ событій, въ области Самена можно видѣть гетто, установленныя іудеями для іудеевъ — непосредственныхъ потомковъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ послѣдняго пораженія, отъ гнѣва Іеговы. Они одни во всемъ государствѣ освобождены отъ воинской повинности. До сихъ поръ носятъ они характерное названіе фаллазіевъ (Fallazias) — изгнанныковъ. Замѣчательно также и то, что они вовсе не занимаются торговлею, въ противоположность своимъ единовѣрцамъ другихъ странъ. Имъ предоставлена мало завидная привилегія обрабатывать преимущественно желѣзо въ странѣ, гдѣ кузнецъ слыветъ за кудесника, оборотня, за человѣка имѣющаго сношенія съ нечистою силой.

Итакъ, все новыя прибавленія еврейской крови окончательно укрѣпили преобладаніе евреевъ надъ всей разнообразной массой мѣстныхъ народовъ и племенъ настолько, что къ Р. Хр. Эіопія сдѣлалась окончательно африканской Іудеей, могущественнымъ, цивилизованнымъ государствомъ еврейской религіи, нравовъ и учрежденій, неизбежно утвердившимся въ недоступной для нападеній африканской Швейцаріи, управляемымъ независимой духовной и

свѣтской аристократіей, съ первосвященникомъ и царемъ негусомъ во главѣ,—и все это въ то время, когда метрополія, библейская Іудея подпала подъ владычество римлянъ. Нѣчто подобное произошло въ Канадѣ, соиздающей американскую Францію по ту сторону океана, вдали отъ Франціи Ватерлоо и Седана.

* * *

Впервые христіанство появилось въ Эіопіи 35 лѣтъ спустя послѣ Р. Хр.; оно было введено евнухомъ и казначеемъ царствовавшей тогда тамъ царицы Кандасъ изъ рода Соломонова. Вскорѣ вся Эіопія была обращена въ христіанство, причемъ все то изъ Моисеева закона, что не было отиѣнено закономъ Христа,—было сохранено. Эіопія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, много обычаевъ которой перешли къ ней и до сихъ поръ сохраняются. Въ теченіе среднихъ вѣковъ ей приходилось защищаться въ своихъ неприступныхъ скалахъ отъ нападений арабовъ, противъ вторыхъ она устояла, сохранивъ свою связь съ Александріей, отъ патріарховъ которой получала первосвященниковъ, и съ Іерусалимомъ, куда не переставали отправляться въ двойное положничество, къ гробу Господню и къ развалинамъ храма.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ Эіопія не прерывала окончательно сношеній съ Европой. По временамъ она просила помощи противъ тѣснившихъ ее арабовъ, и однажды 10,000 португальцевъ, пришедшихъ ей на помощь подъ предводительствомъ Стефана-де Гама, остались тамъ, положивъ начало аріиско-христіанской знати.

Съ раздѣленіемъ церкви естественно, что Эіопія осталась за восточной церковью.

* * *

Религія, правленіе, національныя учрежденія Абиссиніи составляютъ прочное соединеніе, странную амальгаму двухъ цивилизацій, двухъ обществъ, двухъ законовъ: закона Мойсея и христіанскаго.

Крещеніе совершается въ Абиссиніи на 40-й день отъ рожденія, а обрѣзаніе на тридцатый. Крещеніе производится погруженіемъ

въ воду по формулѣ Іоанна Крестителя; причастіе принимается подъ двумя видами; при обязательномъ насхальномъ причащеніи въ семейномъ кругу закалывается баранъ по древне-еврейскому обычаю. Въ церковь входятъ безъ обуви: „Сними свои сандаліи“, — сказала Іегова ^{словамъ} Аврааму, говоря о горящемъ кустѣ: „потому что священна земля, по которой ты ходишь“. Въ церкви стоятъ, опираясь на палки, находящіяся всегда у священниковъ и раздаваемые при входѣ въ храмъ молящимся. Тѣ, которымъ мало такой подпоры, могутъ уѣсться на земь на корточки; во изъ опасенія злоупотребленія такимъ снисхожденіемъ дьяконъ по временамъ громко вскрикиваетъ: „Пусть встанутъ всѣ, кто уѣлся“. Церковь служитъ путешественникамъ чѣмъ-то вродѣ каравансарая, въ которомъ они находятъ обильный ужинъ, убѣжище и все, что ни потребуется. Являясь въ церковь, прихожане обыкновенно приносятъ дары, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ, куреній и пр., которые и оставляютъ при входѣ въ храмъ. Часть этихъ даровъ оставляютъ себѣ священники, а остальное раздаютъ въ видѣ милостыни послѣ службы, которая происходитъ чрезвычайно рано, въ 2 или 3 часа ночи.

Какъ израильскіе цари, негусъ созываетъ и предсѣдательствуетъ въ синодѣ. *Абуна*, или первосвященникъ, назначается александрійскимъ патріархомъ за условливаемую цѣну. И часто негусъ старается за эту цѣну (въ 10—15 тысячъ таллари=35—45 тысячъ франковъ) получить вмѣсто одного двухъ „абуна“. Во главѣ національнаго духовенства стоитъ *еचेгіе*; „абуна“ же пользуется почетной синекурою; его обязанность состоитъ въ назначеніи священниковъ и въ коронованіи негуса, при которомъ онъ служитъ совмѣстно съ „еचेгіе“; помимо этого онъ пользуется спокойной жизнью, которую стараются продлить возможно дольше во избѣжаніе расхода на новаго „абуна“.

Какъ и у евреевъ и русскихъ, священники или „папы“ имѣютъ право жениться. Ихъ много и они ведутъ бѣдный образъ жизни русскихъ сельскихъ священниковъ, мало чѣмъ отличающагося отъ про-

того народа. По смерти первой жены священникъ во второй разъ уже не имѣетъ права жениться; въ подобныхъ случаяхъ они обыкновенно постригаются въ монахи, которыхъ очень много въ Абиссиніи, точно также какъ и отшельниковъ.

* * *

Церковь, соединяя элементы христіанскаго и ветхозавѣтнаго храма, походить на русскую. Служба происходитъ на гезскомъ языкѣ (gheez); этотъ мертвый языкъ, есть языкъ священныхъ книгъ, литургія, а также и официальный языкъ государственныхъ указовъ. Онъ представляетъ смѣшеніе халдейскаго и древне-еврейскаго библейскаго языка. Буквы очень походятъ на еврейскія, но благодаря порчѣ, весьма ярко символизирующей европеизированную Іудею, какою является Эіопія, гезскій языкъ пишется подобно европейскимъ языкамъ слѣва на-право. Во время службы священники надѣваютъ богатыя ризы и древніе вѣнцы—дары негусовъ. Музыка Давидовыхъ псалмовъ (съ текстомъ на гезскомъ языкѣ) напоминаетъ своимъ восточнымъ, мнорнымъ мотивомъ тѣ мелодіи, которыя можно услышать безъ значительныхъ перемѣнъ въ синагогахъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Константинополя, Александріи и Іерусалима.

Особый оркестръ аккомпанируетъ пѣвчимъ-левитамъ; онъ состоитъ изъ ambiltas—еврейскихъ флейтъ, звукъ которыхъ походить на сладкое жужжаніе пчелъ около сотъ, арфы дочерей Сіона, плакавшей на берегахъ Вавилонскихъ во времена плѣненія, библейскихъ кимваловъ и однообразно гудящаго тамбурина (nagarith).

* * *

Не одни эти музыкальные древне-еврейскіе инструменты сохранились у абиссинцевъ: сохранился и сестръ—серебряный треугольникъ, увѣшанный звенящими погремушками, которымъ порывисто потрясаетъ одинъ изъ священниковъ, исполняя священный Давидовъ танецъ передъ кивотомъ завѣта, который по преданію находится у абиссинцевъ; они показываютъ его народу во время тор-

жественныхъ церемоній: это — ящикъ, шкатулка, рака, покрытая фіолетовымъ бархатнымъ покрываломъ и изукрашенная золотыми и серебряными филиграновой работы драгоценностями; двойной рядъ роскошно одѣтыхъ въ эпитрахили и ризы прелатовъ носить ее на рукахъ; кругомъ ихъ — стража изъ священниковъ-музыкантовъ, играющихъ на *paгарith*, *ambiltas*, на арфахъ, съ священнымъ гамомъ подвигается впередъ при звукахъ *mélékétés*—длинныхъ трубъ, похожихъ на тѣ трубы, изображенія которыхъ можно видѣть на гравюрахъ, имѣющихъ сюжетомъ паденіе стѣнъ Іерихонскихъ. Наконецъ, во главѣ кортежа межъ дымящихся кадилицъ, подъ падающей дождемъ освященной водой, играющій на сестрѣ пляшетъ пятясь свой причудливый танецъ. Это-то и выдается за *tabot*, кивотъ завѣта, сохранившійся 3,000 лѣтъ и донынѣ сохраняемый въ таинствѣ святилища Аксума—священного города.

Копія-ли это кивота? О, нѣтъ... Это и есть самый настоящій кивотъ, построенный Мойсеемъ, по приказанію Іеговы. Согласно преданіямъ, Менеликъ, сынъ царицы Македы, вынулъ его изъ Іерусалимскаго храма, предварительно велѣвъ заготовить копію, которую и оставилъ на мѣстѣ въ Святой Святыхъ, а оригиналъ отвезъ къ себѣ въ Деіонію. Болѣе скептическіе абиссинскіе историки приписываютъ къ этому, что существуетъ и другая версія, — именно, будто кивотъ былъ спасенъ во время пожара храма и тайно отвезенъ вѣрными левитами въ Абиссинію.

* * *

Много и другихъ воспоминаній связываетъ Абиссинію съ древней Іудеей. Какъ въ библейскія времена, постыжіеся воздерживаются отъ пищи до захода солнца. Сохранились нѣкоторые похоронные обряды древнихъ іудеевъ,—предъ совершеніемъ христіанскихъ обрядовъ, тѣло подвергается омовенію; священники носятъ его и такъ быстро, что трудно поспѣвать за ними. Скорбь выражается, какъ въ древности, столами наемницъ и похоронными ба-

рабанами, какъ на похоронахъ дочери Гаира. Вблизи разрываютъ на себѣ одежду, брѣютъ голову, которую поспиваютъ неплотъ и пескомъ. Узнавъ о смерти близкаго человѣка, бросаются на земь съ такою силою, что иной разъ убиваются на смерть.

Согласно Моисееву закону, абиссинцы воздерживаются отъ свинины. Подобно еврейскому рѣзнику, абиссинскій также поворачиваетъ голову закалываемаго животнаго къ Иерусалиму (9).

На исповѣди, часто публичной, исповѣдывающійся подвергается всенародно ударамъ; иногда священникъ обходитъ молящихся, воскуривая еиміамъ; народъ въ одинъ голосъ заявляетъ: „я согрѣшилъ“; затѣмъ приводятъ барана къ паперти; священникъ даетъ всеобщее отпущеніе грѣховъ, а барана зарѣзываютъ, — и въ этомъ слышится отголосокъ преданія о козлѣ отпущенія грѣховъ Израиля.

Кодексъ законовъ, которыми управляется Эеіопія, носитъ на себя одновременно слѣды и христіанскихъ и еврейскихъ вліаній. Это—смѣшеніе Юстиніанова и Моисеева законодательства. Въ немъ сохраненъ принципъ talionis (возмездія), какъ, впрочемъ, и право возмѣщенія въ извѣстныхъ случаяхъ. De jure сохранилось, хотя de facto вышло изъ употребленія наказаніе побіеніемъ каменьями за прелюбодѣяніе.

Браки заключаются въ очень молодомъ возрастѣ: мальчикамъ иногда всего 12 лѣтъ, дѣвочкамъ едва 10; разводъ допускается въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности.

Смѣшеніе еврейскихъ элементовъ съ христіанскими проявляется какъ въ одеждѣ и прическѣ, такъ и въ вооруженіи. Еще недавно существовалъ отрядъ пращниковъ, только въ послѣдніе года замѣненный стрѣлками. Наряду съ широкими мечами съ крестообразной рукояткой, абиссинцы носятъ также серпообразныя сабли, которыми можно поразить врага въ верхнюю часть спины или шее, позади древняго еврейскаго щита.

Но что наиболѣе напоминаетъ евреевъ, это черты лица какъ мужчинъ, такъ и женщинъ: волосы, носъ, губы, глаза; впрочемъ,

онѣ болѣе похожи на черты тѣхъ чисто семитическихъ расъ, представители которыхъ часто еще встрѣчаются въ Аравіи и Палестинѣ, чѣмъ на видоизмѣненные уже черты вырождающагося населенія гетто.

Сочетаніе христіанскаго и еврейскаго проявляется даже въ географическихъ названіяхъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго и Новаго заветовъ. Сами абиссинцы называютъ себя: „Jsgaelin, Ould Mugiash“ — „евреями, сынами Маріи“.

* * *

Передъ входомъ въ царскій дворецъ находится растение, встрѣчающееся только въ Абиссиніи—kolkoal; на вершинѣ—зеленой, длинной, прямой, какъ колонна,—вѣтви симметрично расходятся въ сторону; горизонтальные отростки, внезапно загибающіеся внизъ, а затѣмъ вновь поднимающіеся на верхъ,—на подобіе семивѣтвеннаго канделябра. На каждой оконечности распускается красный, какъ пламень, цвѣтокъ—на высотѣ отъ 15 до 20 футовъ отъ земли. Ботаники называютъ это растение: *cactus candelabra*. По-видимому, даже растенія вырастаютъ тамъ по законамъ Талмуда...

* * *

Очень простымъ средствомъ Моисей воспрепятствовалъ чрезмѣрному обогащенію отдѣльныхъ личностей, именно—установленіемъ юбилея. Еврейско-христіанская организація Абиссиніи сохранила подобіе этого учрежденія: по смерти феодальнаго владѣльца, двѣ трети его владѣній поступаютъ въ распоряженіе негуса, который имѣетъ право раздать ихъ по своему усмотрѣнію наиболѣе достойнымъ.

Два символа прекрасно воплощаютъ двойственность Абиссиніи: во-первыхъ, печать негусовъ, на одной сторонѣ которой выгравированъ посреди круга крестъ и надпись на гезскомъ языкѣ—Св. Богородица, а на другой: левъ Іуды, держащій въ десницѣ державу съ крестомъ, вокругъ чего выгравировано имя негуса, „Царя Израиля“; а во-вторыхъ, знакъ ордена Эѳіопіи: массивный же-

лѣзныи крестъ магической формы Соломоновой печати, всемогущаго талисмана еврейскихъ кабалистовъ, священный амулетъ арабскихъ легендъ, подчиняющій себѣ геніевъ воздуха и земли, воды и неба, божественнаго знака, управляющаго духами звѣздъ и руководящаго Kismet—восточнымъ рокомъ; каждая вѣтвь этого знака состоитъ изъ ряда равныхъ разнообразно расположенныхъ треугольниковъ. Этотъ орденъ еврейскаго рыцарства—и одновременно самого стариннаго христіанскаго—носятся на свѣтло-голубой лентѣ цвѣта Дѣвы Маріи.

Гр. Л.

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

IX ¹.

Бланкъ замолчалъ и устремилъ свой задумчивый взоръ на аллею, деревья которой своими разросшимися вѣтвями образовали густой, едва проникаемый для лучей сводъ. Кругомъ было тихо, и только чириканье птичекъ и перепархиванье ихъ съ вѣтки на вѣтку свидѣтельствовало о жизни и движеніи... Роза тоже молчала и думала о томъ, что ей сказала Бланкъ. Въ его словахъ было много трогательной правды и она не могла не сочувствовать ему. Но онъ ей не сказалъ еще самаго главнаго; онъ закрылъ предъ ней книгу, не дочитавъ послѣдней главы. И въ нервномъ волненіи, съ сердцемъ, переполненнымъ мрачныхъ предчувствій, она, наконецъ, прервала тяжелое для обоихъ молчаніе.

— Рассказывайте; я хочу знать все.

И во взглядѣ, который она бросила на него, было столько сердечной доброты и участія, что на душѣ у Бланка сразу стало легко. Онъ не сомнѣвался, что въ этой дѣвушкѣ онъ нашелъ человѣка, котораго онъ такъ тщетно и давно искалъ, человѣка, которому бы онъ могъ все рассказать и который бы понялъ его.

— Многие думаютъ, что я дѣлаю изъ этого тайну—продолжалъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ.—Но это неправда. Во первыхъ, не въ моемъ характерѣ скрывать свои поступки; я всегда поступаю по зрѣломъ размышленіи и сообразуюсь съ дѣйствительной, а не условной правдой. Во вторыхъ, было бы недѣло съ моей стороны скрывать то, что

¹ См. „Восходъ“, кн. VII.

рано или поздно должно сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ. Но я этого никому не рассказывалъ, потому что меня не спрашивали. Вы первая потребовали у меня отчета, правда не прямо, не словами. Но ваши глаза, выраженіе вашего лица, все ваше существо было проникнуто этимъ требованіемъ и я повинуюсь, тѣмъ болѣе, что это мнѣ самому доставить большое нравственное облегченіе.

Роза одобрительно кивнула ему головой, и Бланкъ продолжалъ:

— Я никогда не писалъ никому о своей студенческой жизни, о матеріальныхъ лишеніяхъ и о другихъ разныхъ невзгодахъ, которыя сыпались на меня точно изъ рога изобилія. Некому было писать, не съ кѣмъ было дѣлиться. Моя мать, вы сами знаете, не въ состояніи была бы понять многого, а то немногое, которое бы она поняла, причинило бы ей только страданіе, и потому я предпочиталъ ей вовсе ни о чемъ не писать. Товарищей, которымъ бы я могъ открыть свою душу, у меня тоже никакихъ не было. То были все юноши, которые смотрѣли на жизнь и ея задачи не такъ какъ я. Сначала, впрочемъ, и я бѣжалъ по общему теченію и даже бравировалъ своимъ крайнимъ матеріализмомъ, или вѣрнѣе карьеризмомъ, увѣряя всѣхъ и каждого, что я учусь исключительно ради матеріальныхъ благъ, что я достаточно наголодался и что, какъ только мнѣ представится возможность, я счѣмю себя вознаграждать на славу за свой продолжительный постъ. А между тѣмъ, въ душѣ у меня, какъ бы помимо моей воли, наарѣвало нѣчто такое, что для меня самого долго казалось страннымъ и непонятнымъ. Я самъ, въ сущности, не могу опредѣлить ни времени, ни прямой причины наступившаго во мнѣ переворота. Полагаю однако, что причинъ было много, а главной изъ нихъ было мое ложное положеніе въ обществѣ, какъ результатъ моего двойного неудачнаго происхожденія. Какъ еврей и какъ сынъ служанки, я, конечно, на каждомъ шагѣ испытывалъ неудобства своего исключительнаго положенія. Это положеніе стало меня преслѣдовать уже съ гимназической скамьи. Но тогда я, конечно, не занимался анализомъ соціальныхъ ненормальностей, и если мнѣ кто нибудь наступалъ на ногу, я или огрызался, какъ озлившійся щенокъ, или отвѣчалъ гордымъ презрѣніемъ.

Вы помните, всё въ нашемъ домѣ считали меня строптивымъ и даже злымъ. А эта строптивость была лишь маской слабого мальчика, который уже тогда чувствовалъ людскую неправду. Но сдѣлавшись студентомъ, познакомившись, хотя поверхностно, съ разными теченіями европейской мысли, я сталъ самъ копаться въ своей душѣ, отыскивая тѣ тайные мотивы, которые давали тонъ всему моему настроенію. Сначала я блуждалъ какъ въ густомъ темномъ бору. Во мнѣ боролись два начала: желаніе во что бы то ни стало выбиться изъ нищеты и неизвѣстности, выплыть изъ нижнихъ слоевъ, гдѣ было такъ душно и тѣсно, на поверхность, чтобы самому душить другихъ, какъ другіе душили меня, и, странно это сказать, стремленіе отыскать правду, очутиться съ нею лицомъ къ лицу, допросить ее. Вы понимаете, какъ неудобно было этимъ двумъ началамъ уживаться вмѣстѣ и какъ отъ этого страдалъ тотъ, въ чьей душѣ велась эта странная борьба. И вотъ, послѣднее взяло верхъ. Я пустился въ погоню за правдой, съ рвеніемъ фанатика, съ нетерпѣніемъ своихъ 20 лѣтъ, съ порывистостью и упрямствомъ, свойственнымъ моему расѣ. Я все бросилъ, все забылъ, всёмъ своимъ существомъ окунулся въ ту пучину, гдѣ по моимъ соображеніямъ должна была находиться она, моя царица, владычица моего сердца, цѣль моей жизни. Различныя философскія системы, всё виды религій, начиная съ нашей и кончая малайской, были попеременно предметомъ моихъ поклоненій и увлеченій. Подобно блуждающему огоньку среди непроницаемаго мрака ночи, предо мной то тамъ, то здѣсь мерцало нѣчто, что я считалъ своимъ откровеніемъ. Но по мѣрѣ приближенія къ цѣли своихъ исканій, это откровеніе исчезало и таяло во мракѣ. Я переживалъ поистинѣ Танталовы муки, я переходилъ съ факультета на факультетъ, не находя себя удовлетворенія нигдѣ. Многіе мои товарищи уже вкушали отъ жизненнаго пирога, удачно начавъ свою карьеру, а я метался какъ угорѣлый, отыскивая то, чего можетъ быть не было. Наконецъ, предо мной туманъ началъ какъ будто разсѣиваться. Тотъ факультетъ, куда я съ отчаянія безъ малѣйшей надежды и увлеченія перекочевалъ въ послѣдній разъ, начиналъ меня интересовать. Я его выбралъ какъ послѣднее убѣжище; я приступилъ къ изученію его науки, какъ больной приступаетъ къ первому глотку про-

тивной ему пищи. Но за первымъ глоткомъ послѣдовалъ другой, третій, вкусъ ко мнѣ возвратился, и я сталъ выздоравливать. Я не стану утомлять вашего вниманія подробностями пережитаго мной душевнаго кризиса, не буду останавливаться на тѣхъ перепетяхъ, которыя еще долго отвлекали мое вниманіе то въ ту, то въ другую сторону. Но главное было найдено, я почувствовалъ подъ своими ногами почву, я вступилъ на этотъ путь, который, я былъ увѣренъ, поведетъ меня къ давно желанной цѣли. Я полюбилъ науку, какъ единственное вѣрное средство къ отысканію правды, какъ самую правду. Предо мной открылись новые горизонты, цѣлый новый міръ, и будущее перестало меня страшить. Все, что меня раньше терзало, мучило, что заставляло меня проводить безсонныя ночи, всѣ эти правды метафизическіе вопросы, которые служатъ предметомъ вѣчныхъ споровъ, всѣ эти мнимыя истины, изъ-за которыхъ проливалось столько человѣческой крови, все это представлялось мнѣ такимъ ничтожнымъ, нелѣпымъ предъ тѣмъ, что я обрѣлъ и что стало моимъ свѣточемъ въ пустынь жизни. И вотъ, когда я наткнулся на препятствіе, которое лежало на моемъ пути...

— Вы его уничтожили, столкнули съ вашего пути,—вырвалось у Розы.

— Да, столкнулъ.

— И ничего больше?

— И ничего больше.

— Но вы... вы... развѣ вамъ не жаль было порвать съ прошлымъ, съ вѣковыми традиціями, съ цѣлой исторической полосой, въ которой и вы составляете необходимую и роковую частицу?

Бланкъ не спускалъ глазъ съ Розы, прекрасной въ своемъ волненіи, съ лицомъ, залитымъ нѣжнымъ румянцемъ, съ выраженіемъ глубокой грусти въ глазахъ. Въ немъ боролись восхищеніе красотой и любовзательность ученаго. Онъ въ одно и то же время тайно преклонялся передъ красотой и анализировалъ душевныя движенія своего прекраснаго оппонента.

Наконецъ пытливость ученаго взяла верхъ, и онъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ сказалъ:

— Ваше возраженіе, или вѣрнѣе, недоумѣніе вполне осно-

вательно и составляет логическое послѣдствіе всего вашего міровоззрѣнія и душевнаго настроенія. Напротивъ, я бы удивлялся, если бы вы спокойно и холодно выслушали мою исповѣдь. Но вы, конечно, не правы. То препятствіе, которое вамъ кажется столь важнымъ, въ которомъ вы усматриваете цѣлую историческую полосу, въ моихъ глазахъ давно уже потеряло всякій реальный обликъ. Я со своимъ складомъ ума не могу смотрѣть на вещи, какъ вы. Вы цѣпляетесь за старыя обветшалыя формы, которыя нѣкогда, можетъ быть, были изящны и красивы и отвѣчали эстетическимъ и моральнымъ потребностямъ людей своего времени. Но эти формы отжили свой вѣкъ, выдохлись, потеряли свою содержательность, и мы, современные люди, не можемъ ими пользоваться. Я ищу правды жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; могу-ли я останавливаться на томъ, что люди ошибочно считали правдой тысячу лѣтъ тому назадъ. Это архивная правда, и я не желаю нарушить ея вѣковаго покоя. Согласитесь, что культъ мистики и исканіе метафизическихъ истинъ сыграли свою роль и уступили мѣсто другому культу. Прежній культъ не далъ человѣку счастья, чтобы ни говорили его панегирики и фанатики. Мы съ вами, стоящіе на перепутьи различныхъ теченій этого культа, лучше кого либо знаемъ, что онъ стоилъ человѣчеству и въ частности нашей расѣ. Новый культъ пока крови человѣческой не требуетъ и, вѣроятно, никогда не потребуетъ. Онъ ведетъ насъ къ истинному счастью. И я, жрецъ новаго культа, развѣ могъ хоть на минуту остановиться съ сожалѣніемъ передъ трупомъ, который потому еще не признается трупомъ, что онъ окруженъ непроницаемымъ мистическимъ туманомъ.

— Но, если даже стать на вашу точку зрѣнія, вы.. Вы бросили одинъ трупъ, чтобы преклониться предъ другимъ,—съ глубокимъ волненіемъ проговорила Роза.

— О, нѣтъ... ничего подобнаго! — вырвалось у Бланка. И въ этомъ восклицаніи слышалась такая душевная, искренняя нота, что Роза умолкла и въ недоумѣніи посмотрѣла на молодого ученаго.

— Но, какже?—спросила она, наконецъ.

— Я перемѣнилъ только платье. Мнѣ сказали, что нельзя войти въ храмъ науки въ томъ платьѣ, въ которомъ я былъ...

Я сбросилъ его и надѣлъ то, которое мнѣ поднесли. По вашимъ понятіямъ, это сдѣлка съ совѣстью, пожалуй кощунство. Но я вѣдь давно перешагнулъ черезъ ту пропасть, на краю которой вы стоите съ трепетомъ въ сердцѣ. Я уже давно создалъ себѣ другое міросозерцаніе, другіе идеалы... Желая совершить какой нибудь поступокъ, вы оглядываетесь назадъ, точно за вашей спиной стоятъ неумолимые небесные стражи съ огненными мечами... Я же знаю, что за моей спиной необъятное пустынное кладбище, и я двигаюсь впередъ не оглядываясь, потому что въ этомъ цѣль человѣческаго существованія.

— Но почему васъ не пустили въ храмъ науки въ вашемъ собственномъ одѣяніи. Развѣ требованіе подобнаго рода не оскорбило васъ, не показалось вамъ посягательствомъ на вашу свободу?

— Привнаюсь, я менѣе всего объ этомъ думалъ,—проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Бланкъ,—или вѣрнѣе слишкомъ много думалъ раньше, въ тотъ періодъ, когда я боролся съ призраками, принимая ихъ за реальные предметы. Но съ тѣхъ поръ какъ я вступилъ на новый путь, когда предо мною ярко обрисовались новые идеалы, мнѣ казалось смѣшнымъ и нелѣпымъ тратить время на пререканіе изъ за отжившей формы, изъ за костюма. Наконецъ, то одѣяніе, въ которомъ я приблизился къ храму науки, развѣ мое собственное, развѣ я самъ его выбралъ себѣ... Уже если быть строго послѣдовательнымъ, то моя свобода, свобода личности, подверглась такому же насилію со стороны тѣхъ, которые меня воспитали въ еврействѣ, какъ и со стороны тѣхъ, которые меня заставили оставить его. Я тутъ внутренней разницы не вижу...

— Все же, все же...—тихо, какъ бы про себя проговорила Роза, не находя въ данную минуту опредѣленнаго возраженія на аргументъ Бланка, но чувствуя, что во всѣхъ этихъ столь логически правильныхъ аргументахъ есть какая то неудовимая фальшь. Она больше не возражала, и разговоръ прекратился. Такъ они молча просидѣли нѣкоторое время, углубленные каждый въ себя, въ свой внутренній міръ, заключающій въ себѣ столько запутаннаго и непроницаемаго, напоминающій густой мракъ ночи, изрѣдка лишь прорываемый, и то на мгновенье, блескомъ молніи.

X.

Ципа не хотѣла мѣшать бесѣдѣ молодыхъ людей. Она нѣсколько разъ выходила на терассу и незамѣтно наблюдала за Розой и Бланкомъ. Ей было пріятно видѣть сына въ обществѣ такой красавицы, и ея материнское сердце радостно билось каждый разъ, когда ей удавалось уловить улыбку на серьезномъ лицѣ сына. О чемъ они могутъ такъ долго бесѣдовать... О чемъ, какъ не о веселыхъ и пріятныхъ вещахъ... Роза такая умница и умѣетъ занимать разговорами, а ея сынъ, конечно, не уступитъ Розѣ. Не даромъ его съ такимъ почетомъ принимаютъ въ домѣ. Любого жениха такъ не принимаютъ. А чѣмъ же ея Александръ не женихъ? И въ старой головѣ Ципы, много продумавшей на своемъ вѣку, блеснула мысль, отъ которой она одновременно пришла въ умиленіе и ужасъ. Будь Александръ не ея сынъ, а сынъ хотя бы Бейма, о, тогда дѣло другого рода, и Роза съ удовольствіемъ пошла бы съ нимъ подъ вѣнецъ... И она въ первый разъ въ своей жизни почувствовала неудобство, вытекающее изъ ея соціальнаго положенія. Еще утромъ она была счастлива тѣмъ, что можетъ похвастать передъ братомъ своимъ сыномъ. Она нарочно на зарѣ побѣжала къ ростовщику, чтобы выкупить праздничный скюртукъ брата и отнесла его ему на квартиру, приказавъ непременно явиться сегодня въ домъ Майгольда. Теперь она сожалѣла объ этомъ поступкѣ и была бы рада, еслибъ ея братъ не явился на свиданіе. Она уже хотѣла послать дворника сказать брату, чтобы онъ не приходилъ, какъ въ эту минуту съ черного хода появилась тощая фигура сапожника съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ и длинной рыжею бородой. На немъ былъ порыжѣлый отъ времени плисовый картузь и только что сегодня выкупленный праздничный скюртукъ, который мѣшкомъ сидѣлъ на его согнутой спинѣ. Онъ нерѣшительно высунулъ свою голову изъ за угла и оглянулся кругомъ, очевидно чувствуя нѣкоторый страхъ при видѣ обширнаго двора съ садомъ, откуда, пожалуй, его могутъ каждую минуту прогнать. Ципа увидала его изъ своей засады и спряталась, полагая, что ея братъ уйдетъ, разъ она къ нему не покажется. А въ эту минуту ей ничего такъ не хотѣлось, какъ отвратить это свиданіе.

ніе, которое она же сама по глупости придумала. Она жалѣла брата и родственное чувство подсказывало ей устроить это свиданіе, отъ котораго она ожидала нѣкоторую пользу для сапожника и его семьи. Но при видѣ этого грязнаго обтрепаннаго человѣка съ впалой грудью и длинной косматою бородой, при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ не болѣе, не менѣе какъ простой сапожникъ, да еще нищій, ее охватывалъ ужасъ. Неужели онъ осмѣлится подойти къ ея Александру, отрекомендовать себя дядей. И сердце Ципы страшно билось отъ напряженнаго ожиданія, чѣмъ это все кончится, уйдетъ ли ея братъ или нѣтъ. Наконецъ, она рѣшилась незамѣтно пробраться къ нему чернымъ ходомъ и шепнуть ему, чтобы онъ убрался поскорѣе. Она чувствовала, что она не вынесетъ такого позора, что она будетъ посрамлена въ глазахъ сына, который, конечно, не особенно будетъ ей благодаренъ за то удовольствіе, которое она ему доставляетъ. Но ужасъ ея дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда она вдругъ увидѣла Бланка и Розу, идущихъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ сапожникъ. Еще минута и сапожникъ почтительно снялъ свой плисовый картузь. Она не выдержала и убѣжала въ комнаты. Въ это время молодые люди поровнялись съ сапожникамъ. Роза не знала въ лицо Ханма, и узнавъ, что ему нужно, обѣщала къ нему выслать Ципу. Но Хаимъ, ободренный ласковымъ обращеніемъ барышни, полюбопытствовалъ узнать, здѣсь ли его племянничекъ.

— Какой племянничекъ?

— Да сынокъ моей Ципы.

Прежде чѣмъ Роза ему отвѣтила, Бланкъ, ужь успѣвшій разсмотрѣть стоявшаго предъ нимъ человѣка, приблизился къ нему и протянулъ ему руку.

— Вашъ племянничекъ предъ вами. — сказалъ онъ просто и задушевно.—Развѣ вы меня не узнаете?

Сапожникъ оторопѣлъ и не зналъ, вѣрить ли тому, что ему сказалъ стоявшій предъ нимъ баринъ, или нѣтъ. Хотя Ципа ему и сказала, что ея сынъ теперь важная птица, но онъ думалъ, что она важничаетъ передъ нимъ, бѣднымъ сапожникомъ. А теперь онъ и впрямь видитъ, что Ципа его не обманывала. Но больше всего его радовало, что Бланкъ съ нимъ за-

говорилъ на родномъ нарѣчїи и такъ хорошо и тепло говорилъ, что сапожникъ даже прослезился, когда къ нимъ, наконецъ, вышла Ципа.

— Я всегда тебѣ говорилъ, сестрица, что изъ твоего мальчугана толкъ выйдетъ.

Ципа была рада, что свиданіе состоялось такъ удачно. Она ждала упрека отъ сына, но вмѣсто этого услышала задушевные слова, теплое участіе, подробные разспросы о семьѣ, дѣтяхъ, дѣлахъ.

Въ домѣ Майгольда уже всѣ знали, что къ Бланку пришелъ его дядя сапожникъ и все дѣти съ m-lle Гро во главѣ вышли на терассу, чтобы изподтишка подсмотрѣть, какъ молодой профессоръ разговариваетъ съ сапожникомъ. Только г-жа Майгольдъ осталась у себя въ комнатѣ, несмотря на охватившее ее любопытство. Она была немного шокирована тѣмъ, что эта встрѣча произошла въ ея домѣ. Лучше было ей не знать объ этомъ, а то какъ она теперь будетъ принимать Бланка... Но Роза сдѣлала ей внушительное замѣчаніе, и она замолчала, рѣшивъ однако сдѣлать Ципѣ строгій выговоръ.

Сапожникъ ушелъ домой, очарованный сердечнымъ приѣмомъ племянника и обѣщаніемъ послѣдняго навѣстить его о познакомиться съ его семьей. Никогда съ нимъ никто еще такъ вѣжливо не обращался, и онъ почувствовалъ невольное удовлетвореніе за долгіе годы униженія и нищенскаго, почти рабскаго существованія. Встрѣчавшіе его на улицѣ знакомые удивлялись перемѣнѣ въ немъ. Его всегда привыкли видѣть сгорбленнымъ, съ опущенной головой и вѣчной заботой на исхудаломъ лицѣ; а теперь онъ выступалъ прямо, весело улыбался и смотрѣлъ на всѣхъ такъ, какъ будто его кошелекъ былъ полонъ золотомъ.

«Хаимъ или съ ума сошелъ или получилъ богатый заказъ», говорили сосѣди, провожая его удивленными взорами. На вопросъ болѣе назойливыхъ, онъ лаконически отвѣчалъ: «только что видѣлся съ племянникомъ». И этотъ отвѣтъ еще больше убѣждалъ любопытныхъ въ томъ, что Хаимъ-сапожникъ сошелъ съ ума. Но тѣ же сосѣди были крайне поражены, когда на другой день утромъ къ лачужкѣ, въ которой жилъ сапожникъ, подѣхалъ извозничій экипажъ, изъ котораго вышла

Ципа въ сопровожденіи какого-то молодого барина. Вся семья сапожника была въ сборѣ и сидѣла за скуднымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ огурцовъ, лука и хлѣба, и Бланкъ могъ сразу познакомиться со всѣми своими родственниками. Его поразила крайняя бѣдность окружающей обстановки. Онъ уже давно не видѣлъ ничего подобнаго. Несмотря на лѣтнее время, въ комнатѣ, очень небольшой по размѣрамъ, былъ сырой, затхлый воздухъ, какъ въ подвалѣ. Деревянный столъ, два сломанныхъ стула и широкая кровать, на которой была навалена масса грязнаго хлама, составляли всю обстановку. На полу валялись принадлежности сапожнаго мастерства, колодки, инструменты, молотки, гвозди, старые башмаки и масса другого хлама, назначеніе котораго оставалось непонятнымъ для Бланка. За столомъ сидѣлъ только сапожникъ и младшій изъ дѣтей; остальные за неизвѣстнымъ стульевъ стояли. Двоя крошила лукъ и огурцы, а Брайна дѣлила хлѣбъ между дѣтьми, стараясь, чтобы всѣмъ хватило. При появленіи гостей Двоя и Брайна засуетились, а младшіе дѣти разбѣжались, кто на улицу, кто въ кухню. Одинъ Хаимъ остался на мѣстѣ, продолжая сосредоточенно жевать черствый хлѣбъ съ лукомъ. Онъ не зналъ, какъ себя держать въ присутствіи племянника, и ему казалось, что лучше будетъ, если онъ не будетъ шевелиться и не будетъ говорить. Онъ только мелькомъ взглянулъ на ноги Бланка и, убѣдившись, что на нихъ прекрасной работы обувь, успокоился, рѣшивъ, что онъ исполнилъ свои обязанности. Однако, Двоя не дала ему долго жевать огурцы съ лукомъ и, энергично толкнувъ его локтемъ въ бокъ, со злостью прошептала: — Что же ты, капканъ, не встаешь... Успѣешь послѣ нажраться...

Это замѣчаніе воздѣйствовало на Хаима, и онъ мгновенно всталъ и даже снялъ съ головы старую фуражку съ поломаннымъ козырькомъ. Бланкъ заставилъ его одѣть фуражку и, сѣвъ на предложенный ему Брайной стулъ, вступилъ въ разговоръ съ Двоей, которая ждала только сигнала, чтобы излить передъ племянникомъ свою душу. Ципа между тѣмъ пошла на кухню, чтобы передать дѣтямъ подарки, которые для нихъ купилъ Бланкъ. Брайна пошла за нею. Ея тощая долговязая фигура съ соннымъ лицомъ и растрепанными космами черныхъ волосъ была на этотъ разъ еще непрезентабельнѣе, и Ципа не

удержалась, чтобы ей не сказать: «Ты бы хотя причесалась ради гостя, а то что онъ о тебѣ подумаетъ».

Брайна бросилась къ маленькому осколку стекла, висѣвшему на стѣнѣ и изображавшему зеркало, и стала приглаживать свои волосы.

Ципа помогала ей, продолжая ворчать на нее за неряшливость.

— Замужъ небось хочешь и о женихѣ мечтаешь. А кто тебя возьметъ въ такомъ видѣ...

Когда она и Брайна опять вошли въ комнату, Двоя и Хаймъ встрѣтили ихъ съ веселыми лицами. Ципа догадалась, что ее сынъ не поскуился, и когда они сѣли въ экипажъ, она шопотомъ спросила Двою:

— Что, далъ что-нибудь?

— О, больше, чѣмъ мы даже смѣли думать.

По морщинистому лицу Ципы разлилась счастливая улыбка.

— Ну, прощайте,—сказала она.—А ты, Брайна, смотри, не зѣвай. Явится женихъ, постарайся ему понравиться.

— Было бы приданое, а ужъ Брайна жениху понравится,—отвѣтила за нее Двоя.

Бланкъ отвезъ мать домой, но самъ не зашелъ къ Майгольдамъ, а подъ предлогомъ спѣшной работы отправился къ себѣ съ гостиницу. Онъ весь былъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ домѣ сапожника и ему хотѣлось остаться одному, чтобы разобратъся и обсудить то, что онъ видѣлъ и слышалъ. Вслѣдствіе-ли ассоціація идей, или по причинамъ, совершенно недоступнымъ для анализа, но Бланкъ почему-то связалъ свое сегодняшнее посѣщеніе со вчерашней бесѣдой съ Розой. Эта бесѣда, которой онъ хотѣлъ облегчить свою душу, не переставала занимать его, и онъ каждый разъ находилъ въ ней новый пунктъ для размышленія. Но сегодняшній визитъ къ сапожнику далъ совершенно другое направленіе его мыслямъ. Въ этой нищенской обстановкѣ, въ этой грязной лачужкѣ, въ которой среди лишеній проявляли его родственники, онъ нашелъ новое доказательство своей правоты Роза, повидимому, не совсѣмъ поняла его. При всей своей пронизательности и вдумчивости, она все же неспособна была отрѣшиться отъ условнаго, которое она зачастую смѣшиваетъ съ истиной. Если

бы она вмѣстѣ съ нимъ посѣтила лачугу сапожника, она бы навѣрное утвердилась въ мысли, что онъ, Бланкъ, поступилъ мехорошо, порвавъ нить, хотя только формально связывавшую его съ этими несчастными. Но вѣдь это глубокое заблужденіе. Обязанъ-ли онъ ради соблюденія устарѣвшей формы наложить оковы на свои руки, заключить себя въ тѣсный казематъ, дышать спертымъ воздухомъ тысячелѣтней рутины. Во имя чего и ради чего? Съ другой стороны, развѣ онъ не свободенъ слѣдовать влеченію своего духа, развѣ онъ можетъ закрывать глаза передъ истиной, которая явилась къ нему въ полномъ сіяніи своей вѣчной красоты. Быть прикованнымъ къ отжившей формѣ только потому, что эта форма была достоинствомъ цѣлаго ряда его предковъ — развѣ это не абсурдъ. Бланкъ живо представилъ себѣ сапожника съ его рыжей бородой и тупымъ безучастнымъ лицомъ. Что этотъ человекъ думаетъ о своемъ назначеніи на землѣ? Задается-ли онъ когда либо во просомъ, зачѣмъ онъ существуетъ, зачѣмъ онъ страдаетъ и переноситъ тысячу лишеній? Едва-ли онъ даже смѣетъ объ этомъ подумать. Его съ дѣтства увѣрили, что такъ должно быть. Какъ это глупо, какъ это нелѣпо и какъ это вмѣстѣ съ тѣмъ странно. Нѣтъ, такъ не должно быть. Свободный умъ не можетъ и не долженъ держаться такого порядка вещей.. И онъ вспомнилъ при этомъ свою собственную борьбу, свои исканія въ области метафизическихъ проблеммъ, свои сомнѣнія, и, наконецъ, свою твердую рѣшимость идти по развѣ избранному пути. Но въ то же мгновеніе предъ нимъ какъ бы нарочно премелькнулъ образъ Розы съ ея нѣмымъ упрекомъ на классически красивомъ лицѣ. Въ чемъ, однако, она его упрекаетъ. Въ непослѣдовательности? Но это вѣдь глубокое недоразумѣніе. Онъ вчера доказалъ ей всю несостоятельность ея аргументацій. Онъ ее разбилъ, что называется, на голову, а между тѣмъ ея глаза, эти чудные глаза, взоръ которыхъ проникалъ въ самую глубь его души, не переставали на него смотрѣть съ укоромъ. За что, за что?..

Легкій стукъ въ дверь прервалъ его размышленія. Онъ нѣсколько мгновеній прислушивался и только, когда стукъ повторился, онъ, не вставая съ мѣста, сказалъ: «войдите».

Въ комнату вошелъ Харнасъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ,

въ нерѣшительности остановился у дверей, крѣпко держа въ рукахъ свою рыжую шляпу.

Бланкъ вопросительно взглянулъ на незнакомое ему лицо и такъ какъ Харнасъ продолжалъ молчать и отвѣшивать поклоны, то онъ спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Я Харнасъ, — проговорилъ гость, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и бросивъ пронизательный взглядъ на Бланка.

— Очень радъ...

Харнасъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и съ вѣжливой улыбкой протянулъ Бланку руку. Бланкъ пожалъ протянутую ему руку, продолжая въ недоумѣніи смотрѣть на человека, отрекомендовавшаго себя въ такой лаконической формѣ. Можетъ быть это какое нибудь извѣстное лицо въ городѣ, или его старый знакомый, котораго онъ не узналъ, или дальній родственникъ, о существованіи котораго онъ забылъ. Но Харнасъ въ своемъ черномъ лоснящемся сюртукѣ и бѣлой манишкѣ съ обтрепаннымъ галстукомъ, не былъ похожъ ни на одного изъ тѣхъ, за кого хотѣлъ его принять Бланкъ, а его черные подвижные глаза и лукавая улыбка на исхудаломъ лицѣ говорили что то не въ пользу Харнаса. Такіе типы были знакомы Бланку, и онъ по сохранившимся у него воспоминаніямъ старался опредѣлить, къ какой категоріи людей принадлежитъ его гость. Но Харнасъ предупредилъ его и, усѣвшись безъ приглашенія въ стоявшее предъ нимъ кресло, заговорилъ съ развязностью человека, который знаетъ себя цѣну:

— Вижу, что вы меня не узнаете, господинъ Бланкъ... А между тѣмъ я васъ помню еще вотъ такимъ... Я и вашего покойнаго отца зналъ, а съ вашей почтенной матушкой мы и до сихъ поръ друзья. Да, могу смѣло сказать, я многое видалъ на своемъ вѣку... На моихъ глазахъ люди изъ богатей превращались въ нищихъ, а ничтожные, никому не извѣстные становились богатыми и знатными. На свѣтѣ всегда такъ. Колесо фортуны... Не такъ ли? А я это къ тому веду, что люди напрасно кичатся своимъ происхожденіемъ. Что значитъ происхожденіе. Будь я сынъ хоть бы самаго знатнаго раввина, но если я самъ не имѣлъ никакихъ достоинствъ и къ тому же у меня въ карманѣ пусто, то какой прокъ во мнѣ. И на-

оборотъ, будь мой отецъ сапожникъ или, примѣрно, портной, но если я самъ не портной, а знатный господинъ, то кто посмѣетъ задирать предо мною носъ. Не такъ ли?..

Намекъ Харнаса былъ настолько прозраченъ, что у Бланка невольно краска бросилась въ лицо. Онъ не понималъ, зачѣмъ этотъ незнакомый и съ виду такой незначительный человѣкъ говорить ему такія вещи, и онъ не зналъ—остановить ли его или слушать дальше. Но остановить Харнаса было не такъ легко, какъ казалось Бланку, и при первой его попыткѣ прекратить эту неприятную для него бесѣду, Харнасъ энергически запротестовалъ.

— Погодите, погодите!—воскликнулъ онъ, энергически замахавъ головой и руками, точно онъ готовился нырнуть въ воду.—Погодите... Вы все въ свое время узнаете. Харнасъ не любитъ попусту тратить слова какъ женщина. Ваша матушка меня хорошо знаетъ; мы не разъ съ нею говорили о васъ, о томъ счастьи, какое Всевышній ей послалъ въ награду за перенесенныя ею испытанія. Не такъ ли я говорю?

— Да, такъ... Только я бы все таки хотѣлъ знать, по какому дѣлу вы явились ко мнѣ,—уже начиная терять терпѣніе проговорилъ Бланкъ.—У меня время дорого, и я не могу...

— У кого же оно не дорого,—съ достоинствомъ возразилъ Харнасъ.—Но дѣло дѣлу розъ!.. А то дѣло, по которому я явился къ вамъ, стоитъ того, чтобы для него потратить нѣсколько минутъ.

Бланкъ демонстративно посмотрѣлъ на часы и потомъ сказалъ:

— Говорите, я слушаю...

Но съ первыхъ же словъ Харнаса у него точно пелена спала съ глазъ, и онъ не могъ себѣ объяснить, какъ онъ до сихъ поръ не догадался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ вознегодовалъ, но въ то же время его душилъ смѣхъ, отъ котораго онъ едва удерживался. Личность Харнаса съ его традиционными приѣмами, національнымъ юморомъ и специфическими, ему одному свойственными и связанными съ его профессіей оборотами рѣчи, въ которой выходки закоренѣлаго плута маскировались фальшивымъ пафосомъ, вызвали въ его памяти цѣлую полосу изъ его жизни, когда онъ еще крѣпко былъ связанъ съ этимъ

городомъ и его обывателями, когда каждая бытовая картинка, каждая особенность этихъ людей живо отражалась на немъ, какъ будто онъ и эти люди составляли одно нераздѣльное цѣлое. И опять предъ нимъ промелькнулъ чистый образъ Розы съ ея печальной улыбкой и глубокимъ, полнымъ укора, взглядомъ. За что, за что... Но вмѣсто этого восклицанія, которое замерло въ его душѣ, онъ рѣзко оборвалъ Харнаса, продолжавшаго расписывать то счастье, которое ожидаетъ Бланка, если онъ приметъ дружескій совѣтъ опытнаго человѣка и искренняго друга его матери.

— Довольно... Я ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждаюсь и всегда привыкъ дѣлать то, что я самъ считаю нужнымъ, — сказалъ онъ, поднявшись со своего мѣста и давая этимъ понять Харнасу, что аудіенція кончилась.

— Но, благородный мой господинъ, — вкрадчиво проговорилъ Харнасъ, — я и не навязываю вамъ своихъ совѣтовъ. Я никому насильно ничего не предлагаю. Хотятъ, слушаютъ меня, не хотятъ, я и перестаю говорить. Такія знатныя дамы, какъ г-жа Беймъ и даже г-жа Майгольдъ, и тѣ призываютъ меня, для совѣщаній... Что же касается вашей матушки, то дня не проходить, чтобы мы не говорили о васъ и не строили плановъ насчетъ вашего будущаго.

— Я вамъ за это очень признателенъ. Только я не нуждаюсь ни въ чьемъ участіи. А теперь вы меня извините, я очень занятъ.

— Ну, спасибо хоть за это. Съ вашего позволенія, я найду въ другой разъ. Харнасъ не лѣнивъ, въ особенности, когда дѣло идетъ о счастья такого благороднаго и достойнаго молодого человѣка какъ вы.

Суровый пріемъ, оказанный ему Бланкомъ, нисколько не обескуражилъ Харнаса. Онъ ожидалъ худшаго, и хотя Бланкъ оказался несговорчивымъ, но онъ уже былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось съ нимъ поговорить. Какихънибудь окончательныхъ и положительныхъ результатовъ онъ самъ не ожидалъ отъ своего визита, такъ какъ онъ явился къ Бланку лишь съ цѣлью повондировать почву. Это была его обычная манера, которую онъ практиковалъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Конечно, если бы Бланкъ серьезно заинтересовался его предло-

женіемъ, онъ бы сьумѣлъ придумать что нибудь на всякій случай. Но къ счастью и этого не потребовалось, а суровое съ нимъ обращеніе новаго кандидата, какъ онъ мысленно называлъ Бланка, онъ считалъ даже за хорошій признакъ и былъ увѣренъ, что въ концѣ концовъ сынъ Цицы подастся на удочку, коль скоро ему предложатъ хорошій кушъ. Его болѣе озабочивало отсутствіе въ данную минуту подходящей партіи для Бланка. Въ поименномъ списокѣ, который онъ аккуратно велъ и въ который онъ вносилъ всѣхъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, способныхъ къ браку, не было ни одной, на которую могъ бы пасть его выборъ. Да и легко сказать: найти невѣсту для сына Цицы... Будь онъ богатъ хоть какъ Ротшильдъ, но какой же отецъ захочетъ имѣть своимъ зятемъ сына служанки, разъ у его дочери нѣтъ горба на спинѣ, а приданое лежитъ въ процентныхъ бумагахъ. Къ тому же, кто еще знаетъ, что за птица этотъ молодой человѣкъ... Говорятъ, что онъ важная персона. Однако, что то не видать... Ужъ слишкомъ скромнень онъ для важной персоны, да и по виду онъ не похожъ на денежнаго человѣка.

Впрочемъ, ему, Харнасу, какое до всего этого дѣло. Его обязанность занести его въ свой реестръ, позаботиться о томъ, чтобы подыскать ему выгодную партію, получить за это свой гонораръ, а тамъ надуется-ли женихъ невѣсту или невѣста жениха, ему какое дѣло. И мысли Харнаса приняли другое направление. Ему некогда было останавливаться долго на одномъ предметѣ. У него была масса другихъ комбинацій, требующихъ не меньшаго вниманія. Голова у него безпрестанно работала, и онъ вѣчно былъ занятъ чужими интересами, которые такъ тѣсно сплетались съ его собственными, что онъ подчасъ самъ не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Покончивъ съ мыслью о Бланкѣ и рѣшивъ не упускать его изъ виду, Харнасъ тотчасъ же принялся думать о молодомъ Беймѣ. Судьба послѣдняго была имъ давно предрѣшена, и онъ не иначе представлялъ себѣ этого изящнаго франта, какъ рядомъ съ Розой Майгольдъ. Эти оба существа, столь мало подходящія другъ къ другу, были однако предназначены другъ для друга Харнасомъ, и онъ бы называлъ сьумасшедшимъ того, кто бы осмѣлился сказать ему, что этой свадьбы не будетъ. Въ этой увѣренности

Харнасъ прямо отъ Бланка отправился къ Майгольдъ. Онъ не былъ увѣренъ, удастся-ли ему поговорить о дѣлѣ съ г-жей Майгольдъ. Но это его нисколько не смущало, и онъ рѣшился попытать счастья. На этотъ разъ онъ дѣйствовалъ нѣсколько смѣлѣе, такъ какъ г-жа Беймъ во время послѣдней интимной бесѣды съ нимъ, дала ему довольно опредѣленные полномочія. «Пустьяки, что ея Адольфъ возмущается вмѣшательствомъ Харнаса, но разъ дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, то и Адольфъ принужденъ будетъ подчиниться». И, конечно, подчинится.— подумалъ про себя Харнасъ, и гонораръ уплатить, какъ водится, а всѣ будутъ думать, что молодые женились по любви, т. е. безъ моего участія.

На этотъ разъ, однако, Харнасу не повезло, и онъ никого не засталъ дома. Даже Ципы не было и ему не съ кѣмъ было поговорить по душѣ. Чтобы не терять напрасно времени, онъ рѣшилъ нанести визитъ адвокату Мункину. Хотя г-жа Беймъ строго запретила ему до поры до времени вести какіе либо переговоры съ Мункинымъ, но Харнасъ на этотъ счетъ держался другихъ убѣжденій, и будучи знаткомъ человѣческой души, былъ увѣренъ, что Генриетта Беймъ не такъ смотритъ на дѣло и будетъ очень довольна, если при его содѣйствіи молодой адвокатъ сдѣлаетъ предложеніе скорѣе, чѣмъ этого бы хотѣлось г-жѣ Беймъ. Мункинъ сравнительно недавно поселился въ К*, но успѣлъ уже сдѣлаться любимцемъ мѣстнаго интеллигентнаго общества. Онъ пріѣхалъ сюда искать счастья и не скрывалъ своего желанія какъ можно скорѣе разбогатѣть. Съ этой цѣлью онъ съ первыхъ же дней своего пріѣзда вошелъ въ интимныя сношенія съ Харнасомъ, и часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что кліентовъ у него еще было мало, а времени очень много. Нигдѣ Харнасъ не встрѣчалъ такого радушнаго приѣма, какъ въ маленькомъ кабинетѣ адвоката. Самъ Мункинъ усаживался на широкій турецкій диванъ, а Харнасу онъ предоставлялъ свое рабочее кресло и затѣмъ начиналась бесѣда. Мункинъ любилъ слушать Харнаса, у котораго была богатая фантазія и умѣніе заинтересовать слушателя, принаравливаясь къ его вкусамъ и сокровеннымъ желаніямъ. Такъ, онъ зналъ, что Мункину нравится Роза Майгольдъ больше чѣмъ Генриетта Беймъ, но ему также было

хорошо извѣстно, что Мункинъ ищетъ не только красоты въ невѣстѣ и хорошаго приданаго, но и возможности скорого обогащенія какимъ бы то ни было путемъ, и онъ старался убѣдить его, что въ этомъ отношеніи родство съ Беймомъ, какъ съ человѣкомъ болѣе предприимчивымъ, чѣмъ Майгольдъ, выгоднѣе для искателя руки Генриетты. При этомъ, конечно, Харнасъ руководствовался соображеніями, которыя были бы очень обидны для самолюбія молодого адвоката, еслибы они стали ему извѣстны. Г-жа Майгольдъ разъ ва всегда запретила Харнасу говорить о Мункинѣ какъ о претендентѣ на руку Розы, и Харнасъ сразу понялъ, что въ данномъ случаѣ никакія старанія и никакія хитрости не помогутъ. Ему оставалось только направлять теченіе событій по ихъ естественному руслу, т. е. какъ можно болѣе сблизить Мункина съ Генриеттой Беймъ, что, какъ ему казалось, было ужъ вовсе не такъ трудно. Но въ этомъ-то послѣднемъ пунктѣ Харнасъ и ошибался. Практичный и дальновидный адвокатъ былъ въ то же время не лишень и нѣкоторой доли эстетическаго чувства, которое заставляло его отдавать предпочтеніе Розѣ Майгольдъ, вопреки всѣмъ другимъ соображеніямъ. При этомъ, конечно, Мункинъ и не подозревалъ, что въ домѣ Майгольдъ его искательствамъ не придають никакого значенія; отношеніе же къ нему Розы было настолько неопредѣленное, что изъ него нельзя было сдѣлать никакихъ выводовъ ни за, ни противъ, и Мункинъ, по свойственной людямъ снисходительности къ своей особѣ, склоненъ былъ скорѣе толковать все, что касается отношеній Розы къ нему, въ свою пользу. Въ такомъ настроеніи и засталъ его Харнасъ. Мункинъ какъ всегда принялъ его въ кабинетѣ, причемъ нѣсколько времени заставилъ его прождать, продолжая съ озабоченнымъ видомъ рыться въ своемъ портфель, наполненномъ за неизмѣнимъ настоящихъ дѣлъ пустыми листами писчей бумаги.

— О, у г. адвоката портфель становится все толще, — съ скрытой ироніей проговорилъ Харнасъ, глядя на покрытый черными кудряшками затылокъ адвоката.

— Дѣлъ таки накопилось порядочно, — проговорилъ Мункинъ, неторопливо закрывая свой портфель и кладя его на столъ.

— Значить и насчетъ кармана нельзя жаловаться?

— Было бы грѣшно.—И Мункинъ съ довольнымъ видомъ потянулся въ своемъ креслѣ, обернувъ въ то-же время къ Харнасу свое бритое лицо, съ небольшими черными усами.

— Вреть не хуже нашего брата,—подумаль про себя Харнасъ. Громко же онъ сказалъ:

— Я давно предсказываль, что вы отобьете всю практику у здѣшнихъ адвокатовъ.

— Ну, это было бы слишкомъ много для меня,—слегка поморщившись отъ этой грубой лести, сказалъ Мункинъ.

— Пока вы одинокій. Но надѣюсь, что вы не долго будете пребывать въ этомъ состояніи.

— Равнѣ, если вы постараетесь.

— Я-ли не стараюсь! — всплеснувъ руками, воскликнулъ Харнасъ.

— Пока что-то ничего не выходитъ.

— Все зависитъ отъ васъ, г. Мункинъ. Вамъ стоитъ только сказать слово. Вы знаете, что вы вездѣ желанный. А насчетъ всего прочаго и говорить нечего.

Мункинъ, улыбаясь, нѣсколько мгновенійне спускалъ глазъ съ бородатаго лица Харнаса.

Потомъ онъ вдругъ принялъ сосредоточенный видъ и серьезно сказалъ:

— Что касается до всего прочаго, то вы ужъ достаточно знакомы съ моими требованіями и знаете, что я отъ нихъ не отступлюсь. Но теперь дѣло не въ этомъ. Мы до сихъ поръ, несмотря на то, что вы таки частенько удостоиваете меня своими визитами, не сговорились насчетъ главнаго. Вы знаете, на комъ я хочу жениться?

— Что за вопросъ,—произнесъ нѣсколько озадаченный Харнасъ.—Если бы я не зналъ вашихъ вкусовъ, то посмѣлъ-ли бы я..

Мункинъ расхохотался.

— Мои вкусы оставьте въ покоѣ. А вотъ вы мнѣ лучше прямо скажите, кого вы мнѣ сватаете.

— Буду вамъ сватать ту, которую вы пожелаете,—уклончиво отвѣтилъ Харнасъ, понявъ, что прямое его указаніе на того или другого субъекта, или одно неосторожное замѣчаніе

можетъ испортить всё его планы.—Вы знаете, что вы желанный женихъ.

— Въ такомъ случаѣ, остановимся на Розѣ Майгольдъ.

— Достойная дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ,—стараясь не выдать своего безпокойства, проговорилъ Харнасъ.—Только она одна и можетъ, по моему мнѣнію, конкурировать съ Генриеттой Беймъ.

— И прекрасно. Пусть Генриетта Беймъ достанется болѣе достойному, а я буду довольствоваться Розою Майгольдъ. Что вы на это скажете, г. Харнасъ?—И Мункинъ бросилъ на него пылливый взглядъ.

— Что я могу сказать,—проговорилъ послѣ нѣкотораго раздумья Харнасъ, медленно поглаживая свою бороду. — Не мнѣ жениться, а вамъ; слѣдовательно, вамъ лучше знать. А вотъ если бы мнѣ пришлось, чего Боже упаси, жениться, то я бы зналъ кого выбрать.

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а навѣрное. И красавица невѣста, и приданое богатое, и связи такія, что черезъ два года весь городъ будетъ въ вашихъ рукахъ. Какого же еще нужно счастья.

— Я другого и не желаю.

— Такъ почему же вы отдаете предпочтеніе Розѣ Майгольдъ?

— Потому что вмѣстѣ съ нею я получу все то, о чемъ вы сами говорите.

— Не буду спорить. Но мнѣ кажется, г. Мункинъ, что вы нѣсколько ошибаетесь насчетъ положенія г. Майгольда. Во-первыхъ, дѣла его совсѣмъ не такъ блестящи, какъ вамъ кажется, и такого приданого, какое вы требуете, онъ не въ состояніи будетъ вамъ дать.

— У меня есть на этотъ счетъ свои соображенія, — рѣшительно сказалъ Мункинъ.

— Можетъ быть,—нѣсколько обиженнымъ тономъ проговорилъ Харнасъ. — Но если бы это даже было такъ, то все же мнѣ кажется...

— Генриетта Беймъ лучше,—закончилъ за него Мункинъ.—Мы уже это слышали не разъ отъ васъ. Не сами-ли вы влюблены въ Генриетту?

— Храни меня Господь отъ такого грѣха. Что вы, г. Мункинъ, у меня вѣдь жена.

— Ну, не пугайтесь, насильно васъ никто не оторветъ отъ вашей жены, и Генриетта Беймъ вовсе не такая дѣвушка, чтобы быть способной разрушить чужое счастье.

— Въ этомъ-то и главное достоинство этой дѣвушки,—подхватила Харнасъ, тогда какъ другія... И онъ при этомъ тихо вздохнулъ.

— Что же другія?

— Уже не знаю, какъ вамъ сказать. Впрочемъ, что же я долженъ васъ просвѣщать. Вы сами бываете въ домѣ Майгольда и встрѣчали тамъ другихъ молодыхъ людей.

— Кромѣ молодого Бейма и доктора Пуркина, я никого не встрѣчалъ тамъ.

— Что докторъ Пуркинъ,—съ явнымъ пренебреженіемъ проговорилъ Харнасъ:—Онъ не опасенъ.

— Такъ по вашему молодой Беймъ опасенъ?

— А по вашему онъ не опасенъ?

Мункинъ задумался. Замѣчаніе, брошенное какъ бы вскользь Харнасомъ, сильно задѣло его. Молодой Беймъ по своему положенію и богатству считался самымъ выгоднымъ женихомъ въ городѣ, но Мункинъ почему-то не считалъ его опаснымъ для себя конкурентомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не замѣчалъ, чтобы Роза хотя бы чѣмъ нибудь выказывала Бейму предпочтеніе. Напротивъ, въ тѣхъ немногихъ встрѣчахъ, когда ему и Бейму приходилось вмѣстѣ бывать въ домѣ Майгольда, Роза, какъ ему казалось, охотнѣе разговаривала съ нимъ, чѣмъ съ Беймомъ. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Харнаса упало на воспримчивую почву и сильно задѣло самолюбіе молодого адвоката.

— Для меня Беймъ столько же опасенъ, сколько для Розы,—съ явно преувеличеннымъ пренебреженіемъ проговорилъ Мункинъ,—и если вы другихъ соперниковъ, которые бы стояли на моемъ пути, не имѣете въ виду, то могу васъ увѣрить, что вы получите вашъ гонораръ раньше даже, чѣмъ вы предполагаете. Дѣйствуйте только энергичнѣе и смѣлѣе.

— На твой гонораръ субботы очевидно не справлю,—мысленно проговорилъ Харнасъ, очутившись на улицѣ.—Ишь чего захотѣлъ, непременно въ зятя къ Майгольду. Шалишь, гонораръ

потерю, а тебя, голоштанника, туда не пушу.—И Харнасъ, недовольный неудачами сегодняшняго дня, медленно пошелъ по пыльной улицѣ, обдумывая только что возникшую въ его головѣ комбинацію, которая непременно должна увѣнчаться успѣхомъ и принести ему тотъ желанный гонораръ, который каждый разъ и несмотря на всѣ его хитросплетенія ускользалъ изъ его рукъ, какъ блуждающій огонекъ.

С. Ярошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности.

(Чтано въ историко-филологическомъ обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ князя Безбородко).

Печальную повѣсть представляетъ собою исторія евреевъ въ Подольской губерніи. Что-то трагическое, фатальное лежало въ судьбѣ еврейскихъ обитателей этого края. На почвѣ Подоліи разыгралась кровавая эпопея восстанія Хмѣльницкаго, поглотившаго десятки тысячъ еврейскихъ жертвъ. Подольская земля обогрелась также еврейской кровью во время вспыхивавшихъ тамъ гайдамацкихъ волненій. Въ этотъ край занесены были съ Востока равныя религіозно-мистическія теченія, имѣвшія роковыя послѣдствія для моральнаго и интеллектуальнаго развитія еврейскаго населенія подольской земли. Истинный іудаизмъ, отвергающій поклоненіе какой бы то ни было чудодѣйственной силѣ, былъ искаженъ и получилъ ложное направленіе въ Подоліи, въ народившейся тамъ хасидской сектѣ, изобрѣвшей своего рода культъ фетишизма — поклоненіе чудодѣямъ-цадикамъ.

Вопросъ о томъ, когда именно евреи стали селиться въ Подоліи и изъ какихъ странъ они туда проникли, разсматривается и разрѣшается историками различно. Но раньше, чѣмъ приступимъ къ изложенію существующихъ на этотъ счетъ въ исторической литературѣ мнѣній, мы считаемъ необходимымъ, для лучшаго выясненія и освѣщенія этого запутаннаго вопроса, дать краткій очеркъ исторіи появленія и поселенія евреевъ въ Польшѣ и на Руси, такъ какъ вопросъ о появленіи евреевъ въ Подоліи находится, какъ мы увидимъ ниже, въ прямой зависимости отъ общаго вопроса о поселеніи ихъ въ предѣлахъ названныхъ двухъ государствъ.

I.

Начало поселенія евреевъ въ Польшу.

Первый моментъ появленія евреевъ на польской территоріи исторически до сихъ поръ не вполне установленъ. Въ этомъ отношеніи исторія имѣетъ дѣло только съ постепеннымъ развитіемъ еврейскихъ поселеній въ этой странѣ; моментъ же возникновенія и зарожденія этихъ послѣднихъ, какъ всякое почти начало, покрыто непроницаемымъ мракомъ.

О первоначальномъ появленіи евреевъ въ Польшу польскіе историки во мнѣніяхъ не сходятся. Нѣкоторые относятъ первое прибытіе евреевъ въ Польшу къ самымъ отдаленнымъ временамъ ¹, другіе же, наоборотъ, считаютъ его болѣе позднимъ ². Но тѣ и другіе, говоря о пребываніи евреевъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой въ періодъ времени до конца XI вѣка, теряются въ различныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, никакими документальными данными не подтверждаемыхъ, такъ какъ первыя историческія свѣдѣнія по этому вопросу восходятъ лишь къ концу XI столѣтія. По мнѣнію Вейля и Штернберга ³, нѣмецкіе евреи являются въ Польшу въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка, во время польскаго герцога Лешка (894 г.). Вотъ что разсказывается по этому поводу: Подвергаясь страшнымъ гоненіямъ со стороны нѣмцевъ, евреи снарядили въ Польшу депутацію изъ самыхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ раввиновъ, съ цѣлью просить правившаго въ то время герцога Лешка допустить евреевъ въ свою страну. Послѣ совѣщанія Лешка со своими жрецами въ капищѣ своихъ идоловъ, онъ отнесся сочувственно къ просьбѣ еврейскаго посольства и согласился отвести имъ мѣсто для поселенія подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы евреи своими молитвами способствовали тому, чтобы дожди въ Польшу выпадали своевременно ⁴. Въ 895 г. привилегіей Лешка евреямъ въ Великой Польшѣ дарованы были слѣдующія права: заниматься безпрепятственно земледѣліемъ и скотоводствомъ на отведенныхъ имъ для жительства мѣстахъ; право торговли и занятія всякими городскими промыслами; пол-

¹ Нарушевичъ. Hist. Narodu pols.

² Janicki. Hist. pols.

³ Sternberg . Versuch einer Geschichte der Juden in Polen.

⁴ Историческое наслѣдованіе о правахъ литовско русскихъ евреевъ; магистерская диссертация О. Леонтовича; ср. Jad abi-schalom, старинный комментарий на Библию.

нѣйшая вѣротерпимость; собственная юрисдикція, независимость отъ шляхты и защита отъ могущихъ возникнуть нападеній ¹. Грамота эта, какъ говорятъ, затеряна въ 1049 году.

Само собою разумѣется, что все это сообщеніе не имѣетъ подъ собою никакой исторической почвы и сфабриковано было въ позднѣйшее время. Однако,—говоритъ изслѣдователь исторіи русскихъ евреевъ С. М. Дубновъ ²,—несмотря на очевидность измышленія приведеннаго свѣдѣнія, оно все-таки не лишено извѣстной доли вѣроятности. Дѣло въ томъ, что германскіе евреи со времени еще Карла Великаго вели торговлю съ славянскимъ востокомъ; слѣдовательно, нѣкоторые изъ нихъ могли проникнуть и въ Польшу и на всегда въ ней поселиться. Польскій ученый Мацѣевскій, не придавая никакого серьезнаго значенія приведенному сообщенію о первомъ поселеніи евреевъ въ Польшѣ, полагаетъ, однако, что они находились въ этой странѣ, если не въ VIII вѣкѣ, то во всякомъ случаѣ, въ IX вѣкѣ. Чацкій также полагаетъ, что прибытіе евреевъ въ Польшу должно считать весьма отдаленнымъ, такъ какъ доступъ въ эту страну со стороны Германіи былъ всегда легокъ и возможенъ ³.

Думаю, что приведенныхъ мнѣній русскихъ и польскихъ историковъ будетъ достаточно для доказательства, что чуть-ли не въ IX вѣкѣ допускается, въ видѣ гипотезы, существованіе еврейскихъ колоній въ Польшѣ. Но оставимъ область гипотезъ и догадокъ и обратимся лучше къ сферѣ историческихъ фактовъ и аргументовъ: быть можетъ съ документами въ рукахъ намъ легче будетъ выяснитъ занимающій насъ вопросъ.

Первыя лѣтописныя свѣдѣнія по этому поводу, какъ я уже выше сказалъ, восходятъ къ концу XI столѣтія. Такъ напр., Козьма Пражскій подъ 1098 годомъ сообщаетъ, что пражскіе евреи, опасаясь возобновленія насилій и гоненій, жертвами которыхъ они сдѣлались во время пребыванія въ Богеміи крестоносцевъ, массами переселялись въ сосѣднюю Польшу, къ проживавшимъ тамъ своимъ единовѣрцамъ. Дальше польскій лѣтописецъ Мартынь Галль восхваляетъ добродѣтели первой супруги Владислава Германна, Юдифи (принцессы Богемской, дочери Вратислава), за выкупъ ею многихъ христіанъ, бывшихъ въ неволѣ у евреевъ ⁴.

¹ Леонтовичъ, стр. 16, Sternberg, 14.

² Еврейская исторія, т. II, стр. 29.

³ Чацкій. Разсужденіе о евреяхъ. Взглядъ на юридическое положеніе евреевъ. Еврейская Библіотека, томъ II, стр. 157, примѣчаніе.

⁴ M. Galli. Chronica, ib. II, an. 1085. Mon. Historica Polonica, ed A. Bovolki, I, p. 429.

Быстрому массовому переселенію евреевъ изъ Богеміи въ Польшу, въ періодъ времени, о которомъ мы теперь говоримъ, не мало способствовало и благопріятствовало то обстоятельство, что въ Польшѣ въ то время на княжескомъ престолѣ сидѣлъ мудрый князь Болеславъ Кривоустый (1102—1139), горячо преданный интересамъ своего государства и заботившійся о развитіи въ немъ торговли, промышленности и всякаго рода ремеслъ. Евреи же съ своей стороны, находили тамъ обширное поле для приложенія своихъ коммерческихъ и практическихъ знаній. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ евреи въ Польшѣ не только фактически существуютъ, но мы даже встрѣчаемъ ихъ въ роли постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей, въ качествѣ заправскихъ землевладѣльцевъ; больше того — нѣкоторымъ изъ нихъ польскими королями и князьями поручается даже выполненіе извѣстныхъ государственныхъ функций. Очевидно, евреи къ тому времени составляли уже извѣстную государственную единицу, и правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгало къ ихъ услугамъ. Такъ, на примѣръ, найденныя въ великопольской деревнѣ Гленбокѣ монеты несомнѣнно доказываютъ, что евреи занимались чеканкою монеты для великопольскихъ князей Мечислава III, Казимира Справедливаго и Лешка Бѣлаго (1173—1205). Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя надписи на найденныхъ монетахъ выражаютъ собою имя и титулъ короля или князя, въ правленіе которыхъ онѣ чеканились, а иныя монеты имѣютъ на себѣ такія надписи, которыя никакого отношенія къ даннымъ монархамъ не имѣютъ, а выражаютъ лишь событія или воспоминанія чисто еврейскаго характера. «Веселися, Авраамъ, Исаакъ, Яковъ» написано на одной Гленбокской монетѣ.

Конечно, фактъ чеканки евреями польской монеты вовсе не доказываетъ еще, что работа эта выполнялась польскими евреями, аборигенами этой страны: ибо такая работа могла быть поручаема спеціально съ этой цѣлью приглашаемымъ изъ другихъ странъ евреямъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются еще несомнѣнныя доказательства владѣнія евреями въ Польшѣ недвижимой собственностью, а это обстоятельство, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуетъ о томъ, что евреи въ то время успѣли уже весьма прочно осѣсть на занимаемой ими территоріи и были, очевидно, давнишними жителями польскаго государства. Такъ грамота Премыслава II, преемника Болеслава Калишскаго, на основаніи которой разрѣшается одному еврею продать доставшуюся

ему по наслѣдству возвышенность (*montem*), съ очевидностью доказываетъ существованіе старинныхъ еврейскихъ колоній въ Польшѣ. «Дѣйствительно, справедливо замѣчаетъ по этому поводу профессоръ Бершадскій ¹, трудно допустить, чтобы пріобрѣтеніе недвижимой собственности, передача ея по наслѣдству и переуступка этой наслѣдственной земли могли совершаться на основаніи только полученія пришлыми евреями грамоты Болеслава. Очевидно, разсуждаетъ Бершадскій, «евреи задолго еще до этого времени находились уже въ Польшѣ въ качествѣ постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей, а грамота Болеслава Калишскаго является лишь письменнымъ подтвержденіемъ тѣхъ отношеній, которыя сложились сами собою и скрѣплены были силою земскаго обычая». Итакъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ фактическихъ данныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что исторія евреевъ въ Польшѣ обнимаетъ собою періодъ времени въ восемь слишкомъ столѣтій, начинаясь приблизительно съ конца XI столѣтія. Что же касается времени, предшествовавшаго этой эпохѣ, то его можно назвать, по выраженію С. М. Дубнова, до историческимъ ².

Теперь, естественно, возникаетъ вопросъ о томъ, изъ какихъ именно странъ евреи стали переселяться въ Польшу. Пришли ли они сюда съ востока, изъ Хазарскаго царства и Крымскаго полуострова, или съ запада, черезъ Германію и Богемію. Хотя прямыхъ, точныхъ свѣдѣній по этому вопросу нѣтъ, можно, однако, съ извѣстной долей вѣроятности утверждать, что первыми еврейскими поселенцами въ Польшѣ были выходцы изъ Западной Европы, которую они стали покидать со времени возникновенія тамъ крестовыхъ походовъ (какъ мы видѣли это относительно богемскихъ евреевъ). Польша привлекала евреевъ своими естественными богатствами, нуждавшимися въ энергическихъ и трудолюбивыхъ рукахъ, гуманнымъ правленіемъ и полнѣйшей религіозной толерантноcтью. Съ другой стороны, терпимость и гостепримство, оказанныя евреямъ въ Польшѣ, обусловливались, главнымъ образомъ, желаніемъ и стараніемъ ея государей заселить пустынный и малолюдный край, создать и культивировать торговлю и промышленность страны, находившіяся до тѣхъ поръ въ самомъ примитивномъ состояніи. Что мотивъ этотъ игралъ крупную

¹ Бершадскій. Въ изгнаніи. Восходъ, 1892 г.

² С. М. Дубновъ. Объ изученіи ист. русскихъ евреевъ.

роль въ дѣлѣ привлеченія евреевъ въ Польшу, можно вполне убѣдиться на основаніи грамоты герцога Краковскаго Лешека ¹.

Вызваннымъ и переселявшимся въ Польшу колонистамъ даровались разныя права и преимущества и предоставлялась возможность жить согласно ихъ традиціямъ, національнымъ обычаямъ и религіознымъ законамъ ².

Благодаря этому, евреи массами переселялись въ Польшу и количество ихъ постоянно возростало, такъ что евреи въ Великой Польшѣ, во время появленія Болеславовой грамоты (въ 1264 г.), составляли 14-ю часть коренного населенія страны, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ чуть ли не 8-ю часть ³.

Въ XIV вѣкѣ бѣдствія евреевъ въ Западной Европѣ усилились, особенно въ моментъ появленія тамъ такъ называемой черной смерти. Евреи массами гибли тогда отъ враждебно-настроенной толпы. Кто только могъ бѣжать, оставлялъ вѣками насиженное мѣсто и искалъ себѣ новаго убѣжища, которое гонимые обрѣли въ тогдашней Польшѣ.

Въ концѣ XV стол. польско еврейское населеніе еще больше увеличивается. Дѣло въ томъ, что въ 1495 г. послѣдовалъ приказъ великаго князя Литовскаго Александра Казимировича объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ предѣловъ великаго княжества Литовскаго. Этому изгнанію подверглись главныя еврейскія общины Литвы: Брестъ, Луцкъ и Гродно были очищены отъ евреевъ ⁴.

Фактъ изгнанія евреевъ изъ Литвы подтверждается найденными профессоромъ Бершадскимъ въ Метрихъ Литовской документами, бросающими свѣтъ на причины, вызвавшія это печальное явленіе и указывающими на мотивы, побудившіе, однако, впоследствии Великаго князя допустить подвергшихся остракизму евреевъ обратно въ свою страну.

Изгнанные изъ Литвы евреи вынуждены были искать себѣ новаго отечества, какого нибудь гостепріимнаго государства для поселенія. Гдѣ же нашли они такое убѣжище? Въ медицинскомъ сочиненіи Епца Нисоновича, придворнаго врача Радзивиловъ, жившаго между 1595 и 1666 гг., находится слѣдующее извѣстіе, имѣющее отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Изгнанные Александромъ евреи, говорится въ этомъ

¹ Леонтовичъ. Ис. ясл. о правахъ Лит. русск. евреевъ, стр. 15.

² Леонтовичъ. Ис. ясл. о пр. Л. р. ев., стр. 14.

³ Sternberg, стр. 36.

⁴ Бершадскій. Литовскіе евреи, 250—252; его же. Регесты.

сочиненіи, приняты были въ Польшу братомъ великаго князя, польскимъ королемъ Альбрехтомъ ¹.

Посмотримъ теперь каково было экономическое и юридическое положеніе евреевъ въ первые вѣка пребыванія ихъ подъ польскимъ режимомъ. Если вѣрить сообщенію ученаго еврея Вейля и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, евреямъ, вначалѣ еще X вѣка, въ силу дарованной имъ герцогомъ Лешкомъ грамоты, были уже почти гарантированы гражданскія права. Но такъ какъ приводимый имъ рассказъ о первомъ поселеніи евреевъ въ Польшѣ при названномъ герцогѣ и дарованной привилегіи никакими документальными данными не подтверждается, то мы обратимся лучше къ болѣе поздней эпохѣ исторіи евреевъ въ этой странѣ, когда существованіе ихъ тамъ вполне доказано.

Мы знаемъ уже, что польскіе монархи, хотя бы изъ личныхъ выгодъ и соображеній, протезировали приглашаемымъ и добровольно эмигрировавшимъ туда евреямъ. Особенное покровительство оказывали имъ польскіе короли, начиная съ XII вѣка: Мечиславъ III, Казиміръ Справедливый и Генрихъ Бородатый. Эти два послѣдніе положили основаніе тѣмъ привилегіямъ, которыя вошли потомъ въ составъ знаменитой грамоты Болеслава Калишскаго, на долго упрочившей правовое и социальное положеніе евреевъ въ великопольскихъ земляхъ.

Грамота Болеслава, дарованная имъ евреямъ въ 1264 г., заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія замѣчательныя привилегіи. Евреи наравнѣ съ мѣщанами имѣютъ право торговли и занятія всякими предметами; позволяется имъ выдавать христіанамъ ссуды денегъ подъ закладъ и вступать во владѣніе заложенными имуществами до уплаты ссуды; жизнь еврея считается неприкосновенной, честь его и имущество охраняется денежными штрафами и особыми установленными законами и наказаніями; обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови закономъ возбраняется и вообще считается абсурдомъ ². Словомъ — вся его грамота проникнута гуманнымъ и толерантнымъ отношеніемъ къ евреямъ и становится краеугольнымъ камнемъ для опредѣленія юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Великой Польшѣ.

¹ Бершадскій. Литовскіе евреи, 263.

² Jus. Polonicum, ed. Bandtkie, стр. 1.

Привилегія Болеслава имѣла въ виду исключительно только евреевъ, жившихъ на Великопольскихъ земляхъ. Впослѣдствіи же, при Казимірѣ Великомъ, грамота Болеслава получаетъ въ 1334 г. распространеніе и на евреевъ, жившихъ на территоріи всего Польскаго государства.

Этотъ гуманный и мудрый монархъ, радѣвшій о благѣ своего государства, заботившійся о сближеніи и объединеніи всѣхъ своихъ подданныхъ, не могъ, естественно, игнорировать и евреевъ, оказывавшихъ несомнѣнныя услуги торговлѣ и промышленности страны. Вотъ почему Казиміръ Великій санкціонируетъ и расширяетъ еще въ 1364 г. грамоту Болеслава и даруетъ евреямъ новыя льготы и преимущества, на долго упрочившія положеніе ихъ въ Польшѣ и поставившія ихъ въ одинаковыя права съ коренными гражданами государства. Онъ, напримѣръ, даруетъ евреямъ такую-же уголовную защиту, какъ и высшимъ классамъ. Внутреннее благоустройство еврейскаго быта то же входило въ кругъ заботъ этого монарха. Такое же гуманное и вполне справедливое отношеніе къ евреямъ со стороны польскихъ государей существовало и въ послѣдующія столѣтія¹.

Вообще можно сказать, что положеніе евреевъ въ Польшѣ въ первые два періода существованія польскаго государства—періодъ Пястовъ и періодъ Ягеллоновъ, вплоть до 1572 года, то-есть когда наступаетъ уже электоральный періодъ, было довольно сносное. При династіи Пястовъ, когда, свѣтская власть была совершенно самостоятельна и церковь не успѣла еще наложить своего отпечатка на ходъ государственныхъ дѣлъ, евреи всегда почти мирно уживались съ туземцами, предавались безпрепятственно своимъ занятіямъ торговлею и промышленностью и ни о какихъ народныхъ вспышкахъ почти не было слышно. Въ правленіе же королей изъ дома Ягеллоновъ, въ положеніи евреевъ наблюдается уже замѣтная перемена къ худшему. Инициатива правителей не была свободна отъ вліянія духовенства; проповѣдь нетерпимости и неприязни къ евреямъ стала раздаваться съ высоты церковной трибуны, вслѣдствіе чего въ возрѣніяхъ королей на евреевъ и отношеніяхъ поляковъ къ этимъ послѣднимъ произошелъ замѣтный переворотъ, имѣвшій для нихъ весьма печальныя послѣдствія. Грамоты Болеслава Калишскаго и Казиміра Великаго или вовсе не

¹ Jus. Polonic. Грамоты Казиміровъ III и IV, №1334, 1447 и 1467; Vol. leg (I 141—144).

исполнялись, или исполнялись съ большими ограниченіями. Правда, со вступленіемъ на польскій престолъ третьяго короля изъ дома Ягеллоновъ, Казимира IV, 1447—92, для евреевъ какъ будто снова воскресли славныя времена гуманныхъ монарховъ. Король этотъ, по настоятельной просьбѣ евреевъ, возстановилъ и подтвердилъ забытую и потерявшую было всякое значеніе грамоту Казимира Великаго. Но впоследствии, благодаря фанатической агитаціи папскаго легата Капистрана и кардинала Олесницкаго, грамота Казимира Великаго была опять отмѣнена. Непріязненные отношенія римской церкви къ евреямъ закончились цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ, учиненныхъ въ Краковѣ, Познани и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ ¹. Но несмотря на все это, положеніе евреевъ въ Польшѣ даже при Ягеллонахъ было несравненно лучше положенія ихъ въ Западной Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь евреевъ въ Западной Европѣ, начиная съ эпохи крестовыхъ походовъ, представляетъ въ большинствѣ случаевъ исторію однихъ только жгучихъ страданій, никогда почти не прекращавшихся; они не были тамъ увѣрены въ завтрашнемъ днѣ и подвергались систематическимъ гоненіямъ; во многихъ мѣстахъ имъ разрѣшалось только временное пребываніе на извѣстные сроки; достоиніе ихъ постоянно конфискуется то въ пользу инквизиціи, то въ пользу правительства; кровавыя расправы буйной черни съ евреями, грабежъ и разгромъ ихъ имущества были самыми заурядными явленіями.

Въ Польшѣ-же евреи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій пользовались относительною спокойствіемъ: жизнь ихъ и имущество всегда охранялись, грабежи и насилія надъ ними, если таковыя уже и совершались, не были такъ часты и не имѣли такого интенсивнаго и остраго характера, какъ въ Западной Европѣ. Затѣмъ, на Западѣ евреи лишены были даже элементарныхъ человѣческихъ правъ, были собственностью сумасбродныхъ владѣтельныхъ особъ, не составляли никакого класса населенія; въ Польшѣ же евреи въ нѣкоторые періоды своей исторической жизни фигурировали въ качествѣ самостоятельнаго класса населенія съ извѣстной общинной организаціей и большею частью находились подъ покровительствомъ дарованныхъ имъ правъ и преимуществъ.

¹ Въ Краковѣ, еще въ 1407 г., благодаря той же религиозной нетерпимости, произошелъ еврейскій погромъ.

II.

Поселеніе евреевъ въ древней Россіи.

Обратимся теперь къ исторіи евреевъ въ Россіи. Тутъ опять приходится намъ считаться съ неизбѣжнымъ вопросомъ: съ какихъ поръ евреи начинаютъ появляться на Руси вообще и въ Кіевѣ въ частности? Фигурировали ли они въ началѣ своего поселенія тамъ въ качествѣ постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей, или это былъ только пришлый элементъ, являвшійся туда время отъ времени по различнымъ надобностямъ, какъ напр. по торговымъ дѣламъ, изъ другихъ странъ? Въ этомъ отношеніи мы опять вынуждены блуждать въ лабиринтѣ всякихъ догадокъ и предположеній, ни на чемъ положительномъ и историческомъ не основанныхъ. Я именно говорю о Южной Руси, древнемъ Кіевѣ, потому что въ Восточной Россіи евреи никогда не были постоянными жителями, а пріѣзжали только по временамъ туда по торговымъ дѣламъ. Они являлись въ Россію очень рѣдко, да и то только въ пограничныхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Великомъ Новгородѣ. Достоверно, однако, говоритъ Андреевскій, что евреи жили въ восточной Руси до 1112 г., до смерти великаго князя Святополка Ярославича¹. Въ русскомъ законодательствѣ, по словамъ Леонтовича, о евреяхъ говорится не раньше второй половины XVI столѣтія, когда польское правительство вошло въ переписку съ русскими по вопросу о дозволеніи евреямъ пріѣзжать въ Россію по торговымъ надобностямъ².

Появленіе ереси жидовствующихъ было причиной установленія въ русскомъ законодательствѣ репрессалій по отношенію къ евреямъ. Вообще, должно сказать, что религія евреевъ была главной причиной враждебныхъ къ нимъ отношеній. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, на вопросъ, что дѣлать съ евреями, взятыми въ плѣнъ при завоеваніи Полоцка, сказалъ: согласныхъ креститься—крестить, а несогласныхъ въ рѣкѣ Полотѣ утопить³. Такой же религіозной нетерпимостью, какъ извѣстно, проникнуть и взгляды Елизаветы Петровны на евреевъ. Когда сенатъ предложилъ представить евреямъ, для благъ промышленной жизни страны, право въѣзда въ Россію, государыня отвѣтила: отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли не желаю. Значитъ,

¹ Андреевскій. О правахъ иностранцевъ въ Россіи до Іоанна III, стр. 125.

² Леонтовичъ. Ист. вѣсл. II, примѣчаніе.

³ Псковская лѣтопись.

экономическія выгоды страны, связанныя съ допущеніемъ въ нее евреевъ, были отвергнуты потому только, что эти выгоды принесутъ... евреи. Вотъ съ какимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на вредоносное значеніе еврейской религіи нѣкоторые русскіе монархи и таково въ общемъ было правовое положеніе евреевъ въ восточной Руси, до присоединенія къ этой послѣдней Польскихъ областей вмѣстѣ съ находившимися тамъ евреями.

Совершенно иначе обстояло дѣло евреевъ въ южной Руси и древнемъ Кіевѣ. Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство существованія ихъ въ этихъ мѣстахъ въ самыя отдаленныя времена, хотя установить въ точности моментъ появленія ихъ тамъ, какъ я уже сказалъ выше, нѣтъ пока никакой возможности. Вопросъ о нахожденіи евреевъ въ X вѣкѣ въ Кіевѣ тѣсно связанъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дубновъ¹, съ загадочной исторіей хазарь. Если фактъ господства хазарь въ теченіе извѣстнаго времени надъ Кіевомъ считать вполне доказаннымъ, тогда возможно допустить, что хазарскіе евреи могли по временамъ проникать въ Кіевъ или даже имѣть тамъ постоянную осѣдность. Есть ученые и историки, утверждающіе, что евреи жили въ Кіевѣ еще въ X столѣтіи. Можно принять за несомнѣнное, говоритъ профессоръ Малышевскій², что время Владимірово застало уже евреевъ въ Кіевѣ. Къ мнѣнію г. Малышевскаго присоединяется и г. Гаркави, предполагающій возможность существованія евреевъ въ Кіевѣ въ означенное время³. Дѣло, какъ видите, вотъ въ чемъ. Первое лѣтописное упоминаніе о нахожденіи евреевъ въ древнемъ Кіевѣ относится къ 986 году, когда говорится о представленіи Владиміру посольства отъ евреевъ: «Се слыша Жидове Казарстіи придоша»⁴. Это извѣстіе лѣтописца о желаніи евреевъ обратиться Владиміра въ іудаизмъ ясно доказываетъ, что въ то время, когда у великаго князя явилось желаніе приобщиться къ какой нибудь монотеистической религіи, евреи или находились въ самомъ Кіевѣ, почему къ нимъ проникъ слухъ о намѣреніи князя, или жили въ близлежащихъ къ Кіеву пунктахъ и, будучи освѣдомлены о намѣреніяхъ Владиміра, снарядили къ нему упоминаемое въ лѣтописи посольство. Татищевъ высказываетъ по поводу этой депутаціи слѣдующее: «Жидове ка-

¹ Дубновъ. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ.

² Малышевскій. Евреи въ Кіевѣ и южной Руси въ X—XII вв.

³ Гаркави. Къ вопросу о найденныхъ древностяхъ въ Крыму. Журналъ мин. нар. пр. 1877 г. Іюль.

⁴ Лѣтопись по Ипатьевскому списку, стр. 57.

зарскіе, а въ Хронографѣ написано корсунстіи, обоя едино; ибо казары и Хервнономъ владѣли. Въ казарахъ много жидовства было... Что же написано придоша, то не можно за то почитать, что они нарочно для того пришли изъ казаровъ, но разумѣеть тѣхъ, которые Святополкомъ плѣнены въ Кіевъ по рѣкѣ Роси и другимъ градамъ поселены, которыхъ много было и въ началѣ владѣнія Владиміра II изгнаны; жида же для проповѣди ихъ ученія обычая не имѣли¹. Если бы мнѣніе Татищева подтвердилось какимъ-нибудь документомъ и если бы сообщеніе лѣтописи о представленіи Владиміру еврейскаго посольства оправдалось², то вопросъ о поселеніи евреевъ въ Кіевъ былъ бы значительно подвинуть впередъ. Но, къ сожалѣнію, какъ мнѣніе Татищева, такъ и лѣтописное извѣстіе еще и до сихъ поръ возбуждаютъ сомнѣніе, слѣдовательно, все это предположеніе фактически не подтверждается. Г. Гаркави, утверждающій въ одномъ изъ своихъ сочиненій³, что евреи въ X вѣкѣ жили на Руси, высказываетъ также предположеніе, что евреи находились въ Кіевъ въ княженіе Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Вотъ чѣмъ онъ мотивируетъ свое предположеніе. Значеніе Кіева, какъ торговаго центра, подчиненіе его въ теченіе долгаго времени іудейскимъ (по династіи) хазарамъ⁴ и положительныя свѣдѣнія о евреяхъ въ XI и XII вв., все это даетъ намъ нѣкоторое право утверждать, что Кіевъ извѣстенъ былъ евреямъ еще въ X столѣтіи⁵.

О пребываніи евреевъ въ Кіевъ въ первой половинѣ XI ст. прямыхъ извѣстій, говоритъ пр. Малышевскій, нѣтъ. Но свидѣтелями о нихъ могутъ быть два современника Ярослава: Лука Жидята и Иларіонъ⁶. Посмотримъ теперь, какими соображеніями подкрѣпляетъ почтенный профессоръ свое утвержденіе о нахожденіи евреевъ въ южной Руси въ указанную эпоху на основаніи только имени Жидяты. Мотивы его, какъ я это докажу ниже, страдаютъ отсутствіемъ рѣшительно вся-

¹ Татищевъ. Ист. Рос. съ древнихъ временъ, часть II, стр. 65, прим. 176.

² Костомаровъ и Иловайскій считаютъ это сообщеніе народной легендой, сфабрикованной въ болѣе позднее время; Голубинскій рѣшительно лишаетъ лѣтописное сообщеніе всякаго практическаго значенія.

³ Гаркави. Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ, стр. 142.

⁴ По Масуди, царь, вельможи и настояще хазары были евреи. Изъ письма хазарскаго царя Іосифа, путевыхъ замѣтокъ рабби Петахія и нѣкоторыхъ др. источниковъ видно, что кромѣ царя и вельможъ, многіе изъ самого народа хазарскаго перешли въ еврейство. Хвольсонъ, Ибнъ Даста, стр. 57.

⁵ Впрочемъ, эти соображенія были высказаны и г. Малышевскимъ въ своемъ соч. Евреи въ Кіевъ въ X и XII вв.

⁶ Тамъ же, стр. 439.

кой логичности и научности. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ лѣтописи, по Лаврентьевскому списку, подъ 1035 годомъ читаемъ: Иде Ярославъ ко Новгороду и посади сына Володимира въ Новгородѣ, епископа поставивъ Луку Жидяту ¹. Въ лѣтописи по Ипатьевскому списку ² онъ упоминается только подъ именемъ Жидяты и подъ 1026 годомъ. По словамъ Малышевскаго, духовныхъ лицъ называли тогда обыкновенно только однимъ именемъ и только случайно упоминали ихъ прозвище; Лука же упоминается постоянно въ сопровожденіи прозвища Жидяты, а иной разъ, какъ напр. въ лѣтописи по Ипатьевскому списку, онъ называется только Жидятою, безъ упоминанія его постоянного имени. «Это, говоритъ г. Малышевскій, доказываетъ, что прозвище его сдѣлалось такъ популярно въ народѣ, что, говоря о немъ, не нуждались въ упоминаніи его имени. Это обстоятельство, рассуждаетъ онъ, доказываетъ, что прозвище это было для Луки характернымъ и что оно имѣло извѣстное отношеніе къ евреямъ. Отсюда, значитъ, выводъ ясный: Лука могъ быть насильственно отнятъ у евреевъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками еврейскими, крещенъ былъ еще при Владимірѣ, отданъ былъ въ послѣдствіи въ княжеское обученіе и опредѣленъ на церковное служеніе, а при Ярославі былъ облаченъ въ духовный санъ; когда же великій князь посадилъ своего сына на княженіе въ Новгородѣ, онъ хотѣлъ дать ему испытаннаго и вѣрнаго пособника, и выборъ палъ на Жидяту, испытаннаго долгой службой и приближеннаго къ великому князю».

Замѣчательнымъ, по словамъ почтеннаго профессора, является еще и слѣдующее обстоятельство: «Первымъ извѣстнымъ намъ до сихъ поръ произведеніемъ русской литературы является поученіе Луки Жидяты. А между тѣмъ въ нравственной части этого сочиненія авторъ говоритъ языкомъ Моисеева десятисловія, что доказываетъ, что Лука въ дѣтствѣ воспитывался на Ветхомъ Заветѣ и свыкъся съ языкомъ и нравственнымъ содержаніемъ Библии». Вотъ основанія, на которыхъ зиждется проводимый авторомъ въ своемъ изслѣдованіи взглядъ на исторію существованія евреевъ въ Кіевѣ и южной Руси въ

¹ Лаврентьевскій списокъ, изд. подъ ред. Бычкова. 1872 г.

² Ипатьевская лѣтопись, страница 105. Лука Жидята съ 1034 года епископъ Новгородскій, которымъ въ 1051 году освященъ былъ знаменитый Софійскій храмъ. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы. Ученыя записки академіи наукъ, 1856 годъ.

I-й половинѣ XI вѣка. Но вѣдь всѣ эти основанія, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ здоровой критики, совершенно испаряются. Во первыхъ, далеко не точно сообщеніе автора, что изъ числа духовныхъ лицъ одинъ только Лука упоминается въ сопровожденіи прозвища. Мы встрѣчаемъ въ спискѣ духовныхъ особъ имена рядомъ съ прозвищами, какъ напр. Іоакимъ Корсунянинъ, Климентъ Смолятичъ. Во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что Лука называется еще *Жириата*, слѣдовательно одно изъ этихъ двухъ названій должно быть не точно и сомнительно¹. Затѣмъ, если даже допустимъ, что Жириата это дѣйствительное прозвище Луки, то опять-таки соображенія автора отъ этого нисколько не выигрываютъ. Прозвища, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно даются по той или другой причинѣ, по тому или другому событію, имѣющему нѣкоторое отношеніе къ ихъ носителямъ. Но, съ другой стороны, причины эти могутъ быть самыя ничтожныя и случайныя. Вѣдь не станемъ же мы подозрѣвать чистокровнаго русскаго, православнаго въ принадлежности его къ еврейству только потому, что фамилія его Евреинновъ? Не будетъ-ли абсурдомъ, если мы примемъ за француза или за потомка французовъ нѣмца только потому, что его прозвище Францовъ? Не станемъ же приписывать духовному лицу христіанскаго вѣроисповѣданія еврейское происхожденіе потому только, что онъ носитъ чисто библейское имя. Вѣдь и прозвище Жириата могло быть совершенно случайное, безъ малѣйшаго отношенія къ «жидовству». Но если даже допустимъ, что Лука въ дѣтствѣ былъ евреемъ и плѣненъ былъ Владиміромъ, то и это опять-таки не говоритъ въ пользу заключенія автора, что евреи въ первой половинѣ XI вѣка находились въ Кіевѣ. Онъ былъ евреемъ, взятъ былъ въ плѣнъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ еще, что Лука былъ кіевскимъ обывателемъ: онъ могъ быть плѣненъ въ одномъ изъ походовъ Владиміра, а гдѣ именно — трудно, конечно, опредѣлить.

Еще большей наивностью страдаетъ второе положеніе автора о еврейскомъ происхожденіи Луки на основаніи оставшагося послѣ него литературнаго памятника, будто бы свидѣтельствующаго о томъ, что Лука знакомъ былъ съ еврейскимъ языкомъ и воспитывался на Ветхомъ Заветѣ. Но что это въ

¹ Впрочемъ, на эти два обстоятельства указываетъ въ одномъ примѣчаніи самъ г. Малышевскій, хотя уммышленно не придаетъ имъ никакого серьезнаго значенія.

сущности доказываетъ? Во первыхъ, въ этомъ произведеніи вовсе не такъ уже замѣтны слѣды оборотовъ еврейской рѣчи и знакомства съ Библіей (въ поученіи Луки приводятся нѣкоторые Моисеевы заповѣди). Во вторыхъ, если даже поученіе Луки обличало бы въ авторѣ знатока еврейскаго языка и глубокое знакомство съ Ветхимъ Завѣтомъ, то опять-таки это вовсе не доказываетъ, что онъ непременно долженъ былъ быть евреемъ! Я могу указать на цѣлую плеяду христіанскихъ ученыхъ, произведенія которыхъ обнаруживаютъ громадную библейскую и талмудическую эрудицію своихъ авторовъ. Мало того, они пишутъ на превосходнѣйшемъ библейскомъ языкѣ. Вѣдь Ренанъ былъ чистокровнымъ бретонцемъ; Деличъ, Штракъ, Гезениусъ настоящіе тевтонцы, несмотря на то, что были знаменитыми учеными въ области древняго еврейскаго языка и литературы евреевъ. Спрашивается: имѣютъ-ли предположенія пр. Малышевскаго какое-нибудь основаніе? Очевидно — нѣтъ.

Итакъ, мы видимъ, что аргументы историковъ въ пользу нахождения евреевъ въ Кіевѣ и южной Руси въ X и въ первой половинѣ XI вѣка не особенно прочны, и вопросъ остается по прежнему спорнымъ и открытымъ. Иное дѣло представляетъ собою исторія евреевъ во второй половинѣ XI и началѣ XII вѣка. О существованіи евреевъ въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ можно говорить съ большой вѣроятностью; что же касается начала XII вѣка, то пребываніе ихъ тамъ въ эту эпоху исторически неоспоримо. Вотъ напр. архіепископъ Филаретъ, по поводу сочиненія св. Иларіона (съ 1050 года митрополита кіевскаго).— «Поученіе о новомъ и ветхомъ завѣтѣ»,—говоритъ слѣдующее о значеніи и цѣли упомянутаго сочиненія: «Изъ этого сочиненія можно заключить, что тогда ощущалась сильная необходимость въ сочиненіяхъ подобнаго рода, въ которыхъ велась борьба съ еврействомъ; оно также убѣждаетъ въ томъ, что еврейская пропаганда, не увѣнчавшаяся успѣхомъ при Владимірѣ, не заглохла совершенно и что евреи вовсе не оставили надежды найти себѣ новыхъ прозелитовъ между русскими; они очень хорошо помнили о своихъ успѣхахъ между козарями; поученіе Иларіона указываетъ и на то обстоятельство, что изъ личныхъ его сношеній съ учителями юдаизма, онъ узналъ объ ихъ замыслахъ о христіанствѣ»¹. О пр. Тео-

¹ Филаретъ. Обзоръ руск. дух. литер. Уч. зап. акад. наукъ, 1856 г., Макарій. Ист. рус. церкви, т. II.

досіа Печерскомъ, начальникъ иноческаго общежитія (ум. въ 1074 г.), рассказываетъ, что по ночамъ, тайно, онъ оставлялъ свою братію и уходилъ къ евреямъ, съ цѣлью вступленія съ ними въ религіозныя пренія ¹. Затѣмъ въ посланіи митрополита Іоанна II (въ 80-хъ годахъ XI вѣка) говорится о продажѣ рабовъ еретикамъ и евреямъ. Всѣ эти факты даютъ право съ нѣкоторой увѣренностью утверждать, что евреи не только жили во второй половинѣ XI вѣка въ Кіевѣ, но что они представляли даже собою извѣстную силу, вызывавшую даже необходимый и энергическій отпоръ со стороны радѣтелей церкви. Затѣмъ, на основаніи найденной старинной еврейской грамматики, написанной Яковомъ, изгнанникомъ изъ Кіева, профес. Хвольсонъ утверждаетъ, что на Руси жили еврейскіе ученые, которые, во время преслѣдованій, воздвигнутыхъ на нихъ тамъ въ XII вѣкѣ, переселились въ Крымъ ². Вообще можно сказать, что Русь была знакома и извѣстна евреямъ въ самыя отдаленныя времена и что у евреевъ, жившихъ въ древней Руси, имѣлись свитки Библии и существовала даже извѣстная научная литература. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ: въ ватиканской библіотекѣ находится комментарий на Пятикнижіе, написанный въ 1094 г. на Руси ³. Г. Гаркави доказываетъ, что евреи, жившіе въ древнее время на Руси, говорили на мѣстномъ народномъ языкѣ и въ своихъ комментаріяхъ на библейскій текстъ, часто употребляли славянскія слова ⁴.

Въ регестахъ и надписяхъ, относящихся къ исторіи евреевъ въ Россіи и изданныхъ въ этомъ году Обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, имѣются очень цѣнныя свѣдѣнія, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывающія, что въ древней Руси евреи были постоянными, осѣдлыми жителями, по древности своего происхожденія не уступающими другимъ обитателямъ нѣкоторыхъ русскихъ окраинъ ⁵. Значить, евреямъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть отка-

¹ Житіе Феодосія Печерскаго. Зап. II отд. акад. наукъ, кн. II, вып. 2. стр. 174.

² Хвольсонъ. 18 еврейскихъ надгробныхъ надписей.

³ Гаркави. О языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей.

⁴ Ibid.

⁵ Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для ист. евр. въ Россіи. Выпускъ I.

зано въ правѣ считать себя коренными жителями страны, такъ какъ они имѣютъ за собою тутъ чуть ли не тысячелѣтнюю исторію.

Проникновеніе евреевъ въ древній Кіевъ изъ хазарской земли мотивируется слѣдующими соображеніями. Хазары господствовали въ Кіевѣ и надъ сосѣдними славянорусскими народами. Начало этого господства можетъ быть отнесено ко второй половинѣ VIII вѣка и могло продолжаться около 100 лѣтъ. У хазаръ въ эту эпоху царствовали, подъ именемъ кагановъ, евреи. Такимъ образомъ можно допустить, что хазарскіе и таврическіе евреи стали проникать въ Кіевъ, гдѣ имъ было обезпечено покровительство единовѣрнаго правительства и гдѣ они могли извлекать пользу отъ различныхъ торговыхъ сношеній съ Кіевомъ, такъ какъ этотъ послѣдній въ то еще время былъ важнымъ торговымъ центромъ ¹.

Теперь возникаетъ еще одинъ важный вопросъ, который заслуживаетъ вниманія и напрашивается на разрѣшеніе, а именно: какую роль евреи играли въ социальнo-экономической жизни древне-кіевского народа до изгнанія ихъ оттуда въ XII вѣкѣ ² и каково было юридическое ихъ положеніе въ этой странѣ въ продолженіе пребыванія ихъ тамъ. При скудности матеріала, которымъ располагаетъ въ настоящее время исторіографія русскихъ евреевъ, трудно дать болѣе или менѣе опредѣленный и удовлетворительный отвѣтъ. Извѣстно только то, что въ княженіе Святополка II, предшественника Владимира Мономаха, евреи жили въ Кіевѣ при самыхъ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, такъ какъ князь этотъ очень къ нимъ благоволилъ ³. Татищевъ слѣдующимъ образомъ характе-

¹ Малышевскій. Евреи въ Кіевѣ въ X и XII вѣкѣ, Гаркави. Русь и русское въ среднев. евр. литературѣ.

² Фактъ изгнанія евреевъ при Владимірѣ Мономахѣ подлежитъ еще большому сомнѣнію. О немъ повѣствуетъ только Татищевъ, рассказывающій, что изгнаніе состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда Владиміръ Мономахъ вступилъ на великокняжескій престолъ, кіевляне обратились къ нему съ просьбою объ изгнаніи евреевъ изъ Кіева. Владиміръ будто бы не хотѣлъ безъ согласія другихъ князей исполнить ихъ просьбу. Потомъ же соглашеніе между ними состоялось, и евреи были изгнаны изъ государства, безъ права когда бы то ни было туда возвращаться. Андреевскій, однако, сомнѣвается въ достоверности сообщенія Татищева, такъ какъ въ лѣтописяхъ объ этомъ событіи ничего не говорится. Карамзинъ тоже скептически относится къ свѣдѣніямъ Татищева, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ о евреяхъ въ Кіевѣ въ 1124 г., и слѣдовательно они не были изгнаны. Андреевскій. О правахъ иностранцевъ въ Россіи, стр. 126. Карамзинъ. II, ст. 214.

³ Карамзинъ. Ист. гос. Рос. ч. II, глава VI.

ризуеть этого князя и его отношенія къ евреямъ: «сей князь былъ весьма серебролюбивъ, для чего евреямъ многія предъ христіанами вольности далъ, черезъ что многіе христіане торгу и ремесель лишились»¹.

Но вскорѣ въ экономической жизни евреевъ произошелъ радикальный переворотъ къ худшему: во время междоусобія, возникшаго послѣ смерти Святополка, евреи въ Кіевѣ подверглись страшному погрому и все ихъ имущество было разграблено².

Подъ 1124 г. лѣтопись отмѣчаетъ пожаръ, возникшій въ Кіевѣ, при которомъ и евреи погорѣли³.

И. В. Галагъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹ Татищевъ. Исторія Россіи, книга II, страница 211.

² Князи же разграбиша дворъ Путятинъ Тмсацаго, идоша на жидовъ и разграбиша я. Ип. лѣт. стр. 198; Карамзинъ. Ч. II, гл. 7, прим. 208—21 Ист. Рос. Соловьева, II, 78—79.

³ Въ утрій же день погорѣ гора и монастырева вси, что ихъ на горѣ въ градѣ и жидове. Ип. лѣт. стр. 208.

АНТИСЕМИТИЗМЪ ¹.

СТАТЬЯ А. ЛЕРУА-БОЛЬЕ.

Предисловіе.

Послѣ конференціи, происходившей въ Католическомъ Институтѣ, генеральный делегатъ антисемитской лиги вызвалъ г. А. Леруа-Болье устроить контръ-конференцію, на что послѣдній отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

Господину Жюль Герену,
Генеральному делегату антисемитской лиги.

Милостивый государь!

„Вы приглашали меня открытымъ письмомъ устроить контръ-конференцію подъ знаменами французской антисемитской лиги, заранее ручаясь за деликатность и безукоризненную вѣжливость вашихъ друзей. Къ сожалѣнію, во время моей конференціи въ Католическомъ Институтѣ, я имѣлъ случай убѣдиться на дѣлѣ въ безукоризненной вѣжливости этихъ господъ.

„Если въ Парижѣ есть такое мѣсто, гдѣ вашимъ друзьямъ, называющимъ себя христіанами и ревностными защитниками церкви, подобало бы вести себя съ соблюденіемъ правилъ самаго строгаго приличія и уваженія къ свободѣ слова, то подобнымъ мѣстомъ, безъ сомнѣнія, долженъ считаться амфитеатръ Католическаго Института. Но, увы! они не захотѣли понять этого. Къ невообразимому изумленію слушателей, они безпрестанно перебивали меня нелѣпыми шутками и грубыми, чисто мальчишескими, выходками, причемъ я могъ на опытѣ удостовѣриться въ томъ, что полагаются на искренность

¹ Во избѣжаніе упрековъ въ пристрастія, передаемъ эту конференцію въ точномъ и буквальномъ переводѣ.

Ред.

и добропорядочность вашихъ друзей — по меньшей дѣрѣ наивно.

„Лекція, прочитанная мной въ Католическомъ Институтѣ, стенографирована и будетъ опубликована. Ваши журналы, съ свойственной имъ добросовѣстностью, успѣли ужъ перетолковать содержаніе ея на свой ладъ, и вы можете эти мои аргументаціи отвергать, разобрать ихъ по косточкамъ какъ и сколько вамъ угодно. Это и будетъ настоящая контръ-конференція, единственно серьезная и полезная.

„Пусть публика сама рѣшитъ, на чьей сторонѣ правота и добропорядочность, духъ милосердія и справедливости, истинный патриотизмъ и истинное мужество.

„Примите и пр.

Анатоль Леруа-Болье“.

Парижъ, 4-го марта 1897 г.

Конференція г. Анатоля Леруа-Болье, происходившая въ парижской католической академіи 27 февраля 1897 г.

І. Общая характеристика антисемитизма.

Его методы и приѣмы.

Милостивые государи,

Въ предстоящей мнѣ бесѣдѣ съ вами—и я полагаю, что это требуетъ съ моей стороны нѣкоторой храбрости—я долженъ затронуть весьма сложный и деликатный вопросъ. Но прежде всего, считаю долгомъ замѣтить, что я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія задѣть за живое, или оскорбить кого либо изъ моихъ слушателей. Поэтому я убѣдительно прошу всѣхъ безъ различія—какъ „семитовъ“, такъ и антисемитовъ, присутствующихъ здѣсь,—имѣть въ виду только цѣль, руководящую мной. Цѣль же эта состоитъ въ безпристрастномъ изложеніи того, что ясчитаю святой истиной. (Рукоплексканія и ропотъ).

Быть можетъ, нѣкоторые изъ васъ склонны видѣть во мнѣ адвоката дьявола. (Смѣхъ). Въ такомъ случаѣ, я долженъ предупредить ихъ, что я не имѣю права называться ничьимъ адвокатомъ, потому что ни въ складѣ

моего ума, ни въ характерѣ нѣтъ ровно ничего адвокатскаго. Смѣю даже сказать, что я принадлежу къ совершенно противоположной категоріи людей, хотя бы потому, что не имѣю обыкновенія отстаивать во что бы то ни стало то или другое дѣло. Наоборотъ, приступая къ обсужденію какого либо вопроса, я, въ качествѣ критика, историка и вообще человѣка свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій и, по возможности, чуждаго всякихъ личныхъ страстей,—имѣю привычку разсматривать его со всевозможныхъ его сторонъ. Что же касается до антисемитизма, то онъ принадлежитъ къ числу именно тѣхъ сложныхъ явленій, которыя могутъ быть разсматриваемы съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Далеко не вѣрно было бы думать, — съ чѣмъ, конечно, согласятся и сами антисемиты, — что антисемитизмъ заключается только въ противодѣйствіи тѣмъ, кого онъ называетъ семитами. Это значило бы до нельзя умалять его. Нѣтъ, онъ не ограничивается одной пропагандой противъ еврейства, но затрогиваетъ также и великіе моральные и социальные вопросы; онъ вооружается не противъ однихъ только евреевъ, но подчасъ и противъ людей, не имѣющихъ въ своихъ жилахъ ни капли израильской крови; онъ не щадитъ даже и христіанъ, въ особенности протестантовъ, а иногда и католиковъ, и при томъ такихъ, которыхъ можно было бы назвать весьма добрыми католиками, если бы этому не противорѣчила имъ же самимъ придуманная для нихъ кличка іудействующихъ. (Ропоть). Все это, взятое вмѣстѣ, заставляетъ насъ, волей неволей, заняться подробнымъ изслѣдованіемъ сущности антисемитизма, для составленія болѣе или менѣе опредѣленнаго понятія о его тенденціяхъ, приемахъ и методахъ.

Антисемитизмъ, господа, представляется намъ одновременно въ тройномъ видѣ.—Прежде всего, онъ выдаетъ себя за защитника религіи, за служителя христіанства (Рукоплексканія), — что я называю религіозной его стороной. Затѣмъ, онъ выдаетъ себя за защитника отечества и служителя національной идеи (Рукоплексканія и ропоть), — что я называю національной его стороной. Произнося слово отечество, я позволяю себѣ напомнить молодымъ патріотамъ,

присутствующимъ здѣсь, что когда зашла рѣчь о выборѣ девиза для комитета обороны и социальнаго прогресса, — гдѣ я имѣю честь председательствовать, — то во главѣ его я поставилъ слово отечество. (Рукоплексканія). Наконецъ, антисемитизмъ представляется намъ въ видѣ защитника общества, опоры слабыхъ и мстителя во имя морали, — что я называю социальной его стороной.

Такимъ образомъ, существуетъ три разновидности, или три рода антисемитизма, встрѣчающіеся иногда отдѣльно, но чаще въ полной своей совокупности, какъ у французскихъ, такъ и у иностранныхъ антисемитовъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что жалобы и протесты раздающіеся въ этой тройной области антисемизма — религіозной, національной и экономической, или социальной, не лишены нѣкоторой, а если хотите, даже и значительной доли основанія. (Рукоплексканія). Я, впрочемъ, никогда не затруднялся открыто высказывать это. Такъ, когда антисемиты возстаютъ противъ нетерпимости нѣкоторыхъ свободныхъ мыслителей изъ числа тѣмъ господъ, которые, будучи заражены своеобразнымъ фанатизмомъ навыворотъ, стремятся замѣнить, во что бы то ни стало, старыя государственныя религіи абсолютнымъ государственнымъ безбожіемъ, — то они, конечно, вполне правы въ своихъ нападкахъ противъ нихъ. (Рукоплексканія). Также разумно и правильно поступаютъ антисемиты, когда ополчются противъ космополитизма, интернаціонализма, туманнаго гуманитаризма и всякаго безпочвеннаго элемента, какъ высшихъ, такъ и низшихъ сферъ. Нельзя не сочувствовать имъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они выражаютъ свое негодованіе противъ господства капитала, противъ преклоненія передъ золотымъ тельцомъ, противъ практическаго матеріализма нашихъ современниковъ и, наконецъ, противъ финансовой и парламентской деморализаціи. (Рукоплексканія). Такимъ образомъ, рассматривая дѣло въ общемъ его видѣ, христіанинъ, всякій французъ и всякій честный человѣкъ вынужденъ будетъ сознаться, что жалобы антисемитовъ относительно трехъ изложенныхъ мною пунктовъ имѣютъ нѣкоторое основаніе. Съ чувствомъ особенной гор-

дости позволяю себѣ напомнить вамъ, господа, что я всегда находился въ первыхъ рядахъ борцовъ, ополчавшихся противъ анти-религіозной нетерпимости послѣдователей матеріализма, противъ интернаціоналистовъ, не признающихъ отечества, и противъ циническихъ поползновеній растлителей биржи, прессы и политической среды, — дѣйствуя противъ нихъ какъ словомъ, такъ и перомъ. (Рукоплесканія).

Разница между антисемитами и мною, собственно говоря, заключается только въ различіи приемовъ и метода, употребляемыхъ нами при веденіи этой тройной кампаніи. Но это послѣднее обстоятельство представляетъ далеко не маловажное значеніе, такъ какъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я нахожу жалобы антисемитовъ повидимому основательными, мой разсудокъ и моя совѣсть побуждаютъ меня воздерживаться отъ всякихъ крайностей, подозрительности и духа нетерпимости, доводимаго до яраго поношенія. Короче говоря, я остерегаюсь увлеченія слѣпой страстью и всего того, что руководитъ методомъ и приемами антисемитовъ (Рукоплесканіе и протесты).

Если бы мы вздумали анализировать антисемитизмъ и разлагать на основныя его части, то увидали бы, что онъ представляетъ нѣчто въ родѣ своеобразной смѣси, составленной изъ самыхъ разнородныхъ ингредіентовъ. Да, это совершенно особенная смѣсь, состоящая, съ одной стороны, изъ возвышенныхъ чувствъ и благородныхъ стремленій, а съ другой—изъ болѣзненныхъ страстей и побужденій, которыя я вынужденъ назвать низменными. (Протесты). Смѣю увѣрить васъ, господа, что если вы начнете внимательно присматриваться къ приемамъ антисемитизма и прислушиваться къ его голосу, то непременно убѣдитесь въ томъ, что онъ, взывая къ великодушнымъ инстинктамъ и возвышеннымъ порывамъ человѣческой души, въ то же время въ одинаковой, если еще не въ сильнѣйшей степени обращается къ зависти, эгоизму, корыстнымъ страстямъ, грубымъ инстинктамъ и алчнымъ аппетитамъ толпы. И эта-то странная смѣсь добра и зла, это сцѣпленіе благородныхъ и недостойныхъ стремленій составляетъ главную силу антисемитизма и въ то же время служитъ объясненіемъ его распространенія въ столь

кихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи я усматриваю въ немъ даже нѣкоторое сходство съ социализмомъ, тоже представляющимъ какое-то непостижимое сочетаніе великодушныхъ желаній и чисто животныхъ вождельнй. Да, социализмъ и антисемитизмъ, несмотря на кажущееся ихъ различіе, нерѣдко идутъ рука объ руку, какъ мы это сейчасъ увидимъ, и этимъ, несмотря на ихъ видимое различіе, объясняется также причина ихъ одновременнаго и какъ бы параллельнаго распространенія всюду.

Приступая къ критической оцѣнкѣ антисемитизма съ трехъ главныхъ его сторонъ, я предварительно попрошу у васъ позволенія представить на ваше усмотрѣніе одно или два соображенія, имѣющія общій характеръ. По моему мнѣнію, господа, въ антисемитизмѣ бросаются въ глаза два пункта, подрывающіе его въ самомъ его принципѣ, которыхъ вполне достаточно, чтобы побуждать всякаго относиться къ нему съ крайней осмотрительностью.

Итакъ, первый упрекъ, который я рѣшаюсь сдѣлать по адресу антисемитовъ, состоитъ въ томъ, что они придаютъ евреямъ (назовемъ ихъ по имени) такое значеніе, которое совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни численности и способности ихъ, ни той роли, какую играетъ въ дѣйствительности іудейскій элементъ въ нашемъ обществѣ. Я нахожу, что антисемиты, усматривая вездѣ и во всемъ дѣянія еврея, этимъ самымъ въ своемъ слѣпкомъ усердіи крайне возвеличиваютъ и превозносятъ его. Это, признаюсь, не только шокируетъ, но и возмущаетъ мой здравый смыслъ, мою гордость христіанина и „арійца“. Сознательно или безсознательно антисемиты возводятъ ничтожную горсть потомковъ древняго Израиля на степень вершителей судебъ современнаго міра. Они приписываютъ еврею какую-то сверхъестественную силу и возвеличиваютъ его надъ всѣми націями и всѣми рассами своимъ паническимъ страхомъ передъ нимъ, изображая его въ видѣ какого-то грознаго чудовища, передъ которымъ даже самые великіе народы оказываются безсильными пигмеями.—Это своего рода апопееозъ на выворотъ, къ которому я микакъ не могу присоединиться. Я рѣшительно отказываюсь возвести еврея на такую высоту и не допускаю даже и мысли о томъ, чтобы

французы, нѣмцы, англичане, русскіе, американцы вынуждены были въ тревожномъ страхѣ склониться предъ этой горстью семитовъ. Я не могу согласиться также и съ мнѣніями анти-семитскихъ авторитетовъ, доказывающихъ, что историки, должны признать въ евреѣ присутствіе высшей изъ всѣхъ силъ, управлявшихъ когда-либо міромъ (Рукоплесканія и протесты).

Сущность другого упрека, который я считаю себя вправѣ сдѣлать антисемитамъ, состоитъ въ томъ, что они примѣняютъ по отношенію къ евреямъ, такъ сказать, гуртовую теорію, предавая en masse и безъ различія самому безпощадному осужденію всѣхъ членовъ извѣстной этнической или религіозной группы. А противъ этой гуртовой теоріи, когда бы и противъ кого бы она ни примѣнялась—къ исторіи или современности, къ финансистамъ или политическимъ дѣятелямъ, противъ буржуазіи вообще или же противъ тѣхъ, кого вы называете семитами,—мой разсудокъ и моя совѣсть громко протестуютъ, и я съ полнымъ убѣжденіемъ называю ее безнравственной и противной наукѣ. (Шумъ). А есть ли какая нибудь возможность отрицать, что это обычный методъ антисемитовъ? (Рукоплесканія и ропотъ).

Перейду теперь къ тремъ главнымъ пунктамъ, служащимъ поводомъ къ обвиненіямъ, взводимымъ антисемитами противъ евреевъ. Начну съ обвиненій религіознаго характера, на которыхъ въ этой залѣ, пожалуй, наиболѣе прилично остановиться.

II. Антисемитизмъ съ религіозной точки зрѣнія.

Антисемитизмъ и духъ христіанства.—Упадокъ христіанства въ связи съ секуляризацией современныхъ государствъ и еврей. — Еврейскія общества. — L' Alliance Israelite Universelle.—Масонство и еврей.—Антиклерикализмъ и антисемитизмъ.

Я не стану распространяться здѣсь объ обвиненіяхъ, раздающихся со всѣхъ сторонъ противъ іудаизма, противъ его книгъ и основныхъ принциповъ морали. Я высказывалъ уже свое мнѣніе по этому поводу въ другомъ мѣстѣ¹,

¹ См. *Israël chez les nations*. Calmann Levy. Русскій переводъ Ватсона и Сементковскаго подъ заглавіемъ: „Еврей и Антисемитизмъ“.

къ тому же у меня сегодня не хватитъ времени,—поэтому ограничусь теперь однимъ замѣчаніемъ на эту тему. Антисемиты порицаютъ еврея и его Талмудъ за то, что они допускаютъ двѣ нравственности: одну для сыновъ Іуды, а другую — для гоевъ. Но позвольте спросить, не такъ же ли точно поступаютъ и антисемиты въ отношеніи евреевъ, вопреки духу евангельскаго ученія? По увѣренію антисемитскихъ авторитетовъ, евреи не считаютъ гоевъ за своихъ ближнихъ; но могутъ ли они сами сказать по чистой совѣсти, что считаютъ евреевъ за своихъ ближнихъ? Я, конечно, не могу проникнуть въ сокровенную глубину ихъ сердець, но, судя по ихъ словамъ и поступкамъ, я нахожу, что ихъ любовь къ ближнему не простирается до стремленія обнять ихъ брата еврея. Напротивъ, большинство изъ нихъ смотритъ на этого еврея, какъ на стоящаго внѣ человѣческаго рода, какъ на существо, за которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать одинаковыхъ правъ съ прочими людьми. Судите же сами, господа, согласно ли это съ евангельскимъ ученіемъ, съ духомъ христіанскаго милосердія и справедливости? (Рукоплесканія и шумные протесты).

Въ числѣ прочихъ обвиненій, особенно часто взводимыхъ на евреевъ, имъ приписываютъ еще одинъ тяжкій грѣхъ—будто они являются главными виновниками упадка христіанства въ современномъ обществѣ. Я полагаю, что тутъ, во всей простотѣ выражается тезисъ антисемитизма. Такъ, на евреевъ взывается отвѣтственность за современныя идеи, противныя нравамъ и тенденціямъ стараго общества, старому религіозному или политическому строю Европы. Имъ приписывается главнымъ образомъ стремленіе къ секуляризаци, или къ такъ называемой на варварскомъ языкѣ—*laïcisation* современныхъ обществъ (превращеніе изъ духовнаго въ свѣтское). Но, господа, вѣдь это стремленіе къ секуляризаци и къ подрыву основъ христіанской религіи далеко не новое явленіе въ Европѣ. Оно началось гораздо раньше того времени, которое антисемиты съ такой комической торжественностью называютъ эрой еврейскаго преобладанія, и относится по крайней мѣрѣ къ эпохѣ революціи и XVIII-му столѣтію.

Достопамятный лозунгъ—„Ecrasons l'infame!“—произнесенъ.

былъ не евреемъ, а Вольтеромъ, который ужъ конечно заслуживаетъ скорѣе названія предтечи антисемитовъ, чѣмъ единомышленника и друга евреевъ.

Гдѣ же кроется исходный пунктъ вышеупомянутаго антихристіанскаго и секуляризаторскаго движенія? Разумѣется въ ученіи Вольтера и энциклопедистовъ и въ пропагандѣ дѣятелей революціи и тѣхъ самыхъ людей, которыхъ многіе изъ французовъ до сихъ поръ называютъ своими отцами 89 и 93 г.г. Но можно ли послѣ этого серьезно утверждать, что событія XVIII столѣтія и самая революція совершились подъ еврейскимъ влияніемъ? Въ чемъ же именно проявилось это влияніе хотя бы во время революціи?

Я рѣшительно нигдѣ и ни въ чемъ не усматриваю его. (Р о п о т ѣ).

А что въ Парижѣ, во времена Людовика XVI, едва ли насчитывалось нѣсколько сотенъ евреевъ, проживавшихъ по большей части въ бѣдности и въ полной неизвѣстности, въ самыхъ уединенныхъ предмѣстьяхъ, — это достовѣрный фактъ, господа, въ виду котораго было бы по меньшей мѣрѣ странно предполагать, что эти всѣми игнорируемые и пренебрегаемые евреи были совѣтниками французскихъ философовъ и подстрекателями революціонныхъ ораторовъ. Такимъ образомъ, мнѣніе антисемитовъ, что евреи были инициаторами великаго движенія, клонившагося къ секуляризаціи общества и къ подрыву христіанской религіи, слѣдуетъ признать лишеннымъ всякаго основанія. (Р у к о п л е с к а н і я и п р о т е с т ы).

Но не были ли евреи и вообще еврейство, если не инициаторами, то главными виновниками дальнѣйшаго развитія и распространенія антихристіанскихъ тенденцій посреди окружавшихъ ихъ народовъ? Съ этой стороны, пожалуй, еще можно допустить кой-какія сомнѣнія, вслѣдствіе чего намъ не мѣшаетъ заняться болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса.

Имѣемъ ли мы какое нибудь основаніе приписывать изолированнымъ дѣйствіямъ еврея фактъ ослабленія христіанской религіи и секуляризаціи современныхъ государствъ, какъ во Франціи, такъ и во всей Европѣ? Конечно, нѣтъ. Зна-

читать, мы должны искать объясненія этого факта въ дѣйствіяхъ еврейскихъ ассоціацій или обществъ, состоящихъ въ тѣсной связи съ евреями.

Одинъ изъ слушателей. Совершенно вѣрно.

Г. А. Леруа-Болье. Какія же именно ассоціаціи могутъ возбуждать наши подозрѣнія, господа? Какія изъ еврейскихъ или изъ, такъ называемыхъ, іудействующихъ обществъ заслуживаютъ подобныхъ упрековъ съ нашей стороны?

Что касается до еврейскихъ обществъ, то я могу назвать во Франціи только одно, дѣйствительно пользующееся нѣкоторымъ вліяніемъ, а именно — „Alliance Israélite Universelle.“ Правда рядомъ съ нимъ, или какъ бы возвышаясь надъ нимъ, стоитъ еще другое учрежденіе, далеко превосходящее его своимъ вліяніемъ, въ тенденціяхъ котораго антисемиты усматриваютъ тѣсную связь съ тенденціями перваго... Я слышу его названіе, повторяемое моими слушателями... Да, господа, я дѣйствительно говорю о „Масонскомъ обществѣ.“ (Очень хорошо! Очень хорошо!).

Большинство антисемитовъ смотритъ на „Alliance Israélite Universelle“, какъ на нѣкій таинственный кагалъ, (какъ они и величаютъ его обыкновенно, когда желаютъ щегольнуть своимъ знакомствомъ съ еврейской терминологіей), какъ на тайное правительство евреевъ всего міра. Я наводилъ справки о дѣятельности этого общества, желая провѣрить справедливость мнѣній, высказываемыхъ по этому поводу, и пришелъ къ тому убѣжденію, что тенденции, приписываемыя ему, существуютъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ писателей. (Шумъ).

„Alliance Israélite Universelle“ основанъ былъ около 1860 г. то есть, лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, очевидно по образцу одного христіанско-протестанскаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ „Евангелическаго союза.“ (Шумъ).

Я замѣчаю, господа, что нѣкоторымъ изъ васъ не знакомо даже названіе „Евангелическаго Союза“. А мѣжду тѣмъ, общество это пользуется по меньшей мѣрѣ такимъ же вліяніемъ, какъ и „Alliance Israélite“, который основанъ на тѣхъ же самыхъ началахъ. Оно праздновало исполнившееся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пятидесятилѣтіе своего суще-

твования. Цѣль его состоитъ, какъ о томъ свидѣлствуетъ и самое названіе его, въ защитѣ интересовъ всего протестантскаго міра, и въ виду этой задачи, у него имѣются особыя отдѣленія во всѣхъ странахъ земного шара.

Евреи тоже чувствовали настоящую потребность въ учрежденіи такого общества, которое повсемѣстно защищало бы интересы ихъ единовѣрцевъ, ограждая при этомъ свободу ихъ богослуженія и личную безопасность. (Р о п о т ь).

Если бы мы попытались, господа, поставить самихъ себя на мѣсто еврея,—а для правильной оцѣнки поступковъ того или другого человѣка, необходимо прежде всего умѣніе ставить себя на его мѣсто, если бы даже онъ былъ нашимъ врагомъ,—то мы поняли бы, что безпріютные сыны Израиля крайне нуждались и нуждаются въ защитѣ хотя бы, напримѣръ, въ Турціи, въ Персіи, въ Марокко, въ Румыніи, или во владѣніяхъ нашихъ друзей...

(Громкіе крики: Долой евреевъ!).

Итакъ, „Alliance Israélite Universelle“ употребилъ все зависящее отъ него, съ цѣлью объединенія своихъ единовѣрцевъ всѣхъ странъ и выясненія ихъ критическаго положенія передъ мѣстными правительствами, имѣя въ виду подготовку и осуществленіе эмансипаціи восточныхъ евреевъ.

Если бы время позволяло мнѣ, то я показалъ-бы вамъ, что „Alliance Israélite Universelle“ имѣетъ въ средѣ самого еврейства союзниковъ и соперниковъ. Такъ въ Англіи существуетъ учрежденіе — „Anglo-Jewish Society“; въ Германіи и въ Америкѣ тоже имѣются подобныя же общества. Национальное самолюбіе и соперничество также играютъ не послѣднюю роль въ средѣ еврейства, которое иные совершенно ошибочно принимаютъ за неразрывно связанную между собой сплошную массу. „Alliance Israélite Universelle“ трудится надъ поднятіемъ уровня нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія евреевъ, а также и надъ осуществленіемъ задачи ихъ гражданской эмансипаціи. Въ Азіи, въ Африкѣ и въ Европѣ ею учреждено множество школъ. Я самъ видѣлъ на востокѣ нѣкоторыя изъ этихъ школъ, при чемъ не безъ удовольствія удостовѣрился, что въ нихъ на ряду съ мѣстнымъ языкомъ преподается также и французскій.

„Alliance Israélite Universelle“ обязанъ своимъ основаніемъ главнымъ образомъ Кремье, долгое время занимавшему постъ его предсѣдателя и бывшему также членомъ правительства національной обороны и министромъ юстиціи во время войны 1870 г. Я не знаю доподлинно, на кого слѣдуетъ сложить отвѣтственность за поголовную натурализацию алжирскихъ евреевъ въ 1870 г.—на „Alliance Israélite“, или же на тогдашняго предсѣдателя его, Кремье; но думаю, что послѣдній дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по своему личному усмотрѣнію и полагаю, что, подписавъ декретъ 24 октября 1870 г., онъ поступилъ скорѣе какъ еврей, чѣмъ какъ французъ. Да, я открыто и чистосердечно сознаюсь, господа, что я вполне раздѣляю мнѣніе людей, считающихъ эту поголовную натурализацию алжирскихъ евреевъ, во время осады столицы Франціи, проступкомъ противъ патріотизма. (Громкія рукоплесканія) ¹.

Я нахожу, что время полного разгара войны и повсемѣстнаго нашего пораженія не было особенно удачнымъ моментомъ натурализовать алжирскихъ евреевъ, рискуя пробудить этимъ вполне понятное чувство раздраженія въ арабахъ и вызвать возстаніе мусульманъ ². Я нахожу, что вопросъ о натурализаціи евреевъ слѣдовало отсрочить до того времени, когда они сдѣлались бы настоящими французами по своимъ нравамъ, чувствамъ и образу мыслей. Сверхъ того, я думаю, что благоразуміе требовало даровать, одновременно съ еврейями, также и мусульманамъ извѣстной категоріи избирательныя права, такъ какъ въ наше время все сводится къ этому важному вопросу. Но теперь, по прошествіи почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ, можно ли,

¹ Недавно, впрочемъ, высказано было мнѣніе, что тогдашнее правительство натурализовало алжирскихъ евреевъ съ цѣлью полученія извѣстнаго числа новыхъ голосовъ во французской палатѣ. *Ред.*

² Считаю необходимымъ пояснить здѣсь, что въ промежутокъ, слѣдовавшій между прочтеніемъ и напечатаніемъ этой лекціи, я получилъ брошюру, въ которой довольно убѣдительно доказывается, что октябрьскій декретъ 1870 г. не былъ ни единственною, ни главной причиной алжирскаго возстанія. См. Louis Forest—«La naturalisation des Juifs algériens et l'insurrection de 1872»—Paris: Lecène Oudin 1897. (Луи Форестъ—„Натурализація алжирскихъ евреевъ и возстаніе 1872 г.“ Париж—Лесенъ Уденъ, 1897 г.).

не нарушая справедливости, лишить алжирскихъ евреевъ тѣхъ правъ, которыми они пользуются съ 1870 г.? Ни въ какомъ случаѣ. Что же касается до жалобъ на то, что евреи, въ качествѣ французскихъ подданныхъ, пользуются привилегированнымъ положеніемъ въ Алжирѣ, то мнѣ кажется, что, для устраненія его, самое лучшее было бы даровать избирательныя права также и мусульманамъ, хотя бы на примѣръ тѣмъ изъ нихъ, которые трудились на пользу Франціи на гражданскомъ или военномъ поприщѣхъ. (Рукоплексканія).

Одинъ изъ слушателей.—Да здравствуетъ исламъ!

Перейдемъ теперь къ масонскому обществу. Общество это, господа, представляетъ куда болѣе внушительную и опасную силу, чѣмъ „Alliance Israélite“, и несмотря на то, что я вмѣняю себѣ въ обязанность смотрѣть на каждое явленіе съ объективной точки зрѣнія, я вынужденъ открыто заявить, что считаю настоящія тенденціи масоновъ весьма вредными для нашего отечества и крайне опасными для современнаго общества. (Продолжительныя рукоплексканія). Я нахожу, что масонство стремится къ тому, чтобы разрубить на двѣ части страну, интересы которой требуютъ, чтобы она оставалась единой и нераздѣльной. Къ величайшему моему сожалѣнію, тотъ же самый упрекъ, съ которымъ я обращаюсь къ масонству, мнѣ приходится сдѣлать и антисемитизму. (Громкіе протесты). Да, я долженъ обвинить, господа, антисемитизмъ въ томъ, что онъ тоже употребляетъ всѣ мѣры къ тому, что бы посѣять раздоръ въ странѣ посредствомъ разъединенія общественныхъ классовъ и возбужденія слѣпой ненависти (Новые протесты).

Нѣсколько голосовъ: Антисемиты составляютъ большинство!

Г. А. Леруа Болье:—Большинство ни въ какомъ случаѣ не должно претендовать на непогрѣшимость сужденій. Оно тоже можетъ ошибаться, и такъ какъ я имѣю часть бесѣдовать съ вами, господа, въ католическомъ учрежденіи, то позволяю себѣ напомнить вамъ, что церковь никогда не признавала за большинствомъ привилегіи создавать право.

Одинъ изъ слушателей:—С о в е р ш е н н о в ѣ р н о .

Мнѣ не разъ приходилось сталкиваться съ масонствомъ, и я пришелъ къ тому убѣжденію, что, каково бы ни было его прошлое и каковы бы ни были его тенденции за-границей еще въ настоящее время, но во Франціи, какъ и въ большей части континентальныхъ странъ, оно до такой степени проникнуто духомъ нетерпимости и грубаго насилія, что дѣйствія его должны подчасъ глубоко оскорблять чувства всякаго истинно либеральнаго человѣка. Но причѣмъ же тутъ евреи? Можно ли довѣрять распространеннымъ про нихъ слухамъ и смотрѣть на нихъ какъ на учителей и руководителей масонства? И есть-ли какое нибудь основаніе утверждать, что это еврейское учрежденіе?

Конечно, существованіе извѣстной связи между масонствомъ и евреями нельзя отрицать; въ числѣ его послѣдователей находится не мало евреевъ, изъ которыхъ иные играли весьма видную роль въ этомъ обществѣ, какъ напримѣръ, Кремье, который, занимая постъ предсѣдателя „Alliance Israelite Universelle,“ былъ въ то же время великимъ магистромъ (*grand maitre*) масонскаго ордена шотландскаго толка. Само собою разумѣется, что онъ не разъ прибѣгалъ къ содѣйствію масонства въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось отстаивать права своихъ единовѣрцевъ, какъ въ Европѣ, такъ и на востокѣ. Кромѣ того, такъ какъ масонство представляется народамъ какъ бы провозглашеніемъ великихъ идей гуманности, свободы и равенства, и такъ какъ оно утверждаетъ, что стоитъ выше всякихъ племенныхъ и религіозныхъ различій и считаетъ всѣхъ людей братьями между собой,—то нѣтъ ничего удивительнаго, что евреи и еврейскія общества обращались къ его содѣйствію въ видахъ эмансипаціи ихъ единовѣрцевъ. Наконецъ, есть и еще другая причина, которая должна была заставить безправныхъ сыновъ Израиля обратить вниманіе на масонскія ложи.

Современное масонство является не столько обществомъ взаимной помощи, сколько взаимнаго содѣйствія для достиженія успѣха (смѣхъ), что тоже составляетъ въ настоящее время его несокрушимую силу. Есть не мало людей, даже и между молодежью, вступающихъ въ ма-

сонскія ложи съ единственной цѣлью—проложить себѣ дорогу на житейскомъ поприщѣ. Разумѣется и евреямъ тоже не чуждо это стремленіе сдѣлать карьеру, занявъ видное положеніе въ обществѣ, а ихъ противники увѣряютъ даже, что они обнаруживаютъ особенную ловкость при достиженіи подобныхъ цѣлей. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что евреи, увидавъ въ масонствѣ средство къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ стремленій, или если хотите средство пробить брешь, не замедлили воспользоваться этой единственной дверью, открывшей имъ доступъ въ заповѣдное для нихъ общество?

Но вѣдь мы съ вами, господа, посмотримъ на дѣло съ болѣе широкой точки зрѣнія. Мы хотимъ теперь выяснитъ только слѣдующіе два вопроса: дѣйствительно ли между духомъ еврейства и масонства существуетъ полное единство и дѣйствительно ли ихъ тенденціи совершенно тождественны? Мы не должны увлекаться внѣшней стороной и разными декоративными деталями, въ видѣ еврейскихъ названій, обрядности, или легендъ, излюбленныхъ масонами. Всѣ эти аксессуары ровно ничего не доказываютъ и могутъ служить ни больше, ни меньше, какъ костюмомъ, взятымъ на прокатъ. Что касается до меня, то я тщательно изучилъ этотъ вопросъ, съ помощью слабаго свѣточа человѣческаго разума, которымъ надѣлило меня Провидѣніе, и со всей интеллектуальной безпристрастностью, на какую я только способенъ, и пришелъ къ тому заключенію, что духъ масонства и духъ еврейства ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отождествлять. (Протесты и ропотъ).

Я обращаюсь къ вашему разсудку господа, и убѣдительно прошу васъ стать хоть на минуту выше всякихъ страстей, слѣпой вражды и прочихъ мелкихъ побужденій. Попытаемся взглянуть на дѣло съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ историческій методъ является самымъ простымъ, самымъ вѣрнымъ и цѣлесообразнымъ при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ этого рода.

Чему же учить насъ исторія?

Откуда и какимъ образомъ проникло къ намъ впервые масонство? Кѣмъ было оно занесено во Францію и вообще

на континентъ? Я считаю рискованнымъ распространяться объ отдаленномъ или доисторическомъ периодѣ масонства, потому что этотъ пунктъ кажется мнѣ черезъ чуръ сомнительнымъ и темнымъ и, признаюсь, я не довѣряю излюбленнымъ традиціямъ масонскихъ ложъ, утверждающихъ, что онѣ ведутъ свое начало со временъ Гирама и Соломона, или же по крайней мѣрѣ со временъ Тамплиеровъ и Крестовыхъ походовъ. Я смотрю на это, какъ на легенду не слишкомъ древняго происхожденія, и думаю, что масоны послѣдняго столѣтія, выдавая за своихъ праотцевъ современниковъ Гирама, или Жака Моле, изъявляютъ притязанія на родословное дерево съ такими древними гербами, на какіе они совсѣмъ не имѣютъ права. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ побочный вопросъ и сосредоточимъ все наше вниманіе на исторической эпохѣ. Намъ изъ многихъ документовъ достовѣрно извѣстно, что время перваго появленія масонства во Франціи относится къ началу XVIII столѣтія. Оно было занесено къ намъ английскими лордами и распространено друзьями Стюартовъ въ высшихъ сферахъ французскаго общества. Кто же были первыми масонами во Франціи и на континентѣ, и къ какому сословію принадлежали они? Къ дворянству. Въ теченіе большей части XVIII столѣтія, масонскія логи во Франціи, въ Германіи, въ Польшѣ, въ Россіи и всюду вербовали въ число своихъ членовъ аристократовъ и самыхъ знатныхъ notableй. Дня три тому назадъ, во время церемоніи принятія г. Коста-де-Борегара въ число членовъ Французской Академіи, директоръ ея г. Герве, ссылаясь на одно изъ сочиненій своего новаго собрата, напомнилъ своимъ слушателямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, о судьбѣ на столько же знаменитой по своей красотѣ, на сколько и злополучной принцессы Ламбалль, которую постигла такая ужасная смерть. Несчастливая принцесса тоже была предсѣдательницей одной изъ масонскихъ ложъ, и королева Марія Антуанета письменно выражала ей свое сочувствіе по поводу благотворной дѣятельности послѣднихъ. Но масонство уже и въ то время начало принимать демократическій, вѣрнѣе сказать, буржуазный отбѣнокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сферы его началъ постепенно проникать революціонный духъ, хотя доля его участія въ

революціонномъ движеніи значительно преувеличена. Тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, что масонство въ европейскія общества проникло черезъ высшіе классы. А при старомъ порядкѣ вещей, согласитесь, господа, въ жилахъ дворянства не могло быть ни малѣйшей примѣси еврейской крови. Старая аристократія не прибѣгала еще къ способу удобренія своихъ земель посредствомъ израильскихъ червонцевъ. Да, тогда было совсѣмъ не то, что въ наше время, когда на столькихъ гербахъ можно усмотрѣть желтый кружокъ. (Громкія рукоплесканія).

Евреи, какъ я упоминалъ уже, начали обнаруживать тяготѣніе къ масонству только тогда, когда увидали въ немъ весьма внушительную силу. Но попытки ихъ въ этомъ направленіи долгое время сопряжены были съ величайшими затрудненіями, и такъ какъ имъ далеко не всегда удавалось проникнуть въ число членовъ общества, то нѣкоторые изъ нихъ рѣшились прибѣгнуть къ очень простому средству и основать новый масонскій орденъ. И дѣйствительно, авиньонскими братьями евреями Бедаридами былъ основанъ орденъ Мицраимъ (Mizraim), который не достигъ, однако, никакого значенія и не удостоился даже оффиціального признанія его существованія со стороны „Великаго востока“. Несмотря на принципы, проповѣдуемые масонствомъ, большая часть его ложъ продолжала упорно отталкивать отъ себя евреевъ. Я и самъ даже зналъ антисемитовъ въ средѣ масонства. А въ Германіи евреямъ, еще недавно занимавшимъ тамъ, благодаря своей численности и интеллектуальному развитію, еще болѣе видное мѣсто, чѣмъ во Франціи, доступъ въ масонскія ложи открылся только въ позднѣйшее время. Одинъ изъ французскихъ масоновъ, профессоръ въ музеѣ, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ видѣлъ, присутствуя на масонскомъ конгрессѣ, или конвентѣ, происходившемъ въ Берлинѣ около 1870 г.,— какъ нѣкоторые изъ старшинъ (*vénérables*) пересаживались съ одного мѣста на другое, чтобы избѣжать сосѣдства съ евреями. Но даже и въ настоящее время есть такія ложи, въ которыя не допускается ни одинъ еврей, и замѣтьте, что такой нетерпимостью отличается не одна только Германія, но и другія страны, какъ напримѣръ Румынія.

Нѣсколько голосовъ. Румыны всѣ антисемиты.

Г. А. Леру-Болье. Совершенно вѣрно, но это только подтверждаетъ мои аргументы. Несмотря на духъ антисемитизма, процвѣтающій въ Румыніи, въ ней процвѣтаетъ также и масонство, что ясно доказываетъ заблужденіе французскихъ антисемитовъ, отождествляющихъ масонство съ еврействомъ. Румынскія ложи весьма многочисленны, и нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ французскимъ „Великимъ востокомъ“, но несмотря на совѣты „F*** и парижскихъ 33-хъ“, эти ложи рѣшительно отказываются допустить въ свою среду евреевъ. Я самъ не разъ получалъ отъ Бухарестскихъ евреевъ письма, въ которыхъ между прочими жалобами на причиняемая имъ оскорбленія, они указываютъ также на нетерпимость румынскихъ ложъ, которыя лишаютъ ихъ всякой возможности облечься въ передникъ каменщика и такимъ образомъ вынуждаютъ ихъ основывать свои собственные, исключительно еврейскія ложи, что въ значительной степени умаляетъ для нихъ преимущества, предоставляемая вообще званіемъ масона.

Нужно замѣтить, что между еврейскими обществами есть и такія, которыя, будучи основаны по образцу масонскихъ обществъ, не принадлежатъ вовсе, однако, къ ихъ разряду.

Таково, на примѣръ, общество „Bené-Berith“ — „Сыны союза“, возникшее въ Америкѣ и пользующееся теперъ весьма значительнымъ вліяніемъ. Американцы, какъ истые демократы, любятъ учреждать общества и даже рабочія ассоціаціи съ названіями и съ организаціей въ духѣ рыцарскихъ временъ, очевидно, слѣдуя въ этомъ случаѣ по стопамъ масонства. Это обстоятельство, какъ вы вѣроятно помните, чуть было не заставило св. престоль осудить орденъ Knights of labor, Рыцарей труда. Членами „Bené-Berith“ тоже учрежденъ былъ орденъ съ ложами, которыя, впрочемъ, чужды всякой обрядности, тайственности и торжественныхъ посвященій. Орденъ этотъ цѣликомъ состоитъ изъ евреевъ и стремится къ той же самой цѣли, которая воодушевляетъ и „Alliance Israélite“, то есть, къ защитѣ и поддержанію интересовъ еврейства. Изъ Америки орденъ „Bené-Berith“ проникъ въ Европу и на востокъ и основалъ новыя ложи въ Германіи, Австро-Венгрии,

Румыніи и Сиріи. Этотъ орденъ „Сыновъ союза“ такъ рѣзко отличается отъ масонскихъ орденовъ, что около 1890 г. нѣмецкія ложи рѣшили принять противъ него свои мѣры и строго запретили прочимъ масонамъ сдѣлаться членами этого ордена.

Такимъ образомъ, ни исторія, ни ближайшее знакомство съ современнымъ масонствомъ не представляютъ ровно никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ на масонскія ложи можно было бы смотрѣть какъ на еврейское учрежденіе. А относительно масонскаго духа можно ли допустить противоположное мнѣніе? Можно ли утверждать, что онъ руководится внушеніями еврейскаго духа? Пожалуй, это еще можно было бы допустить въ тотъ періодъ, когда масонство придерживалось доктринъ деизма въ томъ видѣ, какъ онѣ признавались нашими праотцами XVIII столѣтія до начала революціи, или передъ наступленіемъ ея; но такъ какъ изъ исторіи ясно видно, что какъ разъ въ это время масонскія сферы были совершенно закрыты для евреевъ, то рѣшительно невозможно понять, какимъ образомъ еврейскій духъ могъ бы проникнуть туда. А что случилось съ культомъ Великаго Зодчаго въ послѣдующее время — это всякому изъ насъ извѣстно: большая часть ложъ, какъ во Франціи, такъ и на всемъ континентѣ, отвергла первоначальную доктрину масонства. Благодаря эволюціи, совершившейся въ XIX столѣтіи въ ложахъ масоновъ латинскаго племени, подчиненныхъ „Великому востоку“, между французскими и итальянскими ложами и ложами англосаксонскихъ странъ произошелъ расколъ, который продолжается и до настоящаго времени. Отъ деизма „Великій востокъ“ перешелъ къ матеріализму, къ натурализму и, наконецъ, къ атеизму. Въ виду всего этого, не странно ли было бы предполагать, что рѣшившись отвергнуть принципы и символы стараго масонства, поправить авторитетъ „Великаго Зодчаго“ и порвать связь съ англосаксонскими ложами, „Великій востокъ“ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ внушеніями еврейства и подчинился вліянію синагоги? Кому же неизвѣстно, что синагога во всѣ времена считала своей священной миссіей охранять, во всей его неприкосновенности принципъ монотеизма? Конечно, у насъ,

на западѣ, между евреями тоже встрѣчаются и атеисты, и материалисты, но ихъ слѣдуетъ считать скорѣе отщепенцами еврейства вслѣдствіе соприкосновенія съ чуждой средой, чѣмъ истыми представителями еврейскаго духа.

Но перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію возбужденнаго нами вопроса. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, господа, что нѣкоторые изъ противниковъ масонства увѣряютъ, что оно придерживается какихъ то тайныхъ обрядовъ, практикуемыхъ при совершеніи сокровенной его литургіи, и что предметомъ этого культа, основаннаго на извращеніяхъ гностицизма, служить не кто другой, какъ Люциферъ, или самъ Сатана. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго понятія объ этомъ, такъ какъ не принадлежу ни къ арміи кавалеровъ кадоша (kadosh), ни къ конклаву 33-хъ, посвященныхъ въ верховныя таинства; но приемы, пускаемые въ ходъ нѣкоторыми изъ бывшихъ масоновъ, чтобы доказать сатанинскія тенденціи высшаго масонства, возбуждаютъ во мнѣ сильное сомнѣніе.

Вы, конечно, всѣ слышали толки, ходившіе въ послѣднее время въ публикѣ о нѣкоей мистической дѣвѣ, извѣстной подъ названіемъ невѣсты Асмодея, при чемъ наши предупредительныя газеты описывали намъ даже въ популярныхъ очеркахъ романическія приключенія этой невидимой и неуловимой чародѣйки съ Сатаной. Смиренно признаюсь, что, выслушивая розказни объ этой чертовщинѣ, я только пожималъ плечами и отнесся крайне скептически даже къ самому существованію Діаны Воганъ. (Смѣхъ).

Вообще, нѣкоторые изъ враговъ масонства, въ своихъ нападкахъ противъ него, впадаютъ въ такія крайности, что приносятъ ему скорѣе пользу, чѣмъ вредъ, такъ что подчасъ невольнo приходитъ въ голову, не слѣдуетъ ли причислить этихъ господъ не къ противникамъ, а къ друзьямъ и доброжелателямъ масонскихъ ложъ. Но допустивъ даже, что палладиизмъ дѣйствительно существуетъ, что масонскія ложи, выдающія себя за враговъ всякой религіи, преклоняются въ тайнѣ передъ Люциферомъ, какъ передъ своимъ богомъ; что подъ проповѣдью возвышенныхъ идей гуманности, свободы и равенства кроется извращенный культъ Сатаны,—можно ли усмотрѣть въ такой чудовищной религіи

проявленіе еврейскаго духа? Какъ! Сатана дерзнулъ возстать противъ Іеговы? Вѣдь Іегова является для евреевъ не только единымъ истиннымъ Богомъ, творцомъ вселенной, но также и національнымъ его Богомъ. Между еврейскими раввинами не найдется ни одного такого, который рѣшился бы отречься отъ своего Іеговы, неизреченное Имя Котораго онъ не осмѣливается даже произносить своими устами. Въ виду этого, я считаю, господа, чистѣйшимъ абсурдомъ всякія обвиненія, вводимыя противъ евреевъ, противъ синагоги, Талмуда, или хотя бы даже противъ Кабаллы въ возникновеніи по истинѣ чудовищнаго культа Сатаны.

Въ заключеніе изложенныхъ мною взглядовъ на религіозный антисемитизмъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ участіи, принимаемомъ евреями въ антиклерикальномъ движеніи. Антиклерикализмъ и антисемитизмъ представляются мнѣ чѣмъ то въ родѣ запѣвалъ двухъ противоположныхъ хоровъ, какъ бы подстрекающихъ и воодушевляющихъ другъ друга.

Я, конечно, не стану отрицать того факта, что евреи принимали дѣятельное участіе въ походахъ противъ клерикализма. Мы видѣли это и во Франціи и въ особенности въ Германіи и Австро-Венгріи. Многіе изъ христіанъ, а въ томъ числѣ и многіе изъ католиковъ, потому именно и примкнули къ лагерю антисемитовъ, что евреи, позабывъ всякую осторожность, рѣшились принять участіе въ антихристіанской, антикатолической пропагандѣ. Если мы бросимъ бѣглый взглядъ назадъ, то увидимъ, что этотъ своеобразный продуктъ, называемый антисемитизмомъ, появился впервые на нѣмецкой почвѣ, въ эпоху *Kulturkampf*'а, и оттуда уже занесенъ былъ къ намъ, во Францію. Въ Пруссіи того времени, въ рядахъ, такъ называемыхъ, либераловъ, которыхъ правильнѣе было бы называть псевдо-либералами, такъ какъ люди, требующіе изданія исключительныхъ законовъ—все равно противъ кого бы ни были направлены эти законы—противъ іезуитовъ, или противъ евреевъ,—ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ названія истинныхъ либераловъ,—итакъ, въ рядахъ этой партіи національ-либераловъ и представителей антиклерикальной прессы были также и евреи,

которые, по обычаю антиклерикаловъ всѣхъ странъ, позволяли себѣ публично кричать, указывая на католиковъ: „Долой Римъ!“, на что клерикалы, разумѣется, возражали имъ не менѣе яркими возгласами: „Долой Іерусалимъ!“ Эти вызывающіе крики производили на противниковъ дѣйствіе пороха, такъ какъ нетерпимость возбуждаетъ нетерпимость.

Въ оправданіе католиковъ, укажу еще на одну причину, способствовавшую распространенію антисемитизма во Франціи, а именно: вслѣдствіе изданія антиклерикальныхъ законовъ, а также и вслѣдствіе антихристіанскаго духа, охватившаго наше правительство, у насъ сдѣлалось даже выгодно и удобно не быть католикомъ и вообще христіаниномъ. Въ глазахъ нашихъ администраторовъ еврейское происхожденіе уже само по себѣ какъ бы давало право на довѣріе. Такимъ образомъ, въ силу антиклерикальныхъ тенденцій и открытой войны противъ католицизма, евреи, а вмѣстѣ съ ними отчасти и протестанты, очутились въ исключительномъ положеніи французскихъ гражданъ, пользующихся особенной благосклонностью правительства. (О добрительные возгласы).

Такой порядокъ вещей, конечно, нельзя назвать ни справедливымъ, ни логичнымъ. Что касается до меня, то я держусь того мнѣнія, что если евреямъ не слѣдуетъ отказывать въ равноправіи, то имъ не должно предоставлять и особыхъ привилегій. Я нахожу не только страннымъ, но просто ненормальнымъ тотъ фактъ, что у насъ, во Франціи, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ христіанъ, званіе иновѣрца какъ бы предоставляетъ особья права на симпатіи нашего правительства. (Продолжительныя рукоплесканія).

Пер. С. Л. Федоровичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕССИАНИДА.

„Ялкутъ“ Исаія, Рим. 475.

I.

Я книгу древиюю открылъ,
И со страницы обветшалоу
Легенды тихій свѣтъ блеснулъ
Мнѣ зорькой ясной, зорькой алой:

„Свѣтъ солнца станетъ во сто кратъ
Сильнѣй и ярче. Вновь вершины
Поднявъ, воздвигнутся кругомъ
Всѣ міра древнія руины.

„Тысячелѣтніе плоды
Производить начнутъ растенья,
Вода сіонскихъ родниковъ—
Давать болящимъ исцѣленье.

„Настанетъ миръ среди звѣрей
И средь племенъ благоволенье.
Наступитъ всѣмъ скорбямъ конецъ,
Печалямъ вѣчное забвенье.

„И запоютъ псаломъ моря
И бури грозная стихія...
Все это будетъ въ дни, когда
Придетъ желанный нашъ Мессія“..

II.

Я книгу ветхую закрылъ..

Господь мой, крѣпость и спасенье!
Внемли тоскующей душѣ,
Услышь, услышь мое моленье:

— За сотни лѣтъ скорбей и мукъ,
За ядъ 'обидъ, за гнетъ неволи,
За сотни лѣтъ мертвящей тьмы
Постыдной доли, горькой доли—

Пріюта мирнаго съ кускомъ
Родного, собственнаго хлѣба
Душой скорбящей жажду я,
Молю у благостнаго неба,—

Чтобы не гибли день за днемъ
Неволей скованныя силы
Безъ смысла, цѣли и пути
Отъ колыбели до могилы;

Чтобъ гласъ пророческихъ легендъ
Во тьмѣ угрюмой и глубокой
Не раздавался надо мной
Насмѣшкой горькой и жестокой...

С. Фругъ.

ПО ТЕПЛОМУ ТЕЧЕНІЮ.

СОВРЕМЕННЫЯ КАРТИНЫ.

ГЛАВА I.

Моисей Наумовичъ Пинкесъ и его семья.

Трехъ-этажный домъ, стоявшій на достаточно чистой улицѣ города О., расположеннаго на берегу Чернаго моря, принадлежалъ герою настоящаго повѣствованія, потомственному почетному гражданину Мойсею Наумовичу Пинкесу. Этотъ фактъ подтверждался прибитой надъ воротами дощечкой, а потому никто не могъ усомниться въ томъ, что Мойсей Наумовичъ былъ дѣйствительно потомственный почетный гражданинъ, не смотря на то, что званіе это служило ему ореоломъ имени-ности лишь въ предѣлахъ родной черты осѣдлости.

Мойсею Наумовичу Пинкесу было 44 года; средняго роста, довольно крѣпкаго тѣлосложенія—онъ былъ видный мужчина; легкая сѣдина пробивалась въ его коротко остриженной бородѣ, а въ глазахъ свѣтился огонекъ бодрости и надежды. Воспитаніе онъ получилъ въ хедерѣ, но затѣмъ нѣкоторое время пробылъ за границей, гдѣ и научился говорить по нѣмецки и по французски. Вернулся онъ изъ за границы такимъ же *строгимъ евреемъ*, какимъ былъ до своей поѣздки. Прошло короткое время и онъ женился на дѣвушкѣ, о которой можно было лишь сказать, что она была дѣвушкой, пожалуй красивой, но не болѣе,—по крайней мѣрѣ въ то время, когда она выходила замужъ; теперь-же, въ ту минуту, когда домъ ея мужа, купленный однако на ея имя, мощно высился на улицѣ гор. О., необходимо добавить, что она превратилась въ дородную женщину, мать двухъ дочерей и двухъ сыновей, что она была неизмѣнно-преданной женой и что въ сопровожденіи своего мужа она мѣрно плыла «по теплomu теченію».

Читатель, вѣдомо-ли тебѣ, что значить «теченіе»? Есть два теченія: если ты честный человѣкъ, то долженъ былъ познать могучую струю холоднаго теченія, противъ котораго ты плылъ, стремясь выйти на берегъ правды и любви; но если ты не хотѣлъ борьбы, не жаждалъ правды и любви—ты могъ познать то теплое теченіе, которое, даря тебѣ ласку и нѣгу, тихо качая на своей поверхности, унесло тебя, безропотнаго, туда, гдѣ тебѣ хорошо... Эти теченія далеко уносятъ другъ отъ друга когда то близкихъ друзей, родныхъ, братьевъ—уносятъ, чтобы никогда ужъ не свести ихъ вмѣстѣ...

Мойсей Наумовичъ Пинкесъ съ женою Фаней любили теплое теченіе и не столько ради самихъ себя, сколько ради дѣтей. Мало-по-малу въ домѣ потомственнаго почетнаго гражданина исчезалъ духъ еврейства, уступая мѣсто какому-то новому, неопредѣленному, но все-же властному духу; то одинъ, то другой религіозный обрядъ, освященный временемъ, изгонялся изъ обихода и вскорѣ домашняя, внутренняя жизнь Мойсея Наумовича представляла собою одну жалкую форму.

Какъ личность извѣстная въ городѣ, Мойсей Наумовичъ имѣлъ конечно многочисленныхъ друзей и столь-же многочисленныхъ враговъ, причемъ замѣчалось, что многіе изъ его враговъ внезапно переходили въ ряды друзей, и наоборотъ, иные друзья порою становились его ожесточенными врагами. Это явленіе вытекало, по словамъ Мойсея Наумовича, изъ его «чрезмѣрной доброты», а потому каждый разъ, когда кто-либо изъ враговъ объявлялъ себя другомъ Мойсея Наумовича, всѣ его друзья восклицали: «Вотъ каковъ нашъ Мойсей Пинкесъ! Самый заклятый его врагъ преклонился предъ нимъ!» Если же случалось, что одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей становился въ ряды враговъ, друзья горестно шептали: «Добрѣйшій Пинкесъ, какъ онъ вѣрилъ этому измѣннику!» Самъ Мойсей Наумовичъ однако никогда не выказывалъ своего смущенія, ограничиваясь тѣмъ, что при появленіи новаго друга говорилъ женѣ:

— Фаничка, завтра къ обѣду у насъ будетъ гость, мой лучшій другъ, чиновникъ при губернаторѣ, Альбертъ Мейстеръ.

Фаничка безмолвно выслушивала и только своимъ взоромъ вопрошала:

— Какого сорта этотъ гость?

— Вели красиво убрать столъ и чтобы не пахло... еврействомъ... Онъ мой лучший другъ.

И съ этихъ поръ, когда кто-либо произноситъ имя Альберта Мейстера, вся семья Мойсея Пинкеса восторженно восклицала: «Это нашъ лучший другъ!»

Когда-же Мойсей Наумовичъ получалъ извѣстіе объ измѣнѣ друга, онъ беззаботно спрашивалъ жену:

— Фаничка, сколько разъ обѣдалъ у насъ Вячеславъ Пунскій?—и не дожидаясь отвѣта, заявлялъ:—онъ негодяй!

И съ тѣхъ поръ никто въ домѣ не произносилъ имени Вячеслава Пунскаго.

Такимъ образомъ незлобивость Мойсея Наумовича становилась очевидной, привлекая къ нему сердца друзей.

Мойсей Наумовичъ былъ дѣятельный коммерсантъ, а потому имѣлъ хорошее состояніе; какое именно—трудно было опредѣлить, такъ какъ лавочница Рухля, ближайшая совѣтница Фани Пинкесъ, посвящавшая ее въ сплетни, шедшія о ней въ сосѣднихъ домахъ, сплетни большей частью самой Рухлей измышленныя, утверждала, что у Мойсея Пинкеса «цѣлый милліонъ», а ея дочь, бывшая замужемъ за сапожникомъ, удостоеннымъ однажды чести починить сапогъ Мойсея Наумовича, увѣряла, что у него не милліонъ, а только семьсотъ тысячъ, иначе онъ не носилъ бы запатаннаго сапога, но въ то же время дальняя родственница Фани, бѣдная швея, работавшая въ разныхъ домахъ, упорно съ гнѣвою у рта кричала всюду, что у Мойсея Пинкеса только двѣ тысячи «да и то вопросъ». Богатый или не богатый, Мойсей Наумовичъ пользовался въ городѣ О. лестной для него репутаціей, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, равно достоинствамъ своей семьи. Фаня Пинкесъ могла любого гостя обворожить своей «аппетитной» улыбкой, какъ выразилсь одно именитое лицо; что-же касается дѣтей, то ихъ благонравіе, повиновеніе родителямъ и явное сочувствіе предначертаніямъ послѣднихъ были извѣстны каждому, кто хотя разъ слышалъ о семьѣ Мойсея Пинкеса. Двери гостепріимнаго дома были широко открыты для того, кто по той или другой причинѣ былъ необходимъ или могъ быть когда либо полезенъ гражданину Пинкесу.—Рядъ высокихъ свѣтлыхъ комнатъ производилъ на гостя пріят-

ное впечатлѣніе. И трогательно было видѣть, какъ вся семья стремительно выражала свою радость приходу нужнаго или полезнаго гостя. Не успѣвалъ гость освободиться отъ пальто и шляпы, какъ хозяинъ и хозяйка встрѣчали его у порога и зводили въ комнаты; не успѣвалъ гость поадроваться и присѣсть на предложенное мѣсто, какъ красавица Лида, старшая дочь хозяевъ, свободно владѣвшая тремя иностранными языками, милостиво протягивала ему руку и спрашивала: «Вы родились въ О.?» Увы! при всемъ своемъ желаніи, гость не имѣлъ физической возможности отвѣтить на любознательный вопросъ, такъ какъ вторая дочь, Эльза, уже вопрошала о состояніи погоды и о значеніи новой денежной реформы, а маленькій Пыжикъ, гордость Мойсея Пинкеса, вѣзжалъ въ комнату на дѣтскомъ велосипедѣ, шаловливо врѣзываясь колесомъ въ колѣно гостя. Приходилось удивляться рѣзвости наѣздника-Пыжика... Послѣ этого гостя приглашали откушать чаю.

А пока любезные хозяева бесѣдовали съ гостемъ, на кухнѣ происходила перебранка между кухаркой и горничной. Кухарка, толстая, жирная еврейка, въ безконечно широкой юбкѣ, съ необъятной грудью, преданная дому Пинкеса, никакъ не могла ужиться съ горничной, помѣсью неопредѣленныхъ элементовъ, не то польки, не то нѣмки, злымъ существомъ, враждебнымъ кухаркѣ, хозяевамъ и всему ихъ роду. Добродушная кухарка, не могла понять, почему за ней такъ не ухаживаютъ, какъ за горничной, и въ своихъ жалобахъ она напрасно напоминала о своей преданности, о долгой службѣ. Ничто не помогало. Вся семья относилась къ ней враждебно, ставя ей въ примѣръ ея же врага; и глухая борьба между элементами, другъ другу враждебными, принужденными жить бокъ-о-бокъ, порою вспыхивала опаснымъ огнемъ.

А жизнь гражданина Мойсея Наумовича Пинкеса и его семья походила на жизнь кибѣвшую на кухнѣ. Много недоразумѣній возникало въ жизни гражданина Пинкеса, благодаря ея раздвоенности. Много недоразумѣній ждетъ его впереди. Ничего. Пусть грядущее приближается; Мойсей Наумовичъ философъ: все ему ни почемъ, ко всему онъ привыкнетъ.

ГЛАВА II.

Соломонъ Гройсъ.

Соломонъ Гройсъ былъ вполне достойный человѣкъ; не говоря о томъ, что и преклонный возрастъ, и потухавшій взоръ его слезившихся глазъ, обѣщавшіе ему скорую смерть, привлекали къ нему со стороны его знакомыхъ ту грустную нѣжность, какую обыкновенно вызываетъ къ себѣ тотъ, кто надолго или навсегда покидаетъ своихъ близкихъ,—не говоря объ этомъ, нѣкоторыя особенности его натуры, какъ услужливость, уваженіе къ тѣмъ, кто могъ-бы его раздавить, были достойны любовнаго созерцанія. Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, но судьба, не рѣдко столь зло смѣющаяся надъ человѣкомъ, никогда не давала ему возможности проявить эту черту и Соломонъ Гройсъ глубоко страдалъ отъ страстнаго желанія быть хлѣбосоломъ и отъ полной невозможности быть таковымъ, ибо онъ былъ совершенно бѣденъ. За то онъ съ своей же стороны предоставлялъ другимъ полную возможность фактически проявить гостепріимство: много лѣтъ сряду Соломонъ Гройсъ переходилъ отъ одного родственника къ другому, великодушно предлагая себя въ жертву хозяйской добротѣ. И нерѣдко бывало, что безкорыстный Соломонъ Гройсъ, находясь въ домѣ своего амфітріона, направлялся къ шкафу, отыскивалъ графинчикъ и выпивалъ даже не одну, а двѣ рюмки водки за разъ, а хозяинъ, въ домѣ котораго онъ находился, думалъ про себя:

— Этотъ старикъ выпьетъ всю водку! Боже, что скажетъ моя Хана?

А Соломонъ, утирая слезившіеся глаза, въ то же время приготавливалъ:

— Всякому еврею хочется *a trunkъ бройнфинъ* (рюмочку водки).

— И кушайте на здоровье! — возглашала вошедшая Хана, сообразивъ, что Соломонъ Гройсъ давно у нихъ не былъ, слѣдовательно, если онъ теперь пришелъ, то по всей вѣроятности съ какой нибудь новостью.

— Ханеле, — робко произносилъ ей мужъ — святой Дувидъ,

какъ его называли за робость и честность, — Ханеле, онъ выпить уже двѣ рюмки. — И у него сердце сладко сжималось отъ радости, что Хана спокойно отнеслась къ этому факту.

— И пусть себѣ пьетъ на здоровье. На то и водка, чтобы ее пить!

— Ханеле, это я ему предложилъ! — восклицалъ Дувидъ, думая заслужить одобреніе жены.

— Какъ-же ты глупъ, что предлагаешь; если р. Шлейма хочеть водки, онъ можетъ налить себѣ, сколько пожелаетъ, а если онъ не хочеть, то ненадо заставлять. И мнѣ кажется, что тебѣ пора на службу. До вечера думаешь здѣсь сидѣть?

Дувидъ покорно вышелъ въ другую комнату и скоро вернулся въ пальто и шляпѣ. Онъ протянулъ руку гостю, чтобы проститься.

— Боже мой, отчего ты шея не обвязалъ платкомъ? Ахъ Дувидъ, развѣ я должна съ тобою, какъ съ ребенкомъ, воститься? Силь моихъ больше нѣтъ.

Хана говорила строго, отрывисто и въ то же время заботливо укутывала мужа и учила, какъ себя держать внѣ дома.

— Чтобы ты не сидѣлъ у открытаго окна. И чтобы ты нигдѣ ничего не ѣлъ. И когда проголодаешься, приходи скорѣе ко мнѣ. Только твоя Хана знаетъ, что тебѣ можно ѣсть. И не стой здѣсь одѣтымъ въ пальто.

Она открыла дверь на улицу, подождала пока мужъ сошелъ со ступенекъ и затѣмъ, крикнувъ: «Съ тобою Богъ, Дувидъ», долго смотрѣла, какъ слабый болѣзненный старичокъ удалялся отъ нея и скрылся за угломъ.

— Пусть Божье благословеніе царить надъ нимъ! — прошептала она благоговѣнно и вернулась въ комнаты. На ея лицѣ выражалась такая озабоченность, такой страхъ за судьбу дорогого ей мужа, что казалось вотъ-вотъ слеза скатится по ея щекамъ; но прошло мгновеніе и лицо ея озарилось улыбкой; она словно ожила при мысли о новости, которую принесъ ей гость.

Соломонъ Гройсъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову на грудь; онъ хотѣлъ изобразить изъ себя дряхлое существо, нуждающееся въ отдыхѣ, беспокоить которое грѣшно; но зная прекрасно Хану, онъ понималъ, что для того, чтобы не потерять

ея дружественнаго расположенія, онъ долженъ поблагодарить ее за пріемъ и сообщить ей какую-нибудь новость: правдивую или вымышленную—все равно, послѣднюю даже лучше, такъ какъ опроверженіе такой новости послужить предметомъ слѣдующаго посѣщенія и предлогомъ еще разъ закусить.

Соломонъ Гройсъ приходился родственникомъ Ханѣ Пинкесъ: онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Дувида. Однако, несмотря на такую близость, они, понимая «современное вѣянье», держались въ отношеніи взаимныхъ посѣщеній и оказанія другъ другу помощи въ тѣсныхъ границахъ такъ называемаго «добраго знакомства». Дѣло въ томъ, что Дувидъ Пинкесъ приходился роднымъ братомъ герою настоящаго повѣствованья, потомственному почетному гражданину Мойсею Пинкесу. Принципъ добраго знакомства являлся одною изъ специальныхъ чертъ тѣхъ лицъ, которыя считались родственниками Мойсея Пинкеса.

Соломонъ Гройсъ, сидѣвшій насупротивъ Ханы, къ тому еще являлся представителемъ пролетаріата въ семьѣ Пинкеса, такъ что неудивительно, что при всей своей добротѣ Хана Пинкесъ въ другую минуту пожалѣла бы дать ему кусокъ хлѣба.

— Хороша моя водка?—ласково и многозначительно спросила Хана.

— Гм... Не очень... она и черезъ часъ даетъ знать о себѣ.

— Такъ не надо ее пить,—задорно воскликнула Хана и сложила руки на груди, выражая этимъ готовность выслушать гостя.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго молчанья. Вдругъ Соломонъ Гройсъ поднялъ голову и, какъ бы свысока взглянувъ на Хану, крикнулъ:

— Лида Пинкесъ скверная дѣвчонка!

— Что? Молчите!—остановила его Хана, вспыхнувъ:—молчите!

— Я знаю, что она...

— Молчите! Все, что вы знаете о ней, вы должны мнѣ рассказать, но называть ее скверной я не позволю! Я ея родственница! И скажите, что она могла такое сдѣлать, чтобы кто-нибудь, да еще особенно близкій человѣкъ, называлъ ее скверной?

— Она не поклонилась на улицѣ своей родной тетѣ, вдовѣ Добрѣ!

- Что вы говорите? Это невозможно!
- Да, не поклонилась и еще отвернула голову въ сторону!
- Отвернула голову? Это ужасно. И что же вдова Добра?
- Вдова Добра... она тоже не поклонилась.
- И она тоже? Это невозможно, это ужасно! И что же еще?

Что же будетъ дальше?

Хана задумалась, опершись головой на ладонь, а Соломонъ Гройсъ началъ меланхолически сморкаться.

— Это ужасно... И отчего это?

Соломонъ Гройсъ положилъ платокъ на колѣно, развелъ руками, опять взялся за платокъ и вновь началъ меланхолически сморкаться.

— Въ первый разъ слышу подобную исторію. Всѣ наши родственники всегда такъ любезно кланялись другъ другу и, встрѣтившись на улицѣ, останавливались, бесѣдовали. Ой, я вспомнила, — встрепенулась Хана и схватила Соломона Гройса за руку, — ой, я вспомнила. На прошлой недѣлѣ, кажется наканунѣ Ройшъ-Гапано... да, да, конечно, наканунѣ Ройшъ-Гапано я, вдова Добра, Дувидъ, маленькая Роза и еще кто-то стояли у воротъ нашего дома, а по конкѣ проѣзжалъ Сашка Пинкесъ, Мойсея сынъ. Мы всѣ начали кричать ему, чтобы онъ велѣлъ остановить вагонъ (не дай Богъ соскочить на ходу!) и махали ему платками, а онъ намъ даже не поклонился. Да, да, наканунѣ Ройшъ-Гапано... Теперь вы понимаете, что это означаетъ? Скажите, Соломонъ, развѣ Сашка не скверный мальчишка? Нѣтъ, онъ мнѣ не поклонился — онъ таки совсѣмъ скверный мальчишка. Мнѣ все равно, что я его родственница... Я вамъ говорю, что онъ скверный мальчишка и что его сестра Ляда скверная дѣвчонка! Всѣмъ буду говорить, пусть всѣ знаютъ! Бѣдная Добра!

Хана начала метаться по комнатѣ и вдругъ рѣшительно крикнула: поѣдемъ къ ней!

— Хана, не забудьте, что Дувидъ скоро вернется, это ему дастъ покушать?

— Пусть онъ совсѣмъ не ѣстъ, если позволяетъ оскорблять свою жену.

Хана суетливо одѣвалась, а Соломонъ Гройсъ размышлялъ, что дѣйствительно всего благоразумнѣе пойти къ Добрѣ

Флейшъ,—тамъ его накормятъ. Но слышался звонокъ и вошелъ Дувидъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ?—набросилась на него Хана:—уже кушать хочешь? Что ты два дня не ѣлъ, что ли?

Дувидъ стоялъ ошеломленный, готовый исчезнуть изъ комнаты, но Хана уже взяла его за руку и усаживала къ столу, на которомъ быстро появились: хлѣбъ, зелень, рыба. Она присѣла и любовно смотрѣла на своего мужа, а Соломонъ Гройсъ остановился у порога, не зная, можно ли ему раздѣлить съ Дувидомъ трапезу.

ГЛАВА III.

Хана Пинкесъ.

Извѣстіе, принесенное Соломономъ Гройсомъ и потрясшее Хану Пинкесъ, дѣйствительно носило въ себѣ зародышъ какого-то зловѣщаго будущаго. Подобно тому, какъ тучка появившаяся на горизонтѣ привлекаетъ вниманіе мореплавателя, такъ и это извѣстіе заставило Хану тревожно заглянуть въ ту сторону, откуда можно было ожидать появленія грозы. Хана направилась къ Фанѣ Пинкесъ. Подходя къ дому, она почувствовала, что у нея въ груди какъ будто защемило и въ то же время она вспомнила, что она не имѣетъ 3-хъ этажнаго дома и что живетъ она со своимъ больнымъ мужемъ въ 2-хъ небольшихъ, нездоровыхъ комнаткахъ. Позвонивъ у дверей, Хана, къ своему неудовольствію, обнаружила въ себѣ приступъ какой-то необъяснимой робости, которой она никогда въ себѣ не замѣчала, такъ какъ постоянно встрѣчала ласковую улыбку Фани и дружескій поклонъ Мойсея Наумовича.

Обыкновенно Фаня привѣтливо встрѣчала ее, усаживала въ глубокое кресло, гдѣ тщедушная Хана словно совсѣмъ пропала, наклонялась къ ней и рассказывала, какъ ея мужъ Моисей много работаетъ и какъ одинъ очень умный, порядочный господинъ сказалъ, что еще такой «свѣтлой головы» онъ не встрѣчалъ. И видно было, что столь лестная атестація сладко щекотало самолюбіе Фани. Хана, обыкновенно, то утвердительно кивала головой, то вдругъ поднималась съ своего мѣста и жала руку родственницѣ, выражая этимъ свою радость и гордость

быть родственницей столь замѣчательной личности; Фаня упрасивала Хану снять свою старенькую шляпку и почернѣвшія отъ времени перчатки; Хана долго отказывалась, но наконецъ исполняла просьбу.

И странно: пока Хана сидѣла въ своей старенькой шляпкѣ и почернѣвшихъ отъ времени перчаткахъ — обѣ собесѣдницы чувствовали, что онѣ другъ другу пріятны: Фаня была довольна тѣмъ, что имѣла случай вдоволь поговорить, Ханѣ было лестно сознавать, что, выслушивая свою родственницу, она доставляетъ ей этимъ удовольствіе, — и боязнь первой не успѣть рассказать всего того, что накопилось со времени ихъ послѣдняго свиданья, и боязнь второй не услышать «посидите, дорогая куда вы спѣшите?» заставляли обѣихъ женщинъ обмѣниваться любезностями и пожатіемъ родственныхъ рукъ. Но какъ только Хана снимала шляпку и перчатки, Фанѣ становилось очевиднымъ, что ея гостя не скоро уйдетъ, Хана же чувствовала, что она хозяйкѣ въ тягость. Наступало продолжительное молчаніе. Хана быстро вставала, торопясь одѣть шляпку и перчатки, и, прощаясь, обѣ дамы вновь чувствовали, что онѣ другъ другу пріятны. Фаня спѣшила договорить послѣднюю фразу, Хана радовалась, что вновь доставляетъ удовольствіе своей родственницѣ, выслушивая ея болтовню.

Увы!.. На этотъ разъ Хана почему-то не услышала приглашенія снять шляпку и перчатки, но особенно поразило ее то обстоятельство, что и сама Фаня Пинкесъ обнаружила признаки внутренняго волненія, которое она напрасно силилась скрыть и въ громкомъ смѣхѣ, и въ торопливой бесѣдѣ по поводу благороднаго характера мужа.

Несомнѣнно, что свиданіе почтенныхъ женщинъ было очень интересно, но, къ сожалѣнію, никто не былъ свидѣтелемъ его и только горничной, бѣлокурой Іезуитѣ, помѣси неопредѣленныхъ элементовъ, удалось схватить на лету кое-какіе отрывки изъ бесѣды госпожъ Пинкесъ. Забѣжавъ къ ея бесѣдѣ, Іезуита таинственно передавала о событіи въ ихъ домѣ и утверждала, что посреди мирной бесѣды раздался звонокъ. Вѣрная своей обязанности, она успѣла уже заглянуть въ зеркало и готова была бѣжать къ дверямъ, какъ въ это мгновеніе она

увидѣла испуганную Фаню, схватившую за руку свою любовную родственницу и говорившую ей:

— Посидите гдѣ-нибудь въ другой комнатѣ... у насъ гость... важный гость... онъ не долженъ васъ видѣть... опасно... уходите.

Дѣйствительно, когда Іезуита открыла дверь, вошелъ молодой человѣкъ пріятной наружности, приличныхъ манеръ и, такъ сказать, патриархальныхъ традицій; послѣднее блистательно сказалося въ томъ, что онъ немедленно, безъ церемоній, вполне запросто, ущипнулъ Іезуиту за плечо и вручилъ ей четвертакъ, что составляло, надо полагать, наслѣдіе его добродушныхъ предковъ.

Молодой человѣкъ успѣшилъ направиться къ Фанѣ и рыцарски-почтительно поцѣловалъ ей руку; Фаня пригласила его занять мѣсто, послѣ чего Іезуита была командирована къ барышнямъ доложить, что пришелъ Антонъ Николаевичъ; хозяйка и гость остались съ глазу на глазъ.

Да, Хана видѣла, какъ Фаня Пинкесъ осталась наединѣ со своимъ молодымъ собесѣдникомъ!

Очутившись въ сосѣдней комнатѣ, Хана скоро оправилась отъ смущенія и, вспомнивъ, что ей, какъ близкой родственницѣ Фани, необходимо убѣдиться въ безопасности послѣдней, она припала лицомъ къ замочной скважинѣ и словно окаменѣла. Проведши свои юные годы въ строго патриархальномъ домѣ родителей, перейдя затѣмъ въ домъ своего мужа, честнѣйшаго человѣка, не видѣвъ никогда въ своемъ кругу примѣра безнравственности, Хана была безусловно нравственной женщиной, но теперь, зная, что Фаня Пинкесъ осталась наединѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ не изъ «нашихъ», она страстно пожелала, чтобы въ сосѣдней комнатѣ произошло нѣчто такое, что могло послужить поводомъ къ некрасивому подозрѣнію. Оскорбленная изгнаніемъ изъ гостиной, она хотѣла почувствовать, что она, «бѣдная Хана, живущая въ 2-хъ нездоровыхъ комнатахъ со своимъ больнымъ мужемъ», стоитъ выше этой «толстой богачки», что она должна со стыдомъ признать свое родство съ Фаней Пинкесъ.

Но, увы! Между Фаней и ея гостемъ завязалась столь скромная бесѣда, что нельзя не пожалѣть несчастной Ханы, напрасно

смотрѣвшей въ замочную скважину. А тутъ еще Сашка, этотъ скверный мальчишка, подкравшись къ своей тетѣ, безжалостно схватилъ ее и унесъ прочь отъ дверей, бросивъ ее чуть-ли не у кухни... И несчастной старушкѣ почудилось, что не только она одна была схвачена и брошена за черту тѣхъ мѣстъ, гдѣ ея пребываніе признано было неудобнымъ, а что многіе, многіе, незнакомые, но близкіе ей люди перенесли ея стыдъ. Хана покинула домъ своей родственницы, но еще на улицѣ ее преслѣдовалъ, какъ бы всюду раздававшійся возгласъ: «по теплому течению!» Ошеломленная Хана, не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что съ ней произошло, но одно ей было ясно: въ происшедшей трагедіи сыграло роль какое-то «теплое теченіе»; многое говорило ей объ этомъ теченіи: и открытыя въ субботній день еврейскія лавки, и Йосель Койсизъ, внукъ падика, гулявшій съ какой-то нарумяненной неприличной дамой, и Сашка Пинкесъ, промчавшійся на лихачѣ въ обществѣ какого-то пьянаго офицера.

Хана побѣжала къ товарищу по несчастью, къ той вдовѣ—Добрѣ Флейшъ, 65-лѣтней старушкѣ, которой Лида не поклонилась. Растерянный видъ, надвинутая на затылокъ шляпка, нервная, сбивчивая походка—все это дѣлало Хану столь жалкой, что прохожіе невольно оборачивались, бормоча нѣчто очень непріятное для несчастной женщины.

Увидѣвъ ее, вдова Добра ужаснулась:

— Что съ вами, дорогая Хана? Что съ вами?

— Не могу... не могу, — чуть слышно шептала Хана, тяжело вздыхая.

Сердобольная Добра сняла съ нея шляпку, растегнула кое-гдѣ платье и попросила горничную принести ей воды. Но Хана долго не успокаивалась и, сидя на диванѣ, продолжала тяжело вздыхать. Добра удивленно смотрѣла на нее и вдругъ вспомнила, что когда-то она въ такомъ же видѣ прибѣжала къ Ханѣ. Это было тогда, когда въ ея квартиру ворвалась толпа чудовищъ въ красныхъ рубахахъ...

Вспомнивъ прошлое, слабая, боязливая старушка вдрогнула и вскричала:

— Вы убѣжали отъ красныхъ рубашекъ? Боже, спаси твою старуху!.. Развѣ грѣхъ быть старой еврейкой?

— Я была у Фани Пинкесъ.

— Что же тамъ случилось?—Добра начала поправлять съѣхавшій на бокъ парикъ.

— Пришелъ какой-то молодой человекъ... очень хорошо одѣтъ, но подѣ сюртукомъ должно быть была красная рубаха... Фаня велѣла мнѣ уйти... сказала, что опасно... я убѣждала.

— А гдѣ же Фаня?

— Она осталась съ нимъ...

— Вы нездоровы, дорогая Хана: развѣ возможно, чтобы Фаня осталась съ нимъ?

— Да, съѣла съ нимъ рядомъ.

— Это невозможно!—воскликнула Добра и залилась старческимъ смѣхомъ.

— Возможно, все возможно!—торжественно возгласилъ Соломонъ Гройсъ, стоявшій короткое время за дверью, а теперь вошедшій въ комнату:—возможно, чтобы подѣ красивымъ сюртукомъ скрывалась красная рубаха. А затѣмъ дайте мнѣ закусить, дорогая Добра, я голоденъ, точно цѣлый день не ѣлъ.

Добра не заставила гостя ждать.

ГЛАВА IV.

Ея превосходительство вдова губернскаго секретаря.

Семейный совѣтъ, состоявшійся за чайнымъ столомъ въ квартирѣ вдовы-Добры при безмолвномъ участіи Дувиды Пинкеса, постановилъ разъяснить возможно скорѣе все то, что произошло въ домѣ Мойсея Пинкеса. Ни Добра, ни Соломонъ не согласились признать повѣствованье Ханы достовѣрнымъ, ссылаясь на то, что Хана, какъ измученная нервная женщина, могла легко принять плодъ своей фантазіи за дѣйствительность, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что за чаемъ Хана начала нѣсколько разъ передавать различные моменты катастрофы и въ ея рассказѣ появились такія подробности, которыя невольно вводили Добру въ сомнѣніе. Хана, напр., увѣряла, что несмотря на роскошное платье, въ которое нарядилась Фаня для приема гостя, ея чулокъ на лѣвой ногѣ былъ разорванъ и будто такимъ образомъ Ханѣ удалось видѣть грязную пятку богатой родственницы.

Посему Соломонъ Гройсъ былъ отправленъ къ Мойсею Пинкесу, чтобы убѣдиться насколько было правды въ повѣствованіи измученной Хань.

Когда онъ пришелъ, вся семья гражданина Пинкеса, расположившись у большого круглаго обѣденнаго стола, бодро и жизнерадостно предавалась шумной бесѣдѣ, не забывая, конечно, опустошать съ должной быстротой подаваемые блюда. Веселье, царившее на лицахъ родителей и дѣтей, вызвало въ добромъ сердцѣ старика какое-то сладкое ощущеніе, и онъ съ восторгомъ присоединился бы къ милому обществу. но не рѣшился, такъ какъ изъ того, что облокучая Іезуита, пронся мимо блюдо, толкнула его и не извинилась, онъ благоразумно вывелъ, что онъ не въ милости у Фани. Затаивъ желаніе пообѣдать, онъ скромно занялъ мѣсто въ углу комнаты. Видя, что обѣдающіе обмѣниваются другъ съ другомъ пріятными вопросами и отвѣтами, Соломонъ Гройсъ рѣшилъ было, что все обстоитъ благополучно, но одно маленькое обстоятельство заставило его обратить вниманіе на даму, сидѣвшую рядомъ съ Лидой.

Невысокаго роста, худощавая, съ красными пятнами на щекахъ, она сидѣла держась ровно, стараясь изящно владѣть вилкой и ножомъ; это ей нѣсколько удавалось; но особенно старалась она изящно держать рюмку вина, чокаясь то съ Лидой, то съ Фаней.

— Ваше превосходительство, — мягко сказалъ Мойсей Наумовичъ, посылая въ ея сторону привѣтъ рукою, — будьте увѣрены, что мы умѣемъ любить нашихъ истинныхъ друзей.

Генеральша наклонилась къ Фанѣ и поцѣловала ее, нѣжно проговоривъ:

— Поцѣлуйте, душечка, вашего милаго мужа.

И въ тотъ моментъ, что она наклонилась къ Фанѣ, Соломонъ Гройсъ вдругъ рванулся и хотѣлъ было что то сказать; онъ былъ удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что два мѣсяца тому назадъ, исполняя какое-то мелкое посредничество, онъ имѣлъ небольшое дѣло съ госпожей, обѣдавшей теперь съ Фаней Пинкесъ, и онъ отлично помнилъ, что по бумагамъ она значилась вдовой губернскаго секретаря Анной Гавриловной Телѣгиной. Вотъ почему онъ намѣревался спросить, не про-

изведенъ ли покойный губернский секретарь Телѣгинъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники? Но въ это время всѣ съ шумомъ встали и перешли въ сосѣднюю комнату.

Соломонъ Гройсъ подошелъ къ покинутому столу, быстро закусилъ, выпилъ и отошелъ къ своему мѣсту, въ уголъ.

— Ахъ, генеральша, мнѣ такъ весело съ вами!—воскликнула Лида, обнявъ Анну Гавриловну.

— Душечка моя, я васъ очень, очень люблю,—защебетала генеральша.

— Какой милый молодой человѣкъ Антонъ Николаевичъ; я вамъ очень благодарна за это знакомство,—томно проговорила Эльза,—я съ нимъ бесѣдовала по поводу денежной реформы.

— Серьезный господинъ,—добавилъ Мойсей Наумовичъ,—изъ него выйдетъ прекрасный сановникъ.

— Папа,—задорно вмѣшался Сашка,—его уводили изъ 5-го класса.

— Его за умъ уволили; онъ слишкомъ много зналъ, мой юный другъ Саша,—защебетала Анна Гавриловна.

— Да, это видно,—подтвердилъ Моисей Наумовичъ,—обширный умъ... а главное: онъ и въ другихъ признаетъ умъ...

— Онъ выразился, что у папы свѣтлая голова!—побѣдонно воскликнула Лида.

Вскорѣ гостя начала прощаться. Сашка быстро побѣжалъ за извозчикомъ; Лида и Эльза начали что то шептать генеральшѣ, прося передать «два слова» Антону Николаевичу, а Фаня безмолвно стояла, широко улыбаясь, радуясь тѣсной дружбѣ, возникшей между именитой гостей и дочерьми. Мойсей Наумовичъ, незамѣтно для дѣтей, вручилъ генеральшѣ при прощаньи запечатанный конвертъ. Анна Гавриловна небрежно взяла его и, какъ бы нехотя, опустила въ карманъ, такъ что Мойсей Наумовичъ нашелъ нужнымъ тихо замѣтить ей, что со столь цѣннымъ пакетомъ слѣдуетъ осторожнѣе обращаться.

Гостя уѣхала, всѣ облегченно вздохнули.

— Ну, Соломонъ, что скажете новаго? — ласково спросила Фаня, успѣвъ отдать распоряженія по хозяйству и одѣтъ домашнее «грязное» платьѣ. Вино, выпитое за обѣдомъ, шумѣло въ головѣ; комплименты Анны Гавриловны, казалось, еще но-

сились въ комнатѣ и Фаня чувствовала себя очень хорошо. Ей было пріятно сознавать, что у нея, «простой еврейки», обѣдала генеральша.— Что новаго?

— Рѣшительно ничего,—пробормотала старикъ.

— А я такъ устала. У насъ — вы видѣли — обѣдала генеральша Телѣгина; много было хлопотъ. Ну, да это необходимо. У меня взрослые дочери; надо, чтобы онѣ вращались въ хорошемъ обществѣ, а не только въ нашемъ.. еврейскомъ. Такъ говорить мой Мойсей. Имъ не компанія разные Гершковичи, Манделштрайхи.. На будущей недѣлѣ генеральша Телѣгина поѣдетъ съ Лидой на блестящій балъ въ дворянскомъ собраніи.

— Скажите, Фаня, развѣ Анна Гавриловна генеральша? Вѣдь еще совсѣмъ недавно она была вдовой губернскаго секретаря.

— Госпожа Телѣгина — генеральша,—обидчиво произнесла Фаня. — Мой Мойсей знаетъ, что она генеральша.. Она бываетъ у губернатора.. Она съ нимъ въ большой дружбѣ. О, Соломонъ, мой Мойсей умный человекъ, онъ умѣетъ выбирать себѣ полезныхъ друзей. Дай Богъ, чтобы дѣти въ него пошли—они будутъ счастливы. Надо вращаться въ обществѣ, въ которомъ мы живемъ. Зачѣмъ обособляться? Спасибо, что насъ принимаютъ. Такъ говорить мой Мойсей.

Соломона Гройса передернуло отъ этихъ словъ самоуниженія.

— И я согласна съ Мойсеемъ.. Я еврейка, Соломонъ, горячая еврейка, но все же говорю, что евреевъ надо бить и бить безъ конца—они скверные, непріятные люди.. И я, и дѣти—мы умремъ евреями, я знаю, что грѣхъ мѣнять религію, но и я, и дѣти въ душѣ стыдимся своихъ братьевъ. Вгляните на окружающее насъ общество—не еврейское,—какая тонкость, нѣжность, вѣжливость.. Мой Мойсей въ восторгѣ отъ него.

Фаня вся раскраснѣлась и тяжело дышала, обмахиваясь платкомъ, а Соломонъ Гройсъ грустно склонилъ голову, сился понять смыслъ ея словъ. Ему казалось, что вотъ-вотъ она прикажетъ Іезуитѣ сбросить его съ дѣстницы.

— У насъ нѣтъ аристократіи.. Кто наши богачи? Всякіе коноврады. Стыдно, Соломонъ, стыдно.. Моя Лида часто говорить мнѣ: краснѣй, мама, что ты еврейка. А Лида кончила

гимназію... Зайдите въ синагогу — кто сидитъ въ переднихъ рядахъ? Коля Брукъ — да вѣдь его отецъ продавалъ мѣдные часы за золотые; Абрамъ Гельдмахеръ—да вѣдь онъ самъ держалъ кабакъ, а его братъ былъ мишуресомъ у моего дяди... И вы хотите, чтобы среди такихъ негодяевъ сидѣлъ мой мужъ... Лучше закройте ваши синагоги, Соломонъ, мой Мойсей непереступить ихъ порога... Я горячая еврейка, но мой Мойсей говорить...

Въ сосѣдней комнатѣ раздалось постукиванье; слышно было, что ходилъ хромою.

— Вотъ кто истый еврей!—воскликнула Фаня.

Соломонъ Гройсъ быстро обернулся, чтобы увидѣть истаго еврея: предъ нимъ стоялъ давно знакомый ему братъ Фани— Адольфъ Виолинъ.

— Здорово, старина,—радно воскликнулъ Виолинъ.

— Здравствуйте, Адольфъ,—тоже радостно отвѣтилъ Гройсъ.

Адольфъ Виолинъ подошелъ къ дивану, повернулся къ нему спиною и, упираясь на палку, вдругъ грузно опустился на сидѣнье; онъ еще немного оправлялся, а затѣмъ, положивъ палку подлѣ себя, весело посмотрѣлъ на сестру. Деревяшка, замѣнявшая ему ногу, странно торчала, не гармонируя съ бодрымъ видомъ калѣки; золотое *pinse-pez* красиво сидѣло на носу; нѣкогда золотистая борода свѣжо оттѣняла блестящій взоръ его голубыхъ глазъ и сочность губъ; ему было около 40 лѣтъ. Глядя на него, трудно было сказать, что онъ недавно перенесъ тяжелую операцію: ему отняли ногу, которую онъ повредилъ на пожарѣ въ еврейскомъ кварталѣ.

— Какъ ваша нога?—тихо спросилъ Соломонъ Гройсъ.

— Какая? Покойная? Смирно лежитъ на кладбищѣ.

— Не шутите... Вы пострадали за евреевъ.

— Отчего же евреи мнѣ не дали медали.. на ногу?

— Вы опять шутите, Адольфъ. А вѣдь страданье—это святая святыхъ. До свиданья, Адольфъ.

— Куда вы?

— По дѣлу, спѣшу.

— Подождите; говорятъ, что вы меня любите.

— Люблю, но корю за дурное.

И Гройсъ ушелъ, а Адольфъ остался на диванѣ, опустивъ голову.

Ю. Г—нъ.

Послѣдній день Солима.

Съ отдаленной горы, сокрушеньемъ объятъ,
Созерцалъ я, Сіонъ, твой послѣдній закатъ:
Гибли стѣны твои въ бурномъ морѣ огня,
Яркій отблескъ его достигалъ до меня.

Я смотрѣлъ на остатки разрушенныхъ стѣнъ
И на мигъ забывалъ предстоящій мнѣ плѣнъ,
Я глядѣлъ на пылавшіе дома и храмъ,
И въ оковахъ рука угрожала врагамъ.

Сколько разъ созерцалъ я на томъ же холмѣ,
Какъ заката огни угасали во тѣмѣ,
Какъ сіялъ въ небесахъ отблескъ ихъ золотой,
Озаряя вѣнцомъ куполь храма святой.

Но теперь отуманеннымъ взоромъ очей
Не видалъ я сіянья вечернихъ лучей,
Я молилъ, чтобъ прорѣзавъ небесъ синеву—
Палъ священный огонь на преступныхъ главу!

Но Господь не дозволить ихъ ложнымъ богамъ
Осквернить алтари, гдѣ являлся Онъ Самъ,
Пусть разсѣянъ Израиль волюбленный Твой—
Преклоняется онъ предъ однимъ Еговой.
О. Чюмина.

Пѣвецъ.

У рѣкъ вавилонскихъ въ тоскѣ мы сидѣли
И скорбью былъ духъ нашъ томимъ,
О дняхъ мы рыдали, когда лицедрѣли
Твое разрушенье, Солимъ!
Намъ слышались снова враговъ ликованья
И дочерей сіонскихъ, глухія стenanья.

Мы съ грустью взирали на свѣтлыя воды
Свободно катившихся рѣкъ;
Насъ пѣть принуждали, но пѣсню свободы
Враги не услышатъ во вѣкъ:
Пусть лучше руи навсегда я лишуся,
Чѣмъ въ арфѣ, врага веселя, прикоснуса!

Повѣсилъ я арфу на ивѣ плачущей—
Пусть будетъ свободной она!
Отъ славы Сіона и власти могучей
Она мнѣ осталась одна,
И струнъ сладковозвучныхъ священное пѣніе
Во вѣкъ не полетится, врагу въ угожденье!

0. Чюмина.

Рабби И. Э. Спекторъ.

Почившій въ началѣ прошлаго года ковенскій раввинъ р. И. Э. Спекторъ занималъ исключительное положеніе среди современныхъ представителей нашего духовнаго раввината. Нашъ раввинатъ, по самому существу своему, чуждъ тѣхъ признаковъ, которыми характеризуется понятіе клира въ другихъ исповѣданіяхъ: раввинъ есть тотъ же мірянинъ, только обладающій значительно большими богословскими познаніями, чѣмъ прочіе міряне, и въ силу этого призванный отправлять функціи т. назыв. *гемл*; не образуя въ лицѣ своихъ представителей особеннаго сословія, раввинатъ по этому самому чуждъ определенной внѣшней организаціи, и въ частности — іерархическаго начала. Если возможна рѣчь объ устройствѣ духовнаго раввината, — то мы бы сказали, что оно всецѣло покоится на демократическомъ принципѣ. Раввинъ крупной, многолюдной общины не обладаетъ большими правами и полномочіями, чѣмъ лицо, занимающее раввинскую катедру въ какомъ либо глухомъ, заброшенномъ городишкѣ; во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ раввиновъ отсутствуетъ начало подчиненности, и нашъ раввинатъ въ цѣломъ не знаетъ такого учрежденія или лица, которое ex officio являлось бы его главою, высшимъ представителемъ. Степень уваженія и авторитетности, которыми пользуется раввинъ въ средѣ своихъ коллегъ, опредѣляется объемомъ его богословскихъ познаній, — независимо отъ занимаемаго имъ поста; если онъ обладаетъ обширною богословскою эрудиціею, значительнымъ умѣніемъ разбираться въ сложныхъ вопросахъ раввинской практики, — его сотоварищи будутъ обращаться къ нему за разъясненіемъ встрѣчающихся имъ сомнѣній, будутъ руководствоваться въ своей дѣятельности его репсонсами, хотя бы руководимая имъ община и принадлежала

къ числу наиболѣ скромныхъ и незамѣтныхъ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо изъ раввинской среды выдвинется своими дарованіями и обширностью своихъ познаній настолько, что авторитетъ его не можетъ не получить всеобщаго признанія,—такой раввинъ становится, такъ сказать, «первымъ среди равныхъ», возвышаясь какъ бы до степени главы современнаго ему раввината. Подобные случаи, конечно, весьма рѣдки; какъ на примѣръ такого рода изъ области новѣйшаго времени можно указать на положеніе, которое занимали въ раввинской средѣ виленскій гаонъ р. Илія и познанскій раввинъ р. Акива Эйгеръ.—Высокая авторитетность, которою, въ особенности въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, пользовался въ раввинской средѣ покойный р. И. Э. Спекторъ, въ извѣстной степени сближаетъ имя его съ именами только что названныхъ свѣтилъ богословскаго знанія. Ковенскій раввинъ, по существу не облеченный никакими особенными правами, *tacito consensu* считался первымъ среди раввиновъ своего времени. Въ наиболѣ трудныхъ и сложныхъ случаяхъ религіозной практики къ нему неизмѣнно обращались съ запросами (גלגמ) раввины не только изъ Россіи, но также изъ самыхъ отдаленныхъ заграничныхъ пунктовъ; за его респонсами (גלגמ) и заключеніями признавалось рѣшающее значеніе¹. По отзывамъ авторитетныхъ специалистовъ, труды покойнаго («рпу' жл», «рпу' лл» «рпу' р») содержатъ рядъ рѣшеній, которыя, по блестящему анализу, глубинѣ мысли и по изумительной эрудици автора, принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ нашей богословской литературы. Предисловіе-одобреніе (haskomh), дававшееся покойнымъ раввиномъ какому либо богословскому трактату, считалось не только особою честью для автора, но виѣсть съ тѣмъ какъ бы и извѣстною гарантіею успѣха его произведенія. Всякій разъ,

¹ Особенный почетъ, которымъ покойный пользовался среди своихъ сотоварищей,—сказывался, между прочимъ, и во виѣшнемъ обращеніи. Пишущему эти строки глѣтъ 10 назадъ пришлось случайно быть свидѣтелемъ одного собранія раввиновъ, въ числѣ которыхъ находился и р. И. Э. Спекторъ. Нами подмѣчена была тогда слѣдующая любопытная черта: раввины, по изстари заведенному обычаю, титуловали другъ друга по названію общины: „домжисскій“, „рижскій“ и т. п. Исключеніе составлялъ одинъ только р. И. Э., къ которому всѣ раввины обращались съ титуломъ: „рабби“.

когда почему либо становился вакантнымъ раввинскій постъ въ какой либо крупной общинѣ, помыслы избирателей неизмѣнно обращались прежде всего въ сторону р. И. Э. Спектора, и эти обычныя попытки къ замѣщенію имъ освободившейся каведры всегда оказывались тщетными, ввиду твердаго нежеланія ковенской общины разстаться со своимъ духовнымъ руководителемъ.

Но если исключительно было положеніе покойнаго въ раввинской семьѣ, то не менѣе исключительна была та популярность, какою онъ пользовался въ разнообразнѣйшихъ слояхъ еврейскаго населенія. Не грѣша противъ истины, можно сказать, что онъ былъ въ свое время наиболѣе популярною въ еврейской средѣ личностью, предъ которою какъ бы смолкали партійные расчеты, различія во взглядахъ и убѣжденіяхъ; въ симпатіяхъ и уваженіи къ р. И. Э. сходились разнороднѣйшіе классы нашего общества, начиная съ сѣрой массы и строго-ортодоксальныхъ круговъ и кончая просвѣщенною средою. О глубокой симпатіи къ ковенскому раввину со стороны нашей массы лучше всего свидѣтельствовали устраивавшіеся во время его предсмертной болѣзни во многихъ городахъ посты и горячія молитвы объ исцѣленіи его; вѣсть о кончинѣ маститаго старца встрѣчена была съ печалью и въ индифферентныхъ въ религіозномъ отношеніи общественныхъ кругахъ. Понятно, что выдающаяся богословская эрудиція покойнаго сама по себѣ недостаточна для объясненія той широкой популярности, которая выпала ему въ удѣлъ: одно это качество, которое, конечно, обезпечивало за нимъ высокую репутацію, авторитетность въ средѣ «ламдонимъ» и вообще прикосновенной къ ревностному изученію Торы, не могло бы завоевать ему столь прочныхъ симпатій въ разнообразныхъ, по религіозно-общественнымъ возрѣніямъ даже противоположныхъ кругахъ еврейства. Очевидно, стало быть, существовали еще и другія причины, которыми вызывалась столь необычайная по экстенсивности популярность ковенскаго раввина; и причины эти, несомнѣнно, коренились въ личныхъ качествахъ покойнаго, которыя окрашивали долготѣльную дѣятельность его на раввинскомъ поприщѣ и сообщали ей своеобразныя черты, отличавшія ее отъ обычной практики нашихъ духовныхъ раввиновъ. Съ этой точки зрѣнія личность

и дѣятельность почившаго представляютъ значительный интересъ, въ достаточной мѣрѣ оправдывающій предлагаемый очеркъ, посвященный краткой характеристикѣ покойнаго ковенскаго раввина ¹. Не подлежитъ сомнѣнiю, что нашъ духовный раввинатъ нынѣ переживаетъ трудныя времена. Благодаря наступившимъ измѣненiямъ въ порядкахъ еврейскаго воспитанiя, въ возрѣнiяхъ различныхъ слоевъ еврейскаго общества, — коротко сказать, благодаря значительному перелому въ культурно-общественной жизни русскаго еврейства за послѣднее тридцатилѣтiе, престижъ духовнаго раввината въ извѣстной степени понизился. Новое время создало новые вкусы и потребности и лишило многiе изъ старинныхъ нашихъ институтовъ прежняго обаянiя. Старые, рутинные приемы, которыхъ держится нашъ раввинатъ и которые въ прежнiя времена упрочивали за нимъ влiянiе въ сферѣ еврейской жизни, оказываются далеко не достаточными, чтобы сохранить таковое при новыхъ вѣнiяхъ, проникающихъ постепенно и въ среду нашей массы. Чѣмъ кончится этотъ трудный періодъ, переживаемый нашимъ раввинатомъ: суждена ли послѣднему побѣда надъ растущимъ равнодушиемъ къ нему, или нѣтъ — это предсказать, конечно, трудно, какъ трудно вообще предсказывать будущее. Но для всякаго вдумчиваго наблюдателя нашего бытiя все болѣе становится несомнѣннымъ, что жизнь настойчиво выдвигаетъ предъ нашимъ духовнымъ раввинатомъ новые пути, отступающiе отъ рутинныхъ приемовъ, унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ временъ, и что только двигаясь по этому пути нашъ раввинатъ можетъ рассчитывать на успѣхъ въ будущемъ. Знакомство съ личностью и жизнью р. И. Э. интереснѣе всего тѣмъ, что оно какъ бы нѣсколько приподнимаетъ завѣсу съ этого будущаго, рисуя предъ нами тѣ обстоятельства и причины, благодаря которымъ почившiй раввинъ, въ нашу пору растущаго религиознаго индифферентизма и внутренней розни, сумѣлъ завоевать необычайную популярность и уваженiе, какъ бы переносящiя насъ въ отдаленныя блестящiя времена нашего раввината.

¹ При изложенiи фактическихъ данныхъ мы пользовались, преимущественно, свѣдѣнiями, сообщаемыми въ появившейся недавно биографiи р. И. Э. Спектора („рпг. мѣл“), составленной г. Я. Лифшицомъ (состоявшимъ въ теченiе 26 лѣтъ секретаремъ покойнаго ковенскаго раввина).

Р. Ицкокъ-Элхононъ Спекторъ родился въ 1817 г., въ незначительномъ мѣстечкѣ Россѣ, Гродненской губ., въ семьѣ ученаго талмудиста р. Исроэля Исера. Съ раннихъ лѣтъ онъ отдался всецѣло, подъ руководствомъ отца, изученію Талмуда и раввинской письменности и обнаруживалъ съ дѣтства выдающіяся умственныя дарованія, вскорѣ стяжавшія мальчику реноме «илуя». Это послѣднее обстоятельство, по тогдашнему обычаю, ускорило женитьбу его: тринадцати лѣтъ онъ женился на дочери одного богача изъ Волковыска, обладавшей по тому времени огромнымъ приданымъ — въ 300 руб. Женитьба вызвала переездъ его въ Волковыскъ, гдѣ онъ въ теченіе шести лѣтъ былъ ревностѣйшимъ слушателемъ мѣстнаго (впослѣдствіи гродненскаго) раввина р. Веніамина, пользовавшагося въ свое время большимъ уваженіемъ. Приданое жены, вѣренное для приращенія одному «капиталисту», — какъ водится, послѣднимъ не было возвращено, что, впрочемъ, мало беспокоило молодого талмудиста, всецѣло поглощеннаго богословскими штудіями. Въ 1837 г., двадцати лѣтъ отъ роду, онъ сталъ духовнымъ раввиномъ въ с. Изабелинѣ, откуда черезъ годъ приглашенъ былъ на этотъ же постъ въ м. Березы. Молодому Спектору пришлось извѣдать тяжелыя вѣшнія условія жизни раввина въ маленькихъ городкахъ: въ Изабелинѣ ему платили жалованія пять польскихъ злотыхъ (75 коп.) въ недѣлю, въ Березѣ онъ получалъ еженедѣльно по одному рублю и только впослѣдствіи въ Несвижѣ достигъ жалованья въ четыре руб. въ недѣлю. Годы скитаній, связанныхъ съ перемѣною нѣсколькихъ кафедръ, ознакомили его съ бытомъ и нуждами массы, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставили его въ близкія отношенія къ наиболѣе выдающимся изъ тогдашнихъ раввиновъ, которые не могли не удивляться способностямъ и обширнымъ познаніямъ своего молодого сотоварища. Тогда же начинается его переписка (ג'ו"ש) по сложнымъ вопросамъ богословія съ другими раввинами. Его посланія къ раввинамъ шавлянскому, двинскому и др. (вошедшія впослѣдствіи въ его «רמז' תמצ'») вскорѣ доставили ему репутацію корифея талмудическаго знанія; съ другой стороны, простота, кротость и добросердечіе его невольно подкупали всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ общеніе. То и другое стяжали имени раввина м. Березы большую славу. Когда

въ 1846 г. освободилась вакансія раввина въ Несвижѣ, гдѣ издавна раввинскій постъ занимали лучшіе знатоки Талмуда, выборъ названной общины (въ которой тогда руководящую роль игралъ пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью на Литвѣ д-ръ Куселевскій)¹, остановился на р. Ицхокъ-Элхононѣ, не взирая на относительную его молодость. Для характеристики той привязанности, какую р. И. Э. сумѣлъ внушить жителямъ мѣстечка Березы, и слышать не желавшимъ о томъ, чтобы разстаться со своимъ раввиномъ, небезинтересно упомянуть о томъ, что несвижскіе посланцы вынуждены были тайкомъ увести его изъ мѣстечка. Пробывъ въ Несвижѣ 4 года, покойный занялъ въ 1850 г. постъ раввина въ г. Новогрудѣ. Въ 1863 г. онъ приглашенъ былъ въ духовные раввины г. Ковны, гдѣ и оставался до конца своей жизни.

Существеннѣйшія черты духовной фізіономіи р. Ицхокъ-Элхонона, въ которыхъ кроется причина его необычайной популярности, стали сказываться съ первыхъ шаговъ дѣятельности его на раввинскомъ поприщѣ. Усматривая залогъ всякаго успѣха въ единеніи и мирѣ, молодой Спекторъ всегда употреблялъ всю силу своего вліянія для того, чтобы предупреждать и прекращать распри и раздоры въ руководимой имъ общинѣ. И по мѣрѣ того, какъ имя его становится все болѣе извѣстнымъ за предѣлами тѣхъ маленькихъ городковъ, гдѣ на первыхъ порахъ приходилось ему отправлять функціи раввина,—расширяется дѣятельность его, направленная къ тому, чтобы оберегать миръ во Израилѣ. Всякій разъ, когда возникала необходимость положить предѣлъ крупнымъ распрямъ въ какой-либо значительной общинѣ, возстановить нарушившіяся добрыя отношенія между представителями духовнаго раввината, либо же между послѣдними и управляемыми ими общинами и т. п.—во всѣхъ такихъ случаяхъ р. И. Э. являлся въ роли עוֹלָם אֵת

¹ Покойный Куселевскій отправленъ былъ въ университетъ, для изученія медицины, владѣльцемъ Несвижа, кн. Радзивилломъ, и впоследствии состоялъ при немъ врачомъ. Выдающіеся медицинскія познанія, значительная богословская эрудиція Куселевскаго, равно какъ и симпатичныя нравственныя качества его, нѣкогда стяжали имени „несвижскаго доктора“ большую популярность.

обнаруживая рѣдкое умѣніе сглаживать разногласія, примирять враждующія стороны и внося силою своей кротости и сердечности всюду миръ и гармонію. На этой чертѣ его характера нѣтъ надобности долго останавливаться, въ виду того, что она пользуется достаточною извѣстностью. Намъ хотѣлось бы упомянуть только о двухъ эпизодахъ этого рода дѣятельности почившаго раввина, которые, надо думать, будутъ новыми для большинства нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что эпизоды эти не лишены извѣстнаго интереса въ историко-бытовомъ отношеніи. Въ серединѣ 50-хъ гг. извѣстный Воложинскій ешиботъ сдѣлался ареною ожесточенной борьбы. Во главѣ названнаго ешибота въ то время стояли р. Нафтали Гиршъ Берлинъ и р. Іосифъ Беръ; послѣдній былъ ярымъ приверженцемъ шилпула, рѣзко этимъ отличаясь отъ Н. Г. Берлина. На этой почвѣ коренилось возникшее между обоими руководителями ешибота разногласіе; къ этому еще присоединились нѣкоторыя недоразумѣнія, касавшіяся чисто административныхъ вопросовъ. То и другое не могло не отразиться на ходѣ дѣла въ ешиботѣ; слушатели раздѣлились на двѣ партіи: приверженцы «pschat» стояли на сторонѣ Н. Г. Берлина, враждуя съ любителями «ripul», окружавшими р. Іосифа Бера¹. Мирное теченіе учебной жизни въ концѣ концовъ нарушилось. Не ограничиваясь стѣнами ешибота, враждующія партіи старались втянуть въ борьбу наиболѣе уважаемыхъ раввиновъ, а также и жертвователей въ пользу ешибота. Эта распря возбудила въ свое время большое вниманіе въ ортодоксальной средѣ, которая не могла не желать восстановленія нормальныхъ порядковъ въ лучшемъ изъ тогдашнихъ ешиботовъ. Въ этихъ цѣляхъ состоялся въ 1858 г. въ Воложинѣ съѣздъ, въ которомъ участвовали минскій и слуцкій раввины, виленскій проповѣдникъ Вольфъ Ланде и купецъ Г. Левинъ изъ Минска. Приглашенъ былъ изъ Новогрудка и Спекторъ, которому принадлежала главная роль въ занятіяхъ съѣзда. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, собраніе ввело нѣкоторыя преобразованія въ порядкѣ завѣдыванія денежною и административною частью, установило извѣстный modus

¹ Нѣкоторыя подробности объ этой распрѣ можно найти въ обзорѣ очеркѣ исторіи воложинскаго ешибота, г. Бердичевскаго (עניני חיי חסידות ופולקלור ב"אשכול", т. III, стр. 235) и въ "קצת חסידות", стр. 58 и 61.

vivendi между обоими руководителями ешибота и точнѣе опредѣлило права каждаго изъ нихъ по отношенію къ ешиботу и слушателямъ. Этимъ путемъ, преимущественно благодаря стараніямъ И. Э., положенъ былъ предѣлъ ожесточенной враждѣ и удалось восстановить нарушенный порядокъ въ ешиботѣ. — Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1866 г., возникло крупное недоразумѣніе въ гор. Мирѣ, которое касалось интересовъ мѣстнаго ешибота, пользующагося большою извѣстностью на Литвѣ. На этотъ разъ разногласіе происходило между мирскимъ рошъ-ешивомъ и мѣстнымъ раввиномъ, по вопросу о правахъ послѣдняго по отношенію къ ешиботу. Раввинъ считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла ешибота, находя въ данномъ случаѣ поддержку со стороны нѣкоторыхъ обывателей гор. Мира. Но такъ какъ названный ешиботъ отнюдь не могъ считаться мѣстнымъ учрежденіемъ, ибо существовалъ (и существуетъ) на средства значительнаго количества жертвователей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и внѣ предѣловъ ея, то рошъ-ешива резонно считалъ ешиботъ неподвѣдомственнымъ мирскому раввину. Въ этотъ споръ, грозившій повлечь за собою если не закрытіе ешибота, то перенесеніе его въ другой какой либо городъ, вмѣшался, по настоянію заинтересованныхъ сторонъ, р. И. Э. (а также и варшавскій раввинъ — Б. Майзельсъ). Мирскій раввинъ и приверженцы его, подчиняясь высокому авторитету названныхъ раввиновъ, отказались отъ своихъ претензій касательно ешибота, и обострившійся споръ былъ такимъ образомъ благополучно улаженъ.

Также рано стала обнаруживаться другая черта Спектора, — его склонность къ облегчителному толкованію постановленій о пицѣ, бракахъ, разводахъ и т. п., т. е. постановленій, регулирующихъ религиозно-бытовой обиходъ еврея. Въ 1869 г., во время голода въ сѣверо-западномъ краю, покойный, не ограничиваясь энергичными заботами объ организаціи помощи нуждающемуся населенію, разрѣшилъ послѣднему употребленіе въ пищу въ Пасху бобовъ и гороха, чѣмъ возбудилъ значительное неудовольствіе въ нѣкоторыхъ раввинскихъ кругахъ. "על פי חוקי ה' — эти и имъ подобныя начала опредѣляли раввинскую практику мягкосердечнаго, отзывчиваго къ чужому горю р. И. Э. Г-нъ Я. Лифшицъ, въ своей біогра-

фіи И. Э. Спектора, говоря объ этой чертѣ покойнаго, удѣляетъ много мѣста (стр. 39—45) опроверженію «ходячаго мнѣнія», будто покойный руководствовался въ своей раввинской практикѣ «одною только добротой». Онъ пространно доказываетъ, что облегчительныя толкованія его всегда находились въ соответствіи съ точнымъ смысломъ подлежащаго постановленія, что покойный никогда не приносилъ ни одного малѣйшаго предписанія Торы въ жертву своему мягкосердечію и своей готовности облегчить чужое горе, и т. д. Для большей убѣдительности біографъ, наконецъ, приводитъ изъ сочиненія покойнаго "רמזי חכמים", нѣкоторыя его заключенія и респонсы строго-запретительнаго свойства. Намъ кажется, что г. Лифшицъ борется съ вѣтранными мельницами. Менѣе всего кто-либо склоненъ допустить, будто раввинская практика И. Э. Спектора опредѣлялась всецѣло и исключительно свойствами его мягкосердечной натуры; предполагать въ строго-ортодоксальномъ раввинѣ, какимъ былъ р. И. Э., реформиста, готоваго измѣнять и ломать вѣковыя религіозныя постановленія, хотя бы и въ угоду соображеніямъ человеколюбія,—было бы такъ нелѣпо, что подобная мысль (если допустить, что она кому-нибудь пришла бы въ голову) ничего, кромѣ смѣха, возбудить не могла бы. Покойный въ раввинской дѣятельности своей стоялъ всецѣло на почвѣ существующаго религіознаго законодательства; но онъ вносилъ въ дѣло примѣненія религіозныхъ предписаній нѣчто такое, что существенно отличало его отъ большинства представителей нашего духовнаго раввината. До ригоризма строгій относительно предписаній чисто внѣшняго свойства¹, р. И. Э. влагалъ «душу живу» въ отправленіе своихъ функцій всякій разъ, когда поступавшій на его разрѣшеніе вопросъ затрагивалъ какія либо жизненные, насущные интересы. Каждый казусъ такого рода былъ для него не чѣмъ-то отвлеченнымъ, безплотнымъ, которое надлежитъ во что бы то ни стало втиснуть въ узкія и стѣснительныя рамки *ius strictum*, а явленіемъ жизни, съ ея многочисленнымъ горемъ и нуждою, которыя всегда встрѣчали могучій откликъ въ любвеобильной душѣ рабби. Формальный вопросъ о заподозрѣнномъ кускѣ

¹ Для примѣра укажемъ, что покойный никогда не соглашался совершать обрядъ вѣнчанія иначе, какъ подъ открытымъ небомъ.

пищи не заслонялъ предъ нимъ картины той нищеты, при которой этотъ кусокъ является послѣднимъ, быть можетъ грозящимъ быть отнятымъ у голодающихъ дѣтей; за формальными вопросами бракоразводной области онъ умѣлъ читать повѣсть обманутыхъ надеждъ, разбитыхъ упований,—повѣсть той скорби, которая такъ часто выпадаетъ на долю еврейской женщины и увь! нерѣдко усугубляется суровыми требованіями закона. Всѣ эти явленія горя и безпомощности, которыя въ образѣ вопросовъ раввинской практики всплывали предъ р. И. Э., глубоко волвали его сердце. Его отвывчивая душа рвалась къ тому, чтобы облегчить чужое страданіе, и онъ, во всеоружіи своей удивительной эрудиціи, напрягалъ всю силу своего разумнія для того, чтобы ослабить тяжесть формальныхъ предписаній закона. И когда ему удавалось достичь этого желаннаго выхода, его душа обрѣтала высшее удовлетвореніе, доступное лишь тому, кто не способенъ отдѣлять чужое горе отъ своего.

Чуждый бездушнаго формализма, покойный обладалъ извѣстною чуткостью къ потребностямъ времени. Можно было бы привести много примѣровъ, въ которыхъ сказывалась эта черта его; ограничимся указаніемъ слѣдующаго факта. Въ 1889 г. для еврейскихъ колоній въ Палестинѣ возникъ серьезный вопросъ,—именно, о такъ назыв. «шемитѣ». Извѣстно, что еврейское религиозное законодательство устанавливаетъ черезъ каждыя шесть лѣтъ *субботній* годъ, когда почвъ Палестины надлежитъ отдыхъ и воспрещается производство земледѣльческихъ работъ. Упомянутый выше (1889) годъ былъ именно первымъ въ практикѣ новыхъ палестинскихъ колоній субботнимъ годомъ. Соблюденіе постановленій о шемитѣ, само собою разумѣется, крайне невыгодно должно было бы отозваться на судьбѣ колоній, которыя едва только начали развиваться, и поэтому возникъ вопросъ о желательности разрѣшенія колонистамъ безостановочнаго продолженія ихъ работъ. Взоры заинтересованныхъ лицъ обращены были къ р. И. Э., какъ наиболѣе авторитетному изъ тогдашнихъ раввиновъ, и благодаря его заключенію по этому вопросу, послѣдній былъ разрѣшенъ въ смыслѣ, благоприятномъ для интересовъ колоній¹. Въ противополож-

¹ См. обнародованное имъ (въ „Гамелицѣ“, 1889 г. № 58) разрѣшеніе производства работъ въ палестинскихъ колоніяхъ.

ность большинству современныхъ ему раввиновъ, просвѣдательныя стремленія не встрѣчали въ лицѣ его противника: стремленія извѣстнаго общества «Mazdikei hogabim», поставившаго своею задачею противодѣйствіе распространенію образованія въ средѣ русскихъ евреевъ, вызвали въ свое время осужденіе со стороны покойнаго. Когда въ 1869 г. въ Вилькомірѣ мѣстные мракобѣсы подвергли жестокимъ гоненіямъ одного молодого человѣка, повиннаго въ чтеніи «запретныхъ» книгъ (и впоследствии приобрѣвшаго почетное мѣсто въ ряду дѣятелей еврейской литературы),—покойный своимъ виѣшательствомъ положилъ конецъ рвенію вилькомірскихъ гасителей, съ раввиномъ во главѣ, и спасъ бѣднаго юношу отъ серьезной опасности, которая ему грозила. Онъ не усматривалъ, подобно большинству нашего ортодоксальнаго лагеря, въ образованныхъ евреяхъ отщепенцевъ и находилъ, что съ ихъ воззрѣніями надлежитъ считаться; онъ сознавалъ ту пользу, которую можетъ принести образованный классъ обездоленной массѣ, а также тотъ вредъ, который порождается рознью внутри еврейства, — и стремился къ тому, чтобы сблизить образованный классъ съ массою, вызвать въ первыхъ интересъ къ ея участи, жизни и нуждамъ. Дружная, единомышленная работа всѣхъ, безъ различія религіозныхъ воззрѣній, слоевъ еврейства надъ улучшеніемъ судьбы нашей массы, облегченіемъ ея многообразныхъ нуждъ, — таковъ былъ идеалъ толерантнаго, народолюбиваго пастыря, и выраженіе этого высокаго идеала мы находимъ въ одномъ изъ писемъ его, напечатанныхъ въ «רנח' מרתיל», гдѣ покойный раввинъ выражаетъ свою радость въ виду усиливающагося въ послѣдніе годы въ русско-еврейской средѣ духа общности и рисуешь несущуюся передъ его взоромъ картину единенія всѣхъ классовъ нашего общества, воздающихъ каждому должное и одухотворенныхъ стремленіемъ облегчить участь еврейства, какъ цѣлаго ¹. Виѣшнія преграды, которыя порою встрѣчаетъ еврейское населеніе въ своемъ стремленіи къ образованію, вызывали въ немъ то же чувство, что и въ интеллигентной средѣ. «Всякое ограниченіе, замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ, которое постигаетъ нашъ народъ, въ томъ числѣ и въ области образова-

¹ См. «רנח' מרתיל» стр. 116.

нія,—вызываетъ скорбь и въ средѣ вѣрующихъ». «Просвѣщеніе, въ гармоническомъ сочетаніи съ Торою,—для насъ краса и гордость», говоритъ онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ обществу распротр. проев. м. евр., по поводу избранія его въ почетные члены названнаго общества. Таково всегда было отношеніе покойнаго къ вопросу образованія, и если тѣмъ не мене въ послѣдніе годы жизни имя его порою связывали съ нѣкоторыми тенденціями, слишкомъ расходящимися съ указанными выше воззрѣніями его, то объясненіе этому мы найдемъ въ качествахъ нѣкоторыхъ окружавшихъ его лицъ и въ постороннихъ вліяніяхъ, которымъ къ концу жизни порою могъ поддаваться старецъ. Рѣвкія, негодующія ноты, которыя звучать, напр., въ его извѣстномъ воззваніи «*למה זה קללנו*»¹, (вызванномъ газетными нападками на ковенскихъ «порушимъ»),—не въ духѣ кроткаго, миролюбиваго р. И. Э., авторитетомъ и именемъ котораго въ послѣднее время иные умѣли пользоваться въ цѣляхъ, мало гармонировавшихъ съ основными взглядами покойнаго...

Уже тѣ немногіе факты, которые нами были приведены, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ близко покойный принималъ къ сердцу тяжелыя условія жизни своихъ единовѣрцевъ. Любовь къ родному народу пламенѣла въ душѣ его, и этою любовью запечатлѣна дѣятельность его на раввинскомъ поприщѣ. Въ началѣ 50-хъ гг. мы застаемъ его въ числѣ наиболѣе энергичныхъ участниковъ извѣстныхъ собраній, происходившихъ въ Бобруйскѣ и Минскѣ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ еврейской жизни; извѣстно, что по ходатайству нѣсколькихъ отраженныхъ этими собраніями лицъ отсрочено было приведеніе въ дѣйствіе правилъ о т. н. разрядахъ, а также введены были нѣкоторыя облегченія относительно отбыванія евреями рекрутчины². Въ пору голода на Литвѣ, въ концѣ 60-хъ гг., покойный проявилъ поразительную энергію въ дѣлѣ организа-

¹ См. „*למה זה קללנו*“, 1890 г. № 18.

² Нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія объ этихъ собраніяхъ и предпринятыхъ по ихъ рѣшенію дѣйствіяхъ можно найти въ „*דברי חיים*“, стр. 55—57 и въ письмахъ извѣстнаго „*schtadlon*“а, покойнаго Л. Зельцера къ И. В. Левинзону, напечатанныхъ въ „*השקפה חדשה*“ В. Натансона (стр. 95—98).

ціи помощи нуждающемуся люду. И эта отзывчивость къ народному горю, сказывающаяся съ первыхъ шаговъ его на общественномъ поприщѣ, съ годами постепенно возрастала и отмежевывала покойному раввину совершенно исключительное положеніе въ ряду его товарищей по профессіи. Обширная переписка, которую онъ велъ со многими изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, неоднократные пріѣзды его въ столицу для участія въ съѣздахъ и для разныхъ ходатайствъ, — ярко свидѣлствуютъ о живомъ интересѣ его къ сферѣ общественныхъ вопросовъ вообще и затрагивавшихъ нужды массы въ особенности. Не замкнувши своей дѣятельности въ тѣсный кругъ вопросовъ ритуального обихода, покойный явилъ собою типъ раввина—народнаго печальника, отдавашаго душу свою на служеніе обездоленнымъ братьямъ. Вѣсть о несчастіи, обрушившемся на ту или другую общину, общія жизненныя нужды еврейства, горе отдѣльнаго лица, — все это находило откликъ въ преисполненной любви душѣ пастыря, и это была любовь дѣятельная, равнявшаяся къ тому, чтобы придти на помощь, облегчить страданіе. Наша народная масса обрѣла въ немъ болѣющего его горемъ, отзывчиваго на ея нужды «guter Jüd», котораго она такъ жадно ищетъ въ лицѣ своего духовнаго руководителя, и несла къ нему свое горе, увѣренная въ томъ, что ея ребѣ Ицхокъ-Элхононъ пойметъ его, что у него она найдетъ, облегченіе и поддержку. И она не ошибалась въ этомъ. Неустанными заботами о помощи погорѣвшимъ, выселяемымъ, предстательствами за страждущихъ отмѣчена вся жизнь р. И. Э. Какъ цѣнила наша масса своего народолюбиваго пастыря, какими симпатіями пользовалось въ ней имя ковенскаго раввина, — достаточно извѣстно. Однажды, когда р. И. Э. прибылъ въ Вильну, на похороны М. Страшуна, толпа выпрягла, не взирая на его протесты, лошадей изъ коляски и торжественно повезла его по улицамъ; эти и имъ подобныя оваціи, крайне смущавшія р. И. Э. и не прекращавшіяся за все время его пребыванія въ Вильнѣ, заставили его поспѣшить отъѣздомъ изъ города. Можно предвидѣть, что при той выдающейся популярности, какою пользовался покойный въ народной массѣ, онъ современемъ станетъ героемъ легендъ, въ которыхъ темный людъ такъ охотно выражаетъ свои чувства къ лицамъ, сьумѣ-

вшимъ заслужить его любовь и признательность ¹... И не только въ сѣрой массѣ, но и во всѣхъ слояхъ еврейскаго населенія надолго сохранится память о кроткомъ и гуманномъ р. И. Элхононѣ,—какъ объ одномъ изъ лучшихъ послѣдователей незабвеннаго учителя Гиллея.

С. Г—ъ.

¹ Отмѣтимъ, между прочимъ, что легендарный элементъ отчасти фигурируетъ уже въ біографіи покойнаго, составленной г. Лифшицемъ; см. напр. стр. 10, 43, 44 и 125.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ЖАРГОННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ С. Г. ФРУГА.

„Лит. ш. рв“ [ружмтз лж тттѣ], «Лидеръ умъ геданкенъ» т. е.
«Пѣсни и думы», С. Фруга. Одесса, 1896 г. 160 стр.

Про одного жаргоннаго писателя (кажется, про покойнаго А. М. Дика) рассказываютъ, что у него явилась однажды мысль—составить жаргонный лексиконъ, который бы охватывалъ всѣ слова, выраженія и обороты, употребляемые въ жаргонной рѣчи. И вотъ онъ предпринялъ экспедицію по градамъ и весямъ «черты», посѣщая повсюду беть-медраши, клаузы, рынки, базары, «асханіе» и т. п. мѣста, гдѣ процвѣтаетъ жаргонная рѣчь, и занося въ свою записную книжку матеріалы для будущаго словаря. По мѣрѣ путешествія его, матеріалы эти все болѣе и болѣе разро-стались. Наконецъ, однажды, забывъ наканунѣ субботы въ одинъ еврей-скій постоялый дворъ, онъ случайно натолкнулся на сцену отчаянія «бала-босты», по поводу испорченнаго кухаркою «zimes»'а: вбѣжавъ въ кон-нату, гдѣ нашъ путешественникъ бесѣдовалъ съ хозяйномъ, она, лопая въ ужасѣ руки, кричала: «Gewalt, sie hot dem zimes zumatschket un sudratschket!..» При всей новизнѣ этихъ употребленныхъ ею словъ,—и гость и хозяинъ тѣмъ не менѣе прекрасно поняли, что рѣчь идетъ о томъ, что «zimes» чрезмѣрно *разварился*. Эти два глагола, впервые здѣсь услышанные нашими собирателями жаргонныхъ выраженій, говорятъ, заставили его навсегда отказаться отъ проекта жаргоннаго лексикона: помните, можетъ ли быть рѣчь о лексиконѣ такого языка, который всякій обыватель считаетъ возможнымъ, по своему желанію, обогащать словами и выраженіями—не только заимствованными изъ другихъ языковъ, но даже собственнаго своего изобрѣтенія! При такомъ условіи, да еще при полномъ отсутствіи какихъ либо твердо установленныхъ грамматиче-скихъ правилъ, дающемъ безграничный просторъ этому лингвистическому творчеству каждаго обывателя,—проектъ составленія жаргоннаго словаря равносильнъ былъ бы желанію «обнять необъятное».—И тѣмъ не менѣе, на этомъ своеобразномъ языкѣ существуетъ обширная литература, нѣко-

щая свой значительный кругъ читателей. Всякій разъ, когда имѣешь предъ собою удовлетворяющее художественнымъ требованіямъ жаргонное произведение,—невольно приходитъ на мысль разсказанный выше случай; когда вспомнишь о неблагодарномъ матеріалѣ, какииъ приходится оперировать жаргонному поэту, художественная заслуга послѣдняго не можетъ не высчитаться въ глазахъ читателя. При надлежащемъ дарованіи создать, скажемъ, граціозную статуэтку изъ благороднаго мрамора—гораздо, надо полагать, легче, чѣмъ изъ грубаго, грязнаго мѣсива. Объ этихъ специфическихъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится считаться жаргонному поэту, часто упоминается въ лежащемъ предъ нами сборникѣ г. Фруга. Такъ, въ стихотвореніи «Verdient olom habo», поэтъ разсказываетъ свой слѣдующій сонъ: ему приснилось, что онъ—умеръ. Его хоронятъ; слѣдуетъ прелестное описаніе еврейскихъ похоронъ:

«Me hot mich m'laweh gewesen b'chowed:
Der Chor-chason hot auf mir biter geklogt
Mit «Ol molei rachmim»; der Dajon reb-Dowid
Hot Tabak geschmeckt un a Hespeid gesogt.
Noch ihm der Rabiner—a Rede gehalten
A lange, a lange, ohn Wog un ohn Moss,
Zwei Idines hoben die Näser gehalten
In Fartuch, zwei Inglech—dem Finger in Nos...
Es hoben die Puschkes geklapt un geklungen,
Zehn Por Talmud-tornikes seinen in Rjad
Gegangen und «Zedek l'fonow» gesungen —
B'kizur, gewesen a greisser Parad,
A wazschne L'wajoh gewesen»...

Въ то самое время, когда все описанное происходитъ въ земной юдоли, душа поэта, вознесшись на небо, стучится въ двери рай; привратникъ-ангелъ требуетъ доказательствъ ея права попасть въ рай:

«Arein losen? Willst in Gan-Eden? Bist, chleben,
Kein Nar gor nit... Sog-zsche mir, theieres Kind,
Wos aufgethon hostu aseins in dein Leben?
Mit wos hostu, sog, Olom-habo verdient?»

Душа поэта жалуется на многія горести, испытанныя ею на землѣ, но неутомимый привратникъ заявляетъ, что этого недостаточно для обрѣтенія Olom-habo. Тогда душа поэта взываетъ:

«Oi Maloch'l, Maloch'l! Los mich zufrieden,
Ich bin doch nischt mehr—a Mechaber gewen,
Geakert den Feld vun Zschargon mit'm Pen,
Geschrieben zschargonische Schirim far Jiden,

Es pflegt mich begissen der bitere Schweiss
 Dem Mischkol-haschir mit die Gramen zu halten.
 Cezur mit N'kudes... Oi Maloch!... Ch'weiss,
 A Chidusch, wie ich hob gekont es derhalten»...

Эта рѣчь возбуждаетъ изумленіе и жалость въ ангелѣ,—который широко раскрываетъ предъ душою жаргоннаго поэта двери рая:

«Ha? was?—hot der Mal'och gethon a Geschrei:
 Wos hör ich? Wart aus nor, wart aus... ohn Leizonen:
 Cezur mit a Mischkol?! Oi, wei is mir, wei!
 Du bist doch a Kodeisch, auf meine N'emones!—
 Zschargon mit a Mischkol?! Zschargon mit Cezur?!
 Zschargon.. Oi, es stelt sich doch dibom dos Hor!
 Kum, Kreïn meine, kum!... Boruch habo!
 Genug dir, du bist schein mit Zores ganz sat,
 Du host auf der Erd schein dein G'henim gehat,
 Host kosher verdient Olom-habo»!..

(Стр. 158—160).

Жаргонная муза, посѣщающая нашего поэта, изображена имъ въ образѣ дряхлой, изнеможенной старушки, одѣяніе которой спито изъ перстрыхъ, разноцвѣтныхъ лоскутковъ; на одной ногѣ у нея «а Chlizohschichl», другую покрываетъ—«а weisse Jom-Kipur-sok». Она приноситъ дары своему служителю: «а Stikel Kropiwe, wos wachst neben dem Kossel-hamaarowi, a Hoifen Erd vun der Muter-Rochels Keiwer, a Ei, ausgekocht in die heisse Quellen vun Twerjoh». Поэтъ жаждетъ цвѣтовъ, зелени полей, и получаетъ отъ музы въ даръ «а gti-ninke, a frischinke, a sprogel-neue Heisch'anole» (стр. 16—18). Красоты природы, увы! недоступны жаргонной музѣ,—обитательницѣ тѣсныхъ, глухихъ и пыльных уголковъ «черты». Тѣ нѣсколько стихотвореній въ сборникѣ, которыя посвящены описанію природы (Frilingslieder, Summerlieder, die Natur, Herbstlieder),—наименѣе удались нашему автору: жаргонный лексиконъ лишень красокъ, потребныхъ для пейзажа,—отсюда обиліе въ названныхъ стихотвореніяхъ германизмовъ, нарушающихъ основную тонъ жаргонной пѣсни. Другое дѣло, когда природа составляетъ для поэта лишь нѣкоторый, *самый общій фонъ*, на которомъ обрисовываются имъ картинки «еврейской улицы»; здѣсь г. Фругъ иной разъ двумя-тремя бѣлыми шутрями набрасываетъ великолѣпный, такъ сказать, *еврейскій пейзажъ*; вотъ напр. описаніе ночи въ еврейскомъ кварталѣ:

«Ich geh un geh... Die Nacht is stil
 Un finster is vun alle Seiten...

Es bilen nor die Jatke-Hind
Un Hener krehen von der weiten...

.....
.....

Der Stodt-Bok blonzet auf'n Mark
N'dowes kleibendig auf Schabes,
In Mikweh tanzen auf die Trep
A Koscher-tanz a Minjon Zschabes»...

(Стр. 48).

Необширеть просторъ, который жаргонная муза даетъ своему избраннику:

«Die jidische Muse! Ihr is doch beschert
Zu krichen in alerlei jidische Blotes;
Mit chsidische Streimlech, Pantofel, Kapotés
Wos seinen a kuperne Groschen nit wert; —
Zu kaschern Herzer, zu scheiern Kep,
Un chapen nit selten i Kloles, i Klep...
Die alte Jessomo, ohn Taten, ohn Mamen,
Wos schlept auf die Pleizes a Torbe mit Gramen»...

(Стр. 104).

Вы помните, быть можетъ, какъ лучший изъ нашихъ жаргонистовъ, С. Я. Абрамовичъ, опредѣляетъ рамки еврейскаго повѣствованія? «Ни я, ни предки мои, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ устами своего Менделейхеръ-сформизъ: — не поражали міра громкими дѣваніями. Мы не бывали владѣтельными особами, ни стратегами, ни вонтеями, не воспѣвали дифирамбовъ своимъ Дульцинеямъ, не сражались на турнирахъ и не предавались охотѣ, не предпринимали путешествій на край свѣта, не открывали новыхъ странъ, не расточали своихъ достояній на жриць искусства и на прочія удовольствія. Коротко сказать, тѣхъ сюжетовъ для повѣствованія, которые были бы пріятны и занимательны для читателей, — у насъ нѣтъ. Взамѣнъ ихъ у насъ есть — хедеръ, меламедъ, шадкены, женихи и невѣсты, жены и дѣти, агунъсы, вдовы и сироты, побирающіеся по домамъ нищце, погорѣльцы, батлонимъ и габоимъ, нищета и подаяніе, всевозможныя формы и виды нужды»...¹ Таковы сюжеты жаргоннаго повѣствованія, — таковы же и мотивы жаргонной пѣсни. Въ ней рѣдко звучатъ веселыя ноты: «Ich ken kein wilde, krume cheindlech machen, — Ich ken nit lachen, gwalt! ich ken nit lachen!» (стр. 115).

¹ См. его разсказъ: „אלל ביני“, („Пардесъ“ вып. II, стр. 186).

Развѣ уиѣтъ еврей веселиться? Не звучитъ ли постоянно въ еврейскомъ веселіи пѣеоторая нотка дѣланности?

«Ach, jidische Simcho's
Un jidische Lieder!
Sogt, sogt mir ich bet eich,
Erklärt dos mir, Brider:
Far vos wert vun sei asei schwer?
Dos Herz wert verklemt,
Der Kop wert gebeigen
Un oft gor nit wilendig
Trift vun die Augen
A heisse, a bitere Threr?»...

Жаргонной пѣсни чужны веселые напѣвы:

«Kein Lied, was soll hoben
Zwei fröhliche Wörter,
Zwei lichtige Wörter,
Wos sol sich in sei
Nit hören kein biterer
Beiser Gelechter,
Vun Schand un vun Weitog
Kein wildes Geschrei»...

(Стр. 108).

И если жаргонный поэтъ нной разъ прибѣгаетъ къ шуткѣ,—то развѣ затѣитъ только, чтобы ею заклеймить то, что въ немъ возбуждаетъ негодование и грусть. Народное горе, нужда, порожденное ненормальными условиями существованія, унынное убожество,—вотъ преимущественные мотивы жаргонной пѣсни. Въ стихотвореніяхъ г. Фруга предъ читателями проходить рядъ родныхъ типовъ и явленій повседневнаго свойства, столь знакомыхъ каждому, кто присматривался къ быту и жизни нашей «черты». Вотъ предъ нами ирофѣдъ и «благодѣтель», неизбѣжный въ каждой «K'hilokdeischo»:

«Er mus doch sein—versteht ihr mich?
Reb Awrom-Scholem Kantemirer,
Zu wil, zu nein, es helft doch nit —
Er mus doch sein der Städtl-firer,
Er mus der Gabai sein in Schul;
Er mus sich, nebich, nehmen Schischi,
Er mus doch staren sich zu sein
A Gabai auch in Chewro-Kdischo, —
Un gor nit wilendig hot er
Gemust doch far Hoschano-rabo
Gehn mit a... jeñz... wie ruft men es?
Auf Zalel-Ber, dem alten Gabai...

Haint wie viel hot ihm obgekost —
 Es is doch gor nit zu beschreiben —
 Es sol bei sei noch auf drei Jahr
 Die Taxe far sein Schwoger bleiben»... (Стр. 41).

Вотъ—обиталище «vun a jidischen Professor», т. е. меламеда:

«Ot is a Palatz... Ach, wie schön,
 Wi prächtig: Bein un Samed,
 Seid, Leder, Bronse, Zeder-holz...
 Do wohnt a jidischer Melamed.
 Ihr lacht, Raboissai?.. Nein, wart aus—
 S'is gor nito do wos zu lachen;
 Ot wart nor aus—ich wel aich bald
 Dem Cheschbon ganz podrobne machen:
 Vun Samed is die Jarmolke—
 Sie glänzt un scheint vun weitens;
 Die Taitel is gemacht vun Bein;
 Der Gartel is vun Seidens,
 Vun Bronse is der Hengleichter,
 Der Kantschig is vun Leder,
 Dos Bänkele,—dos Bänkele
 Is ausgeschnitzt vun Zeder...
 A wazschne Balabatschkeit!—
 Es, trink un schlof un leb in Frieden,
 Wer breit un lang, klaib nachas, klaib...
 Ach, leben solen taki Jiden!»—

Вотъ предъ нами столь знакомый образъ: дочь купца «Eli-Chono, wos fihrт verkeifen Wind mit Rauch, un halt a Kretschme auf der Lwono»—настоящая «барышня», гордящаяся большими знакомствами съ женою станового и др. представителями мѣстной аристократіи. На поддержаніе этихъ знакомствъ, на посѣщеніе «барышней» маскарадовъ и вечеринокъ тратятся послѣдніе гроши, съ такими трудомъ добытые жидущимъ съ вѣтра отцомъ:

«Die Kinder jogen sich arm,—
 A Bissen wu nit is zu chapen,
 Der Tate lauft vun Gass zu Gass—
 A Gmilus-chessed zu dertapen;
 Die Mame hot dos lezte Kleid
 Awekgetrogen in Maschkones»...
 Nu, meilo wos? nu, wos zsche is?
 Et, lost zu Ruh,—s'is ohn Sakones...
 Schloft, schloft, Mamsel, a gute Nacht!
 Dos, wos hot aich gesolt sein, ch'leben,

Wet ausgehn zu dem Taten's Kop
Un zu der Mames Leib un Leben...

(Стр. 43).

А вотъ и другая разновидность того же самаго типа, выступающая въ заключительной части остроумнаго стихотворенія «Zwei Bilder». Въ первой части его авторъ рисуетъ маленькую сценку изъ библейскихъ временъ: въ Юль-Кинуръ, изъ гущи садовъ Іерихо несется пѣснь еврейскихъ дѣвъ:

«Kumt aher, aher, Bachurim!
Klaibt aich, klaibt aich Kaloh's... ober
Kukt nit nor auf unser Jugend,
Wehlt nit nor allein die Scheinheit,—
Weil die Jugend wet verblihen,
Un vergehen wet die Scheinheit;
Bleiben welen gute Sitten,
Bliehen ebigh wet die Tugend.
Gute Sitten, tife Liebe,
Feine, eidele Gefflen,—
Dos is unser gröstes Reichtum,
Dos is unser best' Vermegen!..»

Проходитъ рядъ тысячелѣтій,—и предъ нами новая пѣснь отдаленныхъ, богато разодѣтыхъ пресвицъ этихъ скромныхъ дочерей Іерихо, ослѣпленная своды танцевальной залы:

«Kumt aher, aher Chassanim!—
Singen Marja, Nastja, Frossja
Un die kluge Isabele,
Isabele Lokschen-zimes:
Kumt aher, aher, Docteurim,
Inzenjern, Advocaten,
Mit Naschiwkes, mit Cocardes,
Mit Diplomen, Attestaten,
Nehmt uns, Gwalt, oi, hot Rachmones,
Nehmt uns, chapt uns!.. Ach, mir alle
Seinen greit mit aich zu leifen
In Gan-eden un in Gehinem..
Nehmt uns, chapt, hilt-ein, verwikelt
Uns in Seid, in Samet, Atlas,
Keift uns Lozen in Theater,
Firt auf Balen, Mascaraden..
Unser Anzug, unser Zirung
Solen glänzen wie die Stern,—
Alle unsere Bekante
Solen a Kaporo weren!..»

(Стр. 144—148).

Другая жизненная сценка: Праздникъ. Кончена предпраздничная генеральная чистка, кончены всѣ хлопоты, неизбежныя наканунѣ субботы, а тѣмъ болѣе—Пасхи. Народъ валитъ въ синагогу; «Шахрисъ» приближилось въ концу, приступаютъ къ чтенію Торы, начинаются вызовы къ альемору и—дѣло кончается ссорю изъ-за «алиэсъ». «Mein boss?—кричить Нахманъ Клець Верелю Лемешкеру:—Otkudowa? A? Du, Kabzonjue, Schlepper! Dir Schischi? Dir? A potschemu? Wos? Host eingeleigt a Cheilik? Genug dir a Pajok zu Minchoh, oder taki gor in a prosten Ponjedjelnik bei die Sapojschnikes in Schul... Arob vun der Vimoh! Dolo!» Верель Лемешкеръ, разумѣется, не остается въ долгу; въ споръ влѣшваются еще и другіе, образуются партіи, ожесточеніе растетъ, и въ результатѣ предъ нами—обычная бытовая картинка:

M'schlogt sich,

M'flogt sich

M'reisst sich,

M'beisst sich.

Wie Veigelech fliehen

I Pejes, i Berd,

Es klingen die Schauben,

Es zittert die Erd;

M'is maskir Nschomes

Mit Kloles, Chorobes,

Die Veters, die Mumes,

Die Zeides, die Bobes,

Es flamen die Augen,

Es treschtschen die Kep,

Es gissen sich Broches,

Es schiten sich Klep...

M'beisst sich,

M'reisst sich

M'flogt sich

M'schlogt sich и т. д.

(Стр. 82).

— и все это l'chowed Thoroh!..

Въ стихотвореніи «Nachtlieder», между прочимъ, фигурируетъ знаменитый всѣмъ намъ обликъ, обликъ «метабера», этого влостастнѣйшаго изъ еврейскихъ труженниковъ, удѣлъ котораго, въ лучшемъ случаѣ, — равнодушнѣ толпы:

A scheneren, a frischeren

Vun ihm, is men mkaber..

Un weisst ihr, wer is der Parschein?

— Dos is a jidischer Mechaber.

.....
 Ach, s'is, a ponim, noch zu frih
 Bei Iiden far a Literator—
 Er chapt noch, neblich, sehr oft
 I Zeinwétig, i Kater...
 Ach sogt nur Menschen, was bedeit,
 Wos hot gewolt der Beureu sogen
 Mit dem Bescháfnes?.. Mein Kop
 Ken dos gor poschut nit vertrogen:
 Er schreibt doch, dacht sich, mit a Pen,
 Er redt mit Iiden poschut jidisch,
 Un Iiden kuken fort auf ihm
 Noch alz wie auf a wilden Chidusch!.. (Стр. 55).

**Поэтъ бодритъ этого труженника на нивѣ просвѣщенія родной массы
 напоминаясь о томъ, что дѣятельность его не напрасна, и что окру-
 жающая тьма рано или поздно должна разсѣяться:**

Mein Bruder! Schlecht is dir, ich weiss,
 Nor geh un trog dem Ioch dem schweren,
 Steh stolz un kreftig auf dein Ort,
 Es mus, es wet doch lichtig weren!
 Nit schreklich is die Finsterniss--
 S'wet onheiben zu togen,
 Die Strahlen weln vun der Welt
 Die schwarze Nacht verjogen.
 Es weln aufwachen vun Schlof
 Gor neie Zeit mit neie Meuches:
 Sei weln breingen auf der Welt
 Viel neie, frische, starke Keuches.
 Viel hele Strahlen, greisse Licht
 Wet damals wern angezunden;
 Der Schlafer wet bekumen Kraft
 Un lichtig wern wet dem Blinden!.. (Стр. 56).

Этими прекрасными строфами закончимъ нашъ бѣглый обзоръ сборника г. Фруга. Мы не имѣли въ виду исчерпать все содержаніе его «Lieder un Gedanken», да въ краткой библиографической замѣткѣ это и не представлялось бы возможнымъ. Намъ хотѣлось только отмѣтить, какой цѣнный вкладъ сдѣланъ г. Фругомъ въ нашу жаргонную литературу, — скудную по части произведеній, могущихъ претендовать на художественный интересъ. Пѣсни, вродѣ тѣхъ, какія мы цитировали въ нашей замѣткѣ, — вродѣ ли когда либо звучали на жаргонномъ парнасѣ...

С. Г—ъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

קהל משה». רשימת כל הספרים העבריים הנמצאים באספת-פרוידלאנד, ערוכה בקהל משה. בסדר א"ב מאת שמאאל ווינער. *(Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae asservatorum. Opera et studio Samuelis Wiener. Fasc. I—III (א, ב, ג et ד). Petropol, 1893—1897).*

«Kohelet Mosche»—составляемый известнымъ бібліографомъ, г. С. Винеромъ, каталогъ собранія еврейскихъ книгъ, принесеннаго въ 1892 г. г. Л. Фридландомъ въ даръ Азіатскому музею Императорской академіи наукъ. Въ предисловіяхъ къ первому и второму выпускамъ своего труда г. Винеръ сообщаетъ интересныя данныя о составѣ и происхожденіи Фридландіаны, заключающей свыше 300 томовъ рукописей и 10-ти тыс. томовъ книгъ, въ томъ числѣ около 200 напечатанныхъ ранѣе 1540 года и 32 напечатанныхъ въ XV столѣтіи (т. н. иркунабулы). Въ основаніе этой грандіозной книжной коллекціи легла приобрѣтенная г. Фридландомъ известная бібліотека покойнаго минскаго бібліофила В. Вапни, вся цѣлкою вошедшая въ составъ Фридландіаны; изъ бібліотеки другого, тоже минскаго собирателя книгъ, покойнаго Л. Рабиновича, въ теченіе сорока лѣтъ составившаго себѣ коллекцію еврейскихъ книгъ, численностью свыше 4-хъ тысячъ томовъ, въ числѣ коихъ находилось много рѣдкихъ изданій, г. Фридландомъ приобрѣтено было около тысячи томовъ книгъ, недостававшихъ въ бібліотекѣ В. Вапни. Къ послѣдней жертвователемъ присоединена была также приобрѣтенная имъ лучшая часть бібліотеки покойнаго Ш. Цукермана (Могилевъ губ.). Какъ указываетъ г. Винеръ,—въ названныхъ трехъ коллекціяхъ, нынѣ сосредоточенныхъ въ Фридландіанѣ, находится до 2-хъ тысячъ томовъ изъ славившагося нѣкогда собранія книгъ І. Мазеля (משלתו של יצחק מזור, ун. въ 1848 г. ¹).

¹ Послѣ известнаго пражскаго раввина Д. Опенгейма (1664—1736 г.) часть колоссальной еврейской бібліотеки котораго, обнимавшей до 7000 книгъ и 1000 рукописей, вошла въ составъ Оксфордской Бодлеяны, названный І. Ма-

Въ частности, въ числѣ книгъ, перешедшихъ къ г. Фридланду изъ библіотеки Ш. Цукермана, содержится также многое изъ коллекцій виленскаго гаона р. Или и извѣстнаго Д. Лурье изъ г. Выхова (וויזניץ וויר'ה). Кроме того въ составъ Фридландіаны вошли обширныя и наиболѣе цѣбныя части библіотеки покойнаго М. Ландсберга въ г. Кременецѣ (которую восхваляетъ И. В. Левинзонъ въ предисловіи къ первому изданію «Теуды») и коллекцій извѣстнаго мюнхенскаго библіографа Н. Рабиновича и покойнаго Г. Каценеленбогена (Вильна). О перечисленныхъ г. Винеромъ менѣе значительныхъ книжныхъ приобрѣтеніяхъ, потребовавшихъ много усилій и энергій со стороны лицъ, руководившихъ составленіемъ Фридландіаны, — не упоминаетъ, такъ какъ и то немногое, что нами приведено, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о грандіозномъ размахѣ дара, принесеннаго г. Фридландомъ академіи наукъ. Что касается собранія рукописей, то основаніе ему положено было коллекціею, въ теченіе многихъ лѣтъ составлявшеюся однимъ лицомъ, объѣздившимъ для этой цѣли разные города Литвы и Польши. Къ ней присоединено было покойнымъ С. Финномъ около 50 томовъ старинныхъ и рѣдкихъ рукописей, перешедшихъ къ нему, главнымъ образомъ, изъ собранія извѣстнаго С. Дубно; много цѣбныхъ рукописей приобрѣтено было также отъ упомянутаго выше Н. Рабиновича (Мюнхенъ) и отъ одного изъ наследниковъ І. Вязинера. Эти и другія приобрѣтенія, указанія на которыя находимъ въ предисловіи

зель едва ли не былъ самымъ ревностнымъ изъ прежнихъ нашихъ библіофиловъ. По гор. Вязину (Виленской губ.), гдѣ онъ жилъ и гдѣ находилось его богатое книгохранилище, его обыкновенно называютъ р. Іосифъ Вязинеръ. Беззавѣтно преданный еврейской литературѣ, этотъ представитель стариннаго типа „гвира“—мецената съ неутомимою энергіею и любовью заботился объ увеличеніи своей библіотеки. Библіотеку свою, заключавшую свыше пяти тысячъ томовъ печатныхъ произведеній и значительное собраніе рукописей, владѣлецъ ея охотно предоставлялъ въ пользованіе тогдашнимъ литераторамъ и библіографамъ; въ Вязинѣ часто навѣщали лица, интересовавшіеся еврейскою литературою, чтобы поработать въ библіотекѣ р. Іосифа, который обнаруживалъ большое радушіе къ подобнымъ гостямъ, отводилъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ и заботился объ ихъ удобствахъ. О частыхъ поѣздкахъ въ Вязинѣ одного страстнаго виленскаго любителя евр. библіографіи въ 30-хъ гг., нѣкаго р. Моше Хайкелья, рассказываетъ между прочимъ покойный С. Финъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени. (См. его „וויזניץ וויר'ה“ гл. XI, въ „Гармерель“ 1879 г. кн. VI стр. 334). Извѣстно также, что І. Вязинеръ значительно покровительствовалъ р. Менаше изъ Ильи. Нѣкоторыя свѣдѣнія о І. Вязинерѣ приведены въ исторіи виленской евр. общины, Фина. (См. „פנים תור“ стр. 304).

къ труду г. Винера, образовали вошедшую въ составъ Фридландіанъ коллекцію въ 300 томовъ рукописей, содержащихъ около тысячи произведеній и документовъ, касающихся исторіи евреевъ въ Россіи и др. вопросовъ. (По обнаруженіи каталога печатныхъ произведеній, обѣщано также напечатаніе описанія рукописнаго отдѣла Фридландіанъ). По доставленіи, въ февралѣ 1892 г., въ Азіатскій музей коллекціи г. Фридланда, (въ количествѣ 13 тысячъ томовъ), даритель ея продолжалъ обогащать такуюю новыми приобрѣтеніями, возросшими за послѣднее четырехлѣтіе до тысячи томовъ. Въ числѣ ихъ находится интересное собраніе печатныхъ произведеній, выпущенныхъ въ Палестинѣ, со времени открытія здѣсь первой еврейской типографіи до нашихъ дней. Г-нъ С. Винеръ указываетъ, между прочимъ, еще на двѣ, весьма любопытныя коллекціи, включенныя въ составъ Фридландіанъ: 1) собраніе важнѣйшихъ книгъ по Каббалѣ и 2) богатое собраніе старинныхъ и новѣйшихъ произведеній хасидской литературы, — въ числѣ которыхъ находится много такниъ, которыя не были извѣстны составителямъ прежнихъ библиографическихъ указателей. Упомянемъ также о томъ, что въ составъ Фридландіанъ цѣлкомъ вошла обширная коллекція различныхъ изданій Вабліи съ иноязычными переводами и разнообразными комментаріями, на составленіе которой положено было столько труда покойнымъ М. Галеви.

Къ Фридландіанѣ академію наукъ присоединено было собраніе еврейскихъ книгъ (численностью до 13 тысячъ томовъ), находившихся до того въ Азіатскомъ музеѣ, — преимущественно выпущенныхъ еврейскими типографіями въ Россіи, начиная съ 1811 г.; сюда же присоединилось до 3-хъ тысячъ томовъ печатныхъ произведеній на евр. языкѣ, появившихся въ Россіи за послѣдніе 4 года. (Какъ извѣстно, въ академію наукъ, наряду съ нѣкоторыми другими учрежденіями, въ силу закона обязательно доставляются всѣ произведенія печати, выходящія въ свѣтъ въ Россіи). Въ Азіатскомъ музеѣ же находится богатое собраніе (до 3000) произведеній жаргонной литературы, напечатанныхъ съ 1841 г. Въ составѣ книгъ, присоединенныхъ такниъ образомъ къ коллекціи г. Фридланда, находится также и такія, которыя не упоминаются въ прежнихъ библиографическихъ трудахъ.

Приведенныя нами цифровыя данныя и свѣдѣнія, относящіяся къ происхожденію разныхъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ Фридландіанъ, даютъ читателю нѣкоторое представленіе о колоссальномъ еврейскомъ печатномъ матеріалѣ, библиографическая регистрація котораго составляетъ предметъ труда г. Винера. Хотя каталогъ еврейскихъ книгъ Азіатскаго музея

до 1860 г. (приблизительно 1500 наименований) нѣкогда и составленъ былъ покойный Гурляндъ, но, какъ указываетъ послѣдній,—работа его не лишена значительныхъ недостатковъ и производилась съ большою поспѣшностью и безъ надлежащей критики. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ г. Винеру за то, что онъ включаетъ въ свою «Bibliotheca Friedlandiana» библиографическій перечень *необходимыхъ* послѣднему еврейскихъ книгъ Азіатскаго музея Академіи наукъ, причемъ названія книгъ этой категоріи въ его каталогѣ обозначаются буквою А., поставленной рядомъ съ № книги.—Библиографическія свѣдѣнія распределяются г. Винеромъ по слѣдующей системѣ: а) названіе книги и автора (а также и типографа); б) ближайшее опредѣленіе содержанія книги и т. п., приводимое авторомъ (а также измѣненія въ различныхъ изданіяхъ ея), с) мѣсто и время печатанія (послѣднее обозначается также и по христіанскому лѣтосчисленію); d) форматъ книги, е) объемъ ея (количество страницъ и столбцовъ, а при разныхъ изданіяхъ—указаніе шрифта: квадратный, אַ״ק, אַ״ז, אַ״ט); f) рекомендаціи (רעכענען) раввиновъ и g) соответствующія данному № въ каталогѣ г. Винера—№№ въ классическихъ библиографическихъ указателяхъ: Штейншнейдера (оксфордской Водлевы), Цендера (Британскаго музея) и Раста (Розенталяны въ Амстердамѣ). Съ буквы א въ «Bibliotheca Friedlandiana» находятъ, рядомъ съ названными ссылками, также и ссылку на новый, дополнительный каталогъ Британскаго музея, выпущенный въ 1894 г. Штрааленомъ. Система, положенная г. Винеромъ въ основу своего труда, охватываетъ такимъ образомъ важнѣйшія данныя, представляющія интересъ съ точки зрѣнія библиографів; сопутствующія каждому № каталога наименованіе типографа, а иногда и обозначеніе шрифта, сообщаютъ работѣ почтеннаго автора серьезное значеніе и съ точки зрѣнія исторіи еврейскаго типографскаго дѣла вообще, и въ Россіи въ частности. Относительно большинства сборниковъ и періодическихъ изданій, упоминаемыхъ въ вышедшей пока части каталога, г. Винеръ не ограничивается обозначеніемъ однихъ названій, а приводитъ также и перечень главныхъ статей и работъ, помѣщенныхъ въ нихъ, что, конечно, значительно повышаетъ достоинства его работы. Весьма цѣнны также попадающіяся въ «Bibliotheca Friedlandiana» библиографическія указанія (см. напр. №№ 494, 506, 1478) и библиографическія поправки къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ предыдущими указателями. Далѣе, въ числу выгодныхъ особенностей каталога г. Винера нельзя не отнести зачастую дѣлаемыя имъ ближайшія обозначенія содержанія тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ особенный интересъ, и преимущественно съ точки зрѣнія исторіи евреевъ въ Россіи и Польшѣ (см. напр.

указанія въ №№ 59, 255, 401, 449, 473, 678 и ин. др.). Такого рода указанія часто принимаютъ форму краткихъ *сндержекъ* изъ подлиннаго текста, приближая такимъ образомъ библиографическій трудъ г. Винера къ типу т. н. catalogue raisonné (см. №№ 1109, 1218, 1230, 1276, 2558 и др.). Если принять въ расчетъ огромные разиѣры матеріала, надъ которымъ приходилось (и въ еще большей степени придется) оперировать г-ну Винеру, то легко представить, сколько съ его стороны необходимо труда и любви къ дѣлу для столь образцоваго выполненія взятой имъ на себя задачи. Первый выпускъ, обнимающій букву М, содержитъ 1010 наименованій (въ томъ числѣ различные изданія однихъ и тѣхъ-же книгъ), второй, на букву N,—812, а третій, обнимающій буквы њ и ѓ,—753 названія. Интересны данныя, сообщаемыя г. Винеромъ о соотношеніи количества №№ названій по «Bibliotheca Friedlandiana» и по каталогу Британскаго музея; такъ напр., изъ приведенныхъ въ первой 1010 названій съ буквы М,—въ каталогахъ Цендера и Штраалена содержится только 593.

Значительный интересъ для исторіи еврейскаго печатнаго дѣла въ Россіи представляетъ содержащійся въ «Bibliotheca Friedlandiana» (№№ 1669—1734) перечень 66-ти изданій *ספר סדר*, съ 1834 по 1894 г. (изъ нихъ 64 включены сюда изъ Азіатскаго музея). Еще болѣе интересенъ составленный г. Винеромъ перечень 67 изданій книги *ספר סדר*, изъ коихъ 46 находятся въ Академіи наукъ. Столь полнаго перечня изданій названной книги не находимъ ни въ одномъ изъ предыдущихъ указателей, и нельзя не признать, что таковой самъ по себѣ представляетъ весьма солидную библиографическую работу.

Закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ неутомному г. Винеру благополучнаго завершенія предпринятаго имъ труда, который, въ виду значительныхъ его достоинствъ и богатства описываемой имъ книжной коллекціи, несомнѣнно станетъ необходимымъ руководствомъ для всякаго, интересующагося еврейскою библиографіею и исторіею еврейской литературы.

«Новый Моисей». Романъ въ двухъ частяхъ, изъ современной русско-еврейской жизни. Н. Пружанскаго. Спб. 1897 г. (281 стр.).

Странное впечатлѣніе оставляетъ въ читателѣ романъ г. Пружанскаго, названіе котораго нами выписано въ заголовкѣ. Намъ думается, что мы не далеки будемъ отъ истины, если скажемъ, что причиною тому, главнымъ образомъ, — отсутствіе въ этомъ произведеніи должнаго равновѣсія между Wahrheit и Dichtung, т. е. между тѣми двумя основными элемен-

тань, взаимодѣйствіемъ которыхъ опредѣляется всякое художественное произведеніе вообще и романъ въ частности. При отсутствіи или слабости участія второго изъ этихъ элементовъ, предъ читателемъ неизбежно будетъ что либо вродѣ журнальной статьи или газетной корреспонденціи,—но во всякомъ случаѣ не произведеніе, могущее претендовать на названіе беллетристическаго. Если жъ, наоборотъ, романистомъ-бытописателемъ Wahrheit приносится въ жертву элементу Dichtung, то неизбежнымъ результатомъ явится отрѣшенность его произведенія отъ той дѣйствительной жизни, которую онъ стремится изобразить. Въ первомъ случаѣ, предъ нами будетъ фотографія, рабски копирующая дѣйствительность, въ послѣднемъ—нѣчто напоминающее портретъ, который бы написалъ художникъ, не видявъ никогда въ глаза оригинала, а пытаясь воссоздать черты его лица только по рассказамъ лицъ, знавшихъ его. Главное дѣло — надлежащее сочетаніе Wahrheit и Dichtung, помощью котораго достигается та *художественная правда*, которая такъ необходима и цѣнна въ каждомъ беллетристическомъ произведеніи вообще и въ особенности — въ *романѣ изъ современной жизни*, по отношенію къ которой читатель является если не участникомъ, то во всякомъ случаѣ свидѣтелемъ и очевидцемъ. Этого то именно равновѣсія, должнаго сочетанія правды и вымысла—въ разбираемомъ романѣ не находимъ; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда г. Пружанскій держится почвы дѣйствительности—онъ повторяетъ факты, которые вы найдете въ любой изъ многочисленныхъ статей и корреспонденцій по еврейскому эмиграционному вопросу, не давая таковымъ никакого художественнаго, психологическаго освѣщенія. Но такіа экскурсіи въ область дѣйствительныхъ фактовъ въ интересующемъ насъ произведеніи весьма рѣдки; г. Пружанскій въ общемъ предпочитаетъ фантазировать, поднося читателю подъ названіемъ «романа изъ современной русско-еврейской жизни» рядъ событій и типовъ, созданныхъ единственно воображеніемъ автора.

Тема, затронутая нашимъ романистомъ, — весьма сложная, именно: эмиграционное движеніе въ русскомъ еврействѣ послѣдняго 15-лѣтія. Эмиграционному теченію, какъ самому по себѣ, такъ и по косвеннымъ его послѣдствіямъ, выпала въ русско-еврейской жизни послѣдняго времени столь замѣтная роль, что обойти таковое не можетъ никто, берущійся за воспроизведеніе современной еврейской дѣйствительности. Въ романѣ г. Пружанскаго это теченіе составляетъ главный сюжетъ, основную канву, на которой выводятся частности всей фабулы. Легко понять, какая значительная подготовка и какое художественное утѣненіе требуется отъ романиста для разработки столь серьезной и сложной темы, чтобы нарисованная имъ

картины, отвѣчая художественнымъ запросамъ, соответствовала жизненной правдѣ. Для этого необходимо, прежде всего, серьезное знакомство со всѣми деталями названнаго теченія, знаніе тѣхъ разнообразныхъ, часто взаимно-исключающихъ направленій, которыя существовали и существуютъ въ средѣ нашихъ приверженцевъ эмиграціи, знакомство съ идейною подкладкою всѣхъ этихъ различныхъ направленій, умѣніе разбираться въ этихъ многообразныхъ проявленіяхъ даннаго теченія, въ сложной сѣти причинъ и обстоятельствъ, его породившихъ. Всего этого, къ сожалѣнію, въ нашемъ авторѣ мы не находимъ; повидному, г. Пружанскій очень мало освѣдомленъ на счетъ вопроса, который онъ трактуетъ въ своемъ романѣ, и отсюда, надо полагать, проистекаетъ легкое отношеніе автора къ явленіямъ, требующимъ серьезности и вдумчивости. Эта черта его рельефнѣе всего выражается въ томъ, какъ г. Пружанскій трактуетъ, напр., палестинифильское движеніе. Несомнѣнно, палестинифильство нѣтъ въ лицѣ нашего романиста претивника; но и къ жизненному явленію, къ которому хотя бы питаешь антипатію,—во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относиться серьезно, избѣгая шаржа или инсинуаций. Представители палестинифильскаго лагеря, фигурирующие въ романѣ г. Пружанскаго, — либо идиоты, вродѣ Серафимы Григорьевны Перельзонъ и Розенкранца, либо же завѣдомыя негодяи и мошенники, какъ напр. публицистъ Фишманъ. Тѣхъ пружинъ, которыми вызвано было въ русско-еврейской жизни палестинифильское движеніе, въ романѣ абсолютно не замѣчаетъ. Выходитъ, что вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, невѣдомо откуда появились подъ кличкой «палестинцевъ» какіе то идиоты, возмечтавшіе о «ростущихъ въ долинѣ Іерихона розахъ, величиною въ тарелку» (стр. 48 и 268) и негодяи, à la петербургскій публицистъ и редакторъ журнала: «Слушай, Израиль!» Фишманъ, морочащіе бѣдную, слѣпую массу и чуть ли не насильно отправляющіе послѣднюю въ Палестину (стр. 176—179)... Въ романѣ, между прочимъ, находимъ одну сцену, гдѣ Фишманъ, въ засѣданіи «палестинскаго комитета», при громкомъ одобреніи слушателей, говоритъ на тему: «пострадають сто, двѣсти семей,— что за важность!» и возводитъ въ систему—необходимость во что бы ни стало обманывать массу («что такое, вообще истина? Всякій изъ насъ понимаетъ ее по своему! Массу всегда нужно вести къ желанной цѣли съ завязанными глазами, иначе она за вами не пойдетъ и т. д.» *ibid*). Нашелъ ли г. Пружанскій въ палестинифильской прессѣ, слышалъ ли онъ въ самыхъ интимныхъ собраніяхъ палестинцевъ нѣчто такое, что хоть немного бы напоминало циничное ученіе Фишмана? Если многіе изъ палестинцевъ первой формаціи серьезно заблуждались, если дѣйствительность не оправ-

дывала ихъ надеждъ и предположеній,—то заблужденія эти были добросовѣстны и чужды той окраски, которую имъ придаетъ нашъ романистъ. Г. Пружанскій, повидному, совершенно не знаетъ о той любви къ родному народу, той преданности ему, которая во всякомъ случаѣ руководила дѣятелями описываемаго имъ лагеря; онъ не знаетъ о мучительной духовной работѣ, о надломленныхъ надеждахъ и горькихъ сомнѣніяхъ, которыя въ памятные тяжелые дни выпали на долю мыслящихъ слоевъ еврейства—и, ничто же сумняшеса, выводитъ рядъ пошлыхъ каррикатуръ и злобныхъ измышленій.

Главный герой романа, представляющій собою именно «новаго Моисея»,—миллионеръ Михаилъ Вольфъ. Первоначально онъ фигурируетъ въ разсказѣ въ качествѣ таинственнаго незнакомца, о которомъ только и извѣстно, что онъ — обладатель несмѣтныхъ богатствъ. Но мало по малу романистъ приподнимаетъ завѣсу падъ прошлыхъ своего героя, и тутъ читатель узнаетъ про разные его сказочныя похождения, совершенно во вкусѣ тысячи и одной ночи. Оказывается, что настоящая его фамилія—вовсе не Вольфъ, а Шоръ, и что онъ присвоилъ себѣ послѣднюю фамилію во время своихъ заграничныхъ скитаній. Оказывается, виѣсть съ тѣмъ, что онъ сынъ извѣстнаго нѣкогда хасидскаго цадика р. Ицеле, и что его въ дѣтствѣ готовили къ тому, чтобы онъ сталъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Но умный и наблюдательный юноша скоро постигъ, что его отецъ—ловкій обманщикъ; онъ тайкомъ сталъ знакомиться съ книжками просвѣтительнаго характера, и дѣло кончилось тѣмъ, что по смерти отца онъ скрылся отъ жаждавшихъ узрѣть своего новаго цадика хасидовъ, оставивъ имъ нѣчто вродѣ манифеста, въ которомъ разоблачаетъ всѣ продѣлки своихъ предковъ и объясняетъ, что они, хасиды, были жертвами наглаго и систематическаго обмана, продолжать который онъ не желаетъ¹. Шоръ нѣкоторое время скрывается въ г. Приморскѣ, затѣмъ онъ уѣзжаетъ за границу. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ 10 миллионъ, но эти деньги, скопленные путемъ обмана и эксплуатаціи невѣжества, возбуждаютъ въ немъ ужасъ и отвращеніе. Его завѣтной мечтою, задачею его жизни становится — искупить грѣхи своихъ предковъ. Онъ кончаетъ за границею университетъ; изученіе всемірной исторіи и прошлаго своего народа приводитъ его къ убѣжденію,

¹ Авторъ указываетъ, что подобный фактъ отреченія цадика отъ своей настыи случился на югѣ, дѣтъ 30 назадъ. Дѣйствительно, извѣстенъ такой случай, но онъ далеко не произошелъ, какъ замѣчаетъ авторъ, „почти при подобныхъ обстоятельствахъ“, и во всякомъ случаѣ не при той театральной обстановкѣ, которую описываетъ г. Пружанскій.

что существованіе самостоятельной народной культуры безъ земли невозможно и у него возникаетъ грандіозная идея—дать своему народу эту землю, видъ которой немислимо его будущее. Но такъ какъ для подобной цѣли нужна цѣлая территорія, то ясно было, что для осуществленія такой мысли необходимы не милліоны, а милліарды. И вотъ Михаилъ Шоръ, ставшій нынѣ Вольфомъ, пускается въ колоссальныя коммерческія предпріятія, въ поискахъ за деньгами и землею. Нѣтъ уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы онъ не побывалъ, и нѣтъ крупнаго дѣла, за которое онъ бы не брался: строить желѣзныя дороги, добываетъ золото, алмазы, эксплуатируетъ нефтяныя источники; исколесилъ и Африку и Америку, охотился и на бизонъ, и на тигровъ; наконецъ—цѣль его достигнута, у него въ Америкѣ—цѣлая территорія, въ 3 милліона десятинъ, на которой пасется до трехсотъ тысячъ головъ рогатаго скота и до ста тысячъ лошадей, и гдѣ можно очень удобно помѣстить до 5 — 6 милліоновъ семействъ. Словомъ, Михаилъ Вольфъ—настоящій еврейскій графъ Монтекристо. Онъ возвращается въ Россію и приступаетъ къ выполненію своего проекта заселенія евреями обширной американскоѣ территоріи. Между прочимъ, въ успѣхъ своего предпріятія онъ отнюдь не вѣритъ. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ онъ одному своему другу, что кончится все это скандаломъ и непріятностями для меня. Но при всемъ томъ, скажу тебѣ, что до тѣхъ поръ, пока я не истрачу до послѣдняго гроша все свое колоссальное состояніе, до тѣхъ поръ, пока я владѣю своими силами, способностями,—я не откажусь отъ своего замысла... Я въ долгу у своего народа и не вижу другой возможности рассчитаться съ нимъ, какъ слѣдуетъ» (стр. 249).

Во что именно вѣтитъ г. Пружанскій, говоря о проектѣ «Новаго Моисея»,—это, конечно, вполне понятно. Планъ бар. Гирша представляетъ собою нѣчто столь грандіозное и небывалое въ лѣтописяхъ исторіи, что вполне естественно желаніе балетриста—положить такое явленіе въ основу своего романа изъ современной еврейской жизни. Мало того, самый неуспѣхъ аргентинскаго дѣла (который теперь, кажется, можно считать несомнѣннымъ) не можетъ не приковывать вниманія наблюдателя еврейской жизни послѣдняго времени и дѣлаетъ указанную балетристическую задачу въ высшей степени серьезной и благодарной. Подумать только: осуществленіе проекта, повидимому, можно было считать обезпеченнымъ колоссальными денежными средствами жертвователя, который къ тому еще относился къ дѣлу въ высшей степени серьезно, входя во всѣ детали его,—все, казалось, говорило за успѣхъ идеи барона Гирша—и въ результатѣ дѣле все таки терпитъ крушеніе. Гдѣ причины такого явленія?—вотъ вопросъ,

на который долженъ дать послѣдній отвѣтъ романистъ-психологъ. Его задача—въ художественной формѣ освѣтить и обобщить основныя причины, коренящіяся въ свойствахъ ли еврейской народной психики, въ условіяхъ ли нашего быта, въ самомъ ли существѣ проекта и т. д.,—которые вызванъ такой исходъ дѣла, сулившаго новые горизонты для исторіи еврейства. Онъ долженъ въ живыхъ, конкретныхъ формахъ воплотить тѣ мысли, на которыя наводитъ насъ судьба аргентинскаго дѣла. Всего этого въ лежащемъ предъ нами романѣ не оказывается. Г. Пружанскій слишкомъ занятъ личностью «Новаго Моисея», его исторіею, происхожденіемъ; самое же дѣло «Новаго Моисея»—въ романѣ фигурируетъ менѣе всего, а если упоминается, то лишь вскользь, въ видѣ сухихъ фактовъ, лишенныхъ художественнаго освѣщенія. О томъ, какъ осуществлялся и къ чему привелъ проектъ Михалла Вольфа,—говорится лишь немножкомъ на послѣднихъ 14 страничкахъ романа (267—281); упомянувъ о томъ, что Вольфъ приступилъ къ выполненію своей мысли, авторъ проводитъ черту: прошло, молъ, десять лѣтъ послѣ описанныхъ событій,—и въ заключеніе знакомитъ насъ съ письмомъ, полученнымъ отъ Вольфа однимъ изъ его сподвижниковъ, гдѣ Вольфъ жалуется на людскую неблагодарность, на дурную администрацію въ его колоніяхъ, и говоритъ о недостаткѣ у евреевъ единства, парализующаго возможность сдѣлать что либо для еврейскаго народа. Письмо Вольфа въ общемъ содержитъ повтореніе того, что каждый изъ насъ можетъ найти въ любой корреспонденціи изъ аргентинскихъ колоній. Этимъ все дѣло кончается, и читатель, который надѣялся найти въ романѣ обобщеніе, художественное освѣщеніе фактовъ, достаточно извѣстныхъ ему изъ другихъ источниковъ и возбуждающихъ въ немъ цѣлый рядъ вопросовъ,—вправдѣ будетъ, закрывъ прочитанный имъ романъ, сказать:

Da steh ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug, als wie zuvor.

Не найдетъ здѣсь читатель и типовъ, вырабатываемыхъ современною еврейскою жизнью, съ которою г. Пружанскій, повидимому, слишкомъ мало знакомъ. Мѣсто реальныхъ типовъ въ романѣ заступаютъ часто фантастическіе образы, въ которыхъ напрасно было бы искать чертъ дѣйствительности. Откуда, напр., авторъ почерпнулъ своего Борнса Михайловича Лоевскаго, съ его дикими разсужденіями на тему о томъ, что «пѣсенка физическаго труда уже спѣта и, какъ бы о немъ ни хлопотали его ярые поклонники, овъ, въ концѣ концовъ, униженный и оплеванный сойдетъ съ историческаго арены» и т. д. (стр. 258—266),—одному Богу извѣстно. Не

обнаруживаетъ романистъ и знанія еврейскаго быта и явленій, его характеризующихъ. Между прочимъ; авторъ рассказываетъ, что болѣе всего повлияло на молодого Вольфа, когда его еще прочли въ цадикъ, чтеніе одной книги: «это была знаменитая «Гацофе» *Летреса*, сатира на хасидизмъ, въ которой каждое слово отравлено смертельнымъ ядомъ, книга, о которой до сихъ поръ хасиды не могутъ говорить безъ содроганія и которая очень рѣдка, потому что сколько бы изданій ея ни вышло, хасиды немедленно ее скупаютъ и сжигаютъ». (стр. 92). Очевидно, рѣчь идетъ о «Гацофе» — не *Летреса* (т. е. *Леттериса*), а *Эртера*. Но смѣемъ увѣрить г. Пружанскаго, что эту «очень рѣдкую» книгу онъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ найдетъ у любого еврейскаго книготорговца,—по пятиалтынному за экземпляръ. Мало также освѣдомленъ нашъ авторъ и относительно быта «цадиковъ». Въ описаніи послѣдняго, въ особенности же въ застольной рѣчи, влагаемой романистомъ въ уста цадикъ ребъ Ицале (стр. 100), сквозитъ остроуміе довольно дешеваго свойства.

Въ частности, нѣкоторые отдѣльныя страницы романа нельзя не признать удачными. Не дурно обрисованы чета Левензоновъ, также и эпизодъ перваго знакомства Вольфа съ Вертою Соломоновною. Этотъ эпизодъ могъ бы самъ по себѣ составить недурную тему для одного изъ тѣхъ небольшихъ рассказовъ, которые, судя по прежнимъ опытамъ г. Пружанскаго, выходятъ у него значительно удачнѣе, чѣмъ крупный романъ.

С. Г—ъ.

!תבול למוצ (Михоэйль Гамалахъ). *Архангелъ Михаилъ*.
Сказка для дѣтей. А. Л. Виско.—Вильна.

Г. Виско скрылъ отъ своихъ читателей одно маленькое, но въ данномъ случаѣ весьма, пожалуй, существенное обстоятельство: что сказка, авторомъ коей онъ себя выдаетъ, уже гораздо раньше его была написана Львомъ Николаевичемъ Толстымъ (подъ заглавіемъ: «Чѣмъ люди живы»), а иль, А. Л. Виско, только переведена,—да кстатѣ ужъ и переименована. Что собственно побудило его поступить такъ... нелитературно съ произведеніемъ знаменитаго писателя: сознаніе-ли, что слава скромнаго переводчика слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ лаврами самостоятельнаго мастера-художника, желаніе-ли предохранить свое дѣтище отъ опасности быть сличеннымъ съ подлинникомъ,—объ этомъ, разумеется, судить трудно, да и неинтересно, пожалуй, для читателя. Такой замѣчательный въ своемъ

родѣ фактъ достаточно только отиѣтить. За то гораздо болѣе интереснымъ представляется вопросъ: *какъ* выполнилъ свой трудъ г. Виско? Не испукалъ-ли онъ, хотя бы отчасти, внутренними достоинствами своей книжки вышесказанный грѣхъ относительно не совсѣмъ точнаго опредѣленія имъ своихъ авторскихъ правъ на нее?—Увы! Не испукалъ.

Г. Виско, повидимому, не отдалъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ работы, за которую взялся: должна-ли она представлять собою *передѣлку* сказки Толстого или же точный *переводъ* ея. Это далеко, вѣдь, не одно и то же и достигается далеко, вѣдь, не одинаковыми приѣмами и способами обращенія съ подлинникомъ, а между тѣмъ смѣшеніе этихъ различныхъ приѣмовъ г. Виско испортило его трудъ, который, вообще говоря, можно бы только привѣтствовать, какъ попытку въ передачѣ по-еврейски глубоко-гунавныхъ и возвышенно-идеальныхъ произведеній великаго писателя.

Разсматриваемая нами книжка является переводомъ, конечно, и даже почти буквальнымъ переводомъ въ большей своей части: сравненіе ея съ оригиналомъ не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. Но тѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить встрѣчаемыя въ то же время всюду въ книжкѣ самовольныя опушенія, измѣненія и даже дополненія, совершенно портящія дѣло и даже иногда искажающія смыслъ повѣствованія?

Въ самомъ началѣ сказано, наприимѣръ, у Толстого, что сапожникъ долго собирался купить новую шубу, наконецъ собрался и пошелъ въ село, раздумывая про себя: «получу пять рублей съ мужика, приложу своихъ три—куплю овчинъ» и т. д. У г. Виско же находимъ здѣсь слѣдующую отсѣбятину: «Однажды говоритъ ему жена: доколѣ будемъ мы сидѣть *сложая руки*? Хлѣба у насъ нѣтъ, шуба вся мстрещалась... и если будемъ ждать лучшихъ дней, то совсѣмъ *погибнемъ*. Отправляйся-ка въ путь собирать долги, — авось намъ удастся купить новую шубу; вотъ тебѣ скопленные иномъ три рубля, собери еще пять—и мы *будемъ спасены!*»—У Толстого говорится только о шубѣ, а у его переводчика — о гибели и о спасеніи; въ оригиналѣ сказано только: «собрался съ утра сапожникъ въ село», а въ переводѣ вѣсто этого выдуманна и вставлена цѣлая лишняя и къ тому же бессмысленная тирада... Но за то вслѣдъ за этой самовольной *вставкой* въ книжкѣ самовольно же *опущено* переводчикомъ то мѣсто, гдѣ говорится о томъ, что было въ селѣ, т. е. о неудачныхъ попыткахъ мужика выскать свои долги, и выброшенъ совсѣмъ характерный разговоръ сапожника съ самимъ собою на обратномъ пути. Прекрасное въ бытовомъ и художественномъ отношеніи начало 3-й главы подлинника тоже отсут-

ствуешь въ нашей книгѣ; здѣсь болѣе двадцати строкъ оригинала за-
мѣнены одною фразой: «жена съ нетерпѣннѣмъ ожидала мужа»... Диалоги
всюду сокращены, спутаны, скомканы какъ-то; почти полное отсутствіе
знаковъ препинанія еще болѣе увеличиваетъ эту путаницу.

Подаются и простыя искаженія смысла. У Толстого сказано: «хотѣла (Матрена) уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось—
хочется ей зло сорвать, и узнать хочется, какой такой человекъ». Въ
переводѣ же находимъ вѣсто этого такой перлъ: «вдругъ съ ней произо-
шла перенѣна: сердце ея растаяло, какъ вода; хочется ей *исправить
то зло, которое она сдѣлала* и узнать» и т. д. (стр. 10). Здѣсь,
очевидно, переводчикъ не понялъ того, съ чего переводилъ. Слова: «полно
толковать-то!» (въ устахъ деревенскаго сапожника) г. Виско передаетъ:
«довольно философствовать!» Слово «непутевый» онъ слишкомъ ужъ бук-
вально переводитъ: «сшедшій съ пути» (вѣсто ивѣющихся по-еврейски
другихъ, болѣе опредѣленныхъ и характерныхъ выраженій); «молодецъ»
переводится «молодой витязь» и т. д.

Мы не будемъ множить доказательствъ того, какъ мало удовлетвори-
тельна эта книжка въ качествѣ перевода Толстого, не будучи въ то же
время самостоятельной работой *по* Толстому. Это ужъ, кажется, ясно изъ
вышеизложеннаго. Если опущены однѣ наиболѣе жизненные и художе-
ственные подробности, сокращены и спутаны другія, искажены третьи,—
то что же остается?—Не потому ли переводчикъ и считъ себя въ правѣ
вовсе не упоминать объ имени настоящаго автора этого произведенія?

Пожалаемъ, во всякомъ случаѣ, чтобы будущіе переводчики отече-
ственныхъ писателей на еврейскій языкъ ни въ чемъ не подражали автору
сейчасъ разобранной книжки.

תורה תורה (Хинухъ Гадасъ). *Руководство къ изученію рели-
гіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, по кодексу: «Шулханъ Арухъ,
Орахъ Хаимъ», для еврейскаго юношества. Составилъ Л. Р.
Клячко.—Часть первая: обряды и обычаи для будней.—Варшава,
1897 г.*

Въ сознаніи огромнаго большинства русскихъ евреевъ, обрядовая сто-
рона религіи имѣетъ первенствующее значеніе въ дѣлахъ вѣры и возведена
на степень самостоятельнаго, самоовлѣющаго начала Божественнаго За-
кона. Слишкомъ сложныя и многообразныя причины, о коихъ не имѣто
здѣсь распространяться, способствовали этому, т. е. тому, что чисто вѣщи-
ныя, формальные элементы вѣры—обычай и обрядъ—легли въ основу жизни

и быта народа, определять для него почти все глубокое содержаніе религіи и часто заслоняя собою другія, высшія и болѣе существенныя, догматическія стороны ея. Это крайность, конечно. Но рядомъ съ нею, — и отчасти благодаря именно ей, — выступаетъ у насъ и другая, противоположная ей крайность: полное игнорированіе и незнаніе этой формально-практической части религіи со стороны значительнаго большинства нашей интеллигенціи и въ особенности — молодого, учащагося поколѣнія, т. е. всѣхъ вообще питомцевъ русской или русско-еврейской школы, — всѣхъ выросших и вырастающихъ на исключительно русской книгѣ. Послѣдствіи этого явленія извѣстны. Оно сказывается у насъ не одною своей отвлеченно-религіозною стороною, но и болѣе осязательною и реальною, общественно-бытовою, такъ сказать, — тою рознью между «отцами и дѣтьми», которая, отражаясь на ходѣ и направленіи нашей общественной мысли, парализуетъ не одно благое начинаніе въ различныхъ сферахъ нашей жизни.

Для измѣненія такого положенія вещей, для ослабленія этой розни и ея послѣдствій, недостаточно одно лишь просвѣщеніе, «поднятіе» массы народа, а требуется также устраненіе отчужденнаго выше пробѣла въ религіозномъ воспитаніи передовой части его. Слѣдуетъ, между прочимъ, не отчуждать наше подростящее поколѣніе отъ знакомства съ вѣчными элементами вѣры, а вводить его въ кругъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, объ освященныхъ традиціей узаконеніяхъ и существенныхъ положеніяхъ нашихъ кодексовъ. Рядомъ съ исторіей евреевъ и сообщающими основы религіи катехизисомъ въ школьномъ курсѣ еврейскаго «Закона Божія» долженъ занять мѣсто и сокращенный «Шулханъ Арухъ».

На Западѣ этотъ кодексъ, приуроченный къ потребностямъ еврейской школы, не разъ переводился на отечественные языки нашихъ едино-вѣрцевъ¹, получая соответственную обработку въ качествѣ учебнаго предмета. У насъ также были сдѣланы попытки къ подобной переработкѣ свода религіозныхъ законовъ, но лишь по-еврейски (напр. г. Кулишеромъ и нѣк. др.), русскаго же перевода хотя бы части Шулханъ-Аруха по сіе время не было и, слѣдовательно, не было также возможности знакомить съ нимъ дѣтей въ школахъ, гдѣ преподавательскій языкъ русскій. Этотъ-то весьма существенный пробѣлъ въ нашей еврейско-педагогической литературѣ и восполнить нынѣ вышеназванными трудами г. Клячко, давно и

¹ Еще недавно вышелъ новый нѣмецкій переводъ 1 части Шулханъ-Аруха, сдѣланный раввиномъ Ф. Ладереромъ (Frankf. a. M., 1897 г.).

неутомимо обогащающаго эту литературу своими весьма полезными учебными руководствами.

Разсматриваемая нами книжка состоитъ изъ еврейско-раввинскаго текста и параллельнаго русскаго перевода его. Она заключаетъ въ себѣ всего 18 главъ, трактующихъ объ утреннихъ обязанностяхъ: омовеніи рукъ, о цитцисъ и тефилинъ, о благословеніяхъ, о чтеніи Шема и Торы и о различныхъ молитвахъ и въ некоторыхъ другихъ наиболее существенныхъ постановленіяхъ, обнимающихъ кругъ каждодневныхъ (кромя субботы) религиозно-еврейскихъ обязанностей будничныхъ обрядовъ. Это, конечно, не все, что изложено въ первой части Орахъ-Хайимъ объ этомъ предметѣ, а лишь небольшое извлеченіе изъ ея подавляюще-обильнаго матеріала (оригиналъ въ этихъ же предѣлахъ содержитъ болѣе 240 статей-simonim). Авторъ поэтому не совсѣмъ точно выражается, заявляя въ своемъ предисловіи, что его трудъ «представляетъ собою опытъ приведенія въ стройную систему *всѣхъ* религиозныхъ узаконеній, разъясненныхъ въ первомъ томѣ Орахъ-Хайимъ» (стр. VП), точно такъ же, какъ онъ ошибается, полагая, что этотъ же трудъ его можетъ служить руководствомъ не только для учащагося юношества, но «и вообще для лицъ, желающихъ ознакомиться съ интересующими ихъ узаконеніями еврейской вѣры» (ibid). Такое широкое, общее значеніе врядъ ли можетъ получить произведеніе г. Клячко: для сколько нибудь обстоятельнаго, детальнаго ознакомленія съ самимъ Шуханъ-Арухомъ недостаточно, пожалуй, 40 страничекъ текста этой книжки; но за то она въ значительной степени удовлетворяетъ другому, прямому своему назначенію—служить въ частности учебнымъ руководствомъ для учащихся въ школѣ и дома, а самый этотъ незначительный объемъ книги г. Клячко въ сравненіи съ столь обильнымъ матеріаломъ, представляемымъ оригиналомъ, говоритъ о томъ, что автору предстоялъ нелегкій, кропотливый трудъ извлечь все наиболее существенное изъ обширнаго свода законовъ, изложить все извлеченное отсюда въ возможно сокращенной и общедоступной формѣ и перевести это на русскій языкъ.

Въ общемъ слѣдуетъ признать, что авторъ довольно удачно справился съ своей задачей, которую выполнялъ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, т. е. такъ, какъ не очень-то часто составляются у насъ еврейскіе учебники и руководства. Мы бы хотѣли однако отиѣтить и нѣкоторые недочеты, отъ коихъ не совсѣмъ свободна лежащая передъ нами книжка. — Авторъ старался въ общемъ, какъ уже сказано, извлечь лишь наиболее существенныя постановленія Шуханъ-Аруха, а между тѣмъ въ книгу

его попали и такія правила, которыя трудно причислить къ категоріи именно наиболѣе обязательныхъ и важныхъ и которыя поэтому не такъ ужъ, пожалуй, необходимо усвоить учащемуся юношеству. Сюда мы бы отнесли, напримѣръ, законы омовенія рукъ въ такихъ случаяхъ (по прикосновенію къ обуви, къ какой-либо закрытой части тѣла и т. п.), въ какихъ это не всегда соблюдается даже особенно благочестивыми евреями далѣе,—правила о пересмотрѣ нитей-циццисъ до благословенія надъ ними (необходимость чего отрицается такимъ авторитетомъ, какъ Рошъ ¹), несущественныя и лишеныя практическаго значенія подробности о талисѣ и Арба-канфосѣ и ин. др.

Нѣкоторыя мѣста въ книжкѣ вызываютъ недоумѣніе своими несогласіемъ съ соответственными мѣстами оригинала и сбивчивостью въ изложеніи. Такъ, наприм., на стр. 43-й сказано, что можно читать «Шема» на какомъ угодно понимаемомъ языкѣ, и на стр. 49-й читаемъ: «подобно чтенію «Шема» можно и молитвы совершать на какомъ угодно понимаемомъ языкѣ (если молящійся не понимаетъ древне еврейскаго языка)». Но вѣдь выше, относительно «Шема», не было этого послѣдняго ограниченія, — слѣдовательно, выходить не совѣтъ «подобно». Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, этого ограниченія нѣтъ и въ текстѣ подлинника (см. Шуланъ-Арухъ-Оракъ-Ханиъ, ч. I, Sim 101, § 4). Повидимому, авторъ склоняется въ данномъ случаѣ лишь къ мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ (см. наприм., Mogen Awrohom въ вышеуказанномъ мѣстѣ), но почему бы не довольствоваться здѣсь авторитетомъ самого р. Юсифа Каро,—автера Шуланъ-Аруха?

Что касается русскаго перевода книжки, то хотя авторъ и заявляетъ (только въ еврейскомъ предисловіи), что переводъ «свободный», однако онъ мѣстами уже слишкомъ расходится съ еврейскимъ текстомъ. Укажемъ лишь нѣкоторые примѣры. На стр. 11-й: «для утренняго омовенія рукъ годна всякая вода (если только нѣтъ совершенно чистой)». Фраза, заключенная въ скобки, отсутствуетъ въ еврейскомъ текстѣ. По сличенію съ подлинникомъ Ш.-Аруха оказывается, что она отсутствуетъ и тамъ,—неужели же авторъ *дополняетъ* Шуланъ-Арухъ? Далѣе, на стр. 17-й: «при шелковой одеждѣ нити могутъ быть также шелковыя», а по-еврейски: «должны быть шелковыя»... Переводъ пар. 26-го гл. 5-й значительно сокращенъ противъ текста и не сообщаетъ всѣхъ правилъ, изложенныхъ въ томъ же еврейскомъ параграфѣ. Въ п. 8 гл. VIII: «если

¹ См. Mogene Erez, Sim. 8, § 9, въ Mogen Awrohom.

по слабости здоровья или другимъ уважительнымъ причинамъ желающій молиться не можетъ посѣщать молитвеннаго дома» и т. д., а въ еврейскомъ параграфѣ вмѣсто «уважительныхъ причинъ» читаемъ «матеріальныя убытки». Въ п. 23 той же главы: «не слѣдуетъ выходить безъ особой надобности изъ синагоги до окончанія *есъхъ* молитвъ», а въ текстѣ, «до молитвы «Уво Лціонъ»... И т. д. Согласитесь, что это уже слишкомъ «свободный» переводъ, могущій представить значительныя неудобства при преподаваніи.

Такія же неудобства могутъ произойти еще и отъ мѣстами неяснаго и петочнаго языка перевода. Что значитъ, напримеръ, слѣдующая фраза: «Представляю Господа предъ собою всегда» (Псал. XVI, 8)—это главное основаніе религіозно-правственнаго закона». Гдѣ же тутъ собственно *то*, что составляетъ это основаніе?—«По надѣваніи четырехконечника и по омовеніи рукъ произносятъ благословіе *Гуу Гууу Ык*»; это можетъ быть понято такъ, что это именно благословіе совершается отдѣльно и при одѣваніи четырехконечника, и при омовеніи рукъ... Или: «въ отверстіи каждаго края вдѣваются четыре нити, которыя, *сложившись по отвѣсамъ*, удваиваются».—«Тефилинъ состоятъ изъ двухъ, головного и ручного, кожаныхъ кубическихъ съ краями (полями) ящичковъ... «При вложеніи Тефилинъ» (стр. 23) ви. «возложеніи»... «Вынимаютъ Тефило, *облекаютъ* имъ переднюю часть теменя». Возлагающій Тефилинъ нѣсколько разъ въ день долженъ произносить каждый разъ *опредѣленнымъ* (какія?) благословіемъ»; здѣсь слѣдовало сказать: «установленныя для возложенія ихъ»... § 5-й гл. V изложенъ совершенно сбивчиво; такъ же изложенъ въ предшествующемъ этому парагр. порядокъ возложенія Тефилинъ; на стр. 63-й трудно догадаться, что значитъ выраженіе: «омовеніе рукъ должно совершаться помощью человѣческихъ усилій»...

Но это все частности, которыя, повѣрно, авторъ постарается исправить въ слѣдующемъ изданіи книги. Онѣ не могутъ и не должны заслонить собою несомнѣнныхъ достоинствъ этого въ общемъ полезнаго руководства, тѣмъ болѣе заслуживающаго нашего вниманія, что оно представляетъ собою первый опытъ, начало въ нощи новой области, и что извѣстно вѣдь, какъ бываетъ трудно всякое такое начало.

Як. Кацнельсонъ.

Подвижной каталогъ конторы журнала «ВОСХОДЪ».

Вновь поступившія въ редакцію книги отбѣчаются 


I. БОГОСЛОВІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Дейтшъ, Э., бібліотекаръ Британскаго музея. Талмудъ. Этюдъ. Пер. съ 7-го изданія. Изд. третье. А. Е. Ландау. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Наценелленбогенъ, С. А. Моисеево вѣроученіе для еврейскаго иношества въ 2 частяхъ и IV отдѣлахъ. Ч. I. допущенная Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для учен. евр. вѣроисповѣданія четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Ц. 1 р. 85 к., съ пер. 2 р.

— Ч. II. Ц. 1 р.

Лурье, С. Страница изъ Талмуда. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

 Манасеяча, Ю. В. Философскіе этюды. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Фиссфедеръ, Д. И. Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.,

Хвольсонъ, Д. А. Проф. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. 2-ое совершенно переработ. изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., на вел. бумагѣ 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Цигельманъ Н. Л. Законоучитель для учениковъ іуд. вѣроисповѣданія, обучающихся въ специально евр. учи-

лищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шперкъ. Метафизика мировыхъ процессовъ Основы. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

II. ИСТОРІЯ.

Бершадскій, С. А. Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. т. I. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ (1888—1850). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.—Т. II. Документы и регесты къ ист. лит. евреевъ (1850—1869). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Белякъ и Бранъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени т. I—восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца гаоновъ) въ переработкѣ и дополненій съ прибавленіемъ изданія исторіи польско-русскихъ евреевъ С. Ш. Дубнова.

— Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени, т. II—Западный періодъ—(отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней), въ переработкѣ и дополненій съ прибавленіемъ оригинальнаго изданія исторіи польско-русскихъ евреевъ С. М. Дубнова. Цѣна каждаго тома отдѣльно 2 р., за оба тома вѣсть 3 р. 50 к.

Градовскій, Н. Д. Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси.

Часть I. Мотивы историко-національныя. Съ точки зрѣнія русско-православной. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гретцъ, Г. проф. Исторія евреевъ. Т. V. Отъ времени заключенія Талмуда (500 г.) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027 г.). Пер. со 2-го нѣм. изданія 1871, съ прибавленіями. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Исторія евреевъ. Т. X. Отъ эпохи голландскаго Иерусалима до паденія франкистовъ. 1618—1760 г. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Я. Гаркави. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дубиновъ, С. М. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.
Карпелесъ, д-ръ Густавъ. Исторія еврейской литературы отъ начала библейской эпохи до нашихъ временъ. Переводъ подъ редакціею и съ приращеніями доктора восточныхъ языковъ А. Я. Гаркави. Цѣна 6 р. Для подписчиковъ «Восхода» — 5 р. съ персылкой.

Флисфедеръ, Д. И. д-ръ. Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

III. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Арефа, Н. И. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о правѣ евреевъ на жительство и производство торговли въ Россійской имперіи, съ сенатскими и министерскими разъясненіями, изданіе второе. Цѣна 1 рубль.

Зейберлингъ I., д-ръ философіи. Противъ «книги Кагала» Брафмана. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Моддерманъ, В., проф. Рецепція римскаго права. Пер. съ нѣм. А. Ка-

нинка, подъ ред. проф. С.-Петербургскаго университета Н. Л. Дювернуа. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Моргулясъ, М. Г. О давности владѣнія недвижимостью по Талмудскому праву. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Мышь, М. И. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Ц. 2 р. 70 к. съ пер. 3 р. 50 к.

Оршанскій, И. Г. Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Риль, В. Г. Гражданское общество. Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Шерешевскій, И. И. О книгѣ Кагала. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

IV. ВЕЛЕТРИСТИКА.

Антаровъ, И. В. Изъ моихъ воспоминаній. Евреи и жиды. Очеркъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Дѣвичьи сны. Повѣсть. Ц. 1 г., съ пер. 1 р. 25 к.

Бернштейнъ, А. Повѣсти. Мендель Гибборъ. Фейгеле Магидъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Bogrow, G. I. Memoiren eines Juden. Zwei Theile. Aus dem Russischen übersetzt von M. Ascharin. Цѣна за обѣ части (вмѣсто 4 руб.) 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Идется только на нѣмецкомъ языкѣ. Русское изданіе «Записки Еврея» идется лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и стоитъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Гаррисъ, Э. М. Заблудшія. Романъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Генкель Г. Р. Садія Гаонъ, біографическій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.

Герцбергъ-Френкель, А. Польскіе евреи. Разказы, очерки и картины. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Еврейскіе классики въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга (съ привѣчаніями и біографіями).

Вып. I. Гете.—Вып. II. Шекспиръ.—Вып. III. Мольеръ.—Вып. IV. Данте.—Вып. V. Шиллеръ.—Вып. VI. Шериданъ.—Вып. VII. Софокль.—Вып. VIII. Байронъ. Цѣна каждого выпуска 50 к., съ пер. 60 к.

Леванда, Л. О. Очерки Прошлаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Левин, Эми. Рубежъ Саксъ. Романъ изъ жизни лондонской еврейской аристократіи. Перев. Э. А. Русаковой. Ц. 75 к.

Мандельштамъ, I. Жемчужины тургеневской поэзіи и прозы. Ц. съ пер. 25 к. (вмѣсто 75 к.).

Мордовцевъ, Д. Л. Великій расколъ. Ист. романъ, въ 2 частяхъ. Изд. 2-ое. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

— Жертвы вулкана. Ист. романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

— Между Сциллой и Харибдой. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Неглуховскій, Ф. К. Современное. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ормешно, Элиза. Маргала. Ист. повѣсть. Пер. съ польскаго А. И. Онуфровича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, О. А. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Каждый томъ отдѣльно 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Ротманъ, В. Въ духѣ времени. Романъ изъ современной жизни. Пер. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Филиппсонъ, Л. Яковъ Тирадо. Ист. романъ. Пер. П. Вейнберга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. Ц. 1 р. 75 к.

Французъ, К. Э. Повѣсти и рассказы. Пер. подъ ред. Петра Вейн-

берга. Содержаніе: I. Шейлокъ изъ Барнова.—II. Дитя искупленія.—III. Баронъ Шмуль.—IV. По закону высшему.—V. Эстерка Регина.—VI. Ликъ Христа.—VII. Два Спасителя.—VIII. Безъ надписи.—IX. Изъ-за яйца.—X. Черный Авраамъ.—XI. Народный судъ.—XII. Шиллеръ въ Барновѣ.—Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Мельпомена. Трагическая исторія. Пер. П. Вейнберга. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

— Юднень Трахтенбергъ. Повѣсть, пер. А. Г. Каррикъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ вязан. переп. 1 р. 35 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Сендеръ Глатейзъ. Романъ въ пяти книгахъ изъ евр. народной жизни. Ц. 2 р. 50 к.

Шекспиръ. Гамлетъ, принцъ датскій 2-е испр. изданіе. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Месковского. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

— Отелло, негръ венеціанскій. Съ предисловіемъ и антикритикой. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Месковского. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Эберсъ, Г., проф. Инсусъ Навинъ. Романъ изъ библейской эпохи, пер. С. О. Дивировскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Янтарева, Р. А. Мараны (изъ временъ испанской инквизиціи). Повѣсть для юношества. Ц. 75 к.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Выходцы изъ Межеполя. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

V. ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. М. Брамсонъ. Поѣздка въ южно-русскія колоніи. Ц. 25 к.

Герцля Теодора. Еврейское государство. (Опыт современнаго рѣшенія еврейскаго вопроса), переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 50 коп.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. Безпристрастный взглядъ индивида. Цѣна 10 коп.

Канторъ, Л. Подвиги дилетантизма. Отповѣдь псевдоученому памфлетисту. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Кулишеръ, Г. М. Итоги Надежды и ожиданія русскихъ евреевъ за послѣдніе 50 лѣтъ (1838—1888). Часть I ая. Цѣна 50 коп.

Лавинъ, Е. Настоящее и будущее еврейской колонизаціи въ Аргентинѣ. (Докладъ, читанный въ Центральномъ комитетѣ Евр. Кол. Общества Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Леруа-Болье, А. Евреи и Антисемитизмъ, пер. Э. К. Ватсона и Г. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Лурье, С. Пятикнижіе и новѣйшій антисемитизмъ. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Манасевичъ. Націонализмъ и космополитизмъ. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 коп.

— О консервативн. и прогрессивн. началахъ. Цѣна 50 коп., съ пер. 60 коп.

Моргулисъ, М. Г. Вопросы еврейской жизни. Собраніе статей. Ц. 2 р., 10 к. (вмѣсто 3 р.).

Оршанскій, И. Г. Евреи въ Россіи. Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Прайсъ, Г. М. Русскіе евреи въ Америкѣ. Очерки изъ исторіи, жизни и быта рус. евр. эмигрантовъ въ Сѣв. Америкѣ (1881 — 1891 г.) Цѣна 1 рубль.

Протопоповъ, В. И., протоіерей. Объ употребленіи евреями христіанской

крови для религиозныхъ цѣлей. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Scharif, H. A. Tragikomisches aus dem Leben. Ц. 25 к., (вмѣсто 75 к.) съ пер. 35 к.

VI. ГИГИЕНА-ПЕДАГОГИКА.

Брамсонъ, Л. М. Къ исторіи начальнаго образованія евреевъ въ Россіи. Цѣна 40 коп.

Ганъ, И. К. Надо-ли бояться грома и молніи? Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— Правила и программа для поступающихъ въ приготовительный классъ гимназій и прогимназій въ домства мнн. народ. просвѣщенія. Ц. 10 к.

— Тетради для грамматическаго разбора, № 1. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 2. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 1 и № 2 вмѣстѣ Ц. съ пер. заказн. 25 к.

— Знаки препинанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Спутникъ правописанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Толкователь газетъ и журналовъ. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

— Полный словарь буквѣнъ Ъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Май, Карлъ. Самоучитель англійскаго языка. Краткое руководство къ изученію англійскаго языка, содержащее въ себѣ: грамматику, разговоры и пр. Съ 13-го значительно дополненнаго нѣм. изд. перевелъ И. М. Ш. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

Месковскій, А. Американская система обученія иностраннымъ языкамъ д-ра Ричарда С. Розенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія. 1) Образцовый самоучитель французскаго языка. Цѣна

пространному изданію 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедоступное изданіе 75 к. съ пер. 1 р. 2) Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Цѣна полному курсу 3 р., съ перес. 3 р. 40 к. 1-й выпускъ 40 к., съ пер. 50 к. 3) Образцовый самоучитель англійскаго языка. Вышелъ 1-й выпускъ (отдѣльно не продается). Подписная цѣна на полный курсъ изъ десяти выпусковъ 3 р., съ пер. каждаго выпуска заказ. 4 р.

Mieskowski's Lehrbuch zur praktisch-theoretischen Erlernung der russischen Sprache. Preis 3 Rub.

Плннусъ, проф. Гигіена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ. Изданіе 3-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Vragsen, Alfred, d-г. Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ нѣм. пер. и дополненья А. Казарновскій. Съ 27-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Искусственные зубы. Популярное изложенье болѣзней зубовъ и десенъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Титинеръ. Ветеринарный врачъ Рѣзка домашнихъ животныхъ и птицъ по еврейскому обряду. Ц. 50 к. съ пер.

VII. СБОРНИКИ, СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Еврейская Библіотена. Историко-литературный сборникъ. Изданіе А. Е. Ландау. 8 томовъ, I, II и III томы вышли *сторымъ изданіемъ*. Ц. каждому тому 2 р. 50 к., всѣмъ 8 томамъ вмѣстѣ 16 р., съ пер.

Каганъ, И. Е. Новый законъ о мелаедагъ. Съ позднѣйшими разъясненіями М. Н. П. съ приложеніемъ относящ. къ нему статей уло-

женія о нак. и формы прошеній о выдать свидѣтельства на званіе мелаеда. Ц. 15 к., съ пер. 20 к., заказнымъ 25 к.

Д-ръ Кноллеръ. Краткій курсъ грамматики древне-евр. языка, обработка Г. Генкель. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина, ч. III. Ц. 75 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для зубныхъ врачей, дантистовъ и учениковъ, съ указаніемъ официальныхъ изданій, и краткій медицинскій латино-русскій словарь. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Саронъ. Сборникъ исторіи, литературы и общественной жизни. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Ц. съ пер. 3 р. Изданіе Общества распр. проsv. между евреями въ Россіи.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскоиъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по Декабрь 1889 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Слюзбергъ, I. Русскія биржевыя дивидендныя бумаги. Необходимыя свѣдѣнія объ акціяхъ и пакахъ, котированныхъ на С.-Петербургской, Московской, Варшавской, Кіевской, Рижской и др. фондовыхъ биржахъ. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уставъ гражданскаго судопроизводства и Правила о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ Земскимъ Начальникамъ и Городскимъ Судьямъ. Съ приложеніемъ таблицы сро-

ковъ, алфавита, образцовъ прошеній и краткаго наставленія къ веденію гражданскихъ дѣлъ. Ц. 1 р. 25 к.

Экономная хозяйка. Какъ нужно питаться.—Хирургическій разборъ състныхъ припасовъ.—Рецепты кушаній,

и вышивковъ—Полезныя свѣдѣнія по части чистки кружевъ, матерій, посуды и пр.—Гигіена кожи лица и рукъ. Сост. А. Суворова. Ред. врачъ И. И. Гончаровъ. Цѣна 75 коп., съ пер. 90 к.

Прим. Подписчики «Восхода» за пересылку не платятъ, а прибавляютъ лишь на заказъ 10 к. на каждую посылку, не превышающую 4-хъ фунтовъ.

ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ

„ВОСХОДА“

1881—1896 гг.

ПРОДАЮТСЯ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО Пониженнымъ ЦѢНАМЪ:

| | | | | | |
|-----------------------------------|---|----|----|----|-----------------|
| «Восходъ» за 1881 г. полный . . . | 2 | р. | 50 | к. | БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ: |
| » » 1883 » . . . | 2 | » | 50 | » | » |
| » » 1884 » I—VII вкл. 1 | » | » | 50 | » | » |
| » » 1885 » I—VIII » 1 | » | » | 50 | » | » |
| » » 1886 » безъ III кн. 2 | » | » | 25 | » | » |
| » » 1887 » IV—XII вкл. 1 | » | » | 50 | » | » |
| » » 1888 » полный . . . | 2 | » | 50 | » | » |
| » » 1889 » IV—XII вкл. 2 | » | » | — | » | » |
| » » 1890 » IV—XII » 2 | » | » | — | » | » |
| » » 1891 » полный . . . | 4 | » | — | » | СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ: |
| » » 1892 » . . . | 5 | » | — | » | » |
| » » 1893 » . . . | 5 | » | — | » | » |
| » » 1894 » . . . | 6 | » | — | » | » |
| » » 1895 » . . . | 6 | » | — | » | » |
| » » 1896 » . . . | 6 | » | — | » | » |

Всѣ эти годы выстъ за 36 р. (ви. 50 р. 50 к.) безъ пересылки.

За пересылку налагается платежъ, смотря по ея стоимости на почтѣ или желѣзной дорогѣ. При выпискѣ должны быть посланы всѣ деньги (за исключеніемъ стоимости пересылки). Выписка СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Отдѣльныя книжки: 1881—1889 гг. по—р. 50 к. съ пересылкой.

| | | | |
|-----------------------|----|---|---|
| » » 1891—1892 » »—» | 75 | » | » |
| » » 1893—1896 » » 1 » | — | » | » |

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|--|-----|
| I. ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ДРЕВНИХЪ ЕВРЕЕВЪ. (Къ исторіи развитія устнаго ученія). Д-ра Л. Каценельсона . | 3 |
| II. ИЗРАИЛЬ ВЪ СТРАНѢ НЕГУСА. Гр. Л. | 19 |
| III. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. С. О. Ярошевскаго. | 30 |
| IV. КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ И РУСИ ВО- ОБЩЕ И ВЪ ПОДОЛИИ ВЪ ЧАСТНОСТИ. (Чтано въ историко- филологическомъ обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ князя Вес- бородко). И. В. Галанта. | 52 |
| V. АНТИСЕМИТИЗМЪ. (Статья А. Леруа-Волье). Перев. С. Федоро- вичъ | 70 |
| VI. МЕССИАНИДА. Стихотвореніе. С. Г. Фруга | 92 |
| VII. ПО ТЕПЛОМУ ТЕЧЕНІЮ. Современныя картины. Ю. Г-на. | 94 |
| VIII. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ СОЛИМА. Стихотвореніе. О. Чюминой | 111 |
| IX. ПѢВЕЦЪ. Стихотвореніе. О. Чюминой | 112 |
| X. ИУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Іосифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи). | |
| СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ: | |
| XI. РАВВИ И. Э. СПЕКТОРЪ. С. Г—ъ | 1 |
| XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. ЖАРГОННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ С. Г. ФРУГА. « <i>לדער זינגער פון די זעלבן זעלבן</i> », «Лидеръ унз кедан- кенъ», т. е. «Пѣсни и думы», С. Фруга. Одесса, 1896 г. 160 стр. С. Г—ъ | 15 |

XIII. ВИБЛІОГРАФІЯ:

- 1) «קהל משה». רשימת כל הספרים העבריים הנמצאים באספת-פרידלאנד, ערוכה
 בסדר א"ב מאת שמאאל וינער. (*Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae asservatorum. Opera et studio Samuelis Wiener. Fasc. I — III* (א, ב, ג et ד). *Petropol, 1893—1897*). 24
- 2) «Новый Моисей». Романъ въ двухъ частяхъ, изъ современной
 русско-еврейской жизни. Н. Пружанская. Спб. 1897 года
 (281 стр.). С. Г—ъ. 28
- 3) «המלאך» (Михоэль Гамалахъ). Архангелъ Михаилъ.
 Сказка для дѣтей. А. Л. Биско.—Вильна 34
- 4) «הנך הדת» (Хинухъ Гадасъ). Руководство къ изученію рели-
 гіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, по кодексу: «Шулханъ Арухъ,
 Орахъ Хаимъ», для еврейскаго юношества. Составилъ Л.
 Р. Клячко.—Часть первая: обряды и обычаи для будней.—
 Варшава, 1897 г. 36

XIV. Подвижной каталогъ конторы журнала «ВОСХОДЪ».

XIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4613

Издаваемый А. Е. Ландау.

Сентябрь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра. 2.

1867.

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

—
XI¹.

Мункинъ на этотъ разъ тоже остался недоволенъ результатами переговоровъ съ Харнасомъ. Хотя самолюбіе не позволяло ему сознаться въ томъ, что соперничество молодого Бейма представляется довольно опаснымъ, тѣмъ не менѣе онъ не могъ совладать съ охватившимъ его безпокойствомъ и это еще больше его волновало. Мункинъ почему-то былъ увѣренъ, что онъ обладаетъ твердымъ характеромъ и сильной волей и что разъ намѣченная имъ цѣль должна быть имъ непременно достигнута. Въ этомъ убѣжденіи отчасти утверждали его сложившіяся обстоятельства его жизни. Происходя изъ достаточной семьи, Мункинъ въ дѣтскіе и отроческіе годы не зналъ нужды. Кромѣ того, родители его были чужды религіознаго фанатизма и потому сразу повели воспитаніе сына въ духъ времени. Но ужъ къ концу гимназическаго курса, обстоятельства круто измѣнились. Отецъ Мункина внезапно умеръ, дѣла остались запутанными и быстро пошли къ упадку, и Мункину пришлось не только думать о себѣ, но и позаботиться о семьѣ, которая осталась безъ всякихъ средствъ. Многие совѣтовали ему бросить ученіе и поступить на службу, тѣмъ болѣе, что нашлись друзья, которые готовы были ему помочь въ присканіи занятій. Но въ Мункинѣ заговорили гордость и самолюбіе, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало кончить курсъ. Въ безпечномъ и легкомысленномъ юношѣ вдругъ проявились качества его расы — смелость, практичность и умѣніе пользоваться обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Эти качества сослужили ему

¹ „Восходъ“, кн VIII, 1897 г.

неоцѣнимую услугу и спасли его отъ необходимости бросить ученіе. Въ университетѣ эти качества еще больше развернулись и разцвѣли, и Мункинъ вполне умѣлъ ими пользоваться для своихъ цѣлей, располагая къ себѣ тѣхъ, въ комъ онъ хоть сколько нибудь нуждался и незамѣтно отворачиваясь отъ тѣхъ, кто пересталъ быть для него полезнымъ. Пройдя суровую школу и вынырнувъ изъ готовой его поглотить бездны, исключительно благодаря лишь умѣнью пользоваться людскими слабостями, Мункинъ естественно выработалъ въ себѣ отрицательное міровоззрѣніе. Онъ не вѣрилъ ни въ какіе идеалы и смѣялся надъ возвышенными стремленіями. Къ религіи онъ былъ совершенно индифферентенъ и если онъ, несмотря на неудобства, сопряженныя съ пребываніемъ въ іудействѣ, все таки формально не измѣнялъ религіи своихъ предковъ, то лишь потому, что онъ отъ этой перемѣны не ждалъ особенныхъ выгодъ. Единственно, что Мункинъ признавалъ, это внѣшній успѣхъ, какимъ бы путемъ и какими бы средствами онъ бы ни достигался. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сознательно сталъ относиться къ явленіямъ окружающей жизни, онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что не внутреннія достоинства человѣка доставляютъ ему необходимую долю земного счастья, но скорѣе грубая сила, деспотизмъ и крайній эгоизмъ. Онъ на себѣ это испыталъ, и если бы онъ поддался увлеченіямъ разными вздорными тенденціями, если бы онъ не нырялъ съ такой ловкостью среди валовъ житейскаго моря, то онъ бы, можетъ быть, теперь былъ приказчикомъ или мелкимъ торговцемъ и не смѣлъ бы выѣхать изъ черты осѣдлости. А теперь онъ, вопреки всѣмъ и всему, полноправный человѣкъ, и всякій вправѣ будетъ считать его глупцомъ, если онъ не съумѣетъ извлечь должной пользы изъ своего положенія. Слыть глупымъ, давать себя обойти, не умѣть пользоваться обстоятельствами, этого болѣе всего боялся Мункинъ и въ этомъ заключалась вся его философія жизни. Онъ въ сущности велъ оборонительную войну противъ всего міра и каждую минуту былъ готовъ защищать себя и завоеванное имъ положеніе всѣми способами. Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ орудій самообороны Мункинъ признавалъ деньги, и онъ стремился къ ихъ пріобрѣтенію съ тѣмъ напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, какое только замѣчается у людей съ страст-

нымъ темпераментомъ и болѣзненно развитымъ самолюбіемъ. Эта страстность и интенсивность желаній не давали однако Мункину возможности выжидать и идти естественнымъ путемъ къ намѣченной цѣли. Женитьба на богатой дѣвушкѣ казалась Мункину самымъ лучшимъ средствомъ упрочить свое положеніе и занять подобающее ему мѣсто въ обществѣ. Этотъ планъ онъ легѣвалъ со дня окончанія курса и въ особенности носился съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ К***. И вдругъ на его пути встрѣчается препятствіе. Неужели этотъ маменькинъ сынокъ, этотъ пустой франтъ съ парикмахерской наружностью можетъ быть соперникомъ ему, Мункину, умъ и проницательность котораго признаютъ всѣ. А Роза... Неужели эта дѣвушка, глаза которой свѣтятся такой серьезностью, предпочтетъ ему Бейма. Но почему? Не потому-ли, что онъ богатъ? И помимо собственной воли, въ силу лишь процесса мышленія, Мункинъ снова пришелъ къ исходной точкѣ своей философіи.

Эпизодъ съ Беймомъ, даже еще не провѣренный, существующій лишь какъ одно предположеніе, вмѣсто того, чтобы направить его мысли въ другую сторону, послужилъ ему лишь однимъ доказательствомъ, что онъ правъ. Съ Беймомъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и послѣдній считалъ себя даже его другомъ, хотя Мункинъ вообще дружбы не признавалъ. Но такъ какъ онъ эту дружбу считалъ для себя полезной, то и не отвергалъ ея и поддерживалъ, насколько это было въ его интересахъ. Поэтому ему не трудно было привести въ исполненіе тотъ планъ, который только что возникъ у него въ головѣ. Прежде всего ему необходимо было убѣдиться, насколько вскользь брошенное замѣчаніе Харнаса вѣрно и дѣйствительно ли Беймъ имѣетъ виды на Розу Майгольдъ. Затѣмъ онъ постарается выѣдать у Розы, какъ она смотритъ на домогательства Бейма. А ужъ остальное придетъ само собой, и обстоятельства покажутъ, какъ ему слѣдуетъ поступать. Остановившись на этомъ планѣ, Мункинъ немедленно же рѣшилъ привести его въ исполненіе и съ этой цѣлью отправился къ Беймамъ. Но на полъ-дорогѣ онъ увидѣлъ хорошо знакомыя ему дрожки на резинахъ, мчавшіяся ему на встрѣчу. Беймъ тоже замѣтилъ его и велѣлъ кучеру остановиться.

Мункинъ счелъ болѣе политичнымъ умолчать о томъ, что онъ хотѣлъ его видѣть, и все свелъ на случайную встрѣчу.

— Куда вы мчитесь на своихъ резинахъ? — спросилъ онъ, съ добродушной усмѣшкой оглядывая съ иглочки одѣтаго молодого человѣка, такого изящнаго и красиваго на видъ, что ему даже завидно стало.

— О, дѣла, дѣла!.. Вы не знаете, какая масса дѣлъ, — торопливо проговорилъ Беймъ. — Да и у васъ ихъ не мало. Говорятъ, отъ клиентовъ у васъ отбоя нѣтъ.

— Охота вамъ повторять шаблонныя слова. Я, слава Богу, жениться не собираюсь, чтобы мнѣ нужно было распускать о себѣ такіе слухи.

Беймъ подозрительно смотрѣлъ на него.

— Вотъ какъ, — проговорилъ онъ, на особый ладъ растягивая слова. — А я думалъ...

— Что я буду вашимъ соперникомъ? О, успокойтесь на этотъ счетъ. Но я васъ задерживаю, простите.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я очень радъ, что встрѣтился съ вами. Вы въ послѣднее время стали рѣдко показываться.

— Дѣла, — съ затаенной ироніей проговорилъ Мункинъ.

— Да ну ихъ! — сдѣлавъ энергическій жестъ руками, воскликнулъ Беймъ. — Надоѣли мнѣ эти дѣла. Знаете что, зайдѣмте на полчаса въ кафе. Тамъ поговоримъ по душѣ. Посмотрите, какая чудная погода, т. е. жара несносная, — поправился онъ смѣясь. — А въ кафе прохладно.

— И хорошенькая продавщица, — подмигнулъ Мункинъ. — Что же, согласенъ, только съ однимъ условіемъ: отошлите подалше ваши «резины».

— А что?

— Не люблю я ихъ. Мнѣ все будетъ казаться, что вы спѣшите на биржу или туда, куда вы все ѣздите.

Беймъ ловко соскочилъ съ дрожекъ и, шепнувъ что-то кучеру, важно сидѣвшему на козлахъ, пошелъ рядомъ съ Мункинымъ по нагрѣтому асфальтовому тротуару, между двухъ рядовъ деревьевъ, которыя равными шпалерами тянулись по обѣимъ сторонамъ широкой улицы.

Несмотря на эту аллею и на недавнюю поливку, воздухъ

быть точно раскаленъ, и Беймъ, не любившій ходить пѣшкомъ, почувствовалъ, какъ у него въ горлѣ пересохло отъ жары.

— Однако убійственно жарить,—проговорилъ онъ, обмахиваясь шляпой.

— Ну, не раскисайте, — ободрялъ его Мункинъ. — Вотъ и кафе скоро, а тамъ и продавщица.

— Чортъ съ ней, въ такую жару не до продавщицы. Да и вообще у меня теперь не то въ головѣ.

Мункинъ бросилъ на него испытующій взглядъ.

— Съ какихъ это поръ мы стали серьезны? — спросилъ онъ шутя.

— Съ какихъ поръ? Да погодите, я вамъ расскажу. Дайте только горло смочить, а то я совсѣмъ говорить не могу.

Въ это время они подошли къ кафе, или скорѣе, къ широкой террасѣ подъ навѣсомъ, на которой среди кадокъ съ экзотическими растеніями было разставлено много столиковъ, за которыми то тамъ, то здѣсь сидѣли группы посѣтителей. Одни пили шоколадъ, другіе сельтерскую воду и всѣ почти держали въ рукахъ газеты. Въ этотъ часъ посѣтителей было сравнительно немного и Мункинъ и Беймъ легко нашли свободный столикъ въ самомъ углу террасы, гдѣ было побольше тѣни. Уголивый лакей съ салфеткой подъ мышкой, знавшій вкусы молодого франта, скоро принесъ цѣлый подносъ съ прохладительными напитками и двѣ порціи фруктоваго мороженнаго.

— Ну, теперь, я могу говорить,—сказалъ Беймъ, осушивъ до дна хрустальный стаканъ.

— А я могу слушать,—не торопливо глотая изъ своего стакана, проговорилъ Мункинъ.

— Вы, кажется, сказали, что не желаете быть моимъ соперникомъ?

— Прежде всего точность въ словахъ и выраженіяхъ,—поставивъ стаканъ на столъ, сказалъ Мункинъ.—Я не говорилъ, что не желаю быть вашимъ соперникомъ. Это значило бы себя же самого уличить во лжи.

— Простите, можетъ быть я не такъ васъ понялъ,—нерѣшительно замѣтилъ Беймъ.

— Немножко не такъ. Это, впрочемъ, все равно. Поправка моя имѣетъ цѣлью доказать, что особа, которая заставила васъ перемѣнить взглядъ на продавщицу этого кафе...

— Вы ее знаете,—весь зардѣвшись, какъ молодая дѣвушка, сказалъ Беймъ.

— Ого! эта парикмахерская кукла въ самомъ дѣлѣ, какъ будто даже влюблена,—не безъ досады подумалъ Мункинъ и, подставивъ свой стаканъ Бейму, громко сказалъ:

— Если бы я даже и не зналъ, то мнѣ не трудно было бы догадаться. Скажите, вы серьезно задумали жениться?

— Совершенно серьезно,—торжественнымъ голосомъ, точно онъ произносилъ клятву, сказалъ Беймъ.

— Съ вѣдома, конечно, вашихъ родителей?

— Вы забываете, что я человѣкъ самостоятельный и современный.

— Одно другому не мѣшаетъ. Если я вадумаю жениться, я безъ Харнаса шагу не сдѣлаю.

— Позвольте вамъ не повѣрять,—неувѣреннымъ тономъ и недовѣрчиво глядя на адвоката, проговорилъ Беймъ.

— Я говорю совершенно серьезно и безъ рисовки.

— Но почему же?

— Во-первыхъ потому, что традиція слишкомъ серьезная штука, чтобы ее можно было игнорировать даже намъ, современнымъ, какъ вы выразились. Мы бы не были семитами, если бы мы не были приверженцами традицій. По моему, семитъ и традиція синонимы.

— Я протестую,—воскликнулъ Беймъ.—Предъ вами человѣкъ, который не признаетъ традицій вообще, и въ данномъ случаѣ въ особенности. Если уже хотите знать, то я прямо прогналъ Харнаса.

Мункинъ зло усмѣхнулся.

— Значить, косвенное вмѣшательство все-таки было.

— Куда этотъ нахаль не суется. Не моя въ этомъ инициатива и могу смѣло сказать—даже не инициатива моихъ почтенныхъ родителей.

— Пусть такъ,—сказалъ Мункинъ.—Буду думать, что вы составляете въ этомъ отношеніи исключеніе, хотя не знаю, почему вы такъ протестуете.

— Потому, что это не современно.

— Оставимъ современность въ сторонѣ. Я еще не окончилъ своей мысли. Значить, во-первыхъ. Это я уже впрочемъ, объ-

яснилъ, а во-вторыхъ, какъ вы думаете,—можемъ-ли мы, семиты, къ какому бы слою общества мы ни принадлежали, позволить себѣ такую роскошь, какъ любовь безъ всякой примѣси расчета. Подумайте, какая участь ждетъ наши будущія семьи. Мы люди, которыхъ ограничили во всемъ, которымъ даже воздухъ и небо отмежеваны нашими благодѣтелями и опекунами, какъ же мы можемъ быть такими легкомысленными и доверяться лишь одному чувству? Чувство пройдетъ или остынетъ и останутся лишь однѣ заботы и угрызения и боязнь за будущее вашей семьи и дѣтей. Будь мы такъ же свободны, какъ и всѣ люди, если бы надъ нашими головами не висѣлъ Демокловъ мечъ и въ нашихъ ушахъ ежеминутно не раздавалось бы *mento mori*, т. е. попросту: помни, что ты семитъ,—о, тогда я бы первый взялъ лиру въ руки и сталъ бы слагать пѣсни любви. Правду-ли я говорю?

— Сущую правду,—согласился Беймъ.

— Такъ почему же вы прогнали Харнаса?

Беймъ смутился.

— Почему я прогналъ Харнаса? Да ужъ самъ не знаю, почему. Нѣтъ, позвольте. Я знаю, почему я его прогналъ.—И приблизившись къ Мункину, онъ тихо проговорилъ: — а потому, что если бы я прямо послалъ Харнаса къ Майгольдамъ, ему бы показали дверь, и я бы навсегда потерялъ надежду сдѣлаться мужемъ Розы.

При послѣднихъ словахъ Бейма, Мункинъ поблѣднѣлъ и углы его тонкихъ и сжатыхъ губъ едва замѣтно задрожали. Но онъ сдержалъ себя и спокойно спросилъ:

— А теперь?

— Теперь Роза, конечно, будетъ моей женой,—съ сіяющей улыбкой проговорилъ Беймъ.—Какія же могутъ быть препятствія, посудите сами. Родители Розы богаты.

— Но Роза сама какъ смѣтритъ на это, на этотъ союзъ сердець?—не будучи въ состояніи владѣть собою, проговорилъ Мункинъ.

Беймъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на адвоката.

— То-есть какъ... какъ же ей смѣтритъ...

— Вы объяснялись съ ней? Она дала вамъ ужъ свое согласіе?—чуть не закричалъ Мункинъ.

— Вы слишкомъ нетерпѣливы, мой другъ, — добродушно расхохотался Беймъ. — Вы забываете, что Роза еще не такъ давно вернулась изъ за границы, что она еще не успѣла осмотрѣться. Но главное, могу васъ увѣрить, сдѣлано.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ поздравить, — съ ядовитой усмѣшкой сказала Мункинъ. — Надѣюсь, когда вы объяснитесь съ Розой и получите ея согласіе, вы мнѣ первому, какъ вашему другу, сообщите объ этомъ.

— Почту за счастье. Надѣюсь, это будетъ скоро. — Оба друга замолчали. Беймъ съ жадностью челоуѣка, котораго томить жажда, глоталъ студеную влагу изъ своего стакана, а Мункинъ меланхолически курилъ сигару, слѣдя въ то же время за уходившими и вновь приходившими посѣтителеми, которые мѣнялись, точно картинки въ калейдоскопѣ.

Вдругъ онъ нагнулся къ Бейму и, указывая глазами на проходившаго мимо ихъ господина, спросилъ:

— Это кто?

Беймъ оторвалъ свои глаза отъ стакана и, взглянувъ въ ту сторону, куда указывалъ Мункинъ, проговорилъ:

— Вотъ этотъ, что вошелъ въ кафе? Развѣ вы его не знаете. — И понизивъ голосъ такъ, чтобы никто изъ сосѣдей не слышалъ, онъ проговорилъ: — Да это Бланкъ, сынъ служанки...

— Которая живетъ у Майгольдовъ? — въ свою очередь съ живымъ интересомъ спросилъ Мункинъ.

— Да, конечно.

— Вы съ нимъ знакомы?

Беймъ сдѣлалъ брезгливую гримасу.

— То есть какъ знакомы? Знаю его, встрѣчалъ у Майгольдовъ.

— И разговаривали съ нимъ?

— Почти не приходилось. Кажется, онъ большой педантъ.

— Но въ домѣ Майгольдовъ его принимаютъ? — продолжалъ допрашивать Мункинъ.

— Что значить принимаютъ? Конечно, передъ нимъ дверей не закрываютъ.

— Я васъ не о томъ спрашиваю, — нервно, почти грубо, оборвалъ его Мункинъ. — Вы, конечно, и безъ объясненій, понимаете, что значить «принимать».

— Какъ напимѣрь меня и васъ?

— Ну хотя бы такъ, если вамъ угодно.

— Не думаю. Не забудьте, кто онъ.

— Не забудьте также, что онъ извѣстный ученый,—въ тонъ Бейму проговорилъ Мункинъ.—Вы конечно, его трудовъ не читали...

— Слыхаль,—конфузливо проговорилъ Беймъ.

— Слыхать еще не значитъ читать... А то бы вы иначе судили. Вѣдь это настоящее свѣтило науки...

— Конечно, конечно... Я это знаю. Я даже съ сестрами спорилъ... Мы ждемъ его визита.

Мункинъ посмотрѣлъ на красивое, выхоленное лицо молодого человѣка, и лукавая улыбка искривила его тонкія, алыя губы.

— Того и гляди, еще Харнаса пришлетъ къ вашей матушкѣ для переговоровъ...

— Вы знаете, что двери нашего дома закрыты для Харнаса,—съ апломбомъ сказала Беймъ.

— Парадныхъ...

Это замѣчаніе, сказанное съ тонкой ироніей, привело въ совершенное замѣшательство Бейма. Онъ не зналъ—обидѣтся ли ему и отпарировать чѣмъ нибудь пущенную по его адресу насмѣшку, или проглотить пилюлю и сдѣлать видъ, что онъ не понялъ намека. Но Мункинъ не далъ ему времени придти къ какому нибудь окончательному рѣшенію и, бросивъ на столъ бумажку, всталъ.

— Куда же вы... Посидимъ еще. . Да и платить то не вамъ.

— Ну, какіе же между нами счеты... А идти пора... Дѣла ждутъ... И вдругъ, нагнувшись къ Бейму, онъ проговорилъ:

— Такъ по вашему его не особенно хорошо принимаютъ у Майгольдовъ?

— Кого его?

— Тише, вотъ онъ идетъ.

Дѣйствительно, мимо нихъ прошелъ Бланкъ. Беймъ вначалѣ хотѣлъ поклониться, но потомъ раздумалъ, тѣмъ болѣе, что Бланкъ не смотрѣлъ въ его сторону. Теперь онъ былъ доволенъ, что онъ во-время удержался отъ излишней любезности и съ прежнимъ апломбомъ и увѣренностью проговорилъ:

— Ну, конечно... Роза, кажется, съ нимъ вовсе не разговариваетъ.

ХІІ.

Визитъ Харнаса окончательно испортилъ настроеніе духа Бланка. Онъ нѣсколько разъ принимался за работу. Но онъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей и въ концѣ концовъ принужденъ былъ бросить занятія, рѣшивъ пройтись немного по городу, а затѣмъ зайти къ Майгольдамъ. Съ Розой онъ не видался со вчерашняго дня и ему очень хотѣлось рассказать ей о посѣщеніи Харнаса. Его интересовалъ вопросъ, кто могъ направить къ нему Харнаса. Неужели его мать? И мысль о томъ, что онъ скрываетъ отъ матери тайну, глубокую тайну, что его старушка ничего не знаетъ и въ душѣ лелѣетъ мечты, которымъ не суждено никогда сбыться, пробудила въ немъ невольное раскаяніе. Но онъ тутъ же самому себѣ улыбнулся. Въ чемъ ему раскаиваться? Въ томъ, что Харнасъ потерялъ власть надъ нимъ, или въ томъ, что его потомство не увеличитъ числа отверженныхъ. Но на этотъ счетъ всѣ имъ интересующіеся могутъ быть совершенно спокойны: онъ никогда не разстанется со своей свободой, даже еслибы Амуръ насквозь пронзилъ его сердце своей ядовитой стрѣлой. А все прочее—одинъ миражъ и самообманъ. Его старушка-мать можетъ быть поплачетъ, когда узнаетъ, что онъ измѣнилъ завѣту отцовъ, но потомъ утѣшится. Онъ все же таки останется ея сыномъ, и ихъ кровныя узы никогда не порвутся. Завѣтъ отцовъ... Какая нелѣпость. Въ чемъ состоитъ его нравственная сила, его внутренняя логика. Если вѣрить въ прогрессъ и въ эволюцію всего существующаго, а не вѣрить въ это нельзя, то всякій завѣтъ, кѣмъ бы онъ ни былъ установленъ, есть абсурдъ, потому что какъ бы онъ совершененъ ни былъ для своего времени, онъ все же измѣняется подъ вліяніемъ закона эволюціи. А разъ кто постигъ глубокую и непреложную истину этого закона, тому, конечно, должны быть смѣшны всѣ эти завѣты, постановленія, вѣрованія и т. п. измышленія человѣческой фантазіи, которыми вотъ уже сколько столѣтій стараются подавить свободу личности. Нѣтъ, пусть кто хочетъ лѣзетъ въ капканъ, онъ—слуга покорный. Онъ слишкомъ цѣнитъ свободу и истину.

И подъ вліяніемъ этихъ отрывочныхъ мыслей, похожихъ на мелкія прозрачныя облачка, которыя внезапно откуда то набѣгаютъ, чтобы затѣмъ вновь исчезнуть въ голубомъ эфирѣ, дурное настроеніе духа Бланка постепенно исчезало. Онъ шелъ по незнакомымъ ему улицамъ, но онъ мало думалъ о томъ куда онъ идетъ и куда придетъ. Ему пріятно было, что онъ свободенъ, что его здѣсь никто не знаетъ, что онъ можетъ смотрѣть и наблюдать и любоваться этой пестрой уличной толпой, которая близка ему не потому, что ихъ всѣхъ связываетъ какой то завѣтъ, а потому, что она состоитъ изъ людей живыхъ, чувствующихъ, страдающихъ... Проходя мимо кафе, онъ вспомнилъ, что его давно мучитъ жажда. Онъ вошелъ туда и велѣлъ себѣ подать какого нибудь прохладительнаго. Здѣсь онъ также не встрѣтилъ ни одного знакомаго, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Освѣжившись и расплатившись, онъ оставилъ кафе и, согласно своему первоначальному рѣшенію, отправился къ Майгольдамъ. Въ парадныхъ комнатахъ онъ никого не встрѣтилъ. Но сквозъ открытыя двери съ веранды до него доносились чьи то голоса, и онъ направился прямо туда, минуя узкій корридоръ, гдѣ были жилыя комнаты. Ему такимъ образомъ пришлось вновь спуститься во дворъ и пройти той стороною, которая примыкала къ саду. Онъ еще издали увидѣлъ Розу и какого то незнакомаго ему молодого человека. Его то голосъ и послышался ему, такъ какъ онъ говорилъ громко и развязно. Роза не сразу замѣтила его приходъ и когда увидѣла его, она весело ему улыбнулась.

— Что вамъ вздумалось пройти этимъ ходомъ?—спросила она.

— Я это сдѣлалъ совершенно безсознательно, вѣроятно въ силу прежней привычки,—проговорилъ смѣшавшись Бланкъ.— Когда я жилъ въ вашемъ домѣ, я всегда почему то пробирался на веранду черезъ садъ.

— Воспоминанія и впечатлѣнія дѣтства очень стойки и часто проявляются въ нашихъ дѣйствіяхъ помимо нашей воли... Это проявленіе атавизма, разумѣется, въ извѣстномъ смыслѣ,— съ достоинствомъ и полной увѣренностью, что все имъ сказанное есть непреложная истина, проговорилъ незнакомый Бланку господинъ.

— Позвольте васъ познакомиться, господа... И Роза назвала фамилію Мункина. Бланкъ поклонился, а Мункинъ съ изысканной вѣжливостью протянулъ ему руку.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно познакомиться съ однимъ изъ восходящихъ свѣтилъ нашей науки,—сказалъ онъ съ увлеченіемъ;—тѣмъ болѣе пріятно, что это свѣтило принадлежитъ намъ.

Бланкъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на адвоката, а потомъ перевелъ глаза на Розу, желая удостовѣриться, какое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ панегирикъ. Но Роза не смотрѣла на него, а лицо ея, всегда спокойное, на этотъ разъ выражало затаенную тревогу. Бланкъ отчасти догадался о причинѣ этой тревоги и, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее словами адвоката, онъ обратился къ послѣдному.

— Какъ ни пріятно выслушивать похвалы, но я къ сожалѣнію долженъ отклонить высказанныя вами лестныя на мой счетъ слова. Я рѣшительно ихъ не заслужилъ. Что же касается вашей послѣдней мысли, то я ее не раздѣляю. Еслибы я даже былъ тѣмъ, чѣмъ вы изволите меня считать, то я и тогда бы сказалъ, что я не принадлежу ни вамъ, ни какой нибудь отдѣльной горсти или группѣ людей, а всѣмъ, всему человѣчеству.

Это неожиданное заявленіе, высказанное тономъ убѣжденнаго чловѣка, захватило Мункина врасплохъ, и онъ, всегда находчивый и изворотливый, не нашелся что отвѣчать, и только съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣлъ на молодого ученаго. Видя его растерянность, Роза пришла ему на помощь.

— Господинъ Мункинъ ярый націоналистъ,—сказала она, обратившись къ Бланку,—и потому ничего удивительнаго нѣтъ, что онъ васъ пріобщаетъ къ національному богатству. Не такъ ли, г. Мункинъ?

— Совершенно вѣрно,—проговорилъ, оправившись, Мункинъ.—Всякая національность, разъ она жизнеспособна, должна всѣми силами отстаивать свою индивидуальность и не выпускать изъ своихъ рукъ всего того, что увеличиваетъ ея силу и мощь. А что же, какъ не сила духа, какъ не талантъ, не геній составляютъ національное богатство, даютъ индивидуальную окраску націи. Всѣ это признають и всѣ отстаиваютъ свою національную индивидуальность. Только мы, евреи, этого при-

знавать не хотимъ, и стоитъ комунибудь изъ насъ выдвинуться изъ массы, онъ сейчасъ же замышляетъ бѣгство... Право, я не разъ задумывался надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ очень печальному выводу насчетъ нравственной стойкости нашихъ выдающихся людей.

— Ну, вы слишкомъ строго судите,— сказала Роза. — Во первыхъ, не всѣ выдающіеся люди насъ покидаютъ, а во вторыхъ, чтобы осуждать тѣхъ, которые, какъ вы выразились, замышляютъ бѣгство, нужно знать причины, побудившія ихъ такъ поступить, и не только причины, но и все міросозерцаніе, весь душевный складъ этихъ людей, ихъ стремленія, идеалы...

Все это Роза произнесла горячо, съ душой, какъ будто она защищала отъ незаслуженныхъ нападковъ какое нибудь опредѣленное, реальное лицо. Но этого лица не было, по крайней мѣрѣ Мункинъ его не подозрѣвалъ, и потому онъ уже готовился отпарировать горячую защиту молодой дѣвушки, когда взглядъ его случайно упалъ на Бланка. Проницательные глаза адвоката уловили въ лицѣ молодого ученаго нѣчто такое, что показалось ему въ высшей степени подозрительнымъ и въ умѣ его, скептическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ склонномъ къ воображенію, съ быстротой молніи возникла сложная комбинація, въ которой Роза и Бланкъ оказались главными дѣйствующими лицами. У него даже чуть не вырвалось восклицаніе, но онъ подавилъ взрывъ негодующей души и рѣшилъ быть осторожнымъ и извлечь пользу изъ того, что онъ такъ случайно открылъ.

— Не мнѣ спорить съ вами,—вкрадчиво проговорилъ Мункинъ,—да признаться, я и не могу. Хотя я по профессіи адвокатъ, слѣдовательно, человѣкъ, у котораго всегда долженъ быть запасъ доводовъ и доказательствъ на всякій случай, но вы такъ убѣжденно и горячо защищаете свои положенія, что я пасую... Но можетъ быть г. Бланкъ,—и Мункинъ почтительно наклонилъ голову въ сторону Бланка,—при помощи своей эрудиціи бросить свѣтъ на этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, заслуживающій вниманія...

Бланкъ все еще стоялъ въ сторонѣ, нѣсколько поодаль отъ Розы, и по его лицу, сосредоточенному и серьезному, трудно было судить, прислушивается ли онъ къ разговору, или онъ думаетъ совѣмъ о другомъ и его мысли далеки отъ всего

того, что вокругъ него происходитъ. Только глаза его, въ которыхъ отражалось настроеніе его души, выдавали его. И Роза, взглянувъ теперь на него, тоже замѣтила это особенное выраженіе, которое она затруднилась опредѣлить, но тайный смыслъ котораго она уловила своимъ тонкимъ чутьемъ. Но такъ какъ проницательные глаза адвоката слѣдили за ней, она, улыбаясь, сказала:

— Что же, господинъ ученый, примите вызовъ.—Голосъ Розы вывелъ Бланка изъ его задумчивости. Онъ взглянулъ на адвоката и въ немъ вдругъ вспыхнуло непріязненное чувство къ этому человѣку, котораго онъ не зналъ, но въ голосѣ и сужденіяхъ котораго слышалась какая то фальшь.

— Я въ сущности не знаю, чего отъ меня требуютъ. Моя эрудиція, конечно, тутъ не причемъ, и мнѣ кажется, что вопросъ будетъ исчерпанъ, если я скажу, что всецѣло присоединяюсь къ высказанному вами мнѣнію...

— Вы побѣдили,—обратился Мункинъ къ Розѣ.—Тѣмъ не менѣе я все же считаю вопросъ настолько интереснымъ, что позволю себѣ вернуться къ его обсужденію при первомъ же удобномъ случаѣ. А теперь,—проговорилъ онъ, поднявшись съ своего мѣста и бережно поглаживая свой лоснящійся цилиндръ,—позвольте мнѣ откланяться.—Роза тоже встала.

— Значить не забудете,—сказала она, бросивъ испытующій взглядъ на адвоката.

— Помилуйте... Я отсюда же поѣду... Брошу всё дѣла...

— У насъ затѣвается общее дѣло,—объяснила Роза Бланку.

— Въ которомъ, конечно, не откажется принять участіе и нашъ уважаемый...

— Его мы не должны считать,—не давъ договорить адвокату, сказала Роза.—Онъ вѣдь у насъ залетная птица.

— Все жъ таки участіе авторитетнаго человѣка... И сдѣлавъ глубокой поклонъ, Мункинъ скрылся за дверью.

Роза и Бланкъ остались одни на верандѣ. Роза сѣла на прежнее мѣсто къ круглому столику, на которомъ лежали какія то книжки и ворохъ бумагъ, а Бланкъ подошелъ къ балюстрадѣ, откуда видѣнъ былъ садъ, спокойный, торжественный, точно убаюканный горячими лучами полуденнаго солнца. На верандѣ было прохладно. Но минутами и сюда, вмѣстѣ съ

запахомъ вѣтвотъ, врывалась горячая струя раскаленного воздуха, а солнечные лучи то тамъ, то здѣсь прорывались сквозь переплетавшіяся между собой вѣтки дикаго винограда, плюща и шиповника, оставляя на полу веранды своеобразные узоры.

— Что это у васъ сегодня такъ тихо?—сказалъ наконецъ, Бланкъ.—Даже голоса m-elle Гро не слышно.

Роза улыбнулась.

— Какой вы, однако, злой,—сказала она.—Вы думаете, что m-elle Гро легко перекричать такихъ шалуновъ, какъ мои братишки... Впрочемъ, теперь у насъ полная дисциплина и раньше назначеннаго времени дѣти не имѣютъ права оставлять классную комнату.

— Въ такую жару?

— О, тамъ у нихъ очень прохладно.

— И Клара подчиняется этому режиму?

— Конечно.

— Удивляюсь столько же твердости вашего характера, сколько вашимъ педагогическимъ способностямъ...

— Не удивляйтесь тому, о чемъ вы еще понятія не имѣете... А вотъ присядьте къ столу и посмотрите... И она жестомъ руки указала ему на стулъ.

— Я такъ и зналъ!—воскликнулъ Бланкъ, подойдя къ столу и намѣреваясь разсмотрѣть лежавшія на столѣ книжки.

Роза предупредила его, прикрывъ своими руками книги и бумаги.

— Нѣтъ, вы мнѣ прежде объясните, что вы хотите сказать своими замѣчаніями,—проговорила она, не спуская своихъ полусерьезныхъ, полунасмѣшливыхъ глазъ съ Бланка.—Впрочемъ, не нужно... я умѣю читать чужія мысли и скажу вамъ, что вы только что думали.

— Это любопытно,—сказалъ Бланкъ, усѣвшись противъ Розы.

— Итакъ... вы прежде всего задали себѣ вопросъ, какое такое общее дѣло можетъ быть между молодой дѣвушкой, въ данномъ случаѣ мной, и молодымъ человѣкомъ, ну хоть г. Мункинымъ. У васъ блеснула подозрительная мысль... но только блеснула, и потомъ вы ее оставили, пока я не натолкнула васъ на настоящій слѣдъ.

— Совершенно вѣрно,—радостно воскликнулъ Бланкъ.— Книжки, бумаги, чертежи, общее дѣло... Дѣло идетъ о школахъ, или о чемъ то въ этомъ родѣ, рѣшилъ я.

— И рѣшили правильно. Дѣло идетъ о школахъ, которые мы задумали организовать для народа. Но дальше вы сдѣлали скачокъ и мысленно рѣшили: «Что касается этого адвоката, то у него безъ сомнѣнія какая-нибудь задняя мысль, но эта дѣвица, живущая въ довольствѣ и богатствѣ, положительно не знаетъ, что съ собой дѣлать...»

Теперь уже глаза Розы не смѣялись, а задумчиво, съ отъѣнкомъ затаенной грусти, смотрѣли на Бланка.

— Да, правда,—сознался Бланкъ.—Я такъ и подумалъ, даже этими самими словами. Простите.

— Но вѣдь это правда, — вырвалось у Розы. — Фактъ на лицо, и я не думаю его отрицать. Если вы въ чемъ-нибудь ошиблись, то развѣ только въ освѣщеніи факта. Я пріѣхала изъ-за границы, если не полная розовыхъ надеждъ, какъ выражаются герои въ романахъ, то во всякомъ случаѣ нагруженная такимъ багажемъ, который не можетъ лежать закупореннымъ. Между тѣмъ среда, въ которую я вновь попала,—вы ее сами знаете,—живетъ крайне узкими интересами. Оттого-ли, что сами люди, составляющіе нашу среду, не нуждаются въ болѣе содержательной жизни, или оттого, что ихъ насильно оторвали отъ настоящей жизни, настоящихъ интересовъ, втиснувъ въ крайне узкія рамки, но здѣсь ужасно затхлая, засасывающая атмосфера, въ которой свѣжему человѣку можно задохнуться.

— И вы хотите пробовать...

— Я хочу прежде всего дѣятельности. Я не могу сидѣть сложа руки и ждать, чтобы Харнасъ пришелъ предложить мнѣ жениха. А вѣдь эта участь меня ждетъ. Выйти на болѣе широкій просторъ я не могу, да и некуда. Вотъ я и задумала дѣло...

Роза засмѣялась своимъ пріятнымъ груднымъ смѣхомъ и, отнявъ руки, которые все время, пока она говорила, лежали на столѣ, проговорила, указавъ на бумаги:—А теперь, извольте сказать свое авторитетное слово. Если мои планы и соображенія грѣшатъ чѣмъ-нибудь, не стѣсняйтесь ихъ критиковать. Я все приму къ свѣдѣнію.

— Но съ чего вы взяли, что я буду критиковать васъ, — нѣсколько взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Бланкъ. — Повѣрьте, все, что вы мнѣ только что сказали, произвело на меня болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ вы даже думаете. Въ полусерьезной, полушутливой формѣ вы высказали глубокую правду жизни. Вы нѣсколькими смѣлыми штрихами очертили трагическое положеніе женщины вашей среды. Но въ чемъ же, я васъ спрашиваю, видите вы спасеніе?

Роза улыбнулась.

— Ого... Вотъ что значить быть ученымъ. Вы сейчасъ же углубляетесь въ суть вещей... ищете причину причинъ. Не я вовсе не задаюсь такими цѣлями. Я хочу немножко простера и немножко дѣятельности. Развѣ это много?

— Слишкомъ мало.

— Погодите, и этого не дадутъ.

— Какъ такъ?

— Требуется разрѣшеніе начальства. Вотъ г. адвокатъ, съ которымъ вы познакомились, и поѣхадъ хлопотать. Онъ надеется на свои связи.

— Кстати, позвольте васъ поблагодарить за горячую защиту, которую вы оказали мнѣ, — бросивъ благодарный взглядъ на Розу, проговорилъ Бланкъ.

Роза нахмурилась.

— Зачѣмъ вы вспомнили объ этомъ. Я во всякомъ случаѣ недовольна, потому что... потому что я говорила противъ своихъ убѣжденій.

Бланкъ измѣнился въ лицѣ. Слова Розы, точно острый ножъ, пронзили его сердце и онъ, пораженный и уничтоженный, смотрѣлъ на нее, стараясь отыскать въ ея чудныхъ глазахъ хоть одну искорку, которая бы свѣтилась для него. Но Роза попрежнему сидѣла неподвижно съ слегка сдвинутыми бровями.

Наконецъ Бланкъ нерѣшительно спросилъ:

— Неужели вы въ этомъ вопросѣ солидарны съ Мункинымъ?

Роза отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, съ этимъ человекомъ я не могу быть солидарной, но у меня есть свои опредѣленные убѣжденія и, — прибавила она тихо, — вы ихъ, кажется, знаете.

Во дворѣ раздался грохотъ колесъ. Роза нѣсколько мгновеній прислушивалась къ шуму, который вдругъ поднялся во внутреннихъ комнатахъ, затѣмъ она наскоро сложила книги и бумаги, проговоривъ:—Мама пріѣхала.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ на верандѣ появилась г-жа Майгольдъ, расфранченная и оживленная.

— Ухъ, какъ жарко, — сказала она, грузно опустившись въ кресло.—Никому не совѣтую теперь показывать носа на улицу. Еще никогда такъ не палило какъ сегодня; настоящее пекло. А тутъ еще дѣла, визиты. Папа еще не пріѣзжалъ?—и, не дождавшись отвѣта, она продолжала: — Представь себѣ, кого я встрѣтила у Беймовъ.

— Развѣ ты заѣзжала къ нимъ?—немного удивленно спросила Роза.

— Какже. Развѣ я тебѣ не говорила? Ну, все равно. Г-жа Беймъ и ея дочки просто не знали, куда меня посадить. Онѣ такія милыя. Мужчинъ не было дома, и мы премило провели время. И о васъ говорили,—обратилась она къ Бланку. — Барышни въ восторгѣ отъ васъ, а младшая просто преклоняется предъ вашей ученостью. Ну, ужъ такъ и быть, выдамъ ихъ секретъ,—онѣ ждутъ вашего визита.

— Моего визита!—удивился Бланкъ.

— Да, само собой понятно. И знаете,—прибавила она конфиденціально,—я бы на вашемъ мѣстѣ непременно бы поѣхала къ нимъ. Онѣ такія милыя, право, въ особенности младшая.

— Но кого же вы тамъ встрѣтили, мама?—обратилась Роза къ матери, желая дать разговору другое направленіе.

— Ахъ, Боже мой, я и забыла. Да кого же, какъ не нашего знаменитаго адвоката. «Прямо, говорить, отъ васъ, г-жа Майгольдъ». «Очень польщена»,—отвѣчаю я ему. А Генриеттѣ это не по вкусу пришло. Я это сейчасъ замѣтила. Но не могла же я ей сказать, чтобы она не безпокоилась, что мы на знаменитаго адвоката не имѣемъ никакихъ видовъ.

Роза бросила нетерпѣливый взглядъ на мать. И этотъ тонъ, и эта неумѣстная откровенность, и эти прозрачные намеки ей крайне не понравились. Присутствіе Бланка еще усиливало неловкое положеніе, котораго только не замѣчала г-жа Майгольдъ. Очевидно она еще не все сказала, такъ какъ красивое

лицо ея, всегда такое апатичное и вялое, все еще носило печать оживленія. Роза по опыту знала, что мать ея не успокоится, пока не выскажетъ всего, что ее въ данную минуту волнуетъ, и она придумывала предлогъ, какъ бы увести Бланка и тѣмъ прекратить бесѣду. Къ счастью, въ столовой раздался голосъ Ципы, и Бланкъ самъ пошелъ къ ней.

Роза свободно вдохнула, точно тяжесть свалилась съ ея груди.

Г-жа Майгольдъ хотѣла было позвать Ципу, но Роза шепнула ей, чтобы она этого не дѣлала.—Бланкъ еще сегодня не видался съ матерью,—сказала она.—Не мѣшайте имъ.

— Ты права. моя крошка, — полурасслабленнымъ голосомъ проговорила г-жа Майгольдъ.— Я менѣе всего думаю имъ мѣшать. Къ тому же хорошо, что мы остались однѣ. Мнѣ еще кое-что хотѣлось тебѣ сказать. Впрочемъ,—прибавила она, бросивъ нѣжный взглядъ на Розу,—я лучше въ другой разъ. Мнѣ прежде нужно поговорить съ твоимъ отцомъ. Что же это онъ сегодня такъ запоздалъ.

С. Ярошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности.

(Чтано въ историко-филологическомъ обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ князя Везбородко).

Окончаніе.

III ¹.

Евреи въ Подоліи.

Время появленія евреевъ въ Подоліи можно, на основаніи историческихъ данныхъ, разбросанныхъ въ респонсахъ польскихъ раввиновъ, отнести къ столѣтію, предшествовавшему бѣдствіямъ 1648—9 гг., т. е. къ XVI столѣтію. Однако найденный на одномъ старинномъ еврейскомъ кладбищѣ, въ м. Тавровѣ, надгробный памятникъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что время поселенія евреевъ въ Подоліи надо отнести къ болѣе раннему періоду. Вотъ буквальный переводъ древне-еврейской надписи на этомъ памятникѣ: «ужась, ужась! вопіемъ мы: велика печаль наша. Памятникъ этотъ поставленъ надъ могилою Галеви, учителя нашего. Остались мы какъ овцы безъ пастыря, о велико наше горе! Ярость обступила насъ: второго Адера похищена краса наша, отъ сотворенія міра въ 5,000 году низложенъ вѣнецъ нашъ» ².

Если вѣрить датѣ этого памятника, то надо допустить, что евреи жили въ Подоліѣ уже въ 1240 г.

Матеріальное положеніе евреевъ въ Подольской землѣ по большей части было довольно сносно. Короли и князья, управлявшіе этимъ краемъ, считали евреевъ полезными гражданами, оказывающими странѣ несомнѣнныя услуги, вслѣдствіе чего не отка-

¹ См. „Восходъ“, кн. VIII.

² Литвинскій. Korot Podolj, стр. 17. Отвѣтственность за точность приводимыхъ даты и надписи всецѣло оставляемъ на г. Литвинскомъ.

звали имъ въ своемъ покровительствѣ и заботились о неприкосновенности ихъ жизни и защитѣ ихъ интересовъ. Польская шляхта и высшее дворянство, считавшія недостойными своего сана и положенія занятія домашнимъ хозяйствомъ, торговлею и промышленностью, отдавали свои имѣнія въ аренду евреямъ, которые, благодаря своей бережливости и скромному образу жизни, скопляли въ рукахъ своихъ большія богатства и представляли собою, такимъ образомъ, довольно значительную силу. Начинается усиленное переселеніе въ этотъ край евреевъ изъ другихъ земель. Подолія привлекала ихъ отчасти своимъ экономическимъ благосостояніемъ, отчасти въ виду того обстоятельства, что въ Польшѣ, Литвѣ и Подоліи сосредоточивались съ XVI вѣка лучшія талмудическія силы и знатоки еврейской науки.

XVI вѣкъ, считающійся золотымъ вѣкомъ польской литературы и періодомъ наибольшаго расцвѣта могущества польскаго государства, носилъ уже въ себѣ зародыши того рокового недуга, который свелъ наконецъ это государство въ могилу. Возникла въ Польшѣ ожесточенная религіозная борьба между представителями римской церкви и поборниками абсолютизма папы съ одной стороны, и приверженцами разныхъ реформаторскихъ ученій съ другой. Побѣда католицизма привела къ господству іезуитовъ и гоненіямъ на диссидентовъ, — что постепенно подтачивало государственный организмъ Рѣчи Посполитой¹. Но евреи и въ это время нисколько не пострадали; въ экономической и соціальной ихъ жизни не произошло никакихъ перемѣнъ къ худшему. Наоборотъ, въ эту эпоху благополучіе евреевъ въ Польшѣ и Подоліи достигло своего апогея. Матеріальное положеніе ихъ въ качествѣ купцовъ, посессоровъ, откупщиковъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ значительно улучшается; общинная организація у нихъ быстро прогрессируетъ. Возникаетъ самобытная культура, Талмудъ изучается въ спеціальныхъ школахъ, а синагога становится центромъ ихъ духовной жизни; появляются знаменитые ученые и выдающіеся раввины². Словомъ, духовный, матеріальный и интеллектуальный уровень евреевъ сильно возвышается. Подолія можетъ указать на цѣлую плеяду раввиновъ и ученыхъ, составляющихъ гордость и красу всего еврейскаго народа. Это

¹ Лелевель, Польша и Испанія. Маюркевичъ. Очеркъ польской литературы. Трачевскій. Польское безкоролевіе.

² Дубновъ. Къ изученію исторіи русскихъ евреевъ.

были люди, обладавшіе обширной талмудической эрудиціей и одаренные самыми высшими моральными и духовными достоинствами, люди, положившіе свою жизнь за самое прекрасное и возвышенное — за Бога и любимую вѣру. Люди эти оставили послѣ себя нерукотворные памятники — замѣчательныя литературныя произведенія, свидѣтельствующія о гениальномъ умѣ и самой высокой нравственности. Съ особенною рельефностью выступаютъ мощныя, колоссальныя фигуры раввиновъ Немирова, Тульчина и Баръ, погибшіе самой мучительной и лютой смертью во время безначалія въ 1648—1649 году. Установленныя въ память ихъ печальной кончины молитвы понынѣ еще ежегодно читаются съ сокрушеннымъ сердцемъ во всѣхъ подольскихъ синагогахъ.

Тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ замѣчательномъ учрежденіи, существовавшемъ у польскихъ евреевъ въ теченіе 2-хъ стол. и игравшемъ немаловажную роль въ духовной и моральной жизни евреевъ тогдашняго времени. Это было нѣчто вродѣ сейма или высшаго еврейскаго судилища, извѣстнаго подъ названіемъ «Синода четырехъ странъ». Это замѣчательное учрежденіе, по сложности своей внутренней организаціи, по благороднымъ цѣлямъ, которыя оно преслѣдовало, дѣйствительно не знаетъ себѣ ничего подобнаго во всей исторіи еврейскаго народа, со времени потери имъ своей политической самостоятельности.

Это были правильно организованные съѣзды раввиновъ, на которыхъ рѣшались важнѣйшія дѣла, имѣвшія обще-еврейскій интересъ, какъ въ матеріальной, такъ и въ духовной ихъ жизни. Съѣзды эти происходили обыкновенно въ городахъ, имѣвшихъ свои ярмарки, куда стекались въ извѣстные сроки по торговымъ дѣламъ евреи изъ разныхъ польскихъ городовъ. Рѣшенія раввиновъ, состоявшіяся на этихъ съѣздахъ, имѣли обязательную силу и значеніе для евреевъ всего польскаго государства. Сопротивлявшіеся ихъ постановленіямъ подвергались отлученію отъ синагоги (shegem). Резолюціи съѣздовъ вносились въ кагалныя книги, хранившіяся въ тѣхъ городахъ, гдѣ съѣзды эти происходили. Такимъ образомъ еврей въ общинной жизни, какъ самостоятельная, активная единица, совершенно ступшевывается и становится только маленькою частицею мощной и сильной организаціи, извѣстной подъ названіемъ кагала.

Возникаетъ естественный вопросъ: Когда именно высту-

шло на арену еврейской жизни это учрежденіе? Какія причины послужили поводомъ его возникновенія? Какъ велики были размѣры территоріи, на которую простирались власть и компетенція синода? Всѣ эти вопросы были предметомъ обсуждения со стороны лучшихъ ученыхъ и историковъ. Не буду подробно останавливаться на разборѣ всѣхъ существующихъ по этому вопросу въ исторической литературѣ мнѣній и взглядовъ, а ограничусь только нѣкоторыми заключеніями, къ которымъ приходится, разбирая этотъ интересный и запутанный вопросъ, извѣстный оріенталистъ и глубокій знатокъ русско-еврейской старины, д-ръ Гаркави. Дѣло въ томъ, что полную и всестороннюю характеристику синода и его дѣятельности можно было-бы дать исключительно только на основаніи подлинныхъ протоколовъ его, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не найдены еще, хотя существованіе ихъ документально удостовѣрено. Такимъ образомъ, приходится ограничиваться пока нѣкоторыми найденными отрывками этихъ протоколовъ историческими свѣдѣніями, разбросанными въ еврейской теологической литературѣ, и официальными архивными данными, которыя прямо или косвенно указываютъ на мотивы, обусловливавшіе возникновеніе синода. Всѣмъ этимъ матеріаломъ въ достаточной мѣрѣ и съ большимъ умѣніемъ воспользовался г. Гаркави въ своихъ изслѣдованіяхъ о синодѣ четырехъ странъ¹. Жаль только, что почтенный ученый до сихъ поръ не довелъ еще до конца своихъ интересныхъ изслѣдованій.

Устройство раввинскихъ синодовъ, говоритъ г. Гаркави, имѣло мѣсто между 1515 и 1530 г., въ царствованіе Сигизмунда Стараго. Синоды были учреждены, если не по инициативѣ этого короля, то по крайней мѣрѣ при ближайшемъ его содѣйствіи. Зависимость возникновенія синодовъ отъ царствованія этого монарха объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сигизмундъ Старый, оберегая интересы своей казны и озабочиваясь о томъ, чтобы налоги и еврейскія повинности аккуратно туда поступали, нуждался, естественно, въ такомъ учрежденіи, которое могло-бы служить посредникомъ между королемъ и его еврейскими поданными. Предположеніе г. Гаркави вполне подтверждается архивными данными, касающимися этого дѣла. Такъ, на примѣръ, въ 1514 г. король назначаетъ въ Литвѣ брестскаго еврея Михеля Іозефовича старшимъ надъ всѣми

¹ Гаркави. Очерки синода четырехъ странъ. „Восходъ“ 1881 годъ.

своими единовѣрцами и вмѣняетъ ему въ обязанность знакомить короля съ ихъ нуждами и дѣлами. Въ томъ-же году послѣдовало такое-же распоряженіе о назначеніи еврея изъ Чехіи Авраама на такую-же должность надъ всѣми евреями Великой и Малой Польши. Король, при назначеніи этихъ старшихъ (въ грамотахъ они называются префектами), повѣщаетъ имъ озаботиться о томъ, чтобы евреи правильно вносили свои повинности назначеннымъ префектамъ. Имѣя въ виду такую цѣль, король не могъ, конечно, обойти безъ вниманія главнаго фактора тогдашней еврейской жизни—духовенства, зная какимъ громаднымъ вліяніемъ и широкимъ авторитетомъ оно пользуется между евреями. Вотъ почему король предлагаетъ своимъ старшимъ при отправленіи своихъ обязанностей прибѣгать къ помощи и содѣйствию раввиновъ, или докторовъ, какъ они въ грамотахъ титулуются. Еще больше: король прямо приказываетъ своимъ старшимъ подвергать евреевъ послушниковъ анаемѣ, но опять таки при посредствѣ раввиновъ. Такимъ образомъ было положено, такъ сказать, начало свѣтской власти раввиновъ, которые, забирая такимъ путемъ власть надъ общинами въ свои руки (они распредѣляли и налагали повинности), становились официально полными ихъ распорядителями, почему раввины вершали всякія болѣе или менѣе значительныя дѣла въ своихъ общинахъ, какъ матеріальныя, такъ и духовныя¹. Если же приходилось разбирать и рѣшать дѣла, имѣвшія значеніе для всѣхъ общинъ, тогда происходили сѣзды раввиновъ въ большихъ ярмарочныхъ городахъ, а въ послѣдствіи это вылилось въ форму постоянныхъ, правильно организованныхъ сеймовъ. Устройство синодовъ было довольно сложное: Мѣстечки и посады безпрекословно подчинялись своимъ раввинамъ, эти послѣдніе, въ свою очередь, находились въ прямой зависимости отъ раввиновъ и выборныхъ общинъ болѣе значительныхъ городовъ; эти-же послѣдніе должны были слушаться и повиноваться рѣшеніямъ уѣздныхъ, областныхъ, окружныхъ раввиновъ, «вплоть до высшей еврейской власти въ государствѣ—духовной и свѣтской».

Сначала исключительнымъ занятіемъ сѣздовъ была раскладка податей и повинностей по областямъ, уѣздамъ и во-

¹ Авторъ совершенно упустилъ изъ виду, что въ составѣ кагальнаго управленія входили не только раввины, но и миряне, выборные отъ каждой общины, и что сами раввины часто находились въ зависимости отъ членовъ мирянь, составлявшихъ большинство въ кагалѣ. *Ред.*

обще еврейскимъ общинамъ. Впослѣдствіи сѣзды эти мало по малу стали функціонировать въ качествѣ моральнаго фактора, регулировавшаго всѣ явленія и порядки въ духовной жизни евреевъ. Итакъ, мы видимъ, что побудительной причиною появленія въ Польшѣ еврейскихъ синодовъ было чисто фискальное желаніе короля Сигизмунда Стараго гарантировать правильное поступленіе въ казну еврейскихъ повинностей.

Дѣйствительно, говорить г. Гаркави, такое цѣльное учрежденіе, какого евреи не имѣли со времени Палестины и Вавилоніи, функціонировавшее въ теченіе двухъ вѣковъ на такомъ громадномъ пространствѣ (Великая и Малая Польша, Галиція и Волынь), никоимъ образомъ не могло-бы возникнуть и существовать безъ содѣйствія польскаго правительства. Раіонъ власти синода сначала ограничивался Великой и Малой Польшей и Червонной Русью, почему онъ и назывался тогда синодомъ трехъ странъ; впослѣдствіи территория эта значительно расширилась, и онъ сталъ именоваться синодомъ четырехъ странъ. «Участники синода, говоритъ г. Гаркави, ивыскивали мѣры къ поднятію матеріальнаго, духовнаго и интеллектуальнаго уровня еврейскаго населенія и очищали раввинатъ отъ вредныхъ элементовъ, попавшихъ туда посредствомъ неблаговидныхъ и недостойныхъ приемовъ». Вотъ вкратцѣ исторія появленія и существованія этого замѣчательнаго учрежденія, оказывавшаго огромное вліяніе на жизнь польскихъ евреевъ.

Тутъ мы вступаемъ уже въ область мартирологіи подольскихъ евреевъ. Начинается обычное въ жизни евреевъ печальное явленіе; опять повторяется неизбѣжный фатальный законъ, который черной нитью проходитъ черезъ всю многовѣковую исторію этого народа, доказывающій ту непреложную, горькую истину, что въ силу извѣстныхъ, большею частью отъ евреевъ независящихъ обстоятельствъ, имъ не долго приходится наслаждаться предоставленнымъ имъ тѣмъ или другимъ гостепріимнымъ правительствомъ покоемъ и убѣжищемъ; что жизнь ихъ, при лучшихъ даже отношеніяхъ къ нимъ того или другого монарха, вовсе не гарантирована отъ вторженія буйной черни, дѣйствующей по наущенію какого нибудь фанатика, суевѣра, или просто злоумышленника, желающаго поживиться на счетъ евреевъ. Исторія этого народа богата эпизодами, полными глубокаго трагизма и сопровождающими его на его длинномъ, восемнадцати вѣковомъ пути. То же самое случилось и въ Подоліи. Явились люди, которые изъ политиче-

скихъ тенденцій и религіозныхъ соображеній, жгучими, чело-вѣконенавистническими рѣчами и проповѣдями розжигали, электризовали и направляли на евреевъ одичалую, полузабитую, загнанную толпу, искавшую подходящаго повода, чтобы на комъ нибудь выместить всю свою накопившуюся злобу. Вдобавокъ евреи въ социально-экономической жизни этого края занимали самое опасное и рискованное положеніе: они находились между Сцилой и Харибдой, между деспотической, ненавншей въ своихъ страстяхъ и капризахъ никакихъ границъ, аристократическою шляхтою и загнаннымъ, забитымъ, изстрадавшимся, предоставленнымъ на произволъ судьбы плебсомъ. Все это вело къстрашной развязкѣ, которая и не замедлила наступить, хотя евреи, повидимому, и не подозревали тогда дамоклова меча, который висѣлъ надъ ихъ головами: ибо съ внѣшней стороны въ ихъ быту все какъ будто обстояло благополучно. Наступилъ роковой 1648 годъ, и воздухъ огласился неистовыми и отчаянными криками убиваемыхъ и замученныхъ. Началась кровавая эпопея возстанія Хмельницкаго, стоившая десятковъ тысячъ еврейскихъ жизней. Печальная повѣсть исторіи евреевъ обогатилась еще одной страницей, огненными буквами записанной и запечатлѣнной въ сердцѣ и памяти каждаго еврея. Вся Подоля орошена была еврейскою кровью, изъ многочисленнаго еврейскаго населенія осталась едва ли десятая часть, матеріальное положеніе евреевъ страшно измѣнилось къ худшему, уровень ихъ умственнаго и духовнаго развитія сильно понизился.

Наряду съ талмудизмомъ утвердилась Каббала или религіозная мистика. И до ужасовъ 48—9 гг. Каббала была излюбленнымъ занятіемъ польскихъ раввиновъ, искавшихъ въ ней разрѣшенія тайныхъ, міровыхъ вопросовъ. Но съ особенною силою вліяніе Каббалы начало сказываться послѣ печальныхъ событій 48—9 гг., когда умы евреевъ были сильно возбуждены, воображеніе разстроено и изстрадавшійся народъ, по выраженію г. Дубнова, «метался, бредилъ политическимъ возрожденіемъ и волновался фантастическими видѣніями конца времени».

Вообще должно сказать, что Каббала играла въ жизни евреевъ въ теченіе многихъ вѣковъ довольно значительную роль. Очень часто Каббала давала отрицательные и очень печальные результаты. Она породила между евреями междуусобицы и религіозные расколы. Все это парализовало ду-

¹ Евр. ис. II, стр. 340.

ховныя силы значительной части еврейскаго народа. Подъ вліяніемъ Каббалы возникло на востокѣ, во второй половинѣ XVII столѣтія, новое мистически-религиозное движеніе, отцомъ котораго былъ печальной памяти лже-мессія Саббатай Цеви. Это уродливое явленіе имѣло свое болѣе прискорбное повтореніе въ сектѣ франкистовъ, появившихся въ половинѣ прошлаго столѣтія. Но наибольшій вредъ чистому іуданизму, говорить г. Гинцбургъ, Каббала причинила появленіемъ чудотворца Бешта, изобрѣвшаго около 1730 г., въ Меджибожѣ такъ называемый хасидизмъ, шедшій въ разрѣзъ съ наукой, давъ большой просторъ суевѣрію и невѣжеству. Хасидизмъ потерпѣлъ фіаско и не могъ привиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раввины талмудисты выступили противъ него съ энергичнымъ протестомъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ борцовъ противъ хасидизма былъ знаменитый виленскій гаонъ, объявившій его ересью. На югѣ Россіи, продолжаетъ г. Гинцбургъ, появились такіе сектанты, которые вначалѣ пропагандировали новое міровоззрѣніе, заключающееся въ томъ, что разъ отдавши свои помыслы Богу, человекъ не отвѣчаетъ уже за свои поступки. «Непонятый Зогаръ замѣнилъ имъ всю письменность; молитвы превратились въ прикладную Каббалу»¹.

Ниже я слегка коснусь нѣкоторыхъ характеристическихъ чертъ и особенностей ученій трехъ главныхъ представителей хасидизма, а теперь возвращусь къ исторіи казацкихъ волнений въ Подоліи и ихъ отношеніямъ къ судьбѣ евреевъ этого края. Я считаю совершенно лишнимъ подробно останавливаться на общихъ причинахъ, вызвавшихъ къ жизни кровавую расправу 1648 г. Считаю это лишнимъ, во первыхъ потому, что это завело бы меня слишкомъ далеко, а во вторыхъ потому еще, что это крупное событіе со всѣми его прецедентами и важными послѣдствіями достаточно охарактеризовано и изслѣдовано лучшими историческими силами, сказавшими въ этомъ отношеніи чуть ли не послѣднее слово. Я приведу только нѣсколько выдержекъ изъ одного древне-еврейскаго сочиненія, имѣющаго отношеніе къ рассматриваемой нами эпохѣ и написаннаго очевидцемъ разыгравшейся тогда катастрофы. Выдержки эти нѣсколько характеризуютъ отношенія Хмельницкаго къ евреямъ и указываютъ на нѣкоторые поводы,

¹ Баронъ Гинцбургъ. Каббала, мистическая философія евреевъ. Вопросы философіи и психологіи. 1896 г. Май—Іюнь

породившіе кровавое столкновение съ ними. Оказывается, между прочимъ, что Хмельницкій, справляясь съ евреями самымъ варварскимъ и звѣрскимъ образомъ, не руководствовался въ данномъ случаѣ одними только политическими и экономическими соображеніями, а дѣйствовалъ отчасти еще подъ вліяніемъ жажды мести евреямъ за нѣкоторыя имъ лично перенесенныя обиды и оскорбленія, причиной которыхъ былъ еврей. Вотъ что рассказываетъ авторъ цитируемаго мною сочиненія¹. Хмельницкій находился однажды въ г. Чигиринѣ, принадлежавшемъ Конецпольскому и бывшемъ въ арендѣ у еврея Захарія Сбийинскаго. Послѣдній содержалъ въ этомъ городѣ питейное заведеніе. Хмельницкій, находившись однажды въ этомъ заведеніи и будучи въ веселомъ настроеніи духа подъ вліяніемъ выпитаго вина, рассказывалъ сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ друзьямъ о своихъ планахъ и затѣяхъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ поголовное возстаніе казаковъ. Еврей, сидѣвшій въ это время за прилавкомъ, углубленный въ чтеніе какихъ то бумагъ, слышалъ, однако, весь ихъ разговоръ и немедленно передалъ его Конецпольскому. Хмельницкій посаженъ былъ въ тюрьму, и за свои смѣлыя затѣи чуть было не заплатился головой. Съ этихъ поръ его не покидала уже мысль расправиться при удобномъ случаѣ съ единозвѣрцами этого еврея. Другой случай еще больше увеличилъ его антагонизмъ къ нимъ: еврей донесъ польскому правительству о заключеніи Хмельницкаго съ Крымскимъ ханомъ наступательнаго союза противъ поляковъ.

О чудовищныхъ размѣрахъ упомянутой кровавой драмы можно судить по обилію поглощенныхъ ею жертвъ: около трехсотъ еврейскихъ общинъ были истреблены казаками; число убитыхъ и замученныхъ было громадно. Сотни и тысячи евреевъ, рассказывается въ цитируемомъ мною сочиненіи, пали во имя своего возлюбленнаго Бога... Они предпочитали лютую, мучительную смерть измѣнѣ звѣрѣ предковъ своихъ... Особеннымъ самоотверженіемъ отличались евреи Немирова, Тульчина и др., шедшіе на казнь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ... Многие, однако, устрешенные ужасными зрѣлищами валявшихся несчастныхъ жертвъ, промѣняли священную религію на постыдную жизнь. Многія женщины подавали руки убійцамъ своихъ отцовъ и братьевъ.

¹ Натанъ Гановерь. Іевейнъ Мецуло. Цитирую еврейскій текстъ.

О татарахъ и ихъ отношеніяхъ къ несчастнымъ евреямъ Натанъ Гановеръ отзывается довольно похвально: татары не производили такой страшной рѣзни евреевъ, какъ казаки. Они предпочитали увозить плѣнныхъ евреевъ за-границу и потребовать тамъ отъ ихъ единовѣрцевъ богатый выкупъ.

О страшныхъ подробностяхъ этой катастрофы мы узнаемъ также, читая душу раздирающія молитвы, установленныя въ память погибшихъ, которыя ежегодно, въ годовщину бѣдствія, читаются во всѣхъ подольскихъ синагогахъ. Повторяю: отъ всего еврейскаго поселенія въ Подоліи осталась только десятая часть; всѣ же остальные умерщвлены были казаками или взяты въ плѣнъ татарами.

Въ 1664 г. въ Субботовъ явился польскій полководецъ Чарнецкій и, предавъ этотъ городъ огню и мечу, велѣлъ выбросить изъ могилы трупы героевъ 1648—9 гг. — Хмельницкаго и сына его Тимоша. Это обстоятельство подало поводъ къ новымъ безпорядкамъ, продолжавшимся до 1672 г. Съ этихъ поръ Подолія подпадаетъ уже подъ власть Турціи и продолжаетъ быть турецкой провинціей до 1699 г. Однако, жизнь подольскихъ евреевъ, послѣ присоединенія этого края къ турецкимъ владѣніямъ, продолжала по прежнему быть печальной: казацкій духъ еще очень силенъ былъ въ этой странѣ; своеволие и деспотизмъ казаковъ не знали границъ; они по прежнему продолжали безчинствовать и наводить страхъ на обывателей. Такъ, наприм., второй сынъ Хмельницкаго, Юрій, имѣвшій свое мѣстопробываніе въ Немировѣ, установилъ обязательный налогъ для всѣхъ желающихъ вступить въ бракъ. Одинъ богатый еврей, бывшій въ большомъ почетѣ у турецкихъ властей, сыгралъ свадьбу своего сына, не внесши предварительно установленной дани. Это сильно рассердило Юрія, и онъ велѣлъ поджечь домъ этого еврея, а жену его онъ казнилъ ужаснымъ образомъ: съ нея содрали кожу. Но эта гнусная расправа не прошла для Юрія безнаказано. Турецкій намѣстникъ въ Каменецъ-Подольскѣ потребовалъ его къ себѣ. Тамъ онъ совмалъ въ своемъ жестокомъ преступленіи и въ чревѣрномъ угнетеніи горожанъ. Юрія задушили, а трупъ его бросили въ рѣку ⁴.

Описанныя бѣдствія имѣли своимъ послѣдствіемъ временный застой въ области еврейской богословской литературы. Хотя

⁴ В. В. Автоповичъ и В. А. Вецъ. Ист. дѣят. Ю. З Р. вып. I.

казацкія безчинства отчасти прекратились и потеряли свой острый характеръ, но бѣдственное положеніе, въ которомъ евреи очутились, убило въ нихъ всякія потребности въ какой бы то ни было умственной пищѣ. Такое состояніе—состояніе полнѣйшей умственной апатіи и бездѣятельности—продолжалось до 1678 г. Начиная съ этого времени, подольскіе евреи были разбужены отъ своей многолѣтней спячки и сильное умственное броженіе замѣчается между ними. Причиной тому было появленіе въ Подоліи различныхъ мистически-религіозныхъ сектъ. Ученіе лже-мессіи Саббатая Цеви занесено съ востока въ этотъ край, гдѣ оно приобрѣло себѣ очень много адептовъ; возникла секта такъ назыв. саббатіанцевъ, изъ которыхъ особенно выдавалась мистическое братство или орденъ Іуды Хасида; появляется франкизмъ, основателемъ котораго былъ пресловутый Яковъ Франкъ, отвергавшій Талмудъ и провозгласившій книгу Зогаръ единственнымъ и законченнымъ еврейскимъ ученіемъ. (Въ концѣ концовъ онъ довелъ своихъ приверженцевъ до полного перехода въ христіанство). Распространяются послѣдователи такъ называемаго новаго хасидизма, изобрѣтеннаго извѣстнымъ чудодѣемъ Бештомъ. Подолія по справедливости можетъ быть названа мѣстомъ рожденія новаго хасидизма; изъ Подоліи движеніе это проникло на Воынь, а оттуда оно распространилось по всѣмъ польскимъ и литовскимъ городамъ. Несмотря на то, что хасиды всячески утверждали, что ученіе ихъ радикально расходится съ ученіемъ Саббатая Цеви и Якова Франка, тѣмъ не менѣе многіе раввины, тщательно оберегавшіе обрядовой іудаизмъ, энергично вставали противъ нихъ, преслѣдовали и часто подвергали ихъ анаемѣ, доказывая, что хасидизмъ, подобно франкизму, заключаетъ въ себѣ очень вредные элементы и деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ на своихъ послѣдователей. Между приверженцами хасидизма и его противниками завязалась рѣшительная и ожесточенная борьба. Борьба эта велась до тѣхъ поръ, пока новое несчастье, обрушившееся на голову подольскихъ евреевъ, не прекратило на время междуусобицы. Новое бѣдствіе явилось въ лицѣ гайдамаковъ и ихъ храбрыхъ вождей Желѣзняка и Гонты, и имѣло своимъ послѣдствіемъ опустошеніе значительной части Украйны и Подоліи и гибели многихъ тысячъ евреевъ. О гайдамачинѣ вообще и ея отношеніяхъ къ подольскимъ евреямъ въ частности я уже однажды на этомъ мѣстѣ подробно говорилъ¹,

¹ Авторъ прочелъ по этому поводу докладъ въ Нѣжинскомъ ист. обществѣ.

почему я этого эпизода изъ жизни подольскихъ евреевъ касаться не буду. Я обращаюсь теперь къ характеристикѣ хасидскихъ сектантовъ, которые, по усмирении движенія коліевъ, проснулись изъ своего забытiя и съ новыми силами, съ необыкновенной энергіей, достойной лучшаго дѣла, начали пропагандировать и распространять свое ученіе.

Основные начала хасидизма рѣзко отличаются отъ началъ практической Каббалы. Въ то время, какъ послѣдователи Каббалы видятъ конечную цѣль въ жизни, высшее благо для человѣка въ аскетическомъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ, въ постоянномъ, вѣчномъ пребываніи въ страхѣ и унынiи за содѣянные грѣхи, за которые человѣкъ долженъ всегда быть на готовѣ отвѣчать передъ Богомъ, — приверженцы хасидизма отвергаютъ всякое удрученное состояніе духа, отрицаютъ всякія тѣлесныя истязанія, вызывающія расслабленіе организма, что, въ свою очередь, влечетъ за собою ослабленіе благотворнаго вліянiя души на тѣло; общеніе же съ Богомъ, говоритъ основатель хасидизма, достигается исключительно посредствомъ восторженной, экзальтированной молитвы, которая и вызываетъ благоволеніе Божіе. Основатель хасидизма Беръ Межирѣцкiй дополнилъ ученіе Бешта новымъ религиознымъ культомъ. Сущность хасидизма заключается, по его мнѣнію, въ признаніи чудодѣйственной силы цадика (слово *цадикъ* въ буквальномъ смыслѣ значитъ праведникъ, а на языкѣ хасидовъ это означаетъ чудодѣя, любимца Бога).

Бештъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ обязанности человѣка передъ Богомъ. Если, говоритъ онъ, человѣкъ совершилъ какой-нибудь неблаговидный поступокъ, ему не слѣдуетъ, однако, предаваться черевмѣрному унынiю и сильно сокрушаться о содѣянномъ грѣхѣ. Глубокая печаль и унынiе парализующе дѣйствуютъ на душевное спокойствіе человѣка и мѣшаютъ ему сосредоточить свою мысль и выражать свое раскаяніе въ горячей, проникнутой искреннимъ чувствомъ, молитвѣ. Человѣкъ обязанъ только искренно раскаяться въ содѣянномъ преступленіи и твердо рѣшить никогда больше его не повторять. Богъ, проникающій въ тайники человѣческой души и знающій всѣ ея добрыя намѣренія и побужденія, проститъ человѣка даже и тогда, если его добрыя намѣренія дали отрицательные результаты. Долго унывать не слѣдуетъ, а наоборотъ. Лучше быть въ восторженномъ настроеніи, искать въ молитвѣ ободренія и утѣшенія. Бичевать же свое тѣло, подвергать его все-

возможнымъ лишеніямъ не слѣдуетъ, а напротивъ человѣку надлежитъ слѣдить за здоровьемъ своего организма, ибо только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть и здоровая душа. Должно помнить, что только сосредоточенная и экзальтированная молитва находитъ благоволеніе въ глазахъ Милосерднаго Бога.

Внукъ Бешта Нахманъ Брацлавскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ истиннаго хасида: Благочестивый человѣкъ долженъ постоянно исповѣдываться передъ цадикомъ. Царствіе небесное возможно на землѣ только тогда, если человѣкъ твердо увѣруетъ въ могущество цадика и его чудодѣйственную силу.

Хасидизмъ и цадикизмъ сразу завоевали себѣ господствующее положеніе въ Подоліи, и усилія раввиновъ уничтожить это движеніе или по крайней мѣрѣ ослабить его влияніе оказались безуспѣшными.

Въ 1794 г. Подолія была присоединена къ русскимъ владѣніямъ, и съ этого времени на евреевъ этого края простираются уже общія, дѣйствующія въ Имперіи для всѣхъ ихъ единоверцевъ, узаконенія.

Н. В. Галагъ.

АНТИСЕМИТИЗМЪ¹.

КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ПАРИЖСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. А. ЛЕРУА-ВОЛЬЕ.

III.—Антисемитизмъ съ національной точки зрѣнія.

Семитическая и арійская расы. — Слѣдуетъ ли смотрѣть на семитическую расу, какъ на расу низшаго разряда. — Семитическая кровь и христіанство. — Еврей и племенной духъ. — Ассимиляція евреевъ и антисемитизмъ. — Еврейскій космополитизмъ. — Не виновны ли и сами обвинители въ томъ же, въ чемъ они обвиняютъ другихъ.

Займемся теперь разсмотрѣніемъ обвиненій на національной почвѣ, взводимыхъ противъ еврея, который производитъ будто бы растлѣвающее дѣйствіе на національныя чувства народовъ, среди которыхъ онъ живетъ. А такое обвиненіе является сугубо тяжкимъ въ наше время преобладанія національнаго духа во всѣхъ народахъ.

Еврей, говорятъ, представляетъ собою неассимилирующійся элементъ, не только въ силу своей религіи, хотя, по правдѣ сказать, еврей остается евреемъ главнымъ образомъ благодаря своей религіи, — но въ силу самыхъ свойствъ своей расы. Однимъ словомъ — онъ семитъ. Значеніе, приписываемое современнымъ антисемитизмомъ расовой идеѣ, выразилось даже въ присвоенномъ имъ себѣ названіи, тогда какъ для него гораздо правильнѣе было бы называться просто антиюдаизмомъ, такъ какъ если семитическая раса и существуетъ въ дѣйствительности, то большинство ея представителей не имѣютъ ровно никакого отношенія къ нашимъ антисемитамъ. Но враги Израиля, посредствомъ высокопарнаго слова—антисемитизмъ, очевидно, хотѣли подчеркнуть, что въ лицѣ евреевъ они преслѣдуютъ этническій элементъ, пришлый съ востока и являющійся чѣмъ то въ

¹ См „Восходъ“, кн. VIII.

родѣ посторонняго тѣла, проиикшаго въ плоть арійскихъ народовъ.

Нѣсколько голосовъ. Совершенно вѣрно.

Я рѣшительно не имѣю возможности доискиваться теперь отвѣта на вопросъ о томъ, до какой степени слѣдуетъ считать еврея чистокровнымъ семитомъ, о чемъ я крайне сожалѣю, такъ какъ это различіе между семитической и арійской расами и противопоставленіе ихъ составляетъ суть современнаго антисемитизма, на который прежде всего слѣдуетъ смотрѣть какъ на этнографическую доктрину, основанную на условной антропологии и на какой то мнимой философіи исторіи. Этимъ то путемъ антисемитизмъ и старается придать себѣ научный отгѣнокъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія науки онъ является или этнографической теоріей, или ничѣмъ.

Если бы время позволяло мнѣ, то я доказалъ бы вамъ, что кровь Израиля, съ теченіемъ вѣковъ, неминуемо должна была подвергнуться весьма значительной примѣси. Вообще историческія теоріи о расахъ кажутся мнѣ до нельзя сомнительными и обманчивыми. Но допустивъ даже, что еврей—семитъ по своему происхожденію, а мы, христіане, принадлежимъ къ арійской расѣ, даетъ ли это намъ право повторять, за одно съ лжепророками антисемитизма, что семитическая раса принадлежитъ къ низшему разряду, чѣмъ наша, арійская? Можемъ ли мы утверждать, что эта семитическая раса ни съ интеллектуальной, ни съ моральной точки зрѣнія не можетъ сравниться съ сильной арійской расой? Антисемиты вообще большіе любители этнографіи, которую они пускаютъ въ ходъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, примѣшивая ее и къ прошедшему, и къ настоящему, причемъ этнографія ихъ всегда оказывается весьма простой, можно даже сказать, до наивности простоватой. Поэтому, должно быть, и арійцы представляются ихъ воображенію носителями самыхъ возвышенныхъ и великодушныхъ чувствъ, а семиты, наоборотъ, кажутся имъ живымъ воплощеніемъ корыстныхъ, низменныхъ и самыхъ недостойныхъ побужденій.

Громкіе возгласы на нѣкоторыхъ скамьяхъ: Очень хорошо! Очень хорошо!

Но, господа, вѣдь это мы сами, такъ называемые арійцы, описываемъ себя въ столь лестномъ для насъ видѣ, и семиты могутъ, пожалуй, напомнить намъ старинную басню о звѣряхъ, любующихся на самихъ себя въ своемъ собственномъ изображеніи. Такіе портреты не рѣдко страдаютъ крайнимъ пристрастіемъ. И я тоже не прочь былъ бы присоединить свой голосъ къ хвалебному хору, воспѣвающему арійцевъ, такъ какъ въ жилахъ моихъ тоже течетъ кровь коренного француза, древняго нормана, если только мы, галлы, сыны нашей галльской земли, дѣйствительно имѣемъ право называть себя арійцами. Но меня смущаетъ мысль о томъ, на сколько присущи намъ въ дѣйствительности тѣ преимущества, которыя мы такъ смѣло приписываемъ себѣ. Можемъ ли мы подтвердить путемъ историческихъ фактовъ или научныхъ данныхъ, что арійцы всегда являлись рыцарями чести и всякихъ доблестей, а семиты — вмѣстилищемъ всего позорнаго и унижительнаго для человѣка?

Можемъ ли мы согласиться съ мнѣніемъ, высказываемымъ и даже возводимымъ въ принципъ врагами евреевъ, утверждающими, что семитъ—есть низшее существо, и что ни одинъ изъ сыновъ Сима не можетъ отрѣшиться отъ грубой матеріи и возвыситься до идеальныхъ стремлений? Но если мы допустимъ это, то какимъ образомъ объяснимъ себѣ возникновеніе христіанства? Я знаю, впрочемъ, между антисемитами и такихъ, которые въ своихъ разсужденіяхъ остаются послѣдовательными до конца, говоря: самая главная вина и самое тяжкое преступленіе семитовъ состоитъ въ томъ, что они были праотцами религіозной идеи, и этого мы никакъ не можемъ простить имъ. То же самое повторялъ когда то и Вольтеръ, такъ безпощадно издѣвавшійся надъ Израилемъ и Библией и съ одинаковымъ пренебреженіемъ смотрѣвшій какъ на Ветхій, такъ и на Новый Завѣтъ. Но какъ, господа, отрицать фактъ, что христіанство вышло изъ семитической расы. Вы, конечно, видали въ нашихъ старинныхъ соборахъ стволъ мистическаго дерева Іессея, возвышающагося за стекломъ съ своими развѣсистыми вѣтвями, на которыхъ изображены предки нашего Спасителя. И всѣ эти предки „Сына Давидова“ были семиты, были евреи. Кровь, текшая

въ жилахъ Христа и искупившая, согласно христіанской вѣрѣ, весь родъ человѣческой, была семитической кровью. Пресвятая Дѣва Марія, апостолы и первые послѣдователи Искупителя міра тоже принадлежали къ израильскому племени.

Одинъ изъ слушателей. Иуда, да, съ этимъ я согласенъ.

Да, между двѣнадцатью апостолами былъ также и Иуда, но къ числу ихъ принадлежали тоже Петръ, Іоаннъ и Павелъ Тарсскій, бывшіе чистокровными евреями. Такимъ образомъ современные пилигримы, съ благоговѣніемъ преклоняющіе колѣна передъ исповѣдальной римскаго святителя Петра, или латеранскаго святителя Іоанна, въ лицѣ ихъ, чтятъ, сами того не вѣдая, не арійскія, а семитическія реликвіи. Возможно ли послѣ этого, чтобы истинный христіанинъ рѣшился повторять, за одно съ антисемитическими учителями, что семитическая кровь должна считаться по своимъ качествамъ— кровью низшаго разряда, и что она вытекаетъ изъ нечистаго и зараженнаго источника? (Рукоплесканія, прерываемыя протестующими голосами).

И замѣтите, господа, что антисемиты не ограничиваются нападками только на современное еврейство. Нѣтъ, они идутъ гораздо дальше, забираются въ глубину самой отдаленной древности. Они усердно штудируютъ Ветхій Заветъ, еврейскіе законы и обычаи, въ надеждѣ подмѣтить въ нихъ черты, подтверждающія, по ихъ мнѣнію, излюбленный ими тезисъ, такъ какъ этотъ тезисъ, не забудьте, служить главной основой для псевдо-научнаго антисемитизма. Но они такъ увлекаются своей ненавистью къ древнему народу Божію, что совершенно выпускаютъ изъ вида то обстоятельство, что своими яркими нападками на Ветхій Заветъ и на его законы они невольно затрагиваютъ также и новозавѣтныя ученія.

Но оставимъ въ сторонѣ эту прегенціозно-педантичную этнографію любителей, совершенно игнорирующихъ строгонаучные методы, и займемся разсмотрѣніемъ болѣе серьезнаго пункта обвиненій, раздающихся противъ евреевъ и опирающихся по крайней мѣрѣ на фактахъ.

Еврей, со времени разсѣянія израильскихъ племенъ между иновѣрцами, постоянно занималъ изолированное положеніе посреди мѣстнаго населенія, не желая или не умѣя ассими-

лироваться въ окружавшей его средѣ; даже цѣлые вѣка, протекшіе надъ его головой, не могли повліять на него въ этомъ отношеніи и заставить его слиться воедино съ своими сосѣдями. Чѣмъ же объяснить это упорное отчужденіе? Одинъ ли онъ виноватъ въ этомъ, или же и сами мы были далеко не безупречны въ этомъ случаѣ, отталкивая его отъ себя нашими законами и нашимъ предубѣжденіемъ противъ него?

Вѣковое отчужденіе еврея слѣдуетъ объяснять двоякой исторической причиной, обусловливаемой какъ собственнымъ его закономъ, такъ и нашими. Оно является результатомъ съ одной стороны Моисеева закона и ритуальныхъ уставовъ, предписанныхъ Торой и не только подкрѣпленныхъ, но даже крайне расширенныхъ раввинами и Талмудомъ; а съ другой — нашихъ средневѣковыхъ законовъ относительно закрѣпощенія до нельзя стѣсненныхъ границъ еврейскихъ гетто. Такимъ образомъ, еврей всюду очутился какъ бы секвестрированнымъ отъ прочихъ людей, отдѣленнымъ посредствомъ двойной стѣны отъ всѣхъ расъ и національностей. Какое же право имѣемъ мы вмѣнять ему въ преступленіе его обособленность, когда мы сами въ теченіе столькихъ вѣковъ постоянно отталкивали его отъ себя, и при малѣйшей его попыткѣ выйти изъ своего заключенія вынуждали его снова замкнуться въ его тѣсномъ и смрадномъ гетто? И можно ли удивляться послѣ этого, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стѣны гетто уже пали, освобожденный еврей все еще сохраняетъ иногда слѣды своего вѣкового заточенія.

Совершенно справедливо, что даже у цивилизованнаго еврея можно подмѣтить иногда такія неизгладимыя черты, которыя я называю духомъ племени. И чѣмъ ближе подвигаешься къ востоку, къ современной польской Іудеѣ, тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза эти типичныя черты. Этотъ племенной духъ побуждаетъ евреевъ поддерживать другъ друга, образуя одно цѣлое, и въ виду этого принципа прокламируется такъ называемая еврейская солидарность. Правда, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, этотъ племенной духъ началъ было замѣтно ослабѣвать въ западныхъ странахъ. Если же онъ снова

заговорилъ въ еврейхъ, побуждая ихъ къ тѣснѣйшему сближенію между собой и къ отчужденію отъ христіанъ, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ гнетомъ и враждебными нападками, которымъ они подвергаются извнѣ, такъ какъ всякія гоненія, воздвигаемыя противъ человѣческихъ группъ — національныхъ ли, этническихъ, или религиозныхъ группъ — всегда, господа, и всюду приводили къ скрѣпленію связи между ними. Въ виду этого, антисемитизмъ, объявивъ безпощадную войну евреямъ и угрожая имъ лишеніемъ общечеловѣческихъ правъ, вынуждаетъ ихъ какъ можно крѣпче держаться другъ за друга и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно обрекаетъ ихъ на возвратъ къ прежнему отчужденію и замкнутости, которая онъ самъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе. (Рукоплесканія и ропотъ).

Такимъ образомъ, процессъ ассимиляціи, постепенно подвигавшійся впередъ, былъ остановленъ тѣми самыми людьми, которые упрекаютъ евреевъ въ нежеланіи или неспособности ассимилироваться. Столь желанный режимъ свободы и равенства, впервые установленный во Франціи столѣтіе тому назадъ, подготавливалъ ассимиляцію, а можетъ быть даже и полное поглощеніе евреевъ общимъ населеніемъ. Встревоженные старые раввины громко жаловались на ослабленіе традиционныхъ узъ, на опустѣніе синагоги, забвеніе закона и ритуальныхъ предписаній, учащеніе случаевъ обращенія въ христіанство и смѣшанныхъ браковъ, дававшихъ начало новому поколѣнію христіанъ, и прочія вѣянія времени, клонившіяся къ умаленію числа, національной связи и силы сыновъ Іудеи. Въ виду этого, въ синагогѣ не разъ уже обсуждался вопросъ — есть ли какая нибудь надежда на то, что еврей и еврейство, пережившіе столько вѣковъ гоненія, переживутъ также и свою эманципацію? Но антисемитизмъ разомъ остановилъ этотъ процессъ разложенія или преобразования еврейства, воспламенивъ съ обѣихъ сторонъ аравическія страсти и старинныя предубѣжденія. Онъ заставилъ евреевъ, быть можетъ на долгое время, снова замкнуться въ своемъ заповѣдномъ кругу, и такимъ образомъ — позвольте мнѣ это высказать — антисемитизмъ усилилъ іудаизмъ и укрѣпилъ народъ Израилевъ. (Рукоплесканія и протесты).

Отъ обвиненій еврея въ обособленности антисемиты переходятъ обыкновенно къ обвиненію его въ космополитизмъ.

Но еврей, обреченный на вѣковое отчужденіе отъ прочихъ націй, съ одной стороны собственнымъ его закономъ, а съ другой—нашими—однимъ словомъ, историческими условіями,—неизбѣжно долженъ былъ очутиться въ положеніи космополита *sui generis*. По независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не привыкъ считать себя соотечественникомъ христіанъ, посреди которыхъ ему приходилось жить. Изгоняемый отовсюду, гдѣ бы онъ ни раскидывалъ свой походный шатеръ, осаждаемый вѣчными преслѣдованіями и всевозможными случайностями своей невѣрной судьбы, несчастный Израиль долженъ былъ постоянно чувствовать себя въ положеніи безпріютнаго скитальца, незнающаго отечества. Когда же и гдѣ могъ онъ проникнуться патриотическими чувствами? Ужъ не въ тѣхъ ли государствахъ, которыя отказывали ему въ гражданскихъ правахъ? Многіе изъ евреевъ до сихъ поръ носятъ въ душѣ и въ складѣ своего характера слѣды былыхъ скитаній по свѣту; они не могли пустить корня въ той почвѣ, которая носитъ ихъ на себѣ, и чувствуютъ себя чѣмъ то въ родѣ полужеземцевъ въ странѣ, давшей имъ пріютъ только какъ прохожимъ, какъ временнымъ постояльцамъ, которыхъ она завтра же можетъ выпроводить изъ своихъ предѣловъ, какъ она выпроваживала когда-то ихъ отцовъ. Между ними, дѣйствительно, встрѣчается не мало космополитовъ, что, конечно, объясняется тѣмъ, что имъ отказано въ возможности имѣть собственное отечество, и всѣ ихъ попытки найти для себя это желанное отечество остались безплодными. Можно ли требовать, чтобы еврей, дѣды котораго родились, положимъ, въ Варшавѣ, или въ Вильнѣ, отецъ проживалъ то въ Франкфуртѣ, то въ Берлинѣ, и наконецъ, передъ смертью, выселился въ Парижъ, а сыновья или внуки, быть можетъ, вынуждены будутъ эмигрировать за Атлантическій океанъ,—итакъ можно ли требовать, чтобы этотъ еврей былъ такимъ же преданнымъ сыномъ Франціи, какъ наприимѣръ, мы съ вами, господа, представляющіе собою, такъ сказать, вѣтви вѣковыхъ дубовъ, глубоко пустившихъ свои корни въ родной

имъ французской почвѣ? (Рукоплесканія). Кромѣ того, евреевъ, какъ и христіанъ, не слѣдуетъ мѣрять всѣхъ одной и той же мѣркой; поэтому, повторяю опять, антисемиты поступаютъ не только не логично, но даже крайне несправедливо, примѣняя по отношенію къ евреямъ несправедливую гуртовую теорію. Не мѣшаетъ прибавить также, что во Франціи встрѣчаются не одни только евреи, недавно переселившіеся сюда, чтобы составить себѣ состояніе, или же чтобы спокойно наслаждаться жизнью въ качествѣ вполнѣ обеспеченныхъ людей въ матеріальномъ отношеніи; но есть и такіе, которые цѣлыми поколѣніями и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ проживаютъ въ нашемъ отечествѣ, какъ, на примѣръ, бордоскіе евреи, или евреи Франшъ-Конте. Неужели же кто нибудь изъ насъ сочтетъ себя въ правѣ оспаривать названіе французовъ у этихъ евреевъ, родившихся и выросшихъ въ нашемъ отечествѣ, воспитанныхъ въ нашихъ школахъ и проникнутыхъ тѣми же патріотическими чувствами, которыя заставляютъ биться и наши сердца? (Рукоплесканія, прерываемыя протестующими возгласами).

Считаю нелишнимъ указать также и на тотъ фактъ, что тѣ изъ евреевъ, которые составили себѣ у насъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе, столь нелестную репутацію своими интригами и продѣлками по части подкупа, принадлежали къ числу авантюристовъ, явившихся къ намъ изъ за Рейна, и если они дѣйствительно играли неблаговидную роль въ нашей республикѣ, то отвѣтственность за подобныя прискорбныя явленія падаетъ прежде всего на современные намъ нравы, отличающіеся крайней распущенностью какъ въ частной, такъ и въ общественной нашей жизни.

Господа, мнѣ пришло сейчасъ въ голову одно соображеніе, возникшее во мнѣ благодаря тому мѣсту, въ которомъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами въ данную минуту. Я нахожу, что обвиненія евреевъ въ космополитизмѣ, даже если бы они были и вполнѣ заслужены ими, должны быть проносимы католиками съ крайней осмотрительностью, такъ какъ обвиненія эти могутъ быть направлены также и противъ нихъ самихъ. Дѣло въ томъ, что люди, повторяющіе на всѣ лады, что евреи всюду вносятъ съ собою космополити-

чeskій элементъ, что они всегда ставятъ на первомъ планѣ интересы своей расы и представляютъ собою нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, — совершенно безсознательно повторяютъ слово въ слово тѣ же жалобы, которыя такъ часто раздавались не противъ однихъ только евреевъ. Не слѣдуетъ забывать, что обвиненіе въ космополитизмѣ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тяготѣло также надъ католической церковью, надъ ея духовенствомъ и монахами.

Одинъ изъ слушателей. Но французское и итальянское духовенство далеко не одно и то же, тогда какъ французскій еврей—тотъ же всесвѣтный еврей.

Г. А. Леруа-Болье. Разумѣется, французское духовенство совсѣмъ не то, что итальянское. Я такъ хорошо знаю нашихъ священниковъ, что не могу не воздать должное ихъ патриотизму. Да, французскіе католики имѣютъ полное право на названіе самыхъ горячихъ патриотовъ, и шаретскіе зуавы на дѣлѣ доказали это во время битвы при Патэ. Но несмотря на это, упреки въ космополитизмѣ не разъ градомъ сыпались на головы французскихъ католиковъ, задѣвая при этомъ ихъ церковь, духовенство и религіозные ордена. А между тѣмъ, господа, если католики, какъ граждане, по чувствамъ и по сердцу, принадлежатъ своему отечеству, то церковь ихъ во всякомъ случаѣ должна имѣть космополитическій, интернаціональный и даже, если хотите, суперъ-интернаціональный характеръ. Я держусь даже того мнѣнія, что всякая великая религія непремѣнно должна быть космополитической, поэтому думаю, что главная сила и преимущества католицизма заключаются въ томъ, что онъ прежде всего служить представителемъ всемірной церкви, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и самое его названіе. Эту характеристическую черту католической религіи нельзя отрицать, не отвергнувъ самаго ея названія —католической. Вы не можете не признать того факта, что верховный глава католическаго духовенства имѣетъ пребываніе за границей, и что большая часть нашихъ великихъ религіозныхъ орденовъ и знаменитое церковное войнство имѣютъ интернаціональную организацію. Итакъ, господа, вы и сами видите, что обвинения, раздаю-

щіяся противъ евреевъ, совершенно тождественны съ обвиненіями, взводившимися противъ іезуитовъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Да, между этими обвинительными актами усматривается такое поразительное сходство, что имена судей, пожалуй, тоже могли бы фигурировать между именами подсудимыхъ.

Загляните въ трактаты Ла-Шалотэ и позднѣйшихъ его подражателей, и вы увидите, что іезуиты, — а подъ этимъ названіемъ не рѣдко подразумѣвались всѣ религіозныя конгрегации и даже иногда всѣ католики вообще, — во всѣ періоды своего существованія обзывались также, какъ и евреи, и космополитическимъ элементомъ, и болѣзненнымъ наростомъ на организмѣ націи, и даже государствомъ въ государствѣ, по цвѣтистому выраженію нашихъ старыхъ законниковъ. Перешагните за предѣлы Франціи и зайдите въ Вестминстеръ, во время преній англійскаго парламента объ эманципации католиковъ, — и вы опять таки услышите повтореніе тѣхъ же самыхъ аргументовъ, направленныхъ противъ приверженцевъ римской церкви, какіе выставляются и противъ эманципации евреевъ, а именно—что у католиковъ, также какъ и у евреевъ, имѣется собственное отечество на сторонѣ, и что они повинуются лозунгу, получаемому ими извнѣ. (Энергическіе протесты). Наконецъ, если бы я могъ внезапно перенести васъ за океанъ, чтобы доставить вамъ возможность присутствовать на собраніяхъ американской лиги защиты противъ римской церкви, то вамъ пришлось бы на берегахъ Гудсона и Миссисипи выслушать тѣ же самыя жалобы и увидеть ту же тактику. (Громкія возраженія съ разныхъ сторонъ).

Мнѣ было бы весьма прискорбно думать, что я не понятъ вами, господа. Смѣю васъ увѣрить, что я далеко не раздѣляю обвиненій противъ католиковъ, на которыя я указываю. Напротивъ, я готовъ, съ документами въ рукахъ, свидѣтельствовать противное, и думаю, что мои опроверженія должны имѣть не меньшую силу, чѣмъ опроверженія антисемитовъ, такъ какъ я не считаю подобныя обвиненія достаточными, чтобы отказывать въ гражданскихъ правахъ кому бы то ни было—еврею или іезуиту. (Рукоплеска-

нiя). Я позволяю себѣ только указать вамъ на то, что упрекъ, который вы дѣлаете вашимъ недругамъ, можетъ задѣть за живое также и вашихъ друзей. Въ виду этого, я считаю своимъ долгомъ повторить опять, въ интересахъ какъ католической церкви, такъ и нашего общаго отечества, что мы должны смотрѣть на этотъ коварный упрекъ въ космополитизмъ, какъ на предательское оружіе съ двумя остріями, которымъ друзья религіозной свободы, а также и католики, должны дѣйствовать съ большою осторожностью, чтобы не поранить имъ самихъ же себя. (Рукоплесканiя).

IV. Антисемитизмъ съ экономической и социальной точки зрѣнiя.

Еврейскій паразитизмъ и паразитизмъ буржуазный.—Богатство и бѣдность.—Система выпотенiя (Sweating system) и англо-саксонскій антисемитизмъ.—Еврей и земля.—Еврей и его пристрастiе къ афферамъ.—Еврей и христіанскіе законы о ссудѣ подъ проценты.—Паразитствующія расы.—Высшія банковыя сферы и большія состоянiя.—Еврей и свободныя профессiи.—Антисемитизмъ и протекціонизмъ.—Антисемитизмъ и социализмъ.

Я дошелъ, господа, до самаго сложнаго вопроса моей бесѣды съ вами, который, въ виду поздняго времени, а также, (надо это отмѣтить) и вслѣдствіе частыхъ перерывовъ, которыми вы меня не щадили и которые замедляли мою рѣчь,—я вынужденъ буду обсуждать уже вкратцѣ. Итакъ, приступимъ теперь къ разсмотрѣнiю жалобъ другого рода, раздающихся со стороны антисемитовъ и имѣющихъ, такъ сказать, экономическую подкладку. Для грубой и не размышляющей толпы этотъ послѣдній пунктъ представляетъ перво-степенное значеніе.

Въ данномъ случаѣ, сущность упрековъ, направляемыхъ по адресу евреевъ, исчерпывается однимъ словомъ „паразитизмъ“.—Еврей,—говорятъ ихъ недруги,—паразиты, потому что они предпочитаютъ заниматься тѣмъ, что охотно называютъ паразитными профессiями—маклеровъ, негоціантовъ, банкировъ, мѣняль. Это объясняется тѣмъ, что увѣряютъ—и нерѣдко вполне ошибочно,—будто евреи способны только къ выполнению обязанностей посредниковъ.

Таковъ общій смыслъ упрековъ этого рода, формулированныхъ въ грубоватой ихъ наготѣ.

Но допустивъ даже, что евреи дѣйствительно исполняютъ только роль посредниковъ, — что положительно не вѣрно, какъ мы то сейчасъ увидимъ, — можно ли и справедливо ли обзывать всѣхъ посредниковъ паразитами? Если мы вздумаемъ, господа, причислять къ разряду паразитовъ всѣхъ негодяевъ, финансистовъ и вообще всѣхъ людей, добывающихъ себѣ средства къ жизни не ручнымъ трудомъ и не въ потѣ лица своего, то какую массу паразитовъ насчитаемъ мы и помимо еврейской среды. Если же вы возведете въ принципъ такое мнѣніе, что всякаго торговаго промышленника, всякаго посредника слѣдуетъ считать бесполезнымъ и даже вреднымъ членомъ общества, то должны будете относить этотъ принципъ безразлично — какъ къ еврею, такъ и къ христіанину, какъ къ семиту, такъ и къ аріицу. (Шумные перерывы).

Одинъ изъ слушателей. Согласны ли вы принять участіе въ публичной опровержительной конференціи въ другомъ мѣстѣ?

Г. А. Леруа-Болье. Я считаю неудобнымъ распространяться здѣсь по этому поводу. Благоволите написать мнѣ, и я сообщу вамъ мой отвѣтъ.

Тотъ же голосъ. Приглашеніе уже послано вамъ, и теперь остается только узнать, будетъ ли оно принято вами.

Г. Леруа-Болье Не знаю, господа, можно ли ожидать отъ васъ проявленія большей терпимости въ публичномъ собраніи; но судя по тому, что я лично слышалъ и видѣлъ на конференціи въ улицѣ Серпантъ, я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ васъ и въ настоящемъ собраніи не могутъ похвалиться своей терпимостью. А между тѣмъ, тонъ моей бесѣды съ вами, кажется, не имѣетъ ровно ничего вызывающаго. — Неужели же вы рѣшитесь серьезно утверждать, что всякій человѣкъ, занимающійся финансовыми, банкирскими или коммерческими дѣлами, въ силу самой же профессіи, непременно долженъ быть причисленъ къ разряду паразитовъ? Но вѣдь доказывать это было бы также странно, какъ утверждать, что цивилизованное общество можетъ обойтись безъ банковъ и безъ торговаго об-

мѣна. Само собою разумѣется, что избытокъ въ посредникахъ всякаго рода представляетъ нѣкоторыя неудобства. Весьма возможно и то, что у насъ, какъ впрочемъ, и всюду, — при томъ какъ въ еврейской, такъ и въ христіанской средѣ, — оказывается слишкомъ много охотниковъ до профессій, считающихся—не рѣдко совершенно ошибочно—болѣе легкими и прибыльными. Но повторяю опять, это никакъ не даетъ намъ права обзывать всѣхъ посредниковъ и всѣхъ дѣловыхъ людей безъ исключенія паразитами и прожорливой саранчей.

Не забудьте также, что тотъ же самый упрекъ, который вы дѣлаете всѣмъ евреямъ, потому что между ними встрѣчается много коммерческихъ и предпріимчивыхъ людей, нѣкоторые господа изо дня въ день бросаютъ въ лицо всѣмъ тѣмъ, у кого руки не покрыты мозолями. Неужели же и мы, по примѣру нашихъ социалистовъ, начнемъ повторять, что честнымъ и производительнымъ трудомъ долженъ считаться только физическій трудъ? Позвольте мнѣ сослаться хотя бы на собственный примѣръ: я не мало потрудился на своемъ вѣку, работая иногда буквально до болѣзненнаго изнуренія, и несмотря на это, въ нѣкоторыхъ кругахъ нашихъ пресловутыхъ народолюбцевъ я тоже слышу подъ кличкой паразита. Я, конечно, не отрицаю того факта, что въ нашемъ обществѣ процвѣтаетъ не мало такихъ субъектовъ—и семитовъ, и арійцевъ,—которыхъ вполне заслуженно клеймятъ позорной кличкой паразитовъ; но я рѣшительно протестую противъ того, чтобы этотъ эпитетъ, въ силу вопіюще несправедливой гуртовой теоріи, примѣнялся къ цѣлому ряду профессій, безъ которыхъ ни одна цивилизованная страна не можетъ обойтись. (Шумъ). Если же вы, судя по ропоту неудовольствія, доходящему до меня, относите этотъ эпитетъ только къ евреямъ, обзывая ихъ всѣхъ безразлично паразитствующей расой, проживающей на счетъ другихъ народовъ, подобно омелѣ, растущей на яблонѣ и высасывающей изъ нея сокъ, то я посовѣтовалъ бы вамъ оглянуться вокругъ и прислушаться повнимательнѣе къ голосу народныхъ массъ. Спросите у нихъ, что подразумеваютъ они подъ словами—общественный паразитизмъ, и одного ли

только еврея они считаютъ паразитомъ. Вы и сами могли подмѣтить одинъ любопытный, а для нѣкоторыхъ изъ васъ, пожалуй, даже досадный, фактъ, что въ народныхъ сферахъ, стоящихъ пониже средняго сословія и мелкой буржуазіи, среди людей занимающихся мускульнымъ трудомъ, антисемитическая пропаганда не возбуждаетъ почти никакого сочувствія. Вожаки антисемитизма имѣли случай на дѣлѣ удостовѣриться въ этомъ. Причина этого явленія объясняется, конечно, тѣмъ, что французскій рабочій пролетаріатъ считаетъ паразитомъ не еврея, а всю нашу буржуазію. (Шумныя возраженія).

Господа, я никогда не подавалъ повода къ нарушенію тишины и порядка въ антисемитическихъ собраніяхъ. (Рукоплесканія). Тѣ же изъ васъ, которые протестуютъ противъ того, на что я указалъ сейчасъ,—плохо знаютъ нашъ народъ; но протесты ихъ не могутъ измѣнить фактовъ. Я тоже былъ бы очень радъ, если бы раздающіеся вокругъ насъ упреки и обвиненія въ паразитизмѣ могли быть отнесены только къ еврейскимъ капиталистамъ; но я такъ хорошо знаю нашъ народъ и такъ часто лично присутствовалъ на его собраніяхъ, что не могу обольщать себя никакими иллюзіями въ этомъ отношеніи. Забудьте также, господа, что обвиненія въ паразитизмѣ, такъ обильно изливаемыя антисемитами на головы всѣхъ евреевъ безъ исключенія, являются не единственно однородными обвиненіями, которыя наши социалисты изливаютъ, съ своей стороны, на головы всѣхъ буржуа: такое же характерное совпаденіе замѣчается и между обвиненіями, касающимися растлѣнія общественныхъ нравовъ.

Одинъ изъ слушателей. Вѣдь евреи произвели Панаму.

Г. А. Леруа-Болье. Очень вамъ благодаренъ, что вы напомнили мнѣ о ней, такъ какъ она тоже можетъ служить подтвержденіемъ моихъ доводовъ. Не странно ли это, господа, что антисемиты вывели изъ этого процесса то заключеніе, что евреи и сами всѣ хищники и въ другихъ развиваютъ хищническіе инстинкты; социалисты же, а за ними и пролетаріи, въ виду тѣхъ же самыхъ фактовъ, въ одинъ голосъ повторяли, что наши буржуа — воры всѣ до одного и

что весь этотъ классъ развращенъ до мозга костей. Какъ видите, антисемиты и социалисты, въ своихъ до наивности проповѣдываемыхъ обобщеніяхъ, всегда придерживаются гуртовой теоріи. (Рукоплесканія).¹

Нужно замѣтить также, что если евреи и дѣйствительно фигурировали въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ роли посредниковъ, то это обстоятельство никакъ не слѣдуетъ объяснять свободнымъ выборомъ съ ихъ стороны, или природной склонностью семитической расы. Причина этого заключается въ томъ, что для нихъ всегда и всюду систематически закрывался доступъ къ высшимъ профессіямъ, и ихъ какъ бы умышленно вынуждали заниматься самыми унижительными промыслами, за пристрастіе къ которымъ ихъ же вѣчно укоряютъ. Какъ видите, виноваты тутъ не столько евреи, сколько мы сами и наши законы о евреяхъ, или вѣрнѣе—противъ евреевъ. Вспомните, господа, что этими средневѣковыми законами, проникнутыми тираническимъ духомъ стараго режима, объ отмѣнѣ которыхъ антисемиты не совѣстятся громко выражать сожалѣніе,—еврею формально запрещалось заниматься какимъ бы то ни было производствомъ или продажей новыхъ вещей. Взвѣсьте вы это и вникните въ смыслъ хотя бы этого безчеловѣчнаго запрещенія—заниматься производствомъ равносильнаго запрещенію заниматься всякимъ производительнымъ трудомъ! И это продолжалось до самыхъ временъ революціи! Да, такой законъ процвѣталъ въ самомъ Римѣ. Въ виду этого, если бы еврей и дѣйствительно сдѣлался паразитомъ, какое же право имѣемъ мы упрекать его въ томъ, въ чемъ мы сами виноваты даже больше его?

Но справедливо ли то, что большинство евреевъ занимается тѣми профессіями, которыя социалисты, а вслѣдъ за ними и антисемиты, называютъ паразитными? Судя по тому, что рассказываютъ враги евреевъ объ ихъ богатствѣ, тщеслав-

¹ Позволяемъ себѣ указать здѣсь на слѣдующій фактъ: когда французская пресса единодушно поддерживала послѣдніе панамскіе выпуски, „Economist français“, во главѣ котораго стоитъ г. Поль Леруа Болье, былъ, кажется, единственнымъ журналомъ, дѣлавшимъ попытки оградить интересы публики и громко протестовавшимъ противъ дѣйствій панамской компаніи и ея соумышленниковъ.

ной роскоши и вліяніи, которымъ они пользуются въ высшемъ свѣтѣ, можно подумать, что они всѣ миллионеры и крупные капиталисты. Нахожу излишнимъ доказывать, что всѣ эти розсказы слѣдуетъ считать ни больше, ни меньше какъ плодомъ досужей фантазіи. Если бы мы дали себѣ трудъ основательно изслѣдовать вопросъ о профессіяхъ евреевъ какъ во Франціи, такъ и за границей, то пришли бы къ тому заключенію, что далеко не большинство изъ нихъ занимается финансовыми операціями, хотя бы по той причинѣ, что число какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ представителей финансоваго міра въ каждой странѣ весьма ограничено, и эти представители тоже далеко не всѣ принадлежать къ еврейской національности. Также мало довѣрія заслуживаютъ и толки о томъ, что большинство евреевъ—богачи. Напротивъ, очень и очень многіе изъ нихъ даже у насъ, во Франціи, ведутъ самое сѣренькое существованіе, а есть и такіе, которые терпятъ тяжелую нужду. (Возраженія). Если бы мы могли сгруппировать вмѣстѣ восемь или девять миллионъ евреевъ, разбѣянныхъ по всему свѣту, то, быть можетъ, мы насчитали бы между ними больше бѣдняковъ чѣмъ въ такой же цифрѣ ихъ христіанскихъ сосѣдей. Я могъ убѣдиться въ этомъ лично—de wisle, во время моего путешествія по Россіи и Польшѣ. Нужно замѣтить, что въ бывшей Польшѣ проживаетъ около половины евреевъ, взятыхъ въ общей ихъ сложности, и большинство этихъ польскихъ и малорусскихъ пролетаріевъ ведетъ такое тяжелое существованіе, что при посѣщеніи нѣкоторыхъ еврейскихъ кварталовъ даже у самыхъ черствыхъ антисемитовъ навѣрно сжалось бы сердце. Въ центрѣ и на востокѣ Европы ютятся цѣлыя массы еврейскихъ пролетаріевъ, которые какъ будто самой судьбой обречены жить изъ поколѣнія въ поколѣніе въ безвыходной нуждѣ. Эти горемычные пасынки судьбы, подобно христіанскимъ пролетаріямъ, живутъ трудами рукъ своихъ, но частію по недостатку физической силы, частію по недостатку профессиональнаго образованія, вынуждены всю жизнь довольствоваться самыми ничтожными заработками портныхъ и сапожниковъ, и этотъ еврейскій пролетаріатъ встрѣчается не

только на востокѣ, въ Россіи, Польшѣ, Венгріи, но также и въ Англіи и даже въ Соединенныхъ Штатахъ.

Эмигрируя изъ одной страны въ другую, восточные евреи занесли съ собой свою захудалость и бѣдноту въ оба свѣта, какъ о томъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны—Лондонъ, а съ другой—Нью-Йоркъ, эти великія англо-саксонскія метрополии, въ которыхъ сгруппировано въ настоящее время весьма многочисленное еврейское населеніе. Вы, конечно, не разъ слышали о надрывающихъ душу зрѣлищахъ нищенства, центромъ которыхъ служатъ восточные кварталы Лондона. Злополучный людъ, ютящійся въ Истъ-Эндѣ и въ Уайтчепелѣ, состоитъ преимущественно изъ евреевъ, и эти захудалые потомки праотца Іакова, по одолѣвающей ихъ нищетѣ, безпорно заслуживаютъ пальму первенства посреди окружающихъ ихъ оборванцевъ. Между моими слушателями, конечно, есть люди, интересующіеся социальными вопросами и хорошо знакомые съ возмутительной системой выпотенія. Эта гнусная система преимущественно примѣняется къ еврейскому пролетариату. Конечно, кулаками, отвратительными паразитами, высасывающими кровь изъ рабочаго люда, тѣснягагося въ грязныхъ, и смрадныхъ закоулкахъ,—являются отчасти и евреи. Но это доказываетъ только то, что въ жестокой борьбѣ за существованіе евреи не стѣсняются эксплуатировать другъ друга, и пресловутая еврейская солидарность оказывается недѣйствительной въ виду эгоистическихъ инстинктовъ челоѣческой природы. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ они являются не лучшими, чѣмъ христіане. Лондонъ и Нью-Йоркъ является не единственными пунктами земного шара, гдѣ еврей вступаетъ въ конкуренцію съ евреемъ же.

Въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ, въ сферахъ англійскихъ и американскихъ рабочихъ, тоже начинается возникать нѣчто въ родѣ антисемитизма *sui generis*. И знаете ли, господа, въ чемъ эти англо-саксонскіе *worksmen*ы (рабочіе) чаще всего упрекаютъ евреевъ? Можетъ быть, вы подумаете, что ихъ и на этотъ разъ обвиняютъ въ поползновеніяхъ захватить въ свои руки наиболѣе прибыльныя профессіи и монополизировать банковыя операціи? Нѣтъ, теперь ихъ упрекаютъ въ совершенно противоположномъ грѣхѣ, состоя-

щемъ въ томъ, что они, какъ говорятъ ихъ противники, понижаютъ, такъ называемый, „Standard of life“ (уровень существованія) рабочаго человѣка, довольствуясь минимальнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ и способствуя такимъ образомъ уменьшенію заработной платы. Короче говоря, лондонскіе и нью-іоркскіе рабочіе обвиняютъ евреевъ въ томъ же, въ чемъ наши французскіе рабочіе обвиняютъ итальянскихъ и бельгійскихъ. Въ виду такого факта, можно ли согласиться съ мнѣніемъ антисемитовъ, утверждающихъ, что еврей, въ качествѣ семита, является прирожденнымъ паразитомъ, постоянно живущимъ на чужой счетъ? Кромѣ того, не противорѣчитъ ли также этотъ фактъ увѣреніямъ антисемитовъ, что ненавистная имъ семитическая раса обладаетъ какимъ то особеннымъ даромъ вездѣ и всюду быстро разживаться безъ собственнаго труда, ловко пользуясь плодами чужихъ трудовъ?

Если же намъ, французамъ, несмотря ни на что, все таки кажется, что еврей обнаруживаетъ нѣчто въ родѣ наследственнаго влеченія или инстинктивнаго тяготѣнія къ финансовымъ или банкирскимъ дѣламъ, то чѣмъ же слѣдуетъ объяснить это непреодолимое пристрастіе? Неужели мы въ самомъ дѣлѣ должны смотрѣть на это какъ на характеристическую черту семитической расы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо выяснитъ себѣ, какими задатками обладаетъ еврей въ экономическомъ отношеніи.

Всякому постороннему наблюдателю особенно рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что еврей, взятые во всей ихъ совокупности, прежде всего не земледѣльческій народъ: они почти нигдѣ не обрабатываютъ землю своими руками. Во Франціи, значеніе этого факта, быть можетъ, не слишкомъ ощутительно, какъ потому, что число проживающихъ между нами евреевъ сравнительно не велико, такъ и потому, что они сгруппированы въ городахъ, и что вообще во Франціи замѣтно нежелательное устремленіе населенія въ большіе города. Но на востокѣ Европы, въ тѣхъ странахъ, гдѣ промышленность мало развита и гдѣ большая часть населенія живетъ земледѣльческимъ трудомъ,—вопросъ этотъ принимаетъ другой оборотъ. Тамъ евреи, скученные въ городахъ,

представляютъ совершенно исключительное явленіе посреди окружающаго ихъ земледѣльческаго населенія. Такъ, въ Галиціи, въ Польшѣ, Малороссіи, Румыніи сыны израильскіе, живя компактными массами представляютъ собою нѣчто въ родѣ отдѣльной національности, живущей посреди мѣстнаго населенія. Но тутъ необходимо вспомнить, что еврей почти всюду былъ отрѣзанъ отъ земли, и руки его, въ теченіе долгихъ вѣковъ не прикасавшіяся къ плугу, никакъ не могутъ снова къ нему приноровиться. Но неужели же мы, по примѣру анти-семитовъ, должны усматривать въ этомъ обстоятельствѣ характеристическую черту потомковъ Сима? Конечно, нѣтъ, — это безусловно экономическій феноменъ, цѣликомъ объясняющійся ходомъ историческихъ событій.

Въ давнія времена евреи были почти исключительно земледѣльческимъ народомъ. До наступленія періода ихъ разсѣянія по всему свѣту, когда они жили болѣе самостоятельной жизнью, эти семиты, такъ называемые враги земли и земледѣльческаго труда, собственноручно обрабатывали землю, добывая себѣ этимъ средства къ существованію. Они такъ мало чувствовали влеченіе къ коммерческимъ и всякимъ денежнымъ дѣламъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ цѣликомъ предоставляли подобныя предпріятія другимъ народамъ. Въ періоды греческаго и римскаго владычества еврей не игралъ ровно никакой роли въ банковыхъ или въ коммерческихъ предпріятіяхъ. Это отрицательное отношеніе къ денежной наживѣ проглядываетъ даже въ томъ высокообразномъ пренебреженіи, съ какимъ фарисеи и вообще всѣ добропорядочные евреи отзывались о мытаряхъ.

Въ силу какихъ же причинъ произошла столь радикальная метаморфоза въ потомкахъ этого по преимуществу земледѣльческаго племени?

Въ силу историческихъ событій, господа, въ силу изгнанія, внѣшняго гнета и нашихъ собственныхъ законовъ, благодаря которымъ несчастные сыны израильскіе были точно замуравлены въ гетто средневѣковыхъ городовъ. Изгнанные изъ Палестины, выброшенные эмиграціей или выселеніемъ на чужеземные берега, евреи увидали себя безвыходно запертыми въ городахъ и, волей неволей, должны были отка-

заться отъ образа жизни своихъ дѣдовъ и отцовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ земледѣльческаго труда. Они вынуждены были сдѣлаться горожанами и подыскивать для себя новые источники къ существованію въ городскихъ промыслахъ, что было одновременно и слѣдствіемъ и причиной ихъ повсемѣстнаго разсѣянія.

Отсюда во многихъ восточныхъ городахъ возникаетъ весьма серьезное и даже, можетъ быть, главное затрудненіе, представляемое семитическимъ вопросомъ. На востокѣ Европы, въ странахъ по преимуществу земледѣльческихъ, гдѣ земля служить, если не единственнымъ, то главнымъ средствомъ къ существованію,—евреи, отрѣзанные отъ нея, вынуждены были ютиться въ городахъ, большею частію бѣдныхъ и малонаселенныхъ, гдѣ они вступали въ ожесточенную конкуренцію, какъ съ христіанами, такъ и между собой. Но такъ какъ они далеко не всѣ находили для себя работу, то перебрасывались изъ городовъ въ деревни, гдѣ они дѣлались маклерами, разнощиками, трактирщиками, кабатчиками, лошадиными барышниками, ростовщиками, и вообще брались за всякія случайные промыслы, которые никакъ не могли расположить въ ихъ пользу мѣстныхъ жителей. Для измѣненія такого прискорбнаго порядка вещей, нѣкоторыми христіанскими правительствами, а также и еврейскими обществами, не разъ дѣлались попытки вернуть евреевъ къ земледѣльческому труду. Конечно, это благое намѣреніе, въ случаѣ осуществленія его, могло бы привести къ наиболѣе удовлетворительному разрѣшенію семитическаго вопроса и, слѣдовательно, къ наилучшимъ результатамъ для большей части цивилизованнаго міра. Въ виду этого, русскими государями, Александромъ I и Николаемъ I, устроены были когда то еврейскія земледѣльческія колоніи, часть которыхъ существуетъ и теперь. Съ той же цѣлью обществомъ, организованнымъ покойнымъ барономъ Гиршемъ, затрачены были цѣлые милліоны на выселеніе и водвореніе въ плодородныхъ южно-американскихъ пампасахъ нѣсколькихъ тысячъ русскихъ и польскихъ евреевъ, которыхъ баронъ Гиршъ проектировалъ превратить въ земледѣльцевъ. Конечно, нельзя не сочувствовать этой глубоко-гуманной, но увы! до

нельзя трудно и даже почти неосуществимой задаче, такъ какъ городской житель—все равно еврей-ли онъ, или ариецъ—никогда не возвращается къ сельской жизни. Да, горожанинъ никогда и нигдѣ не превращается добровольно въ земледѣльца, — это, можно сказать, неизмѣнный историческій законъ, и расовыя наклонности не играютъ тутъ ровно никакой роли, поэтому и на пристрастіе евреевъ къ городамъ никакъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на характеристическую черту семитическаго племени.

Мы не безъ сожалѣнія замѣчаемъ, что наше сельское населеніе, принадлежащее къ арійскому племени, тоже начинаетъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ. Что же касается до современныхъ евреевъ, то многіе изъ нихъ, пожалуй, даже и не въ состояніи выполнять эти работы по недостатку физической силы: городская жизнь, заточеніе въ гетто, браки между близкими родственниками, наслѣдственная нищета, физиологическая заурядность, являющаяся результатомъ экономическихъ условій,— всѣ эти бѣдствія, изъ поколѣнія въ поколѣніе подтачивавшія народный организмъ восточныхъ евреевъ, не могли не оставить на немъ своихъ разрушительныхъ слѣдовъ.

Но оставимъ востокъ въ сторонѣ и попробуемъ выяснитъ себѣ, почему евреи такъ часто обнаруживаютъ какую то особенную, какъ бы врожденную, наклонность къ нѣкоторымъ профессіямъ, какъ, напримѣръ, къ банкирской или финансовой дѣятельности. Что руководитъ ими въ этомъ случаѣ? Неужели тотъ же расовой инстинктъ, перешедшій къ нимъ по наслѣдству отъ древнихъ азиатскихъ семитовъ? Я никакъ не могу допустить этого и снова повторяю, что страсть къ денежнымъ предпріятіямъ, на сколько намъ извѣстно, была совершенно чужда сынамъ древней Іудеи. Какимъ же образомъ эта отрасль развилась у ихъ потомковъ? Кѣмъ она была привита имъ? Вернѣе всего, что нами же, господа. Да, нами, христіанами, и нашими средневѣковыми законами.

Вспомнимъ прежде всего, что христіанамъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, была запрещена ссуда денегъ подъ проценты. А такъ какъ безпроцентная ссуда, о которой до сихъ поръ

мечтають нѣкоторые изъ социалистовъ, всегда оставалась одной химерой, то евреи долгое время были единственными заимодавцами, какъ бы самимъ закономъ облеченными при этомъ монополіей. Эта монополія, за которую ихъ столь часто осыпали упреками, и которая съ половины среднихъ вѣковъ начала оспариваться и отниматься у нихъ ломбардами, была предоставлена имъ христіанскими законами вслѣдствіе ложнаго взгляда на ссуду подъ проценты, котораго держались въ то время наши теологи и юристы. Можно ли удивляться послѣ этого, что еврей, отстраненный отъ всякихъ профессій, кромѣ низменныхъ промысловъ ростовщика, мѣнялы, маклера и вообще денежнаго дѣльца, кончилъ тѣмъ, что пристрастился къ занятіямъ этого рода и началъ обнаруживать какъ бы наслѣдственное и инстинктивное влеченіе къ нимъ. Если хотите, въ этомъ явленіи можно усматривать признаки атавизма или вѣкового приспособленія, но никакъ не результатъ семитическаго происхожденія, доказательствомъ чему можетъ служить то, что аналогичные случаи встрѣчаются и между другими этническими или религіозными группами, не исключая и народовъ арійской расы. (Рукоплесканія и ропотъ).

И это далеко не единичный историческій феноменъ. Не думайте, что еврей, по своимъ способностямъ къ денежнымъ операціямъ, занимаетъ безусловно первое мѣсто между всѣми народами земного шара. Нѣтъ, есть и другія націи, которыя смѣло могутъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи, какъ напримѣръ, наши старинные друзья и бывшіе кліенты во времена крестовыхъ походовъ, восточные армяне, которые, въ силу аналогичныхъ историческихъ законовъ, тоже вынуждены были заниматься преимущественно торговыми, банкирскими и прочими денежными предпріятіями. Я особенно горжусь, господа, тѣмъ фактомъ, что находился въ первыхъ рядахъ французскихъ гражданъ, рѣшившихся указать европейскимъ державамъ на страданія этихъ малоазіатскихъ христіанъ, которые брошены были европейскою дипломатіей на произволь судьбы. Съ неменьшимъ удовольствіемъ я позволяю себѣ также упомянуть здѣсь, что весной 1896 г. мною устроена была первая конференція въ Парижѣ, съ

цѣлью защиты этихъ жертвъ безпощадной политики ¹. (Продолжительныя рукоплесканія).

Вамъ, конечно, не безызвѣстно, что въ городахъ большинство этихъ армянъ занимается торговлей и финансовыми предприятиями, при чемъ въ Малой Азійи и въ Турціи они такъ успѣшно подвизаются на этихъ поприщахъ, что евреи рѣшительно не могутъ выдержать съ ними конкуренціи. Восточная поговорка гласитъ даже по этому поводу, что провести армянина могутъ только три еврея. (Смѣхъ). Замѣчу кстати, что вражда и зависть, возбуждаемая армянскими купцами и держателями ссудныхъ кассъ, тоже играли не послѣднюю роль въ тѣхъ звѣрскихъ избиеніяхъ, которыхъ Европа не сумѣла ни предупредить, ни наказать. При разореніи и разграбленіи армянскихъ домовъ мусульманская чернь въ Турціи не рѣдко дѣйствовала совершенно такъ, какъ дѣйствуетъ и антисемитическая подъ вліяніемъ аналогичныхъ страстей. Такъ, на примѣръ, въ Трапезундѣ, гдѣ армяне, занимавшіеся торговлей и разными финансовыми оборотами, постоянно ссужали деньгами мусульманъ всѣхъ классовъ, послѣдніе, для упрощенія расчетовъ съ своими христіанскими кредиторами, не задумываясь, перерѣзали ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Примѣры подобнаго приспособленія въ силу вѣковой практики представляютъ и другіе народы, какъ, на примѣръ, египетскіе копты, потомки древнихъ египтянъ, оставшіеся христіанами; или индійскіе парсы (parsis), потомки древнихъ персовъ, сохранившіе вѣру въ Зороастра; эти парсы, эмигрировавшіе когда то изъ Ирана, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ больше правъ на названіе арійцевъ, чѣмъ населеніе Франціи или Германіи. Изъ этого видно, что еврей представляетъ собой никакъ не исключительное и не безпримѣрное явленіе во всей вселенной. На земномъ шарѣ имѣются и другія этническія группы, заслуживающія эпитетъ паразитствующихъ и встрѣчающіяся въ семьѣ арійскихъ народовъ не рѣже, чѣмъ между семитами. Не подумайте, однако, что эти племена, обреченныя какимъ то роковымъ

¹ См. *Les Arméniens et la question arménienne*, imprimerie Clamaron Graf, 1896 .

закономъ атавизма на занятія ростовщичествомъ, коммерческими сдѣлками и разными денежными дѣлами, — всегда и вездѣ одерживаютъ верхъ надъ своими конкуррентами. Евреи, армяне, персы, что бы ни говорили про нихъ ихъ завистливые конкурренты, — никакъ не могутъ назваться такими ловкими дѣльцами, съ которыми немислимо вступать въ состязаніе.

Ближайшимъ и неоспоримымъ доказательствомъ этому служатъ Американскіе Соединенные Штаты, которые по всей справедливости могутъ назваться страной громаднхъ состояній. Въ виду этого, я считаю себя вправѣ замѣтить, что антисемиты и вообще французы только въ силу какого то закоренѣлаго предубѣжденія думаютъ, что самыя крупныя состоянія находятся въ рукахъ евреевъ.

Одинъ изъ слушателей. А состояніе Ротшильда — объясните, какъ оно составилось?

Г. А. Лоруа-Волье. Я считаю себя въ правѣ говорить только о томъ, что мнѣ хорошо извѣстно. (Рукоплесканія). Къ тому же, я нахожу неумѣстнымъ распространяться здѣсь о капиталахъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ числу еврейскихъ или христіанскихъ банкировъ. На сколько намъ извѣстно, десять или двѣнадцать изъ самыхъ крупныхъ состояній на всемъ земномъ шарѣ принадлежатъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ. Но замѣьте, господа, что между этими обладателями милліоновъ — говорю милліоновъ, а не миллиардовъ, такъ какъ мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы даже между американскими богачами нашлись такіе капиталисты, которые имѣли бы въ своемъ распоряженіи по цѣлому милліарду, — и такъ, между этими желѣзнодорожными королями и владѣльцами золотыхъ и серебряныхъ приисковъ, бумажнаго хлопка и керосина, которыми такъ гордится Америка, нѣтъ ни одного еврея. А между тѣмъ, въ Соединенныхъ Штатахъ не мало евреевъ, гораздо больше чѣмъ во Франціи, — которые уже давно проживаютъ тамъ и пользуются всѣми гражданскими и политическими правами. Многіе изъ нихъ довольно успѣшно дѣйствуютъ на коммерческомъ и финансовомъ поприщахъ, но ни одному изъ нихъ до сихъ поръ не удалось еще завоевать себѣ мѣсто въ

первомъ ряду. Считаю не безъинтереснымъ привести по этому поводу характерное замѣчаніе одного изъ американскихъ гражданъ, занимавшаго постъ мэра въ Бруклинѣ, который можетъ назваться роднымъ братомъ Нью-Йорка. Достопочтенный мэръ, присутствуя при освященіи еврейскаго госпиталя, счелъ долгомъ произнести рѣчь, въ которой онъ восхвалялъ нравственныя качества евреевъ, при чемъ этотъ тонкій дипломатъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заручиться какъ симпатіями, такъ и голосами своихъ слушателей. „Вы не должны предаваться излишнему самомнѣнію, — заявилъ онъ въ заключеніе.—Если вы считаете себя самой смѣтливой и самой ловкой расой въ дѣлѣ наживанія долларовъ, то я совѣтую вамъ выкинуть это изъ головы. Въ искусствѣ добывать деньги (to make money) янки всегда опередить васъ“. (Смѣхъ и рукоплесканія).

Этотъ янки, господа, говорилъ какъ истый англо-саксонецъ, какъ человѣкъ, сознающій свою силу, и ни Англія, ни Америка не могли бы представить ему фактическаго опроверженія. Да, въ Соединенномъ Королевствѣ, оспаривающемъ у заатлантической республики славу обладанія самыми крупными состояніями, — славу, которая такъ высоко цѣнится въ нашъ матеріалистическій вѣкъ, но которую я лично не считаю особенно лестной, такъ какъ для истиннаго сына Франціи желательно было бы, чтобы онъ стремился къ болѣе возвышеннымъ идеаламъ, — можно указать только на одного или двухъ евреевъ, находящихся въ первомъ ряду денежныхъ тузовъ. И несмотря на предубѣжденіе, существующее у насъ противъ семитической расы, еврейскихъ капиталистовъ, пожалуй, и у насъ окажется не больше, хотя духъ предприимчивости значительно ослабѣлъ въ нашей старой Франціи. Если вы дадите себѣ трудъ пересчитать представителей высшаго финансоваго и банкирскаго міра, на головы которыхъ сыплются теперь безъ разбора и заслуженные и незаслуженные укоры, — то увидите только одну фирму съ еврейскимъ именемъ, занимающую, правда, первое мѣсто на денежномъ рынкѣ,—прочія же банкирскія предпріятія цѣликомъ сосредоточены въ рукахъ христіанъ. (Шумъ). Въ рукахъ протестантовъ, говорите вы, — но кто бы ни были, по

своему происхожденію эти протестантскіе банкиры—коренные ли французы, или уроженцы Швейцарскихъ кантоновъ, они все таки принадлежать къ числу христіанъ арійской расы. (Ропотъ).

Господа, я никогда не стѣснялся открыто высказывать свои мнѣнія, поэтому и теперь прямо заявляю, что я не принадлежу къ числу людей, предающихъ анаѳемѣ всѣхъ банкировъ безъ исключенія и дѣлающихъ презрительную гримасу при словахъ—банкъ или финансовыя дѣла. Нѣтъ, я далекъ отъ этого, потому что хорошо понимаю, что такое обширное государство, какъ Франція не можетъ обойтись безъ подобныхъ учреждений. А такъ какъ антисемиты упорно отказываются вникнуть въ это обстоятельство, то я не могу не упрекать ихъ въ томъ, что они своими ожесточенными нападками на все, касающееся финансовъ и банковъ,—начиная съ французскаго банка,—потрясаютъ самыя основы французскаго могущества, задѣвая необходимые рычаги національнаго богатства; что они вездѣ и во всемъ руководятся гуртовой теоріей, и въ своихъ ярыхъ обвиненіяхъ не дѣлаютъ никакого различія между законнымъ и незаконнымъ, между честными людьми и ажіотажистами и шантажистами. (Рукноплесканія и протесты).

Наконецъ, господа, считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе также и на тотъ фактъ, что современные евреи составили себѣ видное положеніе не въ одной только финансовой отрасли, но и въ разныхъ другихъ профессіяхъ. Очень и очень многіе изъ нихъ, отказавшись отъ меркантильныхъ промысловъ и покинувъ биржевыя конторы, въ которыхъ они прозябали столько времени, рѣшились проложить себѣ путь къ болѣе разумной дѣятельности, представляемой свободными профессіями, какъ на примѣръ, занятію адвокатурой, медициной, педагогіей, литературой, наукой. Къ чему же привели ихъ эти попытки найти для себя выходъ изъ прежняго заколдованнаго круга? Къ тому, что ихъ начали упрекать въ захватъ всѣхъ свободныхъ профессій, какъ упрекали въ захватъ финансовой и коммерческой отраслей. Въ концѣ концовъ мы, пожалуй, услышимъ крики о новой монополіи, такъ какъ еврей всюду преуспѣваетъ. Да, въ наше

время всеобщей конкуренции, онъ оказался весьма опаснымъ конкурентомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, и это меньше всего ему хотятъ простить. Антисемиты въ этомъ случаѣ скрываютъ тутъ нѣчто въ родѣ протекционизма *vis generis*; на самомъ же дѣлѣ они преслѣдуютъ въ еврей ни больше, ни меньше какъ конкурента и при томъ весьма искуснаго конкурента. Въ своемъ раздраженіи противъ него они даже его достоинства вмѣняютъ ему въ недостатки. На аренѣ житейской борьбы (*struggle for life*) ихъ видимо страшитъ его быстрая сообразительность, гибкость ума, устойчивость воли, стремленіе къ успѣху и любовь къ труду. (Громкіе возгласы). Да, если еврей не обнаруживаетъ особеннаго влеченія къ ручному труду, за то онъ никогда не уклоняется отъ интеллектуальнаго труда, такъ что можно подумать, что онъ какъ будто заранѣе подготовленъ къ нему самымъ ходомъ своей исторіи. Господамъ антисемитамъ, которые такъ любятъ примѣшивать ко всему вліяніе расы, пожалуй, не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію то обстоятельство, что еврей является, быть можетъ, представителемъ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ культурныхъ расъ. У него за плечами много и много вѣковъ мозговой культуры, а это, въ вопросахъ умственной борьбы, тоже можетъ дать ему нѣкоторый перевѣсъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ науки, какъ, напримѣръ, въ филологіи, число еврейскихъ ученыхъ можетъ даже удивлять. Между нашими французскими евреями тоже не мало филологовъ.

Одинъ изъ слушателей. Рейнахи, напримѣръ.

Г. А. Леруа-Болье. Да, и Рейнахи, если хотите, и многіе другіе. Чѣмъ же объясняется эта наклонность? Исторіей, повидимому, и чѣмъ то въ родѣ атавизма. Евреи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ были почти единственнымъ народомъ въ Европѣ, занимавшимся изученіемъ восточныхъ языковъ, къ чему побуждало ихъ прежде всего изученіе своихъ священныхъ книгъ. Кромѣ того, они имѣли возможность ознакомиться тоже и съ разными живыми языками во время своего скитанья по свѣту. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что продолжительное изученіе Талмуда приведетъ насъ къ весьма

полезнымъ результатамъ, обогативъ современемъ науку выдающимися филологами, вышедшими изъ семей раввиновъ.

Какъ бы то ни было, но мы не можемъ не признать за евреями способности и любви къ умственному труду. Если бы мы стали проводить параллель между ними и нами, арийцами, то по пропорціи ихъ численности, можетъ быть, оказалось бы, что изъ ихъ среды выходитъ болѣе замѣчательныхъ людей, чѣмъ изъ нашей. Но развѣ это даетъ намъ право воздвигать гоненія противъ нихъ? Неужели мы должны ставить ихъ внѣ общихъ законовъ страны только потому, что опасаемся ихъ превосходства? Я не разъ слыхалъ жалобы воспитанниковъ нашихъ учебныхъ заведеній на то, что семитамъ достаются первыя награды во время учебныхъ испытаній въ нашихъ лицахъ. Такъ неужели же изъ этого слѣдуетъ, что мы должны закрыть имъ доступъ въ наши училища, или лишать ихъ заслуженныхъ ими наградъ? Тѣ же самыя жалобы я неоднократно слыхалъ и отъ нѣкоторыхъ матерей. Въ Россіи и въ Германіи еврейское юношество тоже обращаетъ на себя не меньшее вниманіе своими успѣхами на экзаменахъ. Такъ неужели мы должны изгнать это самое юношество изъ нашихъ школъ? И неужели такая мѣра поведетъ къ повышенію умственного уровня нашей націи?

Мнѣ хорошо извѣстно, что говорятъ и думаютъ по этому поводу противники евреевъ, которые рѣшительно не могутъ простить имъ ни ихъ интеллектуальныхъ способностей, ни устойчивости въ трудѣ. Между этими господами есть даже и такіе, которые доказываютъ, что арийцы не въ состояніи выдержать конкуренціи съ семитами. Но я ни на минуту не могу допустить такого мнѣнія, противъ котораго громко протестуетъ моя гордость. Пусть славянинъ или румынъ смиренно признаетъ себя неспособнымъ выдержать борьбу съ семитомъ. Я же не обладаю такимъ смиреніемъ: мое старинное происхожденіе какъ арийца и француза возмущается противъ такого признанія превосходства еврея, и я полагаю, что я и мои соплеменники могутъ помѣряться съ нимъ силами. И по отношенію къ семитической, какъ и ко всякой другой расѣ, я требую отъ закона только одного — полнаго равноправія для всѣхъ. (Р у к о п л е с к а н і я).

Теперь, господа, попробуемъ выяснитъ себѣ вопросъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести насъ антисемитическая пропаганда въ социальномъ отношеніи. На этотъ пунктъ я попрошу васъ обратить особенное вниманіе. Какъ бы ни казалась вамъ убѣдительною эта пропаганда съ нѣкоторыхъ сторонъ, но я все таки не совѣтую вамъ примыкать къ антисемитизму, не задаваясь вопросомъ—куда онъ ведетъ въ концѣ концовъ? Знаете ли куда онъ ведетъ? Къ тому, что у насъ подразумѣвается подъ неопредѣленнымъ словомъ—антикапитализмъ. Таковъ долженъ быть конечный результатъ его трескучихъ декларацій противъ финансовъ и финансистовъ, противъ капитала и капиталистовъ. Если же слово антикапитализмъ ничего не выясняетъ вамъ, если вамъ нуженъ терминъ болѣе опредѣленный, то я скажу вамъ, что антисемитизмъ скользитъ по тому пути, который рано или поздно приводитъ къ социализму. (Г р о м к і я в о з р а ж е н і я). Это, если хотите, совершенно безсознательный и до нельзя наивный социализмъ людей, которые и сами не подозреваютъ, куда могутъ ихъ завлечь ихъ идеи, и которые въ своемъ ослѣпленіи безотчетно идутъ туда, куда они, можетъ быть, всѣмъ не намѣрены были идти. Мало того, нѣкоторые изъ антисемитовъ доводятъ иногда свою ярую пропаганду до чего то похожаго на анархизмъ. Я не боюсь публично высказать это, такъ какъ намъ всѣмъ извѣстно, что антисемитическая пресса, объявляющая евреевъ стоящими внѣ закона, взывала къ конфискаціи ихъ имущества, къ грабежу и къ тому, что она называла народнымъ правосудіемъ.

Нѣсколько голосовъ. Назовите журналъ!

Г. А. Леруа-Болье. Вылучшеменя знаете журналъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ вы навѣрно принадлежите къ числу его читателей. Да, антисемитическіе листки ни передъ чѣмъ не останавливаются, стараясь разжечь страсти толпы, и прямо указываютъ на еврейскіе отели. Что касается до меня, господа, то могу замѣтить по этому поводу только то, что я считаю по меньшей мѣрѣ предосудительнымъ дѣлать воззванія къ мѣрамъ насилія противъ кого бы то ни было—даже противъ нашихъ враговъ.

Нѣсколько голосовъ. Назовите по имени автора этого воззванія.

Г. А. Леруа-Болье. Будьте же хоть немного искреннѣе, господа: вамъ хорошо извѣстны имена какъ этого, такъ и прочихъ вашихъ публицистовъ.

Голосъ. Однако, вы не смѣете назвать по имени этого публициста.

Г. А. Леруа-Болье. Вы отлично знаете, что я не называю его по имени не по недостатку смѣлости, а потому, что вполне увѣренъ въ догадливости моихъ слушателей. (Рукоплесканія).

Повторяю опять, что я не считаю ни патріотичнымъ, ни согласнымъ съ духомъ христіанства подстрекать народъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ богачей, даже и въ томъ случаѣ, если бы они принадлежали къ евреямъ. Я не принадлежу къ разряду тѣхъ наивныхъ людей, которые воображаютъ, можетъ быть, что если въ Парижѣ вспыхнуть анархистскіе беспорядки, и если антисемитическіе агитаторы поведутъ чернь къ отелямъ еврейскихъ банкировъ, то христіанскимъ буржуа достаточно будетъ вывѣсить у дверей своихъ жилищъ изображеніе Христа и Пресвятой Богородицы, чтобы предохранить ихъ отъ погрома. Такія мѣры могли дѣйствовать только въ Россіи; что же касается до разъяреннаго парижскаго населенія, то его не такъ легко обуздать, и онъ не отступитъ назадъ, какъ добрый русскій народъ, при видѣ святыхъ иконъ. (Рукоплесканія и протесты).

Итакъ, господа, изъ сказаннаго мною видно, что я не сочувствую ни доктринамъ, ни методамъ, ни полемическимъ приемамъ антисемитовъ, такъ какъ я считаю эти доктрины, методы и приемы гибельными для Франціи и для общественнаго спокойствія. Если я вмѣняю себѣ въ обязанность энергично протестовать противъ социалистической пропаганды, считая ее опасной для нашего отечества, то въ силу той же самой причины я рѣшаюсь теперь высказываться и противъ антисемитическихъ тенденцій. Дѣйствуя такимъ образомъ, я выполняю только свой долгъ, такъ какъ я глубоко убѣжденъ въ томъ, что антисемиты и социалисты — сознательно, или бессознательно — стремятся къ одной и той же цѣли и, въ

концѣ концовъ, неизбежно должны будутъ подать руку другу другу.

Считаю не лишнимъ напомнить вамъ еще одинъ фактъ. Вамъ, конечно, хорошо извѣстно, что во времена послѣдняго министерства ¹, главу котораго мнѣ незачѣмъ называть по имени...

Одинъ изъ слушателей. Министерство франкъ-масоновъ!

Г. А. Леруа-Воле. Я хотѣлъ сказать, что антисемитическія газеты не считали предосудительнымъ поддерживать это, какъ вы говорите, министерство франкъ-масоновъ противъ либераловъ. (Рукоплесканія и смѣхъ).

Повторяю опять: Франціи угрожаетъ весьма серьезная опасность какъ въ социальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. А такъ какъ я ставлю общественные интересы и благо нашего отечества неизмѣримо выше личнаго честолюбія и мелкаго соперничества, возбуждаемаго избирательной борьбой, то считаю долгомъ указать вамъ на тотъ фактъ, что антисемитизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ начинаетъ фигурировать у насъ, во Франціи, угрожаетъ принять форму социализма *sui generis*. Этотъ социализмъ новѣйшаго вида внушаетъ мнѣ тѣмъ большія опасенія, что онъ опирается на правую сторону и, подъ прикрытіемъ христіанскихъ доктринъ, которыя съ христіанствомъ имѣютъ сходство лишь по внѣшности, дѣйствуетъ въ діаметрально противоположномъ направленіи, способствуя, умышленно или неумышленно, распространенію атеистическаго и революціоннаго социализма. (Рукоплесканія и протесты).

Пер. С. Л. Федоровичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹ Министерство Буржуа, 1896 г.

Восходъ кн. 9.

Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ.

(КЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ УСТНАГО УЧЕНІЯ).

XVI ¹.

Кромѣ приведенныхъ въ предыдущей главѣ галахотъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ прямому или косвенному вліянію маздаизма, есть еще цѣлый рядъ другихъ анонимныхъ постановленій, возникновеніе которыхъ, по разнымъ соображеніямъ, должно быть также отнесено къ эпохѣ Великой Синагоги и послѣдовавшей за ней эпохѣ первыхъ Хасмонеевъ. Постановленія и опредѣленія, о которыхъ теперь у насъ будетъ рѣчь, имѣютъ характеръ «ограды вокругъ Моисеева закона» въ смыслѣ его усиленія и распространенія его на такіе объекты, которые по буквальному смыслу текста не подлежатъ его дѣйствию. Творцы этихъ довольно многочисленныхъ постановленій часто совершенно уже упускали изъ виду основной мотивъ Моисеева закона, руководствуясь лишь его внѣшнимъ выраженіемъ, его буквой. Приверженность ихъ библейскому закону не обусловливалась у нихъ сознаніемъ важности утилитарныхъ цѣлей, имъ преслѣдуемыхъ; онъ былъ для нихъ законъ божественный, внѣшняя форма котораго столь же свята, какъ и внутреннее его содержаніе.

Но возможно также, что игнорированіе гигиеническихъ цѣлей ритуальной чистоты древними законоучителями было сознательно и преднамѣренно. Дѣло въ томъ, что свѣтская власть Торы, въ мендельсоновскомъ смыслѣ этого слова, сохранившаяся лишь въ слабой степени въ самой Іудеѣ, вовсе не существовала въ вавилоно-персидской діаспорѣ. По возвращеніямъ еврея библейской эпохи, Моисеевъ законъ считался специаль-

¹ См. „Восходъ“ кн. VIII.

нымъ закономъ еврейской земли, какъ бы ея государственной конституціей; жить внѣ Іудей, внѣ царства Торы, было равносильно служенію чужимъ богамъ. Давидъ, вынужденный преслѣдованіями Саула скитаться по чужимъ землямъ, прямо жадуется: «И нынѣ изгнали меня изъ Божьяго наслѣдія, говоря мнѣ: иди, служи чужимъ богамъ ¹». По разсказу книги Даниїла, среди всѣхъ евреевъ, переселенныхъ Навуходоносоромъ въ Вавилонію, только и нашлось четыре человека, считавшихъ для себя обязательнымъ соблюденіе законовъ о пищѣ; между тѣмъ какъ во время Антіоха Эпифана почти весь народъ, какъ одинъ человекъ, охотно шелъ на вѣрную смерть, лишь бы не нарушать правилъ ритуальной чистоты и законовъ о пищѣ ². Это было въ самой Іудеѣ; но еще раньше этого, поселившіеся въ Египтъ евреи уже считали для себя обязательнымъ соблюденіе этихъ законовъ, какъ это видно изъ приведеннаго Аристеемъ такса документа, коимъ Птоломей разрѣшилъ евреямъ селиться въ Александрію въ отдѣльномъ кварталѣ, «дабы они могли безпрепятственно соблюдать свои законы о чистотѣ».

Эта благодѣтельная перемѣна въ воззрѣніяхъ еврейской массы составляетъ одну изъ заслугъ Мужей Великой Синагоги, появившихъ, что ради цѣлости и единства народа необходимо искоренить изъ народнаго сознанія вредное представленіе о государ-

¹ I Samuel XXVI, 19.

² I Mac. I, 60—61. Сравни Z. Frankel Darkhe ha-Mischna стр. 13 прим. 8 и стр. 15 прим. 7. Z. Frankel толкуетъ текстъ въ смыслѣ дозволенной, но ритуально нечистой пищи, и выражаетъ удивленіе, почему народъ жертвовалъ своею жизнью ради ритуальной чистоты, которая по закону, будто бы, вовсе не обязательна для мірянъ, а соблюдалась только священниками и особенно благочестивыми людьми. По нашему мнѣнію, это явная ошибка, хотя эту ошибку Frankel'я раздѣляютъ до сихъ поръ всѣ еврейскіе историки и богословы. Вопреки установившемуся мнѣнію, мы рѣшительно утверждаемъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, понятіе о нечистомъ и понятіе о недозволенномъ были еще нераздѣльны, и что ѣсть безъ крайней нужды ритуально нечистый хлѣбъ считалось такимъ же преступленіемъ, какъ ѣсть мясо палаго животнаго. Выше мы доказали уже, что таковъ буквальный смыслъ библейскаго текста и что такъ дѣйствительно понимали его въ древности. Ошибка Z. Frankel'я и другихъ историковъ заключается въ томъ, что они примѣняютъ къ древнѣйшему періоду взгляды и идеи, которые были выработаны лишь впоследствии, и поэтому они такъ часто сталкиваются съ неразрѣшными противорѣчіями.

ственности Моисеева закона и такимъ образомъ твердо установить полную независимость его отъ палестинской почвы. Но если для законовъ чисто символическихъ, каковы на примѣръ соблюденіе праздниковъ, обряда обрѣзанія и пр., это не представляло никакого затрудненія, то этого нельзя сказать относительно законовъ, преслѣдовавшихъ, повидимому, санитарно-полицейскія цѣли и имѣвшихъ, слѣдовательно, государственный характеръ. Таковы всѣ почти законы ритуальной чистоты и значительная часть законовъ о недозволенной пищѣ. Необходимо замѣтить, что въ то время послѣдніе два разряда законовъ не дифференцировались еще ясно въ отдѣльныя двѣ категории; то, что считалось нечистымъ *мѣс*, было не дозволено чистому человѣку въ пищу, а то, что было не дозволено въ пищу, называлось нечистымъ, если запрещеніе не имѣло сакрального происхожденія *штр* ¹.

Тогдашнія главы народа считали между тѣмъ весьма важнымъ, чтобы эти законы строго соблюдались всѣмъ народомъ и повсюду, такъ какъ именно эти законы представляли наибольшую гарантію противъ сліянія евреевъ діаспоры съ языческимъ міромъ. Касаясь всѣхъ мелочей повседневной жизни, они окружали каждого еврея въ отдѣльности какъ бы непроницаемой атмосферой; они представляли для него нѣчто въ родѣ портативнаго отечества.

Чтобы дѣлать эти законы обязательными и для евреевъ діаспоры, учителямъ народа осталось только одно: *по возможности затушевать ихъ санитарно-полицейскій характеръ и сдвинуть на первый планъ ихъ религіозное значеніе*, значеніе, которое, какъ мы видѣли выше, имъ придавала уже и сама Тора, символически связывая ихъ съ идеею о святости. *Эта тенденція къ символизациі Моисеевыхъ законовъ и къ уничтоже-*

¹ Слѣды этого возрѣвія сохранились и въ позднѣйшей талмудической литературѣ. Такъ на примѣръ въ Талмудѣ (*Chulin* 56) дозволенный къ употребленію жиръ называется *חלב זבין*, а недозволенный — *חלב זבין*, хотя и тотъ и другой изъ годнаго къ употребленію животнаго. Надо помнить, что талмудическій терминъ *חלב* (недозволенное), резко отличающійся отъ термина *חלב* (нечистое), въ Св. Пис. не встрѣчается, хотя понятіе объ этомъ несомнѣнно существовало; тамъ слово *חלב* (этимологически—связанное) употребляется спеціально лишь для обѣтовъ (*חיל*).

нiю въ нихъ всякихъ слѣдовъ утилитаризма, проходитъ красной нитью черезъ все, такъ называемое, устное ученiе и объясняетъ все кажущiяся противорѣчiя между этимъ ученiемъ и писаннымъ закономъ.

Къ указаннымъ причинамъ вскорѣ присоединился новый факторъ, также содѣйствовавшiй лишенiю института ритуальной чистоты его санитарной основы. Съ завоеванiемъ Персидской монархiи Александромъ Македонскимъ библейскiй порядокъ вещей въ Иудеѣ долженъ былъ измѣниться. Изолированная доселѣ Иудея стала вдругъ перекрестнымъ пунктомъ разныхъ политическихъ и завоевательныхъ теченiй. Мелкiя и малокультурныя племена, окружавшия Иудею, представляли слишкомъ ничтожную сопротивляемость цѣльной и соблазнительной по своимъ внѣшнимъ формамъ эллинской культурѣ и они быстро поглощены были ею. Одна Иудея сумѣла отстоять свою духовную независимость: двухвѣковая работа Великой Синагоги не пропала для нея даромъ. Но греческая культура была слишкомъ соблазнительна и она дѣйствительно вскорѣ увлекла за собою значительную часть еврейскаго народа въ особенности изъ среды правящихъ классовъ, которые по своему официальному положенiю не могли избѣгать болѣе или менѣе близкихъ сношенiй съ греками. Духовные представители народа, отчасти руководимые духомъ реакцiи, отчасти же изъ чувства національнаго самосохраненiя, должны были обратить особенное вниманiе на инст. рит. чис., который по своему характеру представлялъ надежнѣйшiй оплотъ противъ чуждыхъ обычаевъ и бытовыхъ формъ. Съ цѣлью усилить этотъ оплотъ придуманы были разныя «ограды вокругъ закона», характеръ которыхъ обусловливался разными практическими соображенiями и обстоятельствами даннаго времени. Но такъ какъ практическiя требованiя минуты не всегда могли согласоваться съ санитарными требованiями, то поневолѣ приходилось жертвовать этими послѣдними ради болѣе важныхъ и болѣе настоятельныхъ требованiй національнаго самосохраненiя.

Характерная особенность древней галахи и главное отличiе ея отъ повднѣйшей, фарисейской, заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что она, хотя не всегда прямо вытекаетъ изъ текста Св. Писанiя, но никогда также ему и не противорѣчитъ. Правда, повднѣйшiя талмудическiя школы стара-

лись помощью искусственной экзегезы втиснуть и древнюю галаху въ текстъ Св. Писанія; однакожь религіозная практика никогда не смотрѣла на эти галахи какъ на толкованія текста, а лишь какъ на дополненія къ нему. Религіозная практика образовала изъ нихъ особенную категорію законовъ подъ названіемъ «постановленія книжниковъ» (דברי חכמים) въ противоположность подлиннымъ предписаніямъ Торы (דברי תורה), и въ случаѣ столкновенія между постановленіями книжниковъ и предписаніями Торы первыя теряютъ свою обязательную силу, что, конечно, не должно было имѣть мѣста, если бы на нихъ смотрѣли, какъ на дѣйствительныя толкованія Моисеева закона ¹.

Мы коснемся этой категоріи галахотъ лишь въ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ подробное изложеніе ихъ обширной казуистики, составляющей, по всей вѣроятности, продуктъ позднѣйшей школьной схоластики.

Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи намъ часто придется пользоваться талмудической терминологіей для обозначенія разныхъ степеней инфекции. Считаемо поэтому полезнымъ познакомиться здѣсь читателя съ этой терминологіей.

При распространеніи инфекции съ одного предмета на другой инфицирующая сила все слабѣетъ и слабѣетъ по мѣрѣ удаленія отъ первоначальнаго источника инфекции. Для обозначенія градацій нечистоты талмудисты воспользовались терминологіей, заимствованной у степеней родства. Источникъ нечистоты называется у нихъ «отцомъ» или производителемъ нечистоты (Ab ha-tumah) на примѣръ: падалъ, человѣкъ, одержимый про-

¹ Вотъ два примѣра столкновенія между законами обѣихъ категорій. 1) Пасхальная жертва, какъ извѣстно, обязательна была для каждаго еврея, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто находился наканунѣ Пасхи въ состояніи ритуальной нечистоты; однакожь, такъ называемое „соферимское или раввинское состояніе нечистоты“ (tumah degabalan) не освобождаетъ человѣка отъ участія въ пасхальной жертвѣ, хотя оно устраняетъ его отъ участія во всякихъ другихъ, не срочныхъ жертвоприношеніяхъ. 2) Принявшій на себя назорейскій обѣтъ на извѣстный срокъ, на примѣръ на годъ, между прочимъ не долженъ въ продолженіе своего назорейства подвергаться группной инфекціи; если же онъ случайно подвергся таковой, то обѣтъ нарушается, и онъ долженъ смызнова начать счетъ времени своего назорейства. Такъ называемая раввинская инфекція не можетъ служить поводомъ къ нарушенію назорейскаго обѣта.

казой (zagaath) или заразительнымъ гноетечениемъ (zabb), равно какъ и патологическія и физиологическія выдѣленія послѣдняго, а также его платье и постель — все это суть источники нечистоты и называются «производителями инфекціи». Лица и предметы, пришедшіе съ ними въ соприкосновеніе, получаютъ болѣе легкую степень инфекціи, называемую производной нечистотой (welad ha-tumah—буквально «дита нечистоты»). Главное отличіе производительной инфекціи отъ производной заключается въ томъ, что первая обладаетъ способностью сообщать инфекцію лицамъ и предметамъ, въ томъ числѣ также и домашней утвари, платью и проч., производная же нечистота можетъ сообщать инфекцію только пищевымъ веществамъ и напиткамъ. Производная нечистота подраздѣляется на 4 степени: лица и предметы, равно какъ и пищевыя вещества, прикасавшіеся къ производительной нечистотѣ (Ab ha-tumah), получаютъ инфекцію 1-й степени (Rischon le-tumah); пищевыя вещества, прикасавшіеся къ послѣдней, получаютъ производную инфекцію 2-й степени (Scheni le-tumah); пищевыя вещества, прикасавшіеся къ 2-й степени, получаютъ производную инфекцію 3-й степени (Sche-lischile-tumah); и, наконецъ, пищевыя вещества, прикасавшіеся къ 3-й степени, получаютъ производную инфекцію 4-й степени (Rebii le-tumah).

Въ трупной инфекціи, кромѣ всего изложеннаго, различаютъ еще одну восходящую степень, а именно: первоисточникъ нечистоты (Abi-aboth-ha-tumah, буквально—«праотець нечистоты»), каковымъ именемъ иногда обозначается самъ трупъ или часть его, равно какъ и человѣческая могила. Лица и предметы, пришедшіе въ соприкосновеніе съ трупомъ или находившіеся въ одномъ съ нимъ шатрѣ, получаютъ семидневную инфекцію и называются производителями нечистоты (Ab ha-tumah); они могутъ сообщать другимъ лицамъ и предметамъ однодневную инфекцію и только посредствомъ прямого соприкосновенія, но не на разстояніи черезъ пребываніе въ одномъ шатрѣ. Эти послѣдніе получаютъ 1-ю степень нечистоты, прикасавшіеся къ нимъ пищевыя вещества получаютъ нечистоту 2-й степени и т. д.

Замѣтимъ здѣсь же, что тексты Св. Писанія знаютъ только одну степень производной нечистоты (Welad ha-tumah), на 2-ю степень имѣется только слабый намекъ въ текстѣ и то мало

убѣдительный ¹, 3-я же и 4-я степень прямо и выдаются за изобрѣтеніе книжниковъ (Medibhre-sophrim). Послѣднія 2 степени въ обыденной жизни (Chulin) рѣдко кѣмъ соблюдались; ихъ считали для себя обязательными только священники, при чемъ третья степень соблюдалась при употребленіи священнаго хлѣба (Teruma), а четвертая степень—при употребленіи жертвеннаго мяса (Kodesch), и только особенно благочестивые міряне подражали въ этомъ отношеніи священникамъ.

Въ сущности всѣ эти четыре степени соблюдались священниками не только при употребленіи сакральной пищи, но также и при употребленіи обыкновенной, профанной пищи; иначе это внесло бы большія неудобства въ ихъ домашній обиходъ, такъ какъ имъ пришлось бы имѣть всегда особую домашнюю утварь и, пожалуй, даже особое помѣщеніе для пользованія сакральной пищей. Это было для священниковъ тѣмъ болѣе неизбѣжно, что священные дары (Teruma, Chala и пр.) составляли главный, если не единственный источникъ ихъ доходовъ, и священный хлѣбъ служилъ обыкновенный предметомъ продовольствія ихъ семействъ, не исключая рабовъ изъ иноплемениковъ, хотя наемники-евреи не должны были имъ пользоваться. Естественно, что для избѣжанія путаницы въ своемъ хозяйствѣ священникамъ приходилось держаться всегда одной общей нормы ритуальной чистоты; для такого порядка придумано было даже особенное техническое выраженіе—«achol chulin al taharoth ha-kodesch» (ѣсть профанное съ соблюденіемъ сакральной чистоты) ².

Въ трупной инфекціи, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Моисеевъ законъ различаетъ три категоріи: 1) первоисточникъ (трупъ человѣка или могила); 2) производитель инфекціи, т. е. лица или предметы, прикасавшіеся къ первоисточнику или пре-

¹ Это выводится изъ слѣдующаго соображенія: сказано (Lev. XI, 33): Если трупъ какого нибудь пресмыкающагося упадетъ въ глиняный сосудъ, то все находящееся въ немъ (изъ пищевыхъ веществъ) нечисто, а сосудъ долженъ быть разбитъ. Но трупъ пресмыкающагося вѣдь можетъ упасть въ сосудъ и безъ того, чтобы непосредственно прикоснуться къ находящимся въ немъ пищевымъ веществамъ, и тѣмъ не менѣе послѣдніа нечисты: слѣдовательно пресмыкающееся, какъ производитель (Ab ha-tumah), сообщаетъ сосуду 1-ю степень нечистоты, а сосудъ въ свою очередь сообщаетъ пищевымъ веществамъ 2-ю степень.

² Chagiga 19-b. Сравни комментарий Izchaki къ этому мѣсту.

бывавшіе въ одномъ съ нимъ шатръ, равно какъ и самый шатръ, и 3) первая производная, т. е. лица и предметы, пришедшіе въ соприкосновеніе съ какимъ либо производителемъ. Вторая категорія представляетъ семидневную инфекцію, для освобожденія отъ которой необходимо двукратное окропленіе очистительной водой; третья же категорія представляетъ лишь однодневную инфекцію, и для освобожденія отъ нея достаточно простого омовенія ¹.

Однакожь, исходя изъ того положенія, что по Моисееву закону убившій на войнѣ человѣка подвергается семидневной инфекціи, и принимая въ соображеніе, что убить человѣка можно и посредствомъ орудія безъ того, чтобы убившій непосредственно прикасался къ трупу убитаго, древняя галаха установила правило: мечъ, которымъ нанесена смерть, есть такой же первоисточникъ нечистоты, какъ и трупъ убитаго (ללל מן יר יל) ². Впослѣдствіи это правило стали распространять и на всякое другое металлическое орудіе, хотя бы и не смертоносное, и вообще на всякую домашнюю утварь ³, пришедшую въ какое либо соприкосновеніе съ трупомъ. Это правило стали затѣмъ еще болѣе обобщать, утверждая, что вообще орудію свойственна та степень нечистоты, какая присуща источнику, отъ котораго оно ее получило. Слѣдовательно: 1) орудіе, пришедшее въ соприкосновеніе съ трупомъ, дѣлается такимъ же первоисточникомъ инфекціи, какъ и трупъ (Abi-aboth-hatumah). 2) лица и предметы, пришедшіе въ соприкосновеніе съ этимъ орудіемъ,

¹ Numeri XIX, 14, 15, 16 и 22, сравни также Numeri XXXI. 19—24.

² Позднѣйшая эксегеза выводитъ это правило изъ текста: „Всякій, кто прикоснется на полѣ къ убитому мечемъ“ (Numeri XIX, 16). Отсюда—мечъ равносильнъ убитому. Такая, игнорирующая грамматику, эксегеза не была въ духѣ древнихъ толкователей, въ устахъ которыхъ библейскій языкъ былъ еще живъ. Такъ или иначе, но законоучители никогда не считали это правило дѣйствительно вытекающимъ изъ текста или даже изъ смысла Св. Пис., и случайное прикосновеніе назорей даже къ мечу, которымъ былъ убитъ человѣкъ, не нарушаетъ его назорейскаго обѣта (Nasir 54). Сравни также Маймонида Hilchoth biath Mikdasch III, 13, и критическое примѣчаніе Rabad'a къ этому мѣсту.

³ По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, это относится не только къ металлическимъ орудіямъ и предметамъ, но и ко всякаго рода другимъ. (Сравни Maimonid Hilchoth Tumath-meth V, 3 и критическія примѣчанія Rabad'a).

получаютъ отъ него производительную 7-ми дневную инфекцію (Ab ha-tumah). 3) Домашняя утварь, пришедшая въ соприкосновение съ этимъ человѣкомъ, получаетъ также производительную 7-ми дневную инфекцію (Ab ha-tumah) 4) и лишь второй человѣкъ, прикоснувшійся къ послѣдней, получаетъ первую степень производной (однодневной) инфекціи (Rischon le-tumah) ¹.

Сходное съ этимъ осложненіемъ представляетъ такъ называемая «цѣпная инфекція» (Tumah beshiburin). Учили именно, что если человѣкъ одной рукой прикасается къ трупу, а другой рукой къ человѣку, то послѣдній дѣлается производителемъ инфекціи, какъ будто онъ непосредственно прикасался къ трупу. Самъ Талмудъ не считаетъ этого правила вытекающимъ изъ библейскаго текста и потому оно не дѣйствительно въ случаяхъ коллизіи съ Моисеевымъ закономъ ².

Были-ли всѣ эти и другія имъ подобныя осложненія закона дѣломъ древнѣйшихъ законоучителей или же они составляютъ продуктъ позднѣйшей галахи? Мы увидимъ впоследствии, что такое нагроможденіе «оградъ вокругъ закона» въ области ритуальной чистоты не было вообще въ духѣ фарисейской галахи, и уже по одному этому мы должны отодвинуть эти «ограды» въ болѣе древнюю эпоху. Однакожъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ оградъ мы имѣемъ прямое доказательство ихъ древности: онѣ приводятся въ связь съ извѣстными историческими личностями, время жизни и дѣятельности которыхъ намъ хорошо извѣстно; на древнее происхожденіе другихъ оградъ у насъ сохранились правда, лишь слабые намеки, но эти намеки получаютъ почти доказательную силу въ виду единства духа, которымъ проникнуты всѣ галахи этого рода. Другой вопросъ: къ какой именно древней эпохѣ относить возникновеніе этихъ «оградъ», къ персидской ли, къ македонской, или же къ эпохѣ первыхъ маккавеевъ? Изъ всѣхъ приведенныхъ выше осложненій законовъ ритуальной чистоты — одни (напр. лишнія двѣ степени

¹ Mischna Aholoth I, 1, 2 и 3.

² Nasir 42—6. Сравни Маймонидъ V, 2, и комментарий Каро. Впрочемъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобы цѣпная инфекція когда либо дѣйствительно существовала у евреевъ; въ Мишнаѣ и Тосифтѣ о ней нѣтъ и помину, а изъ Mischna Aholoth I видно, что законоучителямъ II-го вѣка она не была извѣстна. Не позднѣйшее ли это заимствованіе у маздаизма?

для Teruma и Kodesch) прямо касались однихъ только священниковъ, другія же, хотя касались мірянъ, но въ первой линіи они опять таки задѣвали преимущественно матеріальные интересы священниковъ; ибо профанная пища, ставшая въ силу той или другой «ограды» нечистой, могла быть употреблена въ пищу человѣкомъ, находящимся въ состояніи нечистоты; сакральныя же пищевыя вещества, ставъ въ силу той же причины нечистыми, должны быть преданы огню. Слѣдовательно всѣ эти «ограды» не могли быть установлены безъ участія или санкціи священниковъ, которые согласились бы на матеріальныя жертвы изъ благочестивой ревности къ закону. Но крайне невѣроятно, чтобы священники персидскаго періода были способны на что либо подобное. То немногое, что мы знаемъ объ этихъ священникахъ изъ книги Нееміи и изъ рассказовъ Флавія Іосифа, не говоритъ за особенную ревность ихъ къ Моисееву закону. Изъ первосвященниковъ македонскаго періода исторія сохранила намъ одинъ только свѣтлый образъ — Симона Праведнаго. Возможно, конечно, что при немъ установлены были всѣ приведенныя выше «ограды», хотя съ другой стороны, все, что извѣстно намъ о Симонѣ Праведномъ, свидѣтельствуешь о томъ, что онъ стоялъ на почвѣ строгаго соблюденія Моисеева закона, но былъ врагъ всякихъ благочестивыхъ крайностей. Припомнимъ напр. его отношенія къ назорейству¹⁾. Во всякомъ случаѣ, кому бы эти «ограды» ни были обязаны своимъ происхожденіемъ, несомнѣнно то, что къ концу македонскаго періода эти законы меньше всего соблюдались священниками, значительная часть которыхъ находилась въ лагерѣ эллинистовъ. И если о священникахъ, жившихъ во время законоучителя Jose ben Joeser, сообщается, что въ строгости соблюденія ритуальной чистоты, они превосходили этого послѣдняго, то рѣчь можетъ быть только о священникахъ изъ среды примкнувшихъ къ Маккавеямъ хасидеевъ (благочестивыхъ) и слѣдовательно рѣчь можетъ быть только о времени, послѣдовавшемъ за первыми побѣдами Іуды Маккаби, когда богослуженіе въ іерусалимскомъ храмѣ было восстановлено. По всей

¹ Nedarim 9. b Nasir 4, b. Сравни. А. Geiger, Urschrift s. 32 и J. Sack, Die altjüdische Religion s. 167.

вѣроятности эти священники изъ партіи хасидеевъ сами и были авторами многихъ «оградъ» этого рода, хотя положительно утверждать это нельзя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы перейдемъ теперь къ разбору отдѣльныхъ законоположеній этого періода и отношеній ихъ къ народной жизни.

XVII.

Изъ сложной системы «оградъ», воздвигнутыхъ древними законоучителями вокругъ Моисеева закона, мы рассмотримъ здѣсь прежде всего одну серію безъимянныхъ галахотъ, при разборѣ которыхъ обнаруживается какъ бы сознательная тенденція къ игнорированію гигиеническаго смысла ритуальной чистоты и къ превращенію санитарнаго закона въ религіозно-обрядовое предписаніе. Ни въ одномъ изъ элементовъ библейскаго института ритуальной чистоты санитарная идея не выражена такъ ярко и такъ отчетливо, какъ въ законѣ о гноетеченіи изъ извѣстныхъ частей организма (זר) ¹. Представленіе о патологическомъ выдѣленіи больного, какъ о носителѣ болѣзнетворнаго начала, такъ и сквозитъ черезъ всѣ детали этого закона. Постель (Mischkhabh), на которой лежалъ подобный больной, сидѣніе (Moschabh), на которомъ онъ сидѣлъ, или сѣдло (Merkhabh), на которомъ онъ ѣздилъ верхомъ, считаются законодателемъ источниками инфекціи; кто сядетъ или ляжетъ на нихъ послѣ больного, долженъ подвергать себя и свое платье тщательной дезинфекціи. И это очень понятно; къ постели или къ сидѣнію могла прилипнуть вредоносная матерія, которая можетъ затѣмъ прилипнуть къ здоровому чловѣку. Не забудемъ, что у евреевъ библейской эпохи панталоны не составляли еще необходимой принадлежности мужского туалета; это видно, между прочимъ, изъ довольно откровеннаго мотива, которымъ законодатель обставляетъ запрещеніе священникамъ подняться на алтарь по лѣстницѣ ². Понятно также, почему гноеточивый инфицируетъ всѣ предметы и пищевыя вещества, къ которымъ онъ прикасается, *не вымывъ* предварительно *руки*

¹ Levitic. XV. 1—13.

² Exod. XX—26.

свои водою: вѣдь руки его могли быть запачканы заразительной матеріей; обмывъ руки, онъ никого и ничего не инфицируетъ. Большой послѣдовательности въ изложеніи профилактическаго закона нельзя было бы требовать и отъ современнаго врача. Правда, въ противоположность современнымъ врачамъ, видящимъ въ gonorrhoea исключительно мѣстное поражение, библейскій законодатель смотритъ на нее, какъ на общую, конституциональную болѣзнь и приписываетъ напр. заразительную способность слюнкѣ подобныхъ больныхъ, какъ бы смѣшивая gonorrhoea съ сифилисомъ. Но вѣдь именно такъ смотрѣла на эту болѣзнь и европейская медицинская наука вплоть до второй половины нашего вѣка¹. И только благодаря цѣлому ряду изслѣдованій Рикора и его послѣдователей, въ наукѣ восторжествовала наконецъ теорія, по которой gonorrhoea и сифилисъ представляютъ двѣ совершенно различныхъ болѣзни, ничего общаго между собою не имѣющихъ.

Однакожъ, это явное противорѣчіе между Моисеевымъ закономъ и данными современной науки въ сущности нисколько не говоритъ еще противъ идеи о божественности Моисеева законодательства, при которой о научной ошибкѣ не можетъ быть конечно и рѣчи. Въ свое время мы уже разъ упомянули вкратцѣ о томъ, что поводомъ къ смѣшиванію въ прежнее время обѣихъ этихъ болѣзней служили тѣ, правда, не совсѣмъ частые, но все же и теперь иногда встрѣчающіеся факты, что первичное проявленіе сифилиса выражается гноетеченіемъ изъ извѣстныхъ частей. У современнаго специалиста имѣются, правда, довольно надежные признаки для дифференціальной діагностики между простымъ гноетеченіемъ и сифилитическимъ, но библейскій законъ вѣдь данъ былъ не для специалистовъ 19 вѣка. Въ отличіе отъ Zagaath, gonorrhoea не подлежала и вѣдѣнію священниковъ, а предоставлялась религіозной совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. И это по очень понятной причинѣ. Zagaath поражаетъ большею частью открытыя части тѣла, и одержимые ею могутъ быть приведены для осмотра къ священнику помимо ихъ воли, чего нельзя сказать о gonorrhoea; а въ законѣ, писанномъ для народа, нѣтъ мѣста тонкимъ

¹ Эту теорію защищали еще извѣстный сифилидологъ Vidal въ его сочиненіи, напечатанномъ въ 1855 г.

діагностическимъ признакамъ; такой законъ долженъ отличаться возможной простотой и обнимать собою наибольшее число однородныхъ случаевъ.

Итакъ, библейскій законъ о гноеточивости, по буквальному смыслу текста, представляетъ типичный примѣръ санитарнаго закона. Посмотримъ теперь, какъ толкуеть его галаха.

1) Инфекція черезъ каменную плиту — *מסו ים*. Сказано: «всякая постель, на которой лежалъ гноеточивый, нечиста». Не слѣдуетъ думать, говорить галаха, что та лишь постель нечиста, которая находилась непосредственно подъ самымъ больнымъ и прикасалась къ его тѣлу. Нѣтъ, если подъ нимъ было десять подстилокъ, одна подъ другой, то всѣ дѣлаются производителями нечистоты (*ab ha-tumah*) и это даже въ томъ случаѣ, если между гноеточивымъ и верхней подстилкой лежала бы большая каменная плита (*eben messamma*), когда, слѣдовательно, о просачиваніи заразительной матеріи не можетъ быть и рѣчи. И подобно тому, какъ постель воспринимаетъ инфекцію черезъ каменную плиту, она такимъ же путемъ сообщаетъ ее чистому человѣку. Если на постели, на которой раньше лежалъ гноеточивый, находится большой камень или вообще какой нибудь непроницаемый предметъ и на этотъ послѣдній ляжетъ, сядетъ или станетъ чистый человѣкъ, то онъ инфицируется ¹.

Къ чему понадобилась законоучителямъ эта каменная плита? Не придумана ли она была исключительно съ цѣлью показать, что инфицирующая сила гноеточивости вовсе не заключается въ какихъ нибудь матеріальныхъ частицахъ, а представляетъ нѣчто духовное, нѣчто такое, что можетъ проникать и черезъ каменную плиту? Но, если даже допустить, что при установленіи закона о каменной плитѣ, законоучители не руководствовались указанной нами тенденціей, то во всякомъ случаѣ ужъ меньше всего можно допустить обратное т. е., что ими руководило при этомъ стремленіе къ дальнѣйшему развитію санитарнаго принципа Моисеева закона; утверждать что нибудь подобное, какъ это дѣйствительно дѣлають нѣкоторые авторы, ² значитъ, по нашему мнѣнію отрицать у нашихъ дре-

¹ Mischna Kelim I, 2. Siphra къ Levitic. XV.

² Dr. A. Nossig. Die Sozialhygiene der Juden S. 75 u f.

внихъ законоучителей всякую способность не только къ медицинскому, но и къ логическому мышленію вообще, на что въ сущности не имѣемъ никакого права.

2) Инфекція путемъ посредственнаго прикосновенія שֵׁט . Подобно тому, какъ гноеточивый инфицируетъ все, что находится подъ нимъ, точно также онъ инфицируетъ все, что находится надъ нимъ, хотя бы это былъ безконечный рядъ предметовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. Разница лишь та, что предметы, подъ нимъ находящіеся, инфицируются въ качествѣ его постели (Miskhabb) и получаютъ поэтому производительную нечистоту (ab ha-tumah); верхніе же инфицируются въ качествѣ предметовъ, къ которымъ прикасался гноеточивый и они поэтому получаютъ болѣе легкую степень нечистоты, такъ называемую производную инфекцію—Welad ha-tumah ¹.

Распространеніе гноеточивой инфекціи вверхъ (Maddaf) никакого основанія въ библейскомъ текстѣ не имѣетъ ² и простымъ народомъ (am ha-arez) не соблюдалась. Въ Талмудѣ сообщается, что, когда человѣкъ изъ народа пожелалъ стать хаберомъ, т. е. членомъ корпораціи, строго соблюдающей ритуальную чистоту, то долженъ былъ специально заявить, что отнынѣ будетъ считать для себя обязательнымъ соблюденіе Maddaf ³.

3) Рычажная инфекція שֵׁט или «посредственное *ношеніе*». Сказано: кто будетъ носить постель гноеточиваго, долженъ вымыть одежды свои и выкупаться въ водѣ и будетъ нечистъ до вечера. Носить какой нибудь предметъ, разсуждаетъ га-лаха. это значитъ сообщить ему движеніе. Отсюда слѣдуетъ, что чистый человѣкъ, сообщившій движеніе, хотя бы посредствомъ рычага; постели гноеточиваго, а тѣмъ болѣе ему самому, инфицируется; и обратно, — лицо и предметы, приведенные въ движеніе гноеточивымъ, также должны инфицироваться. Напр. если на одну чашку вѣсовъ помѣщенъ былъ гноеточивый, а на другую чистый человѣкъ, то послѣдній остается чистымъ, пока равновѣсіе не было нарушено; при нарушеніи же равновѣсія онъ во всякомъ случаѣ инфицируется.

¹ Mischna Sabbim IV—6 и V—2.

² Сравни Маймонидъ Metame mischhabb u-meschab VI—3.

³ Jerusch. Demai II, сравни также Tossifta Tahoroth IX—4.

Если его чашка опустилась внизъ, то онъ привелъ въ движеніе гноеточиваго, если же его чашка поднялась вверхъ, то онъ былъ приведенъ въ движеніе гноеточивымъ. Если же вмѣсто чистаго человѣка на противоположную чашку помѣщены были пищевыя вещества, хотя бы въ герметически закупоренномъ сосудѣ, то они инфицируются лишь въ томъ случаѣ, если ихъ чашка поднялась вверхъ, въ противномъ случаѣ они остаются чистыми, хотя бы они лежали открытыми, такъ какъ выраженіе «носить» примѣнимо лишь къ одушевленному предмету.

Мишна сообщаетъ намъ, что простодюдины (am ha-ager) не были опытны въ рычажной инфекціи ³ שרץ רקרץ רקח, вѣрнѣе сказать—не признавали ея. Отъ поступающаго въ корпорацию хаберовъ требовалось обѣщаніе строго соблюдать правила рычажной инфекціи ⁴.

Нѣтъ сомнѣній, что нѣсколько странная, хотя и остроумная казуистика, только что нами приведенная, была придумана только для того, чтобы показать, что гноеточивая инфекція лишена всякой санитарной подкладки. Но было бы нелѣпо утверждать, что эта тенденція составляла единственную причину всѣхъ вообще осложненій этого закона. Школа могла ради тенденціи забавляться остроумной казуистикой, но въ жизни распространительное толкованіе интересующаго насъ закона должно было отзываться значительными неудобствами. Правда при томъ цѣломудріи, которое всегда господствовало у евреевъ, какъ въ общественныхъ нравахъ, такъ и въ семейныхъ, גוֹלוֹגְהוֹעַ врядъ ли достигала у нихъ когда нибудь значительнаго распространенія; но не забудемъ, что менструальный періодъ приравнивается закономъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ къ גוֹלוֹגְהוֹעַ, слѣдовательно всѣ эти щепетильности имѣли повседневное примѣненіе.

Возможно, конечно, допустить, что распространительное толкованіе закона о гноеточивости имѣло цѣлью косвенно внушить болѣе строгое отношеніе къ менструальному закону; но, принимая во вниманіе, что у древнихъ евреевъ женщины въ известное время всегда были строго изолированы отъ всѣхъ окружающихъ, принимая также во вниманіе, что законоучи-

¹ Mischna Tahoroth X -- 1.

² Jeruschalmi Demai II.

тели во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ рѣдко говорятъ о женщинахъ, а сплошь и рядомъ говорятъ именно о гноеточивыхъ мужчинахъ—принимая это во вниманіе, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что главный мотивъ, побудившій законоучителей къ установленію всѣхъ указанныхъ осложненій закона, было желаніе изолировать еврея отъ общенія съ язычниками. Мы не знаемъ, какъ сильно эта болѣзнь была распространена среди грековъ¹, да намъ этого и не нужно знать; съ точки зрѣнія закона каждый язычникъ долженъ былъ а ргіогі считаться одержимымъ гонотгоеа, хоть бы уже потому, что язычникъ не соблюдаетъ правилъ семейной изоляціи. Чѣмъ строже и чѣмъ сложнѣе будутъ эти законы, тѣмъ больше будетъ преградъ между евреемъ и язычникомъ. Въ этомъ смыслѣ «ограда вокругъ закона» имѣла то же значеніе, что ограда вокругъ еврейской національности.

Сооруженіе вышеизложенныхъ «оградъ», должно быть отнесено, по нашему мнѣнію, къ македонскому періоду нашей исторіи или, самое позднее, къ эпохѣ первыхъ Хасмонеевъ, когда опасность отъ надвигавшагося эллинизма должна была вызвать извѣстную реакцію. Конечно, въ мотивахъ къ подобной реакціи не было недостатка и въ позднѣйшихъ періодахъ еврейской исторіи и въ особенности во время разгара враждебныхъ отношеній между евреями и римлянами. Но, какъ увидимъ впоследствии, средства, избранныя тогда законоучителями для огражденія еврейскаго народа отъ вліянія языческаго міра, были совсѣмъ иного характера и были независимы отъ института ритуальной чистоты, который въ то время у са-

¹ Что эта болѣзнь существовала у грековъ и римлянъ—это видно изъ описанія ея у Celsus (Medicina lib. IV Cap. XXVIII) и у Aratäus (De Causis et signis morb. Chron. lib. II Cap. V). Впрочемъ оба эти автора смѣшиваютъ, повидимому, эту болѣзнь съ Spermatorrhoea и во всякомъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о ея заразительности. Идея о заразительности болѣзни вообще была чужда древнимъ грекамъ. Аретей напр., описывая дифтеритъ (Eschaga), приводитъ всевозможныя этиологическія моменты для нея, за исключеніемъ того лишь простого, на нашъ взглядъ, факта, что этой болѣзнью можетъ заразиться одинъ человѣкъ отъ другого. Идея заразительности, ясно выраженная въ Библии и хорошо понятая, какъ увидимъ дальше, талмудическими школами, должна была дожидаться XIX вѣка, чтобы стать общимъ достояніемъ.

нихъ евреевъ потерялъ уже значительную часть своей силы. Независимо отъ этого для значительной части изложенныхъ нами до сихъ поръ законоположеній, у насъ имѣется специальное доказательство ихъ древняго происхожденія. Употребляемая ими для обозначенія нѣкоторыхъ понятій терминологія, носить на себѣ явную печать древности, печать того именно времени, когда еврейскій языкъ былъ еще живъ въ устахъ народа.

Нѣтъ сомнѣній, что приведенныя при описаніи гностичивой инфекціи техническія выраженія: Eben messamta (непроницаемый камень) и Maddaf (покрывало?) представляютъ продуктъ школьной изобрѣтательности, но несомнѣнно также и то, что школа взяла эти выраженія изъ жизни и взяла ихъ тогда, когда они имѣли еще какой нибудь смыслъ въ народной рѣчи, притомъ близко подходящій къ тому употребленію, которое сдѣлала изъ нихъ школа. Въ исторіи литературъ мы имѣемъ не мало примѣровъ образованія техническихъ терминовъ на совершенно мертвыхъ языкахъ; но такое чисто школьное творчество отличается большей логичностью чѣмъ крайне-прихотливый подчасъ произведенія народнаго творчества; школа пользуется поэтому всегда общеупотребительными корнями для вновь созданныхъ ею словъ, чтобы они лучше были поняты всѣми, чего нельзя сказать о терминахъ, о которыхъ у насъ идетъ теперь рѣчь.

Выраженіе «Eben messamta» מַסַּמְטָא нигдѣ во всей талмудической литературѣ больше не встрѣчается; форма этого слова чисто еврейская, но этимологія его съ точностью неизвѣстна¹. Такое слово, какъ Eben messamta, не могло быть придумано специально для школьныхъ цѣлей; скорѣе надо полагать, что это еврейское названіе обозначало извѣстный тогда въ обществѣ предметъ, которое, въ силу непонятной намъ теперь ассоціаціи мысли, было заимствовано школой для обозначенія опредѣленнаго идейнаго представленія. Терминъ этотъ, стало быть, могъ быть созданъ когда народъ говорилъ еще по еврейски.

Небольше достовѣрныхъ свѣдѣній имѣются у насъ по эти-

¹ Сравни J. Levi, Neuhebr. W. B. Sub voc. מַסַּמְטָא и Kohut, Aruch Completum s. v. מַסַּמְטָא.

мологін אָרֶז ; собственно говоря мы даже не знаемъ настоящаго чтенія этого слова, хотя отлично знаемъ его смыслъ: одни читаютъ Maddaf другіе—Middaf; одни производятъ это слово отъ אָרֶז доска (что впрочемъ крайне невѣроятно), другіе отъ глагола אָרַז , означающаго—разсѣвать дымъ, издавать запахъ. Слово это встрѣчается, правда, какъ имя существительное, еще два раза въ Мишнаѣ. Въ одномъ мѣстѣ оно обозначаетъ какой-то неизвѣстной формы кожаный предметъ, имѣвшій неизвѣстное намъ теперь примѣненіе въ пчеловодствѣ אֲרִיזָה שֶׁל אָרֶז ¹. Въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ его рядомъ съ названіями разныхъ предметовъ и орудій рыбной ловли и охоты ². Но ни то, ни другое мѣсто въ Мишнаѣ не даетъ намъ желаннаго ключа къ разгадкѣ той ассоціаціи мысли, путемъ которой это слово получило въ школѣ вполне опредѣленное и довольно сложное идейное представленіе, какое придаетъ ему галаха. А слово это между тѣмъ чисто-еврейской конструкціи. Надо слѣдовательно допустить, что въ устахъ народа, когда онъ говорилъ еще по еврейски, оно имѣло еще какое нибудь другое значеніе, которое, если бы оно было намъ извѣстно, могло бы оправдать то употребленіе, которое сдѣлала изъ него школа.

Д-ръ Л. Каценельсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Mischna Kelim XVI, 7. Сравни J. Levi Neuhebr. W. B. S. v. אָרֶז и A: Kohut Aruch Completum. По нашему мнѣнію, оба приведенныя отъ имени Aruch'a объясненія не подходятъ къ кожанному предмету. Въ кожанномъ судѣ неудобно разложить огонь.

² Mischna Kelim XXIII—5.

ПО ТЕПЛОМУ ТЕЧЕНІЮ.

СОВРЕМЕННЫЯ КАРТИНЫ.

(Окончаніе).

ГЛАВА V ¹.

Среди своихъ.

Мойсей Наумовичъ проснулся, протеръ глаза рукавомъ рубахи, какъ-то радостно заохалъ и, повернувъ голову въ сторону жены, уставился на нее; она лежала тутъ же рядомъ, раскинувши руки, тяжело дыша. Видно было, однако, что мысли Мойсея Наумовича были далеки отъ той картины, какую представляла собою его жена, такъ какъ онъ не скоро замѣтилъ, что она проснулась и удивлялась устремленному на нее взору; вдругъ, встрѣтившись съ ея взглядомъ, Мойсей Наумовичъ поспѣшилъ выразить на своемъ лицѣ улыбку и, проговоривъ: «голубка моя бѣлая», протянулъ къ ней руку, но голубка быстро скрылась подъ одеяломъ, укоризненно прошептала: «Ахъ Мойсей, Мойсей». Рѣшивъ, что оба достаточно проявили взаимную любовь, Мойсей Наумовичъ принялъ прочь свою руку, а Фаня появилась изъ подъ одеяла... Былъ праздничный день.

Въ дни большихъ праздниковъ Мойсей Пинкесъ ходилъ съ женою въ хоральную синагогу, и хотя въ переднихъ рядахъ сидѣли, по увѣренію Фани, только конокрады, Мойсей Наумовичъ изъ года въ годъ сидѣлъ въ первомъ ряду, ежегодно платя сотню рублей за удовольствіе имѣть столь симпатичныхъ сосѣдей; надо полагать, что Мойсей Наумовичъ былъ дѣйствительно чрезвычайно добрый человѣкъ, такъ какъ онъ добродушно, а пороку

¹ См. „Восходъ“, кн. 8.

съ отъѣнкомъ восхищенія бесѣдовалъ съ этими господами. И трогательно было созерцать, какъ въ божьемъ домѣ, подъ сѣнью святыни, всѣ люди дѣлались равными: конокрадъ благоговѣйно предлагалъ свой молитвенникъ добродѣтельному купцу, а послѣдній почтительно выражалъ ему свою благодарность. Невольно казалось, что Фаня напрасно совѣтовала Соломону Гройсу закрыть синагоги, грозя, что ея Мойсей не переступить ихъ порога, дабы не сидѣть рядомъ съ мошенниками; Мойсей Наумовичъ былъ очень доволенъ своими сосѣдами, такъ какъ съ большинствомъ изъ нихъ онъ встрѣчался, плывя по теплому течению.

Супруги Пинкесъ шли въ синагогу. Фаня торопливо одѣвалась, боясь опоздать, а гражданинъ Пинкесъ, заготовивъ цилиндръ и молитвенникъ, терпѣливо дожидался ея. Фаня какъ бы переродилась. По мѣрѣ того, какъ она одѣвалась, ее охватывало торжественное настроеніе, а придя въ синагогу, черезъ полчаса, она, наряду съ другими женщинами, громко плакала, вознося свою молитву. Въ знакомой обстановкѣ, среди людей доступныхъ ея пониманію, близкихъ ея сердцу, она себя чувствовала такъ, какъ будто вырвалась на свободу изъ темницы; ей казалось, что здѣсь она въ безопасности отъ чего-то страшнаго, безпрестанно угрожавшаго ей. И она испытывала неизъяснимое удовольствіе бесѣдовать не только со своими богатыми сосѣдами, но и съ тѣми, которыя сидѣли на заднихъ скамьяхъ, отрывая имъ свое доброе по природѣ сердце, выслушивать ихъ жалобы на судьбу. Сидя на хорахъ, она выглядывала внизъ, гдѣ молились мужчины, и искала среди нихъ своего Сашку, но не находила; и ей было больно, когда бѣдная вдова Шмерлинкъ указала на своего красавца-сына, горячо читавшаго молитву. Слезы подступили къ глазамъ Фани и она съ жаромъ молилась, искренне прося прощенія «за все». Въ своихъ молитвахъ она бичевала себя за всѣ отступленія отъ законовъ и обычаевъ и она искренне думала, что, придя домой, она заживетъ иною жизнью, такой, какъ всѣ «вѣрные» евреи. И она взоромъ искала своего мужа... Вотъ она его нашла... Мойсей Наумовичъ смотритъ вверхъ... они встрѣтились глазами... Стройный хоръ торжественно объединилъ въ себѣ стоны скорбящихъ и вознесъ ихъ въ высь. Распахнулись двери кивота.

Залились звонкіе голоса дѣтокъ-пѣвчихъ... Загудѣли басы... И въ торжественномъ шумѣ заглохли крики страсти и вопли страданья. Все молилось въ священномъ трепетѣ и слезы упованья заблестали на измученныхъ лицахъ... Фаня рыдала...

Богослуженіе кончилось. Толпа, прощаясь и посылая другъ другу добрыя пожеланья, медленно расходилась; видно, каждому было тяжело разстаться съ тѣмъ убѣжищемъ, куда не доходила людская злоба и гдѣ самый униженный не чувствовалъ краски стыда на своемъ лицѣ. — Встрѣтивъ мужа у воротъ синагоги, Фаня радостно протянула ему руку, улыбаясь своими влажными отъ слезъ глазами. Мойсей Наумовичъ хотя самъ никогда не плакалъ, допускалъ однако такую слабость у другихъ. Поговоривъ немного — они разошлись. Гражданинъ Пинкесъ спѣшилъ изъ синагоги на дѣловое свиданіе въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ города, а Фаня Пинкесъ, не измѣняя своему обычаю, медленно направлялась къ вдовѣ Добрѣ Флейшъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ синагогѣ, она чувствовала потребность передъ тѣмъ, чѣмъ идти къ себѣ домой, гдѣ она неминуемо должна была встрѣтить многое, что не отвѣчало чувствамъ, возникшимъ въ минуты молитвы и бродившимъ еще въ ея сердцѣ, — посидѣть немного у кого либо изъ родственниковъ, гдѣ бы она могла отдохнуть отъ пережитыхъ волненій.

Медленно шагая, она думала, какъ отрадно было бы ей встрѣтить у себя дома дѣтей, такъ же, какъ и она, умиленныхъ молитвой, такъ же, какъ и она, жаждущихъ иной жизни. Но ей вспомнились Лида, Эльза, Сашка. — и Фанѣ сдѣлалось невыразимо грустно при мысли, какъ холодно, черство она относится къ своему старшему сыну, отдавая предпочтеніе наѣзднику Пыжику; но Фаня тутъ же нашла себѣ оправданіе: она находится подъ вліяніемъ мужа, а ея Мойсей не любитъ Сашку. Утѣшивъ себя такимъ образомъ, она вновь перенеслась мыслями къ любимицѣ Мойсея, Лидѣ. — Выдать бы ее замужъ, — подумала Фаня, вздохнула и позвонила у дверей квартиры вдовы Добрѣ Флейшъ.

За празднично убраннымъ столомъ, уставленнымъ блюдами съ яствами и разноцвѣтными графинами, сидѣли: старуха хозяйка въ шелковомъ, свѣтло фіолетовомъ платьѣ, шуршавшемъ

при малѣйшемъ движеніи; ея единственная дочь, душевно больная, дѣвица 33-хъ лѣтъ—Клара, одѣтая въ черное старое платье; Хана Пинкесъ въ своемъ лучшемъ, тоже шелковомъ и шуршавшемъ при малѣйшемъ движеніи, платьѣ; Дувидъ и Соломонъ Гройсъ въ длиннѣйшихъ сюртукахъ и еще кое какіе знакомые. Увидѣвъ Фаню, всѣ встали и начали поздравлять ее по случаю праздника. Хана Пинкесъ давно забыла о катастрофѣ, происшедшей въ собственномъ домѣ гражданина Пинкеса, и радостно многожды обლობызалась со своей родственницей. Фанѣ было предложено почетное мѣсто и всѣ расположились вокругъ нея, ожидая ея перваго слова. Черезъ нѣсколько минутъ завязался оживленный разговоръ; одинъ Дувидъ молчалъ, да еще Соломонъ Гройсъ, показавъ усы; Клара по обыкновенію ходила вдоль стѣны, поминутно исчезая изъ комнаты и вновь появляясь, обдергивая грязными пальцами свою кофточку; говорили о томъ, что «сегодня канторъ пѣлъ — какъ никогда», что купецъ Гудель злостный банкротъ, что «нынѣшняя молодежь очень испорчена», и Фаня, сама того не замѣчая, присоединилась къ общему хору старцевъ, привыкшихъ къ затхлому воздуху своихъ убогихъ каморокъ, и начала бранить все новое и молодое.

— Ахъ, моя дорогая Хана, моя милая Добра, если бы вы знали, какъ мнѣ надѣли эти Анны Гавриловны, Антоны Николаевичи. Но что дѣлать? Такое время. Мойсей и Леда не могутъ жить безъ нихъ. Я знаю, что скверно предпочитать ихъ своимъ роднымъ, но могу ли я приглашать васъ къ себѣ, когда у насъ генеральша? И ей, и вамъ будетъ скучно. Я васъ такъ люблю. Вѣдь я еврейка, горячая еврейка.

Тутъ Фаня сердечно поцѣловала обѣихъ родственницъ, взяла со стола пряникъ, воскликнула: «Ахъ, какой вкусный! гдѣ вы его купили, Добра?» и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Объ одномъ я молю Бога — чтобы мои дѣти остались евреями. Пусть цѣлуются съ генеральшами, можетъ быть это и полезно — развѣ я знаю? — но пусть не мѣняютъ Бога... я этого не переживу.

Фаня приложила платокъ къ глазамъ. Она еще долго жаловалась Ханѣ и Добрѣ, что ее страшитъ будущее. Наконецъ она еще разъ поцѣловала родственницъ, пригласивъ ихъ зайти

къ ней вечеркомъ—и ушла. — Соломонъ Гройсъ пошелъ проводить ее.

— Я васъ не понимаю,—начала горячо Фаня,—что это вы вдумали учить Адольфа? Слыхано-ли, чтобы старый еврей совѣтовалъ другому еврею измѣнить своему Богу? Или вы не старый еврей, или вы съ ума сошли.

— Я старый еврей и не сошелъ съ ума,—спокойно возразилъ Соломонъ,—однако повторяю, что Адольфъ долженъ спасти своихъ дѣтей. Развѣ его дѣти виноваты, что рождены христіанкой? Развѣ онъ не долженъ дать имъ свое имя, женившись на ихъ матери, и принять для этого христіанство?

— Боже! Какъ васъ земля держитъ, Соломонъ? Чтобы мой Адольфъ сдѣлалъ такой шагъ изъ за Глашки, рябой, пьяной Глашки, бывшей моей горничной? Какое ему дѣло, что его любовница каждый годъ рождаетъ?

— Вѣдь это его дѣти,—робко вставилъ Соломонъ Гройсъ,—онъ съ Глафирой Ивановной двадцать лѣтъ вмѣстѣ...

— Они ему не дѣти, если не евреи.. Адольфъ честный еврей, онъ знаетъ, что грѣхъ Бога мѣнять.

— Нѣтъ, онъ не честный еврей, онъ не честный человекъ.

— Соломонъ, я васъ не узнаю...

Соломонъ Гройсъ поспѣшилъ проститься и уйти, а Фаня Пинкесъ, дожидаясь пока Іезуита откроетъ ей дверь, стояла, какъ ошеломленная.. Ей было тяжело входить въ свой домъ.

— У насъ Анна Гавриловна... и племянникъ ея, офицеръ, тоже пришелъ... Антонъ Николаевичъ только что вошли,—радостно докладывала Іезуита,—баринъ безпокоился о васъ.

А Фаня Пинкесъ думала: «Чтобы мой Адольфъ сдѣлалъ это ради пьяной Глашки, ради простой мужички. Нѣтъ, этого никогда не будетъ.. Какой стыдъ... Что скажетъ Мойсей?»

ГЛАВА VI.

Аудиенція.

Мойсей Наумовичъ былъ честолюбивъ, и будучи въ то же время умнымъ, онъ сознавалъ за собою эту слабость, а потому старался придать ей окраску благородства. Часто, возбужденный собственною фантазіей, онъ говаривалъ своимъ друзь-

ямъ (личный составъ коихъ мѣнялся ежедневно), что онъ добивается уваженія и преклоненія со стороны благородныхъ людей (не евреевъ, и не «изъ евреевъ»), чтобы доказать, что и среди евреевъ есть люди, достойные предлагать дорогія сигары этимъ благороднымъ людямъ. Такимъ образомъ, онъ мнилъ себя, такъ сказать, борцомъ своего народа. Вотъ почему когда пороку въ его присутствіи благородные люди доставляли себѣ удовольствіе зло посмѣяться надъ «его» народомъ, Мойсей Наумовичъ только снисходительно улыбался и никогда не поддакивалъ взводимой клеветѣ. И только у своего очага онъ поучалъ своихъ дѣтей не жестикулировать во время рѣчи, такъ какъ это дѣлаютъ «только евреи», а когда Сашка замѣчалъ, что не только евреи жестикулируютъ, но и другіе народы, напр., итальянцы, Мойсей Наумовичъ благоразумно отвѣчалъ, что если итальянцы жестикулируютъ, то по итальянски, а это не одно и то же, и оглядывая свою семью, онъ радовался, что и жена, и дочери одобрительно киваютъ головой. Онъ привлекалъ къ себѣ Лиду, цѣловалъ ее и говорилъ:

— Пусть старое остается далеко позади насъ. Надо идти впередъ.

— Да, дорогой папа, — шептала въ упоеніи Лидя, — впередъ, впередъ, туда гдѣ свѣтло, свободно.. въ Дворянское собраніе.

Отецъ и дочь жали другъ другу руки.

Но бывали дни, когда мысли Мойсея Наумовича работали въ направленіи противоположномъ «теплому течению».

Это бывало тогда, когда мучимый болѣзнью печени, онъ съ ужасомъ думалъ, что наступаетъ конецъ его дѣятельности, какъ борца народа. И боясь туманнаго грядущаго, онъ мнилъ, что смерть является наказаніемъ за то, что жертвуя каждый годъ пару сотенъ рублей на благотворительныя дѣла, онъ ихъ раздавалъ благороднымъ людямъ, приславшимъ ему записку: «Надѣясь, что добрѣйшій Мойсей Наумовичъ не откажетъ въ сильной лептѣ на устройство прачешной, гдѣ бы обучались дѣти благородныхъ людей, умершихъ отъ алкоголя», или платилъ членскіе взносы въ обществе «распространенія дѣтскихъ забавъ среди взрослыхъ»,—въ то же время совершенно забывая о нуждахъ своихъ братьевъ. Въ такія минуты онъ

вспоминалъ, что у богача Биленкинда, несмотря на то, что старшій сынъ женатъ на миллионершѣ-англичанкѣ и состоитъ чиллійскимъ консуломъ, строго соблюдаются законы и обычаи, и его начинала мучить мысль, почему у него въ домѣ все заведено иначе, и онъ хотѣлъ, чтобы въ его домѣ въ ту же минуту воцарился строгій еврейскій образъ жизни. Но не успѣвалъ онъ еще подѣлиться съ женою взволновавшей его мыслью, какъ вспоминалъ, что у Лаутенберга, болѣе богатаго, чѣмъ Биленкиндъ, нѣтъ и помину о еврействѣ, и онъ радовался, что у него все такъ, какъ у Лаутенберга.— Тѣмъ не менѣе, какая-то жалкая трусость не позволяла Мойсею Наумовичу порвать всякую связь съ еврействомъ и онъ, для самообмана, ходилъ въ синагогу; въ его груди ныла тревожная нотка, не будетъ ли онъ наказанъ судьбою за свое поведеніе. Говорили, что Соломонъ Гройсъ выразился однажды: «жаль, что у Мойсея Пинкеса рѣдко бываютъ боли въ печени, а то бы онъ построилъ на свой счетъ двѣ синагоги». Къ счастью для Мойсея Наумовича, боли въ печени не повторялись часто и ему не было надобности строить синагоги.

Мойсей Наумовичъ пришелъ домой въ прекрасномъ расположеніи духа. Анна Гавриловна выхлопотала ему у губернатора аудіенцію. Губернаторъ принялъ его очень любезно.

Окруженный своей семьей и друзьями, Мойсей Наумовичъ передавалъ мельчайшія подробности этого свиданія.

Вскорѣ прибыла Анна Гавриловна. Вся семья встрѣтила ее восторженно. Фаня троекратно облобызала ее и воскликнула:

— Вы мнѣ дороже родной сестры... Мы такъ счастливы... Мой Мойсей былъ у губернатора... Ахъ, генеральша, какъ отрадно видѣть, что есть люди, которые цѣнятъ моего Мойсея... Сегодняшній день будетъ всегда нашимъ семейнымъ праздникомъ. Какой благородный человѣкъ его превосходительство господинъ губернаторъ... Да, генеральша, я растрогана... Мой Мойсей говоритъ, что онъ счастливъ, что въ то время, какъ другіе гнутъ шею, — ему, быть можетъ, будетъ дана медаль на шею (г. губернаторъ намекнулъ) за услуги, оказанныя отечеству... Ахъ, генеральша, мой Мойсей такъ патріотически произноситъ «наше отечество», «нашъ гуманный просвѣщенный губернаторъ».

— Поздравляю васъ, Мойсей Наумовичъ, поздравляю васъ, Фаня Сергѣевна (отца Фани съ перваго до послѣдняго дня его жизни звали Лейба), поздравляю васъ, дѣти.

Всѣ были очень взволнованы. Мойсей Наумовичъ незамѣтно для другихъ вручилъ генеральшѣ запечатанный конвертъ... Выпили шампанскаго.

Когда Анна Гавриловна уѣхала, Мойсей Наумовичъ и его семья еще долго повторяли то, о чемъ было говорено.

— Мойсей, ты меня любишь?—нѣжно спросила Фаня своего мужа.

Мойсей Наумовичъ ласковымъ взоромъ увѣрилъ ее въ своей любви.

— Поѣдемъ всѣ къ твоей сестрѣ Добрѣ. Вѣдь скоро годъ, какъ ты у нея не былъ. Пусть не только чужіе, но и близкіе люди дѣлать съ нами нашу радость. Вѣдь Добра можетъ скоро умереть—какъ ты ее тогда увидишь?

— Да, Фаня, ты права; надо иной разъ вспомнить и объ обязанностяхъ брата. Пусть старушка знаетъ, что и въ стѣнахъ губернаторскаго дома я ее не забываю.

Благородныя Лида и Эльза, благодарныя отцу за его гражданскую доблесть, не хотѣли огорчить его отказомъ и весело заявили, что онѣ съ удовольствіемъ посѣтятъ старушку—«вѣдь она можетъ скоро умереть».

Вся семья гражданина Пинкеса появилась въ небольшой квартирѣ вдовы Добры Флейшъ, единственное сокровище которой заключалось въ дочери Кларѣ.

Увидя столь рѣдкихъ у себя гостей, Добра быстро послала свою служанку звать ближайшихъ родственниковъ, объявивъ, что «у Добры вся семья Пинкеса».

Вдова Добра растерялась и не знала, гдѣ кого усадить... И въ ту минуту, когда она была готова отдаться радости, что ея братъ Мойсей у нея, ея сердце сжималось отъ боли и она страдальчески вглядывала на свою дочь. Худая, въ узкой черной кофточкѣ, въ которой какъ-то рѣзко выдѣлялись ея костлявыя плечи, съ легкой просѣдью въ когда то прекрасной косѣ, Клара ходила, по обыкновенію, вдоль стѣнъ, остро, хищнически поглядывая на гостей; своими длинными, грязными пальцами она нервно дергала край кофточки, то садясь

въ уголку, то быстро уходя изъ комнаты, то также быстро возвращаясь. Отъ нея вѣяло холодомъ, какъ отъ сырой земли подвала. Вдова Добра суетилась, а гости шумно входили въ ея небольшую квартирку. Первыми пришли, вѣрнѣе прибѣжали, Хана Пинкесъ съ мужемъ.

— Ой, Фаня, ой, Мойсей, — восклицала она, здороваясь съ ними, — какъ я спѣшила сюда. Мой Дувидъ не могъ одѣть калошъ. И я ему кричу — Дувидъ, зай ништъ кайнъ киндъ, что ты тамъ одѣваешь калоши, когда Мойсей и Фаня насъ ждуть! И онъ пошелъ безъ калошъ. И мы бѣжали, и я вспомнила, что онъ, не дай Богъ, можетъ простудиться, не дай Богъ, умереть, и мы побѣжали домой, и онъ одѣлъ калоши... Какъ я рада... Ой, и Лида здѣсь, и Эльза. — Она всѣхъ цѣловала и обнимала, не замѣчая, что Лида и Эльза послѣ ея поцѣлуевъ утирали свои лица кружевными платочками.

— Фаня, дорогая моя, скажите, почему я васъ такъ люблю? Хотите знать всю правду? Когда я бываю въ вашемъ домѣ, я боюсь и васъ, и Мойсея, и Лиды, а здѣсь... мы здѣсь всѣ у себя, добрые, любящіе другъ друга евреи... Какъ я рада... Дувидъ, не сиди у окна... Дорогая Добра, дайте ему стаканъ чаю, пусть согрѣется... Всегда я должна думать о немъ... Все на голову несчастной Ханы.

Потокъ ея нервной рѣчи былъ прерванъ приходомъ Гитли Брекъ, сестры Мойсея Наумовича, съ мужемъ, длиннымъ субъектомъ, Хаимомъ Брекъ, мнившимъ себя великимъ музыкантомъ. такъ какъ любилъ молитвенные напѣвы и пѣнье въ хоральной синагогѣ и порою импровизировалъ въ тѣ минуты, когда сотни молельщиковъ, вставъ со своихъ мѣстъ, громко произносили молитву. Вмѣстѣ съ ними пришла маленькая Роза, ихъ внучка отъ покойной дочери, и сынъ ихъ Мейеръ, такой же долговязый и рыжій, какъ отецъ, по профессіи — дантистъ, безмолвный поклонникъ Эльзы, съ которой за всю свою жизнь не говорилъ болѣе пяти минутъ, такъ какъ семья Брекъ никогда не бывала въ домѣ гражданина Пинкеса, строго придерживаясь границъ «добраго знакомства». Въ первую минуту Мейеръ хотѣлъ было воспользоваться счастливымъ случаемъ и поговорить съ Эльзой, но на свой робкій вопросъ «ты любишь музыку?», онъ получилъ такой своеобразный отвѣтъ: «ахъ, от-

стань», что почель лучшимъ скрыться за спиной матери.. Явился и Соломонъ Гройсъ.

Узнавши объ аудіенціи, всѣ шумно поздравляли семью Пинкеса, торжественно выражая удивленіе уму, благородству и прочимъ добродѣтелямъ Мойсея, всѣ говорили, что Мойсей «пойдетъ далеко», что Мойсей—ихъ опора, надежда, гордость.

— Да-а-а... Мой Мойсей имѣлъ аудіенцію, — безпрестанно повторяла счастливая Фаня.

Любопытно было видѣть всѣхъ этихъ родственно связанныхъ между собою лицъ: Лида и Эльза усѣлись на маленькомъ диванчикѣ и очень оживленно вели бесѣду, настолько просвѣщенную, что никто изъ тетушекъ и дядей не могъ бы къ нимъ присоединиться, такъ какъ никто изъ нихъ никогда не былъ въ Дворянскомъ Собраніи, несмотря на свои преклонныя лѣта; Сашка разсматривалъ альбомъ и онъ былъ крайне обрадованъ, когда увидѣлъ свой портретъ; захлебываясь отъ удовольствія видѣть себя годовалымъ ребенкомъ, онъ началъ всѣмъ показывать свою карточку, хотя былъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, съ поднятой, по обычаю, рубашечкой; Фаня бойко вела разговоръ съ женщинами, сообщая подробности аудіенціи; гражданинъ Пинкесъ терпѣливо выслушивалъ объясненія Хаима по поводу чуднаго голоса извѣстнаго кантора хоральной синагоги. Одинъ Дувидъ Пинкесъ сидѣлъ въ сторонѣ, за цвѣточнымъ вазономъ, робко поглядывая на своего богача брата, удивляясь, какъ Хаимъ непринужденно, словно равный съ равнымъ, говорилъ съ гражданиномъ Пинкесомъ. Робкій Дувидъ подозвалъ къ себѣ маленькую Розу и хотѣлъ ее приласкать, но она убѣжала къ Сашкѣ и онъ остался одинъ.

За чаемъ дѣвицы Пинкесъ отказывались отъ всего, что добрая вдова могла имъ предложить, за то Сашка, къ ужасу маленькой Розы, проглатывалъ такую массу сластей, что Хана успѣшила обратить вниманіе Фани на возможность неприятныхъ послѣдствій. Фаня крикнула и Сашка пугливо забился въ уголь. Клара, незамѣтно для другихъ, принесла ему туда пирожное; она любила приласкать обиженнаго. Соломонъ Гройсъ меланхолично сморкался и пилъ вино, закусывая пряникомъ. Фаня очень любезно, безъ приглашенія пробовала

всего понемногу, искренно восторгаясь искусствомъ хозяйки. Мойсей Наумовичъ держался золотой середины: ѣлъ, но мало...

Клара исчезла изъ комнаты и не возвращалась. Добра безпокойно сидѣла подлѣ Фани, стараясь привѣтливо улыбаться, хотя ея мысли были далеки отъ окружающаго. Она не могла не думать о темномъ прошломъ, о темномъ настоящемъ и темномъ будущемъ ея дочери; изъ девяти человѣкъ дѣтей у нея осталась въ живыхъ одна только Клара; лѣтъ десять назадъ Клара была невѣстой молодого богатаго провизора; не за долго до назначеннаго дня вѣнчанія онъ сгорѣлъ въ своей же аптекѣ; изъ красивой, цвѣтущей—Клара сдѣлалась худой, желтой, съ острымъ хищническимъ взоромъ. Она всегда чего-то тревожно ожидала; она вѣрила, что настанетъ день, когда ея женихъ явится за ней.

Безпокойство хозяйки передалось гостямъ. Маленькая Роза прижалась къ колѣнямъ бабушки; Сашка подбѣжалъ къ матери; Лида и Эльза стояли обнявшись. Добра старалась успокоить всѣхъ, говоря: «не бойтесь, ничего не случилось».

Вдругъ раздался крикъ. Всѣ вздрогнули; въ комнату вбѣжала несчастная Клара.

— Онъ пришелъ, онъ здѣсь! — закричала она и упала на полъ.

Хаимъ и Мейеръ унесли ее въ ея комнату. Дувидъ, притаившись, плакалъ. Всѣ разошлись...

ГЛАВА VII.

«Простите, папенька и маменька».

Мойсей Наумовичъ быстро несся по теплomu теченію. Онъ получилъ выгодный казенный подрядъ.

Гражданинъ Пинкесъ былъ съ визитомъ у одного очень важнаго лица; черезъ два часа это лицо возвратило ему визитъ. Лавочница Рухля, ближайшая совѣтница Фани, завидя богатую коляску, остановившуюся у дома, надъ воротами котораго дощечка гласила: «Домъ жены пот. почетн. гражданина Фани Пинкесъ», тотчасъ побѣжала на кухню и просила немедленно передать Фанѣ, что отнынѣ она будетъ считать ей провизию дешевле, чѣмъ кому бы то ни было; дальняя же

родственница Фани, бѣдная швея, работавшая въ разныхъ домахъ, съ пѣною у рта заявляла, что коляска остановилась совсѣмъ не у дома Мойсея Пинкеса, а если и остановилась—то по ошибкѣ. Какъ бы то ни было, но въ ту минуту, что коляска остановилась у воротъ означеннаго дома, въ ворота того же дома вбѣжалъ Соломонъ Гройсъ и быстро поднялся по лѣстницѣ вслѣдъ за важнымъ лицомъ; старикъ былъ взволнованъ. Бѣлокурая Іезуита не пустила его въ комнату, говоря, что «у насъ гости», и только послѣ усиленной просьбы, согласилась попросить Эльзу.

— Что такое?—недовольно спросила Эльза.

— Клара умерла, — съ ужасомъ пробормоталъ старикъ, — только что умерла... разбила себѣ голову о стѣну... Тетя такая несчастная... утѣшите ее.

— Ахъ, Боже мой, какъ это все не во-время.

Дверь захлопнулась и Соломонъ Гройсъ побѣжалъ хлопотать о похоронахъ.

Эльза повала мать и сестру и между ними состоялся совѣтъ: сообщить ли отцу о кончинѣ Клары или нѣтъ?

И принявъ во вниманіе, что столь незначительное по своему существу обстоятельство, какъ смерть Клары, могло тѣмъ не менѣе прервать интимную бесѣду, происходившую въ гостиной, и что эта смерть не являлась чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Клара когда нибудь умретъ — рѣшено было отложить сообщеніе на неопредѣленный срокъ и принять къ свѣдѣнію на будущее время: въ важныхъ семейныхъ обстоятельствахъ не считаться съ мелкими, посторонними фактами.

Въ эту минуту явился Мойсей Наумовичъ и сообщилъ, что важное лицо любезно выразило свое желаніе познакомиться «со всей уважаемой семьей нашего уважаемаго гражданина».

Фаня, а за нею и дочери, исчезли въ гостиной. Іезуита поспѣшила принарядить Пыжика, непремѣннаго члена всѣхъ собраній въ домѣ его отца. Сашка за свою «грубую» физиономію не былъ допускаемъ въ гостиную; его горбатый носъ и горбатый голосъ невольно заставляли бы гостя вспоминать о томъ, о чемъ гость старался не думать, сидя въ гостиной Мойсея Пинкеса

И важное лицо, и Мойсей Наумовичъ знали пословицу «куй желѣзо—пока горячо», а потому они порѣшили вмѣстѣ отобѣдать. пригласивъ одного способнаго молодого человѣка дворянина Николая Алексѣевича Бѣжецкаго, имѣвшаго большія связи, а поэтому необходимаго для ихъ дѣла. Гостепріимная Фаня была столь любезна, что предложила важному лицу удостоить ее чести отобѣдать за ея скромнымъ столомъ. Предложеніе было принято. Вскорѣ явился Николай Алексѣевичъ, также получившій и принявшій предложеніе отобѣдать. Обѣдъ прошелъ очень оживленно; послѣ десерта мужчины удалились въ кабинетъ и бесѣдовали наединѣ. Вечеромъ явилась Анна Гавриловна. Сидѣли далеко за полночь...

Ложась спать, Мойсей Наумовичъ передавалъ женѣ подробности конфиденціальной бесѣды. Чувствуя, что благодѣтельный сонъ скоро перенесетъ ее въ отрадное небытье, Фаня, какъ бы со сна, проговорила.

— Клара умерла... лишила себя жизни.

Дипломатъ Пинкесъ, сдѣлавъ видъ, будто онъ во снѣ услышалъ эту фразу, тихо произнесъ:

— Я хочу спать... я усталъ.

Супруги исполнили свои обязанности по отношенію къ умершей племянницѣ, а потому беззаботно заснули.

На другой день Соломонъ Гройсъ пришелъ сообщить, что похороны Клары уже состоялись. Мойсей Наумовичъ, опустивъ голову на грудь, грустно, но твердо сказалъ:

— Клара лишила себя жизни. Я не признаю самоубійства, вотъ почему ни я, и никто изъ моей семьи не былъ на похоронахъ... Утѣшите Добру. Передайте ей, что я простилъ Клару. Я буду у Добры, когда успокоюсь.

Весь день двери гостепріимнаго дома гражданина Пинкеса поминутно открывались для нужныхъ или полезныхъ друзей. Вслѣдъ за важнымъ лицомъ, изволившимъ отобѣдать въ семейномъ кругу Мойсея, появились другія, хотя и менѣе важныя, однако по словамъ лавочкицы Рухли «все таки важныя» лица. Званые обѣды слѣдовали одинъ за другимъ. Говорили, что Мойсей Наумовичъ устраиваетъ акціонерное общество паровыхъ мельницъ.

Гражданинъ Пинкесъ бодро плылъ по теченію...

Всѣ кухарки, обитавшія въ довольно чистой улицѣ гор. О., на которой высился домъ Мойсея Пинкеса, и забиравшія провизию у лавочницы Рухли, были поражены тѣмъ тревожнымъ обстоятельствомъ, что двери лавки были съ утра закрыты и что обычная перебранка, происходившая между рыжей Рухлей и ея мужемъ, не привлекала вниманія прохожихъ, ибо въ лавкѣ было мертвенно тихо. Прибывшій городской проникъ чрезъ открытое окно въ помѣщеніе лавки и его глазамъ представилась слѣдующая картина: банки, бутылки, ящики, коробки, жестянки, ламповыя стекла, бракованная посуда, папирсная бумага—все это находилось на своихъ мѣстахъ; мужъ рыжей Рухли неподвижно лежалъ на постели, издавая со сна разнообразныя звуки, но Рухли нигдѣ не было; городской рѣшилъ разбудить мужа Рухли и спросить, гдѣ находится его жена. Потревоженный властной рукой, тщедушный Мойше безстрашно объявилъ, что Рухля съ утра была приглашена въ домъ Пинкеса, и такъ какъ Рухля знала, что торгуя внѣ ея надзора ея тщедушный мужъ неминуемо утаитъ отъ нея нѣсколько грошей, она распорядилась, чтобы впредь до ея прихода лавка была закрыта. Предчувствуя бѣду въ домѣ Пинкеса, всѣ разошлись, а мужъ Рухли предался прерванному сну.

Дѣйствительно, въ то время, когда Лида мчалась въ курьерскомъ поѣздѣ по ту сторону границы въ сопровожденіи Николая Алексѣевича, въ то время, какъ курьерскій поѣздъ уносилъ ее далеко отъ родителей, сестеръ, братьевъ, отъ всего народа, т. е. завершалъ ту работу, которую въ теченіе многихъ лѣтъ подготавливалъ Мойсей Наумовичъ, въ это время Рухля сидѣла у постели рыдавшей Фани и прикладывала ей компрессы.

— Ты во всемъ виноватъ, только ты,—вопила Фаня, размахивая рукой, какъ бы угрожая мужу,—ты ее научилъ обезславить родную мать и убѣжать, и съ кѣмъ... Какой стыдъ!...

— Тише, милая, пусть дѣти не слышать.

— Нѣтъ, пусть слышать. Какъ я теперь покажусь въ сынагогѣ... предъ евреями. Убѣжала... Что она въ немъ нашла?

— Охъ, мадамъ Пинкесъ, у него такой красивый гербъ на дверцахъ экипажа.

— Не утѣшайте меня, милая Рухля, я знаю, что вы меня

любите. Спасибо, что дешево уступаете провинцію, но я умру... Нѣтъ, я не выдержу этого.

Мойсей Наумовичъ быстро направился къ двери, проговоришь, что онъ тоже не переживетъ удара, нанесеннаго ему дочерью.

— Мойсей,—испуганно вскричала Фаня,—какъ ты смѣешь не пережить удара? Вѣдь у тебя жена и дѣти. Живи для нихъ.

Сообразивъ, что Фаня совершенно права, Мойсей Пинкесъ рѣшилъ пережить катастрофу и съ своей стороны убѣдилъ Фаню продолжать жить для блага мужа и дѣтей.

Такимъ образомъ, благодаря взаимной любви, оба супруга остались живы.

Освободивъ Рухлю отъ обязанностей сидѣлки, Фаня и Мойсей усѣлись на одномъ стулѣ и начали перечитывать письмо, оставленное имъ дочерью. Оно было коротко: «Простите, дорогие папенька и мамёнька, что я васъ покинула. Не огорчайтесь. Ваша старшая дочь Лида».

И перечитывая эти строки, Фаня обливалась слезами, а Мойсей Наумовичъ ощущалъ въ себѣ тревожную нотку: не будетъ ли онъ наказанъ судьбою за поведеніе дочери.

Узнавъ о происшествіи, всѣ друзья поспѣшили явиться къ гражданину Пинкесу и къ его женѣ. Бѣлокурая Іезуита была права, говоря, что жалко было смотрѣть на этихъ друзей, ожидавшихъ выхода Мойсея Наумовича и не знавшихъ, слѣдуетъ ли выразить свое удовольствіе или соболѣзнованіе, по поводу семейной исторіи; также права была она, говоря, что именно въ эти минуты друзья проявили свою преданность, такъ какъ явились въ домъ готовые и на ликованіе, и на скорбь. Мойсей Наумовичъ вышелъ къ друзьямъ и остановился въ нерѣшимости: ему лично смѣлое поведеніе Лиды, впитавшей въ себя духъ «современнаго вѣянья», очень нравилось, тѣмъ болѣе, что Николай Алексѣевичъ былъ ему полезенъ, но близость жены не позволила ему высказаться, а потому онъ проговорилъ: —Друзья, всѣ мы ходимъ подъ Богомъ. Будемъ надѣяться на Его премудрость.—И онъ ушелъ въ свою контору. Друзья, разошлись, рѣшивъ выждать, какой вѣтеръ подуетъ, и тутъ же признали, что Мойсей Наумовичъ обнаружилъ героическую

стойкость характера, такъ какъ, подобно вѣрному часовому, не забылъ своихъ обязанностей предъ отечествомъ и отправился въ контору вершать свои мудрые дѣла.

Фаня осталась одна; она хотѣла было найти утѣшеніе въ своей единственной дочери Эльзѣ (Лиду она считала какъ бы покойной), но послѣдняя ее не утѣшила.

— Я давно знала, что такъ будетъ, — сказала Эльза — Это такое теченіе. Я, мама, тоже слаба и, кто знаетъ, можетъ быть понесусь вслѣдъ за сестрою... Вѣдной Лидѣ будетъ веселѣе.

Фаня горько зарыдала; она бросилась на свою подушку и старалась не думать о томъ, что произошло, но она не могла освободиться отъ мысли, безпрестанно мучившей ее: какъ она покажется въ синагогѣ, какъ она появится въ еврейскомъ обществѣ. И въ безысходномъ своемъ горѣ, она послала за Соломономъ Гройсомъ.

Соломонъ Гройсъ вошелъ степенно; на его лицѣ, осунувшемся со смерти Клары, лежала тѣнь искренней печали.

— Соломонъ, мой вѣрный Соломонъ, можно-ли было ожидать что моя Лида... Ахъ, Соломонъ, тяжело мнѣ, тяжело. Скажите, дорогой, что говорятъ родные, знакомые? Какъ меня, должно быть, всѣ проклинаютъ... А что вы скажете, Соломонъ, вѣдь вы умный человѣкъ.

— Что мнѣ говорить. Вы меня не хотите понять... Я говорю, что вы должны убѣдить Адольфа жениться на матери его дѣтей, чтобы дать имъ имя.

— Молчите, Соломонъ!.. Вы хотите, чтобы мой братъ такъ мерзко поступилъ.

— А ваша Лида?

— Что вы говорите? Не забудьте, что у Николая Алексѣевича старинный дворянскій гербъ, а у Глашки только старая рябая морда... Соломонъ, Соломонъ, что сказалъ бы вашъ отецъ, услыша васъ теперь. Мнѣ стыдно за васъ. О, я не допущу, чтобы мой братъ...

Соломонъ Гройсъ отправился къ Гитлѣ Брекъ, гдѣ немедленно состоялось семейное засѣданіе. Выслушавъ Соломона Гройса, Хана предложила послать Фанѣ «ядовитое» письмо, а Мейеръ, предположивъ, что убѣждала Эльза, а не Лида, настаивалъ, чтобы ей послали «отлученіе». Узнавъ же, что Эльза

благополучно пребываетъ въ домѣ своего отца, онъ тотчасъ присоединился къ просьбѣ Добры не огорчать Фаню, а по возможности утѣшить ее. Хана не соглашалась. Вдругъ Дувидъ закашлялся, схватившись за грудь; Хана вдрогнула и, испугавшись за судьбу мужа, страдальчески проговорила:

— Зачѣмъ гнѣвить Бога. Не надо огорчать несчастную Фаню... Вѣдная Фаня, какъ она страдаетъ.

Рѣшено было выжидать.

ГЛАВА VIII.

П е р е н и с к а.

Берлинъ, 24 марта (5 апрѣля 189... г.)

Горячо любимые папенька и маменька!

Простите меня за тѣ огорченія, которыя я вамъ, должно быть, причинила. Вѣрьте, дорогіе родители, что я васъ сердечно люблю, и если я рѣшилась внезапно покинуть васъ, то только потому, что слишкомъ люблю своего ненагляднаго Ника. Ахъ, мама, если бы вы видѣли, какую чудную шляпку купилъ Ника для васъ, а сладкому Пыжику онъ заказалъ мундиръ своего полка! (Ника былъ военнымъ).

Не огорчайтесь, мои горячо любимые родители. — 23 марта (по новому стилю 4 апрѣля) я повѣчалась съ Някой въ церкви при русскомъ посольствѣ. Было много народу; я познакомилась съ кузеномъ Ники, корнетомъ какого-то зеленого полка; онъ говоритъ, что будетъ генераломъ. Какой молодой и красивый генералъ! Также познакомилась я съ тетей моего мужа; очень интересная старушка, немного глухая; мы съ ней подружились; говорятъ, она очень богата. Ника ея любимецъ, я очень рада, что та tante любитъ моего мужа; она вдова статскаго генерала, но не думайте, что такого, какъ Анна Гавриловна; вѣдь *entre nous soit dit*, Анна Гавриловна вдова губернскаго секретаря. Мой Ника говоритъ, что вы не должны принимать ее, такъ какъ она была любовницей многихъ сановниковъ вашего города и что она не возвращается въ приличномъ обществѣ.

Не огорчайтесь, мои дорогіе, — ваша дочь счастлива. Не забудьте, дорогая маменька, велѣть вышить на моемъ бѣльѣ

(вѣдь вы его навѣрно заказали: мнѣ необходимо бѣлье) надъ мѣтками небольшія короны, какъ у дворянъ.

Подѣлуйте дорогую Эльзу. Скучаетъ-ли она? Ника не смѣетъ вамъ писать. Напишите намъ, что вы насъ ждете къ себѣ.

Горячо васъ любящая дочь Лида.

Рз. Мой адресъ Poste Restante. M-me Nicolas de Begetzky.

II.

Гор. О., 29 марта 189... г.

Дорогая дочь!

Со слезами на глазахъ, съ болью въ сердцѣ пишу я тебѣ эти строки. Твоя мать, опечаленная твоимъ поведеніемъ, занемогла. Всѣ мы повержены въ глубокую скорбь. Но не унывай: помни, что надъ нами царитъ Всевѣчный Богъ и надѣйся на Его милость. Жму руку твоему мужу. Горячо цѣлую тебя.

Твой отецъ М...

Примѣчаніе: Имя «Мойсей» было написано такъ неразборчиво, что чужой глазъ могъ прочесть «Михаилъ».

III.

Гор. О., 30 марта 189... г.

Моя ненаглядная дочь!

Глубоко скорблю, что мое вчерашнее письмо было сурово. Не осуждай меня, моя дочь. Знай, что мое сердце бьется горячей любовью къ тебѣ. Бываютъ минуты сомнѣнья: иной разъ я думаю, какъ хорошо ты поступила, что отдалась влеченію своего непорочнаго сердца, но и бываютъ минуты, когда я со страхомъ гляжу въ даль. Что дѣлать?.. Кого винить?.. Твоя мать совсѣмъ уже здорова; она тебѣ не пишетъ, такъ какъ весь день принимаетъ моихъ друзей. Мой другъ, Генрихъ Мердеръ, хвалитъ твое мужество. Ничего, моя умница, твоя мать тебя скоро проститъ: потерпи, вѣдь нашъ бѣдный народъ привыкъ терпѣть.

Передай твоему молодому мужу, что я вѣрю, что онъ всегда будетъ тебя любить и уважать. Крѣпко жму ему руку. Горячо цѣлуешь тебя

твой отецъ М...

Примѣчаніе: Подпись какъ и на первомъ письмѣ оказалась неразборчивой.

IV.

Берлинъ, 5/17 апрѣля 189... г.

Дорогіе мои родители!

Я все утро плакала. Мнѣ было тяжело читать ваше коротенькое письмо. Ахъ, почему мама мнѣ ничего не написала? Сегодня получено, дорогой папа, ваше второе письмо. Ника очень благодаренъ за то, что вы его не забываете. Онъ обѣщаетъ всегда любить и уважать меня.

Мы получили письмо отъ брата Ники, женатаго на баронессѣ Генденъ. Онъ называетъ меня: «*ma belle Lidy*». — Я счастлива!

Ника говоритъ, что имѣй мы деньги, мы бы поселились въ Москвѣ; жаль, что ни вы, дорогой папа, ни вы, дорогая мама, не можете тамъ жить; говорятъ Москва очень красивый городъ. Я надѣюсь, что вы пришлете тѣ деньги, которыя вы обѣщали подарить мнѣ при моемъ замуествѣ.

Посылаю вамъ при семъ мою визитную карточку съ вытѣсеннымъ гербомъ. Какъ красиво!

Пусть мама мнѣ писать. Мы ждемъ вашего приглашенія пріѣхать въ отчій домъ.

Ваша дочь Lidy.

(Приписка Николая Алексѣевича).

Дорогіе родители!

Я буду счастливъ заслужить вашу любовь; надѣюсь, что вы меня не возненавидѣли за то, что я полюбилъ вашу добрую дочь.

Николай Бѣжецкій.

V.

Гор. О., 12 апрѣля 189... г.

Дорогія мои дѣти!

Мама обожгла себѣ руки, а потому не пишетъ вамъ. Она требуетъ, чтобы вы сейчасъ же пріѣхали къ намъ, гдѣ васъ ожидаютъ родительскія объятія.

Деньги вамъ высланы.

Читая ваше дорогое письмо, я благодарилъ Бога за то счастье, которое Онъ мнѣ посылаетъ. Ваша взаимная любовь радуется мое сердце и я счастливъ знать, что я умѣлъ воспи-

тать мою дорогую дочь. Живите себѣ беззаботно, какъ птички. Приѣжайте же скорѣе. Утѣшите стариковъ.

Горячо любящій васъ вашъ отецъ М...

Подпись оказалась неразборчивой.

ГЛАВА IX.

З а к л ю ч е н і е.

Хана будила своего мужа:

— Ой, Дувидъ, мы такъ оповдаемъ; не можемъ же мы придти послѣдними. Вѣдь, кажется, *твоя* племянница вышла замужъ... Чего же ты спишь? И почему ты мнѣ не отвѣчаешь? И я еще твое платье должна почистить. Сколько мнѣ съ тобою хлопотъ! Не думай, что мы будемъ одни у твоего брата—весь городъ будетъ у него. Шутка-ли, Мойсей Пинкесъ выдалъ за мужъ свою дочь...

Вдругъ она замолчала и, присѣвъ къ Дувиду на постель, проговорила:

— Дувидъ, какъ же мы пойдѣмъ? Вѣдь Лида не за еврея вышла. Какъ же такъ? Это со мною въ первый разъ случается.

Ея испугъ передался мужу и онъ такъ беспомощно заморгалъ глазами, что Хана поняла, что онъ не поможетъ ей совѣтомъ.

— Господи, обо всемъ я должна думать. Все на мою голову.—И задумавшись надъ взволновавшимъ ее вопросомъ, она послала свою прислугу звать Добру, чтобы идти къ Мойсею. Правду говоря, она со страхомъ шла въ домъ гражданина Пинкеса; Хана порою вспоминала о пережитой ею катастрофѣ, когда она заглядывала въ замочную скважину. Въ присутствіи Добры и Соломона Гройса она чувствовала себя безопаснѣе.

Вскорѣ и Хана, и Дувидъ были одѣты въ праздничныя платья. Хана ежеминутно подбѣгала къ окну: не идетъ ли Добра; ее мучило, что часовая стрѣлка медленно подвигается. Было очень рано.

Появился Соломонъ Гройсъ, а затѣмъ и Добра, вся въ черномъ.

— Ой, моя страдалица, вы въ черномъ? Въ домѣ брата ра-

дость, а вы одѣли черное платье? Тамъ будетъ много народу. Въ глазахъ Добры заблестѣли двѣ слезинки. Хана вспомнила о трагической смерти Клары. Она замолчала. Въ комнатѣ повѣяло безысходной скорбью, словно нѣчто мрачное, вѣчно-горестное надвинулось на эти слабыя, незащитныя существа, чтобы убить въ нихъ малѣйшій лучъ надежды.

Всѣ направились къ дому гражданина Пинкеса. Хана прижималась своимъ локтемъ къ локтю Добры и все оборачивалась, не потеряли-ли мужчины ихъ изъ виду; она напрасно безпокоилась: Дувидъ старался держаться возможно ближе жены; ему, робкому, было страшно идти въ домъ брата.

Когда они подошли къ дому Мойсея Наумовича, Хана попросила Добру осмотрѣть, въ порядкѣ-ли ея шелковое платье, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, она провела нѣсколько разъ рукою по скюртку мужа и не забыла напомнить ему: «не сиди у открытаго окна и ничего не кушай, такъ какъ только Хана знаетъ, что ты можешь ѣсть».

Дамы впереди, мужчины вслѣдъ за ними—всѣ молча, медленно, въ тревогѣ, подымались по роскошной мраморной лѣстницѣ, покрытой ковромъ. Бѣлокурая Іезуита открыла имъ дверь и спросила, что угодно. Хана вспыхнула:

— Что это за вопросъ? Что вы не видите, что пришли близкіе люди.

Іезуита исчезла, а на ея мѣстѣ появился бритый господинъ во фракѣ, предложившій имъ пройти въ небольшую боковую комнату. Бритый господинъ во фракѣ ушелъ и старики расположились въ ожиданіи хозяевъ. Изъ дальнихъ комнатъ доносился смѣхъ, звуки рояля. Хана приоткрыла дверь и увидѣла вдали въ большой гостиной веселое общество; иные сидѣли, другіе прохаживались, держа въ рукахъ тарелочки со сладостями. По временамъ громкій хохотъ вырывался оттуда и раздавался въ маленькой комнатѣ, пріютившей робкихъ людей, обидной насмѣшкой. Казалось, что всѣ веселившіеся въ гостиной хохотали надъ этими маленькими людьми. Хана отошла отъ дверей; всѣ грустно переглянулись.

Вдругъ въ комнату вбѣжалъ Пыжикъ въ военной формѣ, съ саблей наголо. Увидѣвъ Хану, онъ смѣло бросился на нее, весело крикнувъ:

— Тетя, вы мой врагъ—я васъ зарублю!

Хана не поняла дѣтской забавы и поспѣшила воскликнуть, что она ему совсѣмъ не врагъ, но маленькій шалунъ уже скакалъ по гостиной и кричалъ: «тетя Хана пришла». Вошла Эльза и объявила: «мама не можетъ васъ принять — у нея гости»...

Соломонъ Гройсъ сидѣлъ въ креслѣ, опустилъ голову на грудь; изрѣдка взглядывалъ онъ изподлобья на молчавшую Хану и на приютившагося гдѣ-то въ уголку комнаты робкаго Дувидъ, и ему казалось, что никогда улыбка не засіяетъ на грустныхъ лицахъ супруговъ; угрюмо, тупо, словно ошеломленная чѣмъ-то чрезвычайнымъ, глядѣла Хана въ пространство. Соломонъ Гройсъ вздохнулъ, подошелъ къ шкафу, вынулъ рюмку водки, закусилъ и сѣлъ на свое мѣсто, не обративъ на себя вниманія хозяйки даже столь дерзкимъ поступкомъ. Правда, Дувидъ взглянулъ испуганно на свою жену, но тотчасъ успокоился, убѣдившись, что она не смотрѣла на гостя.

— Да, Соломонъ, — вздохнула жалобно Хана (Дувидъ поджалъ подъ стуломъ ноги и съежился—онъ ожидалъ грозы); да, всякій можетъ обижать бѣдную Хану, она беззащитна. Господи, Боже,—еще жалобнѣе вздохнула она и умолкла.

Дувидъ обратился въ комочекъ, готовый исчезнуть при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Даже и это безобидное существо испытывало боль и стыдъ униженія, пережитаго въ домѣ почетнаго гражданина Пинкеса; его всепрощающее сердце тихо ныло не то скорбью, не то жалостью къ обидчикамъ. Дувидъ робко взглянулъ на жену: Хана продолжала сидѣть, устремивъ взоръ въ пространство; двѣ слезинки скатились по ея щекамъ, и вся она казалась такой несчастной, что слабенькій Дувидъ почувствовалъ, что онъ сильнѣе ея, что онъ бодрѣ перенесетъ обиду, что онъ слишкомъ любитъ свой уголокъ, свою жизнь, свои завѣты, чтобы придать значеніе печальному происшествію.

Богъ знаетъ откуда явившись, въ немъ мелькнула мысль, и, быстро подошедши къ Ханѣ, онъ тихо проговорилъ:

— Ханеле, не горюй... я знаю, что всѣ меня считаютъ

глупымъ... и ты, моя дорогая, думаешь, что я глупъ. Ничего, Ханеле, я не сержусь. Не горюй. Будетъ день и мой братъ Мойсей узнаетъ много горя; его-же дѣти создадутъ ему такое горе, какого мы никогда не знали. Не смотри, Ханеле, что въ его домѣ всё смѣются; я слышу въ этомъ смѣхѣ много слезъ. А что насъ обидѣли,—ничего. Дай намъ чегонибудь поѣсть, Ханеле. Мы—евреи, мы—честны, чего намъ больше. Хорошо, что у насъ нѣтъ дѣтей, теперь съ ними много горя.

Хана благодарно взглянула на Дувиду; она не предполагала, чтобы ея молчаливый мужъ думалъ о чемънибудь. Она быстро накрыла столъ и ласково, словно сестра брата, пригласила Соломона Гройса раздѣлить трапезу.

Соломонъ Гройсъ степенно, не крадучись, а твердымъ шагомъ подошелъ къ столу. Онъ налилъ рюмку вина и радостно проговорилъ:

— Пью за мою дорогую сестру, подарившую мнѣ ласку. Пью за нашихъ добрыхъ, простыхъ братьевъ. Мы, можетъ быть, смѣшны тѣмъ, кто плыветъ по теплomu теченію, какъ сказалъ однажды гражданинъ Пинкесъ. Ничего... Будемъ всегда любить нашъ скромный уголокъ, любить нашъ честный трудъ, будемъ всегда прощать обиды... Леханимъ...

Ю. Г—сень.

ДОЧЬ ІЕВОВАЯ.

(Поэма Альфреда де-Виньи) ¹.

Такъ дѣвы Израиля пѣли
Межъ слезъ и рыданій въ Кармелѣ:
— Іевваемъ гордится родной Галаадъ,
Для собратій своихъ онъ являетъ примѣръ.
На Мениеу онъ палъ, какъ убійственный градъ;
Истребляя посѣвъ и топча виноградъ,
Онъ съ землею сравнялъ Ароеръ.

Аммонитскую рать онъ повергнулъ во прахъ
И царить Егова въ аммонитской землѣ,
Прославляютъ его въ двадцати городахъ,
Ликованье побѣды—у всѣхъ на устахъ,
Все слилось въ громогласной хвалѣ.

Вторить эхо долинъ переливамъ роговъ
И разносится вѣсть, облетѣвшая край:
— Іевваей побѣдилъ безпощадныхъ враговъ,

¹ *Альфредъ де-Виньи*, столѣтній юбилей котораго праздновался въ нынѣшнемъ году, знаменитый поэтъ романтической школы, авторъ поэмы „*Элоа*“. Къ наиболее замѣчательнымъ его произведеніямъ принадлежатъ библейскія стихотворенія „*Моисей*“, „*Потопъ*“, „*Гнѣвъ Самсона*“, „*Гръиница*“, „*Дочь Іевваей*“ и др. Последнему изъ нихъ мы предлагаемъ здѣсь въ переводѣ нашимъ читателямъ.

Онъ избавилъ народъ отъ позорныхъ оковъ
И съ побѣдой грядетъ Іевеай! —

Все готово въ стѣнахъ городскихъ къ празднеству,
Всюду трепеть восторга и радостный пылъ,
Лишь душа Іевеая чужда торжеству,
И печально свою онъ склоняетъ главу
И орлиныя очи смежилъ.

Онъ смежилъ ихъ, услышавъ священный напѣвъ
И на мѣстѣ онъ замеръ безъ воли и силъ,
И ликующій гимнъ приближавшихся дѣвъ
Отзывался въ душѣ, словно скорбный напѣвъ;
Потрясенный— глаза онъ смежилъ.

Ближе, ближе звучалъ ихъ привѣтственный клиръ...
Онъ пѣвучую арфу теперь узнавалъ
И аккордъ многострунныхъ серебряныхъ лиръ,
Звуки нѣжные флейтъ, услаждающихъ пиръ,
И тимпанъ и звенящій кимваль...

Онъ разслышалъ слова, тихій шелестъ вѣтвей
И размѣренный шагъ стройныхъ дѣвичьихъ ногъ.
Іевеай, побѣдитель въ отчизнѣ своей,
Превзошедшій геройствомъ ея сыновей —
Поблѣднѣлъ и душой изнемогъ...

Заблестала слеза у бойца на щекѣ,
Покатилась слеза изъ закрытыхъ очей;
Дрогнулъ мечъ боевой у героя въ рукѣ:
Милый голосъ узналъ онъ въ безумной тоскѣ,
Голосъ дочери юной своей.

„О, подруги, вѣнкомъ изъ душистыхъ цвѣтовъ
Пусть я первая здѣсь увѣнчаю его!
Приближается онъ, и вѣнокъ мой готовъ,
Я одна у отца: дочерей и сыновъ
Нѣтъ иныхъ у отца моего“.

И въ священномъ порывѣ дочерней любви
Обвила Левеая руками она.
— Обними же меня и своей назови,
Вмѣсто взоровъ, я вижу лишь слезы твои
И невольно душа смущена...

Предъ тобою не палъ ли мятежниковъ градъ?
Отчего жъ эта скорбь и тоска безъ границъ?
Установленный я совершила обрядъ
И для жертвы вчера избрала я изъ стадъ
Непорочныхъ и лучшихъ телицъ. —

— О, дитя! Предъ собою я вижу тебя ль?
Это ты? И невинныя ласки твои
Разрываютъ мнѣ сердце, какъ острая сталь...
Изъ суровыхъ очей исторгаетъ печаль
Слезъ горючихъ ручьи.

Адонай, ко мнѣ Ты безмѣрно жестокъ,
Ты виновныхъ казнишь съ неземной высоты,
И невинныхъ взамѣнъ Ты на жертву обрекъ!
О, дитя! произнесъ я ужасный зарокъ:
Эта жертва невинная—ты! —

И печально у ней тихо вырвалось:—Я? —
Возмутилась на мигъ молодая душа

И блеснула слеза на рѣсницахъ ея;
 Беззаботная жизнь на зарѣ бытія
 Такъ казалася ей хороша!

— Безъ боязни на смерть я готова идти,
 Ты исполнишь, отецъ, обѣщанье твое!
 Но съ подругами въ горы меня отпусти,
 Тамъ хочу я послѣдніе дни провести,
 Тамъ оплачу я дѣвство свое.

Въ освященныхъ струяхъ я—счастливая мать —
 Не омою дитяти, рожденнаго мной,
 Призывая въ мольбахъ на него благодать,
 И не стану я пѣсни мои напѣвать
 Надъ его колыбелью родной!

И не спросятъ дѣвицы: кто былъ мой супругъ
 И тоскуетъ ли онъ по умершей женѣ?
 Не услышу я шопотъ ревнивыхъ подругъ;
 Только ты, мой отецъ и единственный другъ,
 Ты заплачешь одинъ обо мнѣ! —

Говорила она, и рыдали кругомъ
 И бойцы и народъ... Застоналъ Іевеай,
 И лицо боевымъ прикрывая плащомъ,
 Онъ стоялъ передъ нею съ поникшимъ челою
 И сквозь слезы промолвилъ:—Ступай! —

Удалилась съ подругами въ горы она,
 И вернулась затѣмъ Іевеаева дщерь

На погибель свою! И во всѣ времена
Да прославится дѣвами въ пѣсняхъ она,
Какъ ее прославляемъ теперь! —

Такъ дѣвы Израиля пѣли.
Межъ слезъ и рыданій въ Кармелѣ.

0. Чюмина.

УЖАСНАЯ НОЧЬ.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Л. Перца.

(Съ еврейскаго).

Господинъ Финкельманъ, — этотъ счастливецъ, держащій въ своихъ рукахъ всю окрестную торговлю и колеблющій вѣсы рыночнаго курса, этотъ неограниченный властелинъ «кредита», гроза и благодѣтель купческаго люда, играющій судьбами «фирмъ» и домовъ, этотъ обладатель несмѣтныхъ «сокровищъ» и нѣсколькихъ каменныхъ домовъ въ городѣ Бѣдновѣ, — господинъ Финкельманъ, могучій Левіаѳанъ бѣдновскихъ водъ, заставляющій трепетать всю копошащуюся вокругъ него мелкую рыбешку, внезапно проснулся въ полночь.

— И отчего бы это я могъ проснуться? — удивился онъ.

Правда, въ Бѣдновѣ есть не мало людей, бодрствующихъ по ночамъ ради спасенія своихъ семей отъ голода, или съ вечера и до утра безпокойно ворочающихся на постели — въ страхѣ за завтрашній день, обѣщающій приходъ кредитора съ судебнымъ приставомъ для описи или продажи съ аукціона... Но господинъ Финкельманъ съ такими людьми ничего общаго не имѣетъ: кредиторы его не пугаютъ, призракъ будущаго — тоже, хоть брось онъ теперь же всѣ свои дѣла, да сиди сложа руки до послѣдняго издыханія. Отчего же это онъ проснулся среди ночи?

А ночь такая темная и черная, точно изъ небесныхъ хлябей пролились на землю чернильные потоки, и кругомъ такая мертвая кладбищенская тишина.

— Что бы это со мною вдругъ стало?—не перестаетъ онъ удивляться.

Онъ чувствуетъ тяжесть въ головѣ и дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Ужъ не боленъ-ли я?—въ ужасѣ думаетъ онъ.

Но онъ всегда отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Одинъ только разъ, еще въ дѣтствѣ, онъ заболѣлъ отъ испуга, а съ тѣхъ поръ не зналъ никакихъ недуговъ.

— У себя-ли я, дома, на своей постели?—нашло на него вдругъ сомнѣніе.

Онъ пробуетъ ощупать правою рукою стѣну, но... стѣны гдѣтъ! Правая стѣна перешла налѣво... Ужасно!

— Вѣдь вотъ — подушки; я лежу на нихъ, какъ всегда, а стѣна всегда у меня справа... Не сонъ-ли это?

Но это не сонъ: онъ владѣетъ всѣми своими чувствами. Правда, открытые глаза его ничего не видятъ, но это потому, что кругомъ непроглядная тьма; онъ ничего и не слышитъ,—но что услышишь въ этой мертвой тишинѣ? — Онъ прикусываетъ зубами нижнюю губу — и ощущаетъ легкую боль; онъ пробуетъ высвободить одну ногу изъ-подъ одеяла—нога холодѣетъ... Что же это стѣна вдругъ перешла справа налѣво?! Это пугаетъ его.

— Сегодня со мною случилось какое-то несчастье, — я не сомнѣваюсь въ этомъ... Недаромъ кружится у меня голова и точно свинцомъ налита она, недаромъ я весь дрожу отъ тайнаго, невѣдомаго страха.

Сердце не обманетъ: онъ чувствуетъ, что гдѣ-то глубоко-глубоко въ этомъ сердцѣ таится та причина—то случившееся съ нимъ несчастье; но его память, — это черпало, достающее все изъ душевныхъ глубинъ,—не способна на этотъ разъ къ работѣ и плохо исполняетъ свою обязанность.

Но это несомнѣнно: съ нимъ сегодня случилось несчастье, и онъ забылъ только—какое именно.

Но забылъ-то отчего?

Ему часто случается забыть что-нибудь и ждать, пока это

забытое само не придетъ на память; но въ такихъ случаяхъ «изъ головы выходить» только названіе, имя, которое и «вертится у него на языкѣ», а теперь онъ забылъ все—все, что было, что произошло,—самый фактъ.

— Быть можетъ—она огорчила меня?

Но онъ спѣшитъ отогнать эту недостойную мысль.

Она—его душа, его жизнь!

Она теперь спать, конечно.

Финкельманъ припадаетъ однимъ ухомъ къ подушкѣ, чтобы прислушаться къ ея дыханію,—напрасно: ничто не нарушаетъ мертвой тишины; онъ слегка приподнимаетъ свою отяжелѣвшую голову, чтобы взглянуть въ темноту, напрягаетъ усталые глаза и силится рассмотреть ее на ея постели,— снова напрасно: только неясное, тусклое пятно какое-то бѣлѣетъ и дрожитъ передъ нимъ въ мрачномъ пространствѣ.

— Ужасная ночь... шепчуть его губы. Онъ подавляетъ звуки своего голоса, чтобы не разбудить ее: если дѣйствительно случилось несчастье, то чаша, конечно, и ея не минула,—зачѣмъ же лишить онъ ея дѣлительнаго бальзама благодѣтельнаго сна, дающаго забвеніе и покой?

— Пусть себѣ спитъ спокойно, невинная голубка!

Она что-то несовсѣмъ здорова... Богъ знаетъ что это съ нею! Для него она загадка. Ее снѣдаетъ какой-то внутренній недугъ; какая-то невѣдомая тоска давить ее... Да, его жена—непонятная для него тайна... Прежде, еще невѣстой, она была весела и беззаботна, какъ рѣзвая птичка; да и долго потомъ, послѣ ихъ свадьбы, въ ней играло и переливалось жизнерадостное чувство, вызывая чудныя мелодіи въ его собственной душѣ. Но вдругъ умолкла пѣсня, улыбка исчезла съ ея лица, и это лицо осунулось, измѣнилось, потемнѣло; опустившіяся, и уже больше не поднимавшіяся, длинныя рѣсницы скрыли чудный блескъ ея лучистыхъ глазъ, а бѣлый, свѣтлый лобъ заволокла скорбная тѣнь... Онъ тщетно умолялъ отвѣтить на тревожные вопросы: «Что тебѣ, Марія? Что съ тобою?»—«Ничего»,—отвѣчала она,—«ничего»...

Съ тѣхъ поръ на ней лица нѣтъ, съ тѣхъ поръ она—олицетворенная тоска, живой образъ его покойной матери...

— Но вѣдь моя мать,—думаетъ онъ,—была несчастная, больная забитая женщина, которую мой отецъ держалъ въ трепетѣ и страхѣ до послѣдней минуты, которая никогда не знала довольства и покоя!

Его мать была не хозяйкой въ своемъ домѣ, а послушной рабой. На его добрую, сердобольную мать молились всѣ Бѣдновцы, всѣ забитые и обездоленные обитатели города, а скаредъ-мужъ глубоко ее ненавидѣлъ—эту тихую, робкую тѣнь, преждевременно сошедшую въ могилу... Но его Маріи—ей-то чего недостаетъ? Правда, и она добра и великодушна, и ея сердце и домъ всегда настѣжь открыты для всякой нужды и горя; но вѣдь онъ и не мѣшаетъ ей ни въ чемъ, ни въ чемъ не ограничиваетъ ея воли! Ея желаніе—для него законъ! Она—его госпожа, а онъ, Финкельманъ, могучій Левіаганъ—ея покорный, вѣрный рабъ, благоговѣнно внимающій каждому ея слову, охотно предупреждающій малѣйшій ея намекъ. Чего же ей еще недостаетъ?

— Неужели она не любитъ меня?

Этотъ вопросъ—старая рана, ноющая въ груди Финкельмана.

Когда онъ, женихомъ, гостилъ у ея родителей, она очень любила его, не скрывала своего чувства къ нему и разъ даже тайно поцѣловала его на лѣстницѣ. Потомъ она сказала ему, въ саду, въ тѣни дерева, что онъ—избранникъ ея сердца, а онъ въ отвѣтъ сказалъ ей, что она—совершенный образъ его доброй, благородной матери, и клялся, что онъ не послѣдуетъ примѣру своего суроваго, жестокаго отца, что онъ будетъ лелѣять ее и беречь, что не дастъ поблекнуть этимъ розовымъ щекамъ, не позволитъ потемнѣть этимъ коралловымъ губкамъ, не допустить, чтобы покраснѣли эти голубые глаза,—что никогда никакое облачко не омрачитъ ея яснаго, мраморнаго лба, и ни одинъ вздохъ не вырвется изъ ея нѣжной груди!

Развѣ онъ не исполнилъ своей клятвы? Развѣ онъ провинился въ чемъ-нибудь? Онъ не чувствуетъ за собою никакой вины!

Ея родители не отдали обѣщаннаго за нею приданнаго... Живи тогда его отецъ—свадьбѣ бы не бывать.

— Но почему же мать не дождала, — съ горечью думаетъ онъ, — почему ей не суждено было увидѣть, какъ я вмѣсто наличныхъ денегъ удовольствовался одними векселями?

Ему жаль, что его добрая, честная мать не видѣла его въ ту минуту, когда онъ бросилъ, повергъ въ прахъ своего «идола»... Но онъ увѣренъ, что она оттуда все видѣла, его ангель-хранитель, — видѣла изъ своей горней обители.

Это было спустя года два послѣ ихъ свадьбы. Они сидѣли вдвоемъ за завтракомъ, когда кто-то вбѣжалъ въ комнату съ извѣстіемъ, что его тесть обанкротился.

— Запрягать лошадей! — крикнулъ онъ своему слугѣ.

— Что ты хочешь дѣлать? — тихо спросила Марія.

— Спассти свои деньги, — торопливо проговорилъ онъ. И она отвернула глаза въ сторону — и ему показалось, будто разомъ померкло солнце и надвинулась темная ночь... Онъ ментально преобразился.

Онъ тутъ же, при ней, схватилъ и порвалъ эти векселя.

— Я поѣду помочь имъ! — объявилъ онъ, преисполненный жалости, и, опустившись передъ нею на колѣни, принялся покрывать поцѣлуями ея маленькія, холодныя ручки.

Тогда она упала къ нему на шею и заплакала... И подобное случалось чуть-ли не ежедневно. Если бы не она, онъ былъ бы куда, куда богаче...

— При ней, когда она дома, невысказанными никакія «дѣла»: всякій продавецъ тогда мнѣ родной братъ, всякій покупатель — близкій родственникъ... Кто бы ни пришелъ — всѣ свои люди, друзья и приятели, милые и дорогие!... А ея глаза... они какимъ-то непонятнымъ образомъ вліяютъ на мѣру и на вѣсъ, и на цифры...

Но онъ не жалѣеть объ этомъ... Онъ желаетъ только ея счастья!

Онъ не хочетъ, чтобы его жена увяла преждевременно, въ цвѣтъ лѣтъ, какъ увяла его мать!

Ради нея—онъ щедрый благотворитель; ради нея—онъ общественный дѣятель, попечитель и радѣтель общаго блага; ради нея онъ готовъ утереть всякую слезу, облагодѣтельствовать всѣхъ вдовъ и сиротъ, вступить за обиженнаго, накормить голоднаго...

Чего же она еще хочетъ!

Удивительный народъ эти женщины! Слабые, беспомощные муравьи — онѣ властвуютъ, подчиняють, управляютъ сердцемъ мужчины.

Однако, всегда ли такъ бываетъ?—Его отецъ, напримѣръ, проявлялъ же таки свою власть!.. Да онъ не разъ слышалъ про мужей, которые тиранятъ, даже бьютъ своихъ женъ... Да! Вездѣ, наоборотъ, мужчины распоряжаются въ домѣ и властвуютъ надъ женами; это только онъ одинъ...

— Недаромъ меня отецъ называлъ рохлей, кислятиной, бабой!

Отецъ былъ правъ... А все же онъ не жалѣеть!

«Но за то, когда она не смотритъ, когда ея нѣтъ дома!» — Легкая усмѣшка трогаетъ его губы...

Когда жена не смотритъ, онъ совершенно другой человѣкъ! Тогда онъ весь—покойный отецъ, тогда онъ—только купецъ и ничего больше. Тогда деньги для него — все. Онѣ получаютъ вдругъ необыкновенную притягательную силу, становятся великой отрадой сердца и души! Какой-то невѣдомый, могучій и злой духъ овладѣваетъ имъ тогда и превращаетъ его кабинетъ въ мрачное отдѣленіе ада, а его самого и купцовъ—въ какихъ-то борющихся между собою алчныхъ демоновъ, состязующихся въ хитрости, лукавствѣ, мистификаціи, обманѣ... Тогда борьба кипитъ не на жизнь, а на смерть!

Но стоитъ лишь дойти до ихъ слуха шороху женскаго платья и ея маленькимъ ножкамъ появиться на порогѣ ком-

наты, какъ картина сразу мѣняется: всё привѣтливо улыбаются, смѣются, ласкають глазами; адъ вдругъ превращается въ рай... Ни грубой силы, ни лукавства, ни обмана! Куда только все это дѣвалось? Осталась одна справедливость, честная дружба да любовь!

Давно она почти что не выходитъ изъ его кабинета. И давно уже поэтому его не преслѣдуетъ тѣнь покойнаго отца: вмѣсто нея въ немъ какъ бы воплотилась и живетъ душа его матери, или душа Маріи. Искристые лучи ея добрыхъ глазъ, отражаясь, проникають глубоко въ его сердце, въ мозгъ, всюду,—и отъ этого ему такъ свѣтло и тепло!

Да! Теперь онъ убѣдился, что въ немъ есть что-то двойственное: то онъ воплощеніе отца, то—матери.

— Ну, а я-то самъ?—удивился онъ.—Гдѣ же моя-то, моя собственная душа? Ужели же какимъ-то пустымъ сосудомъ явился я на свѣтъ? И неужели для меня одного не назначено было души?

И снова факты и событія прошлаго встають въ его памяти.

Разъ, будучи женихомъ, онъ обманулъ товарища-купца. Это было послѣ смерти матери; отца ужъ тоже не было въ живыхъ и онъ сдѣлался самостоятельнымъ коммерсантомъ. Обманутый купецъ потребовалъ его къ суду мѣстнаго раввина; но что могъ раввинъ? Пугаясь и робѣя, онъ тщетно пытался поколебать желѣзную волю могущественнаго отвѣтчика, который оставался неприступенъ, какъ скала. Тогда истецъ рѣшительно заявилъ, что сообщить обо всемъ родителямъ невѣсты обидчика, — и это сразу подѣйствовало. Онъ поспѣшилъ пойти на уступки и помириться съ обиженнымъ имъ человекомъ.

Объ этомъ узнали прочіе купцы—и не преминули воспользоваться столь удобнымъ орудіемъ.

Года черезъ два послѣ свадьбы жена поѣхала навѣстить своихъ родителей. Во время ея отсутствія мелкіе купцы не разъ попадали въ львиную пасть всесильнаго владыки, кото-

рый въ вѣлю-таки натѣпился надъ ними! Но къ ея прїѣзду пришлось возвратить захваченную добычу. Прислуга поспѣшила вынести соръ изъ комнаты, а онъ—слѣды нечестія изъ своей конторы.

— Дѣйствительно-ли, однако, я такъ поступилъ? — робко спрашиваетъ таинственный голосъ изъ невѣдомыхъ глубинъ его памяти.

Холодный потъ выступаетъ на его тѣлѣ, — онъ припоминаетъ одинъ незначительный фактъ:

«Шмуэль умеръ... Оставшіяся сироты ничего не знали... они не могли, слѣдовательно, жаловаться ей... да вскорѣ всѣ разсѣялись въ разныя стороны: вдова вышла замужъ въ другомъ городѣ, дѣти пошли по чужимъ людямъ... Имъ-то я не возвратилъ ничего, хотя по счету остался ему долженъ...»

Да, да: самъ онъ—пустой сосудъ, и поэтому-то онъ—то голубь, то коршунъ, то овечка, то тигръ...

Но вдругъ нить его мыслей оборвалась, и въ отяжелѣвшемъ мозгу снова навойливо всталъ прежній вопросъ:

А какое же случилось со мною сегодня несчастье?

Не удивительно, что вопросъ этотъ такъ упорно и неотступно преслѣдуетъ господина Финкельмана: какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть съ нимъ несчастія, — съ нимъ, которому завидуютъ, которымъ благословляются всѣ Вѣдновцы? Вѣдь каждый изъ нихъ молить постоянно: «дай Богъ мнѣ его заботы, его дѣла, его питаніе и сонъ!..» Вѣдь счастье господина Финкельмана было ихъ недосыгаемымъ идеаломъ, его покой—ихъ всегдашней мечтой.

Да, имъ благословлялись! И никому не приходило въ голову роптать даже на безсердечіе господина Финкельмана, — на то вѣдь онъ и богачъ, «тузъ», на то вѣдь и коммерція!.. Попробуй только распуститься—и состоянія какъ не бывало. Временами онъ бываетъ черезъ-чуръ крутъ, это правда; но въ купеческомъ быту иначе и нельзя; извѣстно вѣдь: «щедрость для капитала, что рѣшето для воды». — Даже его ре-

лигiозные грѣхи прощались ему ради его богатства: «разжирѣлъ—и лягается» сказано въ Писанiи,—это въ порядкѣ вещей. Вѣдь богачу «тузу» необходимо бывать въ обществѣ, поддерживать знакомства, знаться съ господами да барами,—гдѣ же ему соблюдать всѣ «613 заповѣдей», во всѣхъ ихъ мелкихъ подробностяхъ! И поэтому даже Бѣдновскiе фанатики-меламды не ставили господину Финкельману въ вину его отступленiя отъ нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ, мирясь и съ его непокрытой (дома) головой, и съ красовавшекся у него среди прочей дорогой мебели роялю, и съ опредѣленiемъ его двухъ сыновей въ губернскую гимназiю.

И этотъ фактъ приходитъ ему на память.

Дѣйствительно, его два сына учатся въ гимназiи, въ губернскомъ городѣ; но не онъ былъ за то, чтобы отослать ихъ отъ себя; этого потребовала она... Онъ хотѣлъ пригласить для нихъ меламедовъ изъ Литвы и учителей изъ Варшавы, но она настаивала, чтобы послать ихъ въ гимназiю—и онъ повиновался.

— И почему это она услала отъ меня моихъ дѣтей?

Это тоже старый вопросъ, безпокоящiй его съ самаго дня отъѣзда сыновей. Временами онъ готовъ думать, что она не любитъ своихъ мальчиковъ. Но это вѣдоръ, конечно... Когда отъ нихъ приходитъ письмо, она плачетъ отъ радости, а когда этого письма нѣтъ нѣсколько дней, когда оно чуть-чуть запоздаетъ, она снова плачетъ и болѣетъ—отъ страха... Ему кажется, впрочемъ, что она часто плачетъ,—украдкой, незамѣтно. Часто, по утрамъ, глаза ея грустно глядятъ изъ-подъ красныхъ вѣкъ, а ночью онъ слышалъ не разъ ея подавленные и тоскливые, точно смоченные слезами, вздохи.

— Ужъ не боится ли она моего нравственнаго, духовнаго влiянiя на нихъ?

— Моего духовнаго влiянiя!—А развѣ у меня есть свое собственное духовное «я»? Развѣ я не грубый, бессмысленный истуканъ?...

— Что это, однако, со мною?

Безпокоющія его теперь мысли не новы, не чужды ему; онѣ почти ежедневно прихोлятъ ему въ голову; но обыкновенно онѣ, точно молнія, быстро прорѣжутъ сознание и столь же быстро исчезнутъ, а на этотъ разъ онѣ почему-то не трогаются съ мѣста и упорно, навойливо пробираются и точатъ его мозгъ.

Очевидно—эта ночь какая-то особенная; его нервы сильно, необыкновенно сильно потрясены; несчастье случилось, несомнѣнно случилось!... Онъ хочетъ возстановить, воскресить въ памяти рядъ фактовъ послѣдняго дня, чтобы среди нихъ найти это главное, утерянное ею событіе,—но къ ужасу его оказывается, что весь этотъ день имъ забытъ совершенно, точно этого дня никогда и не было! Цѣлая страница оказывается вырванной изъ книги-памяти!—Но онъ что-то не помнитъ также и предыдущаго дня, — стало-быть, вырваны цѣлыхъ двѣ страницы! Послѣдняя страница, которую онъ бѣгло читаетъ въ памяти—это воскресенье; за этой открытой страницей—совершенная пустота въ мозгу, который ему представляется теперь какъ-бы остановившимися часами—остановившимися именно въ воскресенье вечеромъ... Не удивительно-ли, не ужасно-ли это?

Внимательно и напряженно читаетъ онъ ту страницу, стараясь припомнить все случившееся въ тотъ день,—и вотъ онъ уже припомнилъ все, всѣ событія и факты, все, что дѣлалось и говорилось въ его домѣ до того вечера... Все написано подробно, отчетливо и ясно, и каждое слово выпукло и рельефно само выступаетъ впередъ.

Да, до того вечера!

Вечеромъ былъ незначительный случай. Они сидѣли съ женою за чаемъ, когда изъ кухни донесся вдругъ оглушительный трескъ разбитой посуды, и Марія вся задрожала отъ страха. Сначала кровь бросилась ей въ лицо,—лилія вдругъ превратилась въ розу,—потомъ кровь отлила отъ лица, которое сперва страшно поблѣднѣло, затѣмъ приняло зеленоватый оттѣнокъ... Она едва держалась на ногахъ, не переставая дро-

жать... Тогда онъ схватилъ ее на руки и отнесъ на кушетку, а она не протестовала стыдливо, какъ дѣлала это всегда, не старалась высвободиться; напротивъ, она сама довѣрчиво склонила свою голову къ нему на грудь—и все его существо наполнилось безконечнымъ блаженствомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ какой-то тайной, мучительной тревоги.

— Не пугайся,—едва слышно прошептала она,—не пугайся! вотъ уже все прошло...

— Не пугайся,—продолжала она успокаивать его,—и прошу тебя—не брани прислугу... вѣдь она это не нарочно...

— Успокойся...—еще разъ повторила она своимъ чуднымъ, сладкимъ, похожимъ на звуки флейты, голосомъ,—отчего такъ сильно бьется твое сердце?—Вотъ ужъ испугъ прошелъ, все прошло ужъ... Обѣщай мнѣ, что простишь прислугу, что не вытцешь изъ нея жалованья...

Онъ обѣщаль, конечно, хотя въ сущности не могъ понять этого: вѣдь она хозяйка, вѣдь она сама всѣмъ распоряжается и сама рассчитывается по дому! Зачѣмъ же она его просить объ этомъ?

Вдругъ она почему-то стала просить, почти умолять его, такъ ласково и задушевно, рассказать ей что-нибудь про свою мать.

— Отчего это ей вдругъ вдумалось спросить о моей матери?—удивляется онъ теперь. Но тогда ему некогда было удивляться, и онъ поспѣшилъ рассказать ей все, что могъ тогда припомнить.

Онъ рассказалъ ей, что мать его была добра, какъ ангелъ, прекрасна, чиста и свѣтла, какъ электрическое сіяніе, — «какъ ты, Марія!»

Лицо ея тогда оварилось привѣтливой улыбкой, но глаза были закрыты, и онъ ждалъ, чтобы они открылись, какъ блуждающій среди безпросвѣтной ночи ждетъ первыхъ утреннихъ лучей...

— Ты такъ же добра, какъ моя мать, а твои глаза,—прибавилъ онъ нарочно,—глаза голубки, также совершенно

похожи на глаза моей матери. — Но она все еще не открывала этих глаз, и сердце его сжималось от мучительной тоски.

— Но моя мать была забитая, подавленная горем женщина и рано сошла в могилу... Его дрогнувший голос заставил ее очнуться; ее веки медленно раскрылись — и пред ним точно вдруг отверзлась таинственная глубь лазурных небес!

— А ты любишь свою мать? — спросила она.

— Любишь ли я!... Голос его оборвался от охватившего его волнения.

— А отца? — допрашивала она, и ее веки снова медленно опустились.

— И его я любишь... иногда... когда матери не было с нами в комнате. Тогда я любишь, бывало, сидеть на колѣнях у отца, который учил меня читать и писать, а также — знать, понимать жизнь...

Он чувствовал, что ей неприятны эти слова, но он не мог не продолжать.

— Мой отец, — рассказывал он, — был скупой, жадный человек, но известный и уважаемый купец, он и из меня хотел сделать купца, настоящего купца, а не «мякиша» и «разиню», как того желала мать... по его словам, — поспѣшил он прибавить, чтобы исправить свою оплошность. — Отец говорил: деньги тебѣ достанутся послѣ меня, но ума не унаследуешь, — наберись же сынок, ума, хитрости, ловкости! закали свою энергию и волю! Все зависит от воли человека.

Но стоило ему, бывало, увидѣть мать, как он уже бѣжалъ къ ней и не хотѣлъ даже и подходить къ отцу.

Он любил сидѣть в комнате матери, на своем стульчикѣ, спрятавъ свою голову въ ее колѣнях. Она перебирала его волосы, и горячая слеза не разъ, упавъ изъ ее очей, скатывалась по его щекамъ. Иногда она рассказывала ему такія чудныя сказки...

Но эти счастливыя минуты бывали непродолжительны. Отецъ все боялся, чтобы онъ не выросъ «дикаремъ», «кислятиной», «бабой», и всякій разъ бралъ его за ухо и выпроваживалъ вонъ или уводилъ къ себѣ, въ свою комнату.

Особенно сердился отецъ за ея сказки, въ которыхъ были всегда ужасы ночи, и души мертвецовъ, и блѣдные лучи мѣсяца, и замогильныя тѣни... Однажды онъ заперъ его на цѣлую ночь одного въ темной комнатѣ, чтобы этимъ способомъ изгнать изъ него вредную трусость, чтобы застраховать его отъ боязливой робости и малодушія!

Утромъ, когда открыли дверь его темницы, его нашли почти безъ признаковъ жизни...

— Въ ту ночь,—разсказывалъ онъ ей,—я испыталъ муки ада! Всѣ обитатели загробнаго міра, казалось, вышли изъ своихъ мѣстъ и обступили меня... Привидѣнія, духи и мрачныя тѣни тервали, мучили, давили меня до потери сознанія...

Тогда то именно, въ ту ночь,—думалъ онъ во время своего разсказа, —лишился онъ своего «я», своей собственной души, и сталъ тѣмъ пустымъ скелетомъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ *поочередно* воплощаются души его родителей. До той ночи онъ чувствовалъ себя какъ бы въ роли духовнаго посредника между ними и, безсознательно какъ то находя, угадывая сходства и различія ихъ характеровъ, внутренне сглаживалъ противорѣчія и безсознательно же держался золотой середины... И если бы такъ шло дальше,—думалъ онъ,—онъ выросъ бы человѣкомъ съ волей и сердцемъ, человѣкомъ устойчивымъ, уравновѣшеннымъ, счастливо миновавшимъ все, что было рѣзко-односторонняго въ духовныхъ чертахъ отца и матери, и заимствовавшимъ, сочетавшимъ въ себѣ лучшія стороны ихъ обоихъ. Но съ той поры, съ той ночи, когда его словно оставила собственная душа, въ немъ ужъ нѣтъ больше этого счастливаго сочетанія, а есть обѣ крайности, овладѣвающія имъ поочередно,—и вотъ онъ теперь или *весь*—отецъ, или *весь*—мать!..

Но эти мысли онъ скрылъ тогда отъ нея.

— Когда я очнулся и пришелъ въ себя,—продолжалъ онъ ей свой рассказъ, — мать лежала въ постели, съ которой ей уже не суждено было встать. Я ужаснулся, когда увидѣлъ ея лицо!

Но и его лицо измѣнилось за одну эту ночь: мать его также ужаснулась—и разразилась неутѣшными рыданіями.

Эта сцена подѣйствовала даже на отца, и съ того времени онъ ужъ больше не пытался разлучать ихъ.

Теперь никто не мѣшалъ ему подолгу сидѣть на скамеечкѣ у ея постели. Мать держала его руки, цѣловала ихъ, перебирала его волосы...

Но источникъ ея слезъ давно иссякъ, и ни одна слеза не скатилась больше на его лобъ.

— О! Если бы ты знала, Марія, что я пережилъ въ то время, что испыталъ, что почувствовалъ!.. И Марія открыла свои глаза — влажные, съ выраженіемъ гѣмой, безъисходной тоски...

На этомъ мѣстѣ обрываются его воспоминанія; здѣсь кончается та страница—последній сохранившійся въ сознаніи день!

— А потомъ?—спрашиваетъ онъ себя въ ужасѣ:—что же было потомъ?

Онъ хорошо помнитъ, что это онъ въ воскресенье вечеромъ сидѣлъ съ Маріей на кушеткѣ... Что же такое случилось съ того вечера до этой ночи?

Кто вырвалъ эту бездну, эту зіяющую передъ нимъ мрачную пропасть?

— Быть можетъ, я заболѣлъ, лежалъ въ забытьи эти дни... и теперь очнулся, измученный и больной...

И вслѣдъ затѣмъ новая, ужасная мысль мелькаетъ въ головѣ: не умеръ ли онъ внезапно, или только показался мертвымъ, и не очнулся ли это онъ теперь въ могилѣ?

Онъ снова щупаетъ стѣну и постель.

Снова глаза его напряженно ищутъ какого нибудь пред-

мета, — другого, новаго предмета, кромѣ этого бѣловатаго, тусклаго пятна, дрожащаго передъ нимъ въ воздухѣ.

Напрасно!

Или онъ уже тамъ... въ загробномъ мірѣ?

Но откуда то, кажется изъ глубины его сердца, доходитъ и отдается въ мозгу ясный могучій голосъ:

— Нѣтъ, ты живъ, живъ! Но тебя постигло несчастье, ужасное несчастье!

Онъ припоминаетъ, что подобное мучительное состояніе онъ уже пережилъ однажды, — когда умерла его мать.

И тогда также день или два оказались вырванными изъ книги-памяти... Да, точно: два дня забылъ онъ тогда — день смерти и день похоронъ!

Кругомъ все полно было знаками глубокаго траура, въ домѣ ежедневно, утромъ и вечеромъ, совершались заупокойныя молитвы, — а онъ не вѣрилъ, что мать его скончалась, и, охваченный странными, ему самому непонятными мыслями, бродилъ по комнатамъ, изъ угла въ уголъ, ища свою мать или даже не сознавая чего ищетъ.

Только на четвертый день, когда, по обычаю, явились посѣтители для «утѣшенія» скорбящей семьи, и онъ увидѣлъ среди нихъ того самаго погребальнаго служку, который, замыкая похоронное шествіе и позвякивая кружкой, выкрикивалъ: *Zedoco tazil mimovos* ¹! — тогда только къ нему вернулось сознаніе. Тутъ только изъ мрака забвенія выступили передъ нимъ похоронныя носилки, и онъ снова увидѣлъ ихъ, какъ онѣ покоились на плечахъ родственниковъ и друзей; тутъ онъ снова услышалъ отчаянный плачь, стоны и причитанія, и снова увидѣлъ огромную толпу людей и услышалъ ихъ рѣчи и ихъ похвалы, расточаемыя покойницѣ...

Тогда онъ понялъ, что мать его умерла — и не могъ, не хотѣлъ утѣшиться.

Но вѣдь только подобное ужасное несчастье въ состояніи такъ затемнить, помрачить разумъ!

¹ Благотворительность спасаетъ отъ смерти!

Холодный потъ выступаетъ на всемъ его тѣлѣ: какое же несчастье постигло его теперь?

Лучше всего, думаетъ онъ, разбудить Марію; другого средства нѣтъ... Она объяснитъ ему все...

Но это бѣловатое, тусклое пятно все дрожить... дрожить и словно умоляетъ не тревожить сна бѣдняжки.

Онъ чувствуетъ въ то же время, что не въ силахъ владѣть своимъ голосомъ, и что если онъ, собравъ эти покидающія его силы, издастъ хоть одинъ звукъ, это будетъ страшный, отчаянный крикъ, отъ котораго Марія, внезапно потрясенная, навѣрно лишится сознанія!

Пусть же спать она спокойно, его голубка! Да пошлетъ ей милосердый Богъ сладкихъ, райскихъ грезъ и да возобновитъ ея силы!.. Въ послѣднее время нервы ея совсѣмъ, совсѣмъ ослабли: малѣйшій неожиданный звукъ волнуетъ, пугаетъ ее... Такъ и моя мать, бывало...

Нить его мыслей снова оборвалась: въ дверяхъ, какъ разъ противъ него, показалась какая то фигура.

Онъ глядитъ и видитъ въ ужасѣ, какъ выступаютъ изъ мрака и смутно бѣлѣютъ косяки, двери, — и на этомъ сѣрѣющемъ фонѣ его широко-раскрытые, неподвижнозастывшіе глаза ясно различаютъ ее, эту фигуру.

Онъ хочетъ отвести отъ нея глаза въ сторону, не глядѣть на нее, и не можетъ: таинственный образъ притягиваетъ ихъ къ себѣ съ неодолимой, непонятной силой... Вотъ онъ уже узналъ его: это лицо его отца, хотя оно кажется нѣсколько моложе...

— Отецъ!.. вырывается изъ глубины его груди страшный, мучительный крикъ, крикъ подавленный и беззвучный: языкъ его словно прилипъ къ гортани, голосъ отказывается служить...

— Нѣтъ! Это не отецъ! Это—я, я самъ!.. внезапно вадрагиваетъ онъ, холодѣя отъ все возрастающаго страха, а фигура стоитъ, стоитъ неподвижно, съ каждымъ мгновениемъ

свѣтлѣя и яснѣя все болѣе и болѣе, все рельефнѣе вырѣзываясь и выступая изъ таинственнаго полумрака.

— Быть можетъ, это мое собственное отраженіе въ зеркалѣ? Но онъ вѣдь лежитъ, а фигура стоитъ!

Она ужасна; она заставляетъ кровь его стынуть въ жилахъ; она глядитъ на него съ ненавистью, съ презрѣніемъ, съ уничтожающею, злою усмѣшкой, и ея глаза проникають, провизываютъ его всего, какъ холодныя, острые копыя.

— Трусишка! Мякишъ! Баба!—разразилась вдругъ фигура— и исчезла съ порога.

Финкельманъ быстро соскочилъ съ постели и бросился за нею.

Онъ вбѣжалъ, босой и въ одномъ бѣлѣ, въ слѣдующую комнату, но ея здѣсь не было, она исчезла, пропала; и онъ остался стоять въ темнотѣ, дрожа отъ холода и страха.

Черезъ нѣсколько мгновеній мысли его снова перепутались, оборвались. Онъ уже забылъ про фигуру, и безсознательно озираясь кругомъ, недоумѣвалъ, что съ нимъ и гдѣ онъ, и зачѣмъ это онъ стоитъ въ темнотѣ среди глубокой ночи, босой, на холодномъ полу.

Онъ обводитъ руками вокругъ себя, ощупываетъ предметы, чтобы узнать, гдѣ онъ. Вотъ онъ направляется куда-то, среди мрака, ощупывая все по дорожкѣ... вотъ онъ у той кушетки, на которой тогда, въ тотъ воскресный вечеръ, держалъ въ своихъ объятіяхъ безчувственную жену... здѣсь онъ рассказывалъ ей про свою мать, про деспота отца.

Обезсиленный, онъ упалъ на диванъ, не будучи въ состояніи двигаться далѣе; глаза его закрылись, но онъ не спитъ; сердце его объято ужасомъ, а въ мозгу—пусто, ни одной мысли, какъ въ брошенномъ птицами гнѣздѣ.

Однако въ головѣ у него необыкновенная тяжесть, въ мозгу—странный шумъ какой-то, дрожь и жаръ. Ему кажется даже, что онъ слышитъ какой-то трескъ въ мозгу: не то пузырь лопаются тамъ, не то со звономъ разбивается стеклянная посуда.

Не тотъ ли это шумъ, который произвела служанка, разбивши посуду?

Онъ чувствуетъ, что силы его слабѣютъ, а страхъ все растетъ и растетъ!

Остается одно — позвать Марію. Если бы она знала, гдѣ онъ теперь и что съ нимъ происходитъ, она бы навѣрно поспѣшила къ нему на помощь,—все равно, любить ли она его или нѣтъ: вѣдь она такая добрая! Она бы, вѣрно, пожала его!

О, если бы она знала!.. Вѣдь стоило бы ей только показаться, только коснуться его волосъ, сказать одно слово или подарить его одною искрою своихъ лучистыхъ глазъ,—и ему бы стало легко и хорошо, и онъ бы сразу выздоровѣлъ!

Да, онъ боленъ,—и въ ней одной его спасеніе!

Вдругъ ему послышался какой-то неясный шорохъ. Его охватила всего пріятная, радостная дрожь; слабое чувство надежды мягкимъ и сладкимъ тепломъ разлилось по всѣмъ его членамъ... Это, вѣрно, Марія услышала, какъ онъ мучительно вздыхаетъ, какъ зоветъ ее, и проснулась... проснулась, спокойно, безъ всякаго страха. Вотъ она, кажется, встаетъ съ постели, одѣвается; вотъ онъ слышитъ уже звуки ея шаговъ... Сейчасъ она покажется въ дверяхъ... Сейчасъ вотъ придетъ конецъ этому ужасному, мучительному кошмару; еще минута—и разсѣется, исчезнетъ навсегда этотъ мучительно-давящій мракъ, и онъ вздохнетъ, наконецъ, полною, свободною грудью!

Но прошло нѣсколько минутъ, а Маріи еще нѣтъ; тотъ смутный шорохъ все приближается; вотъ онъ уже у самыхъ дверей—и въ дверяхъ вдругъ появляется новый образъ... Мужчина среднихъ лѣтъ, съ длинной черной бородой. Его маленькіе глазки быстро бѣгаютъ въ своихъ орбитахъ, правую руку онъ поглаживаетъ свои усы... Кто это?

Въ эту фигуру онъ всматривается безъ всякаго страха. Онъ сразу же узналъ ее: вѣдь это Давидъ-сватъ!—Вотъ Давидъ направляется къ нему тихо, безшумно, съ легкой усмѣш-

кой на губахъ... Вотъ онъ уже около него, вотъ онъ присѣлъ, не спросясь, у его ногъ на диванѣ и началъ свой рассказъ... Онъ говорить, что это прекрасная партія, что невѣста, Марія, замѣчательная, рѣдкая дѣвушка, добрая и благородная, что она—ангелъ Божій!

Она получила домашнее образованіе—и тѣмъ не менѣе свободно говорить по французски и пишетъ по нѣмецки! Одного лишь ему жаль: что такая добрая и благородная женщина станетъ женою такого скареда, сына скареда... Онъ, Давидъ-сватъ, боится, какъ бы и ее не постигъ такой же конецъ, какой выпалъ на долю его матери...

— Что за дуракъ!—думаетъ Финкельманъ:—Марія уже давнымъ-давно моя жена, а этотъ пришелъ теперь расхваливать ее, какъ «невѣсту».

— Ужъ не пьяны-ли вы?—громко спрашиваетъ онъ—и видѣніе исчезаетъ.

Финкельманъ вдругъ припоминаетъ, что это уже второе видѣніе, исчезающее на его глазахъ въ этой комнатѣ, и онъ рѣшается искать ихъ. Онъ снова пробирается ошупью, въ темнотѣ, среди столиковъ, стульевъ и разныхъ другихъ вещей, наполняющихъ комнату; онъ толкаетъ, опрокидываетъ ихъ по пути, но не слышитъ звука ихъ паденія.

На столѣ, къ которому онъ подошелъ, стоятъ спички, а надъ ними поднимаются тусклый блескъ, но онъ ничего не видитъ; онъ пробирается дальше, то и дѣло нагибаясь до пола и поворачивая глаза направо и налево,—и наконецъ, забываетъ, что ищетъ...

А въ ушахъ у него все время стоитъ прежній шумъ,—и онъ теперь почему-то невольно прислушивается къ нему.

Странный шумъ! Словно кто-то говорить вдали. Онъ не различаетъ отдѣльныхъ словъ, но слышитъ чей-то голосъ.

Все ближе и ближе, этотъ голосъ, все отчетливѣе и яснѣе отдается онъ въ ушахъ; сейчасъ онъ разслышитъ все и все пойметъ!

Вотъ онъ уже различаетъ отдѣльные звуки, слышитъ нѣкоторыя слова.

Какой-то человѣкъ направляется къ нему и говорить о чемъ-то. Онъ говорить о зломъ и добромъ духѣ, объ ангелахъ, провожающихъ покойника въ другой міръ..

— Что это?—удивляется онъ, дрожа отъ страха,—вѣдь это я слышу уже второй разъ! Вѣдь эти самыя слова я слышалъ уже... гдѣ? когда?

— Сегодня же!—какъ молнія, промелькнувъ отвѣтъ въ мозгу, и какъ-бы въ блескѣ этой молніи вдругъ встала передъ нимъ другая картина, тоже не новая уже, которую онъ также уже видѣлъ гдѣ-то, въ другомъ мѣстѣ.

Онъ видитъ толпу людей, почти весь городъ... Тутъ крупныя и мелкія купцы, кредиторы и должники, богатые и бѣдные, старыя и молодыя... Всѣ смотрятъ на него съ такой жалостью, на глазахъ у всѣхъ слезы...

Что это?

Его жалѣютъ?! Зачѣмъ? Почему?

А тамъ, недалеко, желѣзный амвонъ... На амвонѣ—Вѣдновскій раввинъ... Онъ видитъ его хорошо, отчетливо... Вотъ его шапка съѣхала на бокъ, по обыкновенію... Раввинъ тоже плачетъ. И это онъ, раввинъ, говорить тѣ слова!

Но вѣдь все это онъ видитъ уже во второй разъ... Вѣдь онъ уже слышалъ разъ эту рѣчь раввина о зломъ и добромъ духѣ, объ ангелахъ, сопровождающихъ человѣка въ могилу... Вѣдь это надгробное слово... Кого же это сегодня оплакивалъ раввинъ?

Кто это умеръ?

Неужели же возможно, чтобы умеръ почтенный и уважаемый въ городѣ человѣкъ, удостоившійся надгробной рѣчи раввина, и чтобы онъ забылъ имя такого человѣка?

Видѣніе вдругъ исчезло—и мысль его приняла другое направление.

— Нѣтъ, это невозможно! Это не голосъ раввина!... Онъ ошибся... Правда, и у старика-раввина голосокъ тоненькій,

точно звонъ серебрянаго колокольчика, но этотъ голосъ, который онъ слышитъ теперь, еще нѣжнѣе, еще слаще, чѣмъ голосъ раввина. Это навѣрное голосъ его матери!

При воспоминаніи о матери предъ нимъ встала новая картина.

Онъ видитъ ея кровать, которую она до самой смерти не покидала, въ полутемной комнатѣ, вечеромъ... Глаза больной искрятся и горятъ во тьмѣ... Впалыя щеки отливаютъ румянцемъ, губы блѣдны... Онъ сидитъ у ея изголовья, а она перебираетъ и гладитъ его волосы своей исхудалой рукой.

Тихимъ-тихимъ и невыразимо сладкимъ, точно мелодія флейты, голосомъ рассказываетъ она ему, сквозь слезы, о живущихъ въ человѣкѣ «духѣ зла» и «духѣ добра»... объ ангелахъ Божіихъ и о добрыхъ душахъ... Деньги,—говоритъ ему мать,—это только навожденіе дьявольское, бѣсовщина, нечисть, только чары и обманъ! Деньги—это змѣй-искуситель, злой духъ... Деньги—это кровь человѣческая, кровь бѣдныхъ...

Онъ слушаетъ—и изъ глазъ его капаютъ слезы.

Удивительная вещь! Онъ чувствуетъ, что плачетъ, но что слезы не текутъ изъ глазъ его наружу, а льются и проникаютъ внутрь, въ самое сердце, гдѣ падая, горятъ, точно пылающія искры...

Но вдругъ—въ домъ зашли какіе-то чужіе люди... Кровать его матери, стала уходить, колыхаясь, и удаляться отъ него, и черезъ минуту ему уже показалось, что это не мать, а Марія лежитъ на этой кровати!

Онъ цѣпнѣетъ отъ ужаса,—и мысли его, путаясь и обрываясь, уступаютъ свое мѣсто другимъ, новымъ мыслямъ, гвѣзущимъ упорно и тѣснящимся въ больномъ мозгу.

Нынѣшній годъ—неурожайный... да, голодный годъ!

Если бы не Марія, я бы заработалъ массу денегъ! Я купилъ много хлѣба у помѣщиковъ, купцовъ, факторовъ... Всѣхъ привелъ-таки подъ свою власть!

Но она-то, она проситъ, умоляетъ за всѣхъ! Упадутъ цѣны—плати, а поднимутся онѣ—она тутъ со своими мольбами.

— Ну не кислота-ли я? не разина? не баба?

И все же онъ исполняетъ малѣйшее ея желаніе, все, что ни вздумаетъ она,—исполняетъ безпрекословно!

Однако, любопытно узнать, сколько онъ изъ-за нея теряетъ!

— А ну-ка, сосчитаю!

Сумма выходитъ немалая... Онъ уже насчиталъ тысячи...

Вотъ уже пять тысячъ; еще нѣсколько сотъ... еще сорокъ пять со старика Іекеля—съ того, у котораго больная жена... и еще, и еще... Еще много сотенъ...

Воля его слабѣетъ; онъ не считаетъ больше; но счетъ составляется самъ собою, помимо его воли, безъ всякой его помощи.

Онъ уже больше не ищетъ, не собираетъ цифръ, не думаетъ о нихъ; но онѣ являются сами, не ждуть; онѣ сами, безъ зова, предупредительно устанавливаются въ стройные ряды, одна подъ другой, въ образцовомъ порядкѣ, охотно, добровольно...

Онъ чувствуетъ, что въ его пустомъ мозгу стоятъ теперь бѣлый листъ и что черныя цифры слетаются къ нему со всѣхъ сторонъ, тѣсясь и толкаясь и напирая съ шумомъ... Онѣ являются и сами записываются на этомъ листѣ, или какая-то невидимая рука властно повелѣваетъ ими и заноситъ ихъ—единицы подъ единицами, десятки подъ десятками и т. д. и т. д. Цифры множатся, растутъ и—кажется—гдѣ имъ умѣститься тутъ, на этомъ листѣ? Но и листъ растетъ и увеличивается вмѣстѣ съ ними... Онъ поднимается все выше и выше, и все еще не видно черты для подведенія подъ нею окончательнаго итога.

И вдругъ цифры превратились въ пестрые, радужные билеты, а листъ—въ открытый сундукъ... И летятъ они, эти пестрые билеты, со всѣхъ сторонъ въ мозгъ, точно птицы въ гнѣздо, и по-прежнему невидимая рука укладываетъ ихъ въ сундукъ... Но тѣсно становится въ этомъ сундукѣ—и рука жметъ ихъ и немилосердно давитъ въ черепѣ, который, кажется, вотъ-вотъ не выдержитъ и раздастся.

Все сильнѣе и сильнѣе давить въ мозгу, все нестерпимѣе становится тяжесть въ головѣ, но онъ не можетъ рѣшиться однако, схватить и выбросить сразу эти билеты изъ сундука.

А они летятъ и летятъ—сперва пестрые, потомъ красные. Вотъ они всѣ постепенно стали красными... Вотъ изъ многихъ сочится кровь... На многихъ—изображеніе пляшущаго чудовища, съ длинными острыми когтями...

Вдали снова показалась фигура его отца.

— Бери, сыночекъ, бери!—кричитъ ему видѣніе,—бери... загребай...

Но какъ страшенъ, какъ ужасенъ видъ его отца! Его саванъ наполовину изорванъ и истрепанъ... изъ-подъ дыряваго савана видно гниющее мясо... изъ мяса торчатъ бѣлыя, какъ снѣгъ изъѣденныя кости, а кругомъ обвилились черви и змѣи и, впившись, жадно пожираютъ его мертвое тѣло...

— Не бойся, сыночекъ, не бойся! Загребай! Все возьми!

— Нѣтъ!.. Не возьму!.. судорожно вскрикнулъ господинъ Финкельманъ—и грохнулся на полъ безъ чувствъ...

Внезапный стукъ разбудилъ спавшую прислугу.

.
Когда господинъ Финкельманъ очнулся и пришелъ немного въ себя, онъ лежалъ на постели.

Небольшая лампа обливаетъ блѣдно-матовымъ свѣтомъ всю комнату.

Комната вся въ черномъ. Зеркала на стѣнахъ завѣшаны темнымъ флеромъ. Возлѣ кушетки, на полу, низкая, для «траурнаго сидѣнья», скамейка, а напротивъ—пустая кровать Маріи.

Перев. Як. Каценельсонъ.

Изъ греко-римской эпохи.

Ни грозными законами,
Ни силою грубой,
Ни пыткой кровавою,
Ни душною тюрьмой

Меня вы не заставите
Отречься отъ Него—
Всесильнаго Единнаго
Владыки моего.

Я знаю,—зависть тайная
Сосеть васъ, какъ змѣя.
Вамъ не понять, безумные,
Откуда мощь моя!

Въ груди моей измученной
Есть животворный лучъ,
И оттого въ страданіяхъ
Великъ я и могучъ.

Напрасныя лелѣете
Въ душѣ мечтанья вы,—
Предъ вашими бумирами
Я не склоню главы.

Кто могъ во имя Господа
Страдая жить вѣка,
Кого ведетъ къ безсмертію
Незримая рука—

Тотъ не воздвигнетъ идоламъ
Божницъ и алтарей,
Тотъ зажигать воцунствуя
Не станетъ имъ огней.

Прочь, сердцу ненавистные,—
Я презираю васъ!
Вы пыткой не исторгнете
Слезы моей изъ глазъ.

Что мнѣ костеръ пылающій,
И цѣпи и бичи?
Готовьте пытки новыя,
Готовьте, палачи!

Х. Зингеръ.

Пораженіе Синнахерима.

Ассиріяне шли, словно волкъ на овецъ,
Украшали ихъ злато и пышный багрець,
Ослѣпителенъ блескъ ихъ оружія былъ,
Какъ въ волнахъ Галилеи—сіянье свѣтилъ.

Какъ листы на деревьяхъ въ весенніе дни—
Красовались при блескѣ заката они;
Какъ долблѣшія листья осенней порою—
Размело и развѣяло рать ихъ съ зарей.

Ангель смерти надъ ними крыло развернулъ,
Онъ пронесся грозой и въ лицо имъ дохнулъ,
И затмился ихъ взоръ изъ подъ дрогнувшихъ вѣвъ,
Поднялись ихъ сердца и затихли навѣвъ.

И лежитъ неподвижно поверженный конь,
Изъ ноздрей его гордыхъ не пышетъ огонь,
Весь онъ пѣной покрытъ, и бѣлѣтъ она,
Холодна, какъ у темныхъ утесовъ волна.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертъ на землѣ,
На доспѣхахъ роса, смертный потъ на челѣ.
Опустѣли шатры, у знаменъ—ни души
И рога не трубать въ наступившей тиши.

Безутѣшна печаль ассирійскихъ вдовицъ
И кумиры во храмѣ поверглися ницъ,
Грозный врагъ побѣжденъ не оружіемъ бойца
Онъ растаялъ, какъ снѣгъ, передъ взоромъ Творца.

О. Чюмина.

РѢЧЬ МАКСА НОРДАУ.

НА КОНГРЕССѢ СІОНИСТОВЪ ВЪ БАЗЕЛЬ.

(По стенографическому отчету).

Отъ редакціи.

Гвоздемъ конгресса сіонистовъ, какъ вполне основательно оцѣнили ее вся почти европейская журналистика, несомнѣнно, была рѣчь знаменитаго автора „Entartung“, „Die Convenzionelle Lüge“ и др., пишущаго подъ псевдонимомъ Макса Нордау, но настоящая фамилія котораго — Зюдфельдъ. Не даромъ уже на самомъ Базельскомъ конгрессѣ переходила изъ устъ въ уста пущенная однимъ изъ присутствовавшихъ на конгрессѣ острота, что устроители конгресса не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ закрыть его тотчасъ послѣ произнесенія этой рѣчи. Мы уже отиѣтили въ другомъ мѣстѣ, въ „Недѣльной Хроникѣ Восхода“, какое потрясающее впечатлѣніе рѣчь эта произвела на всѣхъ присутствовавшихъ на конгрессѣ, помимо сіонистовъ. Это, главнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что она, какъ увидить читателя, отнюдь не было *рѣчью* — *программой сіонистовъ*, а объективное мастерское изложеніе настоящаго положенія еврейства и освѣщеніе его съ исторической и психологической стороны, — такъ какъ въ ней о сіонизмѣ хотя и упоминалось вскользь, какъ объ одномъ изъ современныхъ теченій въ еврействѣ, но на него даже и намекомъ не указывалось, какъ на панацею для спасенія послѣдняго. Вотъ почему рѣчь Нордау произвела такое сильное, не ослабляемое никакими иллюзионными мечта-

нiями, впечатлѣнiе и на не-сіонистовъ, и на этихъ послѣднихъ, пожалуй, еще болѣе сильное, чѣмъ на самихъ сіонистовъ. И вотъ почему и мы, безъ всякихъ оговорокъ, можемъ передать здѣсь эту знаменательную рѣчь, озаглавленную въ порядкѣ занятій конгресса: „О современномъ положеніи евреевъ“.

Спеціальныя докладчики изъ отдѣльныхъ странъ подробно обрисуютъ предъ вами положеніе нашихъ собратьевъ въ каждомъ изъ государствъ. Одни изъ этихъ докладовъ были въ моемъ распоряженіи, другіе—нѣтъ. Впрочемъ, и о тѣхъ странахъ, относительно которыхъ я ничего не узналъ отъ своихъ сотрудниковъ, я располагаю нѣкоторыми свѣдѣніями, приобретенными отчасти мною лично, въ качествѣ очевидца, отчасти же изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ я, пожалуй, безъ самоинвѣнія, могу предпринять задачу—набросить въ общихъ чертахъ картину состоянія еврейства въ исходѣ девятнадцатаго вѣка.

Краски этой картины имѣютъ приблизительно одинъ тонъ: вездѣ, гдѣ евреи поселились въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ среди другихъ народностей, господствуетъ еврейское горе (*Judennoth*). Но это не то общее горе, которое, повидному, составляетъ неизмѣнный удѣлъ нашего рода. Это—особое горе, отъ котораго евреи страдаютъ не какъ люди вообще, но именно какъ евреи, и которое было бы имъ, пожалуй, невѣдомо, если бы они не были евреями.

Еврейская нужда имѣетъ двѣ формы: предметную—материальную, и нравственную. Относительно восточной Европы, сѣверной Африки и Западной Азии, т. е. какъ разъ въ странахъ, гдѣ нашло себѣ пріютъ подавляющее большинство, вѣроятно девять десятыхъ, представителей нашего племени, выраженіе „еврейская нужда“ должно быть понимаемо буквально. Нужда выражается здѣсь въ ежедневно испытываемомъ чувствѣ физическаго страданія, въ страхѣ предъ завтрашнимъ днемъ, въ мучительной борьбѣ за поддержаніе жизни, и только жизни, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова.

Въ Западной Европѣ еврейскъ нѣсколько облегчена борьба за существованіе, хотя какъ разъ за послѣднее время и тутъ проявляется стремленіе вновь затруднить эту борьбу. Но все-таки вопросы о кускѣ насущнаго хлѣба и о пріютѣ, вопросы о безопасности личной и имущественной здѣсь менѣе задѣваютъ ихъ. Тутъ нужда еврейская—нравственнаго характера. Она выражается въ ежедневномъ оскорбленіи ихъ чувства самолюбія и чести, въ грубомъ подавленіи стремленія евреевъ къ духовнымъ благамъ, въ стремленіи къ которымъ не долженъ себѣ отказывать ни одинъ не-еврей.

Въ Россіи, еврейское населеніе которой достигаетъ болѣе пяти милліоновъ и которая является отечествомъ болѣе половины всѣхъ вообще евреевъ, братья наши подвергаются извѣстнымъ законодательнымъ ограниченіямъ. Лишь крайне не многочисленная еврейская севта, именно караимская, пользуется полноправностью наравнѣ со всѣми русскими подданными христіанскихъ исповѣданій. Всѣмъ остальнымъ евреямъ запрещено жительство въ большей части имперіи. Правомъ повсемѣстнаго жительства пользуются лишь опредѣленныя категоріи евреевъ, напр. лица, принадлежащія къ купцамъ первой гильдіи или обладающія учеными степенями и т. п. Между тѣмъ, чтобы принадлежать къ первой гильдіи, необходимо нужно быть богатымъ, а богатыми являются лишь немногіе русскіе евреи, да и ученныя степени даются немногимъ, такъ какъ казенныя, среднія и высшія учебныя заведенія открыты лишь для ограниченнаго числа еврейскихъ учениковъ и слушателей, а заграничныя дипломы не даютъ никакихъ законныхъ правъ.

Равнымъ образомъ евреямъ запрещено заниматься нѣкоторыми промыслами, открытыми однако для всѣхъ другихъ подданныхъ. Обездоленные евреи замкнуты въ немногихъ губерніяхъ, гдѣ они не въ состояніи обнаруживать свои способности и свою добрую волю. Государственные источники образованія имъ мало доступны, а собственные они не имѣютъ возможности открывать, потому что они недостаточно богаты для этого. Кому представляется лишь маломальская къ тому возможность, тотъ старается путемъ эмиграціи

найти на чужбинѣ ту струю свѣжаго воздуха и тотъ лучъ свѣта, которые недоступны ему на родинѣ. А кто не обладаетъ нужными для этого молодостью и энергіей, тотъ обреченъ оставаться въ своемъ бѣдственномъ положеніи и чахнуть въ немъ духовно, нравственно, тѣлесно.

Относительно Румыніи съ еврейскимъ населеніемъ въ четверть милліона намъ сообщаютъ, что наши братья тамъ также безправны. Имъ дозволено жителство лишь въ городахъ; они предоставлены всяческому произволу властей и даже низшихъ правительственныхъ чиновниковъ, иногда же и кровавому насилию черни, и находятся въ наивозможно худшихъ экономическихъ условіяхъ. Нашъ специальный докладчикъ изъ Румыніи опредѣляетъ число евреевъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, достигающимъ болѣе половины всего еврейскаго населенія страны.

Поистинѣ ужасны условія жизни, раскрываемыя нашимъ докладчикомъ изъ Галиціи. Изъ числа 772,000 галиційскихъ евреевъ, какъ оказывается по даннымъ, сообщаемымъ докторомъ Зальцемъ, 70 процентовъ представляютъ изъ себя буквально нищихъ, бѣдняковъ по профессіи, которые молятъ о подаваніи и конечно въ большинствѣ случаевъ тщетно. Впрочемъ, не стану напередъ сообщать о другихъ частностяхъ указаннаго доклада, такъ какъ не желаю, чтобы вы дважды испытывали то чувство ужаса, которое вызоветъ въ васъ этотъ докладъ.

Достаточно характерною чертою относительно быта евреевъ Западной Австріи съ ея 400,000 еврейскимъ населеніемъ является указаніе доктора Минца на то обстоятельство, что изъ 25,900 еврейскихъ семей въ Вѣнѣ 15,000 не могутъ, по бѣдности, вносить установленнаго налога на содержаніе культа. Изъ остальныхъ 10,000—90 процентовъ внесены въ низшій разрядъ плательщиковъ, хотя три четверти и этой категоріи лицъ не въ состояніи быть аккуратными при внесеніи налога. Правда, въ отличіе отъ Россіи и Румыніи, австрійскій законъ не знаетъ различія между евреемъ и христіаниномъ, но въ большинствѣ случаевъ за-

конѣ имъ пріятнѣе остаться мертвымъ буквою, а обичая въ полной силѣ восстанавливать то исключеніе евреевъ, которое устранено законодателями. Общественная анафема затрудняетъ еврея возможность зарабатывать насущный кусокъ хлѣба и въ ближайшемъ будущемъ грозить сдѣлать это для него во многихъ случаяхъ совершенно невозможнымъ.

Изъ Болгаріи доносятъ до насъ подобныя же вопли отчаянія: лицемерный законъ, не знающій различія правъ вслѣдствіе различія вѣроисповѣданія, но которому власти не придаютъ никакого значенія; непріязнь всѣхъ классовъ общества, которая вездѣ отпугиваетъ еврея; горе и нужда, безъ надежды на улучшеніе положенія, въ подавляющемъ большинствѣ еврейскаго населенія.

Въ Венгріи евреймъ жаловаться не приходится. Тамъ они вполне обладаютъ всѣми правами гражданства, имъ позволено работать и зарабатывать и въ виду этого улучшается ихъ экономическое положеніе. Правда, это счастливое состояніе продолжается еще не достаточно много времени, чтобы дать большинству евреевъ возможность выбраться путемъ труда изъ величайшей нужды и такимъ образомъ большинство даже венгерскихъ евреевъ еще не достигло первой ступени къ благосостоянію. Къ тому же знатоки общественныхъ условій въ Венгріи увѣряютъ, что и тамъ подъ покровомъ тлѣетъ искра ненависти къ евреймъ и что она можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Полтора ста тысячъ марокескихъ евреевъ, равно какъ и едино-вѣрцевъ нашихъ въ Персіи, численность которыхъ мнѣ неизвѣстна, мнѣ приходится обойти молчаніемъ. Эти несчастные даже не чувствуютъ въ себѣ силъ, чтобы протестовать противъ своего угнетенія. Они переносятъ притѣсненія съ глухимъ отчаяніемъ, безропотно и безъ жалобъ, и только тогда заставляютъ насъ обратить на нихъ свое вниманіе, когда чернь врывается въ ихъ гетто, предавая все на пути своемъ разграбленію, насилію и убійству.

Поименованныя мною страны рѣшаютъ судьбу болѣе чѣмъ семи милліоновъ евреевъ. Всѣ эти страны, за исключеніемъ Венгріи,

низводятъ евреевъ путемъ ограниченій или путемъ непріязни со стороны властей и общества до положенія пролетаріевъ или профессиональныхъ нищихъ, причеиъ лишаютъ ихъ всякой надежды подняться надъ уровнемъ такого жалкаго экономического положенія, сколько бы отдѣльныя личности среди нихъ или всѣ они въ совокупности ни прилагали къ тому усилій.

Извѣстные, такъ называемые *практическіе дѣтели*, поддерживающіеся отъ всякихъ *безплодныхъ мечтаній* и направляющіе всѣ свои старанія на ближайшее и притомъ достижимое, являются представителями того мнѣнія, что уничтоженіе правовыхъ ограниченій положило бы конецъ бѣдственному состоянію евреевъ восточной Европы. Но Галиція представляетъ собою критику этого мнѣнія, и притомъ не одна Галиція. Панацея правовой эмансипаціи была примѣнена во всѣхъ государствахъ высшаго духовнаго склада. Посмотримъ, чему могутъ насъ научить произведенныя въ этомъ направленіи опыты.

Евреи западной Европы не подвергаются правовымъ ограниченіямъ. Они могутъ такъ же свободно двигаться и свободно развиваться, какъ и ихъ христіанскіе соотечественники. Экономическія послѣдствія такой свободы движенія, правда, были несомнѣнно наилучшими. Специфически еврейскія расовыя отличія, выражающіяся въ прилежаніи, терпѣливости, трезвости, бережливости, сказались немедленно въ быстромъ уменьшеніи еврейскаго пролетаріата, который въ нѣкоторыхъ странахъ не замедлил бы исчезнуть совсѣмъ, если бы онъ не пополнялся еврейскими переселенцами съ востока. Эмансипированныя западныя евреи сравнительно быстро достигаютъ умѣреннаго благосостоянія. Во всякомъ же случаѣ среди нихъ борьба за насущный кусокъ хлѣба не принимаетъ тѣхъ позитивъ ужасныхъ формъ, какія описываются по отношенію къ Россіи, Румыніи и Галиціи. Но между этими евреями растетъ другого рода горе, горе нравственнаго характера.

У западнаго еврея нѣтъся кусокъ хлѣба, но — не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человекъ. Западный еврей почти вполнѣ

можетъ быть покоенъ въ смыслѣ огражденія его личности и жизни отъ вспышекъ разъяренной черни, но въдъ раны тѣлесныя являются не единственными, которыя причиняють боль и отъ которыхъ можно истекать кровью. Западный еврей призналъ въ актѣ эмансипаціи настоящее освобожденіе и поспѣшилъ сдѣлать изъ нея окончательные выводы. Теперь, однако, народы показываютъ ему, что онъ былъ неправъ, когда вздумалъ быть столь наивно послѣдовательнымъ. Правда, законъ великодушно провозглашаетъ теорію равноправности. Между тѣмъ правительство и общество проводятъ на практикѣ эту равноправность такимъ образомъ, что она является насмѣшкой надъ теоріей, подобно назначенію Санчо Панса на блестящій постъ вице-короля острова Баратаріи. Еврей наивно увѣряетъ: „Я—человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“. На это ему звучитъ въ отвѣтъ: „Полегче! Своєю человѣчностью ты обязанъ пользоваться съ опаскою; тебѣ не достаетъ настоящаго пониманія чувства чести, чувства долга, нравственности, любви къ отечеству, идеализма, и поэтому намъ приходится не подпускать тебя ни къ чему такому, что предполагается въ человѣкѣ понинменованныя качества“.

Фактами некогда не пытались подтвердить такія ужасныя обвиненія. Въ крайнемъ случаѣ отъ поры до времени съ торжествомъ приводится примѣръ какого нибудь единичнаго еврея, отброса его племени и человѣчества, и этотъ примѣръ затѣмъ, вопреки всѣмъ законамъ правильнаго мышленія и умозаключенія, смѣло обобщается. Впрочемъ, психологически это является вполне обоснованнымъ. Людскому сознанію привычно придумывать заднимъ числомъ для тѣхъ предубѣжденій, которыя возникаютъ въ немъ на почвѣ чувства, обоснованія, кажуціяся на видъ разумными. Народной мудрости давно знакомъ этотъ психологическій законъ и она облекла его въ наглядно конкретную форму. „Если хотять утопить собаку, гласитъ пословица, то увѣряють, что она бѣшена“. Такъ для евреевъ придумываютъ всевозможные пороки, ибо люди хотять самимъ себѣ доказать, что они имѣють право ненавидѣть евреевъ. Но во всякомъ случаѣ исходнымъ положеніемъ является ненависть къ евреямъ.

Я долженъ произнести это горестное слово: народы, эмансипировавшіе евреевъ, предалися самообману на счетъ собственныхъ своихъ чувствъ. Для того, чтобы эмансипація получила полную силу, она должна была перетвориться въ чувствѣ раньше, чѣмъ она была объявлена въ законѣ. Но не то было на дѣлѣ, а какъ разъ наоборотъ. Исторія эмансипаціи евреевъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ въ исторіи европейскаго мышленія. Еврейская эмансипація не есть слѣдствіе сознанія, что человѣчество тяжело согрѣшило относительно этого племени, что ему причинили ужаснѣйшія бѣдствія и что наступило время искупить тысячекратною несправедливостью; она исключительно является слѣдствіемъ прямолинейно-геометрическаго способа мышленія французскаго рационализма XVIII вѣка. Этотъ рационализмъ, оставаясь на почвѣ чистой логики и не обращая ни малѣйшаго вниманія на живое чувство, выработалъ себѣ положенія, отличавшіяся точностью математической аксіомы, и затѣмъ настойчиво сталъ проводить въ реальную дѣйствительность это созданіе чистаго разума. „Пусть лучше погибнуть колоніи, чѣмъ одинъ принципъ!“ — такъ гласитъ извѣстное восклицаніе, знаменующее собою примѣненіе рационалистическаго метода въ области политики. Эмансипація евреевъ представляетъ примѣръ другого, въ нѣкоторомъ родѣ автоматическаго примѣненія рационалистическаго метода. Философія Руссо и энциклопедистовъ привела къ признанію правъ человѣка. Изъ этого признанія строгая логика мужей великаго переворота вывела эмансипацію евреевъ. Они установили правильное уравненіе: каждый человѣкъ по природѣ своей имѣетъ извѣстныя права; еврей — люди; слѣдовательно еврей по самой природѣ своей имѣютъ всѣ человѣческія права. Такимъ то образомъ во Франціи провозглашена была эмансипація евреевъ, не изъ братскаго чувства къ евреямъ, а потому что этого требовала логика. Народное чувство даже сопротивлялось этому, но философія переворота предписывала, чтобы принципы ставились выше чувства. Позвольте мнѣ употребить выраженіе, не заключающее, впрочемъ, въ себѣ ни малѣйшей неблагодарности: Мужи

1792 года эмансипировали насъ изъ за доктринерскаго формализма (Prinzipiengeitei).

А затѣмъ другія націи подражали пригѣру французской революціи, и опять таки не по внушенію сердца, но потому, что развитые народы чувствовали нѣчто въ родѣ нравственнаго принужденія усвоить себѣ результаты великаго переворота.

Подобно тому какъ революціонная Франція подарила міру метрическую систему мѣръ и вѣсовъ, такъ она создала нѣчто въ родѣ духовнаго прототипа метра, который остальные страны, противъ своей ли воли, или охотно, приняли какъ нормальную мѣру своей культурности. Всякая страна, которая претендовала стоять на высотѣ культурности, должна была обладать извѣстными установленіями, созданными, принятыми или развитыми великою революціею, какъ, наприм., народнымъ представительствомъ, свободою печати, судомъ присяжныхъ, раздѣленіемъ властей и т. п. Еврейская эмансипація была также однимъ изъ необходимыхъ установленій въ каждомъ высококультурномъ государственномъ хозяйствѣ, приблизительно какъ фортепіано, которое должно находиться во всякомъ приличномъ салонѣ, хотя бы никто изъ членовъ семьи и не умѣлъ играть на немъ.

Итакъ, въ западной Европѣ евреи получили эмансипацію не какъ слѣдствіе внутренняго побужденія, но въ силу подражанія минутной политической модѣ, не потому, чтобы народы рѣшили въ сердцѣ своемъ по-братски протянуть евреямъ руку, но потому, что руководящіе умы признали извѣстный европейскій идеалъ культуры, который требовалъ, между прочимъ, чтобы въ сводѣ законовъ была отмѣчена эмансипація евреевъ. Лишь по отношенію къ одной странѣ все сказанное не имѣетъ пригѣненія, а именно къ Англіи. Англіискій народъ не допускаетъ, чтобы его прогрессъ навязывался ему извнѣ. Свои культурные успѣхи онъ развивалъ изъ себя самого. Въ Англіи эмансипація является истинною: она не только записана, она проявляется повсюду въ жизни. Эманси-

нація эта уже значительно раньше нашла себѣ мѣсто въ сердцѣ народа, чѣмъ была формулирована законодателемъ.

Изъ уваженія къ обычаю, въ Англіи еще стѣснялись формально отиѣнить правовыя ограниченія нонконформистовъ, послѣ того какъ англичане уже, въ теченіе болѣе человѣческой жизни, не дѣлали въ обществѣ никакого различія между христіаниномъ и евреемъ. Вполнѣ естественно, что и великій народъ съ наиболѣе интенсивною культурною жизнью не можетъ миновать духовнаго теченія или заблужденія своего времени, а потому и въ Англіи замѣчаются единичныя проявленія антисемитизма. Но тамъ онъ носитъ лишь характеръ подражанія какой нибудь модѣ континента, которую щеголяютъ мальчишески ломающіеся глуповатно фаты, вида въ ней послѣднюю повинку изъ за моря, придающую ореолъ знатности. Въ общемъ же вамъ придется убѣдиться, что столь богатый фактами и цифровыми данными докладъ г. де-Гааза о положеніи евреевъ въ Англіи является самымъ утѣшительнымъ и пріятнымъ среди всѣхъ, которые вамъ будутъ прочтаны.

Эмансипація совершенно видоизмѣнила природу еврея, сдѣлавъ изъ него новое существо. Безправный еврей до-освободительнаго періода былъ чужеземцемъ среди народовъ, но онъ ни единой минуты не помышлялъ о томъ, чтобы протестовать противъ такого своего положенія. Онъ вполнѣ чувствовалъ себя принадлежащимъ къ особому племени, которое не имѣетъ ничего общаго съ прочими жителями страны. Конечно, онъ не любилъ закономъ предписаннаго желтаго еврейскаго кружка на своемъ плащѣ, потому что видѣлъ въ немъ приглашеніе черни со стороны властей къ грубымъ и напередъ властями оправдываемымъ насиліямъ, но самъ по себѣ онъ гораздо болѣе отиѣнялъ свою своеобразность, чѣмъ то могъ сдѣлать желтый кружокъ. Тамъ, гдѣ власти не замыкали его въ стѣны гетто, тамъ онъ самъ устраивалъ себѣ таковое. Онъ хотѣлъ жить среди своихъ единовѣрцевъ и не желалъ имѣть съ христіанскимъ населеніемъ другихъ сношеній, кромѣ дѣловыхъ.

Въ словѣ „гетто“ звучатъ теперь ноты позора и униженія.

Однако изучающій народную психологію историкъ и бытописатель понимаетъ, что гетто, каковы бы ни были побужденія, руководившія народами при его устройствѣ, никогда не признавалось прежними евреями тюрьмою, а всегда мѣстомъ убѣжища. Положеніе, что исключительно наличность гетто давала евреямъ возможность перенести ужасныя средневѣковыя гоненія, исторически вполнѣ обосновано. Въ гетто еврей имѣлъ свой собственный міръ, то вѣрное убѣжище, которое въ его глазахъ имѣло духовное и нравственное значеніе отечества. Здѣсь у него были тѣ товарищи, среди которыхъ ему желательно и вполнѣ возможно было играть извѣстную выдающуюся роль. Тутъ складывалось своего рода общественное мнѣніе, одобреніе со стороны котораго являлось цѣлью честолюбія, а презрительное отношеніе или неудовольствіе было равносильно наказанію за недостойные поступки. Здѣсь особенно цѣнились всѣ специфически еврейскія качества, и лишь путемъ особенно широкаго развитія этихъ качествъ можно было снискать то удивленіе къ себѣ, которое является наиболѣе сильнымъ стимуломъ души человѣческой. Какое кому было дѣло до того, что внѣ гетто презиралось все то, что внутри его служило предметомъ поклоненія? Мнѣніе людей, стоявшихъ внѣ гетто, почиталось за ничто, потому что то было мнѣніе невѣжественныхъ враговъ. Единственнымъ стремленіемъ было—снискать расположеніе собратьевъ, а это расположеніе уже само по себѣ представляло достойное содержаніе жизни. Такимъ образомъ еврей гетто въ смыслѣ этическомъ жили полною жизнью. Правда, ихъ внѣшнее положеніе было ненадежное, подѣ часъ крайне опасное, но за то въ предѣлахъ своего внутренняго міра они достигали всесторонняго развитія своихъ особенностей и въ нихъ не было ничего незаконченнаго. То были цѣльные, проникнутые гармоніей люди, которые обладали рѣшительно всѣми элементами для нормальнаго общественнаго человѣческаго существованія.

И еврей инстинктивно понималъ великое значеніе своего гетто для ихъ внутренней жизни, и единственною ихъ заботою было гарантировать ему прочное существованіе путемъ сооруженія вокругъ

него невидимыхъ стѣнъ, еще болѣе прочныхъ и высокихъ, чѣмъ тѣ каменныя стѣны, которыя замыкали его на дѣлѣ.

Всѣ еврейскіе обряды и привычки бессознательно преслѣдовали одну лишь цѣль—сохранять еврейство во всей его чистотѣ путемъ огражденія его отъ прочихъ народовъ, поддерживать еврейскую солидарность и постоянно выставлять на видъ каждому отдѣльному еврею, что онъ затеряется и погибнетъ, если вздумаетъ отрѣшиться отъ своей самобытности. Это то стремленіе къ обособленію и явилось источникомъ большинства ритуальныхъ предписаній, которыя въ глазахъ зауряднаго еврея вполне совпадаютъ съ понятіями самой вѣры. Точно также и нѣкоторые другіе, чисто внѣшніе и нерѣдко случайные отличительные признаки въ одеждѣ и привычкахъ получили, вскорѣ по окончательномъ своемъ водвореніи въ обиходѣ евреевъ, религиозное освященіе, все съ тою же цѣлью—сколь возможно прочнѣе сохранить ихъ за собою. Кафтанъ, пейсы, мѣховыя шапки и жаргонъ очевидно не имѣютъ ничего общаго съ религіею. Но восточные евреи уже съ крайнимъ недоумѣніемъ относятся къ тому своему единоплеменнику, который пачинаетъ носить европейское платье и умѣетъ правильно говорить на какомъ нибудь европейскомъ языкѣ. Въ этомъ имъ уже чудится начало отпаденія отъ вѣры, потому что такой человѣкъ успѣлъ порвать извѣстныя узы, связывавшія его съ его единоплеменниками, между тѣмъ послѣдніе чувствуютъ, что именно эти то узы и гарантируютъ имъ тѣсную связь между собою, ту связь, безъ наличности которой отдѣльный индивидъ въ концѣ концовъ не въ состояніи будетъ удержаться, ни въ смыслѣ нравственномъ, ни въ отношеніи духовномъ и, наконецъ, также и физическомъ.

Такова была психологія еврея гетто. И вотъ наступила эмансипація. Законъ увѣрялъ евреевъ, что отнынѣ они—полноправные граждане своей родины. Онъ подѣйствовалъ также благотворно на тѣхъ, изъ среды которыхъ онъ исходилъ, и въ теченіе своего мѣсяца вызвалъ со стороны христіанъ проявленіе такихъ душевныхъ настроеній, которыя являлись сердцесогрѣвающими до-

полненіями къ этому закону. Упоенные всѣмъ этимъ, евреи успѣшили немедленно сломать за собою шось: у нихъ вѣдь теперь было новое отечество, имъ не надо было болѣе прежняго гетто, они могли теперь прикнуть и къ другимъ людямъ, и поэтому имъ не нужно было болѣе гнѣздиться около своихъ единовѣрцевъ. Ихъ инстинктъ самосохраненія немедленно и вполне приноровился къ новымъ условіямъ существованія. Раньше инстинктъ этотъ былъ направленъ къ болѣе рѣзкому обособленію, теперь онъ устремился къ какъ можно полнѣйшему сближенію и отождествленію. На мѣсто спасительной противоположности стала прогрессивная подражательность. Такъ шло дѣло въ теченіе одного или двухъ поколѣній, смотря по странѣ, и вездѣ съ поразительнымъ успѣхомъ. Еврею можно было, казалось, уфрывать, что онъ теперь только нѣмецъ, французъ, италіанецъ и т. п., совершенно такой же, какъ и всякій изъ его соотечественниковъ, и вотъ онъ, паравнѣ съ ними, черпалъ изъ одного съ ними народнаго источника ту мѣру общественной жизни, которая неизбежно необходима для полного развитія каждой отдѣльной личности.

И вдругъ, приблизительно два десятилѣтія тому назадъ, изъ вѣдръ народной души въ Западной Европѣ послѣ 30—60 лѣтняго сна, вновь возсталъ антисемитизмъ и раскрылъ ужаснувшемуся еврею настоящее положеніе дѣлъ, котораго тотъ уже болѣе не замѣчалъ.

Правда, еврей все еще обладалъ правомъ голоса при выборѣ народныхъ представителей, но вѣсть съ тѣмъ онъ увидѣлъ себя исключеннымъ, въ мягкой или грубой формѣ, изъ обществъ и собраній своихъ христіанскихъ соотечественниковъ. Ему все еще было предоставлено право повсемѣстнаго передвиженія, но повсюду наталкивался онъ на надписи, гласившія: „Евреямъ входъ воспрещается“. Онъ все еще пользовался правомъ исполнять всѣ обязанности гражданина, но за то въ тѣхъ правахъ, которыя выходятъ за предѣлы общаго голосованія, въ болѣе благородныхъ правахъ,

признаваемыхъ за даровитыми и дѣльными людьми, въ этихъ правахъ ему рѣзко отказывали.

Таково современное положеніе эмансипированнаго еврея Западной Европы. Свои еврейскія особенности онъ страхнулъ съ себя, но окружающіе его народы говорятъ ему, что ихъ особенностей онъ не усвоилъ. Онъ потерялъ родину, которую имѣлъ раньше въ своемъ гетто, а между тѣмъ отчизна его не признаетъ его своимъ сыномъ. Онъ избѣгаетъ своихъ единоплеменниковъ, потому что антисемитизмъ внушилъ ему самому отвращеніе къ нимъ. Соотечественники отталкиваютъ его отъ себя всякій разъ, какъ ему хочется прижукъ къ нимъ. Онъ не чувствуетъ почвы подъ ногами и у него нѣтъ болѣе связи съ обществомъ, въ которое онъ могъ бы вступить въ качествѣ желаннаго полноправнаго сочлена. Ни его характеръ, ни его заслуги не могутъ рассчитывать найти справедливую оцѣнку, не говоря уже о симпатіи, со стороны его христіанскихъ согражданъ, а съ своими еврейскими соотечественниками у него порвана всякая связь; поэтому у него возникаетъ ощущеніе, что весь міръ относится къ нему неблагожелательно, и онъ не находитъ мѣста, гдѣ бы онъ встрѣтилъ теплое сочувствіе, котораго онъ ищетъ и къ которому стремится.

Таково нравственное горе еврейства, которое сильнѣе физическаго, потому что оно постигаетъ людей высшаго разбора, болѣе гордыхъ и болѣе чуткихъ. Эмансипированный еврей не имѣетъ подъ собою опоры, онъ не увѣренъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнему, робокъ въ соприкосновеніи съ незнакомыми, недоувѣрчивъ къ сокровеннымъ чувствамъ даже друзей своихъ. Лучшія силы его уходятъ на подавленіе и искорененіе или по крайней мѣрѣ на тягостное сокрытіе своихъ душевнѣйшихъ чертъ, потому что ему приходится опасаться за то, что эти именно черты его характера будутъ признаны специфически еврейскими, и онъ никогда не испытываетъ наслажденія являться всецѣло такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, быть самимъ собою, какъ во всѣхъ своихъ помыслахъ и ощущеніяхъ, такъ и въ тонѣ своего голоса, въ каж-

домъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи руки. Внутри онъ становится калѣкой, а внѣ поддѣльнымъ, а потому и смѣшнымъ, вызывая отвращеніе во всякомъ благородно настроенномъ, эстетическомъ человѣкѣ, какъ вообще все фальшивое и поддѣльное.

Всѣ лучшіе евреи Западной Европы стонутъ подъ игомъ этого горя и ищутъ спасенія или облегченія. У нихъ уже изсякла вѣра, дающая терпѣніе переносить всякое страданіе, признавая въ немъ возмездіе карающаго, но тѣмъ не менѣе любящаго Божества. У нихъ нѣтъ болѣе надежды на пришествіе Мессіи и на то, что онъ когда либо явитъ чудо и вознесетъ ихъ въ великолѣпную высь. Нѣкоторые пытаются спастись путемъ бѣгства изъ еврейства. Конечно, расовой антисемитизмъ, отрицающій возможность измѣниться посредствомъ крещенія, отнимаетъ у такого способа спасенія всякіе шансы. Притомъ для данной категоріи лицъ, изъ числа которыхъ большинство люди невѣрующіе (дѣйствительно вѣрующіхъ, представляющихъ однако меньшинство, а здѣсь естественно не имѣю въ виду), конечно не можетъ служить рекомендаціей то обстоятельство, что они вступаютъ въ христіанское общество путемъ богохульной лжи. Во всякомъ случаѣ такимъ образомъ возникаетъ новый мараннизмъ, который хуже древняго. Послѣднему присуща была идеалистическая черта—тайное влеченіе къ искренности, мучительнѣйшія угрызения совѣсти и раскаяніе, и они достаточно часто искали случая лично искупить свою вину и очиститься путемъ вполне сознательнаго, желаннаго ими мученичества.

Современные мараннны покидаютъ еврейство съ чувствомъ гнѣва и озлобленія, но въ тайникахъ души своей, хотя они сами въ томъ никогда не признаются, они вымѣщаютъ на христіанствѣ всѣ испытанныя униженія, собственную свою нечестность, ненависть, побудившую ихъ прибѣгнуть ко лжи.

Мнѣ страшно за будущее развитіе этого племени новыхъ маранновъ, которые не имѣютъ въ себѣ нравственной поддержки какой либо традиціи, души которыхъ отравлены ненавистью къ собственной и чужой крови, которыхъ чувство собственнаго къ себѣ ува-

женія уничтожено постоянно оживающимъ фундаментальной жи.— Другіе видятъ спасеніе въ сіонизмъ, который въ ихъ глазахъ является не осуществленіемъ миѳическаго предвѣщанія Писанія, но который кажется имъ новымъ путемъ къ новому существованію, когда еврею будутъ наконецъ предоставлены права пользоваться такими наипростѣйшими и наэлементарнѣйшими условіями жизни, которыя являются совершенно естественными для каждаго не-еврея Стараго и Новаго Свѣта. Здѣсь, именно, онъ надѣется обрѣсть прочное общественное положеніе, дружелюбное отношеніе, выражающееся въ солидарности, наконецъ возможность употребить всё свои органическія силы къ развитію своего настоящаго существа, вмѣсто того, чтобы злоупотреблять этими силами для пагубнаго подавленія, фальшивой поддѣлки или лицемѣраго искаженія своей природы. Еще другіе, наконецъ, возмущающіеся ложью мараннизма и слишкомъ сросшіеся со своимъ отечествомъ, чтобы не находить логическаго требуемаго въ концѣ концовъ сіонизмомъ отреченія слишкомъ тяжкимъ и жестокимъ, бросаются въ объятія самыхъ необузданныхъ теорій, конечно съ бессознательною заднею мыслью, что при уничтоженіи всего существующаго и созданія новаго строя жизни ненависть къ евреямъ все-таки не окажется однимъ изъ тѣхъ сокровищъ, которыя человечество постарается спасти изъ подъ груды развалинъ прежнихъ условій, чтобы перенести ихъ на новую почву.

Такова фізіономія Израила въ исходѣ XIX вѣка. Чтобы изобразить ее однимъ словомъ: евреи въ большинствѣ своемъ представляютъ племя отверженныхъ нищихъ.

Будучи прилежате и предпринчивѣе большинства заурядныхъ европейцевъ, чтобы уже не говорить о лѣнливыхъ азіатахъ и африканцахъ, еврей приговоренъ къ крайнему бѣдствію пролетаріевъ, ибо ему не даютъ возможности свободно пользоваться своими силами. Его бѣдность подтачиваетъ его характеръ и разрушаетъ его тѣло. Одержимый неустранимою лихорадочною жаждою къ образованію, онъ видитъ себя отогнаннымъ отъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дается знаніе, онъ настоящій Танталъ образованія въ наше немѳическое время.

Одаренный неимоверною энергіею, сила которой постоянно заставляет его воскреснуть изъ тѣхъ грязныхъ болотъ, куда его сталкиваютъ и гдѣ хотять его похоронить, еврей разбиваетъ себѣ черепъ о толстый ледяной покровъ ненависти и презрѣнія, который возвышается надъ его головою. Будучи существомъ общительнымъ болѣе всякаго другаго, такимъ общительнымъ, что даже его вѣрученіе считаетъ богоугоднымъ ѣсть втроемъ и молиться въ обществѣ десяти, онъ въ то же время изгнанъ изъ нормального сообщества своихъ соотечественниковъ, отвергнутъ и приговоренъ къ трагическому уединенію. Его обвиняютъ въ назойливости, а между тѣмъ онъ домогается превосходства потому лишь, что ему отказали въ равенствѣ. Его упрекаютъ въ солидарности со всѣми евреями земного шара, тогда какъ все его несчастіе и заключается въ томъ, что при первомъ ласковомъ словѣ эмансипаціи онъ съ корнемъ и безслѣдно вырвалъ изъ сердца своего всякую солидарность съ еврействомъ, чтобы дать въ этомъ сердцѣ мѣсто для полновластной любви къ своимъ соотечественникамъ. Оглушенный ударами антисемитическихъ обвиненій, онъ начинаетъ самъ сомнѣваться въ себѣ и часто близокъ къ тому, чтобы признать себя дѣйствительно тѣмъ физическимъ и нравственнымъ уродомъ, каковымъ изображаютъ его его заклятые враги. Не рѣдко слышишь, какъ онъ шепчетъ про себя, что ему слѣдуетъ поучиться у враговъ своихъ и стараться излѣчиться отъ тѣхъ недуговъ, въ которыхъ его упрекаютъ; но при этомъ онъ совершенно забываетъ, что всѣ эти антисемитическія обвиненія для него совершенно безплодны и не могутъ имѣть никакой цѣны, такъ какъ они представляются не критикою дѣйствительно замѣченныхъ недостатковъ, а лишь послѣдствіемъ того психологическаго закона, въ силу котораго дѣти, дикари и злые невѣжды дѣлаютъ отвѣтственными за свои собственные страданія такія существа и такіе предметы, къ которымъ они питаютъ чувство отвращенія.

Во времена т. наз. черной смерти евреевъ обвиняли въ отравленіи колодецвъ; нынѣ аграріи обвиняютъ ихъ въ пониженіи

цѣны на хлѣбныя продукты, ремесленники въ подрывѣ мелкаго ремесла, а консерваторы въ томъ, будто они принципиальные противники правительства.

Тамъ, гдѣ нѣтъ евреевъ, причину тѣхъ же самыхъ неурядицъ выискиваютъ въ лицѣ другикъ группъ населенія, къ которымъ питаютъ ненависть; въ большинствѣ случаевъ таковыми являются иностранцы, иногда впрочемъ и какое нибудь туземное меньшинство, какія нибудь секты или сообщества. Однако такой антропоморфизмъ непріятныхъ ощущеній ничего еще не доказываетъ относительно обвиняемыхъ; онъ является лишь показателемъ того, что обвинители уже ненавидѣли ихъ въ то время, когда сами начали страдать и когда стали выискивать себѣ козла отпущенія.

Картина не была бы полною, если бы я не присоединилъ къ ней еще одной черты. Существуетъ легенда, принимаемая повѣру даже серьезными и образованными людьми, даже безъ того, чтобы они были антисемитами, по которой евреямъ принадлежитъ вся власть и вся сила, евреи располагаютъ всеми богатствами міра. И это они—страшные обладатели сказаннаго могущества, тѣ евреи, которые даже не въ силахъ оградить своихъ единовѣрцевъ отъ жажды крови гнусной арабской, мароккеской и персидской сволочи! Это они—воплощеніе Магона, тѣ евреи, изъ коихъ подавляющее большинство не нищѣтъ камня, гдѣ бы преклонить свою голову, и лоскута, которымъ могло бы прикрыть наготу своего тѣла! Это—иронія, которая впускаетъ ядъ въ рану, нанесенную ненавистью!

Конечно существуетъ нѣсколько сотъ слишкомъ богатыхъ евреевъ, милліоны которыхъ шумно гремятъ вдали. Но что общаго съ этими людьми у Израиля? Большинство изъ нихъ—я охотно исключаю небольшое меньшинство—принадлежитъ по природѣ своей къ низшимъ представителямъ еврейства и естественный подборъ предназначилъ ихъ къ тѣмъ профессіямъ, принадлежа къ которымъ можно быстро зарабатывать милліоны, а иногда выигрывать даже милліарды, но „не спрашивайте, какими образомъ“. Въ нормальномъ чисто еврейскомъ обществѣ эти господа, въ силу своихъ органическихъ при-

знаковъ, заняли бы въ области народнаго уваженія низшую ступень и никогда не получили бы тѣхъ дворянскихъ титуловъ и тѣхъ высокихъ орденовъ, которыми отличаетъ ихъ христіанское общество. Еврейство пророковъ и таннаимовъ, еврейство Гиллеля, Филона, Ибнъ-Габираля, Иегуды-бенъ-Галеви, Маймонида, Спинозы, Гейне — не знакомо съ этими толстосумами, которые презираютъ все то, что мы уважаемъ, и которые высоко чтутъ все нами отвергаемое. Эти люди являются главною причиною новѣйшей ненависти къ евреямъ, ненависти, имѣющей болѣе экономическихъ, чѣмъ религіозныхъ причинъ. Для еврейства, страдающаго ради нихъ, они никогда ничего не сдѣлали, кромѣ развѣ того, что они швыряли подачки, не представляющія для нихъ никакой жертвы, и поддерживаютъ специфически еврейскую гангрену, туберкулезъ. Для идеалистическихъ стремленій никогда нельзя было, да и никогда нельзя будетъ, добиться отъ нихъ помощи. Многіе изъ нихъ похваляются еврейство, и мы желаемъ имъ счастливаго пути, сожалья при этомъ лишь о томъ, что эти господа по крови своей все-таки принадлежатъ къ еврейству, хотя и взяты изъ его поддонковъ.

Еврейское горе не должно оставить равнодушнымъ никого, въ одинаковой мѣрѣ какъ христіанскихъ народовъ, такъ и самихъ евреевъ. Давать гибнуть подъ тяжестью физическихъ и нравственныхъ страданій племени, у котораго даже закланные враги не оспариваютъ даровитости, является большимъ грѣхомъ. Это грѣхъ какъ по отношенію къ самому племени, такъ и по отношенію къ дѣлу общей культуры, въ которой племя еврейское и могло бы, и хотѣло бы быть далеко не равнодушнымъ сотрудникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для прочихъ народовъ кроется большая опасность въ томъ, что они путемъ недостойнаго обхожденія и озлобленія могутъ сдѣлать врагами существующаго строя тѣхъ людей, которые отличаются такимъ запасомъ силы воли и природныя качества которыхъ въ добрѣ и въ злѣ далеко выходятъ за предѣлы обычныхъ нормъ. Микробиологія учитъ насъ, что маленькія существа, совершенно безвредныя, пока они живутъ на вольномъ воздухѣ, становятся

ужасными распространителями болѣзней, стѣить только лишить ихъ кислорода или, по научному термину, обратить ихъ въ существа анаэробическія.

Правительствамъ и народамъ слѣдовало бы остерегаться превращать евреевъ въ такія анаэробическія существа. Иначе имъ, можетъ быть, придется тяжело поплатиться, что бы они ни предприняли для окончательнаго искорененія еврея, ставшаго по ихъ же милости вредоноснымъ.

Что горе еврейское взываетъ о помощи, это мы видѣли. Найти такую помощь будетъ великою задачею настоящаго сѣзда. Теперь же я предоставляю слово моимъ содокладчикамъ, которые пополняютъ начертанную мною лишь въ общихъ штрихахъ картину и при сообщеніяхъ которыхъ вы будете находится подъ впечатлѣніемъ, что вы слышите „Kinnoth“¹.—*(Все собраніе шумно выражаетъ свое сочувствіе, члены сѣзда и слушатели вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и обращаются къ оратору съ бурными возгласами воодушевленнаго одобренія. Нордау направляется къ предсѣдательскому столу).*

Г. Г.

¹ Скорбныя гимны.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

М. М. МАНЕ.

«כל כתבי מ. ז. מאנע. קובץ שיריו, מאמריו ומכתביו» (*«Колѣ писемъ Мане»*).
Собрание стихотворений, статей и писемъ М. Мане, въ 2-хъ частяхъ. Съ портретомъ и биографіею, составл. А. Шейнмаузомъ. Варшава, 1897 г. Изд. «Тушія».

בן יקיר, בן סרת, הוי, ילד נעים
הוי, למח כה חשה עלות שמים,
למח גועת עת סריך עוד בסר?
М. Мане.

Прошлою осенью исполнилось десятилѣтіе безвременной кончины даровитаго поэта и художника М. М. Мане. Изданный недавно сборникъ его сочиненій нельзя не признать появившимся весьма кстати. Игъ воздается должное памяти такъ рано похищеннаго смертью Мане; полное собраніе произведеній его, частью разбѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, частью донынѣ нигдѣ еще не напечатанныхъ, представитъ многимъ изъ нынѣшнихъ читателей возможность едва ли не впервые ознакомиться съ этимъ молодымъ писателемъ, въ лицѣ котораго еврейская поэзія лишилась дарованія, несомнѣнно выдающагося и возбуждающаго столько надеждъ, которымъ, увы! не суждено было сбыться. Участъ Мане невольно вызываетъ въ памяти слова другого поэта, столь родственнаго ему и по дарованію, и по судьбѣ: «какъ мало прожито, какъ много пережито!..» — пережито горя и испытаній. Отравленное нуждою дѣтство, юность, проведенная въ скитаніяхъ по чужимъ угламъ и извѣдавшая всю горечь людской подачки, тяжелый недугъ, подкраившійся въ то самое время, когда судьба хоть нѣсколько стала ему улыбаться, и смерть на 28-иъ году, — такова печальная повѣсть кратковременной его жизни.

Маркъ Моисеевичъ Мане родился въ 1859 г. въ и. Радошковичахъ (Виленской губ.), въ семьѣ бѣднаго мелашеда. Тяжела была обстановка, въ которой росъ ребенокъ. Скрудныхъ заработковъ отца едва хватало на пропитаніе семьи. Обычныя условія воспитанія большинства еврейскихъ дѣ-

той бѣднаго класса не миновали, конечно, и Мане. Мальчикъ рано посаженъ былъ за ученіе, и стѣны хедера отрѣзали для него возможность общенія съ природою. Позднѣе, въ своихъ письмахъ, Мане часто жалуется на то, что благодаря порядкамъ еврейскаго воспитанія, ему въ дѣтствѣ недоступенъ былъ миръ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя обыкновенно даютъ ребенку близость къ природѣ. «Окрестности Радощковичей,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—миѣ такъ же чужды, какъ, напр. окрестности Варшавы. Въ дѣтствѣ я никогда не зналъ, что такое прогулка. Слыханое ли это было тогда дѣло, чтобы мальчикъ отважился покинуть темный и мрачный хедеръ, дабы полюбоваться зеленью или цвѣтами, посмотреть на лазоревое небо или подышать чистымъ воздухомъ?!» А между тѣмъ, въ ребенкѣ съ ранняго дѣтства сказывалось влеченіе къ прекрасному, и убить влеченіе это, заложенное въ душу Мане, не могли ни хедеръ, ни свѣтанія по ешиботамъ. Любимымъ занятіемъ ребенка было выводить разнаго рода виньетки надъ буквами, рисовать «misrach» и т. п., и уже въ этихъ дѣтскихъ рисункахъ обнаруживалось несомнѣнное дарованіе,—какъ рано вообще стали проявляться недюжинныя способности Мане. Въ 1872 г., когда мальчику минуло тринадцать лѣтъ, отецъ отправилъ его въ Минскъ, для поступленія въ одинъ изъ мѣстныхъ ешиботовъ. Четырехлѣтнее пребываніе Мане въ Минскѣ, въ качествѣ «ogem-bochur»—ешиботника, представляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ страницъ его біографіи; здѣсь мальчику пришлось извѣдать и горькую матеріальную нужду, и гнетъ изувѣровъ, подавлявшихъ всякое, даже самое робкое стремленіе къ свѣту и званію. Къ воспоминаніямъ объ этой тяжелой порѣ, пережитой въ Минскѣ, часто обращается Мане, и воспоминанія эти вызываютъ въ немъ скорбь и негодованіе. Уже въ первомъ поэтическомъ произведеніи юноши (недоконченное стихотвореніе «בעלות השחר») звучитъ горькая жалоба на то, что пришлось испытать ему въ этомъ городѣ благодаря людской злобѣ и нечестивости:

וּבָעִים אֵלֶּה כָּל הַחוּשׁ מִחוּצוֹ
 לְחַי הַחַרְיִבוֹ וּכְנָפֵי קִצְצוֹ
 וּבְצֵל אֶעְרוֹק צִיָּה מִשְׁאוֹן הַחֹלֶד;
 מִנְעֵי שָׂחַת אֵלֶּה—רוּחֵי הַזְּמִיחַ!
 רַק הֵם רִמְסוּ נַפְשׁ תַּחַת וּנְקִיחַ
 וַיִּנְבְּלוּ וַיִּשְׁקְצוּ מִוֶּהַר לֵב יִלְדֵי...¹

(Ч. 1, стр. 14).

¹ „Гоненія эти убивали во мнѣ всѣ чувства, подрѣзали мои крылья; они породили во мнѣ любовь къ уединенію. Они подавляли чистую, вѣжную душу, развращали непорочное дѣтское сердце“...

Въ письмѣ Мане къ другу дѣтства, г. С. Чижу (1879 г.), находимъ слѣдующія, проникнутыя тяжелою грустью строки, которыя посвящены воспоминаніямъ о пребываніи въ ешиботѣ «Schooweï thaim», въ Минскѣ: «Послѣдуй за мной; вотъ мы у порога небольшой мансарды, изъ оконъ которой открывается видъ на рыбный рынокъ. Кругомъ трехъ столовъ сидятъ мальчики; они усердно занимаются, за ними надзираетъ старикъ. Всмотрись внимательнѣе: предъ нами не живыя дѣти, а души, витающія въ пространствѣ. Это не мансарда, а кладбище. Да, здѣсь жилище смерти; предъ нами гробы, цѣлая масса гробовъ... Здѣсь, другъ, похоронены и наши юношескіе годы, здѣсь они вычеркнуты были изъ нашей жизни. Сердце сжимается отъ боли: здѣсь пропало нѣсколько лѣтъ моей жизни. Я скорблю надъ ихъ могилою, я обливаю слезами ихъ преждевременно поблекшіе цвѣты...¹ Въ 1876 г. онъ вернулся въ родительскій домъ, твердо рѣшившись покинуть навсегда ненавистный ему минскій ешиботъ. Надлежало подумать о выборѣ какой-либо профессіи. Въ виду обнаруживаемой сыномъ способности къ рисованію, отецъ находилъ наиболѣе соотвѣтствующею для него—профессію «софера»; къ сонму производителей «незусезъ» и «тфилинъ», вѣроятно, прибавился бы еще одинъ соферъ, въ лицѣ нашего юноши, еслибы не радощковичскіе соферы, резонно указавшіе отцу Мане, что принять къ себѣ въ обученіе его сына значило бы загубить несомнѣнно присущее ему художественное дарованіе. Они совѣтовали направить его въ Вильну, гдѣ сверхъ ешиботовъ есть еще и рисовальная школа, въ которую, быть можетъ, при помощи добрыхъ людей ему удастся попасть.

Безъ всякихъ средствъ, безъ знакомствъ, очутился 17 лѣтній Мане въ Вильнѣ. Онъ нашелъ пріютъ въ одномъ изъ здѣшнихъ клаузовъ. Прилежныя его занятія Гемарою доставили ему расположеніе извѣстнаго раввина Гешеля Левина (изъ Воложина) и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и благодаря имъ онъ сталъ посѣщать рисовальную школу. Правильнымъ занятіямъ его въ послѣдней на первыхъ порахъ мѣшало незнаніе русскаго языка; Мане обзавелся нужными книжками и съ рвеніемъ принялся за изученіе этого языка. Эти занятія, равно какъ и посѣщеніе имъ школы приходилось на первыхъ порахъ тщательно скрывать,—изъ боязни быть изгнаннымъ изъ клауза и лишиться поддержки нѣкоторымъ благочестивымъ лицъ, у которыхъ онъ кормился по «днямъ». Виѣсть съ тѣмъ Мане усердно занимался изученіемъ еврейскаго языка и Ваблин; въ этомъ отношеніи весьма полезно

¹ См. его «ע'למ'ת ע'ר'ב'ת», ч. II, стр. 155—156.
Восходъ, кн. 9.

было для него знакомство съ виленскимъ писателемъ Л. Цизлингомъ, которому онъ много обязанъ усовершенствованіемъ своего слога и стиха. Наряду съ удовлетвореніемъ, которое доставляли ему любимыя занятія въ рисовальной школѣ, источникомъ живыхъ и сильныхъ впечатлѣній служили для него живописныя окрестности Вильны. Шаръ полей, таинственный шелестъ лѣса, лентою извивающаяся у подножія горъ Валия,—все это, впервые открывавшійся предъ нимъ міръ красотъ природы глубоко затрагивалъ его душу. Этими новыми впечатлѣніями вызваны были первые шаги его на поприщѣ поэзіи (1879 г.); въ стихотвореніяхъ «גלגלית» «ג'ג'ג'» и др. юноша даетъ выходъ тону восторгу, который возбуждаетъ въ немъ невѣданное дотолѣ общеніе съ природою; они, конечно, не свободны отъ недостатковъ, свойственныхъ каждому начинающему поэту, но въ нихъ чувствуется глубокая искренность и тонкое пониманіе прекраснаго.—Матеріальныя условія жизни были крайне тяжелы; въ письмахъ изъ Вильны къ близкимъ людямъ онъ жалуется на горькую нужду; бѣдному юношѣ приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, его гнететъ сознаніе своей беспомощности, необходимость обращаться къ посторонней помощи¹. Глубокое отчаяніе звучитъ въ одномъ изъ его стихотвореній этого періода:

הם, עלם בלבב, אל ראמת תריע |
נפע עם סופר ושבור חיש הלוח |
הן יתך, ים כך אמץ הרוח, |
על שודך—הוי רעב—קולו ישמע .. |

(Ч. 1, стр. 16).

Къ концу пребыванія въ Вильнѣ матеріальное положеніе его нѣсколько улучшилось; онъ получалъ кое когда заказы на рисовальныя работы, которыя, правда, оплачивались крайне скудно; переплавали иной разъ и уроки по рисованію; въ одномъ изъ писемъ къ родителямъ онъ сообщаетъ радостную вѣсть, что получалъ возможность покинуть клаузу и снять для себя отдѣльное помѣщеніе, съ платою въ 1 р. 25 коп. въ мѣсяцъ. Но обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что ему пришлось вернуться снова въ клаузу. Изнуренный нуждою и заботами, онъ весною 1880 г. захворалъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ снова принялся за работу, въ томъ же году успѣшно сдалъ выпускные экзамены въ рисовальной школѣ и отправился въ Петербургъ, для поступленія въ Академію Художествъ. Для характеристики нашихъ доморожденныхъ меценатовъ, небезынтересно отнѣтитъ щедрое вспомошествованіе въ 3 руб., выданное на путевыя изъ-

¹ См. „לקחי מכתבים“, ibid, стр. 143, 150.

держки нашему юношѣ покойникъ вилевскій благотворительъ А. Лебесковъ; послѣдній, впрочемъ, обещалъ выслать ему въ Петербургъ рекомендательныя письма столько, сколько бы таковыхъ на него потребова-лось¹... Оттолкнувъ тяжелымъ сомнѣніемъ, угнетавшимъ бѣднаго, безпомощ-наго юношу передъ отъѣздомъ въ чуждую столицу, находимъ въ прои-звущемъ грустью стихотвореніи его «דגוני עזר»:

אם גם שם הלאה אור נגדו יופיע,
 אך כי יודע אם עריו אגיע,
 אם לא תעלינה תקותי בתורא...
 הוי, הן הרגשתי גם לחץ עצבתא
 גם רעל היאוש, גם חרדה סות...
 קצתי בחיים, המוחה ידאחי
 אנהתי לרגעים כים ששכתי,
 בכלתי, עמלתי, רגע לא נחתי,
 ומה כל הנבולתי? מה לי הכאתי?
 אך סכאב בלבי, רוח בעצמי...
 אך רמיון גו—אולי הוי על כל ימיו...
 וכימי אולי שלחתי גם רצח...²

(Ч. 1-я, стр. 32—33).

Сдав блестяще вступительные экзамены, Мане въ 1880 г. принять былъ въ Академію Художествъ (одновременно со своимъ товарищемъ по рисовальной школѣ, академикомъ М. Л. Маймономъ). Завѣтное желаніе его исполнилось; онъ получилъ возможность отдаться, подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ, изученію любимаго искусства... Бодростью и доволь-ствомъ вѣсть отъ писемъ его, относящихся къ первому времени пребыва-нія его въ столицѣ. Сообщая г. Г. Сахару (радошковичскому соферу, ко-торому Мане косвенно обязанъ былъ тѣмъ, что попалъ въ рисовальную школу), о своемъ поступленіи въ Академію Художествъ, Мане восторженно пишетъ: «Въ началѣ этого года я увѣдалъ обращенное ко мнѣ съ ласкою и привѣтомъ лицо моей фортуны.—«Я даровала тебѣ успѣхъ», говорила она мнѣ, потому что ты увѣровалъ въ меня и послѣдовалъ за мною. Я прощаю тебѣ минуты сомнѣній, которыя порою посѣщали тебя; отнынѣ вѣрь мнѣ и иди своимъ путемъ. Не смущайся препятствіями, старайся

¹ Ibid, стр. 162.

² „Суждено ли мнѣ обрѣсти тамъ свѣтъ,—не разсѣются ли всѣ мои на-дежды въ прахъ? Увы! гнетъ печали, жало сомнѣній, опасеніе смерти,—все это уже испытано мною. Жизнь опустыла, а смерть страшна... Я работалъ, трудился, не покладая рукъ,—и гдѣ моя награда, что я обрѣлъ? Лишь душев-ныя муки и недугъ—увы! быть можетъ на всю жизнь. И—кто знаетъ, быть можетъ дни мои уже сочтены“...

преодолѣть ихъ въ жизненной борьбѣ,—и я доведу тебя до желанной цѣли. Ты еще пожнешь плоды счастья, ты забудешь про горе и испытанія. Надѣйся, милый, ибо лучшее въ жизни—надежда!» Такія слова чудились мнѣ въ моихъ мечтаніяхъ, и они бодрили мой духъ. Какой сказочный міръ представляетъ собою наша академія! Кто посвятилъ себя искусству,—тотъ забудетъ все на свѣтѣ, забудетъ и жизнь, и самого себя. И пусть не удивить васъ, что я позабылъ прошлыя испытанія. Да и внѣшнія мало меня тревожатъ. Мною всецѣло овладѣла надежда¹... Это же настроеніе окрашиваетъ и рядъ писемъ его къ родителямъ, въ которыхъ онъ съ трогательною задушевностью дѣлится съ ними своими впечатлѣніями и вводитъ ихъ въ міръ своихъ новыхъ интересовъ и занятій. Матеріальное положеніе его далеко не было завиднымъ; небольшая стипендія, выдававшаяся ему покойнымъ А. Кауфианомъ, да нрѣдка перепавшія кое-какія рисовальныя работы, съ трудомъ давали возможность существовать. Но и при этихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ Мане съ одушевленіемъ отдается своимъ излюбленнымъ занятіямъ; дарованіе, въ связи съ рѣдкою усидчивостію, вскорѣ выдѣляютъ его въ рядъ лучшихъ воспитанниковъ академіи, возбуждающихъ большія надежды. Виѣстѣ съ тѣмъ онъ много работаетъ надъ пополненіемъ своего образованія, усердно изучаетъ иностранныя языки и много читаетъ. Объ этихъ усиленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ разсѣяно много свѣдѣній въ письмахъ его къ друзьямъ и родителямъ; виѣстѣ съ тѣмъ содержаніе этихъ писемъ постепенно все болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что труды эти не оставались безплодными: кругъ занимающихъ его интересовъ, кругъ вопросовъ, возбуждающихъ въ молодомъ Мане дѣятельную работу мысли, значительно расширяется. Въ письмахъ его сплошь и рядомъ находимъ много замѣчаній по разнымъ вопросамъ искусства, литературы и общественной жизни, обнаруживающихъ въ Мане серьезную подготовку и оригинальность сужденія. Эти новые интересы не вытѣсняють, однако, въ Мане его любви къ еврейскому языку и родной литературѣ. Живое вниманіе, проявляемое къ его поэтическимъ опытамъ покровителемъ его, А. Кауфианомъ (который, какъ извѣстно, былъ знатокомъ и страстнымъ любителемъ еврейской литературы), приохочиваетъ его къ дальнѣйшей работѣ; съ другой стороны значительное вліяніе оказываютъ на него произведенія Л. О. Гордона, съ которыми онъ познакомился впервые въ Петербургѣ. Онъ пишетъ мало, но каждая строфа его дышетъ искренностію и вдохновеніемъ.

¹ См. "עבודת ה' חרף", ч. II, стр. 169.

По поводу выраженных ему порою близкими людьми упрековъ за слабую въ количественномъ смыслѣ продуктивность, Мане въ письмѣ къ г. Сахару, между прочимъ, говорить: «Вообще, я не могу понять, какъ можетъ кто-либо писать стихотвореніе въ тѣ минуты, когда онъ чуждъ поэтического восторга и когда тысячи обстоятельствъ толкаютъ его мысль въ другія области, ничего общаго съ поэтическимъ творчествомъ не имѣющія. Легко, конечно, сказать такому человѣку: «пиши стихотвореніе»,—но выполнить это требованіе трудно. Въ этихъ случаяхъ въ результатѣ будутъ лишь вирши, лишеныя вкуса и прелести».—«Нѣтъ возможности, замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ отцу, писать стихотвореніе по своему желанію, въ любое время. Для этого необходима соответствующая минута, когда поэтъ коснется вдохновеніе»¹. Что приведенныя слова не были фразами, подтверждаетъ литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ Мане. Поэтическія произведенія его не обильны числомъ; они умістились въ одномъ томикѣ, страницъ въ полтораста небольшого формата; но произведенія эти окрашены рѣдкой задумчивостью и искренностью. Мане вправѣ былъ-бы сказать о себѣ словами другого, близкаго ему по духу поэта:

„Окрыленнымъ мечтою сладковзвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки.
Только то, что грозой пронеслось надъ челою,
Выливалъ я въ покорные звуки“.

Произведенія Мане—повѣсть его душевной жизни. По невольной подкупающей сердечности тона и прекрасной внѣшней формѣ они несомнѣнно заняли бы видное мѣсто въ любой литературѣ; въ еврейской же литературѣ, крайне бѣдной крупными лирическими дарованіями, стихотворенія Мане образуютъ изъ ряда выходящее явленіе. Изъ всѣхъ поэтическихъ жанровъ въ особенности не повезло въ ново-еврейской литературѣ лирикѣ; произведеніями этого рода она бѣдна и количественно, и качественно. Въ чемъ причина такого явленія: въ специфическихъ ли особенностяхъ духовнаго склада еврея, дающихъ перевѣсъ мысли надъ чувствомъ, наблюдательности надъ интуиціей, въ условіяхъ ли еврейской жизни, слишкомъ мало благопріятствующихъ развитію въ литературѣ области чистой красоты въ обширномъ смыслѣ слова,—этого мы здѣсь касаться не станемъ. Но фактъ таковъ, что у подавляющаго большинства нашихъ лириковъ вы чувствуете отсутствіе той непосредственности, которая составляетъ лучшую красу лирической поэзіи; наша лирика—по преимуществу поэзія мо-

¹ Ibid. стр. 186.

тивомъ гражданскаго свойства, а не душевныхъ движеній индивида; и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда у кого либо изъ нашихъ поэтовъ звучатъ мотивы, образующіе содержаніе лирической поэзіи у прочихъ народовъ, слышатъ и рады дать себѣ знать либо шаблонность, либо вычурность. Простоты и задушевности недостаетъ большинству нашихъ лириковъ; еврейскій лирикъ какъ бы отъскачетъ тѣхъ влеченій къ природѣ, къ прекрасному, тѣхъ естественныхъ индивидуальныхъ движеній, которыя, быть можетъ, возможны ему въ душу, и не дадутъ ему полного выраженія. Ему нуздъ надлежитъ быть нузой скорби, и притомъ—гражданской скорби. Счастливые исключеніе среди нашихъ лириковъ составляютъ М. Лебсонъ и М. Мане, поэзіи которыхъ есть поэзіи ихъ внутренней жизни. Но, невидному, надъ еврейскою лирикою тяготеетъ какой-то злой рокъ: смерть похитила Лебсона слишкомъ рано, такъ же преждевременно погасъ и Мане. Въ произведеніяхъ того и другого, можно почувствовать чуждость чувствъ и сердечности тона, васъ подкупаютъ тѣ неопредѣленные мечтанія, безсознательныя грезы, которыя составляютъ неотразимую прелесть молодого дарованія, еще не обезличеннаго шаблонною рутинною. Два основныхъ мотива красною нитью проходятъ чрезъ всѣ произведенія Мане. Первый—грусть. Это не гражданская скорбь, также и не Weltschmerz; это—природная черта душевной фазіономіи Мане, дальнѣйшему развитію которой содѣйствовали и обнаружившіяся у него спустя нѣсколько лѣтъ по приѣздѣ въ столицу безпощадный недугъ (чахотка), и всѣ обстоятельства кратковременной жизни его,—этой «жизни горя и соннаго».—«Жизненные невзгоды, говоритъ Мане въ письмѣ къ другу, вліяли на меня больше, чѣмъ наставники. Онѣ мало по малу удаляли меня изъ сутолоки дѣйствительной жизни въ міръ фантазіи и уединенія. Здѣсь я обрѣталъ невыразимо сладкія минуты».—«Я люблю уединеніе, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, люблю тишину, которая бы не нарушала моихъ грустныхъ думъ. Въ чашѣ мое утѣшеніе, какъ не въ мірѣ фантазій?»¹ Сжившись со своею грустью, Мане находитъ въ ней источникъ удовольствія; она уноситъ его въ міръ грезъ и будитъ въ немъ вдохновеніе. Скорбная дума Мане—это Надсоновская «болѣзненно-сладкая дума», которая «сердце ласкаетъ»:

מנא , יגון , זעום , אל כז השכני
 תדך השכני חן שכול בבית ,

 , תהנה , יגון , אם גם השכני

¹ См. „ארשת׳ ספרים“, ч. II, стр. 156 и стр. 154.

אם גם תיבך, המוך דמי כעלוקה,
 זעם נבלא מני אז השעומוי

 או לא אעזר זרם פלגי דמעותי,
 כי מרמא הנה אל מצעו לבתי;
 אז אתן חשש אל חמית רגשותי,
 ובמלכת חשק שפתי בת שירתי.
 לכן, יגון נעים, אל נא הששני!
 סערו, רגשותי, מבלי כל מתלאה!
 הורירי כסתר דמעה, בת עיני,
 אך קול בת שירתי לו אז משמעה!¹

(Ч. I, стр. 102)

Другой источник вдохновения для Мане — природа. Природа и настроение, вызываемое въ поэтѣ созерцаніемъ ея, образуютъ содержаніе большей части его стихотвореній. Дивныя описанія природы, сплошь и рядомъ разсыяны въ его произведеніяхъ, могутъ быть отнесены къ лучшимъ образцамъ этого жанра. Въ лицѣ Мане счастливо сочетались тонко ощущающій всѣ оттѣнки прекраснаго художникъ съ глубоко чувствующій поэтъ. Красоты природы встрѣчаютъ могучій откликъ въ душѣ его. Онѣ дѣйствуютъ на него умиротворяющимъ образомъ, заставляютъ его позабыть и горе, и сновіянія. Это впечатлѣніе, производимое на Мане природою, прекрасно выражено въ стихотвореніяхъ: «כרמא לרוחי», «אז נחמתי», «אל בת שירתי», и др. Такъ, въ одномъ изъ нихъ нашъ поэтъ говоритъ:

אם גם כאפיקים שרעפי יורמו,
 יהמו, ישקו, יגעשו, ירתחו;
 מכני המבצע היש יהשו, ידמו,
 ישליו, ירגעו, זעפם ישכחו.
 אם גם כל רגשותי נאלמו דומיה,
 נפשי נרהמת על בני צלמות;
 מכני המבצע היש יקום לתחיה,
 וסני ינהרו מבלי עצבת!²

(Ч. I, стр. 26).

¹ „Отрадная грусть, не покидай меня. Ты жалишь, но даешь утладу. Люблю тебя, хотя ты и терзаешь меня. Ты — источникъ невыразимой отрады. Я не удерживаю слезъ, ибо онѣ — бальзамъ для моей больной души. Я дамъ волю бушующимъ чувствамъ, и съ любовью цѣлую уста моей музы. Не покидай же меня, сладкая грусть! Волнуйтесь безъ устали, чувства! Я проливаю слезы, за то слышу голосъ моей музы!

² „Хотя бы чувства во мнѣ бушевали, какъ волны, вздымаясь и клокоча, — предъ лицомъ природы они смиряются и стихаютъ. Хотя бы я весь охваченъ былъ иррачною тоскою, — предъ лицомъ природы я весь оживаю, и улыбка смѣняетъ печаль“.

Говоря о литературной дѣятельности Мане, нельзя не упомянуть о нѣсколькихъ вошедшихъ въ составъ лежащаго предъ нами сборника статейъ его, посвященныхъ разнымъ вопросамъ искусства. Таковы: «О живописи вообще, и у евреевъ въ особенности», «Существо и задачи вязанныхъ искусствъ», «Еврейскій художникъ Оппенгеймъ», «Глаза и физиономика», «О поэзии» и др. Однѣ изъ этихъ работъ еще при жизни автора были напечатаны въ нѣкоторыхъ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ, другія появляются нынѣ впервые. Содержаніе названныхъ статей относится въ области совершенно непочатой еврейской литературою, именно эстетикѣ, къ которой Мане считалъ необходимымъ вызвать интересъ въ еврейскомъ читателѣ. «Вся цѣль моихъ статей о живописи и т. п., говорить онъ въ письмѣ къ г. Л. Шейнгаузу, возбудить въ нашихъ единовѣрцахъ любовь къ вязаннымъ искусствамъ, популяризовать свѣдѣнія о нихъ. Мы все еще ищемъ во всемъ матеріальной пользы, и прежде всего — пользы національной, забывая о томъ, что еврей—человѣкъ, и что въ силу этого самаго ему надлежитъ любить искусство и знаніе, хотя бы оно не имѣло отношенія къ еврейской національности»¹. Кромѣ названныхъ, Мане замышлялъ рядъ другихъ статей по искусству, но смерть помѣшала выполненію этихъ, какъ и многихъ другихъ его литературныхъ плановъ. Первый приступъ грознаго недуга, сведшаго Мане въ преждевременную могилу, обнаружился зимою 1884 г. Для врачей не оставалось сомнѣній, что болѣзнь его—чахотка. Нѣсколько оправившись, Мане снова принялся за прерванные занятія. На каникулы онъ уѣхалъ въ Радосковичи къ родителямъ; лѣтній отдыхъ нѣсколько возстановилъ его силы, но осенью болѣзнь возобновилась, и врачи безусловно запретили ему возвращеніе въ Петербургъ. Пришлось подчиниться; первое время его еще не покидала надежда вернуться въ столицу, чтобы продолжать занятія въ академіи, но надежда эта была обманчива. Если отнынѣ Мане и отлучался изъ родного мѣстечка—то только для совѣтовъ съ врачами. Послѣдніе два года жизни его представляютъ тяжелую картину непосильной борьбы изнуреннаго лишненіемъ организма съ растущимъ недугомъ, смѣну надеждъ и опасеній предъ надвигающимся призракомъ смерти. Желаніе жить образуетъ тотъ мотивъ, къ которому онъ такъ часто обращается и въ стихотвореніяхъ, и въ письмахъ къ близкимъ людямъ:

רק אמר בראש : לו רק אהיה
כי עוד שנים רבות תעברנה על בני

¹ Ibid, стр. 199.

או כימי חי מרגוע מצאקא ,
 ובחזק חמדת מרגוע ראשי שני...¹

(Ч. I, стр. 128).

Въ письмѣ къ г. С. Чижу онъ замѣчаетъ: «Не безпокойся о моемъ дарованіи, о томъ, что оно нынѣ гложетъ. Мой идеалъ теперь—здоровье, которое мнѣ дороже моего дарованія. Поэтъ сказалъ: «жизнь для жизни нашъ дана». Это высшая ея цѣль. По боку философствованія,—въ чемъ наше назначеніе, и зачѣмъ мы рождены? Покуда мы живемъ, наша цѣль: жизнь²». Лѣтомъ 1885 г. Мане, благодаря поддержкѣ А. Кауфмана, получилъ возможность поѣхать на кумысь въ Славуту. Нѣкоторое облегченіе оживило въ немъ надежду на выздоровленіе. Но послѣ краткаго перерыва болѣзнь пошла ускореннымъ темпомъ. Нѣкоторое время Мане носился съ мыслью о поѣздкѣ въ Палестину; ему чудилось, что климатъ Палестины возстановитъ его здоровье, что въ Сіонѣ, возрожденія котораго онъ всегда такъ пламенно желалъ, онъ возродится и самъ. Сюда относится одно изъ лучшихъ его стихотвореній «שׁוֹבֵי אֶרֶץ כְּנָעַן», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

הה , מי יתן כנמי יונה
 לי , גם לי תולעה !
 או כאדם לו רק חשמי
 אשב או מצאקא .
 או אעופה , אסע קרמח ,
 שם שר מת הלוי ;
 שם על שרמות בר ומרי ,
 חיש יחשך כאמי :
 איך , איך , ארמת קרש ,
 רוחי לך הומיה ?
 אויר ארצך חי נפש ,
 מרמא גם לגויה .

 אשכח עצבי , תוגת נמשי
 על תקותי כלי ;
 ימים טובים , חי שקמ ,
 נגרי עוד יצהלו .

¹ „О, еслибъ мнѣ дано было знать, что я проживу еще долгіе годы,—тогда-бъ я обрѣлъ успокоеніе, и безъ печали встрѣчалъ бы смѣну годовъ“. (Изъ „Новогодняго стихотворенія“).

² Ibid, стр. 214.

, ארץ , ארץ , ארץ
 רחוק לך הולדת
 לו גם את , גם אני יהיו
 נשוב עוד לתורה—¹

(Ч: I, стр. 147—150).

Отъ поѣздки въ Палестину пришлось въ виду слабости здоровья отказать. Тонъ писемъ его становится все болѣе мрачнымъ. Вольней поестъ чуждъ малѣйшей рисовки; онъ отклоняетъ наекы друзей, придающіе его недугу ореолъ мученичества. «Ты высказываешь предположеніе, пишетъ онъ г. С. Чижу, не заболѣлъ-ли я оттого, что изнурилъ себя занятіями. Я долженъ тебѣ сказать, что не занятія и не трудъ—причина моей болѣзни. Только тѣ люди, которые хотятъ прослыть учениками науки, выдаютъ себя за жертвы послѣдней. Но я не стану лгать и скажу тебѣ открыто, что причина моего недуга въ томъ, что я не заботился о своемъ здоровьѣ, что я терпѣлъ нужду, организмъ мой былъ слабъ и къ тому еще я нѣсколько разъ подвергался простудѣ. Поэтому я и боленъ. Съ какой же стати стану я винить въ томъ свои занятія? Если бы я былъ извозчикомъ, или портнымъ,—я, быть можетъ, тоже былъ бы теперь боленъ. Я не прошу отъ своихъ друзей ореола мученика знанія. Это меня только раздражаетъ. Мой докторъ недавно прописалъ одному крестьянину тотъ же рецептъ, что и мнѣ. Неужели и онъ заболѣлъ отъ ученія?!»² Последнія письма его преисполнены жалобъ на испытываемыя имъ мучительныя страданія; въ рѣдкія минуты облегченія въ больномъ Мане пробуждается вѣра въ исцѣленіе, которая все болѣе вытѣсняется сознаніемъ безнадежности своего положенія. Осенью 1886 г. онъ скончался.

С. Гинзбургъ.

¹ „О, еслибъ я, червь, обрѣлъ крылья птицы, или хотя-бъ возможность свободно двигаться, какъ другіе люди! Я умчался бы на востокъ, туда, гдѣ пѣлъ и умеръ Галеви; тамъ, среди зеленыхъ долинъ, я нашелъ бы исцѣленіе своему недугу. Гдѣ ты, гдѣ ты, святая земля? — мой духъ къ тебѣ стремится. Твой воздухъ—отрада для души, бальзамъ для страдающаго тѣла... Тамъ я забылъ бы свою печаль и скорбь объ утраченныхъ надеждахъ; тамъ предо мною еще засіяло бы счастье, тамъ я обрѣлъ бы еще покой. Гдѣ ты, гдѣ ты, святая земля?—я рвуся къ тебѣ всею душою. О, еслибъ и ты, и я одновременно возродились!..“

² Ibid, стр. 224.

БИБЛІОГРАФІЯ.

אדם הראשון (1 : אדם הראשון וחיטתו ופחיתותו מאלהים ברכו : 1) ;
היינוש-אבנרדן (3 ; ווען לופט (2 ; דורף (*Популярно-научная библио-
тека*: 1) *Первобытная жизнь человека*; 2) *О воздухе* и 3) *Зим-
ние вечера*. Изданія А. Котика. Варшава, 1896 г.

Наша интеллигенція до послѣдняго времени почти совершенно не пользо-
валась жаргоннымъ словомъ для цѣлей образовательнаго воздѣйствія на
еврейскую массу. Объясненіе этому обстоятельству мы найдемъ въ крайне
отрицательномъ отношеніи къ жаргону, которое возникло въ нашей интел-
лигентной средѣ чуть-ли не съ самаго ея зарожденія и раздѣляется по-
нынѣ еще иными представителями образованнаго еврейскаго общества.
Усматривая въ разговорномъ жаргонѣ болѣзненное явленіе, порожденное
ненормальными условіями еврейской жизни и стремясь къ замѣнѣ его рус-
скою рѣчью, считали нецѣлесообразнымъ прибѣгать къ нему, хотя бы и
въ видахъ просвѣтительнаго вліянія на массу; полагали, что пользованіе
жаргономъ даже и для этой строго ограниченной цѣли не должно входить
въ планы русско-еврейской интеллигенціи, ибо оно угрожало бы усиленіемъ
жаргона и жаргонной литературы,—т. е. тѣхъ явленій, борьба съ кото-
рыми составляла одинъ изъ существенныхъ пунктовъ программы нашего
интеллигентнаго класса. Но при этомъ упускали изъ виду тотъ несопвѣ-
стный фактъ, что русское слово еще весьма слабо распространено въ низ-
шей еврейской средѣ, что для подавляющаго большинства нашей массы
жаргонъ представляетъ собою единственный, вполнѣ доступный ей языкъ,
и что только изъ произведеній жаргонной литературы наша масса въ со-
стояніи почерпнуть тѣ образовательныя свѣдѣнія, которыя ей такъ необхо-
димы. Доволя до крайнихъ предѣловъ враждебное отношеніе къ жаргон-
ному нарѣчію, забывали, что послыному подготовленію условій, при ко-
торыхъ нарѣчіе это само собою смѣнилось бы въ еврейской средѣ русскимъ
языкомъ, — ничуть не противорѣчить пользованіе жаргономъ для образо-
вательныхъ цѣлей: ибо именно жаргонная литература является наиболѣе
естественнымъ и сильнымъ орудіемъ распространенія знанія въ низшей средѣ,
которое и можетъ привести къ постепенному ослабленію жаргона. игно-

рируя всецѣло жаргонную литературу, наши интеллигенты, конечно, этия не упреждали ее; вызванная растущею въ массѣ потребностью въ чтеніи, она продолжала развиваться и, само собою разумѣется, развиваться крайне ненормально. Интеллигентные дѣятели считали какъ бы священнымъ долгомъ воздерживаться отъ участія въ жаргонной литературѣ, и послѣдняя такимъ образомъ всецѣло предоставлена была въ распоряженіе всякихъ невѣждъ и промышленниковъ, наводнившихъ еврейскій книжный рынокъ тою литературною тухлою, которою питается нашъ жаргонный читатель. Что представляетъ собою (за нѣкоторыми крайне рѣдкими исключеніями) жаргонная литература, — слишкомъ извѣстно, чтобы вдаваться здѣсь въ характеристику преобладающаго въ ней тона и направленія. Однако, нельзя не сказать, что до извѣстной степени этотъ характеръ жаргонной литературы объясняется позиціею, занятою по отношенію къ ней нашей интеллигенціею. Но гораздо печальнѣе то, что, благодаря своему чужацію жаргоннаго слова, наша интеллигенція отказалась отъ могучаго средства распространенія знанія въ еврейской массѣ, и въ результатѣ успѣхи наши въ этой области оказались весьма незначительными.

Къ счастью, это прежнее отношеніе къ жаргону и его литературѣ нынѣ постепенно сдвѣняется сознаниемъ той великой пользы, какую жаргонъ можетъ оказать дѣлу просвѣщенія нашей массы; въ жаргонной литературѣ въ послѣдніе годы замѣчается притокъ свѣжихъ силъ, стремящихся направить ее на новый путь, привить черезъ ее посредствомъ нашему массовому читателю полезныя знанія, здравый литературный вкусъ и т. п. Выраженіемъ этихъ новыхъ взглядовъ служатъ нѣкоторыя появившіяся въ послѣднее время жаргонныя изданія, въ томъ числѣ и «Популярно-научная бібліотека», выпускаемая г. А. Котикомъ. «Жаргонъ, замѣчаетъ издатель въ предисловіи къ 4 выпуску «Библиотеки», — покаместъ единственный языкъ, помощью котораго образованный классъ можетъ проводить въ массу знанія, новыя идеи и понятія. Когда мы достигнемъ того, что во всѣхъ еврейскихъ городишкахъ будутъ рационально организованныя низшія школы и всѣ еврейскія дѣти обрѣтатъ возможность получить правильное элементарное образованіе, тогда мы обязаны будемъ дать, и дѣйствительно дадимъ «чистую отставку» жаргону, какъ инвалиду, хотя бы и почтенному служацкѣ, но все же завершившему свое поприще. Но покаместъ жаргонъ — еще не инвалидъ, служба его еще не кончена. Это обстоятельство даетъ жаргонной литературѣ право на существованіе» (стр. V). «Библиотека» г. Котика заключаетъ рядъ посвященныхъ разнымъ отдѣламъ знанія книжекъ, частью переводныхъ, частью составленныхъ заново. "תורת המשפחה, זמנים

нить читателя съ первобытною жизнью человека и съ исходными моментами исторіи человеческой культуры. Выпуски "ענין רגור" и "רגורבמ רגור", посвящены элементарнымъ вопросамъ естествовѣдѣнія. Изложеніе съ большимъ умѣньемъ приурочено къ пониманію начинающаго, и «Библиотека» въ общемъ читается легко и занимательно. Цѣна на отдѣльные ея выпуски назначена доступная — 10 коп.; исключеніе составляетъ первая изъ названныхъ книжекъ, болѣе объемистая и снабженная большимъ количествомъ иллюстрацій; тѣмъ не менѣе нельзя не считать цѣну ея (20 коп.) нѣсколько высокою, принимая во вниманіе бѣдность нашего жаргоннаго читателя. Иллюстраціи оставляютъ желать многого; въ этомъ отношеніи желательны улучшения въ слѣдующихъ томикахъ «Библиотеки», — съ тѣмъ только, чтобы улучшеніе иллюстрацій не отозвалось на цѣнѣ книжекъ. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ издатель общаетъ біографію Сократа, продолженіе «Зимнихъ вечеровъ» и др. Нельзя не пожелать г. Котвику благополучнаго завершенія столь полезнаго изданія и широкаго распространенія «Популярно-научной бібліотеки» въ еврейской массѣ.

רגורבמ רגור .מ למו "פירק שירו", («Пирке-широ». Стихотворенія А. Любошицкаго. Варшава, 1897 г.).

Изданная недавно фирмою «Тушія» небольшая книжка лирическихъ стихотвореній г. Любошицкаго производитъ весьма выгодное впечатлѣніе. Въ произведеніяхъ этого молодого поэта чувствуется несомнѣнное дарованіе; искренній тонъ, неподдѣльное чувство, изящный языкъ и звучный стихъ невольно подкупаютъ читателя. Изъ четырнадцати номѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореній—шесть переводныхъ. Основное чувство, проникающее оригинальныя стихотворенія г. Любошицкаго,—скорбь о разбитыхъ надеждахъ, обманутой вѣрѣ, неудовлетворенность дѣйствительностью, такъ мало соответствующею идеальнымъ представленіямъ и запросамъ. Мотивы эти, конечно, не новы, и къ нимъ неизмѣнно обращались и обращаются лирическіе поэты во всѣ времена; но только тотъ, кто отмѣченъ дѣйствительнымъ дарованіемъ, въ состояніи ввести въ нихъ нѣчто свое, оригинальное, самобытное. Послѣднее, несомнѣнно, сказывается въ стихотвореніяхъ г. Любошицкаго. Изъ оригинальныхъ его вещей намъ особенно понравились проникнутый глубокимъ чувствомъ «Советъ» (стр. 6) и граціозное любовное стихотвореніе: "לדד שרבר", (стр. 12). За версификаціонныя жунтшюки въ стихотвореніи: "רגורבמ רגור רגור", (стр. 17)—похвалить автора, разумѣется, нельзя; подобнаго рода опыты обличаютъ ногомъ за дешевымъ эффектомъ, къ которому несомнѣнно лучше было бы не прибѣгать.

Среди переводныхъ находимъ нѣсколько стихотвореній Надсона; послѣднiя лучше всего удала г. Любошицкому,—надо думать потому, что въ переводѣ его много чертъ, сближающихъ его съ вузомъ Надсона. Изъ послѣдняго г. Любошицкимъ переведены: «Въ тнѣ житейскитъ волненiй», «Умерла моя муза», «Мать» и «Два гора». Съ большими утѣненiя переданы переводчикомъ чудныя Надсоновскiя строфы:

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могла темна!

.....

ותמה שירתי... לא הרבה האירה
אלה ימי חי הבודדים, המרים;
יבלו הפרחים, יכבו האשנים...
ליל חשכה עלמות כמשלת הפרחים, וכו'

Очень удаченъ также и переводъ стихотворенiя: «Мать», Надсона. Только въ начальныя строфахъ, переданныя въ общемъ хорошо, слышывается нѣкоторый недочетъ:

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю, и т. д.

Переводъ г. Любошицкаго:

לי ילדות כבד בשביל עלתה;
כחיק אמ אלהת, חיק אמ רחמיך,
לקרנתי במיכתי משמחה נכריה, וכו'

Здѣсь, такимъ образомъ, опущены слова: «изъ прихоти»; опускать ихъ въ переводѣ, разумѣется, не слѣдовало, такъ какъ имъ отгѣняется тяжелое положенiе ребенка въ чужой семьѣ, прiютившей его *не изъ привязанности* къ нему. Мы далеки отъ требованiя, чтобы переводчикъ рабски подчинялся каждому слову текста; но тѣмъ не менѣе всегда нужно строго отличать несущественное отъ существеннаго, опредѣляющаго тотъ или иной отгѣнокъ мысли автора; выраженiя и обороты этого послѣдняго рода должны быть по возможности сохраняемы переводчикомъ.—Кромѣ названныхъ стихотворенiй Надсона, г. Любошицкимъ переведена и «Русалка» Лермонтова. Въ книжкѣ находимъ также и еврейскiй переводъ одного стихотворенiя г. Фруга.

Если не ошибаюсь, г. Любошицкiй—новичекъ въ нашей литературѣ и

лежащий предъ нами сборникъ стихотвореній составляетъ первый его дебютъ. Можно поздравить его съ успѣшнымъ дебютомъ, и слѣдуетъ пожелать, чтобы дальнѣйшія произведенія его оправдали тѣ надежды, которыя въ еврейской читающей публикѣ вправѣ возбудить его «פרקי שירה».

האגרות .מ "ו תחומים למה לעולם יוצאים" רבי שמשון («Sifrei schaschum» für Unterhaltung u. Literatur. Erscheint in swanglosen Heften. Herausgegeben von Isak Fernhof. №№ 1—3. Krakau, 1896—7).

Въ общемъ, беллетристическія произведенія, заключающіяся въ вышедшихъ пока трехъ томикахъ «Sifrei schaschum» г. Фернгофъ, выгодно отличаются отъ обычной галиційско-еврейской беллетристики, которая своими специфическими особенностями давно уже составила себѣ далеко не лестную репутацію въ нашей читающей публикѣ. Въ «Sifrei schaschum» по преимуществу преобладаютъ небольшіе наброски, очерки, картинки, словеса—миниатюрный жанръ, и многія изъ этихъ мелкихъ вещей читаются съ значительнымъ интересомъ. Жизненность содержанія—основная черта большинства этихъ произведеній. «Наброски карандашемъ» Р. Браинина въ живой формѣ рисуютъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ посѣщенія, послѣ долгаго перерыва, родного «глухого иѣстечка». «Исторія объ одной мухѣ», Фернгофа—эпизодъ изъ области «жестокихъ нравовъ» недалекаго прошлаго. Какъ бы pendant къ названному разсказу образуетъ небольшой очеркъ Д. Ротблюма: «Изъ книги жизни», повѣствующій объ одной жертвѣ нечѣпнаго воспитанія, обычнаго въ прежнія времена. «Schmo gorim» I. Мельника представляетъ трогательный разсказъ о маленькой драмѣ, разыгравшейся въ жизни одного забытаго судьбою человѣка, благодаря новѣйшимъ строгимъ предписаніямъ касательно еврейскихъ именъ. Весьма также недуренъ и остроуменъ очеркъ И. Ямпольскаго: «Меламедъ и учитель». Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать относительно разсказа г. С. Шапиро: «Mitoch schelo lischmo»; это—отдающая довольно жалкимъ остроуміемъ варіація на тему извѣстнаго водевиля «Жена на прокатъ». «Солонискій портной» М. Заблоцкаго—за душу хватающая картина жизни одного изъ легіона подавленныхъ нуждою и заботою о хлѣбѣ насущномъ обитателей злополучной «черты». Выдается по оригинальности замысла и великолѣпному исполненію очеркъ д-ра М. I. Бердичевскаго: «Arbo owes»,—изображающій въ нѣсколькихъ мастерскихъ картинкахъ четыре главнѣйшихъ направленія хасидской

мысли (р. Залманъ Шцеерсонъ, р. Рафанлъ изъ Вершадъ, р. Исроэль Ризинеръ и авторъ «Kduschath Lewi»). Весьма граціозенъ набросокъ «Вааголо бизман коріу», г-жи Деборы Вейсманъ-Хаисъ.

Такъ называемый «серьезный отдѣлъ» въ «Sifrei schaschum» отсутствуетъ, если не считать нѣсколькихъ напечатанныхъ здѣсь мелкихъ экзегетическихъ замѣтокъ, — которыя, впрочемъ, врядъ ли можно признать умѣстными въ изданіи, рассчитанномъ на широкій кругъ читателей. За то большимъ обиліемъ отличается отдѣлъ стихотвореній, среди которыхъ попадаются нѣсколько весьма недурныхъ (гг. Давидовича, Переца, Любошицкаго и др.). Въ 3-мъ выпускѣ «Sifrei schaschum» находимъ неизданное стихотвореніе покойнаго Л. Гордона, 1863 г. — Пожелаемъ изданію г. Фернгофа усилѣннаго распространенія въ еврейской публикѣ, которая найдетъ здѣсь обильный запасъ занимательнаго и легкаго чтенія.

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה כְּתוּבָה בְּיָדֵינוּ («Мишпотъ-Бозодъ» (*Наказаніе измѣнника*). *Повѣсть Н. Бейлина. Кіевъ, 1897 г. 120 стр.*).

Г-нъ Н. Бейлинъ съ полнымъ правомъ подчеркнул въ заглавіи «оригинальность» своего дѣтисца. Повѣсть его — произведеніе, дѣйствительно, своеобразное; еврейскій читатель, котораго наши беллетристы пріучили ко всякаго рода дяковинкамъ, — и тотъ по прочтеніи ея невольно разведетъ руками. Нелѣпная фабула, аляповатые художественные приемы, дешовое остроуміе и скучное до утомительности морализированіе, — таковы главнѣйшія черты ея. «Наказаніе измѣнника», — повѣсть о томъ, какъ нѣсколько лицъ, которымъ всецѣло принадлежатъ симпатіи автора, весьма, по его мнѣнію, остроумно проучили нѣкоего лже-интеллигента, Юдку-«философа»; усвоивъ лишь кое-какія верхушки знанія, «философъ» этотъ «измѣняетъ» и религіи, и нравственности, и является вѣстникомъ всевозможныхъ пороковъ, тщательно скрываемыхъ Юдкою подъ личиною вабожности, но торжественно изобличаемыхъ мудрымъ «батловомъ» Аншелемъ. Воспылавъ преступною любовью къ нѣкоей Оснесъ, Юдка замышляетъ жениться на ней, — несмотря на то, что у него есть и жена, и дѣти. Объ этомъ намѣреніи его узнаетъ Аншель и рѣшается проучить Юдку. Онъ притворяется другомъ его и предлагаетъ ему свое содѣйствіе; ему легко удается убѣдить «философа», что жена его добровольно ни въ коемъ случаѣ не приметъ развода, и что пужно дѣйствовать рѣшительно: обвѣнчаться съ Оснесъ и этимъ вынудить первую жену отказаться отъ своихъ правъ. Аншель посвящаетъ въ тайныя намѣренія Юдки его жену и по-

буддаеть ее принять участіе въ той инстификаціи, которую онъ, вкупѣ съ добродѣтельными студентами Клинганомъ, просвѣщеннымъ купцомъ Либерманомъ и др., собирается учинить надъ негодяемъ-Юдкой. Всѣ препятствія улажены, назначенъ день свадьбы, и «философъ» предвкушаетъ близящееся счастье. Въ домъ Либермана собирается многочисленное «образованное» общество, и Юдку торжественно вѣчаютъ съ его же законною женою; такъ какъ лицо у невѣсты закрыто вуалью, то обманъ легко удастся. Затѣмъ вуаль снимается, — и Юдка узнаеть, что онъ кругомъ одураченъ и опозоренъ. Легко себѣ представить, что ему достается затѣмъ отъ жены, — которая обладаетъ такими несомнѣнными доказательствами виновности Юдки и его желанія отъ нея избавиться... «Истинные» интеллигенты, одурачивши по иниціативѣ Аншеля «нѣтъника» Юдку, торжествуютъ и надрываютъ животыки, и Юдка сходитъ со сцены, ослепанный и пристыженный. Таковъ, въ сущности, весь сюжетъ повѣсти г. Бейлина; ибо около продѣлки, учиненной надъ «философомъ-Юдкой», вращается вся фабула разсказа. Правда, въ повѣсти фигурируетъ пестрый рядъ лицъ; есть тутъ и рвущійся къ свѣту юноша-патріотъ, и преслѣдуемый фанатиками старикъ-литераторъ, и нѣкоторая одаренная всевозможными добродѣтелями дѣвица Эсэръ, и совращенный вліяніемъ «философа» съ пути истиннаго сынъ откупщика и т. д.; фигурируетъ также и много всяческихъ эпизодовъ, въ томъ числѣ и эпизодъ нападенія нѣкоторыхъ злоумышленниковъ, переодѣвшихся разбойниками, на беззаботно прогуливающихся героннъ разсказа. Но все это образуетъ собою лишь общій фонъ, на которомъ рисуется исторія наказанія, постигшаго столь ненавистнаго нашему автору Юдку. И когда кара эта, наконецъ, свершилась — авторъ считаетъ свою задачу исчерпанною и поспѣшно заканчиваетъ на послѣдней страницѣ разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ прочихъ выступающихъ здѣсь лицъ: онъ ихъ, соединяетъ, какъ водится, брачными узами; на тринадцати строчкахъ послѣдней страницы авторъ успѣваетъ осчастливить три пары сердець. Юдка-«нѣтъникъ» наказанъ; авторъ торжествуетъ, торжествуютъ, благодаря такой любезности нашего автора, также и новобрачные. Но торжествуетъ-ли читатель, — это вопросъ другой...

С. Г—ъ.

Записки Давидова Дома. Историческіе разсказы (по Рекендорфу и Фридбергу). Л. Яффе. — Варшава 1897 г. Изданіе «Азіасафъ».

Знаніе нашей родной старины такъ еще слабо распространено въ еврейской публикѣ, что съ особенными удовольствіемъ приходится привѣ-

ствовать всякое изданіе, стремящееся пополнить этотъ существенно важный пробѣлъ, будь то полный и систематически-связанный обзоръ историческихъ событій или только рядъ отдѣльных картинъ изъ прошлой жизни народа, хотя и теряющихъ въ цѣльности и прагматизмѣ, но за то болѣе рельефно и живо восстанавливающихъ образы и моменты, подчасъ блѣдно очерченные въ бѣгломъ послѣдовательномъ обзорѣ. Къ этому то послѣднему роду историческихъ «пособій» и принадлежитъ лежащій передъ нами первый выпускъ предпринятаго фирмой «Ахисафъ» изданія «Записокъ Давидова Дома» на русскомъ языкѣ.

Записки эти, первоначально составленныя по-нѣмецки Германомъ Рекендорфомъ и передѣланныя затѣмъ по древне-еврейски А. С. Фридбергъ, изложены въ формѣ семейныхъ хроникъ и лѣтописныхъ разсказовъ, веденныхъ самими потомками Давидовой династїи, участниками и очевидцами событій, о которыхъ они повѣствуютъ въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

Вся серія разсказовъ должна представить читателю, въ рельефныхъ образахъ и живыхъ лицахъ, важнѣйшіе моменты нашей исторїи со времени разрушенія перваго храма до настоящаго столѣтія; вышедшая же теперь книжка заключаетъ въ себѣ всего два разсказа, изъ которыхъ первый служитъ собственно введеніемъ ко всему изданію, такъ какъ сюжетъ его (трагическая смерть, въ 1839 г., одного изъ потомковъ Давида—мароккискаго еврея Іегуды Абарбанеля) является лишь поводомъ къ установленію и объясненію факта находенія самыхъ «Записокъ», открывающихся, такимъ образомъ, только вторымъ изъ помѣщенныхъ здѣсь разсказовъ. Послѣдній ведется отъ имени вождя вернувшейся въ Іудею части вавилонскихъ плѣнниковъ — Зерубавеля-бенъ-Шеалтіеля, описывающаго политическія событія нашей исторїи съ момента взятія Іерусалима Навуходоносоромъ до возобновленія храма при Кирѣ и его преемникахъ.

Читаются оба очерка легко и съ неослабвающимъ интересомъ,—особенно второй («Лопатка»), гдѣ много увлекательныхъ, поэтическихъ страницъ, мѣстами украшенныхъ стихотворными переложеніями пѣсенъ-псалмовъ, принадлежащими перу С. Г. Фруга, поэта Языкова (псал. 137) и саного г. Яффе. Среди стиховъ автора книги, въ общемъ безукоризненныхъ и гладкихъ, встрѣчаются однако и мѣста неудачныя, какъ напримеръ (сохраняемъ знаки препинанія):

О Воже доколѣ, доколѣ Твой гнѣвъ,
Доколѣ позоръ и страданіе намъ?

Или:

Слѣдуютъ враги, мы посмѣшище имъ,
Господь! Торжествуетъ твой врагъ!

А то и совсѣмъ неправильныя:

• Докоя́ народъ твой несчастный презрѣвъ,
Насъ въ жертву *отдамъ* палачамъ!

Кстати—о знакахъ препинанія. Изъ только-что приведенныхъ примѣровъ уже отчасти видно, какъ мало вниманія удѣлено этимъ знакамъ въ книгѣ,—непріятное обстоятельство, проявляющееся чуть ли не на каждой страницѣ и нѣстами даже затеняющее смыслъ рѣчи. Вотъ одинъ, далеко не единственный примѣръ:

Темницы могилы безмолвную тишь
Пусть скорби нарушать тоскливые крики...
О *Боже моления* и вопли услышь,
Услышь меня Боже великій!

Особенно досадно частое отсутствіе тамъ, гдѣ они нужны, знаковъ вопроса и восклицанія, т. е. показателей особенной силы, гибкости и выразительности мысли, которая черезъ то иногда теряетъ въ чтеніи эти именно качества, а то и удобопонятность. А вѣдь книга, какъ явствуетъ изъ предисловія издателя, предназначается для юнаго читателя преимущественно, для котораго должно быть особенно чувствительно такое неудобство и котораго слѣдуетъ вообще стараться удовлетворить во *всѣхъ* отношеніяхъ.

Есть недочеты и въ самомъ изложеніи. Встрѣчаются выраженія: «высокая осанка» (осанка не то же, что ростъ), «африканскіе глаза» (должны быть, слѣдовательно, и европейскіе, азіатскіе и т. д.), «нагометаннинъ расточаетъ свои богатства излишествами», «сыновья взяли себѣ женъ и находились въ благопріятныхъ обстоятельствахъ», «лицо выражало серьезную восторженность», «авилонскій царь жестоко наказалъ измѣнчившаго его вассала»...

Въ самомъ началѣ книги читаемъ: «Это было въ іюнь 1839 года, когда Абдель-Кадеръ, безуспѣшно воюя съ французами, призвалъ» и т. д. Кто такой Абдель-Кадеръ—не поясняется. А между тѣмъ борьба этого алжирскаго бая съ Франціей не такой ужъ общезвѣстный историческій фактъ, и самъ онъ тоже вовсе не такая знаменитость, чтобы всякія поясненія были тутъ излишни.

За то авторъ не считаетъ излишнимъ сообщеніе такихъ будто-бы «фактовъ», какъ то, напримѣръ, что мароккскіе евреи владѣютъ несомнѣнными богатствами, или что всё они поголовно являются какими-то скопищемъ обманщиковъ и жадныхъ корыстолюбцевъ, въ которыхъ «нѣтъ и слѣда душевнаго благородства» (стр. 8—9).

Мѣстами страдаетъ и «освѣщеніе». Такъ, напр., не точно и сбивчиво объяснена причина отклоненія евреями предложенія самаритянъ участвовать совмѣстно въ возобновленіи храма и дана не совсѣмъ вѣрная, съ примѣсомъ «патріотической» тенденціи, характеристика настроенія еврейскихъ умовъ въ странѣ изгнанія, т. е. Вавилоніи. Въ уста царя-узника, Седекіи, влагаются напримѣръ, такія слова: «если мы подумаемъ о будущности нашего народа, то мы должны быть болѣе довольны жестокостями Невухаднецара, чѣмъ милостями его сына. Въ темныя времена своей жизни нашъ народъ возвращается къ своему Богу, томится теской по своей отчизнѣ и вѣритъ въ свое возрожденіе, но если онъ будетъ пользоваться въ странѣ изгнанія покоемъ, то онъ подумаетъ, что навѣки будетъ наслаждаться имъ, чего не можетъ быть»... Поэтому порицается «знать», довольная своимъ положеніемъ и стремящаяся къ общенію съ кореннымъ населеніемъ, *въ противоположность* будто бы народной массѣ, тяготящейся къ отчизнѣ. Но какъ же объяснить тотъ историческій фактъ, что въ Іудею пожелала вернуться лишь незначительная часть этого «народа», обжившагося и привыкшаго къ своей новой родинѣ?

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ другихъ, вытекающихъ изъ той же основной тенденціи, противорѣчій, чтобы не слишкомъ растянуть нашъ отзывъ объ этой книгѣ, которой въ общемъ однако нельзя не признать удовлетворительной и достигающей своей цѣли — запечатлѣть въ памяти той части нашей молодежи, которая не знаетъ еврейскаго языка, извѣстныхъ лица и событія нашего прошлаго. Кстати, въ интересахъ этой то именно категоріи читателей нельзя одобрить употребленія собственныхъ именъ: Невухаднецарь, Вельшадаръ, Цидкія и др. въ одной лишь изъ «еврейской» формѣ: читатель, которому эти названія не знакомы по первоисточнику—Виблія, не сразу, пожалуй, догадается о тождествѣ, напр., Вельшадара и Вальтасара, Цидкіи и Седекіи и т. д.

Разсматриваемая нами книжка является, кажется, первымъ произведеніемъ, выпущеннымъ фирмою «Ахисафъ» на *русскомъ* языкѣ. Слѣдуетъ поэтому посоветовать почтенному товариществу впредь болѣе внимательное отношеніе къ произведеніямъ этого рода вообще, а въ частности—къ даль-

нѣйшихъ выпускахъ предпринятаго и въ теперь безспорно полезнаго изданія ¹.

Сопутникъ Библии. Сборникъ статей для чтенія въ школѣ и дома. Пособіе при изученіи Библии и Св. Исторіи. Перевелъ съ тѣмцакаго и обработалъ для евреевъ въ Россіи по сочиненію *J. H. Kohn'a תלמוד ודברי חכמים (Talmud und Biebelschatz) учитель А. Ривесманъ. Выпускъ I. Отдѣлы חג—תענית. Вильна 1896 г.*

У нашихъ западно-европейскихъ единовѣрцевъ, у которыхъ преподаваніе закона еврейской вѣры поставлено на началахъ новѣйшихъ, болѣе или менѣе рациональных, и сближено, по своей постановкѣ, съ прочими предметами школьнаго и домашняго обученія, всякаго рода «сопутники» и пособія по Закону Божию давно уже получили право гражданства, замѣная подчасъ недоступные дѣтскому пониманію первоисточники. У насъ же, гдѣ религиозное воспитаніе юношества основано именно на изученіи этихъ подлинныхъ источниковъ, гдѣ ребенокъ, едва начавши лепетать по печатному, уже засаживается за глубокомысленные фолианты, на такія пособія пока нѣтъ, да и долго еще, пожалуй, не будетъ спроса. Это вообще. Въ частности же нельзя, конечно, не согласиться съ авторомъ разсматриваемой книжки, что у насъ уже и теперь есть немало юношей и дѣвицъ, не знающихъ много языка, кромѣ русскаго, и что начальная русско-еврейская школа нуждается, сверхъ учебныхъ руководствъ по еврейской исторіи и религіи, въ такой книгѣ, которая, питая чувство и воображеніе дѣтей, способствовала бы прочному насажденію въ ихъ душѣ ученія добра и нравственности (см. предисловіе). Но хорошихъ книгъ для такого религиозно-нравственнаго чтенія на русскомъ языкѣ у насъ почти нѣтъ, и это дѣйствительно немаловажный пробѣлъ въ русско-еврейской педагогической литературѣ,—пробѣлъ, который однако и теперь, съ появленіемъ книжки г. Ривесмана, остается попрежнему нисколько не восполненнымъ, хотя авторъ и заявляетъ, что онъ его «рѣшился восполнить настоящихъ трудомъ своимъ».

Мы не имѣемъ подъ руками нѣмецкаго сочиненія Kohn'a, которымъ пользовался авторъ, и потому не знаемъ, что именно и въ откуда «переведено» и что «обработано для евреевъ въ Россіи» (а то для кого же?)

¹ Многіе и самые интересные эпизоды изъ соч. Рекендорфа въ свое время были переведены А. Е. Ландау и др. и напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ“ еще въ 60-хъ годахъ.

и какъ вообще онъ распорядился имѣвшимися у него матеріалами; знаетъ только, что въ результатѣ во всякомъ случаѣ получилось нѣчто ни съ чѣмъ несообразное въ педагогическомъ отношеніи и ни мало не удовлетворяющее поставленной себѣ авторомъ цѣли.

Когда намъ въ качествѣ пособія къ Библии предлагаютъ книгу, рассчитанную на то, чтобы воздѣйствовать на чувство и воображеніе юнаго читателя и такимъ привлекательно-нагляднымъ путемъ насадить въ его душѣ ученіе добра и нравственности,—мы прежде всего ожидаемъ найти въ ней рядъ болѣе или менѣе яркихъ и образно-поэтическихъ очерковъ, описаній, картинъ и т. п., способныхъ дѣйствительно завладѣть чувствомъ и воображеніемъ дитяти и попутно познакомить его съ тѣми или иными фактами и лицами изъ Св. Исторіи въ ихъ возвышенно-чистомъ, нравственно-облагораживающемъ свѣтѣ; менѣе же всего можно ожидать встрѣтить въ такой книгѣ какой-то случайный наборъ талмудическихъ толкованій и объясненій къ различнымъ мѣстамъ библейскаго текста, столь чуждыхъ молодому, дѣтски-непосредственному чувству и направляющимъ въ нежелательную сторону здоровое, незамѣненное, безхитрое воображеніе. Ибо если это считать пособіемъ къ Св. Писанію, то вѣдь такихъ «пособій» сколько угодно найдется у любого хедернаго меламда, у котораго подобныя комментаріи всегда «сопутствуютъ» прохожденію курса Библии и религиозно-нравственныхъ законовъ вообще.

Къ сожалѣнію, таковъ именно характеръ лежащаго теперь передъ нами страннаго сборника «статей», въ которомъ мы и статей то, въ вышесказанномъ смыслѣ, собственно почти не видимъ. Первая «статья», напри- мѣръ, на первой же страницѣ начинается такъ: «Раби Шимонъ замѣчаетъ: въ рассказѣ о сотвореніи міра мы встрѣчаемъ пять разъ слово «свѣтъ»... Это слово недаромъ столь часто повторяется» и т. д. Приводится толкованіе р. Шимона по поводу этого обстоятельства, при чемъ узнаемъ, между прочимъ, что четвертая книга Моисеева «сіяетъ для насъ свѣтомъ вѣры, разсвѣщающій тьму земныхъ нашихъ стремленій и обращающій взоръ нашъ къ иной высокой цѣли». Не правда ли, какъ легко и удобно воздѣйствуетъ на *чувство* и *воображеніе* дѣтей эта фраза, неизвѣстно почему прииѣненная именно къ *четвертой* книгѣ Моисея, а не къ какой-либо другой! Слѣдующая, вторая, статья даетъ не одно, а два толкованія по поводу того, что о второмъ днѣ творенія въ Писаніи вовсе не упоминается выраженіе: «и увидѣлъ Богъ, что хорошо», далѣе—почему о третьемъ днѣ уже два раза упоминается это самое выраженіе и почему въ такомъ то мѣстѣ употребляются тѣ, а не другія слова и т. д.;

и тут же сообщается, что «свѣтъ, созданный въ первый день, въ видѣ зенита плавалъ въ высшихъ сферахъ»... Рядомъ съ этими комментаріями помѣщены два талмудическія сказанія, изъ коихъ однако второе (подъ неудачнымъ названіемъ: «Слово милости») служить прямымъ опроверженіемъ перваго: въ первомъ говорится, что новое свѣтило (луна), вначалѣ *раемое* солнцу по силѣ свѣта, впоследствии низведено было Богомъ, въ наказаніе, на степень малаго свѣтила и осуждено получать свѣтъ свой отъ солнца, а во второмъ Творецъ объясняетъ наказанной за кичливость лунѣ, что въ предвѣчномъ планѣ всего мірозданія ей вовсе *не назначена* была собственный свѣтъ. Тутъ же Всевышній говоритъ о своемъ «послѣшномъ» гнѣвѣ (стало быть—раскаивается?) и объ установленіи по этому поводу особой жертвы, но «словъ милости» собственно здѣсь никакихъ нѣтъ... Далѣе приводится рассказъ одного талмудиста о поражающей величинѣ рыбы Левіаана, коего мясомъ питались цѣлыхъ 120 городовъ, добытымъ изъ одной глазной впадины жиромъ наполнили 300 тѣръ, а кости замѣняли балки для самыхъ большихъ зданій. Не подлежитъ сомнѣнію, что «воображенію» дѣтей это говорить очень много, но не поминанъ однако, для чего понадобилось предложить такія свѣдѣнія «уму» учениковъ, знакомящихся въ школахъ съ началами естествознанія. Неужели-жъ для того, чтобы «дать понятіе о величіи Творца, проявляющемся въ царствѣ животныхъ», нельзя было найти другого подходящаго примѣра помимо рассказа раби баръ-баръ Хоны о рыбѣ-Левіаанѣ? Да и странно какъ-то вообще встрѣтятся съ этииъ «рѣдкими» зоологическими экземпляромъ на 11-ой страницѣ той самой книги, въ которой на стр. 15-ой авторъ обязательно приводитъ выписку изъ сочинія «современнаго ученаго», В. Вунта...

Г. Равесманъ противопоставляетъ свой трудъ «ученымъ руководствамъ», а самъ между тѣмъ переплетаетъ свои статьи учеными комментаріями и пишетъ ученымъ же слогомъ. Въ рассказѣ, напр., о потопахъ читаемъ: «библейскій рассказъ о потопахъ далъ поводъ одному язычнику спросить» и т. д.; въ повѣствованіи о братоубійствѣ встрѣчаемся съ фразой: «книга» «Сеферъ-Гаіашоръ» рисуетъ Ханоха».. или въ другомъ мѣстѣ: «нѣкоторые богословы задаются вопросомъ, почему Ной не поступилъ подобно праотцу Аврааму»... и «вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ авторъ сочиненія «Толдаты-Ицхакъ», говоря, что Ной не могъ, и т. д. Спрашивается: что тутъ дѣлать чувству и воображенію и что вообще можно вынести изъ такого матеріала для «чтенія», предназначеннаго служить «пособіемъ» при изученіи Вѣдъ и Св. Исторія? Омигнимъ

еще, что въ этомъ «сопутникѣ» Св. Писавія находится и разсказъ объ... Александрѣ Макендонскомъ и что этотъ разсказъ кончается такъ: Вышедши изъ ковчега, Ной сталъ обрабатывать землю и насадилъ виноградникъ» и т. д. (стр. 31). Дальше идти въ отношеніи путавщи и сунбура уже, кажется, некуда.

Итакъ—очевидно, что никакиѣ пробѣловъ эта сѣренькая книжка въ 33 странички не восполняетъ и восполнить не можетъ. Поле, которое г. Ривесманъ рѣшился было обработать «для евреевъ въ Россіи», такимъ образомъ еще не тронуто и ждетъ новыхъ работниковъ.

עֲתֻדָּתֵינוּ: 1) *Иохананъ Гамемонъ, т. е. Вѣрный Иохананъ. Сказка для дѣтей братьевъ Гримма (Гриммъ). Перев. С. Бермана. Изданіе «Тушія». Варшава, 1897 г.*

2) *Гамелехъ Шломо умешахкей гашахматъ, т. е. Царь Соломонъ и шахматные игроки. Восточная легенда. Перевелъ А. Б.—Изд. «Тушія», Варшава, 1897 г.*

3) *Милхаметъ Ахимъ, т. е. Братъ на брата (по Виктору Гюю). Перевелъ И. М. Левнеръ. Изд. «Тушія», Варшава, 1896 г.*

4) *Гамоникани Гоахронъ, т. е. Последний изъ Мошканъ. Соч. Куппера. П(е)редълазъ для юнош. И. М. Левнеръ. Изд. «Тушія». Варшава, 1896 г.*

Мы уже нѣшли случай («Восходъ», июнь 1897 г.) рассмотреть нѣсколько выпусковъ этой серіи дѣтскихъ книжекъ и указать на благоприятное вообще впечатлѣніе, производимое ими какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней своей стороны. Тогда же мы отметили крупныя достоинства этого рода изданій почтенной варшавской фирмы,—занимательное содержаніе, хорошей языкъ, опрятность и дешевизну,—достоинства, позволяющія причислить эти небольшія, скромныя произведенія къ весьма желательнымъ и отраднымъ явленіямъ значительно оживившейся теперь еврейской литературы.

Четыре книжки, заглавія коихъ выписаны выше, принадлежатъ къ этой же серіи и въ общемъ отличаются такими же достоинствами, какъ и рассмотрѣнные уже нами выпуски ея.

«Вѣрный Иохананъ»—настоящая «дѣтская» сказка. Тутъ и прекрасная принцесса, и безумно влюбленный въ нее принцъ, и говорящіе вороны, и фантастическіе кони, и чудесныя превращенія людей въ статуи и

наоборотъ, и необыкновенный совершитель изумительныхъ подвиговъ — унница и молодець—Иохананъ, и въ концѣ концовъ—всеобщее довольство и благополучіе. Конечно, еврейскимъ дѣтямъ надо давать и такія сказки: пусть ихъ юная фантазія, вращающаяся обыкновенно въ сферѣ многоушной казуистики и мертвящаго, сухого буквѣдства, отдмхаетъ въ мірѣ дѣтскихъ грезъ и питается соотвѣтствующей ихъ возрасту легкой пищей. Надо однако и то сказать, что при современной нашей системѣ обученія дѣтей библейскому языку трудно ожидать, чтобы эти еврейскія книжки были доступны малымъ ребятамъ, т. е. тому именно возрасту, для котораго онѣ предвзначаются. Кстати, о языкѣ этой книжки: онъ не вполне безукоризненный. Мы замѣтили нѣкоторые неправильности (напр. на стр. 5, 9, 13, 16) и даже крупныя ошибки; такое, напримѣръ, выраженіе, какъ «вещи изъ золота» (стр. 9), ужъ непростительно, пожалуй, для еврейскаго переводчика (по-еврейски, какъ извѣстно, слѣдуетъ сказать: «золотая вещь», а не «вещь изъ золота»). Намъ встрѣтилось также непонятное выраженіе: «принцесса Золотой-Кровли» (или: Золотая-Кровля). Изъ содержанія разсказа не видно, что оно собою обозначаетъ, а вѣдь юный читатель, пожалуй, можетъ спросить объ этомъ. У насъ нѣтъ теперь подъ руками нѣмецкаго оригинала разбравшей сказки, но въ русскомъ переводѣ ея («Вѣрный Иванъ», въ «Сказкахъ бр. Гриммъ», изд. Иогансона) мы не нашли этого выраженія: надо полагать, что русскій переводчикъ умышленно опустил непонятный эпитетъ.—Это, конечно, мелочь, но степенъ опытности и умѣлости переводчика сказывается и въ мелочахъ.

Значительно лучше передана по-еврейски «легенда» о царѣ Соломонѣ и составившихъ съ нимъ шахматныхъ игроковъ, могущая заинтересовать и не однихъ только маленькихъ дѣтей. Шахматная игра давнымъ-давно пользуется у евреевъ почетною извѣстностью и вниманіемъ и, какъ въ настоящее время, такъ еще и въ старину, имѣла среди нихъ страстныхъ и искусныхъ любителей. Сохранились цѣлыя легенды о шахматныхъ турнирахъ нѣкогда происходившихъ между учеными раввинами и знаменитыми христианами, преимущественно—рвнскими папанами, и о богатыхъ послѣдствіяхъ побѣдахъ, одержанныхъ «нашими» надъ «ними».

Премудрый царь Соломонъ также, согласно легендѣ, былъ непобѣдимый шахматный игрокъ. Онъ не разъ побѣждалъ на этомъ полѣ своихъ царственныхъ партнеровъ: властелиновъ Египта, Вавилонін, Ассиріи, Финикіи и другихъ, какъ и всѣхъ своихъ мудрецовъ и царедворцевъ. Никто не осмѣливался больше вступать съ царемъ въ шахматное единоборство, бу-

дуги увѣреть заранѣе въ своемъ пораженіи. Пришлось царю отправиться самому, въ сопровожденіи своего перваго министра, искать себѣ партнеровъ и переодѣться для того въ обыкновенное, нецарское платье. Но случилось такъ, что первый же встрѣченный имъ противникъ побѣдилъ его, гордаго Соломона, который, воспылавъ за то гнѣвомъ, тутъ же собственноручно убилъ своего соперника. Точно такъ же поступилъ онъ со вторымъ, попавшимся ему по дорогѣ игрокомъ, тоже побѣдившимъ его, и такъ же—съ третьимъ. Но въ послѣдній разъ оказалось, что всѣ три убитыхъ имъ шахматныхъ игрока были лишь тремя различными образами одного и того же ангела смерти, явившагося за душою гордаго и честолюбиваго еврейскаго царя. Подробности этого трогательнаго и поучительнаго разсказа переданы въ разбираемой книжкѣ языкомъ легкимъ и образнымъ, достаточно отразившимъ на себѣ ту подкупающую нѣжность общаго тона и привлекательную мягкость колорита, которыя столь присущи «восточнымъ» легендамъ ¹.

Разсмотрѣнныя двѣ книжки принадлежатъ къ отдѣлу серіи, носящему подзаголовокъ: «для младшаго возраста», и весьма рационально снабжены поэтому пунктуацией. Послѣднія же изъ вышеозначенныхъ книгъ, принадлежащія перу г. Левнера, предвзначены для «юношества» и потому отличаются отъ первыхъ какъ своей внѣшностью (отсутствіемъ пунктуациа), такъ и болѣе серьезнымъ содержаніемъ. Разсказъ «Братъ на брата»—удачная передѣлка романа Виктора Гюго: «Девяносто третій годъ» ². Это замѣчательное произведеніе знаменитаго французскаго писателя касается, какъ извѣстно, момента самаго страшнаго напряженія въ эпохѣ великой французской революціи, художественно воспроизводя всѣ ужасы гражданской войны, когда—по выраженію самого В. Гюго—«количество убитыхъ и звѣрство, съ которыми совершались эти убійства, поднимали дыбомъ волосы на головѣ». Впрочемъ, авторъ нашего разсказа вполне благоразумно выпустилъ изъ своего повѣствованія подробное изображеніе этихъ звѣрствъ, въ которыхъ одинаково соперничали и предводитель вандейцевъ, и республиканскій полководецъ; какъ того и слѣдовало ожидать отъ книги, предназначаеомой для юношества, въ ней главное вниманіе уделено не свисту пуль и обезображеннымъ тѣламъ, не кровопролитнымъ сваткамъ и

¹ Легенда эта нѣсколько лѣтъ тому назадъ была напечатана въ русскомъ переводѣ въ „Восходѣ“.

² На заглавномъ листѣ нашей книжки напечатано; „перевелъ И. М. Левнеръ“. Неясно—онъ ли также и *передѣлалъ* В. Гюго или только *перевелъ* чью-нибудь готовую передѣлку.

не физической борьбѣ вообще, а борьбѣ на аренѣ человѣческой совѣсти и нравственного долга. Авторъ изъ всего содержанія романа извлекъ только наиболѣе существенную и пригодную для дѣтскаго чтенія часть его, а именно: встрѣчу старика-нищаго съ маркизомъ де-Лантенакомъ, мучительные поиски бѣдной женщины за своими дѣтьми, потерявшими ею въ разоренной деревнѣ, и глубоко трагическій эпизодъ въ замкѣ «Тургъ», гдѣ жестокіе и суровые на видъ люди, ревностные исполнители служебнаго долга и неуклонные поборники строгой дисциплины, забываютъ эту суровость и эту дисциплину подъ вліяніемъ высшихъ благородныхъ движеній души и сердца,—гдѣ жестокой предводителю возстанія, старый маркизъ, спасаетъ изъ пламени несчастныхъ дѣтей, рискуя своей свободою и жизнью, гдѣ полководецъ Говенъ освобождаетъ узника-маркиза—своего дядю, но политическаго «врага», и гдѣ, наконецъ, комиссаръ Самурдентъ, приговорившій за то Говена къ смерти, самъ стрѣляетъ въ себя въ тотъ самый моментъ, когда острый топоръ опускается надъ головою осужденнаго имъ благороднаго человѣка—его вѣрнаго друга и нѣкогда любимаго ученика, котораго наканунѣ самъ посѣтилъ въ мрачной темницѣ.

Это очень хорошая книжка, а авторъ ея, г. Левнеръ,—очень хороший, опытный и умѣлый переводчикъ. Только одно замѣчаніе: у В. Гюго нищій старикъ объясняетъ Лантенаку причину своего расположенія къ нему (онъ зналъ, что за выдачу маркиза его врагамъ онъ получилъ бы огромную сумму, въ которую оцѣнена была голова предводителя вандейцевъ): «вы бѣднѣе меня, — говоритъ онъ, — я имѣю право дышать, а вы лишены этого права; вы оба нищіе: я прошу хлѣба, вы—жизни»... Почему г. Левнеръ выпустилъ это характерное объясненіе бѣдняка?—Тамъ же этотъ нищій сообщаетъ маркизу свое имя (Тельмаршъ), прибавивъ при этомъ, что обыкновенно всѣ зовутъ его просто «старикомъ»; въ нашей же книжкѣ на вопросъ Лантенака: какъ васъ зовутъ?—бѣднякъ отвѣчаетъ: люди зовутъ меня—«старикъ». И только. Выходитъ, будто нищій скрываетъ или дѣйствительно не знаетъ своего настоящаго имени. И еще: Самурдентъ нѣсколько разъ названъ «учителемъ» Говена безъ надлежащаго объясненія этого обстоятельства; соответственное же мѣсто подлинника, гдѣ дается такое объясненіе, переводчикомъ выпущено.—У г. Левнера на стр. 7-й Тельмаршъ говоритъ, что онъ читалъ объявленіе (о выдачѣ Лантенака), а на слѣдующей страницѣ — что онъ неграмотенъ... Все это однако мало вредитъ общему впечатлѣнію удачно скомпонованной книжки.

Такъ же удачно и другое вышеназванное произведеніе г. Левнера —

передѣлка извѣстной повѣсти Д. Ф. Куппера, вводящей читателя въ своеобразный, невѣдомый міръ первобытныхъ американскихъ дѣсовъ съ ихъ дикой прелестью необыкновенной природы и въ художественно-занимательной формѣ сообщающей полныя интересы свѣдѣнія о жизни и бытѣ теперь уже вымирающаго, но недавно столь крѣпкаго и упornaго краснокожаго обитателя этихъ дѣсовъ. Книжка написана языкомъ легкимъ и живымъ и читается съ не меньшимъ интересомъ, чѣмъ напримѣръ, русскій переводъ этого сочиненія американскаго писателя, давво уже переданнаго на множество современныхъ нарѣчій, а на еврейскомъ—впервые. Незначительныя сокращенія и отступленія отъ подлинника не наносятъ никакого ущерба труду г. Левнера, снабдившаго свой текстъ полезными подстрочными объясненіями (по-русски, по-еврейски и по-нѣмецки) малопонятныхъ словъ и выраженій. Впрочемъ, такими объясненіями снабжены и всѣ вообще «дѣтскія» изданія фирмы «Тушіа», въ чемъ нельзя не видѣть безспорной заслуги этого товарищества, какъ крупной заслугой его является и самый выборъ извѣстныхъ иностранныхъ сочиненій для перевода на еврейскій языкъ: изъ общей сокровищницы всемірной литературы намъ слѣдуетъ черпать полной,—и, разувѣтся, угѣлой,—рукой.

Изданы всѣ разобранныя нами книжки очень опрятно, даже красиво, и стоятъ дешево. Нельзя поэтому не пожелать имъ широкаго распространенія среди юныхъ еврейскихъ читателей.

Як. Каценельсонъ.

Письма къ редактору.

I.

Г-нъ С. Гинзбургъ въ своей статьѣ: «Литература нашихъ сборниковъ» («Восходъ», 1897 г. іюль) нашель почему то вужнымъ, разбирая статью г. Клаузнера, привлечь и меня къ критическому суду за странные критическіе приемы, обнаруженные будто бы мною въ моихъ статьяхъ о Гордонѣ и Смоленскій. Меня удивляетъ, что почтенный критикъ «Восхода» повторяетъ опять совершенно несправедливый упрекъ, брошенный имъ уже г. Вернфельдомъ въ евр. газ. «Гацефира», будто я въ лицѣ некажистой слу-

жанки Гордона вижу чуть ли не опроверженіе таланта покойнаго поэта. Моя статья о Гордонѣ, озаглавленная: «*Воспоминанія и мысли*», является частью только критической статьёю, частью же простыми пересказомъ живыхъ воспоминаній, характеризующихъ скорѣе юношеское мое отношеніе къ поэту, чѣмъ самого поэта. Какъ юноша, къ тому еще увлекшійся стихотвореніями Гордона, я его рисовалъ въ своемъ наивномъ воображеніи совсѣмъ не такъ, какъ онъ оказался въ дѣйствительности, и неказистая служанка поэта, равно какъ неопытная обстановка, могли вызвать во мнѣ глубокое и вполнѣ понятное въ юные годы разочарованіе. Что касается самого поэта, то я старался оцѣнить его талантъ на основаніи его же произведеній, и если многіе и не соглашаются съ моими взглядами, то въ этомъ, разумѣется, виноваты различныя критеріи, прилагаемые нами къ произведеніямъ художника.

Точно также по отношенію Смоленскина я старался какъ можно полнѣе обрисовать его жизнь, общественную и литературную дѣятельность, и если я по поводу одной критической статьи его *между прочимъ* вспомнилъ Брандеса и Тэна, то этимъ я всего менѣе былъ намеренъ уронить покойнаго Смоленскина въ глазахъ читателей, сопоставляя его съ свѣтлыми европейской критики, тѣмъ болѣе, что и самъ Смоленскинъ едва ли думалъ пожинать лавры на поприщѣ критики.

Но если мнѣ непонятно, почему г. Гинзбургъ подчеркиваетъ именно эти двѣ фразы въ моихъ статьяхъ, придавая мнѣ особенное и совершенно своеобразное значеніе, то еще болѣе страннымъ кажется мнѣ пріемъ критика, въ силу котораго мнѣ осуждается моя *еще не появившаяся* въ печати работа о Мапу, на основаніи совершенно непонятныхъ выводовъ. Г. Гинзбургъ можетъ совершенно успокоиться за судьбу нашего романиста, талантъ котораго я ужъ цѣнить не менѣе другихъ любителей нашей еврейской литературы.

Р. Брайнинъ.

II.

Врядъ ли возможно признать правильнымъ то освѣщеніе, которое г. Брайнинъ придаетъ некриминируемымъ иѣстамъ его работъ о Гордонѣ и Смоленскинѣ. Изъ 36 страницъ его статьи: «*Воспоминанія и мысли*» только 3¹/₂ удѣлены юношескимъ его воспоминаніямъ о Гордонѣ, и я по-этому вправѣ былъ трактовать о ней, какъ о критической статьѣ о по-

койномъ мѣстѣ. Говоря о томъ мѣстѣ ея, которое послужило поводомъ настоящаго письма г. Брайнина, я, само собою разумѣется, имѣлъ въ виду не г. Брайнина—юношу, одѣвивавшаго талантъ писателя по наружности его прислуги, а г. Брайнина, въ *настоящее время* включившаго такого рода сужденіе въ критическій этюдъ о Гордонѣ. Ссылка его на юношескій возрастъ, такимъ образомъ, совершенно неумѣстна. Далѣе, въ своемъ отзывѣ о критическихъ трудахъ г. Брайнина я, конечно, не исходилъ *исключительно* изъ тѣхъ, по его мнѣнію, многолетнихъ фразъ о Гордонѣ и Смоленскинѣ, о которыхъ нынѣ идетъ рѣчь въ его письмѣ. Я приводилъ эти мѣста въ числѣ *многихъ другихъ* прищѣбовъ его несправедливаго отношенія къ названнымъ писателямъ. Мнѣ казалось, да и нынѣ кажется, что при обсужденіи критической статьи Смоленскина совершенно неумѣстны фразы вродѣ тѣхъ, которыя находимъ въ книгѣ г. Брайнина: «П. Смоленскинъ въ этомъ критическомъ опытѣ не обнаружилъ той тонкости и глубины ощущеній, которую мы находимъ въ первыхъ критическихъ статьяхъ Вѣлинскаго. Напрасно было бы тоже искать въ статьѣ С. того научаго анализа, который мы находимъ въ первыхъ критическихъ опытахъ Тена. Смоленскинъ не проявилъ здѣсь и тѣни того, что бы намъ напомнило умѣніе Брандеса уловить сущность дарованія каждаго писателя и взаимодѣйствіе между послѣднимъ и духомъ его эпохи, и т. д.» (стр. 37). Есть ли необходимость доказывать снова г. Брайнину,—насколько такого рода отзывы затемняютъ правильное сужденіе о Смоленскинѣ?

Что касается, наконецъ, приписываемаго мнѣ г. Брайнинымъ *осужденія* его книги о Мапу, еще не появившейся въ свѣтъ, то такого рода осужденія въ моей статьѣ нѣтъ, да и не могло быть. Только что указаные прецеденты касательно Смоленскина и Гордона дали мнѣ основаніе высказать предположеніе,—не достанется ли Мапу отъ г. Брайнина также, какъ досталось уже Гордону и Смоленскину. И если, судя по нынѣшнему заявленію г. Брайнина, ожидаемая нынѣ работа его о Мапу свободна будетъ отъ своеобразныхъ критическихъ прищѣбовъ, допущенныхъ имъ въ предыдущихъ трудахъ о Смоленскинѣ и Гордонѣ,—то этому остается только радоваться всѣмъ цѣнителямъ еврейской литературы.

С. Гинзбургъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|---|-------|
| I. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. С. О. Ярошевскаго. | 3 ✓ |
| II. КЪ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ И РУСИ ВО- ОБЩЕ И ВЪ ПОДОЛИИ ВЪ ЧАСТНОСТИ. (Читано въ историко- филологическомъ обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ князя Вез- бородко). И. В. Галанта. | 22 ✕ |
| III. АНТИСЕМИТИЗМЪ. Конференція А. Леруа-Волье въ Парижской Католической Академіи. Перев. С. Л. Федоровичъ | 35 ✕ |
| IV. ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ДРЕВНИХЪ ЕВРЕЕВЪ. (Къ исторіи развитія устнаго ученія). Д-ра Л. С. Каценельсона. | 66 ✕ |
| V. ПО ТЕПЛОМУ ТЕЧЕНІЮ. Современныя картины. Ю. Г-на. | 84 ✕ |
| VI. ДОЧЬ ІЕВѢАЯ. (Поэма Альфреда де-Виньи). Стих. О. Н. Чюминой. | 107 |
| VII. УЖАСНАЯ НОЧЬ. Психологическій этюдъ. Л. Переца. (Съ еврей- скаго). Перев. Як. Каценельсона. | 112 ✓ |
| VIII. ИЗЪ ГРЕКО-РИМСКОЙ ЭПОХИ. Стихотвореніе. Х. Зингера | 135 |
| IX. ПОРАЖЕНІЕ СИННАХЕРИМА. Изъ «Еврейскихъ Мелодій» Байрона. Стихотвореніе О. Н. Чюминой | 137 |
| X. ИУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Юсифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Гензелея. (Въ особомъ приложеніи). | |

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

| | |
|---|-----|
| XI. РѢЧЬ МАКСА НОРДАУ НА КОНГРЕССѢ СІОНИСТОВЪ ВЪ БА- ЗЕЛѢ. О современномъ положеніи евреевъ. (По стенографическому отчету). Г. Г. | 1 • |
| XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. מ. מ. מנע. «כל כתביו של מ. מ. מנע» „Колъ кисте Мане». Собраніе сти- хотвореній, статей и писемъ М. М. Мане, въ 2-хъ ча- стяхъ. Съ портретомъ и биографіею, составл. А. Шемлау- зомъ. Варшава, 1897 г. Изд. «Тушія»). С. М. Гинзбургъ. | 21 |

XIII. ВИБЛОГРАФІЯ:

- 1) א. קאטיקס ארטנאבען, וויסענשאפטליכע פאלקס-ביכער: 1) אדם-הראשון'ם "א. קאטיקס ארטנאבען, וויסענשאפטליכע פאלקס-ביכער: 1) *Первобытная жизнь человека*; 2) *О воздухе* и 3) *Зимние вечера*. Издания А. Котика. Варшава, 1897 г. 33
- 2) "פרקי שירה" מאת א. ליבושצקי («*Пирке-широ*»). *Стихотворения А. Любошицкого*. Варшава, 1897 г. 35
- 3) "ספרי ששעשים" יוצאים לאור לעתים תכופות ע"י א. פערנהאף («*Sifreschaschum*») für Unterhaltung u. Literatur. Erscheint in *swanglosen Heften*. Herausgegeben von Isak Fernhof. №№ 1—3. Krakau, 1896—7). 37
- 4) «*Мишנות-Богод*» «משפט בנר» ספר ארננאלי מאת נ. ביילין. (*Наказание измѣнника*). *Повесть Н. Бейлина*. Киевъ, 1897 г. 120 стр.). О. Г—ъ 38
- 5) *Записки Давыдова Дома*. Исторические рассказы (по Рекендорфу и Фридбергу). Л. Яффе.—Варшава 1897 г. Издание «*Ахтасаф*». 39
- 6) *Сопутникъ Библии*. Сборникъ статей для чтенія въ школахъ и дома. Пособіе при изученіи Библии и Св. Исторіи. Перевелъ съ нѣмецкаго и обработалъ для евреевъ въ Россіи по сочиненію J. H. Kohn'a אוצר התורה והתלמוד (*Talmud und Bibel-schatz*) учитель А. Ривесманъ. Выпускъ I. Отдѣлы. בראשית—נח *Вильна*. 1896 г. 43
- 7) 1) *Иохананъ Ганемонъ, т. е. Вѣрний Иохананъ*. Сказка для дѣтей братьевъ Гримма (Гриммъ). Перев. С. Бермана. Издание «*Тушій*». Варшава, 1897 г. 2) *Гамелехъ Шломо умешаккей ишахматъ, т. е. Царь Соломонъ и шахматные игры*. Восточная легенда. Перевелъ А. Б.—Изд. «*Тушій*», Варшава, 1897 г. 3) *Милхометъ Ахимъ, т. е. Братъ на брата* (по Виктору Гюю). Перевелъ И. М. Левнеръ. Изд. «*Тушій*», Варшава, 1896 г. 4) *Гамониканъ Гоахронъ, т. е. Последний изъ Могикианъ*. Соч. Куппера. П(е)редѣлалъ для юнош. И. М. Левнеръ. Изд. «*Тушій*», Варшава, 1896 г. 46
- XIV. ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ. Р. Брайнина и О. М. Гинзбургъ.** 50

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

4613

Октябрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1897.

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

—
XIII ¹

Въ столовой пробили часы и въ то же мгновенье по дѣстницѣ раздался рѣзвый топотъ дѣтскихъ ногъ. Черезъ минуту, на веранду, подобно вихрю, влетѣли оба мальчика съ Кларой во главѣ. M-elle Гро, насколько хватало силъ, слѣдовала за ними, спотыкаясь на каждомъ шагу. Увидѣвъ Розу, всё трое сразу присмирѣли и оглянулись назадъ, отыскивая глазами гувернантку. M-elle Гро торжественно вступила на веранду и не менѣе торжественно заявила:—Сегодня дѣти вели себя образцово.—Дѣти только и ждали этой атестаціи и неистовый врывъ юнаго веселья огласилъ веранду. Г-жа Майгольдъ схватила себя руками за голову, до того у нея разошлись нервы; Роза тоже въ первую минуту ничего не могла предпринять, чтобы успокоить дѣтей. Но она пустилась на хитрость и предложила гувернанткѣ показать ей, какія отмѣтки она выставила своимъ ученикамъ. Тогда опять наступило на минуту затишье и этимъ воспользовалась Роза, напомнивъ дѣтямъ, что они должны строго слѣдовать программѣ дня. Мальчики подчинились, и такъ какъ послѣ утреннихъ занятій слѣдовали гимнастическія упражненія на воздухѣ, то они вмѣстѣ съ M-elle Гро удалились въ садъ. Только Клара, узнавъ, что Бланкъ здѣсь, осталась на верандѣ ждать его появленія. Между нею и Бланкомъ установились очень дружескія отношенія и Клара не скрывала своихъ симпатій къ молодому ученому, за что мать ее прозвала синимъ чулкомъ. Посидѣвъ немного, Клара не вытерпѣла и побѣжала отыскивать Бланка. Вскорѣ

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

она явилась вмѣстѣ съ нимъ и въ сопровожденіи Ципы. Старуха была на этотъ разъ въ отличномъ расположеніи духа, тѣмъ болѣе, что во время сегоднешняго короткаго свиданія съ сыномъ она успѣла устроить одно дѣльце, которое ей не давало спать всю ночь и за которое она не знала какъ ввязаться, боясь потерпѣть неудачу. Дѣло шло ни больше, ни меньше какъ о приданомъ для Брайны. Ципа обѣщала Двось непременно выдать ея дочь замужъ, какъ только прійдетъ ея Александръ. И теперь Двоя, въ особенности послѣ щедраго подарка, который Бланкъ оставилъ сапожнику во время своего визита къ нимъ, не давала покоя Ципѣ. Сама Ципа въ свою очередь не хотѣла ударить лицомъ въ грязь передъ своими бѣдными родственниками и доказать имъ свое вліяніе на богатаго сына. Она приступила къ дѣлу очень осторожно и издалека, и Бланку стоило много труда, чтобы добиться, чего отъ него требуетъ его мать. Но сумма, которую назначила Двоя, была такъ велика, что скупая Ципа, соблюдая интересы сына, сама урѣзала ее на половину, заявивъ, что на такое приданое Брайна купить себѣ перваго жениха въ городѣ.

— Но первый женихъ у васъ здѣсь, кажется, молодой Веймъ,—смѣясь сказалъ Бланкъ.

— Это правда; только этого жениха мы уже предназначили для другой.—И понизивъ голосъ, она сказала:—Кажется между Веймами и Майгольдами идутъ уже фѳормальные переговоры. Но не говори, пожалуйста, никому: это пока тайна...

Вопреки ожиданію Ципы, слова ея произвели на Бланка совсемъ не то впечатлѣніе, какое она ожидала. Веселое настроеніе его вдругъ исчезло; онъ сдѣлался молчаливъ и задумчивъ, такъ что Ципа даже испугалась, не обидѣла ли она чѣмънибудь сына. Къ счастью, въ это мгновеніе въ комнату вбѣжала Клара.

— Такъ вотъ гдѣ вы,—воскликнула она, схвативъ Бланка за руку.—Я ждала васъ, ждала... Я сегодня отлично училась, и вы должны меня похвалить въ присутствіи мамы и m-elle Гро... Роза меня уже хвалила...

И она со звонкимъ смѣхомъ увлекла за собой Бланка, не давъ Ципѣ даже опомниться.

— Ахъ, ты чертенокъ... и поговорить толкомъ не даетъ,—сердито крикнула ей вслѣдъ Ципа. Клара впрочемъ ничего не

слыхала, такъ какъ она на ходу продолжала неумолчно болтать.

— Послушайте, что я вамъ скажу... Впрочемъ, вы это сами знаете... Это мнѣ m-elle Гро сказала.. подъ великимъ секретомъ... Но развѣ вы сами не замѣчаете... Когда мнѣ m-elle Гро объяснила, я и сама стала замѣчать... хотя, признаться, Роза очень скрытная.. А вы?—И Клара подняла на Бланка свои большіе блестящіе глаза, въ которыхъ было столько жизни и столько невиннаго лукавства. Бланкъ ничего не понималъ изъ всего того, что ему наговорила Клара. А такъ какъ она продолжала на него вопросительно смотрѣть, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, я не скрытенъ... Но о чемъ вы говорите я рѣшительно не понимаю.

— Вотъ и выходитъ, что вы скрытный,—выпустивъ его руку и нахмуривъ свои тонкія, идущія дугой брови, проговорила Клара.—Будто я уже такая маленькая, что ничего не понимаю. Даже, если бы мнѣ m-elle Гро не сказала... Еще она мнѣ сказала...

Раздавшіеся позади шаги помѣшали Кларѣ договорить, чему Бланкъ былъ очень радъ. Ихъ нагналъ Майгольдъ, только что пріѣхавшій изъ города, и они всѣ втроемъ вышли на веранду. Г-жа Майгольдъ, переодѣтая уже по домашнему, сидѣла теперь въ позѣ усталой и скучающей женщины, что она, впрочемъ, всегда дѣлала въ присутствіи мужа. Роза и m-elle Гро были тутъ же и рассматривали какой то рисунокъ. Увидя мужа, г-жа Майгольдъ сочла нужнымъ сдѣлать ему выговоръ за то, что онъ сегодня опоздалъ.

— Какъ всегда,—весело сказалъ Майгольдъ.—Впрочемъ, сегодня были совсѣмъ необычныя уважительныя причины.

— Я ихъ знаю наизусть,—съ горькой усмѣшкой сказала г-жа Майгольдъ.

— На этотъ разъ ты ошиблась.—И нагнувшись къ женѣ, онъ сталъ ей что то тихо рассказывать.

Бланкъ и Клара присоединились къ Розѣ, а m-elle Гро побѣжала въ садъ, откуда въ это время раздался крикъ одного изъ мальчиковъ.

— Они подрались — тономъ взрослого человѣка сказала Клара.

— А ты жалѣешь, что не участвуешь въ дракѣ,—замѣтила Роза.

— Нѣтъ, драки меня уже больше не интересуютъ... я уже большая.

Роза и Бланкъ расхохотались.

— Что же васъ интересуеть?—спросилъ Бланкъ.

Клара бросила на него быстрый взглядъ, потомъ вдругъ сорвалась съ мѣста и убѣжала.

— Вы ее обидѣли,—сказала Роза.—Она мнитъ себя большой и, кажется, влюблена въ васъ... Кстати, когда вы пойдете съ визитомъ къ Беймамъ?

— Этотъ вопросъ васъ очень интересуеть?—И въ голосѣ Бланка, всегда ровномъ и спокойномъ, теперь слышлась-раздражительная нотка. Затѣмъ онъ всталъ и началъ прощаться. Раза съ удивленіемъ смотрѣла на него.

— Куда же вы? Развѣ вы не у насъ обѣдаете?

— Нѣтъ, положительно не могу... Не говорите никому, что я ухожу... И онъ незамѣтно удалился съ веранды, оставивъ Розу въ странномъ недоумѣніи. Она еще въ первый разъ видѣла его такимъ и не знала, чѣмъ объяснить его поведеніе. Она перебрала въ памяти все, о чемъ они сегодня говорили и спорили, но ничего такого не было, что бы могло быть причиною какого нибудь недоразумѣнія. Но въ то же время она испытывала какое то тревожное состояніе, характеръ котораго былъ для нея рѣшительно непонятенъ. Ей было и досадно что Бланкъ ушелъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ откуда то изъ глубины ея сердца поднималось ощущеніе чего то радостнаго, торжествующаго. Ей было пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ тоскливо. Она хотѣла смѣяться, а на глаза неволью навертывались слезы. Она встала и прошла въ комнату Ципы. Ей хотѣлось узнать, о чемъ она говорила съ сыномъ. Но Ципы не было, и она вернулась на веранду, гдѣ все еще мать и отецъ тихо разговаривали между собой. Не желая имъ мѣшать, она спустилась въ садъ и, отыскавъ гувернантку, подѣла къ ней. Вскорѣ прибѣжала Клара съ красными глазами. Несмотря на всѣ разспросы Розы и m-elle Гро, она ни за что не хотѣла сознаться, что она плакала, хотя Розѣ не трудно было догадаться о при-

чинѣ ея дѣтскихъ слезъ. Вскорѣ съ веранды послышался голосъ г-жи Майгольдъ, усиленно звавшей Розу.

— Иду, — протяжно крикнула Роза и побѣжала на зовъ матери.

— Съ кѣмъ ты сидѣла въ саду?—спросила г-жа Майгольдъ.

— Съ дѣтьми и m-lle Гро.

— Гдѣ же Бланкъ?

— Онъ ушелъ.

— Какъ? Ушелъ, даже не попрощавшись?.. Развѣ онъ не придетъ къ обѣду?

— Нѣтъ, не придетъ. У него очень много работы, и онъ просилъ извинить его..

Г-жа Майгольдъ ничего не отвѣтила и только бросила вопрошающій взглядъ на дочь, какъ бы спрашивая: «такъ ли это?» Немного погодя она сказала:

— А я тебѣ еще не все рассказала.. Намъ тогда помѣшали..

Роза подсѣла къ матери, готовясь слушать. Г-жа Майгольдъ почему то медлила, точно она затруднялась, съ чего начать, и подыскивала подходящія выраженія. Вдругъ, она оглянулась по сторонамъ и нерѣшительно заявила:

— А то, не лучше ли намъ пойти въ мою комнату. Тамъ намъ никто не будетъ мѣшать.

Роза засмѣялась.

— Можно подумать, что вы готовитесь сообщить мнѣ какую то страшную тайну. Впрочемъ, если вамъ угодно, удалимся въ сокровенное мѣстечко.

— Тебѣ все смѣшно... А каково мнѣ.

— Но въ чемъ же дѣло? Рассказывайте скорѣе. И не бойтесь.. Я не упаду въ обморокъ, даже если вы предложите мнѣ выйти замужъ за дорогого вашему сердцу Бейма.

Г-жа Майгольдъ широко раскрыла глаза отъ удивленія и нѣсколько минутъ оставалась въ этомъ положеніи, не будучи въ состояніи выговорить ни одного слова. Проницательность, а главное, ѣдкая иронія, сквозившая въ словахъ Розы, совсѣмъ обезкуражили ее и г-жа Майгольдъ все болѣе и болѣе приходила въ замѣшательство. Розѣ стало жаль матери. Она нагнулась къ ней и положила свою руку къ ней на колѣни.

— Итакъ, — сказала она, нѣжно глядя на мать, — у тебя съ

отцомъ была только что тайная конференція. Вы сообщали другъ другу о результатахъ прямыхъ и косвенныхъ переговоровъ и сообща рѣшили меня прозондировать.

— Но ты подслушала! — наивно воскликнула г-жа Майгольдъ.

— Фи... Неужели вы меня считаете способной на такую гадость... Я просто наблюдательна. Да и особеннаго искусства, признаться, не нужно, чтобы прочесть на вашемъ лицѣ всѣ тайны вашей души... А на папу стоитъ только посмотреть, чтобы угадать его самыя сокровенныя мысли... И вы думаете, что я васъ за это не люблю...

И не мѣняя своей позы, Роза потянулась къ матери и крѣпко поцѣловала ее.

Г-жа Майгольдъ совсѣмъ разчувствовалась. Она привлекла къ себѣ Розу и осыпала ее головою поцѣлуями.

— А мы развѣ тебя не любимъ,—говорила она, глотая слезы.—Я и отецъ хотимъ твоего счастья; не проходитъ минуты, чтобы мы не думали о тебѣ, не строили плановъ насчетъ твоего будущаго, не легѣли единственной мечты...

— О выдачѣ меня замужъ за Бейма,—подсказала Роза.

— Но чѣмъ же Беймъ не женихъ... Молодъ, красивъ, богатъ, образованъ... имѣетъ степень, не забудь... Вѣдь онъ не простой банкиръ. Есть банкиры и побогаче Бейма, которые бы съ удовольствіемъ женились на тебѣ, но ни я, ни отецъ, не гонимся за богатствомъ.

— Въ такомъ случаѣ почему вы не предложите мнѣ въ женихи Мункина?

— Этого адвокатишку!—въ сердцахъ воскликнула г-жа Майгольдъ.—Но вѣдь онъ бѣденъ какъ Іовъ, да и происхождение его довольно сомнительное. Ты бы еще Бланка предложила намъ въ зятя.

При послѣднихъ словахъ матери лицо Розы, на которомъ во все время разговора играла дѣтски насмѣшливая улыбка, вдругъ омрачилось. Она вспомнила внезапный уходъ Бланка, и ей почему то стало жаль его. Предъ ея воображеніемъ пронесся образъ одинокаго, никѣмъ не понятаго, но сильнаго духомъ и волей человѣка, для котораго не существуютъ никакія преграды, который сильными руками рветъ цѣпи рабства. И

такимъ человѣкомъ брезгаютъ, его ставятъ ниже Бейма, даже Мункина. Она хотѣла это все высказать матери; но она вдругъ сама испугалась этого желанія, испугалась той сердечной тоски, которая такъ внезапно овладѣла ею. Ея мать права. Она не смѣетъ, не должна думать о Бланкѣ. И оправившись, она снова заставила себя улыбнуться.

— Оставимъ Бланка въ покоѣ,—сказала она. — Ни мы въ немъ, ни тѣмъ болѣе онъ въ насъ не нуждается. Но что касается Мункина, то я не понимаю, почему онъ вамъ не нравится.

— Неужели онъ тебѣ нравится,—воскликнула г-жа Майгольдъ.

— Я этого вовсе не говорю. Но если уже поднялся вопросъ о претендентахъ на мою руку, то я по справедливости не нахожу причинъ отстранять Мункина.

— Этого адвокатишку, — ни за что!

Роза лукаво улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала она, скромно потупивъ глаза,—не лучше ли намъ на время совѣмъ оставить этотъ вопросъ.

— Я лучше согласна на послѣднее,—въ сердцахъ сказала г-жа Майгольдъ. — И отецъ тебѣ то же самое скажетъ... Мы не можемъ ставить на одну доску Бейма и Мункина. Это даже обидно, какъ хочешь.—И поднавшись съ своего мѣста она величаво удалилась во внутреннія комнаты, давъ понять Розѣ, что она недовольна ею.

Роза осталась одна на верандѣ, не рѣшаясь слѣдовать за матерью. Безотчетная грусть охватила ее. Разговоръ съ матерью еще разъ доказалъ ей, насколько люди, окружавшіе ее, чужды ей по своимъ вкусамъ, симпатіямъ, стремленіямъ. Придется бороться и жестоко бороться, чтобы завоевать себѣ хоть ничтожную частицу той свободы, о которой она всегда такъ мечтала. Она желаетъ немногаго: имѣть возможность располагать собой по собственному усмотрѣнію, охранять свою личность отъ посторонняго вторженія. Неужели и это ей не удастся. И предъ ней невольно вновь промелькнулъ образъ Бланка, того Бланка, который ей рассказывалъ исторію своей борьбы и своей побѣды. Она, конечно, не могла бы такъ по-

ступить. У нея бы на это не хватило ни силы, ни характера, ни выдержки. И у нея тутъ же являлся другой вопросъ, который все время не давалъ ей покоя, но на который она разсчитанно не желала, да и не могла отвѣчать... Хорошо ли Бланкъ поступилъ? Его аргументы, вѣскіе, сильные и строго логическіе, совсѣмъ сбили ее тогда съ толку. Онъ рвался на свободу, онъ искалъ истины, онъ стремился къ идеалу. Онъ его, наконецъ, нашель. Что же ему было дѣлать... Стоять скованнымъ и не смѣть сорвать рабскихъ цѣпей. Но если онъ оказался сильнѣе этихъ цѣпей, если вся его жизнь, всѣ его стремленія, желанія, вся совокупность того, что составляетъ человѣческую душу, крѣпко слились въ горячемъ и негодующемъ протестѣ противъ гнета невѣдомыхъ боговъ... А она, — какъ бы она въ такомъ случаѣ поступила?.. Роза схватилась руками за голову, чувствуя, какъ у нея виски стучать. Она никогда не испытывала такого удрученнаго состоянія, какъ теперь въ настоящую минуту. Передъ ней, какъ въ панорамѣ, пронеслась вся ея молодая жизнь. Среда, въ которой она росла, не удовлетворяла ее; ея интересы были ей чужды, идеалы и стремленія казались до нельзя узкими и эгоистичными. Она никогда не могла понять тѣхъ стимуловъ, которые заставляли людей ея общества отстаивать свои вѣрованія и убѣжденія. Она постоянно задыхалась въ той атмосферѣ, которая ее окружала, и, какъ узникъ, который жаждетъ свободы, она искала повсюду притока свѣжаго воздуха. Въ началѣ она думала найти спасеніе въ образованіи. Рано пробудившаяся въ ней жажда знанія на время заглушила тлѣвшее въ ея душѣ недовольство. Но потомъ сомнѣнія охватили ее съ новой силой. Не планы ея родителей, не домогательство Бейма, не происки Мункина страшили ее. Она не видѣла исхода изъ того положенія, въ которое ее поставили неумолимые условія. Она не чувствовала подъ собой никакой почвы; будущее представлялось ей чернымъ, зловѣщимъ пятномъ.

XIV

Мункинъ былъ не только находчивый адвокатъ, но и тонкій наблюдатель. Ему достаточно было уловить одинъ взглядъ,

одну случайно прозвучавшую нотку, чтобы для него, какъ для ясновидящаго, стало понятно многое. Такимъ образомъ, выйдя отъ Майгольда и очутившись на улицѣ, онъ сказалъ себѣ: «голову даю на отсѣченіе, если эта дѣвочка уже не влюблена». И онъ мысленно себѣ представилъ Розу рядомъ съ Бланкомъ. Это ему доставило такое удовольствіе, что онъ улыбнулся. Роза влюбляется въ этого сомнительнаго качества ученаго. Ученый, конечно, не устоитъ передъ чарами красавицы и отвѣтитъ ей тѣмъ же. Но Бланкъ, сынъ Ципы, и ему, конечно, никогда не видать Розы, какъ и каеэдры, о которой онъ мечтаетъ. Но Роза очень упряма и, конечно, будетъ дѣлать все наперекоръ родителямъ. Безъ сомнѣнія, она и Бейму не достанется. Тогда онъ, Мункинъ, явится благодѣтелемъ. Ахъ, каналья Харнасъ... Онъ все наровитъ женить его на Генриеттѣ. Положимъ, и она лакомый кусочекъ; но зачѣмъ она ему, когда онъ можетъ безъ особенныхъ усилий жениться на Розѣ. Но что же тогда будетъ съ Генриеттой. О, онъ постарается выдать ее замужъ за Бланка. И довольный своими остроумными комбинаціями и своимъ предвидѣніемъ, онъ отправился къ Беймамъ подъ предлогомъ ближе познакомиться барышень съ планами Розы объ открытіи сѣти школъ для народа, на самомъ же дѣлѣ не упускать изъ вида и Генриетту, въ случаѣ, если его комбинаціи почему либо рухнутъ.

Генриетта и Зося сидѣли въ прохладной гостиной и жестоко скучали. Хотя у Генриетты была книжка новаго французскаго романа въ рукахъ, но она не читала ее. Зося развалилась въ самой непринужденной позѣ на низенькомъ креслѣ и отъ времени до времени издавала короткіе, но выразительные вздохи, вѣрнѣе сказать, зѣвала. Вначалѣ ее еще занимала душеспасительная бесѣда между двумя матронами, т. е. между г-жей Майгольдъ и ея матерью, но потомъ и этотъ интересъ пропалъ, такъ какъ обѣ почтенныя дамы заговорили такъ тихо между собой, что даже изощренное ухо Зоси ничего не могло уловить. Да впрочемъ она и не старалась особенно, такъ какъ она знала заранѣе содержаніе интимнаго разговора. И это то именно заставляло ее еще больше злиться и нервничать. Все объ Адольфѣ и объ Адольфѣ, точно онъ красная дѣвица, которая не понимаетъ значенія поцѣлуя. Лучше бы о ней и

объ Генриеттѣ бы подумали, а то онѣ того и гляди высохнуть отъ тоски какъ щепки. Хоть бы одинъ молодой человѣкъ пришелъ. Это просто несосно. И она вспомнила минувшій зимній сезонъ, когда за нею стали ухаживать въ клубѣ одинъ молодой чиновникъ. Что это былъ за восторгъ. Хотя Генриетта и говорила ей, что это неприлично, что отъ этого ухаживателя все равно толку не будетъ, но она не сомнѣвалась, что сестра ей завидуетъ. И это еще больше увеличивало ея счастье. За то она держала себя прилично въ присутствіи Мункина и не дѣлала ему никакихъ авансовъ, отлично сознавая, что Генриетта имѣетъ на него больше правъ. Но еслибы она захотѣла... И подъ вдіяніемъ этой шаловливой мысли она нагнулась къ сестрѣ и тихо спросила:

— Отчего это Мункинъ такъ давно у насъ не былъ?

— Поди, спроси его, если это тебя такъ интересуешь,—сердито отвѣчала Генриетта.

— Во всякомъ случаѣ онъ меня меньше интересуешь чѣмъ тебя... Ты это отлично знаешь,—ядовито проговорила Зося.

— Ты дура и больше ничего.

— Это ты изъ французской книжки вычитала?

— Это и безъ книжки мнѣ извѣстно.—Зося надула свои хорошенькія губки. Но чрезъ минуту она снова нагнулась къ сестрѣ.

— Ну, чего ты сердиться,—заговорила она въ примирительномъ тонѣ.—Мнѣ ужасно скучно, Генриетта... Хоть бы эта Майгольдица ушла... Мы бы съ тобой пошли погулять.

— Теперь! Кто же изъ порядочныхъ въ эту пору гуляетъ.

— Гимназисты и офицеры.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю, дружокъ... Я же слишкомъ стара для гимназистовъ.

Въ это время въ передней раздался чей то голосъ и вскорѣ въ дверяхъ гостиной показался Мункинъ. Зося первая увидала его и радостно воскликнула:

— Вы легки на поминѣ.

— Неужели я такъ счастливъ,—заискивающимъ голосомъ и низко кланяясь дамамъ, сказалъ Мункинъ.

— Что васъ бранять,—стараясь сдерживать свое волненіе и мило улыбаясь, сказала Генриетта.

— Я предпочитаю, чтобы меня бранили, но лишь бы помнили... Но позвольте узнать, за что?

— И вы еще спрашиваете.—И Генриетта окинула адвоката такимъ знойнымъ взглядомъ, что даже Зосѣ совѣстно стало, и она мысленно выругала сестру за то, что она совсѣмъ не умѣетъ кокетничать: или слишкомъ ужъ она сурова, или обжигаетъ своими взглядами. И чтобы показать, какъ слѣдуетъ кокетничать, она устремила на Мункина свои темноглубые глаза, въ которыхъ было много нѣжнаго задора. Мункинъ обернулся къ Зосѣ и улыбнулся ей. Зося была удовлетворена и кинула побѣдоносный взглядъ на сестру. Она показала свою силу. Теперь стоитъ ей только захотѣть, чтобы Мункинъ перемѣнилъ фронтъ. Впрочемъ, она этого не сдѣлаетъ, потому что этотъ адвокатъ ей не по вкусу. Она рѣшила не мѣшать Генриеттѣ, и когда г-жа Майгольдъ распростилась, чтобы уйти, она вмѣстѣ съ матерью пошла ее провожать. Генриетта и Мункинъ остались одни.

— Такъ вы хотите знать, за что вами недовольны?—проговорила Генриетта.

— Непремѣнно... Тогда я по крайней мѣрѣ въ состояніи буду защищаться.

— Что вамъ, конечно, совсѣмъ не трудно: вы вѣдь адвокатъ.

— Я умѣю только защищать другихъ.

— А себя?

— Не пробовалъ, въ особенности если предо мной такой строгій судья.

— Значитъ вы признаете себя виновнымъ?

— Въ томъ, что я слишкомъ увлекся... альтруистическими вопросами.

Генриетта широко раскрыла глаза.

Очевидно она не поняла Мункина; но ловкій адвокатъ не подалъ даже виду, что онъ это замѣтилъ, и какъ ни въ чемъ ни бывало сталъ ей развивать идею организующагося кружка, въ который войдутъ всѣ интеллигентныя силы города. Задачи кружка широкиа — цѣль его достойна того, чтобы примкнуть къ нему и внести свою лепту труда на алтарь народныхъ нуждъ.

Мункинъ говорилъ хорошо и краснорѣчиво, въ особенности

на общія темы, гдѣ можно было блеснуть красивыми фразами и туманными, ничего не говорящими мыслями. Генриетта пришла въ восторгъ отъ его краснорѣчія и не удержалась отъ восклицанія:

— Да, это восхитительно.. Вы нарисовали такую чудную картину... Нашъ народъ, дѣйствительно, нуждается въ насъ, и мы обязаны протянуть ему руку помощи.

— Благодарю васъ,—прочувствованно проговорилъ Мункинъ.—Я никогда не сомнѣвался въ добротѣ вашего сердца и отзывчивости къ народнымъ нуждамъ. Мы, интеллигенція, почему то чуждаемся толпы, игнорируемъ ея потребности, тогда, какъ это составляетъ нашъ священный долгъ. Кто же будетъ заботиться о народномъ образованіи, о воспитаніи подрастающаго поколѣнія въ духѣ религіи, въ укрѣпленіи въ немъ національнаго самосознанія, если мы отвернемся отъ него. И все таки къ стыду нашему находятся люди, которые отворачиваются отъ народа, считаютъ унижительнымъ для себя интересоваться его судьбой, боятся, чтобы ихъ не смѣшали съ толпой.

— Такіе люди достойны презрѣнія,—страстно проговорила Генриетта.

Мункинъ тихо вдохнулъ. Онъ находилъ, что сказалъ достаточно на тему о любви къ народу и что не нужно больше тратить словъ. Въ произведенномъ имъ на Генриетту впечатлѣніи онъ не сомнѣвался. «Эта глупая дѣвочка, помѣшанная на этикетѣ и свѣтскомъ приличіи, для которой всѣ интересы сводятся къ моднымъ нарядамъ и ловлѣ жениховъ, эта глупышка съ глазами восточной гуріи, теперь начнетъ интересоваться народомъ—великимъ народомъ?» И Мункинъ не могъ удержаться отъ смѣха. Еслибы онъ былъ увѣренъ, что Генриетта играетъ такую же точно комедію, какъ и онъ, онъ бы еще кое какъ примирился бы съ нею, принимая во вниманіе ея хорошенькую рожицу и ея приданое; но для такой комедіи она кажется слишкомъ глупа и, повидимому, повѣрила его энтузіазму. Ну, тѣмъ хуже для нея. Во всякомъ случаѣ она у него въ рукахъ, и онъ будетъ ее держать про запасъ. Если Роза выскользнетъ изъ его рукъ, Генриетта ее замѣнитъ. Природа не любитъ пустоты, а въ особенности ее не любитъ карманъ

адвоката съ дутой славой и родословной царя Давида. Такія мысли занимали Мункина, когда, оставивъ прохладную гостиную Беймовъ, онъ очутился на улицѣ, не зная еще куда ему направить свои стопы. Идти домой ему не хотѣлось, въ судъ было поздно. Да и что за охота присутствовать на представленіи глупѣйшей изъ глупыхъ комедій, когда либо созданныхъ творческимъ гениемъ человѣка. Человѣкъ ищетъ правосудія у человѣка же. Ну, не нелѣпо ли это?

Мункинъ былъ въ душѣ глубокой скептикъ. Въ немъ недаромъ текла кровь древнѣйшаго въ мірѣ народа, выдавшаго всякіе виды на своемъ длинномъ историческомъ пути. Сама профессія его, не признающая другой истины, кромѣ той, которая въ данную минуту полезна и необходима, еще больше развила въ немъ духъ невѣрія и отрицанія. Оставайся онъ благовѣрнымъ евреемъ, онъ былъ бы продувнымъ купцомъ или ловкимъ факторомъ, который подобно Бисмарку «бьется только одного Бога». Но какъ человѣкъ воспитанный и съ высшимъ образованіемъ, онъ умѣлъ искусно носить маску современнаго лицемѣрія, благодаря чему онъ преуспѣвалъ всюду. Но въ данномъ случаѣ, однако, онъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, не зная какъ выйти изъ воды сухимъ. Дѣло въ томъ, что проектируемый Розой «кружокъ мѣстной интеллигенціи» давалъ ему возможность болѣе сойтись съ Розой и приобрести ея довѣріе, но въ то же время участіе въ этомъ кружкѣ налагало на него извѣстныя обязанности, а главное придавало его личности нѣкоторую специфическую окраску, которой онъ, какъ человѣкъ, вращающійся въ *обществѣ*, всего болѣе боялся. Вся задача Мункина состояла теперь въ искусномъ лавированіи между Сциллой и Харибдой, т. е. между требованіями Розы и ея кружка и взглядами «общества». Но и это въ концѣ концовъ Мункинъ преодолѣлъ бы и не только приобрѣлъ бы расположеніе Розы, но и получилъ бы благодарность за ревнивое отношеніе къ нуждамъ бѣдныхъ, еслибы не одно обстоятельство, которое, точно капля яда, отравляло и парализовало его увѣренность. Вначалѣ онъ самъ не придавалъ ему особеннаго значенія, но чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе онъ приходилъ къ за-

включенію, что и самый безвредный человекъ можетъ иногда надѣлать очень много непоправимаго вреда. А этотъ безвредный человекъ, котораго теперь стали бояться Мункинъ, былъ не кто иной какъ Бланкъ. Мункинъ совсѣмъ не зналъ его или зналъ о немъ столько же сколько и всѣ, т. е., что Бланкъ по профессіи ученый, посвятившій себя наукѣ, написавшій нѣсколько цѣнныхъ трудовъ, успѣвшихъ обратить на себя вниманіе. Но для Мункина это было мало и онъ рѣшилъ ближе съ нимъ познакомиться, рассчитывая такимъ образомъ получить возможность въ случаѣ необходимости бороться съ нимъ по всѣмъ правиламъ. Остановившись на этомъ рѣшеніи, Мункинъ подоваль извозчика и велѣлъ ему везти себя въ гостиницу, въ которой жилъ Бланкъ. Онъ былъ почти увѣренъ, что Бланка еще нѣтъ дома, что онъ у Майгольдовъ, но тѣмъ лучше,—онъ оставитъ свою карточку и тѣмъ будетъ положено начало оффиціального знакомства, а тамъ дальше обстоятельства покажутъ, какой политики ему держаться по отношенію къ Бланку. Мункинъ не ошибся: Бланка дѣйствительно не было дома и онъ оставилъ свою карточку, не преминувъ, однако, для своихъ соображеній справиться у швейцара, какой номеръ Бланкъ занимаетъ, кто его посѣщаетъ и т. д.

— Разные господа все бывають,—отвѣчалъ словоохотливый швейцаръ.— Сегодня ихъ очень много было и всѣ карточки пооставляли.

Мункинъ поинтересовался взглянуть на карточки и былъ нѣсколько ошеломленъ именами лицъ, пріѣзжавшихъ сегодня съ визитомъ къ скромному ученому. Странное подозрѣніе промелькнуло въ умѣ Мункина, но онъ не далъ ему разростись, рѣшивъ его запрягать какъ драгоценный камень и потомъ на досугѣ его взвѣсить и оцѣнить. Между прочими карточками была также карточка молодого Бейма и на ней то для отвода глазъ остановилъ Мункинъ свое вниманіе.

— Давно этотъ баринъ былъ?—спросилъ онъ у швейцара.

— Недавно-съ; такъ, часика полтора тому назадъ.

— Съ часъ тому назадъ, говоришь ты?

— Точно такъ-съ.

Мункинъ мысленно улыбнулся.

— Этотъ молодой осель начинаетъ хитрить со мной; это мило—и отчего онъ, дуракъ, скрылъ отъ меня, что собирается нанести визитъ Бланку. Ровно ничего не понимаю. — И бросивъ швейцару свою карточку, Мункинъ ушелъ, обдумывая, чѣмъ бы отмстить Бейму за его вѣроломство.

XV.

Харнасъ былъ того мнѣнія, что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, въ особенности въ дѣлахъ, гдѣ замѣшано сердце. Поэтому какъ только онъ узналъ отъ Ципы, какое приданое Бланкъ назначилъ ей племянницѣ Брайнѣ, онъ надвинулъ свою рыжую шляпу на самый затылокъ и полетѣлъ къ водовозу Нухиму Шрайеру, у котораго мѣсяцъ тому назадъ умерла жена отъ родильной горячки, оставивъ мужу четырехъ дѣтей, не считая грудного, который не принимался въ расчетъ, такъ какъ онъ не сегодня такъ завтра долженъ умереть, какъ увѣряла повитуха. При такихъ обстоятельствахъ Нухиму положи- тельно нельзя было оставаться безъ ховяйки дома, а принимая во вниманіе, что онъ былъ молодой мужчина, то и безъ жены. Все это Харнасъ отлично зналъ и занесъ Нухима Шрайера въ свой списокъ въ тотъ самый моментъ, когда мимо оконъ его квартиры пронесли на мѣсто вѣчнаго успокоенія бѣдную жену водовоза, благочестивую Лею.—Хотя Нухима нельзя было назвать бѣднякомъ (у него была своя лошадь, сбруя и весь водовозный снарядъ какъ для лѣта, такъ и для зимы), тѣмъ не менѣе, для него трудно было подыскать жену. Причинъ тому было много. Во-первыхъ Нухимъ ни за что не хотѣлъ жениться ни на вдовѣ, ни на разведкѣ, а непременно искалъ дѣвицу; во-вторыхъ онъ требовалъ приданого. Хотя въ дѣвицахъ, желающихъ выйти замужъ, въ К. *.* недостатка не было, но за то приданое было большой рѣдкостью, и самъ Харнасъ крайне дорожилъ такими невѣстами и ужъ конечно припасалъ для нихъ болѣе достойныхъ жениховъ, чѣмъ Нухимъ Шрайеръ. Но счастье неожиданно улыбнулось Нухиму и Харнасъ, обладавшій сердцемъ истиннаго еврея, не хотѣлъ быть разрушителемъ этого счастья; однимъ словомъ, Брайна должна была роковымъ образомъ сдѣлаться женой водовоза, а послѣд-

ній—обладателемъ двухсотъ рублей приданого и приличнаго гардероба. Такъ было записано у Харнаса, хотя въ интимной бесѣдѣ съ нимъ Двоя ему заявила, что двухсотъ рублей приданого она Нухиму Шрайеру не дастъ, такъ какъ у нея есть и другія дѣти, о которыхъ некому заботиться; что же касается гардероба, то для Нухима Шрайера будетъ совершенно достаточно, если у жены его будетъ шуба, подбитая бѣличьимъ мѣхомъ, а не лисьимъ, и крытая не бархатомъ, а драпомъ. Зная требованія и вкусъ водовоза, Харнасъ пробовалъ было протестовать, ссылаясь на увѣреніе Ципы, что ея сынъ назначилъ въ приданое Брайнѣ двѣсти рублей, кромѣ гардероба; но Двоя и слышать не хотѣла, причемъ пустила въ ходъ такіе аргументы, противъ которыхъ даже испытанный въ этихъ дѣлахъ Харнасъ ничего не могъ возразить путнаго.

— Прежде всего—заявила она — пусть Нухимъ Шрайеръ не чванится особенно. За что ему такое большое приданое. Вдовець, четверо дѣтей, да еще грудной ребенокъ.

— Который не сегодня завтра умретъ.

— Это еще вилами писано. Такіе заморыши на зло живутъ.

— Пусть такъ. Но вы забываете, что онъ зажиточный хозяинъ и у него прибыльное дѣло.

— Нашли чѣмъ похвалиться. Какое такое у него зажиточное хозяйство? Кляча съ ободраннымъ хвостомъ, водовозка о трехъ колесахъ и большое брюхо, которое требуетъ много хлѣба. А что касается прибыльнаго дѣла, то ужъ позвольте мнѣ судить. Только одно наше горе заставляетъ насъ соглашаться на этотъ бракъ.

— Какъ хотите, а я не могу допустить, чтобъ вы сбавили съ приданого,—категорически заявилъ Харнасъ.

— А я больше ста рублей не дамъ. Не забудьте еще, что моя Брайна не вдова и не разводка... За что Нухиму Шрайеру такой лакомый кусокъ?

Убѣдившись въ твердомъ и безповоротномъ рѣшеніи Двоя не давать больше ста рублей, Харнасъ отправился къ Нухиму. Разъ рѣшивъ облагодѣтельствовать водовоза, онъ ужъ не отступалъ ни предъ чѣмъ, даже предъ необходимостью представить обстоятельства совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ ка-

вомъ они находились. Нухимъ Шрайеръ жилъ на окраинѣ города въ самой нездоровой ея части, куда сваливали всѣ нечистоты. Тутъ далеко не въ живописномъ порядкѣ ютились другъ вольѣ друга грязныя избы и домишки съ покривившимися стѣнами и соломенными и бревенчатыми крышами. Здѣсь жили по преимуществу водовозы, тряпичники, кузнецы и вообще тотъ убогій людъ, которому или совсѣмъ недоступны были центральныя части города, или которые по своему ремеслу не нуждались въ близости центра. Къ этому послѣднему разряду принадлежалъ и водовозъ Нухимъ Шрайеръ, такъ какъ его ремесло, состоявшее въ томъ, чтобы на разсвѣтѣ выѣзжать со своей водовозкой къ бассейну, снабжающему водой городъ, наполнить свою бочку и развозить ее клиентамъ, позволяло ему жить вдали отъ городской суеты. Харнасъ не зналъ, собственно въ какомъ изъ многочисленныхъ домиковъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ на краю громаднаго обрыва, куда сваливались нечистоты, живетъ водовозъ, и онъ съ недовольнымъ видомъ горожанина, привыкшаго къ внѣшнему благоустройству, шагаль по кривымъ переулкамъ, разспрашивая уличныхъ мальчишекъ, гдѣ живетъ Нухимъ Шрайеръ. Наконецъ онъ издали увидѣлъ невысокую, коренастую фигуру водовоза, съ обильной растительностью на головѣ и лицѣ, въ одной сорочкѣ съ открытымъ воротомъ и засученными рукавами и штанахъ съ безчисленнымъ множествомъ заплатъ, какъ спереди, такъ и сзади. Благодаря этому костюму и обильной растительности, вѣроятно давно не видавшей гребешка, Нухимъ Шрайеръ производилъ впечатлѣніе чловѣка, только что получившаго здоровую встрепку. Водовозъ очевидно собирался выѣзжать со двора, такъ какъ стоялъ у своей водовозки и поправлялъ сидѣніе. Тошная, гнѣдая кляча, слѣпая на оба глаза смирно стояла на мѣстѣ, несмотря на то, что пѣлый рой мухъ и оводовъ сидѣлъ у нея на спинѣ, покрытой ссадинами. Она даже не отмахивалась своимъ куцымъ хвостомъ, разумно рѣшивъ, что все равно отъ этого толка не будетъ.

— Съ добрымъ утромъ, Нухимъ, — издали крикнулъ ему Харнасъ.

— Кому утро, а кому день, — не отрываясь отъ своей ра-

боты, рѣзкимъ голосомъ проговорилъ водовозъ.—Я вотъ уже третій разъ сегодня выѣзжаю на работу.

— И въ добрый часъ... Трудъ угоденъ Богу—да и карману. Не такъ ли?

— Ну, не совсѣмъ такъ...

— Не тебѣ бы это говорить, Нухимъ. Стали бы такъ невѣсты къ тебѣ лнуть, еслибы не твоя мошна... Да еще какія невѣсты.—И Харнасъ сладко улыбнулся, многозначительно подмигнувъ водовозу.

Нухимъ Шрайеръ пересталъ копошиться у водовозки и взглянулъ своими сонными глазами на Харнаса.

— Что же ты на меня такъ смотришь,—сказалъ Харнасъ.— Или не вѣришь моимъ словамъ?

— Отчего же не вѣрить... Сватать вѣдь ваше дѣло, какъ мое—воду возить... Одно другого стоитъ.

— Пожалуй, твое ремесло даже лучше,—усмѣхнулся Харнасъ.—Вотъ ты получишь невѣсту съ приданнымъ.

— Уми у васъ жена, и вамъ предлагать невѣсту.

— Ну, откуси себѣ языкъ... А ты мнѣ лучше отвѣчай—хочешь жениться?

— Какъ же не хотѣть... Я еще человѣкъ въ соку.

Харнасъ съ любопытствомъ взглянулъ на водовоза, котораго онъ, собственно говоря, совсѣмъ почти не зналъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, хотя на видъ онъ казался гораздо старше, благодаря грубой загорѣлой кожѣ, крупнымъ чертамъ и обильной растительности на лицѣ и головѣ. Сложенъ онъ былъ довольно крѣпко и, очевидно, былъ приученъ къ труду.

— Ты правъ, тебѣ жениться нужно,—сказалъ Харнасъ послѣ тщательнаго осмотра, лукаво подмигнувъ водовозу:—только ужъ больно ты неряшливо одѣтъ—это жениху не годится.

На волосатомъ лицѣ Нухима появилось нѣчто вродѣ улыбки.

— А вы думаете, что я всегда щеголяю въ этомъ костюмѣ. Вы бы меня видѣли въ субботу... И взглянувъ на свои босые, корявые ноги, онъ прибавилъ:

— Еще недавно мнѣ Хаимъ сапожникъ, вы его знаете вѣроятно, сапоги новые сшилъ.

Харнасъ засмѣялся.

— Вотъ что значить, суженаго конемъ не объѣдешь... Дочку этого Хаима я и предлагаю тебѣ въ жены...

Вмѣсто отвѣта водовозъ ловко взобрался на свое сидѣніе и, схвативъ въ руки возжи и кнутъ, сердито крикнулъ: ну, все!

Пораженный этой неожиданной выходкой водовоза, Харнасъ, однако, не потерялъ присутствія духа и, ухватившись руками за водовозку, трагическимъ голосомъ воскликнулъ:

— Да куда же ты, остолопъ ты эдакій, какая муха тебя укусила? Не забудь, что съ тобой, паршивцемъ, говорить Харнасъ.

— Хотя бы самъ губернаторъ... Не на таковского напали. У Нухима Шрайера есть свой царь въ головѣ. Жениться на дочери такого нищаго, какъ Хаимъ сапожникъ! Да будь у меня вдвое больше дѣтей и вдвое меньше ховяевъ, которыхъ я снабжаю и зиму и лѣто водой, и тогда бы я на ней не женился.

Харнасъ выпустилъ изъ рукъ водовозку и, дѣлая видъ, что онъ выбился изъ силъ, посмотрѣлъ на водовоза съ горькимъ сожалѣніемъ.

— Вотъ что значить быть амгорецомъ (безграмотнымъ). Сталь бы я съ тобой мужикомъ возиться и хлопотать о твоемъ счастьи, еслибы не мое еврейское сердце. Да знаешь ли ты, вляча ты эдакая, что Хаимъ сапожникъ даетъ своей дочери двѣсти рублей приданого и приличный гардеробъ.

Нухимъ Шрайеръ выпустилъ изъ рукъ возжи и, обернувши свое волосатое лицо къ Харнасу, проговорилъ уже менѣе увѣреннымъ тономъ:

— Надувайте кого хотите, только не меня.

— За что же мнѣ тебя надувать, подумай самъ, башка ты безмозглая... Какая мнѣ корысть.

— А кто васъ знаетъ... такое ужъ ваше ремесло... Но только, какъ хотите, а я не повѣрю, чтобы Хаимъ могъ бы дать за дочерью двѣсти рублей. У него и двухсотъ старыхъ подошвъ не найдется.

— А если дать, ты женишься?—искушалъ его Харнасъ.

— Отчего же не жениться... со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Ну, такъ слушай, что я тебѣ скажу. Ты знаешь старую Цицу, которая живетъ у богача Майгольда?

— Какъ не знать... сколько лѣтъ и зимъ туда воду вожу... Вотъ и сейчасъ собираюсь туда же.

— И прекрасно. Вотъ эта самая Цица, или вѣрнѣе, ея сынъ, банкиръ изъ Варшавы, даетъ приданое. Можешь сегодня же справиться у Цицы.

Водовозъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Что то ужъ больно важно, точно въ сказкѣ...

— Дѣйствительно важно, и ты такого счастья совсѣмъ не заслужилъ. Но мнѣ жаль твоихъ дѣтей, которымъ нужна добрая мать, да и клячи твоей, которой бы слѣдовало дать чистую отставку.

— Это правда,—сказалъ Нухимъ, бросивъ жалостливый взглядъ на свою лошадь.—Пора клячѣ на покой... Лѣтомъ еще туда сюда, а вотъ осенью съ ней совсѣмъ сладу нѣтъ... А была лошадь хоть куда.

Слѣпая кляча, какъ бы чувствуя, что разговоръ идетъ о ней, вдругъ подняла морду и взмахнула своимъ куцымъ хвостомъ. Мухи и оводы, облѣпившіе ея спину, поднялись и зажужали въ воздухѣ. Харнасъ отступилъ назадъ шага на два и замахалъ въ воздухѣ своей шляпой.

— Ишь, какъ замахала хвостомъ, куцая... А я думалъ, что она у тебя уже совсѣмъ не дышетъ.

Нухимъ громко засмѣялся.

— Она у меня смирная.

— Это видно... Однако, я тутъ съ тобой заболтался. Скажи же, хочешь жениться или нѣтъ?

— Когда приданое дадутъ.

— Дадутъ.

— Двѣсти рублей?

— Двѣсти рублей.

— И гардеробъ, чтобы былъ приличный.

— По тебѣ,—лаконически проговорилъ Харнасъ.

— Вы не смотрите, что я такой оборванецъ. Въ субботу прифранчусь, сапоги новые одѣну. Нужно, чтобы и жена не отставала. Моя покойница, бывало, какъ одѣвалась—всѣмъ сосѣдкамъ завидно было.

— Ладно, все будетъ... Такъ ты приходи въ субботу смотрѣть невѣсту.

— Зачѣмъ еще смотрѣть. Невѣста, какъ невѣста. Посмотрю ее и послѣ вѣнца.

— Нѣтъ, такъ не годится,—сказалъ Харнасъ.—Нужно обычной соблюдать. Да и невѣстѣ необходимо съ тобой познакомиться. Можетъ быть ты ей не понравишься.

Нухимъ Шрайеръ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Понравится... Что я фаршированная рыба или кугель, чтобы нравиться? Слава Богу, человекъ какъ всѣ.

Харнасъ безнадежно махнулъ рукой.

— Ну, ладно: будь хоть фаршированной рыбой. А придти на смотрины нужно. Я самъ приду за тобой... Только придѣнься какъ слѣдуетъ.

— Ужъ насчетъ этого не беспокойтесь—и мы видали виды.

И взобравшись на свое сидѣніе, Нухимъ изъ всѣхъ силъ ударилъ по спинѣ лошади.—Ну, всѣ... И неуклюжія колеса водовозки наконецъ закричѣли.

Харнасъ поплеся вслѣдъ за водовозомъ, думая о тщетѣ мірской, что съ нимъ каждый разъ случалось, когда онъ удачно обдѣлывалъ какое нибудь брачное дѣльце. А въ удачѣ этого дѣла онъ нисколько не сомнѣвался. Все складывалось какъ нельзя лучше. Женихъ, невѣста, приданое, — все въ исправности. Чего же еще?

С. Ярошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Евреи кистью и карандашомъ¹.

(ВЪ ГЛЫЙ ОЧЕРКЪ АНГЛІЙСКАГО ИСКУССТВА).

I.

Если бы меня кто либо спросилъ: «что есть истина?»—я бы ни минуты не задумался отвѣтить: «всякая картина выдающагося художника». Художникъ можетъ врать, онъ можетъ лѣзть изъ кожи, чтобы представить нѣчто грязное и низменное въ ореолѣ силы, славы и добра, но кисть его никогда не совретъ, и всѣмъ и каждому будетъ громко говорить «не вѣрьте художнику, онъ вретъ!» Когда же художникъ дѣйствительно искрененъ, когда душа его согрѣта неподкупной красотой и взволнована творческой мыслью, тогда и кисть его говоритъ совсѣмъ другое—и написанная имъ картина плѣняетъ васъ своей внутренней правдой. Я говорю «внутренней», потому что внѣшняя правда еще не даетъ истины, еще не даетъ предмета искусства. Картина можетъ быть очень вѣрна оригиналу, изобиловать точно списанными подробностями — и все-таки ничего общаго не имѣть съ искусствомъ. И наоборотъ, картина можетъ представлять нѣчто совершенно фантастическое и въ то же время быть самой истиной. Вотъ почему мы, евреи, такъ много и такъ часто оклеветанные и оболганные, имѣемъ особня причины дорожить тѣми предметами искусства, въ которыхъ мы являемся содержаніемъ. Слыша кругомъ себя злобное шипѣніе, невкую и подлую клевету, обрызганные со всѣхъ сторонъ цѣлымъ океаномъ лжи, намъ должно быть пріятно отдохнуть глазами на картинахъ, на которыхъ мы видимъ себя прошедшими сквозь творческое горнило художника. Въ картинной галлерей мы уже больше не «евреи», а люди, со

¹ Статья „Евреи въ лондонской національной галлерей“, о которой упоминалось въ объявленіяхъ „Восхода“, составляетъ, какъ читатель самъ увидитъ, часть предлагаемаго теперь очерка.

свойственными всему роду человѣческому слабостями и достоинствами. Черная отчасти свою силу въ національности, искусство все-таки не знаетъ національности. Оно беретъ въ послѣдней все то, что типично, благородно, красиво, высоко, и претворяетъ это въ общечеловѣческіе образы, во всемірные идеалы, во что-то всѣми одинаково родное и близкое. Все мелко-національное, все временное и пошлое истиннымъ художникомъ отбрасывается вонъ, какъ чуждое искусству. Лишь то истинно, что вѣчно, и то лишь вѣчно, что истинно.

Но помимо картинъ съ еврейскимъ содержаніемъ, намъ также интересно видѣть картины, писанныя евреями. Интересно это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что, какъ никакъ, а слава нашего соплеменника всегда отражается отчасти и на насъ самихъ. Конечно, что мнѣ Гекуба и что я Гекубѣ? А вотъ, подите, такъ и кажется, что «мы нахали» и что я, потому лишь что принадлежу къ одному племени съ великимъ, напимѣрь, композиторомъ, тоже какъ будто сопричастенъ его успѣху, хотя въ музыкѣ ничего не смыслю. Таковъ психологическій феноменъ, и хотя вы можете и смѣяться надъ нимъ и доказывать всю вздорность моей гордости успѣхами и славой совершенно чужого мнѣ человѣка, но волей-неволей приходится считаться съ явленіемъ, существованіе котораго нельзя отрицать.

Вторая причина интереса, возбуждаемаго въ насъ картинами еврейскихъ художниковъ, это—то, что мы ищемъ въ нихъ нѣчто бытовое, знакомое, что-то такое, что не-еврей наврядъ-ли можетъ намъ дать.

Послѣ такого маленькаго предисловія, надѣюсь, читатель не найдетъ страннымъ, если я постараюсь дать ему здѣсь небольшой очеркъ произведеній искусства въ Англіи, которыя можно считать еврейскими или по ихъ содержанію, или по личности художника. Очеркъ этотъ, хотя далеко не исчерпываетъ всего англійскаго искусства, дастъ все-таки довольно полный обзоръ наиболѣе выдающагося въ немъ по своему значенію для евреевъ.

II.

Итакъ, мы въ вестибюль Лондонской Національной Галлерей. Направо — картины иностранныхъ мастеровъ, налево — англійскихъ. Повернемъ раньше направо. Передъ нами огромная амфи-

лада залъ, стѣны которыхъ увѣшаны произведеніями лучшихъ европейскихъ художниковъ, начиная съ XIII вѣка и кончая началомъ текущаго. Передъ нами самая богатая коллекція картинъ итальянскихъ школъ и очень богатая голландской и испанской школъ; мало представлена лишь Франція и далеко не полно — Германія. Такъ что, побывавъ въ этихъ залахъ, мы можемъ сказать съ нѣкоторымъ правомъ, что видѣли почти все характерное, что можетъ интересовать евреевъ въ произведеніяхъ искусства за прошлые вѣка. Что же тутъ есть еврейскаго? Конечно, мы имѣли бы основаніе сказать, что три четверти изъ числа иностранныхъ картинъ въ Галлерей вдохновлены еврейской исторіей и еврейскими сюжетами, но не желая выйти изъ извѣстныхъ предѣловъ, за которыми уже начинаются спорныя области, мы исключаемъ изъ нашего обзора всѣ картины съ евангельскимъ содержаніемъ и ограничиваемся лишь картинами библейскаго содержанія или съ болѣе новыми мотивами.

Исторія съ Іосифомъ Прекраснымъ очень много занимала старыхъ итальянскихъ мастеровъ. Въ Галлерей имѣются три картины на эту тему. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ кисти Франческо Убертини, а третья — Понтормо. Оба эти художника, съ наивностью и мажорностью, отличавшими искусство начала шестнадцатаго вѣка, старались передать на полотно послѣдовательную цѣпь событій, на основаніи библейскаго разсказа. Картины Франческо Убертини, очевидно, предназначались какъ украшеніе для ящичковъ комода или для какого нибудь письменнаго бюро, наружныя стѣнки которыхъ покрывались у богатыхъ итальянцевъ XIV—XVI вѣковъ художественной работой. На одной изъ этихъ картинъ, имѣющихъ продолговатую форму, посрединѣ нарисованъ портикъ, на порогѣ котораго стоитъ Іосифъ; съ лѣвой стороны къ нему приближаются братья съ мѣшками и посудой, которую они снимаютъ со спинъ ословъ, а по правую сторону братья удаляются уже съ переполненными мѣшками и посудой и нагружаютъ ихъ на своихъ вьючныхъ животныхъ, ставшихъ теперь уже задомъ къ крыльцу. Содержаніе второй картины менѣе понятно. Въ лѣвомъ углу ея представлено, какъ братья двигаются съ двумя мальчиками впереди, одянь изъ которыхъ плачетъ; а въ правомъ углу картины тѣ же лица стали передъ какимъ-то вонномъ, у ногъ котораго простерся плакавшій раньше

юноша. Одинъ каталогъ объясняетъ это какъ инцидентъ продажи Иосифа египтянамъ, а другой каталогъ—официальный—считаетъ, что это братья идутъ съ Веніаминомъ въ Египетъ въ поискахъ за хлѣбомъ, и явившись туда, Веніаминъ падаетъ ницъ передъ Иосифомъ.

Эти картины, несмотря на то, что со времени ихъ созданія прошло около 350 лѣтъ, еще отлично сохранились и отличаются особенной свѣжестью и гармоніей красокъ.

Художникъ мало заботился объ исторической и этнографической вѣрности, или лучше сказать, вовсе не думалъ о ней. Его фигуры одѣты во всевозможные костюмы: въ древне-греческіе хитоны и сандалии, въ средневѣковыя плюшевыя накидки и шляпы съ перьями, съ тюрбанами и чалмами на головахъ и въ тугопоясанные штаны съ пряжками у колѣнъ, но зато группировка фигуръ, сочетаніе красокъ и выразительность и изящество позъ обнаруживаютъ въ художникѣ великій талантъ и невольно привлекаютъ къ себѣ ваше вниманіе. Если близко и подробно изучить эти картины, то можно открыть въ нихъ нѣкоторый символизмъ, которымъ руководствовался художникъ при выборѣ своихъ красокъ. Очевидно, что онъ пользовался предсмертнымъ словомъ Іакова для характеристики двѣнадцати братьевъ, старался выразить опредѣленнымъ цвѣтомъ краски или комбинаціей цвѣтовъ тотъ или другой характеръ. Такъ, напр., Іуду можно узнать по красному цвѣту накидки, Веніамина по синему, и т. д.

Картина Понтормо, названная «Иосифъ въ Египтѣ», состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ послѣдовательныхъ эпизодовъ, которые отлично могли бы послужить для современнаго художника сюжетами для пяти разныхъ картинъ. Въ лѣвомъ углу картины представленъ фараонъ въ бѣлой чалмѣ, окруженный слугами. Передъ нимъ стоитъ Иосифъ съ братьями въ челобитныхъ позахъ. Въ нижнемъ правомъ углу Иосифъ сидитъ на триумфальной колесницѣ, запряженной голами дѣтьми, и наклоняется, чтобы принять прошеніе отъ человѣка, ставшаго на колѣни. Посрединѣ картины оживленная группа людей, очевидно, жалуется на то, что ни сѣна, ни скота у нихъ уже нѣтъ, и предлагаютъ себя и землю свою фараону за хлѣбъ. Выше видна лѣстница, по которой поднимаются нѣсколько фигуръ. Это Иосифъ съ женою и дѣтьми идутъ принять благословеніе отъ умирающаго отца. Пятая сцена

представляетъ и самый этотъ моментъ благословенія. На постели лежитъ умирающій патриархъ, простершій руки надъ головами преклоняющихся внуковъ Эфраима и Менаше.

Пантормо принадлежалъ къ флорентинской школѣ итальянскихъ живописцевъ и описанная только что картина считается его лучшей работой. Для насъ, конечно, эти картины не столько интересны потому, что въ нихъ дѣло идетъ о еврейскихъ патриархахъ, хотя и это можетъ имѣть свое значеніе, сколько потому, что они иллюстрируютъ рассказъ, знакомый каждому изъ насъ съ нашего дѣтства. Мы всѣ читали эту исторію, и большинство изъ насъ по настоящее время усматриваетъ въ благословеніи патриарха залогъ нашего будущаго процвѣтанія и утѣшеніе въ настоящемъ.

III.

Исторія о Сусаннѣ и нечестивыхъ старѣйшинахъ воспроизводится на двухъ картинахъ: художникомъ Лудовико Караччи и Гвидо Рени. Оба эти художника принадлежатъ къ одной и той же эклектической школѣ, т. е. къ эпохѣ надервіа итальянскаго искусства, къ концу XVI и началу XVII вѣва. Какъ извѣстно, трогательная исторія о Сусаннѣ рассказана въ апокрифахъ. Л. Караччи и Гвидо Рени взяли одинъ и тотъ же моментъ, когда дѣломудренную жену богача Іоахима искушаютъ нечестивые и порочные старѣйшины и угрожаютъ донести на нее народу. Но въ то время какъ Караччи главнымъ образомъ стремится передать всю душевную борьбу прекрасной и невинной еврейки, Гвидо Рени больше заинтересованъ искусителями ея, старческое сладострастіе которыхъ при видѣ красивой женщины онъ и пытается изобразить на своей картинѣ. Сюжетъ этотъ былъ взятъ многими художниками, но картина Караччи считается наиболѣе приличной иллюстраціей изъ всѣхъ, какія только были написаны на эту тему. Она стоитъ значительно выше созданія Рени, которое Джонъ Рескинъ считаетъ «произведеніемъ, лишеннымъ искусства и приличія».

Надъ вышеописанной картиной Франческо Убертини «Іосифъ съ братьями» виситъ въ галереѣ другая картина еврейскаго содержания: «Эсфирь передъ царемъ Артаксерксомъ», принадлежащая кисти Доминика Беккафуми. Верхній лѣвый уголъ картины за-

нять порталомъ дворца, въ тѣни котораго сидитъ царь, а передъ ними стоитъ Эсфирь съ другой женской фигурой. Лицо царя настолько въ тѣни, что его совсѣмъ не видно. Эсфирь же, хотя и отлично освѣщена, занимаетъ слишкомъ мало мѣста въ сравненіи съ размѣрами всей большой картины, чтобы черты ея лица могли быть отчетливо замѣтны. Художникъ, однако, не имѣлъ въ виду нарисовать образъ прекрасной Эсфири. Очевидно, его замыслы были шире и онъ хотѣлъ изобразить инцидентъ избранія ея царемъ въ жены въ полномъ объемѣ его, со всѣми деталями. Съ этой цѣлью нижняя половина картины занята очень оживленными и прекрасно выписанными группами людей, мужчинъ и женщинъ, направившихъ свои взоры по направленію къ дворцу, указывающихъ туда руками и выражающихъ всѣми своими позами взволнованное состояніе души. Въ противоположномъ углу отъ дворца сидитъ сверженная Вашти.

Картина не принадлежитъ къ выдающимся произведеніямъ искусства, но она для насъ цѣнна искренней и благожелательной попыткой крупнаго художника передать на полотно одинъ изъ интереснѣйшихъ и, по моему, характернѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи.

Чтобы покончить съ итальянскими школами, отмѣтимъ еще замѣчательную картину Эрколе де Роберто Гранди: «Израильтяне, собирающіе манну». Картина написана во второй половинѣ XV в., въ эпоху полного расцвѣта итальянскаго искусства.

Глядя на нее, вы видите, какъ дѣти и взрослые, мужчины и женщины, во всевозможныхъ позахъ, собираютъ что то въ кувшины и корзины, передаютъ другъ другу, тащатъ на головѣ и спинѣ и кладутъ себѣ въ ротъ. Для своего времени картина написана съ большимъ реализмомъ, даже съ слишкомъ большимъ, и художникъ хватилъ даже черезъ край, нарисовавъ на ней мальчика съ продранными штанами. Хорошо, если взрослые носили въ то время штаны въ пустынѣ, а ужъ гдѣ тутъ малымъ мальчишкамъ до штановъ! Рубенсъ¹, написавъ картину на ту же тему, былъ, пожалуй, ближе къ истинѣ, представивъ собирателей манны совершенно голыми и набросивъ только на женскія фигуры легкую ткань. Но Рубенсъ стремился лишь къ изображенію

¹ Его картина находится въ частной коллекціи герцога Вестминстерскаго.

совершенныхъ формъ человѣческаго тѣла, а Гранди заботился главнымъ образомъ о полномъ воспроизведеніи библейскаго сюжета.

IV.

У болѣе позднихъ художниковъ евангельскія темы почти совершенно исчезаютъ, а библейскія встрѣчаются все рѣже и рѣже. Наивная вѣра людей XIII—XV вѣковъ уступаетъ индифферентизму XVI и XVII в., а затѣмъ скептицизму XVIII вѣка. Если художникъ за послѣднія два—три столѣтія и вдохновляется какимъ нибудь старо-библейскимъ разсказомъ, то не столько потому, что его трогаетъ самъ разсказъ своей теплотой, моралью, колоритомъ или традиціей, сколько потому, что видитъ въ немъ хорошій ярлычекъ для своей картины. Дѣло уже не въ самомъ библейскомъ событіи, а въ возможности воспользоваться имъ, какъ заглавіемъ къ своему собственному замыслу. Таковы, наприимѣръ, картины Клода Лоррена и Гаспара Пуссена, двухъ замѣчательныхъ французскихъ художниковъ, жившихъ въ XVII столѣтіи. Картина Клода Лоррена названа «Свадьба Исаака и Ревеки», но она съ такимъ же правомъ могла быть названа «пикникъ въ лѣсу» или «завтракъ на берегу пруда» и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Его картина—превосходный ландшафтъ съ фигурами. Нижняя часть картины представляетъ лужайку съ прудомъ и коровами слѣва и пригоркомъ—справа. Выше видно озеро съ водопадомъ и лѣсомъ. Лужайка отдѣляется отъ озера дорогой, по которой спускаются какіе то люди. На озерѣ плаваютъ суденышки; на лужайкѣ сидитъ группа молодыхъ женщинъ; на пригоркѣ стоитъ другая группа — мужчинъ и женщинъ; кое гдѣ видны женщины съ кувшинами на плечахъ. Все носитъ характеръ искусственной граціозности, «пейзанской идилличности» и фальшивой пасторальности, столь свирѣпствовавшихъ среди французской аристократіи временъ Людовиковъ XIV и XV. Въ этомъ же духѣ написаны свои картины на библейскія темы и Гаспаръ Пуссенъ. Въ Национальной Галереѣ я нашелъ его двѣ такихъ картины, названныя «Авраамъ и Исаакъ» и «Привывъ ангела къ Аврааму». Обѣ картины не болѣе, не менѣе какъ ландшафты, въ которыхъ нѣтъ ничего библейскаго.

Къ этому же классу художниковъ, которые хотя и брали сюжеты изъ Библии, но менѣе всего думали о Библии, относится и Ру-

бенсъ. Его картина съ библейскимъ содержаніемъ въ Національной Галлерей называется «Мѣдный змѣй».

Вы, конечно, знаете, разсказъ о томъ, какъ Господь «послалъ на народъ ядовитыхъ змѣй, которыя уязвляли народъ и умерло множество народа», и какъ потомъ Моисей, по повелѣнію Божию, сдѣлалъ мѣднаго змѣя и положилъ его на шесть и «когда змѣй ужаливалъ человѣка, а этотъ взглядывалъ на мѣднаго змѣя, то оставался живъ». Вотъ это-то событіе великій фламандскій художникъ изобразилъ на огромномъ полотнѣ.

Извѣстный художественный критикъ Джонъ Рескинъ, говоря объ этой картинѣ (въ «Stones of Venice»), проводитъ интересную параллель между нею и двумя другими картинами на тотъ же сюжетъ, написанными Микель-Анджело и Тинторето. Рубенсъ и Микель-Анджело нарисовали библейскихъ змѣй огромными удавами, обвинившимися вокругъ своихъ жертвъ. У Тинторета же змѣи представлены въ видѣ небольшихъ и летучихъ чудовищъ, на подобіе рыбъ съ крыльями, а израильтяне не конвульсируютъ и не корчатся въ страданіяхъ большими группами, а разбѣяны далеко по полю въ обморочномъ состояніи. Рескинъ находитъ послѣднее толкованіе болѣе близкимъ къ библейскому тексту, въ которомъ говорится лишь объ «уязвленіи» змѣями, а не о сокрушеніи ими своихъ жертвъ. «Тѣмъ болѣе»,—прибавляетъ критикъ,—«что удавы, какъ мы это неволью сами чувствуемъ, не появляются цѣлыми арміями, и мы поэтому смотримъ на картину Рубенса съ такимъ же отсутствіемъ душевнаго волненія, какъ и на ручку вазы или другой предметъ, сдѣланный въ формѣ змѣи, когда по порядку вещей никакой змѣи здѣсь ожидать нельзя».

Современникъ Рубенса, знаменитый Рембрандтъ, былъ большой другъ евреевъ, среди которыхъ жилъ и работалъ. Это обстоятельство не осталось безъ слѣда и въ его работахъ, и дѣйствительно въ «Національной Галлерей» мы находимъ два портрета его кисти, замѣчательныхъ по выразительности и характерности изображенныхъ на нихъ евреевъ. Одинъ портретъ написанъ съ «еврея-купца», а другой — съ «еврейскаго раввина». Купецъ, одѣтый въ богатый костюмъ, опушенный дорогимъ мѣхомъ, въ мѣховой же шапкѣ, сидитъ въ широкомъ креслѣ, поставленномъ спанкой къ лѣвому краю картины. Купецъ смотритъ на насъ, въ полуоборотъ головы, умными и проникающими насевозь

глазами, съ едва замѣтной улыбкой на тонкихъ губахъ. Вы сразу видите передъ собою человѣка себѣ-на-умѣ, но далеко не хищника-кулака. Это просто умный и практическій человѣкъ, не лишенный и духовныхъ задачъ. Это словомъ — еврейскій купецъ добраго стараго времени, когда въ свободныя минуты онъ, бывало, клалъ въ сторону счеты и бралъ въ руки толстый фоліантъ Талмуда. Раввинъ же представляетъ собою, наоборотъ, типъ человѣка «не отъ міра сего». Не то что бы онъ былъ аскетомъ или ангельски-добрымъ, но въ его полузакрытыхъ глазахъ сквозить нѣчто духовное, серьезное и замѣчательно спокойное. Очевидно, интересы этого человѣка лежать не въ наживѣ, не въ скопленіи богатства, даже не въ честолюбіи, а въ болѣе высокихъ идеалахъ. Это — еврейскій раввинъ опять-таки добраго стараго времени, времени, когда однимъ изъ достоинствъ еврея было то, что онъ не зналъ «образа монеты».

V.

Портретами Рембрандта мы закончили нашъ обзоръ иностранныхъ художниковъ въ лондонской національной галлерей. Теперь перейдемъ къ національно-англійскому искусству и посмотримъ, что оно дало болѣе или менѣе интереснаго съ нашей спеціальной точки зрѣнія.

При этомъ мы сейчасъ же заявляемъ, что въ англійскомъ отдѣленіи галлерей удивительно мало картинъ съ еврейскими сюжетами. Будучи главнымъ образомъ произведеніями XVIII и XIX вѣвовъ, англійскія картины вообще мало касаются библейскихъ или евангельскихъ сюжетовъ. Национальная живопись Англій занята больше всего ландшафтомъ и затѣмъ жанромъ и иллюстраціями къ типамъ и сценамъ великихъ англійскихъ писателей, а также историческимъ событіямъ. Но помимо этого, въ Национальной Галлерей почти совершенно еще не представлено англійское искусство за послѣднія 30—40 лѣтъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ англійскихъ художниковъ не имѣютъ ни одной изъ своихъ картинъ въ галлерей, а тѣ, которые имѣютъ, представлены лишь одной или двумя-тремя картинами всего — и то далеко не лучшими своими работами. Чтобы изучить англійскихъ мастеровъ втораго полустолѣтія нашего вѣка, нужно искать ихъ по частнымъ галлереймъ,

по провинціальнымъ музеямъ, въ англійскихъ колоніяхъ или въ Америкѣ. И поэтому читатель не долженъ ожидать много интересующихъ насъ картинъ въ англійскомъ отдѣленіи Нац. Галлерей. И дѣйствительно, во всемъ этомъ отдѣлѣ, состоящемъ больше чѣмъ изъ десяти залъ, я могъ насчитать лишь нѣсколько картинъ съ нѣкоторымъ правомъ на названія «еврейскія», и то при большой натяжкѣ, какъ напр., двѣ картины, очень, впрочемъ, не важныя, знаменитаго художника Тернера, названныя «Десятая казнь египетская» и «Разрушеніе Содома». Та и другая, собственно говоря, представляютъ собою одни пейзажи и почти ничего не говорятъ о самихъ библейскихъ сказаніяхъ, которыя онѣ будто иллюстрируютъ. Затѣмъ мы находимъ тамъ «Видѣніе Езекиила» — Пула, художника, умершаго въ 1879 г.; «Іерусалимъ» Седдона и нѣсколько другихъ. Лишь одна картина во всемъ англійскомъ отдѣленіи Національной Галлерей можетъ съ полнымъ правомъ назваться еврейской, какъ по темѣ своей, такъ и по личности художника. Это картина Соломона Гарта «Въ Синагогѣ». Но объ этой картинѣ я буду имѣть случай дальше говорить болѣе подробно, когда рѣчь пойдетъ о художникахъ евреехъ.

Мы такимъ образомъ окончили нашъ осмотръ лондонскій Національной Галлерей. Посмотримъ теперь, что намъ могутъ дать частныя галлерей и другіе музеи въ Лондонѣ и провинціи. Лучшими художниками Англии во второй половинѣ нашего вѣка, писавшими иногда на библейскіе сюжеты, слѣдуетъ считать недавно умершихъ сэра Миллэ и лорда Лейтона, бывшихъ одинъ за другимъ президентами лондонской академіи художествъ, сэра Пойнтера, нынѣшняго ея президента, Голмана Гента и нѣсколькихъ другихъ. Начнемъ съ Лейтона. Онъ былъ президентомъ лондонской академіи художествъ съ 1878 г. по день своей смерти, послѣдовавшей въ началѣ 1896 г. Намъ особенно удобно начать съ него, такъ какъ теперь какъ разъ происходитъ выставка почти полной коллекціи его картинъ и такимъ образомъ имѣемъ возможность сразу увидѣть, что его интересовало въ еврейской исторіи.

Сэръ Лейтонъ былъ главнымъ образомъ декоративнымъ художникомъ, т. е. онъ полагалъ, что картина имѣетъ главной цѣлью нравиться глазу, но ничуть не призвана трогать сердце или вызывать глубокія мысли въ умѣ зрителя. Достоинства его картинъ

состоятъ въ гармоніи красокъ, въ вѣрномъ рисункѣ, въ живописномъ расположеніи фигуръ и въ красотѣ ихъ. Но, какъ большой талантъ, онъ въ то же время не избѣгалъ и драматическихъ моментовъ, которые онъ съ большимъ мастерствомъ отпечатлѣвалъ своей кистью, хотя и тутъ внѣшняя красота и изящество часто оставляли въ тѣни внутреннюю сторону сюжета. Главнымъ источникомъ его художественнаго творчества служилъ классическій міръ грековъ и римлянъ, но временами онъ вдохновлялся и еврейской исторіей. Онъ рисовалъ на библейскія темы перомъ и карандашемъ, какъ иллюстраторъ, и масляными красками—какъ живописецъ. Его библейскія иллюстраціи къ извѣстному въ Англіи изданію Далзіела наврядъ-ли кѣмъ либо превзойдены по выразительности и красотѣ формъ. Его картинка «Моисей, смотрящій на Обѣтованную Землю» полна величія и удивительно хорошо намекаетъ на грандіозность момента. Хороши также и его иллюстраціи къ подвигамъ Самсона, который словно отлитъ изъ бронзы. Какъ живописецъ, Лейтонъ далъ большія картины: «Давидъ», «Ионафанъ и Давидъ», «Еврейскій кварталъ въ Дамаскѣ», «Илія въ пустынѣ», «Рицпа» и другія. Своей картиной «Давидъ» художникъ хотеть иллюстрировать содержаніе 55-го псалма. Давидъ представленъ въ видѣ высокой, мощной, чуточку сутуловатой фигуры, съ восточнаго типа лицомъ. Онъ сидитъ на высокой, открытой верандѣ, въ широкихъ, падающихъ въ складкахъ, одѣяннѣхъ. Царь-псалмопѣвецъ на время удалился отъ царедворцевъ и меланхолично смотритъ въ даль. Подъ нимъ раскинулся городъ, съ его «насиліемъ и распріей», съ уллицами, съ которыхъ «не сходятъ обманъ и коварство». И слѣдя глазами за рѣющимъ въ воздухѣ голубемъ, онъ шепчетъ: «кто мнѣ дастъ крылья голубинныя, я бы полетѣлъ и отдохнулъ. Далеко удалился бы я и оставался бы въ пустынѣ». Въ этой картинѣ, какъ въ другой—«Илія въ пустынѣ», отлично соблюдена гармонія между рисункомъ, красками и сюжетомъ. Угрюмо-мечтательное настроеніе псалмопѣвца подчеркивается не совсѣмъ свѣтлымъ фономъ красокъ, облаками съ ихъ серебристыми краями и тяжелой тѣнью, легкой на долину. На картинѣ «Илія въ пустынѣ» усталость и измученность пророка особенно выдѣляется при сравненіи его съ стоящимъ передъ нимъ ангеломъ, явившимся съ кувшиномъ въ рукѣ сказать: «встань, ѣшь!» Въ то время какъ пророкъ олицетворяетъ собою безнадежность и угнетеніе, ангель

представляетъ собою самоувѣренную силу и полную достоинства уравновѣшенность.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ его картина «Рицпа», написанная на эпизодъ изъ второй книги Царствъ. Несчастливая мать Рицпа, двое синовей которой были повѣшены вмѣстѣ съ пятью сыновьями Мелходы, дочери Саула, для умиловленія мстительныхъ гаванитянъ, какъ читатель, конечно, знаетъ, «взяла вѣтище и разострала его себѣ и отъ начала жатвы до того времени, пока не полились осенніе дожди, не допускала касаться ихъ птицамъ небеснымъ днемъ, и звѣрямъ полевымъ ночью». Лейтонъ и представилъ на своей картинѣ повѣшенные трупы несчастныхъ отпрысковъ Саула и мать ихъ съ палкой въ рукахъ, отгоняющую днемъ и ночью хищныхъ звѣрей и птицъ отъ милыхъ ея сердцу покойниковъ. Художнику не удалось однако передать на полотно замѣчательный материнскій любвеобильный образъ, воплощенный въ этой библейской Рицпѣ.

VI.

Послѣ смерти Лейтона президентомъ лондонской академіи художествъ былъ избранъ Миллэ, не многимъ пережившій своего предшественника. Какъ художникъ, Миллэ стоялъ выше Лейтона. Въ молодые годы свои онъ принадлежалъ къ «дорафаэлитскому братству», т. е. къ группѣ молодыхъ людей, ставившихъ реализмъ въ исполненіи и романтизмъ въ содержаніи главнымъ своимъ принципомъ... Въ послѣдніе годы своей жизни Миллэ оставилъ романтизмъ, сталъ брать сюжеты изъ классическаго и библейскаго міра, но остался тѣмъ непревзойденнымъ реалистомъ, какимъ онъ выступилъ въ 1856 г. съ своей картиной «Мастерская плотника» (на евангельскій сюжетъ). Этотъ то реализмъ, который онъ любилъ вносить во всякое свое произведеніе, дѣлаетъ художника особенно интереснымъ для насъ, когда его кисть воспроизводитъ эпизоды изъ еврейской исторіи. Миллэ написалъ на еврейскіе сюжеты всего двѣ-три картины и изъ нихъ замѣчательной силой и красотой выдается большая картина «Іефеай и его дочь». Эпизодъ—самъ по себѣ въ высшей степени драматиченъ. Что можетъ быть болѣе потрясающе, болѣе трагично, чѣмъ положеніе отца, которому изъ-за торжественно даннаго священнаго обѣта прихо-

дится принести въ жертву свою единственную любимую дочь? Этотъ библейскій эпизодъ глубоко трогаетъ насъ, когда мы читаемъ о немъ простые, безхитростныя слова въ книгѣ Судей Израилевыхъ, но еще сильнѣе выступаетъ драматичность его и красота его героини въ поэтичномъ прощаніи, написанномъ Байрономъ (въ его «Еврейскихъ мелодіяхъ»). Вотъ этотъ то моментъ прощанія дочери съ отцомъ Миллэ представилъ на своей картинѣ. Іефеай сидитъ въ большомъ креслѣ. Дочь его обвиняетъ. Направо, черезъ распахнувшуюся портьеру, видны три женскія фигуры, средняя изъ которыхъ стоитъ спиною къ зрителю, съ понурой головой и поддерживаемая двумя другими. Очевидно, это мать или няня. Какое то любопытное лицо заглядываетъ, просовывая голову изъ-подъ портьеры. Нѣсколько слугъ, мальчиковъ и дѣвушекъ, лежатъ по восточному на полу, стоятъ за кресломъ и впереди него. Голова Іефеая опущена въ глубокомъ горѣ. Всѣ взглядываютъ на него съ участіемъ или съ любопытствомъ. Дочь же его смотреть на предстоящую смерть безъ страха, сознавая себя жертвой за великое дѣло, за свободу народа и отца, и ее не столько беспокоитъ собственная ея участь, сколько горе и отчаяніе родителя. Дочь Іефеая, эта готовая на самопожертвованіе дѣвушка, эта олицетворенная рѣшимость и дочерняя нѣжность—еврейка не только по тексту библейскаго разсказа, но и по глазамъ, по чертамъ лица и по выраженію его, такъ прекрасно удавшемуся художнику.

Знаменитый основатель «дорафаэлитскаго братства», товарищъ и другъ покойнаго Миллэ, Голманъ Гентъ, хотя писалъ свои картины, какъ изъ евангельской, такъ и библейской исторіи, исключительно съ точки зрѣнія христіанской, далъ намъ все-таки произведенія искусства, которыя евреи смѣло могутъ считать «своими». О двухъ его картинахъ: «Свѣтъ міра» и «Христосъ въ храмѣ», подробно уже говорилъ В. В. Стасовъ, со свойственнымъ ему живымъ и теплымъ чувствомъ, въ «Еврейской Библіотекѣ», т. V, въ статьѣ «Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства». Нашъ уважаемый критикъ отнесся очень строго къ Генту, одному изъ величайшихъ художниковъ нашего вѣка, но и онъ долженъ былъ признаться, что «столько еврейства, столько еврейской исторической древности, столько разнообразныхъ еврейскихъ фигуръ и лицъ, съ истиннымъ ихъ палестинскимъ типомъ, восточными

позами и ухватками, столько торжественной еврейской красоты, столько храмовыхъ и іерусалимскихъ подробностей—не представляла до Голмана Гента ни одна европейская картина... Онъ изучилъ въ самой Палестинѣ, среди самихъ еврейскихъ поселеній, тѣ характеры, лица, фигуры и національныя подробности, которыя соединилъ потомъ въ одну поразительную, сильно захватывающую зрителя, полную торжественности, новизны и великолѣпія картину».

Къ сожалѣнію, мы не находимъ у В. В. Стасова описанія другой картины Голмана Гента, его «Козла отпущенія». Эта картина, дѣйствительно, не даетъ ничего типично-еврейскаго, и если бы она не была снабжена объяснительной надписью, то никто и не догадался бы, что дѣло идетъ о библейской темѣ. Благодаря же надписи, древне-библейскій обрядъ, съ его, повидимому, узконаціональнымъ и суевѣрнымъ характеромъ, получаетъ особый смыслъ и обще-человѣческое значеніе. Содержаніе картины довольно просто. Передъ нами гористая, пустынная мѣстность съ козломъ на первомъ планѣ. Больше ничего. Но чѣмъ больше вы всматриваетесь, тѣмъ все больше и больше вами овладѣваетъ глубокое чувство жалости и тоски, та сладострастная горечь, которую возбуждаетъ въ васъ сознаніе о роковой несправедливости и о вызываемомъ ею великомъ актѣ любви и самопожертвованія. Въ томъ-то и трагизмъ міра, что величайшій порывъ души—самопожертвованіе,—возможенъ лишь при существованіи несправедливости, въ природѣ или среди людей. Гдѣ есть беззаконіе—тамъ бываетъ и козель отпущенія, вольный или невольный. По замыслу Голмана Гента, козель загонялся къ пустыннымъ берегамъ Мертваго моря. Сюда, измученный, истощенный, избитый и голодный, онъ прилетался къ закату солнца, чтобы испустить свой послѣдній вздохъ за грѣхи людей. На берегу валяются кости его предшественниковъ, облеванныя коршунами и вымоченныя соленой водой, часто заливающей прибрежную пустыню. По другую сторону озера поднимаются мрачныя, дикія, островочныя скалы длинной горной цѣпи. Рога жертвы перевязаны красной лентой. Козель стоитъ, понуро опустивъ голову, и глядитъ на васъ жалостными и безконечно-добрими глазами, словно говоря: «страдаю несправедливо, но радъ пострадать за другихъ». Художникъ прибавилъ къ картинѣ въ видѣ объясненія слѣдующія строки, изъ

пр. Исаи (гл. 53, 4—6): «Но онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничтоженъ Богомъ. Но онъ изъязвленъ бытъ за грѣхи наши, и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложилъ на него грѣхи всѣхъ насъ». При этомъ художникъ вставилъ свою картину въ раму съ крестомъ, придавъ ей такимъ образомъ символически-христіанскій характеръ, котораго, конечно, библейскій обрядъ не имѣлъ. Картина Голмана Гента указываетъ значить на глубокой символическій смыслъ древне-библейскаго обряда. Этотъ художникъ, желая всегда быть вѣрнымъ натурѣ, встрѣчалъ не мало затрудненій при рисованіи еврейскихъ типовъ. Объ этомъ онъ разсказалъ въ журналѣ «Contemporary Review», въ 1886 году, и затѣмъ я слышалъ отъ него лично, какъ іерусалимскіе евреи, принявъ его за миссіонера, отказывались позировать для его художественныхъ сеансовъ и ни за какія деньги не хотѣли посѣщать его мастерскую. Можно себѣ представить отчаяніе молодого художника (ему тогда было около 30 лѣтъ) и далеко не богатаго, нарочно пріѣхавшаго въ Палестину, потратившаго столько денегъ и времени, чтобы рисовать съ природы — и вдругъ не нашедшаго ни одного натурщика. Къ счастью, въ то время посѣтили Іерусалимъ Моисей Монтефіоре и Мокатта — и молодой художникъ бросился къ нимъ за протекціей. Одно изъ словъ было довольно, чтобы разсѣять существовавшее противъ него предубѣжденіе — и послѣ этого у него отбоя не было отъ евреевъ, желавшихъ выступить натурщиками.

Послѣ Голмана Гента лишь одинъ европейскій художникъ, французъ Тиссо, написавшій рядъ акварелей на евангельскіе сюжеты, такъ близко, такъ подробно изучилъ палестинскіе типы и ландшафты. И англичанинъ Гентъ и французъ Тиссо намъ дороги тѣмъ, что они не постѣснились показать своими картинами, что Евангеліе никакъ нельзя отдѣлить отъ евреевъ...

VII.

Изъ другихъ болѣе молодыхъ современныхъ художниковъ Англія библейскими темами занимается главнымъ образомъ трое:

Тофамъ, Эрнестъ Нормандъ и Гербертъ Шмальцъ. Всѣ три художника очень талантливы и свои сюжеты они трактуютъ съ большой любовью и добросовѣстностью. Наиболѣе удачными картинами этого рода у Норманда слѣдуетъ считать «Эсфирь, обвиняющая Амана передъ царемъ Артаксерксомъ», «Мордохай, отказывающійся падать ницъ передъ Аманомъ», и «Саулъ и Давидъ». У Тофама слѣдуетъ отмѣтить «Посвященіе Самуила старымъ Эліемъ», очень напоминающее старо-итальянскія «мадонны» фигурами мальчика Самуила и матери его Анны.

Полна также экспрессіи, типичности и изящества картина Шмальца: «Иудейскія женщины на рѣбахъ вавилонскихъ». Къ сожалѣнію, общій характеръ картины слишкомъ отдаетъ театральностью и совершенно неумѣстной здѣсь восточной торжественностью обстановки.

По временамъ прибѣгаютъ къ библейскимъ сюжетамъ и упомянутый уже выше нынѣшній президентъ академіи сэръ Пойнтеръ, академикъ Ватергаузъ и нѣкоторые другіе. Много картинъ на библейскія темы можно также увидѣть въ «дипломной галлерей» лондонской академіи художествъ. Боясь, однако, утомить читателя дальнѣйшимъ описаніемъ картинъ, я перейду къ иллюстраціямъ, тѣмъ болѣе что всѣ эти картины, особенно въ «дипломной галлерей», хотя и принадлежать очень крупнымъ художникамъ, имѣютъ очень небольшую художественную цѣнность. Въ дипломную галлерей обязанъ доставить картину каждый вновь избранный академикъ, при полученіи имъ диплома на свое новое званіе, и такъ какъ за картину ничего не платятъ, то художникъ обыкновенно отдастъ сюда далеко не лучшую свою вещь, на томъ обще-принятомъ основаніи, что даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Главное мѣсто среди иллюстрацій занимаетъ опять таки Библия. Самыми знаменитыми въ Англіи иллюстраціями къ ней считаются вошедшія въ такъ называемую «библейскую галлерей» братьевъ Далzielъ. Въ этомъ роскошномъ изданіи находимъ рисунки лучшихъ англійскихъ художниковъ: сэръ Лейтонъ, Симеонъ, Соломонъ, Голманъ Гентъ, Пойнтеръ, Мадоксъ Броунъ, Уотсъ, Берне-Джонсъ, Пикерсгилъ, Далzielъ и два-три другихъ— вотъ сотрудники этого художественнаго изданія. Слѣдуетъ однако сказать, что хотя рисунки этихъ художниковъ очень интересны съ точки зрѣнія об-

щаго искусства, они рѣшительно ничего не даютъ типически-еврейскаго и очень мало освѣщаютъ тѣ библейскія событія и характеры, которые они иллюстрируютъ.

Гораздо болѣе жизненна и, съ точки зрѣнія нашего очерка, болѣе интересна для насъ другая книга съ иллюстраціями, въ которой дѣло идетъ не о библейскихъ сценахъ и типахъ, а о современномъ намъ русско-польскомъ и галиційскомъ еврейѣ. Такая книга—или лучше: книжка—вышла здѣсь въ 1892 г. и составлена извѣстнымъ лондонскимъ иллюстраторомъ и художественнымъ критикомъ Джозефомъ Пенелломъ, посѣтившимъ Россію и Галицію лѣтомъ 1891 года. Книга называется: «Еврей у себя дома», и текстъ и иллюстраціи въ ней принадлежать одному и тому же автору.

Джона Пеннела нельзя назвать семитофиломъ. Скорѣе онъ склоненъ преувеличивать дурныя стороны у евреевъ, но въ то же время въ немъ замѣтно стремленіе быть безпристрастнымъ рассказчикомъ и иллюстраторомъ и передавать лишь то, что онъ дѣйствительно видѣлъ и встрѣчалъ на своемъ пути. Онъ посѣтилъ Броды, Львовъ, Сегеть (въ Венгріи), Кіевъ и Бердичевъ, т. е. главные пункты еврейской населенности въ Австро-Венгріи и Россіи. Наблюденія его очень поверхностны, мимолетны, случайны. На все онъ смотрѣлъ главнымъ образомъ глазами художника, а не серьезнаго изслѣдователя народной жизни.

Но тѣмъ не менѣе книжка его все-таки интересна, какъ ни неприятны для насъ тѣ горькія истины, которыя онъ въ ней высказываетъ намъ. Особенно досталось отъ него евреямъ изъ Бродъ и Сегета, вообще евреямъ Галиціи и Венгріи, такъ какъ, пользуясь равноправіемъ, они не имѣютъ того оправданія въ своихъ недостаткахъ, какое вполне основательно приводятъ русскіе евреи. Какъ художника, Пеннела не могла, конечно, не поразить страшная грязь, существующая въ еврейскихъ кварталахъ большихъ галиційскихъ городовъ. Затѣмъ, манера тамошнихъ евреевъ ходить, говорить и одѣваться, ихъ пейсы, ихъ нечесанныя бороды и длиннополые кафтаны,—все это шокировало его изысканнымъ вкусомъ, претило его англійской прилзанности и все это онъ успѣлъ воспроизвести на страницахъ своей книги. Свой взглядъ на еврейскій вопросъ авторъ высказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ евреи, которые терпѣли преслѣдованія

въ теченіе вѣковъ, имѣютъ въ себѣ много хорошихъ элементовъ. Эти элементы слѣдуетъ развить, они могутъ развиться и они развиваются всегда, коль скоро еврею предоставлена возможность къ тому. Разъ онъ знаетъ, что онъ долженъ полагаться лишь на себя самого и что онъ не имѣетъ права рассчитывать на чью либо помощь, онъ выпрямляется (stauds up) и дѣлается уважаемымъ и достойнымъ гражданиномъ. Но если вы увезете этихъ несчастныхъ (русскихъ) евреевъ или водворите ихъ въ колоніяхъ, дадите имъ платье, и деньги, и землю, и плуги, и скоть; и станете имъ помогать такъ, какъ никому другому, тогда они будутъ просить еще и еще, пока не станутъ настолько сильными, чтобы вытѣснить всѣхъ другихъ... Авторъ поэтому совѣтуетъ поступать съ евреями, какъ и со всякимъ человѣкомъ, и отнюдь не содѣйствовать образованію еврейскихъ центровъ, потому что скопленіе евреевъ въ одномъ мѣстѣ содѣйствуетъ сохраненію ими своихъ далеко не всегда пріятныхъ національныхъ чертъ. Онъ не только противъ ограничительныхъ законовъ, заставляющихъ евреевъ поневолѣ сконцентрировываться массами, но и противъ колоній барона Гирша, какъ искусственно составленныхъ гнѣздъ, куда польско-русскій или галиційскій еврей якобы цѣликомъ переноситъ свою обособленность, свои старые нравы и обычаи.

Можно соглашаться или нѣтъ съ авторомъ-художникомъ, но, какъ видите, его никакъ нельзя назвать и антисемитомъ. Но каковы бы ни были его взгляды, насъ теперь интересуютъ единственно его рисунки, въ которыхъ онъ воспроизвелъ жизнь бродскихъ и отчасти русскихъ евреевъ, насколько эта жизнь была доступна его наблюденіямъ. Въ первый разъ Пеннелъ встрѣтилъ бродскаго еврея на улицахъ Карлсбада. Сразу же онъ былъ пораженъ своеобразнымъ костюмомъ и видомъ «израильянина», такъ какъ ничего подобнаго онъ раньше не встрѣчалъ ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи. Въ высокой, немного помятой шляпѣ, изъ подъ которой виднѣется на затылкѣ край ермошки, съ длинными пейсами, падающими мелкими завитушками, съ зонтикомъ въ рукахъ, еврей чинно гуляетъ по Карлсбаду, куда онъ пріѣхалъ на воды. Художникъ сейчасъ же набросилъ его портретъ въ свою записную книжку—и типъ вышелъ далеко не изящный, хотя художникъ ничуть не шаржируетъ и рисуетъ его носъ, какъ въ натурѣ, далеко не крючковатымъ, и вы видите, что таковъ дѣй-

ствительно карлсбадскій пациентъ изъ Бродъ. Вотъ еврейская улица въ Вѣнѣ. Группы евреевъ въ шляпахъ и длиннополыхъ пальто стоятъ на тротуарахъ и о чемъ то спорять, отчаянно жестикуютъ, или же прогуливаются съ ладонями рукъ, засунутыми въ противоположные рукава и опущенными на животъ. Эта поза, очень вѣрно схваченная художникомъ, дѣйствительно составляетъ любимую манеру еврея держать руки.

Перелистывая дальше книжку, мы между прочимъ встрѣчаемъ «Базаръ въ Бродахъ», набросанный карандашемъ и довольно живо передающій общее впечатлѣніе: тутъ и возы, запряженные парами лошадей, и лотки съ женщинами - продавщицами, и лавки, и евреи, и крестьяне. Затѣмъ, мы видимъ толпу передъ синагогой, внутренность бродской синагоги, еврейское кладбище, типы (группа изъ четырехъ лицъ). А вотъ и русскій еврей. Перемѣна—огромная, и къ лучшему. Хотя та же манера держать руки на животѣ и спрятанными въ рукава, тотъ же длиннополый кафтанъ, но шапка съ козырькомъ вмѣсто шляпы, короткіе пейсы или полное отсутствіе ихъ значительно отличаютъ его отъ своего галиційскаго единовѣрца и приближаютъ его къ обще-русскому типу. Особенно удаченъ у художника рисунокъ, представляющій польскаго еврея въ шубѣ, съ поднятымъ воротникомъ, подвязаннымъ длиннымъ шарфомъ, концы котораго завязаны кругомъ талии, и съ зонтикомъ. Не дурна и «Улица въ Бердичевѣ» и «Бердичевскій рынокъ». «Еврей въ Бердичевѣ», къ сожалѣнію, немного пересоленъ. Хороша и «Платформа на русской желѣзной дорогѣ».

Когда эта книжка вышла, она вызвала довольно рѣзкую критику со стороны нѣкоторыхъ здѣшнихъ еврейскихъ уроженцевъ Галиціи.

Особенно обидѣлся одинъ брожанинъ; приходится, однако, признаться, что нечего пенять на зеркало, и если бы всѣ наши враги и друзья указывали на наши дѣйствительныя, а не воображаемыя слабыя стороны, какъ это и сдѣлалъ Пеннелъ, то бѣда была бы еще не такой большой руки.

Пора теперь обратиться къ художникамъ-евреямъ.

VIII.

Пока еще евреи въ Англіи не выдвинули до сихъ поръ ни одного крупнаго мастера—ни въ музыкѣ, ни въ живописи, ни въ

скульптурѣ. Есть здѣсь много еврейскихъ живописцевъ, но ни одинъ изъ нихъ не далъ пока ничего дѣйствительно гениальнаго. Есть между ними большіе таланты, но нѣтъ первостепенныхъ. Въ Германіи извѣстенъ молодой Максъ Либерманъ, въ Голландіи — старикъ Израэльсъ, въ Россіи, если нѣтъ оригинальнаго еврея-живописца, то по крайней мѣрѣ мы можемъ указать на Антокольскаго. Всѣ трое, съ большей или меньшей степенью талантливости, стоятъ во главѣ школъ; по ихъ образцамъ работаютъ сотни начинающихъ силъ, и ихъ вліяніе оставитъ большой слѣдъ въ исторіи искусства. Ничѣмъ этимъ не могутъ похвалиться англійскіе евреи. Но если имѣть въ виду, что гении рождаются лишь вѣками и что англійскіе евреи впервые выступили на художественное поприще не дальше какъ 50—60 лѣтъ тому назадъ, то особенно отчаяваться за нихъ не приходится и скорѣе мы можемъ радоваться, что за сравнительно такой короткій періодъ времени англійскіе евреи уже дали четырехъ Соломоновъ, каждый изъ которыхъ безусловно выдающійся художественный талантъ.

Первымъ еврейскимъ художникомъ съ большимъ именемъ въ Англіи былъ Соломонъ Гартъ, о картинѣ котораго я упомянулъ выше. С. Гартъ не былъ великимъ художникомъ, но онъ обладалъ отличной техникой, писалъ подъ вліяніемъ Рембрандта и былъ очень образованнымъ человекомъ, что такъ рѣдко бываетъ среди художниковъ. Гартъ родился въ 1806 г. въ Плимутѣ. Отецъ его былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, переселившимся послѣ въ Лондонъ, гдѣ отдалъ сына въ ученіе къ граверу. Спустя три года Гартъ поступилъ въ королевскую академію художествъ и сталъ извѣстнымъ живописцемъ. Въ 1836 г. онъ былъ избранъ въ академическіе общники, а въ 1840 г. въ члены академіи, въ которой состоялъ профессоромъ съ 1854-го по 1863 годъ. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ въ Академіи. Должность эту онъ исполнялъ до самой смерти своей, и officialный каталогъ Національной Галереи приписываетъ ему честь созданія теперешней академической бібліотеки въ Лондонѣ, замѣчательно богатой, но существовавшей до него лишь по имени. Гартъ умеръ въ 1881 году, написавъ много отличныхъ картинъ, пользовавшихся большимъ успѣхомъ на выставкахъ. Художникъ написалъ нѣсколько картинъ и на еврейскіе сюжеты и лучшая изъ нихъ имѣетъ своимъ содержаніемъ «Исаакъ Йорскій въ башнѣ замка Реджанальда Фронтъ-

де-Бефа», изъ романа Вальтеръ-Скотта «Айвенго». Но въ Национальную Галерею попала лишь упомянутая выше его «Синагога», находившаяся въ коллекціи Роберта Верноне и вмѣстѣ съ нею подаренная націи. Картина представляетъ внутренность синагоги. Въ центрѣ ея на возвышеніи стоятъ нѣсколько евреевъ, укутанныя въ «талейсимъ», и очевидно одинъ изъ нихъ читаетъ раскрытый передъ ними свитокъ «Торы». Кругомъ, у подножія возвышенія, сидятъ или стоятъ молящіеся, тоже въ «талейсимъ», съ серьезными, спокойно-внимательными фзіономіями. Картина носитъ немного мрачный колоритъ и, къ тому еще, повѣшанная высоко и плохо освѣщаемая, она производитъ слабое впечатлѣніе.

Другая картина Гарта на еврейскую тему имѣетъ своимъ сюжетомъ ходатайство Менасе-бенъ-Израиля передъ лицомъ Кромвеля о допущеніи евреевъ въ Англію. Эта картина виситъ теперь въ «еврейскомъ колледжѣ», которому она подарена, кажется, Моваттой.

Гартъ былъ первымъ и единственнымъ еврейскимъ художникомъ въ Англіи, удостоившимся избранія въ члены лондонской академіи, и послѣ его смерти прошло около 13 лѣтъ, пока другой еврейскій художникъ не былъ избранъ въ академическіе «общники» съ большой надеждой современемъ также попасть и въ члены. Этотъ художникъ также называется Соломономъ, но не только по имени, но и по фамиліи. Онъ обладаетъ очень граціозной, жизнерадостной и разнообразной кистью, и несмотря на свой сравнительно молодой возрастъ, написалъ уже много и съ большимъ успѣхомъ, и его картины удостоились золотыхъ медалей въ парижскомъ салонѣ, въ Чикаго, въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ. Содержаніе для картинъ онъ главнымъ образомъ черпаетъ изъ грекоримской мѳологіи; однако лучшую свою вещь, прибрѣтенную ливерпульскимъ музеемъ, онъ написалъ на тему изъ книги Судей, изобразивъ преданіе Самсона Далилой въ руки филистимлянъ. Самсонъ представленъ въ тотъ моментъ, когда враги его, по знаку измѣнницы Далилы, бросаются на него цѣлою толпою съ веревками въ рукахъ. Еврейскій герой, чувствуя, что сила оставила его и что во всемъ виновата Далила,—продолжаетъ еще отчаянно бороться и, замѣтивъ предательницу у дверей, шлетъ ей полный горькаго упрека взглядъ; но Далила ничуть не смущается и, держа въ своей ружѣ его остриженные косы, злорадно хохочетъ

ему въ глаза. Картина богата движеніемъ, выразительностью и яркостью.

Дѣйствительно съ задатками гениальности среди англійскихъ евреевъ выдѣлился другой художникъ — Симеонъ Соломонъ. Онъ началъ свою карьеру блестящимъ образомъ, какъ товарищъ Данте Россети и Голмана Гента, и его пастели и акварельные рисунки пользовались большой популярностью. Всѣ предсказывали ему самое громкое имя въ исторіи англійскаго искусства. Къ несчастью — что такъ рѣдко бываетъ среди евреевъ — онъ вдругъ предался крайне разгульной, пьяной и развратной жизни и быстро опустился. До начала семидесятыхъ годовъ онъ еще кое-какъ продолжалъ работать, но съ тѣхъ поръ ничего больше не появилось изъ подъ его кисти или карандаша и трудно даже знать, живѣли онъ еще. Друзья его въ первые годы еще старались спасти его, а потомъ махнули рукой — и онъ погибъ для искусства и для славы своего народа. Тѣ работы, однако, которыя онъ еще успѣлъ сдѣлать, цѣнятся теперь очень высоко.

Четвертый Соломонъ, это — Абраамъ Соломонъ, тоже выдающійся, но рано погибшій талантъ. Онъ умеръ въ цвѣтъ лѣтъ, не успѣвъ еще окончательно развить свое крупное и замѣчательно симпатичное дарованіе. Онъ оставилъ послѣ себя прекрасныя жанровыя картины, изъ которыхъ «1-й и 3-й классы» и «Въ ожиданіи приговора» очень извѣстны.

Въ настоящее время, помимо Соломона, академика, работаютъ еще на художественномъ поприщѣ не безъ успѣха Маркъсъ, г-жа Гудманъ, Генри, Мануэль, Сноуманъ, Микельсонъ и другіе, но одни изъ нихъ уже перешли тотъ возрастъ, чтобы можно было ожидать отъ нихъ чего либо болѣе важнаго, чѣмъ они дали, а другіе, наоборотъ, еще слишкомъ молоды, чтобы окончательно судить о нихъ, такъ что, возлагая надежды наши на будущее, воздержимся пока говорить болѣе подробно о настоящемъ.

С. И. Рапопортъ.

Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ.

(къ исторіи развитія устнаго ученія).

XVIII ¹.

Въ смутное время антиохскихъ гоненій и военныхъ бѣдствій, обрушившихся на Іудею благодаря кознямъ эллиниствующихъ первосвященниковъ, на стражѣ традиціоннаго закона стояли два законоучителя—Jose (Іосифъ) ben Joeser изъ Zereda и Jose (Іосифъ) ben Jochanon изъ Іерусалима. Ни книги Маккавеевъ, ни Флавій Іосифъ ничего не сообщаютъ намъ объ этихъ двухъ Іосифахъ, и неудивительно: военными подвигами эти два мужа, вѣроятно, не отличались; но школа съ благодарностью сохранила намъ имена членовъ этого дуумвирата (מ), какъ выдающееся звено въ длинной цѣпи преемственности Устнаго Ученія. Нравственныя сентенціи, которыя традиція сохранила намъ отъ ихъ имени, весьма мало отражаютъ въ себѣ ту бурную эпоху, среди которой имъ приходилось учить и дѣйствовать; такія сентенціи были бы одинаково умѣстны во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ. «Домъ твой», училъ Іосифъ Цередскій: «пусть будетъ мѣстомъ сборища для мудрецовъ; покрывайся прахомъ отъ ногъ ихъ и жадно впивай въ себя ихъ слова». Іосифъ же Іерусалимскій училъ: «Двери твоего дома да будутъ широко раскрыты, и да будутъ бѣдныя твоими домочадцами и не предавайся пустословію съ женщиной» ². Зато тѣмъ рельефнѣе отражается эпоха въ законоположеніяхъ, приписываемыхъ традиціей этимъ двумъ законоучителямъ, въ особенности Іосифу Цередскому; о послѣднемъ

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

² Mischna Aboth. I. 4, 5.

въ талмудической литературѣ сохранились даже нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, правда крайне скудныя и отрывочныя, но проливающія все таки нѣкоторый свѣтъ на отношенія его къ существовавшимъ въ его время партіямъ.

Въ то время, какъ извѣстно, въ Иудеѣ выдвинулись три партіи: 1) эллинисты, до самоубвенія увлекшіеся греческой культурой, готовые не только сами утонуть и раствориться въ ней, но и утопить и растворить въ ней весь народъ со всѣмъ его прошлымъ и со всѣми его надеждами; 2) хасидеи, для которыхъ весь смыслъ жизни сконцентрировался въ строгомъ исполненіи унаслѣдованнаго закона, привязанность къ которому не оставляла въ ихъ сердцахъ мѣста даже для любви къ родинѣ. Ни порабощеніе родной земли, ни притѣсненія со стороны сирійцевъ, какъ бы жестоки они ни были, никогда не были бы въ состояніи вывести этихъ людей изъ ихъ пассивнаго положенія. Только покушеніе притѣснителя на ихъ религію превратило на время этихъ «смирненныхъ людей» (anavim) въ героев и заставило ихъ примкнуть къ Иудѣ Маккаби; но какъ только эта опасность миновала, они оставили Маккавеевъ на произволъ ихъ собственной судьбы, мирясь съ порабощеніемъ родины и съ поворнымъ первосвященствомъ греческаго ставленника Алкимоса, или Іоакима, какъ называли его евреи. 3) Партія маккавеевъ, или партія активныхъ націоналистовъ была самая слабая по числу своихъ членовъ, но самая сильная по духу, ихъ воодушевлявшему. Эта партія соединяла беззаветную преданность закону отцовъ съ политической зрѣлостью. Они поняли, что при данныхъ обстоятельствахъ только политическая независимость можетъ вполне обезпечить правильное теченіе народной жизни, слѣдовательно, и строгое соблюденіе божественныхъ законовъ.

Оба упомянутые законоучителя принадлежали несомнѣнно къ партіи хасидеевъ; о Іосифѣ Цередскомъ прямо сказано, что онъ былъ «хасидей изъ священническаго рода» (חֲסִידֵי כֹהֲנָיִם) ¹. Однакожъ, враждебное отношеніе къ нему со стороны его племянника, первосвященника Алкимоса, не остановившагося да-

¹ Mischna Chagiga II—7. Сравни. А. Geiger Urschrift s. 64.

же предъ казнью своего родного дяди¹, указываетъ на то, что симпатіи Jose ben Joeser были на сторонѣ Маккавеевъ. Мы увидимъ, что и въ своихъ законоположеніяхъ онъ больше всего руководствовался жизненными интересами народа и, хотя строгій хасидей, былъ далекеъ отъ всякихъ крайностей, понимая, что дѣлая страна не можетъ быть превращена въ монастырь съ суровымъ уставомъ.

«Jose ben Joeser изъ Цереды и Jose ben Jochanon изъ Іерусалима провозгласили нечистоту иноземной почвы и нечистоту стеклянной посуды»². Провозглашеніе нечистоты иноземной почвы мотивируется обыкновенно тѣмъ, что другіе народы не имѣли, будто бы, обыкновенія хоронить покойниковъ на специально отведенныхъ для этого кладбищахъ, а хоронили ихъ гдѣ попало, слѣдовательно, каждая пядь земли внѣ Палестины должна быть разсматриваема съ ритуальной точки, какъ могила in dubio³. Можетъ быть, что такова дѣйствительно была оффиціальная мотивировка этого законоположенія, и потому всякій отлучившійся за границу еврей, при возвращеніи на родину, долженъ былъ подвергнуться очистительной процедурѣ

¹ Genesis Raba cap. 65. Geiger (loc. cit.) толкуетъ приведенную тамъ легенду не въ смыслѣ смертной казни Іосифа Цередскаго, а въ смыслѣ лишь тѣлеснаго наказанія. Во всякомъ случаѣ въ легендѣ, весь смыслъ которой заключается въ фактѣ, что Jose ben Joeser пережилъ Іоакима, нельзя видѣть указанія на то, что Jose ben Joeser и Jose ben Jochanon убиты были Баххидомъ сейчасъ по утверженіи Алхимоса въ санѣ первосвященника, какъ это принято многими историками.

² Sabb. 14, b; Jeruschalmi, Sabb. I, 4; Pessachim I, 6 и Khetuboth VIII, 11. О кажущемся несогласіи всѣхъ этихъ мѣстъ между собою мы поговоримъ ниже.

³ Въ Талмудѣ (Nasir 54—b и дальше) разбирается вопросъ, исходили ли при провозглашеніи этого закона изъ точки зрѣнія трупной нечистоты самой почвы (מטל שׁוֹמֵר), или же признали въ данномъ случаѣ инфекцію sui generis: какъ бы присущую иностранному воздуху (מטל שׁוֹמֵר). Въ казуистическомъ отношеніи Талмудъ связываетъ съ рѣшеніемъ этого вопроса вопросъ о томъ, признавать ли нечистымъ человека, который проѣхалъ черезъ иностранную землю въ закрытомъ экипажѣ или пролетѣлъ на воздушномъ шарѣ (שׁוֹמֵר הַשָּׁמַיִם). Что это были за „летающія въ воздухѣ башни“, такъ часто упоминаемыя въ Талмудѣ? Составляли ли они только плодъ фантазіи казуистовъ, или подъ этимъ именемъ скрывается какое нибудь реальное явленіе, какой нибудь прототипъ нашихъ теперешнихъ воздушныхъ шаровъ — трудно рѣшить.

нравнѣ съ человѣкомъ, прикасавшимся къ трупу¹. Но это былъ во всякомъ случаѣ только показной мотивъ этого закона; дѣйствительнымъ же его мотивомъ было стремленіе законоучителей по возможности ограничить эмиграцію евреевъ въ чужія земли, эмиграцію, принявшую въ это тяжелое для Іудеи время поистинѣ угрожающіе размѣры². Надо полагать, что хасидеи, для которыхъ законъ былъ дороже родины, не имѣя возможности соблюдать законъ на родинѣ, устремились массами за предѣлы антиохскихъ владѣній, гдѣ они могли бы, не рискуя жизнью, жить по закону. Само собою разумѣется, что такая эмиграція, такое разсѣяніе лучшихъ народныхъ силъ, была опаснѣе для существованія Іудеи, чѣмъ всѣ козни эллинистовъ. Провозглашая нечистоту иноземной почвы и подводя ее подъ трупную инфекцію, Jose ben Joeser и его товарищъ превратили такимъ образомъ само пребываніе внѣ Іудеи въ сплошное и непрерывное нарушеніе закона, въ особенности для ааронида, которому подвергаться трупной инфекціи прямо запрещается Моисеевымъ закономъ. Впослѣдствіи, когда законъ этотъ былъ окончательно установленъ и принятъ народомъ, аарониды дѣйствительно воздерживались отъ путешествій за границу, такъ что законоучители должны были допускать исключенія для особенно важныхъ случаевъ, напр., для бракосочетанія или для слушанія лекцій у какого нибудь внѣпалестинскаго учителя³.

Мало того, этотъ декретъ въ сущности упразднилъ почти весь институтъ ритуальной чистоты внѣ предѣловъ Палестины

¹ Mischna Nasir VII—2.

² Dernburg. Essai sur l'histoire de Palestine, еврейскій переводъ Браунштейна (Миббошанъ) изданіе газеты Гамелиць, стр. 36, и J. Weiss. Dor, dor wedorschow I. 99. Замѣтимъ, что еще гораздо раньше эта мысль была высказана французской талмудической школой (Nasir 54, b Tosroth sub voce Erez и подтверждена комментариемъ Mischna-lemellech къ Маймониду (Tumath-meth ho-amin) XI). Сравни мою статью объ этомъ вопросѣ „Zeroroth u-ressissim II, Гамелиць 1896 № 225, возраженіе раввина Гуревича изъ Витебска, Гацефара 1897 № 61 и мой отвѣтъ ему въ той же газетѣ №№ 73 и 74.

³ Jeruschalmi Schebith VI—1. Тамъ же приводится очень много относящихся сюда фактовъ изъ жизни, изъ чего видно, что это не былъ мертвый бумажный законъ, а строго проводился въ жизни и сохранялъ свою силу около двухъ столѣтій послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма.

Восходъ, кн. 10.

И въ самомъ дѣлѣ, если почва подъ моими ногами нечиста, если окружающій меня воздухъ нечистъ, если всѣ предметы употребленія, которыми я пользуюсь, нечисты, если никакія очистительныя процедуры не могутъ вывести меня изъ состоянія ритуальной нечистоты, то всѣ *почти* законы о чистотѣ перестали для меня существовать ¹. Могъ ли примириться съ такимъ положеніемъ строгій хасидей, для котораго соблюденіе ритуальной чистоты составляло главное содержаніе его религиозной практики?

Стремясь къ ограниченію эмиграціи, наши дуумвиры исходили такимъ образомъ изъ той же самой политики концентраціи, которой придерживался и Іуда Маккаби. Читая книги Маккавеевъ, мы не знаемъ чему больше удивляться въ этомъ героѣ, беззавѣтной ли его храбрости или его политической прозорливости. Какъ только рѣшительная побѣда была одержана, первымъ его дѣломъ было массовое переселеніе евреевъ изъ сосѣднихъ земель въ Палестину ² съ цѣлью сконцентрировать народныя силы и этимъ сдѣлать Іудею болѣе способной къ оборонѣ въ случаѣ новаго нападенія со стороны ея угнетателей, которое дѣйствительно не заставило себя долго ждать. То, что совершилъ Маккаби своимъ мечемъ, хотѣли законоучители совершить своимъ словомъ.

Но при провозглашеніи нечистоты иноземной почвы, у нашихъ законоучителей могла быть еще одна цѣль, не менѣе важная. Оніасъ IV, сынъ послѣдняго легальнаго первосвященника въ Іерусалимѣ, эмигрировавшій во время антиохскихъ гоненій въ Египетъ, воздвигъ въ Гелиополѣ, такъ называемый, храмъ Онія (Beth Chonio), объявивъ себя его первосвящен-

¹ Мы подчеркнули слово „почти“, потому что, вопреки общепринятому мнѣнію, мы полагаемъ, что человѣкъ, находящійся въ состояніи нечистоты одной какой либо категоріи, напр., трупной, нисколько не освобождается отъ соблюденія ритуальной чистоты всѣхъ другихъ категорій, въ отношеніи, напр., проказной или гонорройной инфекціи. Съ санитарной точки зрѣнія, слѣдовательно и съ библейской, инфекція одной категоріи не дѣлаетъ человѣка невосприимчивымъ къ инфекціямъ другихъ категорій; но впоследствии мы докажемъ, что такого же взгляда придерживались и талмудисты, и что такова была всегда религиозная практика у евреевъ до разрушенія храма и даже нѣсколько вѣковъ послѣ этого.

² I Makkab. V, 23; 45. 54.

никомъ. Это было около 160 г. до Р. X. Но само собою разумѣется, что заложенъ былъ храмъ нѣсколько раньше, а мысль о немъ зародилась еще раньше, вѣроятно, въ то время, когда іерусалимскій храмъ стоялъ еще опустошенный и на алтарѣ Іеговы возвышалась «мервость заупустѣнія» (наваяніе Зевса) и когда никто не могъ ожидать, что какой нибудь ничтожной горсти храбрецовъ удастся освободить родину и возстановить богослуженіе въ древнемъ святилищѣ. Вполнѣ естественно, что представители народа въ Іерусалимѣ не могли остаться равнодушными къ появленію въ сосѣднемъ Египтѣ столь опаснаго соперника національной святыни. Не угрожаетъ ли это соперничество единству народа? Но опасность эта не миновала и тогда, когда іерусалимскій храмъ возстановленъ былъ Маккавеями; вѣдь легальный то первосвященникъ, прямой потомокъ Josua ben Zadok'a будетъ функціонировать тамъ, въ Египтѣ, а не въ Іерусалимѣ. Скромный въ своемъ величіи Іуда Маккаби, самъ глубоко проникнутый ученіемъ хасидеевъ, согласно которому санъ первосвященника не совмѣстимъ съ обязанностями воина, не рѣшился еще возложить на свою голову первосвященническую діадему (ziz ha-zahab). И вотъ, для того, чтобы дискредитировать этотъ новый храмъ въ глазахъ народа, провозглашена была нечистота иноземной почвы. Какое, дескать, это святилище, если оно стоитъ на нечистой землѣ и окружено нечистымъ воздухомъ!

Другая традиція, приведенная Вавилонскимъ Талмудомъ отъ имени извѣстнаго танаита-историка раби Іосе (автора извѣстнаго хронологическаго сочиненія Seder olam gaba) сообщаетъ, что 80 (?) лѣтъ до разрушенія храма (10 (?) лѣтъ до Р. X.) вторично провозглашена была нечистота иноземной почвы (рядомъ съ нечистотой стеклянной посуды (?) функціонировавшимъ тогда синедріономъ¹). По свѣдѣніямъ же Іерусалимскаго Талмуда, вторичное провозглашеніе нечистоты иноземной почвы составляетъ одинъ изъ такъ называемыхъ «восемнадцати декретовъ». На вопросъ, для чего нужно было это вторичное провозглашеніе, Вавилонскій Талмудъ отвѣчаетъ: «провозглашеніе дуумвировъ не было принято народомъ, и только послѣ вторичнаго провозглашенія этихъ законовъ Синедріономъ 80-го г.

¹ Sabb. 15, а.

они были приняты имъ ¹. Сходно съ этимъ выражается р. Леви въ Иерусалимскомъ Талмудѣ: «такая галаха была въ рукахъ законоучителей, но она была забыта, и воспрянули послѣдующіе законоучители (авторы 18 декретовъ), и подтвердили мнѣніе предыдущихъ (Jose ben Joeser'a и Jose ben Joschanon'a), изъ чего можно заключить, продолжаетъ р. Леви: что тотъ законъ, ради проведенія котораго Синедрионъ не пощадилъ жизни своихъ членовъ (изданіе 18-ти декретовъ, какъ извѣстно, не обошлось безъ кровопролитія),—никогда не оправдывается ².

¹ Ibidem по чтенію, которое приводится въ глоссаріи Tossefoth sub voce מִלְכָּה וְחֵן; это чтеніе оправдывается не только приводимыми тамъ логическими соображеніями, но, какъ увидимъ ниже, оно оправдывается также и историческими фактами.

² Jeruschalmi Sabb. I, 4. J. Pessachim I. 6 и J. Khetuboth VIII. 11. Мы видимъ такимъ образомъ, что относительно перваго обнародованія закона объ иноземной почвѣ и стеклянной посудѣ, нѣтъ никакого разногласія между данными Вавилонскаго Талмуда и текстами Иерусалимскаго. Разногласіе какъ будто существуетъ относительно втораго изданія этого закона; по Вавилонскому Талмуду это было около 80 лѣтъ до разрушенія храма, что совпадаетъ, какъ увидимъ ниже, съ временемъ нашествія Вара и зарожденія партіи zelotowъ; а по сообщенію Jeruschalmi это было однимъ изъ 18-ти декретовъ, изданныхъ, по мнѣнію Graetz'a и Dernburg'a, за нѣсколько лишь лѣтъ до разрушенія храма. Не смотря на то, что всѣ доказательства, приведенныя Graetz'омъ въ пользу своего мнѣнія, основательно опровергнуты J. Weiss'омъ (Т. I s. 176), правдоподобность этого мнѣнія нисколько не поколеблена. Но, если предположимъ, что объявленіе 18-ти декретовъ послѣдовало во время народнаго возстанія, сейчасъ послѣ смерти Ирода, что неменѣе правдоподобно, то не будетъ никакого разногласія между сообщеніями Вавилонскаго Талмуда и Иерусалимскаго. Но подробнѣе объ этомъ вопросѣ—въ свое время.

По поводу перваго и втораго объявленія интересующихъ насъ законовъ Graetzъ впалъ въ маленькую ошибку и увлекъ за собою основательнаго талмудиста, какъ J. Weiss. Ошибка столь крупныя изслѣдователей, какъ бы она ни была маловажна, заслуживаетъ того, чтобы посвятить ей нѣсколько лишннихъ строкъ. Вотъ тексты: Въ Babli (Sabb. 14, b) читаемъ:

תניא יוסי בן יועזר איש צידה ויוסי בן יוחנן איש ירושלים גזרו סומא על ארץ העמים ועל כלי זכוכית. שמעון בן ששה תקן כתובה לאשה וגזר סומא על כלי מתכות. שמאי והלל גזרו סומא על הרים

Въ Jeruschalmi Sabb. I, противъ утвержденія, что „нечистота иноземной почвы“ принадлежитъ къ 18-ти декретамъ, Талмудъ замѣчаетъ:

לא כן איר זעירא בר אבינה בשם רב ירמיה' יוסף בן יועזר איש צידה ויוסי בן יוחנן איש ירושלים גזרו סומא על ארץ העמים ועל כלי זכוכית (רבי יונה אמר ר' יהודה בן שמאי) ר' יהא

И дѣйствительно, при всемъ авторитетѣ Иосифа Передскаго этотъ законъ не могъ быть принятъ народомъ. Эмиграція, вызванная властными историческими условіями, не останавли-

אמר יהודה בן שמאי ושמעון בן שטח גזרו טומאה על כלי מתכות. הלל ושמאי גזרו על סתרה דים? ר' יוחי בי ר' בון בשם ר' לוי כך היתה הלכה בידן ושכחוה ועמדו השני' והכנימו על דעת הראשונים. ללמדך שכל דבר שנוהגין ביד נששן עליו טומו להתקיים.

То же самое въ Jeruschalmi Pessachim; въ Jeruschalmi же Khetuboth (VIII) мы читаемъ:

התקין שמעון בן שטח ג' דברים: שיהא אדם נושא ונותן בכתובת אשתו ושיהא יניקות הולכין לבית הספר. והוא התקין טומאה לכלי זכוכית. לא כן אמר ר' זעירא ברבי אבינא בשם רב ירמיה יומי בן יעזר איש צירדה יוב' איש ירושלים גזרו טומא וכ'

Остальное какъ въ Jeruschalmi Sabb. Замѣтимъ, что слова, заключенныя нами между скобками въ Шкловскомъ изданіи Іерусалимскаго Талмуда, какъ въ Sabb. такъ и въ Pessachim, пропущены. Въ Кротчянскомъ изданіи и въ Житомирскомъ эта фраза имѣется въ Sabb. и Khetuboth, но пропущена въ Pessachim. (Другихъ изданій Jeruschalmi нѣтъ у меня подъ рукою). И если принять еще во вниманіе, что имя приведеннаго амора различно въ разныхъ мѣстахъ и разныхъ изданіяхъ (то г. Jona, то г. Juda, а то и г. Jose), то является вполне законное сомнѣніе въ подлинности этой фразы вообще. И такъ какъ всѣ эти имена даютъ одну и ту же аббревиатуру — "ר, то возможно, что указанная фраза представляетъ позднѣйшую вставку, т. е. что несвѣдущій, переписчикъ внесъ въ текстъ поясненіе аббревиатуры, которое онъ нашелъ на поляхъ, снабжая къ тому же Juda ben Tabbaï титуломъ rabbi.

Но допустимъ несомнѣнную подлинность этой фразы; что изъ этого слѣдуетъ? Только то, что по мнѣнію одного амора (г. Juda или г. Jona или г. Jose) одинъ Jehuda ben Tabbaï установилъ нечистоту *металлической посуды*, а по мнѣнію другого, Jehuda' ben Tabbaï сдѣлалъ это совместно съ своимъ содуумвиромъ Simon ben Schetach. Такъ и толкуютъ это мѣсто комментаторы. Правда въ J. Khetuboth вторичное объявленіе нечистоты стеклянной посуды приписывается Simon'у ben Schetach; но это опять несколько не противорѣчитъ Вавилонскому Талмуду, т. е., по свидѣтельству многихъ авторитетныхъ комментаторовъ, въ экземплярахъ Талмуда, которые были у нихъ въ рукахъ, о стеклянной посудѣ въ сообщеніи о Снедріонѣ 80 года вовсе не упоминается (ср. Graetz III, Note 14 и ברורי פהריו, R. Gerson'a изъ Радзини стр. 147 sub voce Jose ben Joeser). Но Graetz (ibid.) повидимому неправильно ставитъ точку послѣ фразы, заключенной между скобками, и выходитъ что, по мнѣнію г. Jona (или г. Juda), не дуумвиры Jose ben Joeser и Jose ben Jochanon были инициаторами закона объ иноземной почвѣ и стеклянной посудѣ, а Jehuda ben Tabbaï. И такъ какъ въ вопросахъ историческихъ Іерусалимскій Талмудъ заслуживаетъ, будто бы, больше довѣрія, чѣмъ Вавилонскій, то сообщеніе послѣдняго должно быть признано недѣйствительнымъ. Но почему г. Jona (или г. Juda) заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ г. Jeremia? Оба вѣдь были іерусалимцы. Graetz находитъ подозрительнымъ, что Вавилонскій Талмудъ цитируетъ въ видѣ Boraita (т. е. древней традиціи) то, что Іерусалимскій Талмудъ

вается декретами хотя бы и самого выдающагося религіознаго учителя. При томъ этотъ законъ, какъ указано была выше, разомъ освободилъ всѣхъ евреевъ діаспоры отъ соблюденія цѣлаго ряда законовъ и обычаевъ, которые они привыкли считать обязательными для себя. Это была черезъ чуръ рѣзкая реформа, которую благочестивый народъ не могъ принять. О евреяхъ діаспоры Флавій Іосифъ говоритъ: «всякій еврей, какъ бы далеко онъ ни ушелъ отъ своей родины, гораздо

приводить отъ имени amora'im. Но развѣ Іерусалимскіе amora'im выдаютъ свои сообщенія какъ личное свое мнѣніе или какъ факты, которыхъ они были очевидцами? Вѣдь они передаютъ факты, которые имѣли мѣсто почти 4 столѣтія до нихъ, слѣдовательно они заимствовали свои сообщенія изъ какой нибудь древней традиціи, и мы, конечно, должны быть благодарны Вавилонскому Талмуду, что онъ сохранилъ намъ эту традицію въ подлинникѣ. Не убѣдительно также соображеніе Graetz'a, что во время Jose ben Joeser'a народъ не пользовался такимъ благосостояніемъ, чтобы стеклянная посуда стала предметомъ общаго употребленія, но что такое благосостояніе существовало во время Хасмонеевъ. Мы думаемъ, что и во время Хасмонеевъ стеклянная посуда была настолько дорога, что была доступна лишь очень богатымъ людямъ, а богатые люди водились въ Иудей и раньше, благодаря откупнымъ операціямъ Тобіадовъ.

J. Weiss (Dor, dor vedorschow I, 136), приписываетъ первое объявленіе закона объ ивземной почвѣ и стеклянной посудѣ Jose ben Joeser и Jose ben Jochanon, а вторичное объявленіе этого закона дуумвиру Simon ben Schetach и Jehuda ben Tabbai, ссылаясь при этомъ на приведенную нами выше цитату изъ Jernschalmi Sabb. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ онъ вычиталъ это свое положеніе изъ Jeruschalmi. Тамъ доказывается только, что вторичное объявленіе закона объ ивземной почвѣ было дѣломъ Синедріона 18-ти декретовъ. Это былъ вопросъ, поставленный Іерусалимскимъ Талмудомъ, и на это послѣдовалъ отвѣтъ р. Levi, другого вопроса тамъ нѣтъ. Dernburg (op. cit. edit. cit. 55), исходя изъ Jeruschalmi Khetuboth, приписываетъ Simon ben Schetach законъ о стеклянной посудѣ и полагаетъ, что въ сообщеніяхъ, приписывающихъ послѣднему объявленіе нечистоты *металлической* посуды, произошла заміна לְכֵסֶלֶת: словомъ לְכֵסֶלֶת. По его мнѣнію, трудно допустить, чтобы металлическая посуда, къ которой всякая нечистота легче прилипаетъ, чѣмъ къ стеклянной, была позже объявлена нечистой, чѣмъ эта послѣдняя. Это явная ошибка. О нечистотѣ металлической посуды вообще прямо сказано въ Библии и никогда никому не было надобности декретировать способность ея къ воспріятію инфекціи. Законъ же Simon'a ben Schetach имѣлъ спеціальное значеніе, касаясь такъ называемой „старой инфекціи“ (Tumah ischana), смыслъ и цѣль которой будетъ изложена нами ниже.

больше устроятся нарушенія своего закона, чѣмъ угрозы самаго жестокаго тирана»¹.

Не принять былъ этотъ законъ также египетскимъ еврействомъ, религиозныя потребности котораго въ извѣстной мѣрѣ удовлетворялись храмомъ Оніа. Но не оправдались также и опасенія палестинскихъ законоучителей, что этотъ храмъ явится опаснымъ соперникомъ іерусалимскому и поведетъ къ разрыву между египетской колоніей и метрополіей. Египетскіе евреи рядомъ съ своимъ храмомъ не переставали чтить іерусалимскій, какъ высшее національное святилище, предпринимая отъ времени до времени пилигримство въ Іерусалимъ, или посылая туда свои дары. Разумѣется, что іерусалимскіе законоучители не могли платить храму Оніа той же монетой, такъ какъ жертвоприношенія въ избраннаго Богомъ мѣста прямо запрещается Моисеевымъ закономъ².

Но законъ этотъ не былъ принять и въ самой Іудеѣ. Какъ указано было уже выше, въ силу этого закона, приравняющаго иновемную почву къ могилѣ, аарониду запрещалось переступать границу Палестины; между тѣмъ уже благочестивый Іонатанъ (братъ и преемникъ Іуды Маккаби) не задумался посѣтить въ качествѣ гостя Александра Балааса и Птолемея въ городѣ Апо (Ptolemais)³, хотя нѣсколько вѣковъ спустя, когда этотъ законъ снова вошелъ въ силу, мы видимъ, что патриархъ г. Іехуда (редакторъ Мишны) былъ крайне удивленъ, встрѣтивъ въ этомъ самомъ городѣ ааронида, и потребовалъ у него по этому поводу объясненія⁴. Затѣмъ, въ силу этого же закона, привезенные изъ за границы предметы первой необходимости, напримѣръ, овощи и злаки, должны были считаться нечистыми, если извѣстно, что въ влажномъ состояніи они прикасались къ иновемной почвѣ. Между тѣмъ въ то бурное время народнаго возстанія и непрерывныхъ войнъ многія поля оставались необработанными и Іудея не могла прокормить самое себя. Естественно, что законъ, затрудняющій приобрѣтеніе хлѣба извнѣ, врядъ ли находилъ много поклонниковъ даже среди строгихъ

¹ Contra Apionem, II, 38.

² Menachoth 109—а.

³ I Makkab. X. 46. 47.

⁴ Jeruschalmi Scheblith VI, 1.

хасидеевъ. И дѣйствительно, когда вскорѣ послѣ провозглашенія этого закона Ioschua ben Perachia (одинъ изъ членовъ слѣдующаго дуумвирата) заявилъ въ школѣ, что пшеница, вывезенная изъ Александріи, нечиста, такъ какъ вслѣдствіе практикующагося въ Египтѣ искусственнаго орошенія, пшеница и по снятіи съ поля остается влажной, то другіе законоучители рѣзко замѣтили: «если такъ, то пусть будетъ она нечиста для Ioschua ben Perachia, а чиста для всего Израиля» (который этого закона не принялъ). Точно такое же замѣчаніе послѣдовало на заявленіе другого, менѣе извѣстнаго законоучителя Chalafta ben Quina о нечистотѣ луковиць, привозимыхъ изъ Бааль Бека (городъ въ Сиріи), на томъ основаніи, что луковицы смачиваются тамъ водою для того, чтобы легче было сплестъ ихъ въ вѣнки: «пусть бааль-бекскій лукъ нечистъ будетъ для Chalafta ben Quina и чистъ для всего Израиля» ¹.

Выше цитировано было нами свидѣтельство извѣстнаго танаита-историка р. Iose, что вторичное провозглашеніе нечистоты иноземной почвы имѣло мѣсто 80 лѣтъ до разрушенія храма ². Совершенно справедливо замѣчаетъ Graetz, что провозглашеніе это могло имѣть мѣсто только послѣ смерти Гиллея и Шама, иначе традиція не преминула бы сохранить при этомъ ихъ имена, какъ главныхъ инициаторовъ этого закона ³. Да врядъ ли рѣшился Синедрионъ при жизни подозрительнаго и преданнаго римлянамъ Ирода на столь враждебную римлянамъ мѣру. Независимо отъ этого, тотъ же Graetz доказалъ что цифра 80 въ хронологическихъ датахъ р. Iose должна быть принята лишь, какъ округленная цифра ⁴, и что на са-

¹ Tossefta Machshirin III. Сравни мою статью объ этомъ предметѣ въ „Гамелицъ“ 1896 г. № 225 и статью полтавскаго раввина г. Рабиновича, тамъ же № 246. Почтенный раввинъ охотно соглашается съ моимъ толкованіемъ относительно александрійской пшеницы, но не относительно лука изъ Бааль-Бека, сомнѣваясь, чтобы законъ о нечистотѣ иноземной почвы былъ съ самаго начала распространенъ и на Сирію. Сомнѣніе это ни на чемъ не основано. Сирія во время Антиоха ни чѣмъ не лучше была другихъ земель. Только послѣ завоеванія Іоанна Гиркана и увеличенія еврейскаго населенія въ Сиріи стали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приравнивать эту послѣднюю къ Палестинѣ. Ср. основательныя разсужденія по этому поводу J. Weiss. (d. D. ved. 117).

² Sabb. 15, a.

³ Graetz, Geschichte, III, Note 21.

⁴ Ibidem.

момъ дѣлѣ рѣчь идетъ у него о времени, послѣдовавшемъ сейчасъ за смертью Ирода, когда во всей еврейской землѣ вспыхнуло возстаніе противъ ненавистнаго Рима. Это время зарожденія партіи zelotвъ и было наиболѣе подходящимъ для возобновленія стараго закона, направленнаго противъ сліянія съ язычниками. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что законъ о нечистотѣ иноземной почвы существовалъ задолго до разрушенія Іерусалима ¹ и это можетъ быть доказано слѣдующимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что одно изъ слѣдствій интересующаго насъ закона есть постановленіе о нечистотѣ языческихъ жилищъ בבתי גוים въ самой Палестинѣ. Въ силу этого постановленія еврей, переступившій порогъ языческаго жилища, подвергается семидневной инфекціи, отъ которой онъ освобождается омовеніемъ и двукратнымъ окропленіемъ очистительной водой, какъ будто онъ прикоснулся къ трупу ². Мотивомъ этого закона. выставляется существовавшій, будто бы, у язычниковъ обычай хоронить своихъ мертворожденныхъ дѣтей подъ поломъ своихъ жилищъ; но истинный смыслъ этого закона болѣе чѣмъ ясенъ. Между тѣмъ евангелистъ Іоаннъ сообщаетъ мимоходомъ, что когда привели Іисуса Христа къ Пилату, то еврей не вошелъ въ домъ «чтобы не оскверниться, но чтобы можно было имъ ѣсть пасху», такъ что Пилатъ долженъ былъ выйти къ нимъ ³. Стало быть 37 лѣтъ до разрушенія храма существовалъ уже законъ о нечистотѣ языческихъ жилищъ, а слѣдовательно и законъ объ иноземной почвѣ.

Менѣе понятенъ мотивъ провозглашенія «нечистоты стеклянной посуды», которое традиція также приписываетъ нашимъ дуумвирамъ Iose ben Ioeser'у и Iose ben Iochanon'у. Въ силу этого декрета, стеклянная посуда приравнивается къ глиняной, и при прикосновеніи къ ней, напр., гноеточиваго или язычника, который а ргіогі считается гноеточивымъ, она должна быть

¹ Сообщеніе Іерусалимскаго Талмуда, причисляющаго этотъ законъ къ 18 декретамъ, будетъ нами разобрано въ свое время.

² М. Aholoth 7 и 8.

³ Ioannes XVIII. 28. 29.

разбита ¹. Моисеевъ законъ, устанавливая общее правило дезинфекціи домашней утвари (все, что проходитъ черезъ огонь, проводите черезъ огонь, и будетъ чисто, а что не проходитъ черезъ огонь, проводите черезъ воду) исчисляетъ тѣ вещества, изъ которыхъ послѣдняя обыкновенно готовится ²; при этомъ о стеклѣ не упоминается. Произошло это, вѣроятно, по той простой причинѣ, что въ библейское время стекло цѣнилось наравнѣ съ золотомъ, и стеклянная посуда, если она и существовала тогда, принадлежала къ крайнимъ рѣдкостямъ. Въ то время, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь, существовали, правда, стеклянные заводы въ Афо, Сидонѣ и Александріи, гдѣ готовились преимущественно винные бокалы, но такіе бокалы считались и тогда предметомъ роскоши и были доступны лишь очень богатымъ людямъ ³. Нужна была, слѣдовательно, особенно важная причина, чтобы въ то бурное время, когда само существованіе еврейскаго народа висѣло на волоскѣ, чтобы въ это время законоучители нашли нужнымъ удѣлить вниманіе стеклянной посудѣ въ ритуальномъ отношеніи. Какая же могла быть этому причина?

Въ видѣ гипотезы позволимъ себѣ высказать слѣдующее соображеніе. Какъ извѣстно, не ознакомленіе съ греческой философіей и греческимъ искусствомъ дало первый толчекъ къ насажденію среди евреевъ эллинизма со всѣми его пагубными послѣдствіями, а легкомысленное подражаніе греческимъ обычаямъ и нравамъ. Чаша вина за общимъ столомъ гораздо чаще сближаетъ людей между собою, чѣмъ философія, и мы знаемъ, что возліаніе Бахусу подобно грекамъ и совмѣстно съ ними было первымъ проявленіемъ эллинизма, сначала среди богатыхъ классовъ народа, а потомъ и среди другихъ слоевъ ⁴. Позднѣйшіе законоучители (авторы 18 декретовъ) отлично поняли это и окончательно запретили всякое вино, которое было въ рукахъ язычника, даже тѣмъ евреямъ, которые ритуальной чистоты не соблюдаютъ, мотивируя это слѣдующимъ характернымъ выраженіемъ: «запрещается ѣсть хлѣбъ язычниковъ,

¹ Levit. XV. 12.

² Numeri XXXI 20, 22, 23.

³ Riehm's Handwörterbuch des biblischen Altertums sub voce Glas.

⁴ Graetz Geschichte der Juden Bd. II 2 Hälfte S. 258 u. f.

дабы не подвергаться искушенію пить ихъ вино; запрещается пить вино язычниковъ, дабы не подвергаться искушенію со стороны ихъ дочерей; запрещается сближеніе съ ихъ дочерьми, дабы не подвергаться соблазнамъ ихъ культа»¹. Но въ древности, когда «нечистое» и «запрещенное» не дифференцировались еще въ отдѣльныя понятія², нельзя было что нибудь запретить, не облакая запрещенное въ форму ритуальной нечистоты. И такъ какъ о стеклянной посудѣ въ Библии не упоминается, то многіе, вѣроятно, считали, что стекло вовсе не восприимчиво къ инфекціи и, слѣдовательно, изъ стеклянной чаши, бывшей въ рукахъ язычника, не возбраняется пить и еврею, строго соблюдающему ритуальную чистоту. Провозглашеніе же нечистоты стеклянной посуды и приравненіе ея къ глиняной имѣли такимъ образомъ своею цѣлью предохранить преданныхъ закону людей отъ совмѣстнаго пиршества съ язычниками и, слѣдовательно, воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію эллинистической заразы въ народѣ.

Въ числу законовъ ритуальной чистоты съ политической, такъ сказать, подкладкой относится также декретъ дуумвировъ Simon ben Schetach и Jehuda ben Tabbai о нечистотѣ металлической посуды. Хотя этотъ декретъ былъ изданъ гораздо позже, вѣроятно, послѣ восстановления фарисейскаго режима во время царствованія Саломы Александры, мы находимъ умѣстнымъ изложить его здѣсь въ виду нѣкотораго сходства его съ изложенными выше декретами. Рѣчь идетъ о такъ называемой «старой инфекціи» (Tumah ieschana). Въ силу этого декрета металлическіе предметы, подвергшіеся *трупной* инфекціи, сохраняютъ эту послѣднюю даже послѣ того, какъ они были перекованы или заново переплавлены, и вновь полученные такимъ образомъ предметы считаются нечистыми до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ продолженіе 7 дней двукратно окроплены очистительной водой³. Было бы излишне доказывать, что при установленіи этого закона меньше всего имѣлись въ

¹ Sabb. 17, b.

² См. выше главу, XVI.

³ Sabb. 16, b. Mischna Khelim XI и согласно мнѣнію Raban Simon ben Gamliel. Напомнимъ, что согласно Jeruschalmi Khetuboth этимъ же дуумвирамъ приписывается и возобновленіе закона о нечистотѣ стеклянной посуды.

виду санитарныя соображенія; нѣтъ той заразы, которая не была бы уничтожена плавленіемъ металла. Талмудъ поэтому объясняетъ этотъ законъ желаніемъ законоучителей сохранить престижъ очистительной воды, такъ какъ иначе всякій предпочтетъ отдать свою нечистую посуду въ передѣлку, чѣмъ выждать узаконенные 7 дней. Признавая правдоподобность этого мотива, мы думаемъ однакожъ, что этотъ законъ могъ имѣть еще одно, болѣе важное основаніе и болѣе соответствующее широкому круговору мудраго предводителя фарисейской партіи, какимъ былъ Simon ben Schetach. Въ это время еврейскія владѣнія значительно расширились по всѣмъ направленіямъ; кромѣ того, въ заиорданскихъ областяхъ, въ Сирии и Египтѣ существовали многочисленныя еврейскія общины. Необходимо было думать о томъ, чтобы укрѣпить религиозную связь всѣхъ этихъ общинъ съ политическимъ и религиознымъ центромъ народа, съ Іерусалимомъ и, если возможно, привести ихъ въ постоянную отъ него зависимость.

Согласно библейскому закону, глиняная посуда, подвергшаяся трупной (какъ и всякой другой) инфекціи, должна быть разбита, деревянная же и металлическая посуда, получившая трупную инфекцію, очищается лишь окропленіемъ. Возможно, слѣдовательно, что въ отдаленныхъ общинахъ, для которыхъ добываніе очистительной золы было нѣсколько затруднительно, стали избѣгать употребленія всякой иной посуды, кромѣ металлической и стеклянной; первую — оттого, что она можетъ быть безъ большихъ затратъ передѣлана заново, а вторую — оттого, что она вовсе не принимаетъ инфекціи. Законъ о «старой инфекціи» привелъ такимъ образомъ отдаленныя общины въ зависимость отъ Іерусалима; ту же цѣль могло отчасти имѣть и возобновленіе закона о стеклянной посудѣ, согласно сообщенію Іерусалимскаго Талмуда.

XIX.

Если въ разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущей главѣ законоположеніяхъ Іосифъ бенъ-Іозверъ является предъ нами, подобно своему содуумвиру Іосифу бенъ-Іоханонъ, строгимъ

хасидеемъ, хотя съ политическимъ отбѣнкомъ, то въ совершенно другомъ свѣтѣ онъ является предъ нами въ трехъ галахическихкихъ изреченіяхъ, или «свидѣтельствахъ», подъ какимъ названіемъ они сохранились въ Мишнѣ. Это послѣднее названіе присвоено было имъ, вѣроятно, потому, что Іосифъ Передскій засвидѣтельствовалъ ихъ предъ возстановленнымъ Іудой Маккаби Синедриономъ, послѣ того, какъ цѣпь школьной традиціи была на время прервана. Всѣ три изреченія относятся къ вопросамъ ритуальной чистоты и сохранились они не на еврейскомъ языкѣ, а на арамейскомъ. Текстъ гласитъ: Iose ben Joeser изъ Zereda засвидѣтельствовалъ: I) что длинноголовая саранча (Ajl kamza) чиста (т. е. годна къ употребленію въ пищу), II) что жидкости въ бойняхъ—чисты и III) что тотъ, кто прикасается къ трупу, нечистъ,—за что его прозвали Іосифомъ Облегчителемъ ¹.

Первое положеніе Іосифа Передскаго касается частнаго случая и принципиальнаго интереса не имѣетъ; но оно характеризуетъ эпоху, о которой идетъ рѣчь. Нѣкоторые виды саранчи, какъ извѣстно, употреблялись въ пищу древними евреями, преимущественно бѣднымъ классомъ, какъ они употребляются и теперь еще въ пищу нѣкоторыми бедуинскими племенами. Припомнимъ, напримѣръ, Іоанна Крестителя, питавшагося почти исключительно акридами. Во время народнаго возстанія и нашествія сирійцевъ поля въ Іудеѣ оставались невоздѣланными, а когда миръ былъ водворенъ, какъ разъ наступилъ субботній годъ, когда земля по закону не можетъ быть воздѣлана ². Понятно поэтому, что вопросъ о дозволенности въ пищу того или другого вида саранчи, замѣнявшей бѣдному классу хлѣбъ, былъ вопросомъ крайне важнымъ для народнаго продовольствія.

Второе положеніе его служило въ позднѣйшихъ талмудическихкихъ школахъ предметомъ обширныхъ дебатовъ и разногласій. Большинство толкователей понимаетъ подъ словомъ «бойни» (Beth mitbachaja) ту часть храма, гдѣ зарѣзывались жертвенныя животныя, а подъ словомъ «жидкости» они понимаютъ находящуюся тамъ кровь и употребляемую для смыванія послѣдней

¹ Mischna Edojoth VIII, 4; Pessachim 16-a; Aboda zara 37-b.

² Graetz, Geschichte II. Bd. 2 H., 362.

воду ¹. Цитированное Талмудомъ мнѣніе законоучителя Rab, что жидкости эти *абсолютно чисты* (Dachin matesch) толкуется въ томъ смыслѣ что Iose ben Ioeser, будто-бы, отрицалъ у жидкостей храмовыхъ боенъ всякую способность воспринимать какую либо инфекцію извнѣ, вопреки буквальному смыслу библейскаго текста (Lev. XI—34), гдѣ прямо сказано, что всякія пищевыя вещества въ влажномъ состояніи и всякіе напитки способны воспринимать инфекцію. И такъ какъ рядомъ съ этимъ Талмудъ цитируетъ изъ Мишны цѣлый рядъ галахотъ, изъ которыхъ видно, что жертвенная кровь способна воспринимать инфекцію, то приходится допустить, что свидѣтельство Іосифа изъ Переды не было принято къ руководству его современниками ².

Но почему это І. Ц. нашель въ данномъ случаѣ *возможнымъ и возможнымъ* сдѣлать для храма исключеніе изъ библейскаго закона въ то время, какъ сама Библия предписываетъ сугубую строгость въ соблюденіи ритуальной чистоты въ храмѣ, угрожая за нарушеніе этого предписанія высшей степенью небесной кары— «истребленіемъ изъ среды народа»? Комментаторы Талмуда этого вопроса не затрагиваютъ; у нихъ есть на это готовый отвѣтъ: эта синайская галаха, т. е. эта противорѣчащая Библии галаха получена Моисеемъ на горѣ Синайской и передавалась черезъ весь полуязыческій періодъ еврейской исторіи изъ одного поколѣнія въ другое до Іосифа Цередскаго. Но еслибы І. Ц. выдавалъ свое положеніе за подлинную синайскую галаху, то почему же она не была принята другими законоучителями? Кому-же другому вѣрить, если не ему, главѣ Синедріона? ³ Да, и

¹ Нѣкоторые, впрочемъ, читаютъ не Beth-mitbachaja, а bemidbachaja, что означаетъ „алтарь“, и относятъ сюда также масло и вино, употреблявшіяся при жертвоприношеніяхъ.

² Pessachim 16a—17b. Въ виду указанныхъ противорѣчій, Самуилъ толкуетъ тамъ слова І. Ц. въ томъ смыслѣ, что бойныя жидкости не сообщаютъ инфекціи другимъ предметамъ, хотя сами и воспринимаютъ инфекцію извнѣ. Но независимо отъ того, что это толкованіе не укладывается въ слова текста, оно опровергается въ Талмудѣ еще и другими соображеніями.

³ Удивительно, что Маймонидъ (Tumath Ochlin X, 16 и Pessule mukdoschin X, 34) принялъ въ своемъ кодексѣ положеніе І. Ц. вопреки текстамъ Мишны, какъ будто у него подъ рукою быликовыя доказательства въ пользу достовѣрности І. Ц., о которыхъ не зналъ редакторъ Мишны. Въ своемъ ком-

слово «Dachin», употребляемое Иосифом Цередскимъ означаетъ, что бойныя жидкости *чисти* сами по себѣ безъ всякаго отношенія къ какому нибудь стороннему источнику нечистоты¹; это заставляетъ насъ думать, что современники его или считали находящуюся въ храмѣ кровь самостоятельнымъ источникомъ нечистоты, или же что присутствіе посторонняго источника нечистоты въ храмѣ было до такой степени часто и вѣроятно, что оно само собою подразумѣвалось, такъ что одноуже признаніе за кровью способности воспринимать инфекцію было бы равносильно признанію ея нечистой. Но какіе же могли быть въ храмѣ источники нечистоты и при томъ еще столь частые?

Намъ кажется вѣроятнымъ слѣдующее предположеніе, разомъ устраняющее всѣ эти недоразумѣнія. Намъ кажется, что рѣчь идетъ не только о храмовыхъ бойняхъ, но и о бойняхъ вообще. Повдѣйшая галаха, какъ извѣстно, считаетъ всякое, вольное или невольное, нарушеніе правилъ, установленныхъ для рѣзки скота, поводомъ къ признанію зарѣзаннаго животнаго *ритуальной падалью*, инфицирующей наравнѣ съ животнымъ, павшимъ отъ какой нибудь болѣзни. Установлено это было, повидимому, съ цѣлью внушить рѣзникамъ болѣе строгое отношеніе къ существующимъ на этотъ счетъ правиламъ, самимъ по себѣ весьма разумнымъ и гуманнымъ². Но такъ какъ

ментарія къ Мишаѣ Маймонидъ говоритъ, что тексты, противорѣчащіе положенію I. Ц. надо считать болѣе древними и потому отмѣненными свидѣтельствомъ I. Ц. Но почему не исправилъ ихъ редакторъ Мишны? Или почему древніе законоучители не знали той синайской галахи, которая извѣстна стала болѣе позднему Иосифу Цередскому? И почему Rav зналъ объ этой синайской галахѣ, а Самуилъ не зналъ? Такихъ вопросовъ можно предложить еще много; но дѣло въ томъ, что р. Раа словами *רצח מליצח* (Pessachim 17, b) вовсе не думалъ утверждать, что это синайская галаха.

¹ По толкованію комментаторовъ, ему слѣдовало бы сказать „Lo mistoabin“, что означаетъ—не инфицируются.

² Chulin 32a и Tossephtha Chulin II. Нетрудно понять, почему галаха признаетъ неправильно зарѣзанное животное ритуальной падалью со всѣми неудобными послѣдствіями этого понятія, а животное, которое оказалось одержимымъ какой нибудь смертельной болѣзнію (Togerpha), галаха запрещаетъ только употреблять въ пищу, но не считаетъ источникомъ инфекціи: въ первомъ случаѣ возможно злоумышленное нарушеніе установленныхъ правилъ и признаніе животнаго падалью является какъ бы наказаніемъ за это нарушеніе, во

невольное нарушение правилъ рѣзки случается иногда какъ въ храмѣ, такъ и въ частныхъ бойняхъ, и кровь незаконѣрно зарѣзанныхъ примѣшивается къ остальной крови, то жидкость въ бойняхъ должна была à priori считаться нечистой. И если допустимъ, что этотъ порядокъ вещей существовалъ уже при Иосифѣ Цередскомъ, то второе его изреченіе могло быть направлено именно противъ этой «ограды вокругъ закона». Врядъ ли Иосифъ Цередскій разрѣшилъ неправильно убитыхъ животныхъ въ пищу, но уже и то важное облегченіе, — что кровь этихъ животныхъ и вода, служившая для обмыванія ихъ, попадая на соедѣнія туши, не инфицировали послѣднихъ. Точно такое же мнѣніе было высказано нѣсколько вѣковъ спустя извѣстнымъ р. Акива, приравнивавшимъ неправильно зарѣзанныхъ животныхъ къ животнымъ, у которыхъ послѣ рѣзки оказалось опасное травматическое поврежденіе (Tegerha); но его заставили взять свое мнѣніе назадъ¹. Однакожь это второе положеніе I. Ц. было все таки принято нѣкоторыми законоучителями, и если не во всемъ его объемѣ, то отчасти. Мы указали на неудобство, которое влекло за собою признаніе крови неправильно зарѣзанныхъ животныхъ источникомъ инфекціи, особенно въ храмѣ и на большихъ бойняхъ; чтобы устранить это неудобство, школа Шамаа объявила, что кровь падали вообще не ин-

второмъ же случаѣ о зломъ умыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Само собою разумѣется, что санитарныя соображенія были тутъ ни при чемъ.

¹ Tosephta Chulin II и Talmud Chulin 32a. Какъ видитъ читатель, предложенное мною толкованіе вполне совпадаетъ съ мнѣніемъ Rab, — что жидкости на бойняхъ абсолютно чисты (שם טהור), и съ объясненіемъ р. Раа (Pessachim 17 в.), что это яисколько не зависитъ отъ вопроса, способны ли жидкости вообще принимать инфекцію по Моисееву закону, или нѣтъ. Преимущество моего толкованія въ томъ, что имъ устраняются всѣ возраженія, приводимыя Талмудомъ противъ мнѣнія Rab, такъ какъ по этому объясненію Иосифъ Цередскій вовсе и не думалъ утверждать, что сакральныя жидкости неспособны стать нечистыми отъ соприкосновенія съ какииъ либо источникомъ нечистоты извнѣ. Однакожь и мое толкованіе не устраняетъ возраженія противъ Rab изъ Sifra (Lev. XI), гдѣ законоучитель R. Elieser прямо связываетъ вопросъ объ инфекціи жидкости вообще съ свидѣтельствомъ Иосифа Цередскаго. Талмудъ оставляетъ это возраженіе безъ отвѣта. Оно дѣйствительно неустранимо. Необходимо допустить, что R. Elieser иначе понималъ свидѣтельство Иосифа Цередскаго, чѣмъ Rab

фицируетъ¹. Въ подтвержденіе этого правила R. Ioschua Ben-Betoga сообщаетъ слѣдующій фактъ: Въ Іерусалимѣ закололи однажды нѣсколько дикихъ ословъ для кормленія львовъ королевскаго цирка; присутствовавшіе при этомъ пилигриммы (прибывшіе для праздничнаго посѣщенія храма) стояли по колѣни въ крови, и законоучители не сдѣлали имъ по этому поводу никакого замѣчанія². Конечно, съ санитарной точки зрѣнія нельзя было бы обобщать этого факта: одно дѣло кровь свѣжеубитаго животнаго, другое дѣло кровь животнаго, погибшаго отъ какой нибудь заразной болѣзни; въ послѣднемъ случаѣ, какъ извѣстно, кровь не меньше заразна, чѣмъ мясо. Но въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, санитарная точка зрѣнія въ вопросахъ ритуальной чистоты давно уже никѣмъ не принималась въ соображеніе.

Перейдемъ теперь къ разбору третьяго положенія Іосифа Цередскаго: «тотъ, кто прикасается къ трупу, нечистъ»³.

Загадочность этого изреченія очевидна: для чего нужно было Іосифу Цередскому засвидѣтельствовать то, что прямо предписывается текстомъ Св. Писанія? И какія это облегченія представилъ онъ противъ общепринятаго мнѣнія, что заслужилъ у народа названіе «облегчителя»? Талмудъ вмѣсто одного объясненія этого загадочнаго изреченія даетъ ихъ два⁴, стало быть,

¹ Mischna Edojoth V, 1. Мишна отмѣчаетъ этотъ фактъ, какъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ школа Шамая выказала тенденцію къ облегченію закона, а школа Гиллея напротивъ—къ усиленію его строгости.

² Tossephta Edojoth II; сравни также Jeruschalmi Schekalim VIII, 1.

³ Текстъ изреченія переданъ въ двухъ версияхъ: по одной: *эмв* = инфицируетъ, по другой *эмлкс* = инфицируется. Первая версія признается болѣе правильной; вторую версію приходится понимать въ смыслѣ вышей, 7-ми дневной инфекции.

⁴ Aboda-Zara 37, в. По первому объясненію Іосифъ Цередскій имѣлъ въ виду протестовать противъ т. наз. „дѣльной инфекции“ (см. выше глава XVI), но такъ какъ это объясненіе исходитъ изъ неправильной точки зрѣнія, что дѣльная инфекция имѣетъ основанія въ библейскомъ текстѣ, то оно опровергается самимъ Талмудомъ. Z. Frankel (Darkhe-ha-Mischna 32), не удовлетворяясь объясненіемъ Талмуда, пытается дать свое собственное, исходя изъ отвергнутой всѣми 2-й версія текста. I. Weiss (Dor-dor-vedorschow 100), доказавъ несостоятельность объясненія Frankel'я, вынужденъ вернуться къ 2-му объясненію Талмуда, по которому изреченіе Іосифа Цередскаго имѣетъ слѣдующій смыслъ: „только тотъ, кто навѣрное прикоснулся къ трупу, нечистъ; въ сомнительныхъ

традиція не сохранила настоящаго его смысла, и мы сейчас увидимъ, почему именно она его не сохранила.

Намъ смыслъ его кажется совершенно яснымъ. Это былъ протестъ противъ крайне сложной системы «оградъ», воздвигнутыхъ современными ему хасидеями вокругъ Моисеева закона. *Только* тотъ, кто непосредственно прикоснется къ трупѣ, нечистъ, но не тотъ, кто прикоснется къ какому либо орудію, пришедшему въ соприкосновеніе съ трупомъ. Это было въ самомъ дѣлѣ значительное облегченіе въ сравненіи съ тѣмъ, что требовали другіе законоучители, и имѣло особенно важное значеніе въ то время непрерывныхъ войнъ. Но протестъ этомъ имѣлъ, вѣроятно, и нѣкоторое политическое значеніе; дѣло въ томъ, что въ силу правила «мечъ инфицируетъ подобно убитому» многіе изъ хасидеевъ ааронидовъ должны были отказаться отъ участія въ войнѣ за независимость, такъ какъ при этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой возможности избѣжать трупной инфекции, которая безусловно воспрещается имъ Моисеевымъ закономъ (Levit. XXI 1—4). Протестъ Iose ben Ioeser имѣло, слѣдовательно, своей цѣлью оправдать самихъ братьевъ Хасмонеевъ, равно какъ и всѣхъ другихъ примкнувшихъ къ нимъ ааронидовъ отъ извѣстнаго на нихъ хасидеями обвиненія въ нарушеніи закона. Протестъ этотъ не имѣлъ успѣха, но народная традиція сохранила его рядомъ съ восторжествовавшимъ мнѣніемъ большинства. Позднѣйшая талмудическая школа въ Вавилоніи не могла однакожь представить себѣ, чтобы мнѣніе Іосифа Цередскаго, котораго традиція признаетъ главой современнаго ему Синедріона, чтобы его мнѣніе находилось въ противорѣчьи съ общепринятымъ и установившимся законоположеніемъ, и для сглаживанія этого противорѣчія стали прибѣгать къ разнымъ объясненіямъ, искусственность которыхъ слишкомъ очевидна.

Замѣчательно, что эти три галахическихкихъ изреченій Іосифа Цередскаго представляютъ единственный во всей мишнаитской литературѣ фактъ изложенія галахи не на еврейскомъ, а на

же случаяхъ, когда неизвѣстно, прикоснулся-ли онъ или нѣтъ, то это зависитъ отъ того, произошло-ли это въ частномъ владѣніи или въ публичномъ мѣстѣ: въ первомъ случаѣ онъ признается нечистымъ, во второмъ случаѣ онъ считается чистымъ“. Такъ дѣйствительно учить позднѣйшая галаха, но врядъ-ли авторомъ ея былъ Іосифъ Цередскій.

арамейскомъ языкѣ. Мы знаемъ, что во время владычества персовъ въ Иудеѣ еврейскій языкъ сталъ мало по малу выходить изъ употребленія въ устахъ народной массы, замѣняясь арамейскимъ нарѣчiemъ, такъ что еврейскій языкъ сохранился лишь, какъ языкъ школы и вообще, какъ языкъ ученаго сословія. Для объясненія отмѣченнаго выше факта представляются два предположенія, не исключаютія, впрочемъ, другъ друга. 1) I. Цередскій хотѣлъ облегчить тяжесть закона для народа и поэтому онъ выразилъ свое мнѣніе на понятномъ народу языкѣ. 2) Мы видѣли, что возрѣнія I. Цередскаго шли въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда школьными возрѣніями, и возможно, что его изреченія дошли до насъ не путемъ школьной традиціи, а путемъ народнаго преданія. Во второмъ вѣкѣ, въ тотъ достопамятный день, когда въ яминской школѣ собраны были всѣ древнія засвидѣтельствованія (Edjoth), мотивы существовавшаго когда то разногласія между I. Цередскимъ и его современниками, были, можетъ быть, давнымъ-давно забыты, и изреченія Іосифа нашли себѣ почетное мѣсто среди другихъ древнихъ засвидѣтельствowanій.

Одинъ изъ учителей II-го вѣка п. Р. X. г. Jehuda ben Hai, которому мы вообще обязаны многими, весьма цѣнными историческими сентенціями, выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Jose-ben-Joeseg поставилъ имъ барьеры, говоря: до сихъ поръ общее владѣніе, дальше этого частное владѣніе»¹. Намъ кажется, что это изреченіе надо понимать только въ фигуральномъ смыслѣ. Іосифъ Цередскій поставилъ имъ, своимъ современникамъ, барьеры, говоря имъ, если вы хотите усугубить тяжесть Моисеева закона, то дѣлайте это лично для себя, но вы не имѣете права навязывать эти тяжести всему народу; одинъ Моисеевъ законъ составляетъ общее достояніе עַלְטָתֵנוּ;

¹ Aboda-zara 37. b. Эта метафора, повидимому, и дала поводъ г. Nachman'у къ приведенному въ предыдущемъ примѣчаніи толкованію. I. Weiss, adoptировавшій объясненіе г. Nachman'a, сомнѣвается однакожъ, чтобы слова R. Jehuda могли быть поняты въ буквальный смыслъ; и въ самомъ дѣлѣ, было бы въ высшей степени странно представлять себѣ Іосифа Цередскаго раздѣжающимъ по землѣ іудейской съ цѣлой арміей землеѣровъ и плотниковъ, чтобы отжевать каждому еврею его участокъ и огородить его бревнами, и все это для того, чтобы всякій зналъ, гдѣ ему считаться съ сомнительной инфекціей и гдѣ вѣтъ.

всякая же щепетильность въ исполненіи религіознаго закона есть дѣло *личнаго* благочестія תורה ודבר.

Въ сущности оно, къ сожалѣнію, такъ и вышло, и это была первая трещина въ религіозномъ единствѣ народа, превратившаяся въ послѣдствіи въ глубокую пропасть. И дѣйствительно, эта первая «ограда» вокругъ закона должна была неминуемо повлечь за собою необходимость воздвигать все новыя и новыя «ограды», но уже не вокругъ закона, а между однимъ классомъ народа и другимъ. Впрочемъ и независимо отъ «барьеровъ», поставленныхъ I. Цередскимъ, народная масса, при всей ея преданности закону, не могла услѣдить за всѣми толкованіями и прибавленіями хасидеевъ. Знаніе Торы было очень популярно въ народѣ; даже тѣ, которые сами не умѣли читать, имѣли возможность познакомиться съ ея содержаніемъ, слушая чтеніе ея три раза въ недѣлю въ синагогахъ. Но толкованіе школы, какъ устное ученіе, могло проникать въ народъ лишь весьма туго и при свойственной вообще массѣ консервативности, могло получить въ народѣ лишь слабое распространеніе.

Предстагимъ же себѣ слѣдующій случай. Человѣкъ прикоснулся къ мечу или иному металлическому орудію, что при господствовавшихъ тогда непрерывныхъ войнахъ было, конечно, зауряднымъ явленіемъ. Согласно Моисееву закону этотъ человѣкъ считаетъ себя одержимымъ производной, однодневной инфекціей; если онъ прикоснется къ сосуду съ какими либо пищевыми веществами, онъ и сосудъ и пищевыя вещества будетъ считать совершенно чистыми. Принявъ къ вечеру омовеніе, онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ будетъ совершенно освобожденнымъ отъ бывшей инфекціи. Но для тѣхъ, кто придерживается правила «мечъ инфицируетъ подобно убитому», этотъ человѣкъ равно какъ и сосудъ, къ которому онъ прикоснулся, должны считаться производителями нечистоты (*Ab-ha-tumah*) съ семидневной инфекціей, а сосудъ въ свою очередь сообщить заключающимся въ немъ пищевымъ веществамъ производную инфекцію первой степени (*Rischoon-le tumah*). Нѣтъ сомнѣнія, что человѣка, завѣдомо находящагося въ такомъ состояніи «раввинской» нечистоты, священники хасидей навѣрное чуждались бы, избѣгая всякаго съ нимъ общенія; но люди вѣдь не обязаны о каждой случайной инфекціи оповѣщать всѣхъ

и каждого, и въ общежитіи приходилось, конечно, одному еврею вѣрить другому на слово. Но какъ довѣрять человѣку, который считаетъ чистымъ то, что мы считаемъ нечистымъ? И тѣмъ менѣе можемъ мы довѣрять другому въ тѣхъ случаяхъ, когда сами признаемъ, что наше положеніе не истекаетъ изъ смысла Св. Писанія и не имѣетъ абсолютнаго значенія, и сами отказываемся отъ него въ случаяхъ коллизіи его съ прямымъ закономъ Моисея, напр. когда рѣчь идетъ объ участіи въ Пасхальной жертвѣ ¹.

Мы думаемъ, что именно этому недоувѣрію одной части народа къ религіознымъ убѣжденіямъ другой надо приписать происхожденіе той несомнѣнно древней галахи, по которой платье людей, даже вполне добросовѣстно соблюдающихъ ритуальную чистоту, считаются источниками нечистоты для лицъ употребляющихъ сакральную пищу. Именно о Іосифѣ Цередскомъ, который по нашему предположенію высказался противъ правила «мечъ инфицируетъ подобно убитому», Мишна сохранила намъ преданіе слѣдующаго содержанія: «Іосифъ-бенъ-Іоезеръ былъ одинъ изъ хасидеевъ священническаго сословія, а платье его считались источниками нечистоты (medrass) для употребляющихъ сакральную пищу» ². Впослѣдствіи дробленіе народа на отдѣльныя группы со спеціальными законами о пищѣ развилось въ цѣлую іерархическую лѣстницу съ различными степенями щепетильности въ соблюденіи ритуальной чистоты: платье человѣка изъ народа (am-ha-arez) было источникомъ инфекціи (medrass) для фарисеевъ (т. е. для людей строго соблюдающихъ ритуальную чистоту), платье послѣднихъ—«medrass» для ѣдящихъ священный хлѣбъ (teruma и chala); платье ѣдящихъ священный хлѣбъ—medrass для ѣдящихъ жертвенное

¹ Возможно, что первой реакціей этого разногласія во мнѣніяхъ было установленіе въ сакральной пищѣ двухъ лишнихъ степеней производной инфекціи. Этими двумя лишними степенями священники-хасидеи могли имѣть въ виду хоть отчасти компенсировать тѣ двѣ лишнія степени производительной нечистоты, которыя не признавались нѣкоторыми мірянами въ силу непризнанія ими правила «мечъ равносильнъ убитому». Впослѣдствіи они не удовольствовались этой компенсаціей и прямо объявили: платье мірянъ есть «Medrass» для священниковъ.

² Mischna Chagiga II.

мясо, и т. д. Впрочемъ именно при употребленіи жертвеннаго мяса всѣ эти щепетильности меньше всего соблюдались. Во время большихъ годовичныхъ праздниковъ жертвенное мясо употреблялось не одними только священниками, а всѣмъ народомъ, стекавшимся тогда въ Иерусалимъ со всѣхъ концовъ Іудеи. Поневолѣ приходилось въ это время всѣмъ довѣрять, всѣхъ считать идеально чистыми. Но въ остальное время года члены одной категоріи чуждались членовъ другой, избѣгая всякаго интимнаго общенія между собою. Такимъ образомъ уже въ самой глубокой древности священническая корпорація, изъ лишней ревности къ Моисееву закону, нарушила незамѣтнымъ для себя образомъ одинъ изъ возвышеннѣйшихъ принциповъ того же Моисеева закона: «единый законъ и единое право да будетъ для васъ всѣхъ и для пришельца, живущаго среди васъ»¹.

Д-ръ Л. Каценельсонъ.

(Продсѣженіе слѣдуетъ).

¹ Numeri XV. 16.

Изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ.

Недавно вышедшее сочиненіе извѣстнаго польскаго ученаго Т. Корзона,¹ изданное Краковской Академіей Наукъ, посвящено внутренней исторіи Польши въ царствованіе Станислава-Августа. Предлагаемый отрывокъ касается исторіи евреевъ за эту эпоху.

Евреи, числомъ около 900,000 человекъ, составляли рѣзко отличающуюся народную массу, значительно многочисленнѣе шляхты. У нихъ были свои кагалы и прикагалки и свое представительство передъ правительствомъ страны, называвшееся иногда „Главнымъ Представительствомъ еврейскаго народа“². Не отбывая воинской повинности, не принимая участія въ общественной жизни, они платили государству, или, вѣрнѣе, фиску, специальный, очень впрочемъ умѣренный налогъ, т. е. „еврейске поголовное“. Не только религія, но и рѣчь, костюмъ и нравы составляли непреодолимую преграду къ сближенію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ страны. Взаимныя отношенія ихъ были рѣзки и далеко неудовлетворительны, что почти необъяснимо, особенно если вспомнимъ, что татары не менѣе рѣзко отличающіеся религіей и обычаями — потомки наѣздниковъ, причинившихъ Польшѣ въ теченіе пяти столѣтій столько зла, все-таки сердечно сжились съ мѣстнымъ населеніемъ. Евреи должны были переносить пренебреженіе и разныя невзгоды; власти и литература взводили на нихъ тяжкія обвиненія. Каштелянъ Езерскій приписывалъ имъ возбужденіе казацкихъ войнъ и коливщины; авторы

¹ Т. Корзонъ „Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta.“

² Напр. въ извѣстномъ дѣлѣ о еврейскихъ налогахъ, которое, несмотря на неоднократное напоминаніе финансовой комиссіи, тянулось до 1792 г. и едва ли получило окончательное рѣшеніе.

анонимныхъ брошюръ обвиняють ихъ въ контрабандѣ, въ вывозѣ монеты за границу, въ фабрикаціи векселей, фальсификаціи гербовой бумаги, въ уменьшеніи вѣса золотой монеты обрѣзываніемъ или химическимъ способомъ, также въ эксплуатаціи крестьянъ черезъ посредство шинковъ и корчемъ, въ паразитствѣ и т. п.¹ Воеводства великопольскія въ эпоху четырехлѣтняго сейма запрещали отдавать евреямъ кабаки въ аренду. Комиссія Государственныхъ Имуществъ (Skarb. Kor.) неоднократно воспрещала своимъ чиновникамъ пользоваться услугами евреевъ при исполненіи служебныхъ обязанностей и предоставлять имъ кредитъ, причемъ ослушники даже подвергались наказаніямъ. Мѣщане повсюду жалуются, что евреи лишаютъ ремесленниковъ заработка и своими незаконными дѣйствіями разрушаютъ цѣлые цехи.

Маршалокъ Бѣлинскій вовсе воспрещаетъ евреямъ пребываніе въ Варшавѣ, преемникъ его Любомірскій установилъ особые билеты съ пятидневнымъ срокомъ, которые должны были служить удостовѣреніемъ на право временнаго пребыванія; безъ такого билета никакому еврею нельзя было находиться въ городѣ. За билетъ нужно было платить всякій разъ „серебряный грошъ“. Но это нисколько не смущало евреевъ и они пріѣзжали въ такомъ большомъ числѣ,

¹ Самые тяжелыя обвиненія находимъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Катехизмъ о Евреяхъ и Новокрещенныхъ... пересланный въ Депутацію для преобразованія формы Правленія“ (1792 г.). Авторъ даже утверждаетъ, что евреи, „переодѣвшись въ мундиры, выкрасивъ въ черный цѣтъ свои лица, нападаютъ на помѣщичьи дворы“, стр. 44. Эта брошюра была написана послѣ 3 мая 1791 года, какъ видно изъ „Wyznania Wiary“ стр. 47, а издана въ 1792 г., какъ доказалъ Смоленскій (Stan i Sprawa Żydów etc, str. 57). О „злѣбѣ“ евреевъ и „талмудическихъ сплетняхъ“ распространяется на 24 страницахъ брошюра: „Тайна еврейскихъ превратностей; интересные обряды евреевъ въ каждомъ мѣсяцѣ года („Sekret Żydowskich przerwrotnosci, i ciekawe obrządkі żydowskie w kazdym miesiacu roku“). По обилію свидѣній объ обрядахъ и вѣрованіяхъ евреевъ эти брошюры однако не могутъ сравняться съ современнымъ трудомъ Е. Жуковского въ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи...“ подъ ред. А. С. Дембовецкаго, 1882 I 694—762. Станицъ въ „Предостереженіяхъ Польшѣ“. Przestrożach dla Polske (стр. 243), называетъ евреевъ и лѣтнею и зимнею саранчой нашего края... Они наполняютъ деревни нуждой, а воздухъ заражаютъ гнилью.

что казна маршалка получала изъ этого источника болѣе 200,000 польскихъ золотыхъ ежегодно.

Когда же Августъ Сулковскій, Потоцкій и Понинскій начали селить евреевъ за валомъ и когда возникъ цѣлый посадъ, названный „Новымъ Іерусалимомъ“, мѣщане г. Варшавы потребовали изгнанія ихъ на основаніи закона. Любомирскій дѣйствительно изгналъ евреевъ изъ города, разрушилъ ихъ дома въ Новомъ Іерусалимѣ, всё товары отправилъ въ „Suchthaus“ или въ кадетскія казармы, гдѣ они были оптомъ проданы въ пользу изгнанныхъ владѣльцевъ. Не помогло вмѣшательство въ это дѣло со стороны департамента полиціи, равно какъ и протестъ нѣкоего Шмуля Завеля Есевича, выступившаго съ памятной запиской, въ которой онъ ссылается на резолюцію короля и Постояннаго Совѣта 1775 г. Вслѣдствіе разъясненія Любомирскаго и сопротивленія мѣщанъ Департаментъ принужденъ былъ обнародовать, что „евреи могутъ вернуться въ мѣста ихъ жительства, откуда они прибыли“ (Departament policji, protokol 3 str. 146, 234, 235, 244). Несмотря на столь чувствительный для евреевъ ударъ, Варшава имѣла для нихъ свою непреодолимую привлекательную силу: они стѣзжались во время сеймовъ, когда закономъ имъ дозволялось пребываніе и старались оставаться послѣ сеймовъ подъ видомъ пріѣзжихъ, откупаясь взятками. Въ 1784 г., вслѣдствіе настойчиваго требованія магистрата, ихъ снова выселилъ маршалкъ Мнишекъ. Но во время четырехлѣтняго сейма ихъ собралось уже нѣсколько тысячъ и они населили Маревиль, Поцѣвъ (находившійся тогда на Сенаторской), Клопоцкое, Голубское и т. д., такъ что наконецъ мѣщане и ремесленники потеряли терпѣніе. Несмотря на присутствіе короля и собранія сейма 16 и 17 мая 1790 г. чернь бросилась на евреевъ, торгующихъ въ Поцѣвѣ и Голубскомъ, разрушила одинъ домъ, грабила товары, частью бросила въ колодцы и позволила себѣ всякія другія насилія. Стража маршалка не была въ состояніи остановить буйство, и Мнишекъ, королевскій маршалкъ, долженъ былъ призвать войска. Слуста

нѣсколько недѣль маршалковскій судъ приговорилъ виновныхъ къ строгому наказанію (къ заключенію въ башню, въ исправительный домъ или въ тюрьму въ г. Каменецѣ на нѣсколько лѣтъ) ¹; но ненависть къ евреямъ не исчезла. Имъ дозволялось пребывать и торговать въ столицѣ только во время сейма; но до окончанія четырехлѣтняго сейма, во время предпоследней сессіи, Варшавскій муниципалитетъ издалъ очень строгое распоряженіе объ изгнаніи евреевъ, угрожая, что тѣ изъ нихъ, которые останутся въ городѣ безъ надлежащаго разрѣшенія, подвергнутся конфискаціи имущества и тридцати ударамъ плетью и будутъ выведены за городской валъ ². (Жители Кременца тоже гнали евреевъ съ городскихъ площадей, исподволь ими присвоенныхъ. Несмотря на покровительство старосты Сангушки, мѣщане выиграли дѣло въ 1781 г. и, получивъ судебное рѣшеніе, разрушали и грабили еврейскіе дома, при чемъ въ числѣ вооруженныхъ было около 400 русскихъ егерей и поручикъ народной кавалеріи съ 6-ю товарищами ³. Купеческое собраніе г. Познани въ прошеніи, поданномъ четырехлѣтнему сейму, жалуется на евреевъ, что они не платятъ своихъ долговъ за границей и этимъ подрываютъ кредитъ христіанскимъ купцамъ; что они разносятъ готовые платья и всякаго рода другіе товары, купленные на иностранныхъ ярмаркахъ, чѣмъ причиняютъ не мало убытку казны и мѣстнымъ ремесленникамъ; они занимаются тоже розничной продажей сукна, что препятствуетъ возникновенію суконныхъ фабрикъ и цеховъ; они покупаютъ хлѣбъ передъ город-

¹ Dz. Cz. S. G. W. Sesya 264 д. 17 мая 1790 г. Тогдашній періодическій органъ «Pamiętnik Historyczno-Polityczny» (1783 г. стр. 5) порицаетъ насилія т. н. „жаконъ“. „Какія ужасныя зрѣлища приходится видѣть въ столицѣ въ торжественные праздники! Школьники и даже взрослые шумной толпой преслѣдуютъ евреевъ и даже бьютъ ихъ палками. На нашихъ глазахъ нѣсколько человѣкъ напали на одного еврея, задержали лошадей и такъ сильно били его палками, что тотъ упалъ съ воза. Какъ можно относиться равнодушно къ этимъ остаткамъ дикихъ временъ?“

² Распоряженіе это помѣчено 8 февраля 1792 г. Gazeta Narodowa.

³ Möllers: „Reise von Warschau nach der Ukräne. Hezrberg am Harz“. 1804, str. 13—14.

скими воротами; вслѣдствіе всего этого купеческое собраніе, требовало, чтобы „здѣшнее еврейство было угрощено“). На практикѣ значеніе подобныхъ угрозъ сводилось къ нулю, такъ какъ въ Варшавѣ евреи находились всегда подъ покровительствомъ маршалковской юрисдикціи, а въ другихъ городахъ ихъ защищали противъ озлобленія мѣщанъ властные старосты, конечно, за деньги. Евреи устраивали себѣ даже какія-то „публичныя собранія“ въ Варшавѣ на Лешнѣ.² Они пользовались также покровительствомъ богатой знати. Русскія воеводства были противъ проекта реформы положенія евреевъ, изготовленнаго въ 1791 г., прямо заявляя, что безъ нихъ они обойтись не могутъ.³ Такимъ образомъ еврейское населеніе могло въ Польшѣ существовать и увеличивать несмотря на преслѣдованія, а извѣстный путешественникъ Шульцъ утверждаетъ даже, что евреи здѣсь пользуются большей свободой, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за исключеніемъ Голландіи и Англіи... Больше всего сдѣлали для нихъ Казиміръ Великій и Янъ III Собѣскій.⁴ Евреевъ гнали изъ Россіи и Австріи, такъ что съ южной и восточной границы изъ бывшихъ польскихъ провинцій постоянно прибывали эмигранты, увеличивая массу бѣднаго населенія, потому что польско-еврейская масса, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ея жила, въ крайней нуждѣ.

„Въ то время, какъ законы преслѣдуютъ развратныхъ людей и бродягъ-лѣвтяевъ... нищіе евреи безъ имущества, безъ работы, обремененные дѣтми, бродятъ по всей странѣ, никому не принадлежа, напрасно только живутъ насчетъ вагаловъ и прикагал-

¹ Всеподданнѣйшее прошеніе купеческаго собранія Его Королевскому Величеству (1788 г.) Подписаны познанскіе купцы Фридрихъ Вилефельдъ и Янъ Генрихъ Генка. Евреи издали „Отвѣтъ съ заключеніемъ отъ синагоги евреевъ“ Познани. Купцы въ свою очередь издали „Отвѣтъ купеческаго собранія на поясненіе евреевъ“ и т. д., при этомъ упрекаютъ евреевъ, что всѣ договоры съ городомъ нарушаются ими.

² Катехизмъ о евреяхъ и новокрещенныхъ е. т. с. стр. 43.

³ Мнѣніе Езерскаго, каштеляна Луковскаго.

⁴ Reise eines Liefländers II 110—111.

ковъ, переходять съ одного мѣста на другое, истребляя плоды земли“... говоритъ авторъ одной изъ выдающихся политическихъ брошюръ (Dufour: „Практическія замѣтки о рабствѣ и свободѣ крепостныхъ въ Польшѣ“). О нищетѣ массы свидѣтельствуетъ огромная сумма долговъ, которыми были обременены, какъ генеральное представительство еврейства, такъ и мѣстныя управления, такъ называемыя „еврейскія земства“; въ 1766 г. общая сумма долговъ составляла 359,109 золотыхъ польскихъ; по рѣшенію комиссіи государственнаго казначейства предписано погасить эти долги установленіемъ особаго сбора въ размѣрѣ трехъ золотыхъ съ головы. Но этой раскладкѣ евреи не сдѣлали, и долговъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ, до 1785 г. не уплатили; дѣло усложнилось, такъ какъ многіе еврейскія земства вслѣдствіе перваго раздѣла отошли подъ чужое владѣтельство; въ виду этого комиссія государственнаго казначейства циркуляромъ по 17 февраля 1786 г. созвала въ Варшавѣ совѣщаніе „представителей кагаловъ и прикагалковъ для того, чтобы они сами или ихъ повѣренные, снабженные надлежащими довѣренностями, окончательно уладили дѣло.

Извѣстно однако, что и тогда, и даже во время четырехлѣтняго сейма, это дѣло не было окончено, такъ какъ законъ 1792 г. назначилъ новый срокъ для ликвидаціи долговъ, а именно 15-го іюня. (Кредиторами были города: Краковъ, Калишь, Львовъ, а также разныя учрежденія и частныя лица).

Въ Польшу пріѣзжали изъ заграницы и богачи; такъ между знаменитостями варшавскаго еврейства мы видимъ Гершка и Ицка изъ Бродъ, Шмуля изъ Львова, Давида и Нутка изъ Королевца ¹. Но наибольшую извѣстностью пользовался Шмуль Яку-

¹ Другіе болѣе знатные евреи въ Варшавѣ были: Гершко Маркевичъ, Юсекъ и Гершко Соломоновичъ изъ Познани, Ивасунъ и Хаимъ изъ Лоска, Матфуль изъ Сохачева, Шмуль Шендажъ и Авраамъ изъ Кракова, Юсекъ, Янкель, Шмуль, Борухъ и Герсонъ изъ Петрокова. (Катехизмъ о евреяхъ и Новокрещенныхъ). Въ русскихъ областяхъ очень богатымъ считался Хаимъ Хмѣльницкій, который имѣлъ оптовые магазины мануфактурныхъ товаровъ въ Бердичевѣ, Острогѣ и Дубнѣ. Нѣкто Борухъ въ Бердичевѣ былъ собственни-

бовичъ или Шмуль Збиткаверъ, сдѣлавшійся даже историческою личностью данной эпохи. Его имя начертано въ официальныхъ, судебныхъ и дипломатическихъ актахъ и въ королевской корреспонденціи и сохранилось въ памяти народной до сихъ поръ, а именно въ названіи извѣстной мѣстности варшавскаго предмѣстья Праги: Шмудевизна. Онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ со Станиславомъ Августомъ; говорятъ, пользовался его расположеніемъ, и слѣдуя, вѣроятно, его примѣру, вступалъ въ разныя сдѣлки и договоры съ русскими. Въ время перваго раздѣла онъ былъ и главнымъ поставщикомъ русскихъ войскъ... съ разрѣшенія генерала Романуса онъ развѣзжалъ подъ охраною казацкаго конвоя“.. и заключалъ договоры съ помѣщиками. Его дѣятельность послужила однимъ изъ пунктовъ обвиненія противъ Понинскаго въ извѣстномъ дѣлѣ на сеймовомъ судѣ 1789—1790 г., но въ оправданіе свое Понинскій доказывалъ, что снабженіе русской арміи подряднымъ способомъ было устроено для огражденія помѣщиковъ отъ мародерства, къ которому прибѣгала раньше русская армія.

Видно, Шмуль пользовался большимъ вліяніемъ, такъ какъ во время своей каневской поѣздки Станиславъ Августъ въ меморіалѣ, поднесенномъ Екаторинѣ II и озаглавленномъ „Souhaits du Roi“, упомянулъ о долгѣ въ 7000 червонцевъ (126000 польскихъ золотыхъ), слѣдовавшемъ Шмулю съ русскаго правительства и возникшемъ, вѣроятно, изъ счетовъ по поставкѣ для войска. Кроме того, король вручилъ князю Безбородко по тому же предмету особую памятную записку за № 9, о чемъ увѣдомилъ начальника своего кабинета Кичинскаго, сказавъ ему, что и посланникъ Штакельбергъ „замолвилъ доброе словечко“¹. Еще раньше король подарилъ Шмулю на правѣ вѣчной чиншевой аренды площадь на Прагѣ для устройства „бирховъ или кладбища“ для евреевъ.

комъ магазиновъ, наполненныхъ англійскими, французскими и нѣмецкими сукнами. (I. Дукляна Охоцкаго: Мемуары, изд. Крашевскій II, 208).

¹ Калинка. Последніе годы царствованія Станислава Августа II, 18.31 Письма короля къ Кичинскому 29 марта и 8 мая 1787 года.

Воевода Мазовецкій Мокроновскій помогаль въ этомъ дѣлѣ. Представители евреевъ, избранные для обсужденія дѣла, возникшаго въ 1791 г. по поводу однихъ похоронъ, выражая свою благодарность за полученіе королевской привилегіи на упомянутый кирховъ“, рѣшили, что Шмуль будетъ „старшимъ изъ старшинъ варшавскаго еврейскаго братства, а во время выборовъ, т. е. въ Пасху, къ тому же еврею Шмулю будутъ посылать двухъ мужей и просить его, чтобы онъ лично присутствовалъ въ Варшавѣ на выборахъ“. Но иногда происходили споры и распри изъ-за платы за погребеніе. Шмуль въ 1784 г. подалъ жалобу на то, что богатыхъ евреевъ хоронили въ сосѣднемъ Сохачевѣ; жалоба его декретомъ была признана справедливою и было предписано уплатить ему третью часть похоронныхъ издержекъ (за погребеніе одного богатаго еврея, въ размѣрѣ 30 червонцевъ, т. е. 540 польскихъ золотыхъ). Послѣ подавленія возстанія Костюшки евреи обратились къ русскому генералу Буксгевдену, занимавшему Варшаву, съ жалобою на Шмуля за то, что онъ взымаетъ произвольные поборы съ похоронъ и просили освободить ихъ отъ такого притѣсненія.¹ Читая подобныя жалобы, можно было подумать, что Шмуль извлекалъ личныя выгоды изъ своего добраго дѣла—близко знакомый съ общинными дѣлами членъ правленія еврейской общины увѣрилъ насъ, что взносы не могли идти въ карманъ основателя кладбища, но шли на покрытіе издержекъ по похоронамъ бѣднаго люда.

Въ 1792 г. Шмуль исходатайствовалъ себѣ въ комиссіи государственнаго казначейства контрактъ на покупку хлѣбовъ изъ Казиміровскаго магазина по низкимъ цѣнамъ (ячмень и рожь по 5¹/₂ зол.), съ кредитомъ на годъ, но послѣ возникновенія войны, когда арміи приблизились къ Вислѣ, комиссія уничтожила этотъ

¹ Декреты 22 июня 1784 г. и 2 апрѣля 1791 г., равно какъ и жалобы Буксгевдену находятся въ актахъ Варшавской еврейской общины, касающихся Пражскаго кладбища: vol. I букв. С. Декреты написаны „fracta pagina“ по древнееврейски и по польски, но плохимъ польскимъ языкомъ.

контрактъ и велѣла задержать проданный хлѣбъ ¹. Шмуль заключилъ договоръ также и съ комиссаріатомъ на доставку тысячи лошадей „для снабженія въ походъ артиллеріи, согласно приказу Его Королевскаго Величества“; военная комиссія утвердила этотъ контрактъ 5 мая 1792 г. По дѣлу доставки фуража въ польскій лагерь жена Шмуля кому то писала 27 іюля 1792 г. по французски; она подписывалась: *Servante J. Szmul*. (Письмо это помѣщено въ „*Raportach Kampany Litewskiej t. VII etykieta 95 ad N-gum 194*“). Слѣдовательно, она была образованная дама. Послѣ несчастнаго исхода войны Шмуль (правда вѣстѣ съ королемъ) отправился въ непріятельскій лагерь. Во время второго раздѣла Шмуль снова является поставщикомъ при русской арміи: онъ „бѣжалъ“ лишь только вспыхнуло возстаніе Костюшки. Уже спустя нѣсколько дней послѣ возстанія въ Варшавѣ, а именно 20 апрѣля 1794 г. распорядительная комиссія мазовецкаго княжества предписала (полковнику Гизлеру) „перевести всѣ магазины на Прагѣ, бывшіе подъ надзоромъ Шмуля“; черезъ нѣсколько недѣль совѣтъ представителей (*Rada Zastępcza*) велѣлъ взять въ казну „разысканныя деньги Шмуля“ въ суммѣ 757 червонцевъ (13,626 золот.), а верховный народный совѣтъ (*Rada Najwyższa Narodowa*) предписалъ выдѣлывать для войска кожи на кожевенномъ заводѣ „взятомъ въ народную опеку послѣ Шмуля Явубовича и придѣлать постройки“; очевидно, за нимъ считались большія недомки ². Однако во время штурма Праги 4 ноября 1794 г. Шмуль, глубоко скорбя о множествѣ жертвъ меча и огня, объявилъ, что если кто-нибудь изъ войска приведетъ къ нему жителя Праги, все равно еврея или христіанина, то получить отъ него въ награду червонецъ золотомъ, а кто провезетъ мертваго для преданія его тѣла землѣ, тотъ получить рубль серебромъ.

¹ Protokół Ekonomiczny A—30 str. 1369 i 1853, рѣшенія 22 мая и 5 іюля 1792 г.

² *Gazeta Wolna Warszawska*. 1794 str. 26, 54, *Gazeta Rządowa* 1794 Nr. 48 str. 191 и Nr. 52 str. 208.

Два боченка, наполненные одинъ золотомъ, другой серебромъ, стояли посреди двора Шмуля; оба опорожнились. Память объ этомъ добромъ дѣлѣ живеть по настоящее время въ народныхъ преданіяхъ ¹. О Шмулѣ намъ еще извѣстно, что онъ доставлялъ провіантъ и другіе предметы необходимости для королевскаго двора до послѣднихъ дней пребыванія Станислава Августа въ Варшавѣ, и что онъ умеръ 3 сентября 1800 г. (Долгъ за поставки былъ погашенъ уже послѣ низложенія Станислава Августа чрезъ посредство его уполномоченнаго конюшаго Кицкаго, который актомъ отъ 17 іюня 1796 г. отдалъ Шмулю въ вѣчное потомственное владѣніе принадлежавшую королю площадь съ двухэтажнымъ домомъ на Черняковской улицѣ, задней своей стороною обращеннымъ къ Лазенкамъ. Этотъ актъ внесенъ въ ипотеку въ книгу за № 3012 D). Годъ смерти высѣченъ на памятникѣ, составляющемъ украшеніе еврейскаго кладбища на Прагѣ. До насъ доходили также извѣстія о крупныхъ завѣщаніяхъ Шмуля на благотворительныя цѣли. Разсѣдованіе актовъ, произведенное по моей просьбѣ, и списокъ фондовыхъ книгъ существующаго совѣта общественнаго призрѣнія, равно какъ архивъ бывшей комиссіи внутреннихъ дѣлъ, а также личные разспросы внуковъ Шмуля ничего мнѣ не выяснили. Вѣроятно, эти слухи были сильно преувеличены вслѣдствіе смѣшенія дѣятельности Шмуля съ дѣятельностью его сына Берка Занненберга, который тоже былъ поставщикомъ при арміи князя Іосифа Понятовскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ щедрыхъ благотворителей института глухонѣмыхъ въ Варшавѣ (его біографія помѣщена въ вышеупомянутой памятной книжкѣ за 1873 г.). Изъ этихъ сухихъ фактовъ видно, что Шмуль развивалъ свои операціи въ самое несчастное для страны время, что, слѣдуя королю, онъ служилъ вождямъ непріятельскихъ войскъ; что народныя власти, дѣйствовавшія отъ имени Костюшки, считали его виновнымъ; а между

¹ Мы ихъ слышали отъ разныхъ лицъ, здѣсь передаемъ со словъ Яна Пацлонскаго, директора Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ (Памятная книжка этого института отъ 1873 г. стр. 108).

тѣмъ онъ былъ хорошій и отзывчивый человѣкъ, отецъ благороднаго филантропа Берка Занненберга. Никто и не удивлялся этому: намъ нигдѣ не приходилось встрѣчать рядомъ съ его именемъ какой-либо эпитетъ, который бы указывалъ на гнѣвъ или озлобленіе; изъ этого мы заключаемъ, что такая біографія казалась тогда совсѣмъ естественной, обыкновенной. Сопоставляя ее съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое мы вынесли изъ изученія матеріаловъ, относящихся ко всей вообще эпохѣ, мы должны сдѣлать выводъ, что весь народъ еврейскій не больше Шмула заботился о судьбѣ Польши, ему остались чужды гражданскіе интересы страны. Но впрочемъ откуда было взяты у него гражданскіе чувства по отношенію къ странѣ? Какимъ образомъ они могли развиться? Конечно, можно было бы требовать какой-нибудь привязанности къ той землѣ, которая такъ или иначе все-таки всеормила столько поколѣній евреевъ, привязанности къ той полосѣ неба, которая разстилалась надъ ними наравнѣ съ дѣтьми Польши, дая ихъ иногда и яснымъ солнечнымъ днемъ, наконецъ къ тому пейзажу, который съ младенческихъ лѣтъ запечатлѣвается въ душѣ и воображеніи. Но еврей не чувствовалъ этой привязанности, такъ какъ у него была другая—лучшая и болѣе прекрасная родина—Палестина. Онъ не видѣлъ ее никогда; эта родина, правда, была только мечтой, но потому именно казалась ему тѣмъ болѣе прекрасной и привлекательной. Воображеніе его среди прозаичной, жалкой обстановки его будничной жизни разукрашивало эту давно утерянную Іудею. Польша, какъ и всякая другая страна, была для нихъ землей изгнанія, домомъ неволи, Египтомъ. Если бы даже явилось какое либо бессознательное фізіологическое вліяніе окружающей природы, его немедленно подавляла горечь испытываемаго пренебреженія и гнета, этихъ остатковъ средневѣковаго варварства христіанъ. Нигдѣ еще въ XVIII столѣтіи евреевъ не считали равноправными гражданами страны, знаменитый парижскій сангедринъ засѣдалъ только въ 1807 году.

Наполеонъ I не превозгласилъ еще и не ввелъ въ законода-

тельство начала равноправія всѣхъ жителей, рожденныхъ во Франціи: такимъ образомъ еврей повсюду въ христіанахъ видѣлъ только ненавистныхъ гоевъ, которыхъ онъ боялся, которыхъ долженъ былъ обманывать изъ чувства самосохраненія, передъ которыми онъ долженъ былъ унижаться ради полученія средствъ къ существованію.

На четырехлѣтнемъ сеймѣ люди стоявшіе за реформу чувствовали и видѣли, что бытъ еврейскаго народа ненормаленъ, что общество и государство терпитъ чувствительный ущербъ вслѣдствіе такихъ исковерканныхъ отношеній между разными обитателями одной и той же страны.¹ Самыми усердными дѣятелями въ пользу преобразованія этихъ отношеній были Бутримовичъ и Езерскій, каштелянъ Луковскій. Первый изъ нихъ выступилъ въ 1789 г. съ проектомъ реформы быта евреевъ и вручилъ проектъ королю въ засѣданіи сейма 4 декабря и просилъ его о поддержкѣ. Второй самъ предложилъ себя въ члены депутаціи, избранія которой онъ домогался. Дѣйствительно, въ іюнь 1790 г. сеймъ учредилъ „депутацію для реформы евреевъ“ Въ текущей литературѣ появилось по этому поводу много разнообразныхъ мнѣній и предложеній. Наконецъ проектъ былъ оконченъ еще до 1 марта 1791 г., но не былъ предложенъ на обсужденіе, такъ что не могъ обратитъ въ законъ.² Мы воздерживаемся отъ оцѣнки проекта и вызванныхъ имъ брошюръ, тѣмъ болѣе, что оцѣнка эта произведена съ надлежащей тщательностью г. Владиславомъ Смоленскимъ.³ Отиѣ-

¹ Такое сознаніе проявлялось и раньше. Въ 1777 г. въ актахъ комиссіи Государственнаго Казначейства (Protokol Ekonomicznu Komisji Skarbu Koronnego A/14 str. 748) мы находим замѣтку о „проектѣ универсала относительно еврейской эмиграціи въ Іерусалимъ“. Содержаніе этого проекта и авторъ его остались неизвѣстными. Проектированный универсалъ изданъ не былъ.

² Протоколъ Главн. Варш. Сейма (Dziennik Czynności Seymu Warszawskiego Głównego) 4 дек. 1789 г., 19 февраля 1790, 1 марта 1791. Въ составъ еврейской депутаціи вошли кн. Гарнешъ, коронный подканцлеръ, Езерскій и Фелькерданъ, сенатскіе каштеляны, а изъ дворянства: Бутримовичъ, депутатъ пинскій, Закржевскій, Берновичъ, Валевскій, Холоневскій, Выбрановскій.

³ Stanі sprawa żydów polskich w XVIII w. Wawszawa.

тимъ только, что Бутримовичъ, равно какъ и другіе авторы проектовъ, высказываясь единогласно за сохраненіе въ неприкосновенности еврейской вѣры, желали объединить, „оба народа“, христіанъ и евреевъ; путемъ взаимныхъ уступокъ, слить евреевъ съ народнымъ организмомъ, чрезъ уничтоженіе или преобразование кагаловъ, черезъ вліяніе суда и даже чрезъ просвѣщеніе. Достоинно вниманія и то обстоятельство, что какъ въ литературѣ, такъ и на засѣданіяхъ сейма часто слышался голосъ сочувствія и состраданія къ несчастному народу и что четырехлѣтній сеймъ избѣгалъ, насколько это было возможно, облагать евреевъ податами. (Русскій посоль—Булгаковъ говоритъ въ своемъ дневникѣ о какихъ-то проектахъ, составленныхъ въ 1792 г. Игнатіемъ Потоцкимъ и Піатоли относительно евреевъ, объ аудіенціи данной имъ въ весьма торжественной формѣ (король принялъ ихъ, сѣдя на тронѣ), объ общаніи, данномъ Піатоли, въ апрѣлѣ, что на будущей недѣлѣ „еврейскій вопросъ будетъ поставленъ на очередь“ и что банкиръ Leblanc (вѣроятно Blanc) и „какой-то другой“ ручаются за 5 милліоновъ рублей, которые евреи обязуются вносить ежегодно вмѣсто податей, для уплаты королевскихъ долговъ).

Въ данномъ случаѣ большую роль сыграла жадность къ еврейскимъ деньгамъ (Балинка: Послѣдніе годы и т. д. XVIII в. документы стр. 290, 348). Оказывается, что дѣло не было предложено на рассмотрѣніе сейма вплоть до послѣдняго засѣданія; каковъ былъ проектъ Піатоли, существовалъ ли онъ на самомъ дѣлѣ—неизвѣстно. Сообщенія Булгакова преисполнены злобы и ненависти къ людямъ четырехлѣтняго сейма, достовѣрности же въ нихъ мало. Стоя въ сторонѣ отъ вліятельныхъ круговъ, онъ долженъ былъ довольствоваться слухами и донесеніями своихъ второстепенныхъ агентовъ.

Какое же впечатлѣніе произвели эти работы и проекты на еврейскій народъ? Почти никакого.

Масса нисколько не измѣнилась, по всей вѣроятности ей даже не было извѣстно, что о ней пишутъ, такъ какъ только очень

немногіе умѣли читать по польски. Собственно и нельзя было ожидать никакихъ перемѣнъ въ настроеніи цѣлой народности, разъ реформа осталась только проектомъ, не вошла въ жизнь, не воспитала новаго молодого поколѣнія. Нѣкоторые равнины написали нѣсколько брошюръ съ льстивыми похвалами по адресу авторовъ проектовъ, но съ разными притомъ ограниченіями и замѣчаніями, дышащими непримиримымъ консерватизмомъ.

Существовала секта Франка, который проживалъ въ Польшѣ съ 1756 г. по 1773 г. и создалъ видоизмѣненную форму христіанства для евреевъ. Умирая въ декабрѣ 1791 г. въ Оффенбахѣ подъ Франкфуртомъ, онъ велѣлъ надѣть на себя польское платье, а ноги связать пурпурной лентой по еврейскому обычаю¹. Современемъ секта франкистовъ слилась съ народомъ, но она была очень немногочисленна. Однако послѣ обнародованія конституціи третьяго мая представители еврейскаго народа во всей странѣ подали въ комиссію государственной полиціи меморіаль слѣдующаго содержанія: „1) еврей, проживающіе въ свободныхъ городахъ, должны по своимъ дѣламъ подлежать суду военно-гражданскихъ комиссій или земскимъ судамъ, а не суду магистратовъ; 2) должно

¹ Біографія и ученіе Франка съ возможной точностью переданы Александромъ Краусгаромъ въ монографіи подъ заглавіемъ „Франкъ и польскіе франкисты“. Краковъ 1895 г. т. 2. Здѣсь мы приводимъ только маленькій отрывокъ изъ пропущенной тамъ корреспонденціи о похоронахъ Франка. Франкъ долго проживалъ въ Польшѣ, въ Ченстоховѣ пробылъ въ заключеніи, потому же онъ былъ извѣстенъ своею роскошною жизнью на широкую ногу въ Вѣнѣ и Бернѣ. Богатства этого человѣка, возрастающія съ необыкновенной быстротою неизвѣстно откуда, толпа людей, которую онъ держалъ всегда при себѣ, и образъ его жизни возбуждали всеобщее любопытство.. Его приверженцы изъ поляковъ, грековъ, армянъ и др. посѣщали католическія богослуженія, но кромѣ того имѣли свои собственныя сходки. 50 человѣкъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ составляли его стражу. Въ похоронномъ кортежѣ участвовали мужчины въ національныхъ костюмахъ, польскихъ, греческихъ, армянскихъ и турецкихъ, а за ними шли мальчики съ луками и стрѣлами, придворные. Гробъ, покрытый бѣлымъ атласомъ съ бахромой, сверху красный крестъ, обвитый галуномъ; тѣло было положено въ мягко устианный гробъ. (Корреспонденція изъ Франкфурта въ Приложеніи къ „Gazeta Narodowa“).

вознаградить ихъ за тягости, понесенныя по городамъ Житомиру, Шавляхъ, Бресту Л., Винницѣ, Новогрудку и Гроднѣ; 3) евреевъ, сидящихъ на городскихъ земляхъ, чиншъ не долженъ быть возвышаемъ произвольно; налоги, устанавливаемые безъ разрѣшенія комиссіи, не должны падать на евреевъ, расквартированіе войскъ должно на евреевъ ложиться одинаковой тяжестью, какъ и на другихъ; 4) они просили, чтобы ихъ бани и пивоваренные заводы, находящіяся въ городахъ, могли тамъ существовать и впредь; 5) чтобы было дозволено держать христіанскую прислугу; 6) чтобы правительственная опека распространилась и на евреевъ“. По первому пункту послѣдовалъ со стороны комиссіи отказъ: комиссія предписала, чтобы живущіе въ городѣ евреи подчинялись полицейскимъ распоряженіямъ и мѣстнымъ судамъ до тѣхъ поръ, пока законодательная власть не издастъ „особыхъ правилъ касательно еврейскаго народа“; по второму пункту послѣдовало благосклонное рѣшеніе; на 3-й и 4-й послѣдовалъ отказъ въ виду существовавшихъ особыхъ правъ городовъ; 5-й пунктъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; на 6-й послѣдовалъ отвѣтъ. „Такъ какъ государственная опека конституціей 3 мая распространена на всѣхъ жителей страны, то и комиссія, усматривая, что и евреи не изъяты изъ таковой опеки, находитъ, что тѣмъ самымъ начало „Neminem captivabimus, nisi jure victum“ (исключая случая *resens crimen*) вполне распространяется и на еврейскій народъ“¹.

Такое разъясненіе должно было въ глазахъ евреевъ придать особое значеніе конституціи 3 мая и удовлетворить ихъ, несмотря на отказъ относительно бань, пивоваренныхъ заводовъ и шляхетской подсудности. Извѣстно также, что между евреями и королемъ велись переговоры, которые раздраженный Вулкаковъ называлъ комедіей; евреи будто-бы должны были заплатить королевскіе долги въ суммѣ 20 милліоновъ золотныхъ польскихъ, но не

¹ Relacya Deputowanych do Najj. Konfederacyi do Examinu Kom. Policyi 1794 г. стр. 15—16.

могли прийти къ соглашенію и ушли, не желая взять на себя уплату долговъ, и король взялъ съ нихъ только 15,000 червонцевъ ¹. Быть можетъ, что результатомъ именно этихъ проектовъ было и вышеизложенное рѣшеніе комиссіи полиціи. Когда началась война 1792 г. евреи очень доброжелательно отнеслись къ майской конституціи. Такъ напр. виленскіе портные взялись изготовить бесплатно около 200 мундировъ для войска. Синагога Сохачевская дала 300 золотыхъ, пулавскіе евреи приняли участіе въ складчинѣ мѣщанъ и крестьянъ, правда, очень скромной, составившей всего 485 золотыхъ 8 гр. ². Это была настоящая лепта вдовицы въ сравненіи съ 20 милліонами королевскихъ долговъ.

Но въ 1794 г. въ рѣшительную минуту евреи ничѣмъ не обнаружили своихъ гражданскихъ чувствъ; напротивъ, встрѣчаются ходатайства отдѣльныхъ багаловъ объ освобожденіи ихъ отъ податей, наложенныхъ вслѣдствіе крайней необходимости во время возстанія Костюшки. Въ Литвѣ евреи приобрѣли даже расположеніе русскаго военачальника, князя Рѣпина, который писалъ о нихъ въ официальномъ сообщеніи минскому губернатору Неплюеву по дѣлу гродненскаго багала о деревнѣ Бобрънки: „Всѣ здѣшніе евреи нисколько не сочувствовали польскому бунту, но, напротивъ, они въ усердіи своемъ оказывали намъ услуги. (Де Пуле стр. 117). Единственнымъ проявленіемъ ³ сочувствія погибавшей Польшѣ были подвиги совершенные Іосифомъ Ароновичемъ и Беркомъ

¹ Мы впрочемъ нашли еще одно упоминаніе, что евреи числа 17 и 18 мая 1794 г. въ сраженіи съ Игельштромомъ съ почетомъ отличились. (Войска. О польской революціи съ 1794 г. въ мемуарахъ XVIII вѣка изданіе Жупанскаго стр. 29). Подобную аттестацію выдаютъ варшавскимъ евреямъ тоже Чацкий (Rozprawa o Żydach, wyd. Turowsk str. 57) и баронъ Вышинскій (1818 г.), о которомъ упоминаетъ Н. Nussbaum. (Szkice Historyczne z życia Żydów. Warsz. 1881 г. str 24). Замѣтимъ однако, что еврейская община въ Варшавѣ въ это время еще не существовала, такъ что въ рядахъ народнаго войска принимали участіе только отдѣльныя личности, увлеченныя общимъ народнымъ воодушевленіемъ.

² Дневникъ Булгакова въ послѣдніе годы и т. д. Калинин, документы стр. 220.

³ Gazeta Narodowa 1792 str. 302, 303, 314.

Иоселевичемъ; послѣдній вмѣстѣ съ званіемъ полковника получилъ отъ Костюшки 17 сентября разрѣшеніе вербовать „легкоконный еврейскій полкъ“. Обращеніе „къ собратьямъ“, послѣдовавшее по этому поводу, ясно рисуетъ глубокую духовную разницу между поляками и евреями. Главный мотивъ слѣдующій: „Онъ, такой великій мужъ (Костюшко), и много другихъ великихъ и знатныхъ людей, пользующихся уже большими вольностями, жаждутъ всетаки еще большей вольности и освобожденія отечества. Отчего же намъ угнетеннымъ не взяться за оружіе? Вѣдь мы угнетены больше всѣхъ людей на свѣтѣ?“

Въ концѣ же сказано: „Дорогіе братья! Возстаньте, какъ львы или леопарды: съ Божьей помощью мы проглотимъ этихъ гордыхъ и великихъ!“

Мы слышали преданія и нѣсколько юмористическихъ анекдотовъ объ этомъ полкѣ, но совершенное отсутствіе какихъ-либо официальныхъ данныхъ заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности преданія.

Мы сомнѣваемся даже въ самомъ существованіи этого полка въ виду того, что едва-ли было достаточно времени для его организаціи: упомянутое обращеніе помѣчено было числомъ 1 октября 1794 г., а изъ книги Главной Народной Казны видно, что Верекъ Иоселевичъ взялъ „на первыя издержки для имѣющаго собратья полка 3.000 золотыхъ (не наличными деньгами), а кредитными билетами только 6 октября, а 10 октября уже произошла битва подъ Мацѣвицами ¹, въ которой Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ. Правда, штурмъ Праги имѣлъ мѣсто на разсвѣтѣ 4 ноября, однако мы не думаемъ, чтобы Иоселевичъ обладалъ талантомъ организовать полкъ въ теченіе четырехъ недѣль и съ тремя тысячами въ билетахъ, сильно уже дискредитированныхъ, и чтобы его собратья „встрепенулись какъ львы и леопарды“ послѣ пораженія Костюшки.

¹ Gazeta Rzadowa 1794. Nr. 78 20 сентября, стр. 312, Nr. 92 4 октября, стр. 371 и 372. Nr. 101 13 октября, стр. 41, книга изъ народной казны (księga z kasy Narodowej Głownej) для верховнаго совѣта отдѣл. VII Nr. 75 комиссіи государственной казны. 6 октября.

Лично онъ проявилъ большую храбрость, онъ зачислился въ легионы, командовалъ цѣлымъ эскадрономъ польскихъ уланъ во времена Варшавскаго Герцогства и палъ, атакуя австрійцевъ при Коцкѣ въ 1809 г., но все это имѣло мѣсто уже послѣ третьяго раздѣла.

Этотъ небольшой очеркъ, правда наброшенный только въ общихъ чертахъ, даетъ, по моему мнѣнiю, достаточно данныхъ для заключенiя, что еврейскiй народъ служилъ Польшѣ только своей обширной торговлей, уплатой въ казну скромной части своихъ барышей въ видѣ поголовнаго, штемпелей, пошлинъ и т. п. податей, но сознание какихъ-либо гражданскихъ обязанностей оставалось ему чуждо. Государственный человѣкъ не могъ рассчитывать на эти 900,000 человѣкъ въ случаѣ войны за народное существованiе по крайней мѣрѣ въ теченiе 30 лѣтъ со введенiя реформъ хорошо обдуманыхъ и старательно выполненныхъ.

Для четырехлѣтняго сейма эта была мертвая масса и въ смыслѣ политической силы бесполезная, быть можетъ, да и вредная*.

Эм. З.—нѣ.

* *Примѣчанiе редакции.* Текстъ подлинника воспроизведенъ здѣсь безъ всякихъ измѣненiй. Мы полагаемъ, что факты, сообщенные авторомъ, такъ же интересны, какъ и его личные взгляды на положенiе евреевъ въ Польшѣ, но мы, конечно, не можемъ не замѣтить, что большую цѣнность имѣютъ факты, а отнюдь не высказываемые г. Корзономъ взгляды. Последнiе вполне проникнуты той узкословной шляхетской точкой зрѣнiя, съ которой обыкновенно смотрятъ польскiе писатели (за немногими развѣ исключенiями) на евреевъ и еврейскiй вопросъ. Характерно въ этомъ смыслѣ отношенiе его къ извѣстному Берку Йоселевичу. Корзонъ могъ бы еще понять Берка въ качествѣ защитника панскихъ вольностей (см. в. воззванiе Берка Йоселевича къ „собратьямъ“ и замѣчанiя о немъ Корзона), но онъ совершенно не способенъ понять того же Берка Йоселевича, берущагося за оружье во имя собратьевъ „угнетенныхъ болѣе всѣхъ людей“. Корзонъ даже видитъ въ такомъ характерѣ воззванiя Йоселевича доказательство „духовной разницы между поляками и евреями“. Стоитъ также отмѣтить отношенiе Корзона къ евреямъ и въ оцѣнкѣ ихъ экономической роли, къ исторiи ихъ борьбы съ польскимъ мѣщанствомъ, нарождавшимся польскимъ купечествомъ и ремесленными цехами. Повсюду приводятся обвиненiя и нареканiя, прямо взятые изъ жалобъ и прошенiй, подававшихся этими конкуррентами евреевъ, причемъ историкъ не трудится подтвердить эти нареканiя какими либо фактами или же привести тѣ опроверженiя, которыя шли изъ еврейскаго лагеря и о которыхъ онъ упоминаетъ только вскользь. Впрочемъ статья г. Корзона заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора и мы, быть можетъ, къ ней еще вернемся.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОРЕМЫКИ.

Ребъ Ицхокъ.

Окончаніе¹.

V.

Наша новая жизнь началась съ того, что я спилъ себѣ «городской костюмъ», нанялъ квартиру за шесть рублей въ мѣсяцъ на Николаевской улицѣ, населенной разнымъ небогатымъ людомъ: отставными чиновниками, «старосвѣтскими» портными евреями, любящими поговорить о прежнихъ «панахъ», и наконецъ учениками фельдшерской школы, прозванными «голодниками», пребываніе которыхъ на какой нибудь улицѣ всегда доказываетъ дешевизну квартиръ, довѣрчивость мелкихъ лавочниковъ, добросердечность хозяекъ и, какъ вѣнецъ всѣхъ этихъ благъ, отдаленность центра города. Право, не знаю, что побудило меня тогда нанять квартиру на этой улицѣ... Впрочемъ «рыбакъ рыбака видитъ издалека», какъ говорятъ люди.

Черезъ два дня я перезнакомился со свѣми фельдшерами, причемъ оказалось, что многіе изъ нихъ не фельдшера, а «вообще учатся», ища «знанія для знаній». Друзьями мы стали скоро, начали говорить «на ты»...

Общій примѣръ и на меня подѣйствовалъ: я сталъ учиться; учителямъ, конечно, платить не пришлось. Для чего я учился, право, тогда я и самъ хорошо не зналъ. Впрочемъ, я имѣлъ въ виду поступить въ какое-то техническое училище, которое открылось гдѣ-то, кажется въ Приамурскомъ краѣ, куда и евреи принимались, по процентамъ конечно.

Ученіе мѣшало мнѣ искать занятія, а между тѣмъ нашъ небольшой запасъ денегъ истощался. Дѣдъ въ мою жизнь не

¹ См. „Восходъ“ кн. VII.

вмѣшивался, не препятствовалъ ученію, не требовалъ отчета въ деньгахъ. Онъ сталъ неузнаваемъ: никто не узналъ-бы въ этомъ старикѣ съ сѣдой бородой и слезящимися глазами р. Ицхока Шендерова изъ Снонима. Исчезла его представительность, происходившая отъ сознанія собственнаго достоинства, пропала и сила и интересъ къ чему либо серьезному. Грустно было смотрѣть на него, когда онъ садился у печки и начиналъ печь картофель: онъ весь отдавался этому занятію и съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждой картофелиной, выгребалъ и самъ выносилъ золу на дворъ. Когда картофель становился годнымъ къ ѣдѣ, дѣдушка не спѣша доставалъ изъ шкафика тарелки, аккуратно вытиралъ пыль и ставилъ ихъ на столъ.— Шмуэль—говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—gei essn...

— Ich gei, seide!—отвѣчалъ я, въ то-же время болѣя за него всей душой.

Я-бы съ удовольствіемъ исполнялъ за него эти хозяйственныя обязанности, но жаль было его-же. Ёль онъ мало и такъ, что жалко было смотрѣть: возьметъ сморщенными пальцами кусокъ хлѣба, а руки трясутся, пока онъ его обмакиваетъ въ соль, голова трясется и такой онъ дѣлается безпомощный, что иной разъ готовъ былъ-бы рыдать. Мучить меня въ такія минуты и взглядъ его, принимающій виноватое выраженіе. Такъ смотрятъ старые люди, когда считаютъ себя виноватыми. Пробовалъ я заговаривать съ нимъ о прошломъ: онъ внимательно поднималъ на меня тогда глаза и вдругъ, опустивъ ихъ на полъ, вспоминалъ какой нибудь незначительный эпизодъ: «du gidenkst,—говорилъ онъ,—vi ba Hodn is farfaln givorn di zig? ¹— и тихая усмѣшка проходила по его губамъ. По старой привычкѣ онъ все еще читалъ свои книги, но наврядъ-ли понималъ ихъ теперь, какъ раньше.

Я-же между тѣмъ совершенствовался въ «наукахъ», вѣрнѣе сказать повторялъ забытое. Въ нашихъ двухъ комнатахъ было прохладно, что весьма пришлось по душѣ моимъ новымъ знакомымъ, съ которыми въ продолженіе зимы я окончательно сошелся. Они, особенно тѣ изъ нихъ, которые жили воелѣ насъ, до того свыклись, что не стѣснялись брать у меня хлѣбъ на

1. Ты помнишь, какъ у Гола пропала воза?

домъ, куски сахару и прочіе съѣстные припасы. Дѣда они первое время побавлялись, но потомъ и это обошлось и даже, бывало, въ моей комнатѣ и по субботамъ курили. Боясь, чтобы дѣдъ не замѣтилъ дыма, я съ ними часто ругался, да мало было толку. Но не долго пришлось мнѣ вести такую жизнь; изъ вывезенныхъ мною изъ Сионима трехсотъ рублей ничего почти не осталось, благодаря моей «расточительности», относительно конечно. А тутъ еще заболѣлъ дѣдушка, потребовались лѣкарства и лучшая пища, и докторъ даже, по свойственной всѣмъ сытымъ докторамъ привычкѣ, посоветовалъ дѣду ѣхать на какой-то островъ,—въ Испаніи, если не ошибаюсь. Понемногу я началъ продавать наше «хозяйство», причемъ выручилъ конечно гроши, тотчасъ же исчезающіе. А дѣдъ все не поправлялся, требовалось платить за квартиру. Разъ какъ-то вечеромъ я пошелъ къ своимъ пріятелямъ, фельдшерамъ, жившимъ вблизи насъ. Тамъ уже собралось человѣкъ пять, всѣ знакомые, завязался разговоръ о равноправіи женщинъ, причемъ всѣ горячились, ругались. А я все сидѣлъ безмолвный въ углу, чѣмъ обратилъ наконецъ на себя всеобщее вниманіе.

— Шендеровъ, о чемъ ты думаешь? О началѣ началъ?—спросилъ кто-то.

— Съ вами, ребята, стѣсняться нечего!—съ натянутымъ смѣхомъ отвѣтилъ я.—У меня, видите, денегъ ни-ни, ну и надежды получить ихъ также нѣтъ, а за квартиру требуютъ...

— Только-то?—разсмѣялся хозяинъ комнаты, старшій братъ Ковинъ:—плюнь! Безденежье бодѣзнь неопасная, а переберись-ка ты съ своимъ дѣдомъ къ намъ! Вникай, чуланъ сей видишь?—онъ теплый, туда и положимъ старика: чуланчикъ-то отдѣльный и если выбросить оттуда нашъ гардеробъ, состоящій изъ двухъ паръ сапогъ, которые, держу пари, ни одинъ сапожникъ на свѣтѣ не починитъ, то получится превосходная спальня. Идетъ?—Я молчалъ.—Чего-жъ ты, болванъ, молчишь!—разсердился Ковинъ:—а вы, ослы, чего притихли?—вдругъ набросился онъ на остальную компанію.—Ну идетъ? Скажи?

— Идетъ, идетъ!—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ сейчасъ и перебирайся! И, не дожидаясь моего согласія, scomандовалъ:—ребята, маршъ къ Шендерову, а ты Слятинскій вымети чуланъ!—И вся компанія, затанувъ «Волгу»

направилась къ намъ. У крыльца они замолеки и я пошелъ предупредить дѣда. Дѣдъ охотно согласился, говоря, что ему скучно одному оставаться. (Онъ ужъ зналъ, что денегъ нѣтъ). Минуть черезъ двадцать была перенесена на новую квартиру оставшаяся рухлядь, и за ней, чуть не на рукахъ, перенесли и дѣда, ласково улыбавагося.

VI.

Когда мы совсѣмъ ужъ устроили дѣда въ его комнаткѣ, то рѣшили отпраздновать новоселье. Пока одинъ готовилъ чай, другой затѣялъ со мной споръ.—Нѣтъ, кричалъ онъ, пойми, вѣдь ты осель, т. е. дуракъ. Пойми: я космополитъ, для меня не существуетъ ни евреевъ, ни русскихъ, ни нѣмцевъ, ни чорта, ни дьявола... А ты лѣзешь со своимъ «еврейскимъ патриотизмомъ»! Что значить еврей? Единица? Да, единица! Устроимъ такъ, чтобъ всѣмъ жилось если не лучше, то хоть разумнѣе и ничего не останется отъ еврейскаго вопроса, потому что подобные вопросы не должны существовать! А о ненависти русскаго народа къ евреямъ не можетъ быть и рѣчи... Я самъ родился въ деревнѣ и знаю, что мужикъ ненавидитъ не самого жида, а смыслъ этого слова! Пьяная ватага въ Сионимѣ опять таки ничего не доказываетъ и виною этому дурацкому погрому, какъ ты его величаешь, нечто иное, какъ неосмысленная попытка страхнуть съ себя тяжесть ига жизни, произволь урядниковъ, да и мало ли еще что... Ну, да дурака не переспоришь!

— А я знаю навѣрно,—заговорилъ Куксинъ,—что простой русскій народъ больше любитъ евреевъ, чѣмъ грековъ и армянъ, и питаетъ къ евреямъ глубокое уваженіе, т. е. къ ихъ набожности.

— Ну, отъ этого намъ не легче!—отозвался Шнылеръ.

— Какъ не легче!—вспылилъ Гайль, забывъ о своей натурѣ космополита:—спасибо и за то!

— Честное слово, Гайль правъ,—торжественно произнесъ Слятинскій.—Я самъ въ своихъ сочиненіяхъ провожу то же и..

— Полно врать, подлець этакій,—перебилъ его младшій Ковинъ, ставя въ то же время на столъ самоваръ, дѣтъ десять нечищенный.—Что ты сочинилъ? Ты ребусъ сочинилъ, вотъ что!

Всѣ разсмѣялись.

— Ну, ужь ты наговоришь!—обидѣлся Слятинскій, но не надолго:—надо-бъ пива купить?—предложилъ онъ.

— Это дѣло!—поддержалъ Куксинъ его предложеніе.—У кого сколько?

— Жертвую въ пользу общаго дѣла серебряный пятачекъ, подарокъ одной сентиментальной особы, питающей ко мнѣ нѣжныя чувства!—патетически проговорилъ Гайль.

— Сумма сія, помноженная на два,—моя лепта!

— Минусъ три—мой капиталъ, но считая скопленіе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ дѣломъ вреднымъ, приобщаю его къ имѣющейся суммѣ.—И братья Ковины положили на столъ семь копѣекъ.

— Погода была пасмурная, я шелъ по улицѣ и мечталъ о краскѣ, которой-бы можно было красить ноги такъ, чтобы онѣ принимали видъ вычищеннаго сапога. Не мѣшаетъ вамъ замѣтить, милостивые государи, что мысль эта не выходитъ изъ моей головы съ того самаго дня, какъ я чуть не выпалъ изъ сапогъ, потерявъ въ какой-то загородной экскурсіи подметки. Но это «дѣла давно минувшихъ дней»! Итакъ, идя въ ту пасмурную погоду по улицѣ, я натыкаюсь на камень, разбиваю носъ и, представьте, нахожу сей серебряникъ! Вотъ онъ!

И, проговоривъ эту тираду, Шнылеръ засунулъ руку въ карманъ гдѣ «серебряника» не оказалось. Та же участь постигла его, когда онъ выворотилъ другіе карманы.—А вѣдь я его, потерялъ,—плачевно сказалъ онъ. Всѣ смѣялись.

Всего собралось 54 копейки, на которыя и купили девять бутылокъ пива. Не успѣли мы выпить и трехъ бутылокъ, какъ изъ комнаты дѣда послышался крикъ; всѣ затихли.—Дѣдушка, что тебѣ?—спросилъ я, подойдя къ кровати, гдѣ онъ лежалъ блѣдный съ прерывающимся дыханіемъ. «Aher, aher, main kind!»—и онъ глазами указалъ мнѣ мѣсто у изголовья. Я сѣлъ, а дѣдушка взялъ мою руку и съ трудомъ началъ говорить:—Шмуэль, я умираю, ты останешься одинокимъ... Будь всегда евреемъ, это мое завѣщаніе... Kind mainer, зачѣмъ ты куришь въ субботу?... вѣдь я знаю...

При послѣднихъ словахъ я выбѣжалъ изъ комнаты:—Господа, бросьте курить, сегодня пятница и это волнуешь дѣдушку.

— Чортъ возьми!—крикнулъ Слятинскій.—Ты-бы давно сказаль, мы бросили-бъ, честное слово!!!

Гайль, былъ не такъ податливъ: къ чорту предразсудки!—крикнулъ онъ.

— Что ты съ ума сошелъ, дуракъ!—набросились на него товарищи, бросая въ то же время курить. Гайль послѣдовалъ ихъ примѣру, младшій Ковинъ побѣжалъ за докторомъ, директоромъ фельдшерской школы, остальные вслѣдъ за мной вошли въ комнату дѣда.

— Спасибо вамъ, дѣти, —сказаль онъ и обратился къ Гайлу:—какъ зовутъ тебя?

— Авраамъ!—съ почтеніемъ отвѣтилъ тотъ.

— Авраамъ...—грустно началъ дѣдъ шептать:—такъ звали моего сына, умеръ онъ, давно умеръ... si hot men dervorgn... Дѣдъ вздрогнулъ и замолчалъ. Стало совсѣмъ тихо.

— Киндерь!—опять заговорилъ дѣдъ, но уже довольно твердымъ голосомъ,—будьте всегда евреями, держитесь нашей святой религіи, она дастъ вамъ силу терпѣть и страдать... понимаете?

Всѣ были растроганы, хотя въ словахъ дѣда ничего ни возвышеннаго, ни новаго не было. Впрочемъ, чувствовалась близость смерти.

Пріѣхаль докторъ. Бутылки съ пивомъ забыли принять со стола, но докторъ, директоръ фельдшерской школы, какъ я ужъ говорилъ, показаль видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Дѣду онъ прописаль успокаивающее лѣкарство, хотя и сказаль, что наврядъ-ли онъ доживетъ до утра. Утромъ въ четыре часа дѣдъ умеръ.

Безталанныя.

I.

Съ громаднымъ трудомъ и униженіемъ я наконецъ досталь мѣсто писца въ какой-то хлѣбной конторѣ за 15 рублей въ мѣсяць. Это было цѣлымъ событіемъ, которое мы и отпраздновали, да немножко рано: хозяинъ конторы недѣли черезъ двѣ принужденъ былъ чуть ли не выгнать меня, такъ какъ я «нагрубилъ» ему, замѣтивъ, что не въ моихъ обязанностяхъ

подавать его кліентамъ пальто, какъ онъ изволилъ потребовать. Потомъ я мѣсяца три учительствовалъ и ни одинъ изъ моихъ учениковъ не выдержалъ экзамена... Скверно-ли я училъ, или ученики были скверные, или то и другое вмѣстѣ — не знаю, но ученики, повторяю, срѣзались и мнѣ отказали; шесть мѣсяцевъ засимъ я — и чортъ самъ не разбереть, чѣмъ кормился, какъ и гдѣ жилъ, а ужъ я то вѣрно не разберу. Впрочемъ, виновать, квартиру, хотя не постоянную, имѣлъ я бесплатно у одной бѣдной, но «благородной» вдовы, жившей въ верстѣ отъ города, вондѣ еврейскаго кладбища.

Но велика была наша радость, радость горемыкъ, когда въ Погребовскѣ съ шумомъ прикатила драматическая труппа. И было чему радоваться: посыпались на насъ мѣдяки за переписку ролей, да какіе мѣдяки! Тяжелые, тяжелые...

А то что иной антрепренеръ, не окончивъ сезона, улетучится (на фізіономіяхъ всѣхъ антрепренеровъ видно что-то такое эфирное, испаряющееся, улетучивающееся), что иной антрепренеръ, повторяю, улетучится и остается намъ горемыкамъ должнымъ за сто, полтора листа, написанныхъ въ десять, пятнадцать дней, каковое время въ сравненіи съ ожидающей насъ вѣчностью — нуль, такъ исчезновеніе это, хочу я сказать, не имѣть значенія для людей, умудренныхъ жизненнымъ опытомъ. А все таки намъ кое что перепало и подчасъ мы ѣли не хуже Погребовскихъ евреевъ ремесленниковъ, которые, какъ писалъ недавно одинъ просвѣщенный и жирный докторъ, всѣ до одинаго имѣютъ деньги, что меня впрочемъ не удивляетъ, ибо въ Погребовскѣ многіе ремесленники, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, вырабатываютъ, когда случается работа, тридцать и даже (я не шучу!) тридцать пять копѣекъ въ день. А на эти деньги, каждый согласится, можно и самому быть сытымъ и дѣтей накормить.

Но почему у дѣтей Погребовскихъ ремесленниковъ животы словно барабаны, я, ей Богу, не знаю!

Мы также пользовались бесплатнымъ входомъ въ театръ. Терпѣть не могу я оперъ, оперетокъ, балета... Драму люблю, комедію люблю, потому что у меня серьезный взглядъ на искусство. Впрочемъ, въ этой любви есть еще кое что, кромѣ серьезнаго взгляда. Тутъ политическая экономія. «А причемъ

тутъ политическая экономія?» А переписка ролей? Стыдно такихъ вещей не знать. Писали мы запоемъ, но, какъ любители природы, мы иногда цѣлой компаніей, человекъ семь, восемь, бросали бумаги и уходили за городъ къ рѣкѣ. Тамъ, чтобъ не сидѣть безъ дѣла, мы... мы бѣлье свое стирали. Нѣкоторые достигли совершенства въ этой отрасли... искусства. Смѣшно, я думаю, было-бы со стороны посмотрѣть на насъ, сидящихъ на корточкахъ и съ усердіемъ трущихъ какую нибудь въ конецъ изорванную рубашку и толкующихъ въ то же время о великихъ авторахъ.

Къ нашей компаніи принадлежали только тѣ, которые стремились къ знаніямъ и глубоко вѣрили въ нихъ. Знали конечно далеко не всё, но голодать—всѣ голодали, а между тѣмъ, гордость была сильно развита и бывали случаи, что тотъ или другой горемыка отвергалъ «вспомоществованіе благороднаго человѣка», предпочитая голодъ.

Долго я жилъ этой жизнью: два или три года, на вѣрное не помню...

Многіе старые знакомые развѣхались—кто фельдшеромъ въ какой нибудь далекой и глухой уголокъ обширной Россійской имперіи, гдѣ ему будетъ говорить «ты» земскій врачъ... Двое поступили въ Харьковскій университетъ; Шнылеръ умеръ, простудившись на огородѣ, гдѣ имѣлъ «привычку» иногда ночевать; Куксина доконала чахотка; Гайль, женившись по любви на какой-то страшно уродливой, но и страшно ученой акушеркѣ, сохнетъ гдѣ-то съ голоду; остальные... остальные по старому живутъ: учатся, голодаютъ, читаютъ Бокля... Полякъ Слятинскій уѣхалъ въ Петербургъ, куда его тянуло призваніе къ литературѣ: онъ еще изъ Погребовска неоднократно, т. е. два раза, помѣщалъ въ «Нивѣ» ребусы, страшно замысловатые. Я отъ него получилъ два письма, которыми онъ звалъ меня въ Петербургъ, обѣщая золотыя горы. Ни одному слову его писемъ я не придавалъ значенія, но жизнь въ Погребовскѣ стала для меня такъ тяжела, что я рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ. Требовались перво-на-перво деньги на проѣздъ: два мѣсяца прошло, пока онѣ были добыты и въ воскресенье въ два съ половиной часа дня мая 27 дня 18... года я выѣхалъ въ столичный городъ Петербургъ.

— А вѣдь ловко!—похвалилъ я самъ себя, приближаясь къ Петербургу послѣ трехъ безсонныхъ ночей.

— Ловко, да не совсѣмъ... принужденъ я былъ сказать себѣ ужъ въ самой столицѣ, гдѣ я Слятинскаго конечно не нашель, потому что онъ былъ начинающій литераторъ, а извѣстно, что начинающій литераторъ сегодня приглашаетъ васъ къ себѣ, а завтра ужъ самъ находится у чорта на куличкахъ. Да и надо сознаться, что я даже не сталъ усиленно разыскивать Слятинскаго.

Не будетъ же хуже, чѣмъ въ Погребовскѣ! — думалъ я, вспоминая прошлую жизнь. Ну, и дѣло-то было почти лѣтомъ; вещей у меня было мало, очень мало.

Первую ночь я провелъ на вокзалѣ, а на другой день нашель квартиру, заплатилъ послѣдніе четыре рубля впередъ за мѣсяцъ и, несмотря на маленькую цѣну, мнѣ даже были рады. Объясняется это тѣмъ, что лѣтомъ въ Петербургѣ нашего брата бѣдняка поменьше: студенты увѣзжаютъ на подножный кормъ, исчезаютъ также люди неопредѣленныхъ профессій, умираютъ чахоточные и масса угловъ пустуетъ.

На третій, не помню, или четвертый день, хозяинъ моей квартиры, рыжій отставной солдатъ, женатый на чухонкѣ, прельстившей его двумя серебряными ложками, потребовалъ у меня паспортъ, чтобы заявить въ участіе. Это меня смутило: живя въ чертѣ еврейской осѣдлости, мнѣ почему-то думалось, что «не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ» и полагаель, что и въ «не чертѣ», особенно въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Петербургъ, одинокому, какъ я, человѣку, прожить можно будетъ, избѣгая конечно стычекъ съ полиціей и вообще ссоръ съ кѣмъ-бы то ни было, всегда грозящихъ доносомъ. О специальныхъ доносчикахъ, только и живущихъ доносами и которыхъ послѣдніе годы развелось весьма почтенное количество, я тогда еще не зналъ.

Хозяину я паспорта не далъ и отговорился тѣмъ, что мнѣ некогда распарывать подкладку пиджака, въ которомъ онъ будто хранится. Съ недѣлю онъ все приставалъ ко мнѣ; наконецъ, между нами произошелъ трогательный обмѣнъ мыслей.

— Дайте паспортъ, а то съ насъ полиція требуетъ.

— Паспортъ?—переспросилъ я:—завтра...

— Полно, голубецъ, морочить! У тебя видно, отродясь его и не было, паспорта то...

— Какъ не было!?—вспылилъ я.—За кого-жъ вы меня принимаете?

— Ты жуликъ,—съ убійственнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ хозяинъ.

— Да какъ вы смѣете!

— Жуликъ.

— Кто?

— Ты.

— Что!

— Жуликъ.

Мнѣ, наконецъ, стало жаль хозяина и я началъ возвышеннымъ слогомъ объяснять ему, что я еврей и не имѣю права жить въ Петербургѣ; и въ доказательство представилъ паспортъ.

— Аа! Жидъ... констатировалъ онъ этотъ печальный фактъ и, противъ чаянія, не умилился, а приказалъ немедля съѣхать съ квартиры.

Я попросилъ его возвратить мнѣ хотя часть денегъ, и такъ какъ онъ не захотѣлъ, то я въ умѣ своемъ порѣшилъ, что онъ, должно быть, человѣкъ не богатый и не грѣхъ будетъ ему ихъ оставить. Такъ и сдѣлалъ.

Потомъ забралъ увелокъ съ бѣльемъ и вышелъ на улицу. Погода была хорошая, превосходная! Солнце, знаете, деревья и птички, вообще погода была хорошая. Но у меня не было денегъ и квартиры, а носиться съ бѣльемъ не хотѣлось и я рѣшилъ—бѣлье заложить.

— Въ ссудной кассѣ стираннаго бѣлья не возьмутъ,—разсуждалъ я самъ съ собой,—слѣдовательно требуется найти частную кассу.

— Кого жъ спросить? — продолжалъ я думать.—Полицейскаго? опасно.

— Извозчика? нѣтъ, что извозчикъ, то пьяница: извозчикъ закладываетъ въ кабаки.

Что же дѣлать?.. Эврика!

Невдалекѣ показался изящный молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, пенсенѣ, съ легонькой тросточкой, которой онъ граци-

овно похлопывалъ по спинѣ, и съ сигарой во рту. Но мой опытный взглядъ сразу замѣтилъ его стоптанныя штилеты, потертые брюки и бумажные, ослѣпительной бѣлизны, воротникъ и манжеты.

— Pardon!—извинился я.

Онъ остановился и очень вѣжливо спросилъ, что мнѣ угодно.

— Не укажете ли вы мнѣ ссудную кассу, знаете у какойнибудь этакой старушки, или...

— Па-ажалста, па-ажалста,—усмѣхнулся онъ,—я васъ понимаю: вы найдете на Вознесенскомъ № 14, Садовой № 112, Екатеринбургскомъ № 4...

— Благодарю васъ, благодарю васъ!—старался я остановить лившійся изъ его рта потокъ адресовъ ссудныхъ кассъ, содержащихся старушками.

Но это удалось мнѣ не скоро; кончивъ, изъясненный молодой человѣкъ кинулъ грустный взоръ на мой узелъ, какъ бы говоря: «что ни толкуй, а еще есть на свѣтѣ счастливыя, которымъ есть что закладывать!»—и пошелъ далѣе. Бѣлье я заложилъ и за вычетомъ процентовъ получилъ 85 копѣекъ и ожилъ всей душой. Ночь я провелъ на вокзалѣ и убѣдился, что не одинъ я тамъ ночую за неимѣніемъ квартиры. Когда вы видите на вокзалѣ господина, который съ необъяснимымъ любопытствомъ смотритъ, какъ вы ужинаете, и который, какъ только раздастся звонокъ, возвѣщающій отходъ поѣзда, засыпаетъ, то держите пари, что ему негдѣ ночевать.

Послѣдовавшій за ночлегомъ на вокзалѣ день я употребилъ на розыски квартиры и работы; былъ во многихъ конторахъ, магазинахъ, но, представьте, рѣшительно нигдѣ не нуждались въ моихъ услугахъ!

— Эдакъ, пожалуй, въ социалисты запишешься!—думалъ я. Въ одной конторѣ, правда, почти было сладилось дѣло, т. е. меня хотѣли взять писцомъ, но когда я откровенно объяснилъ (принужденъ былъ объяснить), что не имѣю права жительства,—всѣ, начиная старшимъ бухгалтеромъ и кончая подметающимъ комнаты мальчикомъ, выразили на своихъ физиономіяхъ глубочайшее сожалѣніе и... и я ушелъ. Ночь опять пришлось пробыть на вокзалѣ, но къ несчастію носъ мой обратилъ на себя вниманіе жандарма, статнаго молодца, что меня впро-

чемъ не тронуло, и я рѣшилъ на вокзалъ больше не являться, для чего, конечно, требовалось найти квартиру. Но квартира не находилась. За то къ вечеру мнѣ посчастливилось достать переписку у какого то мелкаго адвоката и только отсутствіе стола помѣшало мнѣ засѣсть за работу тутъ же на улицѣ.

Наконецъ, слѣдуя моей слабости къ эксцентричнымъ поступкамъ, я смѣло направился въ какую то гостинницу.

— Номеръ есть?

— Есть! Пожалуйста!—отвѣтилъ номерной.

Я послѣдовалъ за нимъ.—Но вотъ что, голубчикъ, скажаль я,—мнѣ, какъ еврею, въ Петербургѣ нельзя жить.

— А... такъ намъ нельзя съ, — съ смущенной улыбкой отвѣтилъ номерной. Я взглянулъ ему въ лицо: оно было не злое.

— Слушайте, я двѣ ночи не спалъ.

— Виновать-съ... нельзя-съ...

— Братъ мой!—хотѣлъ я крикнуть:—за что!—Но не крикнулъ,—страшный былъ бы крикъ—а?

— До свиданія!—и я крѣпко пожалъ номерному руку. Онъ почесалъ затылокъ... «Я вамъ дамъ адресъ кухмистерской, тамъ евреи, можете пустять: они бѣдные».

— Дайте, спасибо!

Кухмистерская находилась на Энскомъ проспектѣ. Такого проспекта, конечно, не существуетъ, но назови я этотъ проспектъ, пострадають хозяева. А вѣдь стоило бы ихъ наказать: чуть ли не часъ они не пускали меня въ домъ, принимая за доносчика! Наконецъ я былъ водворенъ въ комнату, въ которой уже находились два еврея, и по ихъ фюзіонаміямъ я тотъ часъ же заключилъ, что они не имѣютъ права жительства въ губерніяхъ: Петербургской, Олонецкой, Псковской, Новгородской, Смоленской, Курской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Калужской, Тульской, Московской, Владимірской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Тверской, Костромской, Ярославской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Астраханской, Самарской, Уфимской, Пермской, Вятской и Оренбургской; въ области Войска Донского и землѣ Уральскаго войска; въ Кіевѣ, Севастополѣ, Ялтѣ и проч.; загѣмъ: на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и остальной Сибири, кото-

рая, какъ извѣстно каждому первокласснику, занимаетъ всю сѣверную Азію отъ Сѣвернаго океана до Центральнаго плоскогорья Азіи и имѣетъ населеніе, не превышающее 5 милліоновъ.

Право, удивительно, какъ много иной разъ выражаетъ человѣческое лицо!

Комната сама по себѣ произвела на меня весьма отрадное впечатлѣніе, она умилила меня. Маленькая, узенькая, темненькая и низенькая, воздухъ ароматный, т. е. не духами или цвѣтами пахло, а рыбой, знаете, и мясомъ, жаренымъ мясомъ, которое (не только жаренное) чуть ли не съ самаго отвѣзда изъ Снонима заставляетъ меня предаваться грустнымъ мыслямъ. Что и толковать: поэзія! Хозяйка кухмистерской дала мнѣ чернила и я засѣлъ за работу, переписывать адвокатскія бумаги. Упомянутые два еврея тихохонько сидѣли въ углу и, что сильно меня удивило, не говорили межъ собой. Я замѣтилъ также, что при малѣйшемъ шумѣ въ корридорѣ они блѣднѣли, вздрагивали.

Дня черезъ три и я научился блѣднѣть и вздрагивать, а разъ даже пришлось полежать подъ кроватью.

Нелегкая занесла за чѣмъ то въ кухмистерскую полицейскаго, но намъ показалось, что это самъ приставъ.

— *Idn, untern bet!*—скомандовалъ одинъ товарищъ по комнатѣ. Не долго думая, мы полѣзли подъ кровать, гдѣ и пролежали минутъ съ десять. Ничего! Только лѣтомъ, знаете, немного, такъ сказать, душно... Впрочемъ, это все мелочи.

Скверно то, что Всевышній, создавая свой излюбленный народъ, не догадался надѣлать его способностью спать съ открытыми глазами. Тогда намъ что полиція! Но это трудно было предусмотрѣть. Да, настанетъ время и мы, еврей, въ силу закона природы, по которому все живущее стремится приспособиться къ окружающему, достигнемъ и этого.

Но когда это еще будетъ! А въ ночь на 17 іюня намъ таки солоно пришлось.

Должно жъ было случиться, что околodочный надзиратель, Николай Степановичъ, возвращался съ пирушки, бывшей у швейцара какого-то графа, гдѣ онъ,—не графъ, а Николай Степановичъ,—какъ самый почетный гость, здорово угостился какимъ-то чуть-ли не столѣтнимъ виномъ, хотя и хранившимся

постоянно въ погребѣ графа, но неизвѣстно какими судьбами очутившимся на столѣ швейцара. Вино это, какъ и подобаетъ столѣтнему, вызывало сильную жажду и веселость духа. Проходя мимо кухмистерской, Николай Степановичъ увидѣлъ огонь въ нашей комнатѣ: я сидѣлъ за бумагами адвоката. Дойдя путемъ логики, что въ кухмистерскихъ бываетъ квась, а въ еврейскихъ кухмистерскихъ — даровой квась, Николай Степановичъ позвонилъ. Всѣ въ домѣ спали, кромѣ меня и еврея, прїѣхавшаго въ Петербургъ разводить свою дочь, бывшую замужемъ за господиномъ, имѣвшимъ привычку часто ее поколачивать. Этотъ-то еврей и пошелъ отворять дверь и вдругъ вбѣжалъ обратно въ комнату, блѣдный какъ мертвецъ.

— *Idn, gatevet sich! An oblave!*—крикнулъ онъ глухимъ голосомъ и бросился къ черному ходу; мы за нимъ. Въ домѣ поднялся шумъ, изъ котораго выдѣлялся пьяный смѣхъ Николая Степановича:—«не бойтесь, ду-ураки! М-м-мнѣ ква-аску!»—кричалъ онъ. Я выбѣжалъ на улицу; было тихо. Не знаю почему мнѣ стало весело. Можетъ быть—то свѣжій воздухъ прекрасной бѣлой ночи послѣ двухдневнаго сидѣнія въ душной комнатѣ бросился въ голову, или, быть можетъ, это было веселье бѣдняка, на все махувшаго рукой? Кто знаетъ!

— Фу, дьяволь васъ возьми!—весело крикнулъ я и побѣжалъ.

Потомъ я вспомнилъ, что адвокатъ просилъ къ завтрашнему дню непременно переписать бумаги, и еще веселѣе разсмѣялся, сдѣлавъ нѣсколько головокружныхъ прыжковъ на бѣгу.

— Шалишь, адвокатишка!—вслухъ пропѣлъ я на мотивъ «*ach wie wohl ist mir am Abend*».

— Ква-аску!—вдругъ вспомнился мнѣ Николай Степановичъ.

— Ква-аску!—повторилъ я и опять разсмѣялся.

Въ такомъ веселомъ настроеніи я добѣжалъ до Фонтанки.

— Дай-ка утоплюсь?—въ шутку подумалъ я, и какъ бы толкаемый какой-то невидимой силой, вдругъ бросился въ воду.

Сознанія я не потерялъ и успѣлъ крикнуть:—«подайте лодку!» Пока подали лодку,—а лодка, какъ всѣмъ извѣстно, подается не ранѣе получаса послѣ того, какъ человекъ пошелъ

ко дну, — пока подали лодку, какой-то добрый молодой человекъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, успѣлъ меня вытащить.

Собственно говоря, добрый молодой человекъ самъ по себѣ ничего бы не сдѣлалъ; помогъ ему мой поэтическій даръ: я съизмалства чувствовалъ призваніе къ поэзіи и по сей причинѣ отпустилъ себѣ длинные волосы...

Переночевалъ въ участкѣ. Утромъ городской позвалъ меня въ канцелярію; тамъ уже былъ мой спаситель, который съ чувствомъ рассказывалъ двумъ бабамъ о своемъ подвигѣ. Бабы участливо качали головами, а одна изъ нихъ проговорила: «изъ за барышни должно быть топился»...

— Угадала, тетенька! — подумалъ я.

Пришелъ приставъ, онъ записалъ адресъ моего спасителя, сказалъ ему что-то такое — о медали-ли, или о кутузкѣ, въ которой будто спаситель сидѣлъ, — я не разобралъ хорошо, — и отпустилъ.

— Ну-съ, а вы кто такой? — обратился приставъ ко мнѣ.

— Шендеровъ.

— Имя? Отчество?

— Самуилъ... Абрамовичъ...

— Еврей? А? Ну? А?

— Да, — шопотомъ сознался я.

— Паспортъ дайте.

— Сейчасъ! — обрадовался я и полѣвъ въ боковой карманъ. Къ сожалѣнію, въ боковомъ карманѣ паспорта не оказалось. Но у меня есть другіе карманы.

И въ другихъ карманахъ нѣтъ.

Такъ гдѣ же мой паспортъ? Гдѣ мой паспортъ?

— Господинъ приставъ, я потерялъ паспортъ.

— Потерялъ? А въ какомъ участкѣ онъ былъ заявленъ?

— Я... я его не заявлялъ... я... я не успѣлъ... я... я не зналъ.

— Не заявленъ? А право жительства имѣешь? Охъ, эти... жида вы! Гдѣ квартируешь?

Я назвалъ улицу и номеръ дома... Потомъ приставъ пренебрежительно спросилъ, почему я топился, и вполне удовольствовался моимъ отвѣтомъ, что нечаянно.

Передъ тѣмъ, какъ препроводить меня въ арестантскую, приставъ упомянулъ о какомъ-то штрафѣ, который долженъ будетъ заплатить хозяинъ кухмистерской.

Три дня я пробылъ въ арестантской; паспортъ мой полиція нашла на квартирѣ, но это нисколько не улучшило моего положенія. Въ арестантской меня грызали клопы; намъ выдавали суточныхъ семь копѣекъ на мелкіе расходы: на хлѣбъ, на примѣръ.

Я рѣшилъ бѣжать, бѣжать во что бы то ни стало. На мое счастье полицейскій вечеромъ привелъ въ арестантскую какого-то пьянаго мастераго и, будучи самъ пьянъ, забылъ замкнуть дверь.

Я тихонько отворилъ дверь и бросился внизъ по лѣстницѣ; меня замѣтили изъ дежурной комнаты.

— Держи!—раздался крикъ—. Держи!—продолжали кричать полицейскіе уже на улицѣ, по которой я быстро бѣжалъ.

— Де-ерржи!—вопилъ народъ и вскорѣ за мной неслась толпа. Я бѣжалъ со страшной скоростью, дыханіе захватывало... въ отдаленіи смолкли свистки и крики. Впереди я видѣлъ темное пространство и стремился къ нему.

— Тамъ спасеніе!—думалъ я.

Долго бѣжалъ я и наконецъ безъ силъ, безъ мысли бросился на землю и впалъ въ глубокое забытѣе.

Было свѣтло, когда я очнулся. Глазамъ моимъ предстала поляна, окруженная невысокими холмами, покрытыми густымъ кустарникомъ; вдругъ запѣли пташки Божіи; онѣ пѣли сладко; потомъ солнышко показавалось и освѣтило зеленые холмы... а ниже вѣтъ солнышка: темно. Изрѣдка пронесется тихій вѣтерокъ, пошумитъ онъ, пошумитъ и вновь затихнетъ... даже пташки замолкли... Какая отрадная тишина!

Только мышь прошмыгнетъ по камерѣ.. камера эта тюремная, пересыльная, въ ней масса мышей. А то что я въ Петербургѣ бѣжалъ изъ арестантской—враки! Это просто было мечта, пріятная мечта. На самомъ же дѣлѣ меня отправили этапнымъ порядкомъ въ Сновимъ. Много остроговъ видѣлъ я. Я видѣлъ человѣческое горе... Трудно жить на свѣтѣ.

III.

— Ха-ха-ха! У меня и въ мысляхъ не было вновь очутиться въ Снонимѣ.. И какъ онъ измѣнился однако: даже каменные дома появились! Кое гдѣ еще лежали обугленные бревна, какъ живо онѣ напомнили мнѣ прошлое. Недавно это было, но и какъ давно! Въ синагогѣ, куда я пошелъ, меня узнали, пожалѣли..

Въ тотъ-же день я пѣшкомъ отправился въ Погребовскъ, куда и добрался совершенно благополучно дней черезъ восемь. Ночь наступила, когда я пришелъ на старое еврейское кладбище, всецѣло состоящее изъ холмовъ, покрытыхъ высокими старыми деревьями и густой травой, въ которой таинственно бѣлѣли полуразрушенные памятники. На одинъ изъ такихъ памятниковъ я сѣлъ. Высоко на небѣ сіяла луна, а кругомъ была та тишина, которую называютъ могильной. Могильная тишина.

Затѣмъ я пошелъ искать знакомыхъ, нашелъ ихъ..

Жить на счетъ этихъ бѣдняковъ, объѣдать ихъ, отнимать послѣдній кусокъ хлѣба, какъ я дѣлалъ раньше,—теперь казалось мнѣ невозможнымъ, преступленіемъ. Къ тому же, друзей между этими знакомыми у меня не было: Ковины уѣхали, Куксинъ умеръ, остальные, Богъ вѣсть, куда дѣлись. Но что же дѣлать? Хоть-бы драматическая труппа пріѣхала, все-жъ легче. Но труппа не пріѣзжала, дѣто почти прошло, а мы все жили на кладбищѣ, ѣли огурцы, украденные на огородахъ, плоды, ну хлѣбъ, но не каждый день. Это правда. Мы почти одичали, особенно Быковъ (фамилія сожителя, хотя онъ былъ еврей). Книги Быковъ забросилъ, ихъ у него всего было двѣ, но обладая прекрасной, замѣчательной памятью, онъ все таки сдалъ экзаменъ во второй спеціальный классъ фельдшерской школы. Впрочемъ, его скоро исключили за невзносъ платы и онъ, даже не попрощавшись со мной, пропалъ гдѣ-то.

Куда идти? Что дѣлать? «Милостивый государь, знаете-ли вы, что значитъ когда человѣку некуда идти?»—спрашивалъ Мармеладовъ. Я знаю, хорошо знаю.. Но вѣдь есть еще исходъ. Положимъ, меня назовутъ негодяемъ, да вѣдь я ѣсть хочу а главное жить.

Ну, я подлець, тѣмъ лучше вамъ, честнымъ людямъ, что я воръ и подлець: паралель возвыситъ васъ въ собственныхъ глазахъ. Да и преступленіе-ли это? Я Его всегда любилъ и теперь люблю. Въ глазахъ людей, всѣхъ людей это подлость, но вѣдь Богъ пойметъ. И не все-ли одно? Обстановка мѣняется и только... А дѣдушка умеръ и лежитъ въ могилѣ.

.....

1V.

Сентября 14. Квартуру я нанялъ на Екатерингофскомъ проспектѣ, довольно недурненькій уголь, хотя и плачу всего восемь руб. въ мѣсяць. Я теперь только осмотрѣлъ Петербургъ: какая громада! Должность моя неутомительная: я служу въ хлѣбной конторѣ помощникомъ конторщика, за что получаю пятьдесятъ рублей въ мѣсяць. Раньше мнѣ казалось, что матеріальная обеспеченность—высшее на землѣ благо; теперь—нѣтъ. «Единымъ-ли хлѣбомъ живѣтъ человѣкъ?» Хоть познаться-бы съ молодежью, было бъ лучше.

Сентября 29. Въ Петербургѣ легко знакомятся: у меня много знакомыхъ, они смѣшати меня: всѣ, кромѣ молодыхъ, всѣ мои знакомые только и любятъ одно — поѣсть вкусно и пить водку или вино.

Октября 15. «Единымъ-ли хлѣбомъ живѣтъ человѣкъ?» У меня много свободного времени и я порѣшилъ учиться. На самомъ дѣлѣ, я еще молодъ, кое что знаю и при моемъ прилежаніи и хотя небогатыхъ способностяхъ, я съумѣю года черезъ два держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Не вѣчно-жъ быть помощникомъ конторщика: цѣль незавидная, не стоитъ.

Октября 18. Сегодня просилъ одного знакомаго гимназиста 7 класса быть моимъ репетиторомъ. Онъ думаетъ, что я хочу поступить въ аптеку. Нѣтъ, въ университетъ хочу.

Октября 19. Купилъ въ книжномъ магазинѣ книгъ на семь рублей. Оказывается, что я не знаю даже дробей, ужъ неговоря объ альгебрѣ и геометріи: все позабыто. Гимназистъ къ завтрашнему дню далъ мнѣ выучить всѣ простыя дроби, страницъ десять изъ исторіи и много еще чего изъ остальныхъ предметовъ. Часовъ за пять я выучилъ все и гимназистъ былъ доволенъ.

Октября 20. Странно, я нравлюсь барышнямъ, мною интересуются. Впрочемъ, это понятно: я страшно блѣденъ, имѣю задумчивые глаза и часто вздрагиваю—всѣ признаки несчастной любви...

Живу я весело, одѣтъ недурно, бываю даже на вечерахъ, хотя и не танцую тамъ, гуляю на Невскомъ съ барышнями, смѣшу ихъ, когда хочу. А вѣдь, ей-же ей, жизнь совсѣмъ не такъ дурна! Что-жъ, я служу, даже учусь, имѣя въ виду прекрасную цѣль, бываю въ обществѣ. Гм... Я даже иной разъ обѣдаю съ удовольствіемъ, особенно когда ѣмъ жирную баранину и запиваю пивомъ. Да-съ, недурно! недурно и на мягкой постели полежать...

Октября 20, ночью. Боже, какъ отвратительно!... И я могъ говорить, что наслаждаюсь ѣдой?! Но вѣдь это правда. Да нѣтъ, клянусь Богомъ, въ котораго глубоко вѣрю, клянусь Имъ, что кромѣ одного хлѣба и соли, я ничего и нигдѣ не буду ѣсть! Ахъ какъ гадко! Какъ гадко!

Октября 20, поздней ночью. Я сейчасъ горько плакалъ. Что дѣлается со мной?!

Октября 21. Да, я шучу и веселюсь, *такъ я говорилъ. Господи*, что минутами дѣлается въ моей бѣдной, измученной душѣ. Ха, ха, ха! Въ университетъ готовлюсь! А внутри глохнетъ, глохнетъ, ѣсть меня что-то живое.

И это всегда такъ будетъ? И послѣ завтра? И завтра? Да нѣтъ, такъ я не хочу! Не должно такъ быть! Не должно! Я-же только человѣкъ, не больше, и мнѣ очень трудно.

Есть добрые люди на свѣтѣ, такъ почему-же никто не протянетъ мнѣ руку, не приласкаетъ меня, одинокаго. Ахъ, трудно, трудно! Пишу я, и слезы на глазахъ, и мнѣ такъ глубоко жаль себя. Тихая эта жалость, безъотрадная.

А то вдругъ представится мнѣ то,—то, съ чѣмъ я цѣлыми днями мирюсь, и чѣмъ минутами, кажущимися вѣчностью, нестерпимо, до боли мучусь. О, какимъ я тогда кажусь себѣ подлецомъ. Однако это слово страшное,—я даже дрожу...

Октября 22. На службу не ходилъ и все лежалъ дома на кровати.

Октября 23. Мнѣ пришла въ голову мысль: неужели люди созданы только для того. чтобы страдать?

Октября 24. Кашляю кровью и еле хожу, выкуриваю папирось шестьдесятъ въ день. Мысли мои никакъ не могутъ остановиться на чемъ либо одномъ, хотя я съ усиліемъ стараюсь обдумать, что мнѣ дѣлать.

Октября 25. И на самомъ дѣлѣ: что дѣлать?

Октября 26. Наконецъ мнѣ удалось сосредоточиться, но легче не сдѣлалось. Вчерашній вопросъ занялъ меня всего и я только и дѣлаю что повторяю: что дѣлать?

Октября 28. Сегодня утромъ въ пять часовъ я ушелъ за городъ. Должно быть вечеромъ я очутился въ лѣсу; кругомъ было пустынно. А вдали виднѣлись какіе-то пригорки и они были пустынны и унылы. Грустно стало мнѣ и наполнившая меня жалость вылилась слезами. Я вспомнилъ прошлое и недавнее прошлое... И вдругъ я увидѣлъ это прошлое предъ глазами ясно и выпукло. Я ужаснулся и ненужной показалась мнѣ эта жизнь, эта глупая и бесполезная борьба за ржаной хлѣбъ. Дико и удивленно поднялъ я глаза къ небу, будто впервые видѣлъ эту пустоту, но пустота эта была непроницаема. Такъ я стоялъ въ лѣсу на холмѣ. Вдругъ я крикнулъ:— гдѣ хорошо жить людямъ? Въ какой сторонѣ?

Я посмотрѣлъ въ одну сторону—лѣсъ синѣлъ, а надъ нимъ, надъ лѣсомъ было то же непроницаемое, полное тайнъ, небо. Нѣтъ, тамъ не хорошо, тамъ люди страдаютъ! — и я содрогнулся. Справа виднѣлись какія-то жилия помѣщенія: и тамъ скверно, въ этомъ я былъ увѣренъ, это я хорошо зналъ, зналъ потому, что тамъ люди.

— Такъ гдѣ же люди счастливы? — Я обернулся и посмотрѣлъ на востокъ: страшная, черная туча висѣла почти надъ землей и мачтами кораблей казались верхушки деревь. Мѣсто это казалось моремъ и мнѣ страстно захотѣлось быть на этомъ морѣ и уплыть далеко, далеко, въ невѣдомыя, свѣтлыя страны.

Потомъ возбужденіе прошло, а теперь мнѣ даже смѣшны эти «поэтическія» изліянія. Но оно все такъ и было мною почувствовано, быть можетъ немного искусственно.

Октября 29, утромъ. Отъ вчерашней «поэтической прогулки» я чувствую сильное утомленіе. Я сейчасъ молился Богу и это облегчило меня на одну минуту, пока молился. На службу опять не пошелъ. Къ чорту ее! къ чорту! къ чорту службу!

И учиться не буду, я даже книги сжегъ, и гимназиста надо прогнать, когда явится.

Впрочемъ, за что? Нѣтъ, скажу ему, что больше не хочу, некогда... Какъ я утомленъ, грудь болитъ... Службу къ чорту, и знакомыхъ къ дьяволу!

Октября 29, днемъ. Сейчасъ отдалъ за квартиру впередъ за мѣсяць. О, мѣсяць—много времени: чтонибудь выдумаю. Ъсть буду хлѣбъ, продамъ одежду, бѣлье, куплю много керосина: я сижу по ночамъ поздно и думаю. Читать не въ состояннн. А! что дѣлать!

Октября 29, ночью. Ха-ха! Иду я по Вознесенскому вечеромъ, шелъ дождь. Вдругъ надъ самымъ моимъ ухомъ кто-то проговорилъ: «подайте милостыню бѣдному дворянину!» И что-жъ? — Это Слятинскій, литераторъ, ребусникъ, просилъ милостыню. Онъ не узналъ меня, а мнѣ нужно было обдумать одну вещь и я, сильно толкнувъ его, прошелъ мимо.

Теперь я жизнь отдалъ-бы, чтобъ этого толчка не было...

Октября 30. Я вспомнилъ стихи изъ интермедн Гейне:

Отчего на землю солнце
Грустно, холодно гляднть?
Отчего пустой могилы
Вся земля имѣетъ видъ?

И на самомъ дѣлѣ отчего это такъ? Отчего пустой могилы вся земля имѣетъ видъ?

Это потому, что въ моей душѣ могила. Если-бъ я передалъ бумагѣ мысли мои объ одномъ предметѣ, то нѣкоторые заплакали бы со мной, а другн наввали-бы дуракомъ. Я знаю, что все написанное мною будутъ читать люди... когда...

Октября 31. Вчера я не докончилъ фразу. Вчера еще не рѣшилъ, когда умру. А умру я скоро, потому что застрѣлюсь. Я еще не рѣшилъ когда, все чего-то жду. Нехорошо, что ни одной близкой души нѣтъ. А чего ждать?

Слышится всюду шопотъ мучительный:
Не обольщайся мечтою пльнительной!
Нѣтъ тебѣ радости, нѣтъ тебѣ счастья,
Нѣтъ и не будетъ людского участн!

Не будетъ людского участн? И не надо!

Ноября 5. Завтра необходимо покончить: эти дни я такъ кашлялъ кровью, что подумалъ, что умираю, и испугался. Было-бы глупо умереть отъ чахотки—и я побѣжалъ въ больницу. Докторъ попался молодець, впрочемъ онъ былъ на что-то сердитъ и въ сердцахъ откровенно сказалъ мнѣ, что я не сегодня, завтра умру. Повторяю, меня это ужаснуло, а денегъ на револьверъ не было.

Утопиться не хочется, такъ непривѣтлива рѣка. А спѣшить надо, чуть хожу. Или... или такъ умереть? Нѣтъ, самоубійство я грѣхомъ не считаю и благодарю Всевышняго, хоть въ этомъ давшаго намъ свободную волю. И я докажу себѣ, что въ одномъ, но самомъ важномъ, я свободенъ совершенно.

Ноября 6. Утромъ ходилъ въ контору, гдѣ служилъ. Шелъ дождь; всѣ удивляются, что зима такъ поздно не наступаетъ. Бывшій принципаль, къ которому—забылъ сказать—я имѣлъ письмо изъ Погребовска отъ предсѣдателя окружнаго суда, увидавъ меня, изумился. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и безпрекословно далъ тридцать рублей, которые я у него попросилъ. Онъ и пятьдесятъ далъ-бы, но на что мнѣ?

Потомъ я разрѣшилъ себѣ тарелку супу и выпилъ бутылку пива. Принявъ бодрый видъ, я зашелъ въ богатый оружейный магазинъ и извѣженнымъ голосомъ развратнаго барчука попросилъ подать мнѣ офицерскій револьверъ системы «Смитъ и Вессонъ». На мнѣ было хорошее пальто и я роль сыгралъ отлично.

— Куда прикажете отослать?—спросилъ приказчикъ.

— Барону Нелли, на Невскомъ, — отвѣтилъ я и тутъ-же добавилъ: — впрочемъ, э — я самъ возьму.—Револьверъ стоилъ двадцать пять рублей, причемъ я отказался взять патроны и купилъ ихъ въ другомъ магазинѣ, хотя всѣ эти предосторожности были совершенно излишни.

На извозикѣ я доѣхалъ до Чернышева моста и, сѣвъ на пароходъ, переѣхалъ (съ пересадкой) на другой берегъ Невы. Голова моя сильно разболѣлась и я съ нетерпѣніемъ искалъ уединеннаго мѣста. Въ верстѣ отъ берега стояло нѣсколько убогихъ домовъ, и недалеко отъ нихъ лежали сырые камни. Я сѣлъ на камень. Вѣтеръ завывалъ такъ уныло, и небо было такъ пасмурно...

Шагахъ въ пятидесяти отъ камней корова щипала бурьянъ. Нехорошее какое растеніе бурьянъ, особенно когда вблизи нѣтъ деревьевъ.

Затѣмъ я почему-то скинулъ пальто и остался въ «костюмъ», вывезенномъ еще съ Погребовска.

Вдругъ по небу забѣгали тучи, быстро, быстро, какъ будто онѣ желали уйти изъ этого нехорошаго мѣста. Потомъ тучи остановились и пошелъ дождь, осенній тоскливый дождь. А я все сидѣлъ на камнѣ и никакъ не могъ согнать съ лица страдальческую улыбку, хотя и чувствовалъ ее. Думалъ я о томъ...

Когда я увидѣлъ, что тьма сгущается, я всталъ и пошелъ. Лихорадка разыгралась, мнѣ стало холодно, а вѣтеръ все шумѣлъ и дождь лилъ.

О револьверѣ я забылъ, хотя онъ висѣлъ подъ пиджакомъ. Не помню, какъ я дошелъ до моста. Я оперся о перила и хотѣлъ броситься въ воду, но видъ бурливой Невы былъ страшень.

Но вѣдь мнѣ и умирать не хотѣлось! Жить надо, любви надо, участія! Я требую!..

— Полицейскій!—крикнулъ я:—возьми меня въ участокъ. Мнѣ холодно, я утоплюсь...

— Пшелъ, пшелъ шаромыжникъ!—и онъ началъ толкать меня. Ну что-жъ, я ушелъ.

Вдругъ прекрасная мысль озарила мою голову: я рѣшилъ пойти въ гостинницу, въ ту самую, гдѣ въ первый прїездъ просилъ номерного позволить мнѣ переночевать. Номерной не узналъ меня, но когда я напомнилъ ему, онъ обрадовался.

— Пожалуйте, пожалуйста, есть номеръ!

— Принеси мнѣ, голубчикъ чаю и рому!—попросилъ я. Онъ принесъ.

Наконецъ я остался одинъ. Когда я выпилъ два стакана чаю съ ромомъ, я осмотрѣлъ револьверъ и принялъ удобное положеніе. Потомъ я закашлялся и много выплюнулъ крови. Потомъ я приставилъ револьверъ къ лѣвому виску...

М. Эттингеръ.

„МАТЬ ПУСТЫНИ“.

(Древне-арабская легенда).

I.

Одинокая гробница

Тѣнью пальмъ осѣнена.

Вѣтъ миромъ и святыней

Вѣковая тишина.

Тускло брежжетъ лучъ лампы

Въ склепѣ мрачномъ и сыромъ...

Чьи останки здѣсь почили

Благодатнымъ вѣчнымъ сномъ?...

Съ мирныхъ пастбищъ Виелеема

Въ зноемъ дышащую степь

Потянулась каравана

Мѣрно вьющаяся цѣпь.

Въ золотой пыли мелькаютъ

Яркошитые ковры,

Бѣлоснѣжныя одежды,

Полосатые шатры.

Кораблей пустыни кормчій,

Вольный сынъ степныхъ равнинъ —

Горячить коня лихого
 Смуглолицый бедуинъ.
 Вотъ приблизились къ гробницѣ.
 Каравана вождь сѣдой,
 Снявъ сандали, подходитъ
 И кладетъ поклонъ земной,
 Нагорѣвшую свѣтильню
 Оправляетъ... „Мать племень,
 Мать скорбящая пустыни“ —
 Съ тихой грустью шепчетъ онъ.
 „Мать скорбящая пустыни“ —
 Повторяетъ чередой
 Отрокъ нѣжный и прекрасный,
 Сынъ вождя—орелъ степной.
 Шепчуть кроткую молитву
 И погонщиковъ уста;
 И для нихъ священны: эта
 Обветшавшая плита,
 Эта кроткая лампада
 Въ склепѣ темномъ и сыромъ, —
 Прахъ праматери Рахили
 Здѣсь почилъ блаженнымъ сномъ.

II.

Жемчугомъ сыплются стройныя звуки.
 Флейтамъ либующимъ вторять самбуки.

Вечера стелется мгла.
Дѣдъ повѣствуетъ и слушаютъ внуки:

„— Вечера стелется мгла.
Свѣтять лампы ночныя.
Стынуть Фарана пески золотые...
Нѣкогда здѣсь изъ лазурной дали
Ангель являлся скорбящей рабынѣ;
Нѣкогда въ этой пустынѣ
Слезы Агари текли..
Долгіе годы минули, и нынѣ
Здѣсь, лишь угаснетъ сіяющій день,
Бродитъ Рахили скорбящая тѣнь...

Въ мрачной одеждѣ вдовицы,
Вѣчной печали полна —
Выйдя изъ темной гробницы,
Тщетно дѣтей своихъ ищетъ она.
Тщетно, тоской безысходной томима,
Рѣветъ она по ночамъ
Къ древнимъ руинамъ Шалима.
Къ знойнымъ синайскимъ пескамъ,
Къ ветхимъ гробницамъ, къ забытымъ чертогамъ,
Ищетъ по пыльнымъ дорогамъ,
Ищетъ по горнымъ тропамъ.
Къ свѣтлымъ струямъ Іордана
Чутко приникнетъ въ ночной тишинѣ, —
Подъ покрываломъ сѣдого тумана
Не прожурчатъ-ли онѣ,

Струйки свободныя, струйки живыя —
 Гдѣ они, гдѣ ея дѣти родныя.
 Серну, въ ущельи глухомъ
 Сладкимъ объятую сномъ,
 Спросить, рыдая... Къ орламъ и шакаламъ
 Рѣветъ по доламъ и скаламъ...
 Возлѣ изсякшихъ давно родниковъ
 Ищетъ пескомъ замѣтенныхъ слѣдовъ...
 Въ грозную ночь непогоды
 Смотритъ въ холодныя, темныя своды
 Дышащихъ гнѣвомъ небесъ,
 Въ полный смятеньемъ и ужасомъ лѣсъ,
 Смотритъ и плачетъ, ненастію вторя
 Тщетной мольбою своей
 Неисцѣлимаго горя
 Неутолимыхъ скорбей“...

 Такъ, свернувъ къ костру порой
 У степной дороги,
 Повѣстуетъ въ часъ ночной
 Подъ палаткой кочевой
 Пилигриммъ убогій...
 И пустыни властелинъ,
 Шейхъ съдобородый,
 И гроза степныхъ равнинъ,
 Смуглолицый бедуинъ,
 Буйный сынъ свободы, —

Ни одинъ дорогой той
Не проходить, прахъ святой
Въ склепѣ, осѣненномъ
Пальмъ столѣтнею семьей,
Не почтивъ поклономъ...

С. Фругъ.

АНТИСЕМИТИЗМ¹.

КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ПАРИЖСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ. А. ЛЕРУА-БОЛЬЕ.

V. Заключение.

Могутъ ли антисемиты привести насъ къ удовлетворительному разрѣшенію семитическаго вопроса?—Исключительные законы.—Можно ли возстановить средневѣковые законы въ современныхъ кодексахъ?—По какимъ признакамъ можно узнать еврея?—Изгнаніе.—Сіонизмъ и возстановленіе іудейскаго государства.—Только одна альтернатива.—Антисемитизмъ и необходимость реформъ.

Мнѣ остается сказать вамъ нѣсколько заключительныхъ словъ, господа.

Одинъ изъ слушателей. Но вы ничего еще не сказали о главномъ вопросѣ. (Смѣхъ).

Г. А. Леруа-Болье Я сказалъ все, что вы дали мнѣ сказать. Если обсуждаемый мною вопросъ не знакомъ мнѣ во всѣхъ его деталяхъ, то это происходитъ никакъ не вслѣдствіе недостаточнаго изученія его. Напротивъ, я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ его на мѣстѣ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

Нѣсколько голосовъ. Объясните намъ, какъ составилось состояніе Ротшильда.

Г. А. Леруа-Болье. Я не наводилъ справокъ о состояніяхъ частныхъ лицъ и такъ же мало имѣю свѣдѣній о капиталахъ еврейскихъ банкировъ, какъ и христіанскихъ миллионеровъ. Вообще, я избѣгаю тѣхъ приемовъ, которыхъ придерживаются ваши памфлетисты, и обсуждая тотъ или другой вопросъ, не касаюсь личностей. (Рукоплесканія и шумъ).

Если вамъ угодно будетъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

вниманія, то мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя могли-бы привести насъ къ разрѣшенію семитическаго вопроса. Итакъ, господа, я становлюсь на точку зрѣнія антисемитовъ, соглашаюсь съ ихъ аргументами и, признавъ справедливость ихъ упрековъ, спрашиваю ихъ, что же они посоветуютъ намъ въ данномъ случаѣ? Однимъ словомъ, я ставлю имъ слѣдующій краткій вопросъ: могутъ ли они привести насъ къ какомунибудь разумному рѣшенію?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается вся суть, господа, такъ какъ если антисемиты не могутъ привести насъ ни къ какому рѣшенію, то и жалобы ихъ, значитъ, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія съ нашей стороны. Существуютъ только двѣ мѣры, рекомендуемыя ими, изъ которыхъ каждая имѣетъ своихъ сторонниковъ въ ихъ средѣ.

Первая изъ этихъ мѣръ, возбуждающая, повидимому, наибольшее сочувствіе въ лагерѣ антисемитовъ, касается исключительныхъ законовъ. (Очень хорошо! Очень хорошо!) Имъ желательно было бы, чтобы какъ во Франціи, такъ и во всей Европѣ, были восстановлены пресловутые драконовскіе законы о евреяхъ, или вѣрнѣе—противъ евреевъ, которые изданы были во второй половинѣ среднихъ вѣковъ и почти всюду сохраняли свою силу во время стараго режима.

Я изучилъ эти законы на мѣстѣ, господа, въ тѣхъ странахъ, гдѣ они до сихъ поръ еще примѣняются, какъ, напр., въ Литвѣ, въ Польшѣ, при чемъ я имѣлъ случай удостовѣриться, что и сами христіане, въ особенности польскіе католики, недовольны ими не меньше евреевъ. Объ этихъ специальныхъ законахъ я не стану распространяться теперь, какъ по недостатку времени, такъ и потому, что я говорилъ уже о нихъ раньше, въ одномъ изъ моихъ сочиненій¹). И что же—уладили ли эти законы антисемитическій вопросъ? Нѣтъ, они только подлили масла въ огонь и усилили существующее зло, обостривъ ненависть между евреями и христіанами, доказательствомъ чему могутъ служить періодическіе

¹ См. *L'empire des tzars et les russes*, t. III, liv. IV ch. 3.

погромы и беспорядки, происходящіе на югѣ Россіи. (Шумъ). Если кто нибудь изъ васъ сомнѣвается въ этомъ, то онъ можетъ воочію убѣдиться въ правдивости моихъ словъ, если дастъ себѣ трудъ предпринять путешествіе въ Польшу или въ Малороссію. Но если бы я согласился закрыть глаза на существующіе факты и, въ угоду антисемитамъ, началъ бы доказывать, что эти законы способствуютъ къ умиротворенію евреевъ и христіанъ и приводятъ не къ разоренію, а къ обогащенію тѣхъ странъ, въ которыхъ они практикуются до сихъ поръ,—то предо мной все таки возникаетъ новый вопросъ: могутъ ли тѣ же самые законы, которые примѣняются на почвѣ неограниченной монархіи, быть пересажены на нашу демократическую почву?

Если мы хотимъ оказать дѣйствительную помощь больному, то должны, прежде всего, придумать для него наиболѣе примѣнимый способъ лѣченія. Но къ сожалѣнію, наши политическіе и социальныя врачи совершенно игнорируютъ эту простую истину. Возьмите, напримѣръ, хотя бы тѣ же самые средневѣковые законы, которые такъ прославляютъ наши антисемиты. Есть ли какая нибудь возможность возстановить ихъ въ современной Франціи? Эти исключительныя законы въ былыя времена они, можетъ быть, и имѣли нѣкоторый *raison d'être*, такъ какъ они согласовались, съ одной стороны, съ духомъ и нравами средневѣковаго общества, а съ другой—съ традиціями и законодательствомъ стараго режима. Но можно ли, отбросивъ въ сторону тѣ идеи, обычаи и социальныя условія, съ которыми они вполнѣ гармонировали, какъ часть цѣлаго, возстановить ихъ въ совершенно иной общественной средѣ? Можно ли,—спрашиваю васъ опять,—взять одну изъ деталей средневѣковыхъ порядковъ и стараго режима и ввести ее искусственнымъ образомъ въ жизнь современнаго общества, проникнутаго совершенно другимъ духомъ и другими понятіями? Вотъ что предлагаютъ намъ, рекомендуя возстановленіе законовъ, процвѣтавшихъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ законодательствѣ, основанномъ на абсолютно противоположныхъ принципахъ? Нужно замѣтить, господа, что въ средніе вѣка, при старомъ общественномъ строѣ, исключительныя законы не представ-

ляли собой, пожалуй, ничего исключительнаго. Тогда все сводилось къ привилегіямъ и исключеніямъ—къ привилегіямъ для однихъ и исключеніямъ—для другихъ. Понятіе объ общемъ правѣ не было еще выработано людьми; поэтому каждое мѣстечко, каждый общественный классъ и каждая корпорація пользовались своими особыми правами и привилегіями. Принципъ общаго права, вошедшій въ основу соціального строя на Западѣ Европы со временъ революціи, является продуктомъ сравнительно недавняго времени, возникшимъ на родной намъ французской почвѣ, и я никакъ не думаю, чтобы въ наше законодательство, проникнутое гуманнѣмъ духомъ этого принципа, можно было включить законы, заимствованные изъ другой эпохи.

Наконецъ, господа, какія причины выставите вы въ объясненіе этого намѣренія возстановить исключительные законы о евреяхъ, отмѣненные во всѣхъ западныхъ государствахъ? Тутъ вы должны также принять во вниманіе то обстоятельство, что, съ измѣненіемъ нашего законодательства, радикально измѣнился и самый характеръ французскаго государства: прежде оно было религіознымъ, христіанскимъ; поэтому, съ своей точки зрѣнія, оно поступало совершенно логично, ставя еврея, какъ еретика, какъ диссидента, въ исключительныя условія существованія. Но теперь—чѣмъ можетъ оно мотивировать свой образъ дѣйствій? Правда, сторонники этихъ исключительныхъ законовъ, желая помирить съ ними ихъ противниковъ, увѣряютъ, что они будутъ совершенно чужды религіознаго характера.—„Въ еврей,—говорятъ они,—мы преслѣдуемъ не иновѣрца, а представителя семитической расы“.—Но по какимъ же именно признакамъ можно узнать въ еврей его семитическое происхождение? Можетъ быть, по овалу лица или по формѣ носа? (С м ѣ х ѣ). Есть страны, въ которыхъ чернокожіе люди—негры, мулаты—(справедливо, или несправедливо—это другой вопросъ) лишены нѣкоторыхъ гражданскихъ или политическихъ правъ. Но тамъ расовой признакъ—черный цвѣтъ кожи—съ перваго взгляда бросается въ глаза. Что же касается до семита, то онъ, къ сожалѣнію, нисколько не уступаетъ въ бѣлизнѣ намъ, аріяцамъ; въ антропологии тоже нѣтъ никакихъ

опредѣленныхъ указаній на счетъ этого. Я долго изучалъ типы евреевъ различныхъ странъ, благодаря чему я такъ изощрилъ свое чутье по части распознаванія ихъ, что мнѣ могла бы позавидовать самая пронырливая антисемитическая ищейка,—и все таки я вынужденъ сознаться, что я не разъ впадалъ въ заблужденіе. Наши предки хорошо сознавали это затрудненіе, поэтому еврею вмѣнялось въ обязанность носить особый кружокъ (*rouelle*) или желтый колпакъ, для отличія его отъ христіанина. Такимъ образомъ, единственнымъ отличительнымъ признакомъ, по которому можно узнать еврея, является его религія, и какіе бы успокоительные аргументы ни приводились по этому поводу, но всякій исключительный законъ, направленный противъ семитовъ, неминуемо долженъ будетъ принять религіозный характеръ. Вамъ волей неволей придется требовать отъ нихъ свидѣтельство о крещеніи, а для того, чтобы семитъ никоимъ образомъ не могъ ускользнуть отъ вашего вниманія, или провести васъ посредствомъ наружнаго обращенія въ вашу вѣру, вы будете вынуждены, по примѣру старой Испаніи, устроить полицейскій—полу-гражданскій, полурелигіозный—надзоръ надъ нимъ, однимъ словомъ—учредить нѣчто въ родѣ инквизиціи. (Рукоплесканія и протесты). Ваши возраженія, господа, не могутъ измѣнить дѣла. Повторяю опять: всякій исключительный законъ, направленный противъ евреевъ, непременно приведетъ, съ одной стороны, къ посягательству на религіозную свободу, а съ другой—къ возврату къ старому режиму. (Рукоплесканія и шумъ).

Антисемитическая пресса такъ далеко заходитъ въ своемъ усердіи навязать намъ эти исключительные законы, что не останавливается даже передъ ссылками на авторитетъ церкви, какъ то дѣлаетъ, на примѣръ, въ сегодняшнемъ номерѣ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ ея органовъ. Вообще, по словамъ этихъ свѣтскихъ теологовъ, которые такъ любятъ читать наставленія епископамъ и самой римской куріи, выходитъ такъ, что католическая церковь должна считать себя чѣмъ въ то въ родѣ вѣковѣчной невольницы среднихъ вѣковъ, обреченной продолжать до безконечности періодъ Испанской инквизиціи. Странные защитники церкви, старающіеся

приковать ее къ столбу ауто-да-фе! Я думалъ до сихъ поръ, что только враги католичества и франкъ-масоны желаютъ навсегда привязать церковь къ костру еврея или еретика; но вижу теперь, что я ошибался въ этомъ отношеніи: оказывается, что такова также тактика доктринеровъ антисемитизма. (Ропотъ). Теперь вопросъ сводится къ тому, согласятся ли католики подчиниться настойчивымъ внушеніямъ антисемитовъ? Сочтутъ ли они своимъ долгомъ причислить опять старые законы противъ евреевъ къ непогрѣшимымъ и непререкаемымъ догматамъ своей вѣры? Не забудьте, однако, господа, что эти исключительные законы, отождествляемые ихъ приверженцами съ духомъ церкви, давно уже отмѣнены во всѣхъ католическихъ странахъ. Мало того, даже самъ Римъ отступилъ отъ строгаго примѣненія ихъ. Большая часть этихъ драконовскихъ постановленій утратила свою силу во владѣніяхъ его святѣйшества еще до взятія Рима генераломъ Кадорной, и хотя папская область осталась государствомъ стараго режима, но церковь признала тотъ фактъ, что законы эти не соотвѣтствуютъ духу новаго времени. Въ виду этого, Пій IX счелъ необходимымъ отворить замкнутыя двери гетто. Пусть же люди, употребляющіе всѣ мѣры къ тому, чтобы возстановить прежнія границы еврейскаго гетто, не пытаются укрыться за оградой католической церкви! (Рукоплесканія).

Позволю себѣ сдѣлать по этому поводу послѣднее замѣчаніе, съ которымъ я обращаюсь преимущественно къ членамъ духовенства и религіозныхъ конгрегацій, причемъ я убѣдительно прошу принять къ свѣдѣнію одно соображеніе, вполне аналогичное съ тѣми, которыя я высказывалъ уже при разсмотрѣніи вопроса о жалобахъ на космополитизмъ. Исключительные законы представляются вообще весьма опасными, но никому не угрожаютъ они такими серьезными послѣдствіями, какъ католикамъ. Къ чему, спрашивается, стремится прежде всего французскій католикъ? Конечно, къ свободѣ въ дѣлѣ образованія, устройства ассоціацій, однимъ словомъ—къ достиженію абсолютнаго равноправія. Но разъ католики предъявляютъ требованіе о возстановленіи исключительныхъ законовъ для другихъ, посмѣютъ ли они требо-

вать равноправіа для самихъ себя? Какъ видите, склонившись на сторону антисемитовъ, они рискуютъ подорвать свой собственный авторитетъ. (Рукоплесканія и протесты).

Исключительные законы! Но, господа, вѣдь это опять то же самое обоюдо-острое оружіе, которое рано или поздно непременно поранитъ неосторожныхъ людей, рѣшающихся маневрировать имъ. Католики не разъ уже испытывали на себѣ его дѣйствіе. Въ этихъ исключительныхъ законахъ народъ легче всего усваиваетъ себѣ основной принципъ и при первомъ же удобномъ случаѣ обращаетъ этотъ принципъ противъ того, кто способствовалъ примѣненію его къ дѣлу. Да, предоставлять подобное оружіе въ распоряженіе нашей демократіи—чистѣйшее безуміе! Намъ хорошо извѣстно изъ исторіи, къ чему приводятъ эти исключительные законы. Вспомните безчеловѣчные законы противъ протестантовъ, которые процвѣтали во времена стараго режима и которые антисемиты тоже мечтаютъ, кажется, возстановить вмѣстѣ съ законами противъ евреевъ. Къ чему же послужили они? Къ тому, чтобы дать революціонерамъ возможность составить, по ихъ образцу, законы противъ эмигрантовъ и противъ строптивыхъ священниковъ. (Рукоплесканія).

Но если бы антисемиты и отступили отъ своихъ требованій относительно исключительныхъ законовъ, у нихъ все таки имѣются въ запасѣ еще болѣе радикальное средство для пораженія евреевъ, какъ, напримѣръ, изгнаніе или принудительная эмиграція. Это опять таки будетъ мѣра, заимствованная изъ среднихъ вѣковъ или изъ временъ стараго режима. Да, евреи не разъ были изгоняемы изъ христіанскихъ странъ; но не забудьте, что не имъ однимъ гришлось выпить до дна горькую чашу изгнанія: у нихъ были собратья по несчастью какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. Къ числу этихъ несчастливцевъ принадлежали и испанскіе мавры, и французскіе протестанты, а нѣсколько позднѣе та же судьба постигла и иезуитовъ, во владѣніяхъ его величества, католическаго короля. Таковъ неизмѣнный порядокъ вещей, господа: одна насильственная мѣра влечетъ за собой мѣлый рядъ другихъ насильственныхъ мѣръ. Начинаютъ съ

еврея, а кончаютъ иезуитомъ. Берегитесь, чтобы этотъ историческій феноменъ не повторился и въ данномъ случаѣ.

Изгнаніе,—но согласуется ли съ интересами католиковъ этотъ устарѣлый рецептъ такого же устарѣлаго и давно отжившаго режима, и исполнѣ ли онъ безопасенъ для нихъ самихъ? Но допустимъ, что они могутъ быть совершенно спокойны на свой счетъ. Возможно было бы еще допустить изгнаніе евреевъ изъ одного какого либо государства. Но вѣдь антисемиты предпринимаютъ походъ противъ евреевъ одновременно во всѣхъ государствахъ и требуютъ одновременнаго изгнанія ихъ изъ всѣхъ странъ, потому что современный антисемитизмъ также представляетъ собой нѣчто въ родѣ интернаціоналки. Любопытно, однако, было бы узнать, какимъ образомъ узитрятся они разомъ избавить отъ евреевъ всѣ христіанскія государства? Признаюсь, эта мудреная задача кажется мнѣ совершенно невыполнимой.

Впрочемъ, для разрѣшенія семитическаго вопроса имѣется еще одно средство, которое я, какъ человѣкъ прямодушный, не могу обойти молчаніемъ. Средство это, встрѣчающее сочувствіе какъ въ христіанскихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ еврейскихъ кругахъ, состоитъ въ возстановленіи іудейскаго государства.—Мы видимъ теперь,—говорятъ сторонники этой идеи,—столько націй, какъ бы воскресшихъ изъ мертвыхъ и снова выступившихъ на арену житейскую, послѣ глубокаго и казалось бы вѣчнаго сна въ своихъ могилахъ. Почему же бы и евреямъ, которые такъ долго и такъ упорно отстаивали свою національность, не воспрянуть снова къ независимой общественной жизни? Почему бы разобщеннымъ сынамъ древней Іудеи не соединиться опять вмѣстѣ, подобно разсыпанному человѣческому костямъ, видѣннымъ пророкомъ въ долинѣ Іосафата — и не составить собою цѣльный національный организмъ? Таковы надежды и мечты, одушевляющія еврейскихъ патріотовъ и раздѣляемая также нѣкоторыми протестантами, принимающими въ буквальномъ смыслѣ обѣщанія пророковъ о возстановленіи Израиля. Эти завѣтныя мечтанія евреевъ, называемыя теперь с і о н и з м о м ъ и основанныя на давнишнихъ ихъ грезахъ о возстановленіи славы древняго Сіона и Царства Давидова,—въ связи съ

упорнымъ ожиданіемъ пришествія Мессіи,—служили для нихъ въ теченіе многихъ вѣковъ единственной поддержкой и утѣшеніемъ во всѣхъ ихъ бѣдахъ и напастяхъ. Правда, послѣ эмансипаціи ихъ, эти иллюзіи были оставлены не только западными, но даже и большинствомъ восточныхъ евреевъ. Но въ послѣднее время антисемитизмъ снова пробудилъ ихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Россіи, Польшѣ, Румыніи и даже Австро-Венгріи.

Тѣ же самые евреи, которые еще такъ недавно подсмѣивались надъ утопическими мечтами своихъ единовѣрцевъ, въ концѣ концовъ, и сами начали вторить имъ.—„Чтожь,—съ горечью говорятъ они:—если Европа рѣшительно отказывается дать намъ пріютъ у себя, если намъ безпрестанно повторяютъ, что для насъ нѣтъ мѣста между христіанами, если насъ, несмотря ни на что, продолжаютъ считать навязчивыми чужаками,—то намъ ничего не остается больше, какъ возвратиться въ наше старое отечество“.

Но въ какую же именно страну могли бы они выселиться? Нѣкоторые изъ нихъ устремили было свое вниманіе на Америку и остановили свой выборъ на Лаплатѣ, рассчитывая на то, что синдикатъ еврейскихъ банкировъ не откажется купить для своихъ единовѣрцевъ одну или двѣ изъ Аргентинскихъ провинцій. Но какое же правительство согласится продать евреямъ часть своей территоріи? Кромѣ того, необходимо принять къ свѣдѣнію еще и то обстоятельство, что если бы дошло до учрежденія государства, то всѣ патріотическія упованія восточныхъ евреевъ направлены къ Палестинѣ. Въ послѣднее пятидесятилѣтіе, въ особенности же въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, тысячи евреевъ эмигрировали въ страну своихъ праотцевъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время населеніе многихъ городовъ Палестины, начиная съ Іерусалима, состоитъ въ значительной степени изъ израильскаго племени. Но если бы евреи и всѣ выселились на берега Іордана, если бы они отважились на новый—добровольный или вынужденный—исходъ, и послѣ вѣковыхъ скитаній по свѣту, снова вернулись бы съ запада на востокъ, изъ Европы въ Азію, — привело ли бы это къ практическому рѣшенію семитическаго вопроса? Увы — нѣтъ.

Даже и въ томъ случаѣ, если бы Европа и великій повелитель правотѣрныхъ предоставили въ полное распоряженіе евреевъ какъ Палестину, такъ и всю Сирію, они все таки никоимъ образомъ не могли бы помѣститься тамъ. Сирія не въ состояніи прокормить все еврейское населеніе, цифра котораго простирается отъ восьми до девяти милліоновъ. Кромѣ того, куда выселилъ бы тогда мѣстные мусульмане и христіане, живущіе тамъ уже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ?

Наконецъ, господа, передъ нами возникаетъ еще одинъ вопросъ, къ которому, я полагаю, большинство изъ васъ не можетъ отнестись безразлично. Неужели христіане, католики и православные,—протестантовъ, не придающихъ особеннаго значенія реликвіямъ и посѣщенію святыхъ мѣстъ, я оставляю въ сторонѣ,—рѣшатся уступить евреямъ Палестину для восстановленія въ ней Соломонова царства? Неужели христіане согласятся поручить охрану гроба Господня еврейской стражѣ? Я не думаю. Напротивъ, я признаюсь вамъ—мы вѣдь тутъ между нами—что судьба Сиріи должна быть совсѣмъ иная. Быть можетъ, мы въ самомъ непродолжительномъ времени очутимся лицомъ кълицу передъ такими событіями, которыя никакія усилія наши не въ состояніи будутъ отодвинуть на дальнѣйшій срокъ. Если дряхлая Турецкая имперія рухнетъ наконецъ, и Европа вынуждена будетъ приступить къ раздѣлу ея между великими и мелкими претендентами на ея владенія,—то, на ея мѣстѣ, я предоставилъ бы Сирію не евреямъ, а Франціи. (Рукоплесканія).

Итакъ, господа, вы видите, что изгнаніе евреевъ не можетъ привести насъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Такъ какъ мѣропріятія, рекомендуемая антисемитами, оказываются или опасными, или совсѣмъ непримѣнными, то роковой семитическій вопросъ все таки остается открытымъ, и для рѣшенія его нѣтъ другой альтернативы, кромѣ слѣдующей: мы должны или разжечь средневѣковые костры, не довольствуясь періодическимъ избіеніемъ евреевъ, и начать продѣлывать тѣ же самыя звѣрства, за которыя мы такъ строго порицаемъ турецкое правительство; или же намъ слѣдуетъ позаботиться о предоставленіи нашимъ еврейскимъ

согражданамъ одинаковыхъ съ нами правъ и одинаковой свободы, о распространеніи на нихъ общихъ законовъ страны, безъ всякихъ ограниченій и различій между семитами и арійцами, и о подчиненіи ихъ общему правосудію, со всѣми послѣдствіями. Однимъ словомъ, для всѣхъ должна быть одинаковая мѣра, одинаковые вѣсы и одинаковыя гири. (Р у к о п л е с к а н і я).

Что касается до меня, господа, то я, конечно, подаю свой голосъ за предоставленіе свободы и равноправія всѣмъ и каждому. Это единственная вполнѣ надежная почва, и если мы станемъ на нее, то почувствуемъ себя непобѣдимыми. Я рѣшаюсь требовать общаго равноправія не ради одного только семита, но также и ради нашихъ французскихъ собратьевъ, которымъ тоже не рѣдко отказывается въ немъ. Да, свобода должна быть предоставлена какъ еврею, такъ и христіанину, какъ католику, такъ и протестанту, какъ священнику, такъ и монаху, — однимъ словомъ — всѣмъ безъ исключенія. Такова программа, которой намъ слѣдуетъ держаться въ данномъ случаѣ, если мы хотимъ достигнуть практическаго разрѣшенія обсуждаемаго нами вопроса. Изберемъ же для себя этотъ прямой и поэтому самый вѣрный путь и мы почувствуемъ въ себѣ силу отстоять наши права. Если же мы начнемъ противорѣчить себѣ и отказывать нашимъ противникамъ въ томъ, чего будемъ требовать для себя, то слова свобода и равноправіе утратятъ свое высокое значеніе въ нашихъ устахъ.

Какъ ни продолжительна была моя бесѣда съ вами, господа, но я не могу закончить ее, не прибавивъ еще одного краткаго замѣчанія. Между упреками, съ которыми я намѣренъ былъ обратиться къ антисемитамъ, есть одинъ пунктъ, который я рѣшительно не могу извинить имъ ни какъ философъ соціологъ, — если вы позволите мнѣ назвать себя такъ, — ни какъ горячій патріотъ, считающій своимъ долгомъ охранять интересы своего отечества. Антисемитизмъ раскрылъ передъ нами нѣкоторые изъ нашихъ общественныхъ недуговъ, — онъ вообще любитъ выставлять на показъ наши язвы, при чемъ какъ будто старается даже преувеличить или растра-

вить ихъ. Но какое же лѣкарство рекомендуетъ онъ намъ противъ этихъ язвъ?

Чисто внѣшнія и до нельзя устарѣлыя средства; при этомъ представители его съ легкомысленнымъ самодовольствіемъ увѣряютъ, что ядъ злого недуга, отъ котораго мы страдаемъ, кроется не въ насъ самихъ и что онъ совершенно чуждъ чистокровной арійской расѣ, къ которой онъ прививается со стороны. Конечно, такія доктрины весьма пріятно щекочутъ наше самолюбіе, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что простоватые люди не безъ удовольствія внимаютъ имъ. Но въ сущности, это не только не излѣчиваетъ, но скорѣе усиливаетъ нашъ недугъ. Мало того, я нахожу даже подобныя доктрины въ высшей степени лживыми, опасными и противными какъ духу христіанства, такъ и философскимъ доктринамъ. (Рукоплексканія).

Какъ видите, господа, наше отечество нуждается прежде всего въ реформѣ. Да, для него необходима моральная реформа, которая приведетъ насъ къ благимъ результатамъ и въ социальномъ отношеніи. Но мы должны дружно и единодушно трудиться надъ этой патріотической задачей, стремясь въ то же время и къ собственному моральному возрожденію. Я нахожу, что мы поступаемъ крайне легкомысленно и нелогично, заимствуя у древнихъ семитовъ одинъ изъ ихъ ветхозавѣтныхъ обычаевъ. и съ ребяческой наивностью повторяемъ другъ другу: „Снимемъ съ своей шеи всѣ наши грѣхи, возложимъ ихъ на голову козла отпушенія и поспѣшимъ изгнать его изъ своей среды, и мы будемъ спасены“. (Продолжительныя рукоплексканія и протесты).

Пер. С. Федоровичъ.

К о н е ц ъ .

Изъ переписки М. Фейта и М. Закса ¹.

I.

Фейтъ—Заксу.

Die Kernfolianten liegen aufgeschlagen
Und unter ihrer Bürde ächzt mein Pult
Das nur Octav mit christlicher Geduld
Und einen Quartband selten wohl getragen.
Das sind sie nun, der Vorwelt heilige Sagen,
Darin verzeichnet steht der Väter Schuld,
Die Kraft des Worts, der Patriarchen Huld,
Um unser Volk die unverloschenen Klagen.
Mir sind sie stumm. Du aber, kundiger Freund,
Nimm Deinen Mosesstab zur Hand uud schlage
Aus diesem Fels den Quell der alten Sage;
Ich harre düstend, bis er mir erscheint.
Mit hohlen Händen schöpf ich dann die Strahlen
— die goldne Lebensflut in irdnen Schalen! ²

29-го июля 1835 г., въ экипажѣ.

II.

1836 г. (безъ точной даты).

Заксъ—Фейту.

„Такъ рассказываютъ наши наставники: „когда учитель и руководитель нашъ Моисей (да будетъ миръ надъ нимъ!) пасъ въ пустыни овецъ Ювора, у него однажды убъжалъ барашекъ. Моисей бро-

¹ См. „Восходъ“ кн. VII.

² Раскрытыми лежатъ предо мною фоліанты и подъ ихъ бременемъ тяжело стонетъ мой столъ, на которомъ до сихъ поръ лежали лишь маленькія книги. Итакъ, вотъ гдѣ священныя преданья древнихъ лѣтъ, вотъ гдѣ находимъ по-

сился за нимъ въ погоню и достигъ такимъ образомъ Жизнака (?). Пройдя туда, онъ увидѣлъ источникъ. Барашекъ же остановился, чтобы напиться. Подойдя къ животному, Моисей сказалъ: „я не зналъ, что ты бѣжалъ отъ меня вслѣдствіе жажды. Значитъ, ты сильно усталъ“. Поэтому Моисей взвалилъ себѣ животное на плечи и унесъ его назадъ. Тогда Предвѣчный (да будетъ благо-словенно имя Его!) сказалъ: „ты чувствуешь состраданіе къ пасомымъ тобою овцамъ смертнаго человѣка! Заклинаю тебя жизнью твоею: паси моихъ овецъ во Израилѣ!“ Такъ слѣдуетъ понимать (библейское выраженіе): „И Моисей сталъ пастухомъ“.

Вотъ—мидрашъ, который я, дорогой другъ мой, успѣлъ перевести для васъ еще въ пятницу, но котораго я пока не могъ послать вамъ. Я теперь бѣгло напѣчу вамъ то, что по поводу его пришло мнѣ въ голову и о чемъ намъ какъ нибудь при случаѣ придется переговорить подробнѣе.

Сообщаемыя въ разсказахъ Новаго Завѣта характерныя черты Христа, которыя заставляютъ Его личность выступать предъ нами гораздо живѣе и образнѣе, чѣмъ личности всѣхъ ветхозавѣтныхъ фигуръ, объясняются существеннымъ образомъ содержаніемъ Мидрашовъ, т. е. замѣчаемой въ послѣднихъ манерахъ освѣщенія предмета, тѣми мысленными вставками и дополненіями глубоко вѣрующей души, которая сама отъ себя соединяетъ воедино смутныя очертанія предметовъ и восстанавливаетъ такимъ образомъ по личному усмотрѣнію хотя бы торсы этихъ предметовъ. Если бы всѣ преданія Мидрашовъ были въ должной мѣрѣ обработаны, всѣ фигуры Ветхаго Завѣта безусловно представлялись бы намъ гораздо болѣе одухотворенными, болѣе искренними и чистыми. И при этомъ такого рода историческія обработки, нѣкоторымъ образомъ перерожденія путемъ духовныхъ крестинъ,

вѣсть давнишней вины предковъ, силу слова, славу патриарховъ и неумолимая стenanія нашего народа. Но для меня они нѣмы. Ты же, другъ мой, во всеоружьи знанья извлеки жезломъ Моисея изъ этихъ скалъ источникъ древнихъ связаній, а я съ жадной буду ждать его появленія и съ раскрытыми руками буду черпать лучи—златую влагу жизни въ глиняномъ сосудѣ.

вовсе не представляли бы изъ себя чего-нибудь неискренняго, дѣланнаго, лживаго, ибо переработка являлась бы лишь естественнымъ слѣдствіемъ точнаго смысла буквы и, вытекая изъ опредѣленнаго, тѣсно связаннаго съ этою буквою міросозерцанія, была бы полнѣйшею ея собственностью, ея логически неизбѣжнымъ результатомъ. Тѣмъ отвергающимъ наличность Божества просвѣтителямъ, для которыхъ Авраамъ является лишь воплощеніемъ неповоротливаго эмира, и тѣмъ мнимымъ христіанскимъ благочестивцамъ, для которыхъ Новый Завѣтъ представляетъ основной текстъ, а все прочее лишь набранное петитомъ примѣчаніе къ нему, этимъ господамъ, конечно, придется поступиться кое чѣмъ.

— Все, что я здѣсь изложилъ, написано примѣрно такъ же плохо и запутанно, какъ и то, въ чемъ я напередъ изливался передъ вами. Но не сердитесь: да будетъ мною здѣсь намѣченное лишь темою для устной бесѣды, а я записалъ это намъ обоимъ только для памяти.

III.

13 мая 1837 года.

Фейтъ — Заксу.

Послѣ мною неоднократно повтореннаго предложенія обращаюсь теперь снова съ своею (быть можетъ не менѣе надоѣвшей вамъ) просьбой не придерживаться такъ строго буквы текста при переводѣ вами (книгъ Св. Писанія). Нашъ переводъ, благодаря такой точности передачи, навлекаетъ на себя многообразныя нарѣканія: его признаютъ неяснымъ, не нѣмецкимъ и потому доступнымъ лишь ученому, въ крайнемъ случаѣ развѣ высокообразованному челоуѣку. Мнѣ очень часто доводилось слышать подобныя обвиненія и приходилось содрогаться при констатированіи, насколько прочно такого рода взглядъ на дѣло укоренился въ обществѣ; противъ этого уже ничего нельзя подѣлать. Вы легко можете представить себѣ, что г. Соломонъ усердно старается о распространеніи такого мнѣнія, и не дальше какъ вчера мнѣ при-

шлось узнать чрезъ д-ра Фрейнда, теперь находящагося здѣсь въ В., объ одномъ проявленіи такой подлости этого господина, какой я никакъ уже не ожидалъ отъ этого попа. Зная о г. Фрейндѣ только по наслышкѣ, С. рѣшился послать ему на первыя выпущенныя нами части перевода рецензію, преисполненную жесточайшихъ нападокъ, и присовокупилъ къ этому просьбу подписать его пасквили полнымъ именемъ Фрейнда и помѣстить въ тамошней газетѣ. Фрейндъ спокойно отложилъ эти писанія въ сторону, не удостоивъ автора даже отвѣтомъ. Конечно предъ *такими* врагами мы *всѣ* безоружны, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ приходится обнаруживать предъ ними по возможности меньше слабыхъ сторонъ, на которыя тѣ могли бы направлять свои нападки. Какъ вамъ извѣстно, я вполне и всецѣло солидаренъ съ лучшимъ въ основу нашего перевода принципомъ, но тѣмъ строже приходится относиться къ крайностямъ, дабы отъ этого не пострадалъ самый принципъ. Я впрочемъ чувствую себя вполне компетентнымъ рѣшить, что выражено на настоящемъ нѣмецкомъ языкѣ и гдѣ этотъ языкъ хромаетъ. А между тѣмъ приходится признать, что во многихъ отдѣльных мѣстахъ вашего перевода нѣмецкій языкъ такой убійственный, что даже ученый, который вздумалъ бы вновь перевести его обратно на древнееврейскій, наврядъ ли справился съ этою задачей. Правда, вы неоднократно указывали мнѣ, что въ такихъ мѣстахъ и еврейскій текстъ загадоченъ; однако это не отговорка. Вѣдь публика, для которой предназначается данный переводъ, потребуетъ, и на вполне законномъ основаніи, чтобы *вездѣ* текстъ подлинника былъ переданъ удобочитаемымъ и по крайней мѣрѣ осмысленнымъ языкомъ. Кто сможетъ требовать, чтобы переводъ *всегда* былъ вполне точенъ? Гдѣ нельзя добиться математической точности, тамъ поможетъ намъ извѣстная, болѣе или менѣе выдержанная близость къ подлиннику. Вы, пожалуй, сочтете за своего рода обманъ, если мы будемъ внушать міру, что дорога вездѣ гладкая и ровная, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она представляетъ массу неровностей, ложбинъ и ямъ. Но обнаруженіе

построенныхъ и скрытыхъ вами мостовъ вамъ придется предоста-
вить какому нибудь отдѣльному своему ученому изслѣдованію и
тогда найдутъ вполне основательнымъ признаніе съ вашей стороны
того обстоятельства, что вы въ нихъ мѣстахъ прибѣгли къ бо-
лѣе старинной интерпретаціи, которая въ сущности не признается
вами самими же вполне удачною.

IV.

16 декабря 1837 года.

Фейтъ—Заксу.

Именно въ эту минуту, дорогой, милѣйшій другъ мой, вашъ
образъ такъ живо воскресаетъ предо мною и потребность побесѣ-
довать съ вами столь сильна во мнѣ, что не могу себѣ отказать
въ удовольствіи употребить въ дѣло этотъ листъ писчей бумаги,
тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ подъ рукою тончайшей бумаги луч-
шаго сорта; къ тому же настоящее письмо отправляется не по по-
чтѣ, передъ которою мнѣ было бы совѣстно за такое обширное
посланіе, но посылается оказіей при посредствѣ очень обязатель-
наго человѣка, актера Шпильбергера, предложившаго мнѣ свои
услуги для исполненія всевозможныхъ порученій. Мнѣ рекомендо-
валъ его изъ Вѣны его тесть—книгопродавецъ.

Примите сердечнѣйшую благодарность за ваше послѣднее письмо
и разрѣшите мнѣ не пояснять вамъ причины моего продолжитель-
наго молчанія, тѣмъ болѣе, что васъ вѣроятно вполне удовлетво-
ритъ искреннее съ моей стороны признаніе своей полнѣйшей предъ
вами виновности, полнѣйшей потому, что мнѣ не хотѣлось бы
приводить въ видѣ мнимаго оправданія свое душевное разстрой-
ство и нежеланіе писать, хотя бы я могъ прибѣгнуть и къ та-
кому оправданію. Состоянія, подобныя тому, въ которомъ нахо-
дился я, слѣдуетъ лишь хорошенъко проанализировать, чтобы ос-
новательно стыдиться ихъ: они являются слѣдствіемъ такого мно-
жества ничтожныхъ мелочей, что съ трудомъ понимаешь, какимъ

образомъ они могутъ стать призраками, навлекаемыми какими то злыми демонами на нашу безсмертную голову. Не повѣришь, чтобы такія ничтожныя мелочи, стоящія столь одиноко предъ умственнымъ взоромъ возвышенной души, были въ состояніи ополчаться противъ стройнаго цѣлаго нашего болѣе возвышеннаго „я“ и даже иногда могли его хоть нѣсколько ослабить. Но въ этомъ то именно и кроется ошибка: не слѣдуетъ презирать никакого врага, даже самаго безсильнаго; вѣдь безсиліе обращается въ силу, благодаря присущимъ ему упорству и неутомимости. Это именно тотъ Jezer haга—злой духъ,—который каждому изъ насъ приходится преодолевать въ самомъ себѣ; съ крупными же страстями своими мы уже справимся, постаравшись обратитъ ихъ въ плоть и кровь человѣка во всей его цѣлости. Тамъ то они найдутъ подобающее имъ мѣсто. Впрочемъ, въ концѣ концовъ выходитъ, что я читаю вамъ проповѣдь! Это я говорю *вамъ* то! О, еслибы мнѣ хоть одинъ разъ удалось услышать васъ съ кафедръ синагоги! Я представляю себѣ это истиннымъ наслажденіемъ. Я вѣдь очень интересуюсь даже тѣми незначительными поясненіями, которыя вы намедни сдѣлали Леви объ одной произнесенной вами проповѣди. Что вы предварительно не дѣлаете себѣ никакихъ письменныхъ замѣтокъ, это я себѣ могу представить вполне легко, но за то послѣ произнесенія ея? Очень жаль, что вы не можете дѣлать такіе наброски непосредственно послѣ произнесенія проповѣди; какъ жаль, что вся суббота лежитъ между проповѣдью и вечеромъ, когда вновь можно взяться за перо! Съ какою бы охотою я побудилъ васъ заносить на бумагу особенно удачныя проповѣди! Такъ какъ вы мало читали по христіанскому богословію, то безъ сомнѣнія въ вашихъ проповѣдяхъ должно сказываться нѣчто оригинальное, нѣчто своеобразное; когда же у васъ накопится цѣлая партія такихъ набросковъ, которые по вашему мнѣнію окажутся удачными, вамъ бы слѣдовало выступить съ ними передъ публикою. Такимъ путемъ вы бы могли себѣ гарантировать возможность вліять даже изъ Праги на болѣе отдаленныя общины; другими

словами, вы могли бы, по моему разумѣнію, весьма значительно расширить кругъ своего вліянія. Подумайте ка обо этомъ и начните высылать намъ ваши проповѣди *поштучно*, ибо намъ принадлежитъ право имѣть отъ этихъ рѣчей наслажденіе и пользу еще до появленія ихъ въ печати; польза эта обусловится обмѣномъ мнѣній и детальнымъ со всѣхъ сторонъ разсмотрѣніемъ содержанія и формы вашихъ проповѣдей, и я готовъ держать пари, что именно въ этомъ вы найдете не мало побужденій къ новымъ добавленіямъ. Равнымъ образомъ мы въ этомъ нашли бы средство твердо установить правильную между собою переписку.

Заговоривъ о темахъ для проповѣдей, я кстати вспомнилъ о Мидрашахъ. Цеднеръ не прислалъ мнѣ пока никакихъ новыхъ матеріаловъ, равнымъ образомъ какъ не сдѣлалъ этого, вѣроятно вслѣдствіе свадьбы своей дочери, и нашъ прилежный Аригеймъ. Въ виду этого я рѣшился на отчаянное средство — приняться за нихъ самому. И вотъ я беру еженедѣльно четыре форменныхъ урока у Плесснера. Мы уже прочитали съ нимъ Мидрашъ Эка, значительный отрывокъ изъ Мидрашъ Берешитъ рабба, а теперь я взялся за сборникъ Ein Jacob съ самаго начала, принявъ твердое намѣреніе прочитать его отъ доски до доски. Необычайно полезенъ мнѣ при этомъ Плесснеръ, въ виду его огромной начитанности; я достигъ въ своей работѣ уже такихъ успѣховъ, что мы можемъ пропускать менѣе важное. Впрочемъ объяснять Плесснеру, что мнѣ необходимо лишь *поэтическое ядро* произведенія, является прямо таки невозможнымъ; правда у него нѣтъ недостатка въ поэтическомъ чутьѣ, въ воодушевленіи, но за то у него нѣтъ ничего похожего на поэтическое мировоззрѣніе. Самъ онъ представляется мнѣ довольно страннымъ человѣкомъ, и чѣмъ болѣе мы знакомимся другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе раскрываетъ онъ предо мною свое внутреннее „я“. Краеугольнымъ камнемъ всего его существа всетаки является мистическое углубленіе въ самого себя; при этомъ онъ циникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. я имѣю въ виду его полное презрѣніе, даже отрицаніе всего

кажущагося, всякой вѣнности, и требованіе съ его стороны исполнѣ концентрированной духовной жизни, если хочешь удовлетворять задачамъ настоящаго богослова. Съ этой стороны онъ болѣе всего сходится съ такъ называемыми пѣтистами, не исходя, впрочемъ, изъ одинаковыхъ съ ними основныхъ положеній. Между прочимъ онъ увѣряетъ, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не прикасался къ кровати, дабы имѣть возможность непрерывно, днемъ и ночью, посвящать себя изученію Закона, и въ таковомъ состояніи, близкомъ къ экстазу, онъ считаетъ себя вправѣ вѣрить *всѣмъ* чудесамъ Библіи. Сорокадневный постъ Моисея и видѣнія пророка Іліи не представляются ему уклоненіями съ обычнаго пути библейскихъ событій, хотя онъ и видитъ въ нихъ уклоненія отъ нормъ повседневной человѣческой жизни. Онъ самъ чувствуетъ въ себѣ духовное родство съ такого рода настроеніями, и это то обстоятельство и придаетъ его характеру такую энергію и внушаетъ ему столь жизнерадостную богобоязнь, какую имѣ рѣдко случалось наблюдать и какую можно найти навѣрное лишь у наилучшихъ мистиковъ. При этомъ все болѣе и болѣе обнаруживается, какое значеніе придаетъ онъ своей собственной личности и своимъ собственнымъ мнѣніямъ: но такое самоувѣніе уже потому является удобопереносимымъ, что оно зиждется не на высшей учености, научности и подготовленности, но опирается именно на то духовное средство съ характеромъ Священнаго Писанія, котораго, какъ онъ самъ полагаетъ, онъ достигъ путемъ своего строго-еврейскаго образа жизни и мышленія. Онъ имѣ прямо заявилъ, что совершенно невозможно постичь смыслъ какаго нибудь запутаннаго библейскаго текста, если закусывать въ то же самое время ветчиною, тогда какъ у него лично такое объясненіе возникаетъ само собою, какъ бы по внушенію свыше, если только онъ успѣлъ помолиться, совершить омовеніе и заняться чтеніемъ Торы. Широко научный и историческій, равно какъ исто-поэтическій взглядъ на вещи ему вполне недоступенъ, и потому я склоненъ вѣрить, что всѣ имъ достигаемые результаты вызываются въ немъ уже

указаннымъ мною вдохновеніемъ свыше. Между прочимъ Цеднеръ въ восторгѣ отъ его субботнихъ проповѣдей (я, впрочемъ, еще не былъ ни на одной изъ нихъ) и пропагандируетъ ихъ, увѣряя, что Шлесснеръ является первымъ исто-еврейскимъ проповѣдникомъ, котораго ему удавалось слышать. Когда я однажды отгадалъ значеніе нѣсколькихъ встрѣчающихся въ Талмудѣ словъ по ихъ греческому происхожденію и привѣтствовалъ ихъ какъ старыхъ знакомыхъ, онъ мнѣ сдѣлалъ форменный репримандъ за мое мнѣніе, будто еврейскій языкъ дѣйствительно принялъ въ себя лексическія формы изъ языка греческаго. Связь тутъ совершенно иная, заявилъ онъ мнѣ при этомъ съ нѣкоторою сдержанностью, и когда я сталъ по этому поводу настоятельно требовать объясненій, онъ довѣрилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ Зогаромъ вѣритъ въ существованіе нѣкогда одного первоязыка и т. п., и такимъ образомъ мнѣ пришлось изъ устъ моего наставника по Мидрашу услышать, къ немалому удивленію моему, повтореніе, хотя и изъ совершенно другаго источника, „Шлегель-Крейцеровской чепухи“¹.

Такимъ образомъ для своихъ личныхъ цѣлей я достигаю и очень мало, и очень много: мало потому, что мои занятія идутъ черепашинымъ шагомъ и я добываю лишь незначительный запасъ дѣйствительно годнаго матеріала; много—оттого, что лишь теперь начинаю понимать настоящую жизнь Мидраша, и потому, что только теперь усваиваю себѣ множество представленій, которыхъ, правда, нельзя непосредственно обратить въ поэтическое золото, но которыя могутъ оказаться безусловно необходимыми въ видѣ амальгамы при разработкѣ другихъ мною лично найденныхъ или извнѣ сообщенныхъ данныхъ. При этомъ охотно сознаюсь, что безъ доброй поддержки друзей я еще не могу да и не хочу дѣлать успѣхи. Позвольте

¹ Fr. Creuzer положилъ въ 1810—1812 годахъ начало т. наз. символистической школѣ мифологовъ, объясняющихъ всякіи мифы и всякую частность его символически. Самою выдающеюся книгою, не утратившею, впрочемъ, до сихъ поръ своего значенія, является его «Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen». Его точку зрѣнія раздѣлялъ и знаменитый романистъ Авг. Шлегель.

Ред.

же вамъ признаться, что я иногда нѣсколько сердился и на васъ за то, что вы меня въ этомъ отношеніи совершенно покинули. Развѣ вы не изучаете Мидраша? Я спрашиваю не ради себя, а ради васъ самихъ. Если бы мнѣ пришлось сдѣлаться еврейскимъ проповѣдникомъ, я бы не штудировалъ ничего помимо Мидраша, ибо онъ въ моихъ глазахъ является неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній для народнаго оратора. Итакъ, вамъ придется лишь дѣйствовать въ своихъ собственныхъ интересахъ и при этомъ вы поможете мнѣ наисущественнѣйшимъ образомъ. Вы, напр., начнете читать Midrasch Bereschit и будете при этомъ дѣлать такія выписки, которыя явятся подходящими для вашихъ цѣлей; при этомъ, замѣйте себѣ хорошенько, извольте писать по возможности четко и подробно; кстати, я рѣшаюсь въ данномъ случаѣ апеллировать къ вашему каллиграфическому таланту, который вѣдь и раньше уже былъ предметомъ заслуженной гордости вашей. Затѣмъ вы отъ времени до времени будете по почтѣ пересылать мнѣ свои выписки, а я буду изучать ихъ и въ свою очередь выбирать все для меня пригодное, а чрезъ недѣлю бумаги ваши вновь будутъ у васъ въ рукахъ. Такимъ образомъ мы установимъ между собою живой обмѣнъ мыслей и съ теченіемъ времени наберется довольно богатый матеріалъ, которымъ впоследствии можно будетъ воспользоваться для прилччаній и объяснительныхъ приложений. Вѣдь безъ такихъ прозаическихъ послѣсловій невозможно вполне озападничать (*Verwestlichung*) чужое племя, подобно тому какъ нѣчто подобное сдѣлалъ и Гете въ своемъ „*West-östlicher Divan*“. Быть можетъ, вамъ такимъ образомъ удастся внести порядокъ и критическое освѣщеніе въ хаосъ Мидрашей, сравнить между собою наиболѣе часто повторяющіеся варианты, сопоставить послѣдніе, выдѣлать руководящія мысли — однимъ словомъ, заняться такого рода дѣломъ, которое Цунцъ считаетъ крайне важнымъ.

И вотъ, чтобы не откладывать начала, я сообщу вамъ Мидрашъ, который я нѣсколько дней тому назадъ подвергъ обработкѣ.

Записанъ онъ въ Вегесch. габба, р. 6b, причежь я предпочель версію р. Симона и р. Хуны, а конецъ присочинилъ собственною властью, надѣюсь, что вполнѣ въ духѣ Мидраша.

Вотъ эта обработка:

Споръ ангеловъ.

„Когда Господь Богъ собирался создать человѣка Себѣ на лицезрѣніе, а міру на радость, то сонмы ангеловъ раздѣлились въ ожесточенномъ разногласіи на нѣсколько партій.

„Милость“ сказала: Онъ долженъ быть созданъ, потому что онъ мягкосердеченъ, какъ овца въ стадѣ. „Истина“ сказала: Пусть онъ останется несозданнымъ, потому что самымъ острымъ оружіемъ его является ложь. — Да, отвѣчала „Милость“, но за то его задача — благотвореніе, на что „Миръ“ отвѣчалъ: Нѣтъ, это не такъ. Вѣдь отъ него будетъ исходить разногласіе. Что же сдѣлалъ Господь Богъ? Схвативъ „Истину“, онъ бросилъ ее внизъ на землю. Но ангелы сказали: „Владыка, не презирай такимъ образомъ то свое сокровище, котораго блескъ озарялъ Тебя“. И пока они еще спорили и выходили изъ себя, прибѣгая къ рѣзкимъ жестамъ, къ ропоту и къ брани, человѣкъ уже вышелъ въ юношеской красотѣ изъ подъ рукъ Господа Бога. Чего же вы спорите, воскликнулъ Предвѣчный, взгляните на Мое изображеніе, у котораго изъ глазъ струится свѣтъ одухотворенности и мощи. Пусть теперь „Истина“ вернется сюда съ земли, дабы вновь смѣшаться съ вашею толпою, а теперь, помирясь между собою, въ душевной чистотѣ и съ ласкою выидите въ Моего человѣка, — отнынѣ ваше мѣстопробываніе!“¹.

¹ Der Streit der Engel.
Als Gott den Menschen sich zur Augenweide
Erschaffen wollte, und der Welt zur Freude
Da spalteten in heftiger Entzweiung
Der Engelschaaren sich und in Parteilung.

Вамъ, дорогой другъ мой, предлагаю я этотъ матеріалъ для слѣдующей проповѣди вашей, конечно въ томъ лишь случаѣ, если бы вы вздумали ополчиться противъ суетной страсти къ разсужденіямъ со стороны тѣхъ людей, которые, несмотря на наилучшія стремленія свои, всетаки никогда не доходятъ до самаго исполненія своихъ мечтаній. Напротивъ, молчаливая, но сама сознающая себя продуктивная сила, которая увѣрена въ томъ, что достигнетъ намѣченной цѣли, можетъ быть представлена въ трогательно-величавомъ образѣ. Въ данномъ Мидрашѣ ангелы очевидно являются абстрактными силами Божества, которыя соединены во-едино въ этомъ Божествѣ и проявляются цѣлостно одновременно; поэтому то мы и не видимъ тутъ никакого особеннаго почтенія къ ангеламъ. Чтобы употребить выраженіе Спинозы, скажемъ, что они являются какъ бы *modi substantiae*. Нужно будетъ какъ нибудь указать на это нашему другу Вердеру; онъ теперь какъ разъ штудируетъ Спинозу и толкуетъ многое совершенно не такъ, какъ Гегель.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе! Вы конечно не ошибетесь

Die Gnade sprach: Er soll geschaffen werden,
 Denn er ist milde wie das Lamm der Heerden.
 Die Wahrheit sprach: Er bleibe ungeschaffen,
 Denn Lüge ist die schärfste seiner Waffen.
 Ja! rief die Milde: Wohlthun ist sein Amt.
 Der Friede: Nein! weil Zwietracht von ihm stammt.
 Was that der Herr? Er griff die Wahrheit, und
 Warf sie hernieder auf den Erdengrund.
 Die Engel aber sprachen; Herr, verachte
 Nicht so Dein Kleinod, das Dich strahlen machte.
 Und während sie noch stritten und sich mühten
 Mit heftgem Thun, mit Murren und mit Wüthen,
 Da war der Mensch in jugendlichem Prangen
 Aus Gottes Händen schon hervorgegangen.
 Was streitet ihr, so sprach Er, seht mein Bild,
 Dem Geist und Herrschaft aus den Augen quillt.
 Jetzt mag die Wahrheit steigen von den Erden,
 Um die Genossin Eurer Schaar zu werden,
 Versöhnten Geistes ziehet mild und rein
 In meinem Menschen, eure Wohnung eic! —

въ разграниченіи матеріаловъ проповѣдныхъ отъ поэтическихъ. Если на мою долю выпадаетъ задача, каждое „fabula docet“, каждый намекъ на разсужденіе откинуть въ сторону, чтобы обнажить свѣтовую точку поэтической мысли, то вамъ, наоборотъ, придется исходить отъ этой точки, чтобы углубиться въ самыя непроходимыя дебри разсужденія, соединять знакомое съ незнакомымъ; однимъ словомъ, вамъ придется заботиться лишь о томъ, чтобы слушатели запечатлѣли въ себѣ нравственное содержаніе вашей проповѣди, опираясь при этомъ на лежащей въ основѣ ея поэтической картинѣ. Поэтому то я вполне увѣренъ въ томъ, что при предложенномъ мною способѣ совмѣстной работы, я никакъ не останусь въ накладѣ, ибо рѣшительно ничто интересующее меня не должно быть вами оставляемо безъ вниманія, тогда какъ, *быть можетъ*, все что, представляющееся вамъ значительнымъ съ *религіозной* точки зрѣнія, не заинтересуетъ меня.

V.

10 декабря 1838 г.

Заксъ—Фейту.

Я нерѣдко подолгу думалъ о васъ и съ горечью видѣлъ, что день проходитъ за днемъ, а надежда моя получить отъ васъ письмо не исполняется. И вдругъ до меня доходитъ извѣстіе о постигшемъ васъ горѣ¹. Конечно вы не станете осуждать мое продолжительное по сей день молчаніе: мнѣ пришлось бы краснѣть за себя, если бы я могъ думать, что вы усмотрите въ этомъ молчаніи обычную лѣньность. *Какъ* мнѣ было говорить съ вами, какой способъ рѣчи долженъ я былъ выбрать? Сердечно пожать вашу руку и просить васъ переносить все это горе спокойно,—вотъ все, что былъ бы я въ состояніи сдѣлать, вотъ все, что и сегодня могу я сдѣлать, когда я себѣ представляю васъ не такъ занятымъ и нѣсколько успокоившимся. Да сохранитъ вамъ Господь Богъ всѣхъ дорогихъ

¹ Смерти отца Фейта.

вашему сердцу людей и да отвратитъ Онъ отъ васъ всякое горе! Не стану разспрашивать васъ ни о чемъ, что касается прошедшаго. Столь глубоко потрясающія человѣка и захватывающія жизнь до самаго корня происшествія всегда замыкаютъ собою извѣстную эпоху и знаменуютъ наступленіе новой эры: собирая послѣднія остатки отъ пожараща, мы вновь начинаемъ устраниваться, сперва, правда, робко, боязливо, неувѣренно, пока наконецъ новая энергія и новая увѣренность въ себя не возвратятъ намъ бодрости и мужества, этихъ вѣрныхъ спутниковъ нормально сложившейся жизни. Всякій разъ, когда злой рокъ поражаетъ кого-либо изъ дорогихъ моему сердцу и близкихъ людей, для меня особенно мучительнымъ является сознаніе, что я не могу предложить ему ничего въ утѣшеніе, тогда какъ такое утѣшеніе было бы самымъ естественнымъ и единственнымъ, чего требуетъ отъ насъ голосъ нашего сердца. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы хоть одну минуту сомнѣвались во мнѣ; въ такомъ случаѣ вамъ было бы пріятно снова убѣдиться, что моя искренняя къ вамъ привязанность отнюдь не измѣнилась.

VI.

16 декабря 1838 г.

Фейтъ—Заксу.

„Не навязывайте своихъ утѣшеній!“ Эти слова пророка истину не примѣнимы къ такому любвеобильному утѣшенію, какое подсказали вамъ ваше сердце и вашъ умъ. О какъ я жаждалъ въ теченіе всего этого времени получить отъ васъ вѣсточку, не имѣя при этомъ рѣшимости и достаточнаго мужества заслужить себѣ право на таковую помощью посланки вамъ письма! И вотъ вы сами, по обыкновенію, столь мило предупредили меня. Не стану благодарить васъ за это: между людьми, подобными намъ, весь церемоніаль вѣншней привязанности долженъ былъ бы точно такъ же отпадать самъ собою, какъ порядочные люди не даютъ другъ другу никакихъ росписокъ, или если и даютъ, то лишь для по-

рядка. Тотъ богатый капиталъ благодарности и любви, который я хранию для васъ въ сердцѣ моемъ, и безъ того остается у васъ въ неприкосновенной цѣлости, и если вы—правда, не безъ основанія — жалуетесь на его незначительный ростъ, то будьте увѣрены, что тутъ проценты присчитываются къ капиталу и онъ у васъ обильно множится. Произносили ли вы когда либо проповѣдь на вышевыписанный текстъ изъ книги пророка? Сдѣлайте это и тѣмъ освободите страдающихъ отъ этого величайшаго бича.

Я удивляюсь, что нигдѣ нѣтъ религіозныхъ предписаній относительно утѣшенія страждущихъ: мнѣ кажется, что древніе основатели религій очень живо заканчивали выработку догматовъ, но очень много времени тратили на то, чтобы найти извѣстныя нормы для рациональнаго, достойнаго и приличнаго поведенія людей особенно въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ жизни; такимъ образомъ все, что осталось въ пренебреженіи у религій, навертывалось обычаями. Основатели религій предпочитали, чтобы большинство людей, въ некоторомъ образѣ Панургово стадо, держалось хотя бы не понятныхъ, но зато выше данныхъ нормъ, чѣмъ допускать въ средѣ своей царствованіе беспорядочнаго произвола. Лишь тотъ человѣкъ, который сумѣлъ бы обойтись въ жизни безъ указанныхъ предписаній, найдетъ внутри себя, въ самомъ себѣ, ихъ общечеловѣческое обоснованіе, столь часто теряющееся благодаря исключительно внѣшней цѣли нашихъ дѣяній и слѣпой механичности нашихъ поступковъ. Такъ, напр., я самъ неоднократно замѣчалъ на себѣ, что въ такихъ случаяхъ жизни, которые потрясаютъ всего человѣка, особенности моего мышленія и чувствованія вполне совпадали съ обычаями и представленіями давно уже исчезнувшими и даже идентичными съ міросозерпаніемъ такъ называемыхъ дикарей. А между тѣмъ въ нормальномъ состояніи я тщетно искалъ ключа къ разгадкѣ подобнаго рода настроеній. Итакъ, дорогой другъ мой, котораго я себѣ представляю законодателемъ въ той сферѣ душевной жизни общины, куда никогда не сможетъ проникнуть обыкновенный моралистъ, служитель Θε-

миды, вамъ слѣдовало бы найти новый порядокъ утѣшенія и особенно тепло рекомендовать его своимъ слушателямъ. Шеферъ уже заложилъ въ тому фундаментъ текстомъ: „Печаловаться вмѣстѣ страждущимъ лучше всего“; поэтому вы продолжайте постройку зданія и предложите людямъ лучше садиться съ печалующимся молча рядомъ, чѣмъ впускать ему въ сердце остріе тѣхъ полукскренныхъ общихъ мѣстъ, которыхъ не слышишь въ теченіе цѣлаго года, но которыя, какъ призраки, обязательно появляются въ каждомъ домѣ, гдѣ имѣется покойникъ. Я какъ разъ въ послѣднее время вкусилъ слишкомъ много смертей, чтобы не чувствовать горечи, остающейся отъ указанныхъ ходячихъ утѣшеній. Я потерялъ своего добрѣйшаго кузена Удэ (Uhde), который могъ бы быть названъ гениальнымъ, если только чистѣйшая сердечнѣйшая доброта можетъ быть приравниваема къ гениальности, затѣмъ двоюроднаго брата моей жены, Морица Гельфта (Helfft), главу и надежду многочисленной семьи, и наконецъ въ исходѣ настоящаго лѣта нашего Мозера, благороднѣйшаго и одареннѣйшаго человѣка, который мнѣ когда-либо встрѣчался на пути жизни и подобнаго которому я навѣрное никогда уже болѣе не встрѣчу. Да знаете ли вы о томъ, что мы его потеряли? Правда, вы мало знали его, но тѣмъ не менѣе его смерть одинаково тяжела для васъ, какъ и для ближайшихъ друзей его. Такой человѣкъ, какимъ былъ Мозеръ¹, подобенъ скрытому сокровищу, тайному источнику, который неожиданно находишь гдѣ-нибудь въ такой жизненной пустынѣ, гдѣ менѣе всего предполагаешь найти его. Несмотря на то, что съ момента смерти Мозера прошло уже столько времени, именно его смерть возбуждаетъ во мнѣ чувство живѣйшаго беспокойства, тогда какъ объ отцѣ своемъ я уже могу думать съ чувствомъ священнаго мира въ душѣ.

¹ Это, очевидно, тотъ самый Мозесъ Мозеръ, который извѣстенъ изъ писемъ къ нему Гевриха Гейне, но свѣтлая личность котораго до сихъ поръ осталась неразгаданной и неразрѣшенной даже для лучшихъ знатковъ культурной исторіи вѣмецкихъ евреевъ.

Вернувшись изъ своего путешествія, я засталъ отца вполне бодрнмъ, веселмъ, здоровмъ, какимъ онъ былъ въ теченіе всего этого лѣта. Припадокъ удущья, который постигъ его по прошествіи четырехъ дней, обошелся безъ послѣдствій; онъ поправлялся и крайне неохотно оставался въ кровати. Въ пятницу (26 октября) послѣ обѣда онъ выразилъ желаніе выпить кофе не въ кровати. Матушка хотѣла постлать ему на диванѣ, но онъ сталъ спорить, желая укрыться одною только шубою. На минуту мать вышла въ сосѣднюю комнату; тѣмъ временемъ отецъ всталъ, одѣлся и сѣлъ на стулъ около своей постели. Вдругъ мать услышала (дверь была открыта) глубокой вздохъ, и, войдя въ комнату, находитъ отца уже мертвымъ.

То была смерть праведника и можете ли вы порицать меня за то, что мнѣ при этомъ пришли на умъ слова Св. Писанія о кончинѣ Эноха? Сущность своего ощущенія я уже попытался выразить въ соответствующей надгробной надписи, которую я вамъ сообщу, но вотъ явилась толпа безсовѣстныхъ утѣшителей, которые не допускали вовсе никакого горя въ данномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ минимальную его дозу, потому-де, что отецъ мой благополучно достигъ такого преклоннаго возраста. Вотъ вамъ еще одно изъ той массы недоразумѣній, противъ которыхъ вамъ приходится бороться. Какое же значеніе и какую цѣну можетъ имѣть жизнь старика, если смерть его будетъ оставлять насъ равнодушными? Между тѣмъ горе, испытываемое вслѣдствіе кончины старца, и является какъ разъ настоящимъ чистымъ горемъ, не нарушаемымъ чувствомъ душу раздражающаго отчаянія, которое охватываетъ насъ при кончинѣ человѣка болѣе молодого. Это безусловно и всегда полезное горе, указывающее на законченную жизнь и требующее внимательнаго созерцанія теченія этой жизни. Такое горе поражаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ на насъ дѣлительно, подобно копью Целея, такъ что я готовъ сказать: кто никогда не испытывалъ глубочайшаго и полнѣйшаго горя по по-

воду кончины старца, тотъ вовсе не знаетъ, что такое смерть, тотъ лишь плакалъ и возмущался противъ Господомъ Богомъ ниспосылаемыхъ бѣдствій, но никогда отъ глубины души не принимался съ Нимъ.

Проф. Л. Гейгеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Оставь меня! Въ такіе дни,
При общихъ стонахъ и проклятыяхъ,
Молчали только мы одни,
Забывшись въ ласкахъ и объятыхъ!
Лишь мы одни, вдали отъ тѣхъ,
Что шли на подвигъ благородный,
Въ угарѣ сладостныхъ утѣхъ
Не вняли рѣчи ихъ свободной...

* * *

Взгляни, подѣ бременемъ невгодъ,
Свершая жизни путь тяжелый,
Всевышнимъ избранный народъ
Склонился въ думѣ невеселой;
Она, какъ море, глубока,
Она, какъ небо, безконечна
Его безсмѣнная тоска
Въ толпѣ враждебной, безсердечной...

* * *

Его томить тяжелый гнетъ;
Не слыша братскаго привѣта,
Онъ каждый день съ мольбой зоветъ:
„Свободы, равенства и свѣта!...“
Онъ ждетъ, откликнутся-ль они,—
Его отвергнувшіе братья...
Оставь меня! Въ такіе дни
Забудь про ласки и объятія!..

В. Харитонъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ХРАМА.

Хвала Творцу, хвала Ему и слава!
Воспойте всё хваленія Ему!
Прощаетъ онъ, ходившему лукаво
Предъ Нимъ въ грѣхѣ, народу Своему.

Опять въ сердцахъ сіяетъ вѣры пламень;
При звукѣ трубъ и пѣніи псалмовъ,
Положенъ вновь краеугольный камень:
Возстанетъ храмъ, какъ узникъ изъ оковъ.

Конецъ слезамъ, изгнанники Сіона,
Возрадуйте, возвеселитесь всё,
Воздвигнется святыня Соломона
Предъ вами вновь, во всей ея красѣ.

Забуты скорбь, изгнанье и обида,
Поютъ хвалы священникъ и левитъ,
И снова гимнъ ликующій Давида
Среди толпы молящихся звучить.

Лишь плачутъ тѣ о раззоренномъ храмѣ,
Кто зналъ его въ величїи быломъ,
И слушаютъ, поникшіе главами,
Они въ тоскѣ ликующій псаломъ.

Но тонетъ въ хорѣ общихъ ликованій,
Въ восторженномъ и шумномъ торжествѣ—
Безслѣдно звукъ ихъ старческихъ рыданій,
Какъ облако—въ лазурной синевѣ.

0. Чюмина.

Мечтатели гетто на конгрессѣ¹.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

„На рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли мы и плакали, вспоминая Сіонъ.“ На рѣкѣ базельской сидѣли мы, принявъ твердое рѣшеніе отнынѣ не плакать болѣе. Это было не на нѣмецкомъ Рейнѣ, но на Рейнѣ, орошающемъ еще страну свободы; тамъ, гдѣ онъ, гордо сверкая въ лучахъ голубого неба и бѣлыхъ облаковъ и обрамленный задумчиво смотрящими на него вѣковыми горами, быстро катитъ свои свѣжія зеленныя волны, подгоняя плавающіе по немъ плоты съ грузомъ, снующіе мимо старинныхъ домовъ причудливой архитектуры, мимо лѣниво дремлющихъ великановъ—вершинъ и подъ шумными мостами, ведущими къ золотымъ воротамъ Швейцаріи.

При входѣ на тѣнистый дворъ городской ратуши, путешественнику невольно бросаются въ глаза фрески на ея стѣнахъ, наглядно свидѣтельствующія какъ о внѣшней сторонѣ быта, такъ и объ уровнѣ умственнаго развитія того маленькаго народа, который находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи двѣ, или три тысячи лѣтъ тому назадъ, когда онъ проживалъ въ гористой части Малой Азіи. Но между символическими изображеніями, воспроизводящими древнюю исторію еврейскаго народа, самымъ характернымъ является, безъ сомнѣнія, изображеніе Моисея съ скрижалю Закона въ рукахъ, на которой начертаны слова: „Кто вывелъ тебя изъ страны египетской, изъ дома рабства?“

Да, послѣ вѣковыхъ гоненій и безконечнаго ряда имтарствъ,

¹ Dreamers of the Getto in Congress. „Cosmopolis“, Octobre, 1897.

еврейскому народу опять протягиваетъ руку помощи все тотъ же Моисей, являющійся передъ нимъ въ абстрактно-конкретной формѣ конгресса, и этотъ современный Моисей снова задумываетъ планъ избавленія Израиля изъ дома рабства.

Но совѣщанія конгресса происходили, разумѣется, не въ городской ратушѣ, а въ казино. Такимъ образомъ, многотрудныя пренія, имѣвшія цѣлью разрѣшеніе трагической судьбы отверженной націи, происходили въ томъ же самомъ залѣ, гдѣ такъ часто кружатся въ вихрѣ танцевъ влюбленныя швейцарскія парочки. Залъ этотъ—продолговатая комната, обтянутая полинялой матеріей желтаго цвѣта, — былъ заставленъ посрединѣ рядами тростниковыхъ стульевъ и столами для репортеровъ, покрытыми зеленой байкой; такой же зеленой матеріей были обтянуты каеэдра и платформа, на которой возвышались фигуры національныхъ представителей въ бѣлоснѣжныхъ манишкахъ.

Это было довольно своеобразное собраніе представителей, но у каждаго изъ нихъ какъ бы виднѣлся на лбу отпечатокъ письменныхъ трудовъ, которые на контингентѣ являются дѣломъ, между тѣмъ какъ въ Англіи считаются безплодными; и всѣ они наввно вѣрили въ то, что перо служить болѣе могущественнымъ двигателемъ, чѣмъ золото миллионера.

Но только одному изъ нихъ удалось дѣйствительно потрясти міръ остриемъ своего пера. Этотъ современный пророкъ, проповѣдующій въ области психо-физиологій „Горе, горе!“ человѣческому роду, обращаетъ на себя вниманіе свѣжимъ цвѣтомъ лица, плотной фигурой невыродившагося еще атлета и огромной съдой головой, вмѣщающей въ себѣ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и фактовъ; при этомъ онъ обладаетъ золотымъ сердцемъ и золотыми устами даровитаго оратора, вызывающаго то слезы умиленія на глазахъ своихъ слушателей, то взрывы дружнаго смѣха. Наружность русскаго вождя, съ львиной головой и откинутой назадъ черной гривой, представляетъ рѣзкую противоположность съ этой квази-тевтонской фигурой. Это настоящій Аполлонъ—блес-

тацій и увлекательный Аполлонъ, возродившійся въ современномъ Бершеркерѣ¹, съ пламенныхъ устъ котораго потокомъ льются могучіе, хотя и рѣзкіе, звуки русской рѣчи.

И какъ не похожи другъ на друга представители націи, такъ же мало сходства замѣчается и между тѣми ихъ собратьевъ и единовѣрцевъ. Тутъ были писатели и издатели, поэты и романисты, профессора и люди всевозможныхъ профессій и общественныхъ положеній, употреблявшіе когда то все зависящее отъ нихъ въ тому, чтобы видоизмѣнить свою еврейскую оболочку, вмѣстѣ съ характерной своей мимикой, и приспособиться, по теоріи Дарвина, къ окружающей средѣ. Но сознавъ всю бесплодность и мелочность подобныхъ поползновеній, или же устыдившись ихъ, они рѣшились, наконецъ, отвертно признать свою кровную связь съ сынами Сіона и дружно съѣхались на конгрессъ, какъ на условленное свиданіе— изъ отдаленныхъ странъ и изъ сосѣднихъ мѣстностей, изъ отдаленныхъ деревень Буковины и Кавказа и изъ великихъ европейскихъ столицъ. Какую странную фантазмагорію представляетъ это собраніе израильскихъ сыновъ, во множествѣ явившихся изъ странъ грубаго насилія—цѣлыми сотнями, между тѣми какъ изъ свободолюбивой Англій и изъ Америки—въ числѣ какихъ нибудь единицъ! Вотъ малорослый полякъ съ изнуреннымъ лицомъ и выдавшимся впередъ скулами; а вотъ бѣлокурый венгерецъ съ пушистыми усами льняного цвѣта; далѣе—загорѣлый румынъ съ топорными чертами лица; румынъ французъ въ очкахъ; смуглый голландецъ изъ потомковъ маррановъ; мясистый нѣмецъ съ пухлыми щеками; подвижной и нервный руссакъ съ орлинымъ взглядомъ, машинально дергающій себя за волосы отъ волненія; почти совсѣмъ черный египтянинъ, съ коротко остриженными курчавыми волосами и съ наружностью негра, только не съ негритянской формой носа; рыжебородый шведъ; благос-

¹ Совершенно не понимаемъ, кого почтенный авторъ разумѣетъ подъ именемъ Бершеркера, тѣмъ болѣе, что *никакихъ русскихъ рѣчей* на конгрессѣ произнесено не было.

питанный вѣнскій адвокатъ; гордый нѣмецкій студентъ со шпаномъ на щекахъ, полученнымъ на дуэли; вѣнскій студентъ, первый боецъ въ своемъ университетѣ, съ цвѣтною лентой, перекинутой черезъ манишку; блестящій дэнди, принадлежащій, очевидно, къ самому избранному кругу петербургскаго общества (?), и тутъ же, въ кругу этихъ представителей современности, видѣется фигура единственнаго еврея съ пейсами, въ традиционной ермолетъ и длиннополомъ кафтанѣ, вносящаго съ собою въ атмосферу девятнадцатаго столѣтiя каббалистическiй мистицизмъ карпатскаго пророка.

Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ, такъ называемый, еврейскiй типъ, и можно ли подмѣтить характерныя черты его на этихъ такъ непохожихъ между собою лицахъ? Нѣтъ, о нихъ можно сказать только, что они не принадлежатъ къ христiанскому типу. Что же именно наложило на нихъ эту особенную печать, отличающую ихъ отъ христiанскаго мира—вѣковыя ли страданiя, или же болѣе длинный и сложный рядъ наслѣдственности?.. Совѣщанiя конгресса имѣли какой то особенно серьезный, почти врачiевъ характеръ, и рѣчи, произносившiяся ораторами, не оживлялись ни юмористическими замѣчанiями, ни веселыми шутками. Атмосфера исторической трагедiи, воспроизводившейся передъ публикой, была черезъ чуръ переполнена электричествомъ и дѣйствовала подавляющимъ образомъ даже на самые игривыя умы. Даже присутствiе прекраснаго пола (въ числѣ делегатовъ находилось также и нѣсколько дамъ) не придавало болѣе яркаго и жизнерадостнаго колорита внушительно торжественной обстановкѣ пренiй. Серьезность была написана на всѣхъ фiзиономiяхъ— и на высокомъ лбу русскаго окулиста, и на овальномъ лицѣ сѣдовласаго гейдельбергскаго профессора, и въ спокойныхъ глазахъ венгерскаго архитектора, и въ тревожномъ взглядѣ тщедушнаго еврейскаго поэта. И это выраженiе серьезности придавало какое то особенное достоинство не только красивымъ лицамъ съ правильными и тонко очерченными контурами, но даже самымъ ординарнымъ фiзиономiямъ, съ рыжими волосами и обрубленными щеками, обезображенными веснушками.

Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны, эти представители всемирнаго гетто имѣли весьма мало общаго между собой, и если они всѣ говорили по нѣмецки—условленный языкъ конгресса—то потому только, что почти каждый изъ нихъ владѣлъ тремя и даже четырьмя языками. Тѣмъ не менѣе, между ними замѣчалась какая то тонкая внутренняя связь, являвшаяся, быть можетъ, результатомъ смутнаго предчувствія наступленія новой эры общечеловѣческаго братства, прототипомъ котораго будетъ служить разсѣянный по всей вселенной и вездѣ сущій еврей.

Изъ закрытыхъ оконъ съ красными шторами до публики долеталъ по временамъ рѣзкій звукъ колокольчика электрическихъ конокъ, и почти такъ же часто раздавался звонокъ предсѣдателя, искусно направлявшаго пренія впередъ и впередъ, по запутаннымъ извилинамъ и перекресткамъ тернистаго международнаго пути.

Величавая фигура предсѣдателя кажется крупнѣе настоящихъ ея размѣровъ, когда онъ встаетъ съ мѣста, окидывая собраніе пронизательнымъ взглядомъ своихъ огненныхъ глазъ, и напоминаетъ собою скульптурнаго изваянія древнихъ ассирійскихъ царей, украшающія наши музеи. Да, это настоящій профиль Тиглагъ-Пилесера (Tiglath Pileser)—безукоризненный типъ смуглаго уроженца востока и царственнаго мечтателя, но еврейскаго мечтателя, спокойно смотрящаго на тотъ фактъ — что цвѣты вырастаютъ на почвѣ, удобренной навозомъ. Это не Шелли, „тщетно бьющійся въ воздушномъ пространствѣ своими лучезарными крыльями“; нѣтъ, нашъ еврейскій мечтатель въ своихъ иллюзіяхъ не только не выходитъ изъ предѣловъ реальной жизни, но въ своихъ мечтахъ уже дисконтируетъ будущее; его пророчество суть лишь предсказанія, а его ясновидѣнія являются лишь предвидѣніями. Онъ говоритъ объ агрикультурѣ, о разведеніи виноградниковъ, о способахъ удовлетворенія Оттоманской имперіи посредствомъ уплаты выкупныхъ суммъ и доставленія косвенныхъ доходовъ; также свободно распространяется онъ о выпускахъ акцій и облигацій и о проведеніи международныхъ путей сообщенія вплоть до Индіи, при чемъ его

разносторонняя рѣчь вся пересыпана спеціальнымъ жаргономъ нашего желѣзнаго вѣка.—Намъ указываютъ на затрудненія относительно мѣстъ какъ христіанской святини, такъ и исламской — но стоитъ-ли толковать объ этомъ?—вослицаетъ онъ.—Это только кажущіяся территориальныя затрудненія.

Этотъ искусный адвокатъ, смѣлый публицистъ и далеко не бездарный авторъ комическихъ пьесъ былъ пробужденъ къ расовому самосознанію вѣнскимъ „гер, гер,“ побудившимъ его приняться, съ свойственнымъ ему рвеніемъ, за составленіе чернового плана еврейскаго государства, благодаря чему онъ увидалъ себя въ концѣ-концовъ въ роли руководителя своихъ братьевъ, отчасти, быть можетъ, противъ собственнаго желанія.

Въ собраніи обуреваемыхъ страстьми ораторовъ онъ какъ-то особенно поражаетъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и умѣренностью въ выраженіяхъ. Голосъ его тоже звучитъ сдержанно и въ патетическихъ мѣстахъ его рѣчи скорѣе понижается, чѣмъ повышается, доходя подчасъ до отрывистаго и глухого полутона. Онъ однимъ словомъ и даже однимъ взглядомъ, или звонкомъ колокольчика обуздываетъ нарушителей порядка. Въ маленькой группѣ на мгновеніе промелькнулъ безпокойный призракъ социализма. — „Мы желаемъ только одного — чтобы конгрессъ не былъ порабащенъ никакой партіей!“ —раздается его окрикъ и конгрессъ потрясается бурнымъ взрывомъ одобреній.

Идеалисты вообще обладаютъ способностью не замѣчать того, что очевидно для всѣхъ. Это своего рода дань, которую имъ приходится платить, должно быть, за то, что они видятъ незримое для другихъ. Вслѣдствіе этого даже и зоркій еврейскій идеалистъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ, которыя онъ обсуждалъ и взвѣшивалъ. Но это-то благодушное невѣдѣніе ни народа, котораго онъ брался направлять впередъ, ни той страны, въ которую онъ предполагалъ вести его, и составляло главную его силу, точно также какъ и въ его признаніи, что сіонистскій пылъ вызванъ въ немъ мѣстнымъ антисемитизмомъ, лежитъ отвѣтъ на

опасное обвиненіе въ отсутствіи мѣстнаго патріотизма. Политическое и агрикультурное положеніе Палестины было знакомо ему только по наслышкѣ; о евреяхъ же онъ имѣлъ еще болѣе смутное понятіе. Ему совершенно чуждо было парализующее сознание трагикомическихъ сторонъ еврейскаго соціального быта: вѣчной вражды между голландцемъ и полякомъ, мелкаго соперничества между сефардомъ и ашкеназомъ; рѣзкой противоположности въ бытѣ и житейскихъ условіяхъ восточныхъ и западныхъ евреевъ, циническаго чванства богачей, закоснѣлаго матеріализма грубыхъ искаателей наживы въ отдаленныхъ странахъ. Онъ смотритъ на общественныя явленія съ такой недосыгаемой высоты, что эти специфическія детали совершенно ступшевыпадаютъ передъ нимъ, сливаясь въ одномъ горячемъ чувствѣ общаго братства. Но если бы онъ и въ состояніи былъ уловить ихъ своимъ орлинымъ взглядомъ, то, вѣроятно, взглянулъ бы на дѣло съ философской точки зрѣнія, и успокоился бы на той мысли, что всѣ націи вообще представляютъ собою какую-то странную смѣсь нелѣпныхъ противорѣчій, и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ совершенно разнородныхъ элементовъ. Ему одинаково чужды какъ мистически-религіозныя упованія цѣлныхъ поколѣній изувѣровъ, такъ и самыя завѣтныя духовныя иллюзіи, служившія въ теченіе столькихъ вѣковъ единственнымъ источникомъ утѣшенія для обездоленныхъ дѣтей гетто. Тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ національномъ движеніи, кажушемся на первый взглядъ совершенно безнадежнымъ, вслѣдствіе отсутствія въ немъ самаго могущественнаго рычага—религіи,—можно отыскать одинъ весьма благоприятный для него шансъ, на какой не могъ бы рассчитывать ни одинъ изъ пророковъ нашего времени, который рѣшился бы посвятить себя проповѣди основныхъ доктринъ іудаизма: только политическій сіонизмъ можетъ инпонировать и объединять евреевъ между собою; что касается до религіозныхъ формулъ вообще, то онѣ могутъ повести только къ увеличенію смуты и раздоровъ между ними. По этому пути всѣ могутъ отправляться въ Іерусалимъ. Локомотивъ одинаково везетъ всѣхъ изъ Яффы

въ Святой Градъ и оставлять ихъ тамъ выполнять свое различное назначеніе, и благочестивнѣе нечего освѣдомляться о религіи построившаго локомотивъ инженера.

Но пророкъ, явившійся посреди насъ, не тотъ пророкъ, который представлялся отуманенннѣ слезами глазамъ узниковъ гетто; это не Сабатай Цови, божественный посланникъ и властитель небесныхъ тайнъ, приходившій съ знаменіемъ и чудесами, чтобы вернуть израильскій народъ въ Обѣтованную страну; это не тотъ апостоль, образъ котораго рисовался воображенію христіанскихъ мечтателей, которые сочли, однако, долгомъ выразить свое сочувствіе конгрессу, приславъ ему тщательно составленную коллекцію текстовъ, въ видѣ небольшихъ карточекъ съ изображеніемъ креста. — Вопросъ о Палестинѣ, конечно, — весьма важный вопросъ, — говорилъ нашъ современный пророкъ, — но объ этомъ рѣчь будетъ впереди. Главная же задача общественныхъ дѣятелей, творцовъ исторіи, должна заключаться въ стремленіи приложить къ дѣлу парализованную человѣческую силу. Государства служатъ выразителями человѣческихъ душъ; еврейская же душа въ каждой странѣ можетъ отпечатлѣть свой образъ посредствомъ характеристическихъ учреждений и, страхнувъ съ себя вѣковой гнетъ, возродиться къ новой жизни на болѣе благопріятной для нея почвѣ. Но такъ какъ евреи чувствуютъ неударжимое тяготѣніе къ Палестинѣ, то постараемся извлечь возможную пользу изъ этого тяготѣнія, которое можетъ доставить намъ весьма многія выгоды. Переселеніе въ Палестину приведетъ прежде всего къ тому, что съ здѣшнихъ рабочихъ рынковъ разомъ отхлынетъ добрая часть кипучихъ волей трудового люда, эксплуатируемаго ловкими дѣльцами, и этотъ Божій и при томъ золотой потокъ, прихлынувъ къ естественному своему руслу, не замедлитъ оказать свое благотворное дѣйствіе на экономическія условія страны. Неужели евреи не захотятъ сдѣлаться акціонерами въ будущихъ патріотическихъ учрежденіяхъ? Неужели наши великіе банкиры откажутся отъ участія въ предстоящихъ операціяхъ? Имъ самнигъ, конечно, нѣтъ никакой надобности поки-

дать свои уютныя гѣзда и переселяться въ Палестину. Еврейское патриотическое общество хлопочетъ только объ облегченіи тяжелой участи своихъ безправныхъ, безпріютныхъ и беззащитныхъ собратьевъ.

Но подъ этии прозаическими выкладками политика, скрѣпленными суховатими аргументаціями юриста, кроется романтическое воображеніе поэта и отвлеченное міросозерцаніе современнаго эволюціониста. Да, это фантазія венгерца и неподкупная логика писателя-художника, съ душой и сердцемъ еврея.

Развѣ поэтъ, признающій законы дѣйствительности, не тотъ же поэтъ? Развѣ религиозный человѣкъ, преклоняющійся передъ этими законами, не можетъ быть истинно религиознымъ человѣкомъ? Развѣ еврей, живущій въ своемъ столѣтіи, не можетъ быть настоящимъ евреемъ? Нашъ мечтатель не жаждетъ ничего средневѣковаго, — онъ влюбленъ въ свой вѣкъ и тайно благоговѣетъ передъ типомъ совершеннаго человѣка Нитцше, ни мало не сомнѣваясь въ томъ, что будущій іерусалимскій еврей превзойдетъ даже и его. „Этотъ еврей будетъ настоящимъ Ефразіаномъ (Eugazian) съ психической стороны, истолкователемъ и соединительнымъ звеномъ между востокомъ и западомъ, или вѣрнѣе — между духомъ стараго и новаго времени; онъ будетъ, такъ сказать, синтезомъ человѣчества, обогащеннымъ всѣми сокровищами современной науки и культуры, которыми онъ готовъ будетъ братски дѣлиться со всѣми націями. Да, такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, сумеетъ создать образцовое государство, съ всемірной религіей, съ безпристрастными законами, — такое государство, которое даже въ географическомъ отношеніи будетъ служить олицетвореніемъ самой строгой справедливости, въ назиданіе измелъчавшему человѣчеству, готовому вернуться къ временамъ языческаго хаоса. И на знамени этого государства будетъ изображенъ „щитъ Давида“ съ распростертымъ передъ нимъ львомъ Іудеи и двѣнадцатью звѣздами израильскихъ колѣнъ. Тогда не будетъ болѣе ни расчлѣвшаго рабства, ни робкаго перешептыванья въ темныхъ углахъ, ни

вторженія въ Палестину разными окольными путями. Еврею не нужно уже будетъ вынашивать никакихъ милостей для себя; онъ будетъ смѣло предъявлять свои права и съ гордымъ видомъ независимаго человѣка идти своей дорогой. Посредникъ и уполномоченный этого еврея не станутъ прибѣгать ни къ какимъ дипломатическимъ фокусамъ и двусмысленнымъ комбинаціямъ, но будетъ играть съ открытыми картами въ рукахъ. Онъ не будетъ демагогомъ и не станетъ вступать ни въ какія сношенія ни съ христіанской, ни съ еврейской чернью; не унизится онъ также и до интригъ съ мелкими политическими сошками; нѣтъ, онъ будетъ вести переговоры съ самими королями, въ ихъ дворцахъ, и съ первыми министрами въ ихъ кабинетахъ“. Въ этихъ патріотическихъ мечтаніяхъ есть нѣчто, напоминающее съ одной стороны гордость—ἰσφρς—Дассала, а съ другой—широкій полетъ фантазіи Манасіа-Буэно-Барвильи-Азеведо-да-Коста, знаменитаго въ своемъ родѣ короля шнореровъ.

„Что же можно возразить противъ переселенія въ Иерусалимъ только бѣднаго люда? Не онъ ли именно и понадобится тамъ прежде всего? Кто же будетъ помогать намъ проводить дороги и насаждать деревья?“ Въ дальнѣйшей рѣчи ораторъ не упоминалъ уже болѣе о ефразіанскомъ типѣ совершеннаго человѣка, который, вѣроятно, еще только имѣетъ народиться въ будущемъ. „Не думаете ли вы, что забота объ интеллектуальномъ и моральномъ развитіи всемірнаго Израиля будетъ болѣе цѣлесообразной задачей и лучшимъ противовѣсомъ антисемитизму? Разувѣрьтесь въ этомъ, простодушные люди, и поймите, что насъ преслѣдуютъ скорѣе за хорошія, чѣмъ за дурныя наши свойства. Всѣ эти толки о борьбѣ за существованіе и объ утилитаризмѣ, замѣнившемъ, будто бы, одухотворяющія и этическія тенденціи, въ сущности, не что иное, какъ пустыя фразы. Да, сомнѣваться въ томъ, что человѣчество оцѣнить, наконецъ, тѣ добрыя качества, которыми такъ щедро надѣлена еврейская нація, и отнесется къ ней съ полной справедливостью,— поистинѣ неутѣшительно. При такихъ ненормальныхъ условіяхъ чѣмъ мы гарантированы, что и третій нашъ храмъ

не будетъ разрушенъ? И стоитъ ли послѣ этого жить въ такомъ жалкомъ мірѣ, населенномъ не разумными существами, а какими то варварами? Наконецъ, неужели вы, признавъ даже переселеніе въ Палестину наивысшимъ благомъ для своихъ собратьевъ, все-таки будете медлить и колебаться, предпочитая заботливо поддерживать вспыхнувшій въ нашихъ сердцахъ сіонистскій пламень и постепенно совершенствоваться и готовить израильскую расу къ той великой исторической роли, которую ей предстоитъ играть въ будущемъ? Неужели вы сочтете за лучшее снова блуждать сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, пробуя организовать (или же окончательно заморить) свои разрозненные подчища? Неужели вы, неисправимые мечтатели, останетесь глухи къ надрывающимъ душу стонамъ миллионовъ вашихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ? Неужели сочтете себя вправѣ игнорировать сотни адресованныхъ къ вамъ телеграммъ съ мольбами о помощи и тысячи петицій, испещренныхъ безсчетными числомъ подписей,—и все это ради какого то воображаемаго усовершенствованія въ будущемъ? Нѣтъ, нѣтъ,—этотъ конгрессъ долженъ привести насъ къ болѣе положительнымъ и непосредственнымъ результатамъ. Напротивъ унылыхъ, хотя и живописныхъ, развалинъ древняго храма должны возникнуть не менѣе живописныя крестьянскія нивы, которыя доставятъ намъ обильный сборъ зерна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ возрожденію Израиля. Развѣдающая грязь торгашества будетъ, наконецъ, смыта съ него Божьей росой и дождями. И будьте увѣрены, что изъ нашего еврейскаго крестьянина выйдетъ идеальный типъ будущаго плебея: это будетъ настоящій „сынъ земли“ и настолько же сынъ духа. А какой цѣнный вкладъ искусства и литературы можетъ внести современемъ въ сокровищницу міра эта великая нація, умудренная многолѣтнимъ опытомъ и воспрянувшая къ новой жизни!“

Нельзя сказать, чтобы эти идеи были все его собственныя; нѣкоторыя изъ нихъ лишь смутно представлялись его уму, такъ что тутъ же, на конгрессѣ, обнаружилась потка ревности, и даже прямо и настойчиво было указано на принадлежность ихъ болѣе

раннему пророку. Почтенное собраніе, какъ бы сдѣлавшись добычей атавизма, вышло на минуту изъ своей роли величавой серьезности, изобразивъ въ лицахъ картину вульгарной схватки *кагала*. Но вѣдь всякому движенію, вызываемому дѣйствіемъ подземнаго огня, предшествуетъ глухой гулъ; въ сущности же, это не что иное, какъ землетрясеніе, или вулканическое изверженіе, заносимое современниками на страницы исторіи.

Но предсѣдатель оставался невозмутимымъ. Не во мнѣ сила, а въ въ конгрессѣ!—воскликаетъ онъ.—У болгаръ существуетъ преданіе, что Мессія долженъ родиться 29-го августа: онъ безусловно вѣрить этому преданію и думаетъ, что Мессія родился въ этомъ самый день — въ лицѣ конгресса. „Этимъ конгрессомъ мы создаемъ для еврейскаго народа органъ, котораго онъ до сихъ поръ еще не имѣетъ и въ которомъ ощущается настоятельную потребность. Наша задача такъ громадна, что, при выполненіи ея, мы должны быть чужды всякаго личнаго честолюбія и грубаго произвола; для достиженія желанной цѣли, мы должны возвыситься до абсолютной солидарности и полнаго забвенія своей личности. Дѣятельность конгресса не только не прекратится, но должна еще удвоиться, когда мы выйдемъ изъ теперешняго положенія столь тяжелой для насъ зависимости, при чемъ онъ долженъ служить благословеніемъ для несчастныхъ, никому невреднымъ, гордостью для всей еврейской націи, достойнымъ славы прошлаго, отдаленнаго, но незабвеннаго.“

И когда онъ сходилъ съ кафедръ, напутствуемый громовыми раскатами „hoch“, восторженными рукоплесканіями, неистовымъ топотомъ ногъ и умиленными слезами растроганныхъ слушателей, обнимавшихъ другъ друга и бросавшихся впередъ, чтобы поцѣловать у него руку,—будьте увѣрены, что сердце его переполнено было не эгонистически-честолюбивыми мечтаніями, но сладостнымъ предчувствіемъ великаго переворота въ судьбѣ его націи и мыслью о милліонахъ его братьевъ, удрученныя сердца которыхъ тоже

встрепенутся надеждой, когда до нихъ долетитъ отдаленное эхо о минутахъ потрясающаго восторга, пережитыхъ конгрессомъ.

Могъ ли бы какойнибудь изъ европейскихъ парламентовъ затмить собою это блестящее собраніе выдающихся умовъ, состоявшее большею частью или изъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, или изъ свѣтилъ науки и искусства. Даже карпатскій еврей, въ длиннополомъ кафтанѣ, и тотъ печаталъ свои поэтическія и философскія произведенія, считая своимъ долгомъ публично ратовать противъ ереси дарвинистовъ, дерзающихъ попирать авторитетъ „Неизреченнаго Имени“. Гейне представлялъ себѣ еврея въ видѣ собаки, превращающейся снова въ человѣка передъ появленіемъ своей возлюбленной принцессы—субботы; конгрессъ же оказался еще болѣе могущественнымъ чародѣемъ, чѣмъ эта принцесса, такъ какъ представилъ міру доказательство полной возмужалости еврея. А что сказалъ бы тотъ старинный живописецъ, знаменитая картина котораго „Танецъ Смерти“—въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ привлекала въ Базель толпы любопытныхъ зрителей, и который не могъ представить себѣ еврея иначе, какъ въ габердинѣ скраги, не выпуская изъ рукъ мѣшокъ съ деньгами до тѣхъ поръ, пока до него не коснулось холодное дыханіе смерти,—что сказалъ бы этотъ живописецъ, если бы смерть, похитившая также и его самого, выпустивъ его на минуту изъ своихъ объятій, дала ему возможность взглянуть на это внушительное собраніе ученыхъ, мыслителей и поэтовъ—представителей всемірнаго гетто, торжественно вставшихъ съ своихъ мѣстъ, чтобы почтить память усопшихъ піонеровъ сіонизма, и поднявъ правую руку въ верху, въ одинъ голосъ воскликнувшихъ: „Если я забуду тебя, о Іерусалимъ, пусть забудетъ меня десница моя!“ Да возвышенныя мечты о родинѣ до сихъ поръ вызываютъ сладостный трепетъ въ сердцахъ гонимыхъ сыновъ израильскихъ, и священный огонь любви къ этой дорогой родинѣ не угасъ въ нихъ, но тлѣетъ и вспыхиваетъ подъ пепломъ длиннаго ряда вѣковъ. И если нашъ предсѣдатель-идеалистъ выпустилъ изъ вида то обстоятельство, что многіе и многіе изъ его собратьевъ не имѣли своихъ представителей

на конгрессѣ, что они удовлетворились тѣми гражданскими правами, которыхъ они достигли съ такимъ трудомъ, и не раздѣляютъ его патриотическихъ упованій,—то у кого же достанетъ духа упрекнуть его за восторженное увлеченіе патетической минутой?

Наконецъ, кто бы изъ присутствовавшихъ въ этотъ вечеръ въ студенческой *Kommers* и видѣвшихъ радостныя слезы, которыя проливали съдобородные философы, братски обнимавшіеся другъ съ другомъ и съ юношескимъ увлеченіемъ пѣвшіе *gaudeamus igitur*,—не подумалъ, что еврейскій энтузіастъ, быть можетъ, и правъ въ своей непоколебимой вѣрѣ въ то, что *juvenes sumus*, и что вѣковой гнетъ не въ состояніи былъ подавить нашу бессмертную націю. „Ни годы, ни чуждые обычаи не могли изнурить и уменьшить безконечное разнообразіе ея типа“.

Пророческія предсказанія не исполняются въ тотъ вѣкъ, въ который они произносятся. И все же, когда предъ закрытіемъ этого памятнаго собранія — базельскій раввинъ въ традиціонной черной шапочкѣ, взойдя на трибуну при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ всего конгресса, выражаетъ опасеніе какъ бы въ новомъ еврейскомъ государствѣ еврейское благочестіе не оказалось въ опалѣ,—и когда предсѣдатель, вызывая столь же восторженный энтузіазмъ, торжественно даетъ увѣреніе въ томъ, что іудаизму нечего опасаться, іудаизму—единственной причинѣ и утѣшенію вѣкового отверженія и мученичества—неужели его не поразила сказавшаяся въ этомъ глубокая иронія исторіи! (Предсѣдатель, конечно, поспѣшляя успокоить его и началъ съ самымъ серьезнымъ видомъ объяснять ему, что еврейской религіи, такъ долго служившей единственнымъ утѣшеніемъ для отчужденнаго отъ всѣхъ и удрученнаго Израиля, — нечего опасаться за свое будущее. Но не шевельнулось-ли въ его восторженной душѣ чего нибудь въ родѣ свѣтческаго сомнѣнія при этомъ неожиданномъ запросѣ, походившемъ на загадочную иронію исторіи?)

И. Зангвиль.

Способъ открытія субботнихъ школъ.

Въ текущемъ году въ области народнаго образованія народился новый типъ школы—именно субботняя школа. Правда, субботнія школы въ ограниченномъ числѣ существовали въ началѣ 60-хъ годовъ, но существованіе ихъ скоро прекратилось въ силу извѣстнаго циркуляра 1862 года о закрытіи воскресныхъ школъ. Съ тѣхъ поръ дѣло субботнихъ школъ совершенно заглохло. Хотя съ 1884 года и существуетъ одна субботняя школа, именно въ Одессѣ, но она за все время почти не вызвала себѣ подражанія. Открыта была только еще субботняя школа въ Елисаветградѣ, да, кажется, въ Минскѣ. Въ текущемъ году въ области этой стало замѣтно нѣкоторое оживленіе: въ мартѣ открыта была женская субботняя школа въ Харьковѣ. Свѣдѣнія, проникшія о ней въ печать, вызвали цѣлый рядъ запросовъ, преимущественно изъ городовъ юго-западнаго края; въ нѣкоторыхъ городахъ уже возбуждены ходатайства объ открытіи субботнихъ школъ, а въ Севастополѣ, Симферополѣ и Керчи уже разрѣшены такія школы.

Въ виду этого народившагося движенія, я хочу дать здѣсь нѣкоторыя практическія указанія относительно устройства субботней школы, полагая, что указанія эти могутъ помочь тѣмъ лицамъ, которыя незнакомы съ внѣшней стороною этого дѣла. Я не буду касаться здѣсь организаціи субботнихъ школъ; она вполне соответствуетъ организаціи воскресныхъ школъ, съ которыми всякій интересующійся можетъ познакомиться изъ цѣлаго ряда изданій. Укажу здѣсь слѣдующія: *Вахтеровъ*: «Внѣшкольное образованіе народа», «Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія», изд. Московскаго Комитета Грамотности; *Абрамовъ*: «Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще», четвертое дополненное изданіе.

Коснусь здѣсь развѣ одного отличія субботнихъ школъ: въ силу религиозныхъ особенностей, приходится назначать для занятій вечерніе часы, такъ чтобы уроки письма происходили

послѣ захода солнца, при искусственномъ освѣщеніи. Такимъ образомъ обстоитъ дѣло въ Харьковской субботней школѣ; Одесская же школа находитъ возможнымъ вести утреннія занятія.

Теперь обращаюсь къ порядку открытія субботней школы.

Собственно говоря, въ законоположеніяхъ и инструкціяхъ, касающихся начальныхъ школъ, нѣтъ прямыхъ указаній относительно субботнихъ школъ; къ нимъ могутъ быть лишь примѣнены пункты, касающіеся воскресныхъ школъ, что, пожалуй, и вполнѣ естественно, такъ какъ равница этихъ двухъ типовъ школъ заключается собственно лишь въ національности учащихся и преподающихъ (сказанное, конечно, не относится къ правиламъ о воскресныхъ школахъ духовнаго вѣдомства). Такимъ образомъ прошеніе объ открытіи субботней школы должно быть подано на имя мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, отъ котораго оно, по усмотрѣнію, переходитъ къ директору народныхъ училищъ и попечителю учебнаго округа, въ силу положенія о еврейскихъ начальныхъ училищахъ, въ которомъ мы находимъ слѣдующій пунктъ: «Еврейскія начальныя училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и въ ближайшемъ завѣдываніи дирекцій или инспекцій народныхъ училищъ по принадлежности».

Въ силу другого пункта положенія, согласно коему «еврейскія начальныя училища назначаются для тѣхъ мѣстностей, гдѣ, при многочисленномъ еврейскомъ населеніи, число общихъ училищъ недостаточно», субботнія школы, естественно, будутъ легче разрѣшаемы въ чертѣ еврейской осѣдлости; но пунктъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ возможности открытія субботнихъ школъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, во-первыхъ потому, что во многихъ пунктахъ внѣ черты осѣдлости еврейское населеніе достаточно велико (возьмемъ, на примѣръ хотя бы Харьковъ), и во-вторыхъ, даже тамъ, гдѣ евреевъ мало, они часто въ силу чисто мѣстныхъ распоряженій или совсѣмъ не попадаютъ въ общія школы, или попадаютъ туда въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Въ виду только что приведеннаго пункта положенія о еврейскихъ начальныхъ училищахъ, а также и въ виду того, что субботнія школы являются въ большинствѣ случаевъ типомъ школы, совершенно незнакомымъ начальству (впрочемъ, иначе не могло бы и быть), въ прошеніи объ открытіи субботней школы необходимо выяснить, что субботняя школа въ данной мѣстности будетъ отвѣ-

чать потребностямъ населенія, а также кратко очертить организацію субботнихъ школъ. Кромѣ того, необходимо указать, что субботняя школа имѣеть въ виду дать элементарное образованіе взрослымъ, а также малолѣтнимъ работницамъ, не имѣющимъ возможности посѣщать ежедневныя школы ¹.

Вслѣдствіе малаго знакомства съ субботними школами, полезно бываетъ также указать на уже существующія субботнія школы въ Одессѣ и Харьковѣ, приложивъ къ прошенію нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ; свѣдѣнія объ Одесской субботней школѣ любезно согласилась доставить всѣмъ желающимъ завѣдующая ею Анастасія Михайловна Моргулисъ (адресъ: Одесса, Греческая ул., 19); къ прошенію можетъ быть приложенъ

¹. Какъ образецъ такого мотивированнаго прошенія, привожу здѣсь копию съ прошенія объ открытіи вечерней школы въ городѣ Черкассахъ: Господину Инспектору народныхъ училищъ 3 района Кіевскаго Учебнаго округа Завѣдующаго Черкасской Талмудъ-Торой Черкаскаго Общественнаго раввина прошеніе.

Удобное въ торгово-промышленномъ отношеніи мѣстоположеніе г. Черкасскъ вызываетъ ежегодное переселеніе сюда изъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ множества еврейскихъ семействъ. Благодаря этому обстоятельству съ одной стороны, и естественному приросту еврейскаго населенія съ другой, въ городѣ оказалось множество лицъ, которые не имѣютъ возможности дать своимъ дѣтямъ даже самое элементарное образованіе, такъ какъ существующая въ городѣ правильно-организованная Талмудъ-Тора, какъ единственное бесплатное учебное заведеніе для еврейскихъ дѣтей, и при томъ только для мужчинъ, далеко не удовлетворяетъ духовныхъ потребностей всей массы бѣднаго еврейскаго населенія города. Ежегодно приходится отказывать въ пріемѣ множество дѣтей, которые за отсутствіемъ казеннаго еврейскаго начальнаго училища, недоступностью для нихъ частныхъ учителей, благодаря высокой платѣ, взимаемой ими, и недостаточному количеству учебныхъ заведеній общаго характера низшаго типа, вынуждены поступать на фабрики и заводы и къ мелкимъ ремесленникамъ, не имѣя никакого представленія ни о законѣ еврейской вѣры, ни о русской и еврейской грамотѣ. Одно только расширеніе Талмудъ-Торы или учрежденіе еврейскаго начальнаго училища, несмотря на необходимость и желательность этого, было бы однако далеко недостаточнымъ, такъ-какъ ежедневныя и утреннія школы не могутъ быть посѣщаемы тѣми дѣтьми и подростками, которые вынуждены съ самаго ранняго возраста заботиться о пріисканіи себѣ средствъ къ жизни. Единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, доступнымъ для нихъ, было бы вечерняя школа, организація которой тѣмъ болѣе возможна, что учрежденіе ея не потребуетъ никакихъ затратъ ни со стороны казны, ни со стороны еврейской общины. Помѣщеніемъ подъ школу могло бы служить зданіе Талмудъ-Торы, свободное съ 5 ч. вечера и снабженное необходимою классною мебелью и пособиями. Преподаватели же Талмудъ-Торы

отчетъ Одесской субботней школы за 1896—7 г., помѣщаемый ниже. Относительно же Харьковской субботней школы можно присоединить къ прошенію копію съ плана ея, предложеннаго и утвержденнаго директоромъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи ¹.

и другія лица, имѣющія званіе учителя и учительницы начальной школы, изъявили желаніе бесплатно преподавать въ вечерней школѣ. Расходы, какіе потребуются по школѣ, будутъ покрываться путемъ частныхъ пожертвованій, согласно сдѣланному мнѣ объ этомъ многими лицами заявленію. Поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе разрѣшить мнѣ организовать при Черкасской Общественной Талмудъ-Торѣ, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, вечернюю школу для обученія русской и еврейской грамотѣ и закону еврейской вѣры, въ объемѣ курса начальныхъ народныхъ училищъ по общимъ предметамъ и еврейскихъ начальныхъ училищъ по еврейскому языку и закону еврейской вѣры, въ двухъ отдѣленіяхъ: мужскомъ и женскомъ, которыя будутъ имѣть совершенно отдѣльныя помѣщенія. При семъ имѣю честь покорнѣйше просить утвердить въ званіи распорядителя мужского отдѣленія меня, а женскаго—содержательницу частнаго еврейскаго начальнаго училища г-жу К.

При семъ прилагаю планъ предполагаемой вечерней школы и копіи со свѣдѣній о еврейскихъ субботнихъ школахъ Одесской и Харьковской, по типу которыхъ организуется наша вечерняя школа.

Общественный раввинъ...

¹ Вотъ этотъ планъ: 1) Школа имѣеть цѣлью доставить еврейскимъ дѣвочкамъ, дѣвушкамъ и женщинамъ правильное элементарное образованіе. 2) Школа состоитъ въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ Харьковской губерніи. 3) Школа содержится на частныхъ средствахъ. 4) Школа состоитъ изъ одного класса, который можетъ быть въ случаѣ надобности раздѣленъ на группы. 5) На прохожденіе полнаго курса ученія назначается отъ 3-хъ до 6 лѣтъ. 6) Школа помѣщается въ какомъ либо изъ учебныхъ заведеній или въ удобномъ и просторномъ частномъ домѣ. 7) Необходимыя для классовъ учебныя пособія, какъ-то: глобусы, счеты, картины и тому подобн., приобрѣтаются на счетъ школы; книги, тетради и проч. выдаются ученицамъ бесплатно школой. 8) Въ школѣ обучаются только приходящія ученицы. 9) Въ школѣ преподаются слѣдующіе предметы: русскій языкъ (чтеніе и письмо), арифметика и по мѣрѣ надобности рисованіе и черченіе. 10) Черченіе и рисованіе должны быть преимущественно примѣняемы къ ремесламъ. 11) Всѣ предметы въ школѣ преподаются на русскомъ языкѣ съ употребленіемъ впрочемъ для начинающихъ, въ случаѣ надобности, еврейскаго языка. 12) Ученье въ школѣ начинается въ первую субботу въ сентябрѣ мѣсяцѣ и продолжается до іюня. 13) Личный персоналъ школы состоитъ изъ завѣдывающей школой, учительницъ и учителей, какъ христіанъ, такъ и евреевъ. 14) Завѣдующая школой и преподающія утверждаются въ должностяхъ директоромъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи. 15) Къ обученію въ школѣ допускается только такое число преподающихъ, какое вызывается дѣйствительною потребностью школы. 16) Для занятія должности преподающаго

Субботняя школа можетъ быть открыта или какъ самостоятельное учрежденіе, какъ напримѣръ Харьковская (тогда слѣдуетъ въ самомъ прошеніи указать, гдѣ она будетъ помѣщаться), или при Талмудъ-Торѣ или какомъ нибудь изъ еврейскихъ начальныхъ училищъ; въ такомъ случаѣ прошеніе подается отъ имени завѣдующаго тѣмъ учрежденіемъ, при которомъ предполагаются субботнія занятія, съ указаніемъ, что они будутъ происходить въ томъ же помѣщеніи. Естественно, легче рассчитывать на успѣхъ ходатайства, если оно возбуждается оффиціальнымъ лицомъ, поэтому предпочтительнѣе, чтобы прошеніе подавалось, напримѣръ, отъ имени раввина. Въ прошеніи должно быть точно указано, кто будетъ завѣдывать предполагающейея школой.

Что касается преподающихъ, то списокъ ихъ можетъ быть или приложенъ къ прошенію, или поданъ лишь по разрѣшеніи школы. Преподающими въ субботней школѣ могутъ быть какъ евреи, такъ и русскіе, по образовательному цензу соответствующіе лицамъ, имѣющимъ право преподавать въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Средства, на которыя будетъ содѣржаться школа, непременно должны быть указаны въ прошеніи, они могутъ состоять или изъ частныхъ пожертвованій, или изъ суммъ одного лица, которое обязуется матерьяльно содержать школу, или, наконецъ, изъ ассигновокъ еврейскихъ обществъ. Платы съ учащихся не взимается, такъ какъ субботнія школы обыкновенно бесплатныя.

Что касается программы преподаванія, то дѣло менѣе всего затянется, если въ школѣ преподаваніе русскихъ предметовъ будетъ вестись по программѣ низшихъ народныхъ училищъ, а еврейскіе предметы по программѣ преподаванія еврейскихъ начальныхъ училищъ, что и должно быть оговорено въ прошеніи. При представленіи же программы преподаванія, спеціально выработанной для субботней школы, дѣло разрѣшенія естественно осложняется.

въ школѣ необходимо имѣть званіе учительницы или учителя начального училища. 17) Завѣдующая и преподающіе составляютъ Педагогическій Совѣтъ, вѣдающій хозяйственную и воспитательно-учебную сторону школы. 18) При школѣ можетъ быть врачъ. 19) Школа имѣетъ для своихъ учащихся бібліотеку. 20) Школа можетъ вести чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. 21) Завѣдывающая школой ежегодно представляетъ директору народныхъ училищъ подробный отчетъ о состояніи своей школы.

Все сказанное всецѣло относится и къ вечернимъ школамъ, соответствующимъ по своимъ цѣлямъ и организациі субботникамъ; въ прошеніи слѣдуетъ, конечно, указать тогда иное время занятій.

Вотъ, повидимому, и все, что можно сказать по вопросу собственно о разрѣшеніи субботней школы. А разъ разрѣшеніе получено, дальнѣйшій ходъ дѣла, успѣхъ школы всецѣло зависитъ отъ участниковъ ея; школа пойдетъ успѣшно, если у нихъ будетъ энергія и любовь къ дѣлу, а ихъ не можетъ не быть, такъ какъ дѣло это добровольное, уже вызванное къ жизни лучшими стремленіями человѣческаго ума и сердца.

Мы свято вѣримъ, что вся суть въ доброй волѣ участниковъ, она важнѣе всякой опытности; послѣднюю можно пріобрѣсти, тѣмъ болѣе, что работники въ одномъ и томъ же дѣлѣ всегда готовы помочь другъ другу. Мы и закончимъ настоящую замѣтку просьбой по всѣмъ вопросамъ, касающимся субботныхъ школъ, обращаться въ Харьковскую субботнюю школу, которая всегда рада служить своимъ собратіямъ по работѣ ¹.

М. Салтыкова.

¹ Обращаться слѣдуетъ къ завѣдующей Харьковской субботней школой Маріи Николаевнѣ Салтыковой, которая убѣдительно проситъ сообщать ей вновь возникающихъ субботныхъ школъ. Адресъ ея: Харьковъ, Мирносицка площадь, собственный дсмъ.

Отчетъ Одесской женской субвотней школы за 1896-7 учебный годъ.

Школа эта существуетъ съ 1884 года, помѣщается она въ частномъ профессиональномъ училищѣ 2-го разряда г-жи Сигаль.

Занятія въ отчетномъ году начались 30-го сентября и продолжались по 31 мая. Приѣмъ ученицъ начался съ началомъ занятій и продолжался въ теченіе всего года. Принято было новыхъ ученицъ 99; многимъ было отказано въ приѣмѣ за недостаткомъ мѣста; поступившихъ въ прежніе годы и продолжавшихъ посѣщать школу было 60. Всѣхъ ученицъ въ 1896/7 г. было такимъ образомъ 159. Каждый годъ количество ученицъ къ концу года обыкновенно уменьшается. Къ концу отчетнаго года выбыло изъ школы 19 человекъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что нѣкоторые оставили школу по болѣзни, а остальные (ихъ большинство), потому что принуждены работать по субботамъ. Почти всѣ онѣ просили дать имъ адресъ воскресной школы, куда и поступили.

Всѣ ученицы по сословію принадлежатъ къ мѣщанамъ. Родители ихъ преимущественно ремесленники, мелкіе торговцы, приказчики, фабричные рабочіе и пр.

По возрасту ученицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

| | | | |
|-------------------|---|-------------------|----|
| 12-и-лѣтнихъ было | 7 | 17-и-лѣтнихъ было | 11 |
| 13 | » | » | » |
| 14 | » | » | » |
| 15 | » | » | » |
| 16 | » | » | » |

Какъ видно изъ этой таблицы, преобладаютъ ученицы въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ. Моложе 12 лѣтъ дѣвочки не принимаются.

По роду занятій ученицы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

- 73 мастерицы въ модныхъ мастерскихъ.
- 13 работаютъ въ бѣлошвейныхъ мастерскихъ.
- 8 учатся шитью.
- 7 самостоятельныхъ швей.

- 30 работаютъ въ различныхъ мастерскихъ — цвѣточныхъ, чулочныхъ, башмачныхъ и т. п.
 16 фабричныхъ рабочихъ.
 3 приказчицы.
 9 безъ опредѣленныхъ занятій—частью по болѣзни, частью вслѣдствіе необходимости помогать дома по хозяйству.
 По степени знаній ученицы въ началѣ года дѣлились на:
 79 неграмотныхъ.
 61 малограмотныхъ.
 19 грамотныхъ.

Всѣ ученицы были распределены на 12 группъ по русскимъ предметамъ и 8 по еврейскому языку. Меньшее число группъ по еврейскому языку обусловливалось недостаточнымъ количествомъ преподавателей. Изъ 12 группъ по русскимъ предметамъ 5 состояло изъ неграмотныхъ ученицъ, 5 изъ малограмотныхъ и 2 изъ ученицъ, бывшихъ въ школѣ 3-й годъ. Одна изъ малограмотныхъ группъ состояла изъ ученицъ, умѣвшихъ читать, но не умѣвшихъ писать. Съ такими случаями приходится нерѣдко сталкиваться при приемѣ. Изъ 8 группъ по еврейскому языку 5 состояло изъ ученицъ неграмотныхъ, 1 изъ малограмотныхъ и 2 изъ грамотныхъ.

Занятія происходили каждую субботу отъ 9 час. утра до 2 часовъ.

Распределеніе занятій было слѣдующее:

| | | | | |
|---|---|------|-------------|--------|
| 1 | й | часъ | еврейскій | языкъ. |
| 2 | > | | русскій | > |
| 3 | > | | арифметика. | |
| 4 | > | | русскій | языкъ. |
| 5 | > | | выдача | книгъ. |

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что занятія по каждому предмету происходили одновременно во всѣхъ группахъ, чтобы была возможность переводить ученицъ въ другую группу по отдѣльнымъ предметамъ.

Всѣхъ преподающихъ въ школѣ было 26 (19 женщинъ и 7 мужчинъ) и 1 классная надзирательница, которая обязана была замѣщать отсутствующихъ преподающихъ. Преподаватели занимались каждую субботу по 1 часу; учительницы арифметики также по 1 часу; учительницы русскаго языка отдавали

школѣ по 4 часа, такъ какъ на ихъ обязанности лежала выдача книгъ изъ бібліотеки; 7 преподавательницъ вели занятія и по русскому языку, и по ариметикѣ.

Въ школѣ употреблялись слѣдующіе учебники:

По русскому языку: въ неграмотныхъ группахъ азбука Григорьева, въ малограмотныхъ группахъ «Русская Рѣчь» Вольпера, II вып. или «Вешніе Выходы» Тихомирова, II вып.

По русскому языку: въ грамотныхъ группахъ «Русская Школа» Павлова или «Нашъ Другъ» Корфа.

По ариметикѣ: задачникъ Гольденберга.

По еврейскимъ предметамъ: азбука Клячко; сборникъ молитвъ съ переводомъ на русскій языкъ Клячко и молитвенникъ «Хинухъ - Тефила» Райхерсона.

Еврейская исторія проходила безъ учебника.

Бѣднѣйшимъ ученицамъ учебники выдавались бесплатно.

Книги для внѣкласснаго чтенія выдавались грамотнымъ группамъ ихъ же учительницами, которыя при возвращеніи книги заставляли ученицъ передавать содержаніе прочитаннаго и въ особой тетради записывали, хорошо ли былъ пересказъ, понравилась ли книга и пр. Библіотека состоитъ изъ 202 названій и 515 экземпляровъ.

Расходъ на содержаніе школы (140 руб.) былъ покрытъ субсидіей одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями (60 руб.) и частными пожертвованіями.

8-го марта устроено было въ школѣ литературно-музыкальное утро для ученицъ. Такъ какъ это былъ день полупраздника «Пуримъ», то собравшимся ученицамъ прежде всего было рассказано о значеніи этого праздника, послѣ чего началось литературно-музыкальное отдѣленіе; программа его была составлена очень разнообразно. Ученицы безъ всякаго утомленія въ теченіе 1¹/₂ часа слушали пѣніе, игру на скрипкѣ и виолончели и декламацию стихотвореній. Затѣмъ ученицамъ было предложено угощеніе. Праздникъ продолжался отъ 2 до 5 часовъ и доставилъ ученицамъ большое удовольствіе.

Завѣдующая школой А. Моргулисъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРА РЫНОЧНОГО СПРОСА.

С. К. ЛИТВИНЪ: «СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ» СПБ. 1897 г.

Лжецъ новой формациі никогда не интересуется, какого рода страданія и боли можетъ привести за собою его ложь, потому что подобнаго рода предвидѣнія могли-бы разбудить въ немъ стыдъ или опасенія и, слѣдовательно, стѣснить его свободу. Разъ навсегда сбросивъ съ себя иго напоминаній и уколовъ, онъ лжетъ нагло, безсердечно и самодовольно.

Несомнѣнно, что эти кареающіе мудрецы — просто-на-просто проходивцы. Но они знаютъ, какого рода жарканье требуется въ данный моментъ на рынкѣ. Шедринъ, „Письма къ тетенькѣ“. II.

Когда отечественный борзонищецъ запугиваетъ воображеніе своего читателя недѣйствительными небыллицами о евреяхъ, то объясненіемъ (проситъ не смѣшивать съ *оправданіемъ*) такому его поведенію отчасти можетъ служить та густая сѣть превратныхъ представленій о евреяхъ и еврействѣ, которая опутываетъ не-еврея чуть ли не съ самаго рожденія. Будущаго борзописца и нянька въ дѣтствѣ пугала «жидомъ», и товарищи просвѣщали на этотъ счетъ; «жидъ» нерѣдко фигурировалъ и въ разговорахъ старшихъ, къ которымъ прислушивался ребенокъ. Все это, виѣсть взятое, мало по малу создавало въ его умѣ представленіе о жидѣ, какъ о чемъ то гнусномъ, возбуждающемъ неприязнь и отвращеніе. Впослѣдствіи къ этому присоединилось вліяніе литературныхъ задворковъ, — произведенія которыхъ составляли для него, какъ и для многихъ ему подобныхъ, единственную духовную пищу: здѣсь травля жидовъ составляла какъ бы своего рода про-

fession de foi, практиковалась съ сугубымъ рвеніемъ и каждодневно оставяла извѣстный осадокъ въ душѣ читателя, все болѣе настраивая его на враждебный ладъ по отношенію къ еврею, систематически рисуемому въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Эта литература завершила непріязненное его отношеніе къ еврейству и снабдила его извѣстнымъ запасомъ нанточиѣйшихъ свѣдѣній о «кагалѣ», «еврейской эксплуатаціи» и прочихъ еврейскихъ грѣхахъ. Умъ, обладающій свойствами стадности, чуждый исканія правды,—такой умъ чувствуетъ себя всегда легко и уютно въ кругу ходячихъ и бессознательно воспринятыхъ представленій, не ощущая потребности въ анализѣ и провѣркѣ таковыхъ. И такимъ образомъ, когда нашего героя впоследствии потребуетъ «къ священной жертвѣ Аполлонъ»,—онъ присоединяетъ и свой голосъ къ несущемуся изъ литературныхъ хлѣбовъ хору: «ату жид!».

Само собою разувѣется, что такого рода объясненія неприложны къ тѣмъ случаямъ, когда въ роли обличителя «всемогущаго кагала», «всепірнаго господства евреевъ» и т. п. выступаетъ—*еврей*. Говоря о томъ, какъ циркулирующія въ христіанскомъ обществѣ и печати ложныя представленія о еврействѣ затемняютъ здравое сужденіе о евреяхъ, препятствуютъ человѣчному отношенію къ нимъ, Салтыковъ указывалъ: «Знать—вотъ что нужно прежде всего, а знаніе несомнѣнно приведетъ за собою и чувство человѣчности». Рѣчь о заблужденіи, незнаніи, которое возможно предположить въ не-евреѣ, извергающемъ громы и молніи по адресу злокозненнаго еврейства—теряетъ *raison d'être* по отношенію къ еврею, упражняющемуся въ травлѣ жиды. Онъ *знаетъ*, что кагала не существуетъ, что всѣ эти толки о еврейскомъ могуществѣ, объ угнетеніи иноплеменцевъ, какъ о догматѣ еврейскаго вѣроученія,—силошной вздоръ, *знаетъ*, какъ много горя, нужды и трагизма таитъ въ себѣ еврейская жизнь,—и съ апломбомъ морочитъ публику своими злобными и завѣдомо-живыми вымыслами и инсинуациями. Знаніе, которое великій русскій сатирикъ считалъ залогомъ человѣчнаго отношенія *иноплеменника* къ еврею,—рука объ руку съ безграничною враждебностью къ *родному* по происхожденію еврейству, съ полною неразборчивостью въ способахъ возбужденія враждебнаго къ еврейству чувства въ читателѣ!

Въ *такихъ* случаяхъ о добросовѣстности говорить не приходится, такъ какъ предъ нами явленіе злонаправленности во всей ея отталкивающей наготѣ. Здѣсь единственнымъ объясненіемъ можетъ служить мотивъ: «жрать надобно», побуждающій литературнаго проходнича преподнести публикѣ извѣстнаго сорта произведенія, требующіяся въ данный моментъ

на рынокъ, преподносить съ полнымъ сознаниемъ живности каждой написанной имъ строки. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что «жрать надобно»—одинъ изъ тѣхъ мотивовъ, съ которыми неизбежно приходится считаться каждому человѣку, и не даромъ щедринскій градоправитель Веноволенскій включилъ въ выработанный имъ кодексъ законъ: «всякій да асть»; но съ другой стороны не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что въ жизни всякаго, кто одаренъ хотя бы нѣкоторою дозою порядочности и нравственной опрятности, дѣйствiе этого императива регулируется другими, этическими соображенiями, которыя и кладутъ грань между тѣмъ, что дозволено въ цѣляхъ удовлетворенiя утробы, и что надлежитъ считать безусловно недозволеннымъ. Эгихъ моральныхъ соображенiй нѣтъ у литературнаго проходинца:—«жрать надобно» и basta! Чго ему правда, честь, справедливость,—когда есть столь легкая возможность раздобыть кое что хотя бы пасквильными писанiями насчетъ родного еврейства, на которыя въ извѣстный моментъ или въ извѣстныхъ кругахъ существуетъ спросъ!

Принципъ: «жрать надобно», становясь *единственнымъ* регуляторомъ дѣятельности литературнаго проходинца, имѣетъ то значительное удобство, что развязываетъ ему совершенно руки и предоставляетъ безграничный просторъ его фантази. Проходинцу нѣтъ никакого дѣла до того, есть ли хоть нѣкоторая тѣнь правды въ его писанiяхъ, или какое чувство оное разжигаетъ въ душѣ читателя. Единственная его забота—угодить тому спросу, который въ данный моментъ существуетъ (или кажется ему существующимъ,—что въ сущности безразлично) на рынокъ. Того «ига напоминанiй», которое тяготѣетъ надъ каждымъ, кто добросовѣстно относится въ печатному слову,—для него не существуетъ, и онъ лжетъ беззабѣчиво, свободно. Не обнаруживая ни малѣйшей тѣни смущенiя, такой субъектъ измышляетъ на родную среду жесточайшiе поклепы, даже слабое подобiе которыхъ едва ли пришло бы въ голову самому ожесточенному ненавистнику—чужаку. Забудьте, что гнуснѣйшiя обвиненiя по адресу еврейства всегда пускаемы были въ оборотъ именно ренегатами, и съ ихъ легкой руки они прививались довѣрчивой къ печатнымъ строкамъ публикѣ. Прошлое, съ которымъ хотя-бъ и было порвано,—одно изъ тѣхъ «напоминанiй и уколовъ», иго которыхъ литературный проходинецъ всегда съ себя сбрасываетъ, какъ препятствующее свободному полету его фантази.—Другое не менѣе важное удобство, которое даетъ такому субъекту безусловное подчиненiе принципу: «жрать надобно»,—это то, что онъ, ничуть не смущаясь, можетъ объ одномъ и томъ же предметѣ высказывать диаметрально противоположныя сужденiя, въ зависимости отъ того, что въ

данномъ случаѣ представляется болѣе удобнымъ. Печатное слово для него— не форма выраженія дорогого, глубокаго убѣжденія, а только способъ удовлетворенія алчущей утробы. Содержаніе его произведеній опредѣляется родомъ публички, къ которой онъ въ данную минуту обращаетъ свою рѣчь; ежели для одного разряда читателей требуется правда,—онъ преподнесетъ правду, но въ то же время для другого сорта читателей у него припасена беззащитнѣйшая ложь на ту же самую тему. Написать сегодня: «дважды два четыре», онъ готовъ завтра-же, не моргнувъ глазомъ, черкнуть: «дважды два пять»,—лишь бы получить тѣ патаки, которые составляютъ единственный предметъ его вождельнїи.

Къ литературѣ этой очерченной нами категорїи принадлежитъ выпущенный недавно г. С. К. Литвинимъ увѣсистый сборникъ разсказовъ изъ еврейской жизни, заглавіе котораго выписано нами выше. «Русская Мысль» въ своемъ отзывѣ о названной книгѣ, между прочимъ, высказываетъ предположеніе, что по всей вѣроятности авторъ ея самъ еврей (августъ с. г., стр. 343). Мы имѣемъ полную возможность подтвердить эту догадку. Въ сборникѣ помѣщенъ, между прочимъ, одинъ разсказъ, подъ заглавіемъ: «Мой дядя ребъ Шебсель-Эйзеръ»,—въ свое время появившійся въ «Восходѣ» (1895 г., кн. V—VI), за подписью г. С. Ефрона. Итакъ, *belle masque, tu es resconnue!* Нашъ авторъ—своего рода Янусъ: смотря по надобности, онъ фигурируетъ либо въ качествѣ г. Ефрона, либо въ качествѣ г. Литвина; скинувъ съ себя мантию защитника, г. Ефронъ вслѣдъ затѣмъ-же облачается въ тогу грознаго обвинителя; на лицѣ г. Ефрона написано участіе и пониманіе, лицо г. Литвина искажено злобою и ненавистью. Массовый еврейскій бытъ, который въ разсказѣ «Мой дядя р. Ш.-Эйзеръ» (въ «Восходѣ») характеризуется, какъ «невѣдомый, но во всякомъ случаѣ оригинальный и, пожалуй, лучшій міръ» (стр. 306)—подъ перомъ того же автора въ образѣ г. Литвина, на столбцахъ Суворинскаго «Историч. Вѣстника» и т. п. издвїи (прочіе разсказы въ разбираемомъ сборникѣ) превращается во вѣстнилице всевозможныхъ пороковъ и преступленій, не оставляющихъ мѣста ни одной, буквально ни одной свѣтлой чертѣ! Фигурирующему въ разсказѣ «Мой дядя р. Ш.-Эйзеръ» раввину влагаются г. Ефрономъ въ уста слова: «Законъ Царя земного такъ же обязательенъ, какъ Законъ Царя небснаго» (стр. 299), раввина-же, выступающаго въ разсказѣ «Гудъ-огудъ», г. Литвинъ заставляетъ говорить: «Проклятые законы проклятыхъ «гоевъ» мнѣ не страшны!.. Какъ еврейскій раввинъ, я буду руководствоваться только своими законами, единственными для меня обязательными!» (стр. 348). На этой сторонѣ г. Ефрона-Литвина

ны останавливаться не будемъ, ибо это зрѣлище публичнаго переодѣванія представляеть слишкомъ мало привлекательнаго. Оставляя въ сторонѣ соболевшаго г. Ефрона, остановимся на негодующемъ г. Литвинѣ, тѣмъ болѣе, что первый представленъ въ сборникѣ только однимъ рассказомъ, всѣ же прочіе рассказы принадлежать г. Ефрону въ образѣ г. Литвина. Характеризуя книгу г. Литвина, рецензентъ «Новаго Слова» говоритъ: «Связующимъ звеномъ цѣлаго ряда вошедшихъ въ нее мелкихъ и крупныхъ очерковъ служитъ лишь желаніе изобразить евреевъ въ такомъ освѣщеніи, которое специально рассчитано на возбужденіе въ читателѣ нееврейскіе нехорошаго чувства преувеличенной брезгливости и злобной подозрительности на религіозной или бытовой подкладкѣ... Въ выборѣ средствъ нашъ авторъ не затрудняется, лишь бы выставить на показъ свою ненависть къ еврейству, лишь бы зажечь въ читателѣ подозрѣніе и тревогу». (Августъ, стр. 51). Переройте всю іудофобскую беллетристику, начиная съ Булгарискаго «Выжигина» и кончая писаніями Окрейца и Крестовскаго, — вы не найдете ни одного произведенія, которое дышало бы такою безпредѣльною ненавистью къ еврейству, какъ сборникъ «Среди евреевъ», не найдете ни одного автора, который былъ бы такъ неразборчивъ въ средствахъ внушенія читателю вражды къ евреямъ, какъ г. Литвинъ. Нѣтъ грязнѣйшей инсинуаціи, нечестнѣйшей клеветы, которая бы г. Литвину не казалась пригодной для достиженія той благородной цѣли, каковую преслѣдуетъ выпущенный имъ сборникъ.

Книга открывается рассказомъ «Среди евреевъ», по имени котораго озаглавленъ весь сборникъ. Рассказъ этотъ (первоначально помѣщенный въ «Историческомъ Вѣстникѣ») ведется отъ лица молодой русской барышни, попавшей гувернанткою въ богатую еврейскую семью Бердичевскихъ. Коммерціи совѣтникъ Михаилъ Борисовичъ Бердичевскій и его супруга помѣшаны на стремленіи стать «настоящими европейцами» и желаютъ дать своимъ дѣтямъ самое, что ни на есть свѣтское воспитаніе; трепеща передъ главою дома, грознымъ старикомъ-милліонеромъ Борухомъ Бердичевскимъ, ярымъ фанатикомъ и ненавистникомъ христіанъ, они ставятъ гувернантѣ условіе, чтобы та прикинулась еврейкою, ибо ребѣ-Борухъ никогда не допустилъ бы, чтобы «гоя» проживала въ его домѣ и обучала его внуцевъ. Гувернантка *volens poleps* подчиняется этому условію. Милая еврейка Пеша поселяется у Бердичевскихъ и получаетъ такимъ образомъ возможность узнать всю подноготную этого дома. Старикъ Бердичевскій — круглый невольжда, былъ когда-то извозчикомъ, но впоследствии разными темными путями (между прочимъ, конечно, разоривъ до тла нѣкоего графа

Пустовскаго) выбился въ миллионеры и воровать нѣтъ огромныя дѣлами. Фанатикъ до мозга костей, онъ презираетъ сына и невѣстку за ихъ стремленіе къ европеизму; въ присутствіи ребѣ-Воруха они и прочіе домашніе пикнуть не смѣютъ. Осмѣлившись однажды сбрить бороду, коммерціи со-вѣтникъ Бердячевскій былъ за это... высѣченъ старикомъ-отцомъ, въ при-сутствіи жены и многочисленныхъ созданныхъ ad hoc гостей. Экзекуцію эту, само собою разумѣется, исполняли «кагалные служители». Эпизодъ этотъ въ разсказѣ г. Литвина является такимъ перломъ, что нельзя не привести хотя бы въ сокращенномъ видѣ относящееся сюда мѣсто: «Когда гости уже поглядывали на старика, ожидая его знака подняться изъ-за стола, ребѣ-Ворухъ вдругъ, какъ будто вспоминая что-то, тихо произнесъ: «поѣли мы сладко, попили еще слаще, да и Господу Богу помолились; все какъ слѣдуетъ мы исполнили, а теперь, за мою хлѣбъ-соль, прошу дорогихъ гостей присутствовать, какъ я моего преступнаго сына наказывать буду... Женщины могутъ удалиться, кромѣ Нехамы (невѣстки),— она должна остаться и пускай полюбуется плодами рукъ своихъ...» (Молодой Бердячевскій сбрилъ бороду по наущенію своей жены). Старикъ такъ зло захохоталъ, что намъ всѣмъ жутко стало. Когда женщины удалились, ребѣ-Ворухъ приказалъ Лейбѣ позвать изъ кабинета кагалныхъ служителей, которые по его распоряженію находились тамъ съ самаго утра. Лишь только они явились, старикъ поднялся съ мѣста, вытянулся во весь ростъ и, обращаясь къ сыну, который былъ блѣднѣе смерти и весь дрожалъ, грозно произнесъ: «Ты забылъ завѣтъ Божій! Развѣ не сказано въ Св. Писаніи: «да не сбре(ф)ешь ты конца бороды своей, и да не коснется жгѣзо твоего подбородка?» Скажи, Михаелке, развѣ въ Св. Писаніи это не сказано? Или, можетъ быть, ты забылъ объ этомъ? Забылъ, что запо-вѣдалъ намъ самъ Господь-Вѣгъ-Цавоотъ? Дѣ, продолжалъ старикъ, нед-ленно отчеканивая каждое слово и насквозь пронизывая злымъ взглядомъ свою жертву,—да, ты, очевидно, забылъ объ этомъ, и нѣтъ, давшему тебѣ жизнь и породившему тебя, самъ Господь-Цавоотъ повелѣваетъ напоинить тебѣ о Его законахъ и напоинить такъ, чтобы ты никогда ихъ не забывалъ и не огорчалъ бы Бога своими злодѣяніями... «Шамосниъ» (служи-тели)!—крикнулъ онъ, обратившись къ послѣднимъ:—исполняйте, что вамъ приказано!.. Что произошло дальше, разсказывать тяжело. При такой та-желой сценѣ врядъ-ли ктонибудь когда присутствовалъ (совершенно вѣрно, г. Ефронъ, Литвинъ тожъ!). На несчастнаго Михаила Ворисовича наброси-лись «шамосниъ», раздѣли его до нага, растянули на полу, двое изъ нихъ сѣли ему на голову, двое на ноги, а пятый, самый здоровѣйшій, на-

чалъ хлестать его толстыми ремнями. М-ше Бердичевская упала въ обморокъ, но старикъ не обратилъ на это никакого вниманія и сосредоточенно и медленно считалъ удары...» (стр. 47—48).

Гувернантка поражена такимъ возмутительнымъ издѣвательствомъ «кагала» надъ человѣческой личностью. Она недоумѣваетъ, — что это такое за пугало, еврейскій кагалъ? Чѣмъ онъ такъ страшитъ каждого еврея, неужели русскій законъ не можетъ оградить отъ него всякаго изъ евреевъ? Она обращается за разъясненіемъ этихъ вопросовъ къ одному своему знакомому — еврею, и вотъ что ей послѣдній говоритъ: «Конечно, кагалъ не только сильнѣе вашихъ законовъ, но онъ — самая большая сила на свѣтѣ... Вы, фрейленъ, дѣвушка образованная и ученая, вамъ не безызвѣстно, какая большая сила въ свое время были іезуиты; они держали въ своихъ рукахъ королей, императоровъ, папъ и управляли всѣмъ міромъ... Іезуиты были жестоки и для достиженія своихъ цѣлей не брезгали никакими средствами: убивали людей тайно и явно, пытали, жгли на кострахъ... Вы вѣдь все это знаете не хуже меня... Ну, такъ нашъ кагалъ, я полагаю, будетъ почище іезуитскаго ордена... Конечно, всѣ дѣйствія кагала совершаются тайно, и никто никогда не можетъ ему помѣшать въ его дѣйствіяхъ, а жертвамъ его нѣтъ числа. Онъ одинаково беспощадно расправляется со всякимъ, кто ему мѣшаетъ, кто ему сопротивляется, — будь это еврей, или христіанинъ» (стр. 50). Спустя нѣкоторое время, всѣ эти сокровеннѣйшія тайны «кагала» вполне разоблачаются предъ нашею инною еврейкою. Она успѣваетъ внушить ребѣ-Боруху глубокое довѣріе, тотъ дѣлаетъ ее своимъ секретаремъ и поручаетъ ей веденіе своей переписки подѣланъ «кагала». Оказывается, что безграмотный, жалкій на видъ Борухъ Бердичевскій стоитъ во главѣ всемірной еврейской организаціи, вращающей всѣми дѣлами свѣта. Въ его шкапулкѣ сосредоточены всѣ тайны Израиля: «Тутъ вся моя тайная корреспонденція изъ всѣхъ концовъ міра. Вотъ письма изъ Вѣны! Вотъ изъ Берлина! Вотъ изъ Парижа! Вотъ изъ Лондона! Вотъ изъ Нью-Йорка! Вотъ изъ Константинополя! Вотъ изъ Іерусалима! Вотъ изъ Мадрида!» — Онъ сортировалъ свои письма, продолжая именовать различные города разныхъ странъ свѣта, откуда они получены. Письма, которыя были написаны на древне-еврейскомъ языкѣ, онъ отодвинулъ подальше, а на европейскіхъ языкахъ разложилъ предо мною. — Видишь, сколько благочестивыхъ евреевъ занято борьбою съ невірными и удѣляютъ свое время и свои капиталы на великое дѣло... Борьба идетъ на жизнь и на смерть! И побѣдимъ мы, потому что съ нами Богъ и т. д. Мы народъ царственный, всѣхъ побѣдимъ, поработимъ и будемъ владыче-

ствовать надъ всѣми языками!..» (стр. 79—80). Веда обширную переписку р. Ворука съ его многочисленными и разсѣянными по всему свѣту корреспондентами, наша гувернантка посвящается во всѣ тайны могучей еврейской организаціи, руководиной р. Ворукомъ. Одна часть получавшейся изъ корреспонденціи касалась внутреннихъ еврейскихъ дѣлъ, и содержаніе этихъ писемъ въ разсказѣ затрагивается только мелькомъ.—«Но были и письма совершенно иного характера, въ которыхъ передавались различныя тайны разныхъ правительствъ, и подробно сообщалось о готовящихся законопроектахъ и мѣропріятіяхъ величайшей важности; одни изъ нихъ привѣтствовались «великими во Израилѣ», а другіе осуждались. Первые требовали противодѣйствія, а вторые — надлежало всѣми мѣрами поддерживать. Излагались цѣлыя программы, съ указаніемъ, какъ нужно дѣйствовать относительно правительства того или другого государства. Читая эти письма, мнѣ стало ясно, какая страшная сила сосредоточена въ рукахъ евреевъ, и какъ они пользуются ею во вредъ всего человѣчества! Разсѣянные по всему земному шару, они крѣпкой сѣтью опутали всѣ государства и, подобно пауку, высасываютъ всѣ здоровые соки изъ своихъ жертвъ безъ остатка. Общность интересовъ евреевъ всѣхъ странъ соединила ихъ воедино на борьбу съ остальными народами! Они, безъ сомнѣнія, хозяева всего міра и, во всякомъ случаѣ, таковыми сами себя считаютъ. Знакомясь далѣе съ содержаніемъ сообщеній корреспондентовъ ребъ Ворука Бердичевского, я пришла къ заключенію, что всѣми государствами правятъ евреи! Но что меня больше всего возмущало,—это та страшная ненависть и то высокомерное презрѣніе, которыми были проникнуты эти посланія ко всему не-еврейскому!..

«Я читала письма и сама поглядывала на ребъ Ворука Бердичевского, плюгаваго старичка, который съжившись сидѣлъ предо мною съ закрытыми глазами и вниательно слушалъ. Кто могъ бы подумать, что онъ, этотъ безграничный жидокъ, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити европейской политики, что ему извѣстны всѣ тайны европейскихъ правительствъ, что онъ, своей ничтожной особой, представляетъ собою одного изъ выдающихся дѣятелей сильнѣйшей въ мірѣ организаціи, именуемой всесвѣтными кагаломъ! Кто бы могъ подумать, что извѣстны на весь міръ политическіе и фивансовые дѣятели обращаются къ этому ничтожному жидку съ величайшимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, даютъ ему порученія величайшей важности, спрашиваютъ его совѣтовъ и указаній?

«А между тѣмъ, это было такъ...

«Но Богъ съ нами, съ этими европейскими корреспондентами ребъ Во-

рука, которые сообщали ему, какъ еврейство подкапывается подъ нравственность, благосостояніе и религію чуждыхъ имъ государствъ и народовъ (экое великодушіе!); но каково было имъ узнать, какъ орудуетъ всесвѣтнѣйшій еврейскій кагалъ во вредъ моего отечества?! А между тѣмъ письма изъ Вѣны, Берлина, Парижа, Лондона и др. большихъ центровъ сообщали, какія мѣры были приняты евреями, чтобы провалить нашъ послѣдній внѣшній заемъ; какъ при этомъ орудовали сообща кагалы всѣхъ значительныхъ центровъ Европы и заставили даже Ротшильдовъ, вопреки ихъ желанію, предложить русскому правительству ультиматумъ: содѣйствовать этому займу только въ томъ случаѣ, если оно согласится даровать евреямъ равноправіе! И какими средствами обладали эти подпольные дѣятели, эти кроты, работавшіе въ своихъ норахъ и щеляхъ!..» (стр. 81—83).

Такимъ образомъ всѣ нити интригъ всесвѣтнаго кагала оказались въ рукахъ гувернантки. Нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ Михаила Борисовича, отъ которыхъ послѣдній не скрылъ, что мнимая Пеша—христіанка, узнаютъ, что она сдѣлалась довѣреннымъ лицомъ ребъ Воруха. У нихъ не хватаетъ смѣлости открыть глаза грозному ребъ Воруху, и они рѣшаются—убить гувернантку, изъ опасенія, чтобы та своими разоблаченіями не погубила всего еврейства. Благодаря своей находчивости, она избѣгаетъ неминуемой смерти: когда на гувернантку нападаетъ нѣсколько евреевъ, чтобы покончить съ нею, ей удается убѣдить ихъ, будто она сняла копія съ наиболее важныхъ документовъ р. Воруха и отправила ихъ въ Петербургъ къ одной своей пріятельницѣ, съ тѣмъ чтобы бумаги эти по ея смерти были представлены «куда слѣдуетъ». Это заявленіе обезоруживаетъ евреевъ, и они ее отпускаютъ, одураченные поданною ею надеждою, что за извѣстное вознагражденіе она готова вернуть эти документы. Въ домѣ Бердичевскихъ появляется нѣсколько новыхъ и таинственныхъ слугъ, которые, незамѣтно для ребъ Воруха, слѣдятъ за гувернанткою, чтобы та какънибудь не скрылась, унося съ собою всѣ тайны Израиля. Такъ какъ никто не рѣшается открыть ребъ Воруху тайну исповѣданія гувернантки, то она продолжаетъ исполнять свои секретарскія обязанности. Мало того, однимъ ногою стоящій въ гробу ребъ Ворухъ воспылалъ титаническою любовью къ нашей гувернанткѣ, и, открывши ей свои чувства, дѣлаетъ ей предложеніе. Прижатая къ стѣнѣ, она принимаетъ его предложеніе и старается отсрочить моментъ вѣнчанія, чтобы тѣмъ временемъ какънибудь вырваться изъ этого дома. Ребъ Ворухъ выписываетъ къ себѣ знаменитаго цадика ребъ Наэтолія, дабы тотъ благословилъ предстоящій союзъ его съ Пешою. Въ домѣ Бердичевскихъ происходитъ въ честь цадика торжественный обѣдъ,

на который созвано все еврейское население города. «Пеша», не будучи въ силахъ побороть чувство брезгливости, которое ей внушаетъ неопытный цадикъ ребъ Наеотій, бросаетъ на полъ «ширанинъ», которыми тотъ ее угощаетъ. Поступокъ ея вызываетъ негодование присутствующихъ, на нее бросаются съ поднятыми кулаками, и гувернантка громогласно объявляетъ всѣмъ, что она—христіанка. Происходитъ всеобщее замѣшательство. Борухъ Бердичевскій, сраженный этою неожиданностью, тутъ же умираетъ. Цадикъ проклинаетъ «домъ нечестивыхъ» и удаляется виѣстѣ со своимъ прислѣзникомъ. Молодая м-ше Бердичевская, освободившись отъ ненавистнаго ей ребъ Боруха и унаслѣдовавъ его миллионы, — на седьмой небѣ. «Святой кагалъ» требуетъ отъ нея, подъ угрозой великаго «Херника», выдачи архива ребъ Боруха, но получаетъ отказъ. Посланцы «кагала» пытаются пустить въ ходъ насилие, но дальновидная м-ше Бердичевская успѣла одѣлать свой домъ жандармами, заранѣе зная, что «кагалъ» не побрезгаетъ ничѣмъ, чтобы добиться возврата шкатулки съ бумагами ребъ Боруха. Настоянія «кагала» остаются безуспѣшны. Гувернантка возвращается въ Петербургъ. Туда же переселяются и Бердичевскіе, чтобы зажить «по европейски»; м-ше Бердичевская увозитъ съ собою шкатулку ребъ Боруха, съ твердымъ рѣшеніемъ — «никогда не выпускать изъ рукъ своихъ этого архива, ибо, только владѣя этимъ сокровищемъ, она можетъ считать себя въ безопасности и плевать на кагалъ».

Таковъ первый разсказъ г. Литвина, и изложенная нами въ подробности чудовищно-нелѣпная фабула его освобождаетъ насъ отъ детальной передачи содержанія другихъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, разсказовъ. Изстуженная ложь и грязная клевета,—вотъ чѣмъ изронивнута каждая страница его книги. Въ разсказѣ «Смерть дѣда Сииха» рѣчь идетъ о погребальныхъ обычаяхъ евреевъ. Говоря о поспѣшности, съ какою евреи хоронятъ покойниковъ, г. Литвинъ замѣчаетъ: «впрочемъ, въ послѣднее время, благодаря мѣрамъ правительства, въ крупныхъ центрахъ еврействъ не удастся больше при посредствѣ фальсификаціи документовъ хоронить своихъ покойниковъ до установленнаго закономъ трехдневнаго срока. Послѣ громкаго дѣла въ В., когда на кладбищѣ мнимая покойница разрѣшилась отъ бремени живымъ ребенкомъ и сама ожила, а чтобы скрыть этотъ вопіющій фактъ и не навлечь надзоръ (а) правительства за еврейскими похоронами, *е—скіе евреи не остановились передъ убійствомъ несчастной мнимоумершей и ея ребенка*,—послѣ этого чудовищнаго факта, хотя въ концѣ-концовъ онъ и былъ занятъ и до суда дѣло не дошло, въ крупныхъ центрахъ еврействъ не удастся хоронить покойниковъ

въ самый день смерти, и волей-неволей нѣтъ пришлось, наконецъ, подчиниться существующему закону» (стр. 186). Затѣмъ мы узнаемъ, что при опущеніи «дѣда Сими» въ могилу, — «подъ ногомъ положили ему два дѣтскихъ трупика, завернутыхъ въ тряпки», и что ему «дали въ руки но деревянной вилкѣ, дабы ему было на что опереться, чтобы встать, когда къ пришествію Мошіаха душа возвратится къ тѣлу, и она оживетъ» (стр. 192). Когда сыновья покойнаго Сими не могутъ миролюбиво подѣлится между собою наследство и хотятъ обратиться въ судъ «гоевъ», предсѣдатель «святаго бетъ-дина» обращается къ нимъ съ грозною рѣчью: «Неужели вы пойдете на такой грѣхъ? Неужели вы предпочтете судъ нечестивыхъ суду праведныхъ?.. Неужели вы захотите отвергнуть компетенцію «бетъ-дина» и признаете компетенцію нечестиваго христіанскаго судилища?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Сыны Израиля еще не настолько погрязли въ грѣхахъ, чтобы якшаться съ «гоями» и признать ихъ судъ выше суда Вожьяго, представителя котораго являюсь передъ вами я и мои товарищи, «даіонинъ». Мы, только мы одни ваши судьи, и намъ вы обязаны, вы должны подчиняться! (стр. 211). Въ разсказѣ: «Искушеніе» (который снабженъ эпиграфомъ: «Я, Господь Богъ вашъ, Богъ мести, взыскивающийъ за грѣхи отцевъ и т. д.») повѣствуется о слѣдующей исторіи: Шая, сынъ престарѣлаго Мордухая, вступилъ въ тайную связь съ молодою христіанкою Зосею. Узнавъ объ этомъ грѣхѣ, Мордухай и его домашніе убиваютъ беременную Зосю, а Шая запираютъ подъ замокъ, чтобы отдать его «на судъ кагала, раввиновъ и святаго бетъ-дина» (стр. 251). Ему удается бѣжать и онъ принимаетъ христіанство. Вскорѣ «кагалъ» доводитъ до свѣдѣнія Мордухая, что отъ Шая поступилъ доносъ о совершившемся преступленіи, и что начальство собирается нагнать на иѣстечко, чтобы произвести слѣдствіе. «Ваше благочестіе, ваша (у) преданность завѣтамъ пророковъ нашихъ, гласить между прочимъ посланіе кагала, ваше слѣпое повиновеніе нашимъ святымъ законамъ вы доказали замъ! А потому, если мы обязаны пещись за всякаго изъ сыновъ Іаковлевыхъ,—то наши заботы о васъ, какъ о мужѣ крѣпкомъ въ вѣрѣ, должны быть нескончаемы!.. Если у васъ не хватитъ капиталовъ, то весь Израиль придетъ вамъ на помощь, ибо вы совершили жертвоприношеніе во имя нашихъ святыхъ законовъ, для торжества религіи нашихъ предковъ»... Жена Мордухая, старушка Мира, видитъ во всемъ случившемся кару Вожію за тяготящую на ея совѣсти давнишній грѣхъ: она въ далекой юности, увлекшись однимъ «гоемъ», находилась съ нимъ въ преступной связи. Она жаждетъ наложить на себя «великую тшуву». Она публично исповѣдывается въ синагогѣ. «Бетъ-динъ», пораженный тя-

жестью ея хрѣха, согласенъ произнести ей прощенье,—если она возьметъ на себя всѣ послѣдствія совершеннаго ея мужень «богоугоднаго» дѣла и объявитъ «предъ судьбами» проклятыхъ иновѣрцевъ», что она единолично убила Зою. Кающаяся Мира принимаетъ это условіе и выгораживаетъ собою истинныхъ виновниковъ «жертвоприношенія во имя святыхъ законовъ» евреювъ.—Думается, что намъ нѣтъ необходимости вдаваться въ подробности прочихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ лежащемъ предъ нами сборникѣ, и что приведенныхъ нами прихвровъ вполне достаточно, чтобы судить о томъ, какъ г. Литвинъ-Ефронъ не останавливается предъ гнуснѣйшими поклепами, рассчитанными на возбужденіе злобной подоврительности въ читателей-христіаннѣ.

Что при чтеніи книги г. Литвина мы испытывали весьма тяжелое чувство,—это, конечно, понятно само собою. Насъ неотступно при этомъ преслѣдовала мысль,—до какого разнузданнаго цинизма можно опуститься, чтобы съ такою развязностью преподносить публикѣ подобный *застѣлом* вздоръ! И этотъ вопросъ занималъ насъ въ несравненно большей степени, нежели опасеніе, чтобы писанія г. Литвина могли дѣйствительно возбудить довѣріе въ читателей не-евреѣ. Такого рода опасенія врядъ-ли были бы основательны,—объ этомъ лучше всего позаботился самъ авторъ, ибо онъ не знаетъ никакой мѣры своему желанію замечъ въ читателей чувство вражды къ еврейству и, доходя въ этомъ направленіи до геркулесовыхъ столбовъ нелицности, самъ же подрываетъ довѣріе къ себѣ. Всякому, кто даже совершенно незнакомъ съ еврейскимъ бытомъ и религіознымъ ученіемъ, но кто владѣетъ хотя бы малѣйшимъ чутьемъ правды,—это послѣднее подсказываетъ, что быть цѣлаго народа *не можетъ* представлять собою не обладающую ни единой свѣтлой точкою картину сплошной скверны, какая изображена г. Литвинымъ. Чудовищная нелицность фабулъ его произведеній (хотя бы напр. разсказа, влагаемаго имъ въ уста гурвантки) слишкомъ бьетъ въ глаза и выдаетъ съ головою нашего автора и гравныя побужденія, скрытыя которыя у него не хватило утѣнія. Заслуженную аттестацію получила книга г. Литвина на страницахъ «Новаго Слова»: «Нѣтъ спору, замѣчаетъ критикъ, что много тенныхъ сторонъ можно найти въ еврейской жизни, какъ и въ жизни всякаго народа. Но зачѣмъ же превращать гонимыхъ въ гонителей, угнетенныхъ во властвующихъ? Зачѣмъ изображать безгласныхъ и безвластныхъ людей повелителями міра? Зачѣмъ вести покорныхъ и робкихъ аборигеновъ черты осѣдлости на несвойственный имъ путь насилія? Отвѣтъ на эти вопросы, намъ кажется, можно дать только, осудивъ книгу г. Литвина, *такъ какъ даже и за-*

блужденія тутъ предположить нельзя, а приходится считаться съ неблагоприятными напярениями»¹.

Того чутья правды, о которомъ мы сейчасъ говорили, повидному совершенно лишень рецензентъ «Русской Мысли»². На отзывъ о книгѣ г. Литвина, появившемся въ названномъ журналѣ, стоитъ нѣсколько остановиться. Признаться, при чтеніи этой рецензіи у насъ невольно напрашивался вопросъ: не попала-ли она по чьей нибудь оплошности въ этотъ журналъ, вѣсто того, чтобы появиться на страницахъ «Наблюдателя», что-ль? Прежде всего, рецензентъ обнаруживаетъ довольно подозрительнаго свойства благодушіе: «во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ онъ, г. Литвинъ—человѣкъ достаточно образованный и развитой для того, чтобы относиться къ евреямъ и еврейству безъ ненавистничества, безъ враждебности и даже безъ насмѣшки надъ иногнѣмъ, что въ быту евреевъ такъ легко поддается глушевію, и т. д.». Послѣ этого остается, конечно, только развести руками предъ неразрѣшимою загадкою: что же, наконецъ, на языкъ нашего рецензента называется враждебностью и насмѣшкою?! Книга г. Литвина, далѣе, аттестуется,—какъ изображающая «въ довольно интересной балетричестической формѣ многія мало вѣзвѣстныя и любопытныя черты быта евреевъ въ Россіи».—«По всей вѣроятности, авторъ самъ еврей. Говорить мы это потому, что намъ, чужимъ людямъ,—«гоямъ», по выраженію евреевъ,—весьма трудно знать такія подробности интимной жизни евреевъ, какія въ своей книгѣ рассказываетъ г. Литвинъ, что и придаетъ, главнымъ образомъ, интересъ его произведеніямъ». Слѣземъ увѣрить г. рецензента, что не только онъ, но и мы, не принадлежащіе къ «гоямъ», узнаемъ изъ книги г. Литвина массу «подробностей интимной жизни евреевъ»,—существованія которыхъ никогда не предполагали! «Авторъ хорошо знаетъ описываемую среду, но,—какъ намъ кажется,—нѣсколько увлекается «силою» еврейства и придаетъ чрезвѣрное значеніе «всесвѣтному кагалу», представляющему собою нѣчто вродѣ «великой державы», оказывающей нѣрѣдко рѣшающее вліяніе на политику и финансы всѣхъ европейскихъ державъ». Итакъ, благодушный критикъ принимаетъ существованіе «всесвѣтнаго кагала» за доказанное, но находитъ только, что г. Литвинъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе этой «великой державы». Поэтому его въ дальнѣйшемъ занимаетъ не вопросъ: дѣйствительно ли существуетъ «всесвѣтный кагалъ?», а только нѣкоторые

¹ «Новое Слово», августъ 1897 г., стр. 51.

² Августъ, стр. 341—343.

детали и недочеты скорѣе художественнаго свойства, которыми страдают произведенія г. Литвина: «Превращеніе чистальщика сапогъ въ миллионера и въ коммерціи совѣтника,—глубокомысленно замѣчаетъ рецензентъ,—въ средѣ евреевъ вещь возможная, но превращеніе полуграмотнаго «фурманщика» р. Боруха Бердичевскаго въ члена «велика снєдріона»—дѣло очень мало вѣроятное. И уже совсѣмъ невѣроятно, чтобы кто нибудь изъ заправилъ «всесвѣтнаго кагала» повелѣ въ свой кабинетъ молоденькую дѣвушку, раскрылъ предъ нею секретную шкатулку и сказалъ: «Тутъ вся моя корреспонденція изъ всѣхъ концовъ міра»... Письма на древне-еврейскомъ языкѣ старикъ отодвинулъ въ сторону, а написанныя на *европейскихъ* языкахъ подаль для прочтенія дѣвушкѣ, обучавшейся въ гимназіи и на бєстужевскихъ курсахъ. На всѣ эти письма дѣвушка, секретарь-полюглотъ, тутъ же и написала отвѣты. Вотъ это-то полюглотство ны находимъ столь же невѣроятнымъ, какъ и ни съ чѣмъ несообразную доверчивость умнаго и хитраго еврея,—крѣпчайшаго изъ сыновъ племени, самаго скрытнаго, осторожнаго и подозрительнаго въ мірѣ, того племени, осмотрительность котораго выработалась и изощрилась многолѣтнею привычкою охранять свои секреты отъ всякаго посторонняго взгляда. Къ тому же, никогда и не одинъ восточный человѣкъ, ни одинъ семитъ не доверитъ ни малѣйшей тайны женщины въ силу племенинаго и вѣроисповѣднаго презрѣнія, съ которыми люди эти относятся къ прекрасному полу, изначала, со временъ Евы, зарекомендовавшему себя съ нехорошей стороны своимъ легкомысліемъ»... При чтеніи этого мѣста рецензіи намъ невольно вспомнился одинъ анекдотъ, вѣроятно извѣстный нашимъ читателямъ. Рассказываютъ, что однажды кѣмъ то представленъ былъ на разрѣшеніе лондонской королевской академіи вопросъ: отчего, молъ, не увеличивается вѣсь сосуда, наполненнаго водою, ежели въ него опустить рыбу? Долго бились академики надъ разрѣшеніемъ этой трудной задачи: было много разговору и про всемірное тяготѣніе, и про давленіе жидкости на стѣнки сосуда, и про многое другое еще, — покуда кѣмъ то не было сдѣлано по сему поводу простое предложеніе: а не провѣрить ли путемъ опыта,—дѣйствительно ли не увеличивается вѣсь сосуда по опущеніи въ него рыбы? Въ положеніи этихъ упомянутыхъ мудрецовъ оказывается и рецензентъ «Русской Мысли». Онъ вдается въ разсужденія о томъ, пригоденъ ли Борухъ Бердичевскій по уровню образованія для поста «члена великаго снєдріона», достаточны ли для веденія многоязычной переписки «всесвѣтнаго кагала» лингвистическія познанія свѣрмной русской гувернантки (всего то училась въ гимназіи и на бєстужевскихъ курсахъ,—да,

можетъ быть, еще и не на словесномъ отдѣленіи!); онъ вдается въ глубокомысленную характеристиву психологіи «восточнаго человѣка»,—вѣсто того, чтобы предложить себѣ простѣйшій вопросъ: да полно, существуютъ-ли «всесвѣтныя кагалъ», «великій синадріонъ» и прочій вздоръ, преподносимый г. Латвининымъ?! И если уже приходится говорить о чѣмъ-либо легкомыслии, то ближе всего—о легкомыслии, съ какими рецензентами столь солиднаго журнала разбираетъ книгу г. Латвина. Это легкомысліе еще болѣе бросается въ глаза, если отмѣтить, что въ той же книгѣ «Русской Мысли», боже о боже съ интересующею насъ рецензіею, находимъ полу-баллетристическій очеркъ «Маша», показывающій, что въ иныхъ случаяхъ этотъ же журналъ несравненно вдумчивѣе относится къ явленіямъ іудеифобской прессы. Миша — собирательный типъ, типъ безпринципнаго «интеллигента», руководствующагося въ своей жизни «не распространенными догмами морали, а свободными интуіціями своей природы». Истративъ отцовское наслѣдство на кутежи, охоту и прочія увеселенія, нашъ Миша, послѣ дѣлаго ряда приключеній и метаморфозъ, поселяется въ столицѣ и становится—газетчикомъ:

«Я зналъ, что Миша полонъ неожиданностей и всегда можетъ очутиться въ Ельцѣ, когда ему необходимо быть дома,—тѣмъ не менѣе я удивился, когда узналъ, что Миша — антисемитъ: никакихъ евреевъ въ нашѣмъ уѣздѣ не было и никакихъ огорченій Мишѣ они не доставляли, наоборотъ, исторически дознано, что «разуль» Мишу,—какъ принято выражаться въ нашѣмъ уѣздѣ,—истинно русскій человѣкъ — Антошка, бывшій дворовый его отца; тѣмъ не менѣе Миша увѣрился, что во всѣхъ злоключеніяхъ, постигшихъ его въ жизни, виноватъ ему еврей. И Антошка поддакивалъ: «не вначѣ, какъ жидъ, кому больше!» Память у Миши дѣвичья, онъ давно забылъ злодѣяства Антошки и даже сдѣлался его пріятелемъ. До меня давно доходили слухи, что Миша состоитъ въ амурныхъ отношеніяхъ съ Антошкиными дочерьми, а живя въ Петербургѣ, я узналъ отъ вполне свѣдущихъ людей, что Миша числится теперь при Антошкѣ чиновникомъ особыхъ порученій и подъ его руководствомъ проходитъ практическій курсъ русской политической экономіи; какъ извѣстно, Антошка въ послѣднее время переселился въ Петербургъ, устриваетъ тамъ синдкаты и орудуетъ по части тарифовъ и пошлинъ.

«Я не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что Миша антисемитъ; онъ анти... анти...—я, собственно говоря, не знаю что... Миша всегда любилъ словечки и восклицанія и въ уѣздѣ въ минуты душевнаго жара часто говорилъ: «дондеръ-шнать!», иногда въ видѣ объясненія добавляя:

«тысяча чертей и одна пушка»... Теперь онъ говоритъ: «народность»... хотя я такъ же мало понимаю, что разумѣтъ Миша подъ этииъ словомъ, какъ и его «дондёръ-шишъ», и тѣ объясненія, которыя онъ дѣлаетъ, также мало даютъ мою уму, какъ и тысяча чертей и одна пушка. Поляковъ онъ не любитъ за то, что они поляки, мусульманъ за то, что вѣрять въ Магомета, финляндцевъ—они пьютъ дешевое венгерское вино, а онъ, Миша, дорогое, кавказскіе народцы—маленькіе народцы и владѣютъ такими хорошими землями въ то время, когда у Миши ничего нѣтъ, и прочее, и прочее. Я все это понимаю, но когда Миша въ чемъ-то заподозрѣваетъ Малороссію и сибиряковъ—не понимаю и думаю, что это одинъ «дондёръ-шишъ» и ничего болѣе.

«Антошка и тутъ поддакиваетъ, у него личные счеты съ Лодзью и Финляндіей, евреевъ онъ терпѣть не можетъ за то, что они «довольствуются меньшимъ дивидендомъ», чѣмъ онъ, и вообще сбиваютъ истинно русскія цѣны; поэтому Антошка въ послѣднее время также укрѣпился на «народности»...

«Въ заключеніе не могу не повторить, что Мишу не понимаютъ, и это огорчаетъ меня. Когда я вижу, что настоящая литература принимаетъ въ серьеъ Мишины слова, старается что-то втолковать ему,—спорить, браниться,—я съ горестнымъ изумленіемъ убѣждаюсь, что Миши совсѣмъ не понимаютъ. Я же, когда слышу, какъ Миша возглашаетъ: я призываю... ны, Миши, на стражѣ... или читаю его дискурсы съ англійскими государственными людьми,—я хотѣлъ бы только кривнуть ему по старой дружбѣ: «Миша! брось, пойдѣмъ на зайцев!»¹

Неужели «Русская Мысль», такъ тонко и здраво оцѣнивающая анти-сеннтивизмъ «истинно-русскаго» Миши,—не въ состояніи постичь дѣйствительную цѣну пасквильнымъ писаніямъ гг. Ефроневъ-Литвинныхъ?..

Читатель.

¹ „Русская Мысль“, августъ, стр. 162 и слѣд. („Миша“, С. Елпатыевскаго).

БИБЛІОГРАФІЯ.

ד. מנד. מ. אנטוקולסקי. צור תולדותיו ופרשת עבודתו בשדה מלאכת המשבת
(«М.: Антокольскій. Краткій очеркъ его біографіи и обзоръ художественной его дѣятельности»). Сост. Д. Манидъ. Варшава, 1897 г. 224 стр.).

Что въ нашей большой публикѣ, и преимущественно въ той, для которой единственную духовную пищу составляютъ произведенія еврейской литературы, что въ ней крайне слабъ интересъ къ искусству и области вопросовъ эстетики вообще, это, кажется, не нуждается въ доказательствахъ. «Мы, евреи, пишемъ одинъ изъ нашихъ художниковъ, неизмѣнно ищемъ всюду и во всемъ матеріальной пользы, и прежде всего — пользы національной, забывая о томъ, что еврей — человекъ и что въ силу этого ему надлежитъ любить всякое искусство и знаніе, хотя бы оно не имѣло отношенія къ еврейской національности». Явленіе это, конечно, имѣетъ свое объясненіе, и ближайшимъ образомъ — въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ какія поставлено подавляющее большинство еврейскаго населенія. Тяжелая борьба за существованіе, мучительныя заботы о хлѣбѣ насущномъ сообщаютъ слишкомъ большое значеніе области «низкихъ истинъ» и мало благопріятствуютъ культивированію «возвышающихъ обмановъ». Поддерживать въ публикѣ интересъ къ области прекраснаго — есть одна изъ задачъ литературы, но эта задача слишкомъ мало останавливала на себѣ вниманіе еврейской литературы: въ ней вопросы искусства всегда находились въ большомъ пренебреженіи. Въ этомъ сказалось въ известной степени влияніе русской литературы, — именно той поры, съ которою совпадаетъ значительное оживленіе новоеврейской литературы. Последняя стала серьезно развиваться только съ 60-хъ годовъ, и развиваться, между прочимъ, подъ нѣкоторымъ влияніемъ обще-русской литературы, въ которой въ то время вопросы «чистаго» искусства, какъ известно, находились въ большомъ загонѣ. Этими отчасти и объясняется пренебрежительное отношеніе къ этимъ

вопросамъ въ средѣ еврейской пишущей братіи 60—70 годовъ. Но то, что въ русской литературѣ было явленіемъ временнымъ, переходящимъ, слишкомъ прочно укоренилось въ литературѣ еврейской; въ то время какъ въ первой это прежнее отношеніе постепенно сдвигалось инымъ, новымъ, наша литература неизгнѣнно продолжала и продолжаетъ обнаруживать большое равнодушіе къ вопросамъ искусства. Въ результатѣ этого является крайняя бѣдность ея по части такихъ работъ, которыя будили бы въ читателѣ интересъ къ прекрасному, знакомя его съ лучшими произведеніями пластическихъ искусствъ, вводя его въ область вопросовъ эстетики и т. д. Если не ошибаюсь, нѣсколькими статьями покойнаго Мане о живописи и статью А. С. Таненбаума о синагогальномъ водчествѣ (въ «Кнесетъ-Исроэль», т. I) почти исчерпывается кругъ произведеній на еврейскомъ языкѣ, посвященныхъ вопросамъ искусства.

Нельзя поэтому не порадоваться появленію недавно въ свѣтъ монографіи художника-писателя г. Маггидъ о проф. М. М. Антокольскомъ. Какъ справедливо указываетъ авторъ (стр. 4), большая еврейская публика, хотя и гордится этииъ знаменитымъ скульпторомъ, но слишкомъ мало знаетъ его произведенія и его заслуги въ области искусства. Нынѣ еврейскіе читатели имѣютъ возможность изъ источника вполне компетентнаго познакомиться съ жизнью и дѣятельностью Антокольскаго. Въ очеркѣ его біографіи (которому авторъ далъ скромное названіе «краткаго»), г. Магидъ довольно подробно передаетъ исторію его жизни, въ связи съ ходомъ развитія его творчества. Центральное мѣсто въ книгѣ, конечно, занимаетъ обзоръ и оцѣнка художественной дѣятельности Антокольскаго, и въ изложеніи послѣдней авторомъ обнаружено значительное умѣніе справляться съ тѣми трудностями, съ которыми сталкивается всякій, кто берется писать объ искусствѣ на еврейскомъ языкѣ. Не говоря уже о затрудненіяхъ, вызываемыхъ недостаткомъ соответствующихъ терминовъ на этомъ языкѣ, въ такихъ случаяхъ приходится считаться съ далеко не высокимъ художественнымъ уровнемъ средняго еврейскаго читателя. Послѣдній лишень той художественной подготовки, тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ области искусства, которыя предполагаются во всякомъ другомъ читателѣ. Съ такимъ читателемъ необходимо говорить о вопросахъ искусства на языкѣ возможно болѣе популярномъ и привороженномъ къ уровню его пониманія, Такой именно характеръ и сдѣлалъ нашъ авторъ придать своему изложенію,—и притомъ безъ ущерба для серьезности и полноты содержанія его книги. Художественная дѣятельность Антокольскаго разсмотрѣна съ большою обстоятельностью; авторъ знакомитъ читателей съ исторіею cadaго

изъ его произведеній, съ идеями, которыми художникъ стремился воплотить въ созданіяхъ своего рѣзца; въ цѣляхъ освѣщенія идей Антокольскаго авторъ часто дѣлаетъ экскурсіи въ область исторіи и литературы. Какъ выгодную особенность труда г. Маггиды, отиѣтитъ отсутствіе въ немъ того панегирическаго тона, который обыкновенно выступаетъ въ еврейской печати, когда идетъ рѣчь о нашихъ знаменитомъ скульпторѣ. Сужденія автора объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Антокольскаго отличаются значительномъ объективностью; вѣстѣ съ тѣмъ авторъ знакомитъ читателей съ разнообразными отзывами критики о каждомъ изъ этихъ произведеній. Такимъ образомъ, читателямъ дается ясное представленіе объ обширной литературѣ объ Антокольскомъ. О значительномъ трудѣ, вложенномъ нашимъ авторомъ въ это произведеніе, свидѣлствуютъ многочисленныя выноски, которыми снабжена почти каждая страница разбираемой книги.

Къ книгѣ приложены снимки съ двухъ произведеній Антокольскаго, а также указатели періодическихъ изданій, въ которыхъ помѣщены отзывы о скульпторѣ или снимки съ его работъ.

Нельзя не пожелать, чтобы г. Маггидъ продолжалъ знакомить еврейскихъ читателей съ другими выдающимися дѣятелями искусства: опыты, вродѣ предпринятаго имъ нынѣ, несомнѣнно могутъ содѣйствовать оживленію въ нашей публикѣ интереса къ искусству.

С. Г.—ъ.

הַלְּפֵנִי בֵּן בֶּנְיָמִין שְׁלֹמֹה. Сборникъ афоризмовъ. Г. З. Гальперина.—Вильна 1896 г.

Эта книжка значительно бы выиграла, если бы ее... столь же значительно урѣзать да посократить и если бы эту операцію надъ нею начать съ самаго ея заглавнаго листа.

На сѣмъ послѣднемъ послѣ имени составителя книжки значится: «авторъ книги «Когелетъ бенъ Шлома», но поелику и это послѣднее произведеніе г. Гальперина мало извѣстно въ еврейской литературѣ, то такая рекомендація, ничего не говорящая уму (и сердцу, конечно) читателя, является излишней, какъ и лишній, пожалуй, представляется помѣщенное въ началѣ книжки письмо къ автору г. Шершевскаго изъ Ростова-на-Дону, и какъ слѣдующее за письмомъ «прибавленіе къ книгѣ «Когелетъ бенъ Шлома». Зачѣмъ г. Гальперинъ «прибавляетъ» къ этой своей книжкѣ то, что относится не къ ней, а къ другому труду его? Такъ обставляли свои произведенія еврейскіе сочинители во время оно и такъ обставляютъ ихъ теперь авторы разныхъ «Schaaloth-Utschuwoth», но

эти архаические приемы давно изгнаны изъ ново-еврейской литературы, къ которой, вѣроятно, авторъ причисляетъ и свою разсматриваемую нами книжку. Упомянутыя «письмо» и «прибавленіе» занимаютъ цѣлыя восемь страницъ, за которыми слѣдуютъ 2 страницы собственно «предисловія», и ужъ только послѣ этого балласта читатель получаетъ доступъ къ самымъ «афоризмамъ».

Но и эти послѣдніе также сильно нуждаются въ сокращеніи, такъ какъ вмѣсто необходимыхъ въ данномъ случаѣ легкости, краткости, силы и мѣткости мы находимъ у г. Гальперина предложенія тяжеловѣсныя и многорѣчивыя, занимающія по нѣскольку длинныхъ строкъ каждое, и къ тому же не всегда отличающіяся ясностью и точностью выраженной ими мысли. Вотъ, наприѣръ, первый появившійся «афоризмъ»: «Соловей, лишенный крыльевъ, попадая въ дождь богача, поетъ лучше обыкновеннаго (?), и люди побогаче его хозяина заискиваютъ въ немъ (въ комъ?); *такъ* способнѣйшій мудрецъ или великій поэтъ безъ серебряныхъ крыльевъ только тогда, когда ему улыбнется нежного слѣпого счастье, начинаетъ пользоваться уваженіемъ тѣхъ, кои отталкивали его обвѣни руками вмѣстѣ съ его пѣснями, и въ слухъ пѣтыни» (стр. 44). Или такой:

«У женщинъ нѣтъ тайнъ, ибо съ приходомъ вина выходитъ тайна; когда Ева пила вино (?) и соблазнила (кого?) всѣми плодами дерева познанія, она обнажила весь садъ и оголила всѣ деревья—и исчезла изъ тайна»... (стр. 100). Хорошо афоризмъ!—Или вотъ еще:

«Женщины, добывающіяся славы мужчинъ, лишаются и своей женской славы» (ibid). Какая глубокая мысль!.. Правда, не вся книжка состоитъ изъ такихъ «мыслей»; есть и вполне основательныя и справедливыя, но выражены то онѣ почти всѣ туманно и неуклюже, при чемъ авторъ не скажетъ словечка просто, а все съ ужинкой: говорить—говорить простою прозой и вдругъ начнетъ ее реновать на всѣ лады и тутъ уже ради краснаго слова и логики и смысла не пожалѣетъ. Авторъ одаренъ чувствомъ необычайной любви къ речамъ, но лишенъ, повидимому, чувства такта и мѣры. Это скрывается не только въ афоризмахъ, но и въ разсужденіяхъ его, сопровождающихъ каждый отдѣлъ книги (въ распределенія ея матеріала авторъ, очевидно, слѣдовалъ сочиненію О. Н. Штейнберга—«*Or laischorim*») и касающихся такихъ разнообразныхъ темъ, какъ благотворительность, просвѣщеніе, роскошь, воспитаніе, религія и нѣк. др.

Тутъ есть весьма здравыя и дѣльныя сужденія, но есть тутъ также цѣлыя страницы, написанныя, какъ видно, *pro domo sua* и трактующія

о какихъ-то продрозостныхъ учителяхъ, берущихъ умѣньемъ играть въ карты и знаніемъ этикета, и о какой-то дамѣ, обидѣвшей учителя своего сына—нѣкоего «даровитаго писателя», закусывавшего на урокахъ принесенными съ собою «лепешками» («по дальности своего мѣстожителства»), и о какой-то другой дамѣ, также обидѣвшей своего домашняго учителя, (не того же ли самаго?) на этотъ разъ—«талантливаго поэта», рассылавшаго черезъ своего ученика, ея сына, поздравительныя стихотворенія на «Пушкинъ», и о многомъ другомъ, имѣвшемъ мѣсто «въ одномъ городѣ» и мало интересномъ для «дорогого читателя»... Несомнѣнно, авторъ знаетъ еврейскій языкъ и пишетъ на немъ свободно, но въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что онъ недостаточно *ладнеть* имъ и склоненъ къ резонерству на старинный ладъ,—въ этомъ вся бѣда.

Мы еще не исчерпали всего содержанія книжки, въ которой есть и сонеты, и псаломъ, и комментаріи къ библейскимъ и талмудическимъ мѣстамъ, и діалоги, и смѣсь, и оскорбительное для прекраснаго пола стихотвореніе «Женщина», переведенное съ жаргона (изъ календаря Вухбиндера), и «гминь субботѣ», и многое другое. Все это дѣлаетъ нашу книжку довольно внушительной по объему (въ ней около 200 стр.), но не по качеству и внутренней цѣнности содержимаго въ ней матеріала. Советуемъ г. Гальперину, у котораго, по его словамъ, готовы къ печати и разныя другія произведенія, отдѣлаться отъ страсти къ многоглаголанію и не столь разбрасываться: отъ этого его будущіе труды убавятся въ толщинѣ, но за то значительно выиграютъ въ внутреннемъ своемъ достоинствѣ.

Як. Каценельсонъ.

Слонимъ.

Августъ, 1897 г.

Подвижной каталогъ конторы журнала «ВОСХОДЪ».

Вновь поступившія въ редакцію книги отиѣчаются 


I. БОГОСЛОВІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Дейтшъ, Э., бібліотекаръ Британскаго музея. Талмудъ. Этюдъ. Пер. съ 7.го изданія. Изд. третье. А. В. Ландау. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.


Наценелленбогенъ, С. А. Моисеево вѣроученіе для еврейскаго юношества въ 2 частяхъ и IV отдѣлахъ. Ч. I. допущенная Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для учен. евр. вѣроисповѣданія четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Ц. 1 р. 85 к., съ пер. 2 р.

— Ч. II. Ц. 1 р.

Лурье, С. Страница изъ Талмуда. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

 Манасевича, Ю. В. Философскіе этюды. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Флисфедеръ, Д. И. Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.,

 Переферковичъ, Н. Талмудъ. Его исторія и содержаніе. Ч. I. Мшана. Ц. 1 р.

Цигельманъ Н. Л. Законоучитель для учениковъ іуд. вѣроисповѣданія, обучающихся въ спеціально евр. училищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шварцъ. Метафизика мировыхъ процессовъ Основы. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

II. ИСТОРІЯ.

Бершадскій, С. А. Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. т. I. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ (1388—1550). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.—Т. II. Документы и регесты къ ист. лит. евреевъ (1550—1569). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Беккъ и Бранъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени т. I—восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца гаоновъ) въ переработкѣ дополненій съ прибавленіемъ изданія исторіи польско-русскихъ евреевъ С. Ш. Дубнова.

— Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени, т. II—Западный періодъ—(отъ возникновенія еврейско-испанской культуры до нашихъ дней), въ переработкѣ и дополненіи съ прибавленіемъ оригинальнаго изданія исторіи польско-русскихъ евреевъ С. М. Дубнова. Цѣна каждаго тома отдѣльно 2 р., за оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.

Градовскій, Н. Д. Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-національные. Съ точки зрѣнія русско-православной. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гретцъ, Г. проф. Исторія евреевъ.

Т. У. Отъ времени заключенія Талмуда (500 г.) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027 г.). Пер. со 2-го нѣм. изданія 1871, съ прибавленіями. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Исторія евреевъ. Т. X. Отъ эпохи голландскаго Иерусалима до паденія франкистовъ. 1618—1760 г. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Я. Гаркави. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дубновъ, С. М. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

Карпелесъ, д-ръ Густавъ. Исторія еврейской литературы отъ начала библейской эпохи до нашихъ временъ. Переводъ подъ редакціею и съ притчаніями доктора восточныхъ языковъ А. Я. Гаркави. Цѣна 6 р. Для подписчиковъ «Восхода» — 5 р. съ пересылкой.

Флисфедеръ, Д. И. д-ръ. Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

III. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Арефа, Н. И. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о правѣ евреевъ на жительство и производство торговли въ російской имперіи, съ сенатскими и министерскими разъясненіями, изданіе второе. Цѣна 1 рубль.

Зейберлингъ I., д-ръ философіи. Противъ «книги Кагала» Брафмана. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Моддерманъ, В., проф. Рецепція римскаго права. Пер. съ нѣм. А. Каминка, подъ ред. проф. С.-Петербургскаго университета Н. Л. Дювернуа. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Моргулясъ, М. Г. О давности вла-

дѣнія недвижностью по Талмудскому праву. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Мышь, М. И. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Ц. 2 р. 70 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Оршанскій, И. Г. Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Риль, В. Г. Гражданское общество. Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Шерешевскій, И. И. О книгѣ Кагала. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

IV. ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

Антаровъ, И. В. Изъ моихъ воспоминаній. Евреи и жидаы. Очеркъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Двѣичьи сны. Повѣсть. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Бернштейнъ, А. Повѣсти: Мендель Габборъ. Фейгале Маггидъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Vogrow, G. I. Memoiren eines Juden. Zwei Theile. Aus dem Russischen übersetzt von M. Ascharin. Цѣна за обѣ части (вмѣсто 4 руб.) 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Идется только на нѣмецкомъ языкѣ. Русское изданіе «Записки Еврея» идется лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и стоитъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Гаррисъ, Э. М. Заблудній. Романъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Геннель Г. Р. Саадія Гаонтъ, биографическій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.

Герцбергъ-Френнелъ, А. Польскіе евреи. Разказы, очерки и картины. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга (съ притчаніями и биографіями).

Вып. I Гете.—Вып. II Шекспирь.—
Вып. III Мольеръ.—Вып. IV Данте.—
Вып. V Шиллеръ.—Вып. VI Шериданъ.—
Вып. VII Софокль.—Вып. VIII Байронъ. Цѣна каждаго выпуска 50 к., съ пер. 60 к.

Леванда, Л. О. Очерки Прошлаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Левин, Эми. Рубежъ Саксъ. Романъ изъ жизни лондонской еврейской аристократіи. Перев. Э. А. Русаковой. Ц. 75 к.

Мандельштамъ, I. Жемчужны тургеневской поэзіи и прозы. Ц. съ пер. 25 к. (вмѣсто 75 к.).

Мордовцевъ, Д. Л. Великій расколъ. Ист. романъ, въ 2 частяхъ. Изд. 2-ое. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

— Жертвы вулкана. Ист. романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

— Между Сциллой и Харибдой. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Неглуховскій, Ф. К. Современное. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ормешко, Элиза. Миртала. Ист. повѣсть. Пер. съ польскаго А. И. Онуфровича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, О. А. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Каждый томъ отдѣльно 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Ротманъ, В. Въ духѣ времени. Романъ изъ современной жизни. Пер. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Филлипсонъ, Л. Яковъ Тирадо. Ист. романъ. Пер. П. Вейнберга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. Ц. 1 р. 75 к.

Французъ, К. Э. Повѣсти и рассказы. Пер. подъ ред. Петра Вейнберга. Содержаніе: I. Шейлокъ изъ Барнова.—II. Дитя искупленія.—III. Баронъ Шмуль.—IV. По закону

вышену.—V. Эстерка Регина.—VI. Ликъ Христа.—VII. Два Спасителя.—VIII. Звѣз надписи.—IX. Изъ-за ябца.—X. Черный Авраамъ.—XI. Народный судъ.—XII. Шиллеръ въ Варновѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Мельпомена. Трагическая исторія. Пер. П. Вейнберга. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

— Юдней Трахтенбергъ. Повѣсть, пер. А. Г. Каррикъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ изящн. переп. 1 р. 35 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Сендеръ Глатейсъ. Романъ въ пяти книгахъ изъ эвр. народной жизни. Ц. 2 р. 50 к.

Фругъ, С. Г. Стихотворенія; томъ II-й изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ. Гамлетъ, принцъ датскій 2-е испр. изданіе. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Месковского. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

— Отелло, негръ венеціанскій. Съ предисловіемъ и антикритикой. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Месковского. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Эберсъ, Г., проф. Іакусъ Навинъ. Романъ изъ библейской эпохи, пер. С. О. Дитъровскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Янтарева, Р. А. Мараны (изъ временъ испанской инквизиціи). Повѣсть для юношества. Ц. 75 к.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Выходцы изъ Межеполя. Романъ въ 8-ти частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

V. ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. М. Брамсонъ. Поѣздка въ южно-русскія колоніи. Ц. 25 к.

Ганъ, И. К. Подробныя правила и программа для испытанія на

звание аптекарскаго ученика. Ц. 35 к. съ перес. 45 к.

Герцля Теодора. Еврейское государство. (Опыт современнаго рѣшенія еврейскаго вопроса), переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 50 коп.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. Безпристрастный взглядъ индивида. Цѣна 10 коп.

Канторъ, Л. Подвиги дилетантизма. Отноше́дъ псевдоученому памфлетисту. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Кулишеръ, Г. М. Итоги. Надежды и ожиданія русскихъ евреевъ за послѣдніе 50 лѣтъ (1838—1888). Часть I-ая. Цѣна 50 коп.

Лацинь, Е. Настоящее и будущее еврейской колонизаціи въ Аргентинѣ. (Докладъ, читанный въ Центральномъ комитетѣ Евр. Кол. Общества Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Леруа-Болье, А. Евреи и Антисемитизмъ, пер. Э. К. Ватсона и Г. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Лурье, С. Пятикнижіе и новѣйшій антисемитизмъ. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Манасевичъ. Национализмъ и космополитизмъ. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 коп.

— О консервативн. и прогрессивн. началахъ. Цѣна 50 коп., съ пер. 60 коп.

Моргулисъ, М. Г. Вопросы еврейской жизни. Собраніе статей. Ц. 2 р., 10 к. (вмѣсто 3 р.).

Прайсъ, Г. М. Русскіе евреи въ Америкѣ. Очерки изъ исторіи, жизни и быта рус. евр. эмигрантовъ въ Сѣв. америкѣ (1881 — 1891 г.) Цѣна 1 рубль.

Претопоновъ, В. И., протоіерей. Объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Scharir, H. A. Tragikomisches aus dem Leben. Ц. 25 к., (вмѣсто 75 к.) съ пер. 35 к.

VI. ГИГИЕНА-ПЕДАГОГИКА.

Брамсонъ, Л. М. Къ исторіи начальнаго образованія евреевъ въ Россіи. Цѣна 40 коп.

Ганъ, И. К. Надо-ли бояться грема и молнія? Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— Правила и программа для поступающихъ въ подготовительный классъ гимназій и прогимназій вѣдомства мин. народ. просвѣщенія. Ц. 10 к.

— Тетради для грамматическаго разбора, № 1. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 2. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 1 и № 2 вмѣстѣ Ц. съ пер. заказн. 25 к.

— Знаки препинанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Спутникъ правописанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Толкователь газетъ и журналовъ. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

— Полный словарь буквы Ъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Май, Карлъ. Самоучитель англійскаго языка. Краткое руководство къ изученію англійскаго языка, содержащее въ себѣ: грамматику, разговоры и пр. Съ 13-го значительно дополненнаго нѣм. изд. перевелъ И. М. Ш. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

Месковскій, А. Американская система обученія иностраннымъ языкамъ д-ра Ричарда С. Розенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія. 1) Образцовый самоучитель французскаго языка. Цѣна пространному изданію 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедоступное изда-

нѣ 75 к. съ пер. 1 р. 2) Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Цѣна полному курсу 3 р., съ перес. 3 р. 40 к. 1-й выпускъ 40 к., съ пер. 50 к. 3) Образцовый самоучитель англійскаго языка. Вышелъ 1-й выпускъ (отдѣльно не продается). Подписная цѣна на полный курсъ изъ десяти выпускковъ 3 р., съ пер. каждаго выпуска заказ. 4 р.

Mieskowski's Lehrbuch zur praktisch-theoretischen Erlernung der russischen Sprache. Preis 3 Rub.

Пянкусъ, проф. Гигиена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ. Изданіе 3-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Walmsee, Alfred, d-г. Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ нѣм. пер. и дополнилъ А. Казарновскій. Съ 27-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Искусственные зубы. Популярное изложеніе болѣзней зубовъ и десенъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Тиктинеръ. Ветеринарный врачъ Рѣзка домашнихъ животныхъ и птицъ по еврейскому обряду. Ц. 50 к. съ пер.

VII. СБОРНИКИ, СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

1) Бубликъ, М. А. «Спутникъ русской рѣчи М. Вольпера». Ч. I, пособіе для учащихся. Ц. 15 к.

2) Гарнави, А. Я. Йегуда Галеви. Очеркъ его жизни и литерат. дѣятельности. Ц. 25 к.

Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Изданіе А. Е. Ландау. 8 томовъ, I, II и III томы вышли *оторизмъ изданіемъ*. Ц. каждому

тому 2 р. 50 к., всѣхъ 8 томовъ выйдетъ 16 р., съ пер.

Маганъ, И. Е. Новый законъ о меламедахъ. Съ позднѣйшими разъясненіями М. Н. П. съ приложеніемъ относит. къ нему статей уложенія о нак. и формы прошеній о выдачѣ свидѣтельства на званіе меламеда. Ц. 15 к., съ пер. 20 к., заказныхъ 25 к.

Д-ръ Кноллеръ. Краткій курсъ грамматики древне-евр. языка. Обработка Г. Генкаль. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ И. П. Верещагина, ч. III. Ц. 75 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для зубныхъ врачей, дантистовъ и учениковъ, съ указаніемъ официальныхъ изданій, и краткій медицинскій латино-русскій словарь. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Саронъ. Сборникъ исторіи, литературы и общественной жизни. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Ц. съ пер. 3 р. Изданіе Общества распр. прось. между евреями въ Россіи.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскои языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по Декабрь 1889 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уставъ гражданскаго судопроизводства и Правилъ о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ Земскимъ Начальникамъ и Городскимъ Судьямъ. Съ приложеніемъ таблицы сро-

ковъ, алфавита, образцовъ прошеній и краткаго наставленія къ веденію гражданскихъ дѣлъ. Ц. 1 р. 25 к.

Экономная хозяйка. Какъ нужно питаться.—Химическій разборъ събытныхъ припасовъ.—Рецепты кушаній,

и напитки.—Полезныя свѣдѣнія по части чистки кружевъ, матерій, посуды и пр.—Гигіена кожи лица и рукъ. Сост. А. Суворова. Ред. врачъ И. И. Гончаровъ. Цѣна 75 коп., съ пер. 90 к.

Прим. Подписчики «Восхода» за пересылку не платятъ, а прибавляютъ лишь на заказъ 10 к. на каждую посылку, не превышающую 4-хъ фунтовъ.

ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ

„ВОСХОДА“

1881—1896 гг.

ПРОДАЮТСЯ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

| | | |
|-----------------------------------|------------|-----------------|
| «Восходъ» за 1881 г. полный . . . | 2 р. 50 к. | БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ: |
| » » 1883 » » . . . | 2 » 50 » | » » » |
| » » 1884 » I—VI вкл. 1 » | 50 » | » » » |
| » » 1885 » I—VIII » 1 » | 50 » | » » » |
| » » 1886 » безъ III кн. 2 » | 25 » | » » » |
| » » 1887 » IV—XII вкл. 1 » | 50 » | » » » |
| » » 1888 » полный . . . | 2 » 50 » | » » » |
| » » 1889 » IV—XII вкл. 2 » | — » | » » » |
| » » 1890 » IV—XII » 2 » | — » | » » » |
| » » 1891 » полный . . . | 4 » | СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ: |
| » » 1892 » » . . . | 5 » | — » » » |
| » » 1893 » » . . . | 5 » | — » » » |
| » » 1894 » » . . . | 6 » | — » » » |
| » » 1895 » » . . . | 6 » | — » » » |
| » » 1896 » » . . . | 6 » | — » » » |

Всѣ эти годы выстъ за 36 р. (вм. 50 р. 50 к.) *безъ пересылки.*

За пересылку налагается платежъ, смотря по ея стоимости на почтѣ или желѣзной дорогѣ. При выпискѣ должны быть высланы всѣ деньги (за исключеніемъ стоимости пересылки). Выписка СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Отдѣльныя книжки: 1881—1889 гг. по—р. 50 к. *съ пересылкой.*

» » 1891—1892 » »—» 75 » » »

» » 1893—1896 » » 1 » — » » »

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|--|-----|
| I. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. С. О. Ярошевскаго. | 3 |
| II. Евреи кистью и карандашемъ. (Вѣглый очеркъ англійскаго искусства). С. И. Рапопорта. | 24 |
| III. ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ДРЕВНИХЪ ЕвРЕЕВЪ. (Къ исторіи развитія устнаго ученія). Д-ра Л. О. Каценельсона. | 46 |
| IV. ИЗЪ ИСТОРИИ ЕвРЕЕВЪ БЪ ПОЛЬШѢ. Эм. З-нъ. | 71 |
| V. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОРЕМЫКИ. М. Эттингера. | 89 |
| VI. МАТЬ ПУСТЫНИ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга. | 112 |
| VII. АНТИСЕКМИТИЗМЪ. Конференція А. Леруа-Вольте въ Парижской Католической Академіи. Перев. С. Л. Федоровичъ | 117 |
| VIII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. ФЕЙТА и М. ЗАКСА. Пр. ф. Л. Гейгера. | 129 |
| IX. * * * Стихотвореніе. В. Харитона. | 147 |
| X. ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ХРАМА. Стихотвореніе. О. Н. Чюминой | 148 |
| XI. ІУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Іосифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Гемжеж. (Въ особомъ приложеніи). | |

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

| | |
|---|----|
| XII. МЕЧТАТЕЛИ ГЕТТО НА КОНГРЕССѢ. И. Зангвилля. | 1 |
| XIII. СПОСОБЪ ОТКРЫТІЯ СУББОТНИХЪ ШКОЛЬ. М. Н. Салтыковой. | 15 |
| XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.—ЛИТЕРАТУРА РЫНОЧНАГО СПРОСА. С. Б. Литвинъ: «Среди евреевъ», Спб. 1897 г. Читателя. | 25 |

XV. ВИБЛЮГРАФІЯ:

- 1) ר. שׂיד, מ. אנטוקולסקי. קצוד תולדותיו ופרשת עבודתו בשרה מלאכת המחשבת.
(«*М. Антокольскій. Краткій очеркъ его биографіи и обзоръ художественной его дѣятельности. Сост. Д. Мазидъ. Варшава, 1897 г. 224 стр.*»). О. Г—гъ. 40
- 2) בן שלמה Бенъ Шлома. Сборникъ афоризмовъ. I. З. Гальперина.—*Вильна 1896. Яв. Каценельсона* 42

XVI. Подвижной каталогъ кнотры журнала «ВОСХОДЪ».

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

4613

Издаваемый А. Е. Ландау.

Н о я б р ь .



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.

1897.

Письма о старомъ и новомъ еврействѣ.

De quel nom te nommer, heure trouble où nous sommes? ¹ — этотъ грустный вопросъ поэта невольно приходитъ на память, когда думаешь о нынѣшнемъ неопредѣленномъ состояніи еврейской общественной мысли. Какъ въ самомъ дѣлѣ назвать переживаемый нынѣ нашимъ обществомъ моментъ вялости мысли и дѣйствій, неясности или полного отсутствія идеаловъ и руководящихъ принциповъ? Мы съ каждымъ годомъ становимся бѣднѣе духомъ. Мы уподобились, по евангельскому выраженію, «мѣди звенящей и кимвалу бряцающему». Наше настроеніе не вырабатывается внутреннею нашею жизнью, а является только пустымъ эхомъ внѣшнихъ событій, отраженіемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Въ теченіе одного послѣдняго десятилѣтія въ русско-еврейскомъ обществѣ трижды мѣнялось настроеніе. Еще недавно была у насъ пора лихорадочнаго возбужденія, вызваннаго отчаяніемъ, когда у всѣхъ на устахъ былъ горькій вопросъ: «куда идти?» Было затѣмъ краткое мгновеніе пріятныхъ чаяній и упованій, которыя не сбылись. Нынѣ-же все стихло: нѣтъ ни отчаянія, ни чаяній, а есть какое-то среднее безразличное состояніе, какое-то угнетающее сознаніе, что въ близкомъ будущемъ нельзя ждать коренныхъ перемѣнъ: въ нашемъ печальномъ положеніи и, слѣдовательно, надо отказаться пока отъ всякихъ широкихъ стремленій. Это сознаніе дѣйствуетъ усыпляющимъ образомъ на большую часть еврейской интеллигенціи, располагая ее къ бездѣятельности или заставляя ее пробавляться мелкими общественными дѣлами, не идущими далѣе требованій прописной морали и буржуазной филантропіи.

Въ самое послѣднее время въ нашу сонную жизнь внесъ нѣкоторое оживленіе Базельскій конгрессъ. Но уже теперь не

¹ Какимъ именемъ назвать тебя, смутный моментъ, который мы переживаемъ? (*Chants du crépuscule* Виктора Гюго).

трудно замѣтить, что это оживленіе, по крайней мѣрѣ въ Россіи, коснулось только поверхности еврейской общественной жизни и неспособно вызвать глубокое броженіе. У насъ потолковали и слегка продолжаютъ толковать о сенсационной сторонѣ Бавельскаго конгресса, безспорно самой слабой: о несбыточномъ планѣ основанія еврейскаго государства въ Палестинѣ,—но не обратили надлежащаго вниманія на то, что составляетъ сущность и главную заслугу конгресса: на торжественное оглашеніе еврейской рациональной идеи, долженствующей нравственно возродить наше упавшее духомъ общество. Сенсационные толки скоро, конечно, утихнутъ, а въ душѣ останется прежняя пустота.

Да, мы переживаемъ несомнѣнно моментъ затменія духа. *Сумерки*—вотъ единственное подходящее названіе для этого печальнаго момента. Но—спросимъ мы вмѣстѣ съ постомъ—какія-же это сумерки: предразсвѣтныя или вечернія? Предвѣщаетъ-ли господствующее нынѣ вялое настроеніе общества грядущее возрожденіе или еще болѣшій упадокъ? Люди мало-мыслящіе, примѣняющіе къ исторической жизни народа жалкую мѣрку житейской обыденности, отвѣтятъ конечно, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ случайныхъ «внѣшнихъ обстоятельствъ», а въ ожиданіи этихъ обстоятельствъ будутъ или спокойно прозябать, или-же суетиться по поводу разныхъ общественныхъ мелочей, ложно выдаваемыхъ за «народное дѣло». Если такіе люди будутъ преобладающимъ элементомъ въ нашемъ обществѣ, то можно напередъ предсказать, что послѣднее пойдетъ по пути возрастающаго упадка. Но если въ обществѣ укоренится и приобрѣтетъ господство убѣжденіе, что въ наибольшей степени отъ насъ самихъ зависитъ рѣшеніе означеннаго вопроса, что не то или другое отношеніе квартальнаго надзирателя рѣшаетъ судьбу древнѣйшаго историческаго народа и что внутреннее, духовное возрожденіе, какъ самостоятельный актъ нашей воли, есть главное условіе, обезпечивающее нашу Zukunft, — то въ благоприятномъ разрѣшеніи поставленнаго выше вопроса не останется никакого сомнѣнія. Мы будемъ сильны и свободны, пока въ насъ будетъ жить свободный, самодѣятельный духъ, хотя-бы надъ нами и тяготѣло иго внѣшняго безправія. Рабомъ можно называть только того,

у кого душа раболѣпна, а не того, кто въ силу несчастныхъ обстоятельствъ лишень элементарныхъ правъ человѣка. Первый постепенно деморализуется подъ вліяніемъ самопрезрѣнія; второй, сохраняя чувство внутренней свободы и самоуваженія, тѣмъ самымъ поддерживаетъ въ себѣ способность къ возрожденію. Если кому-нибудь грозитъ деморализація, то развѣ только той части еврейской интеллигенціи, которая не можетъ противоставить внѣшнему гнету совокупность національно-историческихъ идеаловъ, равносильныхъ несокрушимымъ религіознымъ идеаламъ, какими живетъ и держится при всякихъ невгодахъ патриархальная еврейская масса.

Нѣкоторые такіе идеалы попытался дать нашей блуждающей интеллигенціи ціонизмъ—и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Но долговѣчность національнаго движенія въ формѣ ціонизма или палестинофильства подлежитъ большому сомнѣнію. Связывая дѣло національнаго возрожденія съ мечтою о политическомъ возрожденіи Палестины, ціонизмъ, во-первыхъ, отвлекаетъ вниманіе общества отъ насущныхъ внутреннихъ нуждъ еврейства «въ разсвѣніи» и, во-вторыхъ, рискуетъ прослыть несостоятельнымъ, какъ только обнаружится, что мечта о политическомъ возрожденіи несбыточна. Ціонизмъ есть полезное искусственное средство или, точнѣе, красивое знамя, которое можетъ поддерживать въ молодомъ поколѣніи еврейское національное чувство только временно, пока не послѣдуетъ разочарованія въ осуществимости конечнаго результата этого движенія, — а вѣдь это раньше или позже должно случиться. Тогда разочарованные ціонисты увеличатъ собою кадры тѣхъ образованныхъ евреевъ, которые вотъ уже 15 лѣтъ блуждаютъ безъ пути и безъ цѣли смущенные, растерянные, какъ войны, потерявшіе свое знамя.

Положеніе этой послѣдней интеллигентной группы, наиболѣе многочисленной, особенно трагично. Вынужденные, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, отречься внутренно отъ ассимиляціоннаго направленія 70-хъ годовъ, представители этой категоріи не рѣшились вмѣстѣ съ тѣмъ примкнуть къ новому національному движенію въ еврействѣ, и такимъ образомъ оказались «ни въ сихъ, ни въ оныхъ». Многіе изъ нихъ привыкли связывать понятіе объ ассимиляціи съ либерализмомъ, а понятіе о націонализмѣ съ регрессомъ, — и въ

силу этого поверхностнаго, ошибочнаго воззрѣнія они или вовсе живутъ безъ общихъ руководящихъ принциповъ, или для виду еще цѣпляются за обломки потерпѣвшей крушеніе системы, связанной съ воспоминаніями о лучшей порѣ. Такіе люди въ лучшемъ случаѣ руководятся въ своей дѣятельности узко утилитарными соображеніями минуты; но возможна-ли плодотворная работа безъ одухотворяющей общей идеи?

Мнѣ кажется, что настала пора провѣрить нашъ запутанный идейный инвентарь. Пора подумать и съ полною искренностью объявить, чему научили насъ испытанія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, какія именно поправки успѣли мы за это время внести въ свое міросозерцаніе путемъ труднаго процесса самоопредѣленія,—словомъ, во имя какихъ идеаловъ работаемъ мы теперъ. Есть люди, полагающіе свое достоинство въ томъ, что они—*semper eadem*, что они при всевозможныхъ кризисахъ ничего не забываютъ изъ доктринъ, усвоенныхъ въ юности, и ничему новому не учатся. Эта мнимая стойкость въ равъ принятой или навязанной извнѣ доктринѣ свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ только о полной окаменѣлости мысли. Плохъ тотъ еврей, кого тяжелыя народныя испытанія послѣдней эпохи ничему не научили, не побудили къ тщательной провѣркѣ своихъ партійныхъ убѣжденій, къ самоиспытанію, къ углубленію своихъ національныхъ воззрѣній. И еще плоше тотъ, кто изъ ложнаго самолюбія не желаетъ признаться въ томъ, чему научило его болѣе зрѣлое размышленіе, и продолжаетъ наружно исповѣдывать вѣру, отъ которой онъ въ душѣ отрекся.

Одна изъ причинъ незрѣлости или туманности нашихъ идейныхъ направленій заключается въ отсутствіи *исторической перспективы*, которое замѣчается даже въ доктринахъ, выступающихъ подъ флагомъ націонализма. Одни знаютъ еврейство только «со вчерашняго дня» и имѣютъ очень смутное понятіе о его историческомъ развитіи; другіе часто говорятъ о нашей многовѣковой исторіи, но очень рѣдко примѣняютъ ея опытъ къ дѣлу. У насъ принято обыкновенно опредѣлять всю будущность народа съ точки зрѣнія текущихъ событій, а не съ точки зрѣнія всей совокупности моментовъ, пережитыхъ еврействомъ. Наши «новообращенные» всѣхъ оттѣнковъ наблюдаютъ драму еврейской исторіи только

съ пятого акта и воображаютъ, что это-то и есть начало драмы. Одна какая-нибудь случайность способна или привести ихъ въ отчаяніе, или внушить имъ несбыточныя надежды. Они рѣдко спрашиваютъ себя: не повторялись-ли факты, подобные переживаемымъ нынѣ, въ предъидущія эпохи нашей исторіи и каковы были результаты этихъ фактовъ? Ихъ философія исторіи не охватываетъ больше двухъ-трехъ ближайшихъ къ намъ десятилѣтій. Потомки старѣйшаго историческаго народа, они часто поступаютъ такъ, какъ еслибы у этого народа не было никакого прошлаго, никакого историческаго опыта.

Провѣрить нашъ запасъ высшихъ принциповъ и выяснить, какіе изъ нихъ должны служить руководящими въ нашемъ народномъ дѣлѣ; ввести историческую перспективу въ оцѣнку современныхъ теченій еврейской жизни и, наконецъ, отъ времени до времени откланиваться на вопросы дня, поскольку они касаются нашего національно-духовнаго бытія, — таковы задачи нижеслѣдующихъ «Писемъ».

ПИСЬМО I.

О еврейскомъ духовно-историческомъ націонализмѣ.

Замѣчательное сходство представляютъ собою судьбы двухъ основныхъ идей, играющихъ первостепенную роль въ развитіи человѣчества: идеи *религіозной* и идеи *національной*. Обѣ эти идеи и соответствующія имъ чувства долгое время превратно понимались въ кругахъ передовыхъ людей, выступавшихъ подъ знаменемъ раціонализма. Популярная философія XVIII вѣка, опиравшаяся на отвлеченный разумъ и не принимавшая во вниманіе всѣхъ прочихъ сторонъ человѣческой души, огульно осуждала все религіозное міросозерцаніе, какъ продуктъ первобытнаго ребяческаго мышленія или средневѣковаго невѣжества. Позитивизмъ XIX вѣка сдѣлалъ то-же самое во имя «положительной науки»: онъ объявилъ весь «теологическій фазисъ» мышленія сплошнымъ заблужденіемъ, искорененіе котораго составляетъ условіе человѣческаго прогресса. Непривлекательныя догматическія формы, въ которыя часто облекалась религіозная идея въ ущербъ самой себѣ, отталкивали отъ нея

людей, дорожившихъ свободою мысли. Но эти люди не замѣчали, что сами они, въ своихъ сужденіяхъ о религіи, не свободны отъ ложной ассоціаціи идей, смѣшивающей сущность явленія съ его случайными формами. Ни энциклопедисты «вѣка разума», ни позитивисты вѣка пара и электричества не замѣчали, что самый протестъ ихъ противъ религіи есть тоже продуктъ извѣстнаго фазиса мышленія, столь-же односторонняго какъ то, что они подразумѣвали подъ «теологическимъ фазисомъ». Они выдвигали противъ стараго тезиса, коренившася въ чувствѣ, новую антитезу, коренящуюся въ разумѣ, и не знали, что существуетъ еще синтезъ, который, если не примиряетъ, то по крайней мѣрѣ объясняетъ противоположныя требованія этихъ двухъ сторонъ психическаго естества. Къ такому синтезу ведетъ болѣе зрѣлая философія, основанная на знаніи законовъ человѣческой души. Послѣ долгихъ блужданій по дебрямъ мистицизма и раціонализма, люди, способные къ глубокому мышленію, поняли, что религіозное чувство въ своей сущности не есть нѣчто навязанное извнѣ, не печальное историческое недоразумѣніе, а нѣчто присущее душѣ, составляющее, въ томъ или другомъ видѣ,—въ формѣ ли положительной догмы или стремленія къ постиженію непознаваемаго, — неотъемлемую потребность человѣческаго сознанія во всѣхъ его фазисахъ. По мѣрѣ распространенія этой истины, религіозное міросозерцаніе перестаетъ быть предметомъ логическихъ словопреній, а становится предметомъ психологическаго изслѣдованія. Съ этимъ міросозерцаніемъ считаются, какъ съ естественнымъ фактомъ, регулирующимъ извѣстныя стороны жизни индивидуальной и общественной. Отъ психической основы религіознаго чувства отдѣляются путемъ анализа тѣ историческія формы, въ которыя оно въ ту или другую эпоху облекалось, причемъ однѣ формы признаются сравнительно простыми и близкими къ названной основѣ, другія — болѣе искусственными и нежелательными. Сущность-же религіознаго сознанія или точнѣе — религіозной потребности остается вѣчнымъ, неоспоримымъ фактомъ даже для тѣхъ, которые не находятъ нужнымъ облекать эту сущность въ какія-бы то ни было внѣшнія формы.

Нѣчто подобное произошло и въ новѣйшей эволюціи націо-

нальной идеи. Тутъ также смѣшивали естественную сущность этой идеи съ тѣми искусственными, подчасъ непривлекательными формами, въ которыхъ она проявлялась и донинѣ еще проявляется въ различныхъ странахъ. Въ области теоріи понятіе о національности сдѣлалось достояніемъ не психологовъ, а юристовъ и политиковъ, которые опредѣляли это понятіе формально и по большей части пристрастно, въ духѣ той или другой политической доктрины. На практикѣ націонализмъ встрѣчалъ то одобреніе, то порицаніе, смотря по тому, въ какихъ формахъ онъ проявлялся. Национальной идеѣ аплодировали, когда она вызывала такіа отрадныя историческія движенія, какъ освобожденіе Греціи и балканскихъ славянъ изъ-подъ турецкаго ига, объединеніе Италіи и т. п. Но ту-же идею рѣзко порицали и осуждали на смерть, когда она находила свое выраженіе въ непривлекательныхъ явленіяхъ, имѣющихъ реакціонный характеръ. До сихъ поръ еще многіе отождествляютъ сущность націонализма съ двумя его отрицательными формами: съ государственнымъ *народничествомъ* и съ такъ называемымъ *шовинизмомъ*. Государственное народничество признаетъ только націонализмъ господствующей въ данномъ государствѣ народности и стремится къ обезличенію подчиненныхъ ей національныхъ группъ путемъ насильственной ассимиляціи. Шовинизмъ, или грубый національный эгоизмъ съ примѣсю самодовольства и самохвальства, свойственъ преимущественно торжествующимъ политическимъ націямъ и является слѣдствіемъ искусственнаго подъема патріотическаго чувства; онъ тѣсно связанъ съ милитаризмомъ и имѣетъ всѣ дурныя стороны своего союзника. Эти двѣ отрицательныя формы націонализма, изъ коихъ первая (государственное народничество) порождаетъ печальную реакцію во внутренней политикѣ, а вторая (шовинизмъ) — въ международной, до сихъ поръ отталкиваютъ отъ національной идеи многіхъ свободолюбивыхъ людей. Послѣдніе находятъ націонализмъ началомъ ложнымъ или вреднымъ, противнымъ высшей общественной этикѣ. Иные просто упраздняютъ національный фазисъ, какъ упраздняли позитивисты «теологическій фазисъ». Эти явные или скрытые космополиты не видятъ, что отождествлять націонализмъ съ узкимъ народничествомъ и тѣмъ болѣе съ шовинизмомъ — все равно, что отождествлять

религіозное сознание съ іезуитствомъ или мотивами средневѣковой инквизиціи. Они не отличаютъ произвольнаго народнаго *этноизма* отъ естественнаго народнаго *индивидуализма*... Но въ этому смѣшенію понятій наступаетъ конецъ. Нынѣ начинаютъ сознавать, что національное чувство въ своей сущности не есть нѣчто случайное, навязанное извнѣ, а нѣчто присущее, въ большей или меньшей степени, душѣ cadaго члена культурно-исторической группы. Это чувство, какъ всякая сила психической природы, можетъ быть орудіемъ и зла и добра, вырожденія и возрожденія, смотря по тому, какъ и для чего имъ пользуются; но во всякомъ случаѣ оно остается естественною основою народнаго бытія, пока вообще въ мірѣ существуютъ отдѣльныя народности.

Попытаюсь опредѣлить сущность національной идеи съ единственно объективной точки зрѣнія — историко-психологической, оставляя въ сторонѣ различныя условныя опредѣленія, выработанныя правовѣдами и политиками.

Мнѣ приходится дать опредѣленіе идеи національности, въ виду ея сложности, не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ тезисахъ.

1) Нація есть культурно-историческая группа, которая, въ силу своего происхожденія и условій своего развитія, имѣетъ извѣстныя черты характера, извѣстный складъ умственныхъ и нравственныхъ способностей и запасъ историческихъ традицій, отличающіе ее отъ другихъ однородныхъ группъ, — словомъ, составляетъ характерную собирательную *личность*.

2) Пока эти отличительныя особенности присущи собирательной личности, именуемой націей, послѣдняя продолжаетъ существовать въ видѣ самобытной единицы среди другихъ націй и не сливается съ ними.

3) Национальныя особенности (т. е. черты характера, душевный складъ и общія традиціи) образуются путемъ самостоятельной эволюціи: а) расовой, б) политической, в) культурно исторической, г) духовной и въ частности религіозной.

4) Націей, поэтому, можетъ быть названа всякая народность, которая прошла черезъ извѣстныя фазисы сознательнаго историческаго развитія въ прошедшемъ, имѣетъ свои особенныя, унаслѣдованныя отъ этого прошедшаго, интересы въ на-

стоящемъ, и стремится сохранить свое единство и самобытность въ будущемъ.

Будемъ доказывать послѣдовательно каждый изъ этихъ четырехъ тезисовъ.

Согласно первому тезису, націонализмъ есть въ сущности *индивидуализмъ* известной *собирающей личности*. На эту естественную почву я желалъ-бы поставить занимающій насъ вопросъ. Подобно тому, какъ характеръ каждаго отдѣльнаго чловѣка является до известной степени продуктомъ болѣе или менѣе продолжительной родовой наслѣдственности, такъ и характеръ націи является результатомъ ея исторической наслѣдственности. Чѣмъ сложнѣе и своеобразнѣе эта историческая наслѣдственность, тѣмъ устойчивѣе національный типъ и характеръ, тѣмъ выразительнѣе народная индивидуальность. Отрицать или игнорировать собирающую индивидуальность такъ же недѣло, какъ отрицать или игнорировать индивидуальность единичной личности, т. е. оспаривать естественный фактъ. Стремиться искусственными мѣрами сглаживать типическія различія между національностями — значитъ совершать насиліе противъ естественнаго хода развитія. Оставляя каждому отдѣльному чловѣку въ обществѣ его индивидуальность, мы должны оставлять каждой націи, сознающей себя таковою, ея индивидуальность въ сонмѣ народовъ. Въ интересахъ общезитія, требуется только подчиненіе личности известнымъ законнымъ требованіямъ общества, а не обезличеніе ея; внѣ этихъ законныхъ требованій общезитія личность свободна и развивается согласно своимъ внутреннимъ наклонностямъ. Таково же должно быть положеніе націи въ международномъ общезитіи. Обезличеніе всегда вредно, касается-ли оно отдѣльнаго чловѣка или цѣлой народности. Оно отрываетъ данную особь отъ ея духовно-исторической почвы, гдѣ она пустила корни и питается своими естественными соками, и пересаживаетъ ее на чужую почву, гдѣ ея производительность или сокращается или совершенно прекращается. Говорятъ, что современная культура по необходимости ведетъ къ обезличенію націй. Если такъ, то это безъ сомнѣнія — одно изъ величайшихъ золъ, какія культура приноситъ намъ вмѣстѣ съ своими благами, — и противъ такого зла слѣдуетъ всѣми силами бороться. Куль-

турная нивелировка единичныхъ личностей въ обществѣ приводитъ къ прогрессивному ослабленію характеровъ, къ исчезновенію оригинальности, къ тому, что нѣмцы называютъ выразительнымъ словомъ *Verflachung* (дѣлать плоскимъ, обезцвѣчивать). Къ тому же привело-бы и обезцвѣченіе національныхъ типовъ. Но, къ счастью, опасность не такъ велика. Старыя и характерныя націи не поддаются процессу культурнаго обезличенія. Англичане сохранили свою типичную фязіономію, свою оригинальность и природную энергію, несмотря на то, что они сами стоятъ на высшей ступени общечеловѣческой культуры. Сохранили и сохраняютъ свою типичность и другія европейскія націи, живущія при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ.

Самымъ разительнымъ доказательствомъ живучести національнаго типа, обладающаго сильной исторической закваской, можетъ служить то, что свою индивидуальность сохранилъ еврейскій народъ, оторванный уже больше восемнадцати вѣковъ отъ своей политической почвы и расвѣянный по всему міру. Еврейскій національный характеръ утратилъ тѣ черты, которыя придавала ему нѣкогда самостоятельная политическая жизнь; но онъ сохранилъ тѣ болѣе глубокія черты, которыя развились въ немъ путемъ самостоятельной духовно-исторической эволюціи, не прекращающейся до настоящаго времени. Слѣдуетъ-ли радоваться этому явленію? Безъ сомнѣнія. Человѣчество, въ которомъ запасъ оригинальности съ каждымъ вѣкомъ прогрессивно уменьшается, много потеряло бы, еслибы изъ его среды исчезъ этотъ оригинальнѣйшій феноменъ, именуемый еврействомъ. Есть еще и теперь близорукіе люди, которые считаютъ такое раствореніе евреевъ среди другихъ народовъ возможнымъ и желательнымъ. Они не замѣчаютъ, сколько несообразности въ этой мысли — ассимилировать націю, предки которой стояли у подошвы Синая, съ потомками бритовъ, франковъ и скиновъ, которые 25 вѣковъ назадъ, въ эпоху пророка Іесая, занимали по отношенію къ еврейству такое же положеніе, какое нынѣ занимаютъ дикари Африки по отношенію къ англичанамъ или французамъ. Возможно-ли сліянiе собирательныхъ особей столь различныхъ историческихъ возрастовъ? Желательно-ли такое сліянiе? Не почув-

ствуетъ ли мыслящее человѣчество нѣкоторую душевную пустоту, когда со сцены исторіи сойдетъ народъ, бывшій героемъ мировыхъ историческихъ драмъ и творцомъ безсмертныхъ истинъ, исповѣдуемыхъ въ пяти частяхъ свѣта?

Впрочемъ, не однимъ своимъ прошедшимъ живетъ еврейство, какъ нація. Желаютъ или не желаютъ современные народы существованія еврейства, это существованіе есть неоспоримый фактъ въ настоящемъ и надолго обезпечено въ будущемъ. Оно обуславливается психологическимъ закономъ, выраженнымъ во второмъ изъ приведенныхъ тезисовъ: «Пока извѣстныя отличительныя особенности присущи собирательной личности, именуемой націей, послѣдняя продолжаетъ существовать въ видѣ самобытной единицы среди другихъ націй и не сливается съ ними». Еврейская нація живетъ и хочетъ жить, какъ таковая. Слѣдовательно, въ ней есть достаточная жизненная сила, поддерживающая ея существованіе. Кто же можетъ подавить эту жизненную силу, убить эту безсмертную національную душу? Не доказаль-ли уже двухтысячелѣтній историческій опытъ, что всѣ нелѣпыя попытки въ этомъ родѣ ни къ чему не могутъ привести?

Но какъ образуются тѣ характеристическія черты, которыя даютъ право извѣстной народной группѣ называться націей? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ третій изъ вышеприведенныхъ тезисовъ: «Национальныя особенности образуются путемъ самостоятельной эволюціи: расовой, политической, культурно-исторической, духовной и въ частности религіозной». Разсмотримъ подробнѣе каждую изъ этихъ эволюцій и постараемся опредѣлить ея долю участія въ образованіи національнаго характера.

Расовые признаки имѣютъ наибольшее значеніе въ первоначальной стадіи національнаго развитія. Когда народъ еще крѣпко привязанъ къ родной почвѣ, какъ дитя къ колыбели, когда онъ живетъ патріархально, придерживаясь простыхъ племенныхъ обычаевъ,—тогда онъ представляетъ собою «націю» только въ буквальномъ, *физическомъ* значеніи этого слова (*natus*—рожденіе; *natio*—погода, собраніе родственныхъ семействъ или племень). Его характеръ и наклонности складываются преимущественно подъ вліяніемъ физическихъ факторовъ, въ особенности же—почвы и климата. Такъ образуется основа,

субстратъ народной индивидуальности. Но въ позднѣйшіе моменты исторической жизни эти первоначальныя расовыя отличія становятся все менѣе и менѣе рѣзкими, такъ какъ внѣшняя культура, измѣняя и значительно смягчая воздѣйствіе почвы и климата на человѣка, тѣмъ самымъ ослабляетъ и продукты этихъ двухъ естественныхъ факторовъ, т. е. расовыя признаки. Послѣдніе вдобавокъ блѣднѣютъ передъ нарождающимися признаками высшаго порядка — политическими и духовными.

Политическій строй является другимъ важнымъ факторомъ національнаго развитія. Государственная жизнь воспитываетъ націю въ извѣстномъ духѣ. Одинаковая общественная дисциплина, одинаковыя права и обязанности (по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ каждаго сословія), сознание общности территориальныхъ интересовъ, одинаковыя отношенія къ сосѣднимъ государствамъ, по большей части враждебнымъ, — все это придаетъ членамъ политическаго агрегата извѣстныя общія наклонности. Понятіе объ *отечествѣ* служитъ объединяющею силою. Патріотическіе подвиги по временамъ поднимаютъ духъ народа. Преданія о такихъ подвигахъ образуютъ первоначальную основу историческаго сознанія. — Однако и политическій строй, вятый отдѣльно, не составляетъ еще высшей и самой прочной формы національнаго единенія. Возможны два случая: а) или народъ, сохраняя свою территорію и государственный строй, остается на низкой ступени развитія и держится только благодаря своему военному могуществу; такую варварскую націю можетъ уничтожить всякая грубая сила въ родѣ нашествія Тамерлана; в) или же народъ, достигшій извѣстной степени культурнаго и духовнаго развитія, теряетъ свою политическую самостоятельность, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда внѣшнее государственное единство исчезаетъ, цѣлость націи можетъ поддерживаться только внутренними силами, то есть *культурно-историческими* и *духовными*.

Эти внутреннія силы, собственно говоря, являются самыми существенными средствами народнаго объединенія и при политической независимости. Послѣдняя есть только внѣшняя оболочка для сохраненія культурной и духовной самостоятельности

народа. Одинаковыя историческія воспоминанія, привычки, влеченія, чувства, вѣрованія и нравственные идеалы, какъ результатъ народнаго творчества—вотъ что связываетъ членовъ одной и той же націи самыми крѣпкими узами. Это то мы и называемъ народнымъ духомъ. Эту то духовную индивидуальность и отстаиваетъ каждая нація, озядающая самосознаніемъ, когда ей грозитъ опасность отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. Когда Германія въ началѣ нынѣшняго вѣка стояла подъ игомъ Наполеона I, а нѣсколько позже Италія—подъ игомъ Австріи, то нѣмцы и итальянцы сокрушались не только о томъ, что они находятся подъ чужимъ владычествомъ (последнее было для нѣмцевъ, напримѣръ, гораздо легче владычества ихъ собственныхъ деспотическихъ князей), но главнымъ образомъ о томъ, что иноземцы вносятъ въ ихъ внутреннюю жизнь чуждые порядки, нравы и обычаи. Чувствуя весь позоръ униженія, обѣ покоренныя націи сознавали, что въ ихъ жизнь внезапно ворвалась чуждая сила, не имѣющая ничего общаго съ ихъ историческими преданіями, національными вкусами, стремленіями и надеждами. Въ освободительныхъ національныхъ войнахъ Германіи и Италіи сказалась непреодолимая мощь народной индивидуальности, потребовавшей для себя свободнаго, естественнаго развитія. Для сохраненія этого драгоценнаго ядра—индивидуальной свободы націи—потребовалось въ данныхъ случаяхъ отвоевать свою политическую независимость. Но бываютъ случаи, когда нація вынуждена надолго или даже навсегда отказаться отъ предохранительной оболочки политической независимости. Такой именно моментъ и служить пробнымъ камнемъ крѣпости національнаго чувства. Если данная народность, путемъ долгаго культурно-историческаго развитія, настолько окрѣпла духомъ, что чувствуетъ въ себѣ силу держаться въ качествѣ самобытной духовной единицы даже при отсутствіи политической самостоятельности и территориальной цѣлости, — то такая народность достигла высшей ступени національной эволюціи. Это—ярко выраженная собирательная индивидуальность, которую обезцвѣтить нельзя. Жидкое тѣло нуждается въ сосудѣ, отъ котораго получаетъ свою форму; но та же жидкость, затвердѣвъ и превратившись въ кристаллъ, не нуждается въ сосудѣ. Есть народности, ко-

торыя продѣляли этотъ процессъ кристаллизаціи и могутъ сохранить свою самобытность даже внѣ собственнаго государства и собственной территоріи. Къ такимъ именно націямъ высшаго порядка подходитъ опредѣленіе, заключающееся въ вышеприведенномъ 4-мъ тезисѣ: «Націей можетъ называться всякая народность, которая прошла черезъ извѣстные фазисы сознательнаго историческаго развитія въ прошедшемъ, имѣетъ свои особенныя, унаслѣдованныя отъ этого прошедшаго, интересы въ настоящемъ, и стремится сохранить свое единство въ будущемъ».

Къ числу упомянутыхъ націй высшаго порядка принадлежитъ еврейская нація, и къ ней въ наибольшей степени приложимо послѣднее опредѣленіе. Еврейство прошло черезъ всѣ перечисленные фазисы національнаго развитія. Преобладаніе расоваго начала въ еврейскомъ народномъ типѣ замѣчается въ первобытныя эпохи патриарховъ, египетскаго рабства и судей. Политическій элементъ беретъ верхъ въ эпоху іудейскихъ и израильскихъ царей и, послѣ значительнаго перерыва, въ эпоху Хасмонеевъ и борьбы съ Римомъ. Но уже въ обѣ эти эпохи съ политическимъ началомъ сильно соперничаетъ *духовное*, которое находилось въ зародышѣ во время преобладанія расоваго элемента, достигло блестящаго расцвѣта въ эпоху пророковъ и устремилось къ господству въ концѣ періода второго храма. Пророки впервые провозгласили еврейство *духовною націей*, могущей существовать и безъ политической независимости (хотя они и дорожили послѣдней, и вѣрили въ будущее политическое возрожденіе). Подъ «духовностью» профетивмъ подразумѣвались не нѣсколько узкихъ догматовъ, а цѣлое религіозно-нравственное и историческое міросозерцаніе, превосходящее по своей широтѣ все, что когда либо было создано въ области религіи и этики.

Пророки были универсалистами, но не космополитами: они проповѣдывали, что національная задача еврейства состоитъ въ распространеніи истиннаго богопознанія и истинной нравственности между народами, но они нигдѣ не говорили, что для этого Израиль долженъ отречься отъ своего національнаго я и слиться съ другими народами. Напротивъ, они глубоко вѣрили въ историческое безсмертіе еврейской націи: они не были національными

эгоистами, но были сильными національными индивидуалистами. Въ концѣ эпохи второго храма явились новые проповѣдники идеи духовнаго націонализма, уступавшіе впрочемъ пророкамъ въ широтѣ міросозерцанія. Когда іудейская масса отчаянно боролась съ Римомъ за свою политическую независимость, боясь съ утратою этой независимости лишиться своихъ національныхъ устоевъ, — духовные вожди народа твердили, что еврейство, какъ духовно-историческая нація, не погибнетъ даже если будутъ разрушены Іерусалимъ и храмъ. Жизнь оправдала эти надежды. Евреи, лишившіеся отечества и повсюду разсѣянные, уцѣлѣли какъ сильная духовная нація. Отъ гоненій и преслѣдованій еврейство только укрѣплялось, въ неустанной борьбѣ характеръ его закалялся. Этотъ удивительный народъ пропиталъ себя такимъ духовнымъ составомъ, который не даетъ ему раствориться среди другихъ народовъ.

Тѣ, которые говорятъ, что еврейство есть не нація, а только религіозная группа, совершаютъ серьезную логическую ошибку, смѣшивая сущность даннаго понятія съ однимъ изъ его преобладающихъ признаковъ. Да, религія является дѣйствительно, особенно для массы, характернѣйшимъ признакомъ и сильнѣйшимъ устоемъ еврейскаго націонализма. Но сущность послѣдняго кроется, какъ уже сказано, во всей совокупности чертъ, составляющихъ народную индивидуальность; а между этими чертами есть много такихъ, которыя имѣютъ отношеніе и ко всемъ другимъ душевнымъ эмоціямъ, помимо религіозныхъ. Къ такимъ эмоціямъ принадлежатъ: сознаніе общности происхожденія (эмоція родственности), общности историческихъ судебъ и воспоминаній (эмоція сочувствія), и естественное стремленіе оставаться на почвѣ исторической наслѣдственности... Впрочемъ, станемъ даже на минуту на точку зрѣнія массы и скажемъ, что *іудаизмъ* есть единственная причина существованія еврейскаго народа. Но что такое *іудаизмъ*? Развѣ это *только* религія, совокупность нѣсколькихъ догматовъ и вѣрованій? Нѣтъ, *іудаизмъ*—это цѣлое міросозерцаніе, въ которое входятъ элементы религіозные, историческіе, этическіе, культурные, философскіе и, если хотите, даже политическіе съ мистическимъ отгѣнкомъ (мессіанизмъ). *Іудаизмъ* самъ былъ продуктомъ еврейскаго національнаго характера и многовѣковой истори-

ческой эволюціи. Въ различныя эпохи онъ принималъ различныя формы, примѣняясь къ потребностямъ народа, подчиняясь могучему инстинкту національнаго самосохраненія. Слѣдовательно, іудаизмъ не причина, а *результатъ* національнаго существованія еврейства. Это — духъ націи, ея (или лучшею частью ея) вырабатываемый и ее же поддерживающій. Нація существуетъ, какъ существуетъ индивидъ: потому что въ ней есть жизненная сила, самобытность, стремленіе жить по своему; іудаизмъ же есть одинъ изъ главныхъ атрибутовъ ея.

Масса видитъ этотъ атрибутъ, но не видитъ сущности и думаетъ, поэтому, что еврейство есть только группа лицъ, исповѣдующихъ іудейскую религію. Отсутствие въ еврействѣ обычнаго внѣшняго признака націи—политической самостоятельности—укрѣпляетъ въ этой поверхностной мысли даже многихъ мыслящихъ людей. Они не замѣчаютъ, какъ несообразно мнѣніе, нивводящее еврейскую народность на степень простой религіозной группы, въ родѣ методистовъ или старообрядцевъ. Вѣдь съ этой точки зрѣнія еврей невѣрующій долженъ перестать быть членомъ еврейской націи, а между тѣмъ на нашихъ глазахъ десятки тысячъ евреевъ свободомыслящихъ остаются все-таки евреями, то-есть членами не еврейской «религіозной группы», а именно еврейской націи. Моисей Мендельсонъ, создавшій формулу: «Еврейство—религіозная группа», еще не зналъ этого новаго типа евреевъ «безъ догмата», или зналъ его въ видѣ рѣдкаго исключенія. Онъ помнилъ только старый режимъ, когда еврей, отрекавшійся отъ своей вѣры, принималъ христіанство или исламъ и отрекался также отъ своей націи (средне-вѣковые ренегаты etc.). Живи Мендельсонъ въ XIX вѣкѣ, онъ, вѣроятно, постигъ-бы, что національное чувство въ еврей нельзя отождествить съ религіознымъ чувствомъ.

Предоставимъ вѣрующей и не анализирующей массѣ думать, что еврейская національность и религіозность — одно и то-же. Въ этой односторонности мышленія—тайна необычайной стойкости массоваго еврея. Пусть онъ приписываетъ религіи то, что слѣдуетъ отнести на долю исторической наслѣдственности во всѣхъ ея видахъ, то, что безсознательно живетъ во всемъ его душевномъ и даже физическомъ складѣ Пусть довольствуется одностороннимъ самосознаніемъ, пока ему не доступно

самосознание полное и ясное. Но для мыслящаго и образованнаго еврея послѣднее обязательно. Такой еврей долженъ сознавать себя членомъ тысячелѣтними развивающагося историческаго организма, который кромѣ законовъ, общихъ развитію всякаго народа, имѣетъ и свои особенные законы внутренней эволюціи. Мы—члены своеобразной духовно-исторической націи, доказавшей свою способность жить и безъ государственной самостоятельности. Нашъ связываетъ нѣчто болѣе прочное, чѣмъ политическое единство: единство происхожденія, общность историческаго развитія, преданій, воспоминаній о прошломъ, чаяній въ будущемъ, — словомъ, общія индивидуальныя черты и чувства, присущія всему недѣлимому, именуемому еврействомъ. «Вслѣдствіе однородности пережитыхъ еврействомъ историческихъ судебъ, въ душѣ цѣлаго ряда поколѣній вѣками накоплялись однородныя-же впечатлѣнія, совокупность которыхъ извѣстнымъ образомъ кристаллизовалась и образовала то, что можно называть *душевымъ складомъ* еврейской націи»¹. Исторія выработала подъ нами извѣстную духовную почву: развиваясь дальше на этой почвѣ, мы попрежнему будемъ народомъ полнымъ своеобразныхъ творческихъ силъ; отрываясь отъ этой почвы, мы теряемъ свою индивидуальность и ту богатую силу производительности, которая свойственна всякому растенію только на его естественной почвѣ. Впрочемъ, опасаться такого исхода пока нѣтъ оснований. Еврейство (не только ортодоксальное, но и свободомыслящее) доказало, что оно вовсе не склонно къ такому національному самоубійству. Оно живетъ и хочетъ жить въ качествѣ органическаго цѣлаго, въ качествѣ недѣлимаго духовнаго члена въ человѣчествѣ.

Я чувствую, что еще не все сказала въ защиту своихъ тезисовъ. Меня, между прочимъ, могутъ обвинить въ томъ, будто я допускаю возможность существованія еврейской націи безъ іудаизма, въ силу однихъ только историко-психическихъ факторовъ. Я рѣшительно протестую противъ такого обвиненія. Какъ уже сказано выше, еврейская народная масса всегда будетъ отождествлять свое національное чувство съ религіознымъ, такъ какъ нельзя допустить, чтобы въ массѣ когда-либо раз-

¹ „Что такое еврейская исторія?“, Восходъ, 1893 г., кн. XI, стр. 121.

вился тонкій психическій анализъ, дозволяющій отличать невидимую сущность отъ видимаго атрибута. Мыслящій же еврей различаетъ и будетъ различать эти понятія: для него народная индивидуальность еврейства есть сущность, а іудаизмъ и другіе культурно-историческіе и духовные факторы — атрибуты ея. Составляетъ-ли іудаизмъ главный, важнѣйшій атрибутъ? Я уже выше отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно. Іудаизмъ, повторяю снова, есть не только религіозная система въ тѣсномъ смыслѣ, а совокупность религіозныхъ, этическихъ и философскихъ системъ, гдѣ каждый еврей, даже свободомыслящій, можетъ найти опору для своего міросозерцанія. Правовѣрный еврей признаетъ всю догматическую и обрядовую часть іудаизма съ ея историческими наслоеніями, въ той формѣ, какую придалъ ей раввинизмъ послѣднихъ вѣковъ. Еврей реформированный отбрасываетъ раввинскія и многія даже талмудическія предписанія и признаетъ лишь коренные догматы и обряды іудаизма. Сторонники богословскаго раціонализма могутъ найти удовлетвореніе въ еврейской религіозной философіи среднихъ вѣковъ. Свободомыслящій еврей, не желающій подчиняться догмамъ, можетъ найти высокое социальное-этическое міросозерцаніе въ ученіи библейскихъ пророковъ. *Пробстизмъ* съ его универсальными идеалами можетъ стать для него своего рода вѣроисповѣданіемъ ¹. Тѣ, которые цѣнятъ въ религіи преимущественно поэтическую ея сторону, найдутъ въ іудаизмѣ, библейскомъ и талмудическомъ, глубокую и трогательную поэзію, способную возбуждать въ сердцѣ человѣка самыя высокія эмоціи. Наконецъ, даже тѣ евреи, которымъ чужды религіозныя наклонности въ какой-бы то ни было формѣ, охотнѣе останутся подъ знаменемъ іудаизма, чѣмъ подъ какимъ-бы то ни было инымъ знаменемъ. Такіе люди, если они только искренны и не способны торговать своею совѣстью, не могутъ *по убѣжденію* измѣнить своей вѣрѣ въ пользу другой, ибо если рациональная іудейская догматика ихъ не удовлетворяетъ, то ихъ уже никакая другая догматика не удовлетворитъ. Они будутъ хотя-бы официально держаться іудаизма, за неимѣніемъ

¹ Попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ недавно покойный Дж. Дармштетеръ — искренній и вдумчивый писатель — въ своей прекрасной книгѣ: *Les prophètes d'Israel* (Paris, 1892).

религіи болѣе отвѣчающей ихъ философскимъ воззрѣніямъ. Это будетъ принадлежность къ *иудейству* не изъ положительныхъ, а изъ отрицательныхъ мотивовъ. Принадлежность же къ *еврейству*, какъ націи, будетъ и у невѣрующихъ имѣть тотъ же психическій источникъ, какъ у вѣрующихъ, — а именно естественное національное чувство, коренящееся въ духовно-исторической наслѣдственности.

Итакъ, *еврейскій народъ есть нація, стремящаяся и среди сохранить свою индивидуальность и самобытность. Но такъ какъ уже съ давнихъ поръ этотъ народъ лишенъ одного изъ матеріальныхъ признаковъ націи—единства государственнаго, то ею, для отличія отъ другихъ, слѣдуетъ признать націей духовно-исторической.* Отсутствие реальнаго политическаго элемента въ еврейскомъ націонализмѣ показываетъ не слабость, а необычайную силу послѣдняго. Национальное единство, которое уже почти двѣ тысячи лѣтъ держится безъ политической оболочки, а только силою народнаго духа, и держится при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, — такое единство должно быть признано прочнымъ и неизблемымъ.

Тутъ является новый рядъ вопросовъ. Совмѣстимо-ли признаніе еврейской національной идеи съ фактомъ пребыванія евреевъ среди другихъ націй? Не противорѣчитъ-ли это ихъ нормальному гражданскому положенію въ различныхъ государствахъ? Не возвѣщаетъ-ли еврейская національная идея новую форму общественно-бытоваго обособленія, на подобіе обособленія гетто?

Всѣ эти важные вопросы, которые должны перенести насъ изъ области теорій въ область современной дѣйствительности, будутъ предметомъ обсужденія въ ближайшихъ «Письмахъ».

С. Дубновъ.

Октябрь, 1897.

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

—
XVI¹.

Бланкъ сталъ рѣже бывать у Майгольдовъ. Во-первыхъ, все его время было поглощено работой, которая теперь правильно установилась и быстро двигалась впередъ. Во-вторыхъ, и это можетъ быть самое главное, Бланкъ сталъ замѣчать въ себѣ вѣчто такое, что его крайне встревожило и заставило разобратъся въ своихъ мысляхъ и чувствахъ. Поглощенный сперва борьбой за существованіе, потомъ борьбой съ самимъ собой, съ возникшими въ его душѣ сомнѣніями, увлеченный затѣмъ до самозабвенія наукой и тѣми грандіозными перспективами, которыя открывались его духовнымъ очамъ, Бланкъ не имѣлъ ни возможности, ни времени прислушиваться къ вопросамъ своего сердца. Живя въ тѣсномъ, точно заколдованномъ кругу своихъ занятій, онъ не зналъ ни страсти, ни увлеченій. Встрѣча съ Розой впервые пробудила молчавшія въ его сердцѣ струны и ихъ нѣжные, хотя робкіе звуки вскружили ему голову. Въ Бланкѣ вдругъ проснулись его юношескія воспоминанія, когда онъ, весь дрожа отъ волненія, съ затаеннымъ дыханіемъ и сильно бьющимся сердцемъ, встрѣчалъ въ саду маленькую дѣвочку, которая смотрѣла на него такими ласковыми глазами. Ему тогда казалось, что онъ ее боится, даже ненавидитъ за то, что она причиняетъ ему столько волненій, но въ глубинѣ души онъ всегда жаждалъ встрѣчи съ нею. Теперь ему было ясно, какое чувство занимало его юношеское сердце. Это чувство никогда его не покидало даже въ то время, когда самый образъ Розы исчезъ изъ его памяти; оно только покоилось гдѣ-то

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

въ скрытомъ состояніи и теперь вновь проснулось и предстало предъ нимъ въ другомъ, преобразованномъ видѣ. Привыкшій къ точному и всестороннему анализу всѣхъ явленій, такъ или иначе занимавшихъ его, Бланкъ и на этотъ разъ не потерялъ самообладанія и критически отнесся къ своему чувству, которое продиктовало ему одно очень важное, вмѣстѣ съ тѣмъ и трудно исполнимое рѣшеніе—сойти съ дороги, по которой шла Роза. И это нужно было сдѣлать теперь, тотчасъ же, когда еще можно было бороться съ охватившими его чувствомъ. Бланкъ очень хорошо сознавалъ, какая пропасть отдѣляла его отъ Розы. Какъ сынъ Цицы онъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могъ бы рассчитывать получить руку Розы. Но если бы даже допустить, что Роза пойдетъ противъ воли родителей, то въ состояніи-ли она будетъ идти противъ вѣковыхъ предвзсудковъ. Бланкъ зналъ уже отчасти взгляды Розы на національные и религіозные вопросы, и онъ былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что никакія убѣжденія на Розу не подѣйствуютъ. Да и его собственная совѣсть никогда бы ему не позволила производить на нее давленіе и заставить ее поступить противъ ея убѣжденій. Самое лучшее, слѣдовательно, идти имъ разными дорогами. Но это рѣшеніе, принятое Бланкомъ, подвергалось сильнымъ колебаніямъ каждый разъ, когда ему по необходимости приходилось бывать у Майгольдовъ и встрѣчаться съ Розой. Тогда онъ совершенно забывалъ о своемъ рѣшеніи и всецѣло отдавался тому чувству, которое онъ такъ старался подавить въ себѣ. Отъ наблюдательности Розы не ускользнула эта перемѣна въ Бланкѣ, но она ничѣмъ не обнаруживала этого и только иногда незамѣтно бросала участливый взглядъ на молодого ученаго, какъ бы желая сказать ему, что и ей не легко на душѣ. Дѣйствительно, Роза тоже переживала тяжелый кризисъ, который по своей сложности требовалъ напряженія всѣхъ ея нравственныхъ силъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась домой, она чувствовала себя точно во вражескомъ станѣ. Никто ее не понималъ, и она никого не понимала. Ея взгляды и стремленія, даже до крайности смягченные компромиссами, встрѣчали скептическія улыбки окружающихъ и съ нею соглашались только въ угоду ей, но не изъ убѣжденія, не изъ желанія выбраться изъ душной и затхлой атмосферы, въ которой

всѣ они задыхались. Даже то маленькое дѣло, которое она затѣяла, чтобы хоть въ чемъ нибудь найти примѣненіе кипѣвшей въ ней энергіи, стремленію къ полезному труду, къ общенію съ ближними, — встрѣчало тысячи разныхъ препятствій, вызывало протесты, недоувѣріе. Замкнутая въ своей средѣ, Роза чувствовала себя отрѣзанной отъ всего остального міра, который знать ее не хотѣлъ, считалъ ее чужой, отверженной. Единственный человѣкъ, въ обществѣ котораго она чувствовала себя хорошо, который, подобно вѣстнику изъ далекихъ странъ, напоминалъ ей о существованіи иного, лучшаго міра, былъ Бланкъ. Но перемѣна, происшедшая съ нимъ въ послѣднее время, ее сильно огорчала. Ей не трудно было догадаться о причинѣ такой перемѣны, тѣмъ болѣе, что она сама пыталась къ нему нѣчто большее, чѣмъ дружеское чувство. Это открытіе ее нисколько не смутило и не испугало, но она, точно по взаимному соглашенію съ Бланкомъ, пришла къ тому же заключенію, что и онъ, вполне оцѣнивъ его деликатную и разумную тактику избѣгать по возможности встрѣчи другъ съ другомъ. Когда Бланкъ приходилъ къ матери, она рѣдко выходила къ нему и то всегда устраивала такъ, чтобы не оставаться съ нимъ наединѣ. Чаше всѣхъ у Майгольдовъ бывали теперь Беймъ и Мункинъ. Первый въ качествѣ признаннаго ухаживателя, второй въ качествѣ тайнаго поклонника и сотрудника Розы по дѣламъ кружка. Хотя послѣ извѣстнаго уже разговора между Розой и ея матерью, ни г-жа Майгольдъ, ни ея мужъ не возобновляли больше разговора о сватовствѣ молодого Бейма, тѣмъ не менѣе въ домѣ принимали молодого человѣка, какъ будущаго жениха Розы, и единственный протестъ, который себѣ позволяла Роза, выражался въ нѣсколько излишнемъ, по мнѣнію г-жи Беймъ и ея старшей дочери, вниманіи, которое она оказывала адвокату Мункину. Но молодой Беймъ этимъ не смущался и, не считая Мункина серьезнымъ для себя конкурентамъ, объяснял себѣ поведеніе Розы кокетствомъ и желаніемъ возбудить въ немъ ревность.

— О, я хорошо знаю натуру женщинъ, повѣрьте, — возражалъ онъ матери или сестрѣ, когда тѣ выставляли ему на видъ поведеніе Розы.

Молодой Беймъ, впрочемъ, имѣлъ еще одно основаніе игно-

ривать намеки матери и Генриетты, такъ какъ онъ ихъ считалъ не вполне безпристрастными въ этомъ вопросѣ, въ особенности сестру, которая была крайне недовольна тѣмъ, что Мункинъ ухаживаетъ больше за Розой, чѣмъ за нею. Только Зося относилась равнодушно ко всемъ этимъ явнымъ и тайнымъ пересудамъ, такъ какъ ея собственные интересы нисколько не были задѣты. Напротивъ, она никогда еще не считала себя такой свободной и самостоятельной, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ сталъ бывать у нихъ Бланкъ. Отвѣтный визитъ Бланка Бейму былъ встрѣченъ въ домѣ его родителей очень сочувственно. Всѣ дали ему очень прозрачно понять, что онъ желанный гость, и что Беймы стоятъ выше всякихъ предразсудковъ, умѣя цѣнить только талантъ и личныя достоинства человѣка. Генриетта держала себя нѣсколько сдержанно, такъ какъ она считала себя будущей невѣстой Мункина и ей было бы неприлично завлекать безъ цѣли человѣка. Но за то Зося со свойственной ей экспансивностью и наивной простотой явно ухаживала за Бланкомъ и, чтобы имѣть возможность поддерживать разговоръ съ ученымъ, она даже принялась за чтеніе серьезныхъ книгъ и статей, желая показать Бланку, что она вовсе не такая пустышка, какъ о ней говорятъ, и что подъ руководствомъ умнаго человѣка, она и сама станетъ умнѣе и серьезнѣе многихъ другихъ. Бланку нравилась наивная откровенность молоденькой дѣвушки, и онъ поддерживалъ въ ней пробудившееся стремленіе къ серьезному чтенію и труду. Для Зоси это въ особенности было полезно теперь, когда кружокъ, организованный Розой, приступилъ къ систематическимъ занятіямъ и часто сталъ собираться для совѣщаній то въ домѣ Майгольдовъ, то у Беймоъ. На этихъ собраніяхъ иногда присутствовалъ и Бланкъ, уступая настойчивымъ приглашеніямъ Зоси, но въ самомъ дѣлѣ съ тайной надеждой встрѣтиться съ Розой. Присутствіе Бланка придавало собраніямъ солидный характеръ и указанія его были очень цѣнны для юнаго кружка, но онъ разъ навсегда отказался отъ систематическаго участія въ преніяхъ, предоставляя эту честь Мункину, который поражалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ. Онъ даже до нѣкоторой степени сумѣлъ усыпить наблюдательность Розы и подкупить ее своей мнимой искренностью и любовью къ дѣлу.

Но за то Мункинъ былъ осторожнѣе, чѣмъ когда-либо, и нисколько не ошибался на счетъ положенія дѣлъ и той перемѣны, которую онъ подмѣтилъ во взаимныхъ отношеніяхъ Розы и Бланка. Съ Бланкомъ ему не удалось сойтись, какъ онъ рассчитывалъ, и съ перваго же визита онъ встрѣтилъ деликатный, но стойкій отпоръ. Ихъ знакомство не пошло дальше обмѣна визитами и затѣмъ обязательными или случайными встрѣчами то у Беймовъ, то у Майгольдовъ. Но это, впрочемъ, не мѣшало Мункину упорно преслѣдовать свою цѣль и интересоваться Бланкомъ и его дѣлами. Такимъ образомъ ловкому адвокату удалось узнать все, что касалось не только прошлаго и настоящаго, но и будущаго Бланка, и свѣдѣнія эти онъ оставилъ при себѣ, рѣшивъ воспользоваться ими, когда наступитъ нужный моментъ. А пока онъ удвоилъ свою бдительность. Болѣе всего его занимало охлажденіе между Розой и Бланкомъ. Роза не искала встрѣчи съ Бланкомъ, точно также и Бланкъ очевидно не предпочиталъ общества Розы и со всѣми были одинаково любезенъ и предупредителенъ и даже нѣкоторое предпочтеніе оказывалъ Зосѣ передъ всѣми. Тѣмъ не менѣе въ отношеніяхъ Бланка и Розы было что-то такое, что заставляло проникательнаго Мункина тревожиться болѣе чѣмъ когда-либо. Онъ даже на время совсѣмъ забылъ о Беймѣ, хотя послѣдній все болѣе и болѣе входилъ въ роль будущаго жениха, и его ухаживанія за Розой стали носить даже демонстративный характеръ. Но проникательный Мункинъ ясно видѣлъ, что Роза имъ нисколько не интересуется, и что она только въ такомъ случаѣ выйдетъ за него замужъ, если того потребуютъ какія нибудь экстраординарныя обстоятельства, вродѣ напр. разворенія Майгольда и пр. Но насколько Мункинъ былъ освѣдомленъ, дѣла Майгольда были въ блестящемъ состояніи и векселя его охотно принимались во всѣхъ банкахъ, слѣдовательно, съ этой стороны нечего было бояться до тѣхъ поръ, пока Роза сама не измѣнитъ своихъ отношеній къ Бейму. А пока ея вниманіе явно принадлежало ему, а тайно... Вотъ это-то послѣднее предположеніе и не давала Мункину покоя, хотя онъ старался утѣшить себя мысленно, что какъ бы дѣло далеко не зашло у нихъ, т. е. у Розы и Бланка, Роза все-таки не пойдетъ дальше известной границы и не рѣшится перешагнуть пропасть, ко-

торую самъ же Бланкъ вырылъ собственными руками. И вотъ, когда однажды Харнасъ зашелъ къ нему для обычнаго зондирования, онъ завелъ съ нимъ разговоръ о Бланкѣ.

— Вотъ вы все со мной носитесь, какъ съ писанной торбой,—посмѣиваясь, сказалъ онъ,—а толку мало. Я думаю, вы ужъ не одну пару подошвъ износили, бѣгая ко мнѣ.

— Что правда, то правда,—согласился Харнасъ.—Но вы такой славный и выгодный во всѣхъ отношеніяхъ женихъ, что я васъ не оставлю даже, если мнѣ придется босикомъ ходить къ вамъ.

Мункинъ схватился руками за голову.

— Попадите,—воскликнулъ онъ съ притворнымъ ужасомъ.

— Попадите и вы хоть ту дѣвушку, которая такъ васъ желаетъ.

— Но не любить?

— Ну, пусть «любить», если вамъ такъ это нравится.

— Но если я ее не люблю.

— Опять люблю,—въ отчаяніи воскликнулъ Харнасъ.—За чѣмъ это? Оба вы молоды, приданое прекрасное. Любовь не заставить себя ждать.

— Ну, мы не сговоримся. Я вамъ уже сказалъ свое...

— Но вѣдь то, что вы мнѣ сказали, невысказано. Вопросъ уже рѣшенъ родителями, и Беймъ скоро станетъ женихомъ.

— Тогда я сдѣлаю предложеніе Генриеттѣ.

Лицо Харнаса просіяло.

— Вотъ это по моему.

— А что же будетъ Зося дѣлать?

— Ужъ вы не беспокойтесь. У меня есть женихъ и для нея.

— Не Бланкъ-ли?

Харнасъ сдѣлалъ гримасу.

— Хотя онъ и значится у меня въ спискѣ,—сказалъ онъ пренебрежительно,—но ему труднѣе найти невѣсту, чѣмъ Нухиму Шрайеру.

— Кто это Нухимъ Шрайеръ?

— Водовозъ одинъ. Съ нимъ, впрочемъ, дѣло уже налаживается. Я ему сватаю двоюродную сестру Бланка.

— Родство не важное,—замѣтилъ Мункинъ.

— Да и самъ-то онъ не важный. Какую же ему невѣсту сватать.

— Нѣтъ, вы ужь черезчуръ. Бланкъ такой женихъ, что не смотря на его низкое происхожденіе, любая невѣста за него пойдетъ. Вотъ, хотя бы Зося Беймъ.

— Вы думаете?—тревожно спросилъ Харнасъ.

— Не думаю, а увѣренъ. Попробуйте.

— Боюсь даже пробовать. Г-жа Беймъ меня прогонитъ. Да и самъ Бланкъ, кажется, вовсе не думаетъ жениться.

— Тутъ ужь должно помочь ваше искусство. Вотъ меня вы же уговорили.

— Вы, дѣло другое. И то, сколько труда мнѣ стоило, пока я васъ наведъ на путь истинный.

— За то сразу разбогатѣте. Шутка-ли, сколько браковъ!. Я думаю отъ одного Нухима Шрайера сколько получите.

Такъ какъ Харнасу все равно нужно было зайти къ Ципѣ, чтобы условиться съ нею насчетъ смотринъ, которыя назначены были на субботу, то онъ между прочимъ рѣшилъ завести разговоръ и о Зосѣ Беймъ, какъ невѣстѣ для ея сына. До сихъ поръ въ разговорахъ съ Ципой, онъ, несмотря на ея приставанія, избѣгалъ прямыхъ отвѣтовъ, такъ какъ онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никого въ виду для Бланка, о Зосѣ же Беймъ онъ и думать не смѣлъ. Но намеки Мункина ободрили его, и онъ сообщилъ о своемъ планѣ Ципѣ, намекнувъ ей, что онъ въ этомъ дѣлѣ сильно рассчитываетъ на ея поддержку и что ей необходимо такъ или иначе повліять на сына. Видѣть сына своего женатымъ на дѣвушкѣ изъ благородной и богатой семьи было завѣтной мечтой Ципы. Понятно, съ какимъ восторгомъ она встрѣтила предложеніе Харнаса, которое во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяло ея честолюбіе. Но какъ заговорить объ этомъ съ сыномъ, предъ которымъ она чувствовала какой-то благоговѣйный страхъ. Наконецъ, съумѣетъ-ли она ему все объяснить какъ слѣдуетъ. Не спросить-ли чьегонибудь совѣта? И какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, она послѣ нѣкоторыхъ колебаній поднялась наверхъ къ Розѣ. На этотъ разъ ей было трудно подняться по крутой лѣстницѣ, такъ какъ волненіе усиливало ея обычную одышку, и когда она вошла въ комнату Розы, она совсѣмъ не могла говорить.

— Что съ тобой, старушка,—сказала Роза отложивъ книгу, которую читала, и ласково взглянувъ на Ципу.

— Ничего, старческое дѣло. Вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ по лѣстницѣ трудно стало подниматься.

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь? позвала бы, я бы сошла внизъ.

— Ты у насъ добрая. Да хранить тебя за это Всевышній.

Роза знала, что когда Ципа чѣмъ нибудь взволнована, она всегда начинала издалека и поэтому она ее прямо спросила.

— Что нибудь случилось? скажи.

— Ничего не случилось. А вотъ, если бы случилось...

— Да что же? говори толкомъ.

— Въ томъ то и бѣда, что не знаю. А то бы тебѣ все рассказала.—И Ципа глубоко вдохнула.

— Ну, давай я тебѣ помогу, — смѣясь сказала Роза. — У тебя съ мамой что нибудь вышло?

— Нѣтъ-же, совсѣмъ не то.

— Что нибудь относительно твоей племянницы?

— Что ей сдѣлается, этой кувалдѣ. Мой Александръ хорошо ее обезпечилъ. О себѣ бы лучше подумаль.

— Ты развѣ недовольна, что твой сынъ сдѣлалъ доброе дѣло?—съ упрекомъ сказала Роза.

— Почему же мнѣ быть недовольной. И сынъ мой, и племянница моя же. Харнасъ то же самое говорить. — Пускай, говорить, благодѣтельствуеть; за это я ему хорошую невѣсту высватаю.

Роза бросила тревожный взглядъ на Ципу.

— У тебя былъ Харнасъ? Онъ сватаетъ невѣсту твоему сыну?

— И знаешь кого? Зосю Беймъ.

Роза отшатнулась отъ старухи, и, вся блѣдная, нѣсколько мгновеній смотрѣла на нее не то съ недоумѣніемъ, не то ужасомъ. Наконецъ, она спросила.

— А твой сынъ знаетъ объ этомъ?

— Вотъ тутъ то и вся загвоздка,—взмахнувъ руками, проговорила Ципа.—Харнасъ совѣтовалъ мнѣ самой переговорить съ Александромъ. А я, сама знаешь, какая я говорунья. Вотъ я и пришла посоветоваться съ тобой. Счастье изъ рукъ не хочется упускать; ужъ партія больно хорошая.

Роза слушала Ципу точно въ туманѣ. Не смотря на все

свое самообладаніе, она не могла подавить въ себѣ охватившей ее сердечной тревоги. Ей казалось, что передъ нею разверзается страшная пропасть, въ которую вотъ, вотъ она упадетъ. Она не могла опредѣлить, что ее волнуетъ: ея задѣтое чувство, въ реальности котораго она сама себѣ боялась сознаться, или боязнь, что откроется тайна 'Бланка, тайна, которую онъ ей одной только довѣрилъ. Ей одной, развѣ этимъ онъ не доказалъ, что онъ ее отличаетъ отъ другихъ, что ее онъ считаетъ не такой, какъ всѣ. Но причеъ же тутъ въ такомъ случаѣ Зося Беймъ. Неужели она его интересуеъ? Но почему же нѣтъ? Она красива, кокетлива, остроумна. Она не скрываетъ, что онъ ей нравится. Да ей то самой какое до этого дѣло. А тайна, та тайна, которую онъ ей довѣрилъ. Развѣ она не обязана предупредить его. Но какая же это тайна?— Это вовсе не тайна, и онъ не думаетъ скрывать ничего. И глаза ея вдругъ упали на Ципу, эту несчастную старуху, которая всю свою жизнь лелѣяла одну единственную мечту, всю свою жизнь боролась съ тяжелыми невзгодами, терпѣливо переносила всевозможные удары судьбы, которая поддерживала себя лишь одной надеждой. И этой надеждѣ не суждено сбыться, и эта мечта разсѣется какъ утренній туманъ. У Розы сердце заныло отъ жалости. Она приблизилась къ Ципѣ и, взявъ ея толстыя морщинистыя руки въ свои, ласково, почти любовно заглянула ей въ глаза.

XVII.

— Вотъ, что Ципа; все что ты мнѣ сообщила, все это очень хорошо. Только ты сама не говори ничего сыну, и Харнаса попроси, чтобы онъ повременилъ. Предоставь все это мнѣ. Согласна? А теперь оставь меня, мнѣ нужно спѣшить. Я и такъ опоздала.

Розѣ, дѣйствительно, пора было отправляться на засѣданіе, которое было сегодня назначено въ домѣ Бейма. Приходъ Ципы отнял у нея много времени и теперь нужно было спѣшить. Роза наскоро одѣлась и вышла изъ дома. Мать проводила ее долгимъ и молчаливымъ взглядомъ. Она поощряла эти собранія, видя въ нихъ лучшій способъ для сближенія между молодыми людьми, а слѣдовательно для скорѣйшаго рѣшенія во-

проса, который и такъ уже порядочно затянулся. Закулисная сторона дѣла вся уже была оборудована, всѣ пункты детально разобраны, всѣ недоразумѣнія улажены. Недаромъ Харнасъ по десяти разъ въ день бѣгалъ то къ Бейму, то къ Майгольду, и надо ему отдать справедливость, съ тонкостью настоящаго дипломата велъ переговоры между двумя заинтересованными сторонами, которыя при встрѣчѣ еще до сихъ поръ и вида не подавали, что только часъ тому назадъ у нихъ былъ заочный споръ о томъ, кто сколько долженъ дать на обстановку молодымъ, или сколько выгвядныхъ платьевъ будетъ у невѣсты и т. д. Такъ требовали этикетъ и высшая политика, и ей давалъ тонъ Харнасъ, этотъ жалкій бѣднякъ, отъ котораго заработокъ вѣчно ускользалъ какъ отъ заблудившагося путника блуждающіе огни. Роза немного опоздала. Всѣ уже были въ сборѣ и только ждали ея прихода. На этотъ разъ собраніе было обставлено торжественнѣе чѣмъ всегда, такъ какъ ждали посѣщенія одного чиновнаго лица, хорошаго знакомаго Мункина, котораго послѣдній пригласилъ какъ юдофила и искренняго защитника гонимаго народа. Но чиновное лицо, повидимому, нашло для себя неудобнымъ присутствовать на засѣданіи, въ которомъ будутъ обсуждаться вопросы совѣмъ для него неинтересные, и онъ ограничился присылкой любовнаго письма на имя адвоката съ приличествующими случаю извиненіями. Вслѣдствіе ли этого письма или другой неизвѣстной причины, но Мункинъ былъ не въ духѣ, что въ свою очередь отразилось на настроеніи Генриетты. Она до того привыкла отождествлять свою особу съ особой адвоката, что считала неприличнымъ быть веселой въ то время, когда Мункинъ грустенъ. Она это назвала сродствомъ душъ и видѣла въ этомъ неострашимое доказательство того, что она и Мункинъ созданы другъ для друга. Но на этотъ разъ ея вѣра въ сродство душъ, по крайней мѣрѣ ея души съ душой адвоката, сильно поколебалось, такъ какъ при появленіи Розы настроеніе Мункина рѣзко переизмѣнилось къ лучшему. Генриетта сдѣлалась мрачнѣе ночи и изъ ея черныхъ глазъ посыпались искры. Но какъ благовоспитанная дѣвица, она сумѣла овладѣть собой и даже жѣпко поцѣловалась съ Розой, которая и не подозрѣвала, какая буря бушуетъ теперь въ сердцѣ ея подруги. Она искала

глазами Бланка, но его не было. Но за то она хорошо замѣтила горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ ожиданія глаза Зоси и рѣшила, что Бланка не будетъ. Это, впрочемъ, не замедлило ей подтвердить молодой Беймъ, который на этотъ разъ ни на шагъ не отставалъ отъ нея, занимая ее разговорами. Онъ явно соперничалъ съ Мункинымъ и хотѣлъ показать послѣднему, что симпатіи Розы на его сторонѣ. Поэтому онъ изощрялъ все свое остроуміе, чтобы развеселить Розу и вызвать улыбку на ея лицѣ. Но когда это ему не удалось, онъ рѣшилъ выдать тайну Зоси, хотя та его заклинала никому не рассказывать.

— Вы не замѣтили, что моя младшая сестренка сегодня совсѣмъ внѣ себя?—началъ онъ, кивнувъ въ сторону Зоси.

— Нѣтъ, не замѣтила,—сказала Роза и тутъ же ей стало неловко, что она солгала.

— Напрасно... Вы посмотрите на нее. Эта дурочка, кажется, влюблена... и въ кого бы вы думали,—въ этого ученаго, какъ его...

Роза бросила на Бейма презрительный взглядъ.

— И зачѣмъ вы говорите такія вещи!

— Вы сомнѣваетесь?—настаивалъ на своемъ Беймъ.—Могу васъ увѣрить, что это такъ. Бланкъ давно уже у насъ не былъ, и вотъ я по настоянію своей сестренки долженъ былъ сегодня заѣхать къ нему якобы съ приглашеніемъ на засѣданіе.

— Что же онъ обѣщаль пріѣхать?—едва сдерживая свое волненіе, спросила Роза.

Беймъ сдѣлалъ кислую гримасу.

— Въ томъ то и бѣда, что нѣтъ. Вотъ сестричка и тоскуетъ... Но я вполне ее понимаю. Я самъ сегодня пережилъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ.

— Вы?—и Роза посмотрѣла на его молодое выходенное лицо, на которое, казалось, никогда еще не спускалось ни одно мрачное облачко. Какой счастливичекъ!.. подумала она и у нея явилось непреодолимое желаніе огорчить его чѣмънибудь.

— Какія же тяжелыя минуты вы пережили?

— И вы еще спрашиваете! Вы опоздали всего на какихъ-нибудь 10—15 минутъ, но это время показалось мнѣ цѣлой вѣчностью.

— Вы боялись, что засѣданіе не состоится?

И подозвавъ глазами Мункина, который все время слѣдилъ за ней и Беймомъ, она ему, смѣясь, сказала:

— Я до сихъ поръ почему то думала, что вы самый ревностный членъ нашего кружка, но г. Беймъ васъ превзошелъ. Посмотрите, какой у него мрачный видъ. И все это оттого, что онъ боялся, что сегодняшнее засѣданіе не состоится.

— И тогда бы онъ васъ не увидѣлъ,—ядовито замѣтилъ Мункинъ.

Беймъ покраснѣлъ и злобно посмотрѣлъ на адвоката. Онъ хотѣлъ отмстить ему какимъ нибудь мѣткимъ замѣчаніемъ, но какъ на зло онъ не могъ придумать ничего такого, чѣмъ бы онъ сразу уничтожилъ своего соперника. Роза сжалилась надъ нимъ и пришла ему на помощь.

— Къ счастью, его ожиданія сбылись и въ этомъ отношеніи онъ счастливѣе васъ.

— Но позвольте, я никого не ждалъ,—нѣсколько смѣшавшись, проговорилъ адвокатъ.

— Да, съ той минуты, какъ вы получили записку...

Мункинъ былъ окончательно разбитъ къ величайшему удовольствію Бейма, который съ благодарностью и благоговѣніемъ смотрѣлъ на Розу, какъ на свою избавительницу отъ постыднаго пораженія. Но и Мункинъ не остался безъ защиты, которая явилась въ лицѣ негодующей Генриетты. Она напомнила молодымъ людямъ, что пора приниматься за дѣло, и этимъ положила конецъ невинной пикировкѣ, которая однако испортила достаточно крови обоимъ соперникамъ. Всѣ размѣстились вокругъ длиннаго стола, на этотъ разъ для большей торжественности покрытаго зеленымъ сукномъ. Роза сѣла рядомъ съ Беймомъ, чѣмъ вызвала улыбку счастья на скучающемъ лицѣ г-жи Беймъ, которая еще больше чѣмъ Мункинъ была огорчена отсутствіемъ чиновной особы. Г-жа Беймъ чувствовала большую слабость къ чинамъ и титуламъ и вообще ко всему, что отличалось показнымъ величіемъ. Потерять случай видѣть въ своемъ домѣ чиновную особу было, дѣйствительно, для нея большимъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что она заранѣе всѣмъ объявила объ этомъ событіи и сама приготовилась къ приему этой особы по всѣмъ правиламъ свѣтскаго этикета.

Теперь она должна была дѣлать видъ, что внимательно слушаетъ скучный рефератъ о начальномъ образованіи, который читалъ молодой, но суровый на видъ студентъ. Онъ былъ извѣстенъ въ кружкѣ за яраго націоналиста и служилъ предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ Мункина, который умѣлъ особенно удачно выставлять на видъ смѣшныя и слабыя стороны еврейскаго націонализма. Роза старалась слушать со вниманіемъ, но ей это не удавалось, такъ какъ рефератъ былъ составленъ крайне скучно и неумѣло. Къ тому же ея сосѣдь Беймъ все время не переставалъ рассыпаться передъ ней въ любезностяхъ. Къ довершенію всего, къ ней подсѣла Зося, занимавшая раньше мѣсто рядомъ съ референтомъ.

— Я нарочно перемѣнила мѣсто, чтобъ движеніемъ разогнать сонъ,—шепнула она Розѣ.—У меня вѣки совсѣмъ отяжелѣли.

Роза сочувственно кивнула ей головой.

— И вы находите, что скучно,—обрадовалась Зося и незамѣтно для другихъ пожала руку Розы. — Увѣряю васъ, что если у меня когда нибудь будутъ дѣти, я имъ ни за что не внушу тѣхъ идей, которыя проповѣдуетъ здѣсь нашъ почтенный референтъ. — Послѣднія слова она произнесла съ такимъ неподдѣльнымъ комизмомъ, что Розѣ стоило много усилий, чтобы не засмѣяться.

— Оппонируйте ему,—также тихо шепнула Роза.

— Я?—и большіе голубые глаза Зоси насмѣшливо засверкали.—Вотъ, еслибы мой ученый другъ былъ здѣсь.—И сдѣлавшись вдругъ серьезной, она спросила:

— Скажите, Бланкъ давно уже не былъ у васъ?

— Давно не былъ.

— Онъ и у насъ пересталъ бывать. Вы не знаете, что онъ дѣлаетъ?

— Нѣтъ, не знаю. — И чтобы прекратить разговоръ Роза сдѣлала видъ, что слушаетъ чтеніе. Зося тоже замолчала и задумалась. Чтеніе кончилось. Нѣкоторые изъ присутствующей молодежи стали оппонировать, завязался споръ, который немного оживилъ тоскующія лица. Г-жа Беймъ распорядилась объ угощеніи и вскорѣ на столѣ появились въ изобиліи прохладительныя напитки, сладости и фрукты. Споры продолжа-

лись, хотя присутствующіе теперь рассыпались на отдѣльные кружки. Мункинъ уживалъ за Генриеттой, такъ какъ Беймъ ни на шагъ не отходилъ отъ Розы. Нѣсколько разъ мимо нихъ проходила г-жа Беймъ и каждый разъ ласково кивала имъ головой. Роза была довольна, что ее не вовлекли въ дебаты. Она не любила пустыхъ споровъ и словопреній и предпочитала свѣтскую болтовню Бейма, на которую можно было и не отвѣчать вовсе или только изрѣдка неопредѣленными улыбками. Ея мысли были далеко отъ этихъ пустыхъ разговоровъ о роли націоналистовъ, сіонистовъ и т. п. народившихся партій, которыя сами по себѣ не имѣли никакой почвы для существованія и напоминали собой дѣтей, подражающихъ взрослымъ. Она искала настоящаго дѣла, живого и столь же необходимаго, какъ воздухъ и пища. Но въ настоящую минуту она и объ этомъ не могла думать. Ее не менѣе, чѣмъ Зосю, волновало отсутствіе Бланка, хотя мотивы, какъ ей казалось, были равные. Отправляясь на собраніе, она рассчитывала встрѣтить здѣсь Бланка и поговорить съ нимъ. Объясненіе съ нимъ она считала необходимымъ, такъ какъ только такимъ путемъ она въ состояніи будетъ предотвратить тѣ послѣдствія, которыя, какъ грозная туча, надвигались на нихъ всѣхъ. Отсутствіе Бланка огорчило ее, но не обезкуражило. Она рѣшила по приходѣ домой написать ему обо всемъ. Этотъ способъ объясненія казался ей даже болѣе удобнымъ и избавлялъ ее отъ излишнихъ тревогъ и волненій. Какъ только кончилось засѣданіе, она поспѣшила домой, отклонивъ настойчивое предложеніе Бейма и Мункина проводить ее. Оба поклонника Розы истолковали этотъ отказъ по своему, причѣмъ каждый въ душѣ былъ увѣренъ, что Роза ему только отказала изъ нежеланія обидѣть соперника. Роза же просто хотѣла быть одна и теперь менѣе всего думала о своихъ поклонникахъ. Она шла торопливой походкой, защищаясь зонтикомъ отъ сильно палящихъ лучей. Проходя по одной изъ отдаленныхъ аллей городского сада, она издали увидѣла Бланка, шедшаго ей на встрѣчу. Она на мгновеніе остановилась, не рѣшаясь идти дальше. Непонятное волненіе охватило ее, и сердце у нея такъ забилося, что она едва могла дышать. У нея даже мелькнула мысль свернуть въ боковую аллею, чтобы на этотъ разъ избѣжать встрѣчи, которой она сама такъ желала. Но Бланкъ ее

тоже замѣтилъ и поспѣшно направился къ ней. Отступленіе было невозможно. Роза сдѣлала надъ собой неимоверное усиліе, чтобы подавить свое волненіе, и это ей удалось. Когда Бланкъ приблизился къ ней, она встрѣтила его со спокойной, привѣтливой улыбкой.

— Какая неожиданная встрѣча,—сказала она, подавая ему руку.—Куда вы и откуда идете?

— По этой аллеѣ я всегда иду къ вамъ и возвращаюсь отъ васъ, — проговорилъ Бланкъ, дружески пожимая руку Розы. Лицо его было спокойно и только по легкому блеску его темныхъ глазъ не трудно было догадаться, какое удовольствіе ему доставила эта неожиданная встрѣча.

— Такъ вы были у насъ?—спросила Роза и тревожно взглянула на Бланка.—Кого же вы видѣли?

— Всѣхъ, кромѣ вашей маман. Ея нѣтъ дома.

— Кто же васъ занималъ?

— Сперва эту роль исполняла m-lle Гро, потомъ прибѣжала Клара, и мы все время съ ней дружески бесѣдовали.

— Отчего же вы не пришли къ Беймамъ? Тамъ васъ ожидали.— И Роза бросила испытующій взглядъ на Бланка, желая удостовѣриться, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова.

Но Бланкъ принялъ это замѣчаніе очень спокойно, не понявъ намека, скрытаго въ словахъ Розы.

— Не могъ. или, если уже сказать правду, не хотѣлъ. Мнѣ было гораздо пріятнѣе сидѣть у васъ въ саду и бесѣдовать съ Кларой.

— Однако, вы слишкомъ откровенны. Но не будемъ объ этомъ распространяться. Скажите лучше, куда вы теперь спѣшите?

— Я вовсе не спѣшу. Я очень радъ, что съ вами встрѣтился.

— И я рада,—неволью вырвалось у Розы. Но она сконфузилась и поспѣшно прибавила:—рада потому, что мнѣ хотѣлось съ вами кое о чемъ поговорить.

Бланкъ поклонился.

— Такъ вы не спѣшите и можете мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ? Въ такомъ случаѣ не присѣсть ли намъ, вотъ скамья.

Они оба молча направились къ стоявшей въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ нихъ скамьѣ и сѣли рядомъ. Бланкъ ждалъ со скрытымъ волненіемъ, что ему скажетъ Роза. Роза опять начала волноваться и видимо затруднялась, съ чего ей начать. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Мнѣ не совсѣмъ легко сказать вамъ то, о чемъ я собираюсь съ вами говорить — начала, наконецъ, Роза. — Можетъ быть мнѣ бы и вовсе не слѣдовало вмѣшиваться. Но разъ вы мнѣ оказали двѣрие, я полагаю, что съ моей стороны не будетъ навязчивостью, если я поговорю съ вами. Я только сегодня узнала отъ вашей матери... т. е. она пришла со мной посоветоваться насчетъ тѣхъ видовъ, которые вы имѣете на Зосю Беймъ...

Бланкъ широко открылъ глаза и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Розу.

— Видовъ, которыя я имѣю на Зосю Беймъ! — проговорилъ онъ, замѣтно ударяя на каждое слово. — И вы этому повѣрили, вы, которой я раскрылъ свою душу...

— Простите, вы меня не такъ поняли, — послѣшно проговорила Роза, видя, какъ сильно подѣйствовали на Бланка ея слова. — Я имѣла въ виду предупредить васъ. Можетъ быть вы ничего не знаете, что ваша мать и Харнасъ строятъ свои планы на вашъ счетъ и рано или поздно...

— Но вы знаете, что еслибъ даже Зося Беймъ мнѣ нрави-лась, то и тогда...

— Я это знаю, но тѣ не знаютъ...

Бланкъ бросилъ пристальный взглядъ на Розу и потомъ, какъ человѣкъ, котораго осяннула внезапная мысль, воскликнулъ:

— А, такъ вотъ что васъ тревожить!

И онъ вдругъ снова замолчалъ и на лицо его, за минуту передъ тѣмъ возбужденное и дышавшее тайной надеждой, легла грустная, страдальческая тѣнь. Какъ онъ жестоко ошибся. Онъ думалъ, онъ смѣлъ думать... Ему казалось... но вѣдь это жестокой самообманъ. Отъ него требуютъ совсѣмъ другого... Не онъ служить предметомъ тревоги, не его личность, не его душевный миръ интересуется эту дѣвушку, которая сидитъ рядомъ съ нимъ и подъ видомъ участія рветъ на части его больное сердце. Но чего же она въ такомъ случаѣ отъ него хочетъ. Зачѣмъ она смотритъ на него такимъ ласковымъ, участливымъ

взглядомъ? Зачѣмъ она говорить съ нимъ такимъ въ душу проникающимъ голосомъ? Онъ вдругъ встрепенулся и поднялъ голову, стараясь освободиться отъ тѣхъ тайныхъ чаръ, которыя опутали его своей густой сѣтью. Это ему на время удалось, и онъ почувствовалъ въ себѣ прежнюю силу и ясность духа. Теперь Роза ему не была страшна, и онъ готовъ былъ вступить съ нею въ борьбу, не боясь пораженія. Роза инстинктивно почувствовала эту переѣну въ настроеніи Бланка и мысленно рѣшила безропотно перенести тѣ упреки, которые вотъ вотъ незаслуженно посыплются на нее. Но за то она исполнить свой долгъ и предотвратить тѣ несчастья, которыя явятся слѣдствіемъ ложнаго положенія Бланка. Съ болью въ сердцѣ, но со спокойнымъ лицомъ она выдержала страдальческій и полный негодованія взглядъ Бланка и это послужило послѣдними сигналами къ взрыву. Бланкъ больше не могъ молчать.

— Благодарю васъ за ваше участіе, — сказалъ онъ съ замѣтной дрожью въ голосѣ. — Вы очень добры, въ этомъ я успѣлъ убѣдиться. Но чего вы собственно желаете отъ меня?

Роза бросила на него умоляющій взглядъ, но Бланкъ его не замѣтилъ и продолжалъ тѣмъ же взволнованнымъ голосомъ:

— Вы боитесь, что тѣ узнаютъ? Ну, пусть узнаютъ. Развѣ я дѣлаю тайну изъ себя, изъ своей жизни, изъ своихъ поступковъ... Я совершилъ шагъ вполне сознательно и обдуманно и каждому готовъ заявить объ этомъ. Но я развѣ обязанъ выйти на площадь и во всеуслышаніе кричать, что я совершилъ то-то и то-то? Наконецъ, какое мнѣ дѣло до плановъ какихъ то Беймовъ, Харнасовъ и имъ подобныхъ. У меня этотъ господинъ даже былъ уже разъ.

— Былъ?—вырвалось у Розы.

— Былъ... Но отчего вы такъ на меня смотрите... О, Роза, если бы вы хотя на мгновеніе отрѣшились отъ всего условнаго и заглянули въ мою душу съ тѣмъ теплымъ участіемъ на какое способно ваше сердце.

Онъ придвинулся къ ней и чуть-чуть коснулся ея руки.

— Послушайте, я знаю, чего вы боитесь. Но я самъ ей скажу. Я думаю, что старушка моя меня пойметъ, если не умомъ, то сердцемъ. Развѣ я совершилъ что нибудь дурное? Я

выбралъ ближайшій путь къ тому идеалу, который мнѣ кажется наиболѣе совершеннымъ. Развѣ я не господинъ своей личности, своего духа!.. Кто можетъ удержать меня въ тѣсныхъ рамкахъ отжившихъ предразсудковъ? И кто можетъ за это осудить? Хотите я сегодня же расскажу своей матери все и этимъ положу конецъ недоразумѣніямъ... Вы молчите. Но что же я еще могу сдѣлать? Посовѣтуйте.

Это обращеніе, это восклицаніе, полное горькаго отчаянія, заставило Розу встрепенуться. Этотъ сильный умомъ и духомъ человѣкъ обращается къ ней за совѣтомъ. Онъ ждетъ ея слова, ловить каждое движеніе ея губъ. Но развѣ она можетъ ему совѣтовать поступить такъ, какъ онъ желаетъ. Развѣ этимъ онъ не нанесетъ послѣдняго, рокового удара той старушкѣ, которую онъ хочетъ успокоить. И предъ Розой вдругъ промелькнулъ образъ старой Ципы, такой, какой она видѣла ее сегодня утромъ, съ сіяющимъ лицомъ, съ гордымъ сознаніемъ своего счастья, съ твердой надеждой въ старыхъ глазахъ. И все это рухнетъ, распадется, какъ распадается старое зданіе, подъ которымъ разрушили фундаментъ. И эти обломки раздавать и уничтожать всѣхъ тѣхъ, кто живетъ въ этомъ зданіи.

— О, нѣтъ, нѣтъ... не дѣлайте этого, — проговорила Роза тихимъ умоляющимъ голосомъ, какъ бы продолжая громко высказываетъ свои грезы. — Не дѣлайте этого!—И красивые глаза ея наполнились слезами.

Бланкъ съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокимъ интересомъ взглянулъ на Розу, красота которой благодаря душевному волненію приняла въ это мгновеніе какое-то мечтательное, одухотворенное выраженіе. Онъ никогда еще не видалъ ее такой и его восхищенный взоръ не могъ оторваться отъ этого лица, которое навсегда должно остаться для него чужимъ. Но почему? И этотъ вопль измученной души заставилъ его самого содрогнуться.

— Мнѣ кажется, что я понялъ васъ, постигъ ваши опасенія,—сдавленнымъ голосомъ проговорилъ Бланкъ.—Вы можете быть и правы. Разрывая скрывавшія мои члены цѣпи, я долженъ былъ предвидѣть, что какое-нибудь изъ тяжелыхъ звеньевъ этихъ цѣпей задѣнетъ тѣхъ именно, кого бы мнѣ хотѣлось щадить. Но что я могу теперь дѣлать.

И подумавъ немного, онъ продолжалъ:

— Единственный выходъ изъ этого положенія—это уѣхать мнѣ отсюда поскорѣе. Тогда опять все войдетъ въ свою колею и все опять забудется.

— Да, и я это нахожу,—послѣ минутнаго колебанія промолвила Роза.

— И вы это находите,—едва слышно выговорилъ Бланкъ и на поблѣднѣвшемъ лицѣ его отразилась вся глубина его душевнаго страданія, которое никакими усиліями его воли нельзя было больше скрывать. Но надежда все еще не оставляла его и подобно угасающему пламени еще вспыхивала въ его печальномъ взорѣ. Но Роза молчала, и пламя погасло, и въ душѣ Бланка воцарился мракъ. Онъ тихо всталъ и также тихо проговорилъ:

— Я сдѣлаю такъ, какъ вы желаете...

— Простите,—прошептала Роза, едва сдерживая душившія ее рыданія. Еще минута,—и она чувствовала, что не выдержитъ и откроетъ ему свое сердце, выскажетъ все, что у нея накопилось на душѣ, какую страшную борьбу она выносить. Она тоже встала и молча протянула ему свою холодную, какъ ледъ, руку. На мгновенье глаза ихъ встрѣтились и Розѣ показалось, что онъ прочелъ ея тайну, такимъ огнемъ блеснулъ его взоръ. Какая бы это была горькая иронія!.. Но мгновенье исчезло и все снова погрузилось въ прежній мракъ, несмотря на яркіе лучи, обильно проникавшіе сюда со всѣхъ сторонъ.

XVIII.

Нухимъ Шрайеръ былъ уже совсѣмъ готовъ и только ждалъ прихода Харнаса, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться на смотрины. Весь околодокъ зналъ объ этомъ важномъ событіи въ жизни водовоза и съ утра женщины, дѣвушки и подростки толпились на улицѣ въ ожиданіи этого интереснаго зрѣлища. Но Харнасъ не приходилъ, а Нухимъ на зло всѣмъ не показывался на улицу. Онъ даже сегодня измѣнилъ обычному теченію своей повседневной жизни и въ первый разъ за много лѣтъ не пошелъ утромъ въ клаузь молиться, что онъ дѣлалъ каждую субботу. Положимъ, отъ этого Всевышній не много потерялъ,

такъ какъ Нухимъ Шрайеръ былъ безграмотный, а тѣ молитвы, которыя онъ когда то зналъ наизусть, онъ успѣлъ пере-забыть. По крайней мѣрѣ такого мнѣнія о немъ были всѣ прихожане той молебни, куда онъ ходилъ молиться, и даже женщины знали, что Нухимъ Шрайеръ по субботамъ отъ скуки ловить мухъ въ то время, когда канторъ поетъ. Тѣмъ не менѣе водовозъ былъ благочестивый и вѣрующій человекъ и если онъ сегодня позволилъ себѣ манкировать своими обязанностями передъ Всевышнимъ, то на то были важныя причины. Самъ Харнасъ сказалъ ему, что не бѣда, если онъ одинъ разъ и обманетъ Господа, лишь бы все было въ порядкѣ, и онъ былъ бы *причипуренъ* какъ подобааетъ настоящему жениху. И Нухимъ съ утра началъ *причипуриваться* съ такимъ стараньемъ, которое его самого удивило.

Предложеніе Харнаса сильно запало ему въ голову, и чѣмъ больше онъ о немъ думалъ, тѣмъ оно казалось ему соблазнительнѣе. Шутка ли двѣсти рублей приданого и солидный гардеробъ... Кто же ему дастъ.. Наконецъ, родство какое... Не ему же чета... Положимъ, Хаимъ сапожникъ, самъ по себѣ человекъ неважный. Но Ципа... А ея сынъ, этотъ банкиръ изъ Варшавы. Шутка ли: онъ, Нухимъ Шрайеръ, водовозъ, обладатель слѣпой клячи и четверыхъ дѣтей, сдѣлается *родственникомъ* банкира. Если этотъ Харнасъ не вретъ, то это чегонибудь да стоитъ... И напаяливая на свои толстыя корявыя ноги новые сапоги работы Хаима сапожника, онъ съ улыбкой говорилъ самъ себѣ: «Ну, кто могъ думать, что эти самыя подошвы, за которыя я заплатилъ Хаиму кровныя денежки, понесутъ меня къ нему же и зачѣмъ? Чтобы получить у него же двѣсти чистоганомъ... Ну, не смѣшно ли это?» И онъ отъ души хохоталъ своимъ зычнымъ смѣхомъ къ удивленію своихъ ребятишекъ, которые не отходили отъ него ни на шагъ... Одѣвъ затѣмъ суконный сюртукъ и плюсовый картузь, Нухимъ этикъ закончилъ свой туалетъ, который мало, впрочемъ, чѣмъ измѣнилъ его суровую неприглядную внѣшность. Нѣсколько разъ Нухимъ подходилъ къ окошку, чтобы посмотреть, не идетъ ли Харнасъ. Но вмѣсто Харнаса онъ наталкивался на горѣвшія любопытствомъ лица своихъ сосѣдокъ, которыя безцеремонно заглядывали въ окна, желая увидѣть *причипурившаюся* жениха.

Это ему, наконецъ, надоѣло, и онъ пересталъ подходить къ окну, еще болѣе раздражая этимъ нескромныхъ кумушекъ. Наконецъ, дверь скрипнула и на порогѣ показался Харнасъ въ своей неизмѣнной рыжей шляпѣ на затылкѣ. Бросивъ опытный взглядъ на водовоза и оставшись, повидимому, доволенъ его внѣшностью, онъ поспѣшно проговорилъ:

— Ну, пойдемъ, насъ ждутъ...

Они вышли на улицу, къ великому удовольствію собравшейся толпы, которая громко выражала свое мнѣніе, отпуская тяжеловѣсныя остроты и несовсѣмъ лестныя подчасъ замѣчанія по адресу жениха и его свиты. Нухимъ держалъ себя какъ настоящій женихъ и, опустивъ глаза, молча слѣдовалъ за Харнасомъ, предоставляя ему огрызаться на насмѣшливыхъ кумушекъ. Но отойдя нѣсколько шаговъ отъ своего домика, Нухимъ вдругъ вспомнилъ, что онъ не подсыпалъ сѣна своей клячѣ и быстро повернулъ назадъ. Не зная въ чемъ дѣло и предположивъ, что Нухимъ раскаялся и раздумалъ жениться, Харнасъ бросился вслѣдъ за нимъ.

— Да куда ты, варварская голова!..

Но водовозъ былъ уже въ сарайчикѣ, крытомъ соломой, гдѣ, понуривъ голову, мирно стояла слѣпая лошадь. Она даже не была привязана къ стойлу, такъ какъ она все равно никуда не собиралась убѣжать. Въ ясляхъ дѣйствительно не было ни клокка сѣна, и Нухимъ наскоро бросилъ туда нѣсколько охапокъ стараго жесткаго сѣна, наполовину смѣшаннаго съ соломой и бурьяномъ, причемъ онъ порядочно выпачкалъ свой праздничный сюртукъ и плисовую фуражку. Когда онъ, наконецъ, вышелъ изъ сарайчика, Харнасъ всплеснулъ руками отъ ужаса.

— Да на кого же ты похожъ. Развѣ въ такомъ видѣ можно идти къ невѣстѣ?

Но Нухимъ только улыбался. Онъ былъ доволенъ, что вовремя вспомнилъ о своей клячѣ и не заставилъ ее голодать напрасно. — Нужно имѣть состраданіе къ животнымъ, въ особенности къ слѣпой клячѣ, которая сама себя сѣна не достанетъ.

— Имѣй лучше состраданіе къ себѣ. Можно подумать, что ты какъ пьяный мужикъ на землѣ валялся, — злобно проговорилъ Харнасъ.

Тѣмъ не менѣе онъ помогъ Нухиму нѣсколько пообчиститься

отъ приставшаго къ его платью сѣна и бурьяна и затѣмъ они вмѣстѣ продолжали свой путь, сопровождаемые громкими замѣчаніями женщины и веселыми возгласами подростковъ: «смотрите, водовозъ идетъ невѣсту смотрѣть».

Въ это же время въ домѣ сапожника дѣятельно готовились къ приему жениха. Двоя и Брайна съ ранняго утра занимались приведеніемъ въ порядокъ единственной комнаты, изъ которой состояла квартира сапожника. Это была нелегкая задача, справиться съ которой оказалось не по силамъ однѣмъ женщинамъ, и потому онѣ заставили главу семьи завѣяться уборкой старихъ голенищъ и подошвъ, которыя въ обыкновенное время валялись по всѣмъ угламъ. Хаимъ сапожникъ безропотно исполнялъ все, что ему приказывала жена, молча выслушивая при этомъ цѣлый потокъ грубой брани, на которою Двоя была большая мастерица. На нее ничѣмъ нельзя было угодить. Она всѣмъ было недовольна и больше всего невѣстой, которая никакъ не могла выйти изъ своею сонливаго состоянія и стать болѣе живой и *вертлявой*, какъ того хотѣла Двоя.

— Точно дойная корова стоитъ и ждетъ, чтобъ ее выдоили,—ворчала Двоя, бросая злобные взгляды на нескладную фигуру своей дочери съ лоснящимися отъ обильной смазки жиромъ волосами, которые уже черезчуръ покорно лежали на вискахъ, придавая лицу Брайны еще болѣе плоское, безцвѣтное выраженіе. Даже новое ситцевое платье съ пестрыми цвѣтами, сшитое по модѣ, не дѣлало Брайну похожей на невѣсту, которая ждетъ жениха. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Двоѣ. Но Хаимъ былъ не такого мнѣнія и съ гордостью бросалъ отъ времени до времени восхищенный взоръ на свою первородную, которая въ его глазахъ была краше всѣхъ дѣвушекъ, какихъ онъ когда либо видѣлъ. Онъ вполнѣ сознавалъ важность имѣющагося совершиться въ его домѣ событія и потому съ утра уже былъ одѣтъ по праздничному. Онъ даже не легъ отдохнуть послѣ субботней трапезы, чтобы не пропустить момента появленія жениха. Послѣдній долженъ былъ придти съ минуты на минуту. Ждали только прихода Цицы. Но послѣдняя почему то не являлась, хотя она обѣщала придти рано. Двоя начинала волноваться. Присутствіе Цицы было необходимо. Какъ самая близкая родственница невѣсты и почетная особа, она должна

была занимать жениха и вести нужные переговоры. Не полагаться же въ самомъ дѣлѣ на одного Харнаса.

— Но она еще придетъ, — утѣшала ее Хаимъ. — Не можетъ быть, чтобы она забыла о томъ, что у насъ сегодня смотрины.

— Съ нея можетъ случиться, съ этой гордячки, — заворчала Двоя. — Небось, сына своего запретила даже приглашать.

— Что ты, Двоя, образумься, — осмѣлился возразить Хаимъ. Развѣ возможно, чтобы банкиръ изъ Варшавы...

— Что же, что банкиръ? Но онъ все же изъ нашего рода. Это все гордость твоей милой сестры. Вотъ увидишь, что она не придетъ.

— Нѣтъ, придетъ, — утверждалъ Хаимъ. Въ это время дверь распахнулась и въ комнату вошелъ Харнасъ, а за нимъ водовозъ, весь красный, съ крупными каплями пота на лицѣ и на носу. Онъ тяжело ступалъ, точно на ногахъ у него были не сапоги работы его будущаго тестя, а пятипудовыя колоды. Произошло маленькое замѣшательство, которое однако скоро прошло, благодаря находчивости Харнаса.

— Съ субботой васъ, — сказалъ онъ съ напускной серьезностью. — Вотъ и мы здѣсь съ почтеннымъ Нухимомъ. Рады вы гостямъ?

— Рады, конечно, какъ не рады, — съ гримасой, которая должна была изображать прिवѣтливую улыбку, проговорила Двоя. При этомъ она незамѣтно толкнула мужа въ бокъ, прошептавъ: — Да скажи же ты что нибудь, остолопъ.

Но Хаимъ-сапожникъ какъ на бѣду не находилъ, что сказать, и только въ упоръ смотрѣлъ на сапоги, которые были на ногахъ водовоза. Хотя сапоги были покрыты толстымъ слоемъ пыли, но Хаимъ узналъ свое произведение и невольно ухмыльнулся. Это былъ сигналъ къ дружеской бесѣдѣ между сапожникомъ и водовозомъ.

Нухимъ Шрайеръ, долго и упорно молчавшій, вдругъ тоже ухмыльнулся и, поднявъ одну ногу, лаконически проговорилъ, обращаясь къ сапожнику:

— Узнаешь, Хаимъ?

— Какъ не узнать.

— А много заработалъ? — скажи правду.

— Какъ честный еврей, всего полтинникъ.

— Не много и не мало. А сапоги хорошия.

— Я старался изо всёхъ силъ.

— Еще бы не стараться, — должно быть зналъ, что въ чужія руки не попадутъ.

И Нухимъ разразился громкимъ смѣхомъ, похожимъ на ржаніе лошади. Хаимъ тоже засмѣялся, но сдержанно.

Пока сапожникъ и водовозъ разговаривали, Двоя Харнасъ о чемъ то шептались въ углу. Затѣмъ и Харнасъ незамѣтно исчезъ, а Двоя демонстративно захлопнула дверь изъ кухни. Цѣль демонстраціи состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе Нухима водовоза на вошедшую въ эту минуту въ комнату Брайну. Она была еще блѣднѣе, чѣмъ всегда, глаза были еще безцвѣтнѣе и казалось, вотъ вотъ надъ ними сомкнутся тяжелыя вѣки. Длинные, неуклюжія руки висѣли какъ плети по бокамъ ея плоскаго тѣла, на которомъ топорщилось ея новое ситцевое платье. Остановившись у дверей и увидя незнакомаго мужчину, Брайна еще больше смутилась и не могла сойти съ мѣста, до того у нея ноги дрожали. Нухимъ Шрайеръ не обратилъ, впрочемъ, никакого вниманія на вошедшую дѣвушку и продолжалъ перекидываться съ Хаимомъ односложными фразами. Двоя изъ себя выходила и бросала на дочь убійственные взгляды. Но такъ какъ эти взгляды на нее не дѣйствовали, то Двоя незамѣтно ущипнула ее, но такъ больно, что у Брайны выступили красныя пятна на лицѣ.

— Да шевелись же, корова, — шипя отъ злобы проговорила Двоя. — Пройдись по комнатѣ, чтобъ женихъ тебя замѣтилъ, — Подними глаза, — ну же..

Но Брайна точно желѣзными стопудовыми цѣпями была прикована къ полу и не могла шевельнуться. Нѣсколько повторныхъ щипковъ, пущенныхъ въ ходъ Двосей, были перенесены Брайной съ героической стойкостью, и она продолжала стоять у двери, точно на этомъ мѣстѣ ей суждено было остаться на вѣки. Положеніе было критическое. Честь семьи могла быть еще спасена съ приходомъ Ципы. Но послѣдняя не являлась, и Харнасъ, побѣждавшій за ней, тоже долго не возвращался. Двоя совсѣмъ потеряла голову и забыла даже поставить угощеніе, которое она спеціально для этого случая приготовила. Наконецъ, явился Харнасъ, весь запыхавшись и покрытый

потомъ и пылью. Его появленіе было встрѣчено нетерпѣливымъ восклицаніемъ, вырвавшимся у Двоя:

— Гдѣ же Ципа?

— Она не придетъ;—доконически отвѣтилъ Харнасъ.—Она заболѣла... И обратившись къ водовозу, онъ сказалъ:

— Ну, Нухимъ, пора и честь знать. Наглядѣлся на невѣсту небось вдоволь. Теперь пойдѣмъ.

Нухимъ безпрекословно всталъ. Хаимъ тоже поднялся. Харнасъ отозвалъ его въ сторону и пошептался съ нимъ. Онъ подождалъ Двою и сказалъ ей нѣсколько словъ, послѣ чего она и сапожникъ вышли изъ комнаты вмѣстѣ съ Брайной. Когда Харнасъ убѣдился, что въ комнатѣ никого нѣтъ, онъ близко подошелъ къ водовозу и въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Ну, что же скажешь, Нухимъ?—спросилъ онъ веселымъ голосомъ, въ которомъ однако слышались довольно тревожныя нотки.

— Что я скажу, вы лучше меня знаете,—мрачно сказалъ Нухимъ.

— Приданое хотъ сейчасъ можешь получить.

— А гардеробъ?

— Гардеробъ будетъ на славу.

Нухимъ на мгновеніе задумался. Харнасъ не спускалъ съ него глазъ.

— Ну, а свадьбу на чей счетъ сыиграемъ?

— Будь спокоенъ, тебѣ свадьба копѣйки не будетъ стоить.

— Тогда что же, можно,—нерѣшительно выговорилъ водовозъ.

Харнасъ бросился къ двери и во все горло закричалъ: «мазелтовъ».

Двоя и Хаимъ все время стояли у двери и подслушивали. Даже Брайна вышла изъ своего апатичнаго состоянія и проявила несвойственное ей темпераменту оживленіе. Въ ней проснулся наконецъ инстинктъ женщины, и то, что теперь происходило въ сосѣдней комнатѣ, возбуждало въ ней любопытство и страхъ. Услышавъ возгласъ Харнаса, столь пріятный для родительскаго уха, Двоя и Хаимъ выбѣжали изъ своей засады. Харнасъ повторилъ имъ свое поздравленіе, торжественно объявивъ имъ о согласіи Нухима Шрайера взять въ жены Брайну.

О Брайнѣ однако никто въ эту торжественную минуту не думалъ, и она по прежнему стояла за дверью съ сильно бьющимся сердцемъ, смутными предчувствіями и инстинктивнымъ страхомъ передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, что ее ждетъ въ будущемъ.

XIX.

Разставшись съ Розой, Бланкъ прямо вернулся домой и немедленно принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ бумагъ. Хотя богатый научный матеріалъ, который ему посчастливилось здѣсь собрать, далеко еще не былъ полонъ и требовалъ еще много работы, но Бланку некогда было теперь думать объ этомъ.

Всѣ его мысли сосредоточились на одномъ вопросѣ, который неотступно преслѣдовалъ его: какъ относится къ нему Роза? Если бы онъ былъ увѣренъ, что эта дѣвушка, загадочная какъ сфинксъ, имѣетъ сердце, способное откликнуться на его страданіе, какъ бы онъ былъ счастливъ и съ какой бы радостью онъ оставилъ эти мѣста. Но Бланка терзала мысль, что Роза не только его не понимаетъ, но еще относится къ нему неприязненно, не желая стать выше господствующихъ предрасудковъ. Иначе она бы развѣ допустила, чтобы онъ теперь уѣхалъ, и развѣ у нея не нашлось бы хоть одного теплаго слова для него? Скрѣпя сердце онъ предложилъ выходъ изъ непріятнаго положенія, въ которое его поставили обстоятельства, но съ тайной надеждой, что его предложеніе будетъ отвергнуто. Но Роза даже не думала протестовать. Но отчего она въ такомъ случаѣ хлопочетъ, такъ; почему она близко принимаетъ къ сердцу его дѣла? Какое ей дѣло до отношеній его къ Зосѣ Беймъ, ко всему тому, что изъ этого можетъ выйти? И Бланкъ вдругъ вспомнилъ о матери, о которой онъ въ данную минуту совсѣмъ не думалъ, вспомнилъ ужасъ, охватившій Розу, когда онъ ей сказалъ, что онъ поговоритъ съ матерью и расскажетъ ей все. И горькое раздумье охватило его. Предъ нимъ пронесся цѣлый рядъ годовъ, цѣлая половина жизни, употребленная на борьбу съ какимъ-то невидимымъ, но сильнымъ и неотразимымъ врагомъ. Съ невѣроятнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ, онъ вралъ цѣпь за цѣпью, которыми были

скованы его члены, его мозгъ, его сердце, его духъ. Эта титаническая работа, совершавшаяся въ самыхъ затаенныхъ нѣдрахъ его души, казалось, увѣнчалась успѣхомъ. И вдругъ одно звено осталось не разбитымъ. Кто могъ думать, что это звено будетъ крѣпче всѣхъ остальныхъ, стянетъ его такъ, какъ не стягивали всѣ звенья вмѣстѣ ввѣтя. Если Роза имѣетъ въ виду именно это звено, то она не ошиблась. Грустная улыбка появилась на блѣдномъ лицѣ Бланка. Съ какимъ легкимъ сердцемъ, съ какимъ подъемомъ духа онъ явился сюда. Тѣ маленькія сомнѣнія, которыя минутами закрадывались въ его душу, исчезали подъ напоромъ трезвой логики. И вдругъ опять сомнѣнія, опять терзанія. Неужели онъ никогда не освободится отъ нихъ? Гдѣ же, наконецъ, тотъ таинственный источникъ, который питаетъ его сомнѣнія, не даетъ его душѣ успокоиться. Вѣдь логика на его сторонѣ, вѣдь разумъ разрѣшилъ ему всѣ сомнѣнія, открылъ ему новый источникъ счастья, указалъ ему новые пути къ достиженію идеала. Неужели онъ неправъ? Неужели изъ его поля зрѣнія ускользнуло нѣчто такое, съ чѣмъ онъ долженъ теперь считаться, что сильнѣе, неотразимѣе всѣхъ трезвыхъ доводовъ разума. Но гдѣ же, гдѣ же это нѣчто! Ночь застала Бланка все за тѣми же размышленіями. Онъ не разрѣшилъ ни одного вопроса, не разсѣялъ ни одного сомнѣнія. Все, что было для него до сихъ поръ такъ ясно, такъ опредѣленно, теперь покрылось непроницаемымъ туманомъ и истина, служившая ему опорой всѣхъ его поступковъ и дѣйствій, какъ будто ускользала отъ него. Одно было ясно для Бланка, что ему нужно скорѣе уѣхать отсюда, страхнуть съ себя проснушіеся въ немъ вслѣдствіе закона атавизма инстинкты племеннаго и кровнаго родства, потушить вспыхнувшее въ его сердцѣ чувство къ Розѣ и стать снова свободнымъ, такимъ, какимъ онъ пріѣхалъ сюда. Съ этимъ рѣшеніемъ онъ уснулъ съ тѣмъ, чтобы съ завтрашняго утра энергически приняться за приведеніе въ исполненіе своего рѣшенія. Вопреки своимъ привычкамъ, онъ на этотъ разъ проснулся позднѣе обыкновеннаго, и то его разбудилъ лакей, подавшій ему записку отъ Розы, въ которой она его извѣщала, что его мать сегодня утромъ захворала.—Не безпокойтесь, ничего опаснаго нѣтъ,—писала Роза въ P. S.—Но я сочла нужнымъ васъ извѣстить, потому что вы у

насъ теперь такъ рѣдко бываете, и я не была увѣрена, придете-ли вы сегодня къ намъ.—Несмотря на успокоительный тонъ записки, Бланкъ въ смутномъ предчувствіи чего-то рокового, сталъ быстро одѣваться. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ готовъ и поспѣшилъ къ Майгольдамъ. Роза долго не рѣшалась написать Бланку о случившемся, но наконецъ уступила настояніемъ матери. Все это случилось такъ неожиданно, что и до сихъ поръ она не была увѣрена, во снѣ-ли, или на яву она все это переживаетъ. Она только что спустилась внизъ и, поздоровавшись съ отцомъ, который по обыкновенію просматривалъ мѣстную газету, прошла на веранду, чтобы подышать ароматнымъ воздухомъ чуднаго лѣтняго утра. Безсонная ночь, которую она провела, разстроила ея нервы и она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Вчера въ разговорѣ съ Бланкомъ между ними осталось много недоговореннаго и невыясненнаго.

Бланкъ разстался съ нею недовольный ею, съ предвзятымъ убѣжденіемъ, что она его не понимаетъ, не въ состояніи освободиться отъ господствующихъ предразсудковъ, стать выше общаго уровня. Но вѣдь это неправда. Они расходятся только въ одномъ пунктѣ, и не будь этого пункта, все бы сложилось иначе. Но она объ этомъ умолчала, и ихъ взаимное непониманіе все болѣе и болѣе разрасталось. Но хорошо-ли съ ея стороны отпустить его такъ, не сказать ему прямо и откровенно, что она думаетъ и чувствуетъ, въ чемъ они расходятся, что мѣшаетъ имъ протянуть другъ другу руки. Но что же тогда? Какая польза въ томъ, что онъ все это будетъ знать? Мысли ея вдругъ были прерваны. Изъ столовой раздавался голосъ отца; онъ что-то громко читалъ и до слуха ея отчетливо доходило каждое слово. У нея сердце забилося, и она, не помня себя, бросилась въ столовую съ цѣлью предупредить неминуемую катастрофу. Но уже было поздно. Газетное сообщеніе, прочитанное Майгольдомъ, до того поразило присутствовавшую въ столовой Ципу, что съ ней сдѣлалось дурно. Розѣ и г-жѣ Майгольдъ едва удалось отвести Ципу въ ея комнату и уложить въ постель. Все это Роза второпяхъ рассказывала Бланку, который въ недоумѣніи всматривался въ блѣдное лицо молодой дѣвушки, желая по его выраженію постигнуть тайну проис-

шедшей только что катастрофы. Они оба стояли въ корридорѣ въ ожиданіи выхода врача, который осматривалъ больную.

Случившійся съ Ципой обморокъ оказался серьезнѣе, чѣмъ думали вначалѣ, и всѣ въ домѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что скажетъ врачъ. Бланкъ еще не былъ въ комнатѣ матери. Его удерживала Роза, которая хотѣла его подготовить къ встрѣчѣ съ больной. Но объясненія ея были до того сбивчивы и неясны, она такъ была взволнована, что Бланкъ только смутно могъ догадываться въ чемъ дѣло.

— Не можете-ли вы мнѣ показать замѣтку, о которой идетъ рѣчь?—сказалъ, наконецъ, Бланкъ.

Роза спрятала почему-то газету въ карманъ и теперь вспомнила объ этомъ. Она достала газету и подала ему. Бланкъ взялъ газету и сталъ искать интересующую его замѣтку. Наконецъ онъ нашелъ то, чего искалъ. Замѣтка занимала всего нѣсколько строкъ и заключала въ себѣ слѣдующее: «Въ свое время въ нашей газетѣ было сообщено о пріѣздѣ въ нашъ городъ молодого ученаго Бланка. Теперь столичныя газеты пишутъ, что г. Бланкъ получилъ ординарную каяедру въ столичномъ университетѣ. Отмѣчая этотъ фактъ, мы считаемъ пріятнымъ долгомъ заявить, что г. Бланкъ уроженецъ нашего города, и хотя происходитъ изъ еврейской семьи, но давно уже принялъ христіанство».

Бланкъ скомкалъ газетный листъ и бросилъ его въ сторону. Роза, слѣдившая за нимъ, замѣтила, какъ онъ измѣнился въ лицѣ и какой глубокой грустью засвѣтились его глаза. Въ это время вышелъ докторъ и Бланкъ спросилъ его о состояніи матери. Докторъ пожалъ плечами и заявилъ, что положеніе очень серьезное и что за исходъ онъ не ручается.

— Могу я зайти въ комнату больной? — спросилъ ошеломленный этимъ извѣстіемъ Бланкъ.

— Теперь не совѣтую, — сказалъ докторъ. — Больная все равно еще не пришла въ себя.

Роза поддержала доктора и несмотря на просьбы Бланка увела его во внутреннія комнаты. Изъ домашнихъ никто не показывался. Гувернантка съ дѣтьми была наверху и имъ запрещено было спускаться внизъ. Г-жа Майгольдъ находилась въ комнатѣ Ципы, а самъ Майгольдъ подъ предлогомъ, что

онъ ѣдетъ за докторомъ, исчезъ изъ дома и не возвращался. Онъ былъ очень мнительнъ и боялся больныхъ и болѣзней. Бланкъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости и даже не замѣчалъ присутствія Розы. Внезапная болѣзнь матери сильно поразила его, но еще больше поразило его заявленіе доктора. Мысль объ опасномъ положеніи больной приводила его въ ужасъ и каждый разъ, когда передъ его глазами рисовалась картина смерти, у него волосы становились дыбомъ. Онъ ничего подобнаго никогда не предполагалъ. Самое большее, что ему представлялось въ случаѣ если мать узнаетъ о его отступничествѣ, это — размолвка, ссора, даже ненависть. Но болѣзнь и возможная смерть... Ошеломленный, съ тупой болью въ сердцѣ, Бланкъ не могъ разобраться въ томъ хаосѣ мыслей, которыя осаждали его мозгъ. Его свободный, строго логическій умъ потерялъ теперь способность правильно взвѣшивать факты, и событія, и мысли его кружились точно ураганъ въ безбрежной пустынѣ. Только при вторичномъ посѣщеніи доктора, Бланку удалось проникнуть въ комнату матери. Г-жа Майгольдъ, находившаяся въ комнатѣ больной, даже не взглянула на него и не подала ему руки. Ципа лежала на широкой кровати, утопая въ перинахъ. Ея жирное тѣло какъ будто стало на половину тоньше, а старческое морщинистое лицо поражало своеобразнымъ спокойствіемъ. Она не узнала сына, и Бланкъ напрасно ловилъ ее потухшій взглядъ, желая найти въ немъ хоть искру прощенія. Докторъ объяснилъ это безразличное состояніе больной свойствомъ постигшаго ее мозгъ пораженія. Но для Бланка это былъ пустой звукъ, ничего не говорившій ни уму его, ни сердцу. Онъ жаждалъ ласковаго слова, теплаго взгляда, ему нужно было услышать прощающій голосъ. Тогда бы его сердце почувствовало облегченіе, тогда бы душа его освободилась отъ того страшнаго кошмара, который наводилъ на него паническій ужасъ. А теперь не все-ли ему равно, отъ какой причины эти уста молчать, этотъ взглядъ потухъ.

XX.

Нухимъ Шрайеръ по обыкновенію проснулся съ пѣтухами. Хотя онъ вообще отличался крѣпкимъ сномъ физически тру-

дящагося человѣка, но въ эту ночь онъ не сомкнулъ глазъ. Событіе, совершившееся въ его жизни, задѣло таки его нервы, и онъ всю ночь провелъ въ мечтахъ и размышленіяхъ. Больше всего, конечно, онъ думалъ о приданомъ и о томъ, какое употребленіе онъ изъ него сдѣлаетъ. Онъ уже давно рѣшилъ дать чистую отставку своей слѣпой влячѣ и купить другую лошадь, благо ярмарка на носу. Затѣмъ онъ придѣлаетъ новыя колеса къ водовозкѣ и исправитъ упряжь. Было бы, конечно, хорошо купить еще одну лошадь съ водовозкой и нанять батрака... Тогда бы дѣла его пошли совсѣмъ по другому. А то можно совсѣмъ бросить свое ремесло и сдѣлаться извѣстникомъ, или даже отереть лавочку... Шутка ли, что можно сдѣлать на двѣсти рублей, да еще умѣючи... Когда онъ женился на своей первой женѣ, онъ былъ простымъ водоносомъ, а она была служанкой на постояломъ дворѣ, и у обоихъ у нихъ было по четвертной. Она же онъ счумѣлъ сдѣлаться водовозомъ и обзавестись такимъ хозяйствомъ, которое вызываетъ зависть. Ну, а имѣя двѣсти рублей въ рукахъ, да не стать богачомъ... Но на ряду съ этими заманчивыми картинами будущаго благополучія и богатства въ головѣ Нухима Шрайера носились и другія. Вечсонница, темнота кругомъ, тишина и духота лѣтней ночи производили свое дѣйствіе и на крѣпкіе, какъ веревки, нервы Нухима. Ему мерещился образъ молодой дѣвушки, которая сдѣлается его женой и будетъ здѣсь, рядомъ съ нимъ... О Брайнѣ онъ не думалъ вовсе, да онъ и не имѣлъ о ней никакого представленія какъ о женщинѣ. Но та женщина, которая рисовалась ему въ его воображеніи, волновала его кровь и заставляла его вдрагивать при мысли о предстоящемъ блаженствѣ. Но насколько возможно Нухимъ противился грѣховнымъ мыслямъ, которыя такъ навойливо лѣзли ему въ голову, и какъ только забрезжилъ свѣтъ въ тусклыхъ оконцахъ его избы, онъ всталъ и принялся за дѣло. По воскресеньямъ у него вообще было много дѣла. За субботу запасъ воды у его клиентовъ истощался и необходимо было снабжать всѣхъ свѣжей водой. Всѣхъ разомъ, онъ, конечно, удовлетворить не могъ, и онъ, обыкновенно, начиналъ съ тѣхъ домовъ, которые давали ему больше дохода. Кухарка Майгольдъ еще въ пятницу заказала ему привезти бочку воды въ воскресенье,

какъ можно раньше. Хотя Нухимъ и не ладилъ съ толстой жирной Фейгой за то, что она вообразила себѣ, будто онъ на ней женится, тѣмъ не менѣе онъ никогда не рѣшался явно перечить ей и всегда исполнялъ ея требованія. И на этотъ разъ онъ рѣшилъ исполнить заказъ Фейги и отвезти въ домъ Майгольдовъ первую бочку воды, несмотря на то, что онъ такое же обѣщаніе далъ пяти кухаркамъ.

— Какъ ни какъ, а мы теперь съ Майгольдомъ въ нѣкоторомъ родѣ родня и будетъ грѣшно не сдѣлать его кухаркѣ маленькую поблажку,—думалъ Нухимъ, подѣвжая къ воротамъ красиваго дома Майгольдовъ. Толстая Фейга встрѣтила водовоза довольно недружелюбно. Какъ можно быть такимъ лѣнтяемъ... Ей нужна вода до зарѣзу, въ домѣ лежитъ больная, а воды ни капли... Небось, десятую бочку ужъ вывезъ сегодня... А еще божился, что ей первой привезетъ, — лгуны!... Нухимъ привыкъ къ подобнымъ выходкамъ кухарки и, не отвѣчая на ея брюзжаніе, сталъ выливать воду изъ своей бочки ведрами. Кухарка сердито слѣдила за его работой. Спокойствіе водовоза выводило ее изъ терпѣнія. Она знала, что Нухиму сватаютъ племянницу Цицы, но о состоявшейся помолвкѣ она еще не знала и потому не теряла надежды.

— Не проливай такъ много... Ты совѣмъ ховяйскаго добра не жалѣешь... Вѣдь за каждую каплю деньги получаешь...

— Ну, ты ужъ больно не хорохорься,—обидѣлся Нухимъ.— Знаемъ мы, какъ ты ховяйское добро жалѣешь... Кое что отъ Цицы слышали.

— Отъ этой старой карги?—воскликнула Фейга.—Вотъ ее Всевышній за это и наказаль...

Нухимъ въ испугѣ поднялъ голову.

— Развѣ съ ней что нибудь случилось?

— А случилось то, что она теперь безъ языка лежитъ, эта старая вѣдьма.

— Какъ же такъ?—растерянно вымоилъ Нухимъ.

— Такъ, за грѣхи ея тяжкіе... Сынокъ то ея *мешумедомъ* оказался...

— Сынъ Цицы!.. банкиръ изъ Варшавы!..

— Ты что же такъ испугался? Тебѣ то что? Или ты серьезно задумалъ жениться на племянницѣ этой вѣдьмы...

Что же, тебѣ какъ разъ пристало родниться съ *мешумедомъ*...

На Нухима точно столбнякъ нашель. Волосатое лицо его вытянулось и поблѣднѣло настолько, насколько оно могло блѣднѣть, ведра съ водой вывалились изъ его рукъ, а круглые тупые глаза какъ то дико смотрѣли на жирныя щеки кухарки.

— Ты не шутишь, Фейга?—спросилъ онъ, наконецъ, придя немного въ себя.

— Какая корысть мнѣ шутить съ тобой?—сказала подбоченившись Фейга. — Ты для меня все равно, что эти ведра...

— Но ты пейми, Фейга, что если это правда...

— Да чего ты присталь, какъ банный листъ!..

— Да пойми же... Меня вчера только Харнасъ сосваталъ...

Фейга испустила дикій крикъ.

— Уже! и ты женишься на двоюродной сестрѣ мешумеда? Ахъ ты...—И схвативъ ведро съ водой, Фейга изо всѣхъ силъ опрокинула его на водовоза.

— Убирайся ты съ глазъ моихъ... И ты самъ такой же мешумедъ... И вода твоя поганая.. Не смѣй мнѣ являться на глаза и вонять воду сюда... Слышишь!..

И обернувъ къ нему свой жирный затылокъ, она скрылась въ кухнѣ. Нухимъ остался одинъ передъ закрытой дверью, весь мокрый отъ такъ неожиданно полученной ванны и совершенно растерянный отъ всего случившагося. Все, что онъ узналъ, до того поразило его, что онъ потерялъ всякую способность ориентироваться и размышлять. Слово «мешумедъ» звенѣло въ его ухахъ, какъ сто колоколовъ; предъ его глазами въ бѣшеной пляскѣ носился Харнасъ съ Двосей и Хаммомъ сапожникомъ. Нухимъ сжалъ кулаки и чуть не закричалъ отъ бѣшенства. Вдругъ его осѣнила внезапная мысль. Онъ бросился къ своей водовозкѣ, взобрался на сидѣние и изо всѣхъ силъ погналъ свою слѣпую клачу. Всю дорогу онъ хлесталъ возжами лошадь, пугая прохожихъ, которые думали, не случился ли гдѣ нибудь пожаръ. Только на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, въ которомъ жилъ его будущій тесть, онъ сдержалъ свою клачу и подѣхалъ какъ разъ въ ту минуту, когда сапожникъ вышелъ на улицу.

— Съ добрымъ утромъ, Хаимъ,— задорно крикнулъ ему Нухимъ.

— Съ добрымъ утромъ... Что тебя такъ рано привело сюда, да еще съ пустой бочкой?— дружески взглянувъ на своего будущаго зятя, проговорилъ сапожникъ.

— Тебя удивляетъ, что я съ пустой бочкой пріѣхаль? Пустую бочку всегда можно наполнить. А вотъ, когда въ семьѣ мешумедъ затесался, его никакъ не вышибешь... Что ты скажешь на это, Хаимъ?—И водовозъ выывающе посмотрѣлъ на сапожника.

Хаимъ вытянулъ свою худую шею, тряхнулъ своей длинной бородой и, выкативъ глаза, задумчиво проговорилъ:

— Не понимаю, о какомъ мешумедѣ ты говоришь... Кажется, въ нашемъ роду такихъ не было и слава Богу нѣтъ.

— А если есть?

— Нѣтъ!

— Есть!..—во все горло закричалъ Нухимъ.—Есть... И пусть я буду хуже послѣдняго гицеля, если я женюсь на твоей дочери, слышишь! И у меня душа есть, и я не продамъ ее чорту, хотя бы онъ явился въ образѣ банкира изъ Варшавы... Прощай!.. И съ этими словами водовозъ укатилъ. Въ эту минуту изъ за угла показался Харнасъ. Слѣдуя своему правилу, что надо ковать желѣво пока горячо, онъ пришелъ за полученіемъ слѣдуемаго ему гонорара, тѣмъ болѣе, что онъ предчувствовалъ могущія возникнуть затрудненія. Но то, что онъ увидѣлъ и услышалъ, превзошло всѣ его ожиданія. Въ отчаяніи онъ глубже надвинулъ на затылокъ свою рыжую шляпу и быстро повернулъ назадъ, не желая встрѣтиться съ разсвирѣпѣвшею Двосей, крикливый голосъ которой раздавался уже по всему кварталу.

XXI.

Отойдя на такое разстояніе, что онъ могъ считать себя безопаснымъ отъ преслѣдованій Двосей, Харнасъ умѣрилъ свои шаги. У него теперь не было никакого опредѣленнаго плана, и онъ шелъ самъ не зная куда. Возвращаться домой онъ не могъ и не хотѣлъ. Ему было стыдно придти къ женѣ съ пустыми ру-

ками. Онъ такъ увѣрилъ ее, а главное самъ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ, наконецъ, послѣ долгихъ недѣль ожиданія, получить заработокъ за свой нелегкій трудъ, что онъ чуть не заплакалъ отъ згорченія и боли. И нужно же было всему такъ сложиться.. А какъ бы славно онъ отдохнулъ сегодня дома!.. Хотя одинъ день покоя... Хотя одинъ день не думать о завтрашнемъ днѣ, знать что въ домѣ есть мука, дрова, вода, не видѣть угрюмага лица жены, не слышать голодныхъ криковъ дѣтей... Харнасъ не разъ проклиналъ свое ремесло, которое приносило ему столько горькихъ разочарованій и такъ мало прибыли. Цѣлые мѣсяцы онъ обивалъ пороги совершенно чуждыхъ ему людей, уговаривалъ, лѣстилъ, сулилъ золотыя горы, увлекалъ ихъ своей пылкой фантазійей и самъ увлекался, обманывалъ ихъ и себя. Сотни плановъ были всегда готовы въ его головѣ, и сулили ему цѣлыя горы золота; въ ожиданіи этого золота, онъ цѣлыми недѣлями жилъ впроголодь вмѣстѣ съ семьей. Но никогда его разочарованіе не было столь велико и столь чувствительно, какъ сегодня. Казалось, все съ его стороны было сдѣлано, все предусмотрѣно и—трахъ.

Мемушедз!.. Это слово вырвалось у него помимо воли, съ отчаянія, и ни къ кому не относилось. Но разъ оно было уже произнесено, Харнасъ не могъ уже удержаться, чтобы не философствовать на эту тему. Философія спасала его отъ отчаянія и поддерживала его въ трудныя минуты. И на этотъ разъ она отвлекла его отъ житейской неудачи, и послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшилъ, что Нухимъ Шрайеръ большой болванъ, и что будь онъ не амгорецъ, онъ бы навѣрное не такъ бы поступилъ и преспокойно женился бы на Брайнѣ. А теперь поди ищи ему новую новѣсту, а ей новаго жениха. Перспектива новой работы темного успокоила и ободрила Харнаса, а съ появленіемъ бодрости, у него явились новыя надежды. Конечно, жаль лишиться заработка, послѣ того какъ столько поработалъ и ногами, и языкомъ, и головой... Но что это за заработокъ?! Если ему удастся довести до конца дѣло Беймовъ съ Майгольдами,—вотъ это будетъ заработокъ, и всѣ почувствуютъ силу Харнаса. И подъ вліяніемъ этой мысли онъ отправился прямо къ Беймамъ. Такъ какъ было еще рано, то онъ предпочелъ посидѣть часекъ на кухнѣ, тѣмъ болѣе, что

прислуга въ домѣ Бейма была очень ласковая, и онъ любилъ отъ времени до времени вступать съ нею въ бесѣду. Въ особенности онъ любилъ разговаривать съ горничной молодыхъ барышень, которая всегда сообщала ему интересныя новости. Харнасъ засталъ весь штатъ прислуги за утреннимъ чаемъ. Хотя вся прислуга въ домѣ Беймовъ, за исключеніемъ домашней швеи, была русская, тѣмъ не менѣе всѣ любили Харнаса и охотно слушали его рассказы о многочисленныхъ сватовствахъ, которыя велись при его посредствѣ.

— Ну, Харнасъ, счастливъ твой Богъ, что ты вчера не былъ здѣсь!—воскликнула, завидя его, горничная.

— А что случилось?—стараясь не выдавать своего испуга, спросилъ Харнасъ.

— А то, что съ нашей младшей барышней обморокъ былъ, старшая барышня плакала, старая барыня ругалась, не приведи Господи какъ... Вотъ ужъ денекъ былъ...

— При чемъ же я тутъ?—спросилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ Харнасъ.

— Какъ, при чемъ?.. Все тебя поминали... Еслибы не этотъ поганый Харнасъ,—такъ и говорили,—ничего бы и не было... А что до того крещенаго барина, что младшей барышни пригласулся, то его не вѣдно принимать...

— И хорошо сдѣлали,—замѣтилъ Харнасъ.

— А вотъ и не хорошо... Ты выслушай прежде до конца. Это старшая барышня требовала, чтобъ ему, значить, отказать отъ дому, какъ водится у настоящихъ господъ, а младшая барышня требовала, чтобъ его принимали, и до тѣхъ поръ лежала въ обморокъ, пока барыня не сжалилась и не обѣщала принимать. Вотъ какъ...

— И хорошо сдѣлали,—проговорилъ Харнасъ.

— Ну, ты доволенъ,—овлилась горничная:—все у тебя хорошо... Кто же по твоему правъ...

— Всѣ правы,—философски замѣтилъ Харнасъ.—А вотъ ты мнѣ лучше скажи, дома ли молодой баринъ?

— Дома; еще спать.

Харнасъ поднялся.

— Я пройду черезъ столовую,—сказалъ онъ.—Тамъ вѣроятно никого теперь нѣтъ.

— Ты погоди, я барынѣ скажу... можетъ быть онѣ не одѣшпись...

Харнасъ махнулъ рукой и пошелъ по знакомой ему дорогѣ. Г-жа Беймъ обрадовалась его приходу.

— Я сама хотѣла послать за вами сегодня, Харнасъ,—обратилась она къ нему... Наше дѣло что то затянулось, пора съ нимъ покончить. Вы знаете, чѣмъ дальше откладывать, тѣмъ хуже... Мало ли еще что можетъ случиться... Кромѣ того я собираюсь за границу и не могу уѣхать, пока не узнаю окончательнаго результата.—Что же вы молчите, Харнасъ?

— Что же мнѣ говорить, г-жа Беймъ... Вы умнѣе меня и лучше меня знаете положеніе дѣлъ. Я только исполнитель вашей воли.—Г-жа Беймъ улыбнулась.

— Вы что то сегодня очень скромны, Харнасъ.

— Поневодѣ будешь скромнѣе, когда не везетъ...

— Женихъ выскользнулъ изъ вашихъ рукъ? — лукаво замѣтила г-жа Беймъ.

Харнасъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ намека

— Мало ли у меня ихъ выскальзываетъ изъ рукъ,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— А вы развѣ не знали раньше, что Бланкъ крещенъ? — прямо спросила его г-жа Беймъ.

— Вотъ, умри я на мѣстѣ, если зналъ! — съ несвойственнымъ ему искреннимъ тономъ воскликнулъ Харнасъ.

— Это удивительно,—какъ бы про себя проговорила г-жа Беймъ. И обращаясь къ Харнасу, продолжала:

— Впрочемъ, это къ дѣлу не относится... А васъ вотъ о чемъ я хотѣла просить. Постарайтесь сегодня непременно повидаться съ Майгольдомъ и скажите ему, что мы больше оттягивать дѣло не намѣрены. Мой сынъ просто изнываетъ отъ неопредѣленнаго положенія. Нужно положить этому конецъ. Попросите его отъ моего имени, чтобъ онъ далъ категорическій отвѣтъ, когда именно мой сынъ можетъ сдѣлать формальное предложеніе. Вы понимаете меня?

— Какъ самого себя,—отвѣтилъ Харнасъ.

— Въ такомъ случаѣ я вполне полагаюсь на васъ. Вы сдумаете все привести въ ясность.

— Будьте вполне увѣрены. Еслибъ вы мнѣ раньше дали такія полномочія...

— Раньше нельзя было, — лаконически замѣтила г-жа Беймъ.—Такъ не медлите съ отвѣтомъ и постарайтесь пройти ко мнѣ такъ, чтобы васъ никто не видѣлъ.

С. Ярошевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пѣсня Суламиты.

(Пѣсня-Пѣсней 1—2).

Я больна, больна любовью
Скорбь и боль въ моей груди,
Съ нѣжной лаской къ изголовью
Моему ты припади!
Обезсилена я страстью,
Вся пылаю и горю,
Неземной волшебной властью
Охватило грудь мою...
Гдѣ по пажитямъ зеленымъ
Ты пасешь своихъ овецъ?
Гдѣ по нивамъ благовоннымъ
Ты сплетаешь мнѣ вѣнецъ?
О приди, приди, желанный,
И недугъ мой исцѣли!
Ждутъ насъ свѣжія поляны
И кедровый лѣсъ вдали...
Пологъ нашъ деревъ побѣги,
Ложе — зелень и цвѣты;
Сколько ласки, сколько нѣги
Сколько дивной красоты!..
.....
Вотъ бѣжить онъ, другъ мой милый,
Свѣтель, радостень, какъ день,

Полонъ свѣжести и силы,
Онъ несется, какъ олень.
Вьется длинный, пышный локонъ,
Локонъ темный и густой,
Вотъ киваетъ онъ изъ оконъ,
Вотъ стоитъ онъ за стѣной.
Робко жду я этой встрѣчи,
Взоръ тревожнѣй и темнѣй,
Вотъ и льются страстно рѣчи
Пѣсенъ слаще и нѣжнѣй:
«Надъ холмами и горами
Даль воздушная ясна;
Сыпля яркими цвѣтами,
Приближается весна;
Сыплють цвѣтомъ кипарисы,
Шепчутъ лиліи въ садахъ,
И саронскіе нарцисы
Сладко нѣжатся въ лучахъ,
И кадитъ лѣсокъ и поле
Фиміамъ, какъ легкій паръ,
Все въ просторѣ и на волѣ
Полно нѣги, полно чаръ;
Скоро въ кистяхъ винограда
Разольется сладкій сокъ...
Видь, души моей услада,
Ароматный мой цвѣтокъ!
О, явись изъ-за рѣшетки,
Не скрывайся за скалой, —
Дай увидѣть взоръ твой кроткій
Дай услышать голосъ твой.
Вѣдь такъ много въ взорѣ этомъ.
Ласки, счастья и любви,

Рѣчью нѣжной и привѣтомъ
Ободри и вдохнови!
Ароматомъ дивнымъ рая
Вѣсть зелени коверъ...
О, приди, приди, родная,
Въ мой таинственный шатеръ!“

Л. Ясс.

Изъ венеціанскаго гетто.

РАЗСКАЗЪ И. ЗАНГВИЛЛЯ.

(Съ англійскаго).

I.

Первыми впечатлѣніями, врѣзавшимися въ память ребенка, были зеленоватая поверхность воды, гондолы, рыбацкія лодки съ цвѣтными парусами и люди на нихъ, казавшіеся маленькими, точно дѣти. Родился онъ въ венеціанскомъ гетто, т. е. еврейскомъ кварталѣ, въ седьмомъ этажѣ стариннаго дома. Тамъ было еще два верхнихъ этажа, но такъ какъ онъ ни разу туда не поднимался, то они казались ему какою-то сказочной областью, ведущей къ голубому небу. Темная лѣстница спускалась все ниже и ниже до узкаго двора стариннѣйшаго въ мірѣ гетто, проходя мимо дверей, косяки которыхъ были украшены маленькими футляриками, содержащими священныя слова на древне-еврейскомъ языкѣ. Въ недалекомъ разстояніи справа находился портикъ, ведущій къ берегу канала, но угрюмыя желѣзныя ворота заграждали путь. Позади гетто протекалъ другой каналъ, который такимъ образомъ отрѣзалъ путь и съ этой стороны; всѣ остальные портіки, соединяющіе гетто съ внѣшнимъ міромъ, были также снабжены воротами, которые безотлучно охраняла венеціанская стража. Ворота эти закрывались въ полночь и открывались утромъ; когда онѣ бывали закрыты, ни одинъ еврей не могъ выйти изъ двора, большой и маленькой площади и одной крошечной аллеи, которые вмѣстѣ со-

ставляли гетто. По ночамъ сторожа неотлучно находились въ большихъ баркахъ на каналѣ; платить имъ за это приходилось евреямъ. Но дитя не считало себя плѣнникомъ. Не испытывая желанія выйти за ворота, оно не чувствовало цѣпей, которыя заставили бы его вернуться точно собачку въ будку; такъ какъ всѣ мужчины и женщины, которыхъ мальчикъ зналъ, носили желтыя шапки и большое *O* на груди—тогда, когда они приходили въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ—онъ долгое время едва-ли предполагалъ, чтобы на свѣтѣ были еще другіе люди, кромѣ евреевъ; тѣмъ менѣе еще онъ зналъ, что желтыя шапки были позорными знаками, цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы отличить евреевъ отъ другихъ народовъ. Онъ даже не зналъ, что не всѣ маленькіе мальчики носятъ подъ своими жилетами *арбеканфесъ* съ бѣлыми нитями въ каждомъ углу, и что они не цѣлуютъ этихъ нитей, произнося при этомъ: „Слушай Израиль, Господь Богъ нашъ, Господь Единный“. Нѣтъ, гетто было для него цѣлымъ міромъ, могущественнѣйшимъ міромъ, полнымъ всего того, чего только дѣтская душа могла бы пожелать. Какимъ водоворотомъ казалась ему эта залитая солнечными лучами площадь, украшенная венеціанской мачтой вышиной чуть-ли не до самаго неба, — площадь, на которой прогуливались голуби среди толпы, окружавшей безчисленное множество лавокъ, куда люди въ желтыхъ головныхъ уборахъ зазывали по-еврейски покупателей. Какъ ему нравились эти высокіе дома съ несмѣтнымъ числомъ оконъ, съ отпавшей мѣстами штукатуркой, съ заржавѣвшими балконами и зелеными ставнями. Какимъ наслажденіемъ было для него по утрамъ, когда отпирались затворы, слѣдить за женщинами, идущими за водой; иной разъ при этомъ изъ его доли выпадало счастье помогать имъ въ подтягиваніи цѣпи, приводившей въ движеніе колодезное колесо. А какимъ блаженствомъ было стоять на мосту, соединяющемъ старое гетто съ новымъ, и предугадывать, что появится вотъ-вотъ изъ-за угла. Бить можетъ покажется лодка, направленная мужчиной, граціозно сложившимъ свои весла; бить можетъ плоть

съ босоногими мальчишками, старающимися опередить эту лодку; а не то быть может баржа съ сидящими на ней людьми въ синихъ блузахъ и нагруженная копнами сѣна или съѣстными припасами для гетто: тутъ и восхитительные фрукты, и овощи, и свѣжее мясо еврейскаго убоа, гарантирующаго, разумеется, полную доброкачественность. Еще болѣе заманчивую картину представлялъ каналъ, окружавшій гетто съ другой стороны; но мальчикъ только рѣдко осмѣливался заглядывать туда, такъ какъ противоположный берегъ, населенный невѣдомыми людьми, которые назывались „венеціанцами“, былъ для него чужимъ, а эти грубые „гоимъ“ могли бы бросить камень въ него за то, что онъ наблюдалъ за ними. Только ночью можно было подкрасться туда и восхищаться и отраженной въ водѣ луной, и звѣздами на небѣ. О мірѣ, лежавшемъ на противоположномъ берегу, онъ только зналъ, что онъ очень великъ, что онъ враждебно относится къ нему и жестокосердъ; но онъ охотно любовался изъ своего окна этимъ обширнымъ городомъ, съ его таинственными церквами и величественными башнями огромныхъ зданій, съ его суровыми, покрытыми вѣчными снѣгомъ, горами, расположенными съ другой стороны и напоминавшими ему Синайскую гору, откуда Господь Богъ говорилъ съ Моисеемъ. Онъ никогда не предполагалъ, чтобы тамъ обитали феи, такъ какъ онъ не слышалъ объ ихъ существованіи. Онъ зналъ, что есть добрые и злые духи, которые невидимо витаютъ въ воздухѣ и стараются дѣлать маленькихъ мальчиковъ добрыми или злыми. Они постоянно борются между собою изъ-за маленькихъ мальчиковъ; но въ субботу вашъ злой духъ не имѣетъ власти надъ вами, добрый же ангелъ хранитель торжествующе паритъ вокругъ васъ. Какъ восхитителенъ бываетъ канунъ субботы! Какая бѣлоснѣжная скатерть на столѣ и какія вкусныя блюда; какимъ покоемъ дышетъ все кругомъ. Для отца и матери послѣ недѣльнаго труда наступаетъ отдыхъ. Присутствіе *субботней гоа* навязывало ребенку новыя понятія; но долгое время онъ только смутно понималъ, что, стало быть, не всѣ люди—евреи, и что въ то время, какъ люди, живущіе

въ гетто, избранны для служенія Богу Израиля, выведшему ихъ изъ Египетскаго плѣна и сдѣлавшему ихъ Своими слугами,—за воротами обитають люди, не обязанные исполнять заповѣдей Моисея. Такъ, онъ отъ кануна субботы до ея исхода не смѣлъ притрагиваться къ огню или даже къ подсвѣчнику, *субботняя гое* же могла жѣшать кочергой дрова, сколько она бы ни пожелала; она отправляла эту обязанность отъ самаго нижняго этажа до седьмого; поднимаясь все выше на лѣстницѣ, она производила на мальчика впечатлѣнїе какого-то огненнаго духа, пробивающаго себѣ дорогу до самаго неба. Эта маленькая женщина пользовалась вообще какими-то странными привиллегїями; ребенокъ это постепенно замѣчалъ; такъ, она могла ѣсть свинину, и птицу и мясо животныхъ, зарѣзанныхъ гдѣ бы то ни было; она могла даже ѣсть молочное тотчасъ послѣ мясного, не дожидаясь шести часовъ, и притомъ въ одной и той же посудѣ, тогда какъ его мать имѣла отдѣльную посуду для мясныхъ и молочныхъ блюдъ. Да, *субботняя гое* была какимъ-то низшимъ существомъ, созданнымъ для того, чтобы готовить по субботамъ чай для обитателей гетто и тушить ихъ свѣчи; за это она хорошо вознаграждалась мѣдными монетами, какъ только можно было притронуться къ деньгамъ. Когда на небѣ появлялись первыя три звѣзды, *субботняя гое* исчезала и отецъ ребенка дѣлалъ „Habdala“ — обрядъ, знаменующій смѣну субботы и сопровождающійся прославленїемъ Бога, отдѣливаго праздничный день отъ будней, свѣтъ отъ тьмы.

Отецъ произносилъ надъ переполненнымъ до края бакаломъ вина молитву, приблизивъ свои согнутые пальцы къ зажженной восковой свѣчѣ и нюхая при этомъ изъ коробочки сладкіе пряные коренья. По окончанїи молитвы, ребенку разрѣшали хлебнуть изъ бокала немного вина. Вообще много прїятныхъ воспоминаній о винѣ связывались въ его умѣ съ религіозными представленїями. Онъ получалъ вино каждую пятницу вечеромъ въ синагогѣ, а также и дома, но въ особенномъ изобилїи на Пасхѣ; въ первые два вечера Пасхи, его маленькая рюмка наполнялась не менѣе че-

тырехъ разъ этой вкусной, сладкой жидкостью. И для Илии-Пророка ставился большой бокалъ вина, изъ котораго пилъ незрѣимый посятитель, хотя количество вина послѣ этого нѣсколько не уменьшалось. Какъ восхитительны были эти дни. Уже наканунѣ всѣ находившіеся въ домѣ корки хлѣба торжественно сжигались, такъ какъ въ теченіе восьми дней нельзя было ѣсть хлѣба, который потомъ, послѣ столь долгаго перерыва, казался вкуснѣйшымъ, точно пирогъ; самая уже переимѣна посуды имѣла свою прелесть: новыя горшки, ложки, тарелки—словомъ, все новое—и къ тому еще пасхальные опрѣсноки, замѣняющіе хлѣбъ и испещренныя различными узорами.

Вечеромъ, когда накрывался пасхальный столъ, уставленный различными замысловатыми блюдами, горькими травами и сладкими приносами, чего только тамъ не было! — и всѣ сидѣли кругомъ него, развалившись на подушкахъ; душа ребенка наполнялась какою-то сладкою истомою, и онъ радостно спрашивалъ на древне-еврейскомъ языкѣ: „Чѣмъ отличается сегодняшняя ночь отъ другихъ? Почему мы обыкновенно ѣдимъ и заквашенное и незаквашенное, а сегодня только незаквашенное“? Онъ предлагалъ эти вопросы изъ тонкой книжечки, украшенной изображеніями десяти египетскихъ казней и злодѣйскаго Фараона, возсѣдающаго на тронѣ. Отвѣтъ слѣдовалъ также на еврейскомъ языкѣ и длился отъ двухъ до трехъ часовъ, чередуясь, впрочемъ, съ питьею вина и ѣдой всѣхъ этихъ блюдъ. Ребенокъ отлично понималъ отвѣтъ отца, несмотря на то, что еврейскій языкъ очень труденъ; онъ зналъ также значеніе этого праздника и вопросъ его былъ своего рода формальностью; и такъ предлагалъ онъ съ притворнымъ любопытствомъ этотъ вопросъ изъ года въ годъ. Хотя онъ понималъ по древне-еврейски и умѣлъ даже переводить свои ежедневныя молитвы на испорченный итальянскій языкъ (плодъ дѣловыхъ сношеній обитателей гетто съ внѣшнимъ міромъ), но онъ не задумывался надъ смысломъ молитвъ, провозносимыхъ имъ совершенно бессознательно утромъ и вечеромъ; приходилось такъ много молиться, что у него нерѣдко являлось къску-

женіе—пропустить наиболѣ сухія мѣста, но онъ никогда не поддавался этому побужденію и добросовѣстно дочитывалъ молитву до конца. По субботамъ и праздникамъ читались особенныя молитвы, что доставляло ему много удовольствія. Какъ ребенокъ по этиямъ днямъ одѣвалъ свое лучшее платье, такъ и молитвы облакались въ болѣе причудливыя формы, читались изъ болѣе красивыхъ молитвенниковъ и сопровождались болѣе звучными мелодіями. Мелодіи вообще играли большую роль въ синагогальномъ богослуженіи, и такъ какъ онъ не вникалъ въ самый смыслъ молитвъ, то послѣднія связывались въ его памяти съ музыкальными формами, то заунывными, то веселыми. Существовало три отдѣльныхъ напѣва для слова „Аминь“ въ послѣобѣденномъ богослуженіи, для каждаго изъ трехъ праздниковъ: Пасхи, Пятидесятницы и Кущей, и напѣвы эти представляли своеобразную прелесть; первые два обрывались быстро, послѣдній же звучалъ протяжно, постепенно замирая. И хотя приходилось въ эти дни молиться вдвое болѣе обыкновеннаго, это ничуть не казалось ему обременительнымъ, такъ какъ особня, къ этимъ днямъ приуроченныя, строфы переплетались съ ежедневными молитвами, точно цвѣты, неожиданно появляющіеся предъ утомленнымъ путникомъ, чтобы сгладить однообразіе длиннаго пути. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ содержали удачныя аккростики, идущіе отъ *a* до *th*. Эти стихи, написанныя въ средніе вѣка благочестивыми раввинами, наполняли праздничныя молитвы и даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ дѣтя должно было исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, или вѣрнѣе—въ грѣхахъ своей общины, такъ какъ каждый членъ братства Израіля отвѣтственъ за остальныхъ: онъ согрѣшилъ *a*, онъ согрѣшилъ *b*, и такъ до конца алфавита. Иногда молитва оканчивалась рѣмой,—и съ какимъ удовольствіемъ ребенокъ отгѣнялъ каждую рѣму, дѣлая соответствующее удареніе на известномъ словѣ. Иногда же молитва заканчивалась не рѣмой, а известною фразою, которая повторялась черезъ известные промежутки, точно припѣвъ баллады; тогда ребенокъ съ чувствомъ какъ бы пріятнаго

облегченія улавливалъ послѣ длинной и чуждой ему строфы зна-
комую фразу и торжественно подхватывалъ: „Милость Его Вѣчна!“
или тому подобное. Иныя строфы бывали короче, въ одну строчку,
и заканчивались однимъ и тѣмъ же словомъ, напримѣръ „вода“,
или „огонь“; эти слова окружены были рядомъ такихъ непонят-
ныхъ и витіеватыхъ выраженій и оборотовъ, что ребенокъ въ ми-
нуты особенной храбрости дерзалъ сомнѣваться въ томъ, пони-
маютъ-ли ихъ даже отецъ, хотя тотъ и горько плакалъ надъ нѣ-
которыми молитвами, особенно въ Судный день. Мысль, что ангелы
на небѣ внимаютъ каждому слову его молитвы, вселяла въ него
особенное благоговѣніе. И онъ былъ склоненъ думать, что этотъ
трудный языкъ доступенъ пониманію кантора; тотъ пѣлъ вѣдъ съ
такимъ чувствомъ, съ такимъ усердіемъ! Иной разъ канторъ рас-
пѣвалъ при всеобщемъ молчаніи, приводя слушателей въ безмолв-
ный восторгъ. Единственное, что наводило на ребенка скуку, —
это чтеніе вслухъ по субботамъ Священнаго Писанія. Пятикнижіе
читалось ежедѣльно, и такимъ образомъ прочитывалось въ теченіе
года; чтеніе это сопровождалось какимъ-то страннымъ напѣвомъ,
съ рѣдкими намеками помелодичность. Напѣвъ былъ строго преопре-
дѣленъ знаками, обозначенными подъ словами. Мальчикъ, слушая это
монотонное чтеніе, думалъ о томъ, какъ бы заставить Святии
Завѣта запѣть! Но ребенокъ зналъ, что этого не можетъ быть.
Святии казались ему такими же величественными и грозными, какъ
и именитые члены общины, которые ихъ приподнимали, свертывали
и прилаживали къ нимъ покрывала и серебряные звоночки.
На этихъ свиткахъ Торы не было не только печатныхъ музыкаль-
ныхъ знаковъ, но не было и знаковъ препинанія и даже гласныхъ.
На священномъ пергаментѣ фигурировали только древне-еврейскія
согласныя, и послѣднія были написаны, а не напечатаны, такъ
какъ благоговѣйной руки писца нельзя сравнить съ печатнымъ
станкомъ. Умѣнье читать, а тѣмъ болѣе напѣвать, по этимъ свит-
камъ, казалось ребенку цѣлымъ подвигомъ. Въ альмемору вызы-
вались семь человѣкъ: сначала одинъ изъ колѣна Ааронова, по-

томоу великаго первосвященника, затѣмъ одинъ изъ колѣна Левитова, а потомъ пятеро обыкновенныхъ ирмянъ; они поочередно присутствовали при чтеніи Священнаго Писанія, и ихъ приходъ и уходъ прерывали однообразіе чтенія. Послѣ чтенія Торы слѣдовало чтеніе пророковъ, что нѣсколько оживляло интересъ ребенка; читались они въ минорномъ тонѣ, полноу упительной грусти, которая кончалась взрывомъ ликованія. Пророки, хотя и громили неправедность Израиля и грозили кароу, но виѣсть съ тѣмъ предсказывали утѣшеніе послѣ годовъ рабства и презрѣнія, когда явится Мессія, соберетъ народъ свой со всѣхъ концовъ свѣта и возстановитъ храмъ въ Иерусалимѣ; тогда всѣ народы будутъ поклоняться Богу Израиля, Который далъ ему Свои заповѣди на горѣ Синаѣ. До наступленія же этой поры только евреи обязаны слѣдовать каждой буквѣ Закона, такъ какъ они одни—за себя и своихъ потомковъ—дали этотъ обѣтъ среди грома и молній съ горы Синайской. Присутствовала при этомъ и душа нашего ребенка и обязалась исполнять заповѣди. Онъ часто старался воскресить въ своей памяти этотъ эпизодъ и, несмотря на богатство своего воображенія, дававшее ему возможность видѣть души, окружавшія горы, точно облака, — онъ никакъ не могъ припомнить этого. Но для него не было сомнѣнія, что онъ позабылъ объ этомъ, какъ и объ остальныхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ его рожденію, какъ позабылъ онъ, наприимѣръ, о томъ, что ангелы обучали его Торѣ и показывали ему по утрамъ рай, а по вечерамъ—адъ, или о томъ, какъ въ моментъ его рожденія ангелъ пальцами щелкнулъ по его верхней губѣ, отправляя его въ свѣтъ; ямочка подъ ноздрями служить доказательствомъ предварительнаго пребыванія всякаго лица въ небесныхъ сферахъ.

Въ годовщину великаго дня Десятисловія, въ праздникъ Пятидесятницы, синагога убиралась цвѣтами, которые съ такимъ трудомъ добывались въ Венеціи, этомъ городѣ камней и моря; но несмотря на это, каждая синагога (а ихъ было семь въ узкомъ гетто, и нѣкоторыя изъ нихъ—старинныя и великолѣпныя, другія же очень убогія) украшали свои балконы и колонны розами, нар-

цами и лиліями. Еще прекраснѣе бывалъ режимъ праздника Кущей, когда устраивались на площади, или во дворѣ синагоги, въ честь праздника деревянные шалаши, и дѣти Израиля жили въ палаткахъ, какъ-бы въ пустынѣ. Отецъ ребенка, будучи весьма набоженъ, имѣлъ отдѣльный, крытый зелеными лозами, шалашъ; здѣсь находился столъ со стульями; ребенокъ, сидя тутъ, любовался солнечными лучами и голубымъ небомъ, пробивавшимися сквозь зелень.

Во время этого праздника синагога наполнялась шелестомъ пальмовыхъ вѣтвей, которыми потрясали прихожане по направленію къ сѣверу, югу, востоку и западу и затѣмъ, по направленію къ небу, нюхая при этомъ райское яблочко, которое хранилось въ ящичкѣ завернутымъ въ бѣлую шерсть. Такъ какъ запрещалось завтракать, не благословивъ прежде этихъ вѣтвей, то одинъ мужчина относилъ ихъ на домъ поочередно къ тѣмъ женщинамъ, которыхъ задерживало дома хозяйство. Вообще, домъ былъ главнымъ удѣломъ женщины, а зажиганіе свѣчей въ пятницу вечеромъ — самой священной ея обязанностью; въ синагогѣ женщины помещались въ рѣшетчатой галлерей, надъ мужчинами. Въ седьмой день праздника Кущей ребенокъ получалъ связку лиственныхъ вѣтвей, именуемыхъ „Noschalo“; этии вѣтвями онъ въ синагогѣ ударялъ по скамьѣ въ полной увѣренности, что вмѣстѣ съ листьями падаютъ и его грѣхи. При этомъ онъ приговаривалъ: „Noschalo“ — спаси насъ! Всю эту ночь отецъ его молился въ синагогѣ; ребенокъ отправляется домой спать, послѣ отчаянной борьбы съ своими сжимающимися вѣками, опасаясь увидѣть на камняхъ свою тѣнь безъ головы, что служить предзнаменованіемъ смерти. Но самымъ лучшимъ былъ девятый день Кущей, такъ называемый Праздникъ Торы, — въ этотъ день заканчивалось чтеніе 52-ой главы Пятикнижія и немедленно начиналось чтеніе первой, дабы доказать, что община радуется не тому, что чтеніе Торы пришло къ концу. Лицо, приглашавшееся къ чтенію послѣдней главы, устраивало,

сообща съ призываемнѣ къ чтенію первой главы, пиръ, къ которому созывались всѣ прихожане.

Мальчишкамъ перепало много сластей. Свитки завіта обносились кругомъ синагоги семь разъ; въ этой процессіи шли также и мальчики, держа въ рукахъ цвѣтные флаги и восковыя свѣчи, весело принимая участіе въ молитвѣ, неизмѣнно заканчивавшейся возгласомъ: „Спаси насъ, молишь тебя!“ . Даже и старики чуть-ли не плясали отъ радости. Да, не было болѣе веселаго дня, чѣмъ этотъ; развѣ только праздникъ Пуримъ, въ память освобожденія царицею Эсфирью евреевъ отъ злодѣя Гамана. Въ этотъ праздникъ всѣ сбѣивались подарками; мужчины наряжались въ женскія платья и смѣшныя маски и разыгрывали маленькія пьесы. Во время чтенія въ синагогѣ книги Эсфири, каждый разъ, когда упоминалось имя Гамана, онъ шумно ударялъ по скамьѣ маленькимъ молоточкомъ или другимъ инструментомъ. Сильное впечатлѣніе производилъ на него и другой праздникъ освобожденія евреевъ, Ханука; въ память совершившагося чуда—непрерывнаго горѣнія масла въ храмѣ—обитатели гетто зажигали свѣчи; въ первую ночь одну, во вторую — двѣ, и такъ далѣе до восьми. И въ этомъ мірѣ мечтаній жилъ и росъ ребенокъ; его взоръ былъ обращенъ къ древней Палестинѣ, въ упованіи на возстановленіе царства Израильскаго. Его дни наполнялись молитвами; его игры въ мячъ и кости были освящены Сандаффономъ, которому онъ молился: „О Сандаффонъ, Богъ дѣсовъ, спаси насъ отъ несчастія!“

II.

Два предмета въ гетто производили на ребенка странное впечатлѣніе: огромная мраморная плита на стѣнѣ возлѣ ихъ дома, съ надписью на ней, гласившею, что евреи, принявшіе христіанство, не могутъ никогда больше вернуться въ гетто, ни вступать въ бракъ съ его обитателями подъ страхомъ самыхъ суровыхъ наказаній—плетьми, тюрьмой и даже висѣлицей; второй предметъ, при-

влекавшій вниманіе ребенка, была мраморная статуя прекрасной дѣвочки, которая находилась на другомъ концѣ гетто и какъ бы оберегала его своими ясными очами.

Религія и эмблема болѣе ранней эпохи, она, вмѣстѣ съ мраморной плитой, напоминала ребенку о существованіи незнакомаго ему внѣшняго міра, гдѣ люди исповѣдывали чуждую вѣру и высѣкали запрещенныя изображенія. Но онъ ни разу не былъ еще тамъ. И чтобы онъ дѣлалъ въ Венеціи?

Когда онъ подросъ настолько, чтобы быть полезнымъ, онъ сталъ помогать своему отцу въ лавкѣ; свободное же время онъ посвящалъ синагогѣ, изученію Библии съ ея комментаріями и безконечныхъ томовъ Талмуда, этой бездны раввинской учености, а когда ему наступилъ тринадцатый годъ, онъ началъ готовиться къ тому, чтобы стать членомъ общины. Въ тринадцать лѣтъ онъ становился взрослымъ мужчиной.

Грѣхи, за которые до сихъ поръ отвѣтствененъ былъ его отецъ, отнынѣ падали на него самого, и вмѣсто того, чтобы считаться ничтожнымъ существомъ, подобно женщинѣ, онъ становился полноправной единицей и могъ входить въ составъ десяти мужчинъ (минимальное число лицъ, необходимое для публичнаго богослуженія). Онъ не только сдѣлался обладателемъ *талмиса*, но долженъ былъ отнынѣ накладывать *тефиллинъ* на лѣвую руку и голову, размышляя при этомъ о Единствѣ Божьемъ и объ исходѣ евреевъ изъ Египта, согласно словамъ Второзаконія XI, 19.

Онъ сталъ также готовиться къ тому, чтобы въ первую субботу своего тринадцатаго года быть призваннымъ къ чтенію Священнаго Писанія, какъ всѣ взрослые; онъ не будетъ только слушателемъ, но ему самому прійдется прочесть вслухъ стихъ изъ этого священнаго манускрипта, безъ знаковъ и гласныхъ,—и онъ прилежно изучалъ этотъ стихъ. Ребенокъ былъ вообще робокъ, и мысль о томъ, что ему прійдется стоять на альмерорѣ въ присутствіи всего собранія,—была для него ужасной; нѣкоторымъ вознагражденіемъ являлась только пріятная перспектива полученія

подарковъ и новаго платья. Иногда по ночамъ онъ просыпался, обливаясь холоднымъ потомъ; ему чудилось, что онъ, стоя на аль-меморѣ передъ всѣмъ собраніемъ, рѣшительно перзабылъ все; и для того, чтобы разубѣдить себя въ этомъ, онъ начиналъ произносить наизусть приготовленную строфу, начинавшуюся, въ силу страннаго совпаденія, слѣдующими словами: „И было это посреди ночи“. На самомъ дѣлѣ, онъ зналъ ее такъ же хорошо, какъ азбуку; подаркомъ же онъ былъ такимъ прилежнымъ; такъ какъ онъ готовился къ праведной жизни, ему никогда не случалось не знать своего урока или не исполнить своихъ обязанностей. Отсутствіе гласныхъ давно уже не смущало его: гласные существовали только для дѣтей неуспѣвающихъ, онъ же былъ искуснымъ знаткомъ Талмуда и умѣлъ преодолевать всѣхъ въ диспутахъ; „положительно, маленькій раввинъ“.—говорили о немъ въ гетто. Когда наступила великая минута, онъ быстро оправился отъ охватившаго его волненія и побѣдоносно овладѣлъ своимъ голосомъ; сознание, что вся толпа слушаетъ его, доставило ему тогда большое наслажденіе. По окончаніи этой церемоніи, его отца и мать наперерывъ поздравляли съ его успѣхомъ.

Теперь, когда онъ сталъ взрослымъ мужчиной, въ его жизненномъ обиходѣ стали проявляться новыя стороны іудаизма. Онъ сталъ членомъ священнаго общества, обязанность котораго состояла въ омовеніи умершихъ передъ похоронами, на маленькомъ кладбищѣ, называемомъ „Домомъ Жизни“—ибо на свѣтѣ нѣтъ смерти, какъ гласитъ молитва, которую онъ читалъ каждую пятницу. Отнынѣ онъ могъ также, наравнѣ съ другими мужчинами, принимать участіе въ заупокойномъ богослуженіи въ семьяхъ, которыя оплакивали потерю близкаго родственника, сидя при этомъ на полу и читая молитвы за душу умершаго. Мальчикъ задумывался надъ тѣмъ, что происходитъ съ душами усопшихъ; нѣкоторыя изъ нихъ навѣрное погибали, такъ какъ обладатели ихъ при жизни ѣли запрещенное. Отраднo было думать, что даже въ аду нѣтъ огня по субботамъ и что поэтому *субботняя гое* тамъ не нужна. Когда

явится Мессія, быть можетъ всё грѣшники будутъ прощены. Развѣ не сказано въ Талмудѣ, что весь Израиль, а также добродѣтельные люди другихъ народовъ, примутъ участіе въ будущемъ мірѣ?

Много было постовъ въ гетто; одни изъ нихъ длились 12 часовъ, другіе цѣлыя сутки; въ такіе дни ни крошки хлѣба, ни даже капли воды не попадало въ ротъ постившихся отъ заката солнца до слѣдующей ночи. Ребенку прежде позволяли соблюдать только нѣкоторые посты и то лишь отчасти. Теперь же онъ самъ долженъ былъ опредѣлить,—когда и какъ часто онъ будетъ поститься. Онъ рѣшилъ соблюдать всё посты. Скоро наступилъ—не постъ 9 Аба, когда община возсѣдала на землѣ и оплакивала разрушеніе храма, а великій Судный день, которому предшествовалъ цѣлый мѣсяцъ торжественныхъ молитвъ и предвѣстникомъ котораго служилъ Новый Годъ. Новый Годъ былъ самымъ священнымъ праздникомъ, во время котораго молились очень долго и трубили изъ бараньяго рога, что придавало этому празднику особенный колоритъ. Три рода звуковъ извергала эта примитивная труба: жалобный, дрожащій и плачевный, и они раздавались въ какой-то странной, мистической комбинаціи, чередуясь страстными молитвенными порывами. Грѣшники призывались къ покаянію въ день Нового Го́да, напоминавшаго о томъ, что близится Судный День. Въ теченіе девяти дней Богъ судилъ души живущихъ и рѣшалъ ихъ судьбу на слѣдующій годъ,—кто будетъ жить и кто умереть, кто разбогатѣетъ и кто обѣднѣетъ, кто будетъ пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ и кто болѣть; въ концѣ десятаго дня, въ день Великаго Поста, книги судебъ закрывались, чтобы не открываться въ теченіе всего года. До сумерекъ еще оставался срокъ для раскаянія; потомъ же все то, что было написано тамъ, запечатывалось; и тотъ, кто не раскаялся искренно, терялъ послѣдніе шансы на прощеніе. Что же удивительнаго въ томъ, что все населеніе гетто во время этихъ десяти дней толпилось на мосту канала и молилось о томъ, чтобы грѣхи его были брошены въ воду?

Былъ десятый день, и благоговѣйное чувство ожиданія рѣ-

шенія судьбы охватило все гетто. Въ каждомъ домѣ горѣла огромная восковая свѣча всю ночь напролетъ. Всѣ поднимались съ разсвѣтомъ, такъ какъ богослуженіе начиналось въ шесть часовъ утра и продолжалось непрерывно до семи часовъ вечера. Многие изъ мужчинъ надѣвали саваны, а самые набожные стояли весь день на ногахъ, раскачиваясь и бия себя рукой въ грудь. Ребенокъ также долго стоялъ, но въ полдень, почувствовавъ слабость, онъ вынужденъ былъ присѣсть; но поститься онъ твердо рѣшилъ до конца. До сихъ поръ онъ обыкновенно уходилъ во время какого нибудь краткаго перерыва въ богослуженіи домой и ѣлъ тамъ хлѣбъ съ рыбой; когда ему наступило семь или восемь лѣтъ, онъ уходилъ домой поѣсть только въ полдень, но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ онъ постился дольше; въ послѣдній разъ онъ довелъ свой постъ далеко за полдень, но теперь это было бы непростительно, если бы онъ не могъ довести его до конца и вернуться домой одновременно со всѣми взрослыми, чтобы пить вино. Онъ до того поблѣднѣлъ послѣ полудня, что отецъ умолялъ его пойти домой; но ребенокъ рѣшилъ ждать до конца. Онъ забывалъ про головную боль и сильное ощущеніе голода, ревностно молясь въ этой мрачной синагогѣ въ обществѣ людей, не перестававшихъ рыдать и походившихъ на тѣни. И вдругъ ему показалось, что небеса отверзлись и онъ узрѣлъ сидящаго на тронѣ Бога, окруженнаго херувимами и произносящаго Свой приговоръ. Всѣ силы міра казались сосредоточенными на этомъ, и всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи ожидали рѣшенія своей судьбы; потомъ онъ почувствовалъ, что его голову окропили чѣмъ-то холоднымъ, и онъ услышалъ, точно издалека, голосъ отца, спрашивающаго, — чувствуетъ-ли онъ себя лучше. Онъ открылъ глаза, улыбнулся и постепенно сталъ приходить въ себя. Отецъ его настоялъ на томъ, чтобы онъ ушелъ домой. Онъ вышелъ, еще очарованный недавнимъ видѣніемъ, въ маленькій скверъ, шуря глаза отъ ослѣпительнаго блеска солнца и голубого неба. Благоговѣйное чувство все еще не покидало его; все въ гетто напоминало ему о праздникѣ; на улицѣ

было пусто, лавки были закрыты, кругомъ царилъ тишина. Онъ подошелъ къ своему дому, но чувство стыда охватило его: онъ слишкомъ скоро уступилъ. Ему было уже гораздо лучше; воздухъ освѣжилъ его и онъ рѣшилъ не прерывать поста, а погулять еще немного и вернуться въ синагогу. Да, прогулка повліяетъ на него благотворно. У рѣшетки не было сторожа, который также устроилъ себѣ праздникъ, зная, что въ этотъ день нѣтъ надобности охранять ворота; барка стояла также на берегу, безъ людей. Все соотвѣтствовало торжественному настроенію мальчика. Онъ пошелъ по берегу канала *Cannaregio* и, идучи все дальше и дальше, попалъ въ незнакомый городъ. Какое-то странное чувство безпокойства овладѣло имъ. Вездѣ магазины были открыты, люди беззаботно шли взадъ и впередъ; ребятишки рѣзвились на рукахъ нянекъ; гондольеры по обыкновенію находились на кормахъ ихъ красивыхъ черныхъ лодокъ и безпрестанно гребли. На базарной площади старья торговли разговаривали съ покупателями. Вдругъ до его слуха донеслась чудная музыка, приведшая его въ неописанный восторгъ; онъ пошелъ по направленію этихъ незнакомыхъ для него звуковъ и очутился неожиданно на громадномъ скверѣ, окруженномъ колоннадами; тамъ сидѣли за столиками великолѣпно одѣтые синьоры и синьорины и слушали музыкантовъ, облаченныхъ въ красное платье, съ черными кокардами, находившихся въ павильонѣ посреди сквера и игравшихъ на блестящихъ инструментахъ. Этотъ обширный скверъ, переполненный столь эффектной публикой, точно околдовалъ его. А потомъ, когда онъ поднялъ глаза, онъ увидѣлъ еще зрѣлище, заставившее его притаить дыханіе—величественное зданіе, подобное тому, какимъ онъ себѣ рисовалъ храмъ въ Сіонѣ; это зданіе заканчивалось башнями и дивными золотыми куполами, и было окружено четырьмя бронзовыми фигурами животныхъ, напоминавшими ему существа, называемыя лошадьми, которыми Фараонъ преслѣдовалъ евреевъ до Краснаго моря. А рядомъ съ этимъ зданіемъ поднималась исполинская башня, на подобіе Вавилонской. Душа его наполнилась какой-то мучительной радостью. Очаровавшій

его храмъ заставилъ его выйти изъ сквера; онъ увидалъ какую-то бѣдно одѣтую женщину, заходящую въ храмъ, и послѣдовалъ за ней. Тамъ царилъ таинственный мракъ, сквозь который онъ разглядѣлъ арки, колонны и стѣны, украшенные множествомъ картинъ. Когда бѣдная женщина опустилась на колѣни, онъ инстинктивно сообразилъ, что она молится (и къ тому еще въ мужскомъ отдѣленіи!) и что это одна изъ тѣхъ церквей, куда ходятъ тѣ, о которыхъ упоминалось на мраморной плитѣ въ гетто; и въ то время, какъ онъ приводилъ въ порядокъ этотъ рой нахлынувшихъ на него мыслей, какой-то господинъ подошелъ къ нему и грозно велѣлъ снять шляпу. Онъ, испугавшись, выбѣжалъ изъ этого зданія, протолкался сквозь толпу гулявшихъ по скверу и, не останавливаясь у музыки, шелъ все дальше, точно этотъ міръ, въ который онъ проникъ въ первый разъ, преслѣдовалъ его. Онъ очутился въ какой-то темной аллеѣ и тогда сообразилъ, что онъ не найдеть дороги въ гетто. Онъ собирался попросить какую-то женщину указать ему путь, но вспомнилъ, что не имѣетъ желтаго *O* на груди, и будучи уже членомъ общины и опасаясь поэтому отвѣтственности за этотъ проступокъ, отказался отъ такой мысли. Въ минуту отчаянія ему показалось, что онъ уже никогда больше не вернется въ гетто, но потомъ онъ опомнился и спросилъ дорогу въ *Cannaregio*, а оттуда онъ уже дошелъ до знакомой рѣшетки и тайкомъ пробрался въ гетто. Тамъ все было по прежнему. Та же благоговѣйная тишина кругомъ; въ синагогахъ раздавались все тѣ же молитвы, а съ наступленіемъ сумерекъ торжественное настроеніе еще усилилось.

— Ну, поѣлъ ты?—спросилъ его отецъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, но въ душѣ радовался тому, что довелъ постъ до конца.

Молящіяся, исповѣдаясь въ своихъ грѣхахъ, ударяли себя въ грудь; мальчикъ вмѣстѣ съ ними молилъ о прощеніи только что произнесенной имъ лжи. Но при всемъ своемъ вниманіи къ жалобнымъ звукамъ молитвъ, онъ едва-ли улавливалъ ихъ смыслъ;

прежній жаръ и усердіе покинули его. Сумерки сгущались; совершенно стемнѣло; отъ бѣлыхъ фигуръ мужчинъ въ саванахъ вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ. Приближалась минута запечатанія книги небеснаго суда. Обыкновенно въ этотъ моментъ у ребенка благоговѣйное чувство ожиданія рѣшенія достигало высшаго напряженія, а теперь онъ не могъ отогнать отъ себя мысли о веселомъ скверѣ и великолѣпной церкви, гдѣ другіе люди иначе молились. Нѣчто болѣе широкое вошло въ его жизнь; онъ получилъ понятіе о болѣе обширномъ внѣшнемъ мірѣ, и воспоминаніе объ этомъ, дотолѣ ему незнакомъ мірѣ наполняло его душу какииъ-то непонятнымъ беспокойствомъ. Онъ не былъ болѣе прежнимъ сыномъ гетто.

Перев. М. Штильманъ.

ПРЕДТЕЧА БАРОНА ГИРША.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

«Нѣтъ ничего новаго подъ луной»,—этотъ мудрый афоризмъ находитъ себѣ лишнее подтвержденіе и въ томъ эпизодѣ минувшаго, которому посвящены нижеслѣдующія строки. Въ памяти нашихъ читателей, вѣроятно, еще свѣжо впечатлѣніе, произведенное первыми извѣстіями о грандіозномъ колонизаціонномъ замыслѣ барона Гирша; они помнятъ, конечно, какъ часто и охотно въ еврейской печати примѣнялись къ его проекту переселенія значительнаго количества евреевъ изъ Россіи эпитеты: «небывалый», «безпримѣрный въ лѣтописяхъ исторіи»¹ и т. п. Выходило, что планъ покойнаго нынѣ филантропа можетъ претендовать на абсолютное первенство и не имѣетъ прецедента въ области прошедшаго. А между тѣмъ несомнѣнно, что и по отношенію къ данному случаю, какъ и всему земному, сохраняетъ силу приведенное выше изреченіе Экклезіаста. Не многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстно, что въ 40-хъ гг. одно лицо выступило съ планомъ, напоминающимъ замыселъ бар. Гирша. Конечно, нельзя отрицать значительныхъ различій, выступающихъ при сравненіи обоихъ этихъ проектовъ, раздѣленныхъ почти полувѣковымъ промежуткомъ; но различія эти носятъ преимущественно частный характеръ и не касаются существа обоихъ плановъ, въ основѣ которыхъ одинаково лежала идея устройства массовой эмиграціи евреевъ изъ Россіи. Лицо, о которомъ идетъ рѣчь, предприняло также извѣстные шаги, имѣвшіе цѣлью приблизить возможность выполненія его замысла. И если въ исторіи съ планомъ барона Гирша имѣ-

¹ Насколько намъ помнится, эпитеты эти относились не къ плану барона Гирша, а къ тѣмъ *громаднымъ суммамъ*, которыя покойный филантропъ пожертвовалъ на осуществленіе этого плана.

Ред.

лось одно обстоятельство, которое дѣйствительно вправѣ претендовать на новизну,—то обстоятельство это заключалось въ томъ отношеніи, какое на этотъ разъ встрѣтилъ проектъ организациі массоваго переселенія русскихъ евреевъ въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ прежде всего зависѣла возможность его осуществленія. Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно этого эпизода, весьма необильны и отрывочны, но считаемъ небезынтереснымъ познакомить съ ними нашихъ читателей, въ надеждѣ, что кто-либо пополнитъ тотъ скудный матеріалъ, который былъ въ нашемъ распоряженіи.

Сороковые годы нашего вѣка несомнѣнно должны считаться періодомъ наиболѣе полнаго торжества того вѣроисповѣднаго мотива, которымъ ознаменовано русское законодательство о евреяхъ второй четверти этого столѣтія. Поставленная въ число обязанностей Еврейскаго комитета (1825 г.) задача—«уменьшенія евреевъ въ государствѣ»¹ съ значительною послѣдовательностью осуществлялась въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, такъ или иначе поощрявшихъ переходъ евреевъ въ христіанство. Мѣропріятія эти слишкомъ извѣстны, чтобы предстояла необходимость подробно здѣсь на нихъ останавливаться. Предпринятый въ 1836 г. строгій разборъ еврейскихъ духовныхъ книгъ съ 1841 года перешелъ какъ бы въ полное истребленіе ихъ,—хотя бы и не признанныхъ въ цензурномъ отношеніи вредными. Въ 1845 г. закрыты были существовавшія въ разныхъ мѣстахъ еврейскія типографіи, и печатаніе еврейскихъ книгъ сосредоточено исключительно въ двухъ типографіяхъ—виленской и житомирской, которыя отдавались въ откупъ на содержаніе; вмѣстѣ съ тѣмъ введена была значительная пошлина на привозимыя изъ за границы еврейскія книги. Постановленія о рекрутской повинности евреевъ, правила о кантонистахъ, штрафныхъ и т. п. выполнялись съ крутостью, свойственною суровому режиму дореформеннаго времени. Настоящее было мрачно, будущее окутано было грозною неизвѣстностью, и на почвѣ этой неизвѣстности выросли разные слухи, которые при всей своей чудовищной нелѣпости приводили въ трепеть залуганную еврейскую массу. Ходила молва, будто существуетъ намѣреніе

¹ См. указъ 24 мая 1829 г. (В. Полн. Собр. Зак., т. IV, № 2884).

забрать всѣхъ еврейскихъ дѣвушекъ на казенныя фабрики, мальчиковъ на военную службу; циркулировали также слухи о предполагаемомъ раздѣленіи еврейскаго населенія на «разряды» и т. д. Благодаря безчисленнымъ ограниченіямъ, умноженію спеціальныхъ съ евреевъ сборовъ, частымъ выселеніямъ изъ деревень и нѣкоторыхъ городскихъ пунктовъ, а также и гнету низшихъ административныхъ органовъ, бѣдность населенія «черты» возростала въ ужасающей прогрессіи; показанія современниковъ свидѣтельствуетъ о повальной нищетѣ, царившей во многихъ еврейскихъ обществахъ.

Описанное положеніе русскихъ евреевъ не могло не вызывать сочувствія въ средѣ западно-европейскихъ ихъ единовѣрцевъ. Въ заграничныхъ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ того времени находимъ рядъ статей и корреспонденцій, посвященныхъ вопросу о правовомъ и экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Особенное вниманіе удѣляла этому Филиппсоновская «Allgem. Zeit. d. Jud.» Какъ бы заключительнымъ выводомъ изъ обнародованнаго газетою богатаго фактическаго матеріала явилась помѣщенная здѣсь въ началѣ 1846 г. передовая статья, въ которой д-ръ Л. Филиппсонъ, по взвѣшеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, высказывается за настоятельную необходимость съ надлежащаго разрѣшенія русскаго правительства организовать массовую эмиграцію евреевъ изъ Россіи. Въ этихъ видахъ онъ пропагандируетъ учрежденіе «Hilfsverein zur Uebersiedlung russischer Juden», въ задачу котораго входило бы, прежде всего, исходатайствованіе у русскаго правительства разрѣшенія евреямъ выселяться изъ предѣловъ Россіи, а затѣмъ—выборъ наиболее пригодныхъ для иммиграціи пунктовъ (Америка, Капландія, Сидней и др.), пріисканіе необходимыхъ средствъ и организація самаго переселенія. Инициатива дѣла должна принадлежать представителямъ крупнѣйшихъ германско-еврейскихъ общинъ, совокупными силами коихъ надлежитъ учредить центральный комитетъ, который затѣмъ вступилъ-бы въ сношенія съ прочими еврейскими общинами, въ видахъ открытія мѣстныхъ комитетовъ и т. д. Филиппсонъ не скрываетъ отъ себя всѣхъ колоссальныхъ трудностей пропагандируемаго

¹ Ibid. № 3, стр. 20.

имъ дѣла, но указываетъ, что энергія, любовь къ ближнему, единеніе—могутъ многое превозмочь. Статья заканчивается горячимъ призывомъ къ дружной, единодушной работѣ¹. Почти одновременно съ этою статьею появилось и въ издававшейся Фюрстомъ газетѣ «Orient» такого же рода воззваніе дрезденскаго Obergrabener'a, извѣстнаго—д-ра З. Франкеля². Въ № 7 «Allg. Zeitung» помѣщена вторая статья, посвященная этому же вопросу; изъ содержанія ея можно заключить, что предложеніе Филиппсона, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, возбудило повидимому извѣстное вниманіе. Филиппсонъ сообщаетъ, что предъидущая статья его, помимо его участія, была переведена на французскій и англійскій языки и распространена въ большомъ количествѣ экземпляровъ. «Въ настоящую минуту, лаконически замѣчаетъ онъ, въ Америкѣ уже готовятся предпринять нѣкоторые шаги». Объ интересѣ къ этому дѣлу, обнаруженномъ лондонскими евреями, сообщаетъ и «Orient»; та же газета рассказываетъ, что статьи Франкеля и Филиппсона воспроизведены были въ «Univers Israelite» и возбудили большое сочувствіе. Къ этому Фюрстъ присовокупляетъ, что ожидается открытіе комитетовъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ³. Въ № 10 «Allg. Zeit.» находимъ слѣдующее краткое сообщеніе изъ Берлина: «Недавно здѣсь былъ д-ръ Филиппсонъ по дѣлу объ учрежденіи комитета. Ему удалось расположить въ пользу этого много весьма почтенныхъ лицъ». Приведенными нами немногими и отрывочными указаніями ограничиваются свѣдѣнія, которыя въ названныхъ газетахъ находимъ относительно судьбы предложенія Филиппсона и Франкеля. Ни «Allg. Zeitung. d. Jud.», ни «Orient» не даютъ никакихъ дальнѣйшихъ сообщеній по этому дѣлу. Надо думать, что ихъ предложеніе постигла обычная участь многихъ такого рода начинаній: на первыхъ порахъ оно вызвало извѣстное вниманіе со стороны общества, но вскорѣ интересъ къ этому вопросу остылъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ точныхъ указаній, чтобы обнаружилась какая либо общественная инициатива въ данномъ случаѣ. Источники, которыми мы располагаемъ, слишкомъ

См. «Orient» 1846 г. № 1, стр. 2 («Aufruf an die Gemeinden Israels»).

См. «Allg. Zeitung d. Judenhtums», 1846 г. № 5, стр. 61—64.

скудны, чтобы по нимъ судить о томъ, чѣмъ именно вызванъ былъ такой оборотъ дѣла: быть можетъ, основаніемъ къ этому служили значительныя надежды, полагавшіяся на предпринятую въ 1846 г. Монтефіоре поѣздку въ Петербургъ; быть можетъ, причиною тому были нѣкоторыя личности, повредившія дѣлу въ самомъ его зародышѣ. Последнее предположеніе напрашивается при чтеніи одной, появившейся въ «Allg. Zeitung d. Jud.» въ самомъ концѣ 1846 г. замѣтки, которою д-ръ Филиппсонъ вкозь обмолвился о судьбѣ, постигшей его предложеніе. Замѣчанія его, однако, носятъ слишкомъ общій характеръ и не даютъ возможности придти къ какому либо вполне опредѣленному заключенію по этому вопросу¹.—Но если проэктированный Филиппсономъ «Hülfsverein zur Uebersiedlung russischer Juden» и не былъ открытъ, то мысль о необходимости разрѣшенія еврейскаго населенія Россіи въ ту пору какъ бы носилась въ воздухѣ, и нашлось лицо, которое предприняло нѣкоторые шаги для осуществленія этой мысли. Объ этомъ мы узнаемъ изъ нѣсколькихъ писемъ, напечатанныхъ во 2-ой части «77» М. А. Гинцбурга. Извѣстно, что эта часть названнаго сочиненія Гинцбурга, появившаяся въ свѣтъ уже послѣ смерти ея автора, издана въ крайне небрежномъ видѣ; при печатаніи помѣщенныхъ здѣсь писемъ издатель нашелъ почему то нужнымъ опустить почти всюду даты, а также фамиліи лицъ, къ которымъ адресованы эти письма или о которыхъ въ нихъ упоминается. Благодаря указанному обстоятельству, многое въ этихъ письмахъ остается недосказаннымъ и неяснымъ для читателя. Такого же рода пробѣлы имѣются и въ тѣхъ письмахъ, которыя касаются интересующаго насъ вопроса; но въ данномъ случаѣ представляется, какъ увидимъ, возможность восстано- вить эти пробѣлы. Въ помѣщенномъ въ «77» подъ № 59-мъ

¹ Воспроизведши данныя о правовомъ положеніи евреевъ, сообщенныя въ однои изъ ноябрьскихъ №№ «Zeit. für Pr.» (за 1846 г.), редакция «Allg. Zeit. d. Jud.» замѣчаетъ: «Neuerdings hat man Alles, was wir hierüber gesagt, als übertrieben, als extravagant zu beseitigen und zu vergessen gesucht. Es wird ein Tag kommen, wo diejenigen zur Rechenschaft gezogen werden, welche als falsche Freunde, in Prunksucht und Selbstüberschätzung, zwischen die Organisation der Hülfe täppisch getreten, und das eben aufkeimende Werk erdrückt haben.» (1846 г. № 51-стр. 749).

письмѣ (къ кому именно оно обращено, остается, благодаря хозяйничанью издательской руки, неизвѣстнымъ) М. А. Гинцбургъ говорить: «Я дважды писалъ вамъ, и теперь пишу снова,—не для того чтобы пополнить содержаніе предъидущихъ моихъ писемъ, а имѣя въ виду сообщить вамъ важную новость. Я радъ возможности сообщить такую вѣсть». Вслѣдъ затѣмъ онъ упоминаетъ о полученномъ въ Вильнѣ отъ «одного лица» письмѣ и излагаетъ содержаніе послѣдняго (стр. 116—117). Въ изданномъ въ 1889 г. редакціею «Гамелица» сборникѣ «Сѣмъ ерѣ» напечатано нѣсколько вещей изъ рукописнаго наслѣдія М. А. Гинцбурга; здѣсь, между прочимъ, находимъ и то письмо, о которомъ онъ говоритъ въ цитированномъ нами мѣстѣ. Оказывается, что оно принадлежитъ перу покойнаго виленскаго литератора и книгоиздателя И. Бенъ-Якоба и обращено къ извѣстному писателю А. Б. Лебенсону; писано оно изъ Лейпцига, лѣтомъ 1846 г. Приводимъ изъ названнаго сборника это письмо, опуская нѣкоторыя подробности, не имѣющія существеннаго значенія.

«Вчера вечеромъ пришелъ ко мнѣ по дѣлу д-ръ Фюрстъ. Покончивъ съ дѣлами, мы отправились вмѣстѣ въ синагогу, и тутъ онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: На прошлой недѣлѣ ко мнѣ явился одинъ посѣтитель,—старикъ, весьма скромно одѣтый. На мой вопросъ: чѣмъ я могу ему служить? онъ отвѣтилъ мнѣ по французски, что не владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, и проситъ говорить съ нимъ по французски. Мы разговорились; онъ подалъ мнѣ письмо, изъ содержанія котораго я къ своему великому изумленію узналъ, что предо мною — высокопоставленный французскій еврей, что онъ въ теченіе 40 лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ коммерческаго суда въ Марселѣ и нѣсколько лѣтъ занимаетъ постъ президента консисто-ріи. Письмо содержитъ просьбу вліятельнѣйшихъ лицъ, по адресу всякаго, къ кому обратится податель его, — оказывать ему содѣйствіе въ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ. Когда я выразилъ свою готовность быть ему полезнымъ всѣмъ, чѣмъ съумѣю, онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Какъ видите, я старъ; я потерялъ дѣтей, нѣсколько лѣтъ навадъ лишился и жены. Господь далъ мнѣ огромное богатство; дошедшія до насъ вѣсти о положеніи нашихъ собратьевъ въ Россіи побуждаютъ

меня посвятить все свое состояніе облегченію ихъ участи. Подѣлившись своею мыслью съ наиболѣе солидными и вліятельными лицами нашего города, я встрѣтилъ съ ихъ стороны сочувствіе и обѣщаніе значительной матеріальной поддержки, — на случай если бы мои средства оказались недостаточными. Мы обсудили этотъ вопросъ, и съ общаго рѣшенія я отправился въ Парижъ, чтобы вступить въ переговоры съ тамошними нашими единовѣрцами и постараться получить аудіенцію у короля. Въ Парижѣ меня встрѣтили сочувственно; также имѣлъ я успѣхъ и въ высшихъ сферахъ... Теперь я направляюсь въ Петербургъ; если тамъ мнѣ не удастся что либо для всего еврейскаго населенія, я ограничусь малымъ, — просьбою о разрѣшеніи мнѣ переселить 40 тысячъ еврейскихъ семействъ въ присоединенный къ Франціи Алжиръ, гдѣ имъ отведены будутъ земельные участки и т. д. Во время аудіенціи король сказалъ мнѣ, что для такого количества семействъ найдется вполне пригодная земля. Но если бы встрѣтились препятствія, я готовъ значительно убавить названную мною цифру, намѣренъ ограничиться одной тысячею бѣдныхъ семействъ, лежащихъ обузою на обществѣ. Я готовъ внести за каждое изъ нихъ по 1000 франковъ въ казну. Эту тысячу семействъ я переселю на участки, которые приобрѣту на свои средства; по печенію объ ихъ нуждахъ въ новой странѣ будетъ въ теченіе трехъ лѣтъ лежать исключительно на мнѣ. Я не прибѣгну къ поддержкѣ со стороны нашихъ единовѣрцевъ, ибо, какъ я вамъ уже сказалъ, Господь одарилъ меня богатствомъ, и я одинокъ». Затѣмъ онъ спросилъ мое мнѣніе насчетъ всего этого, просилъ также указаній и т. д. Среди нашего разговора онъ, замѣтивъ, что я не достаточно свободно владѣю французскою рѣчью, сказалъ, что я могу говорить съ нимъ на древне-еврейскомъ языкѣ, по сефардійскому выговору. Я такъ и сдѣлалъ, и къ стыду своему долженъ признаться, что онъ по древне-еврейски говоритъ несравненно свободнѣе, чѣмъ я по-французски. Вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ, что помимо своего богатства и высокаго положенія, онъ — прямой потомокъ знатнѣйшихъ родовъ Іерусалима и Испаніи». Далѣе Фюрстъ сообщилъ Бенъ-Якову, что онъ имѣлъ еще нѣсколько разговоровъ съ этимъ пріѣзжимъ французскимъ евреемъ (по имени — *Исаакъ Алта-*

расъ), и что послѣдній, пробывъ въ Лейпцигѣ нѣсколько дней, отправился въ дальнѣйшій путь ¹.

Изложивши содержаніе приведеннаго нами письма Бенъ-Якоба къ Лебенсону, М. А. Гинцбургъ далѣе пишетъ: «Итакъ, это лицо имѣетъ въ виду нѣчто большее, чѣмъ его предшественникъ. Монтефіоре. Первое время мы держали письмо это въ секретѣ. Но вчера здѣсь получились изъ Риги газеты, и оказалось, что и въ нихъ говорится объ этомъ человѣкѣ, — какъ вы убѣдитесь изъ прилагаемыхъ мною выписокъ. Поэтому я и рѣшился извѣстить васъ о томъ письменно. Во всякомъ случаѣ, предъ нами—изъ ряду выходящее событіе. Кто знаетъ, не начало-ли это избавленія и т. д.» ². Въ напечатанномъ вслѣдъ за этимъ въ «727» письмѣ (повидимому, обращенномъ уже къ другому лицу) Гинцбургъ вскользь упоминаетъ о двухъ письмахъ касательно И. Альтараса, полученныхъ изъ Лейпцига и Берлина. Очевидно, подъ первымъ разумѣется письмо Бенъ-Якоба, содержаніе котораго мы только что изложили; что же касается второго, то надо полагать, что Гинцбургъ имѣетъ въ виду письмо, полученное Л. Розенталемъ отъ брата своего, В. Розенталя. Этого письма мы въ «727» не находимъ, но оно напечатано въ цитированномъ выше сборникѣ, откуда мы его и заимствуемъ:

«Берлинъ, 14 августа 1846 г. Нѣсколько дней назадъ здѣсь было проѣздомъ въ Петербургъ одно извѣстное лицо, г. Альтарасъ. Г-нъ Альтарасъ имѣетъ въ виду дѣйствовать предъ правительствомъ въ пользу польско-русскихъ евреевъ. Онъ — уроженецъ Алжира, происходитъ изъ знатной и богатой семьи, воспитывался въ Парижѣ, гдѣ и кончилъ университетъ. Нынѣ онъ занимаетъ высокой постъ. Цѣль его поѣздки—добиться у правительства Николая I разрѣшенія значительному количеству евреевъ переселиться въ Алжиръ. Онъ снабженъ рекомендательными письмами отъ правительственныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ министра Гизо. Слухъ объ этомъ дѣлѣ проникъ на столбцы берлинскихъ газетъ, которыя объ этомъ много толковали; вслѣдъ за тѣмъ въ газетахъ появилось опроверженіе

¹ См. „727“ стр. 83—84.

² См. „727“, ч. II, стр. 117.

этихъ слуховъ. Мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что опроверженіе это сдѣлано было по желанію г. Альтараса же; онъ сказалъ одному изъ моихъ друзей, что считаетъ себя обязаннымъ опровергнуть этотъ слухъ, такъ какъ еще въ точности не знаетъ, вѣрны-ли его старанія успѣхъ, и поэтому не желаетъ возбудить надежды, которымъ, быть можетъ, и не суждено сбыться. Г-ну Альтарасу—лѣтъ 60; онъ одаренъ большою терпимостью, несмотря на то, что самъ выполняетъ нашія религіозныя предписанія и обычаи, насколько это возможно и необходимо для сохраненія нашего единства. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ дѣтей и жену, онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь улучшенію участи своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ ¹.

Къ содержащимся въ приведенныхъ нами письмахъ даннымъ о личности И. Альтараса, мы можемъ прибавить слѣдующее. Въ 1845 г. на средства Альтараса напечатано было въ Мецѣ сочиненіе Исаака Луписа: «גמל למי שנתן עמו חסד», содержащее апологію еврейскаго вѣроученія. Изъ предисловія къ этой книгѣ мы узнаемъ, что рукопись сочиненія, составленнаго Луписомъ въ концѣ XVII в., долгіе годы хранилась въ библиотекѣ семейства Альтарасъ, и что нынѣ Исаакъ Альтарасъ, предсѣдатель еврейской общины въ Марселѣ (אברהם אלתרסון), считъ необходимымъ напечатать это сочиненіе, въ виду усилившейся на востокѣ дѣятельности миссіонеровъ среди мѣстнаго еврейскаго населенія. Его побуждаетъ къ тому надежда, что знакомство съ сочиненіемъ И. Луписа укрѣпитъ читателей въ вѣрности религіи ихъ предковъ. Намъ думается, что фактъ этотъ не лишенъ интереса для характеристики И. Альтараса и преданности его дѣлу укрѣпленія того «единства», о которомъ говорилось въ письмѣ В. Розенталя ². Небезъинтересно, пожалуй, отмѣтить и совпаденіе обстоятельствъ семейной жизни Альтараса и барона М. Гирша, одинаково толкнувшихъ того и другого на путь служенія обез-

¹ См. „עמוד עבר“, стр. 84—85.

² Названная книга, распространенная издателемъ ея въ большомъ числѣ экземпляровъ среди евреевъ на востокѣ, повидимому не поступила въ продажу и нынѣ составляетъ большую библиографическую рѣдкость. Экземпляръ ея имѣется въ азіатскомъ музеѣ академіи наукъ, въ собраніи книгъ, принесенныхъ г. Д. Фридландомъ въ даръ академіи.

доленнымъ собратьямъ. Что касается самаго плана переселенія значительнаго числа русскихъ евреевъ въ Алжиръ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта мысль Альтараса встрѣтила серьезное сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ Франціи; эти поселенцы могли бы служить элементомъ весьма пригоднымъ и желательнымъ въ видахъ замиренія края, незадолго до того присоединеннаго къ Франціи и безпрестанно волнуемаго возстаніями туземныхъ племенъ. Это даетъ основаніе вполнѣ довѣрять сообщаемымъ нашими источниками подробностямъ сочувственнаго отношенія французскаго правительства къ плану И. Альтараса.

Поѣздка Альтараса въ Петербургъ, повидимому, возбудила живѣйшее вниманіе въ кругу тогдашнихъ виленскихъ интеллигентовъ; о напряженномъ интересѣ, съ которымъ они слѣдили за судьбою этого дѣла, свидѣтельствуютъ и отрывочныя замѣчанія, которыя находимъ въ нѣсколькихъ письмахъ, вошедшихъ въ составъ «Г-нъ М. А. Гинцбурга: «Г-нъ Альтарасъ, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, въ настоящее время хлопочетъ въ Петербургѣ по своему дѣлу. Никому изъ тамошнихъ нашихъ единовѣрцевъ не удалось видѣться съ нимъ. Б. Поткинъ писалъ, что Альтарасъ покаместъ еще не добился аудіенціи» (стр. 119). — Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Мы находимся съ полной неизвѣстности относительно хода дѣла Альтараса; изъ столичныхъ евреевъ никто не имѣлъ съ нимъ свиданія. Извѣстно только, что онъ уже покинулъ Петербургъ; онъ отправился въ Штетинъ (Пруссія), откуда впоследствии пріѣдетъ въ Варшаву» (стр. 121). — Неизвѣстность результата хлопотъ Альтараса въ Петербургѣ на первыхъ порахъ порождаетъ разные противорѣчивые слухи. Такъ, мы находимъ сообщеніе, со словъ одного пріѣхавшаго изъ Петербурга лица, будто правительство согласилось предоставить право выѣзда изъ предѣловъ Россіи только ста семействамъ. Съ другой стороны, здѣсь же приведена выдержка изъ письма П. Членова, изъ Минска, слѣдующаго содержанія: «Съ помощью Божіею, миссія его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Нынѣ онъ уѣхалъ въ Варшаву, откуда онъ отправится въ Лондонъ, для свиданія съ М. Монтефіоре; затѣмъ онъ побудетъ въ Алжирѣ и направится въ Одессу и Петербургъ» (ibid.) Приведенное выше сообщеніе о поѣздѣ Аль-

тараса въ Варшаву, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Пруссіи (куда онъ пріѣхалъ изъ Петербурга), подтверждается содержаніемъ письма В. Розенталя, о которомъ будетъ упомянуто ниже. Но подробностей относительно пребыванія его въ Варшавѣ въ « » не находимъ. «Я не могу сообщить вамъ ничего новаго по этому дѣлу, пишетъ Гинцбургъ въ одномъ мѣстѣ. Извѣстно только, что онъ въ настоящее время (конецъ сентября или начало октября 1846 года: письмо датировано) находится въ Варшавѣ. Больше мы ничего не знаемъ, такъ какъ Слонимскій, къ которому мы по сему поводу обратились съ запросомъ, оказался уѣхавшимъ въ Англію» (ibid, стр. 125). Тутъ же Гинцбургъ сообщаетъ нѣкоторое обстоятельство, не лишнее интереса: «Ортодоксы, говоритъ онъ, воздерживаются отъ переговоровъ съ Альтарасомъ, такъ какъ они слышали, будто онъ не такъ пунктуаленъ относительно религиозныхъ предписаній, какъ не задолго до него пребывавшій здѣсь Монтефіоре» (ibid.). Очевидно, ортодоксальные слои рѣзко расходились съ виленскими maskilim въ оцѣнкѣ правовѣрія Альтараса.

Нѣкоторыя подробности касательно исхода ходатайства Альтараса въ Петербургъ находимъ въ письмѣ В. Розенталя къ брату, изъ Берлина, отъ 20 сентября 1846 г.: «Причиной замедленія моего отвѣта было желаніе сообщить просимыя тобою извѣстія относительно поѣздки Альтараса. Нѣскольдо дней назадъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Я имѣлъ съ нимъ сегодня разговоръ, и нынѣ передаю тебѣ то, что онъ мнѣ сообщилъ: «Я отправился въ Петербургъ, съ разрѣшенія французскаго правительства, снабженный рекомендательными письмами отъ министра Гизо и др. сановниковъ къ русскимъ министрамъ. Цѣль моя заключалась въ исходатайствованіи разрѣшенія переселить извѣстное количество евреевъ изъ Россіи и Польши въ Алжиръ. Они получаютъ права французскаго гражданства и будутъ находиться подъ сѣнью нашихъ законовъ такъ же, какъ и прочіе граждане. Наше правительство намѣрено сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ; каждому семейству отведенъ будетъ участокъ земли, достаточный для пропитанія. Мы не для того переселимъ ихъ къ намъ, чтобы они стали торговцами. Въ теченіе перваго года, покуда они станутъ на ноги,

они будутъ пользоваться нашей матеріальною поддержкою. Я дѣйствую отъ лица бр. Ротшильдовъ, ибо что касается денежной стороны дѣла, то она почти вся лежитъ на нихъ; прочіе же наши французскіе, германскіе и англійскіе богачи окажутъ только нѣкоторое содѣйствіе. Съ Монтефіоре я видѣлся въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, по пути сюда. Я засталъ его больнымъ, и потому не имѣлъ возможности подробно говорить съ нимъ. По его мнѣнію, моя поѣздка въ Петербургъ не увѣнчается успѣхомъ, старанія мои будутъ напрасны и мнѣ суждено разочарованіе. Впрочемъ, онъ обѣщаль всевозможное содѣйствіе, когда выяснится дѣло. Въ Петербургѣ я не получилъ аудіенціи у государя. Министръ Несельроде сказалъ мнѣ, что государь въ настоящее время весьма занятъ. Но онъ самъ говорилъ со мною по этому дѣлу, и вотъ его отвѣтъ: Ходатайство мое будетъ уважено, если за cadaго еврея, навсегда покидающаго Россію, уплочено будетъ въ казну по 60 руб. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ дано будетъ разрѣшеніе предпринять путешествіе для того, чтобы вступить въ переговоры съ евреями и убѣдиться въ томъ, желаютъ ли они эмигрировать, или нѣтъ. По сообщеніи мною результатовъ этой поѣздки, приложено будетъ стараніе, чтобы просьба моя была исполнена. вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ дано будетъ письмо къ гр. Варшавскому (Паскевичу), чтобы онъ поговорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ.

Съ этимъ я уѣхалъ изъ Петербурга; теперь я направляюсь въ Варшаву. Въ Вильнѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ еврейской осѣдлости я на этотъ разъ не могу побывать, такъ какъ дѣла зовутъ меня спустя мѣсяць времени во Францію, а затѣмъ—немедленно въ Алжиръ. Нынѣшняя моя поѣздка—какъ бы предисловіе къ поѣздкѣ, которую предприму въ будущемъ году». Г. Альтарасъ проведетъ въ Варшавѣ около 3 недѣль; сегодня онъ покидаетъ Берлинъ»¹.

Сообщенныя въ этомъ письмѣ В. Розенталя данныя не совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя наконецъ находимъ въ послѣднемъ изъ нашихъ источниковъ. Мы говоримъ о корреспонденціи по этому вопросу изъ Варшавы, напечатанной въ газ. «Orient». Въ нѣмецко-еврейскихъ газетахъ за 1846 г., по

¹ См. „אורח ישראל“, стр. 85—86; „דבר“ стр. 123—125.

крайней мѣрѣ въ тѣхъ двухъ, которыя были въ нашемъ распоряженіи, почти совершенно не упоминается о планѣ Альтараса. Филиппсоновская «Allg. Zeit. d. Jud.» не содержитъ ни одного сообщенія по этому вопросу; также долгое время хранить глубокое молчаніе объ Альтарасѣ и «Orient», — несмотря на то, что редакторъ этой газеты, д-ръ Ю. Фюрстъ, имѣлъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, подробную бесѣду съ Альтарасомъ и былъ хорошо освѣдомленъ относительно его предпріятія. Соображенія, которыя въ данномъ случаѣ руководили еврейскою печатью, — конечно, вполне понятны; тѣ же соображенія побудили Альтараса опровергнуть проникшіе на столбцы берлинскихъ газетъ слухи о предпринимаемомъ имъ ходатайствѣ. Только въ сентябрѣ 1846 г., когда уже выяснилась безуспѣшность хлопотъ Альтараса, въ газетѣ Фюрста появилось слѣдующее сообщеніе по этому дѣлу, въ формѣ корреспонденціи изъ Варшавы, которую мы и приводимъ: «Варшава, 15 сентября. Г-нъ Альтарасъ изъ Марселя въ настоящее время пребываетъ здѣсь, гдѣ его старанія, повидимому, такъ же безуспѣшны, какъ и ранѣе въ Петербургѣ. Несмотря на то, что вы въ Лейпцигѣ имѣли личные переговоры съ нимъ, вы ничего не сообщали о его повѣдѣннѣ, — исходя изъ того правильнаго соображенія, что такого рода преждевременными сообщеніями скорѣе можно повредить этому доброму дѣлу, нежели помочь. Нынѣ, когда можно считать несомнѣннымъ, что онъ ничего не добился, — позвольте мнѣ сообщить кое-что по этому дѣлу. Г-нъ Альтарасъ, какъ здѣсь рассказываютъ, имѣлъ въ виду переселить значительное количество бѣдныхъ евреевъ изъ Россіи и Польши въ Алжиръ, для каковой цѣли онъ уже вступилъ въ извѣстное соглашеніе съ французскимъ правительствомъ; также и матеріальная сторона была уже обезпечена. Ходатайство его предъ государемъ заключалось въ разрѣшеніи значительному количеству бѣдныхъ евреевъ выселиться изъ предѣловъ Россіи; съ полученіемъ такого разрѣшенія онъ намѣревался немедленно забрать съ собою извѣстную партію. Кто знакомъ съ вопіющею нуждою здѣшнихъ евреевъ, тотъ знаетъ, какъ спасительно было-бы такое выселеніе какъ для эмигрирующихъ, такъ и для остающихся. Для 40,000 семействъ французское правительство уже готово было отвести земли; говорятъ, что домъ Ротшильдовъ согласенъ

былъ внести 400,000 фр. на первое обзаведеніе ихъ. Но въ Петербургѣ онъ не получилъ аудіенціи у государя; его направили для переговоровъ къ министрамъ, послѣдніе же не согласны предоставить бѣднѣйшимъ евреямъ право выселяться. Здѣсь дѣла его идутъ не лучше. При всѣхъ лучшихъ его рекомендаціяхъ къ кн. Паскевичу, послѣдній все же ничего не можетъ сдѣлать, — въ виду столь рѣшительныхъ взглядовъ, выраженныхъ свыше¹⁾.

Не сумѣлъ ли В. Розенталь съ надлежащею точностью передать въ приведенномъ выше письмѣ содержаніе своего разговора съ Альтарасомъ, или же послѣдній по какимъ либо соображеніямъ не считалъ возможнымъ сообщить Розенталью истинное положеніе дѣла, — во всякомъ случаѣ большаго довѣрія заслуживаютъ свѣдѣнія, сообщенныя гаветою д-ра Фюрста, котораго И. Альтарасъ съ самаго начала посвятилъ въ подробности своего плана и, надо полагать, держалъ *au courant* дѣла. Предположеніе, чтобы неблагоприятный исходъ предпріятія Альтараса вызванъ былъ предъявленнымъ ему будто бы требованіемъ — внести въ казну по 60 руб. за cadaго эмигранта-еврея, — такое предположеніе представляется мало вѣроятнымъ въ виду заявленной Альтарасомъ (въ приведенномъ выше разговорѣ съ д-ромъ Фюрстомъ) готовности уплатить въ казну 1000 фр. за каждую эмигрирующую семью. Но если и допустить, что министръ гр. Несельроде въ бесѣдѣ съ Альтарасомъ обусловливалъ разрѣшеніе его ходатайства внесеніемъ въ казну известнаго денежнаго эквивалента, — то во всякомъ случаѣ придется признать, что въ данномъ случаѣ имѣлось личное предположеніе гр. Несельроде, не нашедшее одобренія свыше. Къ сожалѣнію, тѣ матеріалы, которыми мы располагаемъ, слишкомъ мало сообщаютъ подробностей о томъ неблагоприятномъ отношеніи, какое встрѣтилъ въ Петербургѣ проектъ Альтараса, т. е. о томъ именно обстоятельстве, которое является, несомнѣнно, самою интересною стороною рассказаннаго нами эпизода. Также мало даютъ они свѣдѣній о подробностяхъ эмиграціоннаго плана Альтараса; вмѣстѣ съ тѣмъ въ приведенныхъ нами сообщеніяхъ не находимъ достаточно данныхъ для сужденія о томъ, — въ

¹ См. газ. „Orient“, 1846 г. № 42, стр. 330.

какой мѣрѣ дѣло это было личнымъ предпріятіемъ Альтараса и въ какой связи оно стояло съ агитаціею, предпринятою Филиппсономъ и Франкедемъ. Было бы желательнo, чтобы кто нибудь дополнилъ скудныя свѣдѣнія, сообщенныя въ настоящей замѣткѣ, новыми данными, почерпнутыми изъ др. матеріаловъ, которые намъ были недоступны. Быть можетъ, въ нѣмецкихъ газетахъ за 1846 г. (упоминаемыхъ, между прочимъ, и въ письмахъ М. А. Гинцбурга и В. Розенталя), во французско-еврейскихъ за тотъ же годъ или въ др. источникахъ нашлись бы какія либо интересныя указанія по этому вопросу.

Какъ бы то ни было, предпріятіе того лица, которое мы называли предтечею бар. М. Гирша, разбилося о рѣшительное нежеланіе руководящихъ сферъ узаконить массовую эмиграцію евреевъ изъ Россіи. Иное отношеніе, спустя почти полвѣка, встрѣтилъ планъ барона Гирша. То, что считалось недопустимымъ въ 1846 г., признано было допустимымъ въ 1892 году. И если вспомнить къ тому, что Алжиръ, двери котораго въ 1846 г. такъ гостепріимно раскрывало предъ евреями французское правительство, въ настоящее время служить главнѣйшею ареною французскаго антисемитизма,—то получится нѣкоторый матеріалъ для размышленій на тему о «вѣкѣ нынѣшнемъ» и «вѣкѣ минувшемъ».

С. Гинцбургъ.

ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ I. M. ПИНЕСУ.

ГЛАВА XXXI¹.

Сафетъ.

Прїѣздъ въ городъ.—Вечеръ у г. Э.—„Удѣлите отъ избытка вашего для бѣдныхъ!“.—Дѣвичье училище.—Сафетская интеллигенція.—Внѣшній видъ города.—Землетрясеніе 1837 года.—Общественныя учрежденія.—Наружный и душевный обликъ сафетскаго еврея.—Работы! — Чѣмъ живутъ сафетцы?—Положеніе ремесленниковъ.—Стремленія въ земледѣлію.—Кружокъ Бне Йегуда и Ижгумъ.

Изъ Эйвъ-Дзетуна Сафетъ виденъ какъ на ладони, а между тѣмъ потребовалось добрыхъ 30—40 минутъ утомительнаго подъема по крутому склону горы, пока, весь покрытый бѣлой известковой пылью, я достигъ города. Была пятница; солнце близилось уже къ горизонту, въ еврейской части города лавки были уже заперты, воцарившаяся повсюду тишина, праздничный видъ встрѣчныхъ,—все свидѣтельствовало о торжественномъ приближеніи субботы. Проблуждавъ нѣсколько минутъ по тѣснымъ искривленнымъ переулкамъ и закоулкамъ, я подѣхалъ къ нужному мнѣ дому, привязавъ лошадь къ оконной рѣшеткѣ и чрезъ узкую калитку вошелъ въ небольшой квадратный хоцеръ², гладко вымощенный каменными плитами. Посрединѣ возвышался красивый цвѣтникъ, и кругомъ вели двери въ комнаты, изъ которыхъ, по восточному обыкновенію, ни одна не соединялась съ другою, но каждая имѣла свой отдѣльный входъ со двора. На тѣневой сторонѣ хоцера сидѣла за чаемъ семья хозяина. «Наконецъ-то мы васъ видимъ!» привѣтствовалъ меня послѣдній. «Вѣдь уже двѣ недѣли, какъ мы васъ ждемъ». Мнѣ немедленно дали умыться съ дороги, позаботились отослать мою лошадь

¹ См. „Восходъ“, кн. V.

² Дворъ.

обратно въ Рошъ-Пину, и чрезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ со всѣми за чайнымъ столомъ. Хозяинъ, г. Э., еще молодой человѣкъ, родившійся и получившій образованіе въ Россіи, живетъ въ Св. Землѣ лѣтъ десять и состоитъ теперь завѣдующимъ дѣвичьей школой въ Сафетѣ. Съ перваго же взгляда на г. Э. и его молодую жену, всякій бы понялъ, что имѣетъ дѣло съ представителями все болѣе распространяющагося въ Палестинѣ типа людей, возвышенный образъ жизни которыхъ служить самымъ яркимъ воплощеніемъ одушевляющихъ ихъ національныхъ идей. Всѣ члены семьи говорили, конечно, только на древне-еврейскомъ языкѣ. Впрочемъ, некогда было разговаривать. Наступили уже сумерки. Хозяйка взягла субботнія свѣчи и принялась накрывать на столъ, а хозяинъ приступилъ къ вечерней молитвѣ. Ни малѣйшаго обряда не было упущено. «Въ Палестинѣ, замѣтилъ мнѣ по этому поводу Э., необходимо строго соблюдать религіозныя предписанія, чтобы пользоваться уваженіемъ; мнѣ, какъ завѣдывающему училищемъ, въ особенности важно вести безупречно религіозный образъ жизни, иначе ко мнѣ дѣтей не будутъ посылать».

Мы разговорились объ этомъ училищѣ. Последнее основано было года три тому назадъ на равныя пожертванія, собираемыя преимущественно въ Америкѣ. Разумѣется, училище, существуя исключительно на случайныя пожертванія, не можетъ считаться обезпеченнымъ, но пока оно не испытываетъ особенной нужды, чему оно обязано энергіи супруги сафетскаго врача, Блиденя, способной вытягивать пожертванія чуть не изъ мертвыхъ. Благодаря неусыпнымъ заботамъ г. Э., преподаваніе въ училищѣ поставлено образцово, учителя прекрасныя. Къ сожалѣнію, сафетскіе евреи не только не сочувствуютъ этому училищу, но даже подвергли его херему¹. «Зачѣмъ намъ образовывать своихъ дочерей?—разсуждаютъ они.—Развѣ онѣ и безъ того не смогутъ дѣтей рожать, хозяйство вести?»—«Мы хотимъ,—говорятъ учредители училища,—воспитать разумныхъ матерей, чтобы онѣ могли внушать своимъ дѣтямъ любовь къ своему народу, къ странѣ, къ честному труду».—«На что намъ все это,—отвѣтствуютъ сафетцы,—когда хлѣба нѣтъ? Что потомъ будетъ дѣлать дѣвушка, знающая языки и разныя науки? Вѣдь она себѣ въ Сафетѣ

¹ Отлученію.

жениха не найдеть!» Въ результатѣ, болѣе видные хозяева не посылають своихъ дочерей въ это дѣвичье училище. Впрочемъ, среди такихъ тяжелыхъ условій приходится работать почти всѣмъ нашимъ палестинскимъ просвѣтителямъ, и все таки они не падаютъ духомъ и продолжаютъ упорно стремиться къ своей высокой цѣли.

Ужинъ уже близился къ концу, какъ на улицѣ послышался какой то шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ отворилась калитка и на порогѣ показался старикъ-френкъ; длинная клинообразная борода, высокій морщинистый лобъ, продолговатое строгое лицо, не по старчески сверкающій вдохновенный взглядъ придавали его фигурѣ какую то особую внушительность.

— Шабать шаломъ!—громко обратился онъ къ намъ.— Удѣлите отъ избытка вашего для бѣдныхъ!

Позади френка стоялъ арабъ съ объемистой корзиной, куда наша хозяйка не преминула положить понемногу хлѣба, рыбы, мяса, послѣ чего френкъ удалился. Но еще не разъ среди ночной тишины доносились до насъ его воззванія:

— Удѣлите отъ избытка вашего для бѣдныхъ!

— Что это за личность?—обратился я къ хозяину.

— Этотъ френкъ—зажиточный мѣстный житель. Онъ наложилъ на себя обѣтъ не садиться по субботамъ и праздникамъ за столъ, пока не накормитъ бѣдныхъ. Онъ теперь не перестанетъ бѣгать по городу, пока не соберетъ достаточно пищи для нищей брати, никто ему не отказываетъ, даже тѣ, которые сами нуждаются. И только тогда, когда бѣдные вполне насытятся, онъ удаляется къ своей семьѣ и садится за столъ.

Послѣ ужина у насъ собралось маленькое общество: д-ръ Блиндонъ, попечитель дѣвичьяго училища, преподаватели послѣдняго и два-три человѣка изъ служащихъ общества «Дорше Ціонъ», то есть—весь небольшой кружокъ сафетской интеллигенціи. Тутъ же сидѣло и стояло нѣсколько юношей, втайнѣ отъ своихъ родителей посѣщающихъ директора школы, чтобы прочесть книгу-другую изъ его библіотеки и насладиться увлекательной бесѣдой. Э. принимаетъ ихъ очень ласково и внимательно, старается развить и облагородить ихъ, а желающимъ учиться даетъ и бесплатные уроки. Глядя, съ какимъ вниманіемъ и уваженіемъ эти юноши прислушиваются къ каждому слову своихъ «учителей», я съ радостью убѣждался, что самоотверженная дѣятельность этой почтенной горсти бла-

городныхъ людей даетъ хорошіе плоды, что у тунеядства и невѣжества отвоевывается одна позиція за другой.

На слѣдующій день я предпринялъ прогулку по городу. Сафетъ нигдѣ не упоминается въ Библии и едва ли существовалъ до начала христіанской эры; вслѣдствіе этого, особеннаго историческаго интереса онъ не представляетъ. Тутъ нѣтъ никакихъ древностей, ничего достопримѣчательнаго. Тѣ же узкія, грязныя, кривыя улочки съ неожиданными горбами, углубленіями, ступенями; тѣ же частыя арки, неизвѣстно для чего перекинутыя черезъ улицу и соединяющія верхніе этажи противоположныхъ домовъ; тѣ же кубообразные дома со множествомъ выступовъ, впадинъ, надстроекъ, пристроекъ. Весь этотъ хаосъ, общій всѣмъ восточнымъ городамъ, достаточно знакомъ, и я поспѣшилъ взобраться на свое любимое мѣсто,—на вершину горы. Сафетъ расположенъ кольцомъ на одной изъ высочайшихъ горъ Галилеи, причемъ сама вершина горы свободна отъ домовъ. Здѣсь когда то находилась крѣпость, отъ которой теперь остались однѣ развалины, да и отъ тѣхъ вѣроятно скоро слѣда не будетъ и ихъ растащутъ камень за камнемъ. Такъ четыре года тому назадъ я еще видѣлъ здѣсь нѣсколько стѣнъ и фундаментовъ, которыхъ теперь уже нѣтъ.

На восточные города хорошо смотрѣть сверху, вообще издали, съ такого пункта, гдѣ подробности, то есть нечистота и беспорядокъ, ускользаютъ отъ глазъ. Дѣйствительно, когда съ высоты замковыхъ развалинъ, вдоволь налюбовавшись обширной панорамой заиорданскихъ, галилейскихъ и даже кармелскихъ горъ и ущелій, я перевелъ взоръ на Сафетъ, раскинувшійся у меня подъ ногами и живописными каменными каскадами ниспадавшій по обрывамъ горы,—я готовъ былъ воскликнуть, пародируя извѣстный стихъ Пѣсни Пѣсней: «дома твои подобны стаду козь, сходящихъ съ горы Галаадской»... Городъ такъ круто ниспадаетъ по склонамъ горы, что многіе дома попираютъ своими фундаментами крыши нижайшихъ домовъ, и такъ и кажется, что если толкнуть внизъ какую-либо каменную глыбу, то она со страшной быстротой устремится въ пропасть, разрушивъ всѣ встрѣчающіеся дома. Такъ оно и было во время страшнаго землетрясенія, бывшаго въ Сафетѣ въ 1837 году. Разсказъ о немъ мнѣ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ находящихся еще въ живыхъ очевидцевъ. При первомъ подземномъ гулѣ, когда зашаталась гора, первой мыслью каждого было—выбѣжать изъ дома на просторъ. Но гдѣ можно отыскать

просторъ въ восточномъ городѣ вообще и тѣмъ болѣе въ Сафетѣ? Выскочившіе на улицы были тотчасъ убиты обрушивавшимися глыбами. Несчастные вновь попрятались по домамъ, но и тутъ, конечно, не было защиты. Тѣ дома, которые сами устояли, были разрушены страшнымъ каменнымъ потокомъ, мчавшимся сверху. Дома задавливали другъ друга и погребали подъ своими развалинами злополучныхъ жителей. Весь городъ превратился въ сплошную грудку мусора, изъ котораго тамъ и сямъ торчали обезображенные трупы. Отъ этого страшнаго бѣдствія погибло около 5000 человѣкъ, то есть половина тогдашняго населенія города. Но ужасный урокъ не послужилъ въ пользу оставшимся въ живыхъ жителямъ Сафета; они воротились и отстроили городъ такъ же скученно, какъ и прежде. А между тѣмъ опасность новаго землетрясенія очень вѣроятна. Окрестности Сафета, какъ и весь бассейнъ Иордана, — вулканическаго происхожденія, что видно по массѣ встрѣчающагося здѣсь чернаго базальта, по куполообразной формѣ многихъ горъ. Многочисленные горячіе источники, въ особенности частые вокругъ Кенисаретскаго озера, свидѣтельствуютъ о непрерывной дѣятельности подземнаго огня. Сафетъ въ 1759 году былъ также разрушенъ землетрясеніемъ. Сохранившіяся извѣстія о происходившихъ здѣсь и раньше землетрясеніяхъ дали основаніе нѣкоторымъ ученымъ утверждать, что каждыя 60—70 лѣтъ Сафетъ подвергается періодическимъ землетрясеніямъ и что теперь поэтому городъ долженъ ожидать новой бѣды.

Въ настоящее время почти уже не замѣтно слѣдовъ бывшаго землетрясенія. Городъ вполне обстроился и насчитываетъ теперь около 18 тысячъ жителей, изъ которыхъ половина евреевъ, а остальные арабы магометане; христіанъ же очень мало — сотни двѣ-три. Такъ какъ вообще на востокѣ каждая религіозная община живетъ въ отдѣльномъ кварталѣ, то и Сафетъ раздѣляется на двѣ части, почти не соединенныя между собою никакими постройками; въ сѣверной половинѣ живутъ магометане, въ южной — евреи. Въ городъ проведена вода изъ одного ключа, но воды этой недостаточно для населенія, особенно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, и потому въ каждомъ домѣ имѣется еще каменный бассейнъ для сохраненія дождевой воды. Въ особенности можетъ Сафетъ гордиться своимъ здоровымъ климатомъ. Расположенный на одной изъ самыхъ высокихъ горъ Галилеи и не имѣя по сосѣдству никакихъ болотистыхъ мѣстностей, городъ этотъ отличается болѣе

чистымъ воздухомъ и болѣе низкой средней годовой температурой; вслѣдствіе этого тутъ сравнительно очень мало главныхъ болѣзней и лихорадокъ; желтой же лихорадки, отъ которой въ послѣдніе 3 года такъ пострадали низменныя мѣстности Палестины, здѣсь не было ни одного случая. Зимомъ тутъ холодъ настолько ощутителенъ, что уже является необходимость въ отопленіи. Поэтому въ Сафетѣ, какъ и по всей Галилеѣ, во всѣхъ домахъ имѣются печки. Форма этихъ печекъ самая разнообразная. Феллахъ обыкновенно устраиваетъ въ углу комнаты простое каменное возвышеніе, на которомъ разводится огонь, а дымъ выходитъ въ дыру, продѣланную въ потолокъ. Разумѣется, ѣдкій дымъ наполняетъ комнату, да и тепло не сохраняется, и дровъ много уходитъ; но послѣднее обстоятельство не играетъ особенной роли. Въ горахъ кустарника достаточно, и въ недѣлю каждый феллахъ можетъ наготовить себѣ топлива на всю зиму. Въ Сафетѣ устраиваютъ очень изящныя печки, которымъ придаютъ видъ шкафчика, колонны и разныя другія замысловатыя формы. Дрова въ Сафетѣ продаются очень недорого, около 5 копѣекъ за пудъ, то есть вчетверо дешевле, чѣмъ, напримѣръ, въ Одессѣ.

По количеству еврейскаго населенія Сафетъ занимаетъ второе послѣ Іерусалима мѣсто среди палестинскихъ городовъ. Несмотря на это у сафетскихъ евреевъ очень мало общественныхъ учрежденій, что, впрочемъ, отнюдь не доказываетъ, чтобы сафетцы въ духовномъ отношеніи стояли ниже іерусалимцевъ. Всѣ общественныя учрежденія въ Палестинѣ содержатся не на средства самихъ общинъ, а почти исключительно на пожертвованія, получаемыя извнѣ. На эти то пожертвованія содержатся всѣ приюты, школы, больницы Іерусалима. Поэтому отсутствіе подобныхъ учрежденій въ Сафетѣ доказываетъ только недостатокъ въ личностяхъ, умѣющихъ привлекать пожертвованія со всего свѣта,—личностяхъ, коими такъ богатъ Іерусалимъ. Всего на всего въ Сафетѣ имѣлся до сихъ поръ невзыскательный бикуръ-холимъ,—больница на сорокъ больныхъ. Специальнаго врача нѣтъ, заходить сюда изрѣдка г. Блиденъ, докторъ Рошъ-Шины, живущій въ Сафетѣ, а лѣкарства покупаются въ аптекахъ. Чистота, конечно, не образцовая, никакихъ принадлежностей больницы, кромѣ ваннъ, здѣсь не найдете, все ведется по домашнему. Но больные очень довольны этими патріархальными порядками и рады ужъ тому, что имѣютъ помѣщеніе, сносную пищу и хоть нѣкоторую ме-

дицинскую помощь. При больницѣ имѣется отдѣленіе для престарѣлыхъ, а также ахносось-орхямъ,—страннопримный домъ, гдѣ каждый пріѣзжій бѣднякъ получаетъ бесплатно въ теченіе трехъ дней пріютъ и пищу. Кромѣ того, всѣ вообще бѣдняки могутъ получать здѣсь ежедневно завтракъ изъ мяса, уплачивая всего 6 піастровъ (ок. 45 коп.) въ мѣсяцъ. Всѣмъ этимъ зданіемъ завѣдуетъ нѣсколько богобоязненныхъ старухъ, которыя «мицве» ради убираютъ, стираютъ, готовятъ пищу и ухаживаютъ за больными. Въ скоромъ времени, вѣроятно, будетъ выстроена хорошая больница на средства, пожертвованныя супругой барона Эдмонда Ротшильда. Для этой цѣли баронесса ассигновала 100 тыс. франковъ на постройку и 500 тыс. фр., проценты съ которыхъ назначены на содержаніе госпиталя. Пока же, по порученію барона, д-ръ Блиденъ бесплатно принимаетъ больныхъ и отпускаетъ имъ лѣкарства, взимая за рецептъ всего по 5 копѣекъ.

Что касается воспитанія дѣтей, то сафетцы до послѣдняго времени знали однихъ только традиціонныхъ меламедовъ, школъ же вовсе не было, — даже миссіонеры не успѣли еще здѣсь обзавестись таковой. Только въ періодъ колонизаціи дѣло стало принимать другой оборотъ. О дѣвничьемъ училищѣ я уже говорилъ выше. Но еще раньше, въ 1888 году, баронъ Эдмондъ Ротшильдъ основалъ въ Сафетѣ училище исключительно для мальчиковъ. Директоромъ этого училища состоитъ нѣкто г. Леви, эльзасецъ. Дѣти обучаются еврейскому, арабскому и французскому языкамъ, ариметикѣ, географіи, а также—пѣнію и рисованію. Сефардскія дѣти и ашкеназскія, вслѣдствіе различія произношенія, обучаются еврейскому языку у отдѣльныхъ учителей. Французскій языкъ, ариметику и прочіе предметы преподаетъ самъ г. Леви, онъ же обучаетъ пѣнію и рисованію, въ которыхъ дѣти дѣлаютъ очень хорошіе успѣхи. Директоръ мнѣ показавъ нѣкоторые чудные эскизы—работы здѣшнихъ учениковъ, которые свидѣтельствуютъ о высокой степени художественнаго таланта. Всего здѣсь 130 учениковъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ училище состоятъ теперь учителями въ бароновскихъ колоніяхъ. Достоинно вниманія, что училище не подвергалось херему и не терпѣло никакихъ гоненій. Это объясняется во-первыхъ тѣмъ, что училище основано тѣмъ самымъ барономъ, который такъ много дѣлаетъ для Св. Земли и съ которымъ ссориться не выгодно. Во-вторыхъ, противъ директора возстало одно такое лицо, ко-

торое уже раньше возбудило противъ себя заправилъ еврейской общины, что способствовало тому, чтобы городъ сталъ на сторону училища. При томъ и сама личность г. Леви не имѣетъ въ себѣ ничего, что могло бы внушить къ нему недовѣріе и тѣмъ болѣе неудовольствіе. Онъ болѣе всего напираетъ на Св. Писаніе и Талмудъ и старается развить и укрѣпить въ дѣтяхъ религиозное чувство.

При посѣщеніи Сафета наблюдательному туристу скоро бросается въ глаза глубокая разница между сафетскими евреями и іерусалимскими. На первый взглядъ они будто кажутся во всемъ сходными: та же аскетически набожная внѣшность, тѣ же идеальные пейсы, пантофли, бѣлоснѣжные чулки, тѣ же плюшевыя шляпы по буднямъ и штраймель по праздникамъ. Но посмотрите на этого сафетскаго аскета внѣ своего города, когда онъ въ качествѣ макари перевозитъ пассажировъ, погоняя гортанными звуками своихъ муловъ, или когда онъ отправляется въ какую-либо сосѣднюю деревню или городъ, — и вы невольно воскликнете: «Неужели этотъ словно прикованный къ своей лошади неутомимый всадникъ, съ загорѣлымъ лицомъ, въ бедуинскомъ костюмѣ, артистически напѣвающій арабскую пѣсню со всѣми ея неподражаемыми горловыми трелями, — неужели это сафетскій еврей, халуkenикъ!» Метамерфоза эта вначалѣ всегда меня удивляла, и я не понималъ, откуда взялось это умѣнье обращаться съ оружіемъ, съ лошадыю. Сафетецъ говоритъ по арабски какъ природный арабъ, онъ уже не поглощенъ подобно іерусалимцу одной только религіей и болѣе здраво смотритъ на жизнь. Эта разница между Сафетомъ и Іерусалимомъ объясняется тѣмъ, что Сафетъ не имѣетъ великихъ святынъ Іерусалима и лежитъ глубже въ странѣ, въ центрѣ арабскаго населенія. Если сафетцы еще сохранили правовѣрный костюмъ и крайне ортодоксальный образъ жизни, то это зависитъ преимущественно отъ халуки, служащей здѣсь однимъ изъ главныхъ источниковъ для существованія. Заподозрѣнный въ свободомысліи, недостаточной религіозности немедленно лишается халуки. Каждому необходимо носить личину благочестія, чтобы получать свою долю халуки. Пейсы и штраймель у сафетца то же, что топоръ у дровосѣка, сума и рублище у нищаго, то есть — принадлежность профессіи. Перенесите сафетца въ другую обстановку, дайте ему возможность существовать независимо, — и онъ сдѣлается неузнаваемъ.

«Но если сафетцы сознают недостатки существующаго у нихъ склада жизни и проникнуты смутнымъ стремленіемъ къ самопомощи, то отчего они не бросятъ халуку и не обратятся къ здоровому, самостоятельному труду?» — спроситъ читатель. Но сафетцы рады бы отъ души. Въ то время, какъ истый іерусалимецъ чувствуетъ отвращеніе ко всякому практическому занятію, считаетъ все житейское суетой и высшій идеалъ жизни видитъ въ посвященіи каждаго момента своего существованія служенію Всевышнему, — сафетцы жадно стремятся къ труду. Платите человѣку по франку въ день, — и половина Сафета пойдетъ копать землю, носить тяжести, исполнять всякую работу. Работы! работы! — вотъ единодушный кликъ, который доносился до меня въ Сафетъ. Но гдѣ здѣсь достать работу? Гдѣ? Развѣ существуютъ здѣсь какія либо фабрики, мастерскія, солидныя предпріятія? Вотъ это то обстоятельство и забываютъ тѣ, которые обвиняютъ палестинскихъ евреевъ въ дармоѣдствѣ. Будь работа, — халука не долго бы просуществовала. Какъ голодныя собаки на кость, — гурьбой набрасываются сафетцы на каждый ничтожный заработокъ и разрываютъ его между собою на клочки. Все, что только можно было эксплуатировать вокругъ себя, — все уже исчерпано, истощено, измельчено. Улицы запружены множествомъ всевозможныхъ лавчонокъ. Евреи занимаются здѣсь «маклерствомъ», выдѣлкой винограднаго вина, водки, молочныхъ продуктовъ. Продукты эти славятся въ окрестностяхъ, но вслѣдствіе громадной конкуренціи, незначительнаго спроса и низкихъ цѣнъ производители получаютъ жалкій доходъ. Одинъ, напримѣръ, «винокуръ» передавалъ мнѣ, и съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ, что дѣло даетъ ему пять рублей въ мѣсяць. Но и такихъ людей, имѣющихъ хоть кой-какое занятіе, — ничтожное меньшинство въ Сафетѣ, большинство же рѣшительно ничего не дѣлаетъ. А халука, такъ моволящая, инымъ глаза, съ каждымъ днемъ убываетъ и скоро совсѣмъ превратится въ звукъ пустой. Въ настоящее время среднимъ числомъ приходится на душу шесть рублей халуки въ годъ. Полагая пять душъ на семью, мы увидимъ, что семья получаетъ всего на всего 30 руб. въ годъ. А вѣдь у насъ даже у небогатаго человѣка 30 руб. на одинъ только табакъ уходитъ въ годъ. Можетъ ли быть и рѣчь о томъ, чтобы прожить одной только халукой?

Чѣмъ же живутъ сафетцы? Вѣдь ѣсть, пить, одѣваться все таки надо. Чѣмъ же они живутъ?

Сотни разъ съ недоумѣніемъ задавалъ я себѣ этотъ вопросъ, не находя отвѣта. Да въ сущности и невозможно на него опредѣленно отвѣтить, ибо каждый заработокъ носить здѣсь крайне неожиданный, случайный, подчасъ скачочный характеръ.

— Скажите мнѣ, чѣмъ вы живете?—обратился я съ угнетавшимъ меня вопросомъ къ одному знакомому сафетцу, обладателю семьи изъ шести человѣкъ, съ шестью желудками и шестью волчьими аппетитами.

— Чѣмъ живеть птица небесная?—усмѣхнулся онъ.

— Это все таки не отвѣтъ. Птица съ колоса по зернышку клонеть — и сыта. А вамъ не дадутъ на чужомъ полѣ клевать.

— Да что же мнѣ вамъ сказать! Право, самъ въ точности опредѣлить не могу, чѣмъ живу. Иногда ѣдимъ, большею частію голодаемъ. Вѣрно только, что мнѣ вотъ уже 39 лѣтъ, и я еще ни разу отъ голода не умеръ.

Видя, что такимъ путемъ ничего не добьюсь, я поставилъ вопросъ болѣе опредѣленно.

— Попробуйте вспомнить, какого рода доходы вы имѣли за послѣдній годъ помимо халуки?

— Что тамъ халука? О ней и говорить не стоитъ. Я получаю въ годъ какихъ нибудь 30 рублей, которыхъ еле и на наемъ квартиры хватаетъ. Да кромѣ того я уже три года не имѣю халуки. Старшую дочь замужъ надо было выдать, а приданого не было; я учелъ тутъ у одного ростовщика мое право на халуку за 6 лѣтъ впередъ, получилъ 100 руб. и выдалъ дочь. Такъ у насъ всѣ поступаютъ во время особой нужды и многіе въ сущности вовсе не получаютъ халуки, а за нихъ получаютъ ростовщики. Черезъ 3 года, напримѣръ, когда я вновь обрѣту право на халуку, у меня уже будутъ еще двѣ взрослыхъ дочери, которыхъ надо будетъ замужъ выдавать,—и опять придется продать халуку.

— Чѣмъ же вы все таки прожили этотъ годъ?

— Вотъ рублей 10—15 я зарабатываю на «кадишѣ»¹.

— Какимъ же это образомъ?

— Синагога наша часто получаетъ изъ заграницы пожертвованія съ условіемъ, чтобы мы читали кадишъ по извѣстномъ покойникѣ; эти пожертвованія распределяются между прихо-

¹ Заупокойная молитва.

жанами.—Въ этомъ году предъ пасхой мнѣ удалось также заработать на мацѣ. Дѣло въ томъ, что предъ праздникомъ обыкновенно собираютъ по всему городу «моэсъ хитимъ»¹. Бѣдныхъ у насъ, конечно, масса, а пожертвованій собралось очень мало. Тогда я предложилъ дать на «моэсъ хитимъ» 25 руб., если 200 хозяевъ обяжутся купить у меня мацу по существующей цѣнѣ. Немедленно явились, конечно, конкуренты. Но подрядъ все таки остался за мною, хотя мнѣ пришлось дать на моэсъ хитимъ 40 руб. На этомъ дѣлѣ я заработалъ чистыхъ 20 рублей.

— Не угодно ли посмотрѣть, — продолжалъ мой собесѣдникъ, — вотъ этому письмецу я также обязанъ 50 рублями.

И онъ вынулъ изъ кармана открытое письмо. Послѣднее прибыло изъ одного изъ городовъ Россіи и было адресовано на имя «главнаго магометанскаго митрополита» въ Сафетъ. Въ письмѣ этомъ какой то чудакъ просилъ «митрополита» выслать ему коранъ на русскомъ языкѣ въ виду его страстнаго желанія принять мусульманскую вѣру.

— «Главнаго магометанскаго митрополита», — пояснилъ мнѣ сафетецъ, — такого титула здѣсь нѣтъ. Когда письмо получилось, то не могли никакъ понять, кому оно адресовано; и такъ какъ оно написано по русски и прибыло изъ Россіи, то на почтѣ разсудили, что оно предназначено какому нибудь еврею и вмѣстѣ со всѣми еврейскими письмами отдали нашему разносчику. Случайно письмо попало ко мнѣ въ руки. Я кое какъ прочелъ его и, узнавъ по подписи, что оно отъ еврея, счелъ своимъ долгомъ сообщить о содержаніи письма раввину того города, откуда оно прибыло. И Господь наградилъ меня. Чрезъ нѣсколько времени я получилъ 50 руб. и горячую благодарность отъ отца того молодого человѣка, который намѣревался принять магометанство.

— Съ полгода тому назадъ былъ со мною еще такого рода случай. Я отправился какъ то къ доктору, у меня ребенокъ былъ боленъ. Дворъ былъ биткомъ набитъ народомъ, ожидавшимъ своей очереди. Я былъ погруженъ въ печальныя мысли по поводу тяжелой болѣзни моего ребенка. Вдругъ раздался страшный крикъ и всѣ бросились на середину двора, гдѣ находилась глубокая подземная цистерна для скопленія дождевой воды. Вокругъ открытаго отверстія цистерны собралась толпа,

¹ Пособіе бѣднымъ на покупку опрѣсноконъ на пасху.

суется и крича, что туда упала дѣвочка. Не долго думая,— плавать я кое какъ умѣю,—я скинулъ свой халатъ и прыгнулъ въ мрачный бассейнъ. Нырнувъ на дно, я моментально опущалъ дѣвочку и поднялся съ ней на поверхность воды. Но тутъ я съ ужасомъ созналъ, что могу и самъ утонуть. Промокшее платье тянуло меня ко дну; ухватиться рѣшительно не за что было. Съ отчаяніемъ цѣплялся я за скользкія, покрытыя какою то слизью стѣны и громко звалъ на помощь къ суетившимся наверху людямъ. Послѣ двухъ—трехъ минутъ смертельной борьбы мнѣ, наконецъ, спустили веревку, я судорожно ухватился за нее и вмѣстѣ съ дѣвочкой, все время безжизненно лежавшей у меня на плечѣ, тотчасъ былъ вытянутъ наверхъ. Дѣвочку быстро привели въ чувство. Со всѣхъ сторонъ мнѣ стали пожимать руки и осыпать благословеніями. Тутъ ко мнѣ подходитъ старичекъ, такой сѣденькій, дряхлый, сморщенный.—«Уступите мнѣ, говорить, вашу мицву»¹. — «Какъ такъ?»—«Вы вотъ спасли человѣка, заслужили предъ Господомъ мицву,—уступите мнѣ ее». Я не захотѣлъ,—съ какой стати? Но старикъ наладилъ одно: «уступите да уступите! Я вамъ за это 7 наполеоновъ (ок. 55 руб.) дамъ!»— Семь наполеоновъ! Вспомнилось мнѣ, что ребенокъ боленъ, дома хлѣба нѣтъ, а на такую большую сумму я смогу нѣсколько мѣсяцевъ прокормиться съ семьей. Къ тому же я разсудилъ, что старику уже недолго жить, что ему необходимо запасть мицвами, чтобы предстать съ ними предъ престоломъ Всевышняго, а я еще молодъ и мнѣ еще не разъ можетъ представиться случай заслужить ихъ... Словомъ, я уступилъ старику свою мицву и онъ тутъ же отсчиталъ мнѣ за нее семь наполеоновъ.

Легкій юморъ и убѣжденіе, что Господь всякую тварь питаетъ, сквозило во всѣхъ словахъ сафетца. Но мнѣ очень жутко было слушать его. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, существованіе необезпеченное, такъ сказать—съ вѣтра, это очень хорошо знакомо каждому еврею; но все это блѣднѣетъ передъ жалкимъ прояваніемъ сафетца, зависящимъ отъ самыхъ невѣроятныхъ случайностей. И если явно отъ голода и не умираютъ, то несомнѣнно, что медленной голодной смертью здѣсь умираютъ многіе.

Е. Хисинъ.

(Окончаніе будетъ).

¹ „Мицва“—заслуга предъ Господомъ.

Изъ переписки М. Фейта и М. Закса ¹.

VII.

Фейтъ — Заксу,

29 декабря 1839 г.

Меня избрали въ предсѣдатели и отнынѣ мнѣ по обязанности службн придется имѣть голосъ въ тѣхъ общественныхъ дѣлахъ нашихъ, которыя издавна были наиболѣе близки моему сердцу.

До сихъ поръ у меня было достаточно работы, чтобы ознакомиться съ ходомъ дѣлъ вообще, со всѣми тонкостями общественной службн; доселѣ мнѣ приходилось штудировать ворохи бумагъ, а теперь я начинаю обдумывать весь усвоенный мною матеріалъ, но отъ того, чтобы придти здѣсь къ исполнѣ зрѣлому результату мнѣ пришлось бы совершенно отказаться, если вы не поможете мнѣ внести въ это дѣло долю вашего собственнаго свѣта.

Съ момента вступленія своего въ составъ совѣта, въ которомъ теперь, между прочимъ, находятся довольно пригодные элементы, я подготавливалъ дѣло основанія новой семинаріи, которую навѣрное можно будетъ открыть къ 1 апрѣля. Цунцъ выработалъ отличный, отличающійся классическимъ лаконизмомъ проектъ. Съ новаго учебнаго года мы повыкинемъ всю старую перегнившую солому: Плесснеръ, оказывающійся негоднымъ для обновленнаго заведенія, получить отставку, а на мѣсто его будетъ приглашенъ Лебрехтъ (Lebrecht), котораго вы, конечно, уважаете, какъ отличнаго ученаго, и который къ тому же принадлежитъ къ числу самыхъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей, съ которыми мнѣ когда-либо

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

приходилось познакомиться. А что онъ также отличный педагогъ, чего я не предполагалъ, въ этомъ увѣряетъ насъ Цунцъ. Лишь временное удержаніе д-ра Кона явится пятномъ на новомъ заведеніи, въ которомъ я, несмотря на присутствіе Цунца и Лебрехта, всетаки не нахожу достаточнаго элемента юношеской свѣжести и предприимчивости. Если бы вы были здѣсь и захотѣли бы посвящать часть своего свободнаго времени семинаріи, то у насъ было бы образцовое учебное заведеніе. Первѣе всего я обратилъ свое вниманіе на учебную часть дѣла и создалъ въ своемъ умѣ такое заданіе, на осуществленіе котораго съ теченіемъ времени я всетаки рѣшаюсь рассчитывать. Къ сожалѣнію, предшественники мои — и въ томъ числѣ вашъ пріятель (вы не можете себѣ представить, сколько онъ повредилъ всему дѣлу, ломая себѣ голову надъ искаженіемъ истины и опредѣленіемъ вѣчности и за этимъ запустивъ все, кромѣ своей коллекціи минераловъ и бумаг!) — совершенно испортили всю подготовительную школу для мальчиковъ. Теперь я поставилъ своею задачею основательнѣйшимъ образомъ осмотрѣть ее и представить объ этомъ своимъ сотоварищамъ докладъ. Конечно, Баруха Ауербаха уже нельзя будетъ безъ обиды для него удалить съ его мѣста, но подвергнуть его контролю — является безусловно необходимымъ. Директоръ семинаріи самый естественный руководитель школы: практическія занятія семинаристовъ вѣдь представляютъ не только существенную составную часть, но прямо апогей семинарскаго преподаванія; изъ этого же слѣдуетъ, что опредѣленіе методовъ, по которымъ ведется преподаваніе въ народной школѣ, вполне зависитъ отъ директора семинаріи. Последнему не приходится допускать въ концѣ концовъ уменьшеніе плодовъ его работы, которое выразилось бы въ томъ, что его семинаристы будутъ принуждены примѣнять пріобрѣтенныя ими теоретическія знанія на практикѣ въ плохо-организованной начальной школѣ. Устройство школъ, которое составляетъ миссію здѣшней общины, представляется мнѣ, правда, пока еще въ теоріи, въ общихъ чертахъ слѣдующимъ: должно устроить двѣ народныхъ школы для

мальчиковъ и для дѣвочекъ; во главѣ каждаго изъ этихъ заведеній придется поставить по одному старшему учителю, а не начальнику; высшее же руководство этимъ школами, опредѣленіе методовъ обученія, назначеніе учителей, распредѣленіе учебнаго матеріала по отдѣльнымъ классамъ—выпадетъ, конечно при обычномъ содѣйствіи правленія общины, на долю директора семинаріи; за исполненіе же плана преподаванія, за поддержку дисциплины и т. п. отвѣтственнымъ лицомъ являлся бы каждый изъ заведующихъ своимъ учебнымъ заведеніемъ. Если мнѣ удастся настолько съузить сферу дѣятельности Ауербаха, т. е. низвести его, по выраженію Гегеля, до роли простого *момента*, то я буду крайне доволенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предложу преобразовать нынѣшнюю четырехклассную школу для мальчиковъ въ трехклассную и оставлю за собою право основать новый четвертый или такой высшій классъ, въ которой ученикъ могъ бы дойти до V класса гимназіи. При такой организаціи училищъ каждое звено цѣпи будетъ имѣть двойное значеніе: во-первыхъ каждое отдѣленіе должно дать ученику такой запасъ знаній, чтобы его можно было непосредственно выпустить на арену общественной жизни, а во-вторыхъ оно кромя того должно представлять изъ себя для всякаго, чувствующаго въ себѣ охоту къ дальнѣйшему самообразованію, переходную ступень къ учебному заведенію высшаго типа, къ которому оно поэтому и должно примыкать непосредственно. Такимъ образомъ я позволилъ бы себѣ смотрѣть на вновь основывающійся старшій классъ, какъ на звено между низшею школою и гимназіею съ одной, а также какъ на переходную ступень между школою и нижнимъ семинарскимъ курсомъ, съ другой стороны. Тѣ изъ учащихся, которымъ приходится вступать на поприще практической дѣятельности, должны быть вполне зрѣлыми для поступленія въ конторы или высшія промышленныя заведенія, тогда какъ низшіе классы школы дали бы контингентъ достаточно образованныхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ къ новому, имѣющему возникнуть высшему классу училища, примкнетъ семинарія, цѣль которой под-

готовлять наставниковъ въ области религіозной и народныхъ учителей. Тотъ молодой человѣкъ, - который почувствовалъ бы въ себѣ стремленіе къ полученію болѣе широкаго образованія, смогъ бы обогатиться познаніями и вполне подготовиться къ поступленію въ университетъ путемъ частныхъ занятій или кратковременнаго посѣщенія высшаго класса гимназій. Вѣдь естественнымъ продолженіемъ нашей семинаріи является либо самостоятельный факультетъ (еврейскихъ наукъ), либо особое высшее отдѣленіе семинаріи и при томъ такое, гдѣ бы лицо, готовящееся стать впоследствии проповѣдникомъ или раввиномъ, могло бы получать тѣ дополнителныя свѣдѣнія, въ которыхъ ему отказываетъ университетъ. Основаніе такого факультета еврейскихъ предметовъ, гдѣ наилучшіе наставники семинаріи взяли бы читать научные предметы, а религіозное наставленіе находилось бы въ рукахъ раввина, по моему мнѣнію, было бы гораздо цѣлесообразнѣе дутаго проекта Филиппсона, уже потому, что такой факультетъ находился бы съ тѣснѣйшей связи съ жизнью еврейской общины и государства вообще, да и является при этомъ, чего никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, практически вполне осуществимымъ. Я по крайней мѣрѣ ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что, лишь только достоюльшимъ образомъ осуществится идея семинаріи, и провинціальныя общины, напр. бреславльская, данцигская и познанская, станутъ способствовать ея расширенію. Обо всемъ въ этомъ смыслѣ необходимомъ я уже говорилъ съ Гейгеромъ.

Такимъ-то образомъ молодой человѣкъ могъ бы, правда отчасти пользуясь нѣкоторыми общими учебными заведеніями, именно въ Берлинѣ получить вполне законченную подготовку для занятія мѣста раввина, печальный сбродъ полуобразованныхъ „бахуримовъ“ вымеръ бы самъ собою и — впрочемъ мнѣ нечего описывать вамъ всѣ преимущества сказанныхъ учрежденій; хотѣлось бы только выслушать могуція съ вашей стороны послѣдовать возраженія.

Кромѣ сказаннаго, мнѣ хотѣлось бы вызвать къ жизни еще другое дѣло и — представьте себѣ! — пересадить его изъ Австріи на

нашу почву, а именно публичные курсы закона вѣры, обязательныя для *всѣхъ* учениковъ-іудеевъ, какъ обучающихся въ христіанскихъ, такъ и въ спеціальныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ виду того, что обученіе тутъ должно будетъ находиться не въ рукахъ нарочно для того назначеннаго учителя, но въ рукахъ самого раввина, то мнѣ приходится перейти къ другому, тѣсно съ указаннымъ связанному вопросу.

Вамъ, быть можетъ, извѣстно, что здѣсь была сдѣлана попытка къ установленію должности верховнаго раввина. Поскольку я знаю, это мѣсто было предложено Франкелю, но онъ отклонилъ это предложеніе и всѣ попытки въ этомъ направленіи остались безъ результатовъ. Я лично не вѣрю, чтобы возможно было найти для такого поста подходящаго человѣка: получившіе законченное образованіе раввины всѣ слишкомъ молоды для занятія такой должности, а между тѣмъ обязательно требуется человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Поэтому я предполагалъ бы выбрать *дайна*, который понемногу съ теченіемъ времени настолько сросся бы съ своимъ положеніемъ, что впоследствии могъ бы занять постъ верховнаго раввина. При такомъ разрѣшеніи вопроса ни одна изъ партій не почувствуетъ себя обиженной; люди постепенно привыкнуть видѣть въ раввинѣ не только лѣнтяя, но и человѣка, который будетъ произносить проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, станетъ контролировать работу въ учебномъ заведеніи и преподавать Законъ вѣры, и такимъ образомъ мы пойдемъ навстрѣчу требованіямъ будущности, не опережая ея насильно. Впрочемъ, я пока еще не выступалъ съ своимъ предложеніемъ, такъ какъ вопросъ о выборѣ раввина сейчасъ повидимому отошелъ на задній планъ, но мнѣ хотѣлось бы выслушать ваше на этотъ счетъ мнѣніе, особенно же обсудить съ вами, не приняли ли бы вы сами такого мѣста и, главнымъ образомъ, считаете ли вы свою раввинскоталмудическую эрудицію достаточною для занятія такого поста. Вы видите, что въ данномъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы ориентироваться не только относительно васъ лично, но и вообще въ томъ, какой

запасъ свѣдѣній признаете вы достаточнымъ для занятія въ настоящее время должности раввина. Подходить ли для такого мѣста Раппопортъ? Говорить ли и писать ли онъ по-нѣмецки? Но если въ тайникахъ души своей вы отыскали бы у себя самого склонность выступить не только въ качествѣ проповѣдника, но и въ роли раввина, то сообщите мнѣ откровенно, какое вы имѣете на своемъ мѣстѣ матеріальное обезпеченіе, дабы я могъ обсудить вопросъ, возможно ли будетъ устроить вамъ здѣсь эквивалентное вознагражденіе? Сообщите мнѣ также свое мнѣніе о Франкелѣ.

Что настоящее письмо должно оставаться нашимъ секретомъ, это вы сами чувствуете. Вашъ отвѣтъ также останется исключительно моею собственностью. Однако закончу пока на этомъ свои печалованія, чтобы возвратиться къ нимъ въ другой разъ, такъ какъ у меня есть еще многое, о чемъ хотѣлось бы подѣлиться съ вами.

VIII.

23 февраля—6 марта 1840 г.

Фейтъ—Заксу.

Намедни у меня былъ длившійся 1¹/₄ часа разговоръ съ министромъ Алтенштейномъ, причемъ мы бесѣдовали, сидя у него на диванѣ. Вотъ человекъ съ широкимъ взглядомъ на вещи, отличающійся при томъ мудростью и мягкостью въ столь сильной степени, что онъ могутъ быть лишь плодомъ многолѣтняго критическаго отношенія къ наблюдаемымъ явленіямъ. Минутами мнѣ казалось, будто я слышу старика Гегеля, и при всемъ томъ онъ менѣе всего министръ, отнюдь не человекъ дѣла, но ученый по природѣ и притомъ чистоты идеальной, на столько идеальной, что натура его относится враждебно, даже можно сказать оскорбляется соприкосновеніемъ съ дѣйствительностью. Видно, что ему, раньше чѣмъ вступать въ такое соприкосновеніе, хотѣлось бы передѣлать дѣйствительность сообразно его собственнымъ взглядамъ. Нужно питать большое къ нему довѣріе, чтобы вполне полагаться на

высказываемое имъ его отношеніе къ дѣлу. У него есть также и свѣдѣнія касательно еврейства: наставникомъ его былъ нѣкій старшій талмудистъ, къ которому онъ въ дѣтствѣ питалъ искреннее расположеніе и почтеніе. Во всемъ, что говорятъ Алтенштейнъ, приходится соглашаться съ нимъ, только не въ цѣлесообразности примѣненія высказываемыхъ имъ положеній. Дѣло въ томъ, что—*horribile dictu!* — онъ собирается начинать съ того, чѣмъ бы слѣдовало кончать; а именно требуетъ, чтобы евреи высказались относительно нынѣ пригодныхъ основаній іуданзма раньше, чѣмъ государство станетъ заботиться объ ихъ религіозныхъ дѣлахъ. При этомъ онъ вовсе не желаетъ, чтобы такое рѣшеніе состоялось путемъ созыва обѣщаннаго въ эдиктѣ 11 марта 1812 года синода, но хотѣлъ бы, чтобы оно, напротивъ, исходило отъ лица самой общины. Однимъ словомъ, если бы я не судилъ объ его характерѣ въ общихъ его чертахъ, я счелъ бы такое предложеніе глумленіемъ, чѣмъ то въ родѣ того насмѣшливаго приглашенія иноземцевъ, которые обращаются къ плѣннымъ іудеямъ съ призывомъ: „Спойте намъ пѣснь изъ числа пѣсней Сионскихъ!“ Это намъ то, которые стонемъ подъ гнетомъ кабинетнаго приказа отъ 1823 г., въ силу котораго *полици*и влѣгается въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы во всѣхъ проявленіяхъ религіозной жизни строго соблюдались исконные обычаи, *намъ* то предлагаютъ открыто высказаться относительно основъ іуданзма! Въ былыя времена насъ бичевали и подвергали изгнанію, нынѣ ставятъ намъ чуждыя мѣрки и стараются намъ усунуть духовное Прокрустово ложе, въ которое желаютъ насъ втиснуть. Итакъ, не давъ намъ начать, требуютъ окончанія съ нашей стороны работы! Неужели когда-либо при видоизмѣненіи или возрожденіи какого-нибудь исповѣданія основывались на теоретическихъ предположеніяхъ, а не достигали этого путемъ скрытой силы прогресса, который самъ набираетъ себя въ лицѣ тысячи единичныхъ личностей подходящія для его цѣлей орудія, чтобы въ концѣ концовъ возвысить даже отъявленныхъ враговъ истины до положенія преданныхъ ей слугъ.

Неужели станутъ требовать отъ правительства, чтобы оно взяло на себя задачу реформированія іуданзма! Пусть оно удалитъ лишь препятствія къ свободному развитію, пусть оно лишь признаетъ носителей и руководителей этого развитія, именно раввиновъ, проповѣдниковъ, учителей и старшинъ, таковыми, и пусть оно такимъ ихъ признаніемъ создастъ связь между ними и общимъ организмомъ государства. Но вотъ въ установленіи такой то солидарности вся и загвоздка: правительство боится ея, оно желаетъ ознакомиться съ своими будущими союзниками, желая напередъ знать, куда поведутъ всѣ эти теченія, для того чтобы вполне для себя безопасно принять въ себѣ новые элементы. О, Боже! Они требуютъ раскрытія твоей сущности въ будущемъ еще до совершенія ими необходимой, неизбежной работы въ настоящемъ! Конечно, все это одаѣ лишь отговорки, тѣмъ болѣе комичныя, что люди не желаютъ сознаться, что давно уже носятъ въ тѣлѣ своемъ грозный ядъ, отъ котораго они до сихъ поръ все еще не успѣли подохнуть! Судорожныя попытки Штраусса и Генгстенберга, право же, датируютъ не *отсюда*. Намъ недостаетъ лишь законодательнаго признанія, что для государства является только формальностью, а для еврейства вопросомъ жизни: вѣдь послѣднее въ качествѣ „частнаго сообщества“, какъ на него смотритъ наше законодательство, положительно не жизнеспособно. Вообще же министръ наговорилъ много хорошаго: онъ отлично обрисовалъ весь комизмъ молитвеннаго дома Беера, подачу визитныхъ карточекъ по адресу Господа Бога. Не одобряя пресловутаго кабинетнаго указа, онъ всетаки заявилъ, что указъ этотъ является результатомъ вполне разумнаго и совершенно не раздѣляющаго всѣхъ указанныхъ глупостей побужденія короля. Хорошо было бы, конечно, если бы не подорвали тутъ дѣла въ самомъ его корнѣ! Далѣе онъ жаловался на недостатокъ научнаго изученія еврейства, особенно догматической стороны его ученія, причемъ я могъ лишь слабо возражать ему, такъ какъ къ сожалѣнію приходится констатировать, что наилучшія силы поглощаются формальной сто-

роной дѣла, тогда какъ именно это поле дѣятельности предоставлено народерамъ всѣхъ партій.

Здѣсь у насъ ставятъ еще другое, превосходящее силы человѣческія требованіе евреевъ, о чемъ я третьяго дня сильно поспорилъ съ Штрекфуссомъ¹. Только что полученный новыи доносъ на Гейгера и переговоры объ установленіи костюма синагогальнаго хазана побудили его заявить, что внутреннія распри евреевъ между собою имѣшаютъ возникновенію среди нихъ какихъ бы то ни было лучшихъ стремленій. Итакъ, господа эти требуютъ, чтобы люди развивались, но исключаютъ при этомъ условіе броженія! Я на это представилъ ему картину внутреннего разлада въ области государственной религіи, несмотря на то, что самъ король является высшимъ первосвященникомъ, а всѣ власть имѣющіе я правители присягали на вѣрность ей, и сопоставилъ съ этимъ раздробленное на безконечное множество общинъ еврейство. При этомъ я всетаки добился того, что Ш. преклонился предъ тою духовною силою, которая, при такой раздробленности, тѣмъ не менѣе была въ состояніи породить столь сильное единство. Наконецъ ему пришлось даже сознаться, что разладъ между евреями никогда не обусловливался догматами, но всегда имѣлъ свое основаніе въ религіозной нормировкѣ внѣшней жизни, и потому легко устранимъ. Онъ очень хорошо отнесся къ моему откровенности, которую я ежедневно все болѣе и болѣе цѣню какъ истинную мудрость жизни, и написалъ мнѣ вчера письмо, исполненное дружескихъ чувствъ.

IX.

17 марта 1840 г.

Заксъ—Фейту.

Дорогой мой другъ!

Чего чего не хотѣлось мнѣ высказать вамъ, когда я прочиталъ ваше шилое, задушевное письмо! Я всецѣло былъ готовъ отвѣ-

¹ Тогдашній правитель канцеляріи прусскаго министерства просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

тить вамъ, и вотъ теперь все мое рвеніе улетучилось! Столько пронеслось надо мною часовъ, дней и впечатлѣній, и какъ самъ я, такъ и все во мнѣ кажется мнѣ такимъ вялымъ и безжизненнымъ въ сравненіи съ кипѣніемъ, шумомъ и клокотаніемъ (что это за странное, но всетаки яркое слово!) свѣжаго непосредственнаго наслажденія! Въ четвергъ я только что вернулся въ З¹/₂, ч. домой изъ концерта Листа, и словно предчувствіе какое-то побудило меня немедленно справиться, не получены ли письма.

Я вполне рассчитывалъ на письмо отъ васъ, и вотъ моя надежда оправдалась!

Сперва расскажу вамъ о Листѣ. Съ необычайнымъ интересомъ ожидалъ я его игры; но мнѣ пришлось ждать начала ея въ теченіе полутора часовъ! Представьте себѣ эту муку!

Но вотъ онъ наконецъ началъ. Слышали ли вы когданибудь шумъ музыкальнаго потока, гдѣ не можетъ быть и рѣчи объ инструментѣ въ качествѣ субстрата, объ артистѣ, какъ лицѣ производящемъ, и о мелодіи, какъ производимомъ? Я готовъ назвать шумъ такого потока непроезжимымъ, самобытнымъ.

Слѣдуетъ только закрыть глаза, чтобы не видать условій воспроизведенія этого потока и чтобы нѣтъ впечатлѣній о совершеніи какого то совершенно самостоятельнаго, ничѣмъ не обуславливаемаго чуда.—Если вы не знакомы съ этимъ ощущеніемъ, то послушайте Листа. Видѣли ли вы когда либо сверканіе отдѣльныхъ музыкальныхъ искръ, видѣли ли вѣрно-воздушную пляску крохотныхъ эльфовъ или гномовъ (но не такую, какую представляетъ намъ божественная увертюра Мендельсона къ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, которая является скорѣе музыкальною парафразою текста и волшебный элементъ которой является такъ сказать болѣе ономатопэтическимъ, т. е. воспроизводящимъ слово музыкою, подобно тому какъ слово обыкновенно воспроизводится звукомъ), или, быть можетъ, вы будете въ состояніи представить себѣ въ формѣ музыкальныхъ звуковъ искрящіяся въ чашкѣ цвѣтка капли росы? Но, конечно, нѣтъ, вы себѣ этого представить не можете! Да, въ

сущности и на основаніи чего? Ужели по моему сумасбродному описанію?—Но вамъ придется послушать Листа и тогда вы съумѣете внести нѣкоторый смыслъ въ мою бессмысленную болтовню, въ которой однако такъ много, такъ много скрытаго смысла; не найдется лишь человѣка, который бы выискалъ въ ней его!

Въ заключеніе Листъ сыгралъ такое Ave Maria, что сердце мое перестало биться, а душа моя замерла и вся ушла въ слухъ. Даже 1½—2 слезы, не сентиментальныя, но вызванныя торжественнымъ настроеніемъ, появились, кажется, у меня на глазахъ.

Первоначально я лишь преклонялся предъ артистомъ, но затѣмъ онъ постепенно *принудилъ* меня влюбиться въ него и потому я готовъ вѣрить вынесенному мною впечатлѣнію. Знаете что? я бы назвалъ его Фридрихомъ Рюккертомъ за фортепіано! Онъ воспроизводитъ тутъ самыя головоломныя сочетанія звуковъ и музыкальныхъ ризмъ, рѣшается на самыя смѣлыя и запутанныя звуковыя комбинаціи, — являясь истинъ Харири со всѣмъ его искусствомъ, изворотливостью и подвижностью. Такимъ сначала представился мнѣ Листъ, проявляя небывалую технику и самый необузданный деспотизмъ по отношенію къ своему инструменту. Потомъ же, гораздо позже, предсталъ онъ предо мною, какъ *поэтъ*, воодушевленный и воодушевляющій, который обходится съ музыкальною формою лишь какъ съ вѣшнимъ средствомъ внутренняго содержанія, доходя при этомъ до великодушнѣйшаго самозабвенія и оставаясь неизмѣнно скромнымъ. Но вамъ самимъ придется услышать его и неизмѣнно при этомъ вспоминать обо мнѣ! Будь у меня время, я бы отправился къ нему съ визитомъ, но—мнѣ пришлось писать проповѣдь, въ которой нужно было свернуть шею Амалаку и Аману, что и сдѣлано мною въ послѣднюю субботу между 10 и 11 ч. утра, хотя по послѣднимъ извѣстіямъ эти неукротимые подлесты уже опять успѣли оправиться и смѣются втихомолку, глумясь надо мною.

Одинъ изъ моихъ здѣшнихъ буржуазныхъ знакомыхъ объявилъ мнѣ, что игра Листа не трогаетъ его сердца! На это я возразилъ

ему, что здѣшніе обыватели напоминаютъ мнѣ того крестьянина, который путемъ покупки оценовъ хотѣлъ научиться читать. Итъ надо, чтобы артистъ за 2 гульдена вложилъ имъ свою игровое сердце въ тѣло. Какъ я слышалъ, мои слова облетѣли почитателемъ Листа и нашли одобреніе въ кругу его знатныхъ друзей. *Sed de hoc hastenus!* Но довольно объ этомъ!

Проповѣдникъ обращается съ своею рѣчью къ Парнасу!

Хватаюсь за нижній край вашего посланія, гдѣ вы мнѣ совѣтуете отправить письмо г. Бенда (Benda), я сообщу вамъ, что письмо мною вчера отправлено. Право, сперва я не зналъ, какъ зовутъ Бенда—Л. А. или Данииломъ, и потому не писалъ ему; затѣмъ мнѣ пришлось всю ночь съ четверга на пятницу и всю пятницу писать, въ субботу говорить проповѣдь, а потомъ лишь я узналъ отъ Гейманна (Heimann) изъ Берлина подробности о положеніи нашего дѣла. Думаю, что наврядъ ли мое письмо принесетъ какую либо пользу. Впрочемъ, готовъ исполнить свою обязанность и поэтому изложилъ дѣло вкратцѣ, но по возможности настойчиво. Если только найду время, то еще до понедѣльника, когда—по слухамъ—дѣло должно рѣшиться, я напишу Г. В. Мейеру, чтобы заинтересовать его брата. Просмотрите мое посланіе къ Бенда; мнѣ очень хотѣлось бы знать, согласны ли вы съ нимъ. Я о васъ не упоминалъ, а только говорилъ объ Ашерѣ, который мнѣ тѣмъ временемъ на самомъ дѣлѣ писалъ, такъ что мнѣ не пришлось ни чуточку солгать.

У меня теперь порядочно работы, такъ какъ, кромѣ обычныхъ своихъ уроковъ въ еврейскомъ училищѣ, приходится замѣнять одного заболѣвшаго учителя; вчера я началъ съ ребятами чтеніе книги Судей

О если бы я не поторопился съ изданіемъ Псалмовъ! Теперь, когда мнѣ приходится разбирать ихъ съ такою точностью и входить во всѣ мельчайшія ихъ подробности при толкованіи, мнѣ многое бросается въ глаза, чего я раньше не замѣчалъ и чего не замѣтили вышедшіе за послѣднее время въ большомъ количествѣ

комментаріи. Вѣстѣ съ тѣмъ приходится констатировать, какъ вообще далека библейская экзегетика, отъ немногосложной цѣли своей—пролить хотя бы немного свѣта на всю эту область.

Еще много придется поработать, чтобы избавиться отъ стараго хлама. Особенно ясно вижу я теперь, какъ содержательно многое у еврейскихъ комментаторовъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало или неумѣло цитированныхъ. Конечно, справляться съ ними лишь въ томъ случаѣ полезно, если совершенно независимо и самостоятельно составить себѣ о дѣлѣ свое собственное представленіе. Я часто обращался, и безъ всякой пользы, къ комментаріямъ. Наконецъ я самъ доходилъ до какого нибудь новаго толкованія, и тогда то я узнавалъ въ какомъ нибудь одномъ словѣ, въ незначительной глоссѣ Раши, Ибнъ-Эзры и даже позднѣйшаго Сфорно, учителя Рейхлина, пріятное подтвержденіе своей догадки.

Впрочемъ, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что чаще мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ, съ удачнымъ ошупываніемъ, которые дали древнимъ въ *отдѣльныхъ* случаяхъ возможность находить вѣрную разгадку, чѣмъ съ яснымъ одностороннимъ пониманіемъ духа и общей связи разбираемаго отрывка. Въ послѣднемъ отношеніи старинные комментаторы почти все безусловно ненадежны.

Сообщеніе о данной вамъ аудіенціи (у министра Алтештейна) меня глубоко заинтересовало и замѣчанія ваши настолько справедливы, настолько почерпнуты изъ самой сущности дѣла, что къ нимъ ничего не прибавишь. Но будьте благодарны министру также и за то, что позабыли или чего либо не узнали, либо не пожелали узнать наши раввины, проповѣдники, реформаторы, наши Цвингли, Лютеры или Кальвины при всей своей критической и анатомической ловкости, а именно, что живое движеніе впередъ, бьющая ключемъ живая дѣйствительность не можетъ уложиться въ рамки формулъ и не можетъ быть сдерживаема, вызвана или заглушена какими нибудь безжизненными абстракціями или пустыми теоретическими предписаніями. Путемъ чисто химическаго анализа они

стараятся познать составныя части организма и считаютъ себя, на основаніи такого познаванія, въ силахъ вызывать новую жизнь, быть самостоятельными творцами.

Право же, гораздо лучше соблюдать всё предписанія ритуальныхъ кодексовъ съ милліономъ ихъ мелочей, чѣмъ слѣпо повторять какую то такую формулу присяги, при произнесеніи которой кровь такъ и застываетъ во мнѣ, какъ если бы я произнесъ завѣдомую ложь; живое, присущее мнѣ какъ живому организму чутье восстанавливаетъ противъ такого исключительно практическаго и трезво-сколоченнаго обряда. Почему всё они со своими силами и соображеніями становятся *in medias res*, почему они трактуютъ людей и явленія въ ихъ современной формѣ? И вотъ всё поступаютъ такъ, какъ будто бы до нихъ еще ничего не было сдѣлано.

Еще намедни сказалъ я въ проповѣди своей, что вся жизнь современнаго Израиля базируется на текстѣ (изъ книги Іова): „Мы существуемъ лишь со вчерашняго дня и ничего не знаемъ“.

Исторію изучаютъ эти господа какъ нѣчто отдѣльное, къ авторамъ и заглавіямъ книгъ относятся съ такою же робкою осторожностью, какъ, къ смѣшеніямъ *לבן ושר* (мясного и молочнаго), и находятъ это хотя и мелочнымъ, но всетаки остроумнымъ. Хороша же эта ихъ инквизиція!

Если же существуетъ еврейство, — я очень попрошу, чтобы его не низводили, какъ это разъ заявилъ мнѣ капитанъ Бургъ, которому я охотно простилъ это, на одно лишь *למשך זמן* и не называли такого разбавленнаго ученія эссенціею, которая въ теченіе тысячелѣтій вылилась, благодаря своей сильной и жизнеспособной самостоятельности, въ форму безпримѣрно обширной и многосторонней литературы, и выработала изъ себя совершенно послѣдовательное міровоззрѣніе — если, говорю я, существуетъ такое еврейство, то идите спокойно по его слѣдамъ и развивайте его по мѣрѣ заключающихся въ немъ силъ его! Дайте толчокъ утомленному уму, дайте силы утомившимся рукамъ, укрѣпите подвѣшивающіяся колѣни, вырывайте сокровища изъ нѣдръ ученія, вы-

несите на свѣтъ скрытое, привлечите къ тому все богатство науки и образованности, дайте такимъ образомъ еврейству во всей его цѣлостности новыя жизненные соки! Реестръ прегрѣшеній старинныхъ раввиновъ намъ ничуть не полезенъ, какъ и прекрасныя фразы объ омертвеніи и окаменѣлости нашего ученія! Держите ихъ при себѣ, эти фразы: вѣдь вы же созданы для того именно, чтобы внести новую, свѣжую жизнь и новый духъ въ безжизненную форму. Но— вмѣсто того, чтобы оживлять, вы лишь критикуете, вмѣсто того, чтобы помогать и приносить исцѣленіе, вы рассказываете намъ исторію нашей болѣзни! Пусть эта исторія будетъ извѣстна врачу; пациенту ея знать незачѣмъ. Подобно всякому исцѣлившемуся, онъ охотно повѣритъ вамъ на слово, что прежнее леченіе его было неправильное и что вы именно и являетесь настоящими Эскулапами и Гиппократами! Теперь же вы считаете своею спеціальною задачею раскрывать тамъ и сямъ новыя раны; почему же въ такомъ случаѣ не указываете вы также на здоровыя части нашего тѣла? Разъ вы ищете слабыхъ пунктовъ, почему бы вамъ скорѣе не указывать на силу и обиліе существующихъ въ насъ жизненныхъ соковъ? Я въ васъ не нахожу добросовѣстности и—любви; именно любви, преданности и снисходительности. А я, право же, не слѣпъ! Вѣдь, право же, то, что обладаетъ достаточною силою, чтобы выдѣлать или преодолѣть въ себѣ все призрачное, имѣетъ свои хорошія и цѣнныя стороны. Если же у васъ нѣтъ любви къ тому дѣлу, которое вы отстаиваете, то лучше бросьте его! Дѣло это въ себѣ самогъ найдетъ себѣ поддержку и навѣрное естественная, врожденная сила организма сослужитъ тутъ не меньшую службу, чѣмъ неохотное безсердечное пользованіе нерасположеннаго къ намъ врача, который заботится не столько о своемъ пациентѣ, сколько о своихъ теоріяхъ и о доказательствахъ ихъ справедливости.

Обратите вниманіе, дорогой мой Фейтъ, на то обстоятельство, что нынѣ цитируютъ слова пророковъ лишь съ тою исключительною цѣлью, чтобы подтвердить ими какое нибудь ходячее излюб-

ленное мнѣніе. И вотъ эти то пророческія вѣщія слова приводятся для подтвержденія всего отрицательнаго, всякаго нравобѣсія. Правда, могучій отзвукъ живой силы и неизменно твердой непоколебимой вѣры, звучащій въ этихъ словахъ, и сейчасъ признается, но лишь съ точки зрѣнія художественной. Вѣдь такіе люди какъ Lowth, Herder, Eichhorn поступали такъ; значитъ и мы вправѣ послѣдовать ихъ примѣру. Но мы никогда не сможемъ передать современному человѣчеству то воодушевленіе, которое кроется въ этихъ вѣщихъ рѣчахъ и въ которомъ оно, при всей своей сердечной узкости, столь нуждается. Нѣтъ! Этого мы не сможемъ. Это кажется чистымъ мистицизмомъ. Вотъ каково само мнѣніе этихъ господъ! Они думаютъ, что если бы не они заботились о просвѣщеніи и удаленіи всѣхъ ненужныхъ шлаковъ, весь Израиль давно погрязъ бы во тьмѣ!

Имѣемъ ли мы право носить кожаные башмаки въ Іомъ Биппуръ? Вотъ гдѣ, по ихъ мнѣнію, вопросъ жизни и смерти іуданскаго, и этому вопросу посвящена длинная проповѣдь въ день Очищенія. Вотъ образчикъ изъ нея:

„Благочестивые слушатели мои!

Теперь 1840-й годъ. Намъ слѣдуетъ быть благоразумными. Будьте гражданами! Слѣдовательно, мы ничѣмъ не должны обращать на себя всеобщее вниманіе.

Вотъ видите ли: Господу Богу угодны чистое сердце и здравый умъ! Ему дѣла нѣтъ до того, облечены ли ноги ваши въ войлочные туфли или кожаные башмаки. Онъ жаждетъ только того, чтобы онѣ не шествовали по грѣховному пути! Праотцы ваши были глупы! Будьте же вы умнѣе и просвѣщеннѣе и—надѣньте немедленно сапоги! То вы представляете изъ себя ортодоксальныхъ фанатиковъ, знѣшнихъ святошъ, правовѣрныхъ лишь съ виду, то мистиковъ, темныхъ невѣждъ. *Чистый* іуданскій гласитъ такъ: поступай хорошо, не бойся никого! Теперь вамъ не зачѣмъ и день Примиренія! Духъ просвѣщенія будетъ съ нами и въ насъ. Да будетъ такъ! Аминь, аминь, аминь!“

Что же удивительнаго въ томъ, что съ одной стороны сумасбродный Гиршъ со всею своею философіею Шулханъ-Аруха, со всеми Eidaus и Mizwauss своей философіи идетъ на встрѣчу сѣренъскому нигилизму, а съ другой г. Мендель Гессъ (Hess), — также представитель чистѣйшей Denkgläubigkeit (какъ отнесся бы Гегель къ этому милому слову, этой славной категоріи невѣйшей религіозной философіи?) — въ своемъ „Jsgaelit“ распространяетъ здравыя взгляды и „профильтрованныя понятія“, на вѣдущую пользу глухихъ евреевъ, къ числу которыхъ, напр., принадлежу конечно и я самъ. Вѣроятно, г. Гессъ наврядъ ли хорошо знакомъ съ Библіею, а еще менѣе извѣстны ему духъ и содержаніе дальнѣйшей развившейся изъ нея литературы. Но за то онъ подвизается на аренѣ практической дѣятельности! Вотъ такъ мило! Право же, министръ совершенно правъ.

Зелоты называютъ это: сущностью Божіей; я же называю это: нелѣпо, глупо, шутовски, бесполезно. Но къ чему я говорю вамъ все это?

Намъ все это слѣдуетъ обсудить путемъ устной бесѣды. Боюсь, что я становлюсь вамъ непонятенъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ уже я носился съ этими мыслями, онѣ стали для меня азбучными истинами и потому я навѣрное пересказываю теперь черезъ множество посредствующихъ звеньевъ, которыя выдѣлить является однако необходимымъ.

Во всякомъ случаѣ сущность, ядро іудаизма выясняется мнѣ все болѣе и болѣе; все яснѣе становится для меня бесполезность и извращенность стремленій, которыя обнаруживаются среди насъ по сей день и которыя, введенныя въ практику посланіемъ Дав. Фридендера, все еще заключаютъ въ себѣ добрую толику вольтеровскихъ элементовъ. — Во всемъ этомъ, говорятъ намъ, затронуты лишь интересы одной только религіи! Ну, конечно, и религія нужна — отчасти какъ средство для обузданія черни, какъ приманка для глупцовъ, а затѣмъ — въ извѣстныя минуты жизни. Порядочный, моль, человекъ является предъ нами во всеоружіи ея.

Умноу вполне извѣстно, что своевременно и что нѣтъ. Но народъ простой... да, вотъ для народа то мы и нужны. Между тѣмъ что же тѣмъ временемъ дѣлаетъ народъ? Ежедневно изъ средѣ его выдѣляется ктонибудь и объявляетъ: „Я человекъ умный!“ и потому принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ народныхъ руководителей. Такимъ образомъ зрители попадаютъ на сцену. Гдѣ, спрашивается, остались актеры, гдѣ публика? Для кого играютъ? — Однако довольно объ этомъ! О если бы вы только вѣрно поняли меня! Выдѣлать вездѣ живой духъ, распознавать всюду идеальныя мотивы высшаго порядка и точно опредѣлять ихъ, представлять іуданизмъ во всей его мощи и достоинствѣ какъ ступень къ такому высшему пониманію жизни, выяснять значеніе его установленій, его идей, его исторіи во всей ея просвѣтительной и душу возвышающей мощи, отгнѣять призывы его боговдохновенныхъ, глубокомысленныхъ борцовъ, выяснять все его великое значеніе для настоящаго времени, а вліяніе послѣдняго на насъ, — все это, что я съ помощью Вождя почерпнулъ изъ книгъ и сокровищницы знанія моего народа и вполне себя усвоилъ, противопоставить безсердечности и безсилію, рабству, являющемуся скованнымъ подъ гнетомъ чисто матеріалистическихъ безумныхъ стремленій, и провозглашать призывъ къ другой, высшей работѣ, къ примѣненію болѣе благородныхъ силъ—вотъ въ чемъ я вижу призваніе свое и уповаю на Господа Бога, что не даромъ живу на свѣтѣ...

Проф. Л. Гейгеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАПИРОСКА.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

I.

Это случилось давно, очень давно. Мнѣ тогда шелъ 11-й годъ, а товарищу моему Шолемке минуло — 12. Я только-что окончилъ курсъ ученія въ хедерѣ меламеда «Ханма Бака» и перешелъ для изученія высшихъ наукъ къ талмудисту ребѣ Зименю Хромононому; у него-же учился и Шолемке.

Съ Шолемке я сблизился чуть-ли не въ первый день моего вступленія въ хедеръ.

Я живо помню это время. Былъ чудный, ясный день, какой рѣдко выпадаетъ осенью. Я только-что открылъ глаза. Солнце радостно глядѣло въ окно моей комнатки и заливало все кругомъ потоками золотого свѣта. Было повидимому довольно поздно. Сестры Бейли, спавшей со мною въ одной комнатѣ, уже не было, она ушла въ лавку:—мой отецъ имѣлъ бакалейную торговлю. Не успѣлъ я потянуться, раза два зѣвнуть, какъ вошла моя мать.

— Ну, мой сыночекъ, — сказала она ласково, — довольно гулять, прощай «sof-ha-zman» (конецъ каникулъ), сегодня тебѣ, въ добрый часъ, въ хедеръ идти!

Все это я зналъ еще вчера. Она сама накануне мнѣ напомнила объ этомъ и уснула раньше обыкновеннаго спать. Но, какъ на зло, я очень поздно заснулъ. Всю ночь мнѣ мерещился мой новый ребе, съ его орлинымъ, острымъ носомъ, длинными пейсами, рѣдкой, но длинной, уже съ просѣдью бородкой и его нѣсколько ковыляющей ногой, за которую онъ, вѣроятно, и получилъ свое прозвище. Такъ онъ виталъ передъ моими глазами, входящимъ къ намъ на праздникахъ по поводу

моего поступленія въ его школу, и въ ухахъ все время звучали слова, сказанныя имъ отцу послѣ произведеннаго имъ мнѣ экзамена:

-- Ничего, съ Божьей помощью, мы изъ него сдѣлаемъ «человѣка». «Геморе ингель»¹ уже другое дѣло; это — «человѣкъ». У него замѣчается «шарферъ моахъ»². — Онъ не преминулъ, конечно, при сей атестаціи ущипнуть меня за щеку, причемъ онъ усердно уплеталъ поставленное ему угощеніе.

«Довольно гулять! Прощай соф-га-аманъ!»

Неужели довольно?! Неужели вмѣсто бѣганья по двору, вмѣсто игры съ товарищами въ жмурки прятки, орѣхи, вмѣсто всего мною пережитаго и испытаннаго за это время, волновавшаго мой умъ и сердце: — мой первый дебютъ въ праздникъ «ליל חמשה עשר» въ чтеніи «мафтеръ»; маленькій мальчикъ, поющій у хазона (кантора), приведшій меня въ восторгъ своимъ тоненькимъ голоскомъ; бѣленькій пѣтушокъ, котораго кружилъ наканунѣ праздника «יום-קניפורъ» надъ своей головой въ искупленіе своихъ грѣховъ, отсылая его въ преисподнюю, вымаливая себѣ долгую, хорошую жизнь и еще много другихъ впечатлѣній и пріятныхъ волненій, — неужели вмѣсто всего этого теперь — хедеръ, низенькая, маленькая комната, почти безъ воздуха, въ которой сидишь взаперти, какъ узникъ, съ утра до 10-ти часовъ ночи, подъ опекой ребе, надъ толстымъ, претолстымъ Талмудомъ.

Боже мой, какъ скоро! Какъ все пролетѣло, какъ во снѣ пронеслось и исчезло. А какъ было хорошо, какъ весело, отраднo! Казалось, что и природа вмѣстѣ со мною радовалась: все въ ней ярко сіяло, привѣтливо улыбалось, даже сухая старая верба, стоявшая среди нашего двора, съ громаднымъ, когда-то выжженнымъ, отверстіемъ у ствола, и та — какъ-то игриво, кокетливо смѣялась.

Но довольно! Цѣлый мѣсяцъ я гулялъ. Мѣсяцъ былъ предоставленъ самому себѣ. Хотя и въ этотъ мѣсяцъ зоркіе глаза матери слѣдили за мною, чтобы не пошалилъ лишній разъ, не прыгалъ, не бѣгалъ по улицѣ, какъ шейгецъ, являлся во-время и пр., и пр., однимъ словомъ, чтобы держалъ себя, какъ по-

¹ Мальчикъ, изучающій Талмудъ. ² Острый умъ.

добаеть порядочному еврейскому мальчику. Но все таки это свобода, все-таки мѣсяцъ не дышешь душной, вредной атмосферой хедера, а чаще бываешь на лонѣ природы и бѣгаешь по улицѣ, когда замѣтишь отсутствіе мамы, какъ шальной, какъ истый «шейгецъ» — и достаточно! Еврею и въ дѣтствѣ нельзя долго пользоваться свободой. Конецъ каникуламъ. Пора въ хедеръ! Опять потянутся однообразные, скучные дни...

Впрочемъ, нужно быть справедливымъ. Хедеръ имѣетъ, или по крайней мѣрѣ имѣлъ для меня, свои прелести и въ началѣ учебнаго курса меня даже влекло въ хедеръ: новые товарищи, новыя впечатлѣнія, первые дни бездѣльничанья; особенно привлекаетъ промежуточное время между утренними и вечерними занятіями; какъ только начинается смеркаться и ребе уходитъ въ синагогу на вечернюю молитву, заберешься со своими товарищами въ какой-нибудь уголок хедера и пойдутъ рассказы о чудесахъ нашихъ падиговъ, о разныхъ видѣнныхъ и невидѣнныхъ «лейцимъ», о великихъ грѣшникахъ, обреченныхъ послѣ смерти на вѣчныя скитанія по бѣлому свѣту, о разныхъ «дыбикахъ» (нечистыхъ), вселяющихся въ когонибудь, и пр., и пр. Слышишь все это съ какимъ-то страхомъ, а между тѣмъ тебѣ весело и невольно пошалишь, расправишь свои одереветѣвшіе за день члены. Эти полъ-часа свободы заключаютъ въ себѣ столько прелести, столько привлекательнаго для насъ, мальчиковъ, чувствуется такое раздолье, свобода, что первое время тянетъ въ хедеръ.

— Что-же ты? — спрашиваетъ мама.

Я быстро одѣваюсь, и взявъ подъ мышку большой фоліантъ Талмуда, ухожу въ хедеръ.

Въ этотъ первый день, какъ водится, никто не учился. Ребе, осмотрѣвъ принесенные талмуды, сказалъ каждому откуда, изъ какой главы начнетъ, раздѣлилъ хедеръ на двѣ группы, въ каждой по 6-ти мальчиковъ, и составивъ пары, приказавъ завтра явиться пораньше и, съ Вожьей помощью, въ часъ добрый, пойдутъ настоящія занятія.

Моиъ товарищемъ, съ которымъ я долженъ былъ вмѣстѣ заниматься, оказался Шолемке.

Какъ сейчасъ предо мною стоитъ Шолемке, съ его худымъ лицомъ, широкимъ, высокимъ лбомъ, хитрыми, быстрыми гла-

зами, прыгавшими, по выраженію ребе, какъ у ганева (вора) на шнурочкѣ. Я вижу его плутоватую улыбку, какъ-бы говорившую: «Вы не думайте, что я зря смотрю... я васъ всѣхъ, дурачковъ, понимаю.. мнѣ плевать, что бы тамъ вамъ ни говорили, а я васъ всѣхъ за поясъ заткну!»...

Эта была въ высшей степени веселая натура. Онъ сильно, со страстью увлекалъ всѣхъ насъ въ играхъ, будучи въ нихъ въ высшей степени изобрѣтательнымъ; онъ съ замѣчательной ловкостью продѣлывалъ всевозможныя штуки, проказничалъ на чемъ свѣтъ стоитъ, былъ «сорви-голова» въ полномъ смыслѣ этого слова. Чуть бывало ребе отвернется въ сторону, Шодемке скорчить такую уморительную рожу, что не было никакой возможности удержаться отъ смѣха, а онъ сидитъ какъ будто это его не касается, не улыбнется, не пошевеливается, какъ будто онъ здѣсь не причемъ.

Весь нашъ хедеръ очень любилъ Шодемке. Его считали главой, предводителемъ. Въ немъ было нѣчто такое, чего опредѣлить мы, малыши, не умѣли, но что приковывало каждого изъ насъ къ нему и покоряло сразу. Каждому изъ насъ хотѣлось ему понравиться, приобрести во что бы то ни стало, его расположеніе. Ничье самолюбіе не страдало при этомъ. Это считалось у насъ такимъ нормальнымъ явленіемъ, мы до того привыкли видѣть въ его лицѣ нашего руководителя, нашъ авторитетъ, — что мы крайне удивились-бы, случись противное. Шодемке съ своей стороны принималъ это какъ должное. Впрочемъ, къ чести его будь сказано, его положеніе не вселяло въ его душѣ гордости и онъ нисколько не завнавался. Онъ считалъ это такимъ же естественнымъ, какъ и мы. Мнѣ кажется, что онъ никогда не предполагалъ, чтобы могло быть иначе.

Бывало, Шодемке напроказить и ребе беретъ его на расправу: Шодемке не объясняется какъ другіе, не плачетъ, не проситъ пощады, а стоитъ и молчитъ какъ могила; онъ не отворачивается отъ пощечинъ ребе, а только при каждомъ ударѣ, онъ какъ будто говорить глазами: «Э, тоже пощечины! Вотъ, влепи я пощечину, искры посыпались-бы!»... А мы, весь нашъ хедеръ, стоимъ какъ стриженныя овечки, объаты ужасомъ, не шевелясь, боясь дышать, и съ широко раскрытыми

ртами отъ удивленія смотримъ на этого могучаго Самсона (да что Самсонъ! Шолемке казался намъ гораздо выше) и съ замيرانіемъ сердца ждемъ развязки.

И вдругъ среди этой драмы, раздавался неудержимый хохоть. Достаточно было ребе отвернуться, чтобы Шолемке скорчилъ такую уморительную рожу, что не было никакой возможности не прыснуть со смѣху.

— Что это?! — съ бѣшенствомъ кричитъ ребе, оглядывая всѣхъ насъ и Шолемке.

Но послѣдній уже стоитъ совершенно спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, вытянувшись въ струнку, какъ бы въ ожиданіи дальнѣйшихъ пощечинъ ребе.

— Иди уже, иди ты «Еровомъ-Бень-Невотъ» — кричитъ въ влобъ утомленный, сознавшій свое безсиліе ребе, — бери Геморе.

Впрочемъ, и самъ ребе ставилъ Шолемке неизмѣримо выше всѣхъ насъ. Доказательствъ этому у насъ было много. Когда ребе посылалъ зимою по вечерамъ кого нибудь изъ насъ въ чайную за горячей водой (мы зимою пили чай въ хедерѣ и поочередно каждый ученикъ приносилъ чай и сахаръ) — то безъ Шолемке онъ и не посылалъ. Случалось — полупраздникъ, въ которомъ по складчинѣ устраиваемъ «Суде», т. е. нѣчто въ родѣ кутежа, безъ Шолемке ничего и не закупить. Зайдетъ бывало къ намъ въ хедеръ зачѣмъ-нибудь городской, (котораго, скажу эъ скобкахъ, ребе нашъ изрядно побаивался), ребе ужъ непременно скажетъ: «А ну, Шолемке, объяснись съ этимъ «орлѣ» (не-авреемъ), что ему нужно?» И Шолемке бывало такъ объясняется, что мы надрывались со смѣха; онъ ему столько страннаго наговорить, такъ запутаетъ, «закрутитъ», какъ самъ выражался, что горсдовой плюнетъ и уйдетъ, а Шолемке кричитъ ему еще вслѣдъ: «Смотри, вонъ у тебя «Дохо дейді» на шпанкѣ!»

Вотъ каковъ былъ мой товарищъ Шолемке.

II.

Когда въ первый день мы вышли изъ хедера, Шолемке подовзавъ меня къ себѣ, сказалъ:

— Домой еще рано, пойдемъ немного погуляемъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ я съ плохо скрытой радостью, что удостоился быть избраннымъ Шолемке не только въ официальные товарищи по хедеру, но и въ друзья. О немъ я слышалъ еще въ хедерѣ «Хаима Бака». Вообще, онъ былъ очень популяренъ среди мальчиковъ нашего города. «Вѣроятно, разсуждалъ я не безъ гордости, онъ имѣетъ желаніе сблизиться со мною».

Шолемке завернулъ вправо и пошелъ прямо по направленію къ «кагальной банѣ». Баня стояла въ проулкѣ, почти на краю города. Мимо нея въ длину тянулась рѣченка, скорѣе «болотце», названное ребе «нервомъ» большой рѣчки, омывающей нашъ городъ. Черезъ эту рѣчку была положена подгнившая доска, служившая прачкамъ для складыванія бѣлья во время стирки; по ней и переходили. За рѣчкой тянулось широкое поле; издали виднѣлся довольно густой березовый лѣсокъ, куда изво всѣхъ хедеровъ нашего города, въ полупраздникъ «Лег-бо-оймеръ», стекались всѣ мальчики, вооруженные деревянными луками.

Здѣсь, на просторѣ никого и ничего не боясь, они испытывали свою силу и выказывали свое геройство, забываясь и захлебываясь отъ счастья, превратившись въ дѣтей природы, что рѣдко и очень рѣдко выпадаетъ на долю еврейскаго мальчика. Возвращались они домой съ трофеями своихъ побѣдъ въ видѣ шишекъ и синяковъ на лицахъ: не обходилось въ такихъ торжественныхъ минутахъ безъ дракъ.

— Тутъ мы присядемъ—сказалъ Шолемке, когда мы перешли «Иорданъ», т. е. болотце, и стояли на маленькомъ неподалеку отъ лѣса холмѣ.

Небо было чисто и ясно. Лучи солнца какъ-то особенно сіяли и грѣли, проникая пріятной истомой во всѣ мои члены. Пожелтѣвшая травка еще испускала слабенькій аромать, пріятно щекотавшій мой не привычный къ такому баловству носъ. Дышалось свободно. Легкій вѣтерокъ разгуливалъ по полю и тихо раскачивалъ сѣдые березы; онѣ весело перешептывались, точно молились, воздавая хвалу Создателю за этотъ рѣдкій день; только одна ивушка, очутившаяся какъ-то въ сторонѣ, стояла поникшая, какъ-бы недовольная этимъ днемъ, и плакала. Птички съ веселымъ щебетаніемъ летали и кружились водругъ насъ.

— Чирикъ-чирикъ—пищали однѣ, будто привѣтствуя насъ словами: ловите, вдыхайте, шалуны, побольше воздуха въ такой чудный день. Не такъ часто онъ выпадаетъ на вашу долю и не такъ скоро возвратится. Чирикъ-чирикъ—щебетали онѣ— вотъ настанутъ для васъ пасмурные, скучные дни, когда запрутъ васъ въ вашемъ противномъ тѣсномъ хедерѣ и вы не посмѣете свой носъ высунуть.

— Какъ здѣсь хорошо!—невольно восхищался я, усаживаясь на холмѣ возлѣ Шолемке и вдыхая полною грудью воздухъ.

Шолемке иронически улыбнулся. Это меня задѣло. Въ его улыбка такъ ясно сказалось столько обиднаго, столько унижающаго, что меня сильно покорило. Такъ и читалось въ его улыбка: «Ты, видно, еще довольно глупъ, когда тебя поражаетъ такая обыденность, такая проза; вѣрно, кромѣ изъ дому въ хедеръ и обратно нигуда ни шагу не дѣлаешь... Чѣмъ восхищается!.. Видно, впервые маменькинъ-сыночекъ попалъ на волю, а то все этотъ «лекешъ» у передника маменьки держится»...

— Я очень люблю такіе дни,—сказалъ я какъ-бы защищаясь,—и часто въ эти дни иду въ «Зайцы». Тамъ, возлѣ мельницы «пурица», въ саду — чистый рай,—вралъ я безотчетно.

Мнѣ ни за что не хотѣлось уронить свое достоинство; я желала доказать ему, что онъ не ошибся, избирая меня въ друзья, что я вполне достойный товарищъ, который, когда нужно будетъ, съумѣетъ оправдать его довѣріе.

Зайцы была маленькая, не далеко отъ города, деревушка, принадлежащая одному помѣщику. У начала деревни, возлѣ большого пруда, стояла водяная мельница, а немного поодаль барскій дворъ, большой старый домъ въ старомъ стилѣ, въ которомъ ни помѣщикъ, ни его семейство никогда не жили; они почти безвыѣздно проводили все время за границей; его окружалъ громадный, роскошный садъ.

Былъ я тамъ всего только разъ, и то не одинъ, а съ нашимъ приказчикомъ Йоселемъ. Мать моя уступила моимъ долгимъ, неоднократнымъ просьбамъ и прошлымъ праздникомъ разрѣшила намъ идти. Я Шолемке соврала, повидимому желая дать почувствовать, что, молъ, у насъ тоже есть «своя» воля, мы тоже идемъ куда «сами» желаемъ.

— А мама тебя пускаетъ, — продолжалъ, какъ-бы желая доконать меня Шолемке, — или ты ее не спрашиваешь?

— Чего мнѣ ее спрашивать, — съ какой-то заносчивостью подхватилъ я.

— А посмотри на тебя, ты какая-то мамля, какой-то «лекашъ», — усомнился Шолемке.

— Ого! — воскликнулъ я.

Въ этомъ «ого» сказалось многое; разумѣлось: «я, братъ, страшный человекъ, ты меня не знаешь, я герой! Ты не смотри, что я такъ-себѣ, я совсѣмъ другой!»...

И въ эту минуту я себя дѣйствительно почувствовалъ другимъ, человекомъ съ громадной силой воли и большимъ заносомъ нахальства.

— Тамъ, въ Зайцахъ, въ саду пурнца сторожъ Филимонъ презлющій человекъ, чтобъ чортъ его батьку побралъ, — почему-то вспомнилъ Шолемке.

— Злой! — согласился я, не выдавшій тамъ никакого сторожа. — Онъ меня сначала не пускалъ, — вралъ я безсовѣстно.

— Меня онъ разъ словилъ въ саду и такъ тузилъ, что пусть руки отпадутъ этому Исаву, — замѣтилъ Шолемке съ несвойственной ему злобой.

Онъ задѣлъ мое любопытство. Какъ? Шолемке, этотъ могучій Самсонъ, которого никакой ребе не въ состоянн побѣдить, былъ побѣжденъ какимъ-то Филимономъ. Тутъ что-то есть. И вотъ что я узналъ изъ его разказа.

Какъ-то разъ, въ началѣ лѣта, въ пятницу, когда ученіе въ хедерѣ идетъ только до 12-ти часовъ пополудня, Шолемке задумалъ вести войну съ филистимляни. Собравъ войско, во главѣ котораго царемъ Сауломъ фигурировалъ самъ онъ, вооруживъ его деревянными мечами, камнями и «лебоймерскими» луками, онъ отправился съ нимъ въ походъ, въ Зайцы, стереть съ лица земли ненавистныхъ филистимлянъ, въ лицѣ деревенскихъ крестьянскихъ мальчишекъ.

Подходя къ крѣпости, т. е. къ мельницѣ, раньше чѣмъ двинуть войско дальше, царь Саулъ послалъ трехъ «мераглимъ» (лазутчиковъ) сосчитать и узнать силу своихъ враговъ. Оказалось, что всѣ взрослые мужики были въ кабакѣ (былъ праздникъ), а по улицѣ бродили 7 или 8 филистимлянъ. У Саула

же было 12 вооруженных съ ногъ до головы воиновъ. Царь Саулъ самъ ватрубилъ въ рогъ (онъ гдѣ-то досталъ «шофоръ»), что означало: «наступать», и войско двинулось впередъ, прямо на непріятеля. Завязалась ожесточенная борьба: камни «свистѣли» со всѣхъ сторонъ; оглушительный гулъ и громкіе крики «гура» (ура) носились повсему полю сраженія.

Не знаю, «мераглимъ»-ли обсчитались, или какое-то чудо совершилось, но не прошло и трехъ минутъ, какъ у враговъ вмѣсто восьми мальчиковъ оказалось до двадцати. Филистимляне, выростая какъ изъ подъ земли, появляясь со всѣхъ сторонъ, пошли въ атаку. Шодемке со своимъ войскомъ вынужденъ былъ отступать и незамѣтно онъ съ нимъ очутился въ саду.

Филистимляне, вѣроятно наученные опытомъ, не рѣшались преслѣдовать Саула въ саду, а стояли на улицѣ, намѣреваясь ни за что не уходить, пока врагъ, вынужденный, пожалуй, голодомъ, не сдастся. Царь Саулъ, со своими сильно разгоряченными воинами, бомбардировалъ своихъ враговъ изъ сада.

Вдругъ, царь Саулъ замѣчаетъ, что его войско дало стрелка, а въ лагерь врага поднялся смѣхъ; не успѣлъ онъ оглянуться, какъ всѣ его воины разбѣжались, а онъ, или, вѣрнѣе, его лѣвое ухо очутилось въ рукахъ сторожа Филимона.

— И тянуть же онъ мое ухо, чтобъ съ него кишки повывагивались,—помню, возбужденно ругался Шодемке во время разсказа:—я такъ и думалъ, что оно останется въ его рукѣ, чтобы она ему отсохла!

— Ахъ!—не удержался я, воображая нашего царя Саула безъ уха.

Какъ онъ попалъ на улицу, онъ не помнилъ. Его, вѣроятно, Филимонъ, провожая нѣсколькими пинками, выбросилъ изъ сада. Онъ былъ опеломленъ, злоба, поднявшаяся на свое войско, оставившее его въ самую критическую минуту, и сторожа Филимона, хотѣвшаго лишить его уха, была до того сильна въ немъ, что въ первый моментъ онъ потерялся, не зная, что предпринять, и онъ долго бы стоялъ безъ движенія, еслибы филистимляне, видѣвшіе его паденіе, не бросились къ нему. Это, конечно, моментально привело его въ чувство—и давай Богъ ноги. По пути онъ двухъ филистимлянъ сшибъ съ ногъ, одна пуля врага попала въ него, но онъ лѣтъ какъ стрѣла и

несмотря на многочисленность враговъ, пустившихся за нимъ въ погоню, послѣдніе скоро вынуждены были оставить преслѣдованіе, благодаря легкости ногъ царя Саула.

На этомъ мѣстѣ Шолемке оборвалъ разговоръ.

— А войско? — поинтересовался я, такъ сильно увлекшись его разговоромъ, что моя фантазія рисовала мнѣ дѣйствительное поле сраженіе и филистимлянъ, преслѣдовавшихъ царя Саула по пятамъ. Я былъ сильно возмущенъ трусостью войска, оставившаго своего царя въ ту минуту, когда его уху грозила опасность быть оторваннымъ.

— Этихъ «хмойрѣмъ» (ословъ) я нашелъ далеко за мельницей, вонлѣ рѣчки — продолжалъ онъ съ замѣтнымъ негодованіемъ, — двухъ офицеровъ, болѣзнь ихъ посѣти, я сейчасъ «сбросилъ» (т. е. разжаловалъ) и сдѣлалъ ихъ «простыми» (рядовыми), предварительно разстрѣлявъ ихъ; одному генералу, я влѣпилъ такую пощечину, которую онъ долго помнилъ, и только-что я хотѣлъ учинить расправу надъ остальными, какъ одинъ изъ солдатъ, Зорехке Голдечкесъ, указалъ мнѣ на стоявшую въ прудѣ лодку.

— Хорошо! — подумалъ я обрадовавшись, замѣтивъ лодку Филимона, — это дѣло!...

— Ну? — спросилъ я, не понимая, чему тутъ было радоваться. А дѣло вотъ въ чемъ состояло: въ лодкѣ лежали удочки, концы которыхъ были закинута въ прудъ, сѣтка и еще нѣкоторыя принадлежности рыбной ловли. Мигомъ все было уничтожено, лодка опрокинута, весла пущены по пруду, сѣтка разорвана и Богъ знаетъ какъ еще бы напакостили ему воины, не замѣтъ спѣшившаго къ нимъ задыхавшагося, еле державшагося на ногахъ Филимона. Видно, царь Саулъ раньше не замѣтилъ невмѣняемости Филимона.

Увидя его теперъ пьянымъ, все войско ободрилось, воодушевилось и начало мстить за своего царя, бросая въ него камнями и показывая ему «свиное ухо», и не замѣтъ они приближающихся еще нѣсколько пьяныхъ мужиковъ, дѣло Филимона приняло-бы самое острое и невыгодное для послѣдняго рѣшеніе: воины уже собрались его контузить, т. е. напросто поколотить, но при видѣ приближающихся мужиковъ, самъ царь

Сауль, а за нимъ, само собою, все войско, благоразумно отступили довольно быстро обратно въ городъ.

Шолемке послѣ этого разказа выросъ въ моихъ глазахъ въ цѣлую гору. Онъ былъ для меня необыкновеннымъ, какимъ-то сказочнымъ героемъ, непостижимой силой, и я въ душѣ рѣшилъ быть его вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ.

III.

Когда Шолемке кончилъ свой разказъ, онъ вынулъ изъ кармана кожаный портъ-сигаръ и, взявъ оттуда папироску, спросилъ меня:

— Ты куришь?

Я ему не отвѣтилъ. Я былъ удивленъ, пораженъ до невѣроятности: имѣть у себя портъ-сигаръ, папиросы и курить — это только можетъ, воображалъ я, человекъ съ бородой, мой отецъ, или по крайней мѣрѣ женихъ, которому невѣста прислала въ подарокъ серебряный портъ-сигаръ; курящаго-же мальчика я впервые увидѣлъ. Дойти до такой самостоятельности — было выше моего пониманія.

— Не бойся, здѣсь насъ никто не увидитъ, — насмѣшливо успокаивалъ меня Шолемке, подавая папиросу, — можетъ-быть, ты вообще боишься курить?...

— Кого я буду бояться? — сказалъ я, взявъ папиросу. Шолемке зажегъ спичку и, закуривъ, подаль мнѣ зажженную спичку. Едва я ее приложилъ къ папироскѣ, потянулъ дымъ въ ротъ, какъ закашлялся до того, что на глазахъ слезы выступили.

— Ты видно никогда не куришь, — смѣялся Шолемке.

Мнѣ стало стыдно.

— Нѣтъ — отчего... — бормоталъ я, откашливаясь: — твой табакъ крѣпкій... очень крѣпкій...

— Я привыкъ къ нему, — сказалъ Шолемке, покуривая съ важностью, — я и затягиваюсь.

Въ доказательство, онъ набралъ полный ротъ дыму, и втянувъ воздухъ въ себя, выпустилъ изъ рта тоненькую ленту свѣтло-голубого дыма.

Я хотѣлъ ему подражать, но еще пуще прежняго оскан-

далился и чуть не задохся, кашляя до слезъ, однако папирски не бросилъ. Она мнѣ была особенно пріятна. Я себя въ эту минуту считалъ взрослымъ, самостоятельнымъ, весьма важнымъ господиномъ, а всѣхъ некурящихъ мальчиковъ дураками, «лекешами» (это слово Шолемке мнѣ особенно понравилось), съ которыми не стоитъ разсуждать, которые не болѣе, не менѣе — какъ мальчишки, достойные презрѣнія. Шолемке былъ для меня верхъ совершенства, которому не только можно, но должно довѣряться. Я смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и той благородной завистью, съ какой глядишь иногда на ученаго, сдѣлавшаго какое нибудь новое открытіе въ наукѣ. Я его въ ту минуту искренно, горячо любилъ.

Онъ мнѣ объяснилъ, что этотъ табакъ дорогой, стоящій 40 коп. $\frac{1}{4}$ ф., и что онъ, покупая гильзы, самъ наполняетъ ихъ табакомъ, производя сію операцію въ запертомъ сараѣ.

Я, съ своей стороны, вралъ, что хотя самъ не дѣлаю папирсы, но по временамъ беру у отца табакъ и курю, разумѣется, въ его отсутствіе, но отцовскій табакъ легкій, — не преминулъ я замѣтить, — а этотъ крѣпкій, очень крѣпкій.

— Знаешь что, — предложилъ мнѣ вдругъ Шолемке: — давай дѣлать вмѣстѣ папирсы.

— Хорошо! — обрадовался я.

— Ты мнѣ завтра принеси въ хедеръ 25 коп. Я пополню изъ своихъ, куплю табакъ, сотню гильзъ, и сдѣлавши папирсы, подѣлимся поровну, по полусотнѣ.

Я молчалъ. Перспектива была очень заманчивая. Стать сразу самостоятельнымъ, «большимъ человѣкомъ», имѣть собственные папирсы, какъ Шолемке — это что нибудь да стоило. Но средство, обуславливающее эту самостоятельность, меня сильно затрудняло: какъ добыть такую громадную сумму? Всего въ день я получалъ: утромъ на завтракъ — двѣ копѣйки, кусокъ масла и творогъ, а одну копѣйку послѣ обѣда. Отсюда сбереженія трудно было сдѣлать, и если-бы даже обречь себя на голодовку, а деньги собирать, то слишкомъ долго пришлось-бы ждать; другимъ-же путемъ достать такую сумму на это мой умъ не былъ на столько изобрѣтателенъ.

— Идетъ? — не отставалъ Шолемке.

— Гдѣ-же мнѣ взять столько денегъ? — невольно спросилъ я.

— Дуракъ, видно дуракъ! — сердясь кричалъ Шолемке: — у васъ, вѣдь, есть лавка... большая штука достать оттуда деньги... Эхъ, видно, еще глупъ, — кончилъ онъ съ досадой.

— Хорошо! — сказала я, немного оробѣвъ, досадуя и жалѣя, что колебаясь съ самаго начала, что гровило потерю его дружбы, которая была мнѣ теперь дороже всего. Въ душѣ, однако, я еще не рѣшилъ воспользоваться его совѣтомъ. Мнѣ, никогда не думавшему о такихъ вещахъ, было странно пуститься въ подобное предпріятіе. Другихъ шансовъ тоже не было. А обѣщала я, просто не думая, обѣщала, надѣясь на чудо, благодаря которому деньги окажутся въ карманѣ: «До завтра еще много времени—утѣшала я себя—авось достану»... хотя не было никакихъ источниковъ. Что необходимо было достать, въ этомъ не было у меня никакого сомнѣнія. Не отказавшись-же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, отъ его предложенія, предвѣщавшаго мнѣ въ будущемъ столько пріятнаго, отказъ отъ котораго повлекъ-бы за собою потерю его дружбы. Это было-бы безуміемъ, такимъ-же, какъ и медлить отвѣтомъ.

Въ воздухѣ почувалось какое-то безпокойство. Почувствовался холодъ и вѣтерокъ сталъ сильнѣе, порывисто дуть. Солнце спряталось, а на небѣ стали сгущаться тучки. Ресъ воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ, а издали блеснули уже молніи и вотъ-вотъ, казалось, ударить громъ. Птички притихли, куда-то попрятались и какъ-будто замерли въ ожиданіи бури; только нѣкоторыя, покручиваясь въ воздухѣ, еще подымались вверхъ и исчезали въ высокую даль. За рѣчкой, въ городѣ, видно было, какъ пылъ столбомъ подымалась и неслась по улицамъ.

— Идемъ домой, — сказала Шолемке подымаясь, — будетъ гроза и уже не рано.

Мы встали и пошли почти молча. Впечатлѣніе этого дня было сильное. Мнѣ было очень пріятно. Я какъ-будто возродился, возмужалъ и чувствовалъ себя въ самомъ розовомъ настроеніи, только по временамъ его портела мысль о необходимости добыванія нужныхъ денегъ. Какъ я ни ворочалъ мозгами — ничего не выходило. У меня даже не являлось хоть слабой надежды на возможность ихъ приобрѣтенія. Развѣ только изъ лавки... Тутъ мое чувство инстинктивно возмущалось и я

старался отогнать эту мысль подальше, ища другого исхода, какъ-нибудь иначе добыть эту сумму, но иначе — ничего не выходило.

Полежке молчалъ вѣроятно потому, что лѣнился говорить. Онъ мнѣ только на прощаньи еще разъ напомнилъ: «смотри-же, принеси завтра деньги!»

— Какъ-же, принесу! — отвѣтилъ я машинально, и мы разстались.

IV.

Когда я пришелъ домой, было уже довольно поздно. Матери не было дома; она давно пообедала и ушла въ лавку; только сестра ждала меня, чтобы дать пообѣдать.

— Гдѣ ты такъ долго пропадалъ — встрѣтила меня сестра, очевидно недовольная: ей нужно было куда-то уйти и благодаря моему отсутствію она не могла отлучиться. — Неужели нѣтъ хедера?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ я рѣзко.

— А гдѣ-же ты былъ до сихъ поръ?

— А тебѣ что за дѣло? — сказалъ я недовольный: — ходилъ куда хотѣлъ; ты лучше, чѣмъ разспрашивать — дай ѣсть.

Я былъ въ данную минуту въ возбужденно-раздражительномъ состояніи; розовое настроеніе начинало постепенно исчезать; притомъ желудокъ началъ сильно предъявлять свои права.

— Подожди-же, я расскажу мамѣ, что вмѣсто хедера ты шляешься богъ знаетъ съ кѣмъ и куда, — угрожала мнѣ сестра.

Но я мало боялся ея угрозы. Я отлично зналъ, въ чемъ не однократно убѣждался, что это только одна пустая угроза, которую она никогда не приводила въ исполненіе и, наконецъ, если бы она и рассказала, я отлично зналъ, что мать не особенно больно-то наказываетъ.

Когда я сѣлъ у стола и началъ ѣсть поданный обѣдъ, взоръ мой нечаянно упалъ на прибитую къ стѣнѣ, въ спальнѣ моей матери, копилку. Дверь спальни, которая вела въ столовую, была открыта и жестяная, продолговатая коробочка съ висячимъ маленькимъ замкомъ, продолговатой дырочкой на крышкѣ — бросалась прямо въ глаза. Я весь просіялъ отъ

озарившей меня мысли. Мгновенно составиля у меня планъ, довольно смѣлый и опасный. Мать моя каждую пятницу и наканунѣ каждаго праздника, передъ тѣмъ, какъ зажигала «благословенныя свѣчи», бросала въ копилку мѣдныя деньги, а иногда, когда наше семейство избавилось отъ какой-нибудь неприятности, и серебряныя. Эти деньги забиралъ еврей, приходившій въ разное время, и отправлялъ ихъ въ Палестину для доживающихъ тамъ свои дни бѣдныхъ старцевъ. Вотъ я и задумалъ воспользоваться этими деньгами.

«Сестра уйдетъ... никого не будетъ... я сниму копилку, — составлялся быстро этотъ отчаянный планъ, — и выну оттуда деньги... Это лучше, чѣмъ изъ лавки... Въ лавкѣ пришлось бы воровать»... — Мнѣ почему-то казалось, что добываніе денегъ изъ копилки не считается воровствомъ.

— Какой вѣтеръ, какія тучи, — прервала мои размышленія сестра, — скоро дождь ливнемъ пойдетъ, а мнѣ необходимо уйти.

Гроза дѣйствительно приближалася; вѣтеръ усилился и громы, сопровождаемые молніями, слышались явственнѣе. — «Вотъ мы и у праздника! — подумалъ я: — она останется дома и все погибло».

— Чего ты не ѣшь? — спросила меня сестра.

Я былъ такъ возбужденъ, такъ занятъ своей мыслью, что пересталъ ѣсть.

— Такъ, — резвъянно отвѣтилъ я. — А куда тебѣ идти?

— Я хотѣла къ Ліѣ (это была ея подруга), мнѣ нужно.

— Это вѣдь не далеко, — замѣтилъ я.

— Да, но я не могу оставить тебя одного, ты будешь бояться, — протестовала она довольно слабо.

— Иди, иди, я не боюсь, — началъ я съ особенной настойчивостью уговаривать ее, — откуда ты взяла, что буду бояться... Изъ за меня тебѣ нечего сидѣть дома..

— Ну, хорошо, — сказала она, не сопротивляясь долго, и очень довольная. — Я только зажгу лампу, уберу со стола и пойду. Ты пришлешь за мной Иоселя, когда онъ съ мамой придетъ изъ лавки.

— Иди, иди, я пришлю — сказалъ я, кончая торопливо свой обѣдъ.

Сестра, повидимому, была нѣсколько удивлена ея легкой побѣдой надо мной и приписала мою уступчивость желанію задобрить ее и такимъ образомъ купить ея молчаніе о моемъ повднемъ приходѣ.

— За то я мамѣ ничего не скажу, — сказала она, плутовато улыбаясь.

Въ другое время я бы вспылить и каговорилъ, конечно, не мало дерзостей за такое оскорбленіе, но на этотъ разъ я смолчалъ, хотя мнѣ это стоило много труда. «Говори, не говори — думалъ я — только уходи!»

Не успѣла сестра набросить на себя большой платокъ и выйти изъ комнаты, какъ я вихремъ пустился въ спальню и мигомъ очутился возлѣ копылки. Она была по бокамъ прибита двумя гвоздями, половинки которыхъ торчали снаружи. Однако, послѣ первой попытки вынуть ихъ руками, я убѣдился, что необходимо прибѣгнуть къ какимъ нибудь инструментамъ. Я бросился искать, но долго ничего подходящаго не находилъ, кромѣ молотка, лежавшаго въ столовой на окнѣ, которымъ у насъ кололи сахаръ. Дрожащей рукой схватилъ я его и вбѣжалъ въ спальню. Гвозди не оказали большого сопротивленія молотку и, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, копылка была въ моихъ рукахъ. Сердце у меня отъ страха усиленно забилося, руки тряслись, какъ въ лихорадѣ.

А что, если застигнуть? — подумалъ я и ужаснулся.

Влеснула молнія, ударилъ сильный громъ, за кстерымъ послѣдовалъ дождь. Крупныя капли дождя, гонимыя вѣтромъ, ударяли по стекламъ оконъ. Я весь былъ объятъ ужасомъ, мнѣ становилось страшно. Нѣсколько секундъ я стоялъ въ нерѣшительности.

«Самое лучшее запереть двери, — подумалъ я, — а если спросать, зачѣмъ заперъ?... Ну скажу, что я боялся»...

Я заперъ двери и, схвативъ копылку, началъ ее лихорадочно трясти; она издавала ужасные звуки; монеты, ударяясь другъ о друга, производили шумъ, наводившій на меня панической страхъ и приводившій въ неописанный трепетъ. Каждая секунда мнѣ казалась вѣчностью. Ударилъ громъ; молнія на секунду освѣтила спальню и мнѣ вдругъ показалось, что кто-то увидѣлъ меня, кто-то сзади стоитъ и слѣдитъ за мною. Я

съ ужасомъ оглянулся. «Нѣтъ никого... мнѣ померещилось... Однако, нужно скорѣе»...

Я трясъ изо всей силы копилку, держа ее дномъ вверхъ, а отверстиемъ внизъ, но ничего не выходило; вотъ, кажется, готова монета выпасть изъ копилки, но послѣдняя не такъ повернулась, монета легла въ ширину и не выходитъ. Какъ я ни старался спокойно держать копилку, пригибая ее такъ, что монета какъ разъ находилась у отверстія—и казалось вотъ она въ моихъ рукахъ, но вдругъ я нервно поверну копилку и монета оставалась по прежнему въ ней. Я терялся, не зналъ что дѣлать.

— Зачѣмъ это? — началъ я вдругъ думать: — къ чему? Не лучше-ли прибить обратно копилку и конецъ дѣлу... А Шо-лемке?... А папиросы?... И какъ-же онъ ихъ курить... какой дымъ пускаетъ... Не идутъ-же онѣ проклятыя изъ отверстія... не выпадаютъ... Ну-ка, смѣйбе!... Вѣдь труднѣйшая работа сдѣлана, копилка въ моихъ рукахъ (я самымъ труднымъ дѣломъ считалъ снять копилку со стѣны), только остается извлечь отсюда деньги... Это пустяки... Не нужно только робѣть, не слѣдуетъ бояться, тогда скорѣе дѣло пойдетъ... И чего бояться... дуракъ я, дуракъ!... Я еще сильнѣе, энергичнѣе, какъ-то торопливо, со злобой началъ ее трясти. Мнѣ стало душно, жарко, я еле переводилъ дыханіе.

«Кто это ходитъ въ передней?»... Мнѣ послышались шаги. Я весь обмеръ отъ страха. Притаивъ дыханіе, я ждалъ прислушиваясь, не зная на что рѣшиться. «Вотъ глупость... Сюда никто не могъ войти, я вѣдь заперъ двери, — вспомнилъ я и почему-то посмотрѣлъ на потолокъ, не смотреть-ли кто отсюда на меня. «Однако, я, кажется, двери совсѣмъ не заперъ»... Я бросилъ копилку и побѣжалъ въ корридоръ. Двери оказались запертыми. Быстро вернувшись, я опять взялся за копилку. Ударилъ, какъ будто надъ самымъ моимъ ухомъ, сильный, долгій громъ; я присѣлъ. Изъ копилки выпала монета. Оказалось — двѣ копейки. Я ихъ сейчасъ опустилъ въ карманъ. Я сталъ энергичнѣе работать, но несмотря на всѣ мои усилія, ничего больше изъ копилки не выпадало. «Вотъ если-бы отверстие было пошире, — думая я — вотъ было-бы хорошо... Чортъ-бы взялъ Шо-лемке.. Задалъ работу.. На что?... къ

чему?... А молодецъ онъ... Герой!... Какъ отдѣлалъ филистимлянъ... А Филимонъ...— Нѣтъ, ничего не будетъ—рѣшилъ я— пока не расширю отверстія—и, не медля, приступилъ тонкимъ концомъ молотка къ работѣ. «Кто-то стучитъ!... Идутъ уже... Что дѣлать?!»... Меня всего облило холоднымъ потомъ. Я весь дрожа, напрягая весь мой слухъ, прислушивался. По прежнему дождь хлесталъ въ стекла оконъ и въ промежуткахъ раздавались небольшіе раскаты грома. Однако, я выбѣжалъ въ корридоръ. Кромѣ дождевыхъ капель, ударявшихся о крышу, ничего не слышно было. Никакого стука не было. Еще разъ удостовѣрившись, заперты-ли двери, я вернулся въ спальню къ своей работѣ.

Расширивъ, наконецъ, нѣсколько отверстіе, я принялся съ большей поспѣшностью за прежнюю работу. Терять времени нечего было, каждую минуту я могъ ожидать появленія мамы и Юсея. Я трясъ копилку съ большой силой и энергіей, не боясь болѣе ея звуковъ, и дѣло теперь пошло успѣшнѣе. Выпалъ пятакъ, за нимъ серебряная монета: оказался двугривенный. Искомая сумма есть. Простоявъ нѣсколько секундъ неподвижно и тяжело вздохнувъ, я мигомъ приблизъ на свое мѣсто копилку, выбѣжалъ изъ спальни.

Е. Г. Фейгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приди ко мнѣ.

(Аннѣ Зингеръ).

Приди ко мнѣ, когда тревога
Царить въ измученной груди,
Когда теряю вѣру въ Бога,
Когда все мрачно впереди.

Приди, когда изнемогаю
Подъ тяжкой ношей бытія,
Когда себя я презираю
За то, что слабъ я, какъ дитя.

Приди о, другъ мой безмятежный,—
Мнѣ такъ легко, легко съ тобой.
Вблизи тебя подъ лаской нѣжной
Моя душа найдетъ покой.

Но въ то ужасное мгновенье,
Когда я слышу свистъ бичей,
Когда народъ мой въ изступленьѣ
Клянеть жестокихъ палачей, —

Тогда мнѣ нѣтъ ни въ чемъ забвенья,
Тогда весь адъ въ моей груди..
О, въ эти страшныя мгновенья
Не приходи, не приходи.

Х. Зингеръ.

Видѣніе Іова.

Изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона.

Мнѣ духъ предсталъ. Безсмертія покровъ
Отдернулся впервые предо мною,
Я созерцалъ предѣлъ иныхъ міровъ.
Спустился сонъ на землю пеленою,
Лишь я не спалъ, и ужасъ, ледена
Мнѣ въ жилахъ кровь, охватывалъ меня.
Такъ я стоялъ въ нѣмомъ оцѣпененьѣ
И молвило мнѣ дивное видѣнье:

— Безумцы, кто изъ васъ на мигъ думать могъ,
Что справедливѣй вы, безгрѣшнѣе, чѣмъ Богъ,
Предъ кѣмъ склоняются въ благоговѣйномъ страхѣ
Архангелы Его? Рожденные во прахѣ—
Безильны вы продлить дарованный вамъ срокъ
И долговѣчнѣй васъ бываетъ мотылекъ;
Вы раньше гибнете, чѣмъ ляжетъ сумракъ ночи,
И свѣта мудрости не видятъ ваши очи!

0. Чюмина.

О сельскохозяйственномъ образованіи для евреевъ.

Вопросъ о распространеніи среди евреевъ земледѣльческаго труда является уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ русско-еврейской жизни. Не удивительно поэтому, что онъ такъ часто съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія затрагивался и до сихъ поръ подробно разбирается въ органахъ, посвященныхъ интересамъ русско-еврейскаго населенія.

Указывалось не разъ на *экономическія* условія, въ силу которыхъ особенно желательно расширеніе числа доступныхъ евреямъ профессій, — и въ особенности такихъ, которыя бы доставили извѣстной части еврейскаго населенія положеніе самостоятельно и прочно поставленныхъ хозяевъ и уменьшили бы число лицъ, живущихъ «съ вѣтра», безъ опредѣленныхъ занятій.

Не мало говорилось и о томъ, что земледѣльскія занятія окажутъ на евреевъ самое благотворное вліяніе *въ смыслъ физическаго и нравственнаго развитія*, что эти занятія выпрямятъ согнувшіяся отъ безпрестанныхъ униженій спины, внушатъ евреямъ уваженіе къ себѣ и вызовутъ уваженіе къ нимъ со стороны окружающаго населенія, что они *возродятъ* евреевъ послѣ многовѣковаго упадка къ новой эрѣ здороваго, честнаго труда.

Сколько бы увлеченія и преувеличенія ни содержалось въ этихъ призывахъ къ земледѣльческому труду, отказать имъ въ умѣстности, упрекать авторовъ ихъ въ фантастичности—едва ли правильно. Существующія условія породили эти идеи, и дѣйствительныя, никѣмъ не сочиненныя, никѣмъ не выдуманныя явленія жизни не дадутъ имъ заглухнуть.

Правда, нѣкоторые увѣряютъ, что имѣющійся въ настоящее время опытъ еврейской колонизаціи не оправдалъ широкихъ на-

деждь, возлагавшихся на земледѣльческій трудъ и его значеніе. Но такъ ли это?

Не сослужилъ ли, напротивъ, этотъ самый опытъ въ высшей степени важную службу идеѣ земледѣлія, уничтоживъ всѣ сомнѣнія относительно способности евреевъ къ труду пахара? Не опровергають ли ихъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ еврей-земледѣльцы, работающіе и въ древней странѣ своихъ предковъ, и на поднятой ими дѣвственной почвѣ въ Новомъ Свѣтѣ и, наконецъ, въ степяхъ южной Россіи. Въ Палестинѣ, Аргентинѣ и Новороссіи найдутся въ настоящее время сотни сельскихъ хозяевъ евреевъ, за которыми самый недоброжелательный и придирчивый цѣнитель не можетъ не признать всѣхъ качествъ, необходимыхъ для земледѣльца.

Осуществленіе на практикѣ колонизаціонныхъ стремленій отнюдь не пошатнуло ихъ основаній, а даже дало имъ новую силу.

Можно сожалѣть о достиженіи сравнительно небольшихъ результатовъ, о томъ, что ходъ еврейской колонизаціи оказывается слишкомъ медленнымъ, слишкомъ незамѣтнымъ,—но, во всякомъ случаѣ, прежнія, чисто-теоретическія соображенія о возможности образованія среди евреевъ земледѣльческаго класса получили теперь серьезную опору въ этомъ опытѣ.

Получился практическій фундаментъ, на которомъ можно смѣло достраивать проектируемое зданіе. Лицъ, серьезно интересующихся привлеченіемъ евреевъ къ сельскому хозяйству, эмиграціонныя разочарованія не могли, такимъ образомъ, ни охладить, ни отвлечь отъ этой мысли. Успѣхи, обнаруживаемые устроившимися до сихъ поръ колонистами, побуждаютъ ихъ лишь думать о *путяхъ* болѣе близкихъ, вѣрно и возможно скоро ведущихъ къ цѣли.

Прежде всего, помимо соображеній о необходимости крупныхъ денежныхъ затратъ, неизбѣжныхъ при осуществленіи подобнаго дѣла, естественно возникаетъ мысль о необходимости *подготовленія* возможно большаго контингента евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ. Что вопросъ объ *обученіи сельскому хозяйству* и различнымъ его отраслямъ самъ собою выдвигается какъ одно изъ средствъ прочнаго и безостановочнаго развитія среди евреевъ земледѣльческаго промысла, показываетъ наглядно тотъ фактъ, что еврейское общество въ послѣдніе годы сильно заинтересовалось

земледѣльческими фермами, сельскохозяйственными школами и такъ называемыми учебными садами.

Ничего, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть проще той мысли, что для достиженія успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ нужно, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, при всякой другой профессіи, обладать извѣстнымъ умѣньемъ и извѣстными знаніями. Приобрѣсти же умѣние и знаніе безъ *предварительнаго обученія*, понятно, невозможно. Земледѣлецъ, какъ и всѣ остальные люди, не родится же съ умѣніемъ пахать и косить, со знаніемъ, какъ ухаживать за скотомъ, какъ воздѣлывать огородъ, какъ засадить садъ и т. д.

Всему этому каждый, кто производитъ такія работы, обязательно долженъ *учиться* и притомъ учиться не только такъ, какъ обыкновенно учится крестьянинъ, перенимая, закрѣпляя и усваивая у себя дома, на полѣ своихъ родителей, множество пріемовъ навыковъ и правилъ, необходимыхъ ему какъ земледѣльцу.

Одно практическое усвоеніе работъ является даже для крестьянина, владѣющаго самымъ даже несложнымъ хозяйствомъ, далеко въ настоящее время недостаточнымъ. Для того, чтобы онъ не только кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, прокармливался, но чтобы его трудъ доставлялъ ему извѣстное благосостояніе, этотъ трудъ долженъ производиться рационально. А умѣние пользоваться своими силами рационально, умѣние извлекать возможно больше выгодъ изъ затраченнаго преимущественно на обработку почвы труда и капитала,—такое умѣние дается посредствомъ свѣдѣній, доставляемыхъ не столько опытомъ отцовъ, сколько результатами, добытыми наукой. И съ каждымъ днемъ поэтому во всѣхъ странахъ, безъ исключенія, чувствуется все сильнѣе и сильнѣе потребность для сельскаго хозяина, какъ и для всякаго другого специалиста, въ спеціальныхъ знаніяхъ. Вездѣ и повсюду сознается все яснѣе, что *быть* земледѣльцемъ, безъ предварительнаго, соответственнаго обученія, невозможно. Тѣмъ менѣе, конечно, возможно *стать* земледѣльцемъ безъ подготовки къ тому. Крестьянинъ—это приходится въ извѣстной мѣрѣ допускать—прирожденный, какъ говорятъ, земледѣлецъ; если онъ и обучается въ дѣйствительности всѣмъ необходимымъ въ его дѣятельности пріемамъ, то обучается очень легко, имѣя въ себѣ къ тому выработанные его предками задатки и способности. Человѣкъ же, начинающій *собою* лишь рядъ полезныхъ, которыя будутъ заниматься земледѣліемъ, можетъ пред-

принять опытъ превращенія изъ горожанина въ селянина, только выработавъ въ себѣ предварительно въ достаточной мѣрѣ физическую силу и другія, обязательныя для настоящаго земледѣльца качества, а также усвоивъ хотя бы самыя существенныя приемы, необходимыя ему въ его новой сферѣ. Взять горожанина, самаго даже, предположимъ, подходящаго, самаго сильнаго, самаго трудолюбиваго и горячо притомъ стремящагося къ земледѣльческому труду, дать ему землю да полный, живой и мертвый, инвентарь и сказать ему при этомъ: «Вотъ у тебя есть все, что нужно, чтобы стать хорошимъ хозяиномъ; трудись только—и ты достигнешь прекрасныхъ результатовъ» — сказать ему это, не предоставивъ возможности тѣмъ или инымъ путемъ приобрести необходимѣйшія свѣдѣнія—значить, отодвинуть достиженіе какихъ бы то ни было результатовъ на неопредѣленное время.

А между тѣмъ, превращеніе горожанъ въ селянъ, обращеніе людей, имѣющихъ самое отдаленное о сельскомъ хозяйствѣ представленіе, въ хлѣбопашцевъ и виноградарей, въ фермеровъ и садоводовъ, старались совершать у насъ до послѣдняго времени безъ предпрительной подготовки къ этимъ спеціальностямъ. Сколько горькихъ ошибокъ и тяжелыхъ испытаній пришлось извѣдать евреямъ-колонистамъ, какой длинный, несоразмѣрно длинный путь ученія оказалось нужнымъ пройти, пока они приобрѣли возможность смотрѣть на себя, какъ на настоящихъ земледѣльцевъ! А когда они уже и достигаютъ того, что находятся въ такихъ же условіяхъ, какъ всякій другой земледѣлецъ, то не нуждаются ли они тогда, какъ и всѣ вообще земледѣльцы, еще въ особыхъ *свѣдѣніяхъ*, которыя могутъ дать лишь *школа и книга*?—Не доказываютъ ли тогда они самымъ нагляднымъ образомъ, что культурное воздѣйствіе на еврейскихъ сельскихъ хозяевъ, настоящихъ и будущихъ, прямо-таки необходимо?

Если, слѣдовательно, серьезно желать развитія среди евреевъ земледѣльческихъ запатій, то однимъ изъ неизбѣжныхъ условій для этого является предоставленіе извѣстной части еврейской молодежи средствъ подготовки къ этимъ занятіямъ. Какія же, спрашивается, это могутъ быть средства? Конечно, тѣ, которыя оправдываются на практикѣ и вообще примѣняются нынѣ для успѣшнаго сельскохозяйственнаго воспитанія и обученія.

По отношенію къ евреямъ распространеніе сельскохозяйствен-

ныхъ знаній и земледѣльческаго умѣнія обставлено особыми обстоятельствами, отличающимися отъ тѣхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло обыкновенно. Если, напримѣръ, сельскохозяйственная школа для крестьянскихъ дѣтей должна, давая имъ знанія, стараться не отрывать ихъ отъ деревенской среды, то такая же школа для еврейскихъ дѣтей должна преслѣдовать задачу въ известной степени противоположную, т. е. должна уничтожить въ своихъ питомцахъ стремленіе къ прежнему, городскому образу жизни.

Детально говорить о способахъ обученія сельскому хозяйству вообще мы на этомъ мѣстѣ, въ специально-еврейскомъ органѣ, конечно, не станемъ, а рассмотримъ лишь тѣ наиболѣе дѣйствительныя средства, которыя могутъ получить прижѣненіе среди русско-еврейскаго населенія не сразу, само собою, не съ завтрашняго дня, но въ ближайшемъ все какі времени. То или иное изъ полезныхъ мѣропріятій прямо даже немислимо вводить сейчасъ же, а между тѣмъ, указаніе и на такія, въ связи съ тѣми, къ которымъ можно приступить немедленно, не принесетъ, думаемъ, во всякомъ случаѣ, вреда дѣлу.

Считаемъ еще нужнымъ замѣтить, прежде чѣмъ приступить ближе къ предмету нашего изложенія, что, стараясь не закрывать глаза на самыя серьезныя препятствія къ развитію среди евреевъ земледѣлія, мы однако ничуть не смущаемся такимъ, повидимому, уничтожающимъ всякія мечты тормазомъ, какъ отсутствіе въ текущій моментъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія разсматриваемыхъ нами мѣръ. То, что сейчасъ неосуществимо, можемъ быть проведено впоследствии. Лишь бы глубже укоренилось сознаніе всей важности того, чтобы часть молодого еврейскаго поколѣнія была воспитана въ атмосферѣ земледѣльческаго труда, — денежные средства найдутся въ достаточныхъ размѣрахъ, если бы даже и не было, какъ въ настоящій моментъ, самыхъ лучшихъ надеждъ на *«Еврейское Колонизаціонное Общество»*.

Въ дѣлѣ распространенія среди евреевъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній необходимо имѣть въ виду одну особенность, почти вовсе отсутствующую у не-евреевъ, нуждающихся въ подготовкѣ къ успѣшному веденію хозяйства. Эта особенность заключается

въ томъ, что евреи въ доминирующей массѣ—жители *городскіе* и слѣдовательно, находятся въ обстановкѣ, при которой подготовленіе къ земледѣлію, если и не невозможно, то очень и очень затруднено. Хотя въ предѣлахъ Россіи и имѣются еврей-земледѣльцы, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, а также въ некоторыхъ отдѣльными отраслями его, какъ огородничествомъ, виноградарствомъ, шелководствомъ, табаководствомъ и т. п., но процентъ этихъ евреевъ-земледѣльцевъ по отношенію ко всей остальной русско-еврейской массѣ весьма незначителенъ. Тѣмъ не менѣе, говоря о развитіи среди евреевъ въ Россіи земледѣльческихъ промысловъ, приходится имѣть въ виду не только тѣхъ, изъ которыхъ, можно думать, выйдутъ въ будущемъ хлѣбопашцы, садовники, фермеры и т. под., но на первомъ планѣ тѣхъ, которые теперь уже занимаются хлѣбопашествомъ или другими отраслями сельскаго хозяйства, и положеніе которыхъ настоятельно требуетъ упроченія на пользу еврейскаго земледѣлія въ Россіи вообще. Задачи по отношенію къ категоріи вышнихъ земледѣльцевъ представляются, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе *опредѣленными*, ясными, чѣмъ по отношенію къ кандидатамъ въ колонисты, къ земледѣльцамъ *in spe*, о которыхъ можно только надѣяться, что они найдутъ себѣ, съ помощью чужой или однѣми собственными силами, обезпеченіе посредствомъ земледѣльческаго труда, но неизвѣстно когда, *иде* и *при какихъ* почвенныхъ, климатическихъ, экономическихъ, правовыхъ и другихъ условіяхъ.

Когда рѣчь идетъ о всей русско-еврейской массѣ, то можно, конечно, рассчитывать, что она въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ выдѣлитъ изъ себя значительный процентъ земледѣльцевъ, но опредѣлить,—хотя бы съ самой слабой степенью вѣроятности,—этотъ процентъ невозможно и почти также невозможно пока указать, въ какихъ пунктахъ еврейской осѣдлости мѣры привлеченія къ сельскохозяйственнымъ профессіямъ болѣе всего на мѣстѣ? Совсѣмъ другое дѣло—евреи, занимающіеся *уже теперь* той или иной сельскохозяйственной отраслью. Тутъ находишься на вполне твердой почвѣ, представляемой болѣе или менѣе точными цифрами и другими необходимыми данными. Правда, о нѣкоторой, весьма порядочной, по всей вѣроятности, части евреевъ-земледѣльцевъ, а именно объ описанныхъ въ 1888 году В. Н. Никитинимъ 216 еврейскихъ поселеніяхъ въ юго—и сѣверозапад-

ныхъ губерніяхъ, да о хлѣбопашцахъ, огородникахъ, виноградаряхъ, шелководяхъ и т. д., занимающихся этими спеціальностями на городскихъ земляхъ, такихъ данныхъ сейчасъ не имѣется. Но обработка статистическаго, разбросаннаго по разнымъ изданіямъ матеріала объ этихъ группахъ, а также обследованіе ихъ на мѣстѣ является предпріятіемъ не труднымъ, осуществленіе котораго, при живомъ интересѣ, возбуждаемомъ въ настоящее время евреями-земледѣльцами, не заставитъ себя, должно быть, долго ждать. Когда состояніе этихъ группъ будетъ выяснено, то для нихъ можно будетъ, сообразуясь съ мѣстными особенностями, примѣнить тѣ же въ общемъ мѣры къ ихъ упроченію и развитію, какія сами запрашиваются теперь же по отношенію къ еврейскимъ колоніямъ въ губерніяхъ Херсонской и Еватеринославской, гдѣ потребность въ спеціально-земледѣльческомъ воспитаніи молодого поколѣнія и въ рациональныхъ свѣдѣніяхъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства ощущается въ совершенно ясной формѣ.

Установившаяся въ колоніяхъ земледѣльческая обстановка позволяетъ пользоваться всѣми лучшими способами обученія сельскому хозяйству, какіе практикуются нынѣ въ земледѣльческихъ странахъ, для культурнаго воздѣйствія на сельское хозяйство; вмѣстѣ съ тѣмъ эти колоніи не могутъ не заключать въ себѣ особенностей, характерныхъ для еврейскихъ поселеній вообще. Поэтому учрежденія, пригодныя для этихъ колоній, получаютъ значеніе болѣе широкое, распространяемое и за ихъ предѣлы.

Начнемъ съ того способа обученія земледѣлію, о которомъ, естественнымъ образомъ, прежде всего приходитъ мысль, т. е., съ *сельскохозяйственныхъ школъ*, какъ является, вообще, прежде всего мысль о профессиональныхъ школахъ при вопросѣ о распространеніи въ извѣстной средѣ тѣхъ или иныхъ профессиональныхъ знаній.

Что же — посмотримъ — представляютъ собою *сельскохозяйственные школы*? Какіихъ ими достигаютъ результатовъ тамъ, гдѣ онѣ существуютъ? И каковаго развитія ихъ на пользу еврейскаго земледѣлія слѣдуетъ желать?

Низшія сельскохозяйственныя школы—только о низшихъ, конечно, и можетъ идти рѣчь при вопросѣ о распространеніи въ еврейской *массѣ* сельскохозяйственныхъ знаній—существенно раз-

дѣляются,—помимо второстепенныхъ отличій въ системѣ и объемѣ преподаванія, въ богатствѣ учебныхъ пособій, продолжительности обученія и т. под.,—на *общія* и *узко-спеціальныя*. Въ низшихъ общихъ сельскохоз. школахъ предметы преподаванія въ общемъ тѣ же, что въ среднихъ и высшихъ агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не столько цикломъ наукъ отличаются низшія школы отъ слѣдующихъ ступеней, сколько своею большею приспособленностью къ *практическимъ* потребностямъ того района, въ которомъ данная школа находится. Районный характеръ этихъ школъ естественно вызываетъ извѣстную ихъ спеціализацію. Но эта спеціализація не идетъ обыкновенно такъ далеко, какъ въ узко-спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ общія школы имѣютъ въ виду будущихъ завѣдующихъ *цѣлыми* хозяйствами *состои* отраслями, важными для даннаго района, тогда какъ узко-спеціальныя школы ограничиваются, большею частью, *одной* лишь опредѣленной отраслью.

Въ западноевропейской практикѣ выработалось нѣсколько типовъ общихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, имѣющихъ въ виду нужды мелкаго хозяйства.

Въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Швейцаріи пользуются большимъ успѣхомъ, помимо обыкновенныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ, еще зимнія и дополнительныя (landwirtschaftl. Fortbildungsschulen) школы, съ исключительно теоретическимъ преподаваніемъ для крестьянскихъ подростковъ, получившихъ начальное образованіе, нуждающихся въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по прикладному естествознанію и имѣющихъ возможность удѣлять время на это только въ нерабочіе мѣсяцы. Для Франціи характерны такъ называемыя фермы-школы (fermes-écoles), въ которыхъ молодые крестьяне, подъ руководствомъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, ведущихъ хозяйство на промышленную ногу и получающихъ въ то же время за такое руководство жалованье отъ правительства, изучаютъ почти исключительно практическую сторону правильной эксплуатаціи земли. Этотъ способъ обученія посредствомъ фермъ-школъ часто выставляется какъ очень удобный и чуть ли не какъ самый идеальный.

Но опытъ Франціи, гдѣ онѣ были поставлены разными правительственными мѣрами въ самыя выгодныя для успѣшнаго развитія условія, показалъ, что навязываемая крупному промышлен-

ному хозяйству подготовка молодыхъ людей къ самостоятельному хозяйничанію даетъ весьма слабые результаты—и, главнымъ образомъ, потому, что хозяева почти безъ исключенія привыкаютъ смотрѣть на своихъ учениковъ какъ на рабочую силу, которую и эксплуатируютъ, елико возможно. Изъ 350 фермъ, предположенныхъ къ открытію, по закону 1848 г., было устроено всего 68, изъ которыхъ въ настоящее время сохранилось только 17. Школы и фермы все болѣе и болѣе вытѣсняются во Франціи такъ называемыми «практическими школами земледѣлія», въ которыхъ однако отводится соотвѣтственное мѣсто и теоретическому преподаванію.

Къ послѣднему типу школъ очень близко подходятъ русскія низшія сельскохозяйственныя школы, получившія быстрое развитіе со времени изданія нормальнаго о нихъ положенія въ 1883 г., которое представляетъ широкое поле для дѣйствія частной и общественной инициативы. За десять съ небольшимъ лѣтъ число сельскохозяйственныхъ школъ возросло въ Россіи съ 5 до 70, и около 50 дѣлъ объ открытіи такихъ школъ находятся въ настоящее время въ производствѣ министерства земледѣлія. Въ эти школы принимаются дѣти всѣхъ сословій и исповѣданій, не моложе 14 лѣтъ, причемъ отъ поступающихъ въ школы 1-го разряда требуется предварительная подготовка въ объемѣ двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а для 2-го—начальныхъ народныхъ школъ. Курсъ въ сельскохозяйственныхъ школахъ установленъ трехлѣтній. По окончаніи его, молодые люди посылаются на годъ для практики въ частныя имѣнія.

Относительно результатовъ, достигаемыхъ школами этого типа, даетъ ясное понятіе статистика занятій бывшихъ воспитанниковъ тѣхъ школъ, гдѣ такая статистика ведется. Она показываетъ, что непосредственному удовлетворенію потребностей мелкихъ собственниковъ сельскохозяйственныхъ школы служатъ, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, въ сравнительно слабой степени. Во всѣхъ культурныхъ государствахъ онѣ признаются необходимыми, но въ то же время онѣ являются доступными далеко не для всѣхъ будущихъ мелкихъ хозяевъ, крестьянъ и фермеровъ, а лишь для ограниченнаго числа ихъ, родители которыхъ могутъ позволить себѣ роскошь отпустить изъ дома на три—четыре года подростка. являющагося серьезнымъ помощникомъ въ хозяйствѣ. Далѣе, вся

обстановка большинства сельскохозяйственныхъ школъ дѣйствуетъ скорѣе на умственное развитіе воспитанниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно приучаетъ ихъ къ условіямъ, которыхъ они не могутъ найти въ своей прежней средѣ. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти то, что означивающіе въ сельскохозяйственныхъ школахъ ученюи такъ рѣдко становятся самостоятельными хозяевами, а гораздо чаще поступаютъ на службу, получивъ пригодную подготовку къ должностямъ низшихъ агрономическихъ служащихъ, привазчиковъ, надсмотрщиковъ и «нарядчиковъ» въ имѣніяхъ, сельскихъ администраторовъ, знакомыхъ съ земледѣліемъ, и, наконецъ, въ послѣднее время, завѣдующихъ такъ называемыми учебными садами при общеобразовательныхъ начальныхъ школахъ.

Это-то слабое, повидимому, соотвѣтствіе цѣли, которая должна преслѣдоваться сельскохозяйственной школой, т. е. *цѣли непосредственнаго воздѣйствія на крестьянское или фермерское хозяйство*, и служить постояннымъ источникомъ обвиненій, высказываемыхъ противъ нея особенно рѣзко въ Россіи. Не ставя себѣ задачей опровергать эти обвиненія, обратимся теперь къ вопросу, можетъ ли сельскохозяйственная школа выработавшагося типа быть пригодна для цѣлей распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ еврейской массѣ? Предварительно укажемъ лишь на то, что въ Германіи, Австріи, Франціи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ не только успѣли примириться съ существующими въ данномъ отношеніи фактами, но и признать ихъ полную нормальность *въ связи съ практикуемой системой средствъ* культурнаго воздѣйствія на сельскую промышленность.

О сельскохозяйственной школѣ для евреевъ, близкой, надо думать, къ осуществленію, проникли съ нѣкоторыхъ поръ слухи въ печать. Имѣются уже точныя свѣдѣнія насчетъ мѣста, гдѣ она будетъ открыта, а также кое-какія указанія относительно ея характера. Колонія «Бобровый Куть» (въ Херсонской губ.) выбрана г. В. А. Бертенсономъ, чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которому министерство поручило составленіе проекта сельскохозяйственной школы 1 го разряда для еврейскихъ колоній, какъ наиболее подходящая для устройства въ ней такой центральной школы.

Но не вызоветъ ли проектируемая школа невольныя сомнѣнія насчетъ соотвѣтствія ея нуждамъ еврейскихъ поселеній? Вѣдь

всему молодому поколѣнію колонистовъ необходима извѣстная сумма новыхъ приѣмовъ и свѣдѣній. А между тѣмъ, будущая школа не въ состояніи будетъ, какъ и всѣ другія существующія школы, вмѣстить сколько-нибудь значительное число учащихся. Въ сельскохозяйственной школѣ, гдѣ должно преобладать обученіе не классное, а *индивидуальное*, количество учениковъ не можетъ не быть очень ограниченнымъ: 50 — 60 воспитанниковъ представляютъ уже максимумъ, отъ котораго трудно отступить безъ вреда для практическаго обученія работамъ по фермерскому хозяйству. Правда, что на первое по крайней мѣрѣ время большого наплыва желающихъ поступить въ школу, о которой идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, не будетъ. Первые комплекты учениковъ, должно быть, будутъ составляться, съ одной стороны, изъ дѣтей немногочисленныхъ, наиболѣе состоятельныхъ колонистовъ, которые могутъ безъ ощутительнаго ущерба для своего хозяйства лишиться ихъ помощи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а съ другой — изъ бездомныхъ сиротъ, которыхъ колонисты, опекающіе ихъ, охотно будутъ отдавать въ безплатную школу, соединенную съ полнымъ интернатомъ.

Въ такомъ случаѣ это малое число кандидатовъ говоритъ вѣдь какъ-будто противъ серьезной потребности въ такой школѣ? А затѣмъ, не присоединяется ли и соображеніе объ опытѣ сельскохозяйственныхъ школъ, откуда значительный процентъ бывшихъ воспитанковъ поступаетъ по окончаніи на службу и не возвращается къ своему родному хозяйству? Оправдаются ли крупныя затраты, потребныя на сельскохозяйственную школу съ ея дорогой учебной обстановкой, разъ она будетъ готовить не самостоятельныхъ хозяевъ, которые будутъ вводить у себя же различныя улучшенія, а только кандидатовъ на недоступныя почти евреямъ должности, вовсе не существующія притомъ въ колоніяхъ? Не явится ли бобровокутская школа для замѣтнаго числа ея воспитанниковъ толчкомъ къ тому, чтобы бросить вовсе колонію, гдѣ имъ не найти будетъ приложения для приобрѣтеннаго ими знанія и общаго развитія?

Все это — очень серьезныя опасенія, настолько серьезныя, что воплѣвъ понятнѣе сильнѣйшее безпокойство со стороны лицъ, приписывающихъ успѣшному распространенію сельскохозяйственныхъ свѣдѣній среди русскихъ евреевъ вообще и среди русско-еврей-

свихъ земледѣльцевъ въ частности крупное значеніе, и намъ лично дѣйствительно приходилось уже слышать отъ людей, живо интересующихся этимъ дѣломъ, опасенія вродѣ приведенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ отъ будущей школы нельзя ожидать тѣхъ результатовъ, въ которыхъ нуждаются еврейскія колоніи, разъ нельзя ожидать отъ нея широкаго вліянія на подъемъ колоній, то какой же будетъ ея *raison d'être*?

Къ счастью, вопросъ этотъ не такъ уже безнадеженъ. На проектируемую школу можно и слѣдуетъ смотрѣть съ большимъ оптимизмомъ, если видѣть въ ней не единственное, совершенно одиноко стоящее учрежденіе на пользу еврейскаго земледѣлія, а напротивъ, представлять себѣ ее какъ одно изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи такихъ учрежденій, какъ одну изъ необходимыхъ составныхъ частей цѣлаго ряда средствъ къ развитію сельскаго хозяйства у русскихъ евреевъ.

Дорого стоящая сельскохозяйственная школа можетъ дѣйствительно явиться ненужной роскошью для извѣстнаго земледѣльческаго района, но лишь до тѣхъ поръ, пока она не стоитъ въ связи съ другими образовательными учрежденіями, съ одной стороны ее дополняющими, а съ другой—ею же дополняемыми.

Школа, проектируемая министерствомъ земледѣлія для херсонскихъ колоній, будетъ называться «*низшей*» сельскохозяйственной школой, но она будетъ низшая лишь по отношенію къ среднимъ земледѣльческимъ училищамъ и высшимъ сельскохозяйственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Въ смыслѣ же спеціальной своей программы и даваемого ею своимъ воспитанникамъ общаго развитія она, подобно другимъ школамъ вѣдомства министерства земледѣлія, будетъ стоять гораздо выше начальныхъ общеобразовательныхъ школъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ нѣсколько превышать ближайшія потребности земледѣльческаго населенія, взятаго въ массѣ. Для непосредственнаго сообщенія этому населенію въ широкихъ размѣрахъ необходимыхъ ему свѣдѣній требуются не спеціальныя учебныя заведенія, естественнымъ образомъ имѣющія въ виду специалистовъ и не могущія поэтому быть общедоступными, а нужны болѣе простыя, болѣе доступныя, болѣе дешевыя средства. И такія цѣлесообразныя средства на практикѣ дѣйствительно существуютъ.

Оставимъ же на время центральную сельскохозяйственную

школу и обратимся къ другимъ, болѣе популярнымъ способамъ поднятія земледѣльческой промышленности. Мы надѣемся, что нашъ бѣглый обзоръ лучшихъ изъ существующихъ въ этомъ направленіи способовъ съ точки зрѣнія применимости ихъ къ еврейскимъ условіямъ поможетъ выяснитъ не только собственную пригодность этихъ способовъ, но и значеніе для южно-русскихъ колоній проектируемой школы, а также желательность вообще распространенія специальныхъ школъ, приближающихся по своему устройству къ установившемуся типу сельскохозяйственныхъ училищъ.

Опытъ мѣропріятій для развитія профессиональнаго обученія указываетъ, что для серьезнаго успѣха ихъ необходимо благопріятный уровень общаго образованія среди даннаго населенія. Важно уже то, что общее развитіе, даваемое народной школой своимъ питомцамъ, съ одной стороны, надѣляетъ ихъ способностью относиться въ извѣстной мѣрѣ *сознательно* къ несовершеннымъ, отсталымъ приемамъ той или иной профессіи. Далѣе, пребываніе въ общей школѣ—предоставляетъ имъ возможность пользоваться свѣдѣніями, приобретаемыми путемъ чтенія специальныхъ брошюръ и книжекъ или слушанія особыхъ бесѣдъ и курсовъ. Вотъ почему *общеобразовательная народная школа*, безспорно, должна быть поставлена на первое мѣсто въ ряду наиболѣе важныхъ средствъ для развитія сельскохозяйственнаго промысла.

Практическими слѣдствіями изъ этого въ настоящее время очень популярнаго воззрѣнія на роль общаго образованія для развитія народной промышленности, являются вопросы о томъ, обстоитъ ли въ нашихъ колоніяхъ благополучно дѣло общаго образованія и не слѣдуетъ ли подумать о болѣе удовлетворительной постановкѣ ихъ въ цѣляхъ подъема колонистскаго хозяйства?

Отвѣтъ на первый вопросъ—какъ нетрудно догадаться—получится отрицательнаго свойства, что подтверждается фактомъ существованія школъ только въ 13 херсонскихъ колоніяхъ (изъ 22-хъ, при общемъ населеніи въ 26,000—приблизительно—душъ), а еще болѣе, фактомъ полнаго отсутствія какихъ бы то ни было организованныхъ школъ во всѣхъ 17 екатеринославскихъ колоніяхъ (съ 8½ тыс. душъ). Въ нихъ царствуетъ хедеръ со всѣми своими вредными для души и тѣла ребенка сторонами, особенно замѣтными въ земледѣльческой обстановкѣ.

Существующія въ Херсонской губерніи начальныя школы грамотности, въ виду ихъ ограниченной программы и жалкой учебной обстановки, нельзя еще считать настоящими народными школами, но достигаемые въ нихъ успѣхи бросаются въ глаза посѣтителю и могутъ служить прекраснымъ ручательствомъ къ тому, что школы съ болѣе обширной общеобразовательной программой, приуроченной къ интересамъ сельскаго населенія, да съ преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ, будутъ пользоваться полнымъ довѣріемъ со стороны колонистовъ. Училища съ болѣе или менѣе продолжительнымъ курсомъ, съ двумя преподавателями (однимъ — по общимъ предметамъ и другимъ — по еврейскимъ) не заставятъ колонистовъ, какъ происходитъ это съ нынѣшними школами грамотности, посылать своихъ дѣтей на два часа въ школу и на десять часовъ въ хедеръ.

Это обстоятельство необходимо будетъ имѣть въ виду тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя, обладая достаточными матеріальными средствами, серьезно займутся вопросомъ о поднятій еврейскаго сельскаго хозяйства. И именно съ точки зрѣнія развитія колоній, — для возможно скорого отвлеченія колонистскихъ дѣтей отъ хедера и доставленія имъ соответствующей общеобразовательной подготовки къ ихъ будущей профессіи — придется употребить всѣ усилія къ тому, чтобы устроить въ 17 екатеринославскихъ и 9 херсонскихъ колоніяхъ одно или двухклассныя сельскія училища (съ непремѣннымъ преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ) и преобразовать нынѣшнія 13 школъ грамотности въ такія же училища.

Изъ сказаннаго о начальномъ обученіи въ новороссійскихъ колоніяхъ, между прочимъ, вытекаетъ, что въ нихъ нѣтъ въ настоящее время ни одной школы съ полнымъ, обязательнымъ для поступающихъ въ сельскохозяйственныя школы 1-го разряда курсомъ и, слѣдовательно, не имѣется вовсе контингента подростковъ, подготовленныхъ къ вступленію въ предполагаемую для колоній центральную школу. Положимъ, что это обстоятельство само по себѣ мало говоритъ противъ бобровоутовской школы, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ устройству приготовительныхъ отдѣленій. Но такія приготовительныя отдѣленія не безъ основанія считаются неизбѣжнымъ зломъ, временной

мѣрой, которая не можетъ замѣнить для учениковъ твердую неспѣшную подготовку въ школѣ родной деревни.

Такимъ образомъ, связь между различными учрежденіями, могущими существенно повліять на упроченіе новороссійскихъ колоній, начинаетъ обнаруживаться. Зависимость специальной сельскохозяйственной школы отъ начальной, общеобразовательной отчасти говоритъ уже объ ихъ взаимномъ дополненіи. Определенно и точно выступить значеніе ихъ обѣихъ лишь по разсмотрѣніи слѣдующаго учрежденія, находящагося въ тѣсной связи съ общеобразовательной школой, и въ то же время берущаго на себя задачи болѣе непосредственнаго воздѣйствія на сельское хозяйство извѣстной мѣстности, чѣмъ то въ состояніи оказать общая школа сама по себѣ. Рѣчь идетъ о *школьныхъ садахъ*.

Начальная сельская школа, если она только хорошо поставлена и если она сообщаетъ своимъ воспитанникамъ не одну лишь грамоту, но и нѣкоторое общее умственное развитіе, открываетъ имъ глаза на несовершенные приемы въ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ занятіяхъ. Имъ становится понятною отсталость, которой земледѣлецъ, не прошедшій черезъ школу, не можетъ замѣтить; вмѣстѣ съ тѣмъ они узнаютъ о возможности приобрѣсти, въ извѣстномъ объемѣ, изъ книжекъ и другими путями, спеціальныя знанія, необходимыя для улучшеній и нововведеній. Сама же школа не считаетъ, или вѣрнѣе, до самаго послѣдняго времени не считала нужнымъ давать своимъ питомцамъ подобныя свѣдѣнія—и только въ рѣдкихъ случаяхъ она старалась возбудить въ нихъ интересъ къ земледѣльческимъ работамъ. Общеобразовательная школа, помимо практическихъ выгодъ, которыя она представляетъ своимъ ученикамъ, дѣлая ихъ грамотными, долго отказывалась преслѣдовать другія, болѣе узкія, утилитарныя цѣли. Желаніе сохранить за начальной школой чисто-образовательное значеніе, не ограничивать ея и безъ того необширную программу введеніемъ какой бы то ни было спеціализаціи, желаніе вполне понятное и справедливое, но лишь до тѣхъ поръ, пока главная общеобразовательная цѣль школы дѣйствительно можетъ пострадать отъ введенія въ кругъ ея предметовъ новаго, спеціального предмета. Если же такой новый предметъ не мѣшаетъ общему направленію начальной школы, а, напротивъ, содѣйствуетъ ему, если онъ развиваетъ въ ученикахъ, одновременно и равномерно

съ умственнымъ и физическимъ ихъ ростомъ, и нѣкоторые полезныя навыки, которыхъ обмененныя классныя занятія не въ состояніи выработать, если онъ облегчаетъ ученику утомительное ученіе и вводитъ благодѣтельное разнообразіе въ занятія, если, однимъ словомъ, специальный предметъ въ состояніи явиться полезной составной частью всей программы школы, попутно служа и насущнымъ утилитарнымъ цѣлямъ, то основанія для исключенія его изъ школы падаютъ сами собою.

Введеніе въ общеобразовательную школу сельскохозяйственныхъ занятій, преимущественно въ формѣ практическихъ работъ по огородничеству и садоводству, и является такимъ новымъ предметомъ, отнюдь не бесполезнымъ въ педагогическомъ отношеніи и одновременно способнымъ давать и нѣкоторые практическіе результаты. Потому-то въ послѣдніе годы школьныя сады ж получили такое широкое распространеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ и потому то недалеко, повидимому, время, когда они въ главнѣйшихъ государствахъ будутъ признаны необходимой принадлежностью каждой начальной школы, преслѣдующей цѣли гармоничнаго, умственно и физически уравновѣшеннаго воспитанія, а также задачу массоваго сельскохозяйственнаго просвѣщенія.

Въ Россіи, гдѣ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ земства, сельскохозяйственныя общества да два министерства, народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ, сознали пользу школьныхъ садовъ и стали дѣятельно содѣйствовать ихъ устройству, насчитывалось ихъ въ 1895 году уже 7.521 изъ 24.806 сельскихъ училищъ, тогда какъ въ 1892 г. они устроены были лишь въ 2.000 училищахъ. (По А. Острогорскому. Низшія учебныя заведенія. Изданіе министерства нар. просвѣщ. для Нижегородской выставки.)

Понятно, что при столь значительномъ количествѣ школьныхъ садовъ успѣли вполнѣ выясниться результаты, ими достигаемые, успѣли установиться точно опредѣленныя границы предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Для предмета настоящей статьи этотъ установившійся опытъ очень важенъ.

Онъ ясно говоритъ, чего нельзя ожидать отъ устройства при еврейской школѣ огородническихъ и садоводственныхъ занятій, и что — можно. Онъ, съ одной стороны, предостерегаетъ противъ преувеличенныхъ надеждъ, а съ другой — убѣдительно доказываетъ,

какъ важно пользоваться, въ видахъ развитія среди евреевъ земледѣльческаго труда, этимъ прекраснымъ педагогическимъ средствомъ. Ошибочно видѣть въ школьно-садоводственныхъ работахъ способъ основательнаго полнаго обученія сельскохозяйственному промыслу, но несомнѣнно, что онѣ вызываютъ въ ученикахъ интересъ къ окружающимъ ихъ явленіямъ природы, внимательность къ ходу растительной жизни, наблюдательность по отношенію къ стадіямъ роста мѣстныхъ культурныхъ представителей флоры и склонность къ постоянному участию въ этихъ процессахъ посредствомъ заботливаго и любовнаго ухода. Школьный садъ не можетъ давать работающимъ въ немъ ученикамъ того круга свѣдѣній, какой необходимъ въ настоящее время раціональному земледѣльцу, но достаточно и того, что такой садъ можетъ создать твердую основу для преданнаго отношенія къ земледѣльческому труду и привить воспитанникамъ главныя свойства привязаннаго къ землѣ и ея произведеніямъ труженника. Такими результатами гордятся школьные сады вездѣ, гдѣ ими умѣютъ пользоваться.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и при еврейской школѣ такому дѣйствительному средству къ пробужденію и укрѣпленію земледѣльческихъ наклонностей будетъ отведено подобающее мѣсто,— тѣмъ болѣе, что евреи, которые въ теченіе столькихъ вѣковъ были отрѣзаны отъ земледѣльческихъ интересовъ, сильнѣе всякаго другаго населенія нуждаются въ подобномъ воспитательномъ средствѣ. Къ тому же, надо принять во вниманіе, что школьныя хозяйства представляютъ единственный способъ *земледѣльческаго воспитанія en masse*, что всѣ остальные существующія средства сельскохозяйственнаго обученія служатъ именно цѣлямъ профессиональнаго обученія, а не спеціальнаго воспитанія, а для евреевъ такое воспитаніе важнѣе всѣхъ самыхъ даже необходимыхъ теоретическихъ свѣдѣній, усвоеніе которыхъ, въ общемъ, не можетъ для нихъ представить слишкомъ большихъ затрудненій. Поэтому устройство школьныхъ хозяйствъ, прежде всего, при школахъ, предназначенныхъ для еврейскихъ колонистовъ, должно быть признано дѣломъ въ высшей степени желательнымъ и неотложнымъ.

При всѣхъ существующихъ колоніальныхъ школахъ, какъ и при всѣхъ будущихъ, необходимо введеніе на особомъ школьномъ участкѣ практическихъ занятій по огородничеству, садоводству и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, при томъ занятій, не тре-

бующихъ большихъ площадей, крупныхъ затратъ, сложныхъ приспособленій и слишкомъ специальныхъ свѣдѣній отъ руководителей занятіями.

Начало въ этомъ отношеніи еще въ колоніяхъ не положено. При четырехъ, насколько намъ извѣстно, школахъ (въ Бобровомъ Кутѣ, Львовѣ, Добромъ и Ново-Витебскѣ) однако будутъ, вѣроятно, уже съ наступающей весны заведены учебные огороды, такъ какъ учителя этихъ школъ (особенно учитель бобровокутской—г. Любарскій, окончившій Херсонское земледѣльческое училище) имѣютъ подготовку къ этому дѣлу и серьезно хотятъ имъ заняться.

На программѣ занятій и, вообще, на техническихъ деталяхъ устройства этихъ садовъ останавливаться мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ какъ въ имѣющейся по этому предмету литературѣ, довольно богатой на русскомъ языкѣ, можно найти обстоятельныя указанія ко всѣмъ подробностямъ, которыя нужно знать учителямъ—завѣдующимъ учебными хозяйствами. Въмѣсто отдѣльныхъ частныхъ будетъ полезнѣе указать на одно очень важное обстоятельство, могущее быть послѣдствіемъ снабженія колоніальныхъ школъ огородами, садами, пасѣками, шелководнями и т. д.

Я. К. Эттингеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

I.

Равнинъ-патріархъ.

Изъ Висбадена, гдѣ я провелъ зиму 1896-97 г. и большую часть весны, я отправился въ Гиссенъ, небольшой университетскій городъ. На небольшомъ пространствѣ этой части Германіи находятся на близкомъ, можно даже сказать слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, четыре университета: Гиссенъ, а полчаса оттуда—Марбургъ, за тѣмъ Йена и Гейдельбергъ. Просто embarras de richesses. Подобное обиліе высшихъ учебныхъ заведеній возможно и мыслимо только въ Германіи, гдѣ чуть не каждый десятый обыватель—Негг Professor въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ. Раздробленіе Германіи на мелкія, иногда даже крошечныя (какъ напр. Рейсъ-Шлейцъ-Грейцъ) государства какъ нельзя болѣе способствовало культурѣ. Такъ какъ эти мелкіе курфирсты и миниатюрные князья (число которыхъ теперь значительно сократилось) не могли ни играть исторической роли, ни рѣшать судьбы народовъ мечемъ, то они взялись за гораздо болѣе благодарную и благотворную роль: созданіе университетовъ, которые, именно, процвѣтали въ миниатюрныхъ государствахъ и значительно превосходили своимъ блескомъ университеты метрополій. Если эти миниатюрныя государства когда нибудь будутъ упразднены (и это, повидимому, составитъ вопросъ ближайшаго будущаго, рѣшеніе котораго выпадетъ на долю XX столѣтія, у порога котораго мы уже стоимъ), то это будетъ несомнѣнно большою потерей для просвѣщенія, такъ какъ политика крови и желѣза не особенно благоприятствуетъ культу науки. Пока еще эти государства существуютъ, и на пути изъ Киссингена въ Фридрихсроду (Тюрингенъ) я въ теченіе около шести часовъ проѣхалъ черезъ семь государствъ Германской имперіи. Хорошо еще, что на границахъ этихъ государствъ

нѣтъ таможенъ, а то пришлось бы чуть не каждый часъ подвергаться осмотру гг. дуаньеровъ, въ оное время не отличавшихся особенной любезностью и снисходительностью. Правда, что тогда не существовало еще желѣзныхъ дорогъ и одинъ нѣмецкій писатель успѣлъ даже сочинить цѣлую книгу на пути «Von Stolpe nach Danzig», который я, дитя fin de siècle, проѣхалъ въ теченіе одного часа.

Гиссенъ болѣе похожъ на дачную мѣстность, чѣмъ на университетскій городъ. Пышные бульвары прорѣзываютъ весь городъ и окружаютъ его чуднымъ зеленымъ широкимъ поясомъ, образованнымъ изъ роскошнаго парка, любовно обнимающаго alma mater. Двухэтажные домики одной и той же архитектуры стоятъ посреди прекрасныхъ садовъ и роскошныхъ цвѣтниковъ. Такою же роскошною растительностью отличается и еврейское кладбище, на которое я, бродя по городу и его окрестностямъ, случайно попалъ. Здѣсь, въ этомъ городѣ мертвыхъ, я встрѣтилъ добраго знакомаго изъ Петербурга, извѣстнаго дѣятеля А. И. Зака, бранные останки котораго покоятся подъ великолѣпнымъ мраморнымъ памятникомъ. А. И. Закъ спитъ послѣднимъ сномъ рядомъ со своею единственною дочерью и ея мужемъ, бывшимъ профессоромъ фیزیологіи гиссенскаго университета. Проф. Перелесъ ранилъ себѣ руку во время опыта съ сильно дѣйствующимъ ядомъ и хотя тотчасъ же приняты были всѣ мѣры для спасенія жизни молодого, но уже пользовавшагося большою извѣстностью ученаго, смерть была неумолима. Говорятъ, впрочемъ, что молодой профессоръ желалъ смерти, такъ какъ онъ не могъ утѣшиться послѣ потери горячо любимой жены. Поэтому и возникли слухи о самоубійствѣ. Но товарищи покойнаго профессора по университету увѣряли меня, что слухи эти лишены основанія. Профессоръ Перелесъ сдѣлался жертвою несчастнаго случая.

Несмотря на то, что Гиссенъ небольшой городокъ, всего въ 20,000 жителей, онъ можетъ гордиться нѣкоторыми выдающимися своими сынами. Знаменитый химикъ Юстусъ Либихъ родился въ Гиссенѣ и сограждане соорудили ему великолѣпный памятникъ въ южномъ паркѣ. Величественная фигура Либиха изъ бѣлаго мрамора во весь ростъ выступаетъ изъ роскошной зелени парка; пьедесталь украшенъ различными аллегорическими женскими фигурами и эмблемами. Другой знаменитый сынъ Гиссена, имя котораго приобрѣло въ послѣднее время всемирную извѣстность, профессоръ вюрцбургскаго университета Рентгенъ;

предъ таинственными лучами, открытыми имъ и названными его именемъ, нѣтъ болѣе никакихъ тайнъ ни въ нѣдрахъ земли, ни во внутренности человѣческаго организма. Не подлежитъ сомнѣнiю, что исполненные чувства пiэтизма обыватели Гиссена не замедлятъ увѣковѣчить также память другого своего знаменитаго согражданина, слава котораго, пожалуй, далеко превосходитъ извѣстность Либиха: именемъ послѣдняго стали уже слишкомъ злоупотреблять ради промышленныхъ и рекламныхъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой.

Долго стоялъ я предъ чуднымъ памятникомъ Либиха и любовался этою прелестною мѣстностью. То было чудный июньскiй вечеръ, — и Гиссенъ въ этотъ моментъ мнѣ такъ понравился, что я, пожалуй, не прочь былъ бы провести въ этомъ идиллическомъ городкѣ остатокъ своей жизни. Я пошелъ дальше по аллеямъ парка, правая сторона котораго окаймлена длиннымъ рядомъ двухэтажныхъ домиковъ, каждый изъ которыхъ стоитъ отдѣльно посрединѣ сада и цвѣтниковъ. Всѣ эти дома въ пять оконъ замѣчательно похожи другъ на друга, тѣмъ не менѣе не замѣчается скучнаго однообразiя.

Недалеко отъ памятника Либиха однако бросилось мнѣ въ глаза зданiе, рѣзко отличавшееся отъ всѣхъ остальныхъ домовъ. То была длинная, невысокая постройка нѣсколько въ мавританскомъ стилѣ, хотя нельзя сказать, чтобы стиль этотъ былъ строго выдержанъ. Готическiя окна, ярко свѣтившiяся въ этотъ моментъ (пока я любовался памятникомъ Либиха наступили сумерки) нѣсколько нарушили гармонiю, точно также какъ и большiе башенные часы въ фронтонѣ зданiя. Сначала я думалъ, что это «ложя франкамассоновъ» (такъ какъ такое же почти зданiе я видѣлъ въ Боннѣ), но когда я обратился къ прохожему съ вопросомъ, то мнѣ отвѣтили, что резиденцiя франкамассонской ложи дѣйствительно находится вблизи, но что это зданiе — синагога.

Я очень обрадовался этому и весьма благодаренъ былъ случаю, приведшему меня какъ разъ къ синагогѣ въ пятницу вечеромъ. Я вошелъ въ храмъ, служащiй доказательствомъ почетнаго положенiя, занимаемаго гиссенскимъ еврейскимъ обществомъ, которому, несмотря на свою немногочисленность, удалось выстроить столь красивую синагогу въ самой видной и фашенебельной части города.

Видно, было еще рано, потому что въ ярко освѣщенной синагогѣ не было ни души; только въ вестибюлѣ стоялъ пожилой го-

сподинъ, читавшій какой-то прибитый къ стѣнѣ писанный плакатъ. То былъ почтенный старикъ, весьма благообразной наружности, одѣтый просто, но весьма прилично. На бѣлосеребряныхъ длинныхъ кудряхъ сидѣла широкополая мягкая поярковая шляпа, придававшая какое-то особенное выраженіе чрезвычайно характерному лицу, обрамленному коротко остриженной бѣлосвѣжною бородою. Черты лица были чрезвычайно правильны и пріятны и голубые глаза смотрѣли умно и добродушно изъ подъ густыхъ, нависшихъ, также бѣлыхъ бровей. Свѣжій цвѣтъ лица и блестящіе глаза находились въ какомъ-то странномъ противорѣчій съ серебристою шевелюрою и бородою. Я замѣтилъ также юношескую подвижность и эластичность въ движеніяхъ этого замѣчательнаго старца, сильно заинтересовавшаго меня, такъ что я подошелъ къ нему и спросилъ, когда начнется богослуженіе.

Незнакомецъ ласково отвѣтилъ на мой вѣжливый привѣтъ и сказалъ, что литургія начнется минутъ черезъ десять.

— Вы вѣрно иностранецъ?—сказалъ онъ привѣтливо.

— Почему вы это думаете?

— Я сужу по произношенію; готовъ пари держать, что вы русскій.

— Вы угадали.—Затѣмъ я представился. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и съ своей стороны сказалъ:—Я здѣшній раввинъ, докторъ Леви, неизвѣстный отѣцъ знаменитаго сына,—прибавилъ онъ смѣясь, при чемъ показалъ два ряда крупныхъ, бѣлыхъ, прекрасно сохранившихся зубовъ, которые также какъ бы были краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ протестомъ противъ ранняго снѣга старости, покрывавшаго его голову и бороду.

Докторъ Леви! Имя это вызывало много воспоминаній. Какъ бы обыденно ни было это имя у евреевъ, какъ бы многочисленъ ни былъ легіонъ сыновъ Израиля, носящихъ это древнеисторическое имя, тѣмъ не менѣе есть въ Германіи, можно даже сказать въ Европѣ, *одинъ* только Леви, пользующійся такою громкою и лестною извѣстностью, что смѣшать его съ другими однофамильцами нельзя. Этотъ знаменитый Леви, неизвѣстнымъ отцомъ котораго назвалъ себя гиссенскій раввинъ, не кто иной какъ баварскій генераль-музидиректоръ, олицетворяющій собою чудную гармонію въ мірѣ звуковъ. Доказательствомъ того, какою громадною популярностью пользовался

г. Леви еще лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ, служить слѣдующій характерный фактъ:

Какъ извѣстно, Рихардъ Вагнеръ былъ не только гениальный композиторъ, но также ярый антисемитъ; онъ не только написалъ такія безсмертныя оперы, какъ «Тангейзеръ», «Лоэнгринъ» и пр., но также отвратительный памфлетъ «Das Judenthum in der Musik», весь пропитанный юдофобіею и ненавистью къ евреямъ. Въ этомъ своемъ пасквилѣ онъ отрицалъ всякій идеализмъ у евреевъ, не признавалъ ни тѣни таланта не только за Мейерберомъ, но даже за Феликсомъ Мендельсономъ-Бардольди. Словомъ, то было нѣчто невозможное, невѣроятное и непроходимо-нелѣпое, заставившее сомнѣваться въ вѣрности автора, отрицавшаго музыкальныя дарованія Рубинштейна, Эрнста, Галеви и др. только потому, что они были евреи, и имѣвшаго дерзость глумиться надъ поэтической фигурою внука Моисея Мендельсона. Вагнеръ не признавалъ гениальности у автора *Lieder ohne Worte* и категорически заявилъ, что у евреевъ нѣтъ и не можетъ быть идеальности! У евреевъ нѣтъ идеальности! Но раввѣ есть народъ болѣе идеальный, чѣмъ евреи, когда онъ въ теченіе тысячелѣтій подвергали гоненіямъ и пыткамъ, въ то время, какъ онъ такъ легко могъ бы сбросить съ себя иго ненависти и презрѣнія и сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ.

Но эта ярая юдофобія, выразившаяся въ такой необыкновенно рѣзкой формѣ, не мѣшала Вагнеру признавать громадный музыкально-капельмейстерскій талантъ молодого Леви, и когда онъ устроилъ свой собственный театръ въ Байрейтѣ и сталъ давать въ немъ пріобрѣтшій вскорѣ всемірную извѣстность циклъ своихъ оперъ, то онъ, послѣ тщательныхъ поисковъ по всему бѣлу-свѣту, не нашелъ болѣе достойнаго дирижора, какъ именно еврея Леви. Это поистинѣ иронія судьбы, пожелавшей посмѣяться надъ ни чѣмъ не мотивированною юдофобіею великаго представителя музыки будущаго.

И вотъ, въ вестибюлѣ синагоги въ Гиссенѣ, я познакомился съ «неизвѣстнымъ отцомъ знаменитаго сына» (*dem unbekanntem Vater eines berühmten Sohnes*), раввиномъ докторомъ Леви. Но напрасно почтенный гиссенскій раввинъ такъ черезчуръ скромно отзывался о самомъ себѣ: я въ этотъ же день узналъ, что это человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ выдающійся.

Пока вѣрующіе медленно стали собираться, я продолжалъ

бесѣду съ раввиномъ, и между прочимъ, спросилъ его, сколько лѣтъ уже онъ состоитъ духовнымъ главою гиссенскаго еврейскаго общества.

— Шестъдесятъ восемь лѣтъ! — отвѣтилъ докторъ Леви такъ же спокойно, какъ будто это вещь самая обыкновенная, какъ будто онъ сказалъ—лѣтъ десять.

Я остолбенѣлъ. Такого отвѣта я никакъ не ожидалъ. Не будь мѣста, въ которомъ мы находились, не будь спокойнаго, серьезнаго, задумчиваго лица моего собесѣдника, не допускаяшаго и мысли о шуткѣ, я бы подумалъ, что почтенный раввинъ хочетъ мистифицировать меня, потому что, судя по наружности, я ни въ какомъ случаѣ не могъ дать ему болѣе семидесяти лѣтъ. И даже такой возрастъ казался мнѣ преувеличеннымъ для такого бодрого, духовно и физически столь еще свѣжаго человѣка.

— Шестъдесятъ восемь лѣтъ!—повторилъ я машинально, все еще думая, что я ослышался.

— Да, шестьдесятъ восемь лѣтъ! — повторилъ съ тихою улыбкою раввинъ.

— Да, позвольте, г. докторъ!—вскричалъ я:—сколько же вамъ лѣтъ тогда?

— Мнѣ пошелъ девяносто пятый годъ, — какъ-то съ особеннымъ достоинствомъ отвѣтилъ раввинъ, отчеканивая каждое слово.

Девяносто пятый годъ!.. 68 лѣтъ раввинствовать въ крошечномъ нѣмецкомъ университетскомъ городѣ... Съ чувствомъ глубокаго уваженія, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смотрѣлъ я на этого патріарха, родившагося въ первомъ году текущаго вѣка, который, судя по его чуднымъ голубымъ глазамъ, исполненнымъ юношескаго блеска, судя по свѣжому здоровому румянцу его лица, его физической бодрости и духовной эластичности, вступить пожалуй и въ двадцатое столѣтіе, на порогъ котораго мы стоимъ. Этотъ удивительный старецъ внушалъ мнѣ глубокую симпатію. Сколько событій совершилось въ теченіе этихъ семи десятковъ лѣтъ, пока онъ былъ духовнымъ пастыремъ небольшою еврейскою общиной. Величіе и паденіе Наполеона, коалиція Европы противъ бонапартической Франціи; воцареніе Бурбоновъ; новый періодъ имперіи въ сто дней; вторичный походъ соединенной Европы противъ Франціи; сраженіе при Ватерло; вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ; низложеніе и плѣнъ Наполеона, ссылка

его на о. Св. Елены; вторичное воцареніе Бурбоновъ; польская революція и воцареніе Орлеановъ... Революціонный періодъ тридцатаго года прошелъ ураганомъ по Европѣ, низвергъ вѣковыя монархіи, создалъ эфемерныя республики и новыя королевства. Восемнадцать лѣтъ спустя — новый революціонный ураганъ,, поколебавшій нашъ континентъ въ самыхъ его основахъ, но даровавшій евреямъ Германіи свободу. И затѣмъ войны и событія, слѣдовавшія одни за другими съ изумительною быстротою, какъ въ калейдоскопѣ.

И онъ, очевидецъ всѣхъ этихъ событій (въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ, специально относящихся къ Германіи и ея еврейскому населенію, онъ нерѣдко принималъ дѣятельное участіе), бесѣдовалъ о нихъ, рассказывалъ любопытныя подробности, встрѣчи съ историческими личностями, съ Лассалемъ, Ласкеромъ, Зингеромъ, Марксомъ, Максомъ Нордау, Карломъ Эмилемъ Францовомъ, Компертомъ, Бамбергеромъ и другими выдающимися на разныхъ поприщахъ евреями, включая Мейербера и брата его астронома и писателя Михеля Бера и пр. И за мирной трапезою въ скромной, но чрезвычайно уютной и комфортабельной квартирѣ раввина, въ одной изъ лучшихъ частей города и фэшенебельнѣйшихъ улицъ (видно, что неизвѣстный отецъ знаменитаго сына — второй его сынъ занимается видный постъ въ какомъ-то первоклассномъ банкирскомъ домѣ, кажется въ Франкфуртѣ, — не нуждается ни въ чемъ), предъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ знаменитыхъ современниковъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, съ которыми достопочтенный, маститый ученый былъ хорошо знакомъ, такъ какъ онъ вообще на своемъ длинномъ жизненномъ пути сталкивался со множествомъ выдающихся лицъ.

Это было въ субботу, на слѣдующій день послѣ первой нашей встрѣчи въ хорошенькой синагогѣ Гиссена. Богослуженіе совершалось по «новому», съ аккомпаниментомъ звуковъ органа, при мужскомъ и женскомъ хорѣ. Что особенно радовало меня, это было присутствіе въ синагогѣ множества дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ, — которыя вели себя очень чинно и усердно молились. И замѣйте, что это не былъ какой-нибудь чрезвычайный праздникъ, а обыкновенный субботній день. Дѣтей въ Германіи воспитываютъ гораздо религіознѣе, чѣмъ у насъ.

Докторъ Леви — потомокъ семьи, давшей многихъ раввиновъ. Отецъ гиссенскаго раввина былъ въ концѣ прошлаго и

въ началѣ нынѣшняго столѣтій главнымъ раввиномъ въ Майнцѣ и былъ приглашенъ участвовать въ синадріонѣ, со- званномъ Наполеономъ I въ Парижѣ для регулированія еврей- скихъ дѣлъ. Мой собесѣдникъ видѣлъ великаго корсиканца и маленькаго капрала и сохранилъ о немъ такое же востор- женное воспоминаніе, какъ и Генрихъ Гейне, котораго докторъ Леви также зналъ лично.

И такъ часы прошли въ интересной бесѣдѣ съ этою жи- вою энциклопедіею нашего вѣка. Я долженъ былъ рассказать ему о нашихъ дѣлахъ, о положеніи евреевъ въ Россіи, объ эмиграціи въ Аргентину, объ Арнольдѣ Уайтѣ, повѣренномъ барона Гирша (съ которымъ я лично познакомился еще въ Петербургѣ) и пр. Впрочемъ, докторъ Леви довольно хорошо знакомъ съ нашими дѣлами; онъ о нихъ освѣдомился у покойнаго А. И. Зака и другихъ русско-еврейскихъ туристовъ, съ которыми встрѣчался. «Дай Богъ, — сказалъ мнѣ докторъ Леви при прощаніи, — чтобы мы свидѣлись при лучшихъ обсто- ятельствахъ и чтобы, наконецъ, лучи солнца прогнали тѣни мрака. Если опять будете въ Гиссенѣ, милости просимъ ко мрѣ. Авось вы меня еще застанете».

Р. Ильинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КАРТИНЫ ДОРЕФОРМЕННАГО БЫТА.

י. לינעצקי: "אמס תרע"ב זינגעל. אין לעבענס-בעשרייבונג פון א מילישען יודען."
(И. И. Линецкий: «Хасидскій юноша». Жизнеописание еврея 50-хъ годовъ. Вильна, 1897 г. 230 стр.).

«Chassidischer Jünger»—новое и значительно переработанное издание повѣсти того же автора: «Peilischer Jünger», первоначально появившейся въ жаргонной газетѣ «Коль Мвасеръ» 1867 г. Тридцатилѣтіе, отдѣляющее первый выходъ въ свѣтъ сочиненія г. Линецкаго отъ лежащаго передъ нами новаго изданія его, произвело столько разнообразныхъ и глубокихъ переиъвъ во внутренней жизни русскаго еврейства, что «Chassidischer Jünger», въ большей части своего содержанія, можетъ быть съ полнымъ основаніемъ отнесенъ къ области историческаго повѣствованія. Правда, тѣ или иные изъ рисуемыхъ въ названной повѣсти явленій еще сохранились въ современной еврейской жизни, но лишь какъ отдѣльныя, разрозненныя переживанія бытовыхъ условій, въ настоящее время утратившихъ прежнюю цѣльность и единство. Эти дожившія до нынѣшняго времени явленія могутъ обладать значительною устойчивостью, они могутъ даже нѣсколько укрѣпляться по сравненію съ ближайшими прошлыми, черпая силу въ извѣстныхъ благопріятствующихъ имъ условіяхъ (какъ это отчасти и наблюдается въ настоящую пору), но несомнѣнно, что въ ихъ лицѣ предъ нами—только кое-какія частныя стороны прежняго быта, котораго логическая законченность кореннымъ образомъ нарушена, и нарушена безвозвратно. Это—одиноко гласящіе, хотя быть можетъ и сильные звуки нѣкогда цѣльной и стройной мелодіи. Дореформенное русское еврейство по основнымъ условіямъ быта и жизненному тону распадалось на двѣ группы, приблизительно соответствовавшія географическому подраздѣленію «четры» на сѣверо-западный и юг-западный край. Внутренняя жизнь каждой изъ этихъ группъ имѣла своеобразный отпечатокъ, опредѣлявшій собою и порядокъ воспитанія, и общественныя отношенія, и направленіе умственной

дѣятельности, и жизненный обиходъ—словомъ, всю совокупность бытовыхъ явленій, представляемыхъ каждою данною группою. Литовское еврейство—резиденція богословскаго знанія, южное еврейство—арена хасидизма. Эти два основныхъ устоя, на которыхъ покоился весь строй жизни каждой изъ этихъ группъ, сообщали послѣднему внутреннее единство и цѣльность, ибо ими логически опредѣлялся весь общій фонъ быта и жизненныхъ условий. Но расходясь въ основаніяхъ, эти противоположныя теченія приводили къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Если поглощеніе всей умственной дѣятельности богословскою софистикою создавало типъ человѣка искалѣченнаго и абсолютно неподготовленнаго къ суровой дѣйствительности, то къ тому же результату приводилъ и культъ цадика. Умственная эквилибристика и преклоненіе предъ всеспасающимъ чудотворцемъ одинаково давали въ исходѣ отрѣшенность отъ жизни и равнодушно-безпечное отношеніе къ ея нуждамъ и запросамъ.

Повѣсть г. Линецкаго рисуетъ жизнь южнаго еврейства въ дореформенную эпоху, когда основной тонъ этой жизни еще не былъ нарушенъ влияніемъ цѣлаго ряда причинъ и обстоятельствъ, о которыхъ не здѣсь, конечно, мѣсто распространяться. Несомнѣнно, въ лежащемъ предъ нами произведеніи въ весьма значительной степени даетъ себя знать отсутствіе того философскаго элемента, который долженъ лежать въ основѣ всякой попытки художественнаго воспроизведенія быта, полосы жизни цѣлаго народа; въ повѣствованіи г. Линецкаго вы не найдете указанія на тѣ многочисленные, порою скрытыя обстоятельства, которыми именно опредѣлялся основной характеръ изображаемаго имъ быта,—обстоятельства, которыя не исчерпывались особенностями нашей внутренней жизни, а коренились также въ внѣшней, преимущественно правовомъ, положеніи евреевъ; съ другой стороны, впечатлѣнію книги вредитъ нѣкоторый излишній реализмъ ея автора, иной разъ сообщающій его повѣствовательной манерѣ отбѣнокъ вульгарнаго. Но если г. Линецкій и не вводитъ читателей въ сложный міръ причинъ и условий, породившихъ рисуемую имъ полосу еврейскаго быта, если произведеніе его несвободно отъ значительныхъ художественныхъ недочетовъ, тѣмъ не менѣе онъ—до извѣстной степени недурной фотографъ-зритель, умѣющій въ занимательной формѣ излагать результаты своихъ наблюденій. Въ исторіи жизни выводимаго имъ героя предъ нами встаетъ цѣлая картина быта дореформеннаго хасидскаго еврейства, съ нѣкоторыми основными чертами которой небезынтересно ознакомиться.

Культъ падика парилъ надъ будущимъ героемъ повѣсти, когда послѣдній еще пребывалъ въ утробѣ матери. Собственно говоря, родился онъ мальчикомъ только въ силу какого то недоразумѣнія,—ибо согласно достоверному предсказанію падика, его мать твердо ожидала появленія на свѣтъ Божій дѣвочки. Но само собою разумѣется, что этотъ неожиданный пассажъ ничуть не поколебалъ безграничнаго довѣрія его родителей къ падикѣ; у послѣдняго нашлось на этотъ случай какое то таинственное объясненіе. Какъ водится, отецъ его съѣздилъ къ падикѣ, чтобы посовѣтоваться,—какъ наименовать новорожденного, и ния ему дано было по указанію падика. Неприглядна была обстановка, въ которой росъ ребенокъ; нужда и умственное убожество встрѣтили его у самаго порога жизни-Сфера, куда его толкнула судьба, представляла собою заброшенный уголокъ, тщательно обособленный отъ окружающаго міра; внѣшняя среда, если порою и давала себя знать, то лишь въ образѣ грознаго станового и иныхъ власть имущихъ лицъ, встрѣчи съ которыми заставляли трепетать, ибо не предвѣщали ничего добраго... Отецъ нашего героя отчасти принадлежалъ къ разряду «klei keidesch», будучи въ своемъ иѣстечкѣ сборщикомъ «шаамодес» въ пользу падика; занятіе это, конечно, приносило ему лишь скудные гроши. Какъ истый хасидъ, онъ проводилъ весь день въ покуриваніи трубки, въ калаканіи насчетъ всякаго вздора въ клаузѣ и т. п. Все бремя матеріальныхъ заботъ и попеченій о куцѣ дѣтей лежало на женѣ, преждевременно состарившейся среди мучительныхъ поисковъ за грошевыми заработками, но впрочемъ ничуть не роптавшей на свою тяжелую долю и тунядство мужа: то и другое казалось ей вполне нормальнымъ и обыкновеннымъ. Въ домѣ царилъ нищета и грязь. Когда ребенку стукнуло 3 года, попеченіе о дальнѣйшемъ его воспитаніи отчасти перешло къ отцу. Отъ послѣдняго мальчикъ успѣшно и довольно скоро перенялъ кое-какіе остроты и каламбуры специфически-хасидскаго свойства; отецъ, кромѣ того, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы трехлѣтній мальчуганъ просяживалъ съ нимъ за «сейдеронъ» до пѣтуховъ, чтобы онъ въ Юмъ-Кипуръ до полудня не прикасался въ пищѣ и весь этотъ день расхаживалъ въ чулкахъ и т. д. По пятницамъ онъ бралъ ребенка съ собою въ баню, и опускалъ его въ «микву», не взирая на отчаянные его протесты. Четырехъ лѣтъ его отдали въ хедеръ. Принимая его въ число своихъ учениковъ, меланедъ предупредительно ознакомилъ его съ тѣми ужасами, которые его ждутъ, въ случаѣ если онъ не будетъ прилежно учиться: на томъ свѣтѣ его будутъ съѣзъ желѣзными розгами, злые духи унесутъ его подѣ «черныя горы» или продадутъ его цыганамъ, по ночамъ ему будутъ сниться по-

койники и т. д. Вообще, черты и мертвецы обильно фигурировали въ бѣсѣдахъ школьничковъ, переполнявшихъ тѣсное и грязное помѣщеніе хедера; здѣсь нашъ маленькій герой узналъ отъ товарищей кое-какіе заговоры, дѣйствующіе противъ колдуній, и много другихъ полезныхъ свѣдѣній этого рода. Завтракъ, который ребенокъ приносилъ съ собою въ хедеръ, конечно, поступалъ въ распоряженіе «бегельфера», случайно поцапавшаго на эту должность изъ подручныхъ въ «общественной» банѣ. Передъ ребенкомъ стояла альтернатива: скрывая отъ матери обжорство «бегельфера», стоически переносить голодь, или же разоблачить его продѣлки, рискуя въ этомъ случаѣ жестоко поплатиться боками, — и онъ предпочелъ первый выходъ. Надъ азбукой нашъ герой проторчалъ около полугода, — не вслѣдствіе своей тупости собственно, а потому, что меламедъ мало удѣлялъ ему вниманія. Правда, възвнненіемъ ему могло служить то, что онъ отъ его отца почти никогда не могъ добиться положенной платы за обученіе, и дѣло неизмѣнно ограничивалось обѣщаніями. Да впрочемъ, затѣмъ собственно нужна плата меламеру? Рюмку водки всегда есть возможность перехватить въ клаузѣ: сегодня «ребенчикъ» родила сына, завтра къ сонну приверженцевъ иѣтнаго падика присоединился новый обширный районъ, — все это несомнѣнные поводы для выпивки. Послѣзавтра потребовали падика къ исправнику: необходимо выпить, дабы не поддаться предосудительной грусти; за добренній исправникъ затѣмъ отпустилъ его съ миромъ — вѣтъ, конечно, сомнѣнія, что нужно выпить на радостяхъ, и т. д. Можно-ли перечислить всѣ тѣ случаи, когда меламеру, въ ряду прочихъ завсегдатей клаузы, перепадаетъ рюмка? Кромѣ того, у него было много разныхъ побочныхъ промысловъ, варіировавшихся, главнымъ образомъ, соотвѣтственно календарю: въ иѣсяцъ Нисонъ онъ доставлялъ иѣстными «гвирантъ» *шмуро*, въ Элуль онъ помогалъ женщинамъ разбирать надписи на погильныхъ камняхъ, въ Гошано-Рабо онъ служилъ поставщикомъ зелени, собиравшейся, конечно, его учениками, изготовлялъ также свѣчи для Хануки; къ тому еще онъ занимался немножко сватовствомъ, иной разъ читалъ «кадишъ» по бездѣтнымъ, а по «страшнымъ днямъ» мелился у айвона. Всѣ эти разнообразныя занятія оставляли ему слишкомъ мало времени для отправленія его прямыхъ обязанностей, и легко понять, какъ скудны были свѣдѣнія, вынесенныя нашимъ героемъ изъ 1^{1/2} лѣтнаго пребыванія въ его хедерѣ.

Дальнѣйшее воспитаніе его вѣрнется хуменъ-меламеру. Этому переходу въ хедеръ высшаго ранга предшествуетъ торжественная церемонія прозвнесенія мальчикомъ своего рода «дроме» въ субботу, въ присутствіи много-

численныхъ гостей. «Дроше» эта сводилась къ діалогу, въ которомъ крошѣ героя торжества участвуетъ еще другой мальчикъ, выступающій въ роли вопрошающаго. Публичному діалогу, конечно, предшествовали многочисленныя репетиціи, на которыя ушло около мѣсяца времени. Вотъ нѣкоторые приѣмъ вопросы и отвѣты: «Что значить *xumesh*?» — Пять. — «Что значить пять? пять кренделей за грошъ?» — Нѣтъ, пять книгъ Торы. — «Какую же книгу ты проходишь, мальчикъ?» — Ваикро. — «Что значить *vaikro*?» — И онъ позувалъ. — «Кто позувалъ? шамесъ позувалъ въ синагогу?» — Нѣтъ, Господь позувалъ Моисея, и т. д. — все въ томъ же духѣ (стр. 28). Послѣ долгихъ приготовленій, церемонія эта прошла благополучно, и мальчикъ поступилъ въ хумешъ-хедеръ. Особеннаго рвенія къ занятіямъ мальчикъ не обнаруживалъ; зачастую онъ пребывалъ въ бѣгахъ, скрываясь въ «общественной» банѣ, которая послѣ полудня обыкновенно становилась безлюдной. Незамѣтно мальчику пошелъ шестой годъ, и его переводятъ къ геморе-меламеду. Послѣдній оказался сущимъ звѣремъ; при первомъ же вступленіи въ его хедеръ мальчикъ безъ дальнѣйшихъ околичностей былъ подвергнутъ жестокой экзекуціи, въ счетъ будущихъ провинностей. Ученіе здѣсь шло весьма неуспѣшно; зато мальчикъ основательно ознакомился изъ рассказовъ товарищей съ подробностями загробной жизни; онъ узнавалъ, наприѣмъ, что солома причиняетъ мучительную боль лежащему на ней покойнику, и что послѣдній потому издаетъ пронзительные крики, — которые, впрочемъ, слышны только черному лѣтуху и бѣшеной овцѣ; онъ также узнавалъ подробности того, какъ *malach-hadomo* разрываетъ животъ покойнику и, вырвавши внутренности, бросаетъ ихъ ему въ лицо, а затѣмъ, ухвативъ его копьемъ за кончикъ носа, бросаетъ его отъ края міра до другого края, послѣ чего покойникъ наконецъ низвергается въ преисподнюю, гдѣ его варятъ въ кипящемъ котлѣ; покуда онъ не очищается отъ всѣхъ грѣховъ. Много новыхъ свѣдѣній получилъ онъ также касательно нечистой силы разнаго ранга, и неудивительно, что мальчикъ пребывалъ въ постоянномъ трепетѣ, опасаясь и собственной тѣни; нѣтъ необходимости распространяться о томъ, какой смертельный страхъ испытывалъ онъ, наприм., когда ему предстояло ночью проходить мимо пустого дома и въ тону подобныхъ случаяхъ вообще. Девяти лѣтъ онъ завершилъ свое образованіе; занятія въ хедерѣ для него кончились, онъ уже не мальчикъ, а — «бохуръ». Ему сшили халатъ изъ коленкора, сохранившагося еще со свадьбы матери, а такъ какъ отецъ къ новому году получилъ въ даръ отъ самого падика его старую ермолку, то онъ свою прежнюю отдалъ сыну. Онъ проводитъ большую часть дня въ клаузѣ,

прислушиваясь къ разговорамъ старшихъ насчетъ падковъ и ихъ подиговъ; онъ съ гордостью выполняетъ получаемыя иной разъ порученія— сбѣгать за водкою и т. п. Въ виду его сметливости, старшіе «бохуръ» охотно принимаютъ его въ свою компанію, въ особенности когда замышляются какія-либо продѣлки надъ строгимъ габаемъ или постороннимъ хасидомъ. Когда ему, наконецъ, минуло 11 лѣтъ, его отца забрасываютъ предложеніями насчетъ партій; мальчикъ славится чуть-ли не «слуемъ», и шадхены обиваютъ пороги дома. Партіи предлагаются ему, дѣйствительно, заманчивыя: напр. отецъ одной невѣсты владѣетъ дошедшею къ нему по наслѣдству отъ самого р. Года парюу туфель, за которую почетатели его памяти давно уже предлагали ему 30 червонцевъ, но онъ, конечно, и думать не хотѣлъ о продажѣ; теперь же онъ готовъ отдать одну изъ этихъ туфель въ приданое за дочерью, а подъ залогъ другой взять ссуду для гардероба и свадебныхъ расходовъ,—съ тѣмъ, чтобы женихъ впоследствии погасилъ долгъ и обязался никогда не продавать эту туфель. Было еще много другихъ весьма лестныхъ предложеній подобнаго рода, и наконецъ остановились на одной партіи, условія которой были особенно заманчивы: будущій тесть обѣщалъ за дочерью 50 р., изъ нихъ половину онъ обязывался депонировать вслѣдъ за вѣнчаніемъ, а остальное— съ Божьею помощію послѣ «бриса». Въ переговорахъ обѣихъ сторонъ вопросъ о личныхъ качествахъ невѣсты фигурировалъ, разумеется, менѣе всего. Сговору, конечно, предшествовалъ маленкій экзаменъ по части Генары, который выдержанъ былъ женихомъ блистательно, благодаря находчивости шадхена, съумѣвшаго одурочить экзаменатора, специально присланнаго родителями невѣсты. Свадьбу положили сыграть черезъ два года,—съ тѣмъ, чтобы она совпала съ «баръ-мицве» нашего героя. Жениху присланы были подобающіе подарки, въ томъ числѣ илься шапка, вѣкогда принадлежавшая знаменитому р. Эйбишу и составлявшая нынѣ предметъ гордости родителей невѣсты.

Положеніе жениха мало измѣняетъ образъ жизни нашего героя; онъ непрежнему проводитъ дни въ клаузѣ, въ веселой компаніи «бохуровъ». Новый рангъ, впрочемъ, иной разъ даетъ ему право выступать въ роли «габе», по сбору пожертвованій на какія-либо общественныя нужды. Передъ Паскою ему передаютъ иногда кое-какіе заработки; такъ, онъ по порученію мѣстныхъ почетныхъ обывателей перебираетъ пшеницу, предназначенную для «шнуре» и т. п. На ближайшую Паску онъ, по приглашенію родителей невѣсты, пріѣзжаетъ къ нимъ въ гости; здѣсь онъ впервые знакомится съ своею будущею супругою, которая оказывается крайне уродли-

вом. Хотя будущий тесть и состоитъ чѣмъ-то при законѣ-то цадикѣ, тѣмъ не менѣе въ домѣ его царить отчаянная нужда. Пріѣхавшаго жениха, какъ водится, встрѣчаютъ въ городкѣ съ большимъ почетомъ, и мѣстные молодые люди записываютъ его, какъ будущаго здѣшняго обывателя, въ члены основаннаго ими кружка; программа котораго—строгое воздержаніе отъ разговора по субботамъ. Послѣ праздниковъ нашъ женихъ уѣзжаетъ во свояси. Время идетъ незамѣтно, наконецъ приблизился срокъ свадьбы. Жениху сдѣлали кое-какой гардеробъ, преимущественно перешитый изъ стараго платья его отца и даже матери. Чтобы раздобыть необходимые для того гроши, пришлось заложить знаменитую лисью шапку р. Эббиса у одного знакомаго хасида. Но такъ какъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы женихъ не щеголялъ на предстоящей свадьбѣ въ этой шапкѣ, то было положено, что кредиторъ также поѣдетъ на свадьбу, и тамъ изъ предстоящихъ подарковъ ему будетъ возвращенъ его долгъ. Наканунѣ отъѣзда жепихъ, нарядившись въ праздничное платье, обходить въ сопровожденіи шамеса видѣвшихъ обывателей городка, чтобы проститься, а кстате также напомнить своимъ приходомъ о свадебномъ подаркѣ. Наконецъ, все улажено, и нашъ герой покидаетъ родной очагъ; на свадьбу, кроиъ родителей, ѣдутъ также близкіе родственники, нѣсколько друзей по клавиу—пламенныхъ почитателей того же цадика, покровительствующаго отцу нашего героя; отправляется съ ними также шамесъ клавиа и, наконецъ, упомянутый выше кредиторъ, везущій съ собою знаменитую лисью шапку р. Эббиса. Свадьбу сыграли на славу: конечно, дѣло не обошлось безъ препирательствъ между родителями жениха и невесты, чуть было не перешедшихъ въ драку, но въ концѣ концовъ ихъ удалось примирить, и торжество оправдано было съ тѣмъ беззаветнымъ веселіемъ, на которое въ этихъ случаяхъ способны только хасиды. Герой нашъ поселяется на хлѣбахъ у тестя; теща превращаетъ его жизнь въ сущую каторгу: она сгораетъ желаніемъ узрѣть «пашев» отъ своей дочери (хотя у нея уже нѣтъся дѣлая куча внучатъ), и ее обуреваютъ ненависть къ нашему возгяку. Дѣло въ концѣ концовъ завершается тѣмъ, что онъ въ одинъ прекрасный день былъ вышвырнутъ этой негерою на улицу. Куда дѣваться? Нанпростѣйшій выходъ—направиться въ резиденцію ближайшаго цадика, при «дверѣ» котораго ютятся всегда дѣльный легионъ хасидовъ, питающихся ниспадающими съ его стола крохами.

Итакъ, нашъ герой—въ резиденціи цадика. Общее описаніе двора цадика и быта окружающей его челяди принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ повѣсти г. Ланецкаго.

Въ яркихъ краскахъ изображена картина своеобразнаго мірка, центръ котораго составляетъ падикъ, уточающій въ роскоши и окруженный росей габаетъ разнаго ранга, — въ свою очередь извлекающихъ многія выгоды изъ принадлежащей имъ роли посредниковъ между «святыхъ мужей» и его почитателями. Здѣсь кипитъ жизнь; помимо временно-наѣзжающихъ сюда для свиданій съ падикомъ денежныхъ тузовъ, помимо всякаго рода больныхъ и несчастныхъ, привлекаемыхъ сюда надеждою на исцѣленіе, здѣсь, въ разныхъ задворкахъ и въ примыкающемъ къ помѣщенію падика клаузѣ, всегда ютится и жуштитъ многочисленная толпа праздныхъ и безпечальныхъ хасидовъ, лебезящихъ предъ дворней падика, живущихъ впроголодь отбросами съ его кухни и извѣдка удостаиваемыхъ счастья лицезрѣть его самого. Здѣсь свили себѣ прочное гнѣздо ханжество и лизоблюдство, на почвѣ которыхъ пышно произрастаетъ интрига и предательство. Нашъ герой мало по малу осваивается съ условіями жизни этого мірка, съ тѣми закулисными пружинами ея, умѣлое пользованіе которыми создаетъ успѣхъ. Благодаря своей сметливости, онъ съ теченіемъ времени становится persona grata въ клаузѣ, становится близокъ къ дворнѣ падика; габан иной разъ уже даетъ ему порученія деликатнаго свойства. Эти порученія впоследствии открываютъ предъ нимъ двери дома самого падика; онъ постепенно становится здѣсь своимъ человѣкомъ; ребячьи подчасъ удоставляетъ его милостивымъ словомъ, самъ ребе — привѣтливою улыбкою. И когда впоследствии ребе volens poleps долженъ былъ удалить одного изъ своихъ габаетъ, оказавшагося — къ великому соблазну его почитателей — троесженцемъ, нашъ герой назначается на этотъ освободившійся постъ. Постъ этотъ труденъ, требуетъ большой энергіи и изворотливости, зато довольно доходенъ; свои сбереженія нашъ габай коптитъ у падика. Разъ въ годъ онъ наѣзжаетъ на нѣсколько дней домой. Забота объ умножающейся семьѣ негѣ всего занимаетъ его; онъ полагаетъ, что нѣсколькими грошами, вынашиваемыми женою въ каждый его пріездъ, исчерпываются всѣ его обязанности по отношенію къ ней и дѣтямъ. Не такъ ли поступалъ и отецъ его, и всѣ окружающіе, взваливая на женъ всю тяжесть заботъ о пропитаніи семьи? Такъ идутъ годы; его положеніе все болѣе упрочивается; хранящіяся въ сундукѣ падика сбереженія его растутъ, онъ — правая рука падика. Но нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ. Въ концѣ концовъ падикъ вкушъ съ габаями запутываются въ своихъ шлутняхъ, и они попадаютъ въ тюрьму. Падика, конечно, вскорѣ выпускаютъ на волю, герой же нашъ, вмѣстѣ съ двумя другими габаями, томится долгіе годы въ заключеніи, въ ожиданіи конца слѣдствія. Первое время нтъ бодритъ надежда на молитвы

цадика, обѣщаніе его заступничества, они коротают тяжелые дни въ сѣдаль о подвигахъ разныхъ чудодѣевъ; но годы проходятъ, не принося избавленія, цадикъ повидному совершенно забылъ о своихъ преданныхъ слугахъ,—и въ душу нашего героя закрадывается сомнѣніе, въ немъ постепенно начинается совершаться переломъ. Спустя много лѣтъ, его наконецъ освобождаютъ; онъ истомленъ и физически, и нравственно. Онъ оглядывается на всю свою прошлую жизнь, и выводы получаются самаго безотраднaго свойства: ему за тридцать лѣтъ, онъ обремененъ многочисленною семьей, но не вооруженъ никакими знаніями или ремесломъ, которое дало бы ему возможность снискивать хотя бы скудный хлѣбъ, совершенно не подготовленъ къ суровымъ условіямъ дѣятельности. Въ немъ нѣтъ ни одного здороваго мѣста, и его гнетутъ тяжелыя сомнѣнія. Порвать съ прошлымъ нѣтъ возможности, ибо онъ безпомощенъ, какъ ребенокъ. Остается единственный выходъ—вернуться опять къ цадіку. Тотъ встрѣчаетъ его крайне холодно: виновный во всей случившейся непріятности оказывается, конечно, нашъ герой, почему цадикъ и считаетъ себя вправе удержать всѣ его сбереженія. Ему съ трудомъ, наконецъ, удается выклянчить порученіе ему сбора «шаатодесъ» въ пользу ребе въ родномъ своемъ городѣ, на мѣсто его отца, который къ тому времени успѣлъ скончаться. Онъ возвращается на родину, къ своимъ новымъ обязанностямъ. Въ вознагражденіе онъ получаетъ грошевое, которое не даетъ никакой возможности кормить многочисленную семью. По прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ цадикъ обнаруживаетъ растрату въ нѣсколько рублей, свѣщаетъ его съ должности, и нашъ герой остается безъ куска хлѣба.

Таково въ общемъ содержаніе повѣсти г. Линецкаго,—если выдѣлать нѣкоторыя ея части, которыя несомнѣнно вредятъ цѣльности впечатлѣнія, получаемаго читателемъ. Авторъ часто впадаетъ въ дидактизмъ, который выражается въ многочисленныхъ отступленіяхъ, носящихъ характеръ разсужденій, и еще болѣе—въ длинныхъ рѣчахъ по адресу хасидовъ, которыя онъ въ сценѣ зреста цадика влагааетъ въ уста нѣкоему интеллигенту—«учителю»; въ значительной степени отдаетъ дидактизмомъ и роль того же учителя, превратившагося въ добродѣтельнаго «казеннаго раввина»,—въ качествѣ спасителя нашего героя, послѣ того какъ послѣдній выброшенъ цадикомъ на улицу за совершенную имъ растрату. Но если обильно фигурирующій въ повѣсти нравоучительный элементъ находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ свойствахъ той публки, къ которой преимущественно обращалъ свое произведеніе г. Линецкій, то такого рода объясненіе неприложимо къ элементу случайнаго, подчасъ фантастическаго, широко вводимому авторомъ

въ фабулу новѣсти, въ особенности заключительной части ея. Этотъ элементъ весьма невыгодно отражается на художественной сторонѣ его произведенія, вредитъ живности и тѣннчности рисуемой авторомъ картины. Тѣ стороны прошлаго, которыя пытался воспроизвести авторъ, сами по себѣ достаточно тяжелы, чтобы предстояла еще необходимость осложнять изображеніе ихъ придатками случайнаго или фантастическаго свойства. Устраните изъ произведенія его тѣ эпизоды, которые вызваны отсутствіемъ въ насъ авторъ надлежащаго чувства художественной мѣры, — и его произведеніе отъ этого несомнѣнно выиграетъ; въ новѣсти жизни изображаемаго имъ «хасидскаго юноши» предъ нами предстанетъ исторія одной изъ легенъ жертвъ прежняго воспитанія и прежнихъ порядковъ, сопровождавшихъ человѣка отъ рожденія до гробовой доски.

С. Г—ъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Съмя, поклеванное птицами. Повесть Ивана Рукавишчикова. Москва, 1896 г.

Характернѣйшей чертой этой повѣсти является поразительная наивность какъ фабулы, такъ и проводимыхъ ею «идей». Можно подумать, что это произведеніе украшало собою страницы одного изъ тѣхъ рукописныхъ «журналовъ», которые въ изобиліи издаются въ среднихъ классахъ большинства русскихъ гимназій, и столь же быстро возникаютъ, какъ быстро прекращаютъ свое эфемерное существованіе, не столько впрочемъ по недостатку матеріала, сколько за неинтересомъ любителей переписывать чужія произведенія.

Въ случаѣ правильности нашего предположенія, мы бы могли высказать много лестнаго автору, присовокупивъ впрочемъ совѣтъ обождать печатаніемъ до болѣе зрѣлыхъ произведеній. И, дѣйствительно, разбираемая нами повѣсть могла бы служить украшеніемъ любого рукописнаго гимназическаго журвала, и даже внушала бы основательныя надежды на дальнѣйшее развитіе беллетристическаго дарованія ея автора.. но и только, и во всякомъ случаѣ мы не видимъ ей мѣста въ «настоящей» литературѣ. Языкъ довольно гладокъ, отдѣльныя сценки, въ особенности посвященныя описанію гимназической жизни, недурны, заключаютъ въ себѣ иной разъ вѣрно подмѣченныя черточки дѣйствительности; даже затронуто, хотя только мимоходомъ, одно изъ весьма серьезныхъ явленій женской жизни, замѣчаемое и въ еврейской средѣ, именно—той гнетущей пустоты, съ которою входятъ въ жизнь кончающія среднія учебныя заведенія дѣвушки, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ однообразной, усыпляющей обстановкѣ провинціи.

Авторъ не разобрался въ причинахъ этого явленія, которыя заключаются въ томъ, что среднее учебное заведеніе, совершенно отрывая своихъ юныхъ питомцевъ отъ жизни и дѣйствительности, лишь настолько ихъ развиваетъ, что возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторыя, хоть и слутныя, неопре-

дѣлившіяся, по большей части имъ самимъ мало или даже вовсе непонятныя, стремленія и умственные потребности; но это развитіе не достигаетъ той ступени, которая могла бы дать молодымъ дѣвушкамъ возможность найти этия стремленія исходъ и примѣненіе, или возможность хотя бы только разобратъ въ нихъ. И выходить онѣ въ жизнь совершенно неприспособленныя къ ней; а затѣмъ начинается метаніе въ стороны въ сторону въ погонѣ не то за знаніемъ, не то за «дѣломъ», не то за женихомъ. Болѣе энергичнымъ или развитымъ такъ или иначе удается утолить свою жажду, устроить свою жизнь — онѣ поступаютъ на курсы, въ консерваторіи, посвящаютъ себя дѣлу народнаго образованія, воспитанію дѣтей, находятъ удовлетвореніе въ личной или семейной жизни; изъ остальныхъ же — и такихъ большинство — вырабатываются какія то половинчатая, неустойчивыя существа, скучающія и скучныя, обреченныя, по большей части, сдѣлаться жертвами свѣтской пошлости и пустоты. Иногда такое ненормальное состояніе приводитъ къ трагической развязкѣ, какъ и въ эпизодѣ, имѣющемся въ разбираемой повѣсти.

Итакъ, возвращаясь къ ней, мы замѣчаемъ, что какъ нарочто для подтвержденія нашей гипотезы о ея происхожденіи, наиболѣе сравнительно продуцируемыми эпизодами ея являются такія, которые наиболѣе близко соприкасаются съ жизнью и интересами молодежи гимназическаго возраста; въ остальныхъ своихъ частяхъ фабула и психологія дѣйствующихъ лицъ отличается ребяческой наивностью; но уже прямо несуразной приходится назвать «философію», развиваемую неоднократно какъ непосредственно отъ лица автора, такъ и отъ лица его героя. Особенно замѣчательной является мысль, положенная — судя по заглавію — въ основу всего произведенія. Повидному, авторъ познакомившись съ ученіемъ Ломброзо, о которомъ, впрочемъ, вынесъ довольно таки превратное представленіе, серьезно испугался за будущую судьбу гениевъ. Соображенія, приведшія его къ страху, насколько они проявляются въ повѣсти, таковы: если гениальность и умопомѣшательство одно и то же, то, такъ какъ сумасшедшихъ уже давно дѣтчатъ отъ помѣшательства, и гениевъ современнѣ будутъ дѣтчатъ отъ гениальности; въ виду же того, что въ первомъ случаѣ возможенъ успѣхъ, то при быстрыхъ завоеваніяхъ медицины его можно ожидать и во второмъ. Вотъ какъ это выражаетъ нѣкій представитель науки (въ глазахъ г. Руквишниковъ только): «наша (?) возьметъ и мы всѣхъ вашихъ гениевъ и великихъ людей передѣлаемъ на нормальный образецъ, а тѣхъ, которыхъ нельзя уже передѣлать и припрятать можно, хе, хе, хе!»...

Вотъ судьбу такого то яко бы гения (а на самомъ дѣлѣ дюжиннаго,

кропающаго стишки, мальчика) съ сокрушеніемъ сердечнымъ и описываетъ г. Рукавишниковъ. Въ первыхъ частяхъ своего произведенія онъ слится показать геніальность своего героя, Георгія Шумана, а въ последней—показываетъ {его изгнаннымъ отъ нея—*Follia Mettoida*, какъ ее называетъ другой мужъ науки — и сдѣлавшимся образцовымъ «нормальнымъ» человекомъ, а кстати ужъ и пошлякомъ. Пусть авторъ изгнанилъ своего героя отъ геніальности, которой у того никогда и не было, но почему онъ думаетъ, что всякій нормальный человекъ непременно пошлякъ?

Какъ бы тамъ ни было, *сымя*—это недоразвившійся геній Георгія Шумана, а поклевавшія его *птицы*—это злобные мужи науки, задумавшіе известить геніевъ и великихъ людей. Вѣдное сымя, но еще болѣе бѣдныя птицы, потрудившіяся клеветать его...

Еврейскому пленени авторъ оказалъ великую честь, взявъ въ свои геніальныя герои—его отпрыска; правда, оказалъ то онъ ее только на половину: отецъ Георгія Шумана крестился для женитьбы на христіанкѣ, слѣдовательно и самъ Георгій по происхожденію на половину только семитъ, по религій же онъ горячій христіанинъ.

Эта доля еврейства придана авторомъ герою для того только, чтобы имѣть возможность при описаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ его гимназической жизни выказать сочувствіе и оказать, такъ сказать, авторскую защиту угнетаемому «еврею». Эта догадка подтверждается тѣмъ, что, кромѣ какъ въ этихъ сценкахъ, происшествіе героя не играетъ никакой роли въ развитіи повѣсти. Но разъ Георгій—христіанинъ, то кому же собственно потребовался сочувствіе и защита?

Недоразумѣніе, впрочемъ, этихъ не исчерпывается. На ехидный вопросъ одного учителя — завятаго жидоѣда — о національности, Георгій послѣ конфузнаго молчанія, вздоховъ, шопотомъ (значить, стыдась) отвѣчаетъ, что онъ еврей. Какъ ни опредѣлять сложныя понятія еврейской національности, но во всякомъ случаѣ къ ней нельзя причислять сына православной славянки, воспитывавшагося въ русской средѣ, который, конечно, ужъ не меньше русскій и славянинъ, чѣмъ семитъ и еврей. Автору не хочется признать его русскимъ, но зачѣмъ же онъ дѣлаетъ его евреемъ? Онъ, можетъ быть, затрудняется подвести его подъ соответствующую рубрику; но если онъ не можетъ безъ этого обойтись, пусть вспомнитъ давно уже получившій право гражданства терминъ: «изъ евреевъ», не надо только для сокращенія пропускать въ немъ предлога.

Итакъ съ еврействомъ вышло у автора недоразумѣніе, но нельзя не

признать жизненности сценки издѣательства учителя надъ «евреями» къ великой радости класса. Прочтемъ характеристику этого достойнаго преподавателя. «Одною изъ главныхъ странностей Скучного была ненависть къ евреямъ и всему еврейскому... Развивать свои мысли по этому вопросу съ каеодры было его страстью, а такъ какъ преподаваемый имъ предметъ (исторія) представлялъ частые случаи касаться излюбленнаго вопроса, то онъ и не пропускалъ этихъ случаевъ, тотчасъ садился на своего коня и не слѣзалъ уже съ него до тѣхъ поръ, пока не исчерпывалъ всего запаса гнѣва и насмѣшекъ надъ ненавидимой націей передъ юными слушателями, всегда радовавшимися отступленію отъ урока. Бѣда ученику, имѣвшему несчастье родиться евреемъ: господишь Скучновъ изъ дня въ день являлъ его и, по странному совпаденію, этотъ ученикъ получалъ всегда по его предмету плохія отиѣтки».

Къ сожалѣнію, бываютъ и такіе учителя, но еще чаще встрѣчаются такіе, которые, не вкладывая въ свои издѣательства гнѣва и ненависти, просто «остроумія» ради, слѣдуя ходячей въ обществѣ, распространяемой извѣстнаго пошиба печатью, модѣ, изощряются въ сѣяніи чловѣконенавистничества и нетерпимости въ сердцахъ неразвившихся учениковъ, которые не въ состояніи нахо-нальски сознательно отнестись къ словамъ учителя и которые весьма довольныхъ каждымъ отступленіемъ отъ скучнаго урока. Позоръ подобныхъ поступковъ падаетъ не только на ихъ виновниковъ, но и на все то общество, которое терпитъ подобное явленіе въ своей средѣ.

Мы не будемъ останавливаться на частностяхъ, напр. на исторіи и «психологій» отца героя — не то сапожника, не то банкира, настолько же примитивно наивной, какъ и большинство другихъ частей повѣсти, и скажемъ въ заключеніе, что были бы очень рады, если бы оправдалась наша гипотеза о происхожденіи произведенія г. Рукавишника. Если бы, согласно получаемоу по прочтеніи его неотразимому впечатлѣнію, оно оказалось бы пробомъ гимназическаго пера, то этииъ самымъ объяснилась бы и глубокая наивность содержанія и изложенія, несуразность «психологій» дѣйствующихъ лицъ и ребяческой философіи, но виѣствъ съ тѣмъ все это ступшевало бы, а выступили бы тѣ проблески чувства, мысли и наблюдательности, которыя мы отчасти и отиѣтили и которыя могли бы обѣщать въ будущемъ болѣе удачныя произведенія; единственное недоуміе, которое бы въ такомъ случаѣ возникло, состояло бы въ томъ, затѣмъ это произведеніе напечатано, а не осталось въ рукописномъ журналѣ, въ которомъ только и могло бы заслужить снисхожденіе и даже своего рода похвалы. Впрочемъ это недоуміе остается: каково бы ни было истинное

происхожденіе повѣсти, — ны совершенно не въ состояніи понять, зачѣмъ печатаются подобныя произведенія, и можемъ только дать совѣтъ автору впредь воздержаться отъ повторенія этой ошибки, совѣтъ тѣмъ болѣе уместный, что на обложкѣ настоящей повѣсти авторъ «обѣщаетъ» новую.

С. V.

Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. *Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Томъ II. Одесса, 1897 г.*

Вышелъ второй и послѣдній томъ «Еврейской Исторіи» С. М. Дубнова, переработанной и дополненной имъ по вѣщевымъ сочиненіямъ Бека и Бранна. Привѣтствуемъ этотъ фактъ, какъ одно изъ крупнѣйшихъ по своему значенію событій въ русско-еврейской литературѣ послѣдняго времени. Это именно—событіе и въ высшей степени желательное и отрадное. До сихъ поръ мы не имѣли полной еврейской исторіи на русскомъ языкѣ, а теперь, благодаря г. Дубнову, мы ее имѣемъ. До сихъ поръ той части нашей публики, нынѣ уже немалочисленной и все болѣе растущей, которая воспитана на *русской* книгѣ и ею удовлетворяетъ свои духовно-умственные запросы, неоткуда было черпать знакомство съ прошлыми судьбами своего народа во всей ихъ полнотѣ и объемѣ. Нѣсколько переводныхъ томовъ изъ обширной (11-томной) исторіи Греца, да пара-другая малоудовлетворительныхъ, сухихъ и тощихъ школьныхъ руководствъ, — вотъ весь историко-литературный матеріалъ и весь мизерно-бѣдный источникъ, которыми располагала для этого знакомства сказанная часть нашей публики. Прибавьте къ этому, что для другой значительной, ортодоксальной ея части такая странная вещь, какъ какая-то танъ «исторія», всегда казалась вольнодушной ересью или тѣмъ страшнымъ «жупеломъ», котораго такъ боятся купчихи Островскаго, — и станемъ лицомъ къ лицу съ чрезвычайно печальнымъ, можно сказать прямо позорнымъ явленіемъ: въ то время, какъ у всѣхъ прочихъ людей немисленно представить себѣ мало-мальски интеллигентнаго человѣка, незнающаго подробной исторіи своего народа, съ коей его знакомятъ уже на первыхъ почти ступеняхъ школьнаго ученія, — для подавляющаго большинства *нашего* общества, до такъ назы-

важныхъ лицъ съ «высшимъ» образованіемъ включительно, *наше* бытовое и литературное прошлое, въ послѣдовательной снѣгъ его существенныхъ моментовъ, есть совершенная *terra incognita*. Въ школахъ объ этомъ или ничего не сообщалось, или сообщалось въ видѣ неосмысленныхъ, бессвязныхъ обрывковъ, а для самостоятельнаго ознакомленія съ этимъ вполнѣдствіи,—стыдно сказать,—не было подходящей книги.

И вотъ такая книга теперь есть. Пробѣлъ восполненъ, и восполненъ такъ, какъ того только можно было и слѣдовало ожидать отъ такого преданнаго и умѣлаго, и почти единственнаго у насъ работника, какимъ давно выказалъ себя въ излюбленной имъ исторической области С. М. Дубновъ.

О первомъ томѣ его «Исторія» въ свое время данъ былъ отзывъ на страницахъ «Восхода» и тогда же отиѣчены были его выдающіеся достоинства. Неменьшими достоинствами отличается и вышедшій теперь 2-й томъ ея, обвиняющій собою судьбы евреевъ отъ времени расцвѣта ихъ культуры въ Испаніи (съ середины X вѣка) до нашихъ дней, т. е. *западный* періодъ нашей исторіи, по принятой авторомъ новой системѣ дѣленія ея.

Въ указанныхъ предѣлахъ весь матеріалъ 2-го тома размѣщенъ въ 2-хъ книгахъ, изъ коихъ 1-я заключаетъ въ себѣ 2 отдѣла: отъ начала западнаго періода до Маймонида и отъ смерти послѣдняго до изгнанія евреевъ изъ Испаніи и Португаліи, а 2-я распадается на 3 отдѣла: отъ расцвѣтія сефардовъ до Сабатага-Цеви, отъ него до Моисея Мендельсона и отъ послѣдняго до конца XVIII вѣка. Еврейской исторіи XIX вѣка посвященъ особый краткій обзоръ, который и заключается разсматриваемая книга. Каждому изъ упомянутыхъ отдѣловъ предшествуетъ въ началѣ общій обзоръ, дающій читателю сжатый и ясный конспектъ предстоящей эпохи и прекрасно освѣщающій послѣдовательный рядъ фактовъ, составляющихъ содержаніе дальнѣйшаго разсказа.

Такия общія связныя картины, возстановленныя изъ подробностей каждой соответствующей части книги, служатъ къ замѣчательно легкому и удобному ориентированію среди этихъ подробностей и ихъ надлежащей оцѣнкѣ.

Самое распредѣленіе и группировка матеріала сдѣланы не случайно и механически-произвольно, — тѣ или иные отдѣлы отиѣчаютъ постепенные и важнѣйшіе внутренніе моменты умственно-духовной эволюціи народа, концентрирующіе вокругъ себя ряды событій и явленій какъ литературно-

этического, такъ и общественно-бытового и социальна-политическаго свойства; таковы, наприм., время испанской гегемоніи, раввинско-философская эпоха, эпоха раввинско-мистическая, просвѣтительная и т. п. При этомъ въ каждый данный моментъ исчерпывается вся совокупность событій, протекшихъ надъ евреями той эпохи во всѣхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, и такимъ образомъ строгая связь и прагматичность изложенія съ одной стороны и хронологическій порядокъ съ другой — удачно сочетаются между собою. Въ интересахъ той же связности оригинальныя прибавленія изъ исторіи польско-русскихъ евреевъ, разработанныя г. Дубновымъ по источникамъ и на основаніи собственныхъ изслѣдованій, не выдѣлены особо, а распределены хронологически по соответствующимъ общимъ рубрикамъ; такимъ образомъ, напр., первоначальныя свѣдѣнія о пребываніи евреевъ въ Россіи мы находимъ подъ X в. въ главѣ о передвиженіи еврейскаго духовнаго центра съ Востока на Западъ (стр. 29), дальнѣйшія свѣдѣнія о томъ же — подъ XII в. и въ той же главѣ, гдѣ говорится о евреяхъ въ Провансѣ, Италіи и Византіи (стр. 109) и т. д. Это немного какъ бы разочаровываетъ читателя, ожидавшаго, по новизнѣ и особому интересу этой части нашей исторіи, увидѣть ее въ формѣ особаго самостоятельнаго очерка; но за то онъ вознаграждается внутренними достоинствами оригинальной части книги, — достоинствами, давно уже обнаружившимися въ прежнихъ извѣстныхъ работахъ автора въ этой области (о хасидизмѣ, франкистахъ и друг.).

По тѣмъ же работамъ читатель успѣлъ ознакомиться и съ языкомъ г. Дубнова — безукорыненно правильнымъ, красивымъ, живымъ и отчетливо рельефнымъ: Таковъ и слогъ настоящей книги. Изложеніе всюду ровное, объективное, эпически спокойное, — «безъ лишнихъ словъ и безъ излишній, для которыхъ и мѣста не хватало бы», какъ замѣчаетъ авторъ въ своемъ предисловіи къ 1-му тому. И надо сказать, что это эпическое спокойствіе нигдѣ не измѣняетъ автору: оно не покидало его тогда, когда онъ говорилъ о Маккавеяхъ, о самоотверженной борьбѣ съ Римомъ, о безпримѣрной храбрости защитниковъ Иотапаты, и оно же не оставляетъ его тамъ, гдѣ онъ повѣствуетъ о мрачныхъ вѣкахъ мученичества и говеній, о черной смерти и жизни гетто. Нигдѣ нѣтъ черезчуръ громкихъ эпитетовъ, черезчуръ яркихъ, кричащихъ красокъ. Это совершенно излишне: факты сами говорятъ за себя, — да и мѣста дѣйствительно не хватало бы...

Въ связи съ этимъ увѣренно серьезнымъ тономъ изложенія стоитъ и полная его нетенденціозность, обнаруживающаяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ

наиболѣе легко было соблазниться ролью субъективнаго судьи вмѣсто безстрастнаго лѣтописца, и особенно рельефно выступающая тамъ, гдѣ авторъ касается нашихъ «направлений» въ просвѣтительныя эпохи на Западѣ и въ Россіи. Всему воздается справедливая историческая дань, всему дѣлается безпристрастная, объективная оцѣнка.

Объ этомъ, конечно, читатели жалѣть не будутъ. Но пожалѣютъ они, вѣроятно, о томъ, что еврейская исторія XIX вѣка изложена всего на 20 страницахъ и, слѣдовательно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Авторъ, какъ видно изъ его предисловія, имѣлъ на то какія-то свои «довольно вѣскія соображенія», но не зная ихъ, удивляешься тому, что Цунцу, напр., «отцу новой еврейской исторіографіи», посвящены ровно 4 строчки и что многіе другіе научно-литературные дѣятели на Западѣ (напр. А. Г. Вейс) и у насъ только упоминаются. Надо, впрочемъ, прибавить, что вообще литературная исторія наша представлена въ книгѣ достаточно полно, хотя авторъ и не отступаетъ отъ своего принципа—не превращать, какъ это обыкновенно дѣлается, общую исторію евреевъ въ исторію еврейской литературы, и даетъ значительный перевѣсъ элементу общественно-бытовому и политическому надъ собственно литературнымъ.

Въ бѣглой библиографической заимкѣ, мы не могли, разумеется, исчерпать всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей труда г. Дубнова, давашаго намъ первую полную и вѣстѣ съ тѣмъ среднюю по объему еврейскую исторію на русскомъ языкѣ. Удовлетворяя назрѣвшей потребности значительной части нашего общества, въ которомъ нынѣ замѣчается нѣкоторое пробужденіе чувства самосознанія и самоопредѣленія, книга эта надо надѣяться, всюду встрѣтитъ заслуженный ею сочувственный приѣмъ, и было бы весьма грустно, если бы не оправдались эти надежды на скорое и широкое распространеніе давно ожидавшейся нами «Исторіи», которая несомнѣнно и надолго займетъ выдающееся мѣсто въ нашей еще не очень богатой русско-еврейской литературѣ.

קורא רבתי (Гашовой бекаказъ), т. е. Кавказскій пльничкъ.
 Разказъ Л. Толстою. Переводъ З. Рабиновича. Варшава,
 1896 г.

Къ числу знаменательныхъ явленій, характеризующихъ собою замѣтное въ послѣднее время оживленіе и ростъ еврейской литературы, слѣдуетъ отнести фактъ вступленія ея на новый путь заимствованій, передѣлокъ и

переводовъ лучшихъ произведеній чужихъ, т. е. не-еврейскихъ, писателей. Это весьма отрадно. Старая еврейская поговорка гласитъ: «лучше быть богатымъ жильцомъ, чѣмъ бѣднымъ хозяиномъ». Полезнѣе давать читателямъ хорошій переводъ хорошаго чужого сочиненія, чѣмъ плохую, хотя и оригинальную отсебятину. Особенно это полезно именно еврейскому читателю, не очень-то избалованному по части дѣйствительно изящныхъ, истинно-художественныхъ литературныхъ образцовъ и далеко не всегда и хорошо освѣдомленному относительно количественнаго и качественного богатства не-еврейской словесности. Разумѣется, что для того, чтобы такой переводъ могъ доставить художественное наслажденіе читателю и дать ему вѣстѣ съ тѣмъ вѣрное представленіе о характернѣйшихъ особенностяхъ того или другого писателя, онъ долженъ обладать всѣми достоинствами, какія можетъ сообщить ему только опытная и умѣлая — и тоже отчасти художественная—рука.

Надо отдать справедливость г. З. Рабиновичу: въ его работѣ замѣтна такая именно рука. Высоко-художественная, эпическая простота разсказа Л. Толстого, тонкая и точная, какъ бы выпуклая и рельефная, обрисовка образовъ и картинъ, ровный и спокойный тонъ повѣствованія, безыскусственнаго, почти наивнаго (разсказъ составленъ Толстымъ для крестьянскихъ дѣтей), всѣ эти особенности оригинала вполне и удачно сохранены въ переводѣ. Намъ кажется, что не столько свои сюжетомъ, такъ называемой фабулой, сколько именно сейчасъ упомянутыми особенностями такой разсказъ долженъ подѣйствовать извѣстнымъ образомъ на молодого еврейскаго читателя, столь непривычнаго къ *такой* наперѣ писавія, невычурной, безхитростной и простой. А это много значить.

Г. Рабиновичъ переводитъ точно, почти буквально, не грѣша однако въ общемъ противъ требованій еврейской стилистики. Въ давномъ случаѣ, впрочемъ, это тѣмъ болѣе легко давалось переводчику, что разсматриваемое произведеніе нашего знаменитаго писателя особенно удобно для такой именно точной передачи, и насъ удивила поэтому допущенная г. Рабиновичемъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ неточность перевода въ ущербъ ясности и удобопонятности этихъ мѣстъ. Такъ, въ самомъ началѣ герой повѣсти, Жилинъ раньше правильно названный у него Ыумъ дворянинъ, вслѣдъ затѣмъ именуется также и 72 последнее слово означаетъ—вельможа, князь, начальникъ и т. п., но отнюдь не то, что выражаетъ собою употребленное въ оригиналѣ слово: «баринъ». Въ другомъ мѣстѣ (стр. 4) выраженіе подлинника: «Жилинъ *смирналь* отпущкъ» передается: «онъ попросилъ полковника дать ему отпущкъ» (а получилъ-ли онъ его дѣйствительно?)...

Но это, конечно, мелочи, нисколько не мѣшающія намъ выразить пожеланіе, чтобы переводчикъ «Кавказскаго пѣвника» продолжалъ и впредь знакомить еврейскую молодежь съ образцовыми произведеніями лучшихъ отечественныхъ писателей.

Як. Каценельсонъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|--|-----|
| I. ПИСЬМА О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ЕВРЕЙСТВѢ. Письмо первое О. М. Дубнова | 3 |
| II. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. О. О. Ярошевскаго. | 22 |
| III. ПѢСНЯ СУЛАМИТЫ. Стихотвореніе Л. Яффе | 60 |
| IV. ИЗЪ ВЕНЕЦІАНСКАГО ГЕТТО. Разсказъ И. Зангвиля. (Съ англійскаго). Перев. М. Штильманъ. | 63 |
| V. ПРЕДТЕЧА БАРОНА ГИРША. Историческая справка. О. М. Гинзбурга. | 80 |
| VI. ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Е. Я. Хисина | 95 |
| VII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. ФЕЙТА и М. ЗАКСА. Проф. Л. Гейгера | 107 |
| VIII. ПАЦИРОСКА. Разсказъ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Е. Г. Фейгина. | 125 |
| IX. ПРИДИ КО МНѢ. Стихотвореніе. X. Зингера | 143 |
| X. ВИДѢНІЕ ІОВА. Изъ «Еврейскихъ мелодій» Вайрона. О. Н. Чюминой. | 144 |
| XI. ІУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Іосифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи). | |

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

| | |
|--|----|
| XII. О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ. Я. И. Эттингера | 1 |
| XIII. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ I. Раввинъ-патріархъ. Р. Ѳ. Ильиша | 19 |

XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.—КАРТИНЫ ДОРЕФОРМЕННАГО ВЪТА.

י. י. לינגער; דאס היידישע יוגנט. אין לעבענס-באשרייבונג פון א פלישער
(И. И. Линецкий: «Хасидскій юноша». Жизнеописа-
ніе еврея 50-хъ годовъ. Вильна, 1897 г. 230 стр.) С. Г—а. 27

XV. БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) *Съмля поклеванное птицами. Повесть Ивана Рукавишнина.* Москва, 1896 г. С. V. 37
- 2) *Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Брантъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Томъ II.* Одесса, 1897 г. 41
- 3) *השבוי בקרקו (Гашовуй бекавказъ), т. е. Кавказскій плтнникъ. Разсказъ Л. Толстого. Переводъ З. Рабиновича.* Варшава, 1896 г. Я. Каценельсона 44

XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

П о п р а в к а.

Въ октябрьской книгѣ журнала „Восходъ“, въ концѣ статьи И. Зангвилля „Мечтатели гетто на конгрессѣ“, послѣднія **семь** строкъ, зачеркнутыя въ корректурѣ и замѣненные, вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ съ подлинникомъ, предыдущимъ абзацомъ, по ошибкѣ типографіи были восстановлены вновь. Эти семь строкъ при чтеніи слѣдуетъ откинуть.

Подписка на 1898 годъ открыта

для ежедневной литературной и политической газеты

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

«Виленскій Вѣстникъ» по прежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобъ дня въ области бытовой и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудничковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редація съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго Отечества.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Общественная жизнь г. Минска быстро растетъ и увеличивается интересъ къ ней публики. Въ виду этого 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботахъ, помѣщаются корреспонденціи изъ г. Минска, касающіяся разныхъ сторонъ его жизни.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по десяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета будетъ высылаться бесплатно за декабрь.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

| | | | |
|-------------------------|-----------|---------------------------------|-----------|
| Съ доставкою въ Вильнѣ: | | Съ пересылкой въ другіе города: | |
| На годъ | 6 р. — к. | На годъ | 8 р. — к. |
| > 6 мѣсяцевъ | 3 > — > | > 6 мѣсяцевъ | 4 > — > |
| > 3 > | 1 > 80 > | > 3 > | 2 > 50 > |
| > 2 > | 1 > 20 > | > 2 > | 1 > 80 > |
| > 1 > | — > 70 > | > 1 > | 1 > — > |

Д о п у с к а е т с я р а з р о ч к а :

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 2 р.; городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб.

Народнымъ учителямъ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 руб., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ Минскѣ у. М. К. Шоффера, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля, въ Новѣ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель П. Бывалькевичъ.

П О Д П И С К А Н А 1898 Г О Д Ъ

Н А

„ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неофициальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго

хозяйства, прикладныхъ знаній и проч.; театральныя рецензи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи, изъ Петербурга (отъ собственнаго корреспондента) и другихъ мѣстъ; обзорніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ: банковныя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и рассказы, переводные и оригинальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить, главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причѣмъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.

Въ 1898 году «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» будутъ выходить по прежней программѣ и при нихъ также, какъ и въ 1897 г., еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «ОТДѢЛЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО УѢЗДНАГО ЗЕМСТВА», въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ пересылкой и доставкой:

| | | |
|---------------------------------|--|--------------------------------|
| на годъ 8 р. | | на три мѣсяца . . . 2 р. 60 к. |
| на полгода 4 р. 40 к. | | на одинъ мѣсяць . . 1 р. |

преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: а) въ конторѣ редакціи — при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января.

II-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1898 г.

II-й годъ
изданія.

на большую ежедневную политическую, литературную и
экономическую газету

„БЕССАРАБЕЦЪ“,

издаваемую въ г. Кишиневъ.

„Бессарабецъ“ издается по обширной программѣ крупныхъ столичныхъ органовъ печати. Благодаря формату, не уступающему размѣрамъ самыхъ большихъ русскихъ газетъ, „Бессарабецъ“ имѣетъ возможность отражать полно и своевременно выдающіяся событія какъ русской жизни, такъ и мировой. разрабатывая параллельно и краевыя злобы дня во всѣхъ ихъ проявленіяхъ.

Задача „Бессарабца“ — проведение въ жизнь тѣхъ культурныхъ, общественныхъ и нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется мирное развитіе, благосостояніе и единеніе всей русской семьи, сплотившейся подъ знаменемъ великой Россіи.

Въ газетѣ „Бессарабецъ“ постоянно принимаютъ участіе, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, и крупныя силы столичныхъ органовъ печати.

О всѣхъ выдающихся событіяхъ „Бессарабецъ“ печатаетъ телеграфическія свѣдѣнія отъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Агентства, а также получаетъ и коммерческія телеграммы.

„Бессарабецъ“ даетъ еженедѣльные литературныя приложенія въ форматѣ листа, отпечатаннаго постранично, что позволяетъ переплетать его. Къ концу года литературное приложеніе „Бессарабца“ составляетъ 52 печатныхъ листа или два тома формата толстыхъ журналовъ съ разнообразными беллетристическими произведеніями. Въ 1897 году въ „Бессарабцѣ“ были напечатаны, между прочимъ, „Парижъ“, романъ Э. Золя, „Автоматъ“, ром. Е. А. Бутти, „Трубачъ“, ром. П. А. Крушевана, и свыше семидесяти повѣстей и рассказовъ.

Подписная цѣна: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 3 р, руб., съ пересылкой или доставкой,

Подписчики „Бессарабца“, выписывающіе сочиненія П. А. Крушевана — „Что такое Россія“ (ц. 2 р.), „Призраки“ (2 р.) и „Дѣло Артабанова“ (п. 1 р. 25 м.) — за пересылку не платятъ.

Редакторъ-Издатель П. А. Крушеванъ.

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„Орловскій Вѣстникъ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города
на годъ—7 руб.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р.—50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р. 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., $\frac{1}{6}$ мѣс.—50 к.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, при желаніи выписывать газету въ рассрочку, **ОБЯЗАТЕЛЬНО** при первомъ же взносѣ дѣлать надпись въ письмѣ—**ВЪ РАЗСРОЧКУ**, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по котрый внесены деньги.

~~то~~ Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяць 1 р., до выплаты всей суммы, причеъъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причеъъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копійки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбець, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ; 6 р.— за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курентовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

САМАЯ ДЕШЕВАЯ НА ЮГѢ РОССИИ

„ОДЕССКАЯ ГАЗЕТА“

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ.

Десятимѣсячный опытъ утвердилъ насъ въ пріятномъ сознаніи, что успѣхъ печатнаго органа зависитъ не отъ трескучихъ рекламъ и заманчивыхъ посулъ, а исключительно отъ его внутреннихъ достоинствъ.

Успѣхъ быстрый, рѣшительный, превзошедшій всѣ наши ожиданія, благословилъ нашу попытку посильнаго служенія обществу.

Свыше десяти тысячъ читателей—аудиторія, достойная любого органа печати. Она вселяетъ отрадное сознаніе полезности работы и приноситъ нравственное удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страстное желаніе дальнѣйшаго усовершенствованія.

Съ другой стороны, прочность изданія обезпечивается только нормальнымъ его развитіемъ.

Неестественные скачки въ расширенія печатнаго органа, желаніе блеснуть обѣщаніями чаще всего ведетъ къ разочарованіямъ.

Въ настоящее время, наканунѣ вступленія во второй годъ изданія, естественно назрѣла потребность расширить рамки нашего органа, какъ для обогащенія вообще содержанія газеты, такъ и въ особенности для расширенія руководящаго и провинціального отдѣловъ.

Въ увеличенномъ форматѣ „Одесская Газета“ выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

ДЕНЬ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНЪ ОСОБО.

При этомъ какъ подписная, такъ и розничная цѣна газеты .

НЕ ИЗМѢНЯЕТСЯ.

Подписная цѣна:

| | | |
|---------------------------------|--|---------------------------------|
| Съ доставкою въ Одессѣ | | Съ доставкою въ другіе города: |
| На годъ 5 р. | | На годъ 6 р. |
| „ 1/2 года 3 р. | | „ 1/2 года 3 р. 50 к. |
| „ 3 мѣсяца 1 р. 75 к. | | „ 3 мѣсяца 1 р. 80 к. |
| „ 1 мѣсяць — 60 к. | | „ 1 мѣсяць — 65 к. |

Цѣна отдѣльнаго экземпляра 3 коп.

Адресъ: Одесса, Главная контора „Одесской Газеты“, Почтовая, 38.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

(Подписной годъ съ 1-го октября 1897 г. по 1-е октября 1898 г.)
на научно-литературный и политическій журналъ

„НОВОЕ СЛОВО“

Выходить ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Редакція «Новаго Слова», кромѣ общихъ задачъ научно-литературнаго журнала, ставитъ себѣ цѣлю освѣщеніе явленій общественной жизни Россіи и сопоставленіе ихъ съ условіями и фактами жизни иностранной. Въ виду этого, помимо постоянныхъ отдѣловъ («Текущіе вопросы внутренней жизни», «Факты и цифры изъ русской дѣйствительности», «Изъ жизни провинціи» и «Иностранное обозрѣніе») въ журналъ помѣщаются еще «Письма изъ провинціи» и «Письма изъ-за границы».

Будучи свободной отъ мѣстныхъ вліяній и воздѣйствій и придавая серьезное значеніе освѣщенію различныхъ явленій провинціальной жизни, редакція «Новаго Слова» проситъ лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ журнала, оказать ей содѣйствіе въ развитіи провинціального отдѣла какъ доставкою фактическаго матеріала, такъ и присылкою корреспонденцій.

Редакція стремится давать въ библиографическомъ отдѣлѣ своевременные отзывы о всѣхъ выдающихся произведеніяхъ нашей литературы, и поэтому обращается съ просьбой къ издателямъ о присылкѣ вновь выходящихъ изданій.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

К. С. Баранцевичъ, проф. И. И. Боргманъ, С. Н. Булгаковъ, В. И. Выстренинъ, Ю. Н. Вагнеръ, В. Вересаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. В. Водовозовъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), М. О. Гершензонъ, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), И. А. Гурвичъ, Е. Ельцова, А. М. Калмыкова, Л. Ф. Крживицкій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милуковъ, В. Г. Михайловскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. А. Никоновъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, А. В. Погожевъ, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, Д. Д. Протопоповъ, В. Я. Свѣтловъ, М. Н. Семеновъ, П. Б. Струве, В. Л. Сѣрошевскій, М. И. Туганъ-Барановскій, В. А. Фаусекъ, Максъ Ферворнъ (проф. Иенскаго унив.), Ив. Франко, проф. Н. А. Холодковскій, Е. Н. Чириковъ, Т. Цигенъ (Th. Ziehen, проф. Иенскаго унив.), А. С. Шабельская. О. А. Шапиръ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, А. И. Эртель, В. Я. Яковлевъ и др.

Подписной годъ съ 1-го октября.

| | | |
|--|-------|------|
| Подписная цѣна съ пересылкой на годъ | 10 р. | — к. |
| » » » » полгода | 5 » | — » |
| » » » » три мѣсяца | 2 » | 50 » |
| » » безъ пересылки » годъ | 9 » | — » |
| » » съ перес. за границу на годъ | 12 » | — » |

Адресъ конторы редакціи: Сиб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15 кв. 1.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

Издатель М. Н. Семеновъ.

Объ изданіи въ 1898 году журнала

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

(Годъ изданія тридцать девятый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1898 году по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній бл. Іеронима и бл. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ св. Синода отъ 2—29 февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р.

За прѣжше годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги.

«Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ» а) св. Кипріяна Каре. части 1 и 2, б) бл. Іеронима части 1—13 и в) бл. Августина части 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к.

«Опытъ правосл. догматическаго Богословія» еп. Сильвестра. Т. I (изд. 3-е) Ц. 1 р. 70 к. т. II (изд. 3-е) Ц. 3 р. 80 к. т. III, IV (изд. 2-е) и V (изд. 2-е) по 3 р. за каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ ней по слѣд. адресу: Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ.

Редакторъ профессоръ В. Ф. Пѣвницкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

на 1898 годъ.

Неофициальная часть „Губернскихъ Вѣдомостей“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юрической отдѣлъ. III. Учено-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленія къ №№ „Вѣдомостей“ даются телеграммы, получаемыя отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Годовая цѣна на ежедневн. неофициальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ официальной частью и приложеніями, шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за официальную часть 3 р.,—за неофициальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получить одну только неофициальную часть, уплачиваютъ съ достав. и пересыл.: за годъ—четыре рубля; за полгода—два рубля пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—одинъ рубль пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переpletенко, Г. В. Гаврилова (Кашвина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Королёно и Н. Н. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — уг. Спасской и Басковой ул. д. 1—9.

въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка, для городскихъ и многогородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „Русскаго Богатства“ пользуется уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Редакторы: П. Б. Биковъ, С. И. Поповъ.

Самая дешевая большая ежедневная газета на югъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, научную, литературную, торгово-промышленную и финансовую газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

подъ редакціей К. Н. Новосельскаго.

Газета въ настоящее время болѣе не роскошь, а потребность. Нѣтъ того грамотнаго человѣка, который не нуждался-бы въ услугахъ печати, свѣдѣніяхъ и совѣтахъ. Интересуетъ-ли его политическая, общественная или литературная жизнь дома и за границею, нужна ли ему какая нибудь справка, онъ обращается къ газетѣ, которая тотчасъ даетъ отвѣтъ на всякій, обращенный къ ней, вопросъ. Газета—другъ семьи, ея совѣтникъ и поставщикъ новостей, отъ самыхъ важныхъ, имѣющихъ мировое значеніе, до самыхъ незначительныхъ, которыя минуту спустя всѣ забудутъ. Это—живая энциклопедія, которая въ занимательной формѣ знакомитъ общество со всѣмъ, что въ данную минуту волнуетъ его.

Сознавая это, новая редакція «Южнаго Обозрѣнія» поставила себѣ задачей создать на Югѣ Россіи газету интересную по содержанию, отзывчивую на всевозможныя злобы дня и вмѣстѣ съ тѣмъ доступную возможно большому кругу читателей по цѣнѣ, газету, въ которой каждый находилъ бы не только факты и данныя, касающіеся самыхъ разнородныхъ предметовъ, но и руководящія начала, помогающія ему разобраться въ вопросахъ, выдвигаемыхъ временемъ. На первомъ планѣ при этомъ стоятъ краевые вопросы, затѣмъ общерусскіе, а за ними—общеевропейскіе.

Понятно, что такой органъ можетъ существовать только при поддержкѣ самого общества.

Приемъ, оказанный «Южн. Обозрѣнію» подъ новой редакціей, даетъ намъ право разсчитывать на такую поддержку. Вѣрные правила избѣгать всего, что носитъ анти-литературный характеръ, мы воздерживаемся отъ всякаго рода общаній, на которыя обыкновенно не скрутся въ объявленіяхъ о подпискахъ, и общаемъ лишь одно: приложить всѣ силы для того, чтобы приблизить «Южное Обозрѣніе» къ идеалу литературнаго органа, уважающаго себя и своихъ читателей. Просимъ только лицъ, интересующихся судьбою провинціальной печати, не отказать намъ въ своемъ драгоценномъ содѣйствіи. Всякое слово, всякое сообщеніе, касающіяся нашего богатаго края, будутъ приняты редакціей съ искренней признательностью.

Газета «Южное Обозрѣніе» выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Программа «Южнаго Обозрѣнія» одна изъ самыхъ обширныхъ среди провинціальныхъ изданій. Такъ, ни одна одесская газета, кромѣ «Южнаго Обозрѣнія», не имѣетъ права выпускать ежедневныя прибавленія съ телеграфическими извѣстіями.

Желая сдѣлать газету по возможности зодной, отзывчивой и разнообразной, редакція «Южнаго Обозрѣнія» обратила серьезно

вниманіе на отдѣлъ иллюстрацій и рисунковъ, въ которомъ воспроизводятся главнѣйшія событія политической, общественной и художественной жизни какъ въ Россіи, такъ и заграницею.

Иллюстраціи печатаются на глазированной бумагѣ еженедѣльно по воскресеньямъ, а въ случаѣ надобности и чаще.

Такимъ образомъ, «Южное Обозрѣніе» является самой дешевой большой ежедневной газетой на Югѣ Россіи.

Въ газетѣ принимаетъ участіе М. Ф. Фрейденбергъ (Оса).

Въ «Южномъ Обозрѣніи» принимаютъ постоянное участіе: А. Н. Алексѣевъ, Н. А. Александровъ, проф. Г. Е. Афанасьевъ, И. А. Бунинь, Н. П. Бурдесъ, И. Г. Гальперштейнъ, П. Т. Герцовиноградскій, П. И. Добротворскій, Л. С. Закъ, А. С. Изгоевъ, Имарекъ, Е. П. Карповъ, Ив. Лабинскій, Н. Лукманова, М. К. Левитовъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), П. Н. Невѣжинъ, Б. Н. Новосельскій, М. И. Писаревъ, К. Рогнѣдичъ, С. И. Смирнова, Ф. К. Соллогубъ, А. П. Субботинъ, С. Суkenниковъ, С. С. Трубачавъ (редакторъ «Вѣстника Иностранной Литературы»), А. М. Федоровъ, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), проф. Н. Е. Чижовъ, В. А. Шуфъ, Эмзе и друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ: Н. Д. Кузнецовъ, Л. О. Пастернакъ, С. Я. Кишиневскій и г. Герардовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкою въ Одессѣ: на 1 годъ—6 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 10 к., на одинъ мѣсяць 80 к. Съ пересылкою въ другіе города: на одинъ годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяць 1 р. Главная контора помещается на Гаванной улицѣ, домъ Михайловой, въ Одессѣ.

Редакторъ-Издатель *К. Н. Новосельскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ. VII-й г. изд. VII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждою мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 27 печ. листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причѣмъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. «Два счастья», романъ И. Потапенко; «Равнодушные», романъ К. Станюковича; рассказы Ив. Бунина, В. Немировича-Данченко, Ю. Безродной; «Христіанинъ», Холлъ Кена, романъ, перев. съ англ.; «Оводъ», Войничъ, романъ, перев. съ англ.; «Пасынокъ въѣва», ром., перев. съ финск. «Новый Таягейзеръ», ром., перев. съ шведск.

Научныя сочиненія и статьи: «Страна чудесъ на рѣкѣ Еловстонъ» проф. А. Павлова; «Физиологія растений и рациональное

земледѣліе», проф. Тимирязева; «Юліусъ Саксъ» (критико-біографическій очеркъ), проф. Фаусена; «Очерки общественной гігіены и государственнаго врачевновѣдѣнія», проф. Н. А. Вельяминова; «Рудольфъ Вирховъ», монографія д-ра Ю. Г. Малиса; «Популярные обзоры успѣховъ біологіи и медицины», академика И. Р. Тарханова; «Очерки по исторіи роскоши», «Исторія классической системы въ Германіи», Н. Сперанскаго; «Исторія русской критики», ч. III, отъ Бѣлинскаго до Писарева включительно, Ив. Иванова; «Изъ дневника Н. В. Шелгунова», извлеченія изъ переписки и дневника; «Адамъ Мицкевичъ» (въ столѣтней годовщину рожденія), «Капитализація земледѣльческой промышленности» Людвигъ Кривицкаго; «Современное естествознаніе и психологія», академика А. С. Фаминцына; «Методы изслѣдованія въ современной психологіи», проф. Г. И. Челпанова; «Спиноза и его міросозерцаніе», популярный очеркъ канд. философ. Б. Вельбеля; «Забитый утопистъ», С. Анскаго; «Въ домѣ народа»; «Культура и народное хозяйство Финляндіи», В. Фирсова; «Общественныя увеселенія въ Америкѣ», П. Тверскаго, «Положеніе труда въ Лондонѣ», Л. Давыдовой; «Нищенствующія деревни въ Россіи», С. Сперанскаго; «Сравнительная литература», Маколей-Поснета. перев. съ англ. Н. Давыдовой; «Основы этики», Мэнкенизи, перев. съ англ. подъ ред. профессора Г. И. Челпанова; «Чудеса воздуха» (очерки по метеорологіи), перев. съ франц. В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы: 1. Научное Обзорѣніе. Дополненіемъ къ этому отдѣлу должны служить «Текущія Научныя Новости». Въ отдѣлѣ «Научное Обзорѣніе» обѣщали принять участіе господа: В. К. Агафоновъ и лекторъ берлинской «Ураніи» Н. Bürgel; профессора: Павловъ, Тархановъ, Тимирязевъ, Хвольсонъ, Холодковскій, Челпановъ и Фаусекъ. 2. Критическія замѣтки. Очерки болѣе или менѣе выдающихся произведеній русской и переводной литературы. 3. Изъ западной культуры. Критическій разборъ выдающихся иностранныхъ произведеній. 4. «На Родинѣ». Свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ русской жизни. 5. «Заграницей». «Изъ иностранныхъ журналовъ». 6. Библіографія. Рецензіи о русскихъ и иностранныхъ книгахъ. «Новости иностранной литературы».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ—8 р. Безъ доставки на годъ—7 р. За границу на годъ—10 р. **Внѣсто разсрочки** допускается подписка: По полугодіямъ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода—4 р. За границу—5 р. Безъ доставки по согласенію съ конторой. По третью года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ—3 р., въ маѣ—3 р., въ сентябрѣ—2 р. За границу: въ январѣ—4 р., въ маѣ—3 р., въ сентябрѣ—3 р.

Адрессъ: Спб., Лиговка, 25.

Подписавшіеся **НА ПОЛГОДА ИЛИ НА ТРЕТЬ ГОДА** продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Открыта подписка на 1898 г.

(семнадцатый годъ изданія)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андріевского, Н. О. Беляшевскаго, проф. Д. И. Вагалѣя Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименка, П. И. Жатецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, О. А. Кудринскаго, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, О. Д. Ни-Колайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалка, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степановича, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербяны, В. Н. Ястребова и др.

Подписчикамъ 1896 и 1897 гг. будутъ разсылаемы, по мѣрѣ выхода изъ печати, листы 1 и 2-го тома «Малороссійскаго Словаря».

Цѣна за годовое изданіе: съ пересылкой и доставкой 10 р.; безъ доставки и пересылки 8 р. 50 к.; за границу 12 р.

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старинны» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ. Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется *Книжный Складъ*, преимущественно содержащій въ себѣ книги, касающіяся *Юга Россіи*. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 1 будущаго 1898 года.

Издатель *К. М. Гамалѣй*.

Редакторъ *В. П. Науменко*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСК.
ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

И НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

Издание ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного акціонернаго
общества

„ГУТЕНБЕРГЪ“

Въ газетѣ и журналѣ принимали и принимаюгь участіе:

Анненковъ-Бернаръ, Н. П.—Антокольскій, М. М.—Вранцевичъ, К. С.—
Вильбасовъ, В. А.—Вилибинъ, В. В.—Бильдерлингъ, А. А.—Борюковичъ, В. В.—
Боборыкинъ, П. Д.—Выстрелинъ, В. М.—Бѣловъ, В. Д.—Василевскій И. Ф.
(Вуква).—Ватсонъ, М. К.—Вейнбергъ, П. И.—Венгеровъ, С. А.—Венгерова,
З. А.—Верещагинъ, В. В.—Веселовская.—Веселовскій, Ю. А.—Глинскій,
В. В.—Головачевъ, А. А.—Гольдштейнъ, М. Ю. (Sardanus).—Градовскій,
Г. К.—Де-Роберти, Е. В.—Далматовъ, В. П.—Исаевъ, А. А. Капнистъ, Ида,
гр.—Кауфманъ, Ил. И.—Карабчевскій, Н. П.—Кулишеръ, М. И.—Красновъ,
Ш. Ю. Кудряшовъ, М. И.—Клюи, Ц. А.—Ламанскій, Е. И.—Ламанскій, С. И.—
Лихачевъ, А. В.—Ломброзо-Чезаре.—Максимовъ, С. В.—Мантегацца Паоло.—
Михневичъ, В. О.—Мордовцевъ, Д. Л.—Недзвіцкій, В. И.—Немировичъ-Дан-
ченко, В. И.—Никитинъ, В. Н.—Никольскій, Д. П.—Оболенскій, Л. Е.—
Оршанскій, И. Г.—Острогорскій, В. П.—Петровъ, М. П.—Песковскій, М. Л.—
Петрушевскій, Ф. Ф.—Пименова, Э. К.—Писаревъ, М. И.—Плющикъ-Плюшев-
скій, Я. А.—Покровская, М. И.—Полонскій, Л. А.—Радковъ, Э. Л.—Радчикъ,
А. А.—Сафоновъ, С. А. (Печоринъ).—Селивановъ, Н. А.—Случевскій, В. К.—
Соловьевъ, Вл. С.—Соловьевъ, Е. А. Скриба.—Сологубъ, Ф.—Спасовичъ, В. Д.—
Стасовъ, В. В.—Стули, Ф. С.—Трачевскій, А. С.—Умановъ-Каллуновскій,
В. В.—Ферреро Гульельмо.—Фирсовъ, Н. Н. (Русланъ).—Фламмарионъ Ка-
миль.—Хвольсонъ, О. Д.—Чуйковъ, В. В.—Чюмина, О. Н.—Энгельгардъ, М. А.

ПОДПИСКА НА „НОВОСТИ“ ВЪ 1898 ГОДУ.

на 1-е (большое) изданіе:

| | На годъ | 11 м. | 10 м. | 9 м. | 8 м. | 7 м. | 6 м. |
|---|---------|-------|-------|---------|-------|-------|-------|
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. |
| Безъ доставки | 14 | 50 | 13 | — | 12 | — | 10 |
| Съ доставкой по городской почтѣ | 16 | — | 15 | — | 13 | 50 | 12 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | 17 | — | 15 | 50 | 14 | 50 | 13 |
| За границу | 26 | 20 | 24 | 50 | 23 | — | 21 |
| | | | | На 5 м. | 4 м. | 3 м. | 2 м. |
| | | | | 6 80 | 5 50 | 4 — | 2 80 |
| Безъ доставки | | | | 7 50 | 5 80 | 4 50 | 3 30 |
| Съ доставкой по городской почтѣ | | | | 8 50 | 7 — | 5 50 | 4 — |
| Съ пересылкой иногороднимъ | | | | 12 — | 10 — | 8 — | 6 — |
| За границу | | | | | | | 3 50 |

на 2-е (малое) издание:

| | На годъ. | 11 м. | 10 м. | 9 м. | 8 м. | 7 м. | 6 м. | |
|---------------------------------|----------|--------|-------|---------|-------|--------|-------|------|
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | |
| Съ доставкой по городской почтѣ | 9 | — 8 50 | 8 | — 7 50 | 7 | — 6 50 | 6 | |
| Съ пересылкой иногороднимъ | 10 | — 9 50 | 9 | — 8 50 | 8 | — 7 | 6 | |
| За границу | 18 | — — | — | — | — | — | 10 | |
| | | | | На 5 м. | 4 м. | 3 м. | 2 м. | 1 м. |
| Съ доставкой по городской почтѣ | | | | 5 | — 4 | — 3 | — 2 | — 1 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | | | | 5 | — 4 | — 3 | — 2 | — 1 |
| За границу | | | | — | — | — 6 | — | — 2 |

**Подписывающіеся на «НОВОСТИ»
вмѣстѣ съ „ПЕТЕРБУРГСКОЮ ЖИЗНЬЮ“**
доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на «Новости» только одинъ рубль.

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается:
для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ, а для дру-
гихъ лицъ—по соглашенію съ конторою.

Деньги и письма адресуются: Петербургъ, въ контору газеты
«Новости» (Б. Морская, № 17). Адресъ для телеграммъ: Петер-
бургъ, «НОВОСТИ».

Подписка на „Новости“ и „Петербургскую Жизнь“ представляетъ ту вы-
году, что подписчикъ за прибавку ОДНОГО рубля къ подписной цѣнѣ газеты
приобрѣтаетъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ, заключающій въ себѣ
обширный беллетристическій, научный и др. матеріалъ и массу художествен-
ныхъ воспроизведеній событій дня. Прибавка ОДНОГО рубля не покрываетъ
даже расходовъ на пересылку журнала, стоющую болѣе рубля, и, такимъ
образомъ, подписчикъ получаетъ журналъ даромъ при нѣкоторой приплатѣ со
стороны редакціи къ стоимости пересылки.

**УСЛОВІЯ ОТДѢЛЬНОЙ ПОДПИСКИ НА ИЛЛЮ-
СТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ**

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

1898 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА: безъ доставки и пересылки: на 1 годъ—
5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 руб. 75 к. Съ доставкой и пересылкой:
на 1 годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р.

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

При конторѣ газеты „НОВОСТИ“ существуетъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

услугами котораго подписчики «НОВОСТЕЙ» пользуются
на льготныхъ условіяхъ.

Отвѣтственный редакторъ-издатель **О. К. НОТОВИЧЪ.**

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

4613

Издаваемый А. Е. Ландау.

Декабрь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.

1897.

РОЗА МАЙГОЛЬДЪ.

РОМАНЪ.

Окончаніе.

—
XXII ¹.

Г-жа Беймъ осталась очень довольна своей дальновидной политикой. Она, конечно, не сомнѣвалась въ томъ, что Роза дастъ свое согласіе на бракъ съ ея сыномъ, и до вчерашняго дня по разнымъ соображеніямъ сама оттягивала подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ окончательное рѣшеніе вопроса о помолвкѣ. Но вчерашнія событія заставили ее перемѣнить тактику. Обмороки Зоси ее серьезно испугали. Она знала настойчивый характеръ своей младшей дочери и считала неудобнымъ идти ей наперекоръ. Къ тому же она сама втайнѣ сочувствовала Зосѣ и считала ея тайныя мечты далеко не такими глупыми и даже преступными, какъ ихъ назвала Генриетта. Понятно, еслибъ Бланкъ былъ простымъ адвокатомъ, или врачомъ, или даже банкиромъ, но не знаменитымъ профессоромъ, то она сдумѣла бы заставить Зосю бросить свои глупости. Но теперь совсѣмъ другое дѣло и было бы совсѣмъ глупо отказать дочери въ такомъ блестящемъ будущемъ, да еще изъ за чего. Сперва, конечно, нужно женить сына, потомъ заставить Мувкина сдѣлать предложеніе Генриеттѣ, а ужъ Зося сама найдетъ свое счастье. Во всякомъ случаѣ она ей препятствовать не будетъ. И гордая своей дальновидностью и отсутствіемъ всякихъ предразсудковъ, г-жа Беймъ направилась на половину, занимаемую ея дочерьми. Генриетта еще спала. Она вообще вставала очень поздно и долго не выходила изъ своей

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

комнаты. Зося была уже на ногахъ, и доканчивала свой утренній туалетъ... Несмотря на то, что она провела плохо ночь и даже немного всплакнула, она была очень хороша, и г-жа Беймъ залюбовалась ею.

— Ты что сегодня такъ рано поднялась? — спросила она, оглядывая ее своимъ заботливымъ материнскимъ окомъ.

— Какъ всегда, мама,—отвѣтила Зося.

— А съ Генриеттой ты помирилась?

— Никогда я съ ней не помирюсь...

— Ну, ты уже черезъ чуръ далеко заходишь, Зося... Генриетта ничего такого тебѣ не сдѣлала. Къ тому же, говоря между нами, она права.

— Генриетта права!—воскликнула Зося и большіе голубые глаза ея заискрились негодованіемъ.—Да ей то что... Я думаю, еслибъ этотъ самый Бланкъ, противъ котораго она мечетъ громы и молніи, хоть однимъ пальцемъ ее поманилъ, она бы съ радостью забыла...

— Перестань,—властно проговорила г-жа Беймъ.—Съ тобой говорятъ, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, а ты глупости говоришь. Генриетта ни въ комъ не нуждается. Да еслибъ этотъ господинъ сдѣлалъ бы кому нибудь изъ васъ формальное предложеніе, то и тогда бы онъ получилъ отказъ...

Зося испуганно взглянула на мать.

— Но почему же?

— Будто ты и сама не знаешь почему. Пожалуйста, не разыгрывай маленькой. Терпѣть этого не могу.

Зося надулась и не отвѣчала. Г-жа Беймъ тоже приняла строгій видъ. Наконецъ, ей жаль стало дочери, и она мягче проговорила:—Почему ты не отвѣчаешь?

-- Вы меня ни о чемъ не спрашиваете.

Г-жа Беймъ смутилась.—Скажи пожалуйста, что тебѣ такъ дался этотъ ученый?

Зося вся зардѣлась отъ неожиданнаго вопроса. — Не понимаю, что вы хотите сказать,—тихо и нервнѣтельно проговорила она.

— Отлично понимаешь и знаешь, что я тебя понимаю. Или ты меня считаешь за такую простушку... Славу Богу, за дуру меня никто не считалъ. Да и ума то много не нужно,

чтобы угадать, что творится въ такомъ глупомъ сердечкѣ, какъ твое...

— Но я право же васъ не понимаю,—лепетала Зося.

— Ну, хорошо, толкуй себѣ свое. Я ничего не хочу у тебя выпытывать. Только объяснимся съ тобой, какъ умные люди... Ты знаешь, что я свободна отъ всякихъ предразсудковъ; затѣмъ, я также не желаю стѣснять твоей свободы... Если тебѣ Бланкъ нравится и ты увѣрена въ томъ, что и ты ему нравишься, то я препятствовать не стану. А если я согласна, — прибавила она гордо, — то и папа, конечно, согласится... А теперь молчокъ... Генриетта идетъ.

Дѣйствительно въ комнату вошла Генриетта, въ изящномъ утреннемъ платьѣ, свѣжая и прекрасная какъ всегда. Она бросила презрительный взглядъ на Зосю и подошла къ матери.

— Что же ты съ сестрой не здороваешься? — укоризненно сказала г-жа Беймъ.

— Какъ будто я обязана со всякой здороваться...

— Не со всякой, а съ сестрой!... Помиритесь.

— Ни за что въ мирѣ, — гордо проговорила Генриетта.

— Но это глупо.

— Но за то честно...

— Ты меня возмущаешь своей глупостью, Генриетта, — съ раздраженіемъ въ голосѣ сказала г-жа Беймъ:—заладила одно и повторяетъ это какъ попугай. Скажи, пожалуйста, — всѣ мы воры, мошенники, что ты намъ напоминаешь о честности...

— Не одни только воры безчестны...

— Кто же еще?

— И тѣ, кто укрываетъ воровъ и даетъ у себя приютъ.

Г-жа Беймъ громко расхохоталась.—Ну, миленькая, тебѣ бы за нашего раввина выйти, кстати онъ овдовѣлъ.

Генриетта поблѣднѣла вся и углы ея красивыхъ губъ задрожали, что всегда съ нею случалось, когда ее охватывалъ гнѣвъ. Но она подавила въ себѣ вспышку и съ сарказмомъ сказала:

— Всякій хорошій совѣтъ я съ благодарностью принимаю.

— Ну такъ прими материнскій совѣтъ и не вмѣшивайся не въ свои дѣла.

Генриетта бросила негодующій взглядъ на мать и, не ска-

завъ ни слова, вышла изъ комнаты. Зося торжествовала. Она хотѣла броситься на шею матери и расцѣловать ее. Но г-жа Беймъ была серьезно взволнована разговоромъ съ Генриеттой и имѣла такой сердитый видъ, что даже вошедшій въ эту минуту молодой Беймъ не на шутку перетрусилъ. Онъ взглянулъ вопросительно на Зосю, но та сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его взгляда. Это его еще больше заинтриговало, и онъ, наконецъ, нерѣшительно подошелъ къ матери.—Что такое произошло?—спросилъ онъ, цѣлуя у матери руку.

— А то, что Генриетта дерзкая дѣвчонка, — все еще волнуясь, сказала г-жа Беймъ. И обратившись къ сыну, продолжала: — Но и ты хорошъ. Я думала, что ты давно уже въ конторѣ. Твой отецъ встаетъ съ зарей, а ты спишь до полудня. Воображаю, что тамъ у васъ въ конторѣ дѣлается.

— Все въ исправности, мамочка, — хоть сейчасъ приди и обревизуй насъ,—уже веселѣе проговорилъ Беймъ.—А что касается того, что я сегодня всталъ такъ поздно, такъ во первыхъ сегодня воскресенье, а во вторыхъ,—и онъ при этомъ вздохнулъ,—никому не желаю проводить такъ ночи, какъ я.

Г-жа Беймъ тревожно заглянула въ глаза своему любимцу. Ей, дѣйствительно, показалось, что онъ поблѣднѣлъ, что глаза его не такіе ясные какъ всегда.—Ты плохо спалъ эту ночь?

— И не эту только...

— Но что съ тобой?

Молодой Беймъ еще разъ вздохнулъ.

— Впрочемъ не стоитъ объ этомъ говорить, — сказалъ онъ грустно.—А мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, пора въ контору.

Г-жа Беймъ нѣсколько минутъ смотрѣла на него съ участіемъ, какъ бы раздѣляя его тайное горе. Потомъ сказала:— Хорошо, поѣзжай и скажи отцу, что я потомъ буду въ конторѣ. А ты по дорогѣ не забудешь ли къ Бланку?

— Къ Бланку? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? У него такое горе, нужно же выразить ему соболѣзнованіе; кажется, ты человѣкъ воспитанный.

— Это правда. Но приметь ли онъ меня? Профессоръ!...

— Что за глупости!...

— И передать отъ тебя поклонъ, Зося?

— Адольфъ! — остановила его мать.

— Слушаюсь, — сказала Беймъ и бросилъ насмѣшливый взглядъ на Зосю, которая въ другое время счумѣла бы отвѣтить на дерзость брата, но въ данную минуту сочла болѣе удобнымъ для себя не обращать вниманія на всѣ эти булавочные уколы. Въ свое время она имъ покажетъ себя.

XXIII.

Роза всю ночь провела у постели больной Цяпы и только къ утру ушла къ себѣ. Г-жа Майгольдъ была очень недовольна поведеніемъ Розы, но должна была молчать, боясь оскорбить Бланка, съ которымъ она, впрочемъ, ни разу еще не заговорила съ момента катастрофы. Бланкъ не отходилъ отъ матери, надѣясь уловить хоть одинъ осмысленный взглядъ, хоть одинъ звукъ, обращенный къ нему. Но состояніе больной не измѣнялось, хотя и не внушало по словамъ врача непосредственныхъ опасеній. — Роза съ нимъ мало говорила, и вообще они обмѣнивались отрывочными фразами и то лишь по поводу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ глубинѣ души Бланкъ былъ благодаренъ Розѣ, что она избѣгала говорить о катастрофѣ. Ему было и такъ тяжело, и мрачныя мысли не оставляли его. Единственное утѣшеніе онъ видѣлъ въ томъ участіи, какое Роза принимала въ постигшемъ его горѣ, и его благодарный взглядъ не разъ останавливался на поблѣднѣвшемъ лицѣ молодой дѣвушки, дышавшемъ неземной кротостью. Только разъ онъ замѣтилъ легкое недовольство на ея лицѣ, когда онъ вздумалъ уговаривать ее идти спать.

— Я все равно не усну, — сказала она.

— Но мнѣ такъ больно видѣть, какъ вы утомляетесь. Мнѣ кажется, будто я совершилъ преступленіе, а вы за меня несете наказаніе.

Роза съ укоромъ посмотрѣла на него. — Будемъ лучше смотрѣть на вещи проще, — сказала она, и чтобы смягчить свои слова, прибавила: — Вы же сами учили меня этому.

— Можетъ быть я ошибался, — глухо проговорилъ Бланкъ. — Во всякомъ случаѣ и мнѣ есть чему учиться у васъ...

Розу смѣнила m-elle l'ro, очень довольная, что ей позволили дежурить въ комнатѣ больной. Она втайнѣ обожала Бланка и была счастлива, что можетъ чѣмъ нибудь доказать ему свою

преданность. Она оказалась не только отличной сидѣлкой, но и умной собесѣдницей, и насколько возможно было, отвлекла Бланку от мрачныхъ мыслей, которыя неотступно его преслѣдовали. Бланку казалось смѣшнымъ его вчерашнее рѣшеніе уѣхать.. Какъ все складывалось странно.. Хотя его личный міръ съ его чувствами и тревоженіями отодвинулся теперь на задній планъ, тѣмъ не менѣе испытанное имъ вчера во время встрѣчи съ Ровой минутами прорывалось наружу и усиливало еще болѣе его глухія страданія. Онъ теперь словно потерялъ нить жизни и не зналъ къ чему стремиться, чего желать. Такъ некстати помѣщенная замѣтка въ газетѣ его всего болѣе раздражала. Онъ самъ не зналъ о своемъ назначеніи, которое состоялось гораздо ранѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Какая игра случайностей!.. Теперь онъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать отсюда, останется здѣсь и будетъ видѣться каждый день съ Ровой, разговаривать съ ней, быть можетъ проводить цѣлыя часы, какъ сегодня, у постели больной. Хватитъ ли у него силы выдержать весь этотъ искусь. Не есть ли это уже само по себѣ тяжелое наказаніе. Онъ намѣревался бѣжать отсюда, чтобы избавить себя и другихъ отъ неминуемыхъ страданій, но эти страданія опередили его, загородили ему дорогу и заставили его смириться,

Бланку приготовили сосѣднюю комнату, и по просьбѣ Ровы онъ пошелъ туда, чтобы отдохнуть послѣ бессонной ночи. Но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ и онъ, вмѣсто того, чтобы отдохнуть, присѣлъ къ столу и сталъ писать нужныя письма. Вчера онъ расослалъ много дѣловыхъ писемъ съ извѣщеніемъ о своемъ отъѣздѣ. Необходимо было послать контръ-извѣщеніе и объявить, что онъ доведетъ свою научную миссію до конца. Онъ на это рѣшился теперь безъ всякихъ колебаній. Нѣсколько часовъ работы освѣжили его лучше самаго крѣпкаго сна. Онъ уже не смотрѣлъ такъ безнадежно на все окружающее и мысль о рокѣ, которая вчера его такъ преслѣдовала, казалась ему теперь смѣшной. Все придетъ въ свою норму, такъ какъ все, даже малѣйшія случайности жизни подчиняются опредѣленнымъ законамъ, часто для насъ непонятнымъ, но во всякомъ случаѣ строго логичнымъ. Когда, окончивъ работу, онъ вышелъ на веранду, Роза была уже тамъ. Она привѣтливо встрѣ-

тила его и обрадовала извѣстіемъ, что больной лучше, но что докторъ ни въ какомъ случаѣ не велѣлъ впускать къ ней никого, боясь новаго потрясенія.

— И новой для меня пытки,—грустно проговорилъ Бланкъ.

— Будьте мужественны... Я привыкла васъ считать сильнымъ.

— Всему есть граница. Вчера, напримѣръ, во время нашего разговора я чувствовалъ въ себѣ именно ту силу, о которой вы говорите. Но сегодня увѣренность меня оставила, и я не знаю, не будетъ ли завтра еще хуже.

— Зачѣмъ загадывать,—сказала Роза.—Я увѣрена, что все будетъ хорошо.

Бланкъ бросилъ на нее пытливый взглядъ и на ея блѣдномъ лицѣ и въ грустномъ взорѣ онъ прочелъ совсѣмъ другое, и отъ этого открытія содрогнулось его сердце.

— Отчего вы со мной такъ мало откровенны, Роза?—сказалъ онъ тихо.— Неужели я вамъ внушаю такъ мало довѣрія? Вы и вчера могли убѣдиться, что не только ваше слово, ваше желаніе, но даже намекъ, который еще таится въ глубинѣ вашей души, для меня законъ... Я все готовъ исполнить и все исполню, чего бы это мнѣ ни стоило. Мнѣ только хотѣлось бы, чтобы вы были счастливы, чтобы въ вашихъ глазахъ не было той затаенной печали, которая мнѣ ложится тяжелымъ камнемъ на сердце. Вчера я вамъ этого не говорилъ и можетъ быть никогда бы не сказалъ. Но вы видите, что все складывается не такъ, какъ мы съ вами рассчитали. Я бы хотѣлъ, чтобы между нами не было недомолвокъ. Я все сказалъ вамъ, я не утаилъ ни одного штриха, все вамъ извѣстно... Но я не знаю, что вы думаете обо мнѣ... Это не простое любопытство съ моей стороны, это потребность, которой я не въ силахъ побороть, это крики души, жаждущей покоя.

Бланкъ былъ замѣтно взволнованъ и въ голосѣ его слышались глубокія скорбныя ноты. Его серьезные глаза смотрѣли на Розу и ждали отвѣта. Но Роза медлила отвѣтомъ. Она не ждала этого обращенія, этого полу-требованія, полу-мольбы. Она не была подготовлена къ такому отвѣту, и сколько она раньше ни думала о своихъ отношеніяхъ къ Бланку, о той жоренной разницѣ во взглядахъ, во всемъ ихъ міросозерцаніи,

она все таки не могла ясно себѣ представить, въ чемъ состоитъ эта разнища, гдѣ та грань, которая раздѣляетъ ихъ внутренній міръ, кладетъ отпечатокъ на ея духъ, на ея мысли и тѣмъ самымъ ограждаетъ ее отъ него... Формально онъ правъ. Его пониманіе жизни, ея задачъ, его исканіе идеала, его формула истины, все это такъ ясно, опредѣленно, строго обосновано, что всякій, не колеблясь, станетъ на его сторону, сдѣлается его послѣдователемъ, поступитъ такъ же, какъ и онъ... Но въ чемъ же разладъ? Гдѣ то внутреннее противорѣчіе, которое она скорѣе чувствуетъ, чѣмъ понимаетъ, и которое сразу образовало между ними такую непроходимую пропасть... И зачѣмъ онъ предъявляетъ къ ней такія требованія?... Онъ страдаетъ... Но развѣ она не страдаетъ? Развѣ ей эта борьба не стоитъ крови? Развѣ каждый шагъ, который она отвоевываетъ, не опрошется ея слезами? Онъ нашелъ смыслъ жизни и теперь онъ тянетъ ее къ себѣ невидимыми нитями, хочетъ силой своего духа заставить ее узрѣть этотъ смыслъ.

— Да, да, силой духа, — повторила она громко, какъ бы подчиняясь внутреннему импульсу. — Но во мнѣ говоритъ инстинктъ, чутье, то чутье, которое даетъ возможность слѣпымъ различать свѣтъ отъ тьмы, дѣтямъ—добрыхъ отъ злыхъ. И я болѣе чувствую, чѣмъ сознаю...

— Но что же, что же? — вырвалось у Бланка. Онъ схватилъ руку Розы и въ первый разъ за все ихъ знакомство крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ. — Ради всего святого для васъ, скажите мнѣ, откройте мнѣ глаза, объясните мнѣ, гдѣ та пропасть, не формальная, а внутренняя, которая насъ разъединяетъ? Отыскивая смыслъ жизни, пробираясь по тернистому пути къ тому идеалу, который я считаю наиболѣе совершеннымъ, я пренебрегала шаблонными истинами, условной моралью, рвалъ и уничтожалъ жестокое наслѣдіе, доставшееся мнѣ отъ цѣлаго ряда предковъ, мнѣ чуждыхъ, по духу, по стремленіямъ. Но я все это дѣлалъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, въ полной и абсолютной увѣренности, что такъ, а не иначе нужно поступать, чтобы освободить себя и свой духъ отъ наслоненій вѣковъ...

— И принять наслѣдіе не менѣе жестокое, наслѣдіе, сокровища котораго накопились столь же неизвѣстными и чуж-

дыми вамъ предками.—Роза высвободила свою руку и смотрѣла на Бланка своими блестящими вдохновенными глазами, въ которыхъ теперь не было слѣда прежнихъ колебаній и сомнѣній. Да, она теперь открыла, что такъ тщетно до сихъ поръ искала, она нашла ту формулу, которая такъ ей не давалась. И онъ самъ далъ ей нить въ руки, онъ самъ открылъ ей глаза... Отказавшись отъ одного наслѣдія, онъ не долженъ былъ принимать другого... Вѣдь оба наслѣдія одинаково для него тягостны, одинаково для него обременительны... Что же онъ сдѣлалъ? Зачѣмъ освободившись отъ однихъ узъ, онъ одѣлъ на себя другія. Свободный духъ, ищущій истиннаго смысла жизни, одинаково не терпитъ узъ, изъ какого бы матеріала онѣ ни были сдѣланы.

— Но вѣдь это одна условность. — воскликнулъ глубоко взволнованный Бланкъ. — Мой духъ свободенъ...

— Только не отъ узъ, которыя вы сами на себя добровольно наложили.

— Что же я долженъ былъ дѣлать?

— Остаться свободнымъ до конца. Тогда смыслъ жизни былъ бы найденъ.

— Это жестоко, Роза, — вырвалось у Бланка. Но Роза не отвѣчала. Она отвернулась отъ Бланка, чтобы не видѣть выраженія его блѣднаго лица, которое острой болью отдавалось въ ея сердцѣ. Она употребляла всю силу своей воли, чтобы оставаться спокойной, не выдавать своихъ душевныхъ страданій. Она чувствовала, что ей стоитъ только обернуться, поднять глаза на Бланка, — и вся ея борьба пропала, всѣ ея страданія вырвутся наружу, подобно могучему потоку... Еще одно усиліе, еще одно напряженіе воли и она будетъ спасена отъ вѣчнаго угрызения совѣсти, спасеть и его. Мигъ счастья! Она пожертвуетъ имъ ради свободы духа, который вѣченъ и всеобъемлющъ.

— Роза! — слышался умоляющій голосъ Бланка. Роза стиснула свои пальцы до боли. Спазмы душили ее, передъ глазами носились огненные круги, а въ ушахъ звучалъ глухой призывъ Бланка... Еще мгновеніе, и послѣднія силы ее оставили... Неужели никто не придетъ ей на помощь?... Она собрала послѣдній остатокъ своихъ силъ и подняла глаза на

Бланка, глаза полные мольбы и отчаянія. Въ это мгновеніе раздался знакомый топотъ дѣтскихъ ногъ и на веранду выбѣжали Клара и мальчики, сопровождаемые гувернанткой. Роза бросилась имъ на встрѣчу.

XXIV.

Бланкъ вернулся домой совершенно разбитый и нравственно и физически. Хотя г-жа Майгольдъ, которая уже успѣла съ нимъ помириться, и настаивала, чтобы онъ остался у нихъ, но онъ предпочелъ свой номеръ, тѣмъ болѣе, что состояніе матери позволяло ему удалиться на нѣсколько часовъ. Событія послѣднихъ дней и въ особенности сегодняшнее объясненіе съ Розой совершенно подорвали его силы. Еще утромъ онъ чувствовалъ новый приливъ энергіи и надѣялся побороть такъ неблагоприятно сложившіяся для него обстоятельства. Но поведеніе Розы обескуражило его. Онъ ни на минуту не переставалъ думать объ этой загадочной дѣвушкѣ, которая каждый разъ являлась передъ нимъ въ новомъ освѣщеніи. То онъ видѣлъ ее нѣжной и ласковой, способной на жертвы, то черствой, холодной... Сама красота Розы, классически строгая, съ глубокимъ взглядомъ черныхъ глазъ, то вдумчиво спокойныхъ, то тревожно блестящихъ, была необыкновенна и поражала и въ то же время притягивала той невѣдомой силой, которая скрывалась подъ этой блестящей внѣшностью. Съ первой же встрѣчи съ Розой, Бланкъ почувствовалъ эту силу и подчинился ей, самъ того не сознавая. Теперь уже было поздно боротся. Онъ былъ побѣжденъ и ему оставалось только покориться или найти почетное отступленіе. Его любовь къ Розѣ была стихійная. До сегодняшняго дня, т. е. до тѣхъ поръ, пока онъ вѣрилъ въ свое превосходство надъ ней, эта любовь была до извѣстной степени въ его власти и, собираясь увѣжать, онъ былъ увѣжденъ, что все пройдетъ, и сердечная рана его современемъ исцѣлится. Но сегодня совершилось нѣчто особенное. Сама того можетъ быть не сознавая, Роза нанесла ему смертельную рану... Она разрушила ту крѣпость, въ которой онъ увѣренно засѣлъ, она разбила его кумиръ, и въ его сердцѣ отнынѣ осталась пустота. Бланкъ до сихъ поръ не былъ увѣренъ, любить ли его Роза или нѣтъ. Онъ имѣлъ

дѣло со сфинксомъ, котораго не могъ разгадать. Онъ бы хотѣлъ остаться при сознаниі, что она его не любитъ, тогда бы ему легче было перенести разочарованіе. Но мысль, что она его любитъ и отстраняетъ только потому, что онъ въ ея глазахъ потерялъ прежній престижъ, что она привнала негодной ту формулу, которую онъ создалъ и которой онъ такъ гордился, доводила его до отчаянія. Въ немъ заговорила гордость мужчины, увѣренность ученаго. Онъ старался подавить жгучесть испытываемыхъ имъ чувствъ сознаниемъ своей правоты, искренностью своихъ увѣжденій, разумностью своихъ поступковъ. Но въ этой отчаянной работѣ мысли, въ этой борьбѣ его собственнаго мозга съ сердцемъ не доставало того священнаго огня, который всему придавалъ силу и жизнь. У него внутри что то оборвалось, точно онъ потерялъ вкусъ къ жизни, здоровое ощущеніе бытія. Въ какихъ нибудь нѣсколько часовъ онъ измѣнился до того, что самъ себя не узнавалъ. Подойдя къ столу, онъ нашелъ тамъ карточку и письмо. Онъ машинально прочелъ «Адольфъ Беймъ», и ниже: «выражаетъ многоуважаемому профессору свое глубокое соболѣзнованіе».

Бланкъ бросилъ карточку обратно на столъ и затѣмъ также машинально вскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда раздушенный листокъ почтовой бумаги, на которомъ было написано слѣдующее: «Многоуважаемый профессоръ! Я была поражена извѣстіемъ о постигшемъ васъ несчастіи. Все случилось такъ неожиданно, обстоятельства сложились такъ необычайно, что я до сихъ поръ еще не пришла въ себя. Первымъ моимъ движеніемъ было явиться къ вамъ и выразить вамъ мое сочувствіе, доказать вамъ, что не всѣ васъ порицаютъ, что есть люди, которые понимаютъ васъ. Но я не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ и рѣшила поэтому вамъ написать. Примите мои слова какъ истинное выраженіе моего душевнаго настроенія. Вашъ другъ Зося Беймъ».

Бланкъ нѣсколько разъ прочелъ это коротенькое письмо, прежде чѣмъ онъ понялъ смыслъ написаннаго. Это письмо было для него такой неожиданностью, что онъ не сразу повѣрилъ, что это могла написать Зося Беймъ, эта голубоглазая красавица, шаловливому заигрыванью которой онъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія. Но чѣмъ больше онъ

вчитывался въ письмо, тѣмъ болѣе онъ находилъ его содержательнымъ и тѣмъ болѣе эти наивныя строки успокаивали его изстрадавшуюся душу. Отъ Розы онъ уполъ истерзанный и раббитый, она поступила съ нимъ жестоко, она отпустила его, не сказавъ ему ни одного слова утѣшенія, не подаривъ ему ни одного ласковаго взгляда. Она видѣла его страданія и съ суровостью богини отвернулась отъ него. И тѣмъ пріятнѣе было Бланку убѣдиться, что есть сердце, которое сочувственно откликнулось на его вопль, откликнулось просто, естественно, безъ аффектаціи, безъ признаковъ рисовки. Бланкъ былъ тронуть до слезъ и съ увлеченіемъ юноши, получившаго первое любовное посланіе, поднесъ къ губамъ атласный листокъ, жадно вдыхая его тонкій аромат. Совсѣмъ не разсуждая и всецѣло отдавшись обаянію только что испытаннаго имъ душевнаго наслажденія, Бланкъ подошелъ къ столу и сталъ писать отвѣтъ. Это была потребность, которой онъ не могъ противиться, это была благодарность за то цѣлительное лѣкарство, которое онъ получилъ изъ рукъ невидимаго ангела, это былъ, наконецъ, актъ вѣжливости, который ему во всякомъ случаѣ необходимо было выполнить. Самое лучшее, конечно, было бы ему самому отправиться къ Беймамъ и лично выразить Зосѣ свою благодарность и свой восторгъ. Но Бланкъ на это не рѣшался, не зная, какъ отнесутся къ этому ея родные, хотя съ другой стороны, карточка Адольфа доказывала, что вообще семья Беймовъ къ нему относится не враждебно. «Ваше милое и сердечное письмо, писалъ Бланкъ, было мной прочитано съ благоговѣніемъ. Оно было получено мной въ такой моментъ, когда я болѣе всего нуждался въ утѣшеніи и нравственной поддержкѣ, которой, признаться, я ни откуда не ожидалъ... Можетъ быть тѣ, которые видятъ во мнѣ отщепенца, отступника отъ религіозныхъ и племенныхъ традицій, и правы, относясь ко мнѣ враждебно; но и я правъ. Я задыхался въ душной атмосферѣ, въ которой волею судебъ мнѣ суждено было прозябать. Я рано сталъ сознавать всю ненормальность сложившихся вокругъ меня условій. Окружающая жизнь съ ея условнымъ кодексомъ морали, условной истиной, условной добродѣтелью, даже условной гуманностью выработала изъ меня ни во что не вѣрующаго скептика. Можетъ быть я бы

такимъ остался навсегда и умножилъ бы собой тотъ многочисленный классъ людей, которые съ улыбкой сатира пробѣгаютъ свой жизненный путь, срывая на пути все, что кажется имъ болѣе пріятнымъ и не заботясь о томъ, что въ то же время они наносятъ вредъ своему ближнему. Но во мнѣ таилась искра, которая при благопріятныхъ условіяхъ вспыхнула пламенемъ и сразу освѣтила мнѣ мой же внутренній міръ. Съ тѣхъ поръ жребій мой былъ брошенъ, и я выбралъ кратчайшій путь къ намѣченной цѣли. Меня за это осуждаютъ, мнѣ указываютъ Ахилесову пяту въ созданномъ мною же идеалѣ. Можетъ быть она и есть. Но создавая его, я не думалъ о слабыхъ его сторонахъ, мнѣ необходимъ былъ воздухъ, свѣтъ и свобода, я жаждалъ истины и знанія, я стремился къ борьбѣ съ отжившими формами. Можетъ быть я выбралъ для борьбы не подходящее оружіе. Но я не титанъ, я не въ состояніи метать гигантскія скалы. Я взялъ тотъ мечъ, который выковало наше время. Вотъ что я сдѣлалъ и вотъ въ чемъ я виновенъ. И несмотря на мою вину, вы все-таки явились ко мнѣ съ утѣшеніемъ. О, я этого никогда не забуду, не забуду того цѣлительнаго дѣйствія, какое произвели на мое истерзанное сердце ваши простыя, безыскусственные слова».

Обращаясь къ Зосѣ, Бланкъ, однако, по странной ассоціаціи идей и чувствъ думалъ о Розѣ. Не Зося, съ ея веселымъ смѣющимся лицомъ, бѣлокурыми локонами и голубыми нѣсколько насмѣшливыми глазами, носилась въ его воображеніи, а строго классическій образъ Розы съ его грустной улыбкой и задумчивыми взглядами. Этотъ безсознательный психическій процессъ, котораго Бланкъ никакими силами не могъ подчинить своей волѣ, огорчалъ его, и онъ испытывалъ виноватое чувство передъ той дѣвушкой, которая въ такой трогательной формѣ высказала ему свое сочувствіе. Его также не удовлетворила форма письма. Совсѣмъ не то онъ хотѣлъ сказать Зосѣ, этой милой насмѣшницѣ, которая такъ часто подтрунивала надъ его ученостью. Но предъ его духовными глазами стояла Роза и ей онъ изливалъ свою душу, ей онъ доказывалъ свою правоту, предъ ней онъ раскрывалъ свои сердечныя раны, а она...

Бланкъ наскоро запечаталъ письмо и сдалъ его разсылному, а самъ поспѣшилъ на улицу. Сначала онъ шелъ безъ опредѣ-

левной цѣли, но мало-по-малу онъ свернулъ на хорошо знакомую дорогу и еще черезъ нѣкоторое время передъ нимъ вдали уже вырисовывался красивый фасадъ дома Майгольдовъ. Ему самому стало совѣстно своей слабости, которую онъ вначалѣ старался замаскировать желаніемъ увидѣть мать. Но врожденное чувство справедливости заставило его сознаться самому себѣ, что онъ жаждетъ еще разъ увидѣть Розу, еще разъ поговорить съ ней, сказать ей то, что онъ написалъ въ письмѣ къ Зосѣ. Теперь, когда первое сильное впечатлѣніе прошло, ему показался даже немного необдуманнѣмъ его поступокъ. Но онъ однако не жалѣлъ о немъ и только втайнѣ желалъ, чтобы письмо его было истолковано въ истинномъ смыслѣ. Подойдя къ подъѣзду, онъ увидѣлъ, что тамъ стоитъ знакомый ему экипажъ Бейма. Не желая встрѣтиться въ настоящую минуту съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ этой семьи, Бланкъ прошелъ черезъ ворота и чрезъ заднее крыльцо вошелъ прямо въ корридоръ, гдѣ находилась комната его матери. Къ счастью, онъ никого не встрѣтилъ въ корридорѣ и беспрепятственно прошелъ къ послѣдней. Ципѣ было лучше и она могла, хотя съ трудомъ, говорить. Бланкъ боялся, что она заговоритъ съ нимъ о его крещеніи и снова взволнуется. Но Ципа, очевидно, еще плохо соображала и только глаза ея, полныя выраженія безпредѣльной любви къ сыну, свидѣтельствовали о томъ, что къ ней вернулось сознание. Бланкъ приблизился къ ней и взялъ ея морщинистую руку, рыхлую и желтую какъ у мертвеца. У него сердце надрывалось при видѣ этой страдальицы, сдѣлавшейся жертвой любви и разбитыхъ надеждъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ ней и охотно бы вернулся къ прежнему состоянію, еслибы это было возможно и еслибы этимъ онъ могъ вернуть ей покой и счастье. Тягостнѣе всего было для Бланка сознание, что мать не понимаетъ и никогда не пойметъ его, никогда не въ состояніи будетъ разобраться въ тѣхъ мотивахъ, которые побудили его поступить такъ, а не иначе. Въ ея глазахъ онъ навсегда останется вѣроотступникомъ, который измѣнилъ исконнымъ и неизблѣмымъ идеаламъ своихъ предковъ, своего народа. И что онъ можетъ сказать ей въ свое оправданіе, когда они говорятъ на разныхъ языкахъ, когда ихъ понятія, вкусы, стремленія и духовныя потребности такъ расхо-

дятся. Но онъ не можетъ и ее винить въ томъ, что она такъ крѣпко держится своихъ идеаловъ. Они оба правы, оба виноваты. Онъ нагнулся къ матери и поцѣловалъ ее. По осунувшему лицу Ципы пробѣжала радостная улыбка. Этотъ знакъ вниманія со стороны сына былъ, очевидно, ей приятенъ, и она пыталась что-то сказать. Но Бланкъ запретилъ ей говорить и вмѣсто словъ осыпалъ ее ласками. Ципа успокоилась и нѣжными глазами смотрѣла на сына. Такъ они молча провели нѣсколько счастливыхъ минутъ, забывъ о своихъ душевныхъ тревогахъ, далекіе отъ тревожной жизни, испытывая лишь невидимую и темную связь кровнаго родства. Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вбѣжала Клара съ раскраснѣвшимся личикомъ и горящими возбужденными глазами.

— Ципа, Ципа!—крикнула она своимъ серебристымъ голоскомъ, но замѣтивъ Бланка, она смутилась и еще больше покраснѣла. Потомъ бросилась къ нему и схватила его за руку.

— Отчего вы не идете поздравлять Розу? Всѣ ее поздравляютъ. Впрочемъ, я знаю... Лучше не поздравляйте ее. Зачѣмъ... она злая. Я всегда говорила, что она злая... что вы лучше... Не любите ее.. Послѣднія слова Клары произнесла шепотомъ и въ ея дѣтскихъ глазахъ показались слезы.

XXV.

И на Розу послѣднее объясненіе подѣйствовало крайне тяжело. Ей пришлось выдержать такую страшную внутреннюю борьбу, до того наперечъ свои силы, что когда она очутилась въ своей комнатѣ, нервы не выдержали и изъ ея истомленной груди вырвались глухія судорожныя рыданія. Это облегчило ее немного, и она въ состояніи была обдумать свое положеніе. Побѣда досталась ей дорогой цѣной. Она сама не знала, что ей такъ трудно будетъ бороться съ охватившимъ ее чувствомъ, трудно будетъ удержать развѣ занятую ею позицію. Какъ полководецъ, провѣряющій послѣ кровопролитнаго сраженія количество уцѣлѣвшихъ воиновъ, такъ и она подводила итоги тому, что у нея уцѣлѣло въ этой неравной и глухой борьбѣ. У нея былъ сильный, вооруженный съ головы до ногъ противникъ. Въ пылу борьбы онъ не думалъ ее щадить и слово «жестоко», брошенное ей Бланкомъ, до сихъ поръ отдавалось въ

ея ухахъ на подобіе глухого раската пушечнаго выстрѣла. Она, дѣйствительно, жестоко поступила съ нимъ. Но развѣ она эту жестокость не искупила цѣной еще болѣе жестокихъ страданій, развѣ ея душа не рвалась къ нему въ то время, когда она бросала ему суровый упрекъ? Но теперь все кончено между ними, недоумѣнія выяснены и каждый изъ нихъ пойдетъ своей дорогой.

Роза откинулась на спинку дивана и закрыла глаза руками. Яркій полуденный свѣтъ, пробивавшійся сквозь спущенныя маркизы, раздражалъ ее. Въ эту минуту она чувствовала потребность въ абсолютномъ покоѣ. Она пробовала ни о чемъ не думать, уснуть, забыться и проснуться свободной отъ всего, что ее такъ гнететъ.

На нѣсколько мгновеній ей это удалось, какъ удастся тяжелымъ больнымъ мгновеніями освободиться отъ гнета смертельнаго недуга и считать себя возрожденными къ жизни. Но потомъ снова наступило пробужденіе и мысль снова стала работать еще съ большей интенсивностью, чѣмъ прежде. Роза пробовала опять вернуться къ своей побѣдѣ. Но и побѣда на этотъ разъ показалась ей эфемерной. Въ чемъ состоитъ эта побѣда? Она только осталась при своемъ, какъ упрямое дитя. Откуда у нея взялась такая увѣренность въ собственной правотѣ? Да и въ чемъ они собственно расходятся? Развѣ она, какъ и онъ, не свободна отъ мистическихъ воззрѣній, отъ вѣковыхъ предразсудковъ? Развѣ ея идеаль не тотъ же, что и его? Развѣ она не лелѣетъ мечту о братствѣ людей, объ общемъ счастьи? Бланкъ задыхался въ душной и затхлой атмосферѣ, въ которую его бросила судьба, или случайность; онъ рвался на просторъ, его мысль стремилась обнять весь міръ, а его сердце раскрылось для всѣхъ людей. Но и она задыхается въ своей душной клѣткѣ, и она мысленно давно уже перешагнула черезъ тѣ рамки, которыя еще давятъ ея члены. — Что же!

Этотъ крикъ измученной души невольно вырвался изъ груди Розы, или ей только казалось, что онъ вырвался, но онъ заставилъ ее всю содрогнуться. Ей было тяжело. Она помнила, очень хорошо помнила, что она {отвѣтила Бланку: *«остаться свободнымъ до конца»*.

Да, это она сказала. Это ея формула. Но жизнь, жизнь

гдѣ? Можетъ ли жизнь мириться съ этой формулой? Кто же это докажетъ? — Она?.. Новый крикъ вырвался изъ груди Розы. Нѣтъ, это не она крикнула, это ей показалось. И вся дрожа, она стала прислушиваться. Это стучались къ ней. Кто то назвалъ ея имя. Она быстро вскочила и отворила дверь. На порогѣ стоялъ Майгольдъ и улыбался Розѣ своей широкой улыбкой на добродушномъ лицѣ.

— Какъ ты, однако, крѣпко спишь, мой цвѣточекъ,—сказалъ онъ, обводя глазами комнату дочери.—Я уже съ четверть часа стою у твоихъ дверей.

— Я всю ночь не спала,—проговорила въ свое оправданіе Роза.

— И немножко всхрапнула? Отлично сдѣлала. Я и то сердился на маму, что она позволила тебѣ превратиться въ сидѣлку. Посмотри, на кого ты похожа...—И онъ осторожно взявъ своими огромными руками голову Розы и нѣжно поцѣловалъ ее въ густые волосы.

— Можно у тебя посидѣть немножко? Я давно не былъ въ твоей свѣтелѣ. Книгъ, книгъ сколько. Неужели ты всю эту дребедень читаешь?

Роза слабо улыбнулась и молча придвинула отцу низенькое кресло.

Майгольдъ удобно усѣлся и, вынувъ сигару, закурилъ ее.

— Знаешь, мнѣ обстановка твоей комнаты совсѣмъ не нравится. Я это давно говорилъ. Я бы всю эту мебель отдать м-ше Гро, это ей къ лицу, не правда ли?.. И онъ громко засмѣялся.

— Но я себя чувствую прекрасно въ этой обстановкѣ,—сказала Роза.

— Нѣтъ, не увѣряй меня, пожалуйста. У меня тоже, слава Богу, есть вкусъ... И я кое-что видалъ. Нѣтъ, нужно все обставить иначе. Я даже кое что уже намѣтилъ.

— Это совсѣмъ лишнее.

— Вовсе не лишнее,—съ увлеченіемъ прервалъ ее Майгольдъ.—Ты живешь точно монашенка. Не вѣчно же тебѣ корпеть надъ книжками. Право, это скучно.

Роза вопросительно взглянула на отца. Тонъ его показался ей подозрительнымъ. Онъ никогда не говорилъ съ ней въ та-

комъ духъ. У Розы вдругъ мелькнула мысль, отъ которой у нея холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Неужели теперь, въ такую минуту... И тутъ же, точно волна, нахлынула другая мысль, которая показалась еще ужаснѣе. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, — мысленно проговорила она. И затѣмъ изъ глубокихъ нѣдръ бессознательно выдвигался цѣлый рой мыслей и соображеній, которыя столько же поражали, сколько и возмущали Розу. Но она не могла противиться этому бессознательному процессу мышленія и въ то время какъ отецъ ея окольными путями и осторожно подходилъ къ вопросу, ради котораго онъ пришелъ къ ней, она рѣшила его, вынужденная къ этому властной силой, которой она не могла не подчиниться.

— Такъ вотъ какъ, мой цвѣточекъ,—продолжалъ между тѣмъ Майгольдъ... Мы съ мамой давно рѣшили. Мы тебя только не хотѣли до поры до времени тревожить. Наконецъ, тебѣ нужно было узнать его, присмотрѣться къ его характеру. Женить на славу. Лучшаго я никогда не желалъ для своей дочери. А ты знаешь, какъ я тебя люблю, Розочка. Все мое счастье въ тебѣ. И что ты можешь имѣть противъ?

«И что она можетъ имѣть противъ?» мысленно повторила за отцомъ Роза. Она не любитъ его, она любитъ Бланка. Но почему же она прямо не говоритъ объ этомъ отцу?.. Но что же тогда будетъ?.. Какъ же она тогда «останется свободной до конца»? Тогда ея личность сольется съ его личностью, его *смысла жизни* станетъ ея смысломъ жизни. Чтобы соединиться съ нимъ, она должна будетъ повторить ту же ошибку, что и онъ. А свободный духъ, этотъ вѣчный, всеобъемлющій, который носить въ себѣ источникъ человѣческаго счастья?... Неужели она посягнетъ на его чистоту, осквернитъ его сдѣлкой со своей совѣстью... Ради чего? Ради любви?.. Но развѣ любовь есть все, развѣ она обнимаетъ духъ человѣческій? Чѣмъ она замѣститъ пустоту, которая останется послѣ того, какъ она удовлетворитъ свое чувство, вступить въ сдѣлку со своей совѣстью? Нѣтъ, нѣтъ... Она должна идти своей дорогой. Но какъ это сдѣлать?» А въ это время Майгольдъ, лаская ее какъ ребенка, съ особенной нѣжностью въ голосѣ говорилъ:

— Подумай только, какое счастье тебя ждетъ... А мы съ мамой... Неужели ты для насъ этого не сдѣлаешь... Я всю

жизнь легляя одну мечту... Теперь наступилъ моментъ... Скоро прїѣдетъ сюда Беймъ просить твоей руки. Ну, будь же веселѣе, мое дитя... Ты смотришь на меня, точно я хочу тебя заѣзжать. Ну, перестань же... Если такъ, я лучше уйду. Ну?

Роза подняла на отца свои глаза, сухіе и горячіе.—Какой онъ добрый!—подумала она, вглядываясь въ его крупныя симпатичныя черты.—И почему онъ меня такъ уговариваетъ?

— Ну же, дѣточка, рѣшайся,—говорилъ умоляющимъ голосомъ Майгольдъ.—Мама сама не своя. Она ждетъ внизу. Съ ней вѣрно лихорадка. Ну, улыбнись же и скажи «да».

Роза, точно загнипнотизированная, улыбнулась и безстрастнымъ, не живымъ голосомъ проговорила: «да».

XXVI.

Зося Беймъ состояла въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ подругъ и часто получала отъ нихъ письма. Поэтому никого въ домѣ не удивило, когда разсылный принесъ письмо, адресованное на ея имя. Зося дрожащими руками схватила письмо и тотчасъ же убѣжала въ свою комнату. Она была увѣрена, что это письмо отъ Бланка. Было бы большой несправедливостью судьбы, еслибъ это было не такъ. Она такъ томилась весь день, нервы ея были такъ напряжены, сердце ея до того билось при каждомъ ударѣ звонка, при каждомъ шорохѣ, что продолжайся это состояніе еще нѣкоторое время и она бы навѣрное заболѣла. Зося пробовала даже молиться, чтобы Всевышній заставилъ Бланка отвѣтить ей. При всей своей индифферентности къ вопросамъ религіи Зося была очень суевѣрна. Безсистемное воспитаніе, поверхностное свѣтское образованіе, рассчитанное лишь на внѣшній блескъ, абсолютное незнакомство съ прошлымъ своего народа, выработали у Зоси, какъ и у ея старшей сестры, особое міросозерцаніе, къ которому нельзя было приложить ни одной изъ извѣстныхъ этическихъ мѣрокъ. Зося считала себя атеисткой, но въ то же время часто и усердно молилась, когда чего нибудь особенно желала. Какому Богу она молилась, она сама въ сущности не знала, да ей это было безразлично. Молитва являлась у нея такимъ же непосредственнымъ порывомъ ея страстной природы, какъ и всякая другая прихоть. Подъ вліяніемъ такого же по-

рыва она и написала письмо Бланку. Безспорно, Бланкъ ей нравился, и она охотно проводила время въ его обществѣ, пробуя надъ нимъ силу своихъ женскихъ чаръ. Но у нея не было серьезнаго чувства къ нему и вообще она серьезно не думала о своихъ отношеніяхъ къ Бланку. Но съ момента, какъ стало извѣстно настоящее общественное положеніе Бланка, при томъ еще при такихъ романтическихъ обстоятельствахъ, въ чувствахъ Зоси къ Бланку произошла рѣзкая перемена. Тутъ не было комедіи, не было также и расчета со стороны Зоси. Это была просто вспышка чувствительной природы, ослѣпленной вѣшнимъ блескомъ, необычайностью событій. Если Бланкъ ученый только нравился Зосѣ, то въ Бланка профессора она была до безумія влюблена. Если бы Бланкъ ученый оказался крещеннымъ, то при всей своей индифферентности къ религін она бы навѣрное отъ него отвернулась, но Бланку профессору этотъ поступокъ придавалъ извѣстный ореолъ, который ослѣпилъ и покорилъ Зосю. Съ энергіей и смѣлостью истинно влюбленной Зося защищала Бланка отъ нападокъ родныхъ, а за ночь у нея соврѣло рѣшеніе, однимъ изъ отзвуковъ котораго явилось ея письмо къ нему. Зося долго не рѣшалась вскрыть письмо, полученное отъ Бланка. Страхъ предъ неудачей, мысль, что Бланкъ не пойметъ ея и отнесется поверхностно къ ея поступку, вызвалъ холодную дрожь въ ея членахъ. Наконецъ, она разорвала конвертъ и стала читать. Но въ глазахъ у нея рябило и буквы и строчки сливались, и она ничего не поняла изъ прочитаннаго. Да это ей и не нужно было. Нѣсколько схваченныхъ на лету словъ было достаточно для Зоси, чтобы уловить общій тонъ письма.

Больше ей ничего не нужно было. Она спрятала письмо и какъ вихрь выбѣжала изъ своей комнаты. Ей необходимо было съ кѣмъ нибудь подѣлиться своими впечатлѣніями, и она теперь сожалѣла, что наканунѣ повздорила съ Генриеттой. Тѣмъ не менѣе она подбѣжала къ дверямъ ея комнаты и нѣсколько минутъ тамъ стояла. Это на половину примирило уже ее съ сестрой. Стоило только Генриеттѣ показаться и она бы бросилась ее цѣловать. Такъ всегда у нихъ кончались ссоры. Но на бѣду Генриетта не подходила къ дверямъ, зайти же къ ней въ комнату Зося не рѣшалась. Она побѣжала на половину ма-

тери, но ея тутъ не было. Куда онѣ всѣ запрятались? Зосѣ даже жутко стало. Она не выносила одиночества, и эти большія нарядныя комнаты, въ которыхъ раздавались ея шаги, наводили на нее безотчетный страхъ. Она выбѣжала въ корридоръ, чтобы позвать прислугу, но тамъ столкнулась съ Харнасомъ. Она въ ужасѣ отскочила назадъ и нѣсколько мгновений не сводила съ него глазъ. Несмотря на то, что Харнасъ часто захаживалъ къ нимъ, она до сихъ поръ ни разу вблизи не рассмотрѣла его. Тощая фигура его съ тощимъ лицомъ и большой бородой показалась ей до нельзя смѣшной. Въ особенности ее поразила его рыжая шляпа, которая сидѣла у него на затылкѣ. Она чуть было не разсмѣялась ему въ глаза, но удержалась и строго спросила:

— Что вамъ здѣсь угодно?

— Не пугайтесь, милая барышня; это я—Харнасъ, хорошія вѣсти принесъ.—И Харнасъ подмигнулъ ей однимъ глазомъ.

Это странное заявленіе еще больше напугало Зосю. Ей пришло въ голову, что Харнасъ съ ума сошелъ, и она, вся блѣдная, убѣжала отъ него. Но Харнасъ, не смущаясь, поспѣдовалъ за нею и, увидѣвъ г-жу Беймъ, выбѣжавшую на шумъ, поднятый Зосей, онъ издали крикнулъ ей: «повдѣвляю, мадамъ».

— Правда ли?—воскликнула г-жа Беймъ, и не помня себя отъ радости, стала обнимать и цѣловать Зосю.

— Да, что же случилось? Ничего не понимаю... объясните толкомъ...—все болѣе и болѣе недоумѣвая, говорила Зося.

— Вашъ братецъ, г-нъ Беймъ, только что сдѣлалъ предложеніе барышнѣ Майгольдъ, — съ чувствомъ собственного достоинства отрапортовалъ Харнасъ.

— Понимаешь, Адольфъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе; такъ ли, Харнасъ?—волнуясь все болѣе, проговорила г-жа Беймъ.

— Такъ, такъ...

— И получилъ согласіе? Вы не ослышались?

— Какъ можно, г-жа Беймъ, за кого вы меня принимаете... Сталь бы я, сломя голову, бѣжать понапрасну...

— Значить, онъ уже женихъ. Но гдѣ же отецъ, гдѣ Генриетта?

Г-жа Беймъ совсѣмъ забыла, что она свѣтская дама, и что

неприлично выказывать въ присутствіи посторонняго лица такую шумливую радость. Но она теперь забыла обо всемъ на свѣтѣ, и только одна мысль занимала ее, какъ бы скорѣе увидѣть сына и отъ него лично услышать радостную вѣсть. Вскорѣ явился самъ Беймъ и Генриетта. Оба сидѣли въ кабинетѣ въ ожиданіи извѣстія о результатѣ предложенія. Генриетта, какъ старшая, была посвящена въ семейную тайну, чѣмъ очень гордилась. Увидѣвъ Зосю, она улыбнулась ей. Это былъ сигналъ къ примиренію. Зося бросилась ее цѣловать.

— О, еслибы ты знала, Генриетта...—шепнула она ей.

— Молчи, Зося, потомъ... Я тоже имѣю тебѣ кое-что сообщить,—также шопотомъ проговорила Генриетта.

Въ это время явился посланный отъ Майгольда съ конфиденціальнымъ извѣстіемъ о состоявшейся помолвкѣ. Нужно было ѣхать къ Майгольдамъ, и г-жа Беймъ отдала приказъ дочерямъ, чтобы онѣ въ *пять минутъ* были готовы. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Въ пріемной остался одинъ Харнасъ. Онъ не успѣлъ еще отдышаться отъ быстрой ходьбы и едва держался на ногахъ. Но онъ не замѣчалъ усталости. Онъ былъ доволенъ и радовался не менѣе, если не болѣе, чѣмъ самъ женихъ. И эта радость происходила не столько отъ предвкушенія крупнаго заработка, сколько отъ удовлетворенія профессиональной гордости и побѣды надъ хитрымъ адвокатомъ.

Его предсказанія сбылись. Беймъ, а не Мункинъ женится на Розѣ Майгольдъ. И все это дѣло рукъ Харнаса. Развѣ это не торжество... И вдругъ Харнасъ вспомнилъ, что онъ видѣлъ, какъ Мункинъ важно подѣвжалъ къ дому Майгольдовъ, въ то время, когда изъ воротъ, понуривъ голову, вышла Бланкъ. Что до послѣдняго, то ему, Харнасу, конечно никакого дѣла нѣтъ, отчего онъ ушелъ въ такую торжественную минуту. Этого профессора онъ уже успѣлъ вычеркнуть изъ списка жениховъ и теперь пусть ему подъящеть невѣсту, кто хочетъ. Но что касается Мункина, то онъ бы не желалъ быть на его мѣстѣ и получить такой длинный носъ, хотя бы въ формѣ бокала съ шампанскимъ. Но тутъ же Харнасу стало жаль Мункина, и подъ вліяніемъ внезапно родившейся у него мысли, онъ схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты.

XXVII.

Мункинъ, дѣйствительно, прѣхалъ къ Майгольдамъ въ самый неудобный моментъ. Еще издали завидѣвъ хорошо знакомый ему экипажъ Бейма, онъ хотѣлъ повернуть назадъ, такъ какъ не любилъ встрѣчаться съ своимъ другомъ у Майгольдовъ и испытывать, если не чувство ревности (къ Бейму онъ никогда не ревновалъ Розы), то нѣкоторую тревогу отъ присутствія соперника. Но гордость и самоувѣренность взяли верхъ, и онъ самъ пристыдилъ себя за свою трусость. Но когда онъ вошелъ въ переднюю, отъ его наблюдательныхъ глазъ не укрылась нѣкоторая торжественность, съ которой горничная встрѣтила его. Мункинъ имѣлъ обыкновеніе обращаться ласково съ чужой прислугой и не скупиться на чай, въ особенности въ тѣхъ домахъ, хозяева которыхъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, были ему нужны. Отдавая горничной пальто и шляпу, онъ, улыбаясь ей, мелькомъ спросилъ:

— Что у васъ, ничего особеннаго не случилось?

— Какъ же, случилось, — ухмыльнулась горничная. — Только что барышню сосватали.

— Ты шутишь, милая, — весь поблѣднѣвъ и уставившись глазами на горничную, проговорилъ Мункинъ.

— Какъ можно. Даже шампанское пьютъ...

Нѣсколько мгновеній Мункинъ стоялъ, охваченный страннымъ оцѣпенѣніемъ. Потомъ онъ, очнувшись, взялъ свою шляпу и пальто и, сунувъ въ руку изумленной горничной бумажку, сказалъ:

— Не говори, милая, никому, что я былъ здѣсь. Я скоро вернусь... И съ этими словами онъ быстро вышелъ.

Очутившись у себя въ кабинетъ, Мункинъ далъ волю кипѣвшей въ его груди злобѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что его, Мункина, такъ одурачили. И кто? Такой откормленный оселъ какъ этотъ Беймъ. А Роза? Онъ, впрочемъ, никогда не довѣрялъ этой скромной дѣвицѣ съ лицомъ Мадонны. Такія женщины всегда опасны и всегда можно ожидать отъ нихъ какого нибудь неожиданнаго сюрприза. Но все же гдѣ же послѣ этого были его глаза, его уши, его хитрость? Мункинъ все больше и больше выходилъ изъ себя. Онъ не могъ допустить, чтобы его такъ провели. Ему было бы гораздо легче, еслибы Роза

прямо ему отказала. Тогда бы, по крайней мѣрѣ, на его душѣ не было такъ гадко, и самолюбіе его не такъ бы страдало. И Мункинъ пробовалъ утѣшать себя, прискивая причины такой быстрой и неожиданной развязки. Болѣе всего онъ злился на Харнаса, видя въ немъ ту тайную пружину, которая ускользнула отъ его вниманія и благодаря которой все случилось не такъ, какъ онъ рассчитывалъ. Харнасу, конечно, все это наруку. Лишившись Розы, онъ волею неволей долженъ жениться на Генриеттѣ, именно поступить такъ, какъ хочетъ Харнасъ. И Мункинъ въ пылу гнѣва рѣшился жестоко отомстить Харнасу, лишивъ его возможности принимать активное участіе въ устройствѣ его брака съ Генриеттой и, слѣдовательно, получить причитающійся ему за это гонораръ. Эта мысль такъ понравилась Мункину, что онъ даже повеселѣлъ. Подумавъ немного, онъ увѣренно подошелъ къ письменному столу и, порывшись немного въ одномъ изъ ящичковъ, вынулъ оттуда четко исписанный листокъ бумаги и быстро пробѣжалъ его глазами. Это было объясненіе, давно уже и на всякій случай сочиненное предусмотрительнымъ адвокатомъ. Содержаніе его было такого свойства, что оно могло быть адресовано одинаково любой избранницѣ его сердца. Противъ его ожиданія судьба назначила ему въ жены Генриетту Беймъ, и Мункинъ безропотно подчинился этому рѣшенію. Онъ вложилъ письмо въ конвертъ, написалъ четко адресъ, дважды подчеркнувъ: *въ собственныя руки*, и, позвавъ своего лакея, велѣлъ ему немедленно отвести письмо.

Когда все это было сдѣлано, Мункинъ вздохнулъ съ такимъ облегченіемъ, точно гора свалилась съ его плечъ. Жребій былъ брошенъ и возврата не было. Эта рѣшительность нравилась ему самому и Мункинъ мысленно былъ собой доволенъ. Оставалось только ждать результата и подвести итоги. Результатъ, конечно, былъ заранѣе ему извѣстенъ. Онъ зналъ, что Генриетта въ него влюблена, и что ея родители, съ своей стороны, ничего противъ его предложенія имѣть не будутъ. Далѣе ему также былъ извѣстенъ размѣръ приданого, который во всякомъ случаѣ не былъ меньше того, какой онъ рассчитывалъ получить за Розой. Наконецъ, Генриетта по красотѣ не уступитъ Розѣ, а для любителей жгучихъ и страстныхъ глазъ, пожалуй, Генриетта куда выше стоитъ. Что же онъ тутъ потерялъ? Вѣдь въ

концѣ концовъ бракъ есть сдѣлка, такая же, какъ и всякая другая торговая сдѣлка. А онъ, Мункинъ, далеко не такой сентиментальный человѣкъ, чтобы плакать по несбыточномъ. Роза, правда, ему нравилась больше, чѣмъ Генриетта. Но вѣдь это только одна изъ многочисленныхъ сторонъ, изъ которыхъ построенъ брачный многоугольникъ. Пусть эта сторона достанется Бейму, дуракамъ всегда вѣдь счастье. Онъ же во всякомъ случаѣ совершилъ хорошую сдѣлку и къ тому же Харнасу носъ наклеить.

Его размышленія были прерваны осторожнымъ стукомъ въ дверь и вслѣдъ за этимъ въ комнату вошелъ самъ Харнасъ.

Мункинъ былъ такъ пораженъ его появленіемъ, что ему показалось, что онъ галлюцинируетъ. Затѣмъ его охватило страшное подозрѣніе, не мистификація-ли все то, что съ нимъ случилось, и отъ этого подозрѣнія у него даже холодный потъ выступилъ. Но все это длилось не болѣе мгновенія, и реальный міръ вступилъ въ свои права. Чтобы не выдать себя и своего настроенія, Мункинъ мысленно рѣшилъ на этотъ разъ быть какъ можно любезнѣе съ Харнасомъ.

— Миръ вамъ, любезный Харнасъ. Какъ я радъ, что вы пожаловали. Вы меня совсѣмъ забыли.

— И вамъ миръ,—въ тонъ Мункину отвѣтилъ Харнасъ.— Дѣла все были неотложныя.

— Это пріятно слышать. Значитъ и заработали?

— Не столько заработалъ, сколько надѣюсь.

— Что же, и это хорошо. Кого же вы успѣли пристроить за это время, что мы съ вами не видались?

— О, многихъ,—отвѣчалъ уклончиво Харнасъ.— Меня вѣдь никто миновать не можетъ.

Мункинъ иронически улыбнулся.—А вотъ молодой Беймъ обошелся же безъ вашей помощи.]

— Какъ, безъ меня? — привскочилъ съ своего мѣста Харнасъ.—Я только что оттуда. Я первый принесъ г-жѣ Беймъ извѣстіе о помолвкѣ. Какъ же можно, чтобы такое дѣло обошлось безъ меня.

— Ну, извините, я ошибся,—сказалъ Мункинъ.

— То то же,—успокоившись проговорилъ Харнасъ.—А вы

уже знаете... Впрочемъ, я видѣлъ, какъ вы подъѣзжали къ дому Майгольдовъ.

— Какъ же, я еще утромъ былъ приглашенъ,—не моргнувъ, сказала Мункинъ.

Харнасъ подозрительно посмотрѣлъ на адвоката. Онъ могъ его уличить во лжи, но это было бы неделикатно и къ тому же въ его интересы вовсе не входило ссориться съ Мункинымъ. Онъ ограничился только ѣдкимъ замѣчаніемъ:—Значитъ вы знали о помолвкѣ раньше жениха и невѣсты.

— Я многое знаю, чего другіе не знаютъ, — взбѣшенный этимъ замѣчаніемъ проговорилъ Мункинъ.

Харнасъ примирительно кивнулъ головой.

— Ну, дѣло сдѣлано,—сказала она.—Каждому своя судьба. Безспорно Беймъ, сдѣлалъ прекрасную партію, но это еще не самое лучшее. — И Харнасъ посмотрѣлъ на Мункина, желая удостовѣриться, можно-ли ему продолжать разговоръ въ этомъ духѣ, или нѣтъ.

— Конечно, не самое лучшее,—подтвердилъ Мункинъ.—По-вѣрьте, любезный Харнасъ, что будь то самое лучшее, нашелся бы человекъ, который счумѣлъ бы устранить Бейма и завладѣть его счастьемъ. Вѣдь въ жизни все основано на борьбѣ.

Харнасъ просіялъ. Онъ не ожидалъ, что Мункинъ такъ скоро образумится и заранѣе предвкушалъ уже успѣхъ такъ трудно подававшася ему до сихъ поръ сватовства.

— Я знаю только одного умнаго человека и этотъ человекъ вы, г. Мункинъ. Говорю вамъ безъ лести.

— Спасибо за лестное обо мнѣ мнѣніе. При другихъ обстоятельствахъ я бы навѣрное воспользовался вашимъ ко мнѣ расположеніемъ и просилъ бы сосватать мнѣ достойную невѣсту.

— О, что значать обстоятельства,—въ приподнятомъ тонѣ проговорилъ Харнасъ.—Обстоятельства—это мы сами. Мы ихъ создаемъ, мы ихъ разрушаемъ.

— Совершенно вѣрно, — сказала Мункинъ.—Но, конечно, было бы неразумно разрушать то, что создано.

— О, конечно. Но вамъ остается еще создать.

— Къ счастью, нѣтъ. Я уже позаботился о себѣ.

— Надѣюсь, вы не женаты?—игриво замѣтилъ Харнасъ.

— О, нѣтъ, но у меня уже есть невѣста.

— Невѣста!.. У васъ есть невѣста?—съ выраженіемъ ужаса на лицѣ воскликнулъ Харнасъ.

— Что вы такъ испугались, милѣйшій Харнасъ?—спокойно улыбаясь, проговорилъ Мункинъ.—Полагаю, что то, что я вамъ сообщилъ, не преступленіе, подлежащее наказанію, и вамъ ничто не грозитъ, если вы на меня не донесете прокурору?

— Но, вы шутите, г. Мункинъ,—не слушая, что говорятъ, продолжалъ Харнасъ.—Какъ и гдѣ вы могли найти невѣсту? Какой посредникъ вамъ помогъ?

— Невѣсту я нашелъ здѣсь и безъ всякаго посредника.

— Но всѣ здѣшнія невѣсты имѣются у меня въ спискѣ.

— Вотъ въ томъ-то и штука, что я ее похитилъ. Но, однако, довольно. Мнѣ этотъ разговоръ надоѣлъ,—уже другимъ тономъ промолвилъ Мункинъ.—Вы думали, поживитесь на мой счетъ, очень сожалею... Впрочемъ, мы какъ-нибудь сочтемся, и если вамъ будетъ грозить каторга, я охотно буду васъ защищать. А теперь прощайте, мнѣ нужно идти къ невѣстѣ.

— Къ Генріеттѣ Беймъ?—простоналъ Харнасъ.

— Къ Гейнріеттѣ Беймъ. Прошайте.

XXVIII.

Мункинъ, дѣйствительно, отправился къ Беймамъ. Игра, которую онъ затѣялъ въ пылу досады, была рискованная и какъ всякая игра могла сорваться. Хотя онъ былъ увѣренъ въ расположеніи къ нему Генріетты, тѣмъ не менѣе не мѣшало себя обезопасить отъ всякихъ случайностей и предупредить козни Харнаса, который, навѣрное, постарается ему напакостить.

Его поведеніе по отношенію къ Харнасу было вызывающее, онъ это самъ сознавалъ, но Мункинъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи вымѣстить на Харнаса свою желчь, и онъ объ этомъ не жалѣлъ. Напротивъ, если все сойдетъ благополучно, онъ даже много выиграетъ, какъ въ глазахъ своей невѣсты, такъ и во мнѣніи всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ зналъ, что Генріетта ненавидитъ Харнаса, и только, какъ неизбежное зло, допускаетъ его посредничество. И какъ же она будетъ довольна, если узнаетъ, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе по собственному влеченію, безъ обычныхъ переговоровъ о приданомъ,

бевъ всякихъ посредниковъ. За это одно она его предпочтетъ всякому другому, еслибы даже такой и былъ. Но его нѣтъ. И Мункинъ увѣренно вошелъ въ домъ Беймовъ, какъ въ свой собственный. Генриетта была уже дома. Подъ предлогомъ головной боли она одна уѣхала домой. Зося же, посвященная въ ея тайну, осталась еще у Майгольдовъ, чтобы не мѣшать Генриеттѣ. Кромѣ того, она надѣялась увидѣться здѣсь съ Бланкомъ, который, навѣрное, сидитъ у матери. Хотя г-жа Беймъ ничего не знала о письмѣ, полученномъ Генриеттой, но отъ ея воркихъ глазъ не ускользнуло смущеніе дочери, а внезапная головная боль, которой Генриетта никогда не страдала, убѣдила ее въ томъ, что ничего не будетъ удивительнаго, если сегодня же ее вторично придется поздравлять. Генриетта была увѣрена, что Мункинъ явится. Послѣ такого горячаго письма должно послѣдовать не менѣе горячее устное объясненіе, и Генриетта съ бьющимся сердцемъ и нервной дрожью въ членахъ прислушивалась къ каждому шороху въ передней. Письмо Мункина лежало у нея въ карманѣ, хотя она почти знала его наизусть. Она показала его Зосѣ, и та пришла въ восторгъ отъ этого стили. Съ какимъ бы удовольствіемъ она показала бы это письмо и Розѣ. Но этого нельзя было сдѣлать, и уже хорошо то, что она будетъ объявлена невѣстой въ одно время съ ея соперницей. Что Роза была ея соперницей, въ этомъ Генриетта нисколько не сомнѣвалась, и тѣмъ пріятнѣе ей было совнавать, что она побѣдила. Но что же онъ не идетъ. Генриетта прислонила свое хорошенькое личико къ большой бронзовой группѣ изящной работы, изображавшей охотника и раненую серну. Эта символическая группа какъ разъ отвѣчала ея мечтательному настроенію, и глядя на истекавшее кровью прекрасное животное, въ глазахъ котораго было столько мольбы о пощадѣ, Генриетта чуть сама не заплакала. Въ такомъ видѣ засталъ ее Мункинъ. Скептикъ по природѣ, Мункинъ былъ склоненъ думать, что Генриетта нарочно приняла такую поэтическую пзу, желая еще больше поразить его. Но это недовѣріе къ своей будущей невѣстѣ не помѣшало ему однако придти въ искренній восторгъ отъ красоты Генриетты, на которую душевное волненіе, дѣйствительно, наложило воз-

вышенный поэтический отпечатокъ. Онъ приблизился къ ней и благоговѣнно прикоснулся губами къ ея холодной рукѣ.

— Простите ли вы мнѣ мою смѣлость? — началъ онъ тихимъ, вибрирующимъ голосомъ. — Я долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился вамъ написать. Другого исхода я не видѣлъ. Я такъ очарованъ вами, вашей красотой... Я ужасно страдалъ послѣднее время. Мнѣ казалось, что вы не обращаете на меня вниманія, что вы предпочитаете другого.

— Какъ вы могли это думать? — вырвалось у Генриетты, и глаза ея, еще полные слезъ, остановили на немъ такой выразительный взглядъ, что даже далеко не чувствительное сердце Мункина дрогнуло отъ охватившаго его страстнаго ощущенія. Онъ теперь смѣлѣе поднесъ ея руку къ губамъ и, глядя ей въ глаза, проговорилъ:—Отъ васъ зависитъ сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— И вы будете цѣнить это счастье?

— Буду ли я цѣнить!... Я буду вашимъ рабомъ, я буду исполнять всѣ ваши прихоти.

— Я очень ревнива, знайте это, — сказала Генриетта съ лукавой улыбкой.

— Но вамъ не къ кому ревновать. Въ моихъ глазахъ вы совершеннѣе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ.

— А Роза Майгольдъ?

Мункинъ укоризненно покачалъ головой, и жестъ этотъ вышелъ у него такой искренній, что Генриеттѣ стало стыдно, и она, вся зардѣвшись, проговорила:

— Простите,—я не хотѣла васъ обидѣть. Кстати, вы знаете новость? Мой братъ сдѣлалъ предложеніе Розѣ. Я только что оттуда. Всѣ наши тамъ еще. Неужели вы не знаете?

— Понятія не имѣю. — И Мункинъ произнесъ это съ такой искренностью и такимъ достоинствомъ, что у Генриетты послѣднее подозрѣніе исчезло, и она подарила ему одинъ изъ тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, послѣ которыхъ остается только поцѣловать любимую дѣвушку, что Мункинъ и не замедлилъ выполнить съ большимъ чувствомъ.

— Мое божество, моя дорогая невѣста, да?... — Генриетта мило кивнула своей хорошенькой головкой, и союзъ двухъ

любящихъ сердце былъ заключенъ навсегда, на этотъ разъ безъ содѣйствія Харнаса.

Въ это время Зося напрасно томилась ожиданіемъ. Бланкъ не являлся, и она стала терять надежду увидѣть его сегодня. Она обошла весь домъ Майгольдовъ, и подъ предлогомъ освѣжиться спустилась въ сопровожденіи m-elle Гро въ садъ, но Бланка нигдѣ не было. Ей оставалось только проникнуть въ комнату Ципы, такъ какъ она подозрѣвала, что онъ тамъ. Спросить объ этомъ m-elle Гро она не рѣшалась, а между тѣмъ ея желаніе было настолько сильно, что она не могла ему противостоять.

— Какъ поживаетъ мать г. Бланка? Она, кажется, опасно больна?—рѣшилась она, наконецъ, спросить m-elle Гро.

— Теперь ей лучше,—отвѣтила гувернантка.—Но какъ она насъ напугала. Какой несчастный случай. Именно судьба. А какъ жаль профессора. Онъ такъ страдает, бѣдный...

— Онъ часто бываетъ у матери?

— Всѣ дни проводить. Кажется, онъ и теперь тамъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть бѣдную Ципу. Еслибы я была увѣрена, что ея сына тамъ нѣтъ...

— Но это такъ легко узнать... Пойдите, вотъ бѣжить Клара. Мы ее и пошлемъ,—предупредительно сказала m-elle Гро.

Дѣйствительно, въ концѣ аллеи показалась хорошенькая фигура Клары въ нарядномъ платьицѣ. Зося и m-elle Гро остановились. Но Клара, завидя ихъ, свернула въ сторону. Что это съ ней?—сказала m-elle Гро.—Не обидѣлъ-ли кто мою крошку?—И она перерѣзала Кларѣ дорогу.

— Что съ тобой, Клара?—спросили онѣ въ одинъ голосъ.— Ты плакала?

— Совсѣмъ нѣтъ. Оставьте меня... Съ чего вы взяли, что я плакала. Очень мнѣ нужно плакать.

— Но тебя кто-нибудь обидѣлъ?

— Никто меня не обижалъ... Но я зла на нее. Я ее не люблю, и Бланкъ ее больше не любитъ... Нѣтъ, не любить... Я это замѣтила, когда онъ уходилъ.. Онъ былъ такой утрюмый...

— Что такое?—ничего не понимаю,—охваченная смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго, проговорила Зося.

— Такъ профессоръ (m-lle Гро иначе не называла Бланка) ушелъ?—Клара кивнула головой и убѣжала.

— Странная дѣвочка,—проговорила, обращаясь къ Зосѣ, гувернантка.— Она ревнуетъ профессора къ сестрѣ и, между нами говоря, не безъ основанія. Я также кое-что замѣтила.

У Зоси не хватило мужества разспрашивать. И то, что она думала, было уже слишкомъ много. Неужели,—спрашивала она себя,—это правда... Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ ей послалъ такое письмо? Она была точно въ чаду, и сомнѣнія терзали ея молодое неопытное сердце. Не будь m-lle Гро, которая ни въ какомъ случаѣ не должна знать ея тайны, она бы рыдалась какъ ребенокъ. Какъ бы она хотѣла видѣть Бланка и сказать ему, что она его вовсе не любитъ, что она и не думала его любить и что письма его она даже не читала. Но Бланка нигдѣ не было и никто не зналъ гдѣ онъ.

— И ты не знаешь, Роза, куда дѣвался Бланкъ? Клара, говорить, что онъ былъ здѣсь и внезапно ушелъ.

На безкровномъ лицѣ Розы выступилъ едва замѣтный румянецъ. Вопросъ, предложенный Зосей, былъ той каплей, которая переполнила чашу ея страданій. До сихъ поръ она еще хорошо владела собой. Хотя ея блѣдность всѣмъ бросалась въ глаза, но всѣ объясняли это волненіемъ невѣсты, вполне естественнымъ въ такой моментъ. Но напоминаніе о Бланкѣ, сдѣланное Зосей не безъ задней мысли, дало новый толчокъ думамъ Розы и въ душѣ ея еще съ большей жгучестью проснулись испытанныя ею муки. Все, что она теперь пережила, все, что вокругъ нея дѣбалось, казалось ей какимъ-то страннымъ, непонятнымъ сномъ. И главное, она уснула по собственной волѣ, и все что тутъ продѣлывается съ ней, все это съ ея согласія. Зачѣмъ же это? Во имя чего и ради чего она все это дѣлаетъ? Кому, какому Богу, ради какой идеи она приноситъ все это въ жертву? И что, если она вдругъ проснется и крикнетъ всѣмъ: Остановитесь, я до сихъ поръ спала, а теперь проснулась... А онъ, гдѣ же онъ?—Это, дѣйствительно, странно, что онъ такъ внезапно ушелъ, — отвѣчала Роза съ такимъ поразительнымъ спокойствіемъ, что у Зоси исчезло всякое подозрѣніе насчетъ Розы. А Роза, прислушиваясь къ звукамъ своего собственнаго голоса, съ удивленіемъ думала: неужели это она сказала и такъ

спокойно, такъ просто... Значить, она еще не проснулась, и сонъ ея продолжается.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сидѣли Майгольды и Беймы, произошло какое-то внезапное смятеніе, а затѣмъ послышались веселыя и радостныя восклицанія. Зося бросилась туда и на порогѣ столкнулась съ сестрой, которая шла, опираясь на руку Мункина. За молодой парой по пятамъ слѣдовали старики.

— Я привела къ тебѣ моего жениха, — сказала, обращаясь къ Розѣ и указывая на Мункина, Генриетта. — Представь себѣ, онъ совсѣмъ не зналъ о сегодняшнемъ событіи.

Мункинъ низко поклонился Розѣ и пожалъ руку жениху. Онъ нарочно устроилъ эту демонстрацію, желая показать Розѣ, что онъ не особенно горюетъ, потерявъ ее. Но на лицѣ Розы было написано такое глубокое безразличіе, она такъ спокойно смотрѣла своими грустными глазами на Генриетту и ея жениха, что самая тяжкая обида не могла бы такъ подѣйствовать на честолюбиваго Мункина. Онъ понялъ, что Роза никогда имъ не интересовалась и не интересуется теперь, и что весь его зарядъ, который онъ съ такой холодной обдуманностью приберегъ для Розы, совсѣмъ не попалъ въ цѣль. Затѣмъ въ себѣ обиду, Мункинъ отошелъ въ сторону и весело сталъ болтать съ женихомъ, тогда какъ всѣ остальные окружили Генриетту, эту скрытную особу, какъ выразилась г-жа Беймъ, которая даже своей матери не сказала о томъ, что она *уже давно* невѣста. Последнія слова были особенно подчеркнуты и были сказаны по адресу г-жи Майгольдъ, чтобы она не особенно кичилась своей передовой дочерью, которая въ концѣ концовъ сдѣлалась невѣстой при содѣйствіи Харнаса.

XXIX.

На другой день Роза заболѣла. Болѣзнь, впрочемъ, была не опасная и приглашенный врачъ прописалъ ей покой. Роза сама чувствовала, что ей необходимо отдохнуть, успокоиться, собраться съ мыслями и наединѣ обсудить и взвѣсить всѣ событія послѣднихъ дней. Она была очень рада, что такъ кстати повернулось легкое недомоганіе, которое позволяло ей оставаться въ своей комнатѣ и никого не принимать, не вызывая ника-

кихъ подозрѣній и не раздражая ничьего самолюбія. Беймъ вначалѣ сильно встревожился, узнавъ о болѣзни Розы, но г-жа Майгольдъ и докторъ его успокоили, и онъ ограничился тѣмъ, что по нѣсколько разъ въ день заѣзжалъ узнавать о здоровьи невѣсты и каждое утро присылалъ по великолѣпному букету. У себя Роза никого не принимала, и только разъ сдѣлала исключеніе для г-жи Беймъ и Зоси. Но и тѣ оставались у нея не долго. Зося успѣла ей сообщить, что у нихъ былъ Бланкъ и долго бесѣдовала съ нею. О Бланкѣ она, впрочемъ, получала свѣдѣнія черезъ m-lle Гро и знала, что онъ ежедневно по нѣсколько часовъ проводитъ у Ципы, которая поправляется, и онъ еще больше подружился съ Кларой, которая формально въ него влюблена. Всѣ эти извѣстія Роза выслушивала со спокойной улыбкой, иногда вставляя свои замѣчанія, иногда задавая вопросы. M-lle Гро сама съ увлеченіемъ говорила о Бланкѣ, но ни разу не заикнулась о томъ, какъ Бланкъ отнесся къ извѣстію о помолвкѣ Розы и ея болѣзни. Было-ли это случайное совпаденіе, или m-lle Гро дѣйствовала по обдуманному плану, во всякомъ случаѣ Роза усматривала въ этомъ косвенный протестъ, который причинялъ ей больше страданій, чѣмъ самая жестокая лихорадка. Чѣмъ больше Роза вдумывалась въ свое положеніе, тѣмъ болѣе она находила его ненормальнымъ. Она чувствовала, что стоитъ на крайне зыбкой почвѣ, которая каждую минуту можетъ втянуть ее въ свою пучину. Минутами ей казалось, что она совершила страшное преступленіе, за которое ей придется нести тяжкое наказаніе всю жизнь. И для чего она совершила это преступленіе? Облегчила-ли она этимъ хоть сколько-нибудь тотъ гнетъ, который давилъ ее съ такой силой? Она хотѣла однимъ ударомъ разрубить гордіевъ узелъ, перерѣзать тѣ нити, которыя такой густой сѣтью окутали ея сердце. И что же? Эти нити еще больше спутались, эта сѣть еще сильнѣе окутала ея сердце. Ея любовь къ Бланку приняла теперь совершенно другіе размѣры. Она уже больше не въ состояніи была сдерживать какъ раньше это чувство увѣреніемъ себя, что она это дѣлаетъ во имя высшихъ соображеній. Это чувство било черезъ край и все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало ею. Съ другой стороны мысль о Беймѣ, о томъ, что ей придется дѣлать съ нимъ всю свою жизнь, приводила ее въ ка-

кое-то тупое отчаяніе. Въ ея сердцѣ жили любовь къ одному и отвращеніе къ другому. Она выбрала второго. Не сумасшествіе-ли это? Не превышаетъ-ли все ею затѣянное ея наличныя силы, не окажется-ли она злостнымъ банкротомъ, который завѣдомо разворяетъ другихъ. Она развѣ не также поступаетъ? Развѣ она не завѣдомо ограбила одного, чтобы ничего не дать другому. Но высшая цѣль, которую она преслѣдуетъ, тотъ чистый идеалъ, котораго она не хочетъ запятнать даже ложнымъ помысломъ, развѣ не послужитъ ей опорой, не поддержитъ ее въ этой неравной борьбѣ? Роза пыталась вызвать въ своемъ представленіи образъ того чистаго идеала, на алтарь котораго она принесла себя въ жертву. Она хотѣла убѣдиться, дѣйствительно-ли существуетъ этотъ «чистый идеалъ», или онъ только плодъ ея воображенія, результатъ условныхъ понятій, такъ часто сбивающихся съ толку невинныхъ и чистыхъ душою людей. Когда Бланкъ ей толковалъ о своемъ идеалѣ, онъ былъ для него совершенно ясенъ. Бланкъ искалъ реальную истину, вытекающую изъ не менѣе реальной науки, и на ней онъ построилъ весь смыслъ жизни, игнорируя все остальное, какъ условное. А она? Не вращается-ли она въ метафизическомъ пространствѣ, не ищетъ-ли она опоры въ пустотѣ? Роза пробовала не думать и гнать отъ себя эти безплодныя и изнуряющія ее мысли, но подобно рою докучливыхъ мухъ онѣ снова вѣдрялись въ ея мозгъ и сосали его до боли. День проходилъ еще сносно. Утромъ ей приносили чудный букетъ изъ чайныхъ розъ и надушенную записку, которая заключала въ себѣ увѣренія въ горячей любви. Скрѣпя сердце она должна была отвѣчать и... лгать... Потомъ приходила мать и находила, что она стала еще блѣднѣе чѣмъ вчера, и ругала врача, обвиняя его въ неумѣломъ лѣченіи. Вслѣдъ за матерью входилъ отецъ съ цѣлымъ ворохомъ счетовъ и рекламъ отъ разныхъ поставщиковъ. Все это нужно было разсмотрѣть, высказать свое мнѣніе, казаться довольной, улыбаться. Потомъ приходила m-lle Гро съ своимъ упорнымъ замалчиваніемъ Бланка и довершала рядъ испытаній Розы. Но безсонныя ночи, эти безконечныя часы среди тишины и темноты, когда каждый образъ принимаетъ гигантскіе размѣры, каждая мысль вырастаетъ въ необычайное событіе, сводили ее съ ума. Опять тѣ же сомнѣнія, опять тѣ же

бесплодныя попытки примирить свое душевное состояніе съ реальными событіями, съ фактами жизни. Чѣмъ больше Роза думала и вникала въ смыслъ совершившагося, тѣмъ болѣе она убѣждалась, что попала въ истинно трагическое положеніе. Ради того, чтобы не вступить въ сдѣлку со своей совѣстью, она отказалась отъ счастья всей своей жизни, отвернулась отъ человѣка, котораго она любитъ, истоптала, истерзала свое сердце, всю себя. И что же вышло? Она отдается человѣку, котораго она не любитъ, она насилуетъ свое чувство, она идетъ противъ своей совѣсти, жжетъ и будетъ лгать всю жизнь. Все хорошее, все святое, что было у Розы, протестовало противъ этого поступка, противъ этой лжи, противъ этого насилуванія себя и своего чувства. Сначала слабо, но потомъ сильнѣе и громче нашептывалъ ей какой-то тайный голосъ, чтобы она не дѣлала этого шага, чтобы она одумалась. Но тогда у Розы возникалъ другой вопросъ,—что будетъ, если она одумается и послушается призыва своего сердца? Тогда она должна будетъ совершить то, противъ чего возмущается ея душа, что несовмѣстимо съ тѣмъ неизвѣстнымъ «нѣчто», которое называется нашей совѣстью. Она должна будетъ лгать и лгать всю жизнь и уже не предъ однимъ человѣкомъ, а предъ всѣмъ свѣтомъ. Бланкъ примирился съ фORMALьной ложью ради реальной истины, которая одна даетъ человѣчеству искомое счастье. Можетъ быть это такъ, но ложь все таки остается ложью, въ какой бы цвѣтъ ее ни выкрасили. Не лучше-ли совсѣмъ уничтожить ложь? Роза на мгновеніе оживилась. Казалось, она нашла то, чего такъ тщетно, такъ давно искала. Уничтожить ложь—вотъ что нужно. И тогда всѣ спасутся и тогда она спасется; тогда легче будетъ возвѣстять ту истину, которая принесетъ человѣчеству искомое счастье. И опять цѣлый рой мыслей осадилъ Розу, опять она завертѣлась въ вихрь собственныхъ противорѣчій. Она чувствовала, что катится по наклонной плоскости и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе и сильнѣе. Вотъ, вотъ уже пропасть зияетъ передъ нею, вотъ, вотъ она поглотитъ ее и тогда конецъ всѣмъ мученіямъ, сомнѣніямъ, противорѣчіямъ. Неужели? И могильный холодъ обдалъ Розу. Она скинула съ себя легкое шелковое одѣяло и сѣла на кровати, опустивъ ноги на полъ. Ей стало страшно и отъ этой окружающей мертвящей

типины и отъ этой черной мглы, но больше всего отъ собственныхъ мыслей, роковыхъ, зловѣщихъ. Неужели? И другого исхода нѣтъ? Все, о чемъ она мечтала, что лелѣяла, все это исчезнетъ, какъ мигъ, и она исчезнетъ и отъ нея не останется ничего, ничего?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ. Кошмаръ, тяжелый мрачный кошмаръ душилъ Розу. Она встала и подошла къ открытому окну. Прохладный ночной воздухъ, пропитанный запахомъ сада, освѣжилъ ее. Внизу стояла еще совсѣмъ ночь, и садъ, съ его гигантскими тополями, казался окутаннымъ черной пеленой. Но наверху, на небѣ, кое-гдѣ уже алѣло, и оставшіяся еще звѣзды меркли и исчезали съ поля зрѣнія. Паническій ужасъ, съ такой силой охватившій Розу, сталъ понемногу проходить, нервы успокоились, но мысль, неизвѣстно откуда явившаяся и такъ взволновавшая ее, уже больше не покидала ее. Напротивъ, Роза стала находить въ ней нѣчто величественное, прекрасное и во всякомъ случаѣ ничего страшнаго... Взошла заря, показался первый золотистый лучъ солнца, вѣковые тополи стряхнули съ себя дремоту, а Роза все стояла на прежнемъ мѣстѣ и та же неотступная мысль, подобно сладкой истомѣ, ласкала и убаюкивала ее.

XXX.

Когда Роза первый разъ сошла внизъ, ей устроили цѣлую овацію. Предупрежденный еще наканунѣ о томъ, что докторъ позволилъ Розѣ встать, Беймъ пріѣхалъ чуть свѣтъ къ Майгольдамъ. Прекрасная корзина съ цвѣтами, среди которыхъ лежали изящные футляры съ драгоценными подарками, этими первыми вѣстниками любви, стояла на столѣ наряду съ другими подарками отъ родителей жениха. По настоянію г-жи Майгольдъ, самъ Беймъ вдѣлъ въ маленькія розовыя уши Розы два крупныхъ брилліанта, которые какъ двѣ слезы заблестѣли своимъ переливчатымъ свѣтомъ. Роза не сопротивлялась, видя какое громадное удовольствіе она доставляетъ этимъ своимъ родителямъ и жениху. Но сама она при всемъ своемъ желаніи окунуться хоть на мгновеніе въ то счастье, которое было на лицахъ всѣхъ ее окружающихъ, не испытывала ничего кромѣ внутренняго холода, который все болѣе и болѣе охватывалъ ее душу. Въ ней словно что-то умерло, застыло, пламя жизни по-

гасло и внутри царили пустота и мракъ. Это было ужасное состояніе, которое долго длиться не могло. Это состояніе тяготило Розу и напоминало ей смерть съ ея таинственнымъ спокойствіемъ и безразличіемъ, которая разъ навела на нее такой панической ужасъ. Но она еще не теряла надежды, борьба ея еще не кончилась; она еще не все обдумала, не все ввѣсила. Не можетъ быть, чтобы не было другого исхода, кромѣ исхода небытія... Жизнь, движеніе, веселія лица окружающихъ, свѣтлый яркій день немного оживили Розу и отвлекли ее отъ навязчивыхъ мыслей. Несмотря на болѣзнь и на душевныя волненія, которыя она переживала въ послѣдніе дни, она сегодня всѣхъ поражала своей блестящей красотой. Было что-то неземное въ чертахъ ея классически строгаго профиля, что-то чистое и возвышенное въ ея чудныхъ глазахъ, передъ блескомъ которыхъ меркла игра брилліантовъ въ ея ушахъ. Роза все время была очень привѣтлива съ женихомъ, очарованнымъ ея красотой и любезностью. У нея было сильное желаніе навѣстить Ципу, но она не рѣшалась изъ опасенія встрѣчи съ Бланкомъ. Какой бы исходъ ни приняла ея внутренняя борьба, къ какому бы концу ни привела ея игра внѣшнихъ обстоятельствъ, она твердо рѣшилась не искать встрѣчи съ Бланкомъ, не выдавать ему своей тайны и оставить его при томъ убѣжденіи, которое онъ составилъ себѣ о ней по ея поступкамъ. Это было самое жестокое, самое страшное, что Роза могла придумать для усиленія своихъ собственныхъ душевныхъ мукъ. Но это было необходимо, и Роза заглушила въ себѣ протестующій голосъ собственнаго сердца. Никто изъ окружающихъ, даже Клара, не говорилъ въ ея присутствіи о Бланкѣ. Была-ли это случайность, или всѣ проникли въ ея тайну и условились такъ поступать? Роза и этого не могла знать, такъ какъ, всегда чуткая и наблюдательная, она теперь точно потеряла эту способность и ничего не могла читать на лицахъ окружающихъ. Разматривая визитныя карточки знакомыхъ, приславшихъ или лично явившихся съ поздравленіями, Роза увидела и карточку Бланка. Г-жа Майгольдъ сообщила Розѣ, что Бланкъ просилъ передать ей свое поздравленіе и что каждый разъ, когда бываетъ у матери, онъ освѣдомляется о ея здоровьѣ.

— Часто онъ бываетъ у матери?—спросила Роза.

— Какъ и раньше. Впрочемъ, послѣднiе дни я его рѣже видала. Онъ приходитъ преимущественно по утрамъ.

— Онъ уже сегодня былъ, — вмѣшалась Клара. — Онъ пришелъ такъ рано, что даже m-elle Гро еще спала.

Эти свѣдѣнiя успокоили Розу. Она теперь можетъ спокойно навѣстить Ципу безъ опасенiя встрѣтиться съ Бланкомъ. Сегодняшнiй день былъ строго распредѣленъ и свободнаго времени у Розы было немного. Предстояло сдѣлать нѣсколько обязательныхъ визитовъ, и на первомъ планѣ, конечно, стояли родственники жениха. Г-жа Майгольдъ торопила Розу, и она воспользовалась тѣмъ временемъ, когда мать совѣщалась съ явившимся по неотложному дѣлу ювелиромъ, и зашла въ комнату Ципы. Ципа сидѣла въ глубокомъ креслѣ, и несмотря на то, что значительно поправилась за эти дни, но все же имѣла видъ серьезно больной. Она радостно встрѣтила Розу и сейчасъ же заговорила съ ней о сынѣ. Розу поразило то обстоятельство, что Ципа ни однимъ словомъ не обмолвилась о поступкѣ Бланка, послужившемъ причиной ея заболѣванiя, и напротивъ, много распространялась о такихъ вещахъ, которыя, казалось, шли въ разрѣзъ съ совершившимся событiемъ. Дѣлала ли это Ципа съ расчетомъ, не желая давать другимъ заговорить о предметѣ ей непрiятномъ, или все случившееся прошло мимо ея сознанiя, не оставивъ въ ея памяти никакихъ слѣдовъ?—Наконецъ, возможно ли, чтобъ между нею и Бланкомъ не было никакого объясненiя, никакого разговора о томъ, что ее больше всего интересовало. Это обстоятельство, сущности котораго Розѣ впрочемъ не удалось выяснитъ, навело ее на очень грустныя размышленiя. Она пыталась осторожно прозондировать почву, но Ципа вовсе не понимала или не хотѣла понимать. Вскорѣ за Розой пришла m-elle Гро.

— Вы замѣтили, — сказала m-elle Гро, когда онѣ вышли отъ Ципы, — что она точно ничего не знаетъ о случившемся.

— Да, замѣтила и это меня крайне удивляетъ.

— Всѣ это замѣчаютъ, но думаютъ, что она это дѣлаетъ нарочно и притворяется. Но мнѣ кажется, что она вовсе не притворяется. Я присутствовала при разговорѣ по этому поводу между профессоромъ и нашимъ врачомъ и послѣднiй ему ска-

заль, что такая забывчивость бываетъ при подобныхъ болѣзняхъ. Цица просто забыла о томъ, что случилось.

— Но вѣдь это большое счастье! — воскликнула Роза.

— Да, и докторъ такъ сказалъ. Но онъ прибавилъ, что напоминаніе объ этомъ можетъ имѣть роковыя послѣдствія.

— Нужно повозботиться, чтобы этого не было. Вы не слышали, когда Бланкъ собирается уѣзжать?

— Онъ мнѣ сказалъ, что его здѣсь задерживаетъ только болѣзнь матери, и какъ только онъ получитъ увѣренность въ томъ, что всякая опасность прошла, онъ уѣдетъ.

Роза больше не спрашивала. Сообщение m-elle Гро ее очень обрадовало. Она была очень привѣтлива съ Цицой и все время безпокоилась не только за исходъ ея болѣзни, но и за будущее ея душевное состояніе. Теперь опасенія этого рода миновали. Она радовалась и за Бланка, которому при такихъ обстоятельствахъ легче будетъ разстаться съ матерью и у обоихъ не останется никакой горечи отъ этого неудачнаго свиданья. Проходя случайно мимо большого трюма, Роза взглянула на свое изображеніе. Ея пышный нарядъ, брилліанты въ ушахъ и волосахъ, все это какъ то странно поразило ее. Все это такъ не гармонировало съ ея внутреннимъ настроеніемъ, съ тѣмъ, что она чувствовала, чѣмъ была занята ея мысль. Это недоумѣніе длилось, впрочемъ, лишь одинъ мигъ, и она вернулась къ дѣйствительности. Но и этого мига было достаточно, чтобы она убѣдилась, какой глубокой разладъ существуетъ между ея внутреннимъ міромъ и окружающей ее дѣйствительностью, и что этотъ разладъ никогда не исчезаетъ.

XXXI.

Зося была недовольна Бланкомъ. Совѣтъ не о томъ мечтала она, когда въ ея юномъ умѣ созрѣлъ довольно смѣлый планъ покорить во что бы то ни стало робкаго и угрюмаго ученаго. Отвѣтное письмо Бланка, написанное подъ влияніемъ внезапно блеснувшего предъ нимъ луча надежды и дышавшее глубокой искренностью, ввело ее въ заблужденіе и было истолковано ею въ ложномъ смыслѣ. Отвергнутый и непонятый, какъ онъ думалъ, Розой, глубоко потрясенный ея помолвкой

съ Беймомъ, Бланкъ съ благодарностью пошелъ на встрѣчу Зосѣ, думая найти въ ней душу, способную его понять. Но дальше этого его желанія не шли, такъ какъ образъ Розы слишкомъ крѣпко засѣлъ въ его сердцѣ, чтобы чей либо другой могъ его вытѣснить. Зося же совсѣмъ иначе истолковала его поведеніе и употребляла всѣ средства, чтобы приблизить его къ себѣ. Въ этомъ отношеніи она нашла усердную и дѣятельную помощницу въ лицѣ своей матери. Такъ счастливо покончивъ съ матримоніальнымъ вопросомъ относительно старшихъ двухъ дѣтей, она принялась хлопотать о судьбѣ своей младшей и любимой дочери. Ознакомившись съ содержаніемъ письма Бланка, которое она сумѣла вывѣдать у Зоси, она рѣшила, что можно вачать осаду и что крѣпость скоро сдастся. Видѣть свою дочь замужемъ за профессоромъ очень улыбалось г-жѣ Беймъ. Она на этотъ счетъ не имѣла никакихъ предразсудковъ и всегда преклонялась только предъ внѣшнимъ блескомъ и силой, въ чемъ бы они ни проявлялись. Общественное и служебное положеніе Бланка съ лихвой прикрывало его низкое происхожденіе и его отступничество отъ религіи отцовъ. Однако, крѣпость что то не очень сдавалась, и всѣ тонкія ухищренія Зоси и ея милое и невинное кокетство какъ будто проходили мимо Бланка. Каждое утро Зося вставала съ намѣреніемъ заставить Бланка объясниться и сдѣлать ей предложеніе. Но къ вечеру всѣ планы, такъ искусно ею придуманные, оказывалось неудачными, и Зося въ душѣ ненавидѣла Бланка за то, что онъ такой недогадливый. Нетерпѣніе матери и насмѣшки Генриетты еще больше злили ее и выводили ее изъ себя. Каждый разъ, когда Бланкъ приходилъ, Генриетта скромно удалялась, бросая на сестру лукавыя взгляды. Когда же онъ уходилъ, она вновь являлась и съ тѣмъ же видомъ спрашивала:—О чемъ вы такъ долго философствовали? Иногда Зося отдѣлывалась шуткой, иногда она не выдерживала и набрасывалась на сестру и осыпала ее колкостями. Но еще хуже были для Зоси допросы матери, подчасъ очень рѣзкіе и грубые, послѣ которыхъ Зося всегда убѣгала къ себѣ въ комнату и заливалась слезами. Въ сущности она сама была уже не рада, что затѣяла эту игру. Если она вначалѣ и чувствовала къ Бланку нѣчто въ родѣ симпатіи, если Бланкъ ей и нравился

прежде, какъ новое и оригинальное лицо, то теперь и эта ничтожная искра погасла, и она бы охотно отказалась отъ него, если бы не стыдъ и самолюбіе и боязнь насмѣшекъ и упрековъ со стороны сестры и матери. Зося рѣшила во что бы то ни стало поставить на своемъ. Уже два дня какъ Бланкъ не былъ у нихъ, несмотря на то, что нѣсколько разъ подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, она посылала къ нему. Утромъ она послала ему коротенькую, но убѣдительную записочку съ просьбой непременно явиться. Бланкъ засталъ Зосю въ маленькой угловой гостиной, самой любимой ея комнатѣ, убранной по ея вкусу. Здѣсь среди кадокъ съ растеніями и жардиньерокъ съ цвѣтами стояла въ живописномъ безпорядкѣ низенькая мягкая мебель, обитая дорогимъ желтымъ штофомъ. Такія же портьеры скрывали двери, а полъ былъ весь устланъ мягкимъ бархатнымъ ковромъ. Костюмъ Зоси гармонировалъ съ обстановкой, и глядя на нѣсколько грустное и мечтательное выраженіе ея чудныхъ глазъ, никто, конечно, не осмѣлился бы утверждать, что это результатъ долгаго и тщательнаго совѣщанія съ зеркаломъ, которое искусно скрывалось въ углу среди пальмъ и кактусовъ. Въ моментъ прихода Бланка, Генриетта случайно прошла мимо и бросила на сестру лукавый взглядъ. Это немножко испортило настроеніе Зоси, но она съумѣла заглушить таившуюся въ ней злобу и сохранить для Бланка свою мечтательную грусть. Бланкъ былъ не въ духѣ. Записка Зоси оторвала его отъ серьезной и спѣшной работы и заставила явиться сюда, чтобы выслушать быть можетъ какую нибудь прихоть этой своеправной красавицы. Чѣмъ больше Бланкъ присматривался къ Зосѣ, тѣмъ ярче выступалъ передъ нимъ образъ Розы. Это была какая то роковая игра воображенія, отъ которой Бланкъ никакими силами не могъ отдѣлаться. Сегодня онъ нарочно раньше ушелъ отъ Майгольдовъ, чтобы не встрѣтиться съ Розой и не думать о ней. Съ этой цѣлью онъ дома засѣлъ за работу и выбралъ самую трудную, требующую наибольшаго напряженія ума. И какъ только онъ вступилъ въ этотъ уютный поэтический уголокъ, какъ только онъ увидѣлъ прелестное личико Зоси, которая такъ нѣжно и такъ грустно ему улыб-

нулась, его воображеніе нарисовало ему другой образъ, передъ которымъ образъ Зоси таялъ какъ туманъ передъ солнцемъ.

— Вы сердитесь на меня? — сказала Зося и подняла на него свои прекрасные лучистые глаза, во взглядѣ которыхъ было столько таинственнаго и недосказаннаго.

— За что мнѣ сердиться на васъ?—просто сказалъ Бланкъ.— Напротивъ, я самъ чувствую себя виноватымъ передъ вами, я совсѣмъ забылъ, что вы меня сегодня пригласили сопутствовать вамъ на выставку.

— И въ этомъ вы признаетесь?

— Признаюсь.

— И каетесь?

— Если это вамъ доставитъ удовольствіе, пожалуй.

— Мнѣ бы доставило больше удовольствія, еслибы мои просьбы не такъ забывались, — съ отгѣнкомъ грусти сказала Зося.

— Въ моей забывчивости, повѣрьте, нѣтъ злого умысла. У меня за послѣднее время накопилось много занятій, но еще больше заботъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда, я не знаю ни одной спокойной минуты.

— Не сами ли вы виноваты въ этомъ?—И лукавая улыбка заиграла на коралловыхъ губкахъ Зоси.

— Съ точки зрѣнія условныхъ понятій и условной морали, я, конечно, самъ виноватъ. Каждый человѣкъ господинъ своихъ поступковъ, источникъ своего счастья и несчастья,—такъ, по крайней мѣрѣ, учитъ насъ высшая мудрость.

— Которая мнѣ ненавистна,—смѣясь сказала Зося.—Ну, а не высшая мудрость что говорить?

— Не высшая мудрость, другими словами разумъ и сердце простого смертнаго, какъ я напр., говорятъ, что человѣкъ есть только звено безконечной цѣпи и каждый его поступокъ, каждое его дѣйствіе, каждая его мысль невольно отражается на другихъ звеньяхъ этой цѣпи и наоборотъ.

— Выходитъ уже, что не вы сами, а мы всѣ виноваты...

— Какъ звеня одной цѣпи.

— И я, значитъ, виновата?

— По столько, по сколько вы, какъ звено, близко стоите къ страдательному звену, въ данномъ случаѣ ко мнѣ.—Въ гла-

захъ Зоси блеснулъ загадочный огонекъ и такая же загадочная улыбка заиграла на ея лицѣ. Она нѣсколько мгновений пристально въ упоръ смотрѣла на Бланка, какъ бы желая проникнуть въ глубь его сокровенныхъ мыслей, отыскать ту именно точку, на которую можно было бы, не промахнувшись, направить смѣлый и рѣшительный ударъ. Она сдѣлала надъ собой усиліе и принужденно засмѣялась.

— Ну, хорошо, пусть всё мы звеня, и я въ томъ числѣ. Но скажите, пожалуйста, близко ли я по крайней мѣрѣ стою къ страдательному звену и есть ли между нами другія звеня?

Зося впилась глазами въ Бланка. Взглядъ ихъ, потерявшій теперь выраженіе наивной прелести, дышалъ чѣмъ то властнымъ, рѣшительнымъ.

Въ немъ была и мольба, и кокетство, и страхъ... Она сама вся точно преобразилась. Это была уже не прежняя Зося—шаловливая, кокетливая, безпечная, съ трогательной наивностью пускавшая свои стрѣлы въ намѣченныя жертвы. Предъ Бланкомъ была женщина, вооруженная съ ногъ до головы чарами своего пола, сознающая ихъ силу и направляющая ихъ съ расчетливостью опытнаго охотника. Онъ былъ пораженъ и смущенъ этой внезапной метаморфозой и въ то же время чувствовалъ, что Зося не изъ простого любопытства его допрашиваетъ, что это не простая свѣтская болтовня, не диллетантское философствованіе, а нѣчто болѣе серьезное, что можетъ имѣть роковыя послѣдствія. У него сердце защемило отъ боли и жалости къ Зосѣ, къ которой онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ глубокой благодарности за участіе въ минуту пережитаго имъ душевнаго кризиса. Онъ старался насиловать свое воображеніе, старался представить себѣ Зосю любимой, обожаемой. Но сердце упрямялось и не отвѣчало воображенію. А Зося ждала отвѣта, и ея глаза не переставали его фиксировать. Нельзя было больше медлить, напряженіе нервовъ у обоихъ было слишкомъ сильное.

— Вы хотите знать правду?—сказалъ, наконецъ, Бланкъ.

— Да, я хочу знать правду. Впрочемъ, нѣтъ не теперь. Сюда идти. Потомъ... Вы мнѣ скажете всю, всю правду... Я прошу объ этомъ, требую... Сегодня на выставкѣ, слышите...

Портьера слегка раздвинулась и въ дверяхъ гостиной показалась Роза въ сопровожденіи матери.

Роза невольно отступила назадъ. Смертельно блѣдная, съ широко открытыми глазами, она имѣла видъ, точно она увидала страшный призракъ. Бланкъ тоже измѣнился въ лицѣ и ему показалось, что онъ галлюцинируетъ, до того все это для него было неожиданно. Онъ не видалъ Розы съ момента послѣдняго объясненія, и эта неожиданная встрѣча до того взволновала его, что онъ не въ состоянїи былъ овладѣть своимъ смущеніемъ. Одна Зося сохранила присутствіе духа и, казалось, даже съ ѣдкой насмѣшкой смотрѣла на Розу и Бланка. Все это, впрочемъ, длилось одно мгновеніе, и Роза первая овладѣла собой. Она поцѣловалась съ Зосей и подала руку Бланку.

— Я васъ давно не видала,—сказала она ему.—Я такъ внезапно заболѣла.

— Я каждый день справлялся о вашемъ здоровьи и ничего такъ не желалъ, какъ увидѣть васъ выздоровѣвшею.

— Благодарю васъ. Я сегодня въ первый разъ навѣстила вашу матушку и нашла, что она быстро поправляется.

— И я тоже нахожу. Меня докторъ увѣряетъ, что все кончится благополучно и мнѣ скоро можно будетъ уѣхать.

Роза бросила на него незамѣтный взглядъ и затѣмъ заговорила съ вошедшей Генріетой. Вскорѣ пришла и г-жа Беймъ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Г-жа Беймъ выразила удивленіе, что ея сынъ не прїѣхалъ, зная, что невѣста будетъ здѣсь.

— Мы съ нимъ условились не встрѣчаться сегодня ни у кого изъ знакомыхъ,— тихо улыбаясь, сказала Роза:— Каждый изъ насъ дѣлаетъ визиты самостоятельно.

— Вотъ какъ нынѣшняя молодежь поступаетъ,—со вздохомъ сказала г-жа Майгольдъ.

— И пускай. Каждое время имѣетъ свои законы. Это та же мода,—правоучительно сказала г-жа Беймъ.

— А на выставку не собираешься?—спросила Зося у Розы.

— Нѣтъ, не до выставки намъ сегодня. Намъ предстоитъ сдѣлать такъ много визитовъ...

— А я собираюсь. Говорятъ, очень интересно.

— Съ кѣмъ же ты пойдешь?—спросила г-жа Беймъ.—Генріетта не идетъ.

— Мой женихъ уѣхалъ вчера,—скромно потупивъ глаза, заявила Генріетта.

— Меня профессоръ обѣщался сопровождать, — сказала Зося и демонстративно устремила на Бланка свои блестящія отъ возбужденія глаза.

Бланкъ слегка кивнулъ головой. Онъ все время слѣдилъ за Розой. Его терзала мысль, какъ она посмотритъ на все это, что она подумаетъ о немъ. Онъ улучилъ минуту, когда Зося вышла затѣмъ то изъ комнаты, и подошелъ къ Розѣ.

— Я скоро увѣжаю, — сказалъ онъ тихо, — и мнѣ бы хотѣлось еще хоть разъ поговорить съ вами такъ, какъ мы, помните, говорили въ первый разъ.

Роза устремила на него печальный взглядъ.

— Но что же вамъ мѣшаетъ это сдѣлать?

— Многое... Прежде всего ваше нежеланіе.

— А потомъ?

— Моя гордость... Но я уже теперь примирился со многимъ и гордость свою я обуздалъ. Остается все-таки ваше нежеланіе.

— Нѣтъ, я сама рада буду съ вами поговорить, — послѣ нѣкотораго колебанія сказала Роза.

— Повѣрьте, я не отниму у васъ много времени. Я не могу увѣхать, не сдѣлавши этого. Это моя первая и послѣдняя просьба. — И голосъ Бланка какъ то сразу оборвался.

Роза не глядѣла на него, но она чувствовала малѣйшія перемѣны въ его лицѣ и его волненіе передавалось ей. Она не въ состояніи была долѣе сдерживать себя и поспѣшила прекратить эту сцену. Она встала и подошла къ матери и г-жѣ Беймъ, которыя вмѣстѣ съ Генриеттой о чемъ то тихо и горячо разговаривали. Бланкъ тоже отошелъ въ сторону. Этотъ короткій обмѣнъ мыслей съ Розой значительно ободрилъ его. Онъ не обольщалъ себя никакими надеждами, но искренній задушевный отвѣтъ Розы вселилъ въ него увѣренность, что Роза пойметъ его, наконецъ, и они разстанутся друзьями. Больше ему ничего не нужно было. О Зосѣ онъ совсѣмъ забылъ, точно она совсѣмъ для него не существовала.

XXXII.

Хаимъ и Двоя каждый день являлись въ домъ Майгольдовъ съ намѣреніемъ повидаться съ Ципой. Но ихъ не допускали, такъ какъ докторъ запретилъ пускать къ ней постороннихъ.

Но сапожникъ и его жена, въ особенности послѣдняя, упорно преслѣдовали свою цѣль. И причина, заставлявшая ихъ такъ упорствовать, была немаловажная. Нухимъ Шрайеръ своимъ отказомъ жениться на Брайнѣ нанесъ тяжкое оскорбленіе всему ихъ роду. Но съ такимъ оскорбленіемъ можно было бы еще мириться, благо жениховъ на свѣтѣ много, можетъ быть еще и почище какого нибудь водовоза. Но мотивы, заставившіе Нухима Шрайера отказаться отъ такой выгодной партіи, были настолько необычны, что ни Хаимъ, ни Двоя не могли до сихъ поръ примириться съ ними и вообще не вѣрили, чтобы они существовали, считая ихъ выдумкой злыхъ враговъ. А у кого враговъ нѣтъ, въ особенности если счастье улыбается. Въ это утро Двоя въ особенности вышла изъ себя. Она поссорилась съ одной сосѣдкой, которая на весь переулочекъ кричала, что она перекрещенка. Но не успѣла она успокоиться послѣ этой ссоры, какъ къ нимъ нагрянулъ Нухимъ Шрайеръ еще съ однимъ товарищемъ и учинили настоящій скандалъ. Дѣло въ томъ, что послѣ помолвки Нухимъ Шрайеръ счелъ своимъ долгомъ послать своей невѣстѣ въ подарокъ золотое колечко съ желтымъ алмазомъ, оставшееся послѣ его покойной жены. Этого требовалъ обычай, котораго свято придерживался водовозъ. Но послѣ того какъ онъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ отказаться отъ невѣсты, онъ сталъ требовать подарокъ обратно. Хаимъ сапожникъ ничего не имѣлъ противъ возвращенія Нухиму его подарка. Но противъ этого горячо возстали мать и невѣста и послѣдняя выказала даже такую энергію, какой нельзя было ожидать отъ этой апатичной и вѣчно сонной дѣвушки.

— Ни за что не отдамъ кольца хоть убейте меня, — вскричала Брайна. — Мало, что этотъ озорникъ осрамилъ меня на всю жизнь, онъ еще хочетъ получить назадъ то, что мнѣ по праву принадлежитъ. — Нухимъ Шрайеръ испробовалъ всѣ средства, подсылалъ знакомыхъ старухъ, даже одного ходатая по дѣламъ, который грозилъ Двоѣ Сибирью за ослушаніе законовъ. Но когда ничего не помогло, Нухимъ рѣшился на послѣдній шагъ. Оставивъ свою водовозку у сосѣдняго шинка, онъ, въ сопровожденіи своего товарища тоже водовоза, вошелъ къ сапожнику. Хаимъ, по обыкновенію, сидѣлъ на своей низенькой ска-

меечкѣ, окруженный грудой старыхъ сапогъ, башмаковъ, голенищъ и всякихъ другихъ отбросовъ сапожного ремесла, которые издавали неимоверную вонь. Не здороваясь даже съ хозяиномъ, Нухимъ безъ всякихъ предисловій обратился къ нему:

— Отдай мнѣ кольцо, Хаимъ!

— Спроси у Двоси, это не мое дѣло,—струсивъ при видѣ Нухима и его товарища, проговорилъ сапожникъ.

— Хорошъ хозяинъ, который все сваливаетъ на бабу,—насмѣшливо замѣтилъ товарищъ Нухима.

— Ты не финти, Хаимъ, и къ бабѣ меня не посылай. Я съ тобой хочу дѣло имѣть. Отдай мнѣ кольцо!—подступивъ къ сапожнику и засучивъ рукава, закричалъ Нухимъ.

— Но я, право, ничего не знаю. Это дѣло Двоси,—отстраняясь отъ Нухима, вымолвилъ Хаимъ.—Поди къ Двосѣ, она тебѣ дастъ кольцо.

Въ это время изъ кухни высунулась голова Двоси. Увидѣвъ Нухима, она хотѣла захлопнуть дверь. Но Нухимъ предупредилъ ее и, схвативъ ее за руку, втащилъ въ комнату.

— Отдашь ты мнѣ кольцо?—крикнулъ онъ во все горло.

— Оставь меня... Никакого кольца я у тебя не брала,—задыхаясь отъ злости, проговорила Двося.

— Нѣтъ, брала кольцо,—вступился Хаимъ.—Что правда, то правда... Нухимъ кольцо далъ. А тамъ хочешь отдавай, не хочешь не отдавай.

— Молчи старая кляча,—крикнула на него Двося.—Тебя никто не спрашиваетъ. Не брала я кольца, а если и брала, то не отдамъ. Мало ты горя принесъ въ мой домъ. Осрамилъ весь нашъ родъ, надругался надъ невѣстой, всѣ сосѣди смѣются, проходу не даютъ... А ты еще, сатана этакой, кольцо назадъ требуешь. Бога бы постыдился и людей.

— Мнѣ то стыдиться нечего... Я то что... Я жениться хотѣлъ и съ удовольствіемъ бы женился, еслибы не родъ вашъ крещеный...

— Врешь, собака поганая! Какой у насъ родъ крещеный? Нашъ родъ, хотя и бѣдный, но благочестивый!—взвизгивала Двося.

— Ишь раскудахталась... Подумаешь, сама святость. А племянничекъ твой, банкиръ изъ Варшавы, не крещеный? Что ты на это скажешь, святая?

— Скажу, что ты извергъ изъ преисподней, самъ сатана, лопни твои глаза безстыжіе!.. Оповорили только дѣвку невинную... Кто ее теперь въ жены возьметъ?

— А ты, безстыжая, думала меня надуть!—старался перекричать Нухимъ Двосю.—У меня самого грѣховъ много, не дуракъ я, чтобы еще за чужіе грѣхи въ адъ попасть. А теперь отдай кольцо..

— Лопни я на мѣстѣ, если отдамъ кольцо...

— Не отдашь? — И подмигнувъ своему товарищу, Нухимъ сталъ загребать своими мускулистыми руками все, что ему попадалось подъ руки. Товарищъ его не отставалъ и подбиралъ съ пола все то, что не успѣлъ захватить Нухимъ.

Хаимъ въ ужасѣ отскочилъ въ сторону, а Двосю бросилась на Нухима и вступила съ нимъ въ рукопашный бой. Въ комнатѣ на мгновеніе воцарилась тишина и только слышна была возня и тяжелое дыханіе Нухима и Двоси, копошившихся на полу. Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Брайна. Бросивъ гнѣвный взоръ на водовоза, она что то швырнула ему прямо въ лицо, воскликнувъ:—На, подавись своимъ подаркомъ, безстыжій.—И вслѣдъ за этимъ она убѣжала.

Нухимъ, какъ ошпаренный, вскочилъ на ноги и нѣсколько мгновеній озирался кругомъ, не понимая въ чемъ дѣло. У ногъ его лежало завѣтное кольцо съ алмазомъ, подаренное имъ Брайнѣ. Онъ нагнулся, взялъ кольцо и внимательно осмотрѣлъ его. Потомъ онъ положилъ кольцо на столъ и, ни на кого не глядя, тихо вышелъ изъ комнаты. Его товарищъ молча послѣдовалъ за нимъ къ общему удивленію Хаима и Двоси.

— Благородно поступилъ,—прервалъ молчаніе Хаимъ.

Этого замѣчнія было достаточно, чтобы Двосю набросилась и вымѣстила на немъ кипѣвшую въ ней злобу.

— Что ты тамъ ворчишь, старая кляча!—крикнула она во всю глотку. — Хорошо ему такъ поступать, когда онъ осрамилъ насъ на всю жизнь. Никогда этого не прощу ни ему, ни сестрѣ твоей, которая сдѣлала насъ несчастными. И скажу ей все въ глаза, пусть не важничаетъ и не кичится своимъ мешумедомъ... Пропаду, а скажу ей все... И сорвавшись вдругъ съ мѣста, она крикнула мужу:—Идемъ!..

Хаимъ безпрекословно повиновался.

XXXII.

Роза вернулась домой, не сдѣлавъ всѣхъ намѣченныхъ визитовъ. У нея разболѣлась голова, и она не въ состояніи была сопровождать мать. Она прошла въ свою комнату и перемѣнила свой богатый нарядъ на легкое домашнее платье. Здѣсь было прохладно и высокія тополи защищали комнату отъ слишкомъ яркихъ лучей солнца. Роза усѣлась противъ открытаго окна и взяла въ руки первую попавшуюся книжку. Но она даже не раскрыла ее. Ее снова подхватилъ потокъ мыслей и она, сама того не замѣчая, очутилась въ самомъ его водоворотѣ. Ко всему тому, что она переживала въ послѣдніе дни, прибавилось нѣчто совсѣмъ новое, чего она не подозрѣвала, о чемъ никогда не думала. Сегодняшняя встрѣча съ Бланкомъ въ домѣ родителей ея жениха открыла ей глаза на многое. Она не сомнѣвалась, что Бланкъ ухаживаетъ за Зосей и можетъ быть женится на ней. И при этой мысли она снова поблѣднѣла какъ въ тотъ моментъ, когда она увидѣла ихъ обоихъ вмѣстѣ. Она отказывается отъ любимаго человека для того, чтобы онъ достался другой. Зося его беретъ такимъ, каковъ онъ есть; она, можетъ быть, тоже его любитъ и оттого не разсуждаетъ. А онъ... И Роза на мгновеніе закрыла глаза, желая избавиться отъ назойливой сцены, которая не переставала носиться передъ ея глазами и отъ которой у нея сердце сжималось отъ тоски и боли. Это ревность—подумала она. Но какое право она имѣетъ ревновать? Развѣ не она сама создала такое положеніе вещей?

Поправить уже ничего нельзя, да и не нужно. Зачѣмъ она только позволила Бланку придти... Онъ явится съ объясненіями, будетъ оправдывать свое поведеніе. Зачѣмъ это? Развѣ отъ этого ей станетъ легче? И Роза упрекала себя за свою слабость, за то, что она сама поддалась искушенію.

Въ это мгновеніе кто то тихо постучался въ дверь и, прежде чѣмъ Роза очнулась, въ комнату вошелъ Бланкъ. Роза и прежде часто принимала его въ своей комнатѣ, и поэтому, узнавъ отъ прислуги, что барышня у себя наверху, онъ прямо прошелъ сюда.

— Я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ разрѣшеніемъ,—

сказалъ онъ, занявъ указанное ему Розой мѣсто.—Мнѣ такъ много нужно вамъ сказать.

— Мы съ вами давно не видались...

— Это еще больше затрудняетъ мою задачу,—замѣтилъ Бланкъ.—Мнѣ и до сихъ поръ почему то не вѣрится, что я предъ вами и могу вамъ сказать то, что хочу сказать, что накопилось у меня на душѣ. Ваше недовѣріе ко мнѣ парализуетъ мою смѣлость.

— Мое недовѣріе?—вырвалось у Розы.—Но въ чемъ оно выражается? Вы знаете хорошо, какъ я къ вамъ отношусь.

— Вы замкнулись отъ меня въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и я вижу не ту Розу, которую привыкъ видѣть, чистый образъ которой живетъ въ моемъ сердцѣ. Скажите, зачѣмъ вы это дѣлаете... сдѣлали?

Розу смутилъ страстный тонъ Бланка и она, едва сдерживая свое волненіе, проговорила:

— Зачѣмъ вы меня допрашиваете? Развѣ съ васъ недостаточно совершившагося... Я васъ вѣдь не допрашиваю.

— Потому что я открылъ предъ вами свою душу и вы знаете все, все.

— И вы думаете, что этого достаточно для моего успокоенія?—подаваясь охватившему ее чувству ревности, проговорила Роза. Но ей тотчасъ же стало жаль сказаннаго, и она спокойно прибавила:—Впрочемъ, о чемъ мы споримъ. Мы оба свободны, оба можемъ дѣлать, что намъ угодно и что мы находимъ болѣе для себя удобнымъ.

— Вы свободны, это доказалъ вашъ поступокъ,—глухо проговорилъ Бланкъ.—Но я не свободенъ.

Роза съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Какъ, вы не свободны?—спросила она съ замвращающимъ сердцемъ.

— Не свободенъ, потому что я свою свободу добровольно положилъ къ вашимъ ногамъ...

— Вы? Но развѣ вы не любите Зосю?—безотчетно вырвалось у Розы.

— Я люблю васъ, Роза, и это я пришелъ вамъ сказать. Это съ моей стороны, конечно, нелѣпо, и безразсудно. Я это самъ знаю... Но я не могъ противиться больше этой внутрен-

ней потребности... Когда я увидѣлъ васъ у Беймовъ, услышалъ вашъ голосъ, взглянулъ въ ваши глаза, во мнѣ съ неудержимой силой заговорило таившееся во мнѣ чувство. Я рѣшился во что бы то ни стало объясниться съ вами, сказать вамъ, что я васъ люблю, что я всегда васъ любилъ и что этого чувства никто никогда не исторгнетъ изъ моей груди. Вы меня выслушали, и я счастливъ...

— Зачѣмъ вы мнѣ это все сказали!..—стиснувъ свои руки такъ, что у нея пальцы хрустнули, воскликнула Роза. — Или вы думаете, что вы этимъ облегчили мои страданія, успокоили мое истерзанное сердце... Подумали ли вы о томъ, что у меня есть желанія, страсти, чувства, и что разъ я ихъ скрываю отъ чужихъ взоровъ,—то и вы обязаны ихъ падить, не касаться ихъ, чтобы не причинить мнѣ боли...

Слова Розы, въ голосѣ которой слышалось съ трудомъ сдерживаемое рыданіе, произвели потрясающее впечатлѣніе на Бланка. Не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ, онъ нагнулся къ ней и, схвативъ ея холодную руку, покрылъ ее страстными поцѣлуями.

— Простите меня, ради всего святого для васъ, простите,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я менѣе всего хотѣлъ причинить вамъ страданія... Я люблю васъ, люблю безгранично... Но я и жалѣю васъ. Зачѣмъ вы идете противъ природы? Зачѣмъ вы насилуете себя, свои чувства? Ради чего? Ради созданнаго вашимъ мозгомъ фантома... ради теоріи, которая какъ всякая теорія не можетъ быть вѣчною. Все условно, все движется впередъ, все измѣняетъ свои формы. Даже наука не имѣетъ ничего абсолютнаго. А вы, по собственной волѣ, одѣли на себя цѣпи... Очнитесь, Роза, еще не поздно. Станьте свободной и идите тѣмъ путемъ, на который указываетъ ваше сердце.

— Не могу,—едва слышно проговорила Роза.

— Но почему?—скорѣе угадавъ, чѣмъ разслушавъ отвѣтъ Розы, воскликнулъ Бланкъ.—Кто заставляетъ васъ выходить за недоброкаго человѣка? Вы его не любите, Роза, я это знаю.

— Да, я его не люблю... Я совершила нехорошій поступокъ. Я его исправлю.

— Исправите?—вырвалось у Бланка, и глаза его блеснули огнемъ счастья и надежды. Совершенно обезумѣвшій отъ охва-

тившаго его восторга, онъ уналь къ ногамъ Розы и сталъ осыпая поцѣлуями ея платье, полъ, къ которому оно прикасалось.

Онъ опьянѣлъ отъ счастья, и это опьяненіе передавалось и Розѣ, и у нея голова закружилась и сладкое оцѣпенѣніе охватило ея члены. Она не могла ни говорить, ни сопротивляться. Но ея губы что то шептали, она произносила чье то имя, клялась въ чемъ то. Это были сладкіе вопли души, восторженные крики проснувагося сердца. Она любила и была любима. Она громко говорила о своей любви и ей отвѣчали страстными поцѣлуями. Она ощущала пламенное дыханіе, отъ котораго согрѣвались ея члены и таяла застывшая кровь. Это было счастье, настоящее счастье.

— Я люблю тебя и счастлива,—шептала Роза, прижимаясь къ Бланку и глядя ему прямо въ глаза.—Мнѣ казалось, что все кончено, что я порвала всѣ нити, связывавшія меня съ здѣшнимъ міромъ. Но одно осталось и оно меня удержало на краю бездны. Надолго ли?

— Надолго ли?—повторилъ за нею Бланкъ.—Навсегда. Я дамъ тебѣ счастье, я своимъ тѣломъ прикрою віяющую подъ твоими ногами пасть бездны. Я введу тебя въ иную жизнь. О, Роза, наша любовь будетъ творить чудеса.

И они глядѣли другъ другу въ глаза, они крѣпко сжимали другъ другу руки, и сердца ихъ бились такъ, что каждый слышалъ біеніе другого. Они оба были счастливы и оба сознавали, что за мигъ такого счастья можно отдать всю остальную жизнь. Для Розы все заключалась въ этомъ мигѣ, и прошедшее, и настоящее, и будущее, и она старалась только продлить этотъ мигъ, такъ какъ внѣ его для нея не было жизни, не было существованія. Она всегда такъ и представляла себѣ настоящее счастье, о немъ она мечтала въ длинныя безсонныя ночи, когда сердце ныло отъ безпричинной тоски и мысли стремились далеко за предѣлы дозволеннаго. Она, гордая духомъ, не могла мириться съ тѣмъ положеніемъ, которое ей отвела жизнь. Сильная волей, она стремилась разрушить стѣны той кѣтки, въ которую ее насильно посадили; ея чуткая душа возмущалась людскою неправдой; жизнь казалась ей цѣпью страданій, горя и жестокостей, а люди палачами, которые безпощадно губятъ и себя, и другихъ. И вдругъ все это исчезло, и она сразу

поднялась на такую высоту, что у нея голова закружилась отъ восторга и удивленія. Ни гнета, ни страданій, ни тѣхъ тяжелыхъ кошмаровъ, которые исторгали страшные стоны изъ ея груди, ни чувства одиночества и придавленности... О, какое счастье!.. И если это счастье дано ей даже на одинъ мигъ, то и тогда она охотно отдастъ за него всю жизнь.

До изощреннаго слуха Розы донесся какой то неясный шумъ... Она вся встрепенулась, точно отъ предчувствія чего то страшнаго... Неужели мигъ уже прошелъ?

— Ты слышишь?—проговорила она шепотомъ, устремивъ испуганный взглядъ на Бланка.

— Я ничего особеннаго не слышу. Это, вѣроятно, Клара и мальчики шалать,—отвѣчалъ Бланкъ. И онъ еще крѣпче стиснулъ руки Розы, какъ бы желая этимъ пожатіемъ влить въ ея сердце всю силу своей любви. Роза снова забылась и снова прижалась къ Бланку. Но чрезъ мгновеніе она снова встрепенулась и снова стала прислушиваться.

— Слышишь?..—вдругъ крикнула она такимъ голосомъ, что у Бланка волосы стали дыбомъ.—Тамъ что то случилось. Идемъ скорѣе... И она стремительно бросилась къ двери и побѣжала внизъ по лѣстницѣ, прежде чѣмъ Бланкъ успѣлъ опомниться. Въ себя отъ ужаса онъ побѣжалъ за Розой. Черезъ минуту они были уже въ комнатѣ Цицы, и то, что они увидѣли, было такъ ужасно, что кровь застыла въ ихъ жилахъ. Схватившись своими морщинистыми руками за голову, Цица, точно безумная, рвала свои сѣдые рѣдкіе волосы. Она не издавала никакого звука, но старческое лицо ея было до нельзя напряжено, а глаза налиты кровью. Она металась въ креслѣ и силилась встать, чтобы куда нибудь бѣжать. Но ее удерживали Хаимъ и Двоя, видъ которыхъ былъ не менѣе страшенъ, чѣмъ видъ Цицы. Увидя сына, она на мгновеніе успокоилась, перестала рвать свои волосы и устремила на него вопрошающій и полный нѣмого укора взглядъ. Потомъ она вдругъ откинулась на спинку кресла, а руки ея какъ то сами собой опустились. И Роза и Бланкъ, охваченные оцѣпенѣніемъ, глядѣли на эту безмолвную сцену, полную глубокаго и невыразимаго трагизма. И только отчаянный безумный крикъ Двояси заставилъ ихъ очнуться и познать совершившееся на ихъ глазахъ.

XXXIV.

Мигъ счастья, одинъ только мигъ... Какъ она его желала, съ какой силой рвалась къ нему ея душа. Точно горный потокъ, котораго не можетъ удержать никакая плотина, всё ея мысли и чувства въ страшномъ, неимоверномъ напряженіи устремились по одному направленію, и она была подхвачена и унесена ихъ волнами. И мигъ исчезъ, и вѣтъ его больше... Роза спокойно слѣдила за своими мыслями, отдаваясь ихъ теченію, какъ усталый пловецъ отдается теченію волнъ, успокоившихся послѣ бури. Она только что вернулась съ кладбища, на которомъ похоронили Ципу, эту несчастную старуху, которая сдѣлалась жертвой роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Сапожникъ съ женой пришли къ ней жаловаться на оскорбленіе, нанесенное имъ Нухимомъ Шрайеромъ. Воспользовавшись отсутствіемъ хозяйки, они пробрались въ комнату Ципы и рассказали ей то, что отъ нея такъ тщательно скрывали и о чемъ она сама во время своей болѣзни забыла. Это было ужасное извѣстіе, котораго Ципа не могла перенести. Это извѣстіе убило въ ней самое возвышенное, самое лучшее и самое идеальное, что было въ ней, что дѣлало изъ ея во всемъ остальномъ грубой и посредственной природы идеальный образъ. Во всё эти длинные безконечные часы, когда во всемъ домѣ царилъ какой то особый духъ, духъ смерти, когда взрослые ходили съ серьезными задумчивыми лицами, а дѣти притаились въ классной и не рѣшались выйти оттуда, Роза не переставала думать о странной судьбѣ Ципы. И тѣмъ больше она вникала въ тайну совершившагося, тѣмъ болѣе выяснялся для нея глубокій его смыслъ и тѣмъ рѣзче выступала аналогія между ея внутреннимъ міромъ и внутреннимъ міромъ Ципы. Развѣ Ципа въ концѣ концовъ не отстаивала ту же свободу духа, за которую и она борется? Для Ципы идея о Богѣ былъ тотъ кульминаціонный пунктъ, въ которомъ сосредоточивались всё ея духовныя потребности. Для нея кульминаціонный пунктъ въ ея собственномъ сознаниі, во внутренней свободѣ, въ свободѣ ея духовной индивидуальности.

Насиліе надъ этимъ нѣжнымъ цвѣткомъ человѣческой инди-

видуальности, изъ какого источника, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало, есть самое тяжкое преступленіе, какое когда либо совершалось. Такъ думала Роза, и эти мысли постепенно примиряли ее съ Ципой, смерть которой ей вначалѣ казалась результатомъ дикаго и ничѣмъ не оправдываемаго фанатизма. Бланкъ и до сихъ поръ держался такого мнѣнія и ей стоило много труда убѣдить его въ противномъ.

— Вы правы,—долженъ былъ онъ сознаться, — фанатизмъ только слово, понятіе, которое нисколько не объясняетъ истинной сущности совершающагося подъ этимъ этикетомъ психическаго процесса. Нашъ духовный міръ слишкомъ сложенъ, чтобы подаваться одностороннимъ опредѣленіямъ. Самое лучшее, это не насиловать его, не навязывать ему ничего такого, что въ данный моментъ онъ не хочетъ или не можетъ воспринять.

— Какъ, я счастлива, что и вы это признаете,—неволью вырвалось у Розы.

— Я это всегда признавалъ, — грустно сказалъ Бланкъ. И взглянувъ на Розу, онъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ и прибавилъ:—Но есть исключенія. Роза, которыя требуютъ отступленія отъ только что высказаннаго. Я отступилъ потому, что предо мной открылось гѣчто такое, что перевернуло весь мой внутренній міръ, всѣ мои понятія и представленія, нѣчто такое, что меня переломило. Но и вамъ предстоитъ сдѣлать отступленіе.

Роза молчала.

— Вы молчите, Роза. Я сознаю, какъ велика жертва, которую я требую отъ васъ. Это насиліе, страшное насиліе надъ вашей духовной свободой. Но развѣ тотъ изъянъ, который останется отъ нанесеннаго насилія, не будетъ восполненъ любовью?

— Не будемъ объ этомъ говорить теперь, — сказала она послѣ долгаго мучительнаго размышленія. — Время намъ подать совѣтъ, что дѣлать.

И вотъ это время для Розы наступило. Она теперь была опять одна и никто не мѣшалъ ей думать и рѣшать. Ципу похоронили, всѣ опять успокоились. Жизнь вошла въ прежнюю колею и ея требованія снова выступили на первый планъ. И къ ней предъявлены требованія со всѣхъ сторонъ, и она

немедля должна выполнить эти требованія, или объявить себя банкротомъ. Розѣ понравилось это сравненіе, и она тихо улыбнулась. Уже вечерѣло, и чудный отблескъ южнаго лѣтняго заката лежалъ на всѣхъ предметахъ, которыя находились въ комнатѣ. Роза сказала, что она больше внизъ не сойдетъ и распрощалась со всѣми. Жениху она велѣла завтра пріѣхать пораньше. «Мнѣ нужно кое что вамъ передать» — прибавила она привѣтливо.

Беймъ уѣхалъ счастливый. Одинъ Бланкъ почему то не уходилъ. Онъ сидѣлъ на терассѣ и слушалъ веселую болтовню Клары. Сквозь открытыя окна въ ея комнату порой врывался дѣтскій раскатистый хохотъ сестры и мысли направлялись туда, гдѣ сидѣлъ Бланкъ и думалъ о ней. Онъ ей подарилъ мигъ счастья. Чего же ей еще нужно? А онъ, онъ, что же съ нимъ будетъ? Съ какой опредѣленностью онъ проявилъ свою мужскую волю. Онъ по своему правъ. Но и она права, и онъ пойметъ ее и не осудитъ.

Сумерки все болѣе и болѣе сгущались. Лиловый воздухъ быстро темнѣлъ и высокіе тополи медленно окутывались какъ бы черной пеленой. Становилось темно и въ комнатѣ. Но Роза не зажигала огня. Ей такъ было хорошо, спокойно. Мысли точно остановились и не шли дальше. Да и некуда было. Тамъ, за предѣлами бытія все было неизвѣстно и теперь, какъ и миллионъ лѣтъ тому назадъ, человекъ стоитъ передъ этой загадкой въ глубокомъ недоумѣніи. И миллионъ лѣтъ и одинъ мигъ въ этомъ отношеніи сравнивались. А въ бытіи, въ жизни, развѣ не то же самое? Счастье, котораго такъ жаждетъ человекъ, развѣ не опредѣляется однимъ мигомъ. И сколько бы такихъ миговъ послѣ ни было, развѣ счастье станетъ отъ этого цѣльнѣе, полнѣе? Чувство покоя, вѣчнаго, безконечнаго покоя все болѣе и болѣе охватывало Розу. Постепенно, одни за другими отступали мірскія желанія, мірскія страсти, и это было такъ естественно, и сердце ея не возмущалось, мозгъ не протестовалъ. И зачѣмъ сердцу возмущаться, когда она дала ему полное удовлетвореніе, зачѣмъ мозгу протестовать, когда онъ самъ своей сознательной работой довелъ ее до искомаго исхода. Другого исхода нѣтъ, или она его, по крайней мѣрѣ, не видитъ. Роза встала и подошла къ письменному столу. Тамъ она легко

нашла, что ей нужно. Свѣта не понадобилось. Она теперь видѣла въ темнотѣ такъ ясно, такъ отчетливо, какъ при самомъ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Но вдругъ ея неземное спокойствіе на мгновеніе было нарушено. Ей почудилось, что кто то тихо назвалъ ее по имени. Она подошла къ окну и высунула голову. Внизу, подъ окномъ, въ дымкѣ ночной мглы вырисовывался силуэтъ Бланка. Своими просвѣтленными очами она ясно увидѣла его страдальческое лицо и безпредѣльное отчаяніе въ его глазахъ. Она хотѣла отскочить назадъ, но не могла. Члены ея уже не повиновались ей. И онъ увидѣлъ ее и простеръ къ ней руки.

— Роза, Роза,—точно замогильный стонъ раздалось въ ночномъ воздухѣ. Этотъ стонъ вторично вызвалъ къ жизни Розу.

— Чего вы отъ меня хотите?

— Роза! одинъ взглядъ, одно твое слово. Ты мнѣ не отвѣтила на мой послѣдній вопросъ. Скажи мнѣ одно слово... меня мучить страхъ.

— Поздно,—лаконически сказала Роза.

— Нѣтъ, не поздно. Скажи мнѣ одно слово, не отпускай меня такъ. Я не переживу этой ночи.

— Будьте тверды и постарайтесь меня забыть.

— Роза!—пронеслось въ ночномъ воздухѣ. Но отвѣта не послѣдовало. Тогда Бланкъ, охваченный предчувствіемъ чего то рокового, бросился по темной лѣстницѣ на верхъ и чрезъ минуту былъ въ комнатѣ Розы. Здѣсь было темно и таинственно, какъ въ могилѣ. Его ужасъ усилился и онъ нѣсколько мгновеній метался какъ сумасшедшій, пока его руки оцупали лежавшую на полу Розу. Онъ схватилъ ее въ свои объятія и сталъ отогрѣвать ее своимъ дыханіемъ.

— Роза, Роза, очнись, я здѣсь, я около тебя. Я не уйду, я не расстанусь съ тобой.

Но отвѣта не послѣдовало.

— Я умру вмѣстѣ съ тобой. Скажи мнѣ одно слово... И Бланкъ покрывалъ поцѣлуями ея похолодѣвшія уста, ея глаза, ея волосы. Но отклика не было; и страстные слова, и страстные лобзанья оставались безъ отвѣта. Такъ прошло много времени. Бланкъ пересталъ допрашивать. Онъ тихо сидѣлъ на полу и крѣпко держалъ въ своихъ объятіяхъ безжизненное

тѣло Розы. Взошла луна и своими блѣдными лучами озарила блѣлое лицо Розы. Бланкъ заглянулъ въ ея открытые глаза и улыбнулся ей. Какъ она хороша при лунномъ сіяніи—подумалъ онъ. И потомъ мысли его опять остановились, какъ испорченные часы. Прошло еще много времени и на небѣ стала заниматься заря. Въ комнатѣ стало свѣтлѣе. Бланкъ опять заглянулъ въ открытые глаза Розы и опять подумалъ: «какъ она хороша при свѣтѣ зари!» Но вдругъ словно въ головѣ его прояснилось. Онъ въ ужасѣ оглянулся кругомъ, взглянулъ на похолодѣвшій трупъ Розы и изъ его груди вырвался дикій, отчаянный вопль. Черезъ минуту онъ лежалъ рядомъ съ Розой и только алая струйка крови на вискѣ объясняла причину его смерти.

С. Ярошевскій.

Конецъ.

Изъ переписки М. Фейта и М. Закса.

(Окончаніе ¹).

Х.

Фейтъ — Заксу.

Верлингъ, 4 октября 1840 года.

Тебѣ приходится говорить проповѣди, мнѣ тоже, хотя и не съ синагогальной кафедрой, а послѣднее обстоятельство отнимаетъ у меня, пожалуй, больше времени, чѣмъ у тебя. Евреи, Господь Богъ и немножко служенія Гутенбергу между дѣломъ — вотъ занятія мои за цѣлый день. Но дѣло подвигается впередъ: у людей прибыло храбрости и бодрости, наступаетъ новая жизнь и слѣдуетъ ковать желѣзо, пока оно горячо.

Итакъ, во вторникъ вернулся нашъ Гиршфельдтъ. На четвергъ было назначено чрезвычайное засѣданіе, а именно по поводу приглашенія *даяна*. Я съ своей стороны отлично настроилъ дѣло, при случаѣ оказалъ воздѣйствіе на неблагопріятные на этотъ счетъ взгляды, которые все еще тамъ и сямъ выплывали наружу, и добился наконецъ такой *tabula rasa*, которая отлично была подготовлена къ принятію моего посѣва. Іоэль Мейеръ былъ настолько подготовленъ мною и вѣроятно также своимъ братомъ, что онъ самъ выступилъ съ предложеніемъ. При этомъ онъ сказалъ также рѣчь, въ которой, къ вѣщему моему удовольствію, усердно развивалъ мои собственные на данный вопросъ взгляды. Что мнѣ тебѣ сказать? *Всѣ* согласились не только съ тѣмъ, что необходимо из-

¹ См. «Восходъ» кн. XI.

брать третьяго даяна, но и съ тѣмъ, что именно ты являешься въ данномъ случаѣ *homme nécessaire*.

Эта часть засѣданія прошла очень быстро и лишь способъ, какъ обставить дѣло относительно подлежащей правительственной власти, повелъ къ оживленному обмѣну мыслей.

Итакъ, первая и самая главная стадія въ этомъ дѣлѣ пройдена и притомъ по единогласному рѣшенію; къ сожалѣнію, не раздалось тутъ того одного голоса, который теперь замолкъ на вѣки: какъ тебѣ вѣроятно уже извѣстно, смерть похитила изъ нашей среды Бурга, того неутомимаго работника, который единственный изъ всѣхъ насъ являлся человѣкомъ дѣйствительно незамѣнимымъ. Характеръ слѣдующаго засѣданія опредѣлился новымъ, побочнымъ происшествіемъ, а именно полученіемъ вторичнаго предписанія отказать отъ знаменитаго одѣянія—шапочки и мантіи. Впрочемъ, это предложеніе совершенно законно, такъ какъ отказъ правительства утвердить этотъ костюмъ датируетъ еще со временъ покойнаго короля (Фридриха Вильгельма IV); дѣло въ томъ, что существуетъ *приказъ*, котораго начальникъ полиціи лишь до сихъ поръ изъ гуманности не приводилъ въ исполненіе. Но въ концѣ-концовъ и самъ начальникъ полиціи не можетъ противиться приведенію въ исполненіе этого приказа, такъ какъ въ дѣло виѣшалось министерство и это виѣшательство имѣетъ свое совершенно законное обоснованіе. Такъ какъ мы съ этимъ дѣломъ обращались уже рѣшительно ко всѣмъ инстанціямъ, то намъ оставалось бы только одно—обратиться съ прошеніемъ къ лицу самого короля, но противъ такой мѣры я давно уже протестовалъ. Въ качествѣ такъ назыв. *Schiboleth*, все это дѣло является лишь имѣющимъ относительное значеніе. Неужели можно ожидать, чтобы король именно такъ сразу и отнесся къ этому вопросу? Не вѣрнѣе-ли будетъ предположить, что онъ, который такъ склоненъ къ насмѣшкѣ и глумленію, взглянетъ на все это дѣло исключительно съ комической стороны? Да и можно-ли допустить, чтобы онъ отнесся къ

первому встрѣчающемуся ему *еврейскому* дѣлу именно съ такой точки зрѣнія?

Поэтому выберемъ изъ двухъ золъ меньшее—кратковременное торжество противниковъ нашихъ.

Вся эта интермедія настроила общество къ тому, чтобы относиться къ разрѣшаемымъ вопросамъ съ крайнею осторожностью, и я долженъ признаться, что я лично въ данномъ случаѣ вполне солидаренъ съ рѣшеніемъ твоего дѣла. Именно было постановлено, и притомъ въ твоихъ же собственныхъ интересахъ, сдѣлать необходимые шаги сперва въ министерствѣ просвѣщенія раньше, чѣмъ обратиться къ самой общинѣ („совѣтамъ изъ 27 и 33 мужей“). Соответствующая докладная записка будетъ немедленно заготовлена, но пока не отправляется, такъ какъ желательно обождать вступленія въ должность новаго министра. Это соображеніе является въ данномъ случаѣ *conditio sine qua non*, такъ какъ невозможно рѣшать съ временнымъ министерствомъ такія дѣла, которыя въ самомъ принципѣ своемъ не предполагаютъ возможности измѣненія.

Мы пока еще не пришли къ окончательному соглашенію насчетъ размѣра нашихъ требованій, хотя намъ и хочется добиться известной гарантіи относительно непріятія никакихъ доносовъ и ссылокъ на злополучный кабинетный указъ 1823 года. Лишь гарантировавъ себѣ такое прочное основаніе, мы явимся съ нашимъ предложеніемъ къ общинѣ. Что ты заранѣе согласишься на твое назначеніе, это является вопросомъ рѣшеннымъ, благодаря моему въ томъ ручательству. Министерству мы пока не назовемъ ни одного опредѣленнаго лица, и имя твое произнесется лишь тогда, когда дѣло будетъ почти что въ шляпѣ. Равнымъ образомъ и къ тебѣ обратятся лишь тогда съ вполне опредѣленнымъ предложеніемъ, когда можно будетъ сообщить тебѣ всѣ условія совершенно ясно и точно. Въ случаѣ если министр Эйхгорнъ вступить въ должность лишь къ Новому году, дѣлу придется до тѣхъ поръ остаться безъ дальнѣйшаго движенія, хотя я самъ не думаю, чтобы столь многими для многаго съ нетерпѣніемъ ожидаемый моментъ будетъ

отложенъ на столь дальній срокъ. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ твоихъ заключеній я считаю себя вправѣ заключить, что и тебѣ наиболѣе понравится такой способъ веденія даннаго дѣла.

8 октября.

Это письмо я рассчитывалъ послать тебѣ такимъ образомъ, чтобы ты получилъ его въ моменту окончанія поста, въ то время, когда засверкаютъ первыя звѣзды, дабы ты увидѣлъ въ немъ своего рода звѣзду и, если поможетъ Господь Богъ, счастливую! Но мнѣ совершенно не было возможно окончить его и потому тебѣ придется согрѣваться пріятными надеждами лишь въ Куцахъ, а это согрѣваніе не мѣшаетъ въ виду наступленія порядочныхъ-таки холодовъ.— Не забудь только одного (ужъ я лучше лишній разъ, быть можетъ и не кстаети, напомню тебѣ объ этомъ), именно диплома, которымъ тебѣ придется запастись во-время, чтобы онъ былъ на лицо когда онъ тебѣ будетъ безусловно необходимъ. Этого вопроса не минуешь, и чѣмъ больше ты станешь противиться доставить его, тѣмъ болѣе вѣсу придашь ты пустой формальности, на которую каждый и смотритъ какъ на простую формальность, но которую каждый поэтому то и считаетъ совершенно естественною и соблюденною.

Въ теченіе прошлаго мѣсяца прибыли сюда депутаты изъ Бреславля и Кенигсберга (прусскаго), съ которыми, во время моего отсутствія, былъ установленъ срокъ сѣзда. Что всѣ мои сообщенія тебѣ объ этомъ дѣлѣ должны оставаться въ строжайшей тайнѣ, это мнѣ не приходится особенно напоминать тебѣ уже потому, что у тебя даже не будетъ дома случая да и охоты распространяться объ этомъ, но все-таки не хочу изъ чувства долга забыть сказать тебѣ это. Итакъ, было рѣшено выяснитъ себѣ настроеніе и взгляды короля, чтобы затѣмъ при ближайшей возможности выступить съ прошеніемъ о полномъ примѣненіи эдикта 11 марта 1812 года, т. е. просить *полнѣйшей равноправности*. Значительное большинство членовъ сѣзда подало голоса свои за такой катего-

рический образъ дѣйствія, лишь одинъ рѣшился было лавировать, и нѣсколько другихъ членовъ высказали нѣкоторыя другія соображенія. Мнѣ было поручено составленіе петиціи или, вѣрнѣе, я выпросилъ себѣ это порученіе, такъ какъ не хотѣлъ довѣрить это дѣло Рубо. Этотъ документъ не долженъ носить характеръ юридическаго изслѣдованія. Мнѣ хотѣлось дать лишь такое изображеніе дѣйствительности, которое приблизило бы съ чисто человѣческой точки зрѣнія къ сердцу короля положеніе современнаго еврейства. Пусть онъ вполне наглядно представитъ себѣ всѣ результаты со всѣхъ сторонъ сдерживаемаго развитія врожденной евреямъ духовной мощи. Все нравственное горе, весь жизненный разладъ всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ чему-либо болѣе высокому, чѣмъ является простая промышленность, все это обрисовалъ я такими красками, которыя обыкновенно не примѣняются въ официальной запискѣ. Однако я сознательно не щадилъ этихъ красокъ, ибо глубоко убѣжденъ, что онѣ сдѣлаютъ оказать свое дѣйствіе¹. Въ другомъ засѣданіи мой мемориаль, подвергшійся лишь незначительнымъ измѣненіямъ въ деталяхъ, былъ одобренъ, и ему будетъ данъ надлежащій ходъ, какъ только состоится назначеніе новаго министра. Хотя бумага и предназначается именно лично для короля, все-таки придется приготовиться къ тому, что она будетъ передана министру для доклада.

Правленія бреславльской и венигсбергской общинъ во всей своей совокупности подпишутся подъ нею, и такимъ образомъ этотъ серьезный починокъ будетъ исходить отъ лица главныхъ общинъ тѣхъ старыхъ областей, въ которыхъ эдиктъ имѣетъ полную силу свою. Даже если мы получимъ полный по всѣмъ пунктамъ отказъ, даже въ такомъ случаѣ нравственное вліяніе такого сообщенія предпринятаго почина будетъ имѣть особенное значеніе. Не раздѣляешь-ли и ты моего взгляда на это? Очень бы хотѣлось показать тебѣ свою работу, которая, между нами будь сказано, имѣ

¹ См. „Восходъ“, VII, стр. 70—71
Восходъ, кн. 12.

вполнѣ удалась и въ которой я ничего не забылъ, упомянувъ даже о недостойномъ употребленіи крещенія со стороны правительства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ откровенность, особенно по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, является для насъ величайшею жизненною мудростью, и я полагаю, что не ошибся, считая данный случай вполнѣ для нея подходящимъ. Что здѣсь были делегаты, это, какъ ты легко представишь себѣ, не осталось ни для кого тайною. Лишь бы только наше рѣшеніе оставалось до поры до времени тайною, такъ какъ все дѣло сводится къ тому, чтобы заставить общество врасплохъ и овладѣть его настроеніемъ. За ужиномъ, который былъ устроенъ нашимъ правленіемъ пріѣзжимъ гостямъ, присутствовалъ также прибывшій изъ Лондона Isaak Lyon Goldschmid, самый ярнй борець за еврейскую эмансипацію въ Англіи.

Относительно элементарныхъ школъ готовится новое законоположеніе, о которомъ мнѣ 78-лѣтній Штегеманъ далъ кое-какія указанія. Послѣ цѣлаго ряда фазисовъ безсмыслія и крайней ограниченности, чрезъ которые прошелъ этотъ законъ, онъ наконецъ поставленъ на либеральную почву, доходя даже до того, что требуетъ, чтобы государство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда община не будетъ въ состояніи собрать нужныя для открытія школы денежные средства, отпускало свои собственныя ассигновки. Это такое рѣшеніе, что если оно только осуществится на самомъ дѣлѣ, низведетъ на ничто весь принципъ о лишь терпимомъ исповѣданіи, потому что всякая элементарная школа главнымъ образомъ преслѣдуетъ религіозныя цѣли, а еврейское начальное училище требуется лишь въ виду вѣроисповѣднаго различія среди дѣтей. Штегеманъ предложилъ мнѣ изложить на бумагѣ тѣ мысли мои, которыя я развилъ ему, и такимъ образомъ возникли „Bemerkungen über jüdisches Schulwesen“, которыя я, послѣ тщательнаго совѣстно съ Цунцомъ разсмотрѣнія, и передалъ старому Тиртею. Послѣдній же возьметъ на себя провести это дѣло въ государственномъ совѣтѣ и сдѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, хотя бы для того, чтобы показать болѣе молодымъ коллегамъ своимъ, что

ему ничто не чуждо. Онъ даже поручилъ Вердеру передать мнѣ, чтобы я тотчасъ же по моемъ возвращеніи посѣтилъ его.

Хорошее предзнаменованіе усмотрѣлъ ты, вѣроятно, также и въ приглашеніи, которое получали старѣйшины еврейскихъ общинъ вмѣстѣ съ магистратомъ и городскими гласными, участвовать въ торжественной встрѣчѣ короля при его въѣздѣ въ столицу. Намъ помѣстили даже въ официальное росписаніе церемоніала. И вотъ, въ то самое время, какъ какой-то фиктивный законъ оспариваетъ у насъ права корпораціи, насъ сопричисляють къ представителямъ города, къ старшинамъ купеческаго и депутатамъ духовнаго сословія; какъ тѣ, такъ и другіе вмѣстѣ съ нами занимали мѣста на одной и той же трибунѣ и съ ними же мы слѣдовали въ процессіи за экипажемъ короля. Для ознаменованія радостнаго событія мы основываемъ теперь новую больницу, т. е. строимъ новое зданіе для богадѣльни. Съ этою цѣлью я уже развѣзжалъ вмѣстѣ съ I. Мейеромъ по городу и собиралъ подписку. Пока намъ удалось собрать около 10000 талеровъ и слѣдовательно мы теперь уже въ состояніи приступить къ осуществленію намѣченнаго плана.

О нашемъ торжествѣ въ память Гутенберга ты вѣроятно уже читалъ въ газетахъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что рѣчь Л. въ большомъ залѣ университета и мой застольный тостъ были лучшими моментами этого дня. Меня было единогласно избрали въ ораторы, но я отклонилъ отъ себя эту честь, такъ какъ зналъ, что Л., у котораго была безконечная масса хлопотъ по устройству чествованія, успѣлъ уже приготовиться къ рѣчи. Для меня было большимъ удовлетвореніемъ, что онъ былъ принужденъ произнести ее, и я вдвойнѣ порадовался своему продолжительному пребыванію въ Прагѣ, ибо иначе мнѣ бы не миновать было выбора въ распорядительный комитетъ.

Къ ужасу своему замѣчаю, что я чуть не ударился въ кваторство; но этотъ разъ у меня, право же, было столько новостей, да и не хотѣлось упустить случая подѣлиться съ тобою всѣми

своими радостями. Лишь бы Господь далъ урожай, за работнигъ дѣло не станетъ, и при такой массѣ закрытыхъ инѣ для живой дѣятельности путей я благодаренъ Пронислу за всякую возможность принѣнять свои силы, которыхъ у меня еще довольно для всего хорошаго и прекраснаго, и въ особенности для того, чтобы заключить тебя, дорогой и милый мой, въ сердце свое и удержать тебя въ немъ на вѣки.

XI.

Фейтъ—Заксу.

9 и 10 мая 1842 г.

Послѣ 2¹/₂ часоваго ожиданія въ пріемной инѣ наконецъ удалось переговорить съ его превосходительствомъ. Весь данный случай является крайне необычнымъ и въ высшей степени характеристичнымъ въ смыслѣ того, какъ здѣсь дѣйствуетъ правительство. Дѣло тебѣ извѣстно: тѣ ужасныя цифры въ *Kamptz'sche Jahrbücher*, изъ которыхъ можно будто бы вывести предположеніе о большей преступности евреевъ прусскаго королевства въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ, служили предметомъ нашей бесѣды. Еще недавно всѣмъ вѣдомствамъ былъ разосланъ циркуляръ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; циркуляръ этотъ содержитъ въ себѣ, по отношенію къ вопросу о еврейскихъ школахъ, нѣкую долю довольно робкаго прогресса. Но за то въ введеніи къ этому циркуляру прямо таки утверждается, будто опытъ, показавшій, что евреи совершаютъ значительно болѣе всѣхъ прочихъ подданныхъ Пруссіи преступленій, является ближайшимъ поводомъ даннаго мѣропріятія со стороны министерства. Вотъ тебѣ настоящій клубокъ софистики и лжи! Вѣдь первый поводъ къ организаціи еврейскаго школьнаго дѣла заключается въ вотъ уже 30 лѣтъ существующемъ на бумагѣ § 39 эдикта отъ 11 марта 1812 года. Въ виду этого *обязанность* министра

регулировать синагогальныя и школьныя установленія евреевъ; ужъ еслибы вышеуказанное утвержденіе о большей среди евреевъ преступности имѣло какое нибудь фактическое основаніе, то слѣдовало бы изслѣдовать, не лежитъ ли вина въ этомъ отношеніи *всецѣло* и *исключительно* на пренебреженіи, съ которыми доселѣ относились къ еврейской школѣ и преподаванію въ ней закона вѣры. Наконецъ, весь этотъ циркуляръ является результатомъ переговоровъ, длившихся болѣе двадцати лѣтъ сряду.

Благодаря старику Штегеману мнѣ удалось познакомиться со всей исторіей этихъ переговоровъ и мнѣ самому пришлось представить ему, какъ докладчику въ государственномъ совѣтѣ, объяснительную по этому поводу записку, имъ же отъ меня истребованную. Поэтому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чистѣйшимъ иезуитизмомъ, если теперь въ основу министерскаго иѣропріятія кладется совершенно новый, доселѣ вовсе никому неизвѣстный фактъ.

Что всѣ эти исчисленія сами по себѣ основываются на грубой ошибкѣ, это я тебѣ уже однажды объяснялъ. Всѣ преступленія распредѣляются по пяти рубрикамъ: а) уголовныя преступленія; б) фискальныя; с) полицейскія нарушенія; д) порубки лѣсныхъ, е) недозволенная охота и другія нарушенія различныхъ постановленій. На той таблицѣ, гдѣ преступленія распредѣляются по вѣроисповѣданіямъ преступниковъ, заполнены лишь рубрики подъ литерами а, б и с. тогда какъ двѣ послѣднія рубрики (д и е) совершенно въ ней отсутствуютъ. А между тѣмъ число провинившихся по этимъ пунктамъ (въ средѣ ихъ евреи *вовсе* вѣроятно не попадаютъ) въ общей сложности вдвое больше преступниковъ первыхъ трехъ категорій, такъ что *числовое* отношеніе прямо таки *благопріятно* евреямъ. Однако этотъ выводъ въ моихъ глазахъ имѣетъ ровно такое же маловажное значеніе, какое имѣлъ бы и противоположный ему результатъ. Между тѣмъ насколько несправедливо не принимать въ соображеніе указанныя двѣ послѣднія категоріи преступленій, вытекаетъ изъ слѣдующаго простаго сопоставленія:

Евреи представляютъ изъ себя городское населеніе, которому предоставлены *исключительно* торговля и ремесла. Такъ какъ побужденіе къ совершенію преступленій находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ профессіи человѣка, то изъ этого слѣдуетъ, что сравнивать можно лишь однородное съ однороднымъ. Очень хотѣлось бы знать, имѣетъ ли въ смыслѣ своей преступности тысяча купцовъ, мелкихъ торговцевъ, разнощиковъ или ремесленниковъ изъ христіанъ какое-либо преимущество предъ столькими же еврейскими коллегами по профессіи. Аналогію для мелкихъ кражъ и обмановъ, практикуемыхъ въ городахъ, для сельскаго населенія и его правовыхъ отношеній являются лѣсныя порубки и т. п. преступленія: кто изъ городскихъ жителей украдетъ серебряную ложку, чтобы, продавъ ее, купить себѣ на вырученныя деньги дровъ, такъ какъ онъ мерзнетъ въ своей квартирѣ, тотъ подобенъ ворующему крестьянину, имѣющему то удобное преимущество, что можетъ прямо пойти и непосредственно украсть чужія дрова. Впрочемъ подобныя соображенія настолько элементарны, что никому не приходили въ голову. Точно такимъ же образомъ и другія сопоставленія были оставлены безъ вниманія. Такъ, напр., составители таблицы просто *подсчитываютъ* число преступленій вѣдѣ того, чтобы *взвѣшивать* ихъ по существу, и потому въ ихъ глазахъ убійство и мелкая кража представляются фактами совершенно идентичными. Наконецъ, въ таблицѣ перечислены лишь случаи назначенія слѣдствій по дѣламъ, а не обвинительные вердикты, помѣщены случаи преступленій безъ всякаго отношенія къ личности преступниковъ. Вѣдь если бы отнестись серьезно къ послѣднему вопросу, то выяснилось бы, что преступленія совершаются постоянно либо одними и тѣми же лицами, либо опредѣленною категоріею лицъ, такъ что значительная часть общаго населенія страны оставалась бы совершенно въ сторонѣ отъ этого. Итакъ, если желаемъ опредѣлить, насколько нравственная чума проникла въ народную массу, необходимо обратить также вниманіе на отдѣльныя личности преступниковъ по принадлежности ихъ къ тому или другому

сесловію; а такъ какъ преобладающее большинство преступленій, совершаемыхъ евреями, находится въ тѣсной связи съ бытомъ мелкой торговли, то я готовъ предположить, что и разсмотрѣніе вопроса съ этой точки зрѣнія повело бы къ благопріятнымъ для евреевъ результатамъ. Въ одинаковой мѣрѣ возможно, что процентное отношеніе оправданныхъ къ обвиненнымъ значительно выше у евреевъ, чѣмъ у прочаго населенія, опять таки вслѣдствіе связи возбуждаемыхъ дѣлъ съ мелкою и разносною торговлею. Вѣдь при мошенническихъ продѣлкахъ и кражахъ обвинителемъ является нерѣдко общественное мнѣніе, а не отдѣльное лицо; поэтому на ярмаркахъ и періодическихъ базарахъ въ такихъ преступленіяхъ обвиняются нерѣдко цѣлыя группы лицъ, быть можетъ все еврейское населеніе мѣстечка, ихъ арестуютъ и затѣмъ часть ихъ оправдывается судомъ.

Взаимнѣ всѣхъ этихъ чисто житейскихъ соображеній была взята лишь одна мертвая цифра, къ тому же являющаяся слѣдствіемъ совершенно неправильныхъ и ошибочныхъ сопоставленій. И такое отношеніе къ дѣлу правительство находитъ вполне достойнымъ себя!

Покойному государю эта цифра бросилась въ глаза и вотъ онъ потребовалъ доклада о причинахъ непопулярной преступности между евреями. Въ виду этого министръ разослалъ предложенія всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, но ни одному изъ послѣднихъ и въ голову не пришло подвергнуть разсмотрѣнію основанія всего этого вопроса. Каждый изъ чиновниковъ началъ писать свои донесенія, въ которыхъ старался приводить объяснительные мотивы, „основательнѣйшія обоснованія“, какъ ихъ обыкновенно называлъ съ ѣдкой насмѣшкою старикъ Пегель. Спусти четыре года, собранъ наконецъ весь матеріалъ; изъ него составляется общій отчетъ и представляется на благоусмотрѣніе короля. У меня есть причины предполагать, что этотъ отчетъ неблагопріятенъ для евреевъ. Случилось то, что я предполагалъ, а именно: тотъ результатъ, который считался вполне основательно обоснованнымъ лишь потому, что на

него въ теченіе четырехъ лѣтъ изводили бумагу и чернила, сталъ аксіомой подобно тому, что $2 \times 2 = 4$, и вѣсть съ тѣмъ перешелъ цѣликомъ и въ циркуляръ министерства просвѣщенія.

Наступилъ моментъ, когда надлежало дѣйствовать: замедленіе представляло опасность и при томъ такую, которая казалась мнѣ серьезнѣе, чѣмъ впечатлѣніе, произведенное убійствомъ патера Thomas'a. Если бы дѣло шло о путешествіи на востокъ, то его рѣшили бы немедленно путемъ подписныхъ листовъ; здѣсь же пришлось бороться; лишь послѣ многихъ усилій мнѣ удалось воодушевить своихъ коллегъ. Для начала была отправлена депутація къ министру юстиціи. Тотъ прямо заявилъ намъ, что все это дѣло — *ложь* и что *положительнымъ* результатомъ всего изслѣдованія является одинъ тотъ фактъ, что на долю евреевъ приходится гораздо менѣе значительное число *тяжкихъ* преступленій, чѣмъ на долю христіанъ; вообще же преступность распространяется крайне неравномѣрно между представителями отдѣльныхъ вѣроисповѣданій: въ одномъ мѣстѣ преобладаютъ лютеране, въ другомъ католики, въ третьемъ же евреи, причемъ послѣдніе даютъ большій контингентъ преступниковъ преимущественно въ пограничныхъ мѣстностяхъ, что объясняется нарушеніемъ таможенныхъ уставовъ; въ виду этого, присовокупилъ министръ, однако отнюдь не слѣдуетъ постановлять окончательное рѣшеніе относительно нравственнаго облика каждаго отдѣльнаго лица. Когда же я на это позволилъ себѣ величайшую нескромность — но что же было дѣлать, постановка вопроса побудила меня къ этому — разсказалъ ему о рескриптѣ министра просвѣщенія, онъ вдругъ сталъ очень серьезенъ и предложилъ лично переговорить съ послѣднимъ. Очевидно, что это дѣло подверглось вторичному обслѣдованію и, быть можетъ, поводомъ къ тому послужало мое тебѣ извѣстное письмо къ Л. Все сводилось теперь къ тому, чтобы предупредить печатное оглашеніе министерскаго рескрипта, а между тѣмъ этого оглашенія можно было ожидать со дня на день. Если бы онъ былъ оглашенъ, то подобнаго рода взглядъ, какъ проводимый въ указан-

номъ документѣ, уже не легко было бы удалить изъ общественнаго мнѣнія. Поэтому мы отправились къ его превосходительству, который, къ нашему вѣщему изумленію, совершенно отрицалъ все, сказавъ, что онъ впервые отъ насъ слышитъ объ этомъ дѣлѣ. При этомъ онъ самъ сталъ приводить всякія опроверженія, въ подысканіи и нахожденіи которыхъ онъ отчасти даже предупредилъ меня, и въ концѣ концовъ всетаки обѣщалъ ближе изслѣдовать все это дѣло и даже дозволилъ намъ продиктовать ему весь *status causae*. А между тѣмъ у меня имѣется копія того рескрипта его, который уже разосланъ по всѣмъ вѣдомствамъ; я самъ спорилъ съ составителемъ его особенно по поводу нашего спорнаго пункта, и даже получилъ изъ Трира кое-какія указанія на результаты этого циркуляра! Что ты скажешь на это, пророчесъ? Намъ нужно быть смѣлыми и держать глаза открытыми или, вѣрнѣе, мы пужаемся въ абстрактномъ субстратѣ смѣлости, въ классическомъ: *de omnibus dubitandum*, не довѣрять ничему и никому.

Впрочемъ надѣюсь, что *эта* недѣльность теперь устранена, что люди наконецъ пришли въ себя и только совѣстятся признаться въ томъ. Если же я ошибаюсь, что все-таки возможно, ну, тогда придется вмѣшаться въ дѣло печати, этой *ultima ratio* угнетенныхъ, тогда я начну печатать. Но въ виду *semper aliquid haeret*, безъ огня дыму не бываетъ, мнѣ всетаки хотѣлось бы въ данномъ случаѣ избѣгнуть общественной газетной полемики.

О нашемъ большомъ зимнемъ походѣ я посылаю тебѣ при семъ кое-какіе документы. Тебѣ вѣдъ извѣстно о петиціи трехъ общинъ отъ 24 ноября 1840 года. Сейчасъ послѣ твоего отъѣзда былъ полученъ кабинетный приказъ отъ 13 декабря 1841 года. Вскорѣ послѣ этого стали носиться слухи объ одновременно съ послѣднимъ послѣдовавшимъ кабинетномъ королевскомъ приказѣ министерству двора и что въ этомъ приказѣ устанавливаются исходныя точки зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ относиться къ евреямъ. Въ отвѣтъ на это мы послали нашу памятную записку отъ 4 марта 1842 года, на которую наконецъ недавно воспослѣдовалъ отвѣтъ

министерства внутреннихъ дѣлъ. Другая памятная записка (составленная Рубо) была подана министерству двора и на нее на дняхъ также послѣдовалъ отвѣтъ, правда совершенно неопредѣленный. Однако, почтеннѣйшій критикъ и эзогетъ, не стану предупреждать тебя въ обнаруженіи твоего остроумія, а очень хотѣлось бы узнать, что тебѣ удалось вычитать изъ министерской бумаги отъ 5 мая.

Вопросъ объ установленіи способа раввинскихъ выборовъ еще разъ прошелъ по всѣмъ инстанціямъ и приблизительно шесть недѣль уже находится въ королевской канцеляріи. Во исполненіе кабинетнаго приказа отъ декабря прошлаго года, министръ духовныхъ дѣлъ предложилъ намъ дать свои заключенія по организаціи общинъ въ Пруссіи. Совѣщанія по этому поводу весьма своеобразны. Рубо выработалъ проектъ закона, который мы въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ предсѣдателей общинъ подвергли обсужденію и который черезъ нѣсколько недѣль будетъ поданъ куда слѣдуетъ. Мысль же о всеобщемъ обсужденіи этого законопроекта со стороны депутатовъ всѣхъ болѣе значительныхъ общинъ не осуществима влѣдствіе боязливости его превосходительства. Если только удастся, постараюсь послать тебѣ копію съ законопроекта, который строго формально распадается на отдѣльные параграфы и снабженъ соответственными мотивировками. Недостаетъ лишь *одной* подписи. Если дѣло пройдетъ, хотя бы и не совсѣмъ такъ, какъ мы напѣтали его, но подобно этому, то мы все-таки добились существеннаго успѣха.

Объ объяснительной запискѣ относительно возможности еврейской присяги въ уголовныхъ дѣлахъ, подать которую намъ также пригласилъ министръ, у насъ дѣло не клеится—мы стоимъ предъ стѣною: намъ не хватаетъ какого нибудь дѣйствительно авторитетнаго раввина, дабы опровергнуть нѣкоторыя исходящія отъ Моисея Мендельсона положенія, которыми располагаетъ министерскій архивъ.

Въ концѣ концовъ скажу слѣдующее: всѣ еврейскія дѣла бу-

дуть представлены на заключеніе сословныхъ представителей. Со-ответствующій циркуляръ уже разосланъ и отвѣты на него сейчасъ находятся въ пути. Комиссія отъ сословій, которымъ придется собраться въ Берлинъ въ августъ или сентябрь, подготовить намъ почву. На нихъ возлагается также задача подготовить ее и для областныхъ представителей, созывъ которыхъ ожидается къ началу 1843 года.

XII.

9 сентября 1843 г.

Заксъ—Фейту.

Одно дѣло, праздникъ Rosch haschonoh, слава Богу сдѣлано. Теперь нужно приступить къ дальнѣйшимъ, которымъ да не откажетъ Всемилосердный въ Своей поддержкѣ! Какъ много я думалъ о тебѣ—весь первый день праздника. Ты вынесъ бы весьма своеобразное и значительное впечатлѣніе изъ всего богослуженія здѣшняго, которое сохранило все характеристичное и задушевное своего древняго облика. Старые обычаи влиты лишь въ новыя формы; новыя тоны являются лишь постольку, поскольку измѣнилась внѣшность, очищенная и облагороженная. Подумай только, какъ было бы мнѣ грустно подумать, что ты, можетъ быть, теперь находишься въ Дрезденѣ, такъ недалеко отъ меня, что лишь 18 часовое разстояніе отдѣляетъ насъ другъ отъ друга, и все таки не со мною!

О всѣхъ вашихъ дѣлахъ я опять таки ничего не знаю. Корреспонденція въ журналѣ „Orient“, которую мнѣ вчера показали, намѣчаетъ меня рядомъ съ Франкелемъ въ кандидаты къ вамъ. О если бы это осуществилось! Въ 5603 году я вѣдь еще лѣнѣе понималъ, чѣмъ въ 5597, что мнѣ нельзя здѣсь дальше оставаться, если только не поддаваться отчаянію въ 34 года, какъ, можетъ быть, придется отчаяваться по достиженіи 64 лѣтъ отъ роду, а между этими двумя датами лежитъ промежутокъ въ 30 (читай: тридцать!) лѣтъ. Это покажетъ единственное утѣшеніе,

которое я извлекъ для души своей изъ новаго года, которому теперь уже пошелъ шестой день. Внутри меня все болитъ и сжимается при подобной мысли, которую я хотѣлъ бы сохранить про себя, но не могу, и которую, разъ высказавъ, хотѣлъ бы отвергнуть, какъ заключающую въ себѣ долю назойливости по отношеніи къ Божеству. Пріѣхалъ бы только Вердеръ! Ему бы я могъ все выяснить, какъ и онъ бы мнѣ! Лишь только окончатся благополучно праздники, я тотчасъ же приступлю къ своимъ работамъ, тоже не дающимъ мнѣ покоя. Будь добръ, помѣсти въ яриарочномъ каталогѣ, если не поздно, или въ какойнибудь распространенной газетѣ завітку объ имѣющемъ выйти трудѣ моемъ: „Die religiöse Poesie der Juden im Mittelalter. Uebersetzungen aus dem Hebräischen des R. Salomo ben Gabirol, R. Isaac ben Giat, Bechai ben Ioseph, Mose u. Abraham ben Esra, Jehuda Halewi u. a., zum Theil nach ungedruckten Originalen, mit Erläuterungen und Einleitungen von D-r Michael Sachs (другихъ титуловъ не надо). Ein Beitrag zur jüdischen Litteraturgeschichte und zur Charakteristik des Judenthums“.

Мнѣ было бы крайне желательно видѣть свое имя связанннмъ съ какииънибудь опредѣленнымъ литературнымъ предпріятіемъ. Впрочемъ, если ты найдешь заглавіе слишкомъ длиннымъ, то по усмотрѣнію сократи или измѣни его. Нужно-ли указать на то, что еврейскій оригиналъ также будетъ припечатанъ? Въ моемъ распоряженіи теперь, кромѣ Anecdota Луццато, имѣются также отличныя вещи отчасти знаменитыхъ, отчасти совершенно неизвѣстныхъ поэтовъ.

Прошлую субботу посѣтилъ меня Гофманъ изъ Іены, авторъ отличной сирійской грамматики, которую я теперь изучаю. Онъ предложилъ мнѣ вновь переработать схоли Резенмюллера, и я съ своей стороны обѣщалъ ему, если онъ захочетъ, новыя сообщенія и добавленія. Сирійскимъ языкомъ я занимаюсь уже въ теченіе нѣкотораго времени и уже успѣлъ приобрѣсти, благодаря этому,

цѣнныя указанія для еврейскаго языка. Thesaurus Geseniusa, полученный мною недавно, вообще страдаетъ тѣми же недостатками, которые присущи его словарямъ, и обширный матеріалъ нисколько не вознаграждаетъ меня за недостатокъ остроумія и точности въ отдѣльныхъ пунктахъ, а тѣмъ менѣе за тотъ поистинѣ деревянный, неловкій и неуклюжій способъ, которымъ авторъ старается дать послѣдовательное развитіе значеній слова.

XIII.

21 января 1844 года.

Фейтъ—Заксу.

Вскорѣ послѣ полученія твоего послѣдняго письма у меня былъ разговоръ съ тайнымъ совѣтникомъ Бюксдорфомъ, который въ наше время былъ уполномоченнымъ правительственнымъ комиссаромъ. Беседа наша все время вертѣлась около того же вопроса, котораго касалась наша переписка. Да, правда, первѣйшимъ дѣломъ является коренное мировоззрѣніе человѣка, живая потребность къ достиженію наилучшаго. Но вотъ это же самое мировоззрѣніе должно одновременно съ этимъ породить такіа нововведенія и учрежденія, чрезъ которыя оно передается дальше и распространяется: потребность къ лучшему неизбѣжно должна вызывать добро и притомъ добро въ болѣе или менѣе прочной формѣ, а это ведетъ къ тому, что слѣдуетъ постоянное свое вниманіе обращать не только на всю совокупность явленій, но и на каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Было бы совершенно безразсудно постоянно стараться воздѣйствовать на характеръ людей, не создавая *единовременно* съ этимъ такихъ учрежденій, которыя, хотя и предполагаютъ наличность болѣе развитаго міросозерцанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сильно поддерживаютъ всякія неясности, шатанье и внутренней разладъ въ неустановившихся людяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительныя и настоящія потребности времени никогда не ждутъ появленія отдѣльныхъ личностей для своего осуществленія: послѣднія напро-

тивъ скорѣе являются выразительницами первыхъ. Потребность въ возвышающемъ душу и воздействующемъ на нее преподаваніи Закона Божія безусловно чувствуется нашей общиною. На этотъ счетъ существуетъ конечно цѣлый рядъ разнообразныхъ способовъ внесенія въ массу просвѣщенія и здравыхъ взглядовъ, ибо не стану отрицать того, что вполне правильныя на этотъ предметъ точки зрѣнія существуютъ на ряду съ полнымъ отсутствіемъ всякаго пониманія. Однако лучше всего можетъ подѣйствовать живой примѣръ, конкретный фактъ, готовое, до мельчайшихъ подробностей отдѣланное нововведеніе, въ данномъ случаѣ, правда, опять-таки такое, которое въ свою очередь является не чѣмъ инымъ, какъ ученіемъ. Было бы по меньшей мѣрѣ довольно страннымъ пріемомъ, если бы вздумали дать цѣлому поколѣнію дѣтей погибнуть отъ голода, и только оттого, что намъ не удалось убѣдить ихъ родителей въ томъ, что собственно ихъ обязанностью является вскормить своихъ дѣтей. Дѣлать одно дѣло, но и не упускать другого, вотъ, милый другъ, что является категорическимъ требованіемъ дѣйствительности. И *первою* требующею въ данномъ случаѣ разрѣшенія задачей будетъ разрѣшеніе вопроса о преподаваніи Закона вѣры. Несмотря на всю трудность задачи, мы съумѣемъ же съ вѣшной стороны прилично обставить это дѣло. Твоимъ дѣломъ будетъ внутренняя сторона постановки этого преподаванія, установленіе самаго метода преподаванія. А такъ какъ я представляю себѣ, что ты лишь неохотно положишь въ основаніе преподаванія одинъ изъ существующихъ учебниковъ, то тѣмъ болѣе необходимо дать себѣ ясный и точный отвѣтъ на данный вопросъ. Если для дѣтей самаго ранняго возраста окажется достаточнымъ чтеніе молитвъ и Библии, то для болѣе зрѣлаго возраста безусловно необходимымъ будетъ законченный систематическій курсъ, который долженъ будетъ примкнуть къ торжественному принятію юноши въ число полноправныхъ членовъ общины. Первая ступень ученія дастъ дѣтямъ матеріалъ къ тому, чтобы *быть* евреями, вторая же—возможность оріентироваться въ этомъ

матеріалъ, т. е. сознательное отношеніе къ своему еврейству или такое знаніе, которое является крайне необходимымъ не только члену ecclesia pressa, угнетенной церкви, но и вообще достойнымъ современнаго человѣка. Такое сознаніе себя евреемъ лишь въ томъ случаѣ является отрицательнымъ или по крайней мѣрѣ вводящимъ въ заблужденіе, если это сознаніе не покоится на прочномъ основаніи развитія силы воли въ дѣлахъ. Насколько широко можно будетъ заложить такое основаніе, такъ какъ здѣсь вступаешь въ коллизію съ требованіями общей школы, и безъ того отнимающей у мальчика большую часть свободнаго времени, объ этомъ слѣдуетъ еще хорошенько подумать и все тщательно взвѣсить.

XIV.

1 августа 1844 года.

Заксъ — Фейту.

Старая исторія о человѣкѣ, не желавшемъ раньше войти въ воду, чѣмъ научится плавать, и потому, какъ я предполагаю, никогда и не научившемся плавать, до сихъ поръ вполне оправдывалась вполне на мнѣ самомъ. Я не хотѣлъ тебѣ писать раньше, чѣмъ я бы почувствовалъ потребность писанія или пока у меня письмо само собою не вылилось бы на бумагу. Такимъ-то образомъ я откладывалъ дѣло со дня на день, съ недѣли на недѣлю, отлагая его до другого раза и постоянно медля исполненіемъ его. Подобно какой-то пустынѣ лежитъ за мною то время, въ теченіе котораго мы ничего другъ о другѣ не знали, и это время кажется мнѣ болѣе продолжительнымъ, незаполненнымъ и безцвѣтнымъ, чѣмъ, быть можетъ, тебѣ. Ну, а теперь я болѣе не въ состояніи откладывать писаніе! Несмотря на полную свою увѣренность, что и сегодня я не напишу порядочнаго письма, какъ бы слѣдовало между честными людьми и друзьями, во мнѣ все-таки сказывается

потребность *писать*, дабы ты по-крайней-мѣрѣ узрѣлъ мой очеркъ. Но что писать тебѣ?

Видишь-ли, вотъ результатъ того, что старѣешься и становишься степеннѣе! Десять лѣтъ тому назадъ я ни минуты не задумался бы! Съ блаженною наивностью я писалъ бы тебѣ о тебѣ, о томъ, что ты представляешь для меня во всѣхъ превратностяхъ жизни, да и, при моихъ теоріяхъ о загробномъ мірѣ, тамъ, въ отдаленнѣйшемъ будущемъ. Но теперь это уже болѣе не къ лицу намъ! Это нужно не *высказывать* другъ другу, а знать, чувствовать всецѣло и нераздѣльно, понимать, что иначе и быть не можетъ, и знать потому, что намъ вѣстѣ теперь какъ разъ семьдесятъ лѣтъ, ты къ тому же Ragness и книгопродавецъ, а я — ну, ты вѣдь самъ знаешь, что я изъ себя представляю! Игнѣ терпѣніе прочитатъ эти 1¹/₂ страницы! Ты, пожалуй, ожидаешь отъ меня всего, чего хочешь, но только не такихъ разсужденій. Но, милѣйшій другъ мой, — если ужъ въ Франценсбадѣ не быть по-крайней-мѣрѣ благодушнымъ, то гдѣ, когда и чѣмъ слѣдуетъ намъ быть? Я вѣдь въ вистъ не играю, танцовать мнѣ тоже нельзя вслѣдствіе своего ассессорства, раввинства и проповѣдничества, гулять также не приходится: то ливня льетъ дождь, то страшнѣйшая буря, такъ что приходится пускаться въ дѣло плащъ, шубу, кашне, пальто и три фрака при двойномъ комплектѣ зонтиковъ и галошъ (я очень надѣюсь не застать у васъ такой погоды въ октябрѣ), а быть уникомъ — ну, это удовольствіе мнѣ представляется ежегодно въ теченіе 11 мѣсяцевъ городской жизни. Здѣсь же, въ сладкомъ уединеніи, я бы употребилъ слово *getraite*, если бы это въ примѣненіи къ курорту не отдавало чѣмъ-то неприличнымъ, поэтому скажу *eremitage*, гдѣ нѣтъ ни востока, ни запада, нѣтъ газеты и нѣтъ еврейскаго *morning-herald*, возвѣщающаго о сѣздахъ и соборахъ, занятыхъ обработкою Моисея и пророковъ, какъ будто бы то были школьники, что тутъ можетъ волновать душу, какъ тѣ постоянно звучащіе въ насъ голоса, ко-

торые мы сдерживаемъ въ шумной сутолокѣ нашей повседневной, обычной жизни! Итакъ прости, другъ! обычная *raison* уже явится...

Нѣсколько пріятныхъ часовъ досуга я употребилъ здѣсь на отдѣлку и окончательную редакцію дальнѣйшихъ частей своего „Введенія“. Надѣюсь, что послѣднее въ дальнѣйшихъ своихъ частяхъ болѣе будетъ отвѣчать твоимъ интересамъ, да и со стороны изложения содержанія. Последнее меня, по-крайней-мѣрѣ при неоднократномъ перечитываньи, вполнѣ удовлетворило. Противная пародія на Фіеско¹ и здѣсь обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Если бы съ этимъ дѣломъ не связывалось ничего другого, т. е. если бы къ нему искусственно ничего не прии́мывали! Вотъ результатъ безобразныхъ кривляній и высокопарныхъ рѣчей во французскихъ газетахъ! Такія несообразности послѣдними искусственно *раздуваются* до размѣровъ цѣлыхъ историческихъ событій.

Если разсказанія о преступникахъ заполняются цѣлые газетные столбцы, то отчего же не являться и подражателямъ? Цеднеръ хотѣлъ бы велѣть побить этого мерзавца камнями, да еще нѣсколько разъ подъ рядъ, а потомъ повѣсить или колесовать его. Я готовъ согласиться съ нимъ. Но съ тѣхъ поръ какъ компетенція Bethdin'a не обвиняетъ болѣе вопроса о человѣческой жизни, а ограничена опредѣленіемъ правильности рѣзанія домашнихъ животныхъ, цѣлесообразность котораго притомъ даже подвергается сомнѣнію со стороны поклонниковъ новизны, я готовъ скромно покориться и воздержусь отъ какого бы то ни было сужденія.

Ахъ, если бы я сумѣлъ связать теперь хоть что нибудь дѣльное! Такъ я боюсь послать тебѣ послѣ столь продолжительнаго молчанія этотъ ничего не значащій, пустой листъ бумаги! Или, вѣрнѣе, мнѣ *стыдно* за свое дурачество. Но сегодня я не въ состояніи поступить иначе, а тебѣ ужъ придется быть немного снисходительнымъ и не строгимъ ко мнѣ. Деревенскіе разсказы

¹ Намекъ на покушеніе на жизнь короля Фридриха Вильгельма IV. — (Die Verschwörung des Fiesco zu Genua—одна изъ трагедій Шиллера).

Ауэрбаха прямо-таки привели меня въ *восторгъ*. Такимъ молодымъ я не чувствовалъ себя уже 15 лѣтъ, какъ именно въ тѣ три дня, въ теченіе которыхъ я поглощалъ здѣсь это произведеніе. *Такъ* ни одинъ мальчикъ не читаетъ сказокъ Гримма, ни одна швея не поглощаетъ такъ своего Польдекока, какъ я упивался этими рассказами! Жаль, что Гете не дожилъ до появленія этой книги! Онъ навѣрное съ восторгомъ принялъ бы ее и поставилъ бы ее на должную высоту. Вѣдь ты знаешь эту книгу и сцену дѣйствія ея героевъ, Шварцвальдъ, по личному опыту, не правда-ли? Если тутъ не будетъ 6—8 изданій и если эта книга когда нибудь не будетъ стоить 12 копѣекъ, то я буду знать, какъ мнѣ относиться къ публикѣ, конечно нѣмецкой, среди которой палачи и кровопролитія и тому подобныя ужасы James'a, Margriet'a и Ainsworth'a находятъ себѣ переводчиковъ, а свинства Sue столь немовѣрный сбытъ. Вѣдь послѣднія вещи прямо неприличны.—Знаешь-ли ты Ауэрбаха? Книга его представляетъ стройную цѣлость, литературный типъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ такими являются произведенія Гомера, съ тою конечно естественною разницею, что рисунки здѣсь картины по стольку миниатюрнѣе гомеровскихъ, по скольку и сами рамки ихъ меньше гомеровскихъ.

XV.

Берлинъ, 10 іюня 1859 года.

Заксъ—Фейту.

Къ сожалѣнію та форма, въ которой бы я столь охотно выразилъ бы вѣстѣ со всѣми близкими тебѣ людьми и друзьями твоими поздравленіе съ радостнымъ событіемъ въ твоей семейной жизни ¹, для меня неосуществима. Мнѣ не даровано поэтическаго таланта и если мнѣ иногда и удавалось въ видѣ фабричнаго рабочаго смастерить для литературнаго рынка кое-какіе стихи и

¹ Имѣется въ виду серебряная свадьба Фейта.

поэтическія подражанія, то это было дѣломъ извѣстной техники, которая ничего общаго съ поэзіею не имѣетъ и такъ далека отъ истинно художественнаго творчества, какъ пріемы скульптора-ремесленника, отливающаго гипсовыя статуэтки, далеки отъ творчества Микель Анжело. Переводчикъ представляетъ изъ себя моряка береговой службъ, а не настоящаго моряка, который на свой собственный рискъ и страхъ смѣло стремится на собственномъ суднѣ въ открытое море, или же онъ подобенъ человѣку, плывущему будучи привязаннымъ къ канату. Вѣдь нѣтъ такого каната, который доставалъ бы отъ Абидоса до Сеста¹. Ну, значить, теперь я честно и даже съ слишкомъ обильною подробностью, граничащею съ роскошью, изложилъ тебѣ то, чего я не могу сдѣлать. Поэтому обращусь къ тому, что лежитъ въ моей власти, а именно честно и искренно на простомъ нѣмецкомъ языкѣ пожелать тебѣ и супругѣ твоей (я не галантно позволяю себѣ называть ее послѣ тебя, такъ какъ вѣдь ужъ 25 лѣтъ она носитъ имя твое), чтобы этому трогательному союзу вашему милосердный Господь Богъ даровалъ еще много лѣтъ свѣтлаго ничѣмъ не омрачаемаго счастья и процвѣтанія. Языческая мнѣологія заставляетъ слѣдовать за золотымъ вѣкомъ серебряный и такимъ образомъ спускается все ниже и ниже по ступенямъ раз личныхъ металловъ. Такъ пусть же Богомъ благословенная дѣйствительность покажетъ, что наоборотъ за серебрянымъ торжествомъ послѣдуетъ золотое. Я лично отказался отъ этого счастья и признаюсь—не безъ продолжительной борьбы и съ напряженіемъ всей своей силы воли; я не разрѣшилъ себѣ ни золота, ни серебра, которыя я столь щедро расточаю на этомъ листѣ почтовой бумаги и которыя для меня не приняли никакой опредѣленной формы хотя бы съ внѣшней стороны. Но за то полагаю, что я вполне удачно опредѣлилъ своимъ сравненіемъ твое теперешнее душевное настроеніе. Утѣшеніемъ при ощущеніи своей личной неудовлетво-

¹ Указаніе на знаменитыхъ Геро и Леандра, въ честь которыхъ древніе классики, а за ними Шиллеръ, сложили дивныя стихотворенія.

ренности неслужить, быть можетъ, доброе и непритязательное съ твоей стороны отношеніе къ употребленному мною въ данномъ случаѣ сравненію. Празднуйте же, уважаемые друзья мои, въ радости и полномъ счастьи еще много, много лѣтъ сей знаменательный день!

Вскорѣ послѣ этого, именно въ 1864 г., оба они умерли.

Проф. Л. Гейгеръ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ I. M. ПИВЕСУ.

Окончаніе ¹.

Съ перваго же дня пріѣзда моего въ Сафеть, я подвергся формальной атакѣ со стороны представителей разныхъ мѣстныхъ обществъ, которые, конечно, сочли меня важной крѣпостью, взятіе которой сулитъ имъ большія выгоды. Сколько я ни старался убѣдить моихъ преслѣдователей, что они ошибаются на мой счетъ, что я простой туристъ, безъ всякихъ со стороны кого-либо полномочій, — тѣ лишь тонко улыбались, — знаемъ моль эту политику, — и возражали мнѣ, что они мнѣ вѣрятъ и просятъ лишь меня, въ виду того, что я изучаю состояніе Св. Земли, познакомиться и съ ихъ нуждами. Я убѣдился, что мнѣ не удастся вывести этихъ людей изъ заблужденія, и пересталъ объ этомъ заботиться.

Кто, сколько-нибудь знакомый со Св. Землей, не питаетъ невольнаго недовѣрія ко всѣмъ этимъ обществамъ и союзамъ, которыми кишитъ каждый городъ Палестины? Кому не надоѣли эти вѣчные «таконесъ», эти «мешулахъ», посылаемые въ «хуць-лоорець» ² для сбора пожертвованій и вербовки членовъ, это печатаніе въ газетахъ воззваній съ адресами для присылки денегъ? Въ большинствѣ случаевъ истинная цѣль этихъ обществъ — одно только собраніе денегъ. Потѣшно видѣть, какъ люди бѣдные составляютъ общество съ тщательно выработаннымъ уставомъ, дѣйствительными, почетными и другими членами, приѣмомъ взносовъ, и сами не только ничего не могутъ дать, но еще и всѣ поступающія суммы обращаютъ въ свою же пользу. Это своеобразный приѣмъ благородныхъ нищихъ: не все ли равно, какъ высасывать деньги изъ хуць-лоореца?

При всемъ томъ не слѣдуетъ давать слишкомъ много

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

² „Таконесъ“ — уставъ; „мешулахъ“ — посланецъ, делегатъ; „хуць-лоорець“ — заграница.

простора недоувѣрiю ко всѣмъ здѣшнимъ обществамъ, такъ какъ инья изъ нихъ воодушевлены искреннимъ стремленiемъ къ труду. Изъ числа послѣднихъ упомяну о сафетскомъ союзѣ ремесленниковъ. Меня пригласили на засѣданiе союза, познакомили съ бѣдственнымъ состоянiемъ мѣстныхъ ремесленниковъ и просили оказать имъ какое-либо содѣйствiе путемъ печати. При ближайшемъ ознакомленiи съ бытомъ здѣшнихъ ремесленниковъ, злобной иронiей звучать въ ухахъ бросаемя въ палестинскихъ евреевъ обвиненiя въ приверженности къ халукѣ и отвращенiи къ труду. Даже жалкое положенiе еврейскаго ремесленника въ русской чертѣ осѣдлости кажется блаженствомъ въ сравненiи съ положенiемъ мѣстнаго ремесленнаго класса. Мнѣ, напримѣръ, какъ то понадобилось спать лѣтнiй костюмъ. Купецъ самъ принесъ мнѣ парусины изъ Сафета (я былъ тогда въ Ропшъ-Пинѣ, находящейся въ 6 верстахъ отъ Сафета), и чрезъ какихъ-нибудь 2—3 часа ко мнѣ нахлынула оттуда же цѣлая толпа портныхъ, старавшихся вырвать другъ у друга изъ рукъ незначительный заработокъ въ 1½ рубля. Чѣмъ же можно помочь ремесленникамъ, когда почти всѣ жители — нищiе? На засѣданiи у ремесленниковъ я имъ только и могъ отвѣтить на ихъ просьбу о содѣйствiи: «Не знаю, удалось ли бы мнѣ путемъ печати принести вамъ какую-нибудь пользу. Но я не пожалѣлъ бы труда и сдѣлалъ бы все, что въ силахъ, еслибы... еслибы я видѣлъ, чѣмъ вамъ можно помочь. Будь дѣло за инструментами, временными субсидiями для нуждающихся, то этому горю можно бы еще пособить. Но у васъ работы нѣтъ. Если вы знаете, какъ устранить это зло, то скажите»... Общее молчанiе было мнѣ отвѣтомъ. Всѣ отлично сознавали, что печальное положенiе ремесленнаго класса будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не усилится элементъ земледѣльческой, пока вообще не увеличится производительный классъ населенiя. А до того времени, за невозможностью кореннымъ образомъ облегчить участь ремесленниковъ, имъ можно помогать только въ частныхъ случаяхъ, когда субсидiя можетъ дѣйствительно сдѣлать человека независимымъ. Очень благотѣльной мѣрой для ремесленниковъ можетъ также служить расселенiе ихъ по небольшимъ городамъ и крупнымъ селамъ, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ евреевъ. Расселенiе это было бы важно еще въ томъ отношенiи, что посредствомъ его образуются новыя общины, которыя будутъ состоять уже изъ людей безусловно трудя-

щихся, жизненный строй которыхъ будетъ основанъ на болѣе нормальныхъ условіяхъ.

Стремленіе къ трудовой жизни выразилось въ Сафетѣ и въ попыткахъ къ устройству земледѣльческихъ колоній. Попытки эти не составляютъ собою результата колонизаціоннаго движенія послѣ погромовъ въ Россіи, но возникли еще задолго до погромовъ, самостоятельно. Во главѣ о Рошъ-Пинѣ я уже имѣлъ случай упомянуть объ одной такой попыткѣ, а именно — о сафетскомъ кружкѣ, основанномъ въ 1876 году для занятія земледѣліемъ. Кружокъ этотъ, какъ мы видѣли, приобрѣлъ землю въ селѣ Джауни, даже приступилъ уже къ работамъ, но за недостаткомъ средствъ вынужденъ былъ вернуться въ Сафетъ и впоследствии продалъ свою землю рошъ-пинцамъ.

Но еще задолго до предпріятія джаунцевъ, въ 1870 году, въ Сафетѣ основалось «колонизаціонное общество», поставившее себѣ цѣлью основаніе земледѣльческихъ колоній, а также — поощреніе ремеселъ и промышленности. Разумѣется, общество это, состоявшее сплошь изъ однихъ бѣдняковъ и рассчитывавшее исключительно на «хуцъ-лоорецъ», ничего существеннаго не могло сдѣлать и дальше выработки устава не пошло. Это «колонизаціонное общество» нѣсколько очнулось отъ своего прозябанія послѣ того, какъ въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ іерусалимскій кружокъ купилъ Песахъ Тякву, а сафетскій кружокъ купилъ Джауни. Общество разсудило, что тогда только можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда приступитъ къ практической дѣятельности. И вотъ, кое какъ сколотивши немного денегъ, общество приобрѣло въ знакомомъ уже намъ Эйнь-Дзетунѣ два феддана земли (ок. 400 дун.). Послѣ этого общество опять впало въ забытѣе, тянувшееся цѣлыхъ 12 лѣтъ, въ теченіе которыхъ отъ «колонизаціоннаго общества» только и осталось, что уставъ и 8 членовъ, собственниковъ земли, купленной въ Эйнь-Дзетунѣ. Когда въ 1890 году открылось въ Одессѣ общество для вспомоствованія палестинскимъ колонистамъ и стало извѣстно о пріѣздѣ въ Палестину разныхъ делегатовъ, то, конечно, воспрянуло и сафетское «колонизаціонное общество», а такъ какъ нельзя же было просить о помощи, имѣя всего два феддана земли, то оно воспользовалось тѣмъ, что два состоятельныхъ еврея купили также въ Эйнь-Дзетунѣ 4 феддана, и предложило этимъ лицамъ соединиться и дѣйствовать заодно. И вотъ получилось слѣдующее: 10 семействъ уже 12 лѣтъ тому назадъ купили въ Эйнь-Дзе-

тунѣ 6 Феддановъ (1200 дунамовъ) земли, желая заняться земледѣліемъ; все, что у нихъ было, они истратили на покупку земли и не имѣютъ никакихъ средствъ устроиться самостоятельно. «Теперь, когда хотятъ помогать земледѣльцамъ, — говорили мнѣ представители «общества», — то почему не помочь и нашей «колоніи»? Чѣмъ мы хуже другихъ? Тѣмъ ли, что мы основали «колонію» — еще тогда, когда никого изъ новыхъ, привилегированныхъ, здѣсь еще не было? Тѣмъ ли что мы пропадаемъ уже 12 лѣтъ безъ всякой поддержки?»

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось убѣдиться, что хотя цѣль «общества» и очень похвальна, но сами члены его не обладаютъ тѣми качествами, которыя необходимы порядочному земледѣльцу.

Но если пресловутое «колониционное общество», мало кому и извѣстное, представляетъ интересъ только какъ одно изъ проявленій горячаго стремленія здѣшнихъ евреевъ къ труду вообще и къ земледѣлію въ особенности, то гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ существующій въ Сафетѣ кружокъ «Бне-Іегуда». Кружокъ этотъ основался въ 1885 году и состоялъ изъ 54 членовъ. Собравъ между собою необходимую сумму денегъ, бне-іегудцы въ томъ же году купили землю около Кинетры (на сѣв.-вост. Кенисаретскаго озера) у Кинетр-скаго кади. Сафетцы думали, что они, какъ мѣстные уроженцы и знакомые со всѣми порядками, легко избѣгнуть всѣхъ тѣхъ промаховъ, которые совершили новоприбывшіе русскіе евреи при покупкахъ земли. Но и сафетцы попали впросакъ. Дѣло въ томъ, что земля, которую купили бне-іегудцы, принадлежала номинально не самому кади, а его дѣтямъ, такъ какъ кади на свое имя не имѣетъ права пріобрѣтать недвижимости. Но тутъ какъ разъ у кади умерла жена, дѣти его сдѣлались сиротами и надъ ихъ имуществомъ была назначена опека. Въ виду этого кади заключилъ договоръ съ бне-іегудцами, по которому послѣдніе дали ему 70 лиръ (630 руб.) задатка, а кади обязался выхлопотать имъ кушаны, при чемъ всѣ расходы принималъ на себя. Послѣ этого родственники сиротъ, состоявшіе опекунами, подали куда слѣдуетъ прошеніе, чтобы имъ позволили продать землю, находя это выгоднымъ для сиротъ. Дѣло навѣрное выгорѣло бы, но тутъ кади, имѣющій право оставаться на должности въ одномъ мѣстѣ лишь два года, за окончаніемъ двухлѣтія былъ отозванъ въ Константинополь, и тогда прежніе собственники земли, у которыхъ кади пріоб-

рѣлъ ее разными неправдами, не имѣя уже основанія бояться своего бывшаго судьи, затѣяли противъ него процессъ о незаконномъ отобраніи у нихъ земли. Долго тянулись хлопоты, и въ концѣ концовъ покупка не состоялась; кади возвратилъ задаточныя 70 лиръ, но злополучные бне-іегудцы все таки потеряли на расходахъ 1800 руб., которые, впрочемъ, впоследствии возвратилъ имъ Олифантъ. Этотъ неуспѣхъ сильно обезкуражилъ бне-іегудцевъ, и изъ 54 членовъ 40 человѣкъ отпало отъ кружка.

Но оставшаяся горсть наиболѣе энергичныхъ людей не хотѣла сложить оружія. Немного оправившись отъ первой неудачи, бне-іегудцы стали подыскивать другую землю и вскорѣ имъ подвернулся подходящій участокъ въ деревнѣ Ижгумъ, расположенной на возвышенности на восточномъ берегу Кенисаретскаго озера. Продаваемый участокъ составлялъ $\frac{1}{3}$ Ижгума и заключалъ въ себѣ 2100 дун. (ок. 175 десят.). Бне-іегудцы съ трудомъ сколотили между собою 200 наполеоновъ, 100 напол. далъ имъ еще Олифантъ, и въ 1888 году они купили участокъ въ Ижгумѣ за 300 напол. Такимъ образомъ, земля обошлась имъ очень дешево, — по 13 руб. десятина. Содѣйствіе Олифанта этимъ не ограничилось; онъ много разъ еще давалъ бне-іегудцамъ по мелкимъ суммамъ на расходы и обѣщалъ кромѣ того собрать въ Лондонѣ необходимыя средства для ихъ полнаго устроившаго. И онъ, вѣроятно, добился бы своего, еслибы его не похитила смерть.

Въ Олифантѣ бне-іегудцы лишились своего единственнаго покровителя. Съ крайнимъ трудомъ приобрѣли они съ полдюжины воловъ, которыми и ограничивалось все ихъ имущество. Съ подобнымъ инвентаремъ они, конечно, не могли приступить къ работамъ. Чтобы какъ нибудь обрабатывать свою землю, они входили съ сосѣдними бедуинами въ разныя комбинаціи, нанимали у нихъ скоть, или сообща работали и дѣлились потомъ урожаемъ. Устроиться собственными силами бѣдняки не могли и думать, ибо кромѣ земли у нихъ почти ничего не было, а имъ нужны были дома, скоть, орудія, словомъ — все. Разумѣется, бне-іегудцы стали обращаться за помощію и къ представителямъ барона, и къ уполномоченнымъ Друзей Сіона; но, къ великому сожалѣнію, годы идутъ за годами, а самоотверженіе и энергія бне-іегудцевъ не привлекаютъ ничьего вниманія, не встрѣчаютъ никакой поддержки. Почему же находятъ деньги для пріѣзжихъ колонистовъ, для рабочихъ и дру-

гихъ,—и нельзя ихъ только найти для горсти бне-іегудцевъ? Я объясняю это не иначе, какъ неумѣніемъ послѣднихъ заинтересовать кого слѣдуютъ въ своей судьбѣ, неумѣніемъ рекламироваться. Являясь къ власти имущимъ, эти пейсатые, старомодные евреи не могутъ, конечно, выдержать конкуренціи съ новоприбывшими изъ Европы. Мы всѣ удивлялись геройству основателей первыхъ колоній, много слезъ мы пролили, читая объ ихъ страданіяхъ,—и никому неизвѣстны тѣ лишенія, которыя переносить за Иорданомъ самоотверженная горсть палестинскихъ уроженцевъ—бне-іегудцевъ. Ибо къ нимъ за Иорданъ никто не ѣздилъ, никто не видѣлъ ихъ жизни въ открытой, безлюдной степи, безъ крова и пищи, среди кочующихъ бедуиновъ. А сами бне-іегудцы не умѣютъ описывать въ газетахъ свои страданія.

Мнѣ привелось нѣсколько разъ посѣтить бне-іегудцевъ въ Ижгумѣ. Расскажу здѣсь объ одномъ такомъ посѣщеніи. Это было во время моихъ разъѣздовъ по Заіорданью. Я находился въ южномъ Джоланѣ, на востокѣ Кенисаретскаго озера, и такъ какъ была пятница, то я рѣшилъ прибыть къ вечеру въ Ижгумъ, чтобы тамъ провести субботу. Въ сопровожденіи нанятаго мною въ Сафетѣ еврея я повернулъ въ деревню Фикъ, откуда направился прямо на западъ, въ Ижгумъ, до котораго должно было быть еще около часа ѣзды. Мы ѣздили безъ дороги, по полямъ, сильно погоняя лошадей, такъ какъ солнце уже сѣло. Мой спутникъ очень волновался, ибо суббота собственно уже наступила и грѣшно было ѣхать. Но онъ вынужденъ былъ слѣдовать за мною, ибо не оставаться же ему въ степи. Я также торопился потому, что хотя мнѣ и знакомо было положеніе Ижгума, но съ этой стороны я впервые къ нему подъѣзжалъ и не могъ быть увѣренъ, что сразу попаду туда. Темнота давно уже окутала землю, когда мы достигли края плоской возвышенности, круто ниспадающей къ Кенисаретскому озеру. По моимъ соображеніямъ мы уже должны были находиться въ Ижгумѣ, но я не находилъ бедуинскихъ палатокъ, ничего такого, что дало бы мнѣ возможность ориентироваться. Мой спутникъ, махнувъ на все рукой, не сходя съ лошади: все, молъ, равно грѣшить. Черезъ нѣкоторое время я наѣхалъ на какія то скирды хлѣба: это былъ токъ. Здѣсь, подумалъ я, несомнѣнно долженъ быть кто нибудь,—и свистнулъ нѣсколько разъ; но никто не отозвался. Очевидно, тутъ не боятся кражи, не стерегутъ. Наконецъ, мнѣ удалось

замѣтить какую то блестящую полосу, — навѣрное это луна отражается въ водѣ. Я направился туда и узналъ ижгумскій источникъ. Итакъ, я не блуждаю, но, должно быть, палатки перенесены на другое мѣсто. Я уже рассчитывалъ остаться на ночь около ключа, какъ вдали въ горахъ завидѣлъ огоньки. Я поѣхалъ прямо на нихъ, но они исчезли за выступами горы. Вдругъ я услышалъ голосъ.

— Кто ѣдетъ?

— Братъ! — отозвался я.

— Что это за братъ является ночью? — недовѣрчиво повторилъ голосъ и я увидѣлъ приближающуюся къ намъ темную фигуру бедуина. Узнавъ, кого мнѣ нужно, онъ отвелъ насъ къ бне-іегудцамъ.

Подъ неособенно густыми вѣтвями колючей сидры сидѣло восемь человекъ бне-іегудцевъ, — все временное населеніе Ижгума, такъ какъ бне-іегудцы проживаютъ обыкновенно въ Сафетѣ и сюда приѣзжаютъ только на время. Я соскочилъ съ лошади, моему примѣру послѣдовалъ прислуживавшій мнѣ сафетецъ, все время вопросительно оглядывавшійся.

— Чего вы ищете? — спросилъ я его.

— Гдѣ же колонія?

— Вотъ это и есть колонія, отвѣтилъ я ему, указывая на колючую сидру.

Сафетецъ угрюмо вздохнулъ. Онъ очень радъ былъ послѣ продолжительнаго путешествія провести субботу у евреевъ, онъ навѣрное ожидалъ найти чай, ему мерещился «кидушъ»¹, рыба и прочія прелести, не говоря уже о болѣе или менѣе удобной постели. И подобно нашимъ предкамъ, вздохавшимъ въ пустынь по рыбѣ египетской, онъ горько пожалѣлъ, что не остался ночевать гдѣнибудь у бедуиновъ. Въ сущности и мнѣ было весьма невесело на душѣ. Я хорошо зналъ горестное положеніе ижгумцевъ, но все таки былъ непріятно пораженъ этой неудобной, неприкрашенной нищетою, предъ которой даже существованіе бедуина казалось роскошнымъ. И въ первомъ порывѣ огорченія я мысленно сталъ винить этихъ же обездоленныхъ людей. Зачѣмъ, — думалъ я, — эти люди сами же переполняютъ свою и безъ того переполненную чашу? Если нѣтъ домовъ, то развѣ нужно уже непремѣнно валаться подъ открытымъ небомъ, безъ всякой защиты отъ ночной росы

¹ Молитва, произносимая предъ субботой и праздничной трапезой обыкновенно надъ бокаломъ вина или воды.

и палящихъ лучей солнца? Развѣ нельзя устроить себѣ хоть какую нибудь палатку,—ну хоть изъ рогожъ, или даже изъ камыша? Развѣ непременно надо жить однимъ сухимъ хлѣбомъ, неужели нельзя себѣ каждый день сварить какой нибудь картофельной или рисовой похлѣбки? Развѣ нельзя было захватить изъ дома чайникъ и варить себѣ чай». Сидя подъ сидрой рядомъ съ бне-іегудцами, я обратился къ нимъ съ моими упреками. И какой глубокой стыдъ я ощутилъ, когда эти бѣдные люди съ виноватыми лицами стали мнѣ доказывать, что на покушку рогожъ для палатки, или картофеля для обѣда тоже деньги нужны! Правда, можно сдѣлать шалашъ изъ камыша или вѣтвей, которые ничего не стоятъ, варить обѣдъ изъ пшеницы и т. д. Но откуда это знать сафетцамъ, все таки выросшимъ въ средѣ книжниковъ?

Между тѣмъ человѣкъ мой разсѣдлалъ лошадей, привязать ихъ къ вбитымъ въ землю колышкамъ и принесъ имъ, за неимѣніемъ ячменя, пшеницы въ колосьяхъ. При свѣтѣ луны мы принялись ужинать. Наши хозяева ничего намъ не могли предложить, кромѣ маисовыхъ бедуинскихъ лепешекъ и огурцовъ, которые они вымѣниваютъ у сосѣднихъ арабовъ на пшеницу. Но я вынулъ изъ дорожной моей сумки собственныя сѣстные прapasы, нашлась у меня также бутылка водки и такимъ образомъ у насъ оказался «кидушъ» и приличная субботняя трапеза. Бне-іегудцы совѣстились сначала принимать участіе въ ѣдѣ:—какъ можно, чтобы гости хозяевъ угощали!—но давно уже не отвѣдавъ ничего кромѣ хлѣба и огурцовъ, они скоро уступили моимъ настоятельнымъ приглашеніямъ и основательно принялись за ѣду, къ нѣкоторому огорченію моего человѣка, не могшаго безъ сожалѣнія видѣть, что наша провизія, которой намъ хватило бы еще на нѣсколько дней, вся уходила въ одинъ вечеръ. Побесѣдовавъ нѣсколько послѣ ужина, всѣ разлеглись спать вокругъ дерева, въ одеждѣ, безъ всякой подстилки, ничѣмъ не покрывшись, ничего не подложивъ подъ голову.

На слѣдующій день, вставши и умывшись у источника, я обратился ко всѣмъ со слѣдующими словами: «Господа, сегодня суббота, насъ здѣсь десять человѣкъ, слѣдовательно мы можемъ составить миньонъ ¹,—миньонъ, не только единствен-

¹ Миньонъ—десятокъ человѣкъ, необходимый для общественаго богослуженія.

ный во всемъ Заіорданьи, ибо здѣсь ни въ одномъ городѣ или деревнѣ нѣтъ болѣе 2—3 евреевъ, но первый, можетъ быть, послѣ многихъ и многихъ сотенъ лѣтъ. Помолитесь же миньомомъ, и пусть за Іорданомъ послѣ долгаго перерыва звуки еврейскаго общественнаго богослуженія впервые раздадутся именно на поляхъ Ижгума!» Всѣ съ восторгомъ приняли мое предложеніе, стали группой лицомъ къ юго-западу ¹, впередъ выступилъ исполняющій должность кантора, и въ открытомъ полѣ, этомъ прекраснѣйшемъ храмѣ Божиемъ, освѣненномъ голубымъ небеснымъ сводомъ и озаренномъ яркими лучами солнца, полились горячія молитвы этихъ бѣдныхъ людей.

Послѣ молитвы пришли нѣкоторые сосѣди-бедуины и подѣлились къ намъ подъ дерево въ тѣни. И по мѣрѣ того, какъ солнце свершало свой кругъ и вмѣстѣ съ нимъ вертѣлась тѣнь дерева,—вертѣлись и мы вокругъ дерева. Утромъ тѣнь падала на западъ,—мы сѣли съ западной стороны сидры. Тѣнь стала подвигаться къ сѣверу,—мы за нею; а если случайно забывали передвинуться, то жаркіе лучи солнца немедленно напоминали намъ объ этомъ. Такимъ образомъ, до вечера мы успѣли описать почти полный кругъ около нашей сидры. Обѣдъ нашъ былъ очень скудный; моя провизія наканунѣ была съѣдена, и намъ пришлось довольствоваться бедуинскими лепешками и огурцами, которые мы посыпали грязной кусковой солью. Къ ужину какой то сосѣдній бедуинъ ради гостей прислалъ намъ кувшинъ простокваши, съ которымъ наши лепешки съ огурцами казались гораздо вкуснѣе.

На слѣдующій день колонисты чуть свѣтъ были уже на ногахъ и, быстро помолвившись, принялись за молотьбу. Наблюдая за ихъ работой, я, конечно, нашелъ въ ней недостатки, которые неизбежны, когда человекъ не успѣлъ еще свыкнуться съ своимъ дѣломъ. Но все таки я убѣдился, что эти люди безспорно могутъ стать порядочными земледѣльцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я съ радостью отмѣтилъ нѣкоторыя особенныя черты. Вѣдь этихъ бне-іегудцевъ я видѣлъ въ Сафетѣ; тамъ они помногу молились, были крайне фанатичны, выпускали наружу свои длинныя пейсы, носили благообразный костюмъ, вообще—ничѣмъ не отличались отъ окружающей среды. Тутъ же, на свободѣ, въ полѣ, они сдѣлались неузнаваемы.

¹ Іерусалимъ, куда слѣдуетъ обращаться во время молитвы, находится отъ насъ на юго-западѣ.

Молились кратко, скоро, лица были увсѣхъ дѣловитыя, слѣды фанатизма исчезли. Во всей ихъ внѣшности замѣчалась рѣзкая перемѣна, какъ будто они вырвались изъ тягостной зависимости на волю.

Но удастся ли имъ сохранить за собою эту волю, не придется ли имъ отказаться отъ своей мечты и вновь вернуться въ душную атмосферу халуки?

Увы, вѣроятно, сбудется послѣднее... Одно время у насъ раздавались было голоса въ пользу того, что изъ палестинскихъ уроженцевъ выгоднѣе было бы устраивать колоніи, такъ какъ они болѣе привыкли къ лишениямъ, могутъ прожить крайне малымъ, не нуждаются въ такихъ жилищахъ, одеждѣ, какъ европеецъ. Но голоса эти постепенно смолкли. На стремленіе мѣстныхъ уроженцевъ къ земледѣлію перестали вовсе обращать вниманіе. Нѣкоторые даже доказывали, что ихъ-де не слѣдуетъ устраивать потому, что если устроить одну партію, то тогда по всѣмъ городамъ Св. Земли образуются кружки бѣдняковъ, которые купятъ по клочку земли и потомъ умолять будутъ о помощи. Этотъ доводъ на мой взглядъ очень страненъ, — силой вѣдь денегъ никто не беретъ, къ тому же онъ въ одинаковой степени примѣнимъ и къ колоніямъ изъ русско-еврейскихъ бѣдняковъ. Актомъ величайшей справедливости было бы протянуть руку помощи бене-іегудцамъ, которые отнюдь не заслужили меньше вниманія, чѣмъ, напримѣръ, рабочіе въ колоніяхъ, которыми Друзья Сіона такъ озабочены. Устройство хоть одной колоніи изъ мѣстныхъ евреевъ уничтожило бы ту пропасть, которая существуетъ между послѣдними и новыми поселенцами, убѣдило бы палестинскихъ евреевъ, что колонизація не придумана для однихъ только европейскихъ евреевъ и что Друзья Сіона безразлично готовы содѣйствовать всякому серьезному стремленію нашихъ единовѣрцевъ къ труду на поляхъ Св. Земли.

Отъ автора. Въ виду того, что печатаніе 1-й части «Обѣт. Земли» слишкомъ затянулось и 2-я часть требуетъ поэтому значительныхъ дополненій, то авторъ вынужденъ отложить печатаніе 2-й части до того времени, когда ему удастся вновь побывать въ Св. Землѣ и собрать на мѣстѣ недостающій матеріалъ. А пока будутъ помѣщаться въ «Восходѣ» очерки подъ названіемъ «Заіорданье».

Е. Хислиъ.

ПОБѢДА ЮСАФАТА.

Шли на Израиль Аммона сыны и Моава,
Шли изъ долинъ, отъ далекихъ синѣющихъ водъ;
Юсафать—Иудей надежда и слава—
Въ храмѣ Господнемъ созвалъ на молитву народъ.

Громео взывалъ онъ: Израиля Богъ, Адонаи,
Въ землю, которую далъ Авраама сынамъ,
Нынѣ враги налетѣли, какъ воршунувъ стаи,
Смертью грозя и погибелью намъ.

Ты обѣщаль—въ тѣснотѣ и обидѣ великой,—
Если карающій мечъ обратится на насъ—
Быть намъ всегда милосерднымъ Царемъ и Владыкой;
Нынѣ услыши моленія гласъ!

Духомъ Господнимъ исполнилось сердце левита,
Бывшаго тутъ же.—О, царь! Не пугайся, воспрянь!
Смѣло веди насъ, Господь іудеямъ—защита,
Самъ Онъ завтра возстанетъ на брань!

Темною тучей дружина Моава предстала,
Съ пламенной вѣрою или Іудей бойцы,
Славили, въ пѣніи арфы и звонѣ кимвала,
Господа Вышнихъ левиты ея и пѣвцы.

Слава Ему, Адонаи великому слава!
Разумъ пришельцевъ Господь поразилъ слѣпотой:
Рати Аммона возстали на рати Моава,—
Въ гнѣвѣ безумномъ сразились они межъ собой.

Кончился бой,—и явилось очамъ іудеевъ
Страшное зрѣлище: всюду лежали тѣла,
Словно колосья долину собою усѣявъ.

Сила несмѣтная вся полегла.

Такъ Адонаи возсталъ на защиту Іуды;
Славенъ воистину, славенъ Господь Саваоѣ!
Въ станѣ безмолвномъ—добычи оставленной груды,
Въ полѣ—тѣла бездыханныхъ бойцовъ!

О. Чюмина.

ПАПИРОСКА.

(Окончаніе).

V 1.

Первымъ моимъ дѣломъ было отпереть двери. Вбѣжавъ изъ корридора обратно въ столовую, я почувствовалъ сильную усталость; я вытеръ лобъ и лицо, которые были облиты потомъ, и усѣлся на стоявшемъ не далеко отъ стола диванѣ въ ожиданіи матери. Нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

«Что,—вдругъ подумалъ я, ощутивъ деньги въ карманѣ,— если мама какъ-нибудь узнаетъ, замѣтитъ по лицу?!»

На душу надвинулась до тѣхъ поръ невѣдомая тоска. Я инстинктомъ сознавалъ, что сдѣлалъ что-то неладное. «И зачѣмъ мнѣ все это нужно было?» — шепталь мнѣ внутренній голосъ, но онъ заглушался образомъ Шолежке, выплывшимъ предо мною, съ поощрительной улыбкой, говорившей: «Теперь я вижу, что ты не «лекаешь», что ты достойный товарищ».

И я почувствовалъ нѣкоторую гордость; стало какъ-будто свободнѣе, легче на душѣ. Я взглянулъ на дверь.—не идутъ-ли, и вынулъ деньги изъ кармана. Я только посмотрѣлъ на нихъ и быстро спряталъ обратно въ карманъ, держа тамъ и руку. Непонятная трусость овладѣла мною.

— Нужно идти спать раньше чѣмъ они придутъ изъ лавки,— рѣшилъ я и хотѣлъ подняться съ дивана; но въ это время двери съ шумомъ отворились и я услышалъ голосъ матери:

— Юсель, Юсель! Поставь зонтикъ въ сѣняхъ и раскрой его. Вотъ погода... Уже начались осенніе дни, «чтобы не грѣшить этими словами»,—негодовала она входя въ столовую.

Я какъ-будто приросъ къ мѣсту. Ужасъ объялъ мою душу. Вотъ, казалось, мать подойдетъ ко-мнѣ и по лицу все узнаетъ, или она, зайдя въ спальню, замѣтитъ копилку и тогда...

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.
Восходъ, кн. 12.

— Ты совсѣмъ одинъ? Гдѣ Бейле? Что съ тобою, сыночекъ мой, какой ты блѣдный... Горе мнѣ, на тебѣ лица нѣтъ!...

— Начинается,—подумалъ я весь дрожа.

— Какъ ты дрожишь... Что съ тобой, сыночекъ мой,—встрепенулась мать подходя ближе ко мнѣ. — Ты вѣрно испугался. Еще-бы, такой громъ! Какъ-же она, «трефнячка», оставляетъ тебя одного... Къ Личкѣ, вѣрно, побѣжала!.. Безъ нея ни минутки, къ ней, хотя-бы въ бурю...

— Я, мама, позволилъ ей,—лепеталъ я, самъ не зная что говорю,—я не боюсь.. я такъ...

— Что-же, у тебя, можетъ быть, голова болить?.. Боже мой, какая она горячая...

— Ну, вотъ, еще полгвезетъ въ карманъ,— подумалъ я не безъ страха, когда она щупала мой лобъ, и я сильнѣе прижалъ къ деньгамъ свою руку, которая все еще оставалась въ карманѣ. «Хоть-бы не завенѣли...» Я боялся пошевелинуться и сидѣлъ какъ пригвожденный къ мѣсту.

— Тебѣ, вѣрно, въ хедерѣ «злой глазъ» повредилъ. Сглазили моего ребенка,—рѣшила она вздохнуть,—я вотъ сейчасъ...

Я зналъ, что значило ея «сейчасъ»: она полной горстью соли будетъ водить надъ моей головой, что-то шепча и отплеываясь.

Раньше, чѣмъ идти въ кухню за солью, она поспѣшила въ спальню сбросить съ себя платокъ. «Это, гдѣ, нигдѣ не слышано,—волновалась она на ходу,—уйти въ такую погоду и оставить его одного... Пусть «онъ» только прійдетъ (она разумѣла отца, который уѣхалъ за товаромъ), я ему расскажу... Она, трефнячка, совсѣмъ разбаловалась... Что тутъ «дѣлаетъ» на кровати молотокъ?.. И вся кровать смята...

— Вотъ оно!.. Готово!..—подумалъ я и волосы у меня зашевелились на головѣ:—какой-же я дуракъ!.. Какъ не забрать молотка... Все погибло...

— Хозяйка!.. Нечего говорить... И что она себѣ думаетъ... О, горе мнѣ! Сейчасъ, мой сыночекъ, сейчасъ,—обратилась она ко мнѣ, уходя въ кухню съ молоткомъ въ рукахъ.

Слава Богу, опасность пока миновала. Нужно послать Юсея за Бейлею; ея присутствіе въ настоящую минуту было-бы моимъ спасеніемъ, гнѣвъ матери утихъ-бы и все замаялось и кончилось-бы благополучно; ея же опаздываніе вызывало все

большее и большее раздраженіе у матери и влекло за собою вопросы, разспросы... нужно послѣшить.

Не успѣлъ я что-нибудь предпринять, какъ мать уже стояла возлѣ меня и, вода рукой надъ моей головой, что-то шептала. Въ это время вошла и Бейля съ братомъ Лив. Нечего прибавлять, какъ я обрадовался ея приходу. Ея появленіе въ минуту, когда мать лѣчила меня своимъ радикальнымъ средствомъ, не давало послѣдней возможности напасть на нее. Мать при напештываніи не отвлекалась никакими посторонними разговорами. А важно было выиграть и это время, чтобы ея первый гнѣвъ прошелъ.

— Что тутъ такое?—спросила сестра:—ты недоровъ?

— Нѣтъ!.. Самъ не знаю... Мнѣ ничего...—говорилъ я, не зная что отвѣтить.

На этотъ разъ я не протестовалъ, какъ всегда бывало, противъ лѣченія матери. Поощряемый шутками и потруниваніемъ моего отца надъ этимъ лѣченіемъ, я всегда капризничалъ, метался какъ угорѣлый, и мамѣ приходилось довольно долго со мною возиться, пока она достигала своей цѣли; теперь мнѣ даже желателенъ былъ этотъ процессъ, отвлекавшій маму отъ молотка и смятой кровати. Въ душѣ, я былъ радъ, что все это приняло такой оборотъ и меня считаютъ больнымъ.

— «Что тутъ такое?!» — переспросила мать, когда кончила шептать и сплюнула три раза.—Ты-бы на всю ночь ушла, а потомъ спросила, что тутъ такое? Трефнячка! Уходить въ такую грозу, при такомъ громѣ, оставляя ребенка одного. Вѣдь, раньше ударилъ такой громъ, что мы, взрослые, присѣли отъ испуга... Стыдилась-бы «трефная кость» твоя, стыдилась... Подожди, пусть отецъ прійдетъ, тогда ты узнаешь, какъ бѣгать ежeminутно къ Лив... И кого ты тамъ не видала...

— Я спать хочу, — сказала я, чтобы остановить расходившуюся мать.

— Сейчасъ, мой сыночекъ, только поужинаемъ.

— Я не буду ужинать, я не хочу, я пойду спать,—сказала я, желая скорѣе убраться

— Сдѣлай ему постель, что ты стоишь какъ «гойлемъ», — съ крикомъ обратилась мать къ сестрѣ.

Сестра, ничего не отвѣтивъ, чувствуя себя, вѣроятно, нѣсколько виноватой, ушла приготовить мнѣ постель.

Я всталъ осторожно, не вынимая руки изъ кармана, сжимая деньги въ своемъ кулакѣ, боясь, чтобы онѣ какъ-нибудь не выдали меня своимъ звономъ, и пошелъ въ свою комнату.

Мать меня проводила, хотѣла раздѣть, противъ чего я, конечно, сильно протестовалъ; но и самому раздѣться при ней значило подвергаться большой опасности. Я капризничалъ, плакалъ, не раздѣвался, пока мама не вышла изъ комнаты.

Раздѣваясь, я не зналъ, какъ быть съ деньгами. Я хорошо зналъ, что мать не ограничится однимъ этимъ визитомъ, что она еще нѣсколько разъ зайдетъ, еще нѣсколько разъ приложить свою руку къ головѣ своего единственнаго сына, даже когда онъ будетъ спать. Что, если она зацѣпитъ нечаянно мои вещи—вѣдь можетъ это случиться—и деньги ударятся со звономъ о полъ, выпадутъ изъ кармана?.. Самое лучшее—рѣшилъ я—спрятать деньги подъ подушкой.

Долго не спалось мнѣ въ эту роковую ночь. Долго мать еще сердилась, бранила сестру, приходила въ мою комнату, прислушиваясь со вздохомъ къ моему дыханію, ошупывая осторожно мою голову, а я, притворяясь спящимъ, молилъ Бога, чтобы она скорѣе ушла и чтобы всѣ улеглись спать.

Наконецъ, въ домѣ все стихло. Сестра тихонько вошла въ комнату, на ципочкахъ подошла къ моей кровати, нагнулась надо мной, и осторожно раздѣвшись, легла въ постель.

Вопарившаяся тишина еще хуже подѣйствовала на мои возбужденные нервы. Дождь, съ зловѣщимъ однообразіемъ барабана по стекламъ окна, наводилъ на меня ужасъ. Мое воображеніе пугало меня и рисовало невозможныя вещи. Меня пугало собственное дыханіе; завываніе вѣтра, доносившееся съ улицы, каждый шорохъ въ комнатѣ, приводили меня въ трепеть. Я боялся стѣнъ, потолка, всѣхъ окружающихъ меня предметовъ, угловъ комнаты. Мнѣ казалось, что какая-то невидимая сила, притаившись въ углу, слѣдитъ за каждымъ моимъ дыханіемъ, что изъ-за стѣнъ кто нибудь старается увидѣть, уличить меня въ моемъ поступкѣ. Я натянулъ одѣяло на голову и, съжившись, силился уснуть. Но сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Мнѣ казалось, что мать, раздѣвшись, замѣтила копилку и все поняла:

поняла мое смущеніе, поняла блѣдность моего лица и мою мнимую богѣвнѣ. «Да я, кажется, копилку-то и не прибилъ на прежнее мѣсто.. Я даже, дуракъ, молотокъ оставилъ на кровати!.. И зачѣмъ мнѣ это, къ чему?.. Изъ за папирсы?... Изъ за нихъ я обрекъ себя на такія пытки?..» Мнѣ стало душно подъ одѣяломъ; я его сбросилъ.

— Ты не спишь? — спросила сестра, услыша шорохъ.

Я не отвѣтилъ.

— Кончено!—рѣшилъ я про себя:—теперь ничѣмъ ужъ не поправишь... Однако, чего такъ бояться,—успокаивалъ я себя.—Допустимъ, мама узнаетъ, что изъ копилки взяты деньги,—почему именно я? Не я—и довольно! Шолемке не трусилъ-бы такъ... Вотъ онъ-бы разсмѣялся, увидя меня въ этомъ состояніи!.. Вотъ человѣкъ, вотъ сила!..

И предо мною вырастаетъ Шолемке въ образѣ какого то великана, съ длинными ручищами, съ толстой, претолстой, длиною съ палку, папирской въ зубахъ; онъ изъ рта ухитряется одновременно пускать громаднѣйшія кольца дыма; и держитъ онъ копилку колоссальныхъ размѣровъ, трясетъ ее съ такой неимоверной силой, что копилка издаетъ страшно жалобные звуки, вызывающіе страшную боль въ головѣ и ушахъ. «Видишь, говорить Шолемке, я никого не боюсь!.. Пойдемъ дѣлать папирсы!..» Онъ уводитъ меня далеко, далеко на высокую большую гору, и возлѣ лѣса на холмѣ (на такомъ-же, какъ у насъ за городомъ, возлѣ бани), мы садимся дѣлать папирсы. Кипитъ у насъ работа. Папирсы самыхъ громаднѣхъ размѣровъ какъ-бы сами вырастаютъ, вспыхиваютъ, сами отъ себя чудомъ зажигаясь, и вижу я далеко, далеко на горизонтѣ пылающій, громадный, красный огонь, у котораго, противъ вооруженнаго филистимлянина «Голиафа», стоитъ Шолемке со своимъ войскомъ и грозить этому, вооруженному съ ногъ до головы, великану своимъ маленькимъ «легбоймерскимъ лукомъ».

— Возьми меня въ свое войско,—прошу я его.

— Тебя?! — отвѣчаетъ онъ со смѣхомъ. — Ты, вѣдь, муха. Тебя толкнуть и фю—полетишь, какъ щепка,— и онъ толкнулъ меня и я покотился съ горы.

Я проснулся. Меня знобило. Я укрываюсь одѣяломъ, просовываю руку подъ подушку и ощупываю деньги.

— Давай ихъ сюда,—говорить Шолемке, очутившійся вдругъ въ моей кровати,—ты, «лекашъ», боишься,—я ихъ спрячу.

Я отдаю деньги, а онъ съ ними удираетъ; я у него прощу папирось, а онъ, убѣгая, смѣется надо мною; я бѣгу за нимъ, хочу его поймать, но мама, попавшаяся на встрѣчу, удерживаетъ меня и съ жалобнымъ стономъ плачетъ:

— «Вотъ до чего дожила!.. Такъ-то, сыночекъ мой, дѣлаешь... Осрамили ты меня, бѣдную... Горе, горе твоей матери... Сынъ ея—ворюшка! Что теперь сосѣди скажутъ... Какъ мнѣ показаться въ люди?... Вѣдь на меня пальцами стануть указывать: Вотъ мать, родившая и воспитавшая такого апикойреса! Меня проклянуть!.. И все ты!.. ты... На, смотри... любишься копилкой!.. Нѣтъ, ты не мой сынъ!» — и она бросаетъ къ моимъ ногамъ копилку и начинаетъ исчезать. Мнѣ хочется крикнуть, звать ее, плакать, — не могу. Она быстро, быстро мчится, окруженная многими женщинами, укутанными въ бѣлые, прозрачные саваны; я никого не могу различить; онѣ уносятся дальше и дальше, все быстрѣе удаляясь вверхъ и, смѣшиваясь съ облаками, совершенно исчезаютъ въ необъятной дали.

VI.

— Мама!—хотѣлъ я крикнуть, сильно испугавшись, когда, открывъ глаза, увидѣлъ возлѣ себя свою мать. Впечатлѣніе кошмара до того было живо и свѣжо, что я ее воображалъ вернувшейся изъ облаковъ. Я хотѣлъ броситься къ ней съ плачемъ. молить о прощеніи. Но ея кроткое, доброе, улыбающееся лицо и вопросъ: «какъ тебѣ, мой сыночекъ, лучше?»—звучащій такъ любовно и ласково, успокоилъ меня.

— Не знаетъ!—мелькнуло въ моей головѣ и я пришелъ немного въ себя.—Это былъ сонъ,—подумалъ я и сплюнулъ.

— Что тебѣ,—спросила мать,—тошнитъ, что-нибудь болитъ?

— Ничего,—отвѣтилъ я, совершенно овладѣвъ собою,—я чаю хочу, у меня ничего не болитъ.—Но я чувствовалъ головную боль и легкій омякъ.

— Сейчасъ иду, мой сыночекъ, сейчасъ «сдѣлаю тебѣ чаю»,—отвѣтила она, поспѣшно убѣгая въ столовую.

Какъ только мать скрылась за дверь, я просунулъ руку

подъ подушку. Деньги оказались на мѣстѣ. Я наскоро одѣлся, спряталъ деньги въ карманъ и, умывшись, вошелъ въ столовую.

Совершенно успокоился я, когда замѣтилъ черезъ отворенную дверь спальни копилку, прибитую на прежнемъ мѣстѣ. «Напрасно (боялся... все отъ страха... Дуракъ я, «корова»—выругалъ я самъ себя, переводя глаза отъ копилки на столъ.

Однако, какъ ни старался я не смотрѣть на копилку, боясь выдать этимъ мою тайну и вселить подозрѣніе въ душѣ матери, глаза мои невольно ежеминутно устремлялись въ спальню и мнѣ стоило много усилія и труда отвлекать взоръ мой отъ злополучной копилки.

— Я тебя сегодня не пущу въ хедеръ,—заявила мнѣ мать,—ты блѣденъ и голова еще у тебя горячая.

Понятно, какъ сильно протестовалъ я противъ такого заявленія и какъ сильно было мое желаніе быть въ хедерѣ и увидѣть Шолемке.

Мать въ началѣ довольно энергично настаивала, но скоро сдалась. Ей отчасти было пріятно открыть во мнѣ такое сильное, непреодолимое влеченіе къ хедеру. Она меня наблюдала довольно солиднымъ завтракомъ изъ масла, творогу и булки, и сверхъ того дала еще три копѣйки, что я считалъ признакомъ особаго расположенія.

Какъ только я увидѣлъ Шолемке, я шепнулъ ему, что имѣю деньги; онъ отвѣтилъ тихо: «хорошо!»

Въ хедерѣ я сидѣлъ довольно разсѣяннo, не зная почти, что читаютъ. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ я ждалъ полудня, обѣденнаго времени. Ребе замѣчалъ мою разсѣянность, но былъ снисходителенъ. Во первыхъ, этотъ день все-таки считался днемъ не серьезныхъ занятій: Ребе только задавалъ, читая урокъ вмѣстѣ съ нами, такъ что не было причинъ ему раздражаться, во-вторыхъ, что главное и спасало меня отъ его гнѣва, онъ въ первые дни ученія не обращался съ учениками сурово, былъ ласковъ и даже шутилъ, желая внушить къ себѣ довѣріе, чтобы первое впечатлѣніе учениковъ было пріятное.

Шолемке во время ученія вышелъ на дворъ и успѣлъ незамѣтно для всѣхъ кивнуть мнѣ—послѣдовать за нимъ.

Прождавъ нѣсколько, я, съ разрѣшенія ребе, вышелъ.

— Сколько у тебя денегъ?—былъ первый вопросъ Шолемке.

— 30 коп.,—сосчиталъ я.

— Очень хорошо. Дай ихъ сюда.

Я ему отдалъ деньги и почему-то ждалъ, что онъ исчезнетъ; вспоминая вчерашній сонъ, мнѣ казалось, что онъ долженъ сейчасъ удрать. Но онъ, конечно, не удралъ.

— Превосходно,—сказалъ онъ.—Мы будемъ имѣть хорошій табакъ и сотню гильзъ. Дѣлать мы ихъ будемъ у меня; когда пойдемъ обѣдать, я тебѣ скажу, какъ поступить, а теперь пора вернуться въ хелеръ.

Мы вернулись и, помывши руки, сѣли опять за Геморе.

Я ничего не понималъ изъ объясненія ребе. Мои мысли были очень далеки отъ «вола, боднувшего корову», о которомъ читалъ ребе, выводя рукой круги по воздуху. Мысли мои уносились въ тотъ дѣтскій новый мѣръ, который началъ создавать для меня Шолемке; фантазія моя рисовала картины одна другой радостнѣе: то у меня сотня папиросъ самыхъ длинныхъ, то у меня серебряный мундштукъ съ янтаремъ и кожаный портъ-сигаръ; вдругъ, вижу себя генераломъ въ войскѣ Шолемке и избиваю до смерти Филимона. Но вотъ и копилка является предъ моимъ взоромъ и нѣсколько омрачаетъ мои розовыя грезы. Время тянулось невыносимо долго, казалось не будетъ конца этому дню.

Наконецъ наступило время обѣда.

— Ты иди домой обѣдать, — сказалъ Шолемке, отдѣлившись со мною, отъ остальныхъ мальчиковъ,—и сейчасъ приходи ко мнѣ; я тѣмъ временемъ приготовлю табакъ и гильзы.

— У васъ никого нѣтъ дома?—спросилъ я.

Шолемке улыбнулся.

— Мы ихъ будемъ дѣлать въ сараѣ, гдѣ никто не увидитъ,—сказалъ онъ,—и все равно: у меня только мать, которая рѣдко бываетъ дома. А скажи мнѣ, какъ ты досталъ деньги?

Я ему рассказалъ, умалчивая, конечно, о моей труости.

— Молодецъ!—похвалилъ онъ—Иди-же скорѣе обѣдать и не медли. Ты знаешь, гдѣ мы живемъ? У «Менделя носа».

— Знаю, это недалеко отъ насъ,—отвѣтилъ я, пустившись стрѣлой домой, не обращая вниманія на грязь и лужи.

Я наскоро пообѣдалъ, мелькомъ взглянулъ на копилку, на лица домашнихъ,—не выражаютъ-ли они чего нобудь подозри-

тельного, и, убѣдившись, что все обстоит благополучно, поспѣшилъ къ Шолемке.

Мать моя совершенно успокоилась, видя мое веселое настроеніе, хотя не преминула пощупать мою голову и прибавить: «еще горяча». Мой слухъ уловилъ еще слова матери: «хорошій теперь ребе ему попался, умѣетъ привлечь къ хедеру. Ему совсѣмъ не сидится дома».

Что сестра отвѣтила, я не слыхалъ: я былъ уже на улицѣ и бѣжалъ къ Шолемкѣ. Послѣдній поджидалъ меня у воротъ дома «Менделя носа».

— Дѣлать папиросы будемъ въ «тріятрѣ»,—сказалъ онъ вводя меня во дворъ и, остановившись вондѣ какого-то сарая, сталъ его отпирать.

Когда мы вошли въ сарай, я былъ пораженъ отъ удивленія и восторга, и мнѣ казалось, что я попалъ въ какое-то волшебное царство. Сейчасъ противъ входа были положены доски въ видѣ подмостковъ; вверху, на довольно крѣпкихъ веревкахъ, висѣла выкрашенная въ зеленую краску трапеція. На подмосткахъ, въ правомъ углу, были сложены пестрые, картонные, широкіе и конусообразные колпаки, разные деревянные мечи, обручи, оклеенные золотой бумагой, небольшая лѣстничка, шесты, оклеенные винтообразно лентами красной и синей бумаги, какая-то маска, парикъ, сѣдая борода и рваный коверъ.

Въ лѣвомъ углу, ниже подмостковъ, валялись горшки, поломанная кадушка, «поставецъ», жестяная кружка безъ ушка, порванные башмаки и еще разный домашній хламъ; за подмостками слѣва стѣна, во всю ея длину и ширину, была завѣшана краснымъ кумачемъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами разныхъ величинъ, вырѣзанными изъ золотой бумаги. Направо, передъ подмостками, амфитеатромъ были устроены скамейки. Между скамейками и подмостками, на длинной веревкѣ, висѣли старыя портьеры, замѣнявшія занавѣсъ.

— Что это? — спросилъ я пораженный.

— Мой «тріятрѣ», — отвѣтилъ онъ съ достоинствомъ, довольно моймъ удивленіемъ. Чтобы еще больше удивить и поразить меня, онъ вбѣжалъ на подмостки, разложилъ наскоро порванный коверъ, два раза перекувырнулся, взобрался на трапецію, бросился внизъ головой, оставшись висѣть на ногахъ

и, опять поднявшись, свернулся въ клубокъ и сталъ кружиться вихремъ.

Я съ замираніемъ сердца, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и съ каждой секундой все больше и больше восторгался и удивлялся.

Хотя я слышалъ еще въ хедерѣ у «Хаима-бака» о существующемъ у Шолемке театрѣ, но о подобномъ я никогда не смѣлъ вообразить.

— Ай, ай! Вѣдь лучше, чѣмъ въ циркѣ на ярмаркѣ, — не могъ я не похвалить.

Шолемке, повидимому, былъ польщенъ моею похвалою.

— Это пустяки, — сказалъ онъ, прыгивая, какъ кошка, съ трапеціи, — ты-бы видѣлъ, когда мы всѣ «представляемъ»; у меня есть еще «комедіанты»: фокусникъ, «Лейбель Пемпикъ», онъ можетъ изо рта вытянуть сто аршинъ лентъ, глотаетъ шпаги; есть и «паяцъ», Береле Фейгесъ, и «пантомины представляемъ». Когда будетъ представлять, я съ тебя возьму 3 коп., за 1-й рядъ, — всѣ платятъ 5 коп.

— Скоро это будетъ? — спросилъ я.

— Скоро. А пока начнемъ дѣлать папиросы.

Понятно, что послѣ видѣннаго и слышаннаго, Шолемке сталъ въ моихъ глазахъ еще болѣе крупной величиной; съ этого момента я ему принадлежалъ тѣломъ и душой, и если во мнѣ существовало до сихъ поръ маленькое сознание своего «я», оно теперь было совершенно уничтожено въ прахъ.

Заперевъ за собою дверь сарая, Шолемке вынулъ изъ кадучки табакъ, гильзы и вату, сѣлъ на подмостки и началъ меня учить, какъ набивать гильзы. Сначала мнѣ эта работа не давалась и я нѣсколько гильз испортилъ, за что былъ имъ жестоко обруганъ, пока подъ конецъ дѣло кое какъ, хотя довольно медленно, пошло на ладъ.

Когда съ десятка два гильзъ было набито, Шолемке предложилъ выкурить по папироскѣ. Онъ вынулъ красивую коробочку бѣлыхъ восковыхъ спичекъ, чиркнулъ одну изъ нихъ о коробку и она съ трескомъ зажглась.

— Нужно и тебѣ купить такія спички, — сказалъ онъ закуривая.

Съ неизвѣданнымъ до тѣхъ поръ наслажденіемъ я тоже закурилъ. Я захлебнулся, кашлянулъ, но былъ счастливъ.

— Эхъ, ты курильщикъ! — срамилъ меня Шолемке:— уже кашляетъ!.. А вотъ смотри, какъ я курю, какіе «бублики» пущу изъ дыма,—и онъ, набравъ полный ротъ дыму, выпускалъ его кольцами, похожими на бублики, приведшими меня въ неописанный восторгъ. Онъ былъ полнымъ ховяиномъ дыма, умѣлъ выдѣлывать зигзаги, круги, всевозможныя кольца.

— Видишь, какой бубликъ пустилъ, — дразнилъ онъ меня, — а ну-ка, пусти ты такъ.

Но сколько я ни силился подражать ему, у меня ничего не выходилъ. Я только больше задыхался и сильнѣе кашлялъ, дымъ ударялъ мнѣ прямо въ глаза и вызывалъ слезы.

— Не умѣешь! А вотъ я сейчасъ пущу такой бубликъ, какого ты никогда не видалъ,—и онъ дѣйствительно выпустилъ такое кольцо густого дыма, что я только руками развелъ.

— Я вотъ изо рта пущу дымъ прямо въ носъ, — сказалъ онъ, потянувъ папироску, и какимъ-то чудомъ для меня, дымъ прямо устремлялся въ носъ, куда и исчезалъ. Онъ чихнулъ и на его глаза навернулись слезы.

— Довольно! — сказалъ онъ. — Пора въ хедеръ.

Мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что не хотѣлось уходить.

— Еще немного посидимъ, — просилъ я.

— Нельзя, — строго сказалъ онъ вставая.

Я покорно всталъ за нимъ.

— Тебѣ даже не въ чемъ держать папиросъ, — сказалъ онъ озабоченно, — нужно купить «портъ - табакъ», хорошій, такъ въ рубль, затѣмъ спичечницу и восковыя спички. Принеси мнѣ завтра деньги. Пока возьми одну папиросу, все равно у васъ дома негдѣ много держать; если захочешь курить, придешь ко мнѣ, вѣдь тебѣ недалеко.

Спрятавъ папиросу, я ушелъ съ Шолемке въ хедеръ.

VII.

Хотя послѣ первой кражи, я уже къ копилкѣ подходилъ смѣлѣе, извлекая оттуда довольно часто мѣдные гроши, однако всѣ тѣ дни я находилси въ какомъ - то лихорадочно - возбуж-

денномъ состояніи. Какое-то чувство, не то страхъ, не то самосохраненіе, волновало меня, заставляя вѣчно быть на сторожѣ, чуть-ли не бояться домашнихъ, усматривая въ ихъ взглядѣ что-то подозрительное, лукаво-насмѣшливое. Казалось, имъ уже все извѣстно, они только таинственно молчатъ, выжидая, высматривая что-то, чтобы потомъ все сразу выпалить и вотъ все обрушится на мою голову; даже, если пока еще все находится во мракѣ, то въ концѣ-концовъ все это неминуемо не сегодня, завтра разоблачится. Должны-же когда нибудь открыть копилку. Эта мысль приводила меня въ ужасъ.

Сколько я ни старался смотрѣть на все глазами Шолемке, всячески подражать, угождать ему, но едва я совершалъ что-нибудь по его инициативѣ, какъ впадалъ въ неотвязную тоску. Я инстинктомъ чувствовалъ въ немъ какую то скрытую фальшь, но не могъ ее найти; впрочемъ, я и не искалъ. Я слишкомъ привязался къ нему и не въ силахъ былъ разорвать цѣпи, сковывавшія меня съ нимъ.

Бывали минуты, когда хотѣлось перестать ходить къ нему, но это были минуты, мгновенья, которыя такъ же быстро исчезали, какъ и появлялись; его обаяніе слишкомъ охватило меня.

Несмотря на частое за эти дни опустошеніе копилки, до нужной суммы по расчету Шолемке было еще далеко. Я не вель никакихъ счетовъ, вполне довѣряясь ему. Онъ, между тѣмъ, сильно торопиль, доказывалъ необходимость пріобрѣтенія портъ-сигара. Я рѣшилъ поэнергичнѣе потрясти копилку.

Разъ вечеромъ, улучивъ минуту, когда сестра ушла къ мамѣ въ лавку, я, предварительно принявъ всѣ предосторожности, подбѣжалъ къ копилкѣ съ твердымъ намѣреніемъ извлечь оттуда, во что-бы то ни стало, нужную сумму. Нечаянно взоръ мой упалъ на маминъ платокъ, лежавшій на кровати и я весь просіялъ. На платкѣ лежала рублевка. Не помня себя отъ радости, я схватилъ рубль и пустился къ Шолемке.

У нашихъ воротъ я встрѣтилъ Юсея.

— Уже изъ лавки? — удивился я.

— Нѣтъ, мама меня послала за платкомъ; она изъ лавки куда-то уйдетъ, а я съ Бейлой скоро придемъ домой.

Что то неясное мелькнуло въ моей головѣ, что-то похожее на безотчетный страхъ, который, впрочемъ, моментально исчезъ.

Настолько сильно было вліяніе Шолемке на меня, что достаточно было одного его присутствія, чтобы вся робость, вся трусость моя прошла. Я возлѣ него совершенно преобразовывался, весь поддаваясь его настроенію.

Когда я ему, моему кассиру, принесъ злополучный рубль, онъ почему-то пришелъ въ экстазъ. — «Молодецъ!—крикнулъ онъ радостно:—завтра я тебѣ все куплю!» Онъ отъ восторга кувырнулся нѣсколько разъ въ своемъ театрѣ, куда мы зашли, маршировалъ на рукахъ головой внизъ, сообщилъ мнѣ, что успѣлъ сдѣлать еще 15 папиросъ, изъ которыхъ онъ мнѣ предложилъ «пока одну», и до того я у него вошелъ въ милость, что онъ меня принялъ въ свою труппу, назначивъ мѣсто «билетера», единственно тѣмъ я могъ быть ему полезнымъ. Онъ раньше пытался было научить меня кое-чему изъ его искусства, но при первой попыткѣ я отретировался: я до того ушибся, когда хотѣлъ кувырнуться, что уже не имѣлъ особенной охоты повторить это сальтомортале. Впрочемъ, онъ обѣщаль сдѣлать меня «паяцемъ». — «Мусю кленомъ» (м-сье клоуномъ) ты сумѣешь быть, я тебя научу!»—и надѣвъ на мою голову какой-то рыжій парикъ и колпакъ изъ сахарной оберточной бумаги,—проговорилъ: «Отлично! Хорошо! Пойдетъ!»

Я ушелъ отъ него ликующимъ, восторженнымъ, забывъ все въ мірѣ, ничего не чувствуя подъ собою отъ радости, охватившей всю мою дѣтскую душу. Я не шелъ, а бѣжалъ, подталкиваемый какой-то невѣдомой силой, но вбѣжавъ въ нашъ корридоръ, я остолбенѣлъ отъ испуга.

— Такъ вотъ почему изъ копилки исчезли деньги... Вотъ кто ихъ крадетъ... воры!.. Куда дѣлъ рубль?.. Скажи! Слышишь, Йосель, скажи!—доносился изъ столовой до меня крикъ матери.—Я положила этотъ рубль на платокъ и послала тебя за нимъ, чтобы испытать тебя, убѣдиться, узнать каковъ ты... Скажи, рассказывай все—я тебя прощу!

Вся радость, весь восторгъ, какъ волшебствомъ исчезли и какая-то щемящая боль, леденящій ужасъ охватили меня. Этой минуты я въ жизни никогда не забуду. Я стоялъ, какъ пораженный громомъ, не смѣя вдохнуть, боясь шевельнуться, и смотрѣлъ черезъ открытыя двери то на Йоселя, стоявшаго у дверей столовой, блѣднаго какъ мертвецъ, не могшаго слова вымолвить, то

на сестру, сидѣвшую на диванѣ съ глазами устремленными внизъ, перебиравшую пальцами концы скатерти, то на мать, стоявшую посерединѣ комнаты съ лицомъ, обращеннымъ къ Иоселю.

— Вѣдь ты же могъ меня обокрасть съ ногъ до головы, не прійди «габай» за деньгами и не хватись я, что копилка почти пуста,—продолжала она кричать:—воръ ты, воръ!.. Развѣ къ лицу это «еврейскому сыну», а я тебя считала честнымъ!..

— Я ничего не знаю, — еле лепетала несчастный Иосель.— Я не бралъ... Пусть меня земля возьметъ, если я бралъ, пусть мнѣ руки и ноги отсохнутъ, если я дотрагивался до чегонибудь!.. Пусть я лишусь «cholek l'olom habo» *, если я дажевидѣлъ!..

Что-то невыразимо тяжелое скользнуло въ мою дѣтскую душу, когда я услышалъ его вкляты; мнѣ стало больно, стыдно передъ этимъ ни въ чемъ не повиннымъ Иоселемъ и передъ самимъ собою. Я готовъ былъ снести всякую кару, всевозможныя мученія, только не слышать его душу раздирающаго голоса. Но я ничего не предпринималъ и не двигался съ мѣста. На меня нашель столбнякъ. Меня бросило въ холодъ.

— Да кто-же, кто бралъ?—усилился гнѣвъ матери.— Не ангелы-же съ неба брали?! Вотъ на моихъ глазахъ рубля не стало. Всюду вмѣстѣ искали, вездѣ обшарили—нѣтъ его... И ты еще божишься... Клятвопреступникъ... Апикойрось! Горе утробѣ твоей матери, родившей такого мешумеда какъ ты! А твоя мать, миръ ей, да будетъ ей свѣтлый рай, была благочестивая еврейка... Охъ, охъ, охъ! Она еще разъ бы могла встать и посмотреть на свое дѣтище! Ты-бы, тrefнякъ, пощадилъ ея чистую душу, не тревожилъ-бы ея костей изъ сырой земли и далъ-бы ей покойно лежать въ тѣсномъ гробу.

Иосель громко рыдалъ.—Когда я не видѣлъ... когда я не знаю,—твердилъ несчастный сквозь слезы, съ трудомъ удерживая свои громкія всхлипыванія.

Невыносимое, невѣроятное мученіе и горе испытывалъ я, слушая его рыданія. Мнѣ хотѣлось броситься къ матери, раскрыть невинность Иоселя, объявить что воръ—это я, что изъ копилки кралъ деньги—я, что рубль—похитилъ я, что я дѣлаю папиросы, покушаю портъ сигаръ, спички, что, однимъ

* Будущая жизнь.

словомъ, Йосель чистъ, настоящій воръ не онъ,—а я... я... Мнѣ теперь было извѣстно, кто я такой... Но.. но, я этого не сдѣлалъ. Я не могъ сдѣлать. Еле двигаясь, я незамѣтно прокрался черезъ переднюю въ мою комнату и бросился на кровать, а слезы ручьемъ потекли изъ моихъ глазъ. Мнѣ стало невообразимо страшно; я не зналъ, что со мною.

— Это твоя благодарность, — прислушивался я, какъ мать продолжала, — что круглаго сироту тебя взяла къ себѣ и хотѣла сдѣлать человѣкомъ? Это за мою хлѣбъ-соль... Хорошее спасибо, нечего сказать... Знаешь-ли ты, что ты сдѣлалъ? Понимаешь-ли, сознаешь-ли ты, что значить «воръ»? Святой Отецъ! При одномъ имени у меня пробѣгаетъ морозъ по кожѣ.

— Довольно,—заступилась робко сестра,—вѣдь уже пропало.

— Уже пропало! — накинулась на нее мать. — Тебѣ видно легко достаются деньги, тебѣ мало горя и головной боли добывать ихъ. А ты, вотъ, попробовала-бы побыть, какъ твой отецъ, уже съ недѣлю въ дорсгѣ, не дождать, не досыпать, валяться въ какомъ нибудь грязномъ углу гостинницы, бѣгать съ утра до вечера по складамъ закупать товаръ—не говорила бы «уже пропало!» Защитница какая нашлась: «Довольно!»—Вора нечего жалѣть! Что ему ѣсть нечего было, онъ у насъ голодалъ? Онъ у насъ не одѣтъ, не обутъ?! Слава Тому, Который живетъ вѣчно, онъ у насъ сытъ, не ходитъ ни нагимъ, ни босымъ. На праздники сама сдѣлала ему костюмъ, обшедшійся мнѣ въ шесть рублей шестьдесятъ копѣекъ.—А онъ, тrefнякъ, воровать!... Нѣтъ ему пощады! Сегодня вечеромъ твой отецъ пріѣдетъ, онъ съ нимъ по своему расправится... А ты, тrefнякъ (это относилось къ Йоселю), уйди съ моихъ глазъ, пусть они не видятъ такого мешумеда какъ ты!

Я слышалъ, какъ Йосель тихо съ рыданіемъ ушелъ и на время воцарилась какая-то безпокойная тишина. Я испугался этой злобщей тишины. Наскоро, какъ-то бессознательно я сталъ раздѣваться и укрылся одѣяломъ, мысленно призывая Бога, чтобы спасъ меня отъ этой страшной бѣды.

VIII.

Я впалъ въ какое-то забытье. Мысли смѣшались, спутались и какой-то хаосъ, кошмаръ овладѣлъ мною. Я слышалъ го-

воръ, стукъ тарелокъ, вилкокъ и неясно сознавалъ ихъ значеніе. Я слышалъ голосъ матери, освѣдомлявшейся обо мнѣ; при этомъ она говорила не то съ тайной тревогой, не то съ внутренней надеждой на что-то лучшее, — о перемѣнѣ, промѣшавшей во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посѣщать хедеръ Зимеля: «Задумчивъ сталъ, расвѣянь... къ добру-ли?.. Можетъ быть, это онъ растетъ»... — все это слышалось мнѣ какъ во снѣ, безъ яснаго пониманія. Вотъ входитъ мать въ мою комнату будить меня къ ужину; она засуетилась, завозилась стоя надо мною, приговаривая: «онъ весь, какъ въ огнѣ», и, кажется, не обошлось безъ напѣшыванія... Суетятся... возня... Вдругъ тихо... И опять мама воевъ меня... опять возня и опять тишина... Доносится какой-то смѣшанный говоръ... кажется обо мнѣ — вотъ и о Юсель, о кражѣ.. Опять, мама здѣсь... «Онъ кажется горитъ!.. Завтра нужно позвать доктора»... Тишина. Еще разъ раздаются голоса, но уже тихіе, постепенно умолкающіе... Вотъ захлопнулись какія-то двери... кажись изъ спальни мамы... Спать ушла!.. Сестра ложится спать... темно... Воцарилась глубокая тишина. Казалось, все замерло, притаилось въ ожиданіи чего-то страшнаго, грознаго. Въ моей груди что-то заклокотало, заволновалось, поднялась злобѣщая буря, страшная гроза. Мое сердце, до сихъ поръ чистое, инстинктомъ почувствовало всю мерзость моихъ поступковъ. Шелемъ не привлекалъ меня болѣе, а отталкивалъ. Онъ представлялся уже въ моемъ воображеніи какимъ-то злымъ духомъ, который въ силахъ совратить даже ангела. Вѣдь сколько разъ я изъ-за него не сотворялъ вечерней молитвы, вспомнилъ я, и сталъ читать молитву «Шема».

Никогда въ свою жизнь я такъ искренно, съ такимъ благоговѣніемъ не молился, какъ въ эту ночь. Жгучія, тихія слезы потоками лились изъ моихъ глазъ; вся подушка сдѣлалась мокрой. Сознаніе какъ будто просвѣтлѣло, думы чередовались яснѣе, но сердце больше ныло и волновалось, готовое выпрыгнуть, разорваться на части. Въ моихъ ухахъ что-то гремѣло, звенѣло съ такой силой, какъ будто стучали тутъ громаднымъ молотомъ; все кругомъ вертѣлось, кружилось въ какой-то бѣшеннѣйшей пляскѣ. Вотъ и Юсель!.. Чего онъ хочет?.. Я боюсь его! За что онъ неотступно преслѣдуетъ меня! Я закры-

ваю глаза; онъ опять тутъ, онъ ясно выдѣляется на черномъ узористомъ фонѣ своимъ испуганнымъ, растеряннымъ лицомъ; я вижу его отчаяніе, слышу его плачь и слабый голосъ: «я ничего не знаю... я не брать».

— Онъ не виновенъ, не виновенъ... Это я воръ... я... Боже мой! Что дѣлать, какъ спасти себя и бѣднаго Юсея?!..

Я чувствовалъ, какъ силы постепенно оставляютъ меня; меня бросало то въ холодъ, то въ жаръ.

А вотъ что: — сказать сестрѣ... Открыться ей... Посоветоваться съ нею... Она все уладитъ... Она добрая... Все... все расскажу!.. — Я оборачиваюсь лицомъ въ ея сторону.

— Ты не спишь? — спрашиваетъ меня сестра. — Ты все слышалъ?

— Да, — отвѣчаю я тихо.

— Я такъ и поняла. Тебѣ было не ловко войти въ столовую и видѣть эту сцену... Жаль его...

— Да, — отвѣчаю я какъ-то бессознательно. — Сказать ей?!.. Стыдно... тяжело!..

— Какъ ты думаешь, это его дѣло? — спрашиваетъ сестра.

Я упорно молчу. Оцѣпененіе овладѣло мною, какое-то безсиліе чувствовалось... Воля совершенно отсутствовала, хотя я, какъ будто, молчу сознательно, не желая выставлять самого себя къ позорному столбу.

— Это онъ, — рѣшаетъ сестра. — Кто-же другой?.. А жаль, такой былъ тихій, скромный бохеръ!.. Вѣрь послѣ этого людямъ!

— Это не онъ, — зашептала я противъ моей воли и занулся, но мнѣ стало легко: сказалъ... не все, а все-таки сказалъ... я все расскажу...

— «Неонъ!» — слышу, какъ разсердилась сестра. — Кто-же, — я, или ты... Чужіе къ намъ не ходятъ; никто другой не могъ взять. Рубль у насъ на глазахъ взялъ, изъ подъ рукъ...

Я что-то хочу сказать, но языкъ мой не поворачивается; я упорно молчу. — «Чего я молчу?.. Нужно ей все, все раскрыть... Своимъ молчаніемъ, я творю тяжкій, неискупаемый грѣхъ!.. Его выгонять... непременно выгонять... Отецъ сегодня прѣдетъ. У него расправа коротка... Боже мой, Боже мой! Что дѣлать!.. — «А, Шолемке!.. Ты тутъ, асмодей! Прочь!..» — Я его вижу ясно. Онъ смотритъ на меня страшнымъ взоромъ.

и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ курить папироску. Я почувствовалъ его привосновеніе. — Уйди отъ меня!.. Уйди, уйди!..— Онъ хохочетъ ужаснымъ смѣхомъ. Я хочу крикнуть, но не могу. Мнѣ остановиться страшно. Я тихо зову сестру, но въ отвѣтъ я съ яе кровати услышалъ какъ будто сильное рычаніе какого-то громаднаго, страшнаго звѣря. Я нервно хватаюсь руками за подушку, мечусь, какъ угорѣлый, изъ стороны въ сторону и чувствую, какъ у меня встали волосы на головѣ. — «Здѣсь никого нѣтъ... Это сестра спитъ, — говоритъ мнѣ Іосель: — прислушайся». — Я прислушиваюсь. Дѣйствительно съ кровати сестры доносится тихое, протяжное дыханіе. «А знаешь что, Іосель, вѣдь это я взялъ...» А гдѣ же онъ?.. Ушелъ... Нужно его найти, все ему рассказать... Вотъ хорошо... Онъ все устроить лучше моего... Самому мамѣ сказать трудно, тяжело... Какъ это сказать ей, что я воръ... А?.. Что?.. Кто-то стукнулъ... Разъ... еще разъ... Открываются двери корридора и въ нее входятъ какія-то фигуры.. Свѣтло! Неужели утро?.. Я начинаю думать о чемъ-то неясномъ, совершенно безсвязномъ. Вошедшія фигуры какія-то неясныя, расплывчатыя: то папа, то мама, вотъ и сестра. Всѣ они уходятъ въ какую-то далекую, голубую даль съ шумомъ и говоромъ, таща за собою Іоселя. Шумъ все усиливается, отдаваясь какимъ-то грохотомъ, отдаленнымъ гуломъ, а среди этого хаоса слышу я голосъ, выкрикивающій: — «Мнѣ веровъ не нужно! вонъ»!.. и звонкая пощечина прозвучала на чьей-то щекѣ. Я узналъ голосъ отца. Что-то шарахнулось, крикнуло, выбѣжало и все смолкло. Вдругъ, я понялъ, что тутъ разыгралось. Мнѣ хотѣлось бѣжать, крикнуть: «Не трогай, не трогай—это я!»—но ни мои члены, ни голосъ не повиновались мнѣ. Я какъ-бы оцѣпенѣлъ. Слышу я чей-то шопотъ и голосъ отца даетъ отвѣтъ на этотъ шопотъ: «Иначе нельзя—онъ воръ!»—Захлопнулась дверь корридора, замерли чьи-то шаги и опять все смолкло; воцарилось гробовое молчаніе.

Вдругъ какая-то невѣдомая сила подняла меня съ мѣста и, не чувствуя себя, я сталъ быстро одѣваться. Мною овладѣло неудержимое желаніе увидѣть Іоселя. Какая-то сверхъестественная сила заглушала во мнѣ всѣякіи боли; только что я не могъ двинуть ни однимъ членомъ,—теперь же былъ полонъ

энергии и не чувствовал никакой боли. Я нымгнул въ направлении, откуда въ корридоръ, изъ корридора на улицу къ воротамъ. Солнечный лучъ, ударившій мнѣ прямо въ глаза, заставилъ меня остановиться. Куда я направлялся, я не зналъ. Мною руководила непреодолимая сила и всё мои поступки были безотчетны. Я желалъ увидѣть Иоселя, и Иосель стоялъ у калитки.

Когда послѣдній замѣтилъ меня, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и скорѣе глухимъ стономъ, чѣмъ человѣческимъ голосомъ, молилъ:—Спаси ты меня... Я невиновенъ, Богъ мой свидѣтель!.. Я не бралъ... Проси за меня папу и маму... — Но не кончивъ, онъ крикнулъ:—Что съ тобой?.. Какой ты..

— Иосель, Иосель!!—крикнулъ я нечеловѣческимъ голосомъ:— я... я воръ!... Скажи... узнай... Шолемке!.. Прости меня... Я дѣлаю папиросы!..—и пустился бѣжать.

Дальше я ничего ясно не помню. Надо мною почему-то разстилось голубое небо, во рту у меня очутилась папироска, полученная вчера отъ Шолемке, ко мнѣ бѣжали отецъ, мать и Иосель, а я кричу имъ: «это я взялъ... Это я воръ... Онъ невиновенъ... Все у Шолемке!»—и больше я ничего не помнилъ.

Изъ разсказа Иоселя, послѣ моей болѣзни, я узналъ слѣдующее: Испугавшись сильно моего лица и неестественнаго голоса, Иосель поспѣшилъ увѣдомить о случившемся родителей. Они меня нашли лежащимъ въ бреду, съ папироской въ зубахъ, на томъ самомъ холмѣ, гдѣ я впервые гулялъ съ Шолемке.

Отцу не особенно легко удалось узнать что-нибудь отъ Шолемке,—онъ и говорить не хотѣлъ; только послѣ долгихъ увѣщаній и угрозъ отецъ узналъ, что Шолемке принималъ отъ меня принесенныя деньги на папиросы, но откуда я ихъ добывалъ—ему-де не было извѣстно.

По выздоровленіи, я долго стыдился смотрѣть кому-либо въ глаза. Домашніе старались ничѣмъ не напомнить мнѣ то, что случилось. Даже копилка исчезла съ прежняго мѣста. Съ Шолемке я порвалъ, понятно, всякія связи. Впрочемъ, недолго приходилось бывать съ нимъ вмѣстѣ. Вскорѣ какъ-то, въ началѣ зимы, его вдругъ не стало. Пропалъ, какъ въ воду

кануль. Долгое время его считали умершимъ, какъ вдругъ, рассказывали, его мать получаетъ отъ него письмо съ деньгами. Онъ писалъ ей, что онъ въ городѣ N. служить въ какой-то банкирской конторѣ.

Вотъ сколько горя и страданій доставилъ мнѣ мой товарищъ Шолемке и его папирски.

Е. Фейгинъ.

(Конецъ).

Жизнь въ смерти.

(From a mattress grave).

ПАМЯТИ ГЕЙНЕ.

Очеркъ И. Зангвилля.

Я—еврей и я христіанинъ; во мнѣ соединяются трагедія и комедія, Гераклитъ и Демокритъ; я—злинъ, я іудей; поклонникъ деспотизма, когда онъ воплощенъ въ лицѣ Наполеона и почитатель олицетворяемаго Прудонъ коммунизма; я римлянинъ и тевтонъ; во мнѣ смѣсь животныхъ, сатанинскихъ и божественныхъ свойствъ.

Сатира божества тяжело тяготѣетъ надо мною. Великій создатель вселенной, небесный Аристофанъ, съ сокрушающею силою доказалъ на мнѣ, ничтожномъ земномъ существѣ, именуемомъ германскимъ Аристофаномъ, насколько сильнѣйшіе изъ моихъ сарказмовъ являются лишь жалкими попытками на шутку въ сравненіи съ его ироніей, и на сколько я самъ стою ниже по юмору и грандіозной насмѣлкѣ. *Гейне.*

Карета остановилась и соскочившій съ козелъ безуборивенный выѣздной лакей освѣдомился:—Господинъ Гейне здѣсь живетъ?

Помѣщавшаяся съ вязаньемъ у воротъ привратница окинула взоромъ лакаю, блестящую виторію, представителемъ которой онъ являлся, сидѣвшую въ экипажѣ и закрывавшуюся зонтикомъ отъ ослѣпительнаго парижскаго солнца знатную даму. Затѣмъ она покачала головою.

— Но вѣдь это № 3, аллея Матиньонъ?

— Да, но господинъ Гейне принимаетъ только старинныхъ друзей. Онъ при смерти.

— Баринъ это извѣстно. Снесите наверхъ ея карточку.

Привратница взглянула на вязанную карточку, гдѣ виѣтъ съ набросанными карандашемъ нѣсколькими словами, она увидѣла титулъ *лэди*, который, по ея мнѣнію, могъ принадлежать лишь англійской герцогинѣ.

— Квартира въ пятомъ этажѣ,—проговорила она со вздохомъ.

— Я самъ снесу.

Прежде чѣмъ выѣздой успѣлъ вернуться, дама вышла изъ экипажа и переходъ отъ яркаго солнечнаго сіянія къ полумраку подъѣзда показался ей символически грустнымъ предзнаменованіемъ. Душа ея не была чужда поэтическихъ вѣяній и понятій, а близкая дружба съ одною изъ остроумнѣйшихъ и милѣйшихъ женщинъ своего времени научила ее относиться съ чувствомъ болѣе глубокимъ нежели простое пониманіе къ генію того, чьей живой могилѣ она пришла поклониться.

У прѣзжей было тонко очерченное лицо, отиѣченное тройнымъ аристократизмомъ: красоты, породы и ума. Цвѣтъ лица напоминалъ матовую слоновую кость, черные волосы были свернуты тѣснымъ узломъ на затылкѣ, а статность фигуры довершала ея сходство съ римскою матроною.

— Господинъ Гейне проситъ ваше сіятельство сдѣлать ему честь подняться къ нему. Онъ надѣется, что ради зрѣлища, которое васъ ожидаетъ, вы извините ему всѣ пять этажей?

Слабая улыбка мелькнула на грустномъ лицѣ дамы, когда ладья передала ей порученіе, не подозревая конечно, что подъ „зрѣлищемъ“ Гейне подразумѣвалъ себя самого. Превращенія Гейне, отъ близости и понятія ей самой, оставались разнѣмлемы, чуждыми для образцоваго слуги. Она прошла по вычурному лабиринту вѣчному двору и не безъ труда поднялась на пятый

цать въ пятый этажъ, между тѣмъ какъ образы и воспоминанія волновали ея душу.

На карточкѣ своей она написала нѣсколько словъ, чтобы напомнить ему о себѣ, но послѣ столькихъ лѣтъ, страдающей тяжкимъ недугомъ, вспомнить ли онъ сидѣвшую съ нимъ когда то за table d'hote въ Булони, маленькую одиннадцати-лѣтнюю дѣвочку?

Она сама съ трудомъ могла повѣрить иногда, что плотный, небольшого роста, добродушный, близорукий человѣкъ, съ массивнымъ бѣлымъ лбомъ и голубыми глазами, ежедневно сопровождавший ее до конца пристани и рассказывавшій ей сказки — былъ остроумнѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ, пресловутымъ нѣмецкимъ Аристофаномъ! Ей едва вѣрилось, что дѣтскія, испѣвныя русалками и водяными сказки, въ которыхъ фигурировалъ также французъ скриначъ съ купавшимся по три раза въ день пуделемъ, — чтобы все это было забавными импровизациями одного изъ величайшихъ лириковъ своего вѣка. Она помнила, какъ онъ сказалъ ей на прощанье:

— Когда вернешься въ Англiю, то можешь сказать своимъ друзьямъ, что видѣла Генриха Гейне.

Въ отвѣтъ на это, дѣвочка спросила:—А кто такой Генрихъ Гейне?

Вопросъ, заставившій человѣка съ голубыми глазами покачаться со смѣху.

Но всѣ эти подробности могли жить въ ея собственной памяти, онъ придавали особенную окраску всему, что выходило изъ подъ его волшебнаго пера: удивительнымъ поэмамъ, передававшимъ съ одинаковымъ мастерствомъ поэзію чуждыхъ странъ и вѣковъ и современной, обнаженной въ своей сложности, человѣческой души; трагико-юмористическимъ „мировымъ“ вопросамъ, оцарапаннымъ путевымъ картинкамъ и фантазіямъ; его критическимъ, политическимъ и философскимъ очеркамъ, проникнутымъ влюбленнымъ умомъ, сверкающимъ поэзіей и остроуміемъ.

Что же касается до нея—вѣроятно она, съ ея наивнымъ во-

просомъ, давно изгладилась изъ его памяти въ вихрѣ его мятежной жизни.

Смертный, присущій комнатѣ больного, запахъ вернулъ ее къ непріятному сознанию дѣйствительности. Въ темнотѣ она наткнулась на ширму, оклеенную напоминающемъ лакировку бумагою, и когда обутая въ стоптанные башмаки пожилая сидѣлка въ бѣломъ чепцѣ, пригласила ее пройти впередъ, убогая буржуазная обстановка, скрашенная лишь двумя гравюрами работы Леопольда Робера, удручающимъ образомъ подѣйствовала на пріѣзжую даму, привыкшую къ вязищной атмосферѣ будуара и утонченностямъ аристократическаго быта.

Но непріятное впечатлѣніе исчезло мгновенно въ виду потрясающаго зрѣлища по другую сторону ширмъ. Поверхъ груди набросанныхъ на полу матрацовъ лежалъ поэтъ. Онъ слегка приподнялся на подушкахъ, среди которыхъ выдѣлялось удлинившееся, острое, блѣдное лицо, съ обтянутыми скулами, греческимъ носомъ и большимъ блѣднымъ ртомъ, памятное ей чувственное выраженіе котораго смѣнилось выраженіемъ страдальческой кротости, напоминающей Христа. Очертаніе исхудалаго тѣла подъ одѣяломъ, казалось, принадлежало ребенку лѣтъ десяти, а ноги были странно сведены. Одною тонкою маленькой рукою вязищной формы и казавшеюся прозрачною, какъ воскъ, онъ придерживалъ парализованное вѣко, изъ подъ котораго глядѣлъ на нее.

— Милочка Лиси!—радостно проговорилъ онъ: — ты узнала наконецъ, кто такой Генрихъ Гейне!

Онъ обратился къ ней по нѣмецки съ дружескимъ: ты. Для него она оставалась по прежнему его маленькой пріятельницей. Что же касается до нея—волненіе съ такою силой охватило ее, что она не въ состояніи была заговорить. Итакъ, зловѣщія подробности, попадавшіяся въ послѣднихъ произведеніяхъ величайшаго изъ автобіографовъ, описанія его болѣзни, которая, какъ она надѣялась, относилась отчасти къ области фантазіи, оказывались слишкомъ вѣрны дѣйствительности, они были жестокою правдою.

— Возможно ли, что я действительно существую? Тѣло мое настолько высохло, что отъ меня остался едва ли не одинъ голось, а ложе мое заставляетъ меня вспоминать могилу чародѣя Мерлина въ Бросеміандскихъ лѣсахъ, въ Британіи, могилу, осѣненную высокими дубами, вершины которыхъ, подобно зеленому пламени, поднимаются къ небсамъ. Какъ я завидую тебѣ, собратъ Мерлинъ, думая объ этихъ деревьяхъ, обвѣвающихъ тебя своимъ свѣжимъ дуновѣніемъ! Надъ этою грудю тифяковъ, служащихъ мнѣ могилонъ, не слышно шелеста вѣтвей; днемъ и ночью я слышу лишь грохотъ экипажей, стукъ, перебранку, бречаніе на фортепіано. Это могила, гдѣ нѣтъ успокоенія, смерть, лишенная всѣхъ прелюществъ, выпадающихъ на долю усоншихъ, которымъ не надо болѣе тратить деньги, писать письма, сочинять книги...

Слушая его, она вспомнила о сдѣланномъ имъ злогрѣшемъ сравненіи себя самого съ жившимъ въ старину, пораженнымъ проказою пѣвцомъ, который въ то время, какъ вся Германія день и ночь распѣвала его пѣсни, пробирался, закутанный съ головы до ногъ, съ посохомъ проказеннаго, по городу, гдѣ всѣ въ ужасѣ сторонились при его приближеніи. Сатира Господня воистину тяжело тяготѣла надъ нимъ.

Молча она протянула руку и онъ подалъ ей свои безкровные пальцы; она коснулась кожи, имѣвшей странную атласистость, и почувствовала, что у него жаръ.

— Это не моя маленькая Люси, — промолвилъ онъ съ упрекомъ: — та всегда цѣловала меня. Но, увы, даже поцѣлуй Люси не оживитъ мои омертвѣвшія губы.

Она наклонилась и поцѣловала его въ губы. Его небольшая борода была мягкою и шелковистою, какъ волосы ребенка.

— Я примирился съ цѣлымъ міромъ и съ Господомъ. Теперь онъ шлетъ мнѣ своего ангела избавителя.

Она подавила поднимавшееся у нея въ горлѣ рыданіе.

— Фантазія слишкомъ увлекаетъ васъ, если вы можете приять англичанку за ангела смерти, Авраама.

— Почему я съ такою горечью отъивался объ Англіи, гдѣ мнѣ случилось быть, какъ вы знаете, только однажды? Теперь Англія блистательнымъ образомъ ищетъ за себя, послѣдняя мнѣ вась. И другіе поднимаются на высоту ста пяти ступеней. Я вѣдь принадлежу отчасти къ парижской выставкѣ: останки Генриха Гейне. Высокопоставленный полу-свѣтъ избралъ меня цѣлью своего наемничества: русская княжна приноситъ съ собою ненавистный запахъ своей шапирокси, итальянская принцесса, словно вступая въ соревнованіе со мною, болтаетъ о своихъ страданіяхъ и недугахъ. Я убѣжденъ, что будь только они выставлены—мои нервы навѣрно получили бы золотую медаль... Нѣтъ, нѣтъ, не плачьте, прону вась,—вѣдь я хотѣлъ вась позабавить! Не думайте обо мнѣ въ моемъ нынѣшнемъ состояніи, постарайтесь припомнить меня такимъ, какинъ вы меня когда то знали. Но какую вы сдѣлались красавицей! Я могу это разглядѣть кусочкомъ глаза, который видитъ солнечное сіаніе какъ будто сквозь траурную дымку. Подумать только, что маленькая Лиси уже замужемъ и пудель ея по прежнему кунается по три раза въ день... Счастливы ли вы, моя дорогая, счастливы ли вы?

Она утвердительно наклонила голову. Говорить о счастья здѣсь—казалось кощунствомъ.

— Das ist schön! Вы были веселымъ, беззаботнымъ ребенкомъ. Благодаренье Богу. Какъ отрадно встрѣтять хотя одну женщину съ сердцемъ, которое принадлежитъ ея мужу! У здѣшнихъ женщинъ бьется подъ корсетомъ метрономъ, который выбиваетъ тактъ, но чуждъ всякой мелодіи. Himmels... Какое дурноевѣіе моей юности приносите вы собой! По вражескому ли зеленны воины разбиваются у пристани въ Булони и морскія чайки кружатся надъ взморьемъ, между тѣмъ какъ я — парижскій Прометей—прикованъ здѣсь къ своему одру? Если-бы, взаимнъ его, у меня была свала съ разстланнникомъ надъ нею необозримннхъ небомъ! Но я не долженъ жаловаться. Шесть лѣтъ тому назадъ, до переѣзда сюда, я могъ бросать вѣтви лишь не-

толку. Теперь же съ моего балкона открывается видъ на Елисейскія поля и порою я могу позволить себѣ удовольствіе полежать на диванѣ и полибоваться дивно прекрасными Парфизомъ, дукъ котораго сверкаетъ въ фонтанахъ и воплощается въ красивыхъ женщинахъ, походка которыхъ полна музыкальной гармоніи. Бергаинте.

Желая доставить ему удовольствіе, она подошла къ окну. Надъ уекииъ съ позолоченою рѣшеткою балкономъ былъ навѣсъ изъ пестраго ситцу, подобный тому, какіе бывають у входа въ кофейни. Глаза ея были отуманены слезами и она скорѣе угадала, нежели увидѣла передъ собою далеко разстилавшуюся, выпѣвную ливорадочною жизнью аллею; яркій солнечный свѣтъ, высокая каштановыя деревья, освѣнявшія своей листвою тропинки для иѣннеходовъ; сверкающіе пѣною фонтаны и ослѣпительныя клумбы цвѣтовъ на Rond Point; блестящій извивающійся лентою потокъ экипажей, уносящихъ въ Булонскій лѣсъ представителей красоты, богатства и торжествующаго порока.

— Въ морвнй разъ, когда я высклянулъ изъ окна, — сказала Дэйне, — я сравнилъ себя съ Данте въ концѣ Божественной Комедіи, когда онъ снова увидѣлъ звѣзды. Вы не можете себѣ представить, чтó я почувствовалъ, видя впервые, послѣ столькихъ лѣтъ, частину міра, хотя я могъ совершать ее лишь головою и глазами. Вооружась биноклемъ жены, я съ невыразимымъ удовольствіемъ разглядѣлъ много торговца лакомствами, предлагавшаго своей товаръ двумъ дамамъ въ кринолинахъ, сопровождаемыхъ маленькою собачкою. Я сложилъ бинокль и не сталъ болѣе смотрѣть, такъ какъ я повеледовалъ собачкѣ... Для меня Божественная Комедія была далеко еще не кончена. Я лежу между двухъ Елисейскихъ полей: въ ближайшихъ кипитъ и бьетъ ключомъ жизнь, въ отдаленныхъ — мелькають блѣдныя призраки отжившихъ.

Она вспомнила, какъ онъ писалъ о Байронѣ, человѣкѣ, наиболѣе родственномъ ему по духу: „Онъ подобенъ бешеному скоророху, который, вознивъ княжалъ себѣ въ сердце, насытившись обрызгиваетъ черною кровью сидящихъ вокругъ дамъ и господъ.

Моя кровь не такъ черна, злоба моя истекаетъ изъ желчи чернилъ“.

Но теперь, подумалось ей, онъ испилъ горькую чашу и отравы проникла въ самую кровь.

— Развѣ вы совсѣмъ неизлѣчимы?—кратко спросила она, вернувшись отъ окна къ его смертному одру.

— Нѣтъ, по всей вѣроятности я когда нибудь умру; говорить даже—очень скоро.

Но доктора—такой неосновательный народъ... На прошлой недѣлѣ у меня сдѣлались сильнѣйшіе спазмы въ горлѣ и груди. Можете ли вы свистать? спросилъ меня докторъ.—Нѣтъ, даже—комедіи Скриба! отвѣтилъ я. Поймите же, до чего мнѣ было плохо! Но и это, по словамъ доктора, не ускоритъ конца и слѣдовательно я могу жить безконечно. Я все же попросилъ его не говорить объ этомъ моей женѣ. Бѣдная Матильда! Я непростительно долго умираю. А затѣмъ онъ вскорѣ измѣнилъ мнѣніе и посоветовалъ мнѣ заказывать гробъ. Но я опасаясь, что не възвравъ на его послѣдній бюллетень, мнѣ еще придется въ теченіе послѣдняго времени расширить свои познанія по части страданій спинного мозга. Я прочелъ все, что написано по этому предмету,—помимо изученія его на практикѣ. Какія чудныя клиническія лекціи я могъ бы прочесть объ этомъ въ небесахъ, воочію доказавъ невѣжество докторовъ!

Она порадовалась, замѣтивъ, что иронія его приняла болѣе безобидный характеръ. Насмѣшка звучала въ самомъ тонѣ его голоса, сдѣлавшагося подъ оживляющимъ впечатлѣніемъ ея присутствія яснымъ и проникающимъ въ душу, но вскорѣ въ немъ слышалась нѣжность, и когда у него вырвалась грустная шутка относительно его жены, саркастическія складки въ углахъ рта изгладились.

— Слѣдовательно вы занимаетесь чтеніемъ и писаніемъ? —спросила она.

— Да, или скорѣе это дѣлаетъ за меня нѣкто фонъ-Зик-

лискій, милый юноша, изъ эмигрантовъ. Вѣднѣе мать моя недавно спрашивала, почему я только подписываю свои письма? Мнѣ пришлось отвѣтить, что причиною этому—болѣзнь глазъ, заявленіе болѣе согласное съ истиною, нежели остальная часть моего письма.

— Неужели она не знаетъ?

— Да благословить ее Господь! Конечно, нѣтъ! Она благодушествуетъ у себя, будучи слишкомъ стара и благоразумна для того, чтобы читать газеты. Она не только не подозрѣваетъ, что сынъ ея близокъ къ смерти, но увѣрена наоборотъ въ его бессмертіи. Неправда ли?

Онъ взглянулъ на нее съ оттѣнкомъ тревоги, полной трагизма, тревоги художника-ветерана, чувствующаго чутьемъ нажимъ новоявленныхъ критиковъ надъ великимъ трудомъ его жизни и бо-лѣзненно сознающаго, что его окружаетъ толпа враговъ.

— До тѣхъ поръ пока существуетъ нѣмецкій языкъ—вы не умрете.

— Милая Германія!—произнесъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.—А, знаете, вѣдь я написалъ эту вещь для васъ? „Дорогая крошка“, о которой говорится въ стихотвореніи,—вы.

Nennt man die besten Namen,
So wird auch der meine genannt.

Она была польщена, но съ грустью подумала о слѣдующей строфѣ:

Nennt man die schlimmsten Sehmerzen,
So wird auch der meine genannt.

— Вотъ почему, хотя нѣмецкая цензура запрещала или калѣчила каждую мою книгу, что поражало меня въ самое сердце,—я не захотѣлъ принять французское подданство. Парижъ для меня—новый Иерусалимъ, а Рейнъ былъ Иорданомъ, который я перешелъ навсегда, но въ качествѣ французскаго подданнаго, я сдѣлался бы похожимъ на тѣхъ чудовищъ о двухъ головахъ,

которыхъ показывають на армарсакъ. Притомъ я ненавижу французскую поэзію. Что за мещуръ! Положимъ, и итальянская поэзія была для меня не божье, какъ божественною игрушкой. Я не забочусь о томъ, чтобы на мою могилу, на мѣсто моего упокоенія, возложили лавровый вѣнокъ, но пусть помчатъ на нее мечъ, такъ какъ я былъ не менѣе храбрымъ бойцомъ, чѣмъ вамъ Каннингъ, въ борьбѣ за освобожденіе челоѣчества. Но моя тридцатилѣтняя война окончена и я умираю „съ развитымъ сердцемъ и неизреченнымъ мечемъ“...

Голова его безсильно опустилась на подушку.

— Воже, — прошепталъ онъ, — я всегда молился лишь объ одномъ: пусть старѣется мое тѣло, но духъ останется вѣчно молодымъ; пусть слабнеть мой полось, но надежда моя не поколеблется... И вотъ какъ мнѣ суждено окончить!

— Но ваше дѣло не кончено, ваша борьба не была напрасною. Вы — вдохновитель юной Германіи, цѣлый міръ поклоняется вамъ. Развѣ этого мало?

— Нѣтъ, вѣдь я не Господь Богъ! — вырвался у него мутливое богохульство. Онъ разсмѣялся и, снова оживившись, продолжалъ:

— Какая судьба! Принимать поклоненіе дураковъ, родственниковъ по духу Виктору Кузену! Одно сочувственное слово Гегеля — дороже всѣхъ псалмовъ...

Сильный припадокъ кашля помѣшалъ дальнѣйшему развитію его болѣзненной фантазіи. Въ теченіе пяти минутъ онъ потрясалъ его тѣло и раздиралъ ему грудь; сидѣлка тщетно хлопотала около него; когда припадокъ достигъ наибольшей силы, онъ знакомъ просилъ посѣлительницу удалиться. Наконецъ, кашель утихъ и онъ спокойно продолжалъ:

— Донизетти окончилъ сумасшествіемъ, а нахожусь въ здоровомъ умѣ и могу оцѣнить шутку, которая, хотя она нѣсколько затянулась, исполнена тѣмъ не менѣе гениальной ироніи. Крошка Лиси, я слушаю вамъ ужасъ, но мнѣ думается иногда, крошка

Люди, что непочтительнѣе всего относятся къ божеству глуши, прославляющіе его доброту, могущество и не воздающіе должнаго ему юмору. Меня прославляютъ не только за лиризмъ, но и за остроуміе, и если бы я могъ взять свой одръ и пойти— я прославилъ бы его именно съ этой стороны. Я установилъ бы новый ритуаль, и три раза на дню муэдзинъ съ высоты биржи призываетъ бы вѣрныхъ, приглашая ихъ посѣяться надъ колоссальною шуткою космоса. Что за чудный всеобщій смѣхъ раздавался бы съ разсвѣтомъ, съ закатомъ и въ полуденную пору, такъ какъ и нежелающимъ этого—пришлось бы смѣяться, хоть бы они и кривили ротъ на сторону. Восхитительно! Но я вижу: *вы* рѣшительно не хотите смѣяться! Почему же однако я не могу надѣлать свое божество качествомъ, присущимъ мнѣ самому и которымъ я наиболѣе восхищаюсь?

Она почувствовала долю правды въ его извиненіи. Его кощунственныя насмѣшки относились не къ Господу, но къ слѣпой, стихійной силѣ, обоготворяемой массою. Даже его знаменитый образъ умирающаго Іеговы и предположеніе, что неудовольствіе Его на израильскій народъ было вызвано нежеланіемъ Его огласить ихъ родственныя, компрометирующія Его отношенія—даже эта сатира была навѣяна непонятными толкованіями нѣмецкихъ ученыхъ о происхожденіи идеи Божества.

Но она чувствовала также, что было бы достойнѣе великаго поэта безъ улыбки сносить суровую судьбу, не питаясь напраснымъ смѣхомъ бросать вызовъ недоступному. Она отвѣтила кротко:— Вы говорите вздоръ.

— Я всегда говорилъ вамъ вздоръ, малютка Люси. „Мое мудрое сердце истекаетъ кровью въ моей груди“. Хотите слышать его мелодическое „капъ-капъ“ въ моей послѣдней поэмі? Катерина, дайте мнѣ рукопись, а затѣмъ можете пойти вздремнуть. Ночью я не далъ вамъ выспаться.

Старуха подала ему нѣсколько большихъ тетрадей, написан-

ныхъ крупными растянутыми буквами, трогательными въ своей неразборчивости, и когда сидѣлка ушла, онъ принялся читать:

Wie langsam kriechet sie dahin
Die Zeit, die schauerhafte Schnecke..

Она слышала его голосъ, но съ первыхъ же строкъ ея овладѣло такое волненіе, что она не въ силахъ была вникать въ смыслъ читаемаго. Ея преслѣдовала мысль о его прежнихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ страстною жаждою жизни, бывшихъ пламеннымъ отраженіемъ тѣхъ дней, каждая минута которыхъ, являлась не „вѣчностью тоски“, но безконечною радостью бытія. „Горячая кровь кипитъ въ моихъ жилахъ... Каждая женщина для меня—даръ судьбы... Я слышу тысячу соловьевъ... Я могъ бы поглотить всѣхъ слоновъ Индостана и сдѣлать себѣ зубочистку изъ шпиль Страсбургскаго собора. Жизнь есть величайшее блаженство, смерть—худшее изъ бѣдствій...“

Поэтъ продолжалъ читать и она принудила себя слушать, но прочтя еще нѣсколько строкъ, онъ сразу оборвалъ:

— Нѣтъ, это слишкомъ печально... Крикъ въ полночную пору погребеннаго за-живо человѣка: новый мотивъ въ германской—что я говорю?—въ мировой поэзіи. Ни одному поэту еще не выпадала на долю счастливая случайность—пережить свою собственную смерть, хотя многіе изъ нихъ переживали свою славу.

„Dici miser ante obitum nemo debet“—не зови ни одного человѣка несчастнымъ, прежде чѣмъ онъ умретъ. Пока путь не конченъ, никто не въ состояніи разглядѣть того, что лежитъ впереди, а также—надгробныхъ камней, подъ которыми покоятся скороненныя на пути надежды и иллюзіи. Пока человѣкъ не умеръ—день суда не можетъ наступить для него, а разъ онъ умеръ—онъ уже не въ состояніи видѣть и судить. Чудная пропія, не правда ли? Какія удивительныя исторіи могли бы поразсказать намъ выставленные въ Моргѣ трупы! Но мертвыиъ не полагается говорить. Покуда есть жизнь—есть и надежда, поэтому

худшія изъ циническихъ рѣчей никогда не были произнесены. Я одинъ перехитрилъ судьбу.

Я—живой мертвецъ; я, подобно призраку, витаю вокругъ собственного разрушеннаго тѣла и существую въ междуцарствіи. Право, я — единственный смертный, положеніе котораго требуетъ разъясненій. Не говорите мнѣ, что я согрѣшилъ и нахожусь въ аду. Множество грѣховъ существуетъ лишь въ классификаціи ханжей и жалкихъ мыслителей. Кто можетъ жить и не грѣшить, или грѣшить и не жить? Хорошо говорить Канту: „поступайте такъ, чтобы ваше поведеніе было закономъ для поставленнаго въ такіе же условія человѣка“.

Но Кантъ упускаетъ изъ виду, что вы сами являетесь частицею этихъ условій. А если васъ зовутъ Гейне, вы можете быть увѣрены, что всѣ будущіе Гейне поступаютъ именно такъ, какъ поступали вы. Легко быть добродѣтельнымъ, будучи профессоромъ чистаго разума, чѣмъ то вродѣ правильно устроеннаго механизма, по которому граждане Кенигсберга могутъ ставить свои часы. Но если вы принадлежите къ числу тѣхъ, кому виваютъ цвѣты и подмигиваютъ звѣзды...

Я держусь принципа Шеллинга: высокій духъ — выше обыкновенной морали. Нѣтъ, нѣтъ, объясненія пасторовъ тутъ ни къ чему! Быть можетъ въ небесахъ существуютъ по этому поводу иныя толкованія, повышающіяся сообразно уму тѣхъ, къ кому они примѣняются, въ соответствующей градации, причѣмъ пасторы остаются на нижней ступени. Одинъ удовольствуется золотымъ сидѣньемъ, другой—почѣлуемъ гурія. Терпимость — прежде всего. Безъ сомнѣнія, Христосъ не разочаруетъ бѣдную старуху, которая затуманенными отъ слезъ глазами видитъ передъ собою сіяющій славою Іерусалимъ, въ то время какъ дрожащая рука ея перелистываетъ фамильную Библію. Онъ встрѣтитъ ее у золотыхъ, ведущій въ иной міръ воротъ, съ дивною, полною любви улыбкою, и пройдетъ съ нею рука объ руку по небесному Іордану, въ свѣтлыхъ струяхъ котораго отраженіе ея морщинистаго лица

покажется чудно прекраснымъ. Быть можетъ потому и говорить, что лишь сдѣлавшись дѣтми, мы наслѣдуемъ царствіе небесное.

Вчера я рассказывалъ своей крестницѣ о прелестяхъ блаженства въ раю, гдѣ цѣлый день кушаютъ пирожное (я повторялъ, прииѣняясь къ дѣтскимъ понятіямъ, слова пастора) и гдѣ маленькіе херувимы утираютъ себѣ ротикъ своими бѣлыми крылышками.

Вообразите, она нашла это неоприятнымъ. Вотъ самая жестокая критика на херувимовъ, какую только мнѣ случалось слышать.

— Боже!—прервалъ онъ вдругъ себя, выронивъ рукописи и простирая съ мольбою руки:—прежде чѣмъ я умру, дозвожь мнѣ снова стать ребенкомъ, верни мнѣ безхитростную вѣру, пусть я стану дитятею, чувствующимъ, что Отецъ ведетъ его за собой! Крошка Люси, иногда это охватываетъ меня съ непобѣдимой силой и я молю о состраданіи! Вчерашнею ночью мнѣ снилось, что я — маленькій мальчикъ; я видѣлъ отца моего надѣвавшего парикъ, вокругъ него поднималось облако пудры. Я съ радостью бросился къ нему, стремясь обнять его, но когда я приблизился— все измѣнилось, подернулось туманомъ. Я хотѣлъ поцѣловать его руки, но отступилъ, пораженный смертельнымъ холодомъ; пальцы его оказались высохшими вѣтвями, а самъ онъ—покрытымъ изморозью, безлиственнымъ деревомъ. О, Люси, Люси! Мозгъ мой переполненъ безуміемъ, сердце мое — скорбью. Спойте мнѣ пѣсенку о дамѣ, желавшей скушать одну ложку приправленной сахаромъ и пряностями каши.

Изумляясь его памяти, она повторила ему знакомую балладу о леди Алисѣ и Джайльсѣ Колинзѣ. Заключительная строфа о насторѣ „вылизавшемъ всѣ остатки“—заставила поэта сильно расколотаться; въ своемъ усиліи повторить ее, онъ былъ скваченъ жестокими спазмами, разрывавшими его слабое тѣло, которое сгибалось въ дугу. При этомъ зрѣлищѣ слезы потекли изъ ея глазъ.

— Не жалѣйте меня чрезмѣрно! — съ трудомъ выговорилъ

онъ, задыхаясь, но силясь улыбнуться ей глазами: — я могу согнуться, но не сломиться.

Но испугавшись, она дернула звонокъ, призывая на помощь. Высокая, стройная женщина, беззаботно добродушнаго вида, вошла въ комнату, держа въ рукѣ недошитую рубашку. Глаза и волосы ея были черные, продолговатое лицо было окрашено здоровымъ румянцемъ. Она внесла съ собою въ комнату умирающаго дуновение озона вмѣстѣ съ смутнымъ ощущеніемъ неуиѣстности своего присутствія здѣсь.

Ласково вивнувъ посѣтительницѣ, она быстро подошла къ больному и положила руку на его покрывшійся влагою лобъ.

— Матильда, — сказала онъ, когда спазмы утихли, — это Люси, о которой я говорилъ тебѣ; я написалъ стихи по поводу ея темно-карихъ глазъ, но стиховъ ты не читала.

Матильда дружелюбно улыбнулась женщинѣ съ лицомъ римлянки.

— Нѣтъ, я не читала ихъ, — отвѣтила она лукаво, — инѣ говорятъ, что Гейне очень уменъ и пишетъ прекрасныя книги, но я ничего о нихъ не знаю и должна вѣрить людямъ на слово.

— Ну, не прелесть ли она! — воскликнулъ Гейне въ восторгѣ. — У моего смертнаго одра инѣ ниспосланы судьбою два утѣшенія: моя французская жена и моя нѣмецкая муза, которыя вполне чужды другъ другу. Но въ этомъ есть своя хорошая сторона: не зная по нѣмецки, Матильда лишена возможности прочесть то, что обо инѣ пишутъ мои враги, и поэтому продолжаетъ любить меня.

— Какіе у него могутъ быть враги? — сказала Матильда, глядя его волоса. — Онъ только о томъ и заботится, чтобы скрыть свою болѣзнь отъ матери и обезпечить меня. Что же касается до какихъ то враговъ въ Германіи, не понимаю, какъ они могутъ быть у него, когда онъ до такой степени добръ ко всѣмъ бѣднякамъ нѣмцамъ, которымъ случается бывать въ Парижѣ?

Вѣра жены въ Гейне тронула слушательницу до слезъ. Безъ

сомнѣнія, какъ это отражалось и въ лицѣ его—на раду съ Мефистофелемъ въ немъ уживался праведникъ, если женщина, не ослѣпленная блескомъ его славы и знавшая его лишь какъ человѣка, терпѣливо переносила его долгую болѣзнь и находила его безупречнымъ.

— Милое созданіе!—сказалъ Гейне ласково:—она не только считаетъ меня добрымъ, но вѣритъ въ то, что доброта исключаетъ возможность имѣть враговъ. Какое полное незнаніе жизни, выразившееся въ дюжинѣ словъ! Что же касается моихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, то они то и распространяютъ въ Германіи невѣроятные слухи обо мнѣ. Знаете, тутъ былъ между прочимъ бѣднякъ музыкантъ, положившій на музыку мою балладу „Два гренадера“, которому я оказывалъ всякую помощь и поддержку, когда онъ вздумалъ написать оперу на сюжетъ „Летучаго голландца“. Теперь онъ клянетъ меня и всѣхъ евреевъ на свѣтѣ. Имя его—Рихардъ Вагнеръ.

Матильда неопредѣленно улыбалась и затѣмъ обратилась къ мужу.

— Ты непремѣнно захотѣлъ съѣсть котлетку, — сказала она съ укоромъ.

— Ну да, мнѣ надѣла рубленая трава, которую кухарка называетъ шпинатомъ. Я не хочу питаться травами семь лѣтъ, подобно Навуходоносору.

— Кухарка сердится, если ты не кушаешь ея страшно, милый. Трудно съ нею ладить съ тѣхъ поръ, какъ ты расхвалилъ ея умѣнье готовить; можно подумать, что я прислуга, а она барыня.

— Ахъ, Nonotte, ты не берешь во вниманіе ея артистическій темпераментъ!

Судорога пробѣжала по его лицу и онъ прибавилъ, что сегодня на ночь придется принять двойную порцію морфинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Докторъ запретилъ.

— Можно подумать, что онъ—хозяинъ, а я—его подчиненный!—проворчалъ Гейне, улыбаясь.—Но впрочемъ онъ правъ, я и безъ того трачу по 500 франковъ въ годъ на морфинъ. Надо

урѣзать себя. Можешь идти, милая. Моя старинная пріятельница побудетъ со мной и займетъ меня.

Матильда наклонилась къ нему и поцѣловала, затѣмъ обернулась къ гостѣмъ.

— Вы очень добры, мадамъ, что навѣстили его. Я радуюсь, какъ новому платью, каждому новому лицу, потому что старья уже отказываются... Я говорю не о платьяхъ, а о друзьяхъ!—прибавила она весело, скрываясь за дверью.

— Не правда-ли, она божественна?—воскликнулъ Гейне съ восторгомъ.

— Я рада, что вы любите ее,—просто отвѣтила посѣтельница.

— Вы хотите сказать, что вы изумлены? Любить? Что такое любовь? Я никогда не зналъ ея.

— Вы!—Въ этомъ восклицаніи выразилось все ея изумленіе, вызванное воспоминаніями о его любовныхъ поемахъ, рассказами о его собственныхъ романахъ.

— Я любилъ только статуи и чудные образы несуществующихъ или уже умершихъ женщинъ, но я не отдавалъ своего сердца ни одной смертной. Не все ли равно, на комъ я женился? Быть можетъ вы думаете, что я могъ имѣть притязаніе на нѣчто выше простой гризетки—на дочь негоціанта или барышню изъ общества? Объяснять мое положеніе, положеніе изгнанника какому нибудь папашѣ съ двойнымъ подбородкомъ, которому ясно лишь одно, что мои бессмертныя книги приносятъ мнѣ двѣ тысячи марокъ банксо: большаго я не могу выжать изъ этихъ гамбургскихъ бездѣльниковъ.

Ахъ, милая Люси, всѣ вы, кому жареные дрозды валятся прямо въ ротъ, вы не можете себѣ представить, что приходится выносить намъ, грѣшнымъ! Жениться на модницѣ и находиться всю жизнь подъ гнетомъ? Жениться на доньгахъ и выносить покровительство? Отказаться отъ восхитительнаго удовольствія тру-

даться ради приобрѣтенія жонѣ моей новыхъ платьевъ и бездѣлушекъ?

Въ концѣ концовъ Матильда не глупѣе другихъ дочерей Евы, первая сознательная мысль которыхъ всегда относится къ новому платью. Всѣ великіе люди не могутъ подѣлаться себѣ парн: они влюбляются лишь въ собственное ребро. Волѣе интеллигентная женщина, обладающая большими претензіями, еще менѣе понимала бы меня. Въ минуты слабости я, правда, пытался придать ей нѣкоторую полировку, я помѣстилъ ее въ школу, гдѣ ее выучили грамотѣ. Представьте себѣ мое дитя природы посреди маленькихъ школьницъ! Ха, ха, ха! Я навѣщалъ ее только по воскресеньямъ и она отбарабанивала мнѣ про египетскихъ царей, съ которыми ближе ознакомилась, чѣмъ я. Однажды она съ большимъ волненіемъ передала мнѣ исторію Лукреціи, которую слышала въ первый разъ въ жизни. Милая Nonotte! Надо было видѣть ее, когда она танцевала на балу въ школѣ; у нее былъ такой же дѣвственный и граціозный видъ, какъ у самой младшей изъ дѣвчонокъ. А сколько въ ней было неподдѣльной веселости, сколько природнаго остроумія! Притомъ она—славный товарищъ. Француженки—удивительныя женщины! Мы женаты уже пятнадцать лѣтъ, и все же, когда я слышу за дверью ея смѣхъ, душа моя, уже охваченная тѣнью смерти, снова рвется къ солнечному свѣту. Она очаровательно набожна—моя маленькая Nonotte и я люблю видѣть, когда по утрамъ, со вкусомъ одѣтая, держа вязанный молитвенникъ въ обтянутой перчаткою рукѣ,—она отправляется къ обѣднѣ. Это удивляетъ васъ? Вы думали, что набожные люди внушаютъ мнѣ ужасъ?

Она слегка улыбнулась.

— Но ее вы развѣ не приводите въ ужасъ?

— Ни за что на свѣтѣ я не произнесу кощунства, которое она могла бы понять. Не думаете ли вы, что Шекспиръ открывалъ свою душу Аннѣ Гэтэуэй и, тѣмъ не менѣе, она была для него хорошею моделью; изъ этого сырого матеріала онъ создалъ без-

смертные типы Розалинды и Имогены. Нѣтъ, какимъ образомъ у васъ, холодныхъ англичанъ, могъ явиться Шекспиръ? Чудо изъ чудесъ! А Стернъ? Но, нѣтъ, ирландцы любятъ Свифта, что весьма понятно. Читаетъ ли у васъ Стерна?

— Мало. Онъ считается въ числѣ классиковъ.

— Варвары! А вы прочли мою книгу о героиняхъ Шекспира? Хороша она? *Nicht wahr?*

— Замѣчательна.

— Въ такомъ случаѣ почему вы не переведете ее на англійскій языкъ?

— Вы мнѣ подали хорошую мысль.

— Вдохновенную. Нѣтъ, отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не перевести всѣхъ моихъ книгъ? Вы сдѣлаете это, вы должны это сдѣлать. Французскія изданія, вы знаете, имѣютъ громадный успѣхъ. Франція представляетъ собою европейскій рынокъ, такъ какъ Парижъ—современныя Афины. Но Англія будетъ страной славы *in ultima Thule*; этотъ „островъ среди морей“, какъ отзывается о ней Библия. Я желалъ бы этого не ради однихъ золотыхъ штучекъ, хотя Богу извѣстно, что Матильдѣ понадобится много этихъ „друзей“, какъ мы называемъ ихъ... Мой издатель Кампе построилъ себѣ новое заведеніе—это хорошій памятникъ для меня. Почему бы какому нибудь англійскому издателю не поставить мнѣ такого же памятника въ Лондонѣ? Книги евреевъ, подобно самимъ евреямъ, должны бы распространиться по лицу всей земли, принося собою благословеніе всѣмъ народностямъ, такъ какъ евреи торгуютъ не только старымъ платьемъ, но и новѣйшими идеями. Я началъ мою дѣятельность—пусть это останется между нами—въ качествѣ комиссіонера по части распространенія англійскихъ товаровъ, а заканчиваю ее, являясь посредникомъ между Франціей и Германіей и прилагая старанія къ тому, чтобы эти двѣ великія страны поняли другъ друга. Этой не совсѣмъ недостойной цѣли посвящены за послѣднее время всѣ мои труды.

— Такъ вы дѣйствительно считаете себя до сихъ поръ евреемъ?

— Боже мой! Развѣ всю жизнь мою я не былъ врагомъ филистимлянъ?

Она улыбнулась.

— Да, но я говорю о религиозной точкѣ зрѣнія.

— Съ точки зрѣнія религіи? Но вся моя борьба сводится къ тому, чтобы вызвать медвѣдя изъ берлоги послѣ тысячелѣтняго сна. Къ чему же я издавалъ газету, терзалъ себя вопросами и злобами дня? Гете создалъ неподобныя греческія статуи, но у статуй не можетъ быть потомства. Мои слова должны рождать собою дѣла. Меня скорѣе можно поставить на ряду съ Лессингомъ; я не эллинь въ настоящемъ значеніи этого слова. Мнѣ случалось по временамъ срывать цвѣты наслажденія, но въ глубинѣ души моей всегда жила потребность самопожертвованія. Подобно моему предку Давиду, я не только былъ пѣвцомъ, но пускалъ свои маленькіе, хорошо отточенные камешки въ лобъ Голиафа.

— Но развѣ вы не приняли католичества?

Онъ зарычалъ какъ раненый левъ.

— Католичество? Опять пустили въ ходъ этотъ слухъ? Неужели мнѣ о моемъ „обращеніи“ на смертномъ одрѣ—уже получилъ распространеніе? Какъ они лικуютъ—глупцы—при мысли о томъ, что человекъ присоединился къ ихъ убѣжденіямъ, когда мозги у него перестали дѣйствовать, какъ слѣдуетъ...

— Дѣло идетъ не о недавнемъ обращеніи. То, о чемъ я говорю—старая исторія; меня увѣряли, что вы вѣнчались въ католической церкви.

— Да, чтобы доставить удовольствіе Матильдѣ. Безъ этого бѣдняжка не повѣрила бы, что бракъ ея достаточно проченъ въ глазахъ Господа. Правда, мы прожили много лѣтъ безъ всякаго церковнаго благословенія, но что вы подѣлаете съ женщиною? Всѣ онѣ таковы. Если бы мнѣ не пришлось драться на дуэли, я удовольствовался бы прежнимъ порядкомъ вещей. Подъ именемъ „жены“ я разумѣю нѣчто иное, нежели соединенное со мною законнымъ порядкомъ существо, и я всегда считалъ насъ „неправильнымъ“

союзъ нерасторжимѣе многихъ „настоящихъ“ супружествъ. Но разъ уже мнѣ приходилось жениться, я не могъ обречь мою возлюбленную Nonotte сомнительному вдовству. Мы даже пригласили на свадебный пиръ нѣсколько парочекъ изъ среди парижской богемы, убѣждая ихъ послѣдовать нашему примѣру, рѣшившись на послѣдній, смѣлый шагъ. Ха! ха! Какъ видите, ничто не можетъ сравниться съ усердіемъ нооообращеннаго. Но обращеніе въ католицизмъ—это уже изъ другой оперы... Если правый глазъ соблазняетъ тебя—вырви его; если правая рука соблазняетъ тебя—отсѣки ее, если разумъ твой соблазняетъ тебя—отбрось его и прими католичество... Нѣтъ, Люси, я всегда оставался евреемъ.

— Несмотря на крещеніе?

— О, жестокая крошка Люси, не напоминайте мнѣ мое юношеское безуміе. Возблагодарите свою звѣзду за то, что вы родились англичанкою. Я родился въ еврейскомъ кварталѣ подъ ужасающимъ созвѣздіемъ католическаго и еврейскаго ханжества. Еще покуда я лежалъ въ колыбели, жизнь моя была предначертана—съ начала до конца, — и, Боже, что эта была за жизнь! Вы знаете, нѣмцы обращаются съ евреями какъ съ паріями и дикими звѣрями. Въ теченіе вѣковъ во Франкфуртѣ водилось обыкновеніе, чтобы почтенные раввины снимали шапки передъ уличными мальчишками, если тѣмъ вздумается крикнуть:—Жидъ, шапку долой!

Мнѣ самому случилось быть запертымъ въ Гетто; въ Гамбургѣ я не разъ былъ свидѣтелемъ еврейскихъ беспорядковъ.

Еврейство—не религія, это—несчастье. А если бы вы знали, что значить одновременно родиться евреемъ и гениемъ! Что за двойное проклятіе! Повѣрьте мнѣ, Люси, свидѣтельство о крещеніи было лишь пропускомъ, безъ котораго нельзя вступать въ область европейской культуры. Ни мать моя, ни денежный мѣшокъ—мой дядюшка, не выказали сочувствія моему нежеланію достигнуть этимъ путемъ докторскаго диплома. Но самъ я, едва успѣлъ совершить этотъ шагъ, почувствовалъ непреодолимый ужасъ. Часто по ночамъ я вставалъ, смотрѣлся въ зеркало и про-

влиналъ себя за недостатокъ стойкости. Должно быть мои проклятія оказались дѣйствительнѣе тѣхъ, которыми равнинъ осипалъ Спинозу, такъ какъ, благодаря болѣзни спинного мозга, я утратилъ всякую стойкость и принужденъ лежать. Немудрено, что докторамъ не понять моего недуга. Въ Гетто мнѣ говорили, что если я не обовью ремня вокругъ своей лѣвой руки — змѣи обовьются вокругъ нея, когда я стану трупомъ. Увы! Змѣи всегда гнѣздились посреди моихъ грѣховъ. Сама инквизиція не могла бы терзать меня ужаснѣе, будь я испанскимъ евреемъ. Если бы я зналъ, насколько нравственныя страданія легче физическихъ, я поборолъ бы укору совѣсти и приберегъ бы свои проклятія для своихъ враговъ...

Какъ справедливо сказалъ вашъ божественный Шекспиръ, что мудрѣйшій изъ философовъ безсиленъ противъ зубной боли!

Наши кости—я узналъ, объ этомъ изъ книгъ по анатоміи,—лишь тогда заявляютъ о своемъ существованіи, когда онѣ поражены страданіемъ. Счастливы тѣ кости, у которыхъ нѣтъ исторіи! Мои выступаютъ подъ кожей, какъ безобразная истина изъ подъ поэтическихъ прикрасъ. Мнѣ придется извиняться передъ червями въ томъ, что я не могу предложить или ничего кромѣ костей. Увы! какъ безобразно горька смерть; какъ славно, уютно живется въ этомъ славномъ, уютномъ гнѣздышкѣ, которое мы зовемъ землю. Хорошія слова. Они годятся для начала стихотворенія. Чтобы избѣжать смерти, я согласился бы даже съизнова пережить мое злополучное отрочество, проведенное въ конторѣ дяди Соломона, гдѣ я дѣлалъ ошибки въ его книгахъ и строчилъ стихи для „Hamburger Wächter“. Да, я согласился бы даже снова изучать латынь въ францисканскомъ монастырѣ и зубрить юриспруденцію въ Геттингенѣ. Въ концѣ концовъ мнѣ не пришлось бы черезчуръ утруждать себя: стоитъ появиться хорошенькой дѣвужкѣ—и всѣ пандекты отправляются къ чорту! А хороши были веселыя университетскія времена, когда мы ходили ужинать въ „Ландверъ“ и подававшая намъ жареную утку съ яблочнымъ ком-

потомъ розовая, молоденькая кальнерша цѣловала меня одного изъ всѣхъ „господъ студентовъ“, потому что я былъ поэтъ и пользовался уже немаленькою извѣстностью, чѣмъ профессора. Послѣ же того, какъ меня вторично бы исключили изъ университета, мнѣ предстояла бы снова жизнь въ Берлинѣ: милѣйшая Рахиль Леви съ ея салономъ, вторники у Элизы фонъ Гогенгаузенъ, на которыхъ я читалъ мое „Лирическое Интермеццо“, съужасшедшія литературныя ночи въ компаніи поэтовъ въ Медвѣжьей улицѣ?.

А балы, театры, опера, маскарады! Забуду ли я тотъ костюмированный балъ, на которомъ снѣгъ сэръ Вальтеръ-Скотта явился въ національномъ шотландскомъ костюмѣ, въ то время, какъ весь Берлинъ бредилъ „Вэверлэекъ“! Я также снова прочелъ бы ихъ впервые—эти дивныя романы, я вновь написалъ бы мои первыя юношескія произведенія, переживая божественныя радости первыхъ восторговъ творчества. Съ сильно бьющимся сердцемъ я предпринялъ бы мое путешествіе на Гарцъ, я присутствовалъ бы на первомъ представленіи „Фрейшюца“, зачивая его въ казино пуншемъ, который наливала мнѣ прелестная Лотхенъ!

Изъ глазъ его потекли слезы, онъ порывисто схватилъ ея руку и сжалъ ее. Лицо его и тѣло судорожно подергивались, парализованныя вѣки опустились.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прошепталъ онъ хриплымъ, обрывающимся голосомъ, когда она попыталась высвободить руку,—я слышу приближеніе смерти, я долженъ цѣпляться за жизнь, долженъ, долженъ... Я чувствую въ васъ ея теплоту, ея благоуханіе.

На мгновеніе она содрогнулась—такимъ трагическимъ ужасомъ вѣяло отъ этого, жаждущаго жить мертвеца. Берлиозъ ошибался, изобразивъ его въ видѣ призрака, который, стоя у отверстія своей могилы, глушится надъ жизнью, въ которой онъ уже не въ силахъ принимать участія.

Но припадокъ миновалъ—онъ откинулся назадъ въ изнеможеніи и лежалъ неподвижный и безгласный, въ то время, какъ легкія судороги пробѣгали по его лицу съ опущенными вѣками.

Страшно испуганная, она наклонилась надъ нимъ. Уйти ли ей, позвать ли кого на помощь? Но вотъ онъ снова заговорилъ— безсвязно, прерывисто, съ большими промежутками. Съ губъ его срывались поочередно: то циническій смѣхъ, то тяжелый вздохъ, то напѣвъ студенческой пѣсни „Gaudeamus igitur“, и похожее на маску смерти лицо озарялось безумною радостью жизни.

Затѣмъ въ памяти его очевидно возстали картины ранняго дѣтства въ Дюссельдорфѣ; онъ упоминалъ о матери, братьяхъ, сестрахъ, объ учителѣ танцевъ, выброшенномъ имъ изъ окна, объ освобожденіи евреевъ французами побѣдителями, о веселомъ барабанщикѣ, учившемъ его французскому языку, о школьникѣ-атеистѣ, съ которымъ онъ владучись изучалъ Спинозу, о Наполеонѣ, проѣхавшемъ по городу на своемъ бѣломъ конѣ, о деревенскихъ парняхъ, у которыхъ онъ покупалъ птицъ лишь для того, чтобы выпустить ихъ на свободу.

Вдругъ онъ пришелъ въ себя, приподнялъ вѣко пальцемъ и взглянулъ на нее.

— Я—католикъ?—воскликнулъ онъ съ досадою:—мнѣ не пришлось возвращаться къ іудаизму, такъ какъ я въ сущности всегда оставался іудеемъ. Хотя евреи ненавидятъ меня еще болѣе нежели хрістіане—я всегда держалъ сторону моихъ братьевъ.

— Знаю, знаю,—проговорила она успокоительно.—Я помню то мѣсто, гдѣ вы говорите, что вашъ переходъ въ католицизмъ былъ виною саксонцевъ, перемѣнившихъ фронтъ подъ Лейпцигомъ, или Наполеона, которому не для чего было идти въ Россію; скорѣе же всего слѣдуетъ винить въ немъ учителя географіи, позабывшаго сказать будущему императору, что зимою въ Россіи бываетъ холодно.

— Прекрасно,—сказалъ онъ, успокоиваясь,—пусть также не смѣютъ говорить, что на смертномъ одрѣ я снова обратился къ еврейству. Не была ли моя первая трагедія „Альманзоръ“—исторіей поработеннаго Израила, великаго народа, спасшаго изъ подъ развалинъ второго храма не золото и драгоценные камни, но вс-

тинное величайшее его сокровище—Библию, великій даръ, ради котораго туристамъ стоило бы переплыть океанъ для того, чтобы взглянуть на еврея, если бы на свѣтѣ оставался всего одинъ еврей.

Единственный народъ, сохранившій свободу мысли въ среднѣе вѣка, долженъ теперь охранять вѣру въ Господа, которую пытаются поколебать современные „свободные мыслители“. Мы—швейцарскій отрядъ охранителей деизма. Когда я слышу, что существованіе Бога оспаривается, я чувствую себя такъ же, какъ нѣкогда въ лондонскомъ Бедламѣ, когда я потерялъ своего проводника,—человѣкомъ, безпомощно затерявшимся въ мірѣ безумцевъ. Развѣ моя лучшая вещь „Раввинъ изъ Бахараха“ не посвящена описанію „безконечной іудейской скорби“, какъ Берне называетъ ея?

— Но вы не окончили ея?

— Я былъ настолько глухъ, что позволилъ убѣдить себя Мозеру,—или это былъ Гансъ? не помню. Но я вѣрю, что Іегова зачтетъ мнѣ мои благія намѣренія: не пытался ли я примирить іудеевъ и эллиновъ, сочетавъ добро съ красотой и красоту съ добромъ. Чудные дни юношескихъ мечтаній; тогдашняя зима вѣдала большіи теплою, чѣмъ лѣто въ послѣдующіе годы. Какъ они старались сокрушить насъ—равнины наравнѣ съ иѣстными управленіемъ! Мой славный Мозеръ, человѣкъ съ возвышенной душою, съ чистымъ сердцемъ, переходившій изъ конторы въ лабораторію и изучавшій, въ видѣ развлеченія, санскритскій языкъ—привѣтъ тебѣ, *moriturus te saluto*. И тебѣ также, Маркусъ, съ твоею наружностью мальчугана, взглядомъ старика, съ твоимъ энциклопедическимъ, неорганическимъ умомъ. Привѣтствую и тебя, Гансъ, съ твоимъ черезчуръ органическимъ гегелианскимъ фиглярствомъ. Равнины оказались правы, мы всѣ кончили обращеніемъ въ чужую вѣру, но навѣрно Господь придаетъ большее значеніе несбывшимся великодушнымъ планамъ и мечтаніямъ, нежели дѣяніямъ непорочныхъ сердцемъ бюргеровъ, добродѣтели которыхъ истекаютъ изъ страха передъ жандармомъ. Въ чемъ же, если не въ іудаизмѣ

просвѣтленномъ и расширенномъ при помощи эллинизма—крестя ученіе будущаго? И будьте въ томъ увѣрены—лишь еврей создастъ ее. Порукѣю въ томъ—даръ наслѣдственности, вѣковая мудрость.

Вы—болѣе юныя расы—создали ли вы что нибудь подобное колоссальной фигурѣ Моисея? Моисей, чьи гигантскіе размѣры подавляютъ собою самъ Синай, великій художникъ, возводившій, какъ упоминаю объ этомъ въ моей „Исповѣди“, человѣческія пирамиды, создатель Израиля наконецъ! Изъ ничтожнаго пастушескаго племени онъ создалъ великій, избранный Господомъ народъ, предназначенный пережить вѣка и служить образцомъ для другихъ народовъ. Онъ былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, не простымъ мечтателемъ и не отвергалъ земныхъ потребностей, но освящалъ ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, великій мужъ Моисей былъ смиреннѣйшимъ и наиболѣе достойнымъ любви изъ людей. Не многіе знаютъ объ этомъ, но онъ готовъ былъ умереть за грѣхи своего народа, моля о томъ, чтобы наказаніе пало на него, и хотя Господь предлагалъ ему сдѣлать его родоначальникомъ великаго племени, онъ предпочелъ величіе своего народа.

Онъ привелъ израильтянъ въ Палестину, но его собственная нога не ступила на землю обѣтованную. Что за великолѣпная богоподобная фигура и вмѣстѣ съ тѣмъ столь земная и симпатичная въ своей склонности къ гнѣву и заблужденіямъ. О, равви Моисей, нашъ общій великій учитель!

— „Всякій разъ какъ великій человѣкъ высказываетъ свои мысли—ему грозить Голгова“,—прочитировала она.

— Вамъ извѣстно каждое написанное мною слово!—сказалъ онъ съ дѣтскимъ удовольствіемъ:—положительно вы должны переводить меня. Вы будете моимъ апостоломъ среди язычниковъ; вы, англичане, какъ нельзя болѣе подходите къ апостольской мисіи. Вы обратили евреевъ во времена Кроуваля, а теперь ваши мисіонеры насаждаютъ наши палестинскія доктрины на берегахъ

ожяго океана или среди индусскихъ пагодъ Востока. Ваша молодежь, слѣдуя Моисееву примѣру, занимается колонизаціей невѣдомыхъ территорій; словомъ, вы создасте всемірную Палестину. Законъ, исходя отъ Сіона, проходитъ черезъ Ливерпуль и Соутгемптонъ. Въ самомъ дѣлѣ ужъ не происходятъ ли англичане отъ десяти исчезнувшихъ колѣвъ израилевыхъ?

— Вы хотите непременно, чтобы я была еврейкой?—разсмѣялась она.

— Еврейкою или гречанкою! Я признаю лишь эти два міровоззрѣнія,—не считая конечно пляски передъ фетишами и круженіе дerviшей. Возрожденіе пробудило ихъ къ жизни и, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, вліяніе обоихъ постоянно возрастаетъ. Лютера я считаю дѣтищемъ Ветхаго Завѣта. Со времени Исхода свобода всегда говорила съ еврейскимъ акцентомъ. Христіанство—высшее божественное витаніе іудейства, чудный, отрѣщенный отъ жизни сонъ, духъ, отдѣлившійся отъ плоти и витающій въ небесномъ пространствѣ.

Въ то же время не совѣтую вамъ черпать понятія объ іудействѣ у евреевъ. Только проникнутые апостольскимъ наятіемъ великіе умы способны разобратъ въ понятіяхъ. Еврейская миссія до тѣхъ поръ не кончится, покуда христіане дѣйствительно не примутъ вѣру Христа. Лассала я считаю болѣе дѣйствительнымъ ученикомъ Великаго Учителя, нежели пасторовъ, обличающихъ социализмъ. Вы встрѣчались съ Лассалемъ? Нѣтъ? Вы увидите его какъ нибудь здѣсь. Онъ—настоящее чудо: все знаетъ, все понимаетъ, но когда надо дѣйствовать, бьетъ какъ молотомъ. Можетъ быть ему суждено стать свѣточемъ девятнадцатаго столѣтія. Когда каждый человѣкъ будетъ, подобно Спинозѣ, творить добро изъ любви къ добру, когда въ управленіе міромъ вступятъ справедливость, братство, разумъ и юморъ—тогда еврейскъ останется только закрыть лавочку, такъ какъ настанетъ великій праздникъ субботы.

Вы замѣтили, Люси, я говорю: разумъ и юморъ? Съ теченіемъ времени исчезнетъ все за исключеніемъ того, что удовле-

творяетъ чувству логики и чувству юмора. Логика и смѣхъ— вотъ два могущественныхъ орудія, трубный гласъ судьбы. Не вѣряться князьямъ; истинно великіе міра сего—простые сердцацы люди. Блескъ, церемоніалы, папы и султаны—все это дѣтскія игрушки...

— А долго ли придется гремѣть вашимъ трубамъ прежде чѣмъ настанетъ заря желаемого тысячелѣтія?—спросила „вроска“ Люси, чувствуя себя такою старой и невѣрующей на раду съ несправимымъ идеалистомъ.

— Увы! Быть можетъ я—одинъ изъ безумныхъ мечтателей Гетто, быть можетъ борьба моя была напрасной. Однажды къ раввину явилась еврейка въ сопровожденіи сына съ жалобой на мальчика, который, вмѣсто того, чтобы, подобно отцамъ своимъ, заняться торговлею, увлекся релігіозными вопросами и желалъ непремѣнно сдѣлаться раввиномъ. Можетъ быть раввинъ отговорить его отъ такого намѣренія?—Однако,—возразилъ ей опечаленный раввинъ,—почему же вы такъ огорчаетесь? Вѣдь я самъ также ношу это званіе.—Да, отвѣтила она, но этотъ дурачокъ принимаетъ дѣло въ серьезъ.

Увы! Время отъ времени въ мірѣ появляются мечтатели, серьезно относящіеся къ вѣрѣ, которая не идетъ дальше устъ, и міръ попираетъ ихъ ногами. Быть можетъ для человѣчества нѣтъ возрожденія и другой Спаситель міра не явится къ намъ по желѣзной дорогѣ—сохранимъ же въ душѣ своей образъ божественнаго Мечтателя, кровь котораго служитъ бальзамомъ для страждущихъ и немнущихъ.

Очарованная просвѣтленною возвышенностью его измѣнившагося настроенія, она захотѣла проститься съ нимъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, но появленіе сѣдобородаго еврея, котораго Гейне отпустилъ ради нея сейчасъ же, принудило ее остаться.

— Это мой начальникъ полиціи,—сказалъ онъ,—онъ живетъ на мой счетъ, а я живу сообщаемыми вмѣ свидѣніями извѣй. Отъ него я узнаю, чѣмъ заняты теперь мои враги. Но всѣ они у меня тутъ!

Онъ указаль ей на стоящій на комодѣ ящикъ изъ чернаго дерева и попросилъ передать ему этотъ ящикъ.

— Простите, я долженъ записать, пока не позабылъ,—извинился онъ и, взмахнувъ карандашемъ, какъ кинжаломъ, разнашисто набросалъ нѣсколько строкъ, смѣясь ядовитымъ смѣхомъ.

— Всѣ они тутъ,—повторилъ онъ,—они постараются остановить печатаніе моихъ мемуаровъ, но я еще перехитрю ихъ. Они у меня въ рукахъ; они не уйдутъ отъ меня—ни отъ живого, ни отъ мертваго. Горе тому, кто прочтетъ эти строки, если онъ осмѣливался нападать на меня. Гейне не умретъ, какъ первый встрѣченный. Когти тигра переживутъ его самого. Когда я умру—для нихъ настанетъ день суда!

Это было напоминаніемъ о борьбѣ, веденной имъ въ теченіе цѣлой жизни. Ей вспомнились рассказы о его мелочныхъ ссорахъ, о томъ, какъ онъ чернилъ своихъ родственниковъ и вызывалъ своего дядю, и она невольно спросила себя его собственными словами:—Неужели геній, подобно жемчужинѣ въ устричной раковинѣ,—не что иное, какъ божественный недугъ?

Вслухъ же она спросила его, примирился ли онъ съ Берне?

— Берне?—повторилъ онъ смягчаясь:—что я могу имѣть противъ него? Двое крещенныхъ нѣмецкихъ евреевъ, которыхъ Парижъ служить мѣстомъ изгнанія, должны были бы простить другъ другу передъ смертью. Книгу мою дурно поняли, и—видитъ Богъ—я желалъ бы, чтобы она осталась не написанной. Я всегда восхищался Берне, хотя уже не съ такимъ жаромъ, какъ въ тѣ дни, когда я былъ сентъ-симонистомъ, а Рахиль фонъ-Варнгагенъ—моею духовною Эгеріей. Я проваля съ нимъ три чудныхъ дня во Франкфуртѣ въ то время, когда онъ былъ полонъ остроумія и еще не опустился до положенія простого политическаго агитатора. Онъ былъ храбрымъ борцомъ за человѣчество, но не имѣлъ никакого понятія объ изящномъ и я не могъ примириться съ окружающей его атмосферой грязной толпы, севернаго нѣмецкаго табаку и вульгарныхъ, направленныхъ противъ „тиранніи“ рѣчей. По-

слѣдній разъ, когда инѣ случилось видѣть его, онъ былъ почти глухъ и настолько исхудалъ отъ чахотки, что отъ него остался одинъ скелетъ. Онъ сидѣлъ въ широкомъ свѣтломъ шелковомъ халатѣ и заявилъ, что если бы монархъ пожалъ ему руку, онъ отрѣзалъ бы ее. Я отвѣтилъ на это, что если бы инѣ пожалъ руку рабочій—я бы вымылъ ее.

На этомъ мы разстались и съ тѣхъ поръ онъ принялся обличать меня какъ измѣнника и пересмѣшника, способнаго проповѣдывать монархизмъ и республиканство—сообразно тому, что лучше звучитъ. Бѣдный Лейба Барухъ! Можетъ быть онъ былъ благоразумнѣе меня, проповѣдая собратьямъ слияніе съ другими національностями. Кстати, онъ родился въ самый годъ смерти старика Мендельсона. Что за иронія! Но я сожалѣю о направленныхъ противъ г-жи Штраусъ инсинуаціяхъ, я вычеркнулъ ихъ изъ новаго изданія, хотя вамъ вѣроятно извѣстно, что я далъ удовольствованіе ея мужу, позволивъ ему выстрѣлить въ меня, между тѣмъ какъ самъ я стрѣлялъ на воздухъ. Что еще я могъ сдѣлать?

— Я рада, что вы ихъ вычеркнули,—сказала она тронутая.

— Да, какъ видите, я не подражаю въ данномъ случаѣ Наполеону и иду на уступки. У меня есть остатки совѣсти.

— Поэтому то я никогда не могла понять вашего преклоненія передъ Наполеономъ.

— Въ васъ заговорила англичанка. Вы, фарисей (простите меня!), вы и вашъ Веллингтонъ—не въ состояніи понять великихъ людей. Наполеонъ былъ не изъ того матеріала, изъ котораго создаются монархи,—онъ изъ того мрамора, изъ котораго создаются боги. Позвольте инѣ сказать вамъ, что кодексъ Наполеона внесъ лучъ свѣта не въ одно Гетто, но и во многіе, подернутые паутиною уголки феодализма. Міру необходимы землетрясенія и громовые удары, иначе ему угрожаютъ застои и разложеніе.

Парижъ также нуждается въ бичѣ Божіей, и стоитъ только французамъ дать Германіи предлогъ къ войнѣ — какъ на сцену явится вретисще и пепель,—или нѣтъ болѣе пророка во Израилѣ!

— Qui vivit—vegeta, увидишь,—необдуманно сорвалось у нея съ языка, и покраснѣвъ, она быстро прибавила:

— Но какимъ образомъ можете вы одновременно поклоняться Моисею и Наполеону?

— Ахъ, милая Люся, если бы душа ваша была подобно Аладинову дворцу, тысячею оконъ выходящему на житейскую сцену! И если вы не закроете глазъ на половину всего, что происходитъ передъ вами—глупцы назовутъ это противорѣчьемъ самому себѣ. Я люблю, наприимѣръ, самый народъ, но ненавижу его глупость и не довѣряю его вожакамъ. Я ненавижу аристократовъ, но я люблю лилии, которыя не трудятся, не прядутъ и по временамъ являются въ своемъ благоуханіи и въ своей бѣлой одеждѣ у одра больного. Пусть бѣдняки мрутъ съ голоду, на моемъ Парнасѣ нѣтъ для нихъ картофеля. Социализмъ я представляю себѣ не въ видѣ госпиталей и черного хлѣба; для меня онъ является воплощеннымъ въ пурпурѣ, гармоніи, дивныхъ зрѣлищахъ.

Я—урожденный пародоксъ. Нѣмецкій парижанинъ, нѣмецъ еврейскаго происхожденія, ненавидимый политическій изгнанникъ, тоскующій по своей милой Германіи, страдалецъ-скептикъ, одаренный христіанскимъ терпѣніемъ, поэтъ-романтикъ, выражающій въ классической формѣ современную мысль, еврей и бѣднякъ—неужели вы думаете—я хуже знаю себя, нежели знаю свѣтъ? „Въ душѣ моей я ношу цѣлое царство!“—говоритъ старинный англійскій поэтъ. Во мнѣ заключается цѣлая республика, гдѣ всѣ мнѣнія свободны, равны и провинуты братскимъ духомъ, какъ оно и подобаешь сыну свѣта. Если же тамъ и существуетъ деспотъ, то это—шутъ короля, потѣшающійся надъ королею не менѣе, чѣмъ надъ его подданными. Но не ближе ли я къ истинѣ именно потому, что я не позволилъ заключить себя въ клѣтку известной партіи или вѣрованія? Кто смѣетъ считать Истину замороженною на нашей фантазмагорической планетѣ, безначально кружащейся въ безконечномъ пространствѣ? Будемъ надѣяться, ради самого

Господа, что всё противорѣчившія другъ другу вѣрованія—всѣ окажутся истинными, такъ какъ люди умирали за каждое изъ нихъ. Бить можетъ юморъ—истинный пробирный камень гегеліанства, которому уступаетъ всякое затаенное отрицаніе, переходящее въ противорѣчіе съ собою—могучій юморъ даетъ болѣе правильный свѣтъ и тѣни нежалеи педантическое филистерство.

Гдѣ кроется истина—въ холодномъ, блѣдномъ свѣтѣ или въ сверкающихъ переливахъ цвѣтовъ радуги, расплавляющихся въ этомъ свѣтѣ?

Ба! Ваши критики изъ породы филистинлянъ подведутъ мнѣ итогъ въ нѣсколькихъ словахъ, лишь только я умру; они раздѣлятъ мою личность на кусочки и докажутъ, насколько каждый изъ нихъ противорѣчитъ другъ другу, а затѣмъ, подобно школьному учителю, выставятъ столько то хорошихъ отиѣтокъ за одно качество и столько то дурныхъ—за другое. Біографы взвѣсятъ меня, какъ лавочники товаръ: — тѣмъ же способомъ, какимъ Кантъ взвѣшивалъ Божество. Да! Мы можемъ быть судимы лишь равными или высшими, а не тѣми, кто стоитъ въ умственномъ отношеніи ниже насъ. Говорю вамъ, исписавъ объ этомъ не пуды, а сотни пудовъ бумаги, они такъ же мало поймутъ меня, какъ и космосъ, который я отражаю въ себѣ. Развѣ сосна противорѣчитъ розѣ, а страна, гдѣ цвѣтеть лотосъ—ледяной глыбѣ? Я—Испанія, я—Персія, я—Ледовитый океанъ, во мнѣ отражаются прекрасныя божества Эллады и погруженный въ созерцаніе среди песчаной пустыни Брама; я—Египетъ, я—сфинксъ наконецъ! Какая трагедія кроется, Люси, въ глубинѣ современнаго, все-отражающаго сознанія, которое не подражая Моисею, видѣвшему Господа лишь сзади, или Израилю, довольствовавшемуся созерцаніемъ Моисея,—желаетъ видѣть самого Господа лицомъ къ лицу.

Почему не былъ я созданъ по системѣ четвероугольника, какъ Моисей Мендельсонъ, или не родился я божественно одностороннимъ, подобно Саванаролѣ! Я тоже умеръ бы, спасая человѣче-

ство, если бы у меня не крылось подозрѣніе въ томъ, что чело-
вѣчество не стоитъ спасать.

Совиѣщать въ одномъ лицѣ Донъ-Кихота и Санхо-Пансо — что за трагедія! Волѣ ограниченныя умы, видящіе все спасеніе въ избранномъ ими пути — счастливыѣ: они черпаютъ свою силу въ единствѣ. Я желалъ бы походить на вашего Мильтона, напоми-
нающаго величественный, вѣющій священными воспоминаніями, оглашенный звуками мощнаго органа соборъ, на разноцвѣтныхъ окнахъ котораго мелькаетъ тѣнь отъ зеленыхъ, колеблемыхъ вѣт-
ромъ вѣтвей. Или я желалъ бы быть однимъ изъ вашихъ англій-
скихъ аристократовъ, обладателемъ прекраснаго замка, собакъ, ло-
шадей и красавицы жены. Словомъ, я хотѣлъ бы быть вашимъ
нужемъ. А если этого нельзя, я предпочелъ бы стать на мѣстѣ
моей собственной жены — простодушнаго, любящаго созданія, кото-
рая думаетъ, что культура имѣетъ отношеніе къ капустѣ. О, по-
чему душа моя неизмѣримо шире того Гетто, гдѣ я родился,
или отчего мнѣ не суждено было найти подругу въ близкой мнѣ
по духу женщинѣ?

Припадокъ кашля прервалъ собою его слова и Люси вспо-
мнила, что причиною грусти, переполнившей его жизнь и его
пѣсни — былъ отказъ отвергнувшей его дѣвушки - еврейки, его
родственницы.

— Я утомляю васъ, — сказала она, — не говорите со мною.
Я посижу еще нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, я утомилъ *васъ*. Но я не могъ не высказаться
передъ вами; въ васъ я вижу ребенка, который любитъ меня, и
женщину, меня понимающую. А быть понятнымъ — еще труднѣе,
чѣмъ быть любимымъ. Даже мои родители не понимали меня. Да
и были ли они моими родителями: скромный дѣловой человѣкъ,
благоразумная, спокойная, презирающая поэзію голландка, да
благословить ее Богъ! Нѣтъ, матерью моею была Германія,
отцомъ — Гетто. Во мнѣ — мощный духъ Израиля, вдохновлявшій
его мудрецовъ, осѣнявшій священнымъ наитіемъ его пророковъ.

Женись я на первой попавшейся черноглазой еврейкѣ, отецъ которой приирился бы съ нищимъ поэтомъ—я быть можетъ былъ бы счастливѣе. У меня была бы кухня съ двойнымъ запасомъ глиняной посуды и я угошался бы на Пасхѣ опрѣсноками. Каждую пятницу, возвращаясь домой усталый отъ недѣльныхъ трудовъ, я находилъ бы дома зажженные шабашевыя свѣчи, столъ накрытый скатертью, сіяющей, какъ лицо моей жены, ангеловъ мира незримо возсѣдающихъ среди насъ. Жена моя, съ набожнымъ сознаниемъ точно исполненныхъ обрядовъ, привѣтствовала бы меня нѣжнымъ поцѣлуемъ, а я, затѣмъ, говорилъ бы нараспѣвъ: Что сравнится съ добродѣтельной женою? Цѣна ея — выше рубиновъ.

Были бы конечно и дѣти—съ большими наивными глазами, и возложивъ руки на ихъ невинныя головки, я призывалъ бы на нихъ благословеніе, моля Господа уподобить ихъ Ефраиму и Манассіа, Рахили и Лія—особамъ, которые, какъ я боюсь, едва ли могутъ служить примѣромъ. Затѣмъ, усѣвшись, мы принялись бы вкушать „Schalet“—восхитительнѣйшее кушанье въ мірѣ. Вмѣсто кокотовъ и морскихъ дѣвъ, я воспѣвалъ бы, подобно Іегудѣ бенъ Галеви, даму моего сердца—Іерусалимъ. Кто знаетъ? Мои еврейскіе стихи быть можетъ вошли бы въ ритуальъ торжественнаго богослуженія и набожные старцы произносили бы ихъ кое какъ и гнусавя? Изъ буквъ моего имени составили бы акростихъ, на послѣднемъ стихѣ котораго канторъ пускалъ бы торжествующую руду или заунывное тремоло, причемъ хоръ отвѣчалъ бы ему дружнымъ возгласомъ: бумъ!

Пожалуй какойнибудь банкиръ-еврей, по которому мои нѣшіе стихи скользятъ безслѣдно, умилился бы до слезъ и, бѣя себя въ грудь, покаялся бы. А послѣ моей смерти меня съ честью похоронили бы и сынъ мой прочиталъ бы „kaddisch“.

Въ концѣ концовъ не лучше ли быть недалекимъ и ходить проторенными путями вмѣсто того, чтобы блуждать по холмамъ, подчиняясь влеченію своего сердца? Правда, передъ вами лежатъ

чудныя, неизслѣдованныя страны, вы можете купаться въ рѣкахъ, текущихъ живымъ серебромъ и ловить за гриву дикихъ коней, — но за то вы находитесь въ невѣдомомъ краю, безъ карты и компаса, гдѣ даже по звѣздамъ нельзя узнать пути. Одинъ ложный шагъ — и вы летите въ пропасть или проваливаетесь по шею въ трясины. Опасно отвергать указанія старыхъ проводниковъ. Я такъ и вижу Моисея бегъ Аврама съ цѣпью землебра и гравировальными инструментами, отиѣчающаго на каменныхъ скрижаляхъ глубочайшія пропасти и непроходимѣйшія болота.

Когда я пасъ свиней въ сообществѣ съ гегеліанцами, я говорилъ, или, къ сожалѣнію, я сказалъ (такъ какъ я не могу уничтожить написаннаго): „внушите человѣку сознаніе его божественнаго происхожденія для того, чтобы онъ постарался чѣмъ нибудь доказать его“. Увы! Я думаю теперь, что наша божественность — подобна Юпитеровой, которому стоило увидѣть хорошенькую Европу для того, чтобы превратиться въ скота.

Если бы я могъ уничтожить всю мою книгу о германской философіи! Нѣтъ, человѣчество черезчуръ слабо и ничтожно. Мы не можемъ жить безъ вѣры, мы должны вѣрить въ великія старыя истины: въ существованіе Господа, въ Библию, въ загробную жизнь.

Она была очарована его рѣчью, сверкавшею подобно молніи, блескъ которой озаряетъ въ полночную пору не только утесы, неизмѣримныя высоты и бездонныя пропасти, но и оставшіяся послѣ бывшаго здѣсь пикника, засаленныя бумаги и осколки бутылокъ.

Ей пришло на мысль, что умъ Гейне дѣйствительно отражалъ собою все. Все предомылялось въ немъ, но не въ томъ удивительномъ смѣшеніи, которое было свойственно Спинозѣ; у Гейне оно являлось въ гармоническомъ сочетаніи, съ особомъ, свойственною ему индивидуальности окраскою. Онъ могъ переходить отъ великаго къ смѣшному, причеъ то и другое имѣло одинаковую цѣнность въ шіровой схемѣ.

— Неужели ей никогда не будетъ конца — этой борьбѣ

между христіанами и евреями?—заговорилъ онъ наполовину про себя, такъ что она не могла понять, говорить ли онъ лично о себѣ или обо всѣхъ вообще?

Затѣмъ, увидѣвъ, что она поднимается, онъ нѣжно прибавилъ:

— Бойсь, что я напугалъ васъ. Надъ однимъ только я никогда не позволялъ себѣ глумиться—надъ жизнью. Развѣ въ наслажденіи ея не заключается невысказанная молитва, затаенная благодарность?

Навѣстите меня снова, милое дитя, друзья мои уже привыкли видѣть меня при смерти и думать, что я буду умирать безконечно: безсмертіе навыворотъ...

Но въ одинъ прекрасный день они увидятъ, что кукольной комедіи—конецъ и шутникъ упрятанъ въ ящикъ. До свиданія! Господь да благословитъ васъ, крошка Люси, Господь да благословитъ васъ!

Кукольная комедія окончилась ранѣе, нежели онъ ожидалъ, но шутникъ приберегъ къ концу самую удивительную изъ своихъ остроумствъ.

— Господь Богъ проститъ мнѣ,—сказалъ онъ:—*c'est son métier!*...

Пер. О. Чюмина.

КАВКАЗСКІЙ ЕВРЕЙ.

Вѣка, вѣка прошли съ тѣхъ поръ,
Когда бѣглець изъ Палестины
Завидѣлъ снѣгъ кавказскихъ горъ
И знойной Грузіи долины;

Съ тѣхъ поръ, когда—судьбой гонимъ
И жгучей скорбью отуманенъ, —
Но Богомъ Библии хранимъ,
Сюда пришелъ израильтянинъ.

Его тоскующей душѣ
Быль дикъ и чуденъ блескъ природы,
Въ его убогомъ шалашѣ
Пахнуло вѣяньемъ свободы...

Привѣтливъ былъ счастливый югъ
И радъ былъ гость трудолюбивый
Извѣдать мощь рабочихъ рукъ
Надъ колющею нивой.

Народъ Израиля расцвѣлъ
Подъ земледѣльческою кровлей,
Не омрачался тихій долъ
Крикливой, суетной торговлей...

Израиль пасъ свои стада,
Сбиралъ, какъ встарь, плоды земные —

И помнилъ, помнилъ онъ всегда
Завѣты праотцевъ святые..

И здѣсь, въ ликующей странѣ,
Скиталець изгнанный — донинѣ
Не позабылъ о старинѣ,
О сердцу милой Палестинѣ,

Смѣнилъ одежду и языкъ
Онъ на нарядъ и говоръ мѣстный;
Онъ привязался, онъ привыкъ
Бъ странѣ привѣтливо-чудесной...

Но живъ онъ вѣрою отцовъ,
По ней не справилъ робкой тризны, —
И палестинскихъ бѣглецовъ
Соединяетъ духъ отчизны!

И здѣсь — Израиль чистъ душой,
Какъ отблескъ горнаго алмаза...
Вѣтхозавѣтной простотой
Донинѣ дышетъ гость Кавказа!..

В. Лебедевъ.

Тифлисъ.

ФАРИСЕИ И САДДУКЕИ.

(ИЗЪ «ИСТОРИЧЕСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ ТАЛМУДИЗМА» ¹).

I.

Въ началѣ маккавеевскихъ войнъ во главѣ еврейскаго народа стояли, какъ мы видѣли выше, двѣ враждебныхъ между собою партіи: партія эллинистовъ, видѣвшихъ счастье народа въ его національной смерти, въ полной эмансипаціи его отъ Моисеева закона, и партія хасидеевъ, съ самоотверженіемъ оберегавшихъ этотъ законъ, видя въ немъ единственный залогъ національнаго существованія. Изъ этой послѣдней партіи главнымъ образомъ и пополнялись ряды храбраго воинства Маккаби, пока у него не было иной цѣли, кромѣ защиты дорогого имъ закона.

Не прошло, однакожъ, и четверти вѣка съ начала маккавеевскихъ войнъ, и на политическую арену Іудеи выступаютъ передъ нами совершенно новыя три партіи: саддукеи, фарисеи и ессеи. Флавій Іосифъ, относя возникновеніе этихъ сектъ ко времени первосвященника Ионатана, характеризуетъ ихъ тутъ же какъ три философскихъ школы, различно относящихся къ вопросу о роли Божественнаго Промысла (или судьбы) съ одной стороны и свободной воли чловѣка съ другой—въ благополучіи или несчастьи каждой отдѣльной личности или всего народа. Саддукеи приписываютъ все личной волѣ, ессеи ставятъ все въ зависимость отъ Божьяго Промысла, фарисеи же держатся золотой середины и отводятъ подобающую роль каждому изъ этихъ двухъ факторовъ ². Само собою разумѣется,

¹ Предлагаемая статья составляетъ второй отдѣлъ общаго труда д-ра Л. С. Каценельсона „Историческіе очерки талмудизма“, первый отдѣлъ котораго напечатанъ въ „Восходѣ“ подъ названіемъ „Институтъ ритуальной чи стоты“.

Ред.

² Ant. XIII, 5, 7.

что какихънибудь 15 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти Иуды Маккаби, врядъ ли было достаточно для окончательнаго сформированія этихъ сектъ и для того, чтобы взгляды ихъ успѣли опредѣлиться по всѣмъ вопросамъ не только религіозной практики, но и метафизики. Но врядъ ли также одни религіозныя и метафизическія разногласія были причиной тѣхъ страшныхъ междоусобій, которыя вскорѣ разыгрались между саддукеями и фарисеями уже во время Іаанна Гиркана, и еще болѣе ожесточенно во время Александра Іанная, когда кровь лилась не ручьями, а потоками. Такъ люди не спорятъ изъ-за рѣшенія какойнибудь философской проблемы. Очевидно, что представленіе объ этихъ сектахъ, какъ о философскихъ школахъ, представляетъ только схему, придуманную Іосифомъ для своихъ не-еврейскихъ читателей, которые! никогда не въ состояніи были бы понять истинные мотивы тѣхъ драмъ, которыя разыгрывались внутри чуждаго имъ по духу народа. Но возможно также и то, что самъ Іосифъ, хотя современникъ этихъ сектъ и очевидецъ ихъ, зналъ жизнь и стремленія каждой изъ нихъ въ той лишь фазѣ ихъ развитія, въ какой онъ засталъ ихъ два вѣка спустя, послѣ ихъ возникновенія, но въ то же время предъ нимъ остались сокрытыми первоначальныя мотивы, вызвавшіе ихъ къ жизни. Секты, просуществовавшія цѣлыхъ два вѣка въ народѣ, подвергшемся за это время самымъ страшнымъ тревоженіямъ, самымъ разнообразнымъ превратностямъ судьбы, не могли оставаться за все это время однѣми и тѣми же. Это было бы противно всѣмъ законамъ эволюціи. Кличка а можетъ быть, и нѣкоторые принципы, могли сохраниться, но сущность ихъ непремѣнно должна была измѣниться.

Этимъ, намъ кажется, и объясняется неудача позднѣйшихъ историковъ, пытавшихся однимъ словомъ опредѣлить сущность этихъ трехъ сектъ и мотивы ихъ взаимной противоположности: одни говорятъ, что саддукеи и фарисеи расходились между собою по вопросамъ политическимъ; другіе говорятъ, что они расходились по вопросамъ религіознымъ, третьи же, какъ Welhausen и Schürer, совершенно отрицаютъ всякую противоположность между обѣими партіями, видя въ фарисеяхъ представителей строго религіозной ортодоксіи, которымъ никакого

дѣла не было до политики, въ саддукеяхъ же—представителей аристократизма, дорожащихъ своимъ социальнымъ положеніемъ, но равнодушно относящихся къ вопросамъ религіознымъ.

Мы не считаемъ нашей задачей входить въ критическій разборъ обширной литературы этого вопроса. Различное отношеніе этихъ трехъ сектъ къ интересующему насъ институту ритуальной чистоты обяываетъ насъ, конечно, вдумываться въ сущность каждой изъ нихъ и опредѣлить тѣ историческія условія, на почвѣ которыхъ выросли и развивались эти секты. Но мы предоставляемъ знакомому съ дѣломъ читателю самому посудить, въ чемъ и на сколько наше представленіе о древнихъ еврейскихъ сектахъ расходится съ ходячими по этому вопросу взглядами. Замѣтимъ только, что высказанное еще Гейгеромъ и почти осмѣянное Шюреромъ мнѣніе, «что фарисейзмъ представляетъ принципъ прогрессивнаго развитія» найдетъ въ нижеизложенномъ свое полное и всестороннее оправданіе ¹.

Торжество надъ эллинизмомъ, доставленное іудаянскому героическимъ подвигомъ Маккавеевъ, не могло, однако, вернуть еврейство къ тому патриархально-библейскому порядку, господствовавшему въ Іудеѣ въ до-александровской эпохѣ. Еврейскій народъ волей неволей вовлеченъ былъ въ круговоротъ всемірной исторіи. Какъ носитель невѣдомой тогдашнему міру религіозной идеи, онъ, правда, настолько окрѣпъ, что могъ безъ страха за свое существованіе приходить въ близкое соприкосновеніе съ греческой культурой и даже многое у нея позаимствовать. Но это близкое соприкосновеніе вскорѣ обнаружило нѣкоторое несоотвѣтствіе между жизнью и древнимъ закономъ, какъ его тогда понимали.

Многочисленные и крайне сложные законы о чистотѣ, при измѣнившихся условіяхъ жизни, оказались не только лишними въ санитарномъ ихъ значеніи, не только стѣснительными для каждаго въ отдѣльности, но они сдѣлались также опасными для единства народа въ виду различнаго отношенія къ нимъ разныхъ классовъ послѣдняго. Они оказались лишними въ

¹ Мы не можемъ, однакожъ, слѣдовать за Geiger'омъ въ его утвержденіи, что саддукеи были представителями древней Галахи, вопреки прямому свидѣтельству Флавія, что саддукеи вовсе не признавали „устаго ученія“.

санитарномъ ихъ значеніи, потому что при болѣе зрѣлой культурѣ нѣтъ вообще надобности въ томъ, чтобы религія, цѣль которой заключается въ духовномъ усовершенствованіи людей, занималась спеціально ихъ физическимъ здоровьемъ. Люди настолько созрѣли, что заботу о послѣднемъ можно уже было предоставить имъ самимъ. Но эти законы были и крайне стѣснительны; они связывали еврея по рукамъ и ногамъ, заставляя его быть вѣчно на сторожѣ, такъ какъ каждый шагъ его, каждое его движеніе угрожало ему какимъ нибудь нарушеніемъ закона. Можетъ быть, именно въ этомъ вѣчномъ страхѣ и кроется вся тайна привязанности еврея къ своему закону; можетъ быть именно въ этомъ заключается благодѣтельное вліяніе послѣдняго на образованіе народнаго характера, въ смыслѣ развитія въ немъ осмотрительности, воздержанности и вообще умѣнья подавлять свои рефлексы. Но не забудемъ, что тутъ рѣчь шла не объ одномъ только духовномъ страхѣ. Не забудемъ, что всякое нарушеніе Моисеева закона, по крайней мѣрѣ умышленное, влекло за собою при извѣстныхъ обстоятельствахъ и тѣлесное наказаніе.

Съ объявленіемъ независимости Іудеи при Іонатанѣ, а еще больше послѣ полнаго закрѣпленія этой независимости Іоанномъ Гирканомъ, естественно было вернуть Торѣ ея прежнее значеніе государственной конституціи. Это было тѣмъ болѣе естественно, что Хасмонеи, въ отличіе отъ древнихъ царей іудейскихъ, совмѣщали въ одномъ лицѣ обѣ власти: свѣтскую и духовную. А Тора, какъ государственная конституція, караетъ иногда и нарушеніе чисто религіозныхъ законовъ не только тѣлеснымъ наказаніемъ, но иногда и смертной казнью; и мы увидимъ ниже, что сторонники Хасмонеевъ, саддукеи, дѣйствительно пользовались въ этомъ отношеніи буквой закона въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но такой порядокъ вещей не соответствовалъ больше воззрѣніямъ хасидеевъ и даже наиболѣе строгихъ. Эти люди съ тонкоразвитымъ религіознымъ чувствомъ, будучи строги къ самимъ себѣ, умѣли, однакожь, относиться снисходительно къ слабостямъ другихъ. Притомъ соблюденіе религіозныхъ предписаній давно стало душевной потребностью у народа и не нуждалось больше въ такомъ воздѣйствіи, какъ смертная казнь или тѣлесное наказаніе. Еще

предшественникъ Іосифа изъ Цереда, Антигонъ изъ Сохо, учили: «Не будьте какъ рабы, служащіе своему господину въ видахъ полученія вознагражденія, а будьте какъ рабы, служащіе своему господину (изъ любви), независимо отъ ожидаемаго вознагражденія, и да будетъ страхъ предъ Небеснымъ въ сердцахъ вашихъ»¹ т. е. избѣгайте нарушенія закона не изъ страха предъ земнымъ наказаніемъ, а изъ благоговѣнія предъ Небеснымъ Судьею.

Но это еще не все. Ученіе о раскаяніи, довольно ясно изложенное уже въ Моисеевомъ законѣ, но получившее особенное развитіе у пророковъ, преимущественно у Іезекіиля, и ставшее руководящимъ религіознымъ принципомъ у хасидеевъ, это ученіе плохо гармонировало съ требованіемъ со стороны закона смертной казни за нарушеніе чисто религіозныхъ предписаній. «Развѣ я желаю смерти нечестивца? говоритъ Господь устами пророка: о нѣтъ; пусть отстаетъ отъ путей своихъ и пусть живетъ онъ»². Какъ же примирить это противорѣчіе?

Освобожденіе страны отъ власти язычниковъ не освободило, однакожъ, народа отъ сношенія съ ними, что естественно истекало изъ свѣтскихъ вождедѣній Хасмонеевъ и стремленія ихъ къ военному могуществу государства. Симонъ первый ввелъ у себя содержаніе наемныхъ войскъ изъ язычниковъ; впоследствии Александръ Іаннай воспользовался даже наемнымъ языческимъ войскомъ для усмиренія возставшихъ противъ него евреевъ³. Между тѣмъ съ точки зрѣнія ритуальной чистоты всякій язычникъ долженъ быть рассматриваемъ, какъ источникъ инфекціи. Вѣдь онъ могъ когда нибудь прикоснуться или, какъ воинъ, даже навѣрное когда нибудь прикоснулся къ человѣческому трупу; онъ можетъ быть самъ одержимъ какой нибудь тайной болѣзнію, въ силу чего онъ инфицируетъ все, къ чему только прикоснется. Но особенно тягостно было положеніе еврея въ городахъ съ преобладающимъ языческимъ элементомъ въ самой Палестинѣ, а тѣмъ болѣе въ діаспорѣ. Тамъ, если онъ хотѣлъ добросовѣстно исполнять свои законы, то долженъ былъ быть готовымъ чуть ли не на хроническое голо-

¹ Mischna Aboth, I, 4.

² Ezec. XVIII, 23.

³ Bel. Jud. II, 5 и IV, 3.

даніе. Мы видѣли выше, что авторъ книги Даніила, заставляя своего героя и его трехъ товарищей отказываться не только отъ всякихъ мясныхъ блюдъ съ царскаго стола, но также отъ царскаго хлѣба и вина, въ сущности не позволилъ себѣ никакихъ преувеличеній: такой отказъ вполне соотвѣтствуетъ библейскому закону, по которому однѣ только овощи, и то сухія, не способны воспринимать инфекцію; хлѣбъ же, для приготовленія котораго необходимо участіе воды, дѣлается нечистымъ отъ одного прикосновенія рукъ язычника, а то, что не чисто, считалось въ древности недозволеннымъ къ употребленію. По той же причинѣ авторъ книги Юдиѣ заставляеть свою героиню носить съ собою въ лагерь Олоферна на нѣсколько дней всякаго рода провизію. Не слѣдуетъ, однакожь, думать, что Даніилъ и Юдиѣ представляютъ собою только идеалъ строгаго соблюденія закона, идеалъ, который никогда въ жизни не осуществлялся. О, нѣтъ! Флавій Іосифъ рассказываетъ о трехъ іерусалимскихъ священникахъ, которыхъ римскій прокураторъ Феликсъ отправилъ въ Римъ за какую то маловажную провинность. «Несмотря на постигшее ихъ несчастіе, они не отступили отъ своей богобоязненности и все время питались исключительно смоквами и орѣхами»⁴.

Феликсъ былъ прокураторомъ отъ 52—60 г. по Р. Х.; слѣдовательно, если мы вмѣстѣ съ Graetz'омъ примемъ, что изданіе такъ называемыхъ 18 декретовъ послѣдовало за 4 года до разрушенія храма, то воздержаніе этихъ трехъ священниковъ отъ всякой языческой пищи можетъ быть объяснено только соблюденіемъ ритуальной чистоты. Но если даже допустимъ, что 18 декретовъ изданы были гораздо раньше, то все таки столь строгое воздержаніе, какое выказали эти три мужа, не можетъ быть объяснено одними этими декретами. Необходимо разъ на всегда усвоить себѣ, что какъ ни строги сами по себѣ эти послѣдніе, они все таки въ гораздо меньшей мѣрѣ изолируютъ еврея отъ язычника и гораздо меньше стѣсняють еврея въ его частной жизни, чѣмъ законы ритуальной чистоты, и не только въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдніе являются предъ нами послѣ безчисленныхъ прибавленій хасидеевъ, но даже въ

⁴ Vita III.

первоначальномъ ихъ видѣ, какъ они изложены въ Библии. Напр., съ точки зрѣнія 18 декретовъ не возбраняется еврею пить молоко, доенное язычникомъ въ его присутствіи, тѣмъ меньше возбраняется ему выпить холодной воды изъ посуды язычника; ни того, ни другого не можетъ дѣлать еврей, строго соблюдающій ритуальную частоту. Что еврен въ древности дѣйствительно остерегались пить воду не только у язычниковъ, но даже и у самаритянъ, это прямо видно изъ разсказа евангелиста Іоанна о встрѣчѣ Іисуса Христа со самаритянкой у колодца. На просьбу Христа дать напиться, она отвѣтила: «Какъ Ты, будучи Іудеемъ, просишь пить у меня, самарянки?»¹

Съ увеличеніемъ, подъ скипетромъ Хасмонеевъ, народнаго благосостоянія, естественно должны были увеличиться и народныя потребности, которыя не удовлетворялись уже одной только туземной промышленностью. Между тѣмъ, глиняная и фарфоровая посуда языческаго издѣлія вовсе не допускалась къ употребленію²; другія же произведенія иноземной промышленности: посуда, мебель, ткани и пр. могли быть употреблены евреемъ только послѣ извѣстныхъ очистительныхъ процедуръ, что, конечно, не всегда могло быть сдѣлано безъ вреда для даннаго предмета. Ясно, что все это должно было крайне стѣснять международную торговлю, представляющую при извѣстной степени культуры жизненную необходимость.

Всѣ изложенныя до сихъ поръ неудобства, крайне обременительныя для всякаго другого народа, были, однако, переносимы для еврея, которому законы его религіи были столь дороги, что ради нихъ ему и смерть не страшна была. Такъ говорить и Флавій Іосифъ о современныхъ ему евреяхъ. «Не слѣдуетъ удивляться тому, что мы идемъ на смерть за наши законы болѣе стойко, чѣмъ всѣ другіе, потому что другіе съ трудомъ соблюдаютъ тѣ изъ нашихъ обычаевъ, которыя въ нашихъ глазахъ являются наименѣе обременительными, а именно: собственноручный трудъ, простота въ образѣ жизни, воздержаніе отъ употребленія въ пищу всего, что попадаетъ подъ руку или къ чему питаемъ особенную страсть»³. Слѣ-

¹ Ioannes IV, 9.

² Tosephta Ahiloth XVII, 6.

³ Contra Apionem II, 33.

довательно, неудобства, сопряженные съ соблюденіемъ ритуальной чистоты, были, повидному, мало чувствительны для евреевъ.

Но былъ одинъ пунктъ въ институтѣ ритуальной чистоты, соблюденіе котораго въ буквальномъ смыслѣ библейскаго текста, было немислимо даже для самыхъ добросовѣстныхъ людей, а менѣе искренніе въ исполненіи религиозныхъ законовъ никогда, вѣроятно, его и не соблюдали, такъ какъ соблюденіе его въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія. Это предписаніе закона, что всякій человѣкъ, ставшій по чему либо нечистымъ, остается въ этомъ состояніи до заката солнца. Въ силу закона о pollutione postigna семейные люди отъ времени до времени должны были изолироваться на цѣлый день отъ общества, и даже солдаты въ военное время, случайно ставъ нечистыми, должны были уходить изъ строя и возвращаться въ станъ не раньше заката солнца ¹. Священникамъ же въ подобныхъ случаяхъ строго, подѣ страхомъ «истребленія изъ среды народа», воспрещалось до заката солнца ѣсть что нибудь сакральное ². Въ древности законъ этотъ толковался, повидному, въ буквальномъ его смыслѣ не только относительно священниковъ, но и относительно мірянъ. Это видно изъ объясненія, которымъ Саулъ оправдалъ отсутствіе Давида въ праздничный день за царскимъ столомъ ³. Но то, что возможно было при патриархальномъ строѣ, невозможно въ обществѣ съ болѣе сложными отношеніями. Человѣку предстоитъ, напр., засѣданіе въ Синедрионѣ; на очереди вопросъ, отъ того или другаго рѣшенія котораго зависитъ благо народа, а онъ долженъ оставаться дома. Свѣтскіе саддукеи легко справлялись съ подобными затрудненіями, проще сказать—игнорировали ихъ; но люди правдивые, полагающіе, что законы существуютъ для того, чтобы ихъ исполняли, не могли не задумываться надъ вопросомъ — неужели законы, идущіе отъ Всеблагаго, могутъ противорѣчить благу людей? А что, если мы невѣрно толкуемъ эти законы, невѣрно примѣняемъ ихъ въ жизни?

¹ Deuteron, XXIII; 10, 11, 12.

² Levit. XX, 4—7.

³ I. Sam. XX, 26.

Дальнѣйшій ходъ историческихъ событій въ Иудеѣ еще больше долженъ былъ убѣдить народныхъ учителей въ необходимости толковать законъ, такъ какъ иначе, вмѣсто единства и сплоченности народа, получилось бы разъединеніе и распаденіе. Въ концѣ предъидущаго очерка мы указали на недо-вѣріе одной части народа къ религіозной добросовѣстности дру-гой, обнаруживавшееся уже во время Iose ben Ioeser. Съ теченіемъ времени возникли новые моменты, подъ вліяніемъ которыхъ вза-имное недо-вѣріе обострялось все больше и больше. Іоаннъ Гир-канъ, завоевавъ сосѣднюю Идумею, заставилъ ея жителей по-головно принять еврейскую религію ¹; то же самое сдѣлалъ сынъ его Аристократъ съ завоеванной имъ Итуреею, лежавшей къ востоку отъ Галилеи. Такимъ же образомъ поступили, вѣроятно, съ языческимъ населеніемъ всѣхъ присоединенныхъ къ Иудеѣ городовъ ². Съ точки зрѣнія государственности Моисеева за-кона насильственное обращеніе язычниковъ въ еврейство имѣло еще нѣкоторое оправданіе, но, какъ мы видѣли выше, законо-учители придерживались иного взгляда на Моисеевъ законъ, а насчетъ прозелитовъ у нихъ вполнѣ сформировалась даже поговорка: «прозелиты для еврейства то же, что болѣзненный наростъ для тѣла» ³.

Нѣтъ сомнѣнія, что еврейская религія, подчиняя себѣ всѣ стороны повседневной жизни, обладаетъ могущественными асси-милирующими свойствами, и поэтому всѣ эти вольные или невольные прозелиты, всѣ эти «народы земли» (Ame-ha-arez) ⁴, какъ ихъ тогда называли, вскорѣ превратились въ настоящихъ правовѣрныхъ евреевъ. Но законы ритуальной чистоты были слишкомъ сложны для того, чтобы «народы земли» легко могли освоиться съ ними. При всей добросовѣстности ихъ въ испол-неніи обрядовъ своей новой религіи, имъ въ началѣ трудно было сравниться въ этомъ отношеніи съ коренными евреями,

¹ Bel. Jud. I, 2, 6.

² Antt. XIII, 11, 3.

³ Jebamoth 47, a.

⁴ Во время Эздры и Нееміи этиимъ именемъ обозначались всѣ нееврей-скіе элементы въ Иудеѣ и окрестныхъ земляхъ; элементы эти сохранили это имя и по слияніи съ евреями. Вполнѣ сформировалась его стали употреблять въ смыслѣ „простога народа вообще“. Сравни Geiger, Urschrift, 151.

у которыхъ привычка жить по закону выработалась вѣками и вошла, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь. Отдѣльныя личности изъ этихъ прозелитовъ, благодаря своимъ познаніямъ и благочестивой жизни, могли подняться до самыхъ высокихъ степеней въ государствѣ (таковы напр. главы синедріона при Иродѣ Шемая и Абиталіонъ) ¹. Но масса этихъ прозелитовъ и простой классъ народа вообще не въ состояніи были соперничать въ соблюденіи ритуальной чистоты съ высшими классами; отсюда разъединеніе и разладъ между одной частью народа и другой.

Не слѣдуетъ, однакожь, представлять себѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы ², что простой народъ, «ам-ха-агезъ», вовсе не соблюдалъ ритуальной чистоты, и что это служило причиной недовѣрія къ нему высшихъ классовъ. Это невѣрно. Въ Мишаѣ имѣются прямыя указанія на то, что простой народъ не только во время годовыхъ праздниковъ ³, но и въ остальное время года по мѣрѣ силъ и возможности добросовѣстно соблюдалъ эти законы, но что это, однакожь, нисколько не избавляло его отъ полного отчужденія отъ высшихъ слоевъ общества ⁴. Были, конечно, и такіе, которые въ силу постоянныхъ сношеній съ язычниками вовсе не имѣли возможности соблюдать ритуальную чистоту. Изъ среды этихъ послѣднихъ особенно выдавались въ послѣдствіи такъ навываемые мытари или сборщики въ пользу римскаго фиска (רמז) ⁵. Этихъ послѣднихъ вдвойнѣ ненавидѣли: и какъ религіозныхъ отщепенцевъ, и какъ представителей ненавистнаго Рима.

Въ настоящее время трудно составить себѣ ясное представ-

¹ Juma 71,а.

² R. Israël Lipschitz, коммент. «Zera Israël» къ M. Taharath VIII, 1.

³ M. Chagiga III, 6.

⁴ Вся казуистика, приведенная въ Mischna Ahaloth V, 2—9, (ср. также Tosephta Ahaloth V, 9—12) писана для ам-ха-агезъ, и основывается на томъ положеніи, что ам-ха-агезъ по своему соблюдалъ чистоту, но что имъ все-таки нельзя вѣрить. Еслибы ам-ха-агезъ вовсе не соблюдали законовъ чистоты, то не было-бы надобности писать для нихъ законовъ, и вся эта казуистика оказалась-бы совершенно излишней. Мало того, сами ам-ха-агезъ никогда не признавали, что они кому нибудь уступаютъ въ соблюденіи ритуальной чистоты. Въ Chagiga (22 в.), по поводу этихъ же галахотъ приводится, между прочимъ, слѣдующій аргументъ. „если скажешь ам-ха-агезъ'у: твоя посуда не чиста, онъ отвѣтитъ тебѣ: нѣтъ! твоя посуда не чиста, а моя чиста“.

⁵ M. Taharoth VII, 6.

леніе о томъ глубокомъ отчужденіи, которое господствовало среди евреевъ между родовой и умственной аристократіей съ одной стороны и простымъ народомъ съ другой. Мы можемъ судить объ этомъ по слѣдующимъ фактамъ. Въ повдѣйшее время, когда законы ритуальной чистоты перестали считать обязательными для всѣхъ, люди, болѣе ревностные къ закону, стали подобно прежнимъ ессеямъ соединяться въ кружки или корпораціи строго соблюдающихъ эти законы. Мишна сохранила намъ цѣлый рядъ галахотъ, опредѣляющихъ отношеніе членовъ этихъ кружковъ къ простому народу. *Chaber* (חבר), т. е. членъ кружка, зашедшій въ домъ *am-ha-arez'a*, не могъ присѣсть на стулъ или выпить у него кружку воды и вообще прикасаться къ какому нибудь предмету въ домѣ. Съ другой стороны *am-ha-arez*, зашедши по дѣлу въ домъ *chaber'a* не могъ ни на одну минуту быть оставленнымъ безъ свидѣтелей, словно воръ какой-нибудь, изъ опасенія, что онъ прикаснется къ какому-нибудь предмету и сдѣлаетъ его негоднымъ къ употребленію ¹. Но несомнѣнно, что эти правила весьма древняго происхожденія, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ въ книгахъ Новаго Завѣта. Ритуальной чистотѣ простолюдина до вѣрjali только во время годовыхъ праздниковъ, когда весь народъ обязанъ былъ являться въ храмъ на поклоненіе, да и то священники предупреждали народъ не прикасаться въ храмѣ къ такимъ предметамъ, которыхъ нельзя было послѣ праздника подвергнуть очистительной процедурѣ ². До вѣрjali также ри-

¹ Подробной казуистикѣ этого вопроса посвящены VII и VIII главы *Mischna Taharoth*.

² *M. Chagiga III, 8*. Рѣчь идетъ тамъ о золотомъ столѣ, на которомъ находилась священный хлѣбъ. *Jeruschalmi (ibid.)* сообщаетъ, что въ дни годовыхъ праздниковъ священники выносили обыкновенно этотъ столъ изъ внутренняго отдѣленія храма, чтобы показать его собравшемуся народу, предупреждая его при этомъ не прикасаться къ нему. Фарисеи, повидимому, находили это недо вѣріе обиднымъ для народа и требовали, чтобы вся храмовая утварь подвергалась послѣ праздника очищенію, не исключая и тѣхъ предметовъ, къ которымъ имѣли доступъ одни только священники. Тамъ же въ *Иерусалимѣ* сообщается, что однажды былъ, по требованію фарисеевъ, погруженъ въ воду для очищенія золотой храмовой канделябрь, къ которому могли прикасаться одни только священники. (Это было, вѣроятно, въ то время, когда власть находилась въ рукахъ фарисеевъ, которые вообще не хотѣли признавать за священниками больше святости, чѣмъ за народомъ). Обиженные саддукеи-

туальной добросовѣстности простого народа относительно сакральныхъ налоговъ, доставленныхъ имъ въ натурѣ въ пользу храма и священниковъ, хотя въ сущности это было непослѣдовательно, такъ какъ въ его добросовѣстности повидимому не сомнѣвались, а сомнѣвались лишь въ его познаніяхъ. Исключеніе это объясняется слѣдующимъ характернымъ мотивомъ: «дабы всякій не вадумалъ бы строить для себя отдѣльное капище и сожигать для себя отдѣльную красную корову¹.

Послѣ всего изложеннаго намъ вполне понятна будетъ та глухая вражда, которую низшіе классы питали къ высшимъ, и намъ нисколько не покажется преувеличеннымъ чистосердечное признаніе р. Аживы (бывшаго въ молодости простымъ пастухомъ), сказавшаго о себѣ: «Когда я былъ ам-на-агезъ я, бывало, мечталъ: о еслибъ попался мнѣ въ руки ученый, какъ больно я укусилъ бы его!»² Да и ученый классъ хорошо сознавалъ это. «Сильнѣе—говорить одинъ ученый—ненависть, которую питаетъ ам-на-агезъ къ ученымъ, чѣмъ ненависть, которую питаютъ другіе народы къ Израилю»³.

Плоды этой ненависти ясно обнаружилась впоследствии, въ эпоху зарожденія христіанства. Всѣ эти отверженные мытари, всѣ эти униженные и оскорбленные въ своихъ собственныхъ глазахъ простолюдины первыми бросились въ объятія новаго ученія, отрицательно относившагося къ ритуальной чистотѣ вообще⁴. Но противорѣчіе между буквой закона и жизнью, ставшее тогда очевидной для всѣхъ, могло быть предвидѣно прозорливыми людьми вскорѣ послѣ воцаренія Хасмонеевъ. Прозорливые люди, вышедшіе изъ нѣдръ самого народа, не могли считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ

священники замѣтили на это съ горькой ироніей: „Посмотрите, фарисеи скоро станутъ погружать въ воду и солнечный шаръ для очищенія“. Таковъ, по нашему мнѣнію истинный смыслъ этого факта и изъ него вовсе не слѣдуетъ, что фарисеи были строже въ соблюденіи ритуальной чистоты въ храмѣ, чѣмъ саддукеи, какъ это думаютъ многіе. Сравни. Weiss. (Dor-dor-vedorschow I. 113). Graetz (Geschichte III. 458) и Geiger (Urschrift 135).

¹ Chagiga 22, a.

² Pessachim 49, 6.

³ Ibid.

⁴ Matth. IX, 10—13; XV, 11, XXIII, 25; Marc. II, 15—17; VII, 1—20. и параллельныя мѣста.

законы о чистотѣ, вмѣсто того, чтобы изолировать еврея отъ язычника (что несомнѣнно было одной изъ цѣлей законодателя), стали изолировать одну часть варода отъ другой.

II.

Изложенное нами въ предыдущей главѣ противорѣчіе между буквой закона и жизнью въ силу различнаго отношенія къ нему разныхъ фракцій мыслящей части народа, служило, по нашему мнѣнію, главной исходной точкой для образованія трехъ древне-еврейскихъ сектъ: саддукеевъ, ессеевъ и фари-сеевъ.

А) Къ саддукеямъ, названнымъ такъ по имени родоначальника древней династіи первосвященниковъ, Цаддока, принадлежала почти вся родовая и денежная аристократія въ Іудеѣ. Эта партія группировалась вокругъ династіи Хасмонеевъ и сосредоточивала въ своихъ рукахъ военную и административную власть въ государствѣ. По своему официальному положенію саддукеи не могли не сталкиваться съ иноземными элементами и поэтому были въ значительной мѣрѣ заражены эллинизмокъ; тѣмъ не менѣе они стояли на стражѣ Моисеева закона, считая себя его охранителями, и дѣлали они это отчасти потому, что вѣдь за этотъ законъ они подъ знаменами Хасмонеевъ проливали свою кровь на полѣ брани, но отчасти также и потому, что этотъ законъ былъ для нихъ, какъ ааронидовъ, источникомъ вліянія и богатства.

Они говорили: Божественный законъ не измѣняемъ и чловѣческій умъ не можетъ ничего къ нему прибавить и ничего отъ него убавить; Тора есть государственная конституція Іудеи, и всякое нарушеніе ея предписаній должно быть наказано, какъ преступленіе противъ государства. Если нѣкоторые законы находятся въ противорѣчій съ жизнью, то это лишь благодаря тѣмъ наслоеніямъ, которые они получили въ религиозной практикѣ народа; а потому необходимо очистить законъ отъ всѣхъ этихъ наслоеній и отъ всѣхъ «оградъ», воздвигнутыхъ вокругъ него Мужами Великой Синагоги и хасидеями.

Саддукеи были такимъ образомъ въ одно и то же время и охранителями и реформаторами. Но, отрицая за закономъ способность къ дальнѣйшему развитію, они своимъ реформамъ

придали характеръ регресса. Несмотря на кажущіяся облегченія закона, которая представляла саддукейская доктрина, масса не довѣряла саддукеямъ и не пошла за ними. Она не довѣряла ихъ искренности, видя, какъ часто эти официальные представители закона, строго наказывающіе другихъ за малѣйшее его нарушеніе, сами позволяютъ себѣ нарушать его не только тайно, но и явно, прикрывая свои согрѣшенія властью и влияніемъ, которые были въ ихъ рукахъ. Но масса не пошла за саддукеями также и потому, что *жить по библейской буквѣ представляется иногда совершенно невозможнымъ.*

В) Люди съ чуткой совѣстью и идеальными стремленіями изъ среды прежней партіи хасидеевъ—образовали секту ессеевъ. Цѣль жизни заключалась для нихъ въ личномъ нравственномъ усовершенствованіи въ духѣ великихъ пророковъ и посредствомъ строгаго соблюденія Моисеевыхъ законовъ. Эти послѣдніе были для нихъ не государственныя постановленія, долженствующія обезпечить земное благополучіе народа, а символическіе обряды, ведущіе къ загробному блаженству личности.

Они также говорили: Божественный законъ не измѣняемъ; но такъ какъ условія жизни въ Іудеѣ перестали отвѣчать этому закону, то надо уйти отъ этой жизни. И они дѣйствительно уходили въ пустыню или въ деревню, гдѣ ничто не мѣшало имъ доводить, напр., соблюденіе ритуальной чистоты до крайней щепетильности. Весь ихъ образъ жизни: ихъ частыя омовенія, ихъ строгая изоляція отъ всѣхъ непринужденныхъ къ ихъ ордену, и даже безбрачіе, котораго многіе изъ нихъ придерживались—находить свое объясненіе въ чрезмѣрно строгомъ отношеніи къ законамъ ритуальной чистоты¹. Равнодушіе же ихъ къ культу жертвоприношеній объясняется болѣе чѣмъ равнодушнымъ отношеніемъ къ нему пророковъ, идеалы которыхъ они стремились воплощать въ жизни. Остальныя, крайне своеобразныя черты этого ордена развились уже впоследствии, отчасти изъ чисто еврейскихъ элементовъ, отчасти

¹ Schürer II, s. 485 и дальше. Мы не согласны съ Ширеромъ только въ томъ, что онъ видитъ въ этомъ чисто фарисейскую черту. Вѣрнѣе будетъ видѣть въ этомъ—чисто библейскую черту. Фарисей, какъ увидимъ ниже, представляли въ этомъ отношеніи значительныя облегченія.

же изъ тѣхъ иноземныхъ зародышей, которые еще раньше восприняты были еврействомъ.

Добровольное удаленіе отдѣльныхъ личностей изъ круговорота общественной жизни не есть, конечно, разрѣшеніе вопроса о согласованіи закона съ жизнью. Весь народъ не можетъ стать ессеями, весь народъ не можетъ уходить въ пустыню.

С) Третью секту образовали *фарисеи*, которыхъ Флавій Иосифъ характеризуетъ вездѣ, какъ лучшихъ толкователей закона ¹, и въ этомъ отношеніи они являются прямыми продолжателями дѣла Мужей Великой Синагоги. Это въ сущности не была секта, а самъ народъ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Это были люди, вышедшіе изъ глубины народной массы и поднявшіеся на ея поверхность только благодаря своему умственному развитію. Лозунгомъ фарисеевъ

¹ Bel. Jud. I, 5, 2; *ibid.* II, 8, 14. Очень много писали о происхожденіи названія послѣднихъ двухъ сектъ „фарисеевъ и ессеевъ“, но удовлетворительной этимологіи этихъ двухъ словъ до сихъ поръ нѣтъ. Въ виду отиѣченной уже Флавиемъ отличительной черты фарисеевъ—толковать законъ, проще всего было бы производить слово „фарисей“ отъ глагола *פירשׁ*—объяснять, толковать, но такая этимологія не соответствуетъ грамматической формѣ еврейскаго названія этой секты. Слово *פירשׁ*—отдѣлившіеся, обособившіеся—толкуютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, что фарисеи, съ особенной строгостью соблюдавшіе ритуальную чистоту, чуждались другихъ классовъ народа и „обособились“ отъ нихъ. Но это обособленіе меньше всего характеризуютъ фарисеевъ. Какъ докажемъ впоследствии, саддукеи, большинство которыхъ были аарониды, по крайней мѣрѣ теоретически, гораздо больше обособились отъ народа, чѣмъ фарисеи, допустившіе въ соблюденіи ритуальной чистоты значительныя облегченія. Въ гораздо большей степени названіе „обособленныхъ“ подходило бы къ ессеямъ, которые довели строгость въ соблюденіи ритуальной чистоты до того, что каждый изъ нихъ готовъ былъ въ буквальный смыслѣ слова умереть съ голоду, чѣмъ дотронуться до пищи, приготовленной человѣкомъ, не принадлежащимъ къ ихъ ордену. Флавій о нихъ рассказываетъ: „Кто уличается въ тяжкомъ преступленіи, того исключаютъ изъ ордена; но исключенный часто погибаетъ самымъ несчастнымъ образомъ. Связанный присягой и привычкой, такой человѣкъ не можетъ принять пищу отъ не-собрата. Онъ вынужденъ, повтому, питаться одною зеленью, истощается, такимъ образомъ, и умираетъ отъ голода. Вслѣдствіе этого они часто принимали обратно такихъ, которые лежали уже при послѣднемъ издыханіи“ (В. J. II, 8, 8). До такого ригоризма фарисеи никогда не доходили. Ихъ правило гласитъ: вѣтъ запрета, который можетъ быть противопоставленъ спасенію человѣческой жизни. (Khe-tuboth 19.a).

было: законъ для народа, но не народъ для закона ¹. Любовь къ народу и уваженіе къ его традиціямъ сдѣлали въ нихъ глазахъ стародавніе народные обычаи равнозначущими закону, и въ случаяхъ давленія извнѣ индивидуальная жизнь приносится въ жертву не только ради соблюденія закона, но и ради соблюденія народнаго обычая ², такъ какъ нарушеніе того и другого одинаково грозитъ опасностью существованію самого народа. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ — жизнь относится къ закону, какъ цѣль къ средству.

«Божественный законъ не измѣняемъ» — это правда, говорили фарисеи: но надо понимать этотъ законъ, надо знать, какъ примѣнять его къ тѣмъ или другимъ условіямъ, чтобы воплощеніе его въ жизни не противорѣчило его духу, его принципамъ, его первоначальнымъ цѣлямъ; словомъ — надо толковать законъ. Сама Тора даетъ народнымъ учителямъ право на это толкованіе: «По постановленію, которое они преподадутъ тебѣ и по опредѣленію, какое они скажутъ тебѣ, — поступаи, не уклоняйся отъ того, что они скажутъ тебѣ ни вправо, ни влево» ³.

И они воспользовались этимъ правомъ, для блага народа, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, жертвуя нерѣдко внѣшней редакціей закона ради его внутренняго содержанія, ради великой цѣли законодательства. А цѣль эта, какъ она вполне отчетливо формулирована самимъ законодателемъ, состояла въ сохраненіи и этическомъ усовершенствованіи единственнаго тогда народа, исповѣдывавшаго единобожіе и любовь къ ближнему.

Указанное, хотя пока и недоказанное еще нами, принципиальное различіе въ отношеніяхъ каждой изъ трехъ сектъ къ Моисееву закону было присуще имъ съ самаго начала ихъ возникновенія и вплоть до потери евреями политической самостоятельности, когда саддукейская партія потеряла всякую почву подъ ногами, а остатки ессеевъ слились съ фарисеями,

¹ Mechilta khi-tissa I.

² Sanhedr. 74, a.

³ Deuthrn. XVII, 11. Siphri къ этому мѣсту прибавляетъ: „хотя бы они показали тебѣ въ глазахъ на правую руку, говоря, что она лѣвая, и на лѣвую — что она правая, — слушайся ихъ“.

и когда сами фарисеи, по понятнымъ причинамъ, перестали быть носителями принципа прогрессивнаго развитія. Но указанное различіе не объясняетъ еще намъ причину ожесточенной борьбы между фарисеями и саддукеями и еще меньше объясняетъ оно упорную оппозицію фарисеевъ первосвященникамъ Хасмонеевой династіи даже въ то время, когда послѣдніе въ своей внутренней политикѣ слѣдовали ихъ ученію. Притомъ въ народѣ, гдѣ разные классы съ неодинаковой строгостью исполняли одни и тѣ же законы, въ народѣ, гдѣ человѣкъ, добросовѣстно соблюдающій ритуальную чистоту, не обижался, повидимому, тѣмъ, что другой, еще строже его соблюдающій чистоту, относится къ нему, какъ къ язычнику, въ такомъ народѣ, казалось бы, не должно было быть мѣста раздорамъ изъ за того или другого толкованія закона. Тутъ, стало быть, были еще какія нибудь другія причины, кромѣ религіозныхъ, которыя поддерживали постоянное раздраженіе фарисеевъ противъ Хасмонеевъ и окружавшихъ ихъ саддукеевъ, причины, безъ пониманія которыхъ взаимная противоположность этихъ сектъ останется недостаточно выясненной.

О первомъ столкновеніи фарисеевъ съ Хасмонееми Флавій Иосифъ и Талмудъ разсказываютъ приблизительно слѣдующее. Вернувшись послѣ побѣдоносныхъ войнъ въ Іерусалимъ, Гирканъ пригласилъ къ себѣ на пиръ выдающихся фарисеевъ, о которыхъ одинъ изъ саддукеевъ сообщилъ ему, что они *настроены противъ него*, и оказавъ имъ большія почести, старался вызвать ихъ на откровенность. Указавъ на свое сильное стараніе во всемъ угодить Богу и во всемъ слѣдовать ученію фарисеевъ, Гирканъ просилъ ихъ прямо высказать ему, если они въ его образѣ дѣйствія находятъ что либо несогласное съ закономъ. Всѣ разсыпались въ восторженныхъ похвалахъ ему, воздавъ должное его добродѣтельной жизни. Но былъ между ними одинъ злой и задорный человѣкъ.—«Государь, скажи оны: ты пожелаешь услышать правду, такъ знай же: если ты действительно хочешь быть праведнымъ, то *откажись отъ діадемы первосвященника и удовольствуйся княжеской короной*». На вопросъ Іоанна Гиркана—почему именно, задорный фарисей сослался на ходившую въ народѣ молву, по которой мать первосвященника, еще во время антиохскихъ гоненій, находилась,

будто бы, одно время въ плѣну у сирійцевъ, и что, слѣдовательно, легальность его рожденія находится подъ сомнѣнiемъ. Молва эта, какъ оказалось, не имѣла на малѣйшаго основанiя. Возмущенный первосвященникъ тутъ-же предалъ оскорбителя суду его же товарищей—фарисеевъ. Тѣ присудили его къ ударамъ плетью и къ заточенiю. «За простое оскорбленiе, говоритъ Флавiй, они не нашли возможнымъ присудить его къ смертной казни, тѣмъ болѣе, что *фарисеи вообще были милосердечны при назначенiи наказанiй*». Саддукеи не упустили, конечно, благоприятнаго случая и воспользовались этимъ снисходительнымъ приговоромъ, какъ доказательствомъ, что оскорбленiе нанесено было князю-первосвященнику съ вѣдома и согласiя всѣхъ фарисеевъ, и довели дѣло до полного разрыва между Гирканомъ и его прежними совѣтниками—фарисеями ¹.

Въ этомъ разсказѣ, какъ намъ кажется, лежитъ ключъ къ пониманiю равнодушнаго отношенiя прежнихъ хасидеевъ къ Хасмонеевой династiи и враждебнаго къ ней отношенiя со стороны ихъ преемниковъ, фарисеевъ. Первоначальная причина разногласiя между фарисеями и саддукеями была чисто политическая, хотя не безъ религiозной подкладки: разногласiя же въ вопросахъ религiозной практики и метафизики обнаружались лишь впоследствии и развились, конечно, не сразу, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ каждая изъ этихъ двухъ партiй стала примѣнять свои общiе принципы къ тому или другому частному вопросу.

Врядъ ли, конечно, фарисеи солидарны были со своимъ задорнымъ собратомъ, который такъ грубо и такъ безтактно бросилъ въ лицо первосвященнику грязную шлетню о его происхожденiи, шлетню, пущенную къмъ то изъ его враговъ въ народъ, вѣроятно, съ цѣлью дискредитировать въ его глазахъ Хасмонееву династiю. Но нѣтъ сомнѣнiя, что слова: «откажись отъ діадемы первосвященника и удовольствуйся короной княжеской» были провозглашенiемъ вслухъ того, что было у всѣхъ фарисеевъ на душѣ. По воззрѣнiю фарисеевъ, діадема и ко-

¹ Flavius Iosephus Antt. XIII, 10,5, Talmud Kiduschin, 66,a. Въ разсказѣ Талмуда имя Иоанна замѣнено именемъ Іанная, которое у талмудистовъ стало нарицательнымъ именемъ для всѣхъ первосвященниковъ изъ дома Хасмонеевъ, какъ это давно доказано Dernburg'омъ (op. et edit. cit. 39).

рона не могут и не должны умѣщаться на одной головѣ. Соединеніе духовной и свѣтской власти въ одномъ лицѣ было несогласно съ Моисеевымъ закономъ, противорѣчило всѣмъ историческимъ традиціямъ еврейскаго народа и шло въ разрѣзъ, какъ съ сложившимися этическими воззрѣніями, такъ и съ насущными народными интересами.

1) Моисеевъ законъ строго запрещаетъ всякому аарониду подвергаться какой либо трупной инфекціи; онъ можетъ участвовать въ похоронахъ лишь самыхъ близкихъ родственниковъ по крови: родителей, дѣтей, братьевъ и незамужнихъ сестеръ¹. Первосвященнику даже и это запрещается². Между тѣмъ въ древности княжеская или царская корона была неразрывно связана съ обязанностями полководца; таковыми и были всѣ Хасмонеи. Могъ ли полководецъ избѣгать трупной инфекціи, особенно при тѣхъ способахъ веденія войны, какіе существовали въ древности, когда личное мужество военачальника замѣняло собою стратегическое искусство?³ Правда, по Моисееву закону священникъ сопровождаетъ войско въ походъ, но это лишь въ качествѣ духовнаго лица, чтобы ободрять своими рѣчами воиновъ еще до начала сраженія, но не для того, чтобы принимать активное въ немъ участіе⁴. Если случайная инфекція и не лишаетъ ааронида право на храмовое богослуженіе, то этого нельзя сказать о военной профессіи вообще, сопряженной съ непрерывнымъ нарушеніемъ закона.

2) Въ исторіи евреевъ до Макавеевъ нѣтъ примѣра соединенія духовной и свѣтской власти въ одномъ лицѣ. Рядомъ съ Моисеемъ, какъ съ народнымъ предводителемъ, стоитъ Ааронъ; рядомъ съ Иисусомъ Навиномъ стоитъ Элеазаръ. Судьи почти всѣ были не изъ дома Аарона. Еще рѣзче раздѣлились обѣ функціи съ водвореніемъ царской власти въ Израилѣ. Когда царь Овія, гордый своими побѣдами надъ вра-

¹ Lev. XXI, 1—3.

² Ibid. 10—12.

³ Саддукеи-аарониды, участвовавшіе въ сраженіяхъ, успокаивали, вѣроятно, свою религіозную совѣсть тѣмъ, что, убивая врага, они избѣгали непосредственно прикасаться къ трупу. Именно съ цѣлью предупредить подобный обходъ закона хасидеи, какъ мы видѣли выше (глава XIX), учили, что „мечъ инфицируетъ одинаково, какъ трупу“ (לחב מלך מלך מלך).

⁴ Deuter. XX, 1—9.

гами Іудей, вздумалъ было самъ воскурить еиміамъ въ храмѣ, то аарониды воспротивились ему, сказавъ: не тебѣ, Озія, кадить Господу; выйди изъ святилища, ибо ты согрѣшилъ,—и Озія былъ за то наказанъ Господомъ проказой до дня его смерти ¹. Во главѣ вернувшихся изъ вавилонскаго плѣненія мы опять видимъ дуумвиратъ: представителя свѣтской власти Зоровавеля и представителя духовной власти первосвященника Іошуа. И только когда мечты народа о политической самостоятельности окончательно разсѣялись, и евреи стали смотрѣть на себя, какъ на религіозную лишь общину, имъ поневолѣ пришлось удовольствоваться однимъ первосвященникомъ, какъ единственнымъ официальнымъ представителемъ сначала предъ персидскими, а потомъ предъ сирійскими царями. Теперь Іудея стала опять независимой,—не должна ли она вернуться къ своимъ традиціоннымъ порядкамъ?

3) Впродолженіе четырехъ столѣтій (588—167 до Р. X) еврейскій народъ не вель никакихъ войнъ. Военныя добродѣтели давно потеряли въ его глазахъ свое значеніе, уступивъ мѣсто добродѣтелямъ семейнымъ и религіознымъ. За отсутствіемъ военной славы народъ могъ съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія сказать себѣ, что онъ, по крайней мѣрѣ лично для себя, осуществилъ уже великій идеалъ своихъ пророковъ: «и перекуютъ народы мечи свои на сошники и копыя свои на серпы» ² и выжидать только благоприятнаго момента, чтобы выступить съ этой проповѣдью передъ другими народами. И вдругъ единственное его достояніе—его религія очутилась въ опасности. Народъ превозмогъ свое отвращеніе къ мечу и крови и ринулся въ битву. Онъ сражался храбро и самоотверженно, какъ можно сражаться только за идею; но онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду глубокой пропасти, лежащей между полемъ брани и храмомъ, между мечомъ и кадилъницей. Уже Моисеевъ законъ, запрещающій употреблять желѣзное орудіе при воздвиженіи алтаря, говорить: «ибо твой мечъ ты поднялъ надъ нимъ и ты осквернилъ его» ³. А когда царь Давидъ вознимѣлъ желаніе воздвигнуть храмъ, то Господь, устами пророка, сказалъ

¹ II Chronicarum XXVI, 16—20.

² Iesaja II, 4; XI, 1—11, LXV, 26, Micha IV, 3.

³ Exod. XX, 22.

ему: «не тебѣ строить домъ имени Моему, ибо ты мужъ воинственный и кровь проливалъ ты»¹. Тѣмъ меньше могъ при такихъ понятіяхъ человѣкъ, руки котораго обогрѣны были человѣческой кровью, молитвенно возносить эти руки въ храмъ къ Богу. Въ книгахъ Маккавеевъ сохранились тексты посланій еврейскихъ старѣйшинъ къ разнымъ народамъ: къ римлянамъ, къ спартанцамъ и проч. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ евреи между прочимъ завѣряютъ, что при богослуженіи въ храмѣ они никогда не забываютъ молиться за благополучіе и преуспѣваніе другихъ народовъ². Не слѣдуетъ принимать эти слова за дипломатическую только вѣжливость. Филонъ Александрійскій свидѣтельствуетъ, что въ день Всепрощенія первосвященникъ, вступая въ Святую Святыхъ, молился тамъ не только за благоденствіе еврейскаго народа, но за благоденствіе всего человѣческаго рода. По Талмуду, т. е. по ученію фарисеевъ, въ праздникъ Кущей приносили въ жертву 70 быковъ, по числу народовъ земли, за благоденствіе которыхъ при этомъ молились³. Не кощунственная ли это будетъ молитва? Тѣ самыя руки, которыя вчера проливали кровь этихъ народовъ земли, сегодня совершаютъ жертвоприношеніе за ихъ благоденствіе. Можетъ ли быть болѣе вопіющее противорѣчіе?

4) Но соединеніе духовной и свѣтской власти въ однѣхъ рукахъ представляло также и нѣкоторую опасность въ виду возможности для одной власти злоупотреблять другой во вредъ народу⁴. Но это еще не все. Мы уже указали на то, что съ воцареніемъ Хасмонеевъ Тора опять стала государственной конституціей, въ силу которой нарушеніе чисто религіозныхъ предписаній нерѣдко влечетъ за собою даже смертную казнь. Мы видѣли выше, что такой порядокъ вещей не отвѣчалъ больше взглядамъ хасидеевъ. При отдѣленіи же духовной власти отъ свѣтской и изыятіи изъ вѣдѣнія послѣдней судебныхъ дѣлъ по религіознымъ преступленіямъ представлялось гораздо больше простору судьямъ для смягченія суровости законовъ. Последнее дѣйствительно имѣло мѣсто каждый разъ, когда судебная

¹ I Chronicar. XXVIII—3.

² I Makk. XII, 12;

³ Succa 55, b.

⁴ Dernburg op. et edit. cit. p. 40.

власть находилась въ рукахъ фарисеевъ, т. е. именно тогда, когда власти духовная и свѣтская были раздѣлены. Флавиємъ Иосифомъ отмѣченъ фактъ, что фарисеи были гораздо снисходительнѣе въ своихъ судебныхъ приговорахъ, чѣмъ саддукеи, которые во всемъ придерживались буквы закона. Въ известномъ «календарѣ памятныхъ дней» (Megilath-taanith) отмѣченъ, между прочимъ, особенный праздникъ (14 Тамузъ) въ память отмѣны саддукейскаго «уложенія о наказаніяхъ» (מגילת תעב). Ниже увидимъ, что облегченія, доставленныя въ этомъ отношеніи фарисейской школой, были гораздо обширнѣе, чѣмъ привыкли до сихъ поръ думать. Безграничное довѣріе, которымъ пользовались фарисеи въ глазахъ народа ¹, объясняется не только ихъ искренностью, что они дѣлали сами то, чему учили другихъ, но также и тѣмъ, что жить по ученію фарисеевъ было гораздо легче, чѣмъ жить по ученію саддукеевъ. Последніе опрокинули стѣснительныя «ограды вокругъ закона», но наложили на народъ невыносимо тяжкія оковы. Все это будетъ нами доказано впоследствии.

Первосвященники смутнаго времени: Язонъ, Мэнелай, Лисимахъ и даже Алкимъ, своей безнравственной жизнью, своею открытой измѣной закону и народу, не могли, конечно, не профанировать и самый санъ первосвященника въ глазахъ хасидеевъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, т. е. будущіе ессеи, пошли еще дальше и, вспомнивъ постоянные протесты пророковъ противъ культа жертвоприношеній вообще, стали мечтать о замѣнѣ его другими формами богослуженія. Другіе же, — будущіе фарисеи, изъ чувства пѣтизма къ древнему учрежденію, считали возможнымъ спасти его отъ окончательной профанациі устраненіемъ представителей этого культа отъ свѣтской власти и вообще отъ всякихъ мірскихъ соблазновъ. Можетъ быть, что въ душѣ и фарисеи мало сочувствовали культу кровавыхъ жертвоприношеній, но считали необходимымъ сохраненіе его въ виду религиозныхъ возрѣвій, господствовавшихъ тогда въ народѣ. На эту мысль наводитъ отчасти та радостная торжественность, которую придавали фарисеи обряду водолитія въ праздникъ Кущей (מגילת סוכות), хотя о немъ въ Моисее-

¹ Antt. XIII, 10,6 и XVIII, 1,3.

вомъ законѣ нѣтъ и помину ¹. Этотъ древній обрядъ безкровнаго жертвоприношенія, введенный впервые пророкомъ Самуиломъ, ² пользовался особенной симпатіей фарисеевъ, м. б. именно потому, что онъ безкровный; но за то тѣмъ враждебнѣе относились къ нему саддукеи.

Послѣ геройской смерти Іуды Маккаби и позорной смерти Алкима, мѣсто первосвященника въ продолженіе 7 лѣтъ оставалось вакантнымъ. Легальный наслѣдникъ этого сана, Оній IV, функционировалъ въ своемъ храмѣ въ Египтѣ и этимъ самымъ какъ бы отрекся отъ своихъ правъ въ Іерусалимѣ. Фактически ховяиномъ въ странѣ былъ тогда Іонатанъ, но хасидеи почему то не торопились избраніемъ его въ первосвященника, хотя въ виду его военныхъ заслугъ предъ народомъ онъ имѣлъ на это всѣ права ³. Но именно потому, что свѣтская власть

¹ Mishna Succa IV, 6 и V, 1—5. Tosephta Succa IV. 1—14. Обрядъ сопровождался торжественными процессіями и имѣлъ народный, увеселительный характеръ. Всегда серьезныя, чуть ли не суровыя фарисеи передавались при этомъ самому необузданному веселію.

Приведенная мысль о значеніи этого обряда, какъ попытка къ замѣнѣ въ будущемъ кровавыя жертвоприношенія безкровными, была высказана авторомъ еще 2 года тому назадъ въ кругу близкихъ друзей, и онъ былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ эту самую мысль въ интересной во многихъ отношеніяхъ книгѣ И. Закка (Die Altjüdische Religion, s. 246 и f.), напечатанной еще въ 1889 году, но лишь недавно доставленной автору. Если двое независимо другъ отъ друга приходятъ къ одному заключенію, — стало быть, оно правдоподобно.

² I Samuel. VII, 5—9. Изъ текстовъ видно, что пророкъ сначала хотѣлъ удовольствоваться однимъ водолитіемъ и, только уступая требованію народа, рѣшился на кровавое жертвоприношеніе. Сравни J. Sack „Die Religion Altisraels“ s. 72 Anm. I. Замѣтимъ, что *водяное* жертвоприношеніе совершилъ однажды и царь Давидъ. II Samuel. XXIII, 16.

³ J. Sack (Die altjüdische Religion ss. 220—223 и ss. 249—250) думаетъ, что хасидеи потому воздержались отъ избранія сначала Іуды Маккаби, а потомъ Іонатана въ первосвященники, что хотѣли пручить народъ къ мысли, что можно вообще обойтись безъ такового. Съ этимъ мнѣніемъ J. Sack'a можно согласиться только отчасти. Несомнѣнно, что подобныя радикалы были между хасидеями, но значительное ихъ большинство вовсе не думало отнѣять ни санъ первосвященника, ни жертвоприношенія вообще. Доказательствомъ тому служитъ то, что когда Алкимъ, еще при жизни Іуды, пришелъ въѣсть съ Вахидомъ, хасидеи вышли ему на встрѣчу съ подобающими почестями. Язонъ и Менелай не успѣли еще окончательно уничтожить вѣру въ святость сыновей Аарона. Что же касается Іуды Маккаби, то врядъ ли

была въ его рукахъ, именно потому, что онъ храбро сражался за народъ, онъ не могъ быть избранъ въ первосвященники. Притомъ на его знамени было написано независимость, а хасидеи предпочитали мирное вассальное положеніе вооруженной независимости, благо самое важное, за что до сихъ поръ сражались — свобода вѣроисповѣданія, никѣмъ больше не оспаривалась.

Но вотъ въ праздникъ кущей 152 г. Ионатанъ является въ храмъ, облаченный въ княжескую порфиру и съ діадемой первосвященника на головѣ. И ту, и другую онъ получилъ изъ рукъ Александра Балласа въ качествѣ вассала послѣдняго. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Врядъ ли, однакожь, раздѣляли этотъ восторгъ крайніе хасидеи. Видя крушеніе своихъ надеждъ на устройство богослуженія по ихъ идеалу, они удалились отъ политической жизни, образовавъ секту ессеевъ. Остальные хасидеи, которые отнынѣ стали называться фарисеями, рассчитывая, вѣроятно, на то, что, какъ вассалу, Ионатану не придется больше воевать, продолжали въ качествѣ судей и толкователей закона проводить свои принципы въ жизнь.

Вотъ почему Флавій относитъ возникновеніе трехъ сектъ ко времени Ионатана.

Дальнѣйшіе дипломатическіе и военные успѣхи Ионатана, Симона и Иоанна Гиркана показали фарисеямъ, что они ошиблись въ расчетѣ. Безпрерывныя войны, веденныя сначала во имя религіи, а потомъ во имя національной независимости, приняли подъ конецъ завоевательный, слѣдовательно, чисто языческой характеръ. Первосвященникъ преобразился въ настоящаго свѣтскаго князя. Первосвященническая діадема съ издревле присущимъ ей въ глазахъ народа ореоломъ святости стала служить только наряднымъ украшеніемъ, какъ бы дополненіемъ къ пурпурной мантии. И фарисеи глухо роптали въ ожиданіи момента, когда вліяніе ихъ на народъ соврѣтъ на столько

этотъ герой самъ когда либо мечталъ о первосвященствѣ. Этотъ человѣкъ, повидимому, не зналъ другой страсти и другого честолюбія — кромѣ славъ защитника народа и закона. Онъ и женился лишь не за долго до своей смерти, когда Алкимъ былъ уже первосвященникомъ, стало быть, онъ никогда не мечталъ объ основаніи собственной династіи.

чтобы силою добиться раздѣленія властей. Они роптали, не смотря на то, что въ вопросахъ внутренней политики всѣ Хасмоны, не исключая и Иоанна Гиркана, слѣдовали ихъ учению.

Что въ вопросахъ религіозныхъ Иоаннъ Гирканъ, дѣйствительно, былъ послушнымъ ученикомъ фарисеевъ (какъ о томъ свидѣтельствуютъ, впрочемъ, и Талмудъ и Флавій), видно изъ того, что въ числѣ разныхъ постановленій, приписываемыхъ традиціей первосвященнику Иоанну, упоминается объ *отмѣнѣ* имъ такъ называемой «десятинной исповѣди» *משו לטו*, какъ несоответствующей больше установившемуся порядку вещей ¹⁾. Послѣ-

¹ *Mischna Maasser-Scheni V. и Sota IX.* Виблейскій законъ, кромѣ „Terumah“ (возношеніе), составлявшей около 2 проц. всѣхъ продуктовъ земли въ пользу ааронидовъ, установилъ еще слѣдующіе три религіозныхъ налога на земледѣльцевъ. 1) *Первая десятина* (Maasser gischon) — т. е. 10 проц. всѣхъ продуктовъ въ пользу левитовъ (Numeri XVIII, 21—24), эти послѣдніе въ свою очередь отдають $\frac{1}{10}$ часть своихъ сборовъ въ пользу ааронидовъ — Terumah-maasser (Ibid. 25—32). 2) *Вторая десятина* (Maasser-scheni) остается въ пользу владѣльца, но стоимость ея онъ долженъ былъ употреблять на праздничныя пиршества въ Иерусалимѣ въ кругу бѣдныхъ и обездоленныхъ (Deuteron. XIV, 22—27). 3) *Бѣдная десятина* (Maasser oni) шла исключительно въ пользу бѣдныхъ (Ibid. 28—29). Каждое трехлѣтіе составляло десятинный циклъ. Въ первые два года давали обыкновенно *первую* и *вторую* десятины, а въ третій годъ — *первую* и *третью*. По окончаніи каждаго трехлѣтія земледѣлецъ обязанъ былъ очистить всѣ свои продукты отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ религіозныхъ повинностей и, раздавъ ихъ по принадлежности, произносить установленную для этого случая молитву, которая и называется „десятинной исповѣдью“ (Deuteron. XXVI—12). На практикѣ, однакожъ, первая десятина вмѣсто того, чтобы быть роздана, согласно закону, левитамъ, отбиралась ааронидами, на томъ десѣтъ основаніи, что аарониды вѣдь тоже левиты. Вавилонскій талмудъ (Sota 48,а) объясняетъ это явное нарушеніе закона тѣмъ, что будто-бы Еадра еще оштрафовалъ левитовъ за то, что они въ недостаточномъ числѣ вернулись съ народомъ изъ вавилонскаго плѣненія. Иерусалимскій же Талмудъ (Maasser scheni V. 15) откровенно повсвятиетъ, что это былъ просто грабежъ со стороны ааронидовъ и что мудрецы (т. е. фарисеи) неодобрительно отзывались о Иоаннѣ Гирканѣ за то, что онъ потворствовалъ этому грабежу. И дѣйствительно, фарисейская галаха учила, что *первая десятина* должна быть дана левитамъ (Maasser-scheni V. Сравни Маймонидъ Hilchat Maasser I, 4 и коммент. Kessef-mischna), а не ааронидамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ галаха придумала цѣлый рядъ фикцій, посредствомъ которыхъ представляется возможность освободиться отъ всякихъ десятинныхъ повинностей. Но объ этомъ въ другой разъ.

Что касается отмѣны „десятинной исповѣди“, то, по мнѣнію Талмуда (Sota 48,а) причиною этому было то, что въ исповѣди этой между прочимъ сказано:

дователь саддукеевъ врядъ-ли рѣшился бы *отмѣнить* прямое предписаніе библейскаго закона. При томъ и всѣ другія постановленія Іоанна Гиркана, приведенныя рядомъ съ сейчасъ упомянутымъ, приняты Мишной къ руководству, какъ галахи, согласныя съ духомъ фарисеевъ; слѣдовательно, они были установлены съ одобренія послѣднихъ.

Изъ разсказа Флавія о разрывѣ между Іоанномъ Гирканомъ и фарисеями видно, что онъ и раньше еще подозрѣвалъ, что «они имѣютъ что-то на сердцѣ противъ него» (выраженіе Талмуда); иначе онъ не сталъ бы требовать отъ нихъ, чтобы они сказали ему, что предосудительнаго находятъ они въ его дѣйствіяхъ. Неужели все неудовольствіе ихъ основывалось на одной только грязной сплетнѣ о его происхожденіи, притомъ совершенно неосновательной? И неужели между всѣми фарисеями не нашелся ни одинъ, который счумѣлъ бы разсвѣять недоразумѣніе и не дать Іоанну Гиркану броситься въ объятія саддукеевъ? Но въ томъ-то и дѣло, что сами фарисеи не могли или не хотѣли отрицать, что они вполне солидарны со своимъ задорнымъ собратомъ, объявившимъ, что *«Іоанну слѣдуетъ удовольствоваться княжеской короной и предоставить первосвященническую діядему другому аарониду»*.

Несомнѣнно умный Іоаннъ Гирканъ отлично зналъ это, и видя возрастающее вліяніе фарисеевъ на народъ, самъ рѣшился, наконецъ, на раздѣленіе властей, завѣщая княжескую власть своей женѣ, а первосвященство своему сыну Аристу-булу. Но саддукейская политика Іоанна Гиркана успѣла уже

„я поступилъ во всемъ такъ, какъ Ты заповѣдалъ мнѣ“, между тѣмъ, какъ *первая десятина* отдавалась не тѣмъ, которымъ Богъ заповѣдалъ, въ виду оштрафованія левитовъ Эздрю. Но это объясненіе оставляетъ все таки нѣкоторыя сомнѣнія. Во первыхъ, какъ могъ Эзра отмѣнить Моисеевъ законъ? А во вторыхъ, какъ читали эту исповѣдь въ продолженіе двухъ столѣтій отъ Эдры до Іоанна Гиркана? Намъ кажется, что для отмѣны десятинной исповѣди у Іоанна Гиркана былъ еще одинъ весьма важный мотивъ. Непосредственно предъ сообщеніемъ объ отмѣнѣ этой исповѣди въ Мишнѣ приводится галаха, по которой прозелиты не должны ея читать, такъ какъ въ ней сказано „благослови землю, которую Ты далъ намъ, какъ Ты клялся предкамъ нашимъ“. Послѣ завоеванія Идумеи и другихъ языческихъ странъ и обращенія ихъ жителей въ иудейство явилась необходимость отмѣнить эту молитву для того, чтобы въ богослуженіи одна часть народа не отличалась отъ другой. И это вполне въ духѣ фарисеевъ.

достаточно подточить патриархальные добродѣтели Хасмонеевъ. Аристобуль былъ уже заурядный азіатскій деспотъ, хотя родился, можетъ быть, съ добрымъ сердцемъ. Заточивъ мать и братьевъ въ тюрьму, онъ возложилъ на себя царскую корону¹, не отказываясь, конечно и отъ первосвященства. Въ сущности былъ онъ только игрушкой въ рукахъ саддукеевъ, интриги которыхъ довели его до убійства матери и любимаго брата.

Пассивная оппозиція фарисеевъ перешла въ открытое возстаніе лишь во время царствованія Александра Іанная. Ближайшимъ поводомъ къ возстанію послужилъ, какъ извѣстно, упомянутый уже нами выше обрядъ «водолитія» въ праздникъ Куцей. Царь первосвященникъ, хотя открытый саддукей, не могъ отказаться отъ исполненія священнаго въ глазахъ народа обряда, но не могъ также искренно къ нему относиться. Въ-сто того, чтобы возлить воду на алтарь, онъ полилъ ее на землю. Возмущенный народъ забросалъ его своими эсрогами (лимонами). Александръ напустилъ на народъ свое наемное языческое войско. 6000 человекъ убито было на мѣстѣ². Это было только начало. За этимъ возстаніемъ послѣдовала многолѣтняя междуусобная война, которая стоила жизни 50000 сторонникамъ фарисеевъ и окончилась полнымъ изгнаніемъ послѣднихъ изъ страны.

Побѣда, конечно, не легко досталась Александру и, желая подъ конецъ своей мятежной жизни примириться съ народомъ, онъ подобно своему отцу рѣшился на раздѣленіе властей. Царскую корону онъ передалъ своей женѣ Александрѣ Саломѣ, а первосвященство своему сыну Гиркану.

Политическій принципъ фарисеевъ восторжествовалъ. Ничто не отчуждало ихъ больше отъ дома Хасмонеевъ. Глава фарисеевъ, умный и энергичный Симонъ бенъ-Шетахъ, былъ родной

¹ Принятіе Аристобулемъ царскаго достоинства считалось у фарисеевъ печальнымъ событіемъ, какъ видно изъ выраженія, которымъ традиція отиѣтила дату этого факта: *למחרת לך לזמן שהיה עליה מלכותו של אריסטובולוס—180 лѣтъ до разрушенія храма, возникла (вторгнулась) царская власть въ Иерусалѣмъ (Sabb. 15,а). Число 180 надо принять, какъ округленную цифру, на самомъ дѣлѣ это было 176 лѣтъ до разрушенія храма. Никакая другая царская власть не „вторгнулась“ около этого времени въ Иудею.*

² Josephus Antt. XIII, 13, 5.

братъ царицы и первый ея совѣтникъ. Девятилѣтнее царствованіе Саломы, отличавшееся внутреннимъ и внѣшнимъ миромъ, было золотымъ вѣкомъ для фарисеевъ и для народа. Въ это время ихъ дѣятельность въ смыслѣ толкованія закона достигла своего полного развитія, хотя высшей своей точки фарисейское направленіе достигло лишь въ лицѣ знаменитаго Гиллея. Къ изложенію фарисейскаго толкованія закона въ сферѣ ритуальной чистоты мы и приступимъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Д-ръ Л. Кацнельсонъ.

* * *

Въ тебѣ, Сіонъ, мечтой крылатой
Лечу въ полночной тишинѣ;
Тебѣ несу я то, что свято
Храню въ душевной глубинѣ.
Тебѣ несу, старикъ угрюмый,
Дары народа твоего, —
Его надежды, грезы, думы
И вѣру твердую его.
Лишь только я передъ тобою
Тайникъ души моей открою, —
Твоя тоска, твоя печаль, —
Повѣрь, — какъ сонъ, умчатся вдаль.
Я знаю, что тебя тревожить,
Знакома мнѣ и скорбь твоя,
Которая вѣками гложетъ
Тебя упорно, какъ змѣя.
Когда то, славой озаренный,
Ты съ высоты взиралъ на міръ, —
Теперь, врагами оскверненный,
Стоишь ты одинокъ и сиръ.
Нѣтъ на призывъ тебѣ отвѣта, —
И съ тишиною гробовой —

Витасть сумракъ безъ просвѣта,
Надъ гордою твоей главой.

* * *

Утѣшься; — близокъ часъ спасенья,
Утѣшься, старый великанъ, —
Господь готовить исцѣленье
Для язвъ твоихъ, для жгучихъ ранъ.

Х. Зингеръ.

О сельскохозяйственномъ образованіи для евреевъ.

Окончаніе ¹.

Всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ случай ознакомиться въ большей или меньшей степени съ бытомъ новороссійскихъ колонистовъ, не безызвѣстна одна, особенно печальная сторона этого быта, на которую нерѣдко жалуются и сами колонисты. Мы подразумеваемъ слабое участіе женъ и дочерей ихъ въ работахъ по хозяйству. Женское населеніе колоній, оказывается, въ гораздо меньшей степени чѣмъ мужское, успѣло приспособиться къ укладу земледѣльческой жизни. Почти во всѣхъ деревенскихъ работахъ, которыя въ нееврейской деревнѣ приходятся на долю женщины, замѣчается по колоніямъ рѣзкое отсутствіе проворности и умѣнія.

Часто бросается въ глаза и полная непричастность колонистокъ къ цѣлой отрасли хозяйства, всецѣло обыкновенно лежащей на женской заботливости. Самый яркій въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ огородничество. Въ деревенскомъ быту хозяйки дома обыкновенно пекутся о томъ, чтобы имѣть собственный запасъ самыхъ необходимыхъ овощей, и потому преимущественно передъ другими членами семьи заботятся объ огородѣ, который и находится, большей частью, подъ ихъ особымъ наблюденіемъ и покровительствомъ. Не то въ еврейскихъ новороссійскихъ колоніяхъ. Огороды составляютъ у колонистовъ такую рѣдкость, что даже картофель и лукъ хозяйки почти всегда покупаютъ у сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ—вмѣсто того, чтобы самимъ ихъ выращивать.

Еврейкамъ-колонисткамъ приходится также ставить въ вину

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

Восходъ, кн. 12.

крайнюю скудость зелени вокругъ домовъ. Палисадники передъ большинствомъ домовъ обязаны своимъ существованіемъ не столько любви къ растительности со стороны колонистовъ и ихъ женъ, сколько постояннымъ стараніямъ колониальнаго начальства, въ лицѣ попечительства, справедливо придающаго большое значеніе обилію въ колоніяхъ зелени. Палисадники имѣли бы безспорно со-всѣмъ иной видъ, еслибы о нихъ заботились женскія руки. Да и вся домашняя обстановка, которая въ общемъ, надо признать, несравненно привлекательнѣе у колонистовъ, чѣмъ у городскихъ евреевъ, находящихся съ ними въ одинаковомъ матеріальномъ положеніи была бы болѣе еще приноровлена къ удобствамъ сельской жизни, удовлетворялась бы въ большей степени продуктами сельскаго производства, менѣе тянулась бы за городскими, мѣщанскими приличіями, еслибы колонистки имѣли больше влеченія къ безыскусственнымъ прелестямъ сельской жизни, чѣмъ къ претенціознымъ привычкамъ городской.

Колонистки, однимъ словомъ, гораздо меньше, чѣмъ колонисты, сжились съ деревнею и недостаточно еще приноровились къ условіямъ своего земледѣльческаго состоянія. «Онѣ все еще боятся—говорилъ намъ одинъ колонистъ—прослыть между евреями-неколонистами грубыми мужичками и стараются поэтому по возможности, ни въ чемъ—и, главное, въ одеждѣ—не походить на крестьянокъ».

Собственно, въ нежеланіи быть похожими на «мужичекъ» нѣтъ еще ничего дурного. Опрощеніе до огрубѣнія вовсе и не нужно ни для кого и ни для чего, а даже, напротивъ, можетъ вызвать лишь сожалѣніе о нѣкоторыхъ хорошихъ, неизбежно утрачиваемыхъ въ такомъ процессѣ огрубѣнія качествахъ. Затѣмъ,—вполнѣ понятно, что у колонистовъ, какъ у женщинъ, сильнѣе консерватизмъ и трудно требовать отъ нихъ отсутствія приверженности къ образу жизни, вынесенному ихъ матерями и бабушками изъ еврейскихъ городскихъ захолустьевъ.

Прочная выработка въ евреяхъ-земледѣльцахъ истинно-земледѣльческихъ наклонностей находится въ тѣсной связи съ развитіемъ въ ихъ матеряхъ и женахъ инстинктовъ сельской домовитости. Какимъ же инымъ путемъ возможно достигнуть подобнаго перевоспитанія, если не путемъ школы и связанныхъ съ нею воспитательныхъ учреждений? Надѣяться на то, что

КОЛОНИСТКИ въ возможно близкомъ времени станутъ вполне себя чувствовать въ своей сферѣ, можно только въ томъ случаѣ, если дѣвочки, посѣщающія вмѣстѣ съ мальчиками колониальныя школы, будутъ, какъ и мальчики, привлекаться къ огороднымъ и садовымъ работамъ, когда онѣ научатся посредствомъ этихъ работъ уходу за полезными и пріятными въ хозяйствѣ растеніями, главное, проникнутся любовью къ этимъ растеніямъ.

Было бы безусловно важно для развитія колоній, еслибы воспитанники и воспитанницы начальныхъ школъ, во время пребывания въ нихъ, получали не только влеченіе къ наивозможно лучшей постановкѣ своего хозяйства, но еслибы они усваивали и основательныя практическія свѣдѣнія по тѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какія могутъ современемъ имѣть значеніе болѣе или менѣе выдающихся подсобныхъ промысловъ въ колоніяхъ. Но такая задача, какъ показываетъ опытъ школьныхъ садовъ, обыкновенно выходитъ уже за предѣлы достигаемыхъ ими результатовъ. Соудѣйствовать введенію совершенно новыхъ культуръ или неизвѣстныхъ способовъ обработки сырыхъ продуктовъ—подобную задачу можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ брать на себя учебный садъ: на первомъ планѣ, садъ имѣетъ въ виду воспитательныя цѣли. Для достиженія болѣе серьезныхъ, чисто-утилитарныхъ результатовъ сельско-хозяйственныя занятія при народной школѣ должны носить болѣе самостоятельный и профессиональный характеръ, требуютъ большаго количества времени, чѣмъ имъ можетъ собственно удѣлять общеобразовательная школа безъ ущерба для остальныхъ своихъ предметовъ: они должны въ такомъ случаѣ быть обставлены болѣе дорогимъ инвентаремъ и болѣе дорогими преподавательскими силами. Эти занятія должны, коротко говоря, представлять собою въ такомъ случаѣ не столько полезныя въ хозяйственно-воспитательномъ смыслѣ упражненія, сколько систематически-профессиональное обученіе въ особомъ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи при начальной же школѣ.

Сельскохозяйственныя отдѣленія болѣею частью устраиваются не сразу, а являются обыкновенно дальнѣйшимъ развитіемъ школьныхъ садовъ тамъ, гдѣ для этого оказываются благоприятныя обстоятельства: достаточныя денежныя средства, особенно преданныя дѣлу учителя и, главное, точно опредѣленныя отрасли, настоятельно требующія особыхъ о себѣ заботъ въ данной мѣст-

ности. Въ зависимости отъ мѣстныхъ особенностей, преимущественно отъ почвы и климата, но также и отъ близости къ городскимъ центрамъ, отъ удобства сообщенія, отъ болѣе или менѣе высокаго уровня потребностей у населенія и т. п., устанавливается та или иная отрасль, культивируемая въ данномъ отдѣленіи.

Для того, чтобы сельскохозяйственное отдѣленіе могло готовить хорошихъ практиковъ (по садоводству, огородничеству, молочному хозяйству, виноградарству, пчеловодству, шелководству и т. п.), оно должно соблюдать одно очень важное условіе. Оно должно стремиться не къ тому, чтобы давать ученикамъ агрономическое образование въ объемѣ всѣхъ основныхъ и подсобныхъ отраслей сельскаго хозяйства, а должно ограничиваться возможно меньшимъ количествомъ ихъ, стараясь давать *non multa, sed multum*.

Сельскохозяйственное отдѣленіе, такимъ образомъ, близко подходит по своей программѣ къ узко-спеціальной сельскохозяйственной школѣ. Отъ послѣдней она можетъ и совсѣмъ не отличаться въ томъ случаѣ, когда для прохожденія курса ученикамъ полагается оставаться при отдѣленіи годъ—другой по окончаніи школы. Разница, впрочемъ, обыкновенно еще въ томъ, что самостоятельное спеціальное заведеніе можетъ располагать болѣе богатыми учебными средствами и лучшими преподавательскими силами; поэтому оно и въ состояніи давать спеціальную подготовку не только для несложныхъ крестьянскихъ или фермерскихъ хозяйствъ, преслѣдующихъ преимущественно удовлетвореніе собственныхъ потребностей, но и для занятія должностей въ хозяйствахъ чисто-промышленныхъ.

По отношенію къ развитію среди русскихъ евреевъ такихъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя оплачиваютъ затрачиваемый трудъ щедрѣе, чѣмъ мало выгодное въ настоящее время хлѣбопашество, — сельскохозяйственные отдѣленія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Спеціально въ новороссійскихъ колоніяхъ они должны бы занять видное мѣсто въ системѣ мѣръ къ распространенію сельскохозяйственныхъ свѣдѣній. Въ видѣ перваго опыта было бы хорошо устроить въ трехъ-четырехъ, изъ всѣхъ 39 колоній, при вновь открытыхъ или преобразованныхъ школахъ (см. выше), на ряду съ учебными садами или даже вмѣсто нихъ, отдѣленія для мальчиковъ и девочекъ, съ обученіемъ

одной или двумъ отраслямъ изъ числа слѣдующихъ: огородничество, плодоводство, виноградарство, полеводство, молочное хозяйство, пчеловодство и шелководство

Настаивать на допущеніи въ каждомъ отдѣленіи только одной—двухъ отраслей мы считаемъ необходимымъ. Лишь при *минимальномъ* количествѣ специальностей и можно, какъ учить опытъ, ожидать твердаго усвоенія предмета. Но едва ли мыслимо достигъ такого результата въ отдѣленіяхъ, которыя бы представляли изъ себя миниатюрныя сельскохозяйственныя школы съ яко бы законченнымъ, но въ то-же время до нельзя суженнымъ курсомъ по всей области сельскаго хозяйства. Инвентарь и обстановка такихъ отдѣленій на дѣлѣ годны развѣ только для демонстраціи ученикамъ работъ, а не для прагматическаго ихъ исполненія.

Разсмотрѣнные три типа сельскохозяйственныхъ школьныхъ учрежденій—низшую сельскохозяйственную школу, учебный садъ и сельскохозяйственное отдѣленіе—приходится точно разграничивать въ отношеніи достигаемыхъ ими результатовъ. При этомъ, конечно, дѣло не въ однихъ лишь названіяхъ. Такъ школьный садъ можетъ иногда, при выдающемся руководителѣ, не только возбудить въ ученикахъ интересъ и любовь къ сельскохозяйственному дѣлу, но можетъ и снабдить ихъ вполне достаточной для мелкихъ хозяйствъ споровкой въ важныхъ по мѣстности отрасляхъ.

Знаніе, того способа школьнаго подготовленія къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, о которомъ у насъ говорилось впереди другихъ, т. е., относительно *центральной сельскохозяйственной школы*, еще пока однако выяснилось не совсѣмъ опредѣленно.

Выше намъ пришлось вопросъ о предполагаемой сельскохозяйственной школѣ поставить ребромъ. Рѣчь шла о томъ, удовлетворятъ ли потребностямъ колоній центральная бобровокутская школа, если она будетъ воспитывать небольшое количество *самостоятельныхъ* колонистовъ и немногимъ большее число такихъ лицъ, которыя станутъ искать соответственныя полученному ими образованію должности? Для того, чтобъ получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы можемъ теперь поставить другой. Возможно ли думать объ удовлетворительной постановкѣ школьныхъ садовъ, какъ и специальныхъ при школахъ отдѣленій, возможно ли надѣяться на благоприят-

ные въ этомъ отношеніи результаты—безъ наличности теоретически и, главное, практически подготовленныхъ къ завѣдванію ими учителей? Очевидно, что нѣтъ. Но гдѣ же — возникаетъ опять новый вопросъ—взять подобныхъ учителей?

Какъ извѣстно, русско-еврейская школа вообще чувствуетъ сильнѣйшій недостатокъ въ специально подготовленныхъ учителяхъ. Достаточно упомянуть о томъ фактѣ, что, кромѣ Виленскаго института, для всего русско-еврейскаго населенія нѣтъ ни одного учебнаго заведенія по типу учительскихъ институтовъ или семинарій. Но если еврейской городской школѣ приходится, какъ это ей ни тяжело, мириться съ педагогами, попавшими на свое не-прище, по большей части, случайно—то еврейской школѣ, являющейся въ виду сельскіе интересы, никакъ уже не обойтись безъ учителей, могущихъ преподавать общіе предметы и въ то же время въ достаточной степени знакомыхъ съ теоріей и практикой отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства. И вотъ—такое учрежденіе, какъ сельскохозяйственная школа, можетъ—какъ это на первый взглядъ ни странно — взять на себя въ данномъ случаѣ задачу учительской семинаріи, поставляя персоналъ сельскихъ учителей, или ведущихъ совершенно самостоятельно небольшія училища, или же завѣдующихъ въ болѣе многочисленныхъ училищахъ, на ряду съ преподаваніемъ нѣкоторыхъ общихъ предметовъ, и хозяйственно-образовательной частью, т. е. практическими занятіями на школьномъ участкѣ, бесѣдами съ учениками по началкамъ естествознанія, экскурсіями и т. под.

Не мѣшаетъ указать, что общеобразовательный курсъ низшей сельскохозяйственной школы немногимъ отличается отъ курса существующихъ въ Россіи учительскихъ семинарій, которыя готовить учителей для народныхъ школъ. По естественнымъ наукамъ сельскохозяйственная школа даетъ даже своимъ воспитанникамъ несравненно больше свѣдѣній и собственно лишь по русскому языку да по методикѣ она отстаетъ отъ программы семинарій. Но и въ этомъ отношеніи не трудно помочь дѣлу. *Дополнительный* къ курсу сельскохозяйственной школы *педагогическій классъ* сможетъ дать тѣмъ ея воспитанникамъ, которые захотятъ подготовиться къ учительской дѣятельности, недостающія имъ знанія для экзамена на званіе сельскихъ учителей. Мысль о подобномъ назначеніи сельскохозяйственной школы—уже не новая. Она при-

надлежить особому совѣщанію спеціалистовъ по низшему сельско-хозяйственному образованію, состоявшемуся въ январѣ 1895 года при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Совѣщаніе это признало ¹, что дополнительный педагогическій классъ, какъ показываетъ имѣющійся уже въ данномъ отношеніи опытъ, можетъ поставить учениковъ сельскохозяйственныхъ школъ не только въ уровень съ семинаристами, но даже и выше ихъ, именно въ качествѣ будущихъ учителей въ школахъ, которыя должны считаться съ потребностями сельскаго населенія.

То же совѣщаніе нашло необходимымъ устройство при сельско-хозяйственныхъ школахъ еще двухъ другихъ дополнительныхъ классовъ для желающихъ: ремесленного и общественно-служебнаго. *Ремесленный классъ* имѣетъ въ виду тѣ ремесла, которыя находятся въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, т. е., главнымъ образомъ, столярное и слесарное—и въ особенности послѣднее, приобретающее для деревни все большее значеніе, въ виду расширяющагося въ ней употребленія усовершенствованныхъ орудій.

Классъ же общественно-служебный долженъ давать ученикамъ сельскохозяйственныхъ школъ подготовку къ сельско-административнымъ должностямъ. Русскія сельско-хозяйственныя школы и сейчасъ выпускаютъ молодыхъ людей, очень подходящихъ къ службѣ въ качествѣ сельскихъ старостъ, волостныхъ писарей и т. под., для которыхъ знакомство съ требованіями рациональнаго земледѣлія является весьма и весьма желательнымъ. Нѣкоторыя же знанія, которыхъ сельско-хозяйственная школа не можетъ дать всѣмъ своимъ ученикамъ, знанія юридическаго характера, дастъ желающимъ спеціальныи классъ.

Благодаря всѣмъ этимъ дополненіямъ, сельскохозяйственная школа, на которую министерство земледѣлія смотритъ очень широко, должна стать учрежденіемъ, способнымъ доставлять деревнѣ необходимыхъ ей просвѣщенныхъ лицъ различныхъ профессій. Министерство называетъ въ упомянутыхъ «Трудахъ» сельско-хозяйственную школу «будущимъ *народнымъ университетомъ* со всѣми тѣми факультетами, въ которыхъ проявляется потребность со стороны народной жизни нашего земледѣльческаго населенія».

Послѣ этого едва-ли можно имѣть что-нибудь противъ откры-

¹ См. Труды совѣщанія по низшему сельскохозяйственному образованію. Изданіе департамента земледѣлія. Спб., 1896 г.

тія въ еврейскихъ колоніяхъ школы, которой суждено преслѣдовать подобныя цѣли. Если школа эта даже и не будетъ снабжена всѣми «факультетами», то тѣмъ не менѣе она, надо надѣяться, будетъ воспитывать контингентъ лицъ, которыя безспорно пригодятся въ колоніяхъ.

Уже одно то, что начальныя школы съ учебными садами и сельскохозяйственными отдѣленіями найдутъ въ воспитанникахъ бобровокутской школы рассадникъ необходимаго имъ персонала учителей и помощниковъ ихъ, можетъ служить полнымъ оправданіемъ ея существованія. А затѣмъ, остальные ея питомцы, которымъ не придется прилагать своего умѣнія и знанія къ образовательнымъ или административнымъ нуждамъ колоній, — развѣ они будутъ лишними людьми для колоній или вообще для цѣлей распространенія среди русскихъ евреевъ сельскохозяйственныхъ промысловъ? Развѣ можно въ настоящій моментъ, когда предвидится, — благодаря новому направленію колонизаціоннаго общества, — широкая потребность въ лицахъ со спеціальной подготовкой по сельскому хозяйству, — развѣ можно въ настоящій моментъ бояться перепроизводства людей съ агрономическою подготовкою, — людей, рожденныхъ посреди земледѣльской обстановки, прошедшихъ начальную школу, и затѣмъ окончившихъ сельскохозяйственное учебное заведеніе, въ которомъ приобрѣли возможность ориентироваться въ наиболѣе важныхъ вопросахъ рациональнаго земледѣлія и извѣстную опытность въ исполненіи работъ по хозяйству.

Въ любомъ еврейскомъ поселеніи прекрасной гарантіей его успѣшнаго развитія можетъ послужить нѣкоторая примѣсь къ толпѣ случайно на вербованныхъ сельскохозяйственныхъ новичковъ — бывшихъ воспитанниковъ сельскохозяйственной школы, въ качествѣ учителей, писарей, низшихъ агрономическихъ служащихъ, а даже и просто въ качествѣ хозяевъ-собственниковъ, которые устроятся при помощи субсидій, полученныхъ ими на рациональное, въ примѣръ сосѣдямъ, веденіе хозяйства.

Правда, существуетъ и сейчасъ уже одно еврейское учрежденіе, которое не сегодня-завтра впервые выпуститъ нѣсколькихъ молодыхъ людей съ почти такой же подготовкой, какую даютъ обыкновенно сельскохозяйственныя школы. Это учрежденіе — Одесская земледѣльская ферма. Но ферма съумѣетъ въ достаточныхъ размѣрахъ удовлетворить зарождающимся потребностямъ по

дѣлу привлеченія евреевъ къ земледѣлію лишь въ самое первое время. Въ обще-русскихъ же сельскохозяйственныхъ школахъ вовсе нѣтъ учениковъ-евреевъ, несмотря на то, что для поступленія въ нихъ не установлено никакихъ ограниченій по исповѣданію; совершенно нѣтъ въ настоящее время и, должно-быть, очень мало будетъ и впредь. До сихъ поръ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не было и не могло быть никакого стремленія евреевъ къ низшему сельскохозяйственному образованію. А теперь, когда такое стремленіе, благодаря возникающимъ новымъ обстоятельствамъ, сможетъ, пожалуй, развиться, еврей все-таки лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ будутъ пользоваться общерусскими сельскохозяйственными школами. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ этихъ школахъ имѣются обязательныя для учениковъ интернаты съ полнымъ пансіономъ. Въ подобный же интернатъ, изъ-за соображеній о пищѣ, не каждый, понятно, еврей рѣшится отдать своего сына.

Чтобы покончить съ новороссійскими колоніями и перейти затѣмъ къ способамъ распространенія земледѣльческихъ промысловъ среди населенія «черты», упомянемъ еще вкратцѣ о *нѣкоторыхъ внѣшкольныхъ средствахъ* популяризаціи сельскохозяйственныхъ знаній, въ примѣненіи къ колоніямъ.

На первомъ планѣ тутъ стоитъ предоставленіе колонистамъ возможности пользоваться популярными сельскохозяйственными брошюрами и книжками путемъ устройства *библіотекъ* въ колоніяхъ. О важности подобныхъ библіотекъ для грамотнаго населенія колоній распространяться нечего: она и такъ вполнѣ ясна. Тѣмъ отраднѣе отмѣтить, что первый шагъ въ дѣлѣ снабженія колоній сельскохозяйственными книжками уже сдѣланъ. Комитетъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, по предложенію состоящей при немъ школьно-учебной комиссіи, отправилъ восьми школамъ херсонскихъ колоній по тщательно составленной библіотечкѣ, на 50 рублей каждая. Ростъ библіотечнаго дѣла въ еврейскихъ колоніяхъ, какъ и повсюду, прямо зависитъ отъ развитія школьнаго дѣла, и будетъ за нимъ, надо думать, регулярно поспѣвать.

Серьезное, просвѣтительное вліяніе на всѣхъ колонистовъ, гра-

мотныхъ и безграмотныхъ, призваны также оказать членія (по возможности, съ туманными картинами), удобнѣе всего устранимы—съ подлежащаго, конечно, разрѣшенія—въ школьныхъ помѣщеніяхъ учителями. Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежитъ г. Любарскому, учителю бобровокутской школы грамотности. Онъ обратился въ тотъ же комитетъ общества просвѣщенія съ просьбой снабдить школу въ Вобровомъ Кутѣ волшебнымъ фонаремъ, причѣмъ имъ смогутъ по очереди пользоваться еще четыре сосѣднія школы (въ В. Сейдеминухѣ, Львовой, Новомъ Беряславѣ и Нагартавѣ), учителя которыхъ также хотятъ время отъ времени устраивать чтенія. Просьба эта, вѣроятно, будетъ удовлетворена комитетомъ и черезъ нѣкоторое время такимъ образомъ, положено будетъ въ колоніяхъ, съ вѣдома мѣстной дирекціи народныхъ училищъ, начало народнымъ чтеніямъ, способнымъ внести много свѣта въ колоніи, содѣйствовать скорѣйшему въ нихъ распространенію русской рѣчи и полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству.

Последній способъ популяризаціи въ колоніяхъ разумныхъ приѣмовъ сельскохозяйственной культуры, на которомъ мы сейчасъ остановимся, еще ждетъ своего примѣненія. Это—практическія указанія, даваемыя объѣздными или странствующими спеціалистами. Институтъ *странствующихъ учителей*, устраивающихъ передвижные курсы, бесѣды и чтенія по селеніямъ, очень успѣшно дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (въ нѣмецкихъ странахъ это такъ называемыя «Wanderlehrer», во Франціи—«департаментскіе профессора»). Недавно институтъ этотъ введенъ кое-гдѣ и въ Россію: въ губерніяхъ—Херсонской, Екатеринославской, Псковской, Вятской и др., причѣмъ онъ оказался весьма примѣнимымъ и къ русскимъ условіямъ. Разница только та, что въ Россіи аудиторіей странствующаго учителя, роль котораго отчасти исполняется агрономическими зрителями, состоящими на земской службѣ, является обыкновенно поле, садъ, огородъ, рига, мельница и т. д. Очень важное значеніе имѣютъ такіе развѣзжающіе инструкторы для школьныхъ садовъ, при устройствѣ и введеніи которыхъ ихъ опытные совѣты оказываются чрезвычайно кстати.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что учрежденіе должностей странствующихъ учителей сельскаго хозяйства принадлежитъ въ Россію все-

ѣго общественной инициативой. Учителя эти практикуютъ, конечно съ разрѣшенія подлежащихъ правительственныхъ учреждений, почти исключительно на средства земствъ и *сельскохозяйственныхъ обществъ*.

Устройство сельскихъ библиотекъ и народныхъ чтеній по сельскому хозяйству, а также содержаніе объѣздныхъ инструкторовъ и другіе подобныя способы внѣшкольнаго культурнаго воздѣйствія на земледѣльческое населеніе,—предется, наравнѣ со школьными средствами такого воздѣйствія, имѣть въ виду евр. колонизаціонному обществу, когда у него будетъ возможность развить свою дѣятельность на пользу еврейскаго земледѣлія въ Россіи.

Если по отношенію къ жителямъ колоній, сидящимъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій на землѣ, оказывается, какъ по отношенію ко всякому земледѣльческому населенію, потребность въ многообразныхъ учрежденіяхъ, то для евреевъ—*обитателей городовъ и мѣстечекъ*, въ цѣляхъ обращенія извѣстной части ихъ къ земледѣлію, прямо неизбежно самое энергичное, всестороннее примѣненіе всѣхъ доступныхъ способовъ земледѣльческаго воспитанія.

Особыя условія, съ которыми сопряженъ рѣзкій переходъ отъ городскихъ промысловъ къ сельскимъ, отъ городского образа жизни къ деревенскому, вызываютъ прежде всего необходимость усиленную пользованія тѣми учрежденіями, съ которыми мы познакомились на примѣрѣ новороссійскихъ колоній. Эти учрежденія выработались собственно практикою воздѣйствія на *земледѣльческое* населеніе, и можетъ естественно возникнуть сомнѣніе относительно годности ихъ для перевоспитанія городскихъ элементовъ. Но опыта, который могъ бы создать другіе, болѣе дѣйствительныя способы такого перевоспитанія цѣлыхъ слоевъ населенія, подобнаго опыта еще нигдѣ до сихъ поръ не было. Евреи первые, можетъ-быть, создадутъ его. Пока же приходится пользоваться тѣмъ, что имѣется выработаннаго для условій возможно болѣе близкаго.

Одинъ, впрочемъ, способъ обученія сельскохозяйственному ремеслу еврея, если и не создали, то хорошо усвоили. Онъ заключается въ приобрѣтеніи земледѣльческой опытности просто путемъ

практики, безъ всякихъ предварительныхъ къ тому подготовленій. У громаднаго большинства русскихъ, палестинскихъ и аргентинскихъ колонистовъ подготовка отсутствовала вовсе, а нѣкоторыхъ результатовъ они безспорно достигли. Приходится, стало-быть, и съ такимъ опытомъ считаться и имѣть его въ виду. Пополненіе кадровъ евреевъ-земледѣльцевъ можетъ слѣдовательно идти, до извѣстныхъ по крайней мѣрѣ предѣловъ, и тѣмъ путемъ, какимъ оно шло до сихъ поръ. Взрослые люди, сознающіе весь ужасъ положенія городского пролетарія, которому некуда приткнуться, находятъ послѣ долгихъ исканій возможность выйти изъ такого отчаяннаго положенія—посредствомъ обращенія къ одной изъ формъ такъ называемаго производительнаго труда, къ труду земледѣльческому. Собственными силами, а не то при содѣйствіи лицъ и учреждений, которыя задаются цѣлью поддерживать подобное стремленіе, онѣ добиваются—послѣ большихъ или меньшихъ изтарствъ—положенія самостоятельнаго хозяина со *своемъ* уголкомъ, съ обеспеченнымъ кускомъ хлѣба, положенія, при которомъ они чувствуютъ твердую почву подъ ногами. И на *своей* пашнѣ, въ *своемъ* огородѣ и саду изучаются они мало-по-малу кое-какимъ приемамъ новой профессіи, вырабатываютъ въ себѣ физическую силу, необходимую для нея, и прилаживаются къ другимъ главнымъ ея требованіямъ.

Въ сущности, этотъ способъ приобрѣтенія сельскохозяйственнаго опыта непосредственнымъ обращеніемъ къ земледѣльческому труду—самый прямой и нормальный, хотя и не самый вѣрный и скорый способъ. Онъ имѣетъ—нельзя отрицать—то важное значеніе, что *сразу осваиваетъ* со средой и особыми ея требованіями, создавая этимъ самымъ атмосферу, въ которой дальнѣйшее сельскохозяйственное воспитаніе (въ учебной уже по возможности обстановкѣ) облегчается въ значительной степени. Механическое приспособленіе къ новому образу жизни—это первый важный шагъ, но его еще не достаточно. Безъискусственная аккомодация нуждается затѣмъ въ существенномъ дополненіи культурными методами, которые со своей стороны опять-таки получаютъ полный смыслъ лишь тогда, когда они связаны тѣснымъ образомъ съ приобрѣтеніемъ на практикѣ.

Приученіе къ земледѣлію посредствомъ простого, не мудрствующаго лукаво *пристройства къ землѣ*, являясь такимъ образомъ

способомъ одностороннимъ, далеко неполнымъ, требующимъ употребленія еще разныхъ другихъ мѣръ, вмѣстѣ съ тѣмъ все же оказывается средствомъ, которымъ никакъ нельзя пренебрегать.

Въ очень близкой связи съ приобрѣтеніемъ земледѣльческаго опыта новоустроившимися земледѣльцами на собственной своей землѣ, находится еще другой путь къ нѣкоторому ознакомленію съ сельской обстановкой и усвоенію извѣстной сноровки въ земледѣльческихъ работахъ. Это — *батрачество* въ имѣніяхъ. Въ послѣднее время не разъ повторялись случаи найма въ южно-русскихъ имѣніяхъ евреевъ для полевыхъ работъ. Что евреи оказываются вполне пригодными для этой роли, теперь уже неоспоримый фактъ. Населеніе колоній, живущее въ сельской обстановкѣ, въ возможности освоенія съ этой обстановкой не нуждается; для евреевъ же городскихъ исполненіе какихъ бы то ни было работъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, несмотря на все громадное различіе, существующее въ настоящее время между помѣщичьимъ и крестьянскимъ земледѣліемъ, безусловно полезно въ смыслѣ именно знакомства со средой. Научиться въ крупномъ хозяйствѣ, употребляющемъ другія совершенно орудія, чѣмъ мелкое, обладающемъ совсѣмъ иными средствами, требующемъ совсѣмъ иной организаціи, научиться въ такомъ хозяйствѣ приемамъ, нужнымъ для небольшого фермерскаго хозяйства, нельзя даже при участіи во всемъ циклѣ годовыхъ работъ, а не то что однимъ исполненіемъ очень ограниченнаго числа приемовъ во время, главнымъ образомъ, уборки. И при всемъ томъ, батрачество можно включить въ число способовъ подготовленія къ самостоятельнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. Увеличеніе количества евреевъ полевыхъ рабочихъ является, въ такомъ случаѣ, желательнымъ не только съ точки зрѣнія заработка для части еврейской массы, лишенной другихъ источниковъ пропитанія, но и въ смыслѣ нѣкоторой подготовки подходящихъ для дальнѣйшей еврейской организаціи элементовъ. Соответствующая организація этого дѣла принесла бы, несомнѣнно, хорошіе плоды.

Помимо простыхъ рабочихъ, не мѣшало бы имѣть тогда въ виду и *обученіе* такъ называемыхъ «*практикантовъ*» въ хозяйствахъ различнаго типа. По крайней мѣрѣ, существующія преимущественно на югѣ еврейскія хозяйства должны бы служить мѣстомъ, куда бы молодые евреи, желающіе заняться земледѣ-

ліемъ, могли поступать на тѣхъ или иныхъ условіяхъ для практики. Министерство земледѣлія находить въ настоящее время полезнымъ всячески содѣйствовать обученію практикантовъ въ имѣніяхъ и предполагаетъ даже выдавать помѣщикамъ премій за каждаго рабочаго, выдержавшаго известное практическое испытаніе. Такое обученіе, правда, достигаетъ на дѣлѣ не столько выработки хозяйств-собственникововъ, сколько подготовки служащихъ для имѣній же. Но тѣмъ не менѣе, практиканство можетъ отчасти оказаться удобнымъ и для цѣлей распространенія сельскохозяйственной опытности среди евреевъ. Оно едва ли въ состояніи будетъ принять большіе размѣры и давать крупныя результаты, но видѣть въ нихъ одинъ изъ пригодныхъ способовъ сельскохозяйственнаго обученія евреевъ будетъ, однако, не бесполезно.

Евреи, которые вновь устроятся, смотря по мѣстности, хлѣб-бепашами, фермерами, огородниками, виноградарями и т. под., затѣмъ еще евреи рабочіе и практиканты — вотъ тѣ элементы, которые могутъ приобрести нѣкоторое сельскохозяйственное умѣніе нѣкоторыхъ способовъ, рассмотрѣнныхъ нами по отношенію къ южно-русскимъ колоніямъ и не менѣе важныхъ для евреевъ не-колонистовъ. Когда рѣчь шла о колоніяхъ, то приводить постоянную практику взрослому ихъ населенію по хозяйству, какъ отдѣльный видъ обученія земледѣльческимъ работамъ, для нашей цѣли представлялось совершенно излишнимъ. Для городскихъ же евреевъ всякая земледѣльческая практика, съ какого бы то ни было возраста, является виднымъ факторомъ въ дѣлѣ привлеченія ихъ къ сельскому хозяйству, хотя *злачное вниманіе* и тутъ, какъ и въ колоніяхъ, какъ и вездѣ и всегда, *должно быть обращено на самый молодой возрастъ*, когда еще воспитаніе и среда могутъ сдѣлать изъ человѣка все, что захотятъ. Да, только молодое еврейское поколѣніе, испытавшее на себѣ суровое вліяніе гетто въ возможно слабой степени, дастъ при цѣлесообразномъ воспитаніи истинныхъ земледѣльцевъ.

Пути для такого воспитанія уже намъ известны. И тутъ, какъ и въ колоніяхъ, на первомъ планѣ стоитъ начальная школа съ организованными при ней практическими занятіями по огородничеству и садоводству. Устройство учебнаго сада при городской школѣ связано съ большими трудностями техническаго характера, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ чуть-ли не самый главный въ этомъ отно-

шеніи вопросъ, объ участіи земли подъ садъ, рѣшается гораздо проще. Но примѣръ существующихъ уже при нѣкоторыхъ еврейскихъ общественныхъ училищахъ огородовъ наглядно показываетъ, что всякія техническія затрудненія преодолеваются съ легкостью, если только лица, отъ которыхъ зависятъ въ данномъ училищѣ постановка учебнаго дѣла, ясно сознаютъ всѣ *математическія*, педагогическія и чисто утилитарныя выгоды, простирающіяся для учениковъ отъ огородническихъ и садоводственныхъ занятій. Гигиеническая польза должна быть по отношенію къ городскимъ еврейскимъ дѣтямъ принята въ особое вниманіе. Физическая хилость еврейской молодежи является, какъ извѣстно, не послѣднимъ препятствіемъ къ увеличенію числа евреевъ-земледѣльцевъ, и если бы польза школьно-земледѣльческихъ занятій ограничивалась только улучшеніемъ физическаго развитія лицъ, прошедшихъ черезъ школу, то и тогда они бы должны были считаться однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ подготовленія къ земледѣльческому труду. А такъ какъ они еще, кромѣ того, цѣликомъ сохраняютъ за собою, въ примѣненіи къ городскимъ условіямъ, все земледѣльческо-воспитательное значеніе, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для возбужденія въ дѣтяхъ интереса къ природѣ и ея явленіямъ, для внушенія имъ охоты заняться, когда подростутъ, промысломъ, извлекающимъ свои заработки изъ земли и ея продуктовъ, — то *устройство школьныхъ садовъ при возможно большемъ числѣ еврейскихъ училищъ* должно быть разсматриваемо какъ главное орудіе для привлеченія къ земледѣлію въ различныхъ его видахъ новыхъ слоевъ русско-еврейскаго населенія.

Для успѣшнаго развитія учебно-садового дѣла при еврейской школѣ представляется прежде всего необходимымъ устраненіе препятствій, встрѣтившихся при первыхъ попыткахъ въ этомъ направленіи. Главное изъ нихъ — отсутствіе хорошихъ руководителей. Рабочіе — огородники, которымъ приходится довѣрять завѣдываніе работами учениковъ, весьма далеки отъ педагогическихъ видовъ, которые тутъ должны стоять на первомъ планѣ. Оказывается, что какъ въ еврейской колоніальной, такъ и въ еврейской городской школѣ, нельзя обойтись безъ лицъ, спеціально подготовленныхъ къ завѣдыванію учебными хозяйствами, и что подготовку такого контингента учителей-практиковъ должно взять на себя подобное

же учрежденіе, какъ и въ колоніяхъ, то есть низшая сельско-хозяйственная школа.

Хорошее начало въ этомъ отношеніи сдѣлано уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ путемъ основанія земледѣльческой фермы при одесскомъ сиротскомъ домѣ, которую при благоприятныхъ условіяхъ легко будетъ преобразовать въ сельско-хозяйственную школу по нормальному положенію 1883 года.

Что касается до другой еврейской «фермы», могилевской, то она при своемъ нынѣшнемъ устройствѣ; со спеціальнымъ обученіемъ тожько огородничеству и садоводству (въ томъ видѣ, въ какомъ эти отрасли сельскаго хозяйства имѣютъ узко-практическое значеніе исключительно для ближайшаго района), напоминаетъ «сельскохозяйственныя отдѣленія» и общааетъ, какъ такое, давать весьма недурные результаты.

Посредствомъ устройства при нѣкоторыхъ еврейскихъ училищахъ подобныхъ отдѣленій со спеціальностями, наиболѣе применимыми въ каждой отдѣльной мѣстности, удастся, можно надѣяться, образовать хорошихъ практиковъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Пункты, гдѣ такія учрежденія будутъ всего болѣе на мѣстѣ, сами собою выяснятся, когда окажется *возможность* къ ихъ устройству. Въ одинаковой степени это относится и къ типу сельскохозяйственныхъ школъ (или «фермъ», организованныхъ на подобіе школъ).

Если судить по имѣющимся въ настоящее время даннымъ, то наступленіе такой возможности не за горами. Не бесполезно, поэтому, начать немедленно нѣкоторыя соответственныя подготовленія. Такъ, энергичная *популяризація* въ еврейской массѣ идеи земледѣльческаго труда черезъ посредство какъ еврейскихъ органовъ, такъ и спеціально для того изданныхъ русскихъ, древнееврейскихъ и жаргонныхъ брошюръ, обращеніе затѣмъ къ содѣйствію раввиновъ, маггидовъ и другихъ лицъ, имѣющихъ духовное вліяніе на народъ и т. под.—все это можетъ заблаговременно обезпечить общее сочувствіе къ предстоящимъ мѣропріятіямъ, что имѣетъ, поватно, серьезное значеніе для ихъ успѣшности.

Дальнѣйшее подготовленіе къ предполагаему развитію среди евреевъ земледѣльческихъ занятій состояло бы въ привлеченіи къ этому дѣлу *содѣйствія евреевъ съ высшимъ и среднимъ сельско-*

хозяйственнымъ образованіемъ. Такихъ лицъ въ Россіи имѣется пока весьма немного, такъ какъ еврею трудно, при существующихъ обстоятельствахъ, найти приложеніе агрономическимъ познаніямъ. Сравнительно, особенно мало насчитывается у насъ евреевъ, окончившихъ среднія училища земледѣльческія, которыя принимаютъ учениковъ безъ всякихъ ограниченій по исповѣданію, но въ то же время не даютъ своимъ воспитанникамъ ровно никакихъ правъ и затрудняютъ имъ поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, куда окончившіе курсъ, на основаніи Положенія о среднихъ землед. училищахъ, принимаются въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Хотя эти среднія училища, какъ и высшіе агрономическіе институты, почти вовсе не считаются съ нуждами мелкаго хозяйства, однако самое дѣятельное участіе тѣхъ немногихъ евреевъ, которые окончили въ нихъ курсъ, въ *организации* еврейскаго земледѣльческаго образованія и еврейскаго земледѣлія—болѣе, чѣмъ желательно. Лица, спеціально подготовленныя къ организаторской дѣятельности въ области сельскаго хозяйства, каковыми именно и являются бывшіе воспитанники высшихъ, а отчасти и среднихъ агрономическихъ учебныхъ заведеній, будутъ при предполагаемомъ «новомъ курсѣ» колонизац. общества, весьма желанными и полезными сотрудниками. Этимъ самымъ вызывается и *необходимость увеличенія числа евреевъ, изучающихъ агрономію въ Россіи и заграницею.* Если количество евреевъ-студентовъ въ высшихъ сельскохозяйственныхъ институтахъ опредѣляется тѣсными рамками процентнаго отношенія (для Ново-Александр. института и агрономическаго отдѣленія Рижскаго политехникума; въ Московскій институтъ доступъ евреямъ совершенно закрытъ) и дальше установленныхъ предѣловъ въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время увеличеніе не можетъ тутъ идти, то зато въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ (всего ихъ въ Россіи—9) никакихъ ограниченій по исповѣданіямъ не имѣется, и путемъ стипендій возможно привлечь къ нимъ извѣстное число евреевъ, которые своими знаніями впоследствии весьма пригодятся колонизаціоннымъ цѣлямъ. Какъ къ средству готовить подходящій для этихъ цѣлей контингентъ лицъ, придется также прибѣгнуть къ представленію молодымъ людямъ возможности изучать сельское хозяйство и различныя его отрасли въ лучшихъ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ и хозяйствахъ.

Заканчивая на этомъ нашу статью, считаемъ необходимымъ еще разъ подчеркнуть основную мысль, которая руководила нами при составленіи ея и которую мы старались не выпускать изъ вида при обзорѣ способовъ распространенія среди русскихъ евреевъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній. Только тогда, кажется намъ, мѣры, предлагаемыя на пользу развитія у евреевъ сельско-хозяйственного промысла, будутъ имѣть значительный успѣхъ, только тогда онѣ оправдываютъ громадныя, потребныя для нихъ осуществленія затраты, только тогда онѣ обезпечатъ усиленное и безостановочное обращеніе евреевъ къ земледѣлію, когда онѣ будутъ находиться между собою въ тѣсной связи, взаимно *допалма другъ друга*. Одной какой-либо формой обученія сельскому хозяйству ограничиться невозможно. Тутъ нуженъ длинный рядъ учреждений, средствъ, методовъ и способовъ. Объ этомъ ясно говоритъ опытъ всѣхъ культурныхъ странъ, которыя притомъ имѣютъ дѣло съ населеніемъ уже земледѣльческимъ, а не съ такимъ, которое еще только должно имъ *сдѣлаться*.

Многообразіе и полнота средствъ оказываются въ дѣлѣ воздѣйствія на прогрессъ сельскаго хозяйства неизбѣжными условіями, которыя всегда и служатъ залогомъ успѣховъ, достигаемыхъ направленными къ этой цѣли отдѣльными мѣрами.

Як. Этигеръ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

II.

Профессоръ Н. В. Заблудовскій.

I.

Минувшимъ лѣтомъ, во время моего пребыванія въ Берлинѣ, случился тамъ инцидентъ, надѣлавшій не мало шума въ подлежащихъ сферахъ и послужившій неисчерпаемою темою для весьма горячей газетной полемики, которая велась со свойственною нѣмецкимъ органамъ гласности страстностью. Инцидентъ этотъ свидѣтельствуеетъ о томъ, что правительственный антисемитизмъ въ германской метрополи, который считался мертвымъ и похороненнымъ, пользуется еще отличнымъ здоровьемъ и пользуется всякимъ удобнымъ или неудобнымъ случаемъ, чтобы заявить о своемъ существованіи. Живъ курилка и умирать не собирается.

Скончался знаменитый профессоръ физиологіи при берлинскомъ университетѣ Дюбоа-Раймонъ и пришлось избрать ему преемника. Единственнымъ кандидатомъ, имѣвшимъ на то несомнѣныя, да впрочемъ никѣмъ и не оспариваемыя права, явился извѣстнѣйшій изъ всѣхъ физиологовъ нашего времени профессоръ Мункъ, и берлинскій факультетъ и поспѣшилъ представить его на утвержденіе министра, нисколько не сомнѣваясь въ успѣхѣ своего ходатайства. Но вотъ тутъ то, именно, случился курьезный инцидентъ, о которомъ я упомянулъ выше. Министръ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій докторъ Боссе отклонилъ предложеннаго ему кандидата, не мотивируя, однако, ничѣмъ своего отказа. Но причина была ясна для всѣхъ: профессоръ Мункъ—еврей, а докторъ Боссе почему-то не пожелалъ назначить преемникомъ Дюбоа-Раймона еврея, изъ опасенія, быть можетъ, упрека въ пристрастіи къ іудеямъ, что молъ для замѣщенія такой знаменитости не нашли между

многочисленными христіанскими профессорами ни одного достойнаго, такъ что вынуждены были назначить на этотъ постъ еврея. Это было бы равносильно атестату умственнаго и научнаго убожества, выданному ученому тевтонскому міру.

И вотъ начались курьезные поиски за авторитетомъ на почвѣ физиологіи. Посланы были тридцать тысячъ курьеровъ во всѣ университеты Германіи: въ Вюрцбургъ и Гейдельбергъ, въ Марбургъ и Іену, въ Геттингенъ и Галле, Гиссенъ и Мюнхенъ и т. д. Подайте намъ физиолога во что бы то ни стало и по какой-бы то ни было цѣнѣ. Поиски за физиологомъ становились курьезными и либеральныя газеты не мало смѣялись надъ министромъ, котораго уподобляли Петру Шлемиллю, отправившемуся въ путь-дорогу въ поиски за своею тѣнью. И въ теченіе многихъ мѣсяцевъ поиски эти не увѣчивались успѣхомъ. Дѣйствительно-ученые физиологи отклонили предложенную имъ окончательно растерявшимся докторомъ-министромъ честь, потому что они были на столько честны и благородны, что прямо заявили: «Пока профессоръ Мункъ самъ не откажется быть преемникомъ Дюбоа-Раймона, они не могутъ выступить кандидатами». А профессоръ Мункъ не могъ отказаться отъ кандидатуры по той простой причинѣ, что ему ея и не предлагали. И вотъ въ какомъ *circulum viciosum* находился бѣдный д-ръ Боссе изъ за того, что не хотѣлъ назначить еврея на освободившуюся за смертью знаменитаго ученаго каяедру.

Образъ дѣйствій прусскаго министра народнаго просвѣщенія тѣмъ менѣе понятенъ, что число университетскихъ профессоровъ евреевъ въ Германіи вообще и въ Пруссіи въ особенности громадно. Наиболѣе выдающіеся профессора въ Берлинѣ евреи: Мендель, Сенаторъ, Френкель и др. То же самое въ другихъ университетахъ. Въ Кенигсбергѣ, напр., евреи составляютъ большинство профессоровъ мѣстнаго университета и имена Іаффе, Шрейберъ, Лихтгангъ и др. пользуются извѣстностью далеко за предѣлами германской имперіи. *Нѣтъ ни одного германскаго университета, въ которомъ не было бы профессора-еврея.* Въ нѣкоторыхъ университетахъ они часто избираются даже въ ректоры.

Поэтому упорство, съ которымъ министръ Боссе отклонялъ кандидатуру профессора Мунка только на томъ основаніи, что этотъ знаменитый ученый—еврей, рѣшительно непонятно и объясняется только вышеупомянутымъ страхомъ предъ ученымъ христіанскимъ міромъ Германіи, что для замѣщенія вакансіи

Дюбоа-Раймона не нашли чистокровнаго арийца. Во избѣжаніе этого *testimonium paupertatis* министръ, быть можетъ слышавшій про русскую поговорку «на безрыбьи и ракъ рыба», и назначилъ преемникомъ покойнаго фیزیолога одного изъ такихъ профессоровъ, какими Германія кишмя кишитъ.

II.

Такой образъ дѣйствій доктора Боссе тѣмъ болѣе страненъ и непонятенъ, что нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Дюбоа-Раймона министръ изъявилъ согласіе на назначеніе профессора не только еврея, но въ добавокъ еще русскаго еврея, правда натурализованнаго. И этого русскаго еврея не только назначили нѣмецкимъ профессоромъ, но для него даже создали совершенно новую кафедру. Это чудо совершилось съ нашимъ соотечественникомъ и единовѣрцемъ докторомъ Исидоромъ Веніаминовичемъ Заблудовскимъ, съ которымъ я впервые познакомился при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я очутился въ прелестномъ бельгійскомъ курортѣ, морскомъ купаньѣ Бланкенберге, недалеко отъ Брюсселя. Въ одинъ прекрасный іюльскій день я отправился на мѣстную станцію паровой конки, чтобы ѣхать въ Остенде, находящійся отъ Бланкенберге на разстояніи около часа ѣзды. Въ числѣ многочисленной публики, ожидавшей отхода поѣзда, я увидѣлъ господина, полное румяное красивое лицо котораго, окрашенное почти бѣлою, кругло и коротко остриженною бородою мнѣ казалось очень знакомымъ, хотя, благодаря разстоянію и моей близорукости, я не могъ себѣ дать отчета въ томъ, кто именно этотъ знакомый незнакомецъ. Въ тотъ моментъ, когда я напрасно старался припомнить, кто бы это могъ быть и гдѣ и когда я видѣлъ это въ высшей степени симпатичное лицо, предметъ моего любопытства протискался сквозь публику и подошелъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. И къ моему стыду я узналъ добраго петербургскаго знакомаго, доктора Адама Юліевича Гиршгорна, скончавшагося въ мартѣ сего года.

И вотъ мы встрѣтились здѣсь на платформѣ паровой конки въ бельгійскомъ курортѣ и отправились вмѣстѣ въ Остенде. Докторъ Гиршгорнъ только что пріѣхалъ изъ Лондона, гдѣ онъ участвовалъ въ международномъ съѣздѣ врачей въ качествѣ представителя нашего министерства народнаго про-

сѣщенія (онъ состоялъ членомъ ученаго комитета этого министерства) и возвратился въ Остенде послѣ предпринятой имъ экскурсіи въ идиллическій Бланкенберге.

«Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ, сказалъ мнѣ Адамъ Юліевичъ со свойственной ему доброю лучезарною улыбкой. Я васъ познакомлю съ двумя милыми соотечественниками и единовѣрцами, докторами Розенбахомъ и Заблудовскимъ, и мы вмѣстѣ отлично проведемъ время. Эти господа не только ученые, но и очень любезные люди. Вотъ вы увидите».

Павла Яковлевича Розенбаха я зналъ еще раньше. Это дѣйствительно выдающійся психіатръ, ученые труды котораго обращали и продолжаютъ обращать на себя всеобщее вниманіе. Будь онъ болѣе остороженъ въ выборѣ своихъ родителей, онъ уже давно сдѣлался бы профессоромъ. А теперь онъ только приватъ-доцентъ, лекціи котораго охотно посѣщаются студентами, и врачъ, имѣющій очень хорошую практику.

Что касается Исидора Веніаміновича Заблудовскаго, то я лично не зналъ его, слышалъ, однако, о немъ много хорошаго, какъ о весьма искусномъ ученомъ массажистѣ, которому удалось даже отодвинуть на задній планъ нѣкогда знаменитаго и прославленнаго профессора-массажиста Метцгера. Доктору Заблудовскому удалось завоевать себѣ въ Берлинѣ выдающееся положеніе и обширную практику, что для русскаго еврея было сопряжено съ громадными затрудненіями, и если Исидору Веніаміновичу это удалось, то этимъ онъ исключительно обязанъ своимъ собственнымъ заслугамъ и отчасти также дружбѣ извѣстнаго хирурга Бергмана, бывшаго профессора Юрьевскаго университета. Впослѣдствіи докторъ Заблудовскій посѣтилъ меня въ Бланкенберге, гдѣ я ближе сошелся съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ, назначеніе котораго профессоромъ въ Берлинѣ надѣлало не менѣе шума, чѣмъ неназначеніе профессора Мунка преемникомъ Дюбоа-Раймона. Біографія доктора Заблудовскаго тѣмъ интереснѣе для насъ, что онъ не только ученый врачъ, приобрѣвшій извѣстность по спеціальности, въ предѣлахъ которой онъ сдѣлалъ очень много, быть можетъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ, но также ученый талмудистъ и пламенный еврейскій патриотъ. Несмотря на занимаемое имъ нынѣ выдающееся положеніе, онъ не забываетъ «своихъ» и въ своемъ домѣ въ Берлинѣ оказываетъ русскимъ единовѣрцамъ самое

широкое гостепрѣимство, и всегда готовъ помочь имъ словомъ и дѣломъ.

Исидоръ Веняминовичъ Заблудовскій родился въ Вѣлостокѣ въ 1852 г. въ хорошей и состоятельной семьѣ и получилъ первоначально чисто еврейское воспитаніе. Онъ прекрасно владѣетъ древне-еврейскимъ языкомъ и, несмотря на свои многочисленныя занятія, какъ популярный практикующій врачъ и профессоръ,—онъ находитъ еще время заниматься еврейскою литературою и выступаетъ иногда самъ на арену, когда рѣчь идетъ о защитѣ интересовъ своихъ единовѣрцевъ; судьба которыхъ близка его сердцу.

Въ прошломъ году я присутствовалъ въ Берлинѣ на еврейской свадьбѣ и въ числѣ гостей находился также И. В. Заблудовскій. Во время обѣда профессоръ Заблудовскій произнесъ блистательный длинный сличъ, преисполненный цитатъ на древне-еврейскомъ языкѣ, при чемъ онъ съ замѣчательною эрудиціею и поразительною памятью развивалъ философскія и религиозныя воззрѣнія различныхъ древнихъ и новѣйшихъ корифеевъ еврейской литературы. Древне еврейскій языкъ, на которомъ мѣстами говорилъ ораторъ, былъ до того изященъ, отличался такимъ безукоризненно классическимъ стилемъ, что нѣкоторые присутствовавшіе еврейскіе ученые и раввины были положительно ослѣплены, ошеломлены. Явленіе во всякомъ случаѣ столь же интересное, какъ чрезвычайное и рѣдкое.

Это объясняется домашнимъ, патриархальнымъ воспитаніемъ, давшимъ такіе прекрасные результаты. Въ трогательныхъ словахъ И. В. Заблудовскій рассказалъ мнѣ о своей домашней жизни, какъ изученіе еврейскихъ предметовъ шло рука объ руку съ предметами гимназическаго курса, какъ изученіе латинскаго и греческаго языка, географіи и исторіи и т. п. нисколько не мѣшало изученію Библии и Мишны, причезъ, талмудическая наука какъ бы дополняла науку свѣтскую.

Блистательно окончивъ курсъ гимназіи въ Вѣлостокѣ, И. В. вступилъ въ медицинскую академію въ Петербургѣ, двери которой тогда были еще настезъ открыты для всѣхъ желавшихъ вступить въ этотъ храмъ науки. Кончилъ онъ курсъ наканунѣ русско-турецкой войны и поступилъ на военную службу. По объявленіи войны И. В. былъ отправленъ на Дунай, гдѣ фортуна его сразу приняла подъ свое покровительство, такъ какъ онъ сдѣлался ассистентомъ главнаго врача, профессора хирургіи Бергмана. Этотъ счастливый случай повліялъ на всю бу-

душность молодого русско-еврейскаго врача. Безъ этой случайности (можно ли это назвать случайностью?) Заблудовскій по заключеніи мира былъ бы вынужденъ выступить изъ арміи, чтобы гдѣ нибудь въ провинціи, или въ чертѣ осѣдлости, начать тернистую карьеру практикующаго врача.

Великая заслуга доктора Заблудовскаго заключается безспорно въ томъ, что онъ поставилъ впервые массажъ на научную почву (такъ какъ этотъ методъ лѣченія до него почти исключительно находился въ рукахъ эмпириковъ, злоупотреблявшихъ имъ и дискредитировавшихъ его), включивъ его въ современную терапію, чѣмъ онъ и обязанъ своимъ назначеніемъ, первымъ не только въ Германіи, но вообще въ Европѣ, гдѣ до сихъ поръ еще нѣтъ каеэдръ для массажа. Такъ какъ по прусскимъ установленіямъ требуется, чтобы предложеніе о назначеніи новаго преподавателя при университетѣ, непременно исходило отъ трехъ профессоровъ, то воспріемниками его были: профессора Дюбоа-Раймонъ, Бергманъ и Вандейеръ, имена громкія, пользующіяся всемірною извѣстностью. На этотъ разъ вышло такъ, что министръ докторъ Боссе не могъ отклонить предложеніе, потому что было также давленіе свыше, не допускавшее несправедливости. Не надо забывать, что докторъ Заблудовскій практиковалъ въ высшихъ сферахъ, что онъ нѣкоторое время также лѣчилъ идеальнаго императора Фридриха III и что онъ единственный представитель преподаваемой имъ науки.

Послѣ голландскаго врача доктора Мецгера, великая заслуга постановки массажа на чисто научную почву, безспорно, принадлежитъ русскому врачу доктору Заблудовскому. Въ то время, какъ И. В. Заблудовскій состоялъ въ Болгаріи военнымъ врачомъ при русской арміи, онъ имѣлъ случай констатировать, что при большихъ почвенныхъ затрудненіяхъ на турецкомъ театрѣ войны и при происходившихъ вслѣдствіе того очень часто вывихахъ и другихъ поврежденіяхъ транспортируемыхъ раненыхъ, массажъ употреблялся съ большимъ успѣхомъ. И такимъ образомъ молодой врачъ постепенно доходитъ до заключенія, что весьма важно пользоваться массажемъ въ хирургическихъ случаяхъ, чего до сихъ поръ не было.

Главный врачъ, полевой хирургъ профессоръ Бергманъ, которому Заблудовскій сообщилъ о сдѣланныхъ имъ постепенныхъ наблюденіяхъ, поощрилъ своего молодого ассистента про-

должать опыты, которые давали блестящіе результаты. По заключеніи предварительнаго мирнаго договора въ Санъ-Стефано, Заблудовскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ сталъ ревностно заниматься, изслѣдованіями физиологическихъ дѣйствій массажа. Въ 1879 г. онъ обнародовалъ результаты этихъ изслѣдованій въ монографіи о вліяніи массажа на здороваго человѣка.

Ex ungue leonem! Это первое научное произведеніе молодого врача обнаружило замѣчательную эрудицію и встрѣчено было ученымъ міромъ весьма сочувственно. Но Заблудовскій не удовлетворился этимъ первымъ успѣхомъ и нисколько не думалъ почивать на дешевыхъ лаврахъ. Онъ продолжалъ ревностно заниматься разработкою интересовавшаго его въ такой высокой степени научнаго вопроса и для собиранія дальнѣйшаго матеріала для своихъ наблюденій отправился за границу, пробылъ долгое время въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Амстердамѣ и достигъ весьма удовлетворительныхъ результатовъ.

Послѣ назначенія профессора Бергмана преемникомъ знаменитаго Лангенбека при берлинской хирургической университетской клиникѣ, было также создано мѣсто для систематическаго практическаго примѣненія научнаго массажа въ хирургическихъ болѣзняхъ и Бергманъ поручилъ веденіе этого дѣла Заблудовскому, котораго онъ признавалъ авторитетомъ и считалъ достойнымъ и способнымъ выполнить эту новую и отвѣтственную задачу. И вотъ для нашего соотечественника открылось широкое поле дѣятельности. Съ теченіемъ времени, благодаря его усиліямъ и успѣхамъ, научный массажъ сталъ на твердую почву, признавался даже тѣми, которые прежде высококомѣрно отрицали его. Лекціи, читанныя д-ромъ Заблудовскимъ въ берлинской университетской хирургической клиникѣ, посѣщались весьма усердно; произведенныя имъ наблюденія, равно и способъ его лѣченія сложныхъ хирургическихъ болѣзней при посредствѣ массажа, сдѣлались предметомъ публичныхъ чтеній на съѣздахъ нѣкоторыхъ хирурговъ, равно и въ берлинскомъ медицинскомъ обществѣ, и имя ученаго массажиста стало очень популярнымъ. Въ то же время онъ пріобрѣлъ большую практику въ высшихъ слояхъ общества, пользовалъ еще императора Фридриха III и другихъ членовъ императорской фамиліи, лѣчилъ многихъ коронованныхъ особъ и выдающихся государственныхъ дѣятелей, между прочимъ въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ также бывшаго русскаго посла въ Берлинѣ графа П. А. Шувалова.

Профессоръ Бергманъ по заслугамъ оцѣнилъ своего русскаго ассистента, искусство котораго при операціяхъ и необыкновенно «легкая рука» при пользованіи раненыхъ признавались безусловно. Сначала положеніе И. В. въ Берлинѣ было довольно затруднительно и ему приходилось завоевывать его шагъ за шагомъ. Только въ видѣ исключенія, и то лишь благодаря могущественному заступничеству и влиянію высокопоставленныхъ лицъ, ему разрѣшена была медицинская практика. Но права этого, дарованнаго лишь временно, его могли лишить во всякое время, потому что Заблудовскій былъ не только русскій, но имѣлъ еще наслѣдственный порокъ быть евреемъ. Значить для упроченія завоеваннаго столькими трудами общественнаго и научнаго положенія пришлось натурализоваться, превратиться въ настоящаго нѣмца. Метаморфоза довольно трудная, сложнѣе, пожалуй, метаморфозъ Овидія. Для русскаго еврея то была задача далеко не легкая, такъ какъ въ Пруссіи вотъ уже лѣтъ двадцать принципиально не натурализуютъ иностранныхъ евреевъ вообще, а русскихъ въ особенности. Пруссскій режимъ утверждаетъ, что у него довольно своихъ евреевъ, дѣлающихъ ему слишкомъ много хлопотъ (?), причиняющихъ слишкомъ много заботъ (!), чтобы принимать въ число своихъ подданныхъ еще иностранныхъ евреевъ. Будетъ съ насъ!—рѣшительно заявили прусскія власти и поставили точку въ дѣлѣ натурализаціи русскихъ евреевъ.

Быть можетъ д-ру Заблудовскому такъ и не удалось бы стать свѣтиломъ великаго фатерланда, даже несмотря на свои связи въ высшихъ сферахъ, если бы ему не помогъ случай. Онъ весьма успѣшно лѣчилъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Эйленбурга и въ признательность за такое удачное излѣченіе отъ застарѣлаго недуга, прусскій министръ превратилъ русскаго еврея въ германскаго гражданина. Но метаморфоза эта, вызванная настоятельной необходимостью, нисколько не повліяла на И. В. Онъ остался въ душѣ русскимъ, въ сердцѣ евреемъ. Мало того, онъ искренно любитъ Россію и пламенно привязанъ къ своимъ единовѣрцамъ. Онъ искренній еврейскій патріотъ и горячо интересуется участію своихъ единовѣрцевъ. Счастье, улыбнувшееся ему, не сдѣлало его заносчивымъ. Онъ остался тѣмъ же скромнымъ, милымъ, какимъ онъ былъ прежде.

Несмотря на свое болѣе чѣмъ шестнадцатилѣтнее пребываніе въ Берлинѣ, д-ръ Заблудовскій вполне владѣетъ рус-

скимъ языкомъ, интересуется всѣмъ, что происходитъ на родинѣ, съ которой онъ продолжаетъ поддерживать непрерывныя сношенія, благодаря своимъ проживающимъ въ Россіи многочисленнымъ родственникамъ, и большой русской практикѣ. Домъ его гостепріимно открытъ всякому русскому, всякому еврею и онъ готовъ помогать всѣмъ и словомъ, и дѣломъ.

Р. Яльишъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ИЗЪ МІРА УНИЖЕННЫХЪ.

Бенъ-Ами: «Собраніе рассказовъ и очерковъ». Т. I. Одесса, 1898 г.

Что жизнь нашей народной массы составляетъ предметъ, слабо затрунутый русско-еврейскою беллетристикою,—противъ этого врядъ-ли ставеть спорить тотъ, кто достаточно знакомъ съ общими характеромъ этой беллетристики, успѣвшимъ обозначиться за 35-лѣтній слишкомъ періодъ ея существованія. Въ этомъ отношеніи послѣдняя не составляла исключенія изъ русско-еврейской литературы вообще; напротивъ того, основной тонъ ея вполне гармонировалъ съ тѣмъ направленіемъ, которое долгіе годы опредѣляло общую фязіонію русско-еврейской литературы. Какъ литература эта вообще сосредоточивалась до самаго послѣдняго времени преимущественно на духовныхъ запросахъ нашей интеллигенціи,—такъ въ частности и русско-еврейская беллетристика удѣляла главнѣйшее вниманіе изображенію различныхъ типовъ этой интеллигенціи, ея стремленій, идеаловъ и чаяній. Наша интеллигенція и полу-интеллигенція служили средою, откуда по преимуществу черпали своихъ героевъ и свои сюжеты русско-еврейскіе беллетристы. Не преувеличивая ихъ художественныхъ заслугъ, нельзя тѣмъ не менѣе не признать, что въ этомъ направленіи, т. е. въ смыслѣ воспроизведенія жизни верхнихъ, культурныхъ слоевъ еврейскаго общества, ими сдѣлано многое; въ произведеніяхъ русско-еврейской беллетристики, со времени О. А. Рабиновича и до ближайшей къ намъ поры, вы найдете неструю галлерей различныхъ представителей нашего интеллигентнаго слоя, въ ихъ послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ, начиная съ зачаточнаго типа «maskil»'а 40-хъ годовъ и кончая современнымъ еврейскимъ интеллигентомъ, съ волнующими его думами и стремленіями. Само собою разувѣется, не всѣ эти разнообразныя типы, фигурирующіе въ нашей беллетристикѣ, воспроизведены ею одинаково удачно, и произведенія тѣхъ изъ нашихъ бытописателей, которыхъ приходится относить къ разряду лучшихъ, свободны отъ болѣе или менѣе значительныхъ художественныхъ недочетовъ; но несомнѣнно, что въ русско-еврейской беллетристикѣ, взятой въ цѣломъ,

нашла известное выраженіе жизни культурной части нашего общества за почти полулѣтковой періодъ времени, и что будущій историкъ этой жизни найдетъ здѣсь обильный матеріалъ для сужденія о томъ, — къ чему рвалась, тѣмъ волновалась, какія метаморфозы переживала передовая часть русскаго еврейства. Но если тотъ же историкъ поставитъ эти самыя вопросы не относительно такъ называемыхъ «верхнихъ десяти тысячъ», а относительно нашей *народной массы*, то на этотъ счетъ онъ извлечетъ изъ даннаго источника, увы, слишкомъ мало указаній. Мы не желаемъ этииъ сказать, чтобы жизнь еврейской массы совершенно не фигурировала въ трудахъ нашихъ беллетристовъ; напротивъ, этой темѣ иные изъ нихъ касались довольно часто. Но позиція, отведенная народу въ произведеніяхъ русско-еврейскихъ бытописателей, въ большинствѣ случаевъ исключала возможность вдумчиваго, всесторонняго изображенія жизни нашей народной массы. Последняя выступала здѣсь главнымъ образомъ, — въ качествѣ среды, выдѣляющей, въ известныхъ случаяхъ, изъ себя будущихъ «интеллигентовъ», въ образѣ ешиботника, рвущагося къ свѣту, гонимаго «вольнодушца» и т. п. персонажей, преимущественно привлекавшихъ вниманіе нашихъ романистовъ. Отводя этииъ персонажамъ центральное мѣсто, беллетристика обыкновенно интересовалась окружающею ихъ средою лишь постольку, поскольку последняя оказывала то или иное вліяніе на судьбу этииъ «героевъ»; приводила-ли борьба героя съ окружающею его средою къ тому, что последняя «забдала» его, или же къ побѣдѣ перваго, — во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ всегда стояла личность героя-интеллигента, народная же среда фигурировала единственно въ качествѣ фона, необходимаго лишь для того, чтобы рельефнѣе отдѣлнить черты героя беллетристическаго произведенія. При такого рода третьестепенной роли, отнеженной народной средѣ въ подавляющемъ большинствѣ произведеній нашей беллетристики, вопросы интимной жизни нашей массы, какъ не живущіе прямого, непосредственнаго отношенія къ главнымъ персонажамъ, вербавшіися изъ интеллигентнаго слоя, — эти вопросы отступали на задній планъ и какъ-то ступневывались.

Далѣе, значительное вліяніе въ этомъ отношеніи оказывало то обстоятельство, что изъ двойственной задачи, преслѣдуемой русско-еврейскою литературою, преимущественнымъ вниманіемъ у насъ всегда пользовались тѣ именно функціи ея, которыя рассчитаны на известнаго рода воздѣйствіе на общественное мнѣніе окружающей насъ среды. Это, естественно, приводило къ тому, что нашихъ беллетристовъ занимали главнымъ образомъ тѣ стороны нашей народной жизни, которыя порождаются тѣмъ или инымъ

отношеніемъ къ намъ не-еврейской среды. Явленія внѣшняго еврейскаго бѣта, слагающіяся подъ вліяніемъ правевыхъ условий и иныхъ причинъ, лежащихъ внѣ насъ,—вотъ что прежде всего интересовало еврейскаго балетриста въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ брался за изображеніе жизни нашей народной массы. Таковы «Штрафной», «Наагѣдственный подсвѣчникъ» О. А. Рабиновича, таково же и огромное большинство прочихъ произведеній русско-еврейской балетристики, преслѣдующихъ главнымъ образомъ цѣль реабилитаціи еврейства предъ не-еврейскимъ читателемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта, такъ сказать, апологетическая точка зрѣнія, прочно утвердившаяся въ средѣ нашей пишущей братіи, весьма невыгоднымъ образомъ отразилась на судьбахъ нашей балетристики. Это не значитъ, чтобы послѣдней можно было предъявлять упреки въ узкой тенденціозности, въ ложномъ распределеніи свѣта и тѣни при изображеніи еврейской жизни, и т. п.; такого рода обвиненія, если бы кѣмъ-либо и высказывались, никакъ не могли бы быть признаны заслуженными. Но дѣло въ томъ, что эта доминирующая точка зрѣнія поневолѣ суживала поле наблюденія нашихъ балетристовъ: фиксируя преимущественно *эмпиричныя* условія еврейской массовой жизни, они оставляли въ сторонѣ тѣ ея черты, явленія, особенности, которыя отмѣчены печатью самобытности, не находятъ объясненія въ явленіяхъ окружающей насъ среды и, какъ таковыя, представляются безразличными на взглядъ публициста. Существуетъ-ли въ дѣйствительности тотъ нервный читатель-нееврей, который всегда стоялъ предъ духовными этанами нашего балетриста и неизгѣнно приковывалъ его вниманіе,—этого разбратъ намъ не станемъ; ибо даже и не относя къ области гипотезъ самое его существованіе, нельзя не признать обычныя рамки русско-еврейскаго повѣствованія слишкомъ узкими, не выѣщающими отвѣта на вопросы,—чѣмъ живетъ наша народная масса, каковы самобытныя духовныя устои ея жизни, связывающіеся въ своеобразныхъ особенностяхъ ея внутренняго бѣта, ея устоивнаго обихода, и на цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, представляющихъ съ еврейской точки зрѣнія значительный интересъ.

Было бы неправильно утверждать, будто наша балетристика совершенно не знаетъ попытокъ безтенденціознаго, чуждаго реабилитаціонныхъ цѣлей, изображенія еврейской народной жизни. Такія попытки дѣлались нерѣдко и примѣровъ такого рода можно насчитать довольно изрядное количество. Но за исключеніемъ нѣсколькихъ рассказовъ Леванды (частію вошедшихъ въ составъ его «Очерковъ прошлаго»), врядъ ли прочіе оныи въ этомъ жанрѣ могутъ быть признаны удачными. Той жизненной правды, которая является результатомъ непосредственнаго общенія съ бытомъ на-

родной массы, вы не замѣчаете въ подавляющемъ большинствѣ произведеній нашихъ беллетристовъ-народниковъ; они могутъ иной разъ удачно отыскать тотъ или другой бытовой штрихъ, то или иное частичное явленіе жизни нашей массы, но они не дадутъ вамъ цѣльной, продуманной картины народной жизни, которая обнажила бы предъ вами двигающія послѣднюю пружины, вводила бы васъ въ тайники народной души. Для этого необходимо прежде всего — глубокое знаніе жизни массы, постигаемое не кабинетными штудіями и наблюденіями съ птичьяго полета, а непосредственнымъ участіемъ въ этой жизни. Если такого рода знаніе было у Леванды и нѣкоторыхъ другихъ изъ прежнихъ нашихъ писателей, то имъ не обладаетъ большинство людей нынѣшняго поколѣнія, поставленнымъ въ совершенно иные условія воспитанія и жизни, въ которыхъ находитъ все большее выраженіе разрывъ между «интеллигенціею» и «массою»; при оторванности одной отъ другой интеллигентъ относится къ народной массѣ какъ бы свысока, народъ же питаетъ къ интеллигенту своего рода недовѣріе, съживается передъ нимъ. И поэтому большинство нашихъ беллетристовъ-народниковъ невольно вызываютъ въ васъ впечатлѣніе какъ бы постороннихъ наблюдателей, подходящихъ къ чужой средѣ съ готовыми, заранѣе намѣченными вопросами, — преимущественно, впрочемъ, съ вопросомъ: а какъ, молъ, у васъ дѣло обстоитъ насчетъ просвѣщенія? И сейчасъ же неизвѣнно выступаютъ на сцену «жестокій» мелемедъ, «коварный» шахенъ и т. под. персонажи, столь излюбленные нашею беллетристикою и споконъ вѣка вкось и вкривь ею варіируемые, — какъ будто мелемедомъ, рошъ-ешивую или шахеномъ дѣйствительно исчерпывается содержаніе жизни нашей народной массы. Обличительное направленіе, представителями котораго выступили первые наши беллетристы, въ свое время оправдывалось тѣми условіями, съ которыми совпало возникновеніе русско-еврейской литературы; но утвердившись здѣсь съ чрезвычайною прочностью, направленіе это впоследствии наложило на нашу беллетристику печать односторонности. Десятилѣтія проходили, волны жизни сметали многое изъ прежнихъ явленій быта, выдвигали немало новыхъ явленій, а наша беллетристика, какъ бы застывъ въ своемъ обличительномъ направленіи, продолжала неизвѣнно носиться съ мелемедомъ, габаешъ хевре-кадише и т. п. типами и явленіями, — во всякомъ случаѣ утратившими прежнюю интенсивность, прежнее значеніе.

Безспорно, наша беллетристика не отражаетъ всей совокупности явленій жизни еврейской народной массы; она по большей части только скользитъ по поверхности бытовыхъ явленій либо отжившихъ, либо несомнѣнно отживающихъ, почти совершенно не затрагивая тѣхъ самобытныхъ основъ на-

родной жизни, которыя, казалось бы, заслуживали бы большого интереса и вниманія. И объ этомъ нельзя не пожалѣть,—не только потому, что обстоятельство это въ значительной мѣрѣ лишаетъ нашу беллетристику того истинно-бытового колорита, который обязателенъ для нея, какъ для беллетристики русско-еврейской, но еще и по другимъ соображеніямъ. Обстановка воспитанія и жизни большей части нашего молодого интеллигентнаго поколѣнія не даетъ послѣднему непосредственнаго знакомства съ особенностями быта нашей народной массы, все болѣе удаляетъ его отъ живого общенія съ этою послѣднею. На помощь этому поколѣнію должна явиться наша беллетристика; вводя его въ глубь народнаго быта, въ міръ духовной жизни мѣньшей братіи,—она способна внушить ему симпатію къ нашей массѣ,—глубоко несчастной, столь обремененной и судьбою, и (нечего грѣха таить!) родною интеллигенціею. Принцемъ ли мы явленіе, которое по позорности, по горечи вронѣ равносильно было бы тому равнодушію къ участи родной массы, какое обнаруживали прежнія наши интеллигентныя поколѣнія,—эти выпущенники школъ, на содержаніе которыхъ выколачивались изъ нищей, урѣзанной въ способахъ пропитанія, еврейской голтыбы послѣдніе гроши? Эти излюбленные герои беллетристики 60—70 гг., столь симпатичные читателю въ стадіи пролога, въ періодъ борьбы съ давящею «средою»,—въ жизненномъ эпилогѣ, достигнувъ ступеней извѣстныхъ, вырождались въ сухихъ и черствыхъ себялюбцевъ, порывавшихъ всякую связь съ выросшею изъ средою и всецѣло поглощенныхъ пошлыми идеалами личнаго благополучія. А лучшая, благороднѣйшая часть ихъ, которая угнѣла сберечь огонь любви къ ближнему,—утодила въ ряды «охранителей чужихъ виноградниковъ», бросая свой родной на произволъ судьбы. Нѣтъ ни одного изъ чередовавшихся въ окружающей насъ средѣ увлеченій, начиная съ прежняго «хожденія въ народъ» и вплоть до новѣйшихъ теорій «опрощенія», которому бы не отдала дань наша интеллигенція; все, рѣшительно все ее занимало,—крошкѣ страждущей родной массы. Послѣдніе годы выдвигаютъ дѣятелей иной, новой формациі; нынѣшнее наше молодое поколѣвіе обнаруживаетъ больше вниманія къ нуждамъ еврейской массы, къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ ней; оно стремится какъ бы загладить вину своихъ «отцовъ» предъ народною массою. Это новое направленіе, постепенно обозначающееся въ средѣ нынѣшней интеллигентной молодежи,—обѣщаетъ много добраго и полезнаго, если оно одухотворено будетъ знаніемъ своеобразныхъ условій быта, основъ жизни народной массы. Въ этомъ знаніи—залогъ разумной, осмысленной дѣятельности на пользу народа. Ибо какъ бы мы, немногочисленная горсть интеллигентовъ, ни кичились

своими умышленными превосходствомъ, общій тонъ жизни дается не нами, а народною массою, крѣпко охраняющею устои своего быта, дорожащею тѣми традиціями, въ которыхъ она черпаетъ утѣшеніе и бодрость въ мучительной борьбѣ за существованіе. И безъ знанія этихъ вѣковыхъ основъ жизни народной массы всякая дѣятельность на пользу этой послѣдней либо останется въ области «благихъ наміреній», либо приведетъ къ неудачнымъ экспериментамъ, лишеннымъ твердой, надежной почвы.

Среди нашихъ беллетристовъ особенное мѣсто занимаетъ г. Венъ-Ани, — не только по крупнымъ размахамъ его художественнаго дарованія, но и по избранному имъ жанру и по той своеобразной манерѣ, съ какою этотъ послѣдній имъ воздѣлывается: Область, которую онъ отмежевалъ для себя — это бытъ народной массы, и въ своихъ произведеніяхъ, неизвѣнно посвященныхъ имъ изображенію жизни еврейской массы, г. Венъ-Ани всегда остается чуждъ охарактеризованныхъ нами выше тенденцій, которыя скрывать у большинства нашихъ беллетристовъ. Въ дышащемъ большимъ теплотой предисловіи г. Венъ-Ани къ вышедшему на-дняхъ первому тому его «Собранія разсказовъ и очерковъ» авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Обыкновенно еврейскій писатель, если только онъ посвящаетъ свою литературную дѣятельность евреямъ, въ большинствѣ случаевъ смотритъ на себя преимущественно какъ на «защитника» послѣднихъ. Въ какой бы литературной области онъ ни выступалъ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду «защиту». И даже когда онъ обращается исключительно къ евреямъ, часто даже когда пишетъ на языкѣ, не-еврейскому міру совершенно недоступномъ; напр. на древне-еврейскомъ, — и тогда его духовные взоры невольно остаются прикованы къ «нимъ», этнически виднымъ и невидимымъ «врагамъ» Израиля. И чуть ли не въ каждомъ пассажѣ сквозитъ явное стремленіе убѣдить «ихъ», доказать «нимъ», оправдать передъ «ними», вызвать состраданіе въ «нихъ» и т. д. Признаюсь, во мнѣ всѣ эти виды «защиты», всѣ эти стремленія «доказать» и т. д. всегда вызывали самое тяжелое, самое неприятное чувство. Я не знаю ничего болѣе обиднаго, болѣе унижательнаго для достоинства чловѣка, какъ то, что всякій почтену то считаетъ вужнымъ его оправдывать, защищать предъ кѣмъ то, чуть ли не просить прошенія за то, что онъ имѣетъ непростательное желаніе существовать; мысль о томъ, чтобы выступить «защитникомъ», имѣть, такимъ образомъ, не только чужда, но и глубоко антипатична. Я меньше всего думаю о томъ, чтобы кому то доказать или показать. Я рѣшительно не думаю,

чтобы мы передъ кѣмъ либо были виноваты, а до того, какъ о насъ кто думаетъ, мы рѣшительно все равно...» (стр. VI).—Мы привели это мѣсто, такъ какъ оно важно для уясненія одной изъ лучшихъ чертъ литературнаго облика г. Бенъ-Ани, вытекающей изъ самаго свойства его дарованія. Г-нъ Бенъ-Ани—поэтъ, подходящий къ изображенной имъ средѣ безъ предвзятыхъ цѣлей и нацѣленій, и влекомый только присущимъ ему художественнымъ инстинктомъ. Имъ руководить не мотивъ защиты, а чутье прекраснаго, которое заставляетъ его предполагать въ этой на первый взглядъ столь неказистой жизни народной массы явленія притягательныя, глубоко-симпатичныя, и которое его не обманываетъ. Его вниманіе поэтому притягиваютъ не столько бытовые явленія, складывающіяся преимущественно подъ вліяніемъ вѣшняго, правового положенія евреевъ, сколько тѣ стороны нетипичной еврейской жизни, въ которыхъ находятъ себѣ выраженіе представленія, надежды и упованія, тающіяся въ глубинѣ народной души, и которыя заключаютъ въ себѣ высокій интересъ для вдумчиваго художника-психолога. Отсюда простота и безыскусственность фабулы большинства произведеній г. Бенъ-Ани: быть той среды, которую онъ изображаетъ, выражается въ цѣлой массѣ мелочей повседневной жизни, рамки которой не выщипаютъ сложныхъ сюжетовъ или отдающихъ «выдумкою» комбинацій. Не ищите въ его произведеніяхъ «героевъ» въ общепринятомъ смыслѣ; если есть въ рассказахъ г. Бенъ-Ани такъ назыв. герои, то это—только незамѣтные герои труда и терпѣнія. Отдѣльная личность никогда не образуетъ собою центра, на которомъ преимущественно сосредоточивалось бы вниманіе нашего беллетриста, напротивъ—ея жизнь всегда переплетена съ коллективною жизнью окружающей ее среды; въ его рассказахъ на первомъ планѣ всегда именно жизнь цѣлаго, и личность преимущественно фигурируетъ какъ часть этого цѣлаго, живущая общою жизнью, общими представленіями съ обширнымъ кругомъ индивидуумовъ, въ совокупности своей составляющихъ народную массу. Поэтому въ его произведеніяхъ насъ всегда поражаетъ эта, такъ сказать, отдѣланность фона, богатство бытовыхъ аксессуаровъ, выпуклость среды, въ которой выступаютъ отдѣльные персонажи,—словомъ та черта, которая, въ примененіи къ области изобразительнаго искусства, характеризуется обиліемъ «воздуха». И въ этомъ—одна изъ лучшихъ особенностей произведеній нашего талантливаго беллетриста. Г-нъ Бенъ-Ани—писатель въ значительной степени субъективный,—не въ томъ смыслѣ, чтобы это приводило его къ идеализированію той среды, которую онъ предъ нами воспроизводитъ,—для этого онъ слишкомъ одаренъ художественнымъ тактомъ и чутьемъ правды; а въ томъ смыслѣ, что въ каждой

его строкъ сквозитъ чувство глубокой симпатіи къ подавленной горемъ еврейской массѣ, и это чувство, неизгнимо проникающее его повѣствованія, сообщаетъ послѣднимъ ту лирическую дымку, которая невольно подкупаетъ читателей. Онъ — не равнодушный, отдѣленный надлежащею дистанціею зритель, а именно «соучастникъ», много переиспытавшій и переболѣвшій вѣсть со многими другими, и не могущій, въ силу присущаго ему дарованія, не повѣдать прочимъ про горе и нужду нашей массы и про то, чѣмъ она живетъ, что ее бодритъ (и поддерживаетъ среди безконечныхъ лишений. «Слова, исходящія изъ глубины сердца, въ сердце же и проникаютъ»). И хотя нашъ авторъ весьма далекъ отъ тенденцій «защиты», соображеній реабилитаціи, — мы не знаемъ другого еврейскаго беллетриста, произведенія котораго способны были бы такъ же будить въ восторгъ читателей сочувствіе къ судьбѣ нашей массы, какъ рассказы г. Бенъ-Ами.

То обстоятельство, что большинство произведеній г. Бенъ-Ами печаталось на страницахъ «Восхода» *, освобождаетъ насъ отъ детальной передачи содержанія его рассказовъ, извѣстныхъ большинству нашихъ читателей. Поэтому намъ приходится ограничиться нѣкоторыми общими замѣчаніями, которыя какъ бы запрашиваются при чтеніи книги г. Бенъ-Ами.

Глубоко безотрадна рисуемая нашими авторомъ жизнь еврейской массы, той массы, которая главнымъ образомъ несетъ на себѣ подавляющую тяжесть исконнаго «Judennoth». Правовыя облегченія «эпохи реформъ», разсчитанныя преимущественно на интеллигентные или матеріально-обеспеченные слои еврейскаго населенія, менѣе всего коснулись нашей народной массы; изнемогающей въ мучительной борьбѣ за существованіе, спертой въ тѣсномъ и удушливомъ пространствѣ злополучной «черты» и безконечно урѣзанной въ способахъ пропитанія, въ средствахъ снисканія насущнаго хлѣба. Эти мучительно-тяжелыя условія существованія породили много уродливыхъ явленій въ массовомъ еврейскомъ быту, но они не изсушили народную душу; «въ рабствѣ спасенное» народное сердце еще сохранило живую восприимчивость ко всему благородному и прекрасному и бережно хранитъ свои вѣковые идеалы и традиціи. «И это — говоря словами г. Бенъ-Ами — есть то единственное отрадное, то свѣтлое, которое представляется въ жизни еврейства, свѣтлое въ области духа, въ области идеала. Это — безбрежный океанъ страданій, надъ которымъ высоко, высоко на небѣ

* Изъ трехъ рассказовъ, вошедшихъ въ составъ лежащей предъ нами книги, только одинъ («Въ ночь на Гошано-Рабо») не былъ помѣщенъ въ „Восходѣ“.

танъ и снѣгъ между густыми черными тучами мерцають яркія звѣздочки»... Сколько бы ни стремились тяжелыя условія жизни засосать все существо индивидуума, въ глубинѣ народной души, несомнѣнно, таятся инстинктивная преданность Торѣ и нетлѣнные упованія, завѣщанныя народу его печальниками-пророками. Г. Вонъ-Али съ любовью и рѣдкимъ уиѣньемъ открываетъ и воспроизводитъ въ художественныхъ образахъ эти явленія душевной красоты, которыя суровая дѣйствительность можетъ заслонить, окутать пыльною пеленою, не будучи, однако, въ состояніи ихъ уничтожить. Въ его произведеніяхъ предъ нами проходитъ цѣлый рядъ маленькихъ, незамѣтныхъ людей, съуйѣвшихъ, среди безконечно-тяжелыхъ условий существованія, сохранить живую душу, исполненную беззаветной преданности Торѣ и вѣковыми надеждами,—людей, которые быть можетъ, болѣе чѣмъ кто бы то ни было, вправѣ были бы претендовать на патентъ героевъ и которые даже и не подозреваютъ, какой подвигъ героизма являетъ собою ихъ жизнь. Тора—палладіумъ не только для людей, для которыхъ изученіе таковой является основою жизненной профессіи, какъ напр. для р. Азрѣля («Въ ночь на Гошано-Рабо»), но и для тѣхъ, которые, казалось бы, всецѣло поглощены тяжелыми житейскими заботами и нуждами. Переплетчикъ Вейнишъ («Маленькая драма») урываетъ подъ праздникъ свободныя минуты, чтобы заглянуть въ Зогаръ или иную книгу, и всѣмъ своимъ существомъ уходитъ въ любимое чтеніе, забывая всѣ тѣ мелкія, но мучительныя драгги, которыя только что томили его душу. Правда, этотъ бѣдный переплетчикъ—человѣкъ преимущественно мысли, книжникъ; въ немъ всегда преобладаетъ элементъ духовный; ему по природѣ чужды практическіе расчеты и соображенія, и его тяготитъ проза жизни. Но вотъ предъ нами существо, повидимому, всецѣло ушедшее въ дѣло стяжанія,—трезвая и практическая Гутель («Въ ночь на Г.-Рабо»),—и для нея Тора является высшимъ идеаломъ, ради котораго она готова принести всякія жертвы, забывая всѣ сухіе расчеты. Ей доставляетъ высокое блаженство сознаніе, что у нея достаточно силъ, чтобы работать на всю семью, что этихъ она дастъ нужу возможность заниматься изученіемъ Торы; когда сыну ея наступаетъ двѣнадцать лѣтъ, она, не щадя расходовъ, отсылаетъ его въ Литву, чтобы онъ сдѣлался благочестивымъ, ученымъ евреемъ, — не то что эти южные «Grobe Jungen», презираемые ею, уроженкою Литвы. Бѣднаго, несчастнаго сапожника Юське («Вааль-тефил») терзаетъ сознаніе своего неѣжества, и завѣтнѣйшее его желаніе это, чтобы его Мейерке когда-либо сдѣлался знаткомъ Торы. «Объ одномъ только прошу—говорить онъ — постоянно

у Бога: чтобы мои дѣти вышли людьми, настоящими людьми и остались истинными евреями, не были бы такими невѣждани въ еврейскомъ, какъ я! Самъ я виноватъ, не хотѣлъ я въ дѣтствѣ учиться.. Плохая, знаете, у меня голова. Вотъ мой Мейерке, кажется, не таковъ. Его ребе очень хвалить. И сколько у меня будетъ силъ, буду его учить, учить и учить» (стр. 169). И мысль о томъ, что его Мейерке станеть «истиннымъ евреемъ» озаряетъ блаженствомъ его лицо. Не имѣя завидной возможности «заглядывать въ книгу», онъ находитъ удовольствіе глубоко таящимся въ немъ духовнымъ запросамъ: — въ жертвахъ и трудахъ для маленькой, бѣдной синагоги, избравшей его своимъ габа. Какую гордостью, какими довольствомъ сіяетъ онъ каждый разъ, когда изъ кивота вынимають Тору, украшенія для которой пожертвованы имъ, бѣднымъ сапожанкомъ! Р. Шмуэль («Маленькая драма»), проводящій до пятнадцати часовъ въ сутки за верстакомъ, знающій, кромя верстака, только бесъ-гамидрашъ, куда онъ ходитъ дважды въ день и гдѣ усердно молится, хотя совершенно не понимаетъ смысла произносимыхъ имъ молитвъ, — р. Шмуэль смотритъ съ какимъ-то благоговѣніемъ на всякаго, кому смыслъ въ доступенъ и кто вообще свѣдущъ въ этой области, будь то хоть двѣнадцатилѣтній мальчикъ. По субботамъ и праздникамъ онъ послѣ обѣда читаетъ женѣ Библию или другую книгу духовнаго содержанія въ переводѣ на жаргонъ, и это чтеніе служитъ для обоихъ источникомъ глубокаго наслажденія. Эта чета бездѣтна; ихъ, конечно, огорчаетъ отсутствіе дѣтей; долгое время они желали взять приемыша, но таковой не находилъ, — гдѣ найти еврея, который согласился бы разстаться съ своимъ ребенкомъ? «И вотъ они перенесли всю свою любовь, всѣ свои лучшія чувства на синагогу, гдѣ они находили для себя утѣшеніе въ настоящемъ и надежду въ будущемъ. То устроятъ на свой счетъ вѣчную ланшаду, то отдадутъ всѣ трудовые гроши на занавѣсъ для ковчега, на бархатную скатерть для стола, гдѣ читають Тору. Но величайшимъ идеаломъ для нихъ было — скопить деньги для приобретенія свитка Торы и потомъ торжественно, съ музыкой, передать ее въ синагогу, гдѣ будутъ по ней читать въ поколѣнія въ поколѣнія. Это стало задачей всей ихъ жизни, которая тогда получила для нихъ опредѣленное назначеніе, опредѣленный смыслъ. И сталъ р. Шмуэль работать дни и ночи, забывая совершенно объ отдыхѣ и думая только о томъ радостномъ днѣ, когда его цѣль будетъ достигнута. «Не суждено намъ дити наше вести подъ балдахинъ, поведемъ подъ балдахинъ священнику Тору», говорилъ р. Шмуэль своей женѣ, которая, бывало, подопретъ подбородокъ одной рукой и льетъ тихія слезы, слушая эти слова» (стр. 24—25).—

Это духовное начало, которое такъ сильно въ жизни народной массы, хотя она порою и заслоняется тяжелыми условіями повседневной жизни, съ особенною яркостью выступаетъ въ дни праздниковъ, когда всѣ и все какъ бы очищается отъ своего матеріальнаго элемента, и будничная дѣйствительность сдвигается дивною поэзію, міромъ грѣвъ, легендъ и упованій, озаряющихъ лицо каждаго сіяніемъ духовнаго счастья. Г. Ванъ-Ани мастерски умѣетъ изображать это восторженно-молитвенное настроеніе, овладѣвающее въ такіе дни массою и превращающее ее какъ бы въ единое, отрѣшенное отъ всего земнаго существо, которое живетъ общими чувствами, общими мыслями; описанія этихъ моментовъ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ произведеній г. Ванъ-Ани, и мы не можемъ не пожалѣть, что недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности привести хотя бы нѣкоторые образцы такого рода описаній, въ обиліи разсѣянныхъ въ лежащей предъ нами книгѣ.

Это религіозное начало, глубоко коренищающееся въ существѣ массоваго еврея, кладетъ основаніе извѣстному чувству дисциплины, которое строго опредѣляетъ грань между доступными и не доступными, дозволенными и не дозволенными. Религіозная дисциплина, которую массовой еврей носитъ въ своей душѣ, быть можетъ и не всегда ее сознавая, обуздываетъ въ немъ желанія недосигаемаго, дѣлаетъ его менѣе чувствительнымъ къ ударамъ суровой дѣйствительности и устраняетъ возможность тѣхъ компромиссовъ, на которые нерѣдко готовы люди нашего интеллигентнаго слоя, въ видахъ обрѣтенія благъ земныхъ. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній, и съ такого рода исключеніемъ мы встрѣчаемся въ разсказѣ «Маленькая драма» въ лицѣ молодой Хан, рѣзко протестующей противъ «проклятой жизни», — сплетенной изъ горя и нужды (стр. 7). Но большинство тѣхъ, кто раздѣляетъ съ нею эту же «проклятую жизнь», стоически несутъ свою тяжелую ношу, повинуюсь тому своеобразному чувству кѣры, которое воспитала въ нихъ религіозная дисциплина. Вѣднѣй Вейнишъ, утѣшая сына, съ которымъ случилась «маленькая драма», лишившая мальчика одной изъ тѣхъ радостей, которыя такъ рѣдко выпадаютъ на долю дѣтей бѣдняковъ, — говоритъ: «Не плачь, Лейбеле, сынъ мой. Такъ оно должно быть. Ты слишкомъ много радовался. А бѣдняку слишкомъ радоваться нельзя» (стр. 49). И это — не пустыя слова, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ для успокоенія плачущихъ дѣтей, а плодъ убѣжденія, выработаннаго взаимодѣйствіемъ суровой жизненной обстановки и религіознаго начала, убѣжденія, что слишкомъ радоваться нельзя, какъ нельзя и слишкомъ многого желать. «Что значить хочю! Ну, а если вдругъ захочу ииѣтъ *басъ-малке* (королевскую дочь!)» — таковъ освященный доводъ про-

тивъ всякаго рода несбыточныхъ или предосудительныхъ желаній. Этого доводъ обыкновенно даетъ силу, выносливость и терпѣніе и оставившая зарождающіяся страсти. И въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда съ силою вспыхнувшее въ комъ-либо чувство или желаніе сталкивается съ этикъ прочныхъ, неутомимыхъ сознаніемъ долгаго и недозволенаго, — открывается поле для драмы, вродѣ той, о которой повѣствуетъ чудный разсказъ: «Вааль-тефило». Намъ приходилось встрѣчаться съ ивѣніемъ, признававшимъ неправдоподобною, искусственною фавулу этого разсказа, въ основу которой положена зародившаяся въ душѣ глубоко-религіознаго «вааль-тефило» р. Авнера любовь къ пѣвицѣ, которую тотъ увидалъ въ театрѣ и которая плѣнила его и чудными голосомъ, и красотою. Съ этикъ ивѣніемъ нельзя согласиться; если не ошибаемся, аналогичный эпизодъ ивѣль мѣсто въ жизни извѣстнаго кантора, фигурирующаго въ народной молвѣ подъ именемъ виленакаго «бале-бесль». Но нѣтъ надобности въ такого рода фактическихъ указаній для подтвержденія того, что фавула «Вааль-тефило» ничуть не идетъ въ разрѣзъ съ художественною правдою. Изобрази авторъ р. Авнера въ роли пошлаго воздыхателя или одурманенаго чувственными влеченіемъ «героя» — въ этомъ несомнѣнно звучала бы фальшь. Въ чувствѣ, вспыхнушемъ въ душѣ глубоко-музыкальнаго р. Авнера, главную роль игралъ элементъ художественный; женщина, заставившая мучительно трепетать его бѣдное сердце, явилась предъ нимъ олицетвореніемъ искусства, красота котораго дивно сочеталась съ прекрасною наружностью пѣвицы; чудные звуки ея голоса въ его представленіи переплелись съ чертами ея лица. И если бы р. Авнеръ съумѣлъ глубже проникнуть въ волнуемое его чувство, — онъ обнаружилъ бы, какъ далеко оно отъ того грѣховнаго элемента, который заставляетъ его содрогаться и страдать. Но р. Авнеру чуждъ тонкій самоанализъ; для него достаточно сознанія, что его, смиреннаго и глубоко-вѣрующаго «посланца общины», выступающаго предъ Всевышнимъ съ молитвою за Его народъ, — его всюду преслѣдуетъ образъ пѣвицы, и это сознаніе повергаетъ его въ ужасъ; онъ изнемогаетъ въ тяжелой внутренней борьбѣ, которая быстро подкашиваетъ его хрупкій, болѣзненный организмъ. Нужно значительное чутье правды и шѣры, чтобы успѣшно справиться съ рискованною фавулою «Вааль-тефило». И этикъ чутьемъ достаточно владѣеть г. Бенъ-Ани, чтобы выйти побѣдителемъ изъ столь трудной задачи.

Ограничимся на этотъ разъ немногими высказанными нами въ настоящей запискѣ по поводу перваго выпуска «Собранія разсказовъ и очерковъ» г. Бенъ-Ани, и отложимъ болѣе подробную бесѣду о произве-

деніяхъ нашего талантливаго беллетриста до выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ этого изданія, появленія которыхъ еврейская читающая публика, несомнѣнно, будетъ ожидать съ нетерпѣніемъ. Заканчивая эти строки нашу послѣднюю за истекающій годъ литературную хронику, не можемъ не отиѣтить, что чтеніе книги, подобной «Собранію рассказовъ» г. Венъ-Ани, съ избыткомъ вознаграждаетъ обозрѣвателя еврейской литературы за тяжелыя минуты, которыя увы! нерѣдко выпадаютъ на его долю.

С. Гинзбургъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

לְבַנֵּי הַמַּלְכִּים 1) *Исидей замелехъ Аминадавъ, т. е. друзья короля Аминадава.* 2) *Ковецъ сикотъ котонъ, т. е. Маленькій сборникъ сказокъ. Сказки Р. Густафсона. Переводъ И. Пинеса.*

3) а) *Гамелехъ ашеръ шеното низоло.* б) *Пирхе сосонъ, т. е. а) Король страдающій безсонницей.* б) *Цвѣты радости. Сказки Р. Густафсона. Перев. И. Левнера.*

4) *Гакалифъ захасида, т. е. Сказка о калифъ-аистъ. Сказка Гауфа. Перев. И. Левнера.*

5) *Гакало Гоамитисъ, т. е. Настоящая невеста. Сказка для дѣтей братьевъ Гримма (Гриммъ). Перев. С. Бермана. Изд. «Тушія». Варшава. 1897 г.*

Фирма «Тушія» въ своихъ изданіяхъ «для дѣтей» отводитъ значительное, даже преобладающее мѣсто сказкамъ—и хорошо дѣлаетъ. Маленькому еврейскому читателю нуженъ этотъ непосредственно-наивный и безхитростный волшебнo-поэтичeskій міръ, какъ полезное дополненіе къ тону сухому, формальному схоластически-суровому режиму, подъ который онъ, этотъ маленькій читатель, обыкновенно подпадаетъ съ первыхъ же шаговъ своей хедерной учебы. Пусть онъ, непосильно работающій надъ прихотливыми изгибами тонкой діалектики и своеобразными построениями казуистической мудрости, отдохнетъ среди этихъ чудесно-привлекательныхъ вымысловъ и призрачно фантастическихъ картинъ и видѣній; пусть беззаботно, отъ души, подѣтски посвятится онъ, окруженный этой пестрой свѣтлой дѣйствительно свѣтлыхъ неожиданностей и превращеній, обманчивыхъ образовъ и шуточныхъ иллюзій, подчасъ исполненныхъ однако глубокопоучительнаго содержания и смысла.—Это ему полезно.

Сказки въ изданіяхъ «Тушія»—переводныя по преимуществу. Есть тутъ и Густафсонъ, и Гауфъ, и братья Гриммъ¹; есть также Пушкинъ («О

¹ Не видимъ здѣсь почему-то только Андерсена. Не объясняется-ли это обстоятельство тѣмъ, что значительное собраніе избранныхъ сказокъ знаменитаго датскаго писателя имѣется уже въ еврейскомъ переводѣ г. Фришмана.

рыбакъ и рыбакъ»); не мало есть сказаній и легендъ восточныхъ, арабскихъ и др., — словомъ, матеріалъ довольно разнообразный. Выборъ изъ этого матеріала дѣлается почти всегда удачный, а самыя книжки, какъ уже мы высказались на этихъ страницахъ, издаются опрятно и хорошо и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, и—что весьма важно—стоятъ онѣ очень дешево.

То же въ частности приходится отмѣтить и по поводу лежащихъ теперь передъ нами выпусковъ разсматриваемой серіи дѣтскихъ книжекъ, носящей общее названіе *Librei haneugim* и распадающейся на отдѣлы: «для дѣтей» и «для юношества». Подлежащія нашему разбору книжки, разумеется, относятся къ первому отдѣлу.

Изъ двухъ сказокъ Густафсона, переведенныхъ г. Пинесонъ, особенно замѣательна первая. «Друзья короля Амнадава» востанно и клятвою увѣряютъ его въ своей неизмѣнной любви и преданности, но трусливо и малодушно отступаются отъ него въ критическую минуту (которая, впрочемъ, оказывается хитро придуманнымъ испытательнымъ маневромъ самого короля)—въ противоположность одному бѣдному старику, никогда шумно не выражавшему своихъ чувствъ къ Амнадаву и тѣмъ не менѣе доказывающему ему на дѣлѣ свою вѣрность и советуящему ему, въ заключеніе, опираться не на чувства вельможъ и «знати» вообще, а на искреннюю и прочную любовь простой массы народа. Переведенная тѣмъ же авторомъ вторая сказка Густафсона—вещь болѣе поэтическая, тѣмъ нравоучительная, хотя и она—не безъ симпатичной «мысли». Маленькая старая книжечка—сборникъ дѣтскихъ сказокъ—забита и затеряна въ дальнемъ углу книжнаго шкафа, наполненнаго толстыми чванливыми томами въ изящныхъ переплетахъ, едва достаивающими презрительнаго взгляда свою бѣдную обтрепанную сосѣдку, уже разъ испытавшую на себѣ позорную долю и мучительный стыдъ пребыванія въ рукахъ безграмотной кухарки, но не перестающую мечтать о лучшей участи. И когда мечты маленькой книжечки осуществляются, когда вошедшая въ домъ новая молодая хозяйка находитъ ее, свою подругу дѣтства, заказываетъ для нея дорогой переплетъ и никогда съ нею не расстаётся, нашъ скромный сборникъ сказокъ не хвастаетъ и не завязываетъ передъ сконфуженными теперь и про себя негодующими изящными аристократами-романами и прочими знатными обитателями книжнаго шкафа.—Милая сказка, въ общемъ удачно переданная по-еврейски г. Пинесонъ, хотя, въ частности, языкъ у него и не всюду безукоризненъ.

Еще лучше переведены другія двѣ сказки того же автора г. Леккеромъ, соединившихъ ихъ въ одной книжкѣ, вѣроятно, по причинѣ дѣ-

ствительно объединяющего объ сказки одинакового правоучительного мотива. Въ одной—король-деспотъ мучается и страдаетъ безсонницей долгое время, тщетно ожидая помощи отъ созванныхъ со всего государства врачей, подвергающихся тяжкимъ наказаніямъ за безуспѣшные результаты своего лѣченія; его спасаетъ, наконецъ, никому невѣдомая, бѣдная дѣвушка-пастушка, открывшая ему секретъ его болѣзни: королю не снится оттого, что онъ жестокъ и злъ; побольше доброты, сердечности, любви—и слѣды мучительнаго безпокойства исчезнутъ. Въ другой сказкѣ — въ «Цвѣтахъ радости» — эти великолѣпные, чудные цвѣты благоухаютъ и цвѣтутъ вблизи жилища бѣднаго крестьянина, но вянуть и блекнуть въ роскошномъ дворцѣ его богатаго барина. И здѣсь,—опять-таки по объясненію бѣдной красавицы, дочери крестьянина,—вся бѣда въ томъ, что баринъ злъ, угрюмъ и праченъ; ему надо быть добрее, ласковѣе, радостнѣе—тогда и у него чудно заблагоухаютъ «цвѣты радости». Итакъ, доброта и незлобивость—вотъ что нужно человѣку, вотъ что творить чудеса. Мысль, безспорно, прекрасная, и читатель, пожалуй, убѣждается въ этомъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ слова бѣдныхъ красавицъ оправдываются на дѣлѣ: вслѣдствіе благотворительной перемены, происходящей въ характерѣ короля и барина, одинъ начинаетъ спать спокойно, а у другого именно распускаются «цвѣты радости»; но убѣжденіе это болѣе дидактическо-отвлеченнаго, разсудочнаго свойства и скорѣе смутно, чѣмъ ясно и отчетливо вытекаетъ изъ содержанія сказокъ: во второй изъ нихъ взаимоотношеніе между душевными качествами человѣка и тѣмъ или инымъ свойствомъ цвѣтовъ слишкомъ ужъ проблематично и загадочно даже для сказки, а въ первой—нѣкоторое недоузніе возбуждаетъ ея заключеніе, гдѣ спасительница-пастушка говоритъ королю: «ты это моею матерію обязанъ своимъ выздоровленіемъ, ибо это она учила меня молиться на сонъ грядущій для того, чтобы спать спокойно»... Итакъ—что же все-таки нужно для пріобрѣтенія душевнаго мира и покоя? Необходима-ли для этого ослѣпительная, существенная, *дѣятельная* любовь, или же достаточно только совершеніе передъ сномъ одной лишь *Kriaz-schna*?—За то языкъ перевода очень хорошъ: простъ, красивъ и необычайно легокъ.

Такъ же хорошо переведенная г. Левнеромъ сказка В. Гауффа о *калифѣ-антѣ* полна волшебства и чудесъ и вовсе лишена, кажется, какого-либо опредѣленнаго правоучительнаго смысла. Но мы этого обстоятельства отнюдь не думаемъ поставить ей въ упрекъ: безпретенціозная, но художественно написанная, веселая и занимательная *сказка* имѣетъ полное право на существованіе рядомъ съ таковою же поучительнаго характера; если

«калифъ-антъ» и заслуживаетъ нѣкотораго упрека—то это за его немного излишнюю растянутость (на 28 стр.) при весьма несложномъ содержаніи.

Очень несложенъ также сюжетъ «Настоящей невѣсты»—никой и тоже безпритязательной сказки бр. Гриниъ, переведенной С. Верманомъ. Здѣсь—злая фуриѧ-мачиха, страдалица-падчерица и волшебница-старушка, въ качествѣ доброй феи исполняющая за бѣдную падчерицу всѣ сверхъестественныя работы, задаваемые ей извергомъ-мачихой, и наконецъ — гибель этой послѣдней и полное торжество ея бывшей жертвы, плѣняющей сердце прекраснаго принца. Что касается языка перевода, то въ немъ и на этотъ разъ, какъ и въ другихъ работахъ г. Вермана, замѣтны нѣкоторые недочеты (онъ употребляетъ, напримѣръ, недопускаемое въ еврейскомъ языкѣ выраженіе—«сдѣлать вещь изъ чего-либо» (стр. 15), а въ самомъ изложеніи, въ общемъ удовлетворительномъ, мы встрѣтили такое мѣсто: «Видеть дѣвушка — ложка (которою мачиха послала ее вычерпать воду изъ рѣки) вся дырявая; но еслибы даже она и была цѣлая, то и тогда она была бы недостаточна для того, чтобы ею вычерпать всю воду изъ большой рѣки» (стр. 7). Неужели не представляется совершенно излишнимъ это послѣднее, черезъ-чуръ ужъ навязное, чтобы не сказать болѣе, объясненіе о бессиліи ложки, «хотя бы и цѣлой», исчерпать многоводную рѣку? Положить—это переводъ, и переводъ съ *нѣмецкаго*; но не всякое же лыко въ строку...

Въ итогѣ, однако — и сейчасъ рассмотрѣнныя нами книжки достоинства своимъ не уступаютъ прочимъ выпускаемъ той же серіи «дѣтскихъ» изданій почтенной варшавской фирмы, дѣятельность которой въ пользу еврейской литературы заслуживаетъ всякаго сочувствія.

1) *התת תבשׁ* П. Л. Фишманъ и М. Либерманъ. *Софо Хаю* (Живая рѣчь). *Иллюстрированная еврейская азбука для обученія чтенію и письму въ школѣ и дома. Рига, 1897 г. Изданіе Эрнста Платеса. Ц. 30 к.*

2) *מפרש מ"ב* (Бетъ микра). *Руководство къ изученію древнееврейской грамоты по наглядно-звуковой методѣ съ рисунками въ текстѣ. Составилъ М. Б. Шнейдеръ. Выпускъ первый. Букварь. Варшава, 1897 г.*

Время беретъ свое... Нѣкогда всякій безъ исключенія еврейскій школьникъ, 4—5 лѣтнаго возраста, начиналъ свои первые учебные шаги съ того, что, закутанный въ отцовскій талесъ, сперва лизалъ обсыпанную

сахаромъ азбуку-табличку, положенную передъ нимъ его меландонъ, а затѣмъ принимался выкрикивать вслѣдъ за послѣднимъ названіемъ буквъ еврейскаго алфавита,—и тѣмъ усерднѣе и громче выкрикивалъ ученикъ, тѣмъ ласковѣе трепалъ его по плечу учитель и тѣмъ большій кусокъ сладкаго пряника бросалъ ему за то «ангелъ» съ неба... Такая была система. Сперва азбука-табличка, потомъ молитвенникъ или псалтырь, а «наглядная» пособия при этомъ—широкая длань меланда или его свистящій ремешокъ...

Но времена, говорятъ, мѣняются. Конечно, нельзя еще сказать, что все это уже было да былълихъ поросло, что вся эта «система» перешла уже въ область преданія, но что въ ея дотолѣ неизменно-стойкихъ твердыняхъ сдѣлана значительная брешь, что ея древнѣе и освященныя этой же древностью устои порядочно пошатнулись подъ напоромъ новаго духа вѣка,—это, кажется, несомнѣнно. Теперь очень многія еврейскія дѣти получаютъ свое первоначальное еврейское образованіе не у меланда и не въ хедерѣ, а у настоящихъ, заправскихъ учителей въ школахъ или дома; теперь очень многія дѣти учатся по-еврейски не по азбукѣ-табличкѣ, молитвеннику да псалтырю, а по дѣйствительнымъ, рациональнымъ учебникамъ и руководствамъ; доказательство—все болѣе и болѣе усиливающийся спросъ на книги средѣ тѣхъ, заглавія коихъ выше нами выписаны.

Обѣ эти книжки мало чѣмъ отличаются одна отъ другой и обѣ составлены по образцу уже существующихъ въ обще-педагогической литературѣ подобныхъ же руководствъ, основанныхъ на принципахъ наглядности, постепенности и занимательности для дѣтей предмета обученія и наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія учебнаго матеріала.

Въ обоихъ разсматриваемыхъ учебникахъ принципы эти проведены и выдержаны очень удачно. Въ основу обученія еврейской грамотѣ здѣсь положена наглядная система рисунковъ; подъ ними—названія изображенныхъ предметовъ, печатнымъ и писаннымъ шрифтомъ, заключающія въ себѣ тѣ именно звуки, которые каждый разъ предстоитъ усвоить учащемуся. Такъ именно происходитъ, какъ извѣстно, звуковое обученіе чтенію-писанью и на другихъ языкахъ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, такая система имѣетъ особенно важное значеніе. Когда дѣло идетъ о родномъ, разговорномъ языкѣ учащагося, то тотъ или иной рисунокъ служитъ только для выдѣленія изъ его названія извѣстныхъ звуковъ, но не для сообщенія учащемуся самаго этого названія, которое въ большинствѣ случаевъ ему знакомо *на томъ же языке*. Въ нашомъ же случаѣ, когда еврейскія слова неизвѣстны дѣтямъ даже лишь по слуху, рисунокъ призванъ играть кромѣ упомянутой служебно-вспомогательной роли еще и другую, болѣе самостоятельную:

узнавая впервые, какъ ~~изменяется~~ по-еврейски тотъ или другой предметъ, учащійся именно на его изображеніи и изучаетъ еврейскій языкъ, не какъ матеріалъ для чтенія только, но и какъ устную, живую рѣчь. Въ еврейскомъ букварѣ, слѣдовательно, рисунки не теряютъ своего значенія и тогда, когда учащійся уже знакомъ съ другимъ языкомъ (наприм. русскимъ) и, стало быть, въ изученіи звуковъ уже надобности не имѣетъ. Самый подборъ изучаемыхъ звуковъ въ нѣтъ постепенномъ порядкѣ и переходѣ отъ болѣе легкихъ къ труднѣйшимъ сдѣланъ въ нашихъ учебникахъ не одинаково; но какой изъ нихъ ближе въ этомъ отношеніи къ самой, такъ сказать, природѣ языка и его естественнымъ законамъ произношенія—сказать трудно, такъ какъ наука еще не сказала объ этихъ законахъ своего послѣдняго слова. За то оба учебника одинаково даютъ разнообразный и вполне цѣлесообразный матеріалъ для повторенія и прочнаго усвоенія изучаемыхъ звуковъ, буквъ и словъ. За отдѣльными словами слѣдуютъ краткія связныя фразы, простыя, легкія, удобопонятныя для начинающаго; въ «Живой Рѣчи», имѣются также связныя статьи для чтенія и небольшія, весьма звучныя, стихотвореньца (особенно хороши: «Птичка» и «Пѣсня пахаря»), также — нѣсколько употребительнѣйшихъ молитвъ и berachot. Въ руководствѣ г. Шнейдера, снабдившаго свой трудъ обширнымъ введеніемъ для учащаго, отсутствуетъ матеріалъ послѣдняго рода, но онъ войдетъ, надо полагать, во второй выпускъ Beth Mikra¹; за то, какъ букварь, онъ полнѣе соответственной части «Живой Рѣчи», заключая въ себѣ больше фразъ. Какъ уже упомянуто, книжки наши даютъ и матеріалъ для письма, но даютъ его въ очень ужъ ограниченномъ количествѣ: по два-три слова на цѣлую страницу; это скуповато.

Внѣшность книжекъ не оставляетъ желать лучшаго: крупнѣйшія буквы, хорошая бумага, безукоризненные рисунки². Въ этомъ отношеніи первенство слѣдуетъ безусловно отдать «азбуцѣ» гг. Финшана и Либриана, изданной въ Ригѣ. Обильно и прекрасно иллюстрированная, она имѣетъ видъ положительно изящный, при весьма упрѣнной цѣнѣ. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія «Софо Хаіо» допущена къ употребленію во всѣхъ еврейскихъ начальныхъ училищахъ, талмудъ-торахъ и хедерахъ.

Як. Каценельсонъ.

¹ Мы читали печатныя объявленія о выходѣ *обоихъ* выпусковъ этой книги а между тѣмъ 2-й выпускъ ея еще понынѣ не поступилъ въ продажу. Страницы

² Рисунковъ на стр. 58 „Живой Рѣчи“ изображаетъ всѣ члены человѣческаго тѣла, но тамъ почему то отсутствуетъ еврейское названіе *нозгъ*.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

ЖУРНАЛЪ „ВОСХОДЪ“ за 1897 г.

Въ 1897 г. экземпляры „Восхода“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

| Мѣста: | экз. | Мѣста: | экз. | Мѣста: | экз. |
|----------------------------|------|-----------------------------|------|------------------------------|------|
| Августовъ | 1 | Баку | 34 | Болградъ, Бессар. г. | 2 |
| Абдулино С.-В. ж. д. | 1 | Балашовъ, Саратов. г. | 1 | Б. Александровка, Херс. | 1 |
| Агайманъ с., Тавр. г. | 1 | Балта, Под. г. | 5 | Б. Лепатиха, Тав. | 4 |
| Азовъ, О. В. Д. | 2 | Балаклея, Хар. г. | 1 | Б. Токмакъ, Тав. | 8 |
| Акимовка, Тавр. г. | 1 | Барвенково | 1 | Борисовъ г., Мин. г. | 3 |
| Аккерманъ Бес. г. | 7 | Балаханы | 2 | Борзна | 1 |
| Акмолинскъ, Ак. об. | 2 | Барановка, Вол. г. | 1 | Борисоглѣбскъ, Там. | 6 |
| Александровъ, Влад. | 1 | Барышевка, Пол. г. | 2 | Боссобродъ Кіев. г. | 2 |
| Александровскъ, Екат. | 10 | Баргузинъ, Заб. об. | 2 | Брагинъ, Мин. | 3 |
| Александровскъ, Екат. | 10 | Барнаулъ | 3 | Брайловъ, Ю.-З. ж. д. | 3 |
| Александровскъ, Екат. | 2 | Баръ, Подольск. г. | 4 | Брасово, Орловск. г. | 1 |
| Александрополь | 2 | Батумъ, Кут. г. | 4 | Братское, Херс. г. | 1 |
| Александрія, Херс. | 6 | Баускъ, Курл. г. | 1 | Братолобовка, Херс. | 2 |
| Алексеѣвка, К.-Х. ж. д. | 1 | Бахтумъ, Екат. г. | 8 | Брусилловъ, Кіев. г. | 1 |
| Алмазная, Эк. ж. д. | 1 | Бахчисарай, Тав. г. | 1 | Брацлавъ, Под. г. | 3 |
| Алешки, Тавр. г. | 2 | Белебей, Уфим. г. | 1 | Брестъ-Литовскъ | 11 |
| Алушта | 1 | Бендеры, Бес. г. | 7 | Бричаны, Бесс. г. | 1 |
| Анаѣвъ, Хер. г. | 2 | Бендинъ, Петрокр. | 5 | Бровары, Чер. г. | 1 |
| Андижанъ Ферг. об. | 2 | Бердявскъ, Тав. г. | 14 | Бровки, Ю.-З. ж. д. | 1 |
| Андреевка Эк. г. | 1 | Бердичевъ, Кіев. г. | 21 | Брянскъ, Орлов. г. | 3 |
| Аннополь, Вол. г. | 1 | Березовка, Херс. г. | 2 | Брезинъ, Петрокр. г. | 2 |
| Аниенскій Мостъ, Ол. | 1 | Береза, Гр. г. | 1 | Бузулукъ, Сам. г. | 1 |
| Антополь, Грод. губ. | 1 | Березино, Минск. г. | 2 | Буки, Кіевск. г. | 1 |
| Аргино | 1 | Березина, Чер. г. | 1 | Бурынъ, Кур. г. | 1 |
| Армянскъ | 1 | Бериславъ, Херс. г. | 6 | Бухара | 4 |
| Арзамасъ | 1 | Бершадъ м., Под. г. | 6 | Быхова, Могил. г. | 1 |
| Ардатовъ, Симб. г. | 1 | Березнеговатый | 2 | Бѣжецкъ, Твер. г. | 1 |
| Арцызъ, Бес. г. | 2 | Бирюса, Ирк. г. | 1 | Бѣлая Глина, Став. | 1 |
| Астрахань г. | 14 | Бійскъ, Томск. г. | 3 | Бѣлая - Церковь | 12 |
| Асхабадъ, Зак. обл. | 3 | Біюкъ-Онларъ, Л.-С. | 1 | Бѣлгородъ, Кур. г. | 3 |
| Атаки, Бесс. г. | 1 | Благовѣщенскъ, Ам. о. | 2 | Бѣлики, Х.-Н. ж. д. | 1 |
| Аткарскъ, Саратов. г. | 1 | Бобровъ. | 1 | Бѣлозерскъ | 1 |
| Ачинскъ | 2 | Бобруйскъ, Мин. г. | 9 | Бѣловѣжъ, Гр. губ. | 1 |
| | | Боготоль, Под. г. | 5 | Бѣлостокъ, Гр. г. | 26 |
| | | Боготоль, Томск. г. | 2 | Бѣлоцерковка, Полг. | 2 |
| | | Богуславъ, Кіев. г. | 2 | Бѣльскъ, Гр. губ. | 4 |
| | | Божедаровка, Эк. ж. д. | 1 | Бѣлый, Смол. губ. | 1 |

| Мѣста: | кв. | Мѣста: | кв. | Мѣста: | кв. |
|-------------------------------------|-----|------------------------------|-----|------------------------------|-----|
| Бѣльцы, Бесс. г. | 4 | Вязьма, Смол. губ. | 1 | Дрисса | 1 |
| Бѣшенковичи, Вит. г. | 1 | Вятка | 1 | Дубоссары, Хер. г. | 2 |
| — | — | — | — | Дрогичинъ, Грод. г. | 1 |
| Валегоцулово, Бес. | 1 | Ганчешты, Бесс. г. | 1 | Дубно, Вол. г. | 2 |
| Вапнярка, Ю.-З. ж. д. | 1 | Гатчино, Петерб. г. | 1 | Дубровка, Р.-О. ж. | 1 |
| Варшава | 140 | Гадячъ, Полт. губ. | 1 | Дубровна, Могил. | 2 |
| Васильковъ, Киев. г. | 3 | Гайсинъ, Под. губ. | 2 | Друскеники | 1 |
| Велижъ Вит. г. | 10 | Гельсингфорсъ | 2 | Друя | 1 |
| В. Берестовица, Гр. г. | 2 | Геническъ, Тавр. г. | 1 | Духовщина, Смол. | 1 |
| Велике-Луки, Пск. | 2 | Глубокое, Вил. г. | 8 | Дуббельнъ | 1 |
| В. Устюгъ. | 1 | Глобино, Х. Н. ж. д. | 1 | — | — |
| Вельскъ | 1 | Глускъ | 1 | Евпаторія, Тавр. г. | 5 |
| Венгровъ | 1 | Глуховъ, Чер. г. | 2 | Екатеринбургъ | 6 |
| Веселое, Тавр. губ. | 1 | Годиловичи, Мог. г. | 2 | Екатеринодаръ, Куб. | 8 |
| Верхболово | 1 | Гольдингенъ | 1 | Екатеринославъ | 65 |
| Верхне-Бѣлоомуть, | 1 | Голендры, Юго-Зап. | 1 | Елань-Загачъ, Тавр. | 2 |
| Верхнеднѣпровскъ | 3 | ж. д. | 3 | Елецъ, Орлов. губ. | 4 |
| Верхнеудинскъ | 3 | Голая-Пристань, Тав. | 1 | Еленовка | 1 |
| Верхній - Рогачикъ | 3 | Голта, Херсон. губ. | 1 | Ельсаветградъ, Хер. | 29 |
| Вилейка, Вил. губ. | 1 | Гомель, Могил. г. | 15 | Елисаветполь, Зак. | 1 |
| Вилково, Бесс. губ. | 1 | Горваль, Минск. г. | 1 | Ельня, Смолен. г. | 1 |
| Вилькомиръ, Ков. г. | 2 | Городище, Мин. г. | 1 | Енисейскъ, | 3 |
| Вильна, | 56 | Городня, Черниг. г. | 2 | Единцы, Бессар. г. | 1 |
| Вильва | 1 | Городокъ, Гр. г. | 4 | — | — |
| Виндава. | 1 | Городокъ, Под. г. | 2 | Жашковъ, Киев. г. | 2 |
| Вишневецъ | 1 | Городокъ, Вит. г. | 1 | Жагоры, Ков. г. | 2 |
| Винница, Под. губ. | 8 | Голованевскъ | 1 | Жванецъ, Под. г. | 3 |
| Витебскъ, Вит. губ. | 22 | Горы-Горки | 2 | Желанная, Ек. ж. д. | 1 |
| Витимскъ, Ирк. губ. | 4 | Горошки, Вол. г. | 2 | Жербиловка | 1 |
| Владикавказъ, Тер. | 8 | Горловка, Ек. г. | 1 | Житковичи, Полѣс. | 1 |
| Владистокъ | 2 | Горностайполь | 1 | Житомиръ | 15 |
| Владимиръ, губ. гор. | 1 | Гоща, Вол. губ. | 1 | Жмеринка, Ю.-З. ж. | 1 |
| Владимиръ, Вол. губ. | 2 | Граево, Ю.-З. ж. д. | 1 | Жосли, Вил. г. | 1 |
| Владиславовъ, Сув. | 2 | Гришинское, Ек. г. | 3 | — | — |
| Влоцлавскъ, Варш. г. | 1 | Гродно | 14 | Заблудово, Гр. г. | 1 |
| Водяная, Х.-Н. ж. д. | 1 | Грозный, Тер. обл. | 1 | Задонскъ | 1 |
| Вознесенскъ, Хер. г. | 7 | Гуляй-Поле, Ек. г. | 5 | Закаталы | 1 |
| Волковинцы, Под. г. | 2 | — | — | Замостье. | 2 |
| Вологда | 1 | Дагда | 2 | Запорожье, Ек. ж. д. | 1 |
| Володарка | 3 | Давидъ - Городокъ | 1 | Заславль, Вол. губ. | 2 |
| Волковыскъ, Гр. г. | 2 | Деміевка, Киев. г. | 4 | Звенигородка, Киев. | 1 |
| Вольскъ, Сар. губ. | 1 | Давидовка, Ю.-В. ж. | 13 | Згержъ, Петрок. г. | 4 |
| Воружба, К.-К. ж. д. | 1 | Добринка, Ю.-В. ж. | 1 | Зельва, Грод. губ. | 1 |
| Воронежъ, губ. гор. | 13 | Деражня, Под. губ. | 1 | Збурьевка | 1 |
| Воронцо - Александровское | 1 | Джалинда | 3 | Здолбуново | 1 |
| Воронцово - Городище | 3 | Двинскъ, Витеб. г. | 13 | Зея | 2 |
| Вороновица, Под. г. | 1 | Дисна, Виленской г. | 1 | Зиманское | 1 |
| Воткинскій заводъ, | 1 | Дмитровка, Л.-Р. ж. | 2 | Златополь, Киев. г. | 1 |
| Всеволодо - Вильва. | 2 | Добровеличк. Херс. | 1 | Знаменка, Ирк. т. | 2 |
| Вьборгъ | 1 | Добрянка, Чер. губ. | 1 | — | — |
| Вѣрный, Сем. обл. | 1 | Доробогужъ, М.-Б. | 1 | — | — |
| Вѣтка, Мог. губ. | 1 | Долгиново, Вил. г. | 1 | — | — |

| М ѣ с т а: | экз. | М ѣ с т а. | экз. | М ѣ с т а. | экз. |
|-------------------------|------|---------------------------|------|--------------------------|------|
| Иваново-Вознесенс. | 3 | Князебереговое . . . | 2 | Курскъ | 8 |
| Ивановка, Екат. г. . | 1 | Кнышинъ | 1 | Кутаисъ | 5 |
| Игумень, Мвн. губ. | 2 | Кобеляки, Пол. г. . | 4 | Кухари, Кіев. губ. | 1 |
| Измаиль, Бессар. г. | 4 | Кобринъ, Гродн. г. | 1 | Кулебаки, Ниж. г. . | 1 |
| Ильинское, Дон. об. | 1 | Ковель, Вол. г. . . | 4 | | |
| Ильино, Витеб. губ. | 1 | Ковна | 30 | | |
| Илія, Вил. губ. . . . | 1 | Кодиевская, Ект. г. | 1 | | |
| Ирбитъ, Перм. губ. | 1 | Кодыма Ю.-З. ж. д. | 1 | Лахва, Мин. г. . . . | 1 |
| Иркутскъ | 24 | Кодинцево, Херс. г. | 1 | Лебединъ, Херс. г. | 1 |
| Искорость, Вол. губ. | | 2 Козельскъ, Кал. г. . | | Леово, Бесс. г. . . . | 2 |
| | | Козелець, Чер. г. . . | 1 | Лепсинскъ | 1 |
| | | Козловъ, Тамбов. г. | 3 | Либава, Курл. г. . . | 7 |
| | | Кокандъ, Ферг. обл. | 3 | Лида, Виленск. губ. | 4 |
| Кагарлыкъ, Кіев. г. | 1 | Коло, Кал. г. | 1 | Ливны, Орл. губ. . . | 1 |
| Кабанскъ, Заб. об. | 3 | Колпино, Петерб. г. | 1 | Линево, М.-Б. ж. д. | 1 |
| Кагальникъ, О. В. Д. | 1 | Кольванъ, Том. г. . . | 1 | Липканы, Бесс. г. . . | 2 |
| Кагуль, Бесс. г. . . . | 1 | Конотопъ, Чер. г. . . | 8 | Липецкъ | 2 |
| Кагызманъ, Карск. о. | 1 | Конскъ, Рад. г. . . . | 1 | Липовець, Кіев. г. | 5 |
| Казаки, Ю.-З. ж. д. | 1 | Константиноградъ . | 4 | Лиски, Ю.-В. ж. д. | 1 |
| Казалинскъ | | 1 Копай Городъ | 3 | Лисичанскъ, Ек. г. . . | 1 |
| Казань | 16 | 1 Копыль | 3 | 1 Литинъ, Подол. г. . | 3 |
| Казаново, Заб. о. . . . | 2 | 2 Копціово, Сув. г. . . | 2 | 2 Лодзь, Петроков. г. | 49 |
| Казатинъ, Ю.-З. . . . | 3 | 3 Компанеевская . . . | 1 | 1 Лозовая, Л.-С. ж. д. | 5 |
| Каневскъ, Томск. г. | 5 | 5 Коренево, К. В. ж. д. | 1 | 1 Лоевъ, Минск. г. . . | 1 |
| Кайдалово, Заб. об. | 1 | 1 Кореличи | 1 | 1 Ломжа | 2 |
| Каларашъ, Бесс. г. . . | 2 | 2 Копысь, Могил. г. . . | 2 | 2 Лохвица, Полт. губ. | 3 |
| Калиновка, Под. г. . . | 1 | 1 Корець, Вол. г. . . . | 3 | 3 Лубны, Полт. г. . . . | 4 |
| Кальварія | 1 | 1 Корюковка, Чер. г. | 1 | 1 Луганскъ, Екатер. г. | 5 |
| Калуга | 1 | 1 Корсовка, Витеб. г. | 1 | 1 Луцкъ, Вол. г. | 8 |
| Калюжь | 1 | 1 Корсунъ, Кіев. г. . . | 2 | 2 Луковъ | 1 |
| Камень | 1 | 1 Косово Гродн. г. . . | 1 | 1 Луша | 1 |
| Каменецъ-Подольскъ | 8 | 1 Кострома | 2 | 2 Лысково, Гр. губ. . . | 1 |
| Каменка, Кіев. губ. | 1 | 1 Костюковичи. Мог. | | 1 Лысянка, Кіев. г. . . | 2 |
| Каменка, Тавр. губ. | 3 | 3 Кочубеевка, Х. Н. ж. | 1 | 1 Любаръ, Вол. г. . . . | 2 |
| Камышинъ | 1 | 1 Красноводскъ | 2 | 2 Любавичи | 1 |
| Канавино, Ниж. губ. | 5 | 1 Красное Село | 1 | 1 Любашевка, Ю.-З. ж. | 2 |
| Каневъ, Кіевской г. | 2 | 2 Красноярскъ | 4 | 4 Люблинъ | 7 |
| Кантеміровка, Ю.-З. | 1 | 1 Кременецъ, Вол. г. | 4 | 4 Люцинъ, Вит. г. . . . | 1 |
| Канскъ, Ен. губ. . . . | 2 | 2 Кременчугъ, Полт. г. | 21 | 1 Ляды, Могил. губ. . . | 1 |
| Карасубазаръ, Тав. | 6 | 1 Кресты | 1 | 1 Льговъ, Кур. г. . . . | 1 |
| Карачевъ | 1 | 1 Креславка, Вит. г. . . | 1 | | |
| Качугъ, губ. | 3 | 1 Кретингенъ | 1 | | |
| Каховка, Таврич. г. | 7 | 7 Кривой-Рогъ, Херс. | 7 | 1 Маковъ | 1 |
| Кейданы, Ков. губ. | 2 | 2 Криничная | 1 | 1 Майкопъ, Куб. обл. | 3 |
| Керки, Закасп. обл. | 1 | 1 Кристополье, Мог. . . | 1 | 1 М. Перешепина Пол. | 1 |
| Керчь, Тавр. г. | 12 | 1 Кролевецъ | 1 | 1 М. Михайловская, Ек. | 1 |
| Кибарты, Сувалк. г. | 1 | 1 Кронау, Херс. г. . . . | 3 | 1 Малинь | 2 |
| Кизиль-Арватъ | 1 | 1 Кронштадтъ | 1 | 1 Малорыто | 1 |
| Кілія, Бесс. г. | 1 | 1 Крѣжополь, Ю.-З. ж. | 1 | 2 Мамадышъ | 1 |
| Киренскъ, Иркут. г. | 3 | 3 Крынки, Гродн. г. . . . | 2 | 1 Манзурка | 1 |
| Кирсановъ | 3 | 3 Крымская, Куб. обл. | 1 | 1 Мариамполь, Сувалк. | 4 |
| Кишиневъ, Бесс. г. | 42 | 2 Кривошеково | 1 | 1 Маріинскъ, Том. г. . . | 4 |
| Кіевъ, | 116 | 1 Крейцбургъ | 1 | 1 Маріуполь, Екат. г. . | 11 |
| Климовичи, Мог. г. | 3 | 3 Куйтунъ, Ирк. | 1 | 1 Марьевка, Д. ж. д. . . | 2 |
| Климовская, См. г. | 1 | 1 Курисово, Покр. . . . | 1 | 6 Мглинъ, Черниг. г. . | 2 |
| Клищцы, Чер. г. . . . | 3 | 3 Курманъ - Кемельчи | 6 | | |

| Мѣста. | экз. | Мѣста: | экз. | Мѣста. | экз. |
|---------------------------------|------|-----------------------------------|------|------------------------------|------|
| Медвѣдъ, Нов. г. | 1 | Новобугъ | 1 | Парчевъ, Сѣд. г. | 1 |
| Медвѣдовка, Кіев. г. | 1 | Ново-Васильевка, Тав. | 1 | Павловская, Ек. г. | 1 |
| Меджибожь, Под. г. | 1 | Ново-Воронцовка, м. | 2 | Павловскій посадь | 1 |
| Межирѣчье, Сѣдл. г. | 2 | Новоградовольнскъ | 9 | Павловка | 1 |
| Мелитополь, Тавр. г. | 11 | Новогеоргіевскъ, Вар. | 2 | Пассанауръ | 1 |
| Мервь, Закасп. обл. | 1 | Новогеоргіевскъ Хер. | 3 | Павлоградъ, Ек. г. | 4 |
| Меречь, Вилен. г. | 3 | Новозыковъ, Чер. г. | 2 | Пенза | 7 |
| Мещовскъ | 1 | Новоосковскъ, Ек. г. | 5 | Перешепино, Ек. г. | 1 |
| Мигаево, Ю.-З. ж. д. | 1 | Новомаячка | 1 | Переяславъ Зал. | 1 |
| Минскъ | 54 | Новая Прага | 1 | Переяславъ, Полт. | 7 |
| Мензелинскъ | 1 | Ново-Одесса, Хер. г. | 1 | Пермь | 13 |
| Миргородъ | 1 | Ново-Павловка, Ек. г. | 1 | Пестровка | 1 |
| Міасскій заводъ | 1 | Новороссійскъ, Черн. | 2 | Песчанка | 2 |
| Млава | 1 | Новоселицы | 2 | Петербургъ | 172 |
| Мирополь Вол. г. | 1 | Ново-Слобода | 1 | Петровскъ-Разум. | 1 |
| Митава, Курл. г. | 1 | Новоспасское, С.-В. ж. д. | 1 | Петровский зав. | 1 |
| Михайловка, Л.-С. ж. д. | 1 | Новосвенцяны, Вил. | 1 | Петровскъ, Сар. г. | 1 |
| Могилевъ | 10 | Новоукраинка, Хер. г. | 6 | Петровскъ, Даг. о. | 2 |
| Могилевъ-Подольскъ | 8 | Новохоперскъ, Вор. | 1 | Петровская, Е. ж. д. | 1 |
| Мозырь, Минской г. | 3 | Новый Осколь | 1 | Петроковъ | 3 |
| Моздокъ, Тер. обл. | 1 | Новый Бугъ, Хер. г. | 1 | Петровѣровка | 1 |
| Монастырщина, Мол. | 2 | Новый Дворъ, Вар. г. | 1 | Петропавловка, Ек. | 2 |
| Мошны | 1 | Новый Маргеланъ, Ф. о. | 1 | Печановка, Ю.-З. | 2 |
| Монастырище, Кіев. | 3 | Носовка, Черн. г. | 1 | Пинскъ, Минск. г. | 18 |
| Мордово, Ю.-В. ж. д. | 3 | Нѣжинъ, Черн. г. | 5 | Пирятинъ, Полт. г. | 3 |
| Моршанскъ, Тамб. г. | 2 | | | Плоцкъ | 2 |
| Москва | 85 | | | Плонскъ | 1 |
| Мстиславль, Мог. г. | 4 | | | Полтава | 19 |
| Мысовая, З. О. | 1 | Овидіополь, Хер. г. | 1 | Полоцкъ, Витеб. г. | 2 |
| Мокрая-Калигорка | 1 | Овручъ, Вол. г. | 1 | Полонное м., Вол. | 4 |
| Мѣна, Черниг. г. | 2 | Одесса, Хер. г. | 291 | Полтавкя | 1 |
| | | Озеры, Гр. г. | 1 | Поневѣжъ | 2 |
| | | Ольшана, Кіев. г. | 1 | Попельня | 2 |
| | | Ольшаница | 2 | Порховъ, Псков. г. | 1 |
| | | Олита | 1 | Поти, Кутаиск. г. | 2 |
| Нарва, Пет. г. | 1 | Ольты, Кар. обл. | 1 | Почепъ, Черн. г. | 4 |
| Навля | 1 | Омскъ, Акм. обл. | 5 | Починки, Нижег. г. | 1 |
| Нахичивань-на-Дону | 5 | Опатовъ | 1 | Прага, Варш. г. | 2 |
| Невель, Вит. губ. | 2 | Опочка | 1 | Пречистое | 1 |
| Немерчи, Ю.-З. ж. д. | 2 | Оргѣвъ, Бес. г. | 4 | Просыная | 1 |
| Немировъ, Под. г. | 3 | Орель, Орлов. г. | 7 | Пружаны | 1 |
| Нерчинскъ, Зак. обл. | 3 | Оренбургъ | 5 | Прилуки, Полт. г. | 7 |
| Несвижъ | 1 | Орша, Могил. г. | 1 | Пришибъ, Бак. г. | 1 |
| Нижнеудинскъ | 1 | Орѣховъ, Таврич. г. | 2 | Проскуровъ, Под. г. | 8 |
| Нижніе-Сѣрогозы | 3 | Острогжскъ | 1 | Псковъ | 2 |
| Нижній-Новгородъ | 7 | Остеръ, Черниг. г. | 1 | Пуркары | 1 |
| Нижній Тагилъ | 1 | Острогъ, Вол. г. | 1 | Пятигорскъ, Тер. о. | 3 |
| Нижній Ломовъ | 2 | Островъ, Лом. г. | 1 | | |
| Никитовка, К.-Х.-А. | 1 | Островъ, Псков. г. | 1 | | |
| Николаевъ, Хер. г. | 34 | Острополь, Вол. г. | 1 | | |
| Николаевскъ на Ам. | 2 | Оханскъ | 1 | Радзивиловъ, Вол. | 2 |
| Никополь, Екат. г. | 5 | Очеретино | 1 | Радомысль, Кіев. г. | 2 |
| Новгородъ | 2 | Ошъ | 1 | Радомъ | 2 |
| Новгородъ-Сѣверскъ | 2 | Очаковъ, Херсон. г. | 1 | Раставица | 1 |
| Новоалександровскъ | 1 | Ошмянъ, Вилен. г. | 2 | Райгородъ, Лом. г. | 2 |
| Новоалександрія, Люб. | 2 | | | Раковъ, Мин. г. | 1 |
| Новоархангельскъ, ст. 1 | 1 | | | | |

| Мѣста. | экз. | Мѣста. | экз. | Мѣста. | экз. |
|----------------------------|------|--|------|----------------------------|------|
| Рахны, Ю.-З. ж. д. | 1 | Сигнахъ | 1 | Тайна, Заб. обл. | 1 |
| Ревель, Эстлянд. г. | 1 | Симбирскъ | 3 | Тамбовъ | 3 |
| Резина, Бесс. г. | 1 | Симферополь, Тав. г. | 22 | Тара, Тоб. г. | 1 |
| Риовецъ | 1 | Синельниково, К.-Х.-А. | 1 | Тараша, Киевск. г. | 5 |
| Ржищевъ, Киев. г. | 3 | Сиротино | 1 | Тарутино, Бесс. г. | 3 |
| Рига, Лифлянд. г. | 34 | Скадовка, Тав. г. | 1 | Тарноградъ | 2 |
| Ровно, Вол. г. | 7 | Сквира, Киев. г. | 5 | Татарбунары, Бесс. | 1 |
| Ровное Хер. г. | 1 | Скопинъ, Ряз. г. | 2 | Таурогенъ | 1 |
| Рогачевъ, Могил. г. | 3 | Славгородъ, Хар. г. | 1 | Ташкентъ, Сыръ-Дар. | 2 |
| Рожище, Вол. г. | 3 | Славянскъ | 1 | Тельши, Ковен. г. | 3 |
| Романкауцы | 1 | Славяносербскъ | 1 | Темиръ-Ханъ-Шура | 4 |
| Рокитно | 1 | Славута, Вол. г. | 1 | Тельминская, Ир. г. | 1 |
| Ромны, Полтав. г. | 8 | Слонимъ, Гр. г. | 5 | Тересполь | 1 |
| Рославль, Смол. г. | 5 | Слуцкъ, Минск. г. | 4 | Тетиевъ | 1 |
| Россіены, Ковен. г. | 3 | Смоленскъ | 15 | Тилигульскъ, Хер. г. | 2 |
| Ростовъ на Дону | 62 | Смольяны, Мог. г. | 1 | Тирасполь, Хер. г. | 5 |
| Ротмистровка, Киев. | 1 | Сморгоны, Вил. г. | 1 | Тифлисъ | 14 |
| Рубановка, Таврич. | 3 | Смѣла, Киев. г. | 1 | Тобольскъ | 2 |
| Рудня, Могил. г. | 1 | Сновская, Черн. г. | 1 | Томашполь, Под. г. | 2 |
| Руденскъ, Л.-Р. ж. д. | 1 | Соликамскъ, Перм. г. | 1 | Томскъ | 15 |
| Рыбное, Ен. г. | 1 | Сосновицы | 1 | Торжокъ | 1 |
| Рыбинское, Ек. г. | 1 | Сороки, Бесс. г. | 10 | Торопецъ, Псков. г. | 1 |
| Рыбница, Ю.-З. ж. д. | 2 | Сорочинцы | 1 | Троицкъ, Оренбург. | 2 |
| Рыбинскъ, Яросл. г. | 3 | Солтановка | 1 | Тростяны | 1 |
| Рышкановка, Бесс. | 1 | Сосница | 1 | Тростянецъ, Под. г. | 2 |
| Русиновичи | 1 | Ставрополь, Ставро. г. | 2 | Туапсе | 1 |
| Рѣжица, Вит. г. | 3 | СтараяСиняваПодг. | 1 | Тукумъ, Курл. г. | 2 |
| Рѣчица, Минск. г. | 1 | Старый Осколь | 2 | Тула | 7 |
| Рѣшетилровка, Пол. | 1 | Старая Русса, Нов. г. | 2 | Тулуны, Иркут. г. | 1 |
| Рязань | 4 | Старая Ушица | 1 | Тульчинъ, Подол. г. | 3 |
| Ряжскъ, Рязан. г. | 1 | Стародубъ, Чер. г. | 4 | Туровъ, Мин. г. | 1 |
| Ряжскъ, Р.-У. ж. д. | 1 | Староконстантиновъ, Вол. г. | 6 | Тюмень, Тобол. г. | 3 |
| | | Стакельнъ | 1 | Тягинка, Хер. г. | 1 |
| | | Степанцы | 2 | Тыкоцинь | 1 |
| | | Старобинъ | 1 | | |
| Саврань, Под. г. | 1 | Стерлитамакъ, Уфим. | 1 | | |
| Савинцовская, Полт. | 1 | Стодолище, Р.-О. ж. д. | 1 | Узловая С. В. ж. д. | 1 |
| Сальяны, Пол. г. | 1 | Стрѣтенскъ, Заб. об. | 5 | Узляны | 1 |
| Саксагань, Ек. г. | 10 | Сувалки, Сувалк. г. | 6 | Улла | 1 |
| Самара | 10 | Сумы, Харьк. г. | 3 | Умань, Киев. г. | 10 |
| Самаркандъ | 5 | Сурамя, Тифл. г. | 1 | Унгени, Бесс. г. | 1 |
| Сарапуль | 3 | Суражъ, Черн. г. | 1 | Уральскъ | 2 |
| Салтыковка, Сар. г. | 1 | Сухиничи | 13 | Усть-Илья, Заб. обл. | 1 |
| Саратовъ | 13 | Сухумъ-Кале, Кут. г. | 2 | Усть-Кутская | 1 |
| Свенцяны, Вилен. г. | 2 | Сухолѣсы, Ф. ж. д. | 2 | Усманы | 1 |
| Свирь | 1 | Сызрань, Симб. г. | 1 | Уфа | 4 |
| Свислочь, Гродн. г. | 1 | Сѣдлецъ | 1 | | |
| Саткин. зав. | 1 | Сѣвскъ, Орл. г. | 1 | | |
| Святскій пос. Черн. | 1 | | | | |
| Серее, Сув. г. | 1 | | | | |
| Сербиновцы | 1 | | | | |
| Серпецъ | 2 | | | | |
| Сероцкъ | 1 | | | | |
| Севастополь, Тавр. | 15 | Таганча, Киев. г. | 2 | Фастовъ, Киев. г. | 1 |
| Семеновка, Полт. г. | 1 | Таганашъ, Л.-С. ж. д. | 1 | Фасово, Киев. г. | 2 |
| Семятичи, Гродн. г. | 1 | Таганрогъ, О. В. О. | 10 | Федоровка, Л. С. ж. д. | 2 |
| | | Тальное, Киев. г. | 1 | Фундуклеевка, Ф. ж. | 1 |

| Мѣста. | экз. | Мѣста. | экз. | Мѣста. | экз. |
|----------------------------|------|----------------------------|------|----------------------------|------|
| Харьковъ. | 49 | Шумская Вол. г. | 1 | | |
| Хасавъ-Юртъ, Тер. о. | 1 | Шують-Джуретъ Тав. | 2 | д) Германія: | |
| Херсонъ, Херсон. г. | 29 | Шуя, Владимір. | 2 | Лейпцигъ. | 1 |
| Хмѣльникъ, Под. г. | 2 | Щучинъ, Ломжин.г. | 1 | Берлинъ. | 8 |
| Ходорковъ. | 1 | — | — | Дрезденъ. | 2 |
| Холмъ, Люблин. г. | 3 | Эйраголы Ков. л. | 1 | Дармштатъ. | 3 |
| Холопеничи. | 1 | Эмильчино Всл. г. | 1 | Кенигсбергъ. | 1 |
| Хорошъ. | 1 | Эллернъ Кур. л. | 1 | Мюнхенъ. | 1 |
| Хороль, Полтавск. г. | 3 | — | — | е) Италия: | |
| Хортиць, Екат. ж. д. | 1 | Юзовка м., Екат. л. | 8 | Самъ-Ремо. | 1 |
| Хотинъ, Бессар. г. | 2 | Юрбургъ м., Ковен. | 2 | | |
| Хотовижъ, Могил. г. | 2 | Юрьевъ, Лифлянд. г. | 5 | ф) Румынія: | |
| — | — | — | — | Сулина. | 1 |
| Царицынъ, Саратов. г. | 9 | Якобштадтъ. | 3 | | |
| Царское Село, Пет. | 1 | Якутскъ обл. | 1 | г) Сербія: | |
| Цѣхановець, Ломж. | 1 | Ялта, Таврической | 7 | Бѣлградъ. | 1 |
| Цыбулево, Ф. ж. д. | 1 | Ялуторовскъ, Тоб. г. | 1 | | |
| — | — | Янишки. | 2 | h) Турція: | |
| Чаплынка, Таврич. г. | 1 | Яново м., Ковен. г. | 2 | Константинополь. | 1 |
| Чарджуй, Закасп. о. | 2 | Янушполь. | 1 | | |
| Чаусы. | 1 | Яновка, Кур. г. | 1 | i) Франція: | |
| Чашники, Витеб. г. | 1 | Яновъ, Под. г. | 1 | Парижъ. | 5 |
| Челябинскъ, Ор. г. | 1 | Ярески Пол. г. | 3 | Канъ. | 1 |
| Ченстоховъ, Петрок. | 4 | Ярмолинцы м., Под. | 3 | | |
| Чериковъ, Могил. г. | 2 | Ярославль, Яросл. г. | 1 | к) Швейцарія: | |
| Черкассы, Киевск. г. | 10 | Ярошенка, Ю.-З. ж. д. | 1 | Цюрихъ. | 1 |
| Черезь, Мог. г. | 1 | Яруга м. Подол. г. | 1 | | |
| Черный Островъ. | 4 | Ярцево, См. г. | 1 | l) Швеція: | |
| Черниговъ, Черн. г. | 6 | — | — | Стокгольмъ. | 1 |
| Чернобыль, Киев. г. | 1 | Ееодосія, Таврич. г. | 12 | | |
| Черемховская, Ир.г. | 2 | — | — | II. Въ Америкѣ: | |
| Черный Городокъ. | 2 | За границею: | | а) Аргентина: | |
| Чердынъ. | 1 | I. Въ Европѣ: | | Виллагюа. | 1 |
| Чернорудка. | 1 | а) Австрія: | | Домингець. | 2 |
| Чечуя. | 1 | Лембергъ. | 1 | | |
| Чечерскъ. | 1 | Вѣна. | 4 | б) Сѣверо-Американ- | |
| Чимишлія, Бессар. г. | 1 | Глиняны. | 1 | скіе Соединенные | |
| Чята, Забайкал. об. | 12 | — | — | Штаты: | |
| Чудновъ, Вол. г. | 3 | Глазго. | 1 | Буфало. | 1 |
| Чусовый Заводъ. | 1 | Лондонъ. | 4 | Нью-Йоркъ. | 2 |
| Чугуевъ, Хар. г. | 1 | Лидсъ. | 1 | Филадельфія. | 2 |
| Чулымъ, с. с. ж. д. | 1 | | | Провиденсъ. | 1 |
| — | — | б) Англія: | | | |
| Шавли, Ков. г. | 5 | Антверпенъ. | 1 | | |
| Шаргородъ, Под. г. | 2 | | | | |
| Шебекино, Кур. г. | 1 | с) Бельгія: | | | |
| Шепетовка, Вол. г. | 6 | | | | |
| Шехманъ, Тамб. г. | 1 | | | | |
| Шкловъ, Могил. г. | 3 | | | | |
| Шпола, Киев. г. | 7 | | | | |

| Мѣста: | экз. | Мѣста: | экз. | Мѣста: | экз. |
|---------------------|------|----------------------|------|--------------------|------|
| Джерсей | 1 | Ш. Въ Азіи: | | б) Японія: | |
| Клевлендъ | 1 | | | Нагасаки | 1 |
| с) Техасъ: | | а) Палестина: | | Токагама | 1 |
| Густонъ | 1 | Иерусалимъ | 1 | ВСЕГО . 3456 | |
| | | Яффа | 3 | | |
| | | Яфедъ | 1 | | |

Такимъ образомъ, больше всего подписчиковъ въ 1897 г. „Восходъ“ имѣлъ въ Одессѣ (291). За Одессою слѣдуетъ: Петербургъ (172), Варшава (140), Кіевъ (116), Москва 85, и т. д.

Изъ общаго числа 3456 подписчиковъ „Восходъ“ высылался:

| | | |
|----------------------------------|------|------|
| Въ теченіе цѣлаго года | 3061 | под. |
| ” ” 9 мѣсяцевъ | 14 | ” |
| ” ” 6 ” | 198 | ” |
| ” ” 3 ” | 183 | ” |

Изъ нихъ:

Въ обмѣнъ и бесплатно 135 под.

Экспедиція журнала «Восходъ».

Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Восходъ» въ 1897 г.

- А., В.** Къ характеристикѣ недавно умершаго физиолога Шиффа (май. Современная Лѣтопись, страница 9).
- Вонъ-Ами.** Бѣгство, рассказъ (янв., 77; февр., 25).
- Воркенгеймъ, А. М.** Колонизационное движеніе русскихъ евреевъ въ Палестину и Аргентину (февр., С. Л., 8; мартъ, С. Л., 1; июнь, С. Л., 1 июль, С. Л., 1).
- Влокъ, Морисъ.** Военная доблесть евреевъ, пер. Гр. Л. (июнь, 21).
- Врайнишъ, Р.** Письмо къ редактору (сент., С. Л., 50).
- Винаверъ, М. М.** Памяти С. А. Бершадскаго (май, С. Л., 49).
- Ъ., С.** Берне и Лассаль. Литературная лѣтопись (мартъ, С. Л., 15).
- Галаятъ, И. В.** Къ исторіи населенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности (авг., 52; сент., 22).
- Гаркави, А. Я.** Историческіе очерки карантства (февр., 87; май, 112).
- Гейгоръ, пр. Л.** Берлинское еврейское общество въ XVIII ст. (мартъ, 103; апр., 88). Изъ переписки М. Фейта и М. Зака (июль, 67; окт., 129; дек., 61).
- Гинзбургъ, С.** Новый журналъ на еврейскомъ языкѣ. Л. Л. (янв., С. Л., 14). П. Смоленскій. Лит. Лѣт. (фев. С. Л., 16). Застой въ еврейской беллетристикѣ. Лит. Лѣт. (июнь, С. Л., 14). Литература нашихъ сборниковъ. Лит. Лѣт. (июль, С. Л., 16). М. М. Мане. Лит. Лѣт. (сент., С. Л., 21). Письмо къ редактору (сент. С. Л., 57). Предтеча барона Гирша (ноябр., 80). Изъ міра униженныхъ. Лит. Лѣт. (дек., С. Л., 28).
- Г-нъ, Ю.** По теплому теченію (авг., 94; сент., 84).
- Грузенбергъ, д-ръ С. О.** О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія въ Россіи (янв., 17; февр., 47).
- Г-ъ, С.** Литературныя письма г. Фришмана. Лит. Лѣт. (апр., С. Л., 165). Раби И. Э. Спекторъ (авг., С. Л., 1). Жаргонныя стихотворенія С. Г. Фруга. Лит. Лѣт. (авг., С. Л., 15). Картины дореформеннаго быта. Лит. Лѣт. (ноябрь, С. Л., 27).
- Дубновъ, С. Ш.** Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. Письмо первое (ноябрь, 3).
- Зангвилль, И. Уриель Акоста,** пер. С. М. Федоровичъ (апр., 36). Примиритель, пер. С. М. Федоровичъ (июнь, 63; июль, 43). Мечтатели гетто на конгрессѣ (окт., С. Л., 1). Изъ венеціанскаго гетто, пер. Ш. Шнильманъ (ноябрь, 63). Жизнь въ смерти, пер. О. Чюминой (дек., 117).
- Зингеръ, Х.** Стихотворенія: Еврейскій учитель (февр., 83). Памяти барона Гирша (апр., 111). Сонъ. (июнь, 103). Изъ греко-римской эпохи (сен., 135). Приди ко мнѣ (ноябрь, 143). „Къ тебѣ, Сионъ, мечтой крылатой“ (дек., 183).
- З., Л.** За прошлый годъ (янв., С. Л., 40; февр., С. Л., 39).
- З-нъ, Х.** Изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ (окт., 71).
- Ильишъ, Р. Ф.** Изъ путевыхъ впечатлѣній (нояб., С. Л., 19., дек. С. Л., 19).
- Баганъ, А. Іекль,** повѣсть, пер. М. Е. Рубинова (мартъ, 119; апр., 113; май, 78).
- Баденельсонъ, д-ръ Л. С.** Институтъ ритуальной чистоты у древнихъ евреевъ (янв., 60; февр., 109; мартъ, 35; июль, 3; авг., 3; сент., 66; окт., 46). Фарисей и саддукеи (дек., 19).
- Булишоръ, М. И.** Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка (янв., 106).
- Л. Гр.,** Израиль въ странѣ негуса (авг., 19).
- Лебедевъ, В.** Стихотворенія: Хейбарскій ядъ, изъ хроники VIII в.

(январь, 130). Дѣти Тубала (февр., 158). Кавказскій еврей (дек., 153).

Леви, Альфонсъ. Дѣятельность „центрального союза“ германскихъ гражданъ іудейскаго исповѣданія (январь, С. Л., 1).

Лоруа-Вольте, Ан. Власть денегъ, пер. Р. Н. Сементовскаго (май, 31; июнь, 101; июль, 90). Антисемитизмъ, пер. С. Л. Федоровичъ (сентябрь, 35; октябрь, 117).

Людвигъ, А. Националистическая поэзія. Лит. Лѣт. (май; С. Л., 19).

М. М. Сенатская практика (фев., С. Л., 1).

Моргулисъ, М. Г. Изъ моихъ воспоминаній (апр., 65; июнь, 86).

Новичъ, Н. Стихотвореніе, Агасеръ (май, 144).

Нордау, М. Изъ „переписки объ упадкѣ еврейства“, пер. Р. Н. Сементовскаго (январь, 155). Рѣчь на конгрессѣ сіонистовъ, пер. Г. Г. (сентябрь, С. Л., 1)

Оболенскій, Л. Г. Изъ путевыхъ впечатлѣній въ „чертѣ осѣдлости“ (январь, 134).

Перець, Л. Ужасная ночь, психологическій этюдъ, пер. Яв. Бацельсона (сентябрь, 112)

Пружанскій, Н. Генеральша, рассказъ доктора (апр., 100).

Рапопортъ, С. И. Евреи кистью и карандашемъ (дек., 24).

Раскинъ, Ж. Гоголя, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. О. Н. Чюминой (январь, 3; февраль, 3; мартъ, 19; апрель, 3; май, 2).

Ривесманъ, Ш. Лишь-бы не въ дѣвкахъ, пов. (мартъ, 81; апрель, 15).

Салтыкова, М. Н. Способъ открытія субботнихъ школъ (октябрь, С. Л., 15).

Сементовскій, Р. И. Изъ „переписки объ упадкѣ еврейства“ (январь, 160).

С-ръ, И. Лѣтнія школьныя колоніи (апрель, С. Л., 150).

Станиславскій, С. М. По поводу 60 лѣтія со дня кончины А. С. Пушкина (мартъ, С. Л., 7).

Тавловъ, Н. Необходимое разъясненіе (январь, С. Л., 55).

Торникъ, А. Критическіе наброски (мартъ, С. Л., 32).

Фейгинъ, Е. Г. Папироска, рассказъ (ноябрь, 125; декабрь, 97).

Флавій, Юсифъ. Іудейскія древности, съ пер. греческаго Г. Г. Генкеля (въ особомъ приложеніи къ книгамъ январь—декабрь).

Фридеманъ, Э. Положеніе іудаизма въ языческо-римскомъ мірѣ (май, 133).

Фрутъ, С. Г. Стихотворенія: Послы (январь, 103). Несгораемый кустъ (мартъ, 142). Сонъ и тѣма... и тѣни бродячь (апрель, 147). Первое погребеніе (май, 108). Плоды народнаго юмора (июнь, С. Л., 42; июль, С. Л., 50). Мессіанида (августъ, 92). Мать пустыни (октябрь, 92).

Харитонъ, В. О. Стихотворенія. Credo (май, 143). * * * (октябрь, 147).

Хисинъ, Е. Я. Обѣтованная земля (мартъ, 3; апрель, 134; май, 19; июнь, 9; ноябрь, 95; декабрь, 85).

Читатель, Литература рыночнаго спроса. Лит. Лѣт. (октябрь, С. Л., 29).

Чюмина, О. Н. Стихотворенія: Незмія передъ вратами Іерусалима (январь, 198). Ресфа (мартъ, 117). Ливанскіе кедры (июнь, 15). Библейская мелодія (июль, 135). Послѣдній день Солима (августъ, 115). Пѣвецъ (августъ, 112). Дочь Іевфая (сентябрь, 117). Пораженіе Синнахерима. Изъ Байрона (сентябрь, 137). Возстановленіе храма (октябрь, 148). Видѣніе Іова. Изъ Байрона (ноябрь, 144). Побѣда Іосафата (декабрь, 95). См. тоже Рясинъ.

Этингеръ, Я. И. О сельскохозяйственномъ образованіи евреевъ (ноябрь, С. Л., 1; декабрь, С. Л., 1).

Этингеръ, М. Изъ записокъ горемыки (июль, 109; октябрь, 89).

Э., Я. Учительскій институтъ въ Ганноверѣ (май, С. Л., 1).

Ярошевскій, С. О. Роза Майгольдъ. Романъ (май, 53; июнь, 42; июль, 21; августъ, 30; сентябрь, 3; октябрь, 3; ноябрь, 22; декабрь, 3).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Яффе, Л. Стихотворенія: Изъ пѣсенъ изгнанія (февраль, 123). Саронская роза (мартъ, 101). Памяти, П. М. Смоленскаго; (июль, 82). Пѣсня Суламиты (ноябрь, 60).

Библиографія.

- 1) Эпоха мудрыхъ людей, монографія д-ра С. Бернфельда, С. Г.-ъ.
- 2) Въ городѣ и въ лѣсу, басни І. Штейнберга;
- 3) Нравоучительные

- разказы изъ Мидраша и Талмуда, 3. Левина; 4) Колоколь, Меера Ахуна, Я. Кац-нъ. (Янв., С. Л. 30—40).
- 1) Биографія д-ра Л. Цунца, Ш. П. Рабиновича вып. I; 2) Проектъ устава о-ва „Братская помощь“, Х. Котика, С. Г.-ъ. (Февр., С. Л., 35—39).
- 1) Типы, Н. Н. Самуэли; 2) Пороки общества, З. Рабиновича, С. Г.-ъ (Мартъ, С. Л., 22—32). 1) Торжество правды; драматическая параболла въ 3 д., М. Х. Луццато; 2) Векфильдскій священникъ, Ол. Гольдсмита, пер. Д. Елина; 3) „Erebt“, erzählungen von A. Levy, С. Г.-ъ. 4) Ахисафъ, календарь на 96—97 г.; 5) Сказки и рассказы Андерсена, пер. д. Фришмана. Я. Каценельсона (Апр., С. Л., 179—190).
- 1) „Превратное поколѣние“, д-ра С. Бернфельда; 2) М. А. Гинзбургъ и его литературная дѣятельность, биограф. этюдъ Д. Магида. 3) Исторія французской революціи, Карно, пер. А. Людвиполя. 4) Стихотворенія А. Шефтеля, С. Г.-ъ. (Май, С. Л., 33—49).
- 1) Биографія д-ра Цунца, П. М. Рабиновича, вып. II; 2) Культура и жизнь, Гидемана, пер. Фридберга, вып. I—II; 3) О воспитаніи дѣтей, Ш. Яцкана; 4) Маленькій мірокъ, рассказы для дѣтей, И. Левнера. Я. Каценельсонъ. (Юль, С. Л., 32—42). 1) Воспоминанія прошлаго, Маргольеса; 2) Автобіографія Р. Якова Эмдена, С. Г.-ъ. (Юль, С. Л., 43—50).
- 1) Bibliotheka Fridlandiana, Samuelis Wiener, fasc. I—III; 2) Новый Мойсей, ром. Н. Пружанскаго, С. Г.-ъ. 3) Архангель Михаилъ, Биско; 4) Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, Л. Р. Клячко. Я. Каценельсона. (Авг., С. Л., 27—40).
- 1) Популярно-научная библотека, изд. А. Котика; 2) Стихотворенія Любошницкаго; 3) Sifre schaschnim, herausgegeben von I. Fernhof. 4) Наказаніе измѣнника, пов., Н. Бейлина, С. Г.-ъ. 5) Записки Давидова дома, Л. Яффе; 6) Сопутникъ Библия, А. Ривесмана; 7) Изданія „Тупія“ Я. Каценельсона. (Сент., С. Л. 33—50): 1) „М. Антокольскій, краткій очеркъ его биографіи и обзоръ художественной его дѣятельности“, Д. Магидъ, С. Г.-ъ. 2) Бень-Шлома, Г. З. Гальперина. Я. Каценельсона. (Окт., С. Л., 40—44). 1) Сѣмя, поклеванное птицами, пов. Ивана Рукавишаникова С. Г.-ъ. 2) Еврейская исторія, д-ра С. Бека и д-ра М. Бранна, пер. С. М. Дубновъ; 3) Кавказскій плѣнникъ, Л. Толстого, пер. З. Рабиновича. Я. Каценельсона. (Ноябрь, С. Л., 37—46).
- 1) Сказки Густафсона, Гримма и др. 2) Иллюстрированная азбука Л. Фишмана и М. Либермана. 3) Руководство къ изученію др. еврейской грамоты, М. Б. Шнейдера. Я. Каценельсона (дек. С. Л. 41 и 47).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

| | |
|--|-----|
| I. РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. О. О. Ярошевскаго. | 3 |
| II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. ФЕЙТА и М. ЗАКСА. Проф. Л. Гейгера . | 61 |
| III. ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Е. Я. Хюкина | 85 |
| IV. ПОВѢДА ЮСАФАТА. Стихотвореніе. О. Н. Чюжиной. | 95 |
| V. ПАПИРОСКА. Разсказъ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній) Е. Г. Фейгина. . | 97 |
| VI. ЖИЗНЬ ВЪ СМЕРТИ. Памяти Гейне. Очеркъ И. ЗАНГВИЛЛЯ. Пер. О. Н. Чюжиной. | 117 |
| VII. КАВКАЗСКІЙ ЕВРЕЙ. Стихотвореніе. В. П. Лебедева | 153 |
| VIII. ФАРИСКИ И САДУКЕИ. Изъ «Историческихъ очерковъ талмудизма». Д-ра Л. О. Каценельсона | 155 |
| IX. «КЪ ТЕБѢ, СІОНЪ, МЕЧТОЙ КРЫЛАТОЙ». Стих. Х. Зингера. . | 183 |
| X. ИУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. Соч. Флавія Юсифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи). | |

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

| | |
|---|----|
| XI. О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ. Я. И. Эттингера | 1 |
| XII. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ. II. Профессоръ И. В. Заблудовскій. Р. Ф. Ильиша | 19 |
| XIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.—ИЗЪ МІРА УНИЖЕННЫХЪ. Бенъ-Ами: «Собраніе разсказовъ и очерковъ». Т. I. Одесса, 1898 г. О. М. Гинзбурга. | 28 |

XIV. ВИБЛОГРАФІЯ:

I. לבני הנעורים 1) *Исидей гамелехъ Аминадава, т. е. друзья ко-
роля Аминадава.* 2) *Ковецъ сикотъ котонъ, т. е. Малень-
кій сборникъ сказокъ. Сказки Р. Густафсона. Переводъ
Н. Пинеса.* 3) а) *Гамелехъ ашеръ шеното низо, т. е. Ко-
роль страдающий безсонницей.* б) *Пирже сосонъ, Цетти
радости. Сказки Р. Густафсона. Перев. И. Левнера.* 4) *Га-
калифъ газасида, т. е. Сказка о калифъ-аистъ. Сказка
Гауфа. Перев. И. Левнера.* 5) *Гакало Гоамитисъ, т. е.
Настоящая невеста. Сказка для дѣтей братьевъ Гримма
(Гриммъ). Перев. С. Бермана. Изд. «Тушій», Варшава.
1897 г.*

41

II. חיה קצרה 1) *Л. Фишманъ и М. Либерманъ. Софо Хаю
(Живая рѣчь). Иллюстрированная еврейская азбука для
обученія чтенію и письму въ школѣ и дома. Рига, 1897 г.
Изданіе Эрнста Платеса. Ц. 30 к.* 2) *כתב המיקרא (Бетъ
микра). Руководство къ изученію древне-еврейской гра-
моты по наглядно-звуковой методѣ съ рисунками въ
текстѣ. Составилъ М. Б. Шнейдеръ. Выпускъ первый.
Букварь. Варшава, 1897 г. Яв. Каценельсона.*

44

XV. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

47

XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Годъ XVII. 1898 г. Годъ XVII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

Редакція „Таганрогскаго Вѣстника“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной, экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

**Газета выходитъ три раза въ недѣлю
по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.**

въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и двой послѣдствидничныхъ,
по нижеслѣдующей программѣ:

I. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго агентства.—II. Мѣстный отдѣлъ: Официальныя извѣстія, касающіяся приазовскаго края. Городскія извѣстія. Забѣтки и мелочи. Театральныя рецензій. Биржевыя и рыночныя свѣдѣнія.—III. Внутренній отдѣлъ: Общія Правительственныя распоряженія. Извѣстія изъ области войска донскаго, приазовскаго края и разныхъ мѣстностей Россіи.—IV. Иностранный отдѣлъ: Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи въ сжатой формѣ и краткомъ объемѣ, разъясняющія политическое положеніе разныхъ странъ и наиболѣ выдающіяся событія иностранной жизни.—V. Судебный отдѣлъ: Сообщенія о важныхъ судебныхъ дѣлахъ.—VI. Фельетонъ: Романы, повѣсти, стихотворенія, рассказы, анекдоты, сценки и т. п. статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя.—VII. Объявленія и рекламы.

Подписка цѣны:

| | | | | | | | | | | | | |
|-----------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-----|
| На 12 м. | 11 м. | 10 м. | 9 м. | 8 м. | 7 м. | 6 м. | 5 м. | 4 м. | 3 м. | 2 м. | 1 м | |
| р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | р. к. р. к. | |
| Безъ доставки | 6 | — 5-50 | 5-25 | 4-75 | 4-50 | 4 | — 3-50 | 3 | — 2-75 | 2-25 | 1-50 | —75 |
| Съ дост. и пер. | 7 | — 6-50 | 6 | — 5-50 | 5 | — 4-50 | 4 | — 3-50 | 3 | — 2-50 | 1-70 | —85 |

*Подписка принимается: въ Таганрогъ, въ конторъ редакцій,
Николаевская улица, д. № 5.*

Тарифъ за объявленія: За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ за 1 разъ 20 к., за послѣдующіе 10 к.; на 4-й страницѣ за 1 разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к.

За круглый годъ во всѣхъ номерахъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нѣсколько разъ печатаются не менѣ одного раза въ недѣлю. За украшенія—надбавка 10% платы. Доставляющимъ значительное количество объявленій, дѣлается уступка 10%. За рассылку при газетѣ объявленій отдѣльными приложеніями взимается по расчету 5 руб. съ 500 экземпляровъ и 8 руб. съ 1000 экземпляровъ. Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторѣ редакцій при типографіи, Николаевская улица, д. № 5.

Объявленія для газеты „Таганрогскій Вѣстникъ“ отъ фирмъ, лицъ и учреждений, находящихся въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, прибалтійскомъ, привіслянскомъ краяхъ и за границей (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, Банковъ, пароходныхъ и страховыхъ Обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учреждений и бесплатныхъ обменныхъ отъ разныхъ періодическихъ изданій) принимаются исключительно только въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцлл и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ на Большой Морской № 11, но отъ агентуръ и отдѣленій, находящихся внѣ вышепоименованныхъ мѣстностей, приемъ объявленій относится къ редакціи и за ея счетъ.

Издатель М. А. Мионовъ. Редакторъ М. И. Красновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1898 годъ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно.

XVI годъ изданія.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и прилегающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщениями собственныхъ корреспондентовъ. **Казанская хроника** и земство, городъ; засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія и т. п. **Судебная хроника**. **Библиографія**. **Театръ и музыка**: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. **Ежедневныя свѣдѣнія** изъ внутренней и международной жизни. **Ежедневныя обзоры** хозяйственной жизни Россіи, земской и городской дѣятельности страны и народнаго образованія. **Наука, литература и искусство**. **Сельское хозяйство**. **Фельетоны и беллетристика**. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто статьи научнаго содержанія и злободневныя фельетоны — „Воскресные наброски“ Илюминато и „Замѣтки обывателя“ Serge'a. **Торговый отдѣлъ**: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. **Сибѣрь**. **Справочный отдѣлъ**: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожныя поѣзда, грузы приходящіе по жел. дорогѣ и пр. **Объявленія**.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» кромѣ значительнаго контингента корреспондентовъ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, проф. Д. В. Айналовъ, М. А. Аносовъ, В. А. Арнольдъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берлинъ, М. Е. Бландовъ, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бороздинъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. О. Будъ, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, С. С. Вершовъ, М. И. Ганфманъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркани, В. А. Геркень, В. А. Гольцевъ, И. А. Гофштеттеръ, А. Б. Грейманъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Г. С. Десятовъ, Дилетантъ (псевдонимъ), П. И. Добротворскій, М. Дѣвѣвъ (псевдонимъ), Е. Дубровина, П. В. Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, А. Корнгольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, С. М. Капу-

стива, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лапко, И. А. Лимаповъ, проф. Л. Б. Мавдельштамъ, В. К. Магницкій, А. И. Матовъ, порф. Н. А. Миславскій, Н. П. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, С. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, Б. П. Никоновъ, Б. П. Онгирскій, Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, О. В. Португаловъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождественскій, М. Д. Рузскій, И. С. Рукавишниковъ, П. М. Сивковъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. В. Ставскій, И. И. Степановъ, К. П. Степницкій, В. С. Сѣрова, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, О. Н. Траубенбергъ, Н. А. Хардина, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Шепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Э. Юшковъ, А. М. Ѳedorовъ и друг.

Вся годовые подписчики, внесшие деньги безъ разсрочки, получаютъ въ 1898 году бесплатную премію—

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА“.

Прочіе подписчики «Волжскаго Вѣстника», если пожелаютъ приобрѣсти сборникъ, пользуются скидкой.

Сборникъ будетъ составленъ при участіи лучшихъ литературныхъ силъ, принимающихъ участіе въ изданіи, представитъ собою книгу въ 300 или болѣе страницъ средняго формата и выйдетъ въ свѣтъ не позже февраля.

Подробности будутъ опубликованы въ недалекомъ будущемъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ:

| Съ доставкой: | | Безъ доставки: | |
|----------------------|------------|----------------------|------------|
| На годъ | 7 р. | На годъ | 6 р. 25 к. |
| „ полгода | 4 р. | „ полгода | 3 р. 25 к. |
| „ 3 мѣсяца | 2 р. 25 к. | „ 3 мѣсяца | 1 р. 75 к. |
| „ 1 мѣсяцъ | — 75 к. | „ 1 мѣсяцъ | — 60 к. |

Для иногородныхъ подписчиковъ:

| | |
|----------------------|------------|
| На годъ | 9 р. |
| „ полгода | 5 р. |
| „ 3 мѣсяца | 2 р. 75 к. |
| „ 1 мѣсяцъ | 1 р. |

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 июля 3 р., для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 июня 1 р.

Вся новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1898 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1898 года.

Подписка принимается: въ Казани въ главной конторѣ Волж. Вѣстника на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассаждъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ), К. П. Алексѣева (Гостинный дворъ), „Общедоступное Знаніе“ (Рыбнорядская ул., д. Алексѣева) и „Восточная Лира“ (Воскресенская ул.), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руна), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова, въ Сарапулѣ—въ типографіи Колчина.

Редакторъ Н. Рейнгардтъ.
Издательница Л. Рейнгардтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ. Ежедневная, большая, литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Двадцать пять лѣтъ непрерывной работы на сложномъ, отвѣтственномъ и очень трудномъ въ провинціи поприщѣ изданія ежедневной большой газеты служатъ намъ лучшей рекомендаціей и свидѣтельствомъ объ установившейся тѣсной связи между нами и нашими многочисленными читателями.

Постоянный, небывалый въ провинціи, ростъ нашего изданія, въ смыслѣ широкаго распространенія его, является лучшимъ доказательствомъ всесторонней отзывчивости „Одесскаго Листка“, какъ на всѣ вопросы общественныя и политическія, такъ и на текущія событія дня.

Въ теченіи четверти вѣка мы строго держались правила—не прибѣгать къ громкимъ и часто невыполнимымъ обѣщаніямъ, предпочитая давать больше на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ.

Преслѣдуя эту цѣль, мы, не обѣщая, пополнили въ истекающемъ году богатый литературными силами составъ нашихъ сотрудниковъ такими писателями, какъ занимающіе очень видное мѣсто въ отечественной литературѣ: П. Д. Борыкинъ, И. Ф. Васильевскій (Вуква), Д. Л. Мордовцевъ, Ольга Шапиръ и профес. В. И. Модестовъ.

Въ 1898 г. въ „Одесскомъ Листкѣ“ будутъ окончены печатаніемъ очерки В. М. Дорошевича „Сахалинъ“ (съ иллюстраціями). Очерки эти обратили на себя вниманіе не только русской, но и иностранной печати, были перепечатываемы во многихъ русскихъ газетахъ и переводились польскими, еврейскими, нѣмецкими, французскими, англійскими и американскими газетами. Огромный интересъ, возбужденный путешествіемъ г. Дорошевича, заставилъ насъ придти съ нимъ въ соглашеніе о новой его поѣздкѣ въ ПАЛЕСТИНУ.

Святая Земля всегда привлекала къ себѣ вниманіе всего міра. Описание ея, особенно въ такіе знаменательные дни, какъ дни Св. Пасхи, конечно, представитъ огромный интересъ. Описание это будетъ иллюстрировано рисунками, изображающими все, что представляется въ Св. мѣстахъ наиболѣе интереснымъ.

Желая предоставить читателямъ самую широкую возможность слѣдить за общественной жизнью и интересами всего Южнаго края, мы, помимо постоянныхъ нашихъ корреспондентовъ, которые находятся въ городахъ, селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ этого края, — время отъ времени командируемъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ въ разные пункты Юга для того, чтобы, на основаніи собранныхъ на мѣстѣ фактовъ, въ живой формѣ знакомить читателей съ наиболѣе живыми злобами дня въ томъ или другомъ уголкѣ Юга Россіи.

А для болѣе обстоятельнаго ознакомленія читателей съ политическою и общественною жизнью Европы, мы имѣемъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Генуѣ, Нанси и др. центрахъ.

Отдѣлы телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ расширенъ нами до того, что читатели, не ожидая полученія петербургскихъ и иностранныхъ газетъ, могутъ слѣдить за всѣми политическими новостями, дѣятельностью законодательной, административной, судебной, общественной жизнью, криминальной хроникой, за событіями въ области искусства и т. д. и т. д.

Портреты общественныхъ дѣятелей, рисунки, фотографическія снимки и иллюстраціи текущихъ событій мы воспроизводимъ на столбцахъ газеты, строго придерживаясь оригинала.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ ежедневно печатается подробный указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію не только

въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, но и въ сенатѣ, при чемъ эти послѣднія свидѣнія получаютъ изъ Петербурга по телеграфу.

Въ „Одесскомъ Листкѣ“ читатели ежедневно встрѣчаютъ и коммерческія свидѣнія, какъ-то: цѣны на хлѣбъ, колоніальныя товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монеты на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, а также и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ въ городѣ съ доставкою на годъ: 10 руб. за годъ, 6 руб. на полгода, 3 руб. 50 к. на три мѣсяца, 1 р. 20 к. на мѣсяць. На города съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 коп. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. къ мѣсяць.

Контора Редакціи „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“ въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкаго, рядомъ съ городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель **В. В. Навроцкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“
 въ 1898 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій.

| | на годъ. | 6 мѣс. | 3 мѣс. | 1 мѣс. |
|-----------------------------|------------|-----------|------------|------------|
| Съ доставк. по гор. почтѣ . | 16 р. — к. | 9 р. — к. | 4 р. 50 к. | 1 р. 80 к. |
| Съ пересылкою иногородн. . | 17 " — " | 10 " — " | 5 " 50 " | 2 " — " |
| За границу | 26 " — " | 14 " — " | 8 " — " | 3 " — " |

Съ казенными прибавленіями.

| | на годъ. | 6 мѣс. |
|-----------------------------------|------------|------------|
| Съ доставкою по городской почтѣ . | 18 р. — к. | 10 р. — к. |
| Съ пересылкою иногороднимъ . . . | 19 " — " | 11 " — " |
| За границу | 28 " — " | 16 " — " |

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровка линия, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная; 26.

Редакторъ издатель князь Э. Э. Ухтомскій.

ГОДЪ ВТОРОЙ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ВОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„Міровые Отголоски“
1898 года,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую, экономическую и коммерческую.

Без предварительной цензуры.

(Всѣхъ номеровъ выходитъ **360** въ годъ).

„Міровые Отголоски“, по прежнему, будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими Петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того-же дня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

| | На годъ. | 11 мѣс. | 10 мѣс. | 9 мѣс. | 8 мѣс. | 7 мѣс. |
|--------------------------------------|----------|---------|---------|--------|--------|--------|
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. |
| Безъ доставки | 14 — | 13 — | 12 — | 10 50 | 9 80 | 9 — |
| Съ доставкою по гор. почтѣ | 16 — | 15 — | 13 50 | 12 — | 11 — | 10 — |
| Съ пересылкою иногороднимъ | 17 — | 15 50 | 14 50 | 13 50 | 12 50 | 11 30 |
| За границу | 26 — | 24 50 | 23 — | 21 — | 18 50 | 16 — |

| | На 6 мѣс. | 5 мѣс. | 4 мѣс. | 3 мѣс. | 2 мѣс. | 1 мѣс. |
|--------------------------------------|-----------|--------|--------|--------|--------|--------|
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. |
| Безъ доставки | 8 — | 6 80 | 5 50 | 4 — | 2 80 | 1 50 |
| Съ доставкою на гор. почтѣ | 9 — | 7 50 | 5 80 | 4 50 | 3 30 | 1 80 |
| Съ пересылкою иногороднимъ | 10 — | 8 50 | 7 — | 5 50 | 4 — | 2 — |
| За границу | 14 — | 12 — | 10 — | 8 — | 6 — | 3 — |

Допускается *разорочна платема* подписныхъ денегъ: для служащихъ — по соглашенію съ конторою чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа—для иногороднихъ подписчиковъ.

Гг. иногородніе, желающіе подписаться на *условіяхъ разорочна платема* подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ **С.-Петербургѣ**, въ Главной Конторѣ редакціи „Міровыхъ Отголосковъ“, Фонтанка (уголь Луштукова переулка), домъ № 80, а также въ отдѣленіяхъ Главной Конторы при книжныхъ магазинахъ: **Фену** и **К^о**, Невскій просп., 40 и Н. П. Карбасникова, Литейная улица, 46; въ **Москвѣ** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха; и въ **Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель **Е. В. Трубищевъ.**

Подписка на 1898 годъ открыта

для ежедневной литературной и политической газеты

„ВИЛЕНСКІЙ ВЪСТНИКЪ“

«Виленскій Вѣстникъ» по прежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на вопросы мѣстной жизни, ея злобѣ дня въ области бытовой и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудинокъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редакція съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго Отечества.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Общественная жизнь г. Минска быстро растетъ и увеличивается интересъ къ ней публики. Въ виду этого 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, помѣщаются корреспонденціи изъ г. Минска, касающіяся разныхъ сторонъ его жизни.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по десяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подишутся до 1-го декабря, газета будетъ высылаться бесплатно за декабрь.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

| Съ доставкою въ Вильнѣ: | | Съ пересылкой въ другіе города: | |
|-------------------------|-----------|---------------------------------|-----------|
| На годъ | 6 р. — к. | На годъ | 8 р. — к. |
| > 6 мѣсяцевъ | 3 > — > | > 6 мѣсяцевъ | 4 > — > |
| > 3 > | 1 > 80 > | > 3 > | 2 > 50 > |
| > 2 > | 1 > 20 > | > 2 > | 1 > 80 > |
| > 1 > | — > 70 > | > 1 > | 1 > — > |

Допускается разсрочка:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 2 р.; городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб.

Народнымъ учителямъ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 руб., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ Минскѣ у. М. К. Шоффера, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумвина и Френкеля, въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель П. Бывальневичъ.

ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

НА

„ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неофициальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго

хозяйства, прикладныхъ знаній и проч.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи, изъ Петербурга (отъ собственнаго корреспондента) и другихъ мѣстъ; обзорѣіе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ: банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ въ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и рассказы, переводные и оригинальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣють цѣлю служить, главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.

Въ 1898 году «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» будутъ выходить по прежней программѣ и при нихъ также, какъ и въ 1897 г., еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «ОТДѢЛЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО УВЪЗДНАГО ЗЕМСТВА», въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго увѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ пересылкой и доставкой:

| | | |
|---------------------------------|--|--------------------------------|
| на годъ 8 р. | | на три мѣсяца . . . 2 р. 60 к. |
| на полгода 4 р. 40 к. | | на одинъ мѣсяць . . 1 р. |

преподаватели учебныхъ заведеній платять 6 руб. въ годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: а) въ конторѣ редакціи — при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января.

II-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1898 г.

II-й годъ
изданія.

на большую ежедневную политическую, литературную и
экономическую газету

„БЕССАРАВЕЦЪ“,

издаваемую въ г. Кишиневъ.

„Бессарабецъ“ издается по обширной программѣ крупныхъ столичныхъ органовъ печати. Благодаря формату, не уступающему размѣрамъ самыхъ большихъ русскихъ газетъ, „Бессарабецъ“ имѣетъ возможность отражать полно и своевременно выдающіяся событія какъ русской жизни, такъ и мировой, разрабатывая параллельно и краевыя злобы дня во всѣхъ ихъ проявленіяхъ.

Задача „Бессарабца“—проведеніе въ жизнь тѣхъ культурныхъ, общественныхъ и нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется мирное развитіе, благосостояніе и единеніе всей русской семьи, сплотившейся подъ знаменемъ великой Россіи.

Въ газетѣ „Бессарабецъ“ постоянно принимаютъ участіе, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, и крупныя силы столичныхъ органовъ печати.

О всѣхъ выдающихся событіяхъ „Бессарабецъ“ печатаетъ телеграфическія свѣдѣнія отъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Агентства, а также получаетъ и коммерческія телеграммы.

„Бессарабецъ“ даетъ еженедѣльные литературныя приложенія въ форматѣ листа, отпечатаннаго постранично, что позволяетъ переплетать его. Къ концу года литературное приложеніе „Бессарабца“ составляетъ 52 печатныхъ листа или два тома формата толстыхъ журналовъ съ разнообразными беллетристическими произведеніями. Въ 1897 году въ „Бессарабцѣ“ были напечатаны, между прочимъ, „Парижъ“, романъ Э. Золя, „Автоматъ“, ром. Е. А. Бутти, „Трубачъ“, ром. П. А. Крушевана, и свыше семидесяти повѣстей и рассказовъ.

Подписная цѣна: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 3 р, руб., съ пересылкой или доставкой.

Подписчики „Бессарабца“, выписывающіе сочиненія П. А. Крушевана—„Что такое Россія“ (ц. 2 р.), „Призраки“ (2 р.) и „Дѣло Артабанова“ (п. 1 р. 25 м.)—за пересылку не платятъ.

Редакторъ-Издатель П. А. Крушеванъ.

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„Орловскій Вѣстникъ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ др. города
на годъ—7 руб.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р.—50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р. 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., $\frac{1}{2}$ мѣс.—50 к.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, при желаніи выписывать газету въ разсрочку, **ОБЯЗАТЕЛЬНО** при первомъ же взносѣ дѣлать надпись въ письмѣ — **ВЪ РАЗСРОЧКУ**, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ **РАЗСРОЧКОЙ**, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяць 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный ваносу срокъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. За перемену адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Колѣйки могутъ быть выслаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбець, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ; 6 р.— за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курентовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

САМАЯ ДЕШЕВАЯ НА ЮГЪ РОССИИ

„ОДЕССКАЯ ГАЗЕТА“

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТЪ.

Десятилѣтній опытъ утвердилъ насъ въ пріятномъ сознаніи, что успѣхъ печатнаго органа зависитъ не отъ трескучихъ рекламъ и заманчивыхъ посулъ, а исключительно отъ его внутреннихъ достоинствъ.

Успѣхъ быстрый, рѣшительный, превзошедшій всѣ наши ожиданія, благословилъ нашу попытку посильнаго служенія обществу.

Свыше десяти тысячъ читателей—аудиторія, достойная любого органа печати. Она вселяетъ отрадное сознаніе полезности работы и приноситъ нравственное удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страстное желаніе дальнѣйшаго усовершенствованія.

Съ другой стороны, прочность изданія обеспечивается только нормальнымъ его развитіемъ.

Неестественные скачки въ расширеніи печатнаго органа, желаніе блеснуть обѣщаніями чаще всего ведетъ къ разочарованіямъ.

Въ настоящее время, наканунѣ вступленія во второй годъ изданія, естественно назрѣла потребность расширить рамки нашего органа, какъ для обогащенія вообще содержанія газеты, такъ и въ особенности для расширенія руководящаго и провинціального отдѣловъ.

Въ увеличенномъ форматѣ „Одесская Газета“ выйдеть въ
самомъ непродолжительномъ времени.

ДЕНЬ БУДЕТЬ ОБЪЯВЛЕНЪ ОСОБО.

При этомъ какъ подписная, такъ и розничная цѣна газеты

НЕ ИЗМѢНЯЕТСЯ.

Подписная цѣна:

| | |
|---------------------------------|---------------------------------|
| Съ доставкою въ Одессѣ | Съ доставкою въ другіе города: |
| • На годъ 5 р. | На годъ 6 р. |
| „ 1/2 года 3 р. | „ 1/2 года 3 р. 50 к. |
| „ 3 мѣсяца 1 р. 75 к. | „ 3 мѣсяца 1 р. 80 к. |
| „ 1 мѣсяць — 60 к. | „ 1 мѣсяць — 65 к. |

Цѣна отдѣльнаго экземпляра 3 коп.

Адресъ: Одесса, Главная контора „Одесской Газеты“, Почтовая, 39.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

(Подписной годъ съ 1-го октября 1897 г. по 1-е октября 1898 г.)
на научно-литературный и политическій журналъ

„НОВОЕ СЛОВО“

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Редакція «Новаго Слова», кромѣ общихъ задачъ научно-литературнаго журнала, ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе явленій общественной жизни Россіи и сопоставленіе ихъ съ условіями и фактами жизни иностранной. Въ виду этого, помимо постоянныхъ отдѣловъ («Текущіе вопросы внутренней жизни», «Факты и цифры изъ русской дѣйствительности», «Изъ жизни провинціи» и «Иностранное обозрѣніе») въ журналъ помѣщаются еще «Письма изъ провинціи» и «Письма изъ-за границы».

Будучи свободной отъ мѣстныхъ вліяній и воздѣйствій и придавая серьезное значеніе освѣщенію различныхъ явленій провинціальной жизни, редакція «Новаго Слова» проситъ лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ журнала, оказывать ей содѣйствіе въ развитіи провинціальнаго отдѣла какъ доставкою фактическаго матеріала, такъ и присылкою корреспонденцій.

Редакція стремится давать въ библиографическомъ отдѣлѣ своевременные отзывы о всѣхъ выдающихся произведеніяхъ нашей литературы, и поэтому обращается съ просьбой къ издателямъ о присылкѣ вновь выходящихъ изданій.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

К. С. Баранцевичъ, проф. И. И. Боргманъ, С. Н. Булгаковъ, В. И. Выстренинъ, Ю. Н. Вагнеръ, В. Вересаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. В. Водовозовъ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), М. О. Гершензонъ, М. Горькій (А. М. Пѣшковъ), И. А. Гурвичъ, К. Ельцова, А. М. Калмыкова, Л. Ф. Крживицкій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Милуковъ, В. Г. Михайловскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. А. Никоновъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, А. В. Погожевъ, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, Д. Д. Протопоповъ, В. Я. Свѣтловъ, М. Н. Семеновъ, П. Б. Струве, В. Л. Сѣрошевскій, М. И. Туганъ-Барановскій, В. А. Фаусекъ, Максъ Ферворнъ (проф. Іенскаго унив.), Ив. Франко, проф. Н. А. Холодковскій, Е. Н. Чириковъ, Т. Цигенъ (Th. Ziehen, проф. Іенскаго унив.), А. С. Шабельская. О. А. Шапиръ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, А. И. Эртель, В. Я. Яковлевъ и др.

Подписной годъ съ 1-го октября.

| | |
|--|------------|
| Подписная цѣна съ пересылкой на годъ | 10 р. — к. |
| » » » » » полгода | 5 » — » |
| » » » » » три мѣсяца | 2 » 50 » |
| » » безъ пересылки » годъ | 9 » — » |
| » » съ перес. за границу на годъ | 12 » — » |

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15 кв. 1.

Редакторъ А. Н. Поповъ.

Издатель М. Н. Семеновъ.

Объ изданіи въ 1898 году журнала

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

(Годъ изданія тридцать девятый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1898 году по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній бл. Іеронима и бл. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ св. Синода отъ 2—29 февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и на „Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р.

За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги.

«Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ» а) св. Кипріяна Каре. части 1 и 2, б) бл. Іеронима части 1—13 и в) бл. Августина части 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к.

«Опытъ правосл. догматическаго Богословія» еп. Сильвестра. Т. I (изд. 3-е) Ц. 1 р. 70 к. т. II (изд. 3-е) Ц. 8 р. 30 к. т. III, IV (изд. 2-е) и V (изд. 2-е) по 8 р. за каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣд. адресу: Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ.

Редакторъ профессоръ В. Ө. Пѣвницкій.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ**

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

на 1898 годъ.

Неофициальная часть „Губернскихъ Вѣдомостей“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Учено-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленія къ №№ „Вѣдомостей“ даются телеграммы, получаемыя отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Годовая цѣна на ежедневн. неофициальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ официальной частью и приложеніями, шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за официальную часть 3 р.,—за неофициальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получить одну только неофициальную часть, уплачиваютъ съ достав. и пересыл.: за годъ—четыре рубля; за полгода—два рубля пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—одинъ рубль пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

Открыта подписка на 1898 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловский.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — уг. Спасской и Басковой ул. д. 1—9.

въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка, для городскихъ и многогородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики „Русскаго Богатства“ пользуется уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Редакторы: П. Б. Биковъ, С. М. Позовъ.

Самая дешевая большая ежедневная газета на югъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, научную, литературную, торгово-промышленную и финансовую газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

подъ редакціей К. Н. Новосельскаго.

Газета въ настоящее время болѣе не роскошь, а потребность. Нѣтъ того грамотнаго человѣка, который не нуждался-бы въ услугахъ печати, свѣдѣніяхъ и совѣтахъ. Интересуетъ-ли его политическая, общественная или литературная жизнь дома и за границею, нужна ли ему какая нибудь справка, онъ обращается къ газетѣ, которая тотчасъ даетъ отвѣтъ на всякій, обращенный къ ней, вопросъ. Газета—другъ семьи, имѣющій и поставщикъ новостей, отъ самыхъ важныхъ, имѣющихъ мировое значеніе, до самыхъ незначительныхъ, которыя минутою спустя всё забудутъ. Это—живая энциклопедія, которая въ занимательной формѣ знакомитъ общество со всѣмъ, что въ данную минуту волнуетъ его.

Совнавая это, новая редакція «Южнаго Обозрѣнія» поставила себѣ задачей создать на Югѣ Россіи газету интересную по содержанию, отзывчивую на всевозможныя злобы дня и вмѣстѣ съ тѣмъ доступную возможно большому кругу читателей по цѣнѣ, газету, въ которой каждый находилъ бы не только факты и данныя, касающіяся самыхъ разнородныхъ предметовъ, но и руководящія начала, помогающія ему разобраться въ вопросахъ, выдвигаемыхъ временемъ. На первомъ планѣ при этомъ стоятъ краевые вопросы, затѣмъ общерусскіе, а за ними—общеевропейскіе.

Понятно, что такой органъ можетъ существовать только при поддержкѣ самого общества.

Пріемъ, оказанный «Южн. Обозрѣнію» подѣ новой редакціей, даетъ намъ право рассчитывать на такую поддержку. Вѣрнее правду избѣгать всего, что носитъ анти-литературный характеръ, мы воздерживаемся отъ всякаго рода общаній, на которыя обыкновенно не скупятся въ объявленіяхъ о подпискахъ, и общаемъ лишь одно: приложить всѣ силы для того, чтобы приблизить «Южное Обозрѣніе» къ идеалу литературнаго органа, уважающаго себя и своихъ читателей. Просимъ только лицъ, интересующихся судьбою провинціальной печати, не отказать намъ въ своемъ драгоценномъ содѣйствіи. Всякое слово, всякое сообщеніе, касающіяся нашего богатаго края, будутъ приняты редакціей съ искренней признательностью.

Газета «Южное Обозрѣніе» выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Программа «Южнаго Обозрѣнія» одна изъ самыхъ обширныхъ среди провинціальныхъ изданій. Такъ, ни одна одесская газета, кромѣ «Южнаго Обозрѣнія», не имѣетъ права выпускать ежедневныя прибавленія съ телеграфическими извѣстіями.

Желая сдѣлать газету по возможности злоной, отзывчивой и разнообразной, редакція «Южнаго Обозрѣнія» обратила

вниманіе на отдѣлъ иллюстрацій и рисунковъ, въ которомъ воспроизводятся главнѣйшія событія политической, общественной и художественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границею.

Иллюстраціи печатаются на глазированной бумагѣ еженедѣльно по воскресеньямъ, а въ случаѣ надобности и чаще.

Такимъ образомъ, «Южное Обозрѣніе» является самой дешевой большой ежедневной газетою на Югѣ Россіи.

Въ газетѣ принимаетъ участіе М. Ф. Фрейденбергъ (Оса).

Въ «Южномъ Обозрѣніи» принимаютъ постоянное участіе: А. Н. Алексѣевъ, Н. А. Александровъ, проф. Г. Е. Афанасьевъ, И. А. Бунинъ, Н. П. Бурдесъ, И. Г. Гальперштейнъ, П. Т. Герцовиноградскій, П. И. Добротворскій, Л. С. Закъ, А. С. Изгоевъ, Имаревъ, Е. П. Карповъ, Ив. Лабинскій, Н. Лухманова, М. К. Левитонъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), П. Н. Невѣжинъ, К. Н. Новосельскій, М. И. Писаревъ, К. Рогнѣдичъ, С. И. Смирнова, Ф. К. Соллогубъ, А. П. Субботинъ, С. Суkenниковъ, С. С. Трубачавъ (редакторъ «Вѣстника Иностранной Литературы»), А. М. Федоровъ, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), проф. Н. Е. Чижовъ, В. А. Шуфъ, Эмзе и друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ: Н. Д. Кузнецовъ, Л. О. Пастернакъ, С. Я. Кишиневскій и г. Герардовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкою въ Одессѣ: на 1 годъ—6 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 10 к., на одинъ мѣсяць 80 к. Съ пересылкою въ другіе города: на одинъ годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяць 1 р. Главная контора помещается на Гаванной улицѣ, домъ Михайловой, въ Одессѣ.

Редакторъ-Издатель *К. Н. Новосельскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
на ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

МІРЪ БОЖІЙ. VII-й г. изд. VII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 27 печ. листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. «Два счастья», романъ И. Потапенко; «Равнодушные», романъ К. Станюковича; рассказы Ив. Бунина, В. Немировича-Данченко, Ю. Безродной; «Христіанинъ», Холлъ Кена, романъ, перев. съ англ.; «Оводъ», Войничъ, романъ, перев. съ англ.; «Пасынокъ вѣка», ром., перев. съ финск. «Новый Тангейзеръ», ром., перев. съ шведск.

Научныя сочиненія и статьи: «Страна чудесъ на рѣкѣ Еловстонъ» проф. А. Павлова; «Физиологія растений и рациональное

земледѣліе», проф. Тимирязева; «Юліусъ Саксъ» (критико-біографическій очеркъ), проф. Фаусека; «Очерки общественной гигиены и государственнаго врачеванія», проф. Н. А. Вельяминова; «Рудольфъ Вирховъ», монографія д-ра Ю. Г. Малмса; «Популярные обзоры успѣховъ біологіи и медицины», академика И. Р. Тарханова; «Очерки по исторіи роскоши», «Исторія классической системы въ Германіи», Н. Сперанскаго; «Исторія русской критики», ч. III, отъ Бѣлинскаго до Писарева включительно, Ив. Иванова; «Изъ дневника Н. В. Шелгунова», извлеченія изъ переписки и дневника; «Адамъ Мицкевичъ» (въ столѣтней годовщину рожденія), «Капитализація земледѣльческой промышленности» Людвигъ Кривицкаго; «Современное естествознаніе и психологія», академика А. С. Фаминцына; «Методы изслѣдованія въ современной психологіи», проф. Г. И. Челпанова; «Синноза и его міросозерданіе», популярный очеркъ канд. философ. Б. Вельбеля; «Забитый утопистъ», С. Анскаго; «Въ домѣ народа»; «Культура и народное хозяйство Финляндіи», В. Фирсова; «Общественныя увеселенія въ Америкѣ», П. Тверскаго, «Положеніе труда въ Лондонѣ», Л. Давыдовой; «Нищенствующія деревни въ Россіи», С. Сперанскаго; «Сравнительная литература», Маколей-Поснета, перев. съ англ. Н. Давыдовой; «Основы этики», Мэкиензи, перев. съ англ. подъ ред. профессора Г. И. Челпанова; «Чудеса воздуха» (очерки по метеорологіи), перев. съ франц. В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы: 1. Научное Обзорѣніе. Дополненіемъ къ этому отдѣлу должны служить «Текуція Научныя Новости». Въ отдѣлѣ «Научное Обзорѣніе» общали принять участіе господа: В. К. Агафоновъ и лекторъ берлинской «Уранія» Н. Bürgel; профессора: Павловъ, Тархановъ, Тимирязевъ, Хвольсонъ, Холодковский, Челпановъ и Фаусекъ. 2. Критическія замѣтки. Очерки болѣе или менѣе выдающихся произведеній русской и переводной литературы. 3. Изъ западной культуры. Критическій разборъ выдающихся иностранныхъ произведеній. 4. «На Родинѣ». Свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ русской жизни. 5. «Заграницей». «Изъ иностранныхъ журналовъ». 6. Библіографія. Рецензія о русскихъ и иностранныхъ книгахъ. «Новости иностранной литературы».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ—8 р. Безъ доставки на годъ—7 р. За границу на годъ—10 р. Въслѣдствіе разсрочки допускается подписка: По полугодіямъ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода—4 р. За границу—5 р. Безъ доставки по соглашенію съ конторой. По третямъ года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ—3 р., въ маѣ—3 р., въ сентябрѣ—2 р. За границу: въ январѣ—4 р., въ маѣ—3 р., въ сентябрѣ—3 р.

Адрессъ: Спб., Лиговка, 25.

Подписавшіеся НА ПОЛГОДА ИЛИ НА ТРЕТЬ ГОДА продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлаются.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Открыта подписка на 1898 г.

(семнадцатый годъ изданія)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фотографіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андріевского, Н. О. Беляшевскаго, проф. Д. И. Вагалѣя, Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименка, П. И. Житецкаго, проф. В. С. Ивонникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, О. А. Кудринскаго, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, О. Д. НиКолайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степановича, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Подписчикамъ 1896 и 1897 гг. будутъ разсылаемы, по мѣрѣ выхода изъ печати, листы 1 и 2-го тома «Малороссійскаго Словаря».

Цѣна за годовое изданіе: съ пересылкой и доставкой 10 р.; безъ доставки и пересылки 8 р. 50 к.; за границу 12 р.

Разрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старинки» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется *Книжный Складъ*, преимущественно содержащій въ себѣ книги, *касающіяся Юга Россіи*. Подробный каталогъ будетъ приложенъ въ № 1 будущаго 1898 года.

Издатель *К. М. Гамалѣй*.

Редакторъ *В. П. Науменко*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

И НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

Издание ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного акціонернаго
общества

„ГУТТЕНБЕРГЪ“

Въ газетѣ и журналѣ принимали и принимаюгь участіе:

Анненковъ-Вернаръ, Н. П.—Автокольскій, М. М.—Бзрацевичъ, К. С.—
Вильбасовъ, В. А.—Вилибинъ, В. В.—Вильдерлинъ, А. А.—Боржковичъ, В. В.—
Воборкинъ, П. Д.—Быстренинъ, В. М.—Вѣловъ, В. Д.—Василевскій И. Ф.
(Вуква).—Ватсонъ, М. К.—Вейнбергъ, П. И.—Венгеровъ, С. А.—Венгерова,
З. А.—Верещагинъ, В. В.—Веселовская.—Веселовскій, Ю. А.—Глинскій,
В. В.—Головачевъ, А. А.—Гольдштейнъ, М. Ю. (Cardanus).—Градовскій,
Г. К.—Де-Роберты, Е. В.—Далматовъ, В. П.—Исаевъ, А. А. Капнистъ, Ида,
гр.—Кауфманъ, Ил. И.—Карабчевскій, Н. П.—Кулишеръ, М. И.—Красновъ,
Шл. Ю. Кудряшовъ, М. И.—Кля, Ц. А.—Ламанскій, Е. И.—Ламанскій, С. И.
—Лихачевъ, А. В.—Ломброво-Чезаре.—Максимовъ, С. В.—Мантегацца Паоло.—
Михневичъ, В. О.—Мордовцевъ, Д. Л.—Недзвѣдскій, В. И.—Немировичъ-Дав-
ченко, В. И.—Никитинъ, В. Н.—Никольскій, Д. П.—Оболенскій, Д. Е.—
Оршанскій, И. Г.—Острогорскій, В. П.—Петровъ, М. П.—Песковский, М. Л.—
Петрушевскій, О. О.—Пименова, Э. К.—Писаревъ, М. И.—Плющикъ-Плющев-
скій, Я. А.—Покровская, М. И.—Полонскій, Л. А.—Радловъ, Э. Л.—Радникъ,
А. А.—Сафоновъ, С. А. (Печоринъ).—Селивановъ, Н. А.—Случевскій, В. К.—
Соловьевъ, Вл. С.—Соловьевъ, Е. А. Скриба.—Сологубъ, Ф.—Спасовичъ, В. Д.
—Стасовъ, В. В.—Стули, Ф. С.—Трачевскій, А. С.—Умановъ-Каллуновскій,
В. В.—Ферреро Гульельмо.—Фирсовъ, Н. Н. (Руслякъ).—Фламарионъ Кам-
инелль.—Хвольсонъ, О. Д.—Чуйко, В. В.—Чюмина, О. Н.—Энгельгардъ, М. А.

ПОДПИСКА НА „НОВОСТИ“ ВЪ 1898 ГОДУ.

на 1-е (большое) изданіе:

| | На годъ. | 11 м. | 10 м. | 9 м. | 8 м. | 7 м. | 6 м. |
|---|----------|-------|-------|-------|---------|-------|-------|
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. |
| Безъ доставки | 14 | 50 | 13 | — | 12 | — | 10 |
| Съ доставкой по городской почтѣ | 16 | — | 15 | — | 13 | 50 | 12 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | 17 | — | 15 | 50 | 14 | 50 | 13 |
| За границу | 26 | 20 | 24 | 50 | 23 | — | 21 |
| | | | | | 18 | 50 | 16 |
| | | | | | — | 14 | — |
| | | | | | На 5 м. | 4 м. | 3 м. |
| | | | | | 2 м. | 1 м. | |
| Безъ доставки | | | | | 6 | 80 | 5 |
| Съ доставкой по городской почтѣ | | | | | 5 | 80 | 4 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | | | | | 4 | 50 | 3 |
| За границу | | | | | 2 | 80 | 1 |
| | | | | | 8 | 50 | 7 |
| | | | | | — | 5 | 50 |
| | | | | | 4 | — | 3 |
| | | | | | — | 12 | — |
| | | | | | 10 | — | 8 |
| | | | | | — | 6 | — |
| | | | | | — | 3 | 50 |

на 2-е (малое) издание:

| | | | | | | | |
|---------------------------------|----------|--------|-------|--------|-------|--------|-------|
| | На годъ. | 11 м. | 10 м. | 9 м. | 8 м. | 7 м. | 6 м. |
| | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. | Р. К. |
| Съ доставкой по городской почтѣ | 9 | — 8 50 | 8 | — 7 50 | 7 | — 6 50 | 6 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | 10 | — 9 50 | 9 | — 8 50 | 8 | — 7 | 6 |
| За границу | 18 | — | — | — | — | — | 10 |

| | | | | | |
|---------------------------------|---------|------|------|------|------|
| | На 5 м. | 4 м. | 3 м. | 2 м. | 1 м. |
| Съ доставкой по городской почтѣ | 5 | — 4 | — 3 | — 2 | — 1 |
| Съ пересылкой иногороднимъ | 5 | — 4 | — 3 | — 2 | — 1 |
| За границу | — | — | — 6 | — | — 2 |

**Подписывающіеся на «НОВОСТИ»
виѣстѣ съ „ПЕТЕРБУРГСКОЮ ЖИЗНЬЮ“**

доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на «Новости» только одинъ рубль.

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается для служащихъ — по третямъ черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ — по соглашенію съ конторою.

Деньги и письма адресуются: Петербургъ, въ контору газеты «Новости» (Б. Морская, № 17). Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, «НОВОСТИ».

Подписка на „Новости“ и „Петербургскую Жизнь“ представляетъ ту выгоду, что подписчикъ за прибавку ОДНОГО рубля къ подписной цѣнѣ газеты приобретаетъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ, заключающій въ себѣ обширный беллетристическій, научный и др. матеріалъ и массу художественныхъ воспроизведеній событій дня. Прибавка ОДНОГО рубля не покрываетъ даже расходовъ на пересылку журнала, стоющую болѣе рубля, и, такимъ образомъ, подписчикъ получаетъ журналъ даромъ при нѣкоторой приплатѣ со стороны редакціи къ стоимости пересылки.

УСЛОВІЯ ОТДѢЛЬНОЙ ПОДПИСКИ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

1898 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА: безъ доставки и пересылки: на 1 годъ — 5 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 3 мѣс. — 1 руб. 75 к. Съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 6 р., на 6 мѣс. — 3 р., на 2 мѣс. — 1 р.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

При конторѣ газеты „НОВОСТИ“ существуетъ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

услугами котораго подписчики «НОВОСТЕЙ» пользуются на льготныхъ условіяхъ.

Отвѣтственный редакторъ-издатель О. Е. НОТОВИЧЪ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

~~CANCELLED~~
BOOK DUE - ~~WIDENER~~
503.654
JAN 31 59 1984

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 1984
636.8028/1984

